957

Столбец 15
№ 7443

№ 2920

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVII-й. АПРѢЛЬ. 1896 годъ.

4-6

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Автобіографическая записка государственнаго секретаря Василія Романовича Марченки. 1782—1838. Гл. II. Сообщ. проф. В. А. Бильбасовъ . . 3—20

II. Пребываніе Петра Великаго въ Австрійскихъ Нидерландахъ въ 1717 г. . 21—29

III. Письма А. С. Шишкова графу Д. И. Хвостову . . 33—38

IV. Клочки воспоминаній. А. Стаховича . . . . . 39—56

. На рубежѣ двухъ эпохъ. (Изъ личныхъ воспоминаній). Гл. IX—XII. (Окончаніе) М. Л. Песковскаго. 57—78

VI. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. IV. Барона Н. В. Дризена . . . . . 79—96

VII. Архимандритъ Петръ Каменскій, начальникъ десятой Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ. Гл. XII—XIII. Аполлона Можаровскаго . . . . . 97—108

VIII. Изъ воспоминаній о послѣднемъ офицерѣ арміи Наполеона I (къ портрету Н. А. Савена). К. Военскаго . . . . . 109—114

IX. Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка. Гл. XII—XIII . . . 115—153

X. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. IX—X . . . . . 155—181

XI. Козловскій однодворецъ П. М. Захарьинъ. Сообщ. Анд. Никольскій. 183—190

XII. Изъ бумагъ В. Г. Теплякова. Сообщ. А. Ѳ. Шидловскій . . . . . 191—212

XIII. Тридцать пятая годовщина дня освобожденія крестьянъ . . . . . 213—216

XIV. Записная книжка «Русской Старины»: Потребности Россіи, высказанныя неизвѣстнымъ поэтомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія (стр. 30). — Вострянъ (31). — Письмо бурмистра своимъ помѣщикамъ. Сообщ. кн. А. Л. Голицынъ (154). — Стихотвореніе кн. Долгорукаго «ура!», написанное по поводу Восточной войны 1853—1856 гг. кн. Дм. Долгорукаго (182) . . . .

XV. Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи . . . . . 217—224

XVI. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Н. А. Савена. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1896.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1896 г.

Библіографическій листокъ.

Михаилъ Ивановичъ Семевскій, основатель историческаго журнала „Русская Старина“, его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г.г. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ М. И. Семевскаго и факсимиле его письма. Біографическій очеркъ, составленный В. В. Тимощукъ, съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. К. Шильдера. Спб. 1895 г.

Вышедшій въ концѣ прошлаго года интересно составленный біографическій очеркъ покойнаго основателя и издателя «Русской Старины», М. И. Семевскаго—даетъ намъ полную картину его жизни и дѣятельности.

«Многіе и очень многіе знали и помнятъ покойнаго Семевскаго, какъ издателя, редактора, литератора, чиновника, гласнаго, офицера [1]), преподавателя, но едва-ли кто зналъ его, какъ человѣка», — говоритъ Н. К. Шильдеръ въ предисловіи къ разсматриваемой нами книгѣ. — «Онъ могъ быть очень откровененъ, но всегда чувствовалось, что въ немъ есть что-то такое, чего онъ не откроетъ лучшему другу, такіе тайники сокровенныхъ мыслей и чувствъ, которыхъ онъ ни передъ кѣмъ не обнаружитъ. Въ этомъ отношеніи его біографія, благодаря приведеннымъ въ ней многочисленнымъ выдержкамъ изъ его переписки и автобіографическихъ замѣтокъ, даетъ возможность хоть немного заглянуть въ его душу и объяснить эту замкнутость».

Мы опускаемъ заключающіяся въ книгѣ біографическія свѣдѣнія, — такъ какъ редакція имѣетъ въ виду, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ, сдѣлать болѣе обширное извлеченіе, а здѣсь скажемъ нѣсколько словъ о значеніи дѣятельности Михаила Ивановича.

Нельзя не согласиться съ высказаннымъ въ томъ же предисловіи мнѣніемъ, что въ созданіи «Русской Старины», въ завоеваніи ей значенія, которое она пріобрѣла для русской исторической науки, и заключается главная заслуга покойнаго М. И. Семевскаго передъ русскимъ обществомъ и его права на вниманіе и благодарность потомства. Въ его журналѣ помѣщено столько драгоцѣннаго историческаго матеріала, и въ сыромъ, и въ обработанномъ видѣ, что ни одинъ трудъ по исторіи Россіи XVIII и первой половины XIX столѣтія не можетъ обойтись безъ ссылокъ на него.

Въ рѣчи, произнесенной надъ могилой Михаила Ивановича, И. А. Шляпкинъ говорилъ, между прочимъ: «онъ не былъ тѣмъ ученымъ, который таитъ про себя результаты своихъ кропотливыхъ изысканій, интересные только для спеціалистовъ, остающіеся достояніемъ кабинетныхъ занятій. Михаилъ Ивановичъ былъ популяризаторъ знанія, популяризаторъ нашей родной исторіи»...

Въ письмѣ Г. Е. Благосвѣтлову, отъ 21 ноября 1855 года, по поводу своихъ литературныхъ занятій, Михаилъ Ивановичъ говорилъ: «изнемогаю подъ гнетомъ тяжелой, несносно давящей меня мысли, что судьба даровала мнѣ одинъ талантъ—кропотливо, усидчиво и безплодно трудиться. Работая, я хочу подняться надъ этою гибелью матеріаловъ, хочу сказать что-то новое, доселѣ никѣмъ не сказанное, погрязаю въ прочитанныхъ статьяхъ, обозрѣніяхъ, опытахъ, и голова трещитъ отъ напора мыслей». Г. Е. Благосвѣтловъ писалъ Михаилу Ивановичу, 24 декабря 1855 г., между прочимъ, слѣдующее: «Мужайтесь, будьте бодры духомъ и вѣрьте, что путь, избранный вами, приведетъ къ блистательной цѣли».

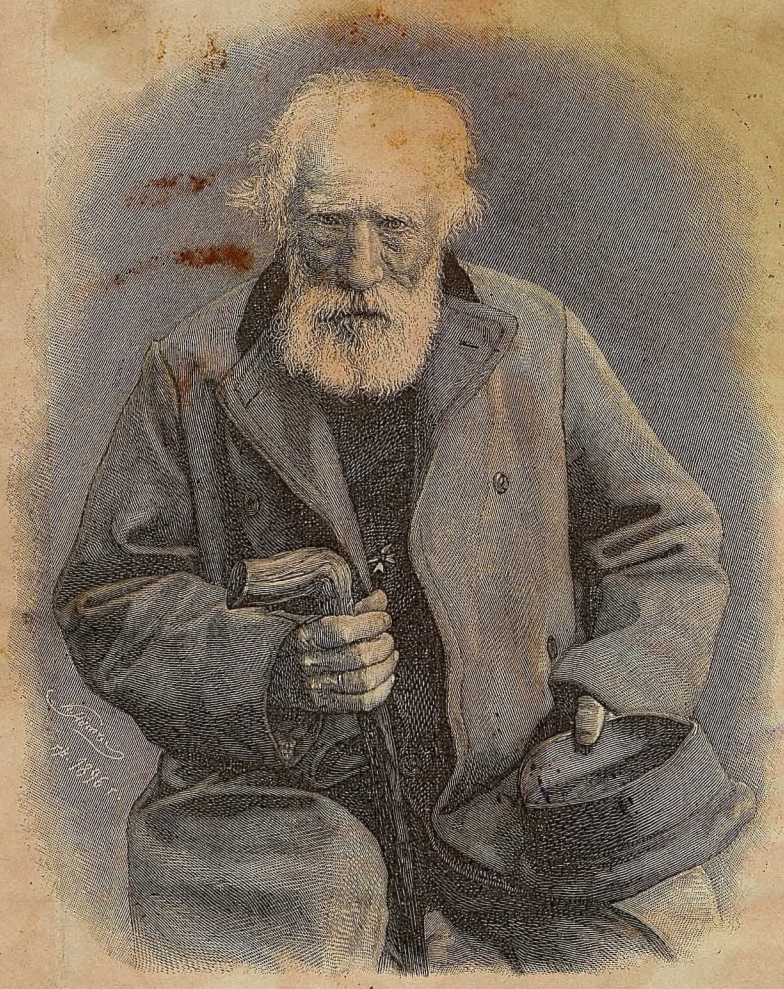
Еще до созданія «Русской Старины», которой съ 1870 г. М. И. Семевскій посвятилъ всѣ свои силы и помыслы, онъ оказалъ заслуги русской исторической наукѣ, и его историческія монографіи изъ петровскаго періода, составленныя на основаніи добытыхъ имъ въ архивахъ новыхъ источниковъ,—пользовались въ свое время большимъ успѣхомъ, придавъ многимъ событіямъ изъ царствованія Петра Великаго совершенно иную окраску, чѣмъ это было прежде. «Съ эпохи Петра Великаго начались изслѣдованія М. И. Семевскаго, на этомъ же трудѣ и покончилъ онъ свою жизнь», — говоритъ г. Гр. Градовскій въ своей тепло написанной статьѣ [1]) по поводу третьей годовщины кончины основателя «Русской Старины».

Въ высшей степени внимательное, добросовѣстное отношеніе къ принимаемымъ на себя обязанностямъ, иногда доходившее до самоотверженія, было отличительною чертою характера Михаила Ивановича. Эти неоцѣнныя достоинства съ особенною наглядностью проявились въ его пятнадцати-лѣтней дѣятельности, въ качествѣ гласнаго С.-Петербургской Думы. Главное значеніе, главный смыслъ его думской дѣятельности заключался не въ трудахъ его, какъ члена училищной и ревизіонной коммисіи, товарища городскаго головы, а въ томъ, что онъ являлся представителемъ духовныхъ интересовъ и потребностей города, доказывая, что необходимо заботиться не объ однѣхъ только матеріальныхъ нуждахъ городскаго населенія. Постоянно высказываясь въ Думѣ за открытіе возможно большаго числа городскихъ училищъ въ Петербургѣ, онъ настаивалъ, чтобы школы эти носили имена тѣхъ или другихъ чествуемыхъ лицъ, объясняя это требованіе тѣмъ, что дѣти, читая на вывѣскахъ училищъ имена писателя или общественнаго дѣятеля, усвоиваютъ себѣ „сознаніе, что

[1]) 11 іюня 1855 г. Михаилъ Ивановичъ былъ произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

[1]) «Новости» 1895 г. № 68.

ДОЗВОЛ. ЦЕНЗ. СПБ., 1 МАРТА 1896 г. ТИП. ТОВ. «ОБЩ. ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39.



Н. А. САВЕНЪ.

ветеранъ «великой арміи» Наполеона I на 120 году жизни.

(1768—1894 г.).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1896.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

24/993
№2920
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1896.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ

ВАСИЛІЯ РОМАНОВИЧА МАРЧЕНКИ.

1782 — 1838.

II [1]).

Краткій очеркъ кампаніи 1813 г.—Кончина князя Кутузова-Смоленскаго.—Пребываніе въ Парижѣ въ 1814 г.—Императоръ Александръ I въ Лондонѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Въ свитѣ государя на Вѣнскомъ конгрессѣ.—Въ Парижѣ въ 1815 году.—Назначеніе статсъ-секретаремъ и управляющимъ дѣлами комитета министровъ.—Характеристика гр. Аракчеева.—Путешествіе въ Москву и въ Варшаву въ свитѣ государя.

1813 г. Наконецъ непріятеля не стало далеко отъ границъ нашихъ онъ скрылся по крѣпостямъ, австрійцы ушли въ Богемію и ничего не желали, какъ нейтралитета, герцогство Варшавское и Пруссія очищены. Пруссаки изготовились. Прощай Калишъ! Въ исходѣ марта назначенъ походъ гвардіи, кирасирамъ и гренадерамъ прямѣйшимъ трактомъ, такъ чтобы въ страстную субботу вступить въ Дрезденъ. Два перехода только: Рачковъ и Кропичинъ, и мы увидѣли Силезію. Опрятность деревень, чистота въ народѣ и домахъ, гостепріимство, словомъ все показывало, что мы выѣхали изъ Іудеи. Три перехода приблизили насъ къ Одеру, а въ Штенау мы перешли его по понтонному мосту. Въ Штенау встрѣтилъ государя, при войскахъ, прусскій король, какъ новый союзникъ и какъ старый другъ, и присоединилъ гвардію свою къ нашей.—Чрезъ Либенъ и Бунцлау (гдѣ занемогъ свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій, бывшій предъ тѣмъ и у го-

---

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1896 года.

*

сударя и на разводѣ) вступили мы въ Саксонію—рай Германскій. Не говоря объ изобиліи сего края и объ опрятности, свойственной всѣмъ нѣмцамъ, въ саксонцахъ есть что-то отличительное. Нигдѣ не увидишь празднаго человѣка, во всякомъ домѣ или станъ или машина; есть занятія по силамъ и ребенку, и дряхлому старцу. Народъ видный, чистый, и особливо женщины, любятъ хорошо ѣсть, нигдѣ не видно нищихъ и всякій веселъ, ласковъ, радъ русскому. Въ таковомъ расположеніи народнаго духа, пришли мы 12 апрѣля въ Дрезденъ. Великолѣпный мостъ черезъ Эльбу поврежденъ непріятелемъ, взорвавшимъ двѣ арки, при бѣгствѣ своемъ. Картинная галлерея безподобна, были нѣкоторыя картины вывезены въ Кенигштейнъ; но чрезъ два дня опять возвращены.

Войти въ Дрезденъ спѣшили, какъ думали тогда, чтобы веселѣе провести святую недѣлю въ изобильномъ городѣ, на хорошихъ квартирахъ; но оказалось совсѣмъ иное: въ заутреню уже примѣтно было, что государь не веселъ, на другой день стали шептать, что непріятель усиливается у Лейпцига и Пегау; ночью пріѣхалъ Вилліе изъ Бунцлау, съ извѣстіемъ о кончинѣ кн. Кутузова, и ему не велѣно разглашать о томъ. Во вторникъ, вечеромъ, увидѣлъ я скачущаго верхомъ изъ дворца графа Витгенштейна въ андреевской лентѣ; въ среду узналъ о пожалованіи ему сего ордена, съ назначеніемъ главнокомандующимъ союзной россійско-прусской арміей и вслѣдъ за тѣмъ приказъ гвардіи выступить чрезъ 24 часа. Торопились сразиться прежде, чѣмъ узнаютъ солдаты о смерти Кутузова. Поручикъ гвардейской артиллеріи Тиманъ, попавшійся въ Люценское сраженіе въ плѣнъ, потомъ бѣжавшій отъ французовъ и пробравшійся, помощію саксонцевъ, горами, къ намъ при началѣ перемирія въ Петерсвальде, сказывалъ при мнѣ графу Аракчееву, что французы имѣли подробныя свѣдѣнія о Кутузовѣ и по полученіи донесенія о смерти его, тотчасъ оглашено было о томъ въ арміи и приказано готовиться къ походу въ Дрезденъ.

И такъ Кутузовъ кончилъ свое поприще. Послѣднее объ немъ и слово. Онъ не хотѣлъ переходить не только Эльбы, но и Вислы. Въ Вильнѣ долженъ былъ уступить настойчивости пылкихъ головъ, избалованныхъ партизанствомъ, что нѣмцы, не видя русскихъ, будутъ вѣрить въ бюллетени Наполеона; но появленіе наше за границею раскроетъ имъ глаза и изорванная, прожженная на бивуакахъ одежда краснорѣчивѣе всѣхъ прокламацій, сочиняемыхъ Коцебу, убѣдитъ ихъ въ томъ, что сдѣлалось съ французами, когда въ такомъ положеніи русскіе! Народное возстаніе въ Германіи предполагаемо было неизбѣжнымъ того послѣдствіемъ. Князь Кутузовъ указывалъ на малочисленность арміи и изнуреніе людей. И дѣйствительно, состояніе ихъ было таково, что цѣлый гвардейскій корпусъ, о которомъ большее попе-

ченіе прилагалось (разумѣя пѣхоту), можно было не только помѣстить, но и учить въ Петербургскомъ экзерциргаузѣ. Кутузовъ говорилъ, что партизаны, по личнымъ выгодамъ, не могутъ иначе проповѣдывать; быть въ строю связанному подчиненностію не то, что разгуливать по своей волѣ, писать о себѣ чудеса и на лету хватать награды. Однакожъ, вѣроятность ихъ доводовъ, а больше уваженіе, что разстроенный непріятель не скоро оправится, и что для насъ все равно формироваться: въ Литвѣ ли, въ герцогствѣ ли Варшавскомъ, заставили старика перейти границу [1]). На Эльбѣ же не то было: непріятель на носу, и мы не знаемъ силы его; армія наша, малочисленная и прежде, теперь сдѣлалась и еще менѣе отъ разбросанныхъ отрядовъ по герцогству и партизанскихъ партій, а на пруссаковъ не знали, можно ли полагаться въ первой схваткѣ.

Мысль Кутузова и была: не переходя Эльбы, стать на ней и держаться въ оборонительномъ положеніи, доколѣ не укомплектуемся, или не будемъ вынуждены ретироваться; въ послѣднемъ даже случаѣ, непріятель ослабѣвалъ бы по мѣрѣ удаленія нашего, а мы безпрестанно усиливались бы подходящими изъ Россіи резервами и выздоровѣвшими въ госпиталяхъ, которыхъ однихъ было въ пути, по послѣднимъ донесеніямъ, до 17 т. человѣкъ. Но Кутузова не послушали и, во время болѣзни его, далеко подались за Эльбу. За то пять дней только и погостили мы въ Дрезденѣ, а на шестой выѣхали, по извѣстіямъ, что непріятель собирается большими силами у Пегау. Въ тотъ же день прибыли въ деревню возлѣ Рохмеца и остановились у пастора на кладбищѣ. Государя не застали уже; на разсвѣтѣ уѣхалъ гр. Аракчеевъ съ Балашовымъ и Шишковымъ въ Люценъ, гдѣ началось сраженіе. Подъѣхалъ Безродный и здѣсь же остановился со мною. Чрезъ сутки прибыли мы въ Вальдгеймъ, маленькій городокъ между горъ, а черезъ два дня возвратились въ Дрезденъ.

Послѣ двухъ дней пребыванія въ Дрезденѣ двинулись далѣе и, прибывъ въ Бауценъ, къ старымъ хозяевамъ, не то уже нашли у нихъ. Въ первый разъ изобиліе было во всемъ, прекраснѣйшая иллюминація и человѣкъ 70 музыкантовъ играли весь вечеръ у государевыхъ воротъ. Теперь—всеобщее уныніе и ничего достать нельзя, съ трудомъ можно было пообѣдать. Съ перваго дня стали выбирать позицію; дрались два дня и потомъ начали войска переходить за Бауценъ. Насъ, т. е. канцелярію и обозъ государя, услали въ Герлицъ.

Изъ Герлица, чрезъ три дня, подались мы на двѣ мили впередъ,

---

[1]) Далеко заходить не думали, до того, что къ 15-му марта велѣно было имѣть въ разныхъ пунктахъ на Двинѣ большіе запасы хлѣба, отъ которыхъ погибли послѣ князь Горчаковъ и Молчановъ.

въ мѣстечко Рейхенбахъ, и имѣли ту квартиру, гдѣ, ровно за годъ, стоялъ Наполеонъ. Съ недѣлю жили тутъ; смотрѣли, выходя въ поле, на сраженіе; наконецъ объявлена ретирада. Ночью отправились въ Герлицъ, набитый ранеными, а съ разсвѣтомъ въ Лаубахъ, пограничный городъ Саксоніи. Вечеромъ судили съ Шишковымъ и Балашовымъ о томъ, что напрасно затѣяли Люценское дѣло и открыли Наполеону, что онъ и теперь уже вдвое сильнѣе насъ, когда не успѣли еще прійти къ нему изъ-за Рейна войска. Ночью отправили Голицына и Балабина навстрѣчу резервамъ, а по утру пришли въ Левенбергъ, въ Силезію. Пруссаки не очень пріятно на насъ смотрѣли.

Ежеминутно ожидали извѣстія о присоединеніи къ общему союзу австрійцевъ, но тщетно. Итакъ на завтра пришли въ Яуэръ и Швейдницъ, обширную крѣпость, которую срылъ было Наполеонъ, но пруссаки начали оправлять ее со всѣмъ усиліемъ. Ужасный величины колокольня и ядра, влѣпившіяся въ стѣну въ Семилѣтнюю войну, составляютъ достопамятность сего мѣста. У Швейдница начали выбирать позицію, а мы переѣхали въ мѣстечко Рейхенбахъ. Недѣлю ожидали сраженія; наконецъ объявлено перемиріе, и въ Рейхенбахъ переведена главная квартира, а государева въ замокъ Петерсвальде, съ милю въ сторонѣ, гдѣ одна только свита помѣщалась и Преображенскій полкъ.

Во время этого перемирія, нѣсколько разъ случалось, что государь заставалъ меня за работой съ графомъ Аракчеевымъ и удостоивалъ разговора; въ отсутствіе же графа въ Варшаву, была и переписка со мною и личный мой докладъ. Я воспользовался этимъ временемъ и выхлопоталъ награды сибирскимъ чиновникамъ, со мною служившимъ. Здѣсь-то пировали мы 22 іюля, о чемъ слишкомъ 20 лѣтъ воспоминаютъ Безродный, Крыжановскій и Добровольскій, и здѣсь-то, поѣхавъ въ горы отыскивать полотняную фабрику, наѣхали мы на французскіе аванпосты и чуть было не попали въ плѣнъ.

Изъ Петерсвальде часто ѣзжалъ государь въ горы, на дрожкахъ, и раза два не ночевалъ дома. Изъ этого выводили разные толки, особенно когда Илья-кучеръ проговорился какъ-то, пьяный, что его славно угостила предъ тѣмъ пасторша. Но послѣ, когда я былъ въ Іозефштадтѣ, узналъ, что тамъ жилъ лѣтомъ императоръ Францъ, который также ѣздилъ въ горы, для свиданія съ Александромъ, вмѣсто сомнительной дипломатической переписки.

Наконецъ, перемиріе кончилось, австрійцы соединились съ нами, шведы пришли къ Берлину, Сакенъ очистилъ Ченстоховъ, и въ началѣ августа арміи тронулись. Главная пошла чрезъ Глацъ и Прагу, а корпусъ Витгенштейна прямо изъ Швейдница на Лебау, въ Богеміи.

Изъ Рейхенбаха выѣхали мы послѣ обѣда; вечеромъ прибыли въ Франкенштейнъ и тотчасъ пустились въ Глацъ. Съ разсвѣтомъ пріѣ-

хали туда; но крѣпость была заперта, и мы ночевали въ полѣ, а часу въ 9-мъ уже утра вошли въ нее и уснули часа съ два, чтобы опять продолжать путь.

Въ половинѣ октября пріѣхалъ я благополучно во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ учреждена была главная квартира государя. Здѣсь отдохнули войска, укомплектовались и поперемѣнно пріѣзжали сюда короли и герцоги германскіе, присоединившіеся къ союзникамъ послѣ лейпцигскаго дѣла. Пребываніе наше во Франкфуртѣ на Майнѣ продолжалось два мѣсяца. Только въ половинѣ декабря выѣхали оттуда въ Базель, когда исчезла надежда на заключеніе мира, объявленія котораго ежедневно ожидали. Самъ государь, при освященіи медалей въ память 1812 года, на площади во Франкфуртѣ, при большомъ парадѣ, 21 и 24 ноября, говорилъ, что, можетъ быть, скоро благословитъ Богъ миромъ. По объявленіи похода, мы въ декабрѣ выѣхали изъ Франкфурта и прибыли въ Базель.

Обзоръ 1813 года.

Люценское дѣло, безъ сомнѣнія, преждевременно и оправдываемо быть можетъ однимъ лишь важнымъ, по-тогдашнему, обстоятельствомъ—смертію Кутузова. Послѣдствіе показало, что Наполеонъ не имѣлъ возможности начать военныхъ дѣйствій; но, видя стремленіе наше все впередъ, долженъ же былъ противостать. Пусть бы онъ формировался у Лейпцига, мы то же бы дѣлали въ Дрезденѣ, имѣя сверхъ того въ виду: 1) что пруссаки, соединившіе съ нами войска свои въ томъ умѣренномъ числѣ, какое позволилъ имъ Наполеонъ содержать по Тильзитскому трактату, составили бы въ короткое время изъ распущенныхъ по домамъ старыхъ солдатъ сильную армію, для которой отправили уже англичане 200 тыс. ружей; 2) что австрійцы, увидя союзниковъ сильными, скорѣе отдѣлились бы отъ Наполеона; 3) саксонцы не таили, что, коль скоро осадимъ мы французовъ за Веймаромъ, то войска ихъ оставятъ французскую армію, подъ предлогомъ спасенія короля, запертаго въ Кенигштейнѣ. Всѣ эти выгоды исчезли съ ретирадою нашею, послѣ Люценскаго сраженія, и спасибо пруссакамъ, что они не струсили, увидя въ землѣ своей опять непріятеля, сильно преслѣдующаго насъ, а на иныхъ трактахъ и опереживающаго. Дѣйствительно, странно было смотрѣть на карту расположенія войскъ во время перемирія: войска должны были остановиться, гдѣ кого застигло повелѣніе, и вышло, что наши подкрѣпленія и курьеры слѣдовали изъ Россіи чрезъ города и деревни, занятыя французами, а французскіе резервы чрезъ мѣста, занятыя союзниками.

Барклай, ускоривъ покореніе Торуня, оказалъ важную услугу. Онъ

привелъ 11 тыс. неизнуренныхъ солдатъ въ самое нужное время и, соединясь съ Витгенштейномъ подъ Бауценомъ, далъ возможность остановить натискъ французовъ. Мы, оставя городъ, расположились по хребту Бауценскихъ горъ, которыя Наполеонъ долженъ былъ брать приступомъ, и, въ глазахъ его, два дня безполезно истреблялись цѣлыя колонны наступающихъ. Но стрѣляя безпрерывно отъ самаго Люцена, увидѣли мы, что зарядовъ остается у насъ немного, а оставленные въ Варшавскомъ герцогствѣ парки не могли подоспѣть во-время. Въ Швейдницѣ нашелъ я артиллеристовъ, приводящихъ въ нашъ калибръ ядра, отъ Семилѣтней войны валявшіяся, въ числѣ коихъ были и русскія. Недостатокъ огнестрѣльныхъ снарядовъ и малочисленность арміи рѣшили дальнѣйшее отступленіе отъ Бауцена, навстрѣчу къ идущимъ изъ Россіи пособіямъ, тогда какъ Наполеонъ, слѣдуя за нами, ослабѣвалъ бы, оставляя гарнизоны, больныхъ и раненыхъ, и изнуряя остальныхъ ежедневными маршами. Но вдругъ объявлено перемиріе. Всѣ остановились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ получено извѣстіе о томъ, и расположились на квартирахъ. Мы не знали, что положеніе Наполеона было хуже нашего, а спустя недѣлю, начали являться выходцы изъ плѣна и единогласно говорили, что Наполеонъ столько потерялъ людей при переправѣ у Дрездена и подъ Бауценомъ, что не смѣлъ уже преслѣдовать далѣе; парки его также истощились, а ранеными завалены были всѣ деревни до Дрездена. Не зная точныхъ силъ, обѣ стороны боялись другъ друга и обрадовались перемирію.

Началось перемиріе тѣмъ, что всѣ наши войска соединены въ одну армію, ввѣренную Барклаю, а Витгенштейнъ остался корпуснымъ командиромъ. Три мѣсяца все толковали о мирѣ, почему нѣсколько разъ и отсрочивалось перемиріе, а между тѣмъ полки укомплектованы и одѣты были такъ, что любо было смотрѣть. Двѣ арміи, русская и прусская, составляли сильную уже массу; но въ подкрѣпленіе ей приготовлялась другая; на ходу ландверъ учился стрѣльбѣ и эволюціямъ. Объ австрійцахъ ничего не знала наша братія, и потому, вступая въ Богемію, недоумѣвали, друзья мы или непріятели. Первая стычка съ французами открыла, однако, что австрійцы отложились отъ Наполеона, а вслѣдъ затѣмъ и Кульмское сраженіе удостовѣрило Наполеона въ перемѣнѣ счастія и сколь мало могъ онъ полагаться на остальныхъ нѣмцевъ; только гордость его и упрямство удержали въ Саксоніи, несмотря на то, что онъ зналъ о движеніи Бернадота съ одной стороны и Беннигсена съ другой и что соединеніе всѣхъ силъ будетъ для него гибельно. Два мѣсяца разыгрывалъ онъ кровавую игру, бросаясь, какъ тигръ, окруженный ловцами, то на одну, то на другую армію союзниковъ, и терялъ множество людей и пушекъ; наконецъ, увидя себя стѣсненнымъ дотого, что одна только дорога къ

Рейну оставалась свободною, сосредоточился у Лейпцига, подрался, какъ бы на прощанье съ Германіею, и бѣжалъ во Францію. Всѣ утверждали тогда, что если бы не австрійцамъ поручено было наблюдать за ретирадою, то мало кому изъ французовъ удалось бы перебраться за Рейнъ.

Какъ въ концѣ 1812 г. прогнанъ Наполеонъ изъ Россіи за Нѣманъ, такъ въ концѣ 1813 г.—изъ Германіи за Рейнъ. Оставались въ Германіи французы въ крѣпостяхъ только, но обложенные союзниками, съ требованіемъ безусловной сдачи. Многіе пункты и сдались прежде, нежели мы перешли Рейнъ. Вообще, 1813 г. кончился тѣмъ, что Европа выведена изъ очарованія, и Наполеонъ остался при собственныхъ только средствахъ, имѣя слабую, невѣрную надежду на италіанцевъ. Всѣ другія націи шли къ нему отплачивать визитъ, а Германія и Веллингтонъ въ то же время безпокоили его, подобно нарыву въ груди. Въ такомъ-то нездоровомъ состояніи встрѣтилъ онъ 1814-й годъ.

1814 годъ. Въ Базелѣ, 1-го января отслужили мы молебенъ, освятили воду на Рейнѣ, и чрезъ городъ прошла парадомъ гвардія наша и резервная кавалерія.

Здѣсь отдѣлался государь отъ неотвязнаго Балашова, командированнаго въ Неаполь, гдѣ и загрязъ онъ такъ, что осенью умолялъ позволить ему ѣхать въ Россію. Здѣсь же остался и Шишковъ, изъ трусости. Онъ предрекалъ народную войну и пагубу намъ, въ минуту даже прощанья моего съ нимъ.

Путь изъ Базеля предпринятъ былъ чрезъ Монбельяръ, мѣсто рожденія императрицы Маріи Ѳеодоровны, а оттуда проселочною дорогою, въ Везуль и далѣе.

18-го марта, на разсвѣтѣ, прибыли мы въ Бонди [1]); пріѣхали рано и никого не застали, а канонада была близкая и сильная. Я поѣхалъ верхомъ, съ Тюфяевымъ. На дорогѣ разбросаны руки и ноги; встрѣтилъ и три орудія изувѣченныхъ. Пробираясь виноградниками на гору, вижу рослаго солдата, молодаго человѣка, и шинель въ крови.

— Котораго полка?

— Московскаго гренадерскаго.

— Что, братъ, раненъ? Ступай на дорогу, прямо, тамъ перевязка, и вотъ тебѣ рубль на водку.

— Благодарю, ваше благородіе, у меня отрѣзали ужь руку, и я, слава Богу, здоровъ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ меня вздрогнуть, и я точно увидѣлъ, что лѣвая рука по плечо отнята.

---

[1]) Деревня близъ Парижа.

Въѣзжаю на высокую гору. Какая картина: на горѣ и подъ горою стоятъ батареи. Влѣво Парижъ, вправо вся Блюхерова армія подъ ружьемъ и наша гвардія готовится къ бою. Пріѣзжаетъ Добровольскій отъ Блюхера. Тутъ узнали, что государь и вся свита сзади у насъ, саженяхъ во ста. Черезъ часъ и они пріѣхали. Плѣнные и депутаты являлись безпрерывно.

Часу въ четвертомъ сбита послѣдняя батарея на горѣ, и мы всѣ поѣхали впередъ. Егеря, отнявъ пушки, стрѣляли изъ нихъ по французамъ. Къ вечеру перемиріе. Я видѣлъ Парижъ и какъ разъѣзжали кареты по улицамъ.

Переночевалъ въ коляскѣ. Въ пять часовъ утра шумъ каретъ разбудилъ меня. Просыпаюсь, вижу парадные экипажи, ливреи и узнаю, что Парижъ сдался, а Наполеонъ только-что успѣлъ уйти въ Фонтенебло. Все вычистилось, вымылось и пошло въ Парижъ парадомъ. Я поѣхалъ-было верхомъ; но, узнавъ на шлагбаумѣ, что мы не совсѣмъ еще пріятели, и что стрѣляютъ изъ оконъ, воротился въ Бонди къ обѣду, по каналу, усѣянному трупами пруссаковъ. Въ Бонди домъ, вѣрнѣе замокъ, сдѣлался просторенъ, ограбленный казаками Волконскаго. Я занялъ комнаты Толстаго и расположился спать; но въ первомъ часу ночи послѣдовало повелѣніе слѣдовать въ Парижъ. На разсвѣтѣ 20-го числа прибылъ въ сію столицу. Квартира въ Елизе-Бурбонъ. Государь у Талейрана и всѣ около него. Страстная недѣля прошла въ говѣньи; на Святой государь и вся свита переѣхали въ Елизе-Бурбонъ. Я занялъ другія комнаты, во флигелѣ, въ сосѣдствѣ съ графомъ Аракчеевымъ.

Такъ кончилась, въ мартѣ 1814 года, походная жизнь моя, и Парижъ заставилъ забыть всѣ непріятности, бывшія въ походѣ. Напротивъ, явилась утѣшительная мысль, что скоро увижу жену и дѣтей, оставленныхъ, въ октябрѣ 1812 года, въ Сибири. Изъ Калиша даже не совѣтывалъ еще графъ Аракчеевъ выписывать мнѣ семейство: такъ не увѣренъ онъ былъ въ успѣхѣ войны; но жена, въ началѣ 1812 года, сама собою выѣхала изъ Томска и, въ мартѣ, пріѣхала въ Петербургъ. Здѣсь получила она все содержаніе мое, 8.850 рублей, а послѣ, съ пансіономъ, 13.350 рублей. Я же довольствовался заграничнымъ содержаніемъ, которое, при Императорскомъ экипажѣ, вполнѣ достаточно.

Въ Парижѣ награжденъ я орденомъ Анны 1-й степени и думалъ, что навсегда разстанусь съ графомъ Аракчеевымъ, который, не будучи спрашиванъ пять недѣль съ докладами, огорчился и рѣшился остаться два года за границею. Передъ выѣздомъ изъ Парижа отправилъ онъ письмо государю, чтобы онъ позволилъ ему остаться на водахъ, и указъ, на мое имя заготовленный, но безъ моего вѣдома, чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, разсортировалъ я дѣла канцеляріи

и сдалъ по принадлежности, въ министерства и иностранную коллегію,—затѣя совершенно пустая и невозможная въ исполненіи. Государь, послѣ сего, позвалъ къ себѣ Аракчеева и, какъ графъ сказывалъ мнѣ, были большія объясненія. Предлагаемо ему было званіе фельдмаршала [1]); только кончилось тѣмъ, что онъ получилъ отпускъ. Указъ на мое имя не состоялся для того, что государь удерживалъ навсегда при себѣ особую канцелярію, и мнѣ приказано слѣдовать за его величествомъ въ Англію.

20-го мая, въ первый разъ въ Парижѣ былъ графъ Аракчеевъ съ докладами, весь день и ночь. Въ самую полночь присылались еще изъ кабинета государева словесныя, чрезъ разныхъ людей, приказанія заготовить то одинъ, то другой указъ.

А 21-го, утромъ, въ шестомъ часу, государь изволилъ выѣхать изъ Парижа и, поработавъ нѣсколько часовъ на первой станціи (помнится, Сэнъ-Дени), прислалъ оттуда много бумагъ и прощальное, весьма лестное, письмо къ графу Аракчееву, доказывавшее, что они разстались навсегда.

21-го и 22-го мая канцелярія безъ отдыха работала, и, окончивши всѣ дѣла, отъѣхалъ я 23-го числа, поутру, въ восьмомъ часу, черезъ Аміенъ, въ Булонь, куда и прибылъ на вечеръ 24-го. Время было самое лучшее, какого желать только можно. Отсюда отправлены фельдъегеря въ Россію, ожидавшіе моего только пріѣзда, и коляска моя въ тотъ же вечеръ отправлена была въ гавань, для амбаркировки, но приливъ столь малъ былъ, что надлежало дождаться другаго, въ полдень бывающаго. Къ полдню открылась картина: весь каналъ, раздѣляющій Францію отъ Англіи, уставленъ былъ военными судами, въ два ряда. Государь сѣлъ на фрегатъ въ Булони и, ровно въ часъ, отправились перевозныя суда, при ясной и тихой погодѣ. Въ шесть часовъ вечера стояли уже мы передъ Дувромъ, куда свита отправилась въ каретахъ, а суда должны были ожидать прилива. Часу въ восьмомъ государь сошелъ съ фрегата, при пальбѣ и восклицаніяхъ народа, и назавтра, утромъ рано, уѣхалъ инкогнито въ Лондонъ, въ коляскѣ графа Толстаго, за котораго тамъ и былъ принятъ.

27-го мая дали лошадей. Дорога и лошади безподобныя: до Лондона мы ѣхали только двѣнадцать часовъ. На станціяхъ вездѣ были завтраки на счетъ принца-регента. Дороги по Англіи — сады, а деревушки—дачи. Чистота удивительная и архитектура своя. Домики небольшіе, но уютные и опрятные. Вездѣ видно богатство, и не встрѣ-

---

[1]) Это задержало и приказъ о пожалованіи Барклая. Государь объявилъ ему чинъ фельдмаршала послѣ сраженія подъ Парижемъ, и всѣ поздравили его; но приказа не было мѣсяца два, и никто не понималъ причины тому.

тился ни одинъ нищій, тогда какъ во Франціи облѣпятъ, они пріѣзжаго и бѣгутъ безпрерывно за коляской.

Дорогою не было проѣзда отъ англичанъ: вездѣ кричали «ура!» и женщины, на-скаку, подбѣгали къ колискѣ пожать руку. Миндальные пироги на столѣ и окна въ домахъ—украшены именами Блюхера и Платова.

Дома отапливаются каменнымъ углемъ; отъ этого смрадъ и тяжело для груди и головы. Въ самый лучшій день туманъ по утру, а въ пасмурный совсѣмъ темно. Къ тому же, наводитъ уныніе и самый цвѣтъ домовъ, которые не штукатурятъ и покрываютъ черепицею или аспидными дощечками. Лондонъ раздѣляется на старый и новый: въ старомъ живетъ все купечество и тамъ биржа; онъ, какъ старинный, имѣетъ узкія улицы. Но новый совсѣмъ въ другомъ вкусѣ: улицы широкія, по обѣимъ сторонамъ тротуаръ, дома правильной архитектуры, съ зеркальными стеклами, и чисты дотого, что лѣстницы на улицѣ моютъ мыломъ съ мѣломъ. Комнаты и лѣстницы всегда убраны коврами. Государь и великая княгиня Екатерина Павловна занимали Hôtel Oldenburgh, а свита размѣщалась въ окрестныхъ домахъ. Отсюда до стараго города, по крайней мѣрѣ, семь верстъ, и все жильемъ. Блюхеръ и Платовъ были въ большой модѣ: 31-го числа изъ церкви народъ повезъ на себѣ послѣдняго изъ нихъ. Три дня была иллюминація и видны были имена: Веллингтона, Кутузова, Шварценберга, Витгенштейна, Блюхера и Платова. Въ Лондонѣ безъ денегъ ступить нельзя. Казенныя заведенія покажутъ и за это даже требуютъ плату. Дороговизна ужасная. Насъ было трое, и мы имѣли каждый день: бульонъ, рыбу, жаркое говядину, телятину или баранину, вздорные пирожки, двѣ бутылки пива и по апельсину. За этотъ столъ въ двѣ недѣли или еще за тринадцать дней, кромѣ квартиры, свѣчей и уголья, заплатили мы пятьдесятъ червонцевъ. 11-го іюня, благодаря Бога, выѣхали мы изъ Лондона, по утру, въ девятомъ часу; вечеромъ прибыли въ Кантенбюри, при иллюминаціи и ужасномъ стеченіи народа; а въ двѣнадцатомъ часу ночи въ Дувръ и стали въ трактирѣ, для прусскаго короля приготовленномъ. На разсвѣтѣ, амбаркировавъ экипажъ, мы сѣли на шлюпку и переѣхали на бригъ, стоявшій тогда, по мелководью, на якорѣ. 12-е число простояли на якорѣ. 13-го, въ сильную погоду, пустились по утру, плыли часа четыре и увидѣли себя у Деля, совсѣмъ въ противной сторонѣ. Въ полночь сдѣлался попутный вѣтеръ, и въ девятомъ часу утра, 14-го іюня, стали мы на якорь у Остенде.

Къ вечеру бригъ ввели въ гавань; мы вышли на берегъ, и я не простился съ англичанами, не позволившими дать на водку матросамъ 10 червонцевъ, такъ же хладнокровно, какъ отказали мнѣ въ требованіи

отдать бѣжавшаго отъ меня слугу. Это былъ Андрюшка, мальчикъ доктора нашего Даллера, скрывшійся ночью въ Дуврѣ и укравшій мои вещи, изъ чемодана, за коляскою бывшаго; по счастію, взялъ я въ комнату къ себѣ шкатулку съ казенными деньгами. Когда я ѣхалъ на шлюбкѣ, онъ стоялъ на берегу, зная, что англичане не выдадутъ его.

Въ Остенде на берегу встрѣтилъ Воробьева и Григорьева и тотчасъ поѣхалъ къ Антверпену. Лошади вездѣ были готовы и везли скоро. Въ Антверпенѣ перемѣнивъ лошадей, пустился по прямой дорогѣ къ Литтиху. Часу въ 11-мъ ночи пріѣхалъ въ Ахенъ и видѣлъ графа Аракчеева, расположившагося зимовать тамъ. Часовъ пять уснулъ и поѣхалъ, на Юлихъ, въ Кельнъ, обширный городъ, гдѣ зажиточныя дамы ходятъ за нашими больными. Въ Боннъ пріѣхали подъ вечеръ, и починка коляски продержала до полуночи. Отъ Бонна и почти до самаго Майнца надобно ѣхать по берегу Рейна. Картина величественная и вмѣстѣ ужасная. Кажется, природа разломила горы, чтобы дать дорогу Рейну. Съ обѣнхъ сторонъ чрезмѣрной высоты горы, большею частію дикія и аспидныя; а по срединѣ тихо течетъ Рейнъ, съ островками. Небольшія площадки по берегамъ наполнены деревушками, по большей части бѣдными, а на утесахъ стоятъ развалины башенъ и замковъ, напоминающихъ рыцарскія времена. Дорога такъ узка, что на всякомъ шагу нужно опасаться или быть сброшену въ Рейнъ, или быть завалену горою, которой скала виспъ надъ дорогой. Двѣ послѣднія станціи, по $1^1|_2$ мили нѣмецкихъ, къ Майнцу перемѣняютъ уже картину. Рейнъ остается въ сторонѣ, и мѣстоположеніе выравнивается. Майнцъ—большая правильная крѣпость. Ее проѣхалъ ночью и чрезъ Вормсъ прибылъ въ Мангеймъ. Тотъ же день (19-го іюня), къ вечеру, пріѣхалъ въ пустой Бруксаль. Здѣсь жила у матушки императрица Елисавета Алексѣевна весьма просто. Здѣсь же нашелъ я и Шишкова, съ большими претензіями за манифестъ о мирѣ. Онъ не былъ во Франціи и съ января жилъ то въ Прагѣ, то во Франкфуртѣ на Майнѣ, то около Рейна.

21-го числа ѣздилъ въ Баденъ, гдѣ нашелъ я графа Милорадовича въ крайнемъ безденежьи. 26-го предъ обѣдомъ, спрошенъ я былъ къ государю, при Барклаѣ. Когда садились за столъ, самъ представилъ тещѣ, маркграфинѣ Баденской, почтенной старушкѣ, въ черномъ тафтяномъ платьѣ просто одѣтой. Пошелъ разговоръ, какъ меня обокрали, какъ былъ уважителенъ бѣглецъ къ казнѣ, не унесши при амбаркировкѣ, во время суматохи, шкатулки, гдѣ было до 150 т. рублей. Но разговоръ тѣмъ и кончился: ни копѣйки не дано мнѣ вознагражденія. Поводомъ къ разговору былъ смѣшной случай: придя во дворецъ, съ указами, во время обѣдни, засталъ я графа Толстаго и князя Волконскаго спорящихъ. Толстой требовалъ денегъ, а у Волконскаго креди-

тивы франкфуртскіе всѣ вышли; онъ давалъ ему адресованные на Лейпцигъ, когда деньги нужны въ Бруксалѣ, и не позже, какъ завтра. Я прекратилъ споръ ихъ, предложеніемъ взять у меня изъ курьерскихъ 5.000 червонцевъ, лишь бы государь далъ повелѣніе. Толстой, тотчасъ послѣ обѣдни, побѣжалъ къ государю, объявить объ этой находкѣ, а я отпустилъ ему деньги. Отъ этого и сужденіе, какъ не унесъ бѣглецъ шкатулки, во время моей отлучки со двора, или во время сна.

30-го выѣхалъ, чрезъ Франкфуртъ, въ Лейпцигъ, нигдѣ не останавливаясь; по разсчету, надобно было пріѣхать въ Лейпцигъ въ воскресенье и отслушать обѣдню въ греческой церкви. Съ послѣдней станціи фельдъегерь, по обыкновенію, поѣхалъ впередъ, чтобы узнать мою квартиру; но каково удивленіе мое было, когда фельдъегерь объявилъ, что квартиру, мнѣ назначенную, занялъ графъ Аракчеевъ, оставшійся во Франціи и получившій отъ меня болѣе 1.000 червонныхъ на прогоны. Вотъ доказательство, что человѣкъ, привязанный ко двору, не можетъ жить безъ него. При свиданіи съ графомъ Аракчеевымъ, нашелъ я его разстроеннымъ и просящимъ пристроить его какъ-нибудь къ свитѣ, чтобы имѣть лошадей. Какъ это зависѣло не отъ меня, то сказалъ я о семъ князю Петру Михайловичу Волконскому, не менѣе меня удивившемуся, что Аракчеевъ ѣдетъ въ Россію. Онъ зналъ только, что графъ выѣзжалъ изъ Ахена на станцію и видѣлся съ государемъ; но никакъ не предполагалъ, чтобы онъ такъ скоро перемѣнилъ свое намѣреніе и опередилъ насъ, пока мы жили въ Бруксалѣ. Вечеромъ отправленъ фельдъегерь въ Петербургъ, съ депешами, и ему поручено заготовить для графа шесть лошадей, послѣ всѣхъ.

Изъ Лейпцига приказано было ѣхать, не останавливаясь, въ Петербургъ, и путь взять по картѣ прямой линіей, чтобы объѣхать Берлинъ, Кенигсбергъ, оттуда проселками въ Ковно, Динабургъ, и мимо Пскова, на Гатчину.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ нужно только было, по повелѣнію государя, отправить фельдъегеря, съ кирасами, въ Берлинъ. Изъ Лейпцига безъ роздыху ѣхалъ на Торгау, Франкфуртъ на Одерѣ, Кюстринъ, Маріенвердеръ, Кенигсбергъ, Вильковишки, Ковно и Псковъ. Ковно стоитъ на Нѣманѣ, и спускаться надобно съ крутой горы. На нее-то успѣлъ взобраться Иловайскій, съ 2-мя орудіями, при ретирадѣ французовъ, и удивительно, какъ могъ остаться изъ нихъ кто живой.

Коляска моя, въ которой путешествовалъ его величество, при коронаціи Павла I-го, въ качествѣ военнаго губернатора, сколько ни была удивительна по огромности своей, прочности и помѣщенію; но едва доѣхала до Петербурга, какъ на Литейной же разсыпалась такъ, что невозможно уже было чинить ее.

Съ несказанною радостію обнялъ я семейство свое, съ которымъ

безъ мала два года былъ въ разлукѣ. 5-го сентября 1812 года разстался я съ нимъ, а 16-го іюля 1814 года, въ 4 часа по полудни, увидѣлся. Марья Осиповна похоронила дорогую дочь Варвару, родившуюся въ Томскѣ; но, вмѣсто ея, увидѣлъ я въ Петербургѣ другую: Надежду, родившуюся въ Томскѣ же, чрезъ 15 дней послѣ моего отъѣзда.

Непримѣтно прошли шесть недѣль, и государю благоугодно было, при отъѣздѣ на конгресъ, въ Вѣну, взять меня туда же. Не постигаю до сихъ поръ, какъ это случилось. Въ исходѣ августа Марья Осиповна была очень больна, и графъ Аракчеевъ (оставшійся въ Россіи) объявилъ мнѣ, что государь не возьметъ съ собою канцеляріи, такъ какъ занятія будутъ тамъ только дипломатическія и не долго. Точно ли такъ было, или онъ начиналъ уже злиться на сближеніе мое съ государемъ, по сей день не знаю; но когда объявилъ я графу Аракчееву о городскихъ слухахъ, что я ѣду, то замѣтно было неудовольствіе его, хотя, ссылаясь на его же слова, просилъ я, ежели нельзя остаться мнѣ, по случаю болѣзни жены, то позволить по крайней мѣрѣ пробыть въ Петербургѣ, пока ей будетъ лучше. Мнѣ позволено остаться на недѣлю; но поведеніе графа Аракчеева примѣтно сдѣлалось сомнительнѣе, когда не отпустилъ онъ со мною Немѣровскаго, воловаго работника въ канцеляріи. Итакъ взялъ я съ собою Танѣева, для переводовъ, да писаря Батракова, на тяжкомъ уговорѣ, чтобъ назадъ отдать его графу Аракчееву писаремъ же, а не офицеромъ. Вотъ въ чемъ находила удовольствіе душа перваго вельможи!..

3-го сентября, въ 10 часовъ утра, простился я съ Петербургомъ, получивъ чрезъ князя Волконскаго 300 червонцевъ на дорогу, и самъ по себѣ оправился въ Вѣну, чрезъ Могилевъ, Мозырь, Житоміръ, Острогъ, Дубно и Радзивиловъ. Государь же изволилъ проѣхать на Брестъ, Краковъ и Величку. Въ этомъ путешествіи обрадованъ я былъ свиданіемъ съ матушкою, послѣ 8 лѣтней разлуки, съ 1806 года, когда, послѣ свадьбы моей, пріѣзжала она въ Петербургъ, ко мнѣ въ гости.

Отъ Радзивилова въ 10-ти верстахъ, между песками, лежитъ первый австрійскій городъ Броды, наполненный жидами, слѣдовательно, неопрятный. Выѣхавъ изъ него, вечеромъ 12-го сентября, къ обѣду на другой день прибылъ въ Лембергъ. Ѣзда по Австріи самая мучительная: не останавливаясь, нельзя сдѣлать въ сутки болѣе 18 миль (126 верстъ), по хорошему шоссе, которое становится хуже съ того только мѣста, гдѣ сошелся краковскій трактъ, отъ перевозки величковской соли. Отъ города Бѣльцы начинаются Карпатскія горы, вплоть до Вѣны, и одна станція такова, что на двухъ миляхъ 24 горы!

15-го сентября, ночью, прибылъ я въ Вѣну и, вмѣсто обѣщанныхъ шести недѣль, прожилъ 8 мѣсяцевъ, въ совершенной скукѣ: такъ какъ,

по незнанію языковъ и по нерасположенію къ весельямъ, не посѣщалъ я ни одного бала, ни праздника. Наконецъ, наступила весна, и прогулка въ Пратеръ и загородныя поѣздки сдѣлали жизнь пріятнѣе; но за то начали болѣть ноги. Бѣгство Наполеона, съ острова Эльбы, прибавило работы; но и утѣшило надеждою, что конгрессъ Вѣнскій кончится. Въ самомъ дѣлѣ, въ маѣ 1815 года простился я съ Вѣною и, вмѣстѣ съ государемъ, отправился, чрезъ Мюнхенъ и Штутгардъ, въ Гейльбрюнъ, гдѣ опредѣлена была главная квартира и гдѣ дожидался уже походный обозъ государевъ, прибывшій туда изъ Варшавы. Время было прекрасное; я видѣлъ и столицы и весь дворъ королей баварскаго и виртембергскаго (о сынѣ коего была уже молва, что онъ сватается за Екатерину Павловну), только ноги мои не позволяли ходить и участвовать въ праздникахъ. Странная болѣзнь: начали мокнуть подошвы и кожа сдѣлалась напослѣдокъ такъ тонка, что даже прикосновеніе пальцемъ было ощутительно. Вилліе сказывалъ, что я ихъ простудилъ въ испаринѣ, когда-нибудь зимою, оставшись ночь или двѣ въ коляскѣ въ сапогахъ. Присыпка, имъ данная, большую принесла пользу; но болѣе мѣсяца не могъ я ходить.

Во время пребыванія въ Вѣнѣ и въ Гейдельбергѣ, имѣлъ я непосредственно дѣла съ государемъ. Всѣ военныя распоряженія 1815 года писаны мною, но какъ я не въ правѣ былъ объявлять высочайшихъ повелѣній, то бумаги сего рода подписывалъ князь П. М. Волконскій, съ которымъ я не служилъ, но чувствую, что можно съ удовольствіемъ служить, когда ни по одной бумагѣ не оказалъ мнѣ цѣлый годъ недовѣрчивости и подписывалъ ихъ, не спрося государя, точно ли такъ изложена воля его.

По полученіи въ Гейдельбергѣ пріятнаго извѣстія объ окончаніи дѣла при Ватерлоо, главная квартира перешла въ Мангеймъ и въ нѣсколько переходовъ достигла Нанси. Отсюда государь изволилъ отправиться, на почтовыхъ, въ Парижъ, а обозъ пошелъ своимъ порядкомъ, подъ прикрытіемъ корпуса Раевскаго. Въ обозѣ были: Толь, Закревскій, генералы и флигель-адъютанты, графъ Нессельроде, графъ Каподистрія и я.

Не болѣе двухъ мѣсяцевъ прожили на сей разъ въ Парижѣ; но время это провелъ я очень весело съ Закревскимъ, Ермоловымъ и княземъ Мадатовымъ. Къ тому же благопріятствовала и хорошая лѣтняя погода. Къ исходу августа собраны были всѣ наши войска у Вертю, и туда отправились военные разными способами, ибо почтовыхъ лошадей достать нельзя было, да и для государя выставлены были, на станціяхъ, собственныя его изъ обоза. Я, видя затрудненія таковыя, не будучи при томъ любопытенъ и зная еще, что статскому чиновнику не мѣсто быть при смотрѣ войскъ, расположился спокойно гулять дней 5, въ

Парижѣ, какъ наканунѣ отъѣзда своего государь, проходя мимо меня послѣ обѣденнаго стола, изволилъ спросить: «А ты ѣдешь въ Вертю?» Когда я доложилъ, что статскимъ мѣста тамъ нѣтъ, то государь не далъ мнѣ далѣе распространиться и, мгновенно обратясь къ Волконскому, сказалъ: «чтобъ лошади ему были; отправь его непремѣнно. Я знаю, что ты отшельникъ, не берешь участія ни въ одномъ дѣлѣ; но не повѣрю, чтобъ не было любопытства увидѣть на одной площади 150 т. стройныхъ войскъ русскихъ, чего не могу я дома сдѣлать; пріѣзжай непремѣнно». Эти слова я тотчасъ записалъ, какъ памятникъ вниманія государя, и тѣмъ болѣе, что все, бывшее тогда въ залѣ, начало меня ласкать и шутить со мною. Это называю я, дѣти, дворскою подлостію, которую хорошо узналъ впослѣдствіи.

Итакъ, положено было, чтобы я поѣхалъ въ Вертю, чрезъ 12 часовъ послѣ государя, и бралъ лошадей князя Петра Михайловича Волконскаго. 29 августа, пріѣхавъ туда, остановился я на квартирѣ у Закревскаго. Иду на завтра поздравить его величество съ днемъ тезоименитства. Входитъ въ залу князь Петръ Михайловичъ и спрашиваетъ, видѣлъ ли я государя. На отрицательный отвѣтъ мой, онъ сказалъ: «вы поздравьте и поблагодарите—указъ о пожалованіи васъ статсъ-секретаремъ уже у фельдъегеря». Тутъ я вспомнилъ, что за нѣсколько дней до выѣзда изъ Парижа, князь Волконскій просилъ меня по секрету написать ему вчернѣ указъ о пожалованіи Каподистрія статсъ-секретаремъ. По словамъ князя, ему въ то же время приказано было заготовить и другой—обо мнѣ. Множество генераловъ, въ залу собравшихся, и скорый выходъ къ обѣднѣ (которая отправляема была на горѣ, подъ шатромъ, окруженнымъ 120 т. воиновъ), не позволили мнѣ объясниться съ государемъ; но князю я открылся, что не знаю, радоваться или печалиться мнѣ должно въ новомъ званіи, потому, во-первыхъ, что, можетъ быть, графъ Аракчеевъ не хорошо это приметъ, и, во-вторыхъ, что я лишусь содержанія тысячи рублей, противу получаемаго мною по званію помощника статсъ-секретаря. Послѣ обѣда, бывшаго въ саду, на открытомъ воздухѣ, государь былъ столь милостливъ, что, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Я хвалю твой отзывъ Волконскому и указъ поправилъ, какъ ты сказалъ; а въ содержаніи не сомнѣвайся и напиши Гурьеву, чтобъ статсъ-секретарское производимо было въ добавокъ къ прежнимъ твоимъ окладамъ». Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ, въ подписномъ указѣ, приписку рукою государя: «съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ». Это считалъ я нужнымъ, чтобы графъ Аракчеевъ не подумалъ, будто бы я искалъ отдѣлаться отъ него, и дѣйствительно угадалъ. Во-первыхъ, онъ зашелъ въ Петербургѣ къ женѣ моей, съ поздравленіемъ, и разсказалъ мой поступокъ, чего ни она, никто другой не зналъ; во-вторыхъ, отвѣчая на письмо мое поздравленіемъ, не могъ скрыть, сколько

24993

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

я знаю его, недоброхотства и примѣтить могъ, что въ головѣ его сѣло уже какое-то подозрѣніе, когда государь не спросилъ его совѣта предварительно.

Милости государевы содѣлывались время отъ времени ощутительнѣе. По возвращеніи изъ Вертю въ Парижъ, король сардинскій доставилъ государю 10 крестовъ, разной степени, ордена Маврикія и Лазаря, въ томъ числѣ два первой степени, украшенныя брильянтами. Всѣ любовались красотою сихъ крестовъ, въ комнатѣ князя Волконскаго, и полагали, что одинъ брильянтовый крестъ данъ будетъ ему, а другой графу Нессельроде; но 15 сентября князь объявилъ, что одинъ изъ крестовъ сихъ государь мнѣ жалуетъ: потому что у меня нѣтъ иностранныхъ орденовъ. И такъ, во второй вояжъ во Францію, я неожиданно получилъ двѣ награды, въ двѣ недѣли, тѣмъ драгоцѣннѣйшія для меня, что никакого посредства въ томъ не было. Я не имѣлъ никакого надъ собою начальства.

16 сентября государь изволилъ отправиться изъ Парижа для осмотра иностранныхъ войскъ; а я, пробывъ три дня въ Парижѣ, для отсылки лишнихъ тяжестей на фрегатѣ въ Петербургъ, отправился прямо въ Дижонъ, гдѣ собраны были къ смотру австрійскія войска.

Обозъ государевъ пошелъ изъ Парижа прямо въ Петербургъ, а свита слѣдовала на почтовыхъ, разными городами. Въ Дижонѣ были съ государемъ великіе князья Николай и Михаилъ и при нихъ генералъ Коновницынъ, князь П. М. Волконскій, Виллié и я, не болѣе. Ихъ высочества отправились оттуда прямою дорогою въ Берлинъ, а прочіе слѣдовали за государемъ, чрезъ Швейцарію, Нюренбергъ и Прагу. Въ Нюренбергѣ нашелъ я Арсенія Андреевича Закревскаго и ѣхалъ съ нимъ, въ своей коляскѣ, до Праги. Отсюда онъ отправился въ Петербургъ, а мнѣ и Виллié прислано на 3-й день приказаніе ѣхать въ Петерсвальдъ, гдѣ, во время перемирія, жили въ 1813 году. По прибытіи въ сію деревню, государь изволилъ только откушать и, чрезъ Франкфуртъ на Одерѣ, продолжалъ путь въ Берлинъ. Во весь обѣдъ разговоръ былъ о Сибири только, и меня удивило большое познаніе государя о семъ отдаленномъ краѣ. Тутъ-то рѣшилъ онъ быть непремѣнно въ Иркутскѣ, когда устроитъ домашнія дѣла, и оттуда возвращаться не иначе, какъ въ саняхъ.

Двѣ недѣли мы прожили въ Берлинѣ, по случаю свадебнаго сговора его высочества Николая Павловича, и послѣ поѣхали въ Варшаву: до Калиша тою дорогою, какъ шла армія наша въ 1813 году, а далѣе прямымъ и болѣе проселочнымъ трактомъ, самымъ гнуснымъ, наипаче въ тогдашнее осеннее время.

Въ Варшавѣ пробыли тоже не болѣе двухъ недѣль. Пребываніе сіе ознаменовано устройствомъ Царства Польскаго, сообразно конституціи,

и наградою Ланскаго и чиновниковъ, имъ представленныхъ; послѣ чего всѣ они должны были отправиться въ Россію.

Трактъ изъ Варшавы взятъ былъ на Бѣлостокъ, Гродно, Митаву и Ригу. Морозы были уже большіе, а по Россіи и настоящій зимній путь. Почему, бросивъ тамъ коляску, отправился я въ кибиткѣ, которая разсыпалась въ Нарвѣ, и я, на перекладной уже, въѣхалъ ночью въ Петербургъ, 2 декабря 1815 года, пробывъ опять въ разлукѣ съ домашними годъ и три мѣсяца.

Графъ Аракчеевъ, по скрытному характеру своему, не показалъ мнѣ при первомъ свиданіи особыхъ знаковъ недоброжелательства; однако, между разговорами, не упустилъ спросить: гдѣ я, по новому званію, служить буду? Отвѣтъ мой состоялъ «въ приписанныхъ государемъ словахъ въ указѣ»; и онъ далъ почувствовать, что, съ окончаніемъ войны, не будетъ уже болѣе заниматься гражданскими дѣлами. Однако, вслѣдъ за пріѣздомъ государя въ Петербургъ, предстала работа: раздѣленіе военнаго министерства, и пошло все по-старому. Съ бумагами по сему предмету ѣздилъ къ государю и графъ Аракчеевъ и я, вмѣстѣ, и едва ихъ кончили, какъ государь изволилъ предложить мнѣ мѣсто Молчанова [1]), просившагося за границу. Я написалъ графу Аракчееву письмо, прося довести до высочайшаго свѣдѣнія, что не въ состояніи исправлять обѣихъ должностей Молчанова, т. е. по комитету министровъ и по коммиссіи прошеній; а ежели угодно, то приму одну изъ нихъ и преимущественно комитетскую. Я опасался докладывать по просьбамъ, зная, что графъ Аракчеевъ не потерпитъ близкаго сношенія съ государемъ, и видя изъ опытовъ ненависть его ко всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ государь хорошъ, и желаніе всѣмъ завѣдывать, но такъ, чтобы ни за что не отвѣчать. Переговоры и пріисканіе докладчика продлились до Рождества. 24 декабря сдѣланъ я правителемъ дѣлъ комитета министровъ, а Кикинъ [2]) опредѣленъ уже въ январѣ.

Дѣла по комитету началъ докладывать графъ Аракчеевъ; слѣдовательно, удалена симъ всякая недовѣрчивость ко мнѣ, но во время отлучекъ его изъ города или болѣзни, ѣздилъ къ государю я, съ бумагами по назначенію графа Аракчеева. Для сего пожаловалъ мнѣ государь придворный экипажъ, узнавъ, что я не могу содержать его отъ себя. Помаленьку началъ графъ Аракчеевъ все прибирать къ себѣ, отвѣчая, однако, всякому, что онъ никакой отдѣльной части не имѣетъ и займется однимъ поселеніемъ войскъ. Дѣла совѣтскія рѣшительно къ нему поступали, министрамъ назначено столько предметовъ, по коимъ входили бы они въ комитетъ, съ представленіями, что инымъ ничего не

---

[1]) Петръ Степановичъ, 1760—1837, статсъ-секретарь Александра I.
[2]) Петръ Андреевичъ, 1775—1834, статсъ-секретарь, сенаторъ.

оставалось къ личному докладу государю; наконецъ, принялся было и за Кикина, но тотъ отгрызся.

Получивъ постоянное мѣсто въ комитетѣ министровъ, я думалъ, что прогулки мои по свѣту уже кончились; но, сверхъ ожиданія, въ августѣ 1816 г. велѣно ѣхать въ Москву и Варшаву. Графъ Аракчеевъ хотя скрылъ негодованіе, зачѣмъ государь беретъ меня съ собою, однако, показалъ неравнодушіе свое тѣмъ, во-первыхъ, что ни слова уже не говорилъ о томъ, поѣду я или нѣтъ; во-вторыхъ, ни теперь, ни послѣ, не испросилъ ни рубля мнѣ денегъ на дорогу, зная совершенно нужду мою, и въ третьихъ, не далъ мнѣ ни чиновника, ни писаря въ дорогу, подъ предлогомъ, что ему нужны, хотя всѣ дѣла его канцеляріи и журналы забиралъ я съ собою, исключая поселенческихъ.

13 августа, по утру въ 7 часовъ, выѣхалъ я изъ Петербурга и, пробывъ часа два въ Твери, у матушки (переселившейся туда по случаю выдачи сестры моей Ольги за Рахубовича), увидѣлъ обновившуюся Москву 16 числа, въ 5 часовъ вечера. Квартира была въ Чудовомъ монастырѣ. Примѣчательнаго въ сіе время, по нашей части было: награды 30 августа и назначеніе къ должностямъ Сперанскаго и Магницкаго, изъ которыхъ о Сперанскомъ указъ сочинилъ государь самъ, и графъ Аракчеевъ, изъ излишней вѣроятно осторожности, спряталъ отпускъ у себя, чего съ другими бумагами не дѣлалъ.

31 августа, на разсвѣтѣ, государь изволилъ отправиться изъ Москвы, чрезъ Калугу и бѣлорусское поселеніе, въ Кіевъ, а я, проживъ еще двое сутокъ въ Москвѣ, проѣхалъ прямо въ Кіевъ, чрезъ Тулу, Орелъ, Сѣвскъ и Нѣжинъ. Графъ же Аракчеевъ съ поселенія возвратился въ Грузино.

Въ Кіевѣ прожилъ съ 7 по 14 сентября, а сего числа пріѣхалъ въ Житоміръ, для предварительнаго объясненія съ сенаторомъ Сиверсомъ на счетъ пожертвованія Волынской губерніи. Доложивъ, по порученію сему, государю, получилъ благодарность за аккуратность и предосторожность. По утру 15-го выѣхалъ изъ Житоміра и, чрезъ Дубно, Владиміръ, Устилугъ [1]), гдѣ переѣхалъ границу, Люблинъ и Прагу, прибылъ утромъ 20 числа въ Варшаву, а 14 октября возвратился въ Петербургъ.

Сообщилъ профессоръ **В. А. Бильбасовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Устилугъ, Ружіямполь, мѣстечко Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда.

ПРЕБЫВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

въ

австрійскихъ Нидерландахъ въ 1717 году.

Продолжительное пребываніе Петра Великаго за границей въ 1716 и 1717 годахъ было вызвано, съ одной стороны, дипломатическими переговорами, которые стали необходимы послѣ того, какъ счастье въ Великой Сѣверной войнѣ окончательно повернулось на сторону Россіи, а съ другой—желаніемъ царя посѣтить тѣ страны Западной Европы, въ которыхъ ему еще не удалось побывать. Во время этого путешествія, начатаго совмѣстно съ царицей, государь посѣтилъ Копенгагенъ, Любекъ, Шверинъ, въ которомъ заболѣла его царственная супруга. Продолжая путь уже безъ государыни, Петръ посѣтилъ затѣмъ Нейштадтъ, Аверсбергъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ королемъ прусскимъ, Гамбургъ, Альтону, Бременъ и, наконецъ, Амстердамъ. Здѣсь Екатерина догнала своего супруга и пробыла въ этомъ городѣ нѣкоторое время вмѣстѣ съ нимъ. Но недолго на этотъ разъ оставался Великій Петръ въ Голландіи; вскорѣ онъ рѣшилъ отправиться во Францію, въ которой ранѣе не былъ. Опасаясь, что новое путешествіе еще болѣе утомитъ его супругу, онъ выѣхалъ изъ Амстердама безъ нея и, направившись черезъ Антверпенъ, Брюгге и Дюнкирхенъ, 7 мая (новаго стиля) прибылъ въ Парижъ, гдѣ тогда, за малолѣтствомъ короля Людовика XV, былъ регентомъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій.

Всѣ біографіи великаго преобразователя Россіи повѣствуютъ о томъ, что шесть недѣль, проведенныхъ въ Парижѣ, Петръ употребилъ, какъ и всегда, на ознакомленіе лишь съ тѣмъ, изъ чего можно было извлечь пользу для своего отечества.

Непомѣрные труды послѣднихъ лѣтъ и полное пренебреженіе своимъ здоровьемъ не остались безъ вреднаго вліянія на богатырскую натуру царя. Подъ конецъ своего пребыванія въ Парижѣ Петръ почувствовалъ себя такъ дурно, что рѣшилъ серьезно заняться своимъ здоровьемъ. Лейбъ-медикъ, его докторъ Аресkинъ, подалъ государю совѣтъ вновь попробовать лѣченіе минеральными водами [1]). На этотъ разъ врачъ назначилъ для лѣченія цѣлебные источники въ Спа, въ австрійскихъ Нидерландахъ (нынѣшняя Бельгія).

Внявъ совѣту медиковъ, Петръ Великій 20 іюня (новаго стиля) покинулъ Парижъ и отправился черезъ Соассонъ и Реймсъ въ Спа, гдѣ и продолжалъ свое лѣченіе до 25 іюля, послѣ чего возвратился въ Амстердамъ.

Въ архивахъ разныхъ городовъ, лежащихъ по пути слѣдованія монарха, сохранилось много любопытныхъ данныхъ о пребываніи русскаго царя въ этихъ мѣстностяхъ; эти данныя дополняются и устнымъ преданіемъ. Матеріалы, относящіеся къ пребыванію царя въ Спа, были собраны мѣстнымъ ученымъ г. Боди (Albin Body) и напечатаны въ его интересномъ этюдѣ «Pierre le Grand aux eaux de Spa».

По пути изъ Парижа въ Спа царь на короткое время останавливался въ Живе (Givet), Намюрѣ, Люттихѣ и здѣсь, какъ и вездѣ, главное свое вниманіе обращалъ на укрѣпленія и на воинскія упражненія.

Объ остановкѣ царя въ Живе современный журналъ «Mercure historique et politique» говоритъ: «Графъ Гомпешъ, получивъ увѣдомленіе отъ коменданта г. Живе о томъ, что Его Царское Величество прибудетъ туда 23 числа, отправилъ для его встрѣчи генералъ-маіора дю-Порталя. Правитель провинціи графъ де-Ланнуа послалъ свою карету, запряженную шестеркой лошадей и сопровождаемую двѣнадцатью воинами, вооруженными аллебардами, одѣтыми въ новые плащи, съ кокардами на шапкахъ, для встрѣчи Его Царскаго Величества въ ла-Плантъ, который находится на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города. Посылая туда экипажъ, онъ думалъ, что царь высадится именно тамъ, но Его Величество сошелъ съ лодки у Гроаньонскихъ воротъ и сѣлъ на коня, который былъ принесенъ ему въ даръ графомъ Гомпешемъ, ожидавшимъ царя здѣсь съ самыми знатными изъ гарнизонныхъ офицеровъ. Его Величество отправился въ замокъ въ сопровожденіи князя Куракина и прочихъ особъ своей свиты.

«Несмотря на то, что монархъ въ теченіе двухъ часовъ ѣхалъ верхомъ, онъ немедленно посѣтилъ всѣ укрѣпленія, при чемъ сдѣлалъ нѣ-

---

[1]) Государь послѣ Прутскаго похода 1711 года уже принималъ курсъ воднаго лѣченія въ Карлсбадѣ.

сколько такихъ дѣльныхъ замѣчаній, какія можно услышать лишь отъ самыхъ знающихъ инженеровъ. Затѣмъ онъ вернулся въ замокъ и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ трапезу, предложенную ему тамъ графомъ Гомпешемъ. Его Величество былъ очень внимателенъ ко всѣмъ собравшимся; нѣсколько разъ онъ пилъ ихъ здоровье. За столомъ онъ соблаговолилъ разсказать съ большими подробностями о битвахъ и осадахъ, которыми лично руководилъ. Послѣ обѣда Его Величество сѣлъ на коня и отправился въ губернаторскій домъ, гдѣ остался и ужинать. Послѣ ужина былъ балъ, на которомъ Его Величество танцовалъ съ одной изъ бывшихъ тамъ дамъ, затѣмъ онъ удалился на свою лодку въ часъ по полуночи».

О встрѣчѣ русскаго царя жителями Намюра одинъ изъ современниковъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

«По полученіи увѣдомленія о томъ, что Его Царское Величество прибудетъ въ Шарльвилль 21 іюня, въ собраніи депутатовъ отъ трехъ областей государства было рѣшено встрѣтить царя и привѣтствовать его на границѣ провинціи. Съ этою цѣлью было снаряжено двѣ прекрасныхъ лодки, на которыя сѣли по два депутата отъ каждой области, съ большимъ запасомъ прохладительныхъ напитковъ. Они отправились изъ Намюра 23 утромъ и къ вечеру того же дня были въ Вольсорскомъ аббатствѣ, гдѣ и остановились.

«На слѣдующій день, 24 числа, отправившись раннимъ утромъ въ Гюстиръ, они стали ожидать Его Величество, который и прибылъ туда въ 5 или 6 часовъ вечера; съ нимъ была его свита, помѣщавшаяся на пяти лодкахъ; сопровождалъ его отрядъ войскъ Его Христіаннѣйшаго Величества, который тутъ же былъ смѣненъ отрядомъ войскъ Его Императорскаго и Католическаго Величества. Лишь только депутаты издали замѣтили Его Величество, они тотчасъ же отправились къ нему навстрѣчу и, подъѣхавъ къ его лодкѣ, привѣтствовали его, при чемъ предложили ему взятые съ собой прохладительные напитки, что̀ доставило царю большое удовольствіе. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ на лодкахъ продолжали путь къ острову, лежащему около Бувиня, куда и прибыли къ десяти часамъ вечера. Здѣсь Его Величество, искупавшись вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами своей свиты, остановился и провелъ ночь на своей лодкѣ, а депутаты—на своей. На слѣдующій день рано утромъ всѣ отправились далѣе. Прибывъ къ замку Давъ, Его Величество приказалъ остановиться и съ нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ осматривалъ замокъ и его садъ. Возвратившись затѣмъ на лодки, Его Величество къ полудню прибылъ, наконецъ, къ берегамъ Гроаньона при громѣ выстрѣловъ всей артиллеріи города и замка. Тутъ городское начальство приготовило на городской счетъ, согласно распоряженію двора, большое пиршество по ту сторону моста, въ надеждѣ, что онъ

остановится тамъ. Но, сойдя съ лодки, Его Величество сначала сѣлъ на коня и поѣхалъ осматривать замокъ и его укрѣпленія. Городское начальство, получивъ увѣдомленіе отъ царскаго дворецкаго, что Его Величество желаетъ кушать на своей лодкѣ, тотчасъ же отправило туда все, приготовленное для пира, а также и большое количество разныхъ напитковъ.

«Спустившись изъ замка, Его Величество отправился къ губернаторскому дому, чтобы посмотрѣть на бѣгъ на ходуляхъ, устроенный въ честь царя городскими властями. Здѣсь было провозглашено нѣсколько тостовъ въ честь царя и приготовленъ великолѣпный ужинъ. Его Величество обнаружилъ такую радость и удовольствіе по поводу этого бѣга, что его придворные увѣряли, будто болѣе десяти лѣтъ не видали царя такимъ веселымъ и довольнымъ. При этомъ царь далъ состязавшимся 50 дукатовъ и бо́льшую часть ночи провелъ въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ пѣлъ и танцовалъ подъ звуки гобоевъ, присланныхъ городскими властями. Затѣмъ онъ пожелалъ на ночь вернуться на свою лодку, хотя для него и для большой части его свиты были приготовлены постели въ губернаторскомъ домѣ, на городской счетъ. Городскія власти и на слѣдующее утро, 26 числа, устроили въ честь государя зрѣлище боя всадниковъ и другой мѣстной игры, происходившей на рѣкѣ Нижній Самбръ и носившей названіе «saut de l'anguille» (нѣчто въ родѣ примѣрнаго рѣчнаго сраженія). И этимъ зрѣлищемъ царь, который въ самый разгаръ состязанія тоже сѣлъ на одну изъ лодокъ, остался очень доволенъ и далъ состязавшимся еще 50 дукатовъ. Послѣ этихъ развлеченій, окончившихся къ десяти часамъ, Его Величество отправился обозрѣвать городскія укрѣпленія. Когда городскія власти приказали устроить въ честь царя великолѣпный обѣдъ, царскій дворецкій увѣдомилъ ихъ, что государь болѣе не желаетъ обѣдать въ городѣ и что ему доставитъ удовольствіе, если все приготовленное будетъ прислано къ нему на лодку, даже живая рыба и, между прочимъ,—окуни, что́ и было исполнено. Царь самъ смотрѣлъ, какъ ихъ вылавливали изъ садковъ, которые съ этой цѣлью были подвезены къ самой его лодкѣ, и былъ такъ доволенъ, что и выразить трудно. Принявъ еще разъ привѣтствіе отъ города, царь къ двѣнадцати часамъ выбылъ отсюда при тройномъ залпѣ всей артиллеріи города и замка. Его сопровождали вышеназванные депутаты трехъ областей государства и отрядъ кавалеріи и пѣхоты, которые и проводили государя до города Гюи, гдѣ еще разъ привѣтствовали его и затѣмъ, на слѣдующій день, вернулись въ Намюръ».

Изъ Намюра царь проѣхалъ въ Шокье́, тогдашній главный городъ Люттихскаго округа.

Наканунѣ прибытія монарха-путешественника въ Люттихъ областной совѣтъ отправилъ люттихскаго бургомистра Энжельберта де-ла-Нэя,

нѣсколькихъ членовъ совѣта и областной хоръ музыки для встрѣчи государя. Съ своей стороны, и соборный причтъ съ тою же цѣлью отрядилъ графа Лидекерке, арденнскаго архидіакона, барона Берлеймонта, архидіакона города Эно, и Матіаса Клеркса, архидіакона города Кондроза.

Лодка, везшая эти депутаціи, сопровождалась громаднымъ количествомъ барокъ, красиво убранныхъ вѣнками, гирляндами и лентами; нѣкоторыя были наполнены солдатами, игравшими на музыкальныхъ инструментахъ.

Судно это причалило къ лодкѣ царя въ Шокьѐ и, послѣ того какъ де-ла-Нэй отъ имени города привѣтствовалъ самодержца на латинскомъ языкѣ, они продолжали путь вмѣстѣ до Люттиха, при громѣ выстрѣловъ изъ пушекъ, которыя, по распоряженію властей, были разставлены на всемъ пути. Плывя вдоль набережныхъ, царь былъ удивленъ громаднымъ количествомъ народа, покрывавшаго берега, и обратилъ вниманіе своей свиты на красоту пристани и набережныхъ Люттиха.

Въ одиннадцать часовъ и одъ звуки выстрѣловъ и трубъ и при радостныхъ кликахъ народа, царь сошелъ на землю у церкви августиновъ, гдѣ каноникъ мѣстнаго собора привѣтствовалъ его на латинскомъ языкѣ отъ имени князя-правителя австрійскихъ Нидерландовъ и передалъ ему вмѣстѣ съ письмомъ князя, свои вѣрительныя грамоты съ висячей печатью. Затѣмъ государю были представлены и два мѣстныхъ бургомистра, депутаты городскаго совѣта и большая часть общинныхъ властей. Они привѣтствовали царя, сказавъ, что городъ счастливъ видѣть въ своихъ стѣнахъ одного изъ самыхъ великихъ и могучихъ владыкъ міра. Г. Стиръ произнесъ рѣчь на голландскомъ языкѣ, которымъ царь хорошо владѣлъ.

Князь А. Б. Куракинъ, посланникъ царя во Франціи, служившій ему переводчикомъ, отвѣчалъ отъ имени Его Величества въ самыхъ милостивыхъ словахъ и прибавилъ, что во время своего путешествія царь неоднократно имѣлъ случай оцѣнить дарованія многихъ извѣстныхъ ему уроженцевъ Люттиха.

Парадная карета князя-правителя, запряженная восемью лошадями, ожидала царя. Де-ла-Нэй помѣстился по лѣвую руку монарха; тутъ же сидѣли князь Куракинъ и одинъ изъ русскихъ генераловъ. Впереди царской кареты ѣхало нѣсколько другихъ каретъ, предоставленныхъ въ распоряженіе придворныхъ монарха. Поѣздъ открывался отрядомъ гвардейцевъ на коняхъ, предводительствуемыхъ графомъ д'Аржантò д'Энѐ, а замыкался отрядомъ Доббельстейнскаго полка подъ командой полковника Виня.

Поѣздъ направился къ епископскому дворцу по улицамъ, украшен-

нымъ цвѣтами, зеленью и флагами. Войска на пути слѣдованія государя были разставлены шпалерами

Тотчасъ по прибытіи во дворецъ, Его Величество былъ привѣтствованъ депутатами соборнаго капитула; бургомистры провозгласили тостъ въ честь царя. Затѣмъ въ полдень царь прибылъ на блистательный банкетъ, на который собралась вся мѣстная знать.

По окончаніи обѣда Петръ объѣхалъ городъ, посѣтилъ соборъ и главныя церкви; особенно долго оставался онъ въ церкви Св. Іакова, гдѣ съ восхищеніемъ разсматривалъ каменную лѣстницу, которая долгое время считалась единственной въ своемъ родѣ.

Петръ отказался отъ отведеннаго ему помѣщенія во дворцѣ и остановился въ Лотарингской гостиницѣ, находившейся на Зеленой площади, гдѣ графъ де-Верита́ велѣлъ накрыть два стола для ужина Его Величества и его свиты.

Этотъ ужинъ былъ прекрасно сервированъ. Вечеромъ, былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, и городъ былъ блистательно иллюминованъ, причемъ гербъ царя украшалъ фасадъ городской ратуши и многіе городскіе памятники.

На слѣдующій день, рано утромъ, царь посѣтилъ каменноугольныя копи, находящіяся въ окрестностяхъ Люттиха, а затѣмъ отправился въ Спа въ сопровожденіи своей свиты, каноника де-ла-Нэя, гвардейскаго полка князя-намѣстника и отряда люттихскихъ пѣхотинцевъ, которыхъ царь оставилъ при своей особѣ на все время своего пребыванія на водахъ.

На другой же день по прибытіи въ Спа, Петръ началъ пить воды изъ Пуонскаго источника, но вскорѣ, по совѣту врачей, перешелъ на Жеронстерскій источникъ (въ трехъ съ половиной километрахъ отъ Спа), который и оказалъ благодѣтельное дѣйствіе на его здоровье.

Хотя царь прибылъ въ Спа съ опредѣленною цѣлью укрѣпить свое здоровье, однако онъ плохо подчинялся режиму, предписанному врачами. Иногда, напримѣръ, онъ выпивалъ непомѣрно большое количество минеральной воды, всегда мѣшая ее съ виномъ. Нѣкоторые изъ современниковъ описываютъ способъ лѣченія царя, и это описаніе очень хорошо характеризуетъ Петра вообще. Де-ла-Нэй говоритъ, что однажды утромъ царь на его глазахъ выпилъ 21 стаканъ пуонской воды, и это повліяло на него только въ смыслѣ возбужденія аппетита. Царь не обращалъ вниманія на запрещеніе медиковъ ѣсть сырые фрукты и однажды, только-что выпивши воды, съѣлъ шесть фунтовъ вишенъ и дюжину фигъ.

Своего обычнаго образа жизни Петръ Великій не мѣнялъ нигдѣ и ни при какихъ условіяхъ. Вотъ любопытное описаніе царскаго обѣда, сдѣланное въ частномъ письмѣ одного духовнаго лица:

«Въ четвергъ 22-го числа я прибылъ въ Спа, гдѣ нашелъ царя въ палаткѣ; я ему поднесъ корзину съ фруктами изъ моего сада. Царь сдѣлалъ мнѣ честь, пригласивъ меня отобѣдать съ нимъ; не могу не описать вамъ этого пиршества. Меня предупредили, что я увижу царя въ его обычной обстановкѣ. Столъ былъ такъ малъ, что на него можно было поставить лишь восемь приборовъ, но ихъ ухитрились поставить— двѣнадцать. Царь сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ ночномъ колпакѣ и безъ галстука. Мы всѣ размѣстились по продольнымъ сторонамъ стола и сидѣли на разстояніи полуфута отъ стола. Блюда подавались двумя гарнизонными солдатами; на этихъ блюдахъ не было рѣшительно ничего, кромѣ стоявшихъ по краямъ ихъ глиняныхъ чашекъ съ бульономъ и кусками мяса. Каждый бралъ себѣ одну изъ этихъ чашекъ и ставилъ ее предъ своей тарелкой, и это до такой степени увеличивало и безъ того большое разстояніе до кушаньевъ, что для того, чтобы взять ложку бульона, приходилось вытягивать руки, какъ во время фехтованья. Кто, съѣвъ свой бульонъ, захотѣлъ бы его еще, тотъ безъ церемоніи обращался къ чашкѣ своего сосѣда. Его Величество самъ сталъ кушать изъ чашки своего канцлера. Главный адмиралъ галернаго флота, сидѣвшій противъ царя и не хотѣвшій ѣсть, занимался тѣмъ, что грызъ ногти. Вдругъ явился человѣкъ, который не поставилъ, а буквально бросилъ на столъ шесть бутылокъ вина. Царь взялъ одну изъ этихъ бутылокъ и подалъ каждому гостю по стакану вина.

«Канцлеръ, возлѣ котораго я сидѣлъ, замѣтивъ, что я ѣлъ говядину безъ соли, такъ какъ единственная солонка стояла на противоположномъ краю стола, любезно сказалъ мнѣ: «Если вы, сударь, хотите соли, то можно взять ея». Чтобы не одолжаться, я протянулъ руку передъ царемъ и взялъ соли на весь обѣдъ. Почти всѣ чаши были опрокинуты потомъ на скатерть; туда же текло и вино изъ плохо закупоренныхъ бутылокъ. Вслѣдствіе этого, когда приняли приборы, скатерть оказалась вся въ пятнахъ отъ жира и вина.

«Появилось второе блюдо. Солдатъ, случайно проходившій въ кухню, поспѣшилъ подхватить его и, не успѣвъ снять шапки, сталъ трясти головою, чтобы сбросить ее, но царь подалъ ему знакъ войти такъ, какъ онъ былъ. Было подано блюдо, на которомъ лежало два большихъ куска телятины и четыре цыпленка. Его Величество, замѣтивъ цыпленка, который былъ больше остальныхъ, взялъ его руками, поднесъ къ носу и, показавъ мнѣ, что цыпленокъ этотъ свѣжъ, соблаговолилъ бросить его на мою тарелку; цыпленокъ легко скользнулъ съ одного конца стола на другой, такъ какъ на скатерти, кромѣ него, не было ничего, и скатерть притомъ была покрыта жиромъ.

«Былъ поданъ и дессертъ; это была тарелка съ тремя лепешками, спеціально изготовляемыми въ Спа. Наконецъ, встали изъ-за стола,

царь перешелъ къ окну, гдѣ нашелъ большія ржавыя ножницы, которыя онъ употребляетъ для чистки ногтей.

«Я былъ принужденъ предаваться самымъ строгимъ мыслямъ, чтобы не разразиться смѣхомъ за этимъ обѣдомъ. Я спасался тѣмъ, что читалъ всѣ молитвы, какія зналъ, и лишь тутъ вспомнилъ, что ѣлъ скоромное въ пятницу! Но это нарушеніе закона искуплено самимъ обѣдомъ».

Во время своего пребыванія въ Спа, Петръ часто запросто заходилъ въ дома обывателей и съ большимъ интересомъ приглядывался къ ихъ жизни вообще и, въ особенности,—къ ихъ работамъ. Особенно любилъ онъ заходить въ токарныя мастерскія и самъ иногда принималъ участіе въ токарныхъ работахъ, въ которыхъ былъ великимъ мастеромъ.

Жизнь въ Спа такъ приглянулась Петру, что онъ рѣшилъ устроить нѣчто подобное и въ Россіи. Узнавъ, что въ Олонецкой губерніи были открыты желѣзистые источники, онъ велѣлъ соорудить тамъ необходимыя постройки, рекомендовалъ своимъ придворнымъ посѣщать вновь открытыя воды и начало февраля 1719 года самъ провелъ въ Олонецкой губерніи, сопутствуемый царицей и вдовствующей герцогиней Курляндской.

Находясь въ Спа, царь не прекращалъ занятій государственными дѣлами. Извѣстно, что здѣсь ему была вручена записка сорбоннскихъ богослововъ относительно соединенія церквей; отсюда же онъ отправилъ посланіе свое къ царевичу Алексѣю Петровичу въ Италію.

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Спа, царь почувствовалъ себя настолько здоровымъ, что рѣшилъ отправиться въ Амстердамъ, гдѣ 4-го августа былъ заключенъ союзный договоръ канцлеромъ Головкинымъ, Шафировымъ и Куракинымъ съ русской стороны, французскимъ посланникомъ въ Голландіи Шатонёфомъ со стороны Людовика XV и барономъ Книпенгаузеномъ со стороны прусскаго короля.

Прощаясь съ городскими властями и войсками, царь отблагодарилъ ихъ за гостепріимство, щедро наградилъ войска и роздалъ нѣсколько медалей. Вечеромъ наканунѣ отъѣзда государь пригласилъ городскія власти къ столу.

Наканунѣ отъѣзда Петръ согласился, чтобы въ честь его было дано празднество, отъ котораго онъ до сихъ поръ уклонялся. Къ восьми часамъ вечера была зажжена громадная иллюминація на холмахъ, окружающихъ городъ; ружейные залпы, повторяемые всѣми эхо равнины, раздавались изъ двадцати различныхъ мѣстъ; оркестръ, состоявшій изъ рожковъ, гобоевъ, флейтъ и трубъ и расположенный на окрестныхъ скалахъ, въ теченіе всей ночи игралъ различныя музыкальныя пьесы. Пирамиды, воздвигнутыя на живую руку возлѣ источниковъ и фасада павильона, были освѣщены тысячами огней. Наконецъ, на рыночной

площади появились поселяне съ факелами и направились къ царскому жилищу съ пѣснями и дружными привѣтственными кликами».

Наконецъ, 25 іюля царь покинулъ Спа, обѣдалъ въ Лимбургѣ и вечеромъ прибылъ въ Ахенъ. Вступивъ затѣмъ въ голландскіе предѣлы онъ, встрѣчаемый повсюду съ подобающими его сану почестями, черезъ Нейбургъ и Мастрихтъ, прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ встрѣтился съ царицей, и затѣмъ черезъ Германію вернулся въ Петербургъ, куда и пріѣхалъ 21 октября 1717 года.

Петръ Великій пожелалъ увѣковѣчить память о пребываніи своемъ въ Спа. По распоряженію царя, въ Спа былъ поставленъ памятникъ работы одного амстердамскаго скульптора, на которомъ начертана на латинскомъ языкѣ слѣдующая надпись, сочиненная однимъ изъ приближенныхъ царя: «Божіей Милостію Петръ I, царь всероссійскій, благочестивый, благополучно царствующій, непобѣдимый, устроитель военнаго порядка и первый основатель наукъ и искусствъ среди своихъ подданныхъ, создавшій своимъ геніемъ сильный военный флотъ, безгранично увеличившій свои войска и черезъ войны даровавшій безопасность областямъ, какъ наслѣдованнымъ отъ предковъ, такъ и пріобрѣтеннымъ военными успѣхами, ознакомившись съ нравами различныхъ европейскихъ народовъ, посѣтивъ Францію, Намюръ и Люттихъ, прибылъ къ этимъ водамъ въ Спа, какъ къ источнику спасенія; послѣ успѣшнаго лѣченія этими цѣлебными водами, главнымъ образомъ, водами Жеронстерскаго источника, онъ вновь получилъ свои прежнія силы и здоровье; іюля 22 дня 1717 года, отправился въ Голландію и, возвратившись въ свою имперію, повелѣлъ воздвигнуть здѣсь этотъ памятникъ въ знакъ своей вѣчной признательности, въ 1718 году».

Потребности Россіи, высказанныя неизвѣстнымъ поэтомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Во-первыхъ, уменьшить чиновниковъ-хохловъ,
Министровъ и бояръ похожихъ наословъ,
Писателей дурныхъ ласкательныхъ стиховъ,
Зловредныхъ обществу картежныхъ игроковъ,
И имя истребить въ Россіи кабаковъ,
Горячее вино и всѣхъ откупщиковъ,
Которое (вино) вреднѣй горячки желтой злой,
Россію пустошитъ какъ будто бы чумой.
Въ ученые не брать нѣмецкихъ сорванцовъ
И генералами не дѣлать бѣглецовъ.
Коль новой должно дать россіянамъ законъ,
То русскими пускай написанъ будетъ онъ.
Законъ для общества, для тѣла какъ душа
Вѣдь—сколько бъ ни уменъ турецкій былъ паша,
Позволятъ ли ему писать законы русски;
Ихъ пишетъ намъ полякъ и дезертиры прусски.
Увы! увы! увы! почто же это такъ?
Въ Россіи умны всѣ, лишь, русскій, ты—дуракъ.
Кто за моремъ парикъ ученому чесалъ,
Въ Россіи тотъ у насъ въ профессоры попалъ.
Возможно ль на того смотрѣть спокойнымъ глазомъ:
Кто прежде на плечахъ носилъ ливрею съ газомъ,
На тѣхъ же онъ плечахъ имѣетъ орденъ Анны,
Презрѣны всѣ чины, достоинства попранны.
О, россы, бѣдны! доколѣ вамъ терпѣть,
Ужель вы дремлете или способу вамъ нѣтъ
Низвергнуть иго вамъ столь тягостныхъ людей.
Взгляните на лицо Россіи бѣдной всей,
Какъ звѣри хищные—пришельцы васъ терзаютъ,
Отъемлютъ хлѣбъ у васъ и вами презираютъ.

Указомъ запретить подъячимъ взятки брать,
Таможенны мѣста по таксамъ продавать.
Стараться размножать торговлю россіянъ
И участь облегчить несчастныхъ тѣхъ крестьянъ,
Которыхъ господа, для прихоти своей,
На англійскихъ мѣнять изволятъ лошадей.
Создатель! мнѣ прости, когда при мысли сей
Къ Тебѣ взываю я съ растерзанной душой.
Ты силенъ, Ты великъ, Ты мудръ къ намъ безконечно,
На то ль Ты создалъ свѣтъ, чтобъ мы страдали вѣчно.
На то ль Ты разумъ далъ своей любезной твари,
Чтобъ сильны немощныхъ, какъ волки агнцовъ, жрали.
Властители судебъ, народовъ вамъ подобныхъ
И тѣломъ и душой и чувствами вамъ ровныхъ,
Старайтесь облегчить несчастную ихъ долю,
Старайтесь истребить ихъ рабство и неволю.
Въ семъ мірѣ только тотъ великимъ назовется,
Кто лишь себя забывъ о подданныхъ печется.

БОСТОНЪ.

Игра въ бостонъ явилась нова,
Совѣтъ ее аппробовалъ;
Въ Москву послали Беклешова
За то, что ею презиралъ.
Но Воронцовъ—король бубновый,
Довольствуясь премѣной новой,
Сталъ Чарторижскому подъ масть.
Товарищъ сей не помогаетъ,
Онъ вѣчно на свои играетъ,
Томить—его охота, страсть.
Гранъ-суверенъ въ рукахъ имѣя,
Весь Кочубей объемлетъ свѣтъ,
Но, разыгрывать же не умѣя,
Поставить можетъ и лабетъ.
Не кстати козыря подбросить,
Ренонсъ онъ также сдѣлать можетъ
И станетъ масти проводить.
Съ нимъ, правда, Строгановъ играетъ,

Но козырей и тотъ не знаетъ.
Куда и какъ тутъ подходить,
Бостона правила извѣстны,
Державинъ, самъ ты написалъ
И какъ въ игрѣ должны быть честны,
Стихами, прозой объявлялъ,
Но карты въ руки и... забылся,
Ремизы ставить вдругъ пустился,
Чужія фиши подбирать,
И доказалъ ты очень ясно,
Что можно говорить прекрасно,
Но трудно дѣломъ исполнять.
Расклавши карты на удѣлы,
Трощинскій сюры подхватилъ;
Когда бъ не лѣта престарѣлы,
Игрокъ большихъ бы силъ онъ былъ.
Къ тому жъ мы созданы всѣ слабы:
Имъ овладѣли дѣвки, бабы,
Которы любятъ блескъ монетъ,
Безъ нихъ не ставить бы лабетъ.
Румянцовъ носится съ мизеромъ,
Платя за все двойной платежъ,
И хочетъ собственнымъ примѣромъ
Мѣнять заставить рубль за грошъ.
Давно по свѣту слухъ промчался,
Что женщинъ онъ всегда боялся
И для того относитъ дамъ.
Игру онъ худо разумѣя
И карты лишь въ рукахъ имѣя,
Играть велитъ секретарямъ.
А ты, валетъ винновой масти—
Вязмитиновъ, какой судьбой,
Забывши прежнія напасти,
Ты этой занялся игрой?
Ты человѣкъ, сударь, не бойкой,
Тебя знавали мы всѣ двойкой,
Теперича—фигура ты!
Но не дивлюсь тому ни мало,
Всегда то было и бывало,
Что въ гору лѣзутъ и кроты.

Письма А. С. Шишкова графу Дмитрію Ивановичу Хвостову.

I.

29 января 1805 г., С.-Петербургъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить пріятное вашего сіятельства письмо, за которое приношу вамъ мою покорнѣйшую благодарность.—Вы, милостивый государь, паче по благосклонности вашей ко мнѣ, нежели по достойнству моихъ сочиненій—думаете, что разсужденія мои объ языкѣ русскомъ остановятъ сколько-нибудь наносимое ему, подъ видомъ мнимаго обогащенія и очищенія вкуса, существенное поврежденіе. Усердіе къ общей пользѣ влагаетъ въ васъ сіе желаніе; но я сомнѣваюсь, чтобъ оное сбылось, во-первыхъ, потому, что зло сіе корень свой глубоко распространило, и во-вторыхъ потому, что всякой избѣгаетъ говорить то, что многимъ не нравится; не нравится же отъ того, что воспитаніе наше далеко отвело насъ отъ матки-Руси. Примѣчаніе ваше весьма справедливо, что надлежало бы ученымъ людямъ и мѣстамъ поддержать слабый, но на истинѣ основанный, голосъ мой. Однакожъ по сіе время сего еще не видно. Всѣ достопочтенные старики согласны со мною, но всѣ почти нынѣшнія книги словомъ и дѣломъ вопіютъ противъ меня. Предоставимъ времени рѣшить сей споръ, оно вводитъ людей въ заблужденіе и выводитъ ихъ изъ онаго. Намѣреніе, съ какимъ Академія хочетъ издавать свои сочиненія, состоитъ въ томъ, чтобъ стараться показать силу и открыть красоты славянскаго языка, на которомъ нынѣшній языкъ нашъ имѣетъ свое основаніе.—Сіе должно быть главнымъ ея попеченіемъ.—Предполагается не токмо избѣгать иностранныхъ оборотовъ рѣчей, но даже и словъ, гдѣ безъ нихъ обойтиться можно. Кратко сказать, не писать тамъ: литература, религія и пр., гдѣ въ томъ же смыслѣ употреблены быть могутъ

словесность, вѣра и пр. Я согласенъ съ вами, что надлежало бы выбирать странныя выраженія и осмѣивать ихъ, дабы молодые писатели не заражались симъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, очищеніемъ, или утонченіемъ вкуса, а по-моему такимъ поврежденіемъ или искаженіемъ онаго, что уже онъ кислую капусту едва съ ананасомъ различить можетъ, но по несчастью сихъ выраженій такъ много, что всѣ они можетъ быть и въ двадцати томахъ не помѣстятся.—Многіе считаютъ, что я въ сочиненіи моемъ «О старомъ и новомъ слогѣ» мѣтилъ на нѣкоторыя лица.—Это совершенная неправда. Я до личности не касался и никакого писателя не судилъ, а говорилъ и буду говорить о нелѣпостяхъ, тѣмъ паче вредныхъ, что онѣ выдаются за новость мыслей и за красоту языка. Писатель вообще можетъ быть весьма хорошъ, между тѣмъ какъ слогъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ быть весьма худъ. Я радъ алмазы его принимать за алмазы, но почему же глину его долженъ я почитать золотомъ?—Напишутъ:

«Вся изобрѣтательность французскаго ума нынѣ обращена на способъ сдѣлать въ Англіи высадку» («Вѣстн. Европы», стр. 80).

И я долженъ выраженіе сіе: «обратить изобрѣтательность на способъ» почитать красотою мыслей и языка!

Скажутъ: «Сіе путешествіе черезъ Америку дастъ намъ общую идею объ ея формѣ» (тамъ же, стр. 59), и я долженъ вѣрить, что въ сей рѣчи, безъ иностранныхъ словъ идея и форма обойтиться не можно! Что дастъ намъ понятіе объ ея образѣ есть варварскій языкъ, а «дастъ намъ идею о ея формѣ» — есть языкъ утонченнаго вкуса!

Написать изрѣдка нескладную рѣчь, неправильный стихъ, ложное заключеніе, чуже-язычное выраженіе—не есть, конечно, такая вопіющая вина, за которую должно тотчасъ и безъ всякаго разсмотрѣнія осудить писателя и выключить его изъ числа хорошихъ творцовъ. Это было бы весьма несправедливо. Расины и Корнеліи погрѣшали иногда. Но великая разница между неосторожнымъ погрѣшеніемъ и нарочнымъ повтореніемъ нелѣпицъ, выдавая ихъ за образецъ новаго языка и вкуса, и утверждая, что прежде сего потому такъ не писывали, что были невѣжды и не умѣли говорить хорошимъ языкомъ.—Одно достойно извиненія, другое несносно для любящихъ и знающихъ языкъ свой, вредно для незнающихъ и слабоумныхъ. — Всякому воля называть вещи, какъ онъ хочетъ; но вкусъ въ словесности не такъ легко пріобрѣтается, какъ въ пищѣ, а потому и понятія о первомъ изъ нихъ гораздо различнѣе, чѣмъ понятія о послѣднемъ. Если вкусъ въ словесности состоитъ въ томъ только, чтобъ презирать коренной языкъ свой, такъ этотъ вкусъ похожъ на тотъ, изображенный на картинкѣ, подъ которымъ подписано было: chacun à son goût.

Удовольствіе разсуждать съ вами завело меня далѣе, нежели я хотѣлъ. Простите, ежели я вамъ наскучилъ, говоря о томъ, что вамъ не меньше моего извѣстно: поелику вы сами въ словесности упражняетесь и языкъ свой любите. Объ изданіи Академическихъ сочиненій я не могу еще ничего порядочно вамъ сказать, когда и какъ они начнутся. Знаю только, что въ первую часть положено помѣстить извѣстія о началѣ Академіи, толкованіе на Игорево слово и еще нѣкоторыя касающіяся прямо до языка и словесности статьи.—Когда же помѣщаться будутъ стихотворенія, тогда мы и вашими сочиненіями и переводами не упустимъ воспользоваться. Впрочемъ, въ разсужденіи постороннихъ трудовъ, кои къ намъ присылаемы будутъ, положено между нами такое правило, чтобъ тѣ изъ нихъ, которые получены будутъ безъ подписанія имени сочинителя, почитать за предоставленные въ полную нашу волю, то-есть, что мы можемъ переправлять ихъ, какъ хотимъ. Что жъ принадлежитъ до тѣхъ, при которыхъ подписано будетъ имя сочинителя, то въ оныхъ ни единаго слова, безъ его на то согласія перемѣнено не будетъ.

2.

15-го декабря 1805 года. С.-Петербургъ.

Милостивый государь мой, графъ Дмитрій Ивановичъ!

Покорнѣйше благодарю васъ за пріятное письмо, которое я имѣлъ честь отъ васъ получить: вы пишете ко мнѣ о задачѣ Имряка; я ничего вамъ объ оной сказать не могу, кромѣ того, что въ прошедшее годовое собраніе въ Академіи, въ которомъ и мнѣ случилось быть, разсуждали объ ней, что вопросы, сдѣланные въ оной, не такъ опредѣленны, чтобъ Академія принять ее могла. Вотъ все, что я слышалъ, и о чемъ васъ увѣдомить могу; что касается до моего собственнаго о семъ мнѣнія, буде бы вы знать оное пожелали, то скажу вамъ, что врядъ ли подобный вызовъ можетъ быть сдѣланъ: статься можетъ, что откликнутся на него ребятишки, но откликнется ли Лагарпъ? и есть ли онъ у насъ? Языкъ нашъ, конечно, имѣетъ истолкованіе свойствъ его, силы и красотъ; всѣ наши лучшіе писатели показали намъ только, что они хорошо писать умѣли, оставили примѣры; но ничего не сказали о языкѣ, не открыли намъ способовъ идти по слѣдамъ. Безъ сего общаго свѣтильника всѣ мы разбрелись въ разныя стороны: пишемъ и никогда не умствуемъ о своемъ языкѣ, говоримъ чужимъ нарѣчіемъ, довольствуемся только тѣми словами и слогомъ, къ которому ухо наше

отъ ежедневнаго употребленія привыкло,—далѣе не смѣемъ поступать. Умъ нашъ не ищетъ, не создаетъ. Единственное и надежное средство, упражненіе въ языкѣ своемъ, сдѣлалось для насъ тяжело и трудно. Надъ истинными красотами языка нашего начали мы смѣяться, а порчу и безобразіе онаго называть вкусомъ, и въ этомъ такъ много успѣли, что если бы въ семъ состояніи вещей и могли у насъ появиться Лагарпы, то уже сочиненія ихъ, конечно, не въ нынѣшнія, но развѣ въ будущія токмо времена могутъ дать плодъ свой. Ежели мы прочитаемъ во второмъ томѣ лагарповой лицеи (Anciens Livre Second Eloquence, Section III de l'elocution et des figures), то увидимъ, отъ чего языки приходятъ въ упадокъ. И когда уже французскій языкъ, столько вычищенный, столько учеными и великими во всѣхъ родахъ людьми обработанный, не избѣгнулъ отъ справедливыхъ упрековъ, какіе дѣлаетъ Лагарпъ à la literature moderne, то что же скажемъ мы о своей новой словесности, которая есть рабственный списокъ или слѣпая копія съ той худой французской, которую Лагарпъ называетъ порчею и безобразіемъ языка своего, и о которой онъ говоритъ: «Ces feuilles éphémères, rédigées avec une précipitation, qui serait dangereuse même pour le talent, à plus forte raison pour ceux, qui n'en ont point, fourmillent de fautes de toute espèce; il est impossible à un homme de lettres d'en lire vingt lignes, sans y trouver presque à chaque mot, l'ignorance ou le ridicule, mais ceux qui sont moins instruits s'accoutument à ce mauvais style, et le portent dans leurs écrits ou dans leur conversation; car rien n'est si naturellement contagieux que les vices du style et du langage et nous sommes disposés à imiter, sans y penser, ce que nous lisons, et ce que nous entendons tous les jours. Ce n'est pas ici le moment de porter jusqu'à la démonstration ce qui est assez prouvé à quiconque a un peu réfléchi: je m'écarterais trop de mon objet, et celui là est assez important pour être un jour traité à part. C'est alors qu'on sentira que les gens de lettres (et toutes les fois que je me sers de ce terme, je n'entends jamais par là que ceux qui méritent ce nom), que les gens de lettres ne doivent être taxés ni d'humeur, ni d'exagération, lorsqu'ils annoncent un si grand mépris pour ces malheureuses rapsodies, devenues l'aliment de la multitude [1])». По

---

[1]) Эти летучіе листки, составляемые съ поспѣшностью, которая была бы опасна даже для таланта, а тѣмъ болѣе для обдѣленныхъ имъ, кишатъ всевозможными ошибками; литераторъ едва-ли прочтетъ какихъ-нибудь 20 строкъ, не натыкаясь на каждомъ шагу либо на невѣжественность, либо на курьезы, люди же менѣе образованные, благодаря летучимъ листкамъ, усвоиваютъ себѣ дурной ихъ слогъ и переносятъ его въ свои писанія и бесѣды, ибо едва-ли есть что-нибудь болѣе заразительное, чѣмъ стилистическіе недостатки и

симъ Лагарповымъ словамъ, я уже и недоумѣваю, что̀ бы такое могъ онъ сказать, если бы, начитавшись нашихъ книгъ, долженъ былъ говорить о нашей словесности, разумѣется, новой и господствующей нынѣ? Я думаю, онъ бы бросилъ перо и погасилъ въ себѣ желаніе писать. Но я непримѣтнымъ образомъ уже увеличилъ мое письмо и могъ вамъ наскучить онымъ. Прошу быть увѣрену въ той преданности, съ коею на всегда есмь и пребуду.

3.

16-го сентября 1807 года. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ сердечно благодареніе за пріятныя ваши ко мнѣ письма, изъ которыхъ на первое не могъ я отвѣтствовать, не зная хорошенько мѣста вашего пребыванія. При второмъ же отъ васъ письмѣ получилъ я сочиненіе ваше, подъ названіемъ: «Поэма притчи», и при ономъ письмо къ вамъ стихами отъ г. Палицына. Сожалѣю, что вашего къ нему письма, на которое, какъ видно, онъ отвѣчаетъ, тутъ же не приложено. Сочиненіе ваше прекрасно; наполнено хорошими и плавными стихами. Вы прислали ихъ съ бѣлыми страницами, повидимому, для поправки; но я безъ лести и чистосердечно вамъ скажу, что на бѣлыхъ страницахъ не поправки, а похвалу вамъ написать должно. Палицына къ вамъ письмо имѣетъ также свои достоинства, какъ и всѣ его произведенія. Горчаковъ прислалъ ко мнѣ стихи свои на безсмертіе, прекрасные стихи! Я желалъ бы, чтобъ онъ сатиру свою докончилъ, которую онъ такъ удачно началъ. Мнѣ кажется, личность много дѣлаетъ словесности нашей вреда. Судятъ о сочиненіяхъ не по сочиненіямъ, но по тому, кто ихъ написалъ, и въ какой мы съ нимъ связи. Съ пристрастіемъ хвалятъ, съ невѣжествомъ бранятъ. Отъ того

оплошныя выраженія. Мы помимо воли склонны подражать тому, что читаемъ или слышимъ каждодневно, вовсе о семъ и не думая. Здѣсь было бы не кстати приводить примѣры тому, что достаточно извѣстно каждому, кто сколько-нибудь размышлялъ—я слишкомъ бы отклонился отъ настоящей своей темы, а затронутый мною сейчасъ слегка предметъ столь важенъ, что будетъ подлежать при случаѣ трактованію особо. И вотъ тогда-то убѣдятся, что литераторовъ (а каждый разъ, что я употребляю это выраженіе, я отношу его единственно къ личностямъ, дѣйствительно заслуживающимъ это имя)—едвали можно упрекать въ пристрастіи или въ преувеличеніи, когда они выражаютъ полное пренебреженіе къ жалкимъ словоизверженіямъ, сдѣлавшимся повседневною пищею для толпы.

ложь ростетъ, а правда покрывается мракомъ. Не такъ бы надлежало судить о сочиненіяхъ, но въ одномъ и томъ же человѣкѣ хвалить хорошее, а хулить худое,—хулить же не браня, но доказывая только, что это худо. Сожалѣю, что я спѣша сегодня отправить къ вамъ сіе письмо, не имѣю времени подолѣе съ вами побесѣдовать. Предоставляю себѣ это удовольствіе до другаго случая.

4.

30-го іюня 1824 г. № 2195.

При письмѣ вашего сіятельства отъ 20-го сего іюня я имѣлъ честь получить сто одинъ экземпляръ книги, подъ названіемъ «Наука о стихотворствѣ въ 4 пѣсняхъ», изъ коихъ одинъ назначенъ вами для меня, а прочіе для разсылки по учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ подъ вѣдомствомъ ввѣреннаго мнѣ министерства.

Принося вамъ, милостивый государь мой, благодарность за доставленіе сей книги, я не премину, согласно съ желаніемъ вашимъ, разослать экземпляры оной по вашему назначенію.

5.

26-го марта 1825 г.

По содержанію письма вашего ко мнѣ отъ 25-го сего мѣсяца, касательно исходатайствованія высочайшаго соизволенія на подписку для сооруженія памятника Ломоносову, имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что монаршая воля на сіе уже послѣдовала; о чемъ далъ я знать и г. архангельскому, вологодскому и олонецкому генералъ-губернатору.

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.

Скоро минетъ 50 лѣтъ, какъ я въ первый разъ въ жизни былъ въ театрѣ, и невольно припоминаются минуты счастья, радости и высокаго наслажденія, которыя пережилъ я въ немъ. Сколько счастливыхъ часовъ провелъ я съ геніальными артистами, сколько великихъ именъ мелькаютъ въ моей памяти, и сколько свѣтлыхъ воспоминаній о высоко художественномъ исполненіи великихъ созданій озаряло всю мою жизнь!..

Въ Москвѣ въ 1836 году, пятилѣтнимъ мальчикомъ, меня повезли смотрѣть драму Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла». Изъ всего спектакля остался у меня въ памяти огромный малиновый балдахинъ надъ кроватью, на которой лежалъ больной князь Пожарскій. Послѣ драмы шелъ военный дивертиссементъ «Переходъ русскихъ черезъ Балканскія горы». Матушка хотѣла уѣхать, а я умолилъ остаться, говоря, что играетъ Щепкинъ, игру котораго моя мать очень любила; но въ этомъ военномъ дивертиссементѣ игралъ не Щепкинъ, а актеръ Щепинъ. Посмѣялись моей военной хитрости и остались. Помню, что на заднемъ планѣ, на горахъ, стояла группа военныхъ. Впереди всѣхъ, высокій генералъ въ лосинахъ, ботфортахъ, въ трехъугольной шляпѣ, надѣтой по формѣ, съ длиннымъ бѣлымъ султаномъ, смотрѣлъ на проходившія войска. Публика кричала «ура!», махала платками и поднялась съ мѣстъ. Мнѣ объяснили, что высокій генералъ—аллегорія государя Николая Павловича.

Года черезъ два-три, въ 1839-мъ или сороковомъ году, я ходилъ по залѣ нашего московскаго дома [1]), и мнѣ пришла странная мысль, что

[1]) Въ Старой Конюшенной, противъ дома И. А. Яковлева, съ которымъ были знакомы мои родители, и А. И. Герценъ (его сынъ) бывалъ у насъ еще молодымъ человѣкомъ.

ежели я сяду на стулъ и просижу часъ, то непремѣнно поѣду въ театръ. Я сѣлъ, высидѣлъ этотъ срокъ, и меня взяли въ театръ. Давали драму Полеваго «Купецъ Иголкинъ». Помню, какъ Мочаловъ выхватилъ у часоваго ружье и закололъ его; какъ какой-то актеръ, въ большой трехъугольной шляпѣ, въ синемъ мундирѣ, ежеминутно подергивалъ рукою огромные ботфорты. Мнѣ сказали, что это Карлъ XII. Но до сихъ поръ стоитъ передъ моими глазами чудное, блѣдное, орошенное слезами лицо; до сихъ поръ звучитъ у меня въ памяти голосъ: «Русь»... (длинная пауза)... М а т у ш к а! При этихъ словахъ Мочаловъ распростеръ руки. Больше я не видалъ Мочалова.

Съ такими скудными личными воспоминаніями, странно, даже смѣшно, писать мнѣ о Мочаловѣ. Но передамъ то, что слышалъ о немъ отъ С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, П. М. Садовскаго и отъ брата моего М. А. Стаховича.

4-го сентября 1817 года въ Московскомъ театрѣ шелъ «Эдипъ въ Аѳинахъ», Озерова. Вотъ что говорилъ мнѣ Аксаковъ о первомъ дебютѣ Мочалова. Было душно; Эдипъ-Колпаковъ (знаменитость того времени) былъ не въ ударѣ. Креона, ежели не ошибаюсь, игралъ Зловъ; піеса шла вяло, аплодисментовъ не было, публика чуть не заснула. Вдругъ за кулисами раздается молодой полный жизни голосъ Поленика. «Ахъ гдѣ она? вы къ ней меня ведите!» Какъ электрическая искра пробѣжала по залѣ; послѣ усыпительной монотонной игры, этотъ голосъ поразилъ всѣхъ... и вбѣжалъ въ первый разъ на сцену Мочаловъ! Невольно раздались аплодисменты; актеры, публика—все оживилось. Мочаловъ игралъ великолѣпно, рукоплесканія не прерывались, тріумфъ былъ полный.

Аксаковъ былъ страстный поклонникъ Мочалова и ставилъ его выше всѣхъ, когда-либо имъ видѣнныхъ, актеровъ. Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ въ восторгѣ отъ игры Мочалова даже и въ Чацкомъ, говоря, что послѣдній актъ и заключительный монологъ были совершенствомъ. М. С. Щепкинъ передалъ мнѣ о дебютѣ Павла Степановича въ Петербургѣ. Геній на сценѣ, ребенокъ въ жизни, Мочаловъ не понялъ, отчего ему предложили дебютировать ролью Фердинанда въ «Коварствѣ и любви». Огромнаго роста, стройный Каратыгинъ въ бѣломъ мундирѣ былъ очень красивъ и представителенъ въ этой роли. Мочалова—небольшаго роста и сутуловатаго—облекли въ какой-то сѣрый мундиръ съ красными отворотами и дали ему шляпу съ голубымъ плюмажемъ. Наступилъ вечеръ дебюта; театръ набитъ биткомъ; выходитъ Мочаловъ, гробовое молчаніе; онъ начинаетъ волноваться, говоритъ нараспѣвъ монологъ за монологомъ; хватается то за голову, то за шпагу; ежеминутно вертитъ несчастнымъ плюмажемъ передъ носомъ... Роль пропала. Публика не шикаетъ, не смѣется, а смотритъ въ недоумѣніи. Что это такое? и это

московскій геніальный Мочаловъ? Но подходитъ то мѣсто въ драмѣ, когда Фердинандъ, показывая Луизѣ письмо, спрашиваетъ ее: она ли написала его? «Да» — отвѣчаетъ Луиза... Мочаловъ вдругъ преобразился, потемнѣло чело, онъ выросъ... и страшный вопль: «скажи, что ты солгала» потрясъ своды театра и растопилъ ледяное предубѣжденіе петербургской публики! Какъ одинъ человѣкъ, захлопали тысячи рукъ... Минута вдохновенія прошла, Мочаловъ сталъ играть еще хуже, но упала занавѣсь, и загремѣли клики: «Мочалова! Мочалова»!.. Одна вспышка геніальнаго огня дала понять зрителямъ, что такое Мочаловъ! Ц. М. Садовскій разсказывалъ, что въ 1839 году послѣ года трудовъ, лишеній и униженій, онъ вымолилъ себѣ первую роль. Ему дали играть какого-то приказнаго, въ водевилѣ «Именины благодѣтельнаго помѣщика», или «Свадьба въ селѣ Сверчковѣ» [1]). Водевиль шелъ послѣ «Лира». По окончаніи трагедіи, много разъ вызывали Мочалова. Начали перемѣнять декораціи, вызовы все продолжаются. Поставили комнату водевиля, даютъ звонокъ актерамъ выходить на сцену, а публика кричитъ «Мочалова, Мочалова!». Подымаютъ занавѣсь, Мочаловъ снова выходитъ и, уходя, въ кулисѣ сталкивается съ Садовскимъ, который шелъ уже на сцену. «Когда я взглянулъ на него»,—говорилъ мнѣ Провъ Михайловичъ,—«я такъ и обмеръ и не помню, какъ присѣлъ на какую-то скамейку». Такъ горѣли его глаза, пылалъ страстью вдохновенный ликъ—Мочаловъ былъ все еще Лиромъ; священный огонь не угасалъ, хотя прошло много времени, какъ кончилась трагедія.

Такъ и остался Садовскій на скамейкѣ; нашли его, пихнули на сцену, забылъ онъ, что̀ ему надобно было говорить. Передъ нимъ все еще стоялъ ужасный Лиръ!

Ошикали бѣднаго Садовскаго и послѣ спектакля чуть не лишили единственной роли [2]).

Случилось Садовскому впослѣдствіи бывать въ одной уборной съ

---

[1]) Бѣлинскій пишетъ, т. 2, стр. 618: «Въ интермедіи водевилѣ: «Именины благодѣтельнаго помѣщика», онъ (Воротынцевъ) отличался въ роли нѣмца Карла Мартыновича Янсона, но мы не остались на эти именины». Вѣроятно и на послѣдующія «именины» не оставался Бѣлинскій, и онъ, кажется, никогда не видалъ Садовскаго: ему стали давать роли послѣ отъѣзда Виссаріона Григорьевича въ Петербургъ.

[2]) И со мной грѣшнымъ былъ въ этомъ родѣ случай на аренѣ Марсова поля. Я былъ на майскомъ парадѣ, кажется въ 1850 году; лошадь моя захромала, эскадронный командиръ приказалъ пересѣдлать мнѣ лошадь изъ фронта. Сажусь—вижу породистый бѣлый конь; спрашиваю у вахмистра, не была ли прежде эта лошадь какого-нибудь офицера? «Точно такъ»—отвѣчалъ вахмистръ,—«поручика Лермонтова». И мысль, что я сижу на лошади Лермонтова, сгубила меня: ни равненія, ни прибавленной рыси... все пропало. Дорого обошлось мнѣ счастье ѣхать на лошади великаго поэта.

Мочаловымъ; одѣваясь, онъ бывалъ веселъ, шутилъ, гримируется, надѣваетъ парикъ, скоро готовъ... и постепенно Мочаловъ становился все серьезнѣе: онъ умолкалъ, дума ложилась на чело, всѣ невольно затихали, и выходилъ изъ уборной не Мочаловъ, а принцъ Гамлетъ или Лиръ!

М. П. Садовскій очень кратко, но мѣтко характеризовалъ вдохновеніе игры Мочалова: «это была, говорилъ онъ, лейденская заряженая банка... поражала и разряжалась».

Мой братъ былъ студентомъ въ 1835 году, когда пріѣзжалъ въ Москву В. А. Каратыгинъ. Во многихъ роляхъ онъ очень нравился, была часть публики, особливо аристократическая, которая ставила Каратыгина наравнѣ и даже выше Мочалова. Въ театрѣ начались стычки каратыгинистовъ и мочаловцевъ; но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, поэтическіе и сценическіе восторги были въ строгихъ рамкахъ. Не даромъ тогда Гоголь вложилъ въ уста своего городничаго: «Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать, отъ этого убытокъ казнѣ».

Высшая и низшая полиціи Москвы строго слѣдили и за восторгами. Только разрѣшено было восторгаться балетомъ,—оно невиннѣе, да къ тому же оберъ-полиціймейстеръ Цинскій покровительствовалъ первой танцовщицѣ Санковской [1]). Весь университетъ, профессора и студенты были мочаловцы. Мой братъ былъ въ числѣ трехъ студентовъ, которые, отъ лица своихъ товарищей, поѣхали къ Каратыгину благодарить его за доставленное высокое артистическое наслажденіе и просить въ его бенефисъ взять что-нибудь изъ Пушкина, чтобы великій русскій актеръ

---

[1]) По этому поводу извѣстный актеръ и водевилистъ Д. Т. Ленскій сказалъ экспромптъ:

Брандъ-маіоръ Тарновскій
Тѣмъ себя прославилъ,
Что башмакъ Санковской
Цинскому доставилъ.
Такъ-ли? При рапортѣ-ль...
Слухи не доходятъ,
Но чрезъ этотъ фортель
Многіе выходятъ.

Впослѣдствіи, уже на моей памяти, возгорѣлась балетная война между поклонниками Санковской и пріѣзжей петербургской танцовщицей Андреяновой (которой очень протежировалъ директоръ театровъ Гедеоновъ), и дошло до того, что Павелъ Булгаковъ, вмѣсто букета г-жи Андреяновой, кинулъ на сцену дохлую кошку, какъ эмблему худобы этой балерины. Но и балетные восторги въ 50-хъ годахъ, которые возбуждала, во время правленія графа Закревскаго, знаменитая Фанни Эльснеръ, были порицаемы. Балетоманы-фанатики, которые запрягались въ ея колесницу, и особенно возница г. Хлоповъ, помѣстившійся на козлахъ, пострадали.

растолковалъ бы имъ геніальнаго русскаго поэта. Каратыгинъ былъ тронутъ.

— Поставьте, Василій Андреевичъ,— говорили депутаты—«Моцарта и Сальери»; Сальери—вотъ ваша роль.

— Кто жь будетъ играть Моцарта?—спросилъ Каратыгинъ.

— Мочаловъ,— отвѣчаютъ ему.—Въ вашъ бенефисъ онъ возьметъ и вторую роль.

Должно быть хорошо помнилъ роль Сальери Каратыгинъ; онъ отказалъ и очень сухо. А хотѣлось московскимъ студентамъ, чтобы самъ Каратыгинъ, въ свой бенефисъ, сказалъ бы про Моцарта-Мочалова, что геній даетъ судьба:

. . . . . не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій...
А озаритъ голову безумца
Гуляки празднаго.

Въ эту минуту театръ грохнулъ бы отъ рукоплесканій Каратыгину. Передамъ еще воспоминанія моего брата. Въ сороковыхъ годахъ, Мочаловъ въ свой бенефисъ вывелъ въ первый разъ на сцену свою дочь Екатерину Павловну въ «Коварствѣ и любви» въ роли Луизы; а самъ, всегда играя Фердинанда, въ это представленіе въ первый разъ игралъ музыканта Миллера (отца Луизы), а роль Фердинанда передалъ Самарину.

Въ сценѣ оскорбленія отеческаго чувства, когда Миллеръ говоритъ президенту, что онъ пойдетъ жаловаться герцогу,—президентъ отвѣчаетъ, что его не допустятъ. Мочаловъ оцѣпенѣлъ, молчалъ нѣсколько секундъ и началъ монологъ словами «ваше превосходительство». Братъ говорилъ мнѣ, что болѣе ужаснаго площаднаго ругательства, какимъ прозвучали въ устахъ Мочалова слова: «ваше превосходительство»—онъ въ своей жизни не слыхалъ. Не кончивъ монолога, Мочаловъ схватилъ стулъ, кинулся на президента, стулъ выпалъ изъ его рукъ, съ Мочаловымъ сдѣлалось дурно, онъ упалъ... М. С. Щепкинъ въ этотъ вечеръ игралъ Вурма и говорилъ мнѣ, что рыдалъ на сценѣ отъ игры Мочалова, что ужь никакъ не подходило къ характеру его роли.

Не помню, Садовскій, или мой братъ передавали мнѣ, какъ, въ первый разъ, директоръ театровъ А. М. Гедеоновъ увидалъ Мочалова. Можетъ быть, Гедеоновъ рѣдко ѣздилъ въ Москву или случалось ему пріѣзжать, когда Мочаловъ былъ въ отпуску, или боленъ, но ни разу онъ не видалъ Павла Степановича на сценѣ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, директоръ приказываетъ поставить Гамлета, чтобъ видѣть наконецъ Мочалова. Говорятъ, что артистъ давно боленъ. «Что такое, чѣмъ?» Съ улыбкой отвѣчаютъ: «Запой, ваше превосходительство».

Лѣтъ двадцать пять назадъ ни одинъ актеръ не называлъ иначе директора, какъ «генералъ» [1]). Что же было въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ? Мы, воспитанники школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, не такъ боялись генерала Судгофа, или великаго князя Михаила Павловича, какъ боялись артисты Гедеонова..... И поѣхалъ онъ разносить пьяницу, въ его квартиру. Болѣзнь приходила къ концу; Мочаловъ перешелъ уже на пиво. Много смѣнилъ онъ собутыльниковъ, остался при немъ одинъ какой-то дьяконъ. Сидитъ облокотившись на руку Мочаловъ; благодушествуетъ отецъ дьяконъ; на столѣ и подъ столомъ рядъ пустыхъ бутылокъ... Вдругъ отворяются двери, и входитъ Гедеоновъ.

— Это что такое? Вотъ какъ ты боленъ! Ты пьешь третью недѣлю?

— Что вамъ нужно, кто вы такой?—поднявъ голову, спрашиваетъ Мочаловъ.

— Я директоръ—отвѣчаетъ Гедеоновъ.

Молчаловъ всталъ, скрестилъ руки и покачалъ головою.

— Вы Гедеоновъ? Какъ же вы смѣли придти къ Мочалову, когда вы знали, что онъ пьетъ! Вы, директоръ, видите въ первый разъ въ жизни Мочалова, гордость и славу русскаго театра, не на сценѣ, въ минуты его тріумфа, когда онъ потрясаетъ, живитъ и леденитъ кровь тысячей зрителей, когда театръ стонетъ отъ криковъ и воплей! А вы пришли смотрѣть на Мочалова пьянаго, въ грязи... не тогда, когда онъ геній, а когда онъ перестаетъ быть даже человѣкомъ! Стыдно вамъ, директоръ Гедеоновъ! Ступайте вонъ! Идите скорѣй вонъ!

Гедеоновъ прослезился и ушелъ. Онъ видѣлъ геніальнаго Мочалова.

Вспоминая всѣ разсказы современниковъ объ игрѣ Мочалова, прихожу къ убѣжденію, что никто, кромѣ него, не могъ такъ играть. Страшный его шопотъ слышался во всемъ театрѣ, его хохотъ въ монологѣ Гамлета: «Оленя ранили стрѣлой» леденилъ кровь зрителей, его рыданія и проклятія въ «Отелло» потрясали своды театра, какъ рыканье африканскаго льва. Какъ слабы и смѣшны становились удары театральнаго грома, блескъ молніи и завыванье бури предъ потрясающимъ громомъ его проклятій и стономъ обезумѣвшаго отъ горя и несчастій Лира!

Его любовный лепетъ въ «Нино» (въ драмѣ Уголино) былъ такой мелодіей, звучалъ такимъ молодымъ счастьемъ, что свѣтло и радостно становилось на душѣ у каждаго. Голосъ для актера—все, а онъ имѣлъ еще геній, мощь и мимику, и все въ минуты вдохновенія. Закончу о Мочаловѣ двумя строфами изъ стихотворной повѣсти «Б ы л о е» покой-

---

[1]) Какъ и до сихъ поръ прислуга называетъ дворцовыхъ фрейлинъ «г е н е р а л ь ш а».

наго моего брата М. А. Стаховича, напечатанной въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ «Москвитянинѣ»:

Блистаютъ ложи золотыя,
Народу тьма, и часъ насталъ,
Желанный часъ, когда впервые
Мочаловъ Гамлета игралъ.
Я помню этотъ день чудесный!
Шекспиръ, по слухамъ лишь извѣстный,
И нашу сцену посѣтилъ.
Какъ будто стройный рядъ свѣтилъ
Прошли невиданныя сцены;
Намъ открывался новый свѣтъ.
Пока не вывѣдалъ Гамлетъ
Братоубійственной измѣны,
Какъ звѣрь подстрѣленный вскочилъ
И смѣхомъ.... кровь заледенилъ!
Театръ весь вздрогнулъ! Страхъ и холодъ
Его объялъ и разъ за разъ
Тутъ сердце стукнуло, какъ молотъ.
Но мигъ прошелъ. И разразясь
Неслыханнымъ, ужаснымъ трескомъ,
Толпа и воплями и плескомъ
Взгремѣла! Этотъ страшный гулъ,
Казалось, своды пошатнулъ.
А онъ, онъ грозный, съ ликомъ блѣднымъ
Въ красѣ трагической своей
Стоялъ, какъ нѣкій чародѣй,
Смѣялся—хохотомъ побѣднымъ!
И долго памятенъ для всѣхъ
Остался этотъ страшный смѣхъ.

Говорятъ, что отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Разскажу эпизодъ шестидесятыхъ годовъ. Однимъ изъ поклонниковъ Мочалова былъ молодой учитель каллиграфіи, или литографъ Дьяковъ, такъ удивительно передразнивавшій Павла Степановича, что, слушая изъ другой комнаты, казалось, что говоритъ самъ Мочаловъ. Въ шестидесятыхъ годахъ пришла Дьякову несчастная мысль, что, обладая способностью передразнивать покойнаго Мочалова и его манеру говорить монологи, онъ и самъ можетъ сыграть Гамлета. Случайно бывъ въ Москвѣ, я попалъ въ театръ на это представленіе, которое было ниже всякой критики. На другой день П. М. Садовскій разсказывалъ мнѣ, что калиграфъ-Гамлетъ ужиналъ послѣ неудачнаго дебюта съ пріятелями и съ отставною тѣнью отца Гамлета — съ Максинымъ, который прежде еще, при Павлѣ Степановичѣ, игрывалъ эту роль. Ошиканный Гамлетъ что-то сострилъ надъ Максинымъ; тотъ разсвирѣпѣлъ, схватилъ бутылку ..... и плохо было бы неудачнику подъ желѣзной дланію

Максина; но Дьяковъ нашелся. Онъ отскочилъ, поднялъ руки и чуднымъ голосомъ Мочалова проговорилъ:

«Успокойся, страждущая тѣнь!»

Что почувствовалъ Максинъ, когда, черезъ двѣнадцать лѣтъ, какъ изъ могилы, онъ услышалъ голосъ незабвеннаго для него Павла Степановича? Бутылка выпала изъ его рукъ, тѣнь сѣла и успокоилась.

Максинъ, игравшій тѣнь отца Гамлета съ Мочаловымъ, Каратыгинымъ, Леонидовымъ, Полтавцевымъ, былъ прежде гуртовщикомъ. За громадный голосъ попалъ въ хористы. Не дались ли ему ноты, или почувствовалъ онъ призваніе къ драмѣ, только Максинъ перешелъ въ драматическую труппу и сталъ играть злодѣевъ [1]), гремѣлъ, какъ громъ, ревѣлъ, какъ буря; такихъ ужасныхъ раскатовъ человѣческаго голоса я болѣе никогда не слыхалъ на сценѣ. Купцы были большіе поклонники его органа и таланта; имъ, при выпивкѣ, часто съ чувствомъ говорилъ Максинъ: «Что я былъ—гуртовщикъ! А что теперь?» При этихъ словахъ, онъ билъ рукою въ могучую грудь. Но, несмотря на грозный видъ и злодѣйскія роли, Максинъ былъ предобрый человѣкъ и очень мягкаго сердца. Покойный Н. В. Колюбакинъ [2]) говорилъ мнѣ, что страсть Максина была призрѣвать несчастныхъ и угнетенныхъ, особенную жалость питалъ онъ къ пьяненькимъ. Запьетъ актеръ какой бы то ни было труппы (особливо изъ мелкихъ),—Максинъ сейчасъ пріютитъ его у себя; выдерживаетъ, систематически выпаиваетъ, мало-по-малу вытрезвляетъ и съ любовью радуется постепенному выздоровленію паціента.

Разъ, дѣло было весною, когда только наступили красные дни и начинали распускаться березовыя почки, на окнѣ квартиры Максина появилась многоведерная темнаго стекла бутыль; онъ самъ отправился въ Охотный рядъ покупать свѣжія березовыя почки, насыпалъ ими всю бутыль; кто-нибудь изъ поклонниковъ прислалъ ведро водки, влили ее въ бутыль, засмолили, и стояла она днемъ на солнцѣ на окнѣ, а ночью на лежанкѣ. Въ эти майскіе дни находился на излѣченіи у Максина тихій и смирный драматическій актеръ, человѣкъ даровитый, но, увы, подверженный общей болѣзни русскихъ талантливыхъ людей прежняго времени. Вытрезвитъ его Максинъ, глядь на другой день больной убѣжитъ въ кабакъ и опять готовъ; но съ наступленіемъ весны (и съ появленіемъ на окнѣ бутыли) больной не убѣгаетъ и больше все спитъ.

---

[1]) Какъ выражались тогда на театральномъ жаргонѣ: исполнялъ роли тѣней и драбантовъ.

[2]) Большой талантъ, такъ рано и ужасно погибшій, который бы одинъ могъ, пожалуй, замѣнить намъ Садовскаго, котораго смѣнили гг. Бергъ и компанія. О Колюбакинѣ буду говорить въ свое время.

Вернется Максинъ съ репетиціи, спроситъ кухарку: «что, никуда не ходилъ?»—«Нѣтъ, все дома лежитъ»,—обычно отвѣчаетъ кухарка.

Каждый день утромъ и вечеромъ, возьметъ въ могучія длани Максинъ бутыль, встряхнетъ разъ и два, посмотритъ и видитъ: вино убываетъ. «Впитываетъ»,—многозначительно говоритъ тѣнь Гамлета и ставитъ бутыль на мѣсто. Такъ и завтра, и послѣ завтра, и т. д. вино все убавляется. «Впитываетъ»,—замѣчаетъ каждый разъ Максинъ. А больной все дома. Наконецъ, черезъ мѣсяцъ, бутыль полна однѣми почками, вина остается только на донышкѣ. Максинъ, по обыкновенію, беретъ бутыль, встряхиваетъ и начинаетъ произносить обычное «Впи... но, въ эту минуту, отъ дна бутыли отпадаетъ восковая залѣпка, вино начинаетъ капать... и вдругъ все понялъ Максинъ: и убыль водки, и мирный сонъ больнаго, и отчего онъ пересталъ убѣгать изъ дома. Въ бутыли оказалось просверлено дно, и черезъ соломинку была постепенно выпита вся водка.

Много счастья и славы доставила Максину роль тѣни отца Гамлета, которую первый игралъ самъ Шекспиръ (что любилъ объяснять Максинъ купцамъ), но разъ принесла она ему много горя. Максинъ неистово ревѣлъ и съ раскатами грома и съ порывами бури весь длинный, длинный монологъ тѣни къ Гамлету, затихая, какъ и сама буря—подъ конецъ. Но его торжествомъ (чего съ трепетомъ ожидали поклонники въ райкѣ) были заключительныя слова: «прощай, прощай, прощай и помни обо мнѣ».

Первое: «прощай» было оглушительно, и за нимъ шла пауза. Второе «прощай» было октавой ниже, и опять пауза. Третье «прощай» была самая низкая, ужасная октава, которую если и бралъ когда-либо смертный, то развѣ одинъ Александръ Ивановичъ, извѣстный Успенскій протодіаконъ пятидесятыхъ годовъ. Этой финальной октавы и ждали въ райкѣ, готовясь аплодировать, и неизмѣнный громъ рукоплесканій раздавался, когда Максинъ гудѣлъ, какъ звонъ большаго колокола Ивана Великаго, отчеканивая слоги: «И... пом... ни... о... бо... мнѣ! [1]).

Прогудѣвъ «и помни обо мнѣ», тѣнь давала знакъ ударомъ каблука въ полъ; машинистъ опускалъ люкъ, и тихо-тихо развѣвались перья на шлемѣ, и тихо-тихо уходила подъ землю «великая тѣнь!»

Тогда вѣдь электрическихъ освѣщеній не знали; не блисталъ волшебный лучъ на латахъ «героя короля», и безъ электрическаго свѣта

---

[1]) Въ шестидесятыхъ годахъ меломаны и глубокіе цѣнители пѣнія ожидали съ такимъ же нетерпѣніемъ знаменитый ut diez Тамберлика въ дуэтѣ Отелло; и такъ же неистово, какъ московскіе купцы, поклонники Максина, начинали до окончанія дуэта аплодировать, кричать bis, заглушая и пѣніе, и оркестръ. Истинные цѣнители были, есть и всегда будутъ.

все было, хотя и просто, но торжественно... Мочалову было все равно—лягается тѣнь или нѣтъ. Его не раздражали ярые аплодисменты и крики райка, онъ ихъ не слыхалъ, обезумѣвъ отъ ужаса, метался онъ по сценѣ и искалъ свои «з а м ѣ т к и!»

Но не таковъ былъ В. А. Каратыгинъ. На всѣхъ репетиціяхъ онъ игралъ самъ и требовалъ полной игры отъ другихъ актеровъ. На репетиціяхъ всегда присутствовали почти всѣ театральные чиновники и даже управляющій конторою. Всѣ замѣчанія, всѣ перемѣны его актерскаго превосходительства исполнялись безпрекословно (нельзя же, петербургскій артистъ). Идетъ послѣдняя репетиція Гамлета въ костюмахъ; Каратыгинъ играетъ, всѣ актеры лѣзутъ изъ кожи; Максинъ счастливъ... и реветъ! Каратыгинъ стоитъ на одномъ колѣнѣ и простираетъ руки къ папенькѣ. Но вотъ наступаетъ минута торжества. «Прощай! прощай! прощай! и помни обо мнѣ»... и потомъ стукъ каблукомъ объ полъ, и Максина опустили.

— Позвольте! — воскликнулъ Каратыгинъ, вскакивая съ колѣна, — подымите люкъ. Помилуйте, г-нъ режиссеръ, гдѣ жъ это видано, чтобы тѣнь лягалась? Вы должны слѣдить за піесой, и когда подходятъ послѣднія слова монолога, при послѣднемъ «прощай», давайте знакъ опускать люкъ. А вы, г-нъ Максинъ, не дергайте ногой, и безъ васъ знаютъ, когда васъ нужно опустить.

Максинъ хотѣлъ было возражать, но подлетѣлъ управляющій конторой.—Что ты съ ума сошелъ!—сказалъ онъ.—Не разсуждать!—Хорошъ! вздумалъ лягаться.

Максинъ умолкъ; Каратыгинъ успокоился, и сцену не повторили.

Насталъ вечеръ спектакля. Каратыгинъ въ первый разъ играетъ въ Москвѣ Гамлета, театръ полонъ, возбужденъ общій интересъ: какъ петербургскій трагикъ передастъ роль. Споры, толки, а въ райкѣ идутъ тоже толки о Максинѣ, не ударитъ онъ лицомъ въ грязь и передъ петербургскимъ. Начинается сцена съ тѣнью. Максинъ въ голосѣ.—«Не выдаетъ, не выдаетъ»—слышится шопотъ въ райкѣ; колѣнопреклоненный Каратыгинъ дрожитъ и въ ужасѣ закрывается руками отъ ревущей тѣни. «Прощай»—гудитъ въ театрѣ; пауза... И, о ужасъ! Перья заколыхались на шлемѣ, и тѣнь начинаетъ уходить подъ полъ, люкъ опускаютъ!

А еще «прощай» октавой ниже, а послѣдняя ужасная октава; а звонъ Кремлевскаго колокола? Все погибло... Но добросовѣстность актера тридцатыхъ годовъ беретъ верхъ надъ ужасомъ; тѣнь вспомнила, что нужно кончать монологъ: «Прощай, прощай и помни обо мнѣ»,— скороговоркой едва успѣла проговорить она и ушла подъ землю.

Въ креслахъ хохотъ, въ райкѣ недоумѣніе, Максинъ убитъ... Онъ заболѣлъ на другой день.

Но я увлекся повѣствованіемъ о Максинѣ; спѣшу возвратиться къ хронологическому порядку моихъ воспоминаній.

Въ декабрѣ 1843 года, дѣдъ мой пріѣхалъ въ Петербургъ навѣстить меня и далъ сто рублей моему гувернеру, чтобъ повеселить меня на праздникахъ. Повезъ онъ меня въ нѣмецкій театръ, играла прелестная блондинка Лиля Леве. Думалъ ли я тогда, что черезъ тридцать семь лѣтъ познакомлюсь съ ней, какъ баронессою Кистеръ!

Потомъ, ужасное для меня воспоминаніе у кассы Александринскаго театра: толкотня, ловкій мошенникъ вырываетъ изъ рукъ моего гувернера крупную ассигнацію и скрывается. Украдены всѣ деньги, тѣмъ и кончились мои увеселенія. Но все-таки, до этого прискорбнаго для меня событія, я попалъ два раза въ раекъ итальянской оперы [1]). Когда мы подъѣзжали къ Большому театру, вѣроятно выкинуло изъ трубы, появилось небольшое пламя, и тысячи искръ сыпались огненнымъ букетомъ. Гувернеръ мой не любовался этимъ зрѣлищемъ, а закричалъ: «пожаръ!» и поспѣшилъ сообщить это извѣстіе жандармамъ и полицейскимъ. Его успокоили, что никакого пожара нѣтъ, но испуганный пруссакъ ни за что не хотѣлъ идти въ театръ. Вообразите мое положеніе— быть у входа рая и уѣхать домой. Я вцѣпился въ его шубу, чуть не со слезами умолялъ, доказывая, что еслибы была малѣйшая опасность, то предупредили бы публику, которая вошла въ театръ; мимо насъ неслись кареты, сани, извозчики. Долго уговаривалъ я моего ментора, и наконецъ мы вошли въ сѣни и, постепенно увлекаемые толпой, стали подниматься «горѣ». Наперекоръ природѣ, въ которой,

---

[1]) Какъ я радъ, что въ первый разъ въ жизни былъ въ итальянской оперѣ въ райкѣ, гдѣ именно всегда и сидѣли настоящіе „ц ѣ н и т е л и и с у д ъ и“. По кружку маріистовъ (о которомъ буду говорить въ свое время) я познакомился съ однимъ чиновникомъ малороссомъ, который съ 1843 г. по 1885 годъ включительно былъ абонированъ въ райкѣ и, кромѣ болѣзни, никогда не пропускалъ представленій. Вотъ кто могъ бы написать свои воспоминанія. Увы, пришлось и ему и мнѣ дожить до того, что въ Петербургѣ болѣе нѣтъ итальянской оперы. Невольно воскликнешь съ Гамлетомъ: „о позоръ, позоръ, позоръ!“ Итальянская опера родилась при мнѣ въ 1843 году, я ее хоронилъ въ бенефисъ Котони въ 1885 году и неужели не доживу до ея воскресенія... Какъ грустно мнѣ было, уже старикомъ, проѣзжать мимо разрушаемаго Большаго театра. Почти съ радостью слушалъ я разсказы, что онъ древній лѣтами, но все еще могучій, не поддавался ударамъ неповинныхъ варваровъ (рабочихъ), его ломавшихъ и своими костями задавилъ нѣсколько человѣкъ. Сколько чудныхъ воспоминаній пережито въ немъ, сколько счастья погибло вмѣстѣ съ нимъ. Долго старался я не проѣзжать по Театральной площади или отвертывался отъ его развалинъ... хоть бы оставили его разрушеннымъ, какъ Колизей. А ужь такого театра и по акустикѣ, и по громадности не дождется Петербургъ. Большой театръ былъ не чета, возникшему изъ цирка, нынѣ Маріинскому храму русской оперы.

чѣмъ выше подымаешься, становится свѣжѣе и свѣжѣе, тутъ, чѣмъ выше мы шли, становилось все жарче, и наконецъ добрались мы до тропической температуры. Несмотря на остановку на площади, мы пришли до начала увертюры. Никогда въ жизни не забуду я этого вечера. Увертюра произвела на меня потрясающее дѣйствіе; мнѣ слышались какіе-то подземные звуки (изъ райка мнѣ не видно было оркестра), мнѣ чудились адскіе стоны. Шелъ «Донъ-Жуанъ». Когда взвился занавѣсъ,—пахнула на меня со сцены испанская ночь своимъ хотя и картоннымъ

Лимономъ и лавромъ...

Съ воплемъ отчаянія вбѣжала въ бѣломъ, посеребренномъ луною, платьѣ Донна-Анна, влачась и изгибаясь, какъ змѣя, у ногъ Донъ-Жуана и силясь остановить его. Ея длинныя черныя косы, полный отчаянія голосъ, замиравшій тихими воплями надъ трупомъ отца; причемъ ей вторилъ плачъ божественной музыки Моцарта; голубой свѣтъ, который лила на сцену безстрастная луна—все и музыка и рыдающіе звуки и красота Донны-Анны, и луна,—все такъ отуманило мою бѣдную голову, что я влюбился въ Ассандри, исполнявшую роль Донны-Анны, хотя видѣлъ ее всего два раза въ жизни.

Первая моя любовь—была Донна-Анна! Всю ночь стояла она предо мной. Днемъ, не находя нигдѣ покоя, не совсѣмъ понимая этого новаго тревожнаго, но сладостнаго чувства (впрочемъ, мѣшавшаго мнѣ готовить урокъ географіи), я пошелъ къ вечернѣ, надѣясь хоть въ молитвѣ найти покой душѣ. Несмотря на внезапно разгорѣвшуюся страсть къ Доннѣ-Аннѣ, я еще помню, что на авансценѣ, одинъ въ комнатѣ, стоялъ бѣлокурый человѣкъ и пѣлъ. Звуки этого голоса, эта спѣтая арія запали мнѣ въ душу; въ ушахъ раздавался мотивъ, но пѣть его я не могъ.

Прошло семь лѣтъ; я ни разу не слыхалъ «Донъ-Жуана», ни въ оперѣ, ни даже на фортепіанахъ и вообще росъ далеко отъ всякой музыки и театра. Насталъ 1849 годъ. Я офицеромъ сижу въ Большомъ театрѣ, снова идетъ «Донъ-Жуанъ». Опять одинъ на сценѣ Донъ-Оттавіо—Маріо,—и поетъ: Il mio tesoro. И черезъ семь лѣтъ узналъ я единственный изъ всей оперы мнѣ знакомый мотивъ и п о н я л ъ, что въ 1843 году я сподобился два раза въ жизни въ Донъ-Оттавіо видѣть и слышать Рубини!

И странная вещь! когда я услыхалъ Маріо, пѣвшаго: Il mio tesoro, впечатлѣніе о томъ, какъ пѣлъ эту арію Рубини, исчезло навсегда. До этого мнѣ казалось, и я почти убѣжденъ, что я помнилъ, какъ пѣлъ: Il mio tesoro Рубини. А мнѣ было только двѣнадцать лѣтъ, когда я его слышалъ. Услыхавъ же въ 1852 году Віардо въ «Сонамбулѣ», я черезъ пятнадцать лѣтъ, видѣлъ, въ 1867 г., въ этой же оперѣ де-

бютъ Патти; и что же? во весь вечеръ мнѣ вспоминалось пѣніе Віардо. Ни чудный голосъ Патти, ни небывалая вокализація, ни блестящее исполненіе послѣдней аріи, ни весь яркій фейерверкъ поразительныхъ звуковъ, ни серебряный тембръ дивы не могли заставить меня забыть надломаннаго голоса Віардо, въ каждой нотѣ котораго звучало чувство, слышались слезы радости и горя.

Въ 1843 году Оттавіо пѣлъ Рубини, Донъ-Жуана—Тамбурини; Донну-Анну—Ассандри, Лепорелло—Петровъ, Церлину... о позоръ (мнѣ), позоръ, позоръ, пѣла Віардо, молодая, со свѣжимъ не сломаннымъ еще голосомъ, и ее я даже не замѣтилъ, ея пѣніе не оставило во мнѣ никакого впечатлѣнія. Но черезъ девять лѣтъ въ 1852 году, я понялъ, что такое была Віардо Гарціа!

Въ 1849 году, когда во второй разъ въ жизни услышалъ я «Донъ-Жуана», я опять влюбился (и влюбленъ до сихъ поръ), но ужь не въ Донну-Анну, которую пѣла Гризи, а въ самый дуэтъ Донны-Анны съ Донъ-Оттавіо, въ 1-мъ дѣйствіи надъ трупомъ командора. Совершеннѣе этого дуэта ничего въ жизни я не слыхалъ; а какъ его пѣли Маріо и Гризи, тоже никогда болѣе не слыхалъ, да и не услышу.

Въ 1846 году пріѣхалъ въ Петербургъ мой отецъ, и я хоть рѣдко, но сталъ бывать въ театрѣ. Помню одинъ спектакль. Для съѣзда давали какой-то водевиль, въ которомъ по двумъ сторонамъ сцены, у одной кулисы стоялъ молодой человѣкъ, у противоположной кулисы молодая дѣвушка. Они перебранивались и ѣли сухари; потомъ, разумѣется, объяснились, помирились и повѣнчались. Дѣвушка была Левкѣева, а молодой человѣкъ А. Е. Мартыновъ. Потомъ шла мелодрама: «Семейство Старичковыхъ». Благороднаго инвалида, «въ нѣкоторомъ родѣ проливавшаго кровь за отечество», въ длинноломъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и медалями игралъ В. А. Каратыгинъ, его дочь—В. В. Самойлова 2-я. Въ чемъ заключалось патріотическое происшествіе, не помню; но Вѣра Васильевна въ бѣломъ платьицѣ съ гладко зачесанными волосами была удивительно мила и хороша собой. Послѣднею давали капитальную піесу «Материнское благословеніе, [La nouvelle Fanchon, по оперному Линда] [1]) чуть ли не въ переводѣ Некрасова. Въ этой драмѣ всѣ восхищались Н. В. Самойловой 1-й, она привела и меня въ восторгъ своею игрою и пѣніемъ; ея братъ В. В. Самойловъ игралъ развратнаго маркиза, и долго послѣ я распѣвалъ его куплеты:

Вы хорошенькій народъ,
Не клади мнѣ пальца въ ротъ.

[1]) До сихъ поръ въ провинціи, купцы имѣютъ двѣ фамиліи: одна оффиціальная, другая по-уличному, т. е. характерное прозвище, переходящее въ потомство.

Этотъ вечеръ мнѣ памятенъ. Я первый разъ въ жизни увидалъ великаго Мартынова и В. В. Самойлову 2-ю.

Я очень остался доволенъ спектаклемъ, который первый, какъ театральное представленіе, вполнѣ уцѣлѣлъ въ моей памяти. Я сознательно слѣдилъ за исполненіемъ, хвалилъ и порицалъ игру актеровъ, но большей частью восхищался всѣмъ,—а особливо игрою сестеръ Самойловыхъ. Очень ужь сильное впечатлѣніе произвела на меня красота В. В. Самойловой 2-й. Хотя игрой и пѣніемъ ея сестра плѣнила меня больше, но всѣ достоинства старшей, въ моемъ обожаніи, я въ этотъ вечеръ перенесъ на младшую.

Тутъ уже, кромѣ любви къ театру, я старался бывать въ немъ, какъ только могъ часто, изъ потребности видѣть В. В. Самойлову. Въ чемъ только не видалъ я ее: въ «Эсмеральдѣ», въ «Кларѣ д'Обервиль», въ «Владимірѣ Заревскомъ», въ «Разбойникахъ»—Шиллера, въ «Фингалѣ» — Озерова, въ «Горѣ отъ ума», и проч., и проч. и хотя я тогда на все смотрѣлъ сквозь призму обожанія, но не могу не сказать и теперь (почти черезъ сорокъ лѣтъ), что В. В. Самойлова была прелестна. Сколько въ ея игрѣ было благородства, женственности, ума, что-за симпатичный голосъ, и со всѣмъ этимъ она была настоящая grande dame на сценѣ.

Потомъ, въ 1849 году, когда я видѣлъ и имѣлъ счастье познакомиться съ М. С. Щепкинымъ, изучить его игру; когда образовался мой вкусъ и я сталъ понимать прекрасное, я вполнѣ оцѣнилъ эту превосходную артистку для несильной драмы, почти единственную русскую актрису для высокой комедіи, и единственную, безъ соперницъ, Софью въ «Горѣ отъ ума». Но къ игрѣ В. В. Самойловой въ 1849 году и позднѣе я еще вернусь ниже [1]).

По субботамъ не бывало русскихъ спектаклей; намъ, юнкерамъ, бывать въ театрѣ возможно было только по воскресеньямъ, при непремѣнномъ условіи имѣть право опаздывать, т. е. являться въ школу не къ десяти часамъ вечера, а къ двѣнадцати. Бывать въ театрѣ намъ позволялось только въ ложахъ. Правомъ продолженія отпуска до двѣнадцати

---

[1]) Тогда мнѣ и въ голову не могла придти мысль, что я буду имѣть счастіе играть съ Самойловой 2-й. Черезъ нѣсколько лѣтъ шла на одномъ любительскомъ спектаклѣ, кажется, пословица Мюссе: «Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée» въ русскомъ переводѣ. Всю крошечную сцену покрывали трены двухъ дамъ; главную роль играла В. В. Мичурина-Самойлова, я игралъ единственную мужскую роль и, какъ сейчасъ помню, съ чашкою чая въ рукахъ, почти при каждомъ движеніи, принужденъ былъ, какъ акробатъ, перескакивать черезъ трены дамъ... и, несмотря на это довольно затруднительное положеніе, не помнилъ себя отъ восторга, что играю съ В. В. Самойловой.

часовъ, въ большинствѣ случаевъ, пользовались лишь юнкера, подъѣзжавшіе на ординарцы или ходившіе въ парадировкахъ на разводахъ. Способностію и любовію къ фронту и къ верховой ѣздѣ я никогда не отличался. Вспоминаю слова Глова-отца въ «Игрокахъ» Гоголя о сынѣ: «Рано, Саша, что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ быть у тебя статскія наклонности?» Долженъ сознаться, что хоть я и былъ впослѣдствіи въ гусарахъ, но всегда имѣлъ болѣе статскія наклонности. Кромѣ затрудненія получать право опаздывать [1]), являлся еще трудъ достать ложу. Было иное средство: надѣть статское платье и пойти въ балконъ; но это считалось въ наше время важнымъ преступленіемъ и преслѣдовалось очень строго; со стыдомъ принужденъ сознаться, что, какъ я ни рвался въ театръ, надѣть сюртука не рѣшался; да и дома за мной слѣдили строго; переодѣваться было невозможно. Но тутъ судьба сжалилась надо мной. Въ нашъ классъ перешелъ, изъ I-го кадетскаго корпуса, сынъ воспитательницы дѣтей великой княжны Маріи Николаевны, Барыковъ. Онъ года на три, или болѣе, былъ старше большинства своихъ новыхъ товарищей; мы всѣ его очень любили и прозвали «Дядя Струй» изъ «Ундины» Жуковскаго. «Дядя Струй», почти каждое воскресенье, получалъ директорскую ложу въ Александринскомъ театрѣ и приглашалъ юнкеровъ, въ томъ числѣ и меня.

Возможность видѣть такъ близко сцену и что дѣлается за кулисами, быть какъ бы самому на сценѣ,—это блаженство для 15-лѣтняго театрала можетъ понять и оцѣнить только тотъ, кто самъ испыталъ его. До сихъ поръ, когда мнѣ приходится бывать въ Александринскомъ театрѣ, я съ любовью смотрю на окно на сцену въ директорской ложѣ. Сколько счастливыхъ минутъ далекой молодости напоминаетъ мнѣ оно... Изъ него я со слезами на глазахъ созерцалъ, какъ въ разстояніи аршина отъ меня, подъ развѣсистой тѣнью зеленаго дуба, въ зеленомъ полукафтанѣ В. А. Каратыгинъ, играя Карла Моора (въ «Разбойникахъ» — Шиллера), вспоминалъ въ длинномъ монологѣ свою чистую, безъ пятенъ и укоровъ совѣсти, юность.

Изъ этого же окна, замирая отъ волненія, глядѣлъ я, когда съ искаженнымъ отъ ужаса и изнуреннымъ отъ болѣзни лицомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, подымался со стула Каратыгинъ, увидавъ въ зеркало, какъ его коварный другъ (Сосницкій) подсыпалъ ему въ питье медленный ядъ, систематически и постепенно отравляя его и намекая при этомъ, что изводитъ его отравою жена—Клара д'Обервиль [2]).

---

[1]) Былъ обычай дозволять также опаздывать юнкерамъ въ день ихъ ангела, и я, какъ городничій въ «Ревизорѣ», былъ именинникомъ «и на Антона, и на Онуфрія».

[2]) Черезъ тринадцать лѣтъ въ 1859 году, въ Парижѣ, я былъ разочарованъ въ игрѣ Каратыгина, когда увидалъ въ этой піесѣ дѣйствительно по-

Тутъ же поражалъ меня Каратыгинъ въ «Заколдованномъ домѣ», играя согбеннаго, еле двигавшагося и опиравшагося на палку старика, ежеминутно снимавшаго съ головы шапку передъ образами, къ которымъ онъ прикладывался; пока, при какомъ-то непочтеніи къ его особѣ, этотъ старикъ «Людовикъ XI» вдругъ не выпрямился во весь богатырскій ростъ, не топалъ ногами и громовымъ голосомъ не кричалъ: «я императоръ твой и папа! Вотъ Франціи верховный судія!»

Театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій, я замиралъ отъ восторга; а король опять съеживался и задыхался отъ кашля.

Завѣтной мечтою Каратыгина было сыграть Петра Великаго, котораго онъ напоминалъ и огромнымъ ростомъ, и цвѣтомъ волосъ и глазъ. Василій Андреевичъ одинъ изъ всей труппы не брилъ усовъ (какъ говорили, съ Высочайшаго разрѣшенія) и носилъ ихъ на манеръ Петровыхъ. Но не пришло тогда время, да и не скоро прійдетъ, когда геніальный работникъ на тронѣ появится на нашей драматической сценѣ [1]). Въ патріотическихъ піесахъ того времени: «Нѣтъ имени ему», «Сардамскій плотникъ» и въ другихъ, бывало, въ послѣднемъ актѣ, валитъ изъ-за кулисъ народъ, машетъ шапками, кричитъ «ура!». Всѣ дѣйствующія лица ждутъ колѣнопреклоненными—вотъ - вотъ появится императоръ... но занавѣсъ падалъ. Разъ - таки удалось Каратыгину, хотя и не сыграть Петра, но появиться загримированнымъ на подобіе его, въ піесѣ «Денщикъ». Фигура, костюмъ—все было исторически вѣрно.

Наше поколѣніе начало свое художественное воспитаніе въ хорошее время. Съ театральныхъ подмостковъ мы слышали творенія Шекспира, Шиллера и звучные стихи Озерова въ мастерской декламаціи Каратыгиныхъ, мужа и жены, Самойловой 2-й, Брянскаго. Давали «Горе отъ ума» съ чудной Софьей-Самойловой и прекрасными: Репетиловымъ - Сосницкимъ, Загорѣцкимъ - Каратыгинымъ 2-мъ. Какъ ни плохо былъ обставленъ въ то время Гоголь, но «Ревизоръ» шелъ часто. Роль городничаго умно игралъ Сосницкій; Осипа прекрасно исполнялъ А. Е. Мартыновъ, онъ же высокохудожественно игралъ Подколесина въ «Женитьбѣ». Г-жа Гусева была хорошая сваха.

Въ то время народная жизнь проявлялись только въ водевиляхъ въ родѣ «Ямщика или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ» и въ

трясающую игру старика Леметра, котораго нарочно ѣздилъ въ Парижъ изучать въ этой роли Каратыгинъ, прежде чѣмъ, по всѣмъ пріемамъ Леметра, сталъ самъ исполнять ее въ Петербургѣ. Тутъ я увидалъ разницу талантливой копіи отъ геніальнаго оригинала. Объ игрѣ Леметра въ этой піесѣ и въ „Донъ-Сезаръ-де-Базанъ“ скажу въ воспоминаніяхъ 1859 года.

[1]) А въ итальянской оперѣ, въ „Сѣверной звѣздѣ“, мы, къ сожалѣнію, видѣли баритона Дебасини, изображавшаго Петра въ зеленомъ полукафтанѣ съ Андреевскою лентою.

другихъ піесахъ, гдѣ непремѣнно горемычнаго, забитаго жизнью ямщика, Ваньку Горюна, влюбленнаго въ дочку богатаго старосты, изображалъ В. В. Самойловъ въ красной кумачевой рубашкѣ, въ черепейкѣ съ бляхой... и въ грусти! Его развеселаго друга играла его сестра, Н. В. Самойлова 1-я, и распѣвала романсъ:

Какъ бывалъ я удалъ
Съ ухорскою тройкой,
Понесусь и зальюсь
Пѣсенкою звонкой...

Въ этомъ романсѣ должна была излиться вся русская пѣсня, необъятная, какъ сама Русь, съ ея забирающимъ за сердце горемъ и радостью, съ бѣшеною удалью, съ богатырской силой!

Кончали романсъ русскими танцами и присядкой. Являлся непремѣнно хороводъ крестьянскихъ дѣвушекъ въ голубыхъ и розовыхъ сарафанахъ съ бусами; въ парчевыхъ повязкахъ или кокошникахъ, съ традиціонными длинными русыми косами. Дѣвушки водили хороводы, потомъ танцовали «русскую пляску» и пѣли русскія пѣсни въ родѣ:

И во снѣ и на яву
Все мнѣ снится про Москву,
Какъ тамъ дѣвушки живутъ.

Мужицкое начальство, т. е. голова, староста, являлось всегда пьянымъ и злымъ; за то правительственная власть, въ лицѣ засѣдателя, или капитана-исправника, всегда заступалась за бѣдныхъ влюбленныхъ и устраивала ихъ свадьбу.

Благодѣтельный помѣщикъ, или добрый геній, въ образѣ проѣзжаго гусарскаго офицера, давалъ деньги на приданое, или влюбленный ямщикъ находилъ ихъ въ телѣгѣ, возвращалъ, разумѣется, по принадлежности, получалъ законное вознагражденіе, и русская публика горячо аплодировала счастливой русской народной жизни и особливо заключительнымъ куплетамъ, въ родѣ слѣдующаго:

Русскихъ знаетъ цѣлый свѣтъ!
Порукой—начальство;
Правду ль молвимъ или нѣтъ?
Пусть рѣшитъ дворянство.

Публика очень любила смотрѣть подобныя «простонародныя» бытовыя сцены.

До появленія «Святокъ» [1]) «Ночнаго», М. А. Стаховича, потомъ ка-

[1]) Цензоръ 3-го отдѣленія И. Л. Нордстремъ (отъ воли котораго зависѣло допустить или нѣтъ піесы на сцену) даже не пропустилъ названія піесы «Изба», находя его тривіальнымъ (?), и переименовалъ ее въ «Святки». А въ піесѣ одно дѣйствующее лицо говоритъ:

«Знаешь какіе нонче дни? Прощеные, нонѣ масляница. Она у насъ одна въ году живетъ!» И по волѣ цензора русскій мужикъ на Святкахъ говорилъ, что «нонѣ масляница».

питальныхъ комедій А. Ѳ. Писемскаго, А. А. Потѣхина, театральная публика знала о народѣ лишь по нелѣпымъ водевилямъ въ родѣ «Ямщика, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ». Огромный переворотъ произвели піесы вышеназванныхъ писателей, и со сцены повѣяло настоящею русской народной жизнью, особливо когда заговорилъ А. Н. Островскій!

Въ шестидесятыхъ годахъ, на французскомъ театрѣ въ Петербургѣ начала появляться оперетка, а къ семидесятымъ годамъ, когда подросло поколѣніе нашихъ дѣтей и началось ихъ художественное развитіе, уже вмѣсто Шекспира, Мольера, Шиллера, Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, по которымъ мы учились и развивались, на всѣхъ сценахъ и языкахъ затрубили, завыли и заплясали: «кувыркомъ, кувыркомъ, кувыркомъ!» И что̀ еще ужаснѣе, оперетка появилась въ дубоватыхъ русскихъ и нѣмецкихъ переводахъ, утративъ всю соль, весь юморъ, живой блескъ французскаго остроумія и заразительнаго веселья. Въ переводахъ остались только сальности, отъ которыхъ покраснѣли бы камеліи сороковыхъ годовъ.

Все оголили: тѣло, помыслы, и загрязнили душу! Въ оригиналѣ, по-французски, пошлыя пародіи на геніальныя созданія, какъ: Иліада, Фаустъ, можно было разъ послушать ради искрометныхъ, какъ шампанское, мотивовъ Оффенбаха и его подражателей, посмотрѣть на дѣйствительную мастерскую игру актеровъ. Но чтобы играть водевиль, или оперетку, съ весельемъ до безумія, съ изумительнымъ ансамблемъ, съ исполненіемъ, которое искупаетъ пошлость сюжета, нужно быть французомъ. Въ этихъ пьесахъ дѣйствительно недосягаема «великая нація» [1]). Но, слава Богу, изъ русскихъ актеровъ и актрисъ не было и нѣтъ даже сносныхъ опереточныхъ исполнителей; увы! остается одна разнузданность всего, и вотъ на чемъ образовало свой вкусъ насъ смѣнившее поколѣніе!

Для насъ на сценѣ были творенія Шекспира—для нихъ оперетка; у насъ были: Мочаловъ, Рашель, Ристори,—у нихъ одна, по ихъ разумѣнію недосягаемая звѣзда—Сара Бернаръ. Хорошо, что судьба оставила имъ хоть одного великаго старца, какъ образецъ актера нашего поколѣнія—Сальвини.

А. Стаховичъ.

---

[1]) Я такъ и не пошелъ смотрѣть Садовскаго въ «Орфеѣ въ аду», гдѣ онъ изображалъ Ваньку Стикса, такъ и не видалъ и не слыхалъ, какъ онъ былъ «аркадскимъ принцемъ». Но видѣлъ въ этой опереткѣ Леменила, игравшаго Юпитера. Въ сценѣ превращенія Громовержца въ муху, до сихъ поръ не могу забыть всю важность, подобающую первоприсутствующему на Олимпѣ, съ которою Леменилъ въ костюмѣ шпанской мухи подпрыгивалъ и жужжалъ у стѣны, помахивая крыльями, но гордо поглядывая на мужа, помѣшавшаго любовному свиданію. Хоть жаль было видѣть великаго актера въ этомъ балаганѣ, но, какъ французъ,—и въ немъ онъ былъ превосходенъ.

НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ ЭПОХЪ.

IX [1]).

Мнѣ самому пришлось смѣнить въ домѣ помѣщика фонъ Д—га гимназиста, занимавшагося раньше съ тремя его сыновьями. Это было въ 1862 году. Я былъ тогда въ среднемъ классѣ семинаріи, имѣлъ 16-ть лѣтъ; младшему же изъ питомцевъ моихъ было 7 лѣтъ, старшему—11-ть. Условившись съ фонъ Д—гами ѣхать къ нимъ на лѣто въ имѣніе, я зналъ только, что оно отстоитъ отъ губернскаго города верстъ на 15-ть; но уже усѣвшись въ тарантасъ, чтобы двинуться въ путь, я, къ изумленію своему и неописанному восторгу, узналъ, что ѣду именно на родное свое пепелище, въ одно изъ помѣстьевъ братьевъ Энке. Тутъ мнѣ между прочимъ кстати сообщили, что, послѣ самоубійства Энке, помѣстья ихъ (Лужесно и Шалыги) успѣли уже перейти черезъ много рукъ.

Крѣпостничество пало уже,—и я глазамъ своимъ не вѣрилъ: такъ ясна была и отрадна перемѣна, сравнительно съ тѣмъ, что я оставилъ здѣсь раньше, отправляясь въ школу 10-ти лѣтнимъ ребенкомъ. Крестьяне, что называется, потеряли голову отъ радости. Отсутствіе барщины, срочнаго, подневольнаго труда разомъ пріободрило ихъ, приподняло ихъ духъ. Они прежде всего сильно возненавидѣли все то безмысленное полякованіе, изъ-за котораго имъ такъ сильно доставалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ—всѣхъ своихъ бывшихъ пановъ-поляковъ и ксендзовъ. Само по себѣ освобожденіе крестьянъ было уже чрезвычайно сильнымъ обрусительнымъ факторомъ въ этомъ краѣ. Въ оффиціальныхъ хроникахъ той поры сохранилось весьма много фактовъ добро-

[1]) См. «Русскую Старину» 1896 г. мартъ.

вольнаго перехода въ православіе, по собственному почину, тѣхъ крестьянъ, которые насильственно были записаны въ католицизмъ при крещеніи или вѣнчаніи. Глядя же на нихъ, и очень многіе изъ истыхъ поляковъ-крестьянъ тоже торопились перейти въ православіе, если и не въ силу религіозной сознательности, то изъ потребности единства и солидарности въ сельскомъ своемъ быту, — что̀ также очень много значитъ.

Вообще, крестьяне, можно сказать, торопились ликвидировать свои счеты съ католицизмомъ и полонизмомъ, заявившими себя здѣсь въ отношеніи простаго народа безсмысленною, звѣрскою жестокостью. Благодаря только освобожденію, здѣсь люди впервые начинали сознавать себя людьми. Это безгранично радовало ихъ, волновало и вызывало самыя радужныя мечтанія и надежды. Прибывъ на мѣство родины, я, конечно же, чувствовалъ себя, какъ въ родной средѣ, въ кругу тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые знали и уважали моихъ родителей, знали меня съ пеленокъ. Я былъ желаннымъ гостемъ въ ихъ средѣ, и со мною они бесѣдовали на-чистоту, ничего не скрывая. Отъ нихъ я впервые узналъ, что «паны и ксендзы затѣваютъ что-то неладное». И, дѣйствительно, я вскорѣ же убѣдился во-очію, что, навстрѣчу радужной волнѣ пробужденія гражданскаго народнаго сознанія, катится другая, мрачная волна, возбуждаемая поляками. Это—подготовленіе польскаго возстанія.

Черезъ семью фонъ Д—говъ, жившую довольно открыто, мнѣ поневолѣ пришлось познакомиться съ сосѣднею по имѣнію польскою шляхтою и нѣкоторыми ксендзами. Тѣ и другіе косились на меня, называя «схизматикомъ», какъ православнаго да притомъ еще и питомца семинаріи. Но такъ какъ я былъ хорошо поставленъ въ католической семьѣ фонъ Д—говъ, положительно на правахъ члена семьи (этимъ я обязанъ предусмотрительной заботливости моего милаго семинарскаго начальства, черезъ которое получилъ занятія), то считавшіе меня «схизматикомъ» не теряли, однако, надежды, что изъ меня, пожалуй, можетъ выдти даже и «добрый католикъ», тѣмъ болѣе, что самая фамилія моя, по-бѣлорусски, обязательно произносится черезъ букву «я», вмѣсто «е», такъ что, въ бѣлорусскомъ произношеніи, она имѣетъ характеръ какъ бы коренной польской фамиліи. Во всякомъ же случаѣ, поляки не таились отъ меня со своимъ, будто бы, «народнымъ дѣломъ», какъ они называли его, чтобы обмануть самихъ себя и другихъ. Но въ ту пору, о которой я говорю, «дѣло» это представляло нѣчто невообразимо нелѣпое, сумбурное, фальшивое въ той мѣстности, гдѣ я проводилъ лѣто.

Сущность этого мнимаго «дѣла», прежде всего, заключалась въ пропагандѣ «польскаго движенія». Но какая же это была ложь, вмѣсто

«пропаганды»!.. Вели ее, конечно, исключительно ксендзы, и вотъ, между прочимъ, какимъ образомъ. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней фонъ Д—ги очень пристали ко мнѣ, чтобы я вмѣстѣ съ ними ѣхалъ въ губернскій городъ слушать проповѣдь какого-то изъ замѣчательнѣйшихъ католическихъ проповѣдниковъ, бывшаго тамъ только проѣздомъ. Ѣхать же, по мнѣнію фонъ Д—говъ, мнѣ нужно было именно для того, чтобы, со словъ проповѣдника, уразумѣть, наконецъ, всю «важность польскаго дѣла», нелѣпость котораго, къ слову сказать, я вполнѣ уже сознавалъ тогда. Я поѣхалъ и вотъ что услышалъ. Ораторъ, человѣкъ уже пожилой и замѣчательно упитанный, съ серьезнымъ видомъ около часа доказывалъ, что нѣтъ и быть не можетъ другой истинно-христіанской религіи, кромѣ католической, потому что и Пресвятая Дѣва Марія, и Христосъ были не только католиками, но даже и поляками.

— Вотъ Она—истинная полька, лучшая изъ всѣхъ полекъ въ мірѣ!—неестественно кричалъ проповѣдникъ по-польски, синебагровый отъ натуги, обливаясь потомъ, указывая на статую Богоматери, одѣтую въ платье новѣйшаго фасона, съ кринолиномъ, какъ носили тогда. — Взглянувъ только на нее,—еще неистовѣе кричалъ ксендзъ, потрясая въ воздухѣ руками,—никто изъ васъ не усумнится, что видитъ передъ собою природную польку!..

У меня въ глазахъ помутилось отъ этой неслыханно-наглой и дерзкой лжи, отъ такого безсмысленнаго кощунства съ церковной каѳедры, разсчитаннаго на самую низкую степень человѣческаго невѣжества и слѣпаго фанатизма,—и я буквально вырвался изъ костела, переполненнаго молящимися, и долго не могъ найти себѣ мѣста, чтобы успокоиться. Такъ сильно разстроила меня эта гнусная выходка. Я достаточно зналъ уже исторію человѣчества и исторію христіанской церкви, чтобы оцѣнить всю низость поведенія проповѣдника, всю безнравственность его поступка. Я излилъ свое негодованіе передъ фонъ Д—гами, причемъ самъ фонъ Д—гъ вполнѣ присоединился ко мнѣ, сознавшись, что, хотя у него и не хватаетъ мужества открыто порвать связь съ поляками, но онъ, какъ нѣмецъ по происхожденію (очень сильно, впрочемъ, ополяченный), вовсе не сочувствуетъ польскому движенію. Онъ очень просилъ меня всячески отвлекать вниманіе его дѣтей отъ все разраставшагося лже-патріотическаго увлеченія и разъяснять имъ, по возможности, дѣйствительное положеніе дѣла, главнымъ образомъ со стороны исторіи, въ которой, впрочемъ, самъ онъ былъ изумительно не свѣдущъ.

Точно также забавой и фарсомъ казалось мнѣ вербованіе и обученіе будущихъ «повставцевъ», свидѣтелемъ чего мнѣ пришлось быть. Это производилось подъ видомъ «облавъ» на разныхъ звѣрей, и облавы эти происходили въ описываемомъ году особенно часто. Въ назна-

ченный день, въ какомъ-либо лѣсу, гдѣ есть болѣе или менѣе значительная поляна, съѣжалась съ данной округи вся шляхта, способная носить оружіе, не исключая въ томъ числѣ и подростковъ не моложе 16-ти лѣтъ. Здѣсь время проходило въ стрѣльбѣ, обученіи обращаться съ ружьемъ и кое-какой маршировкѣ. Всѣмъ этимъ руководилъ или хозяинъ помѣстья, въ которомъ происходилъ съѣздъ, или кто-нибудь изъ наиболѣе опытныхъ охотниковъ; собственно же военныхъ руководителей почти совсѣмъ не было. Требованія отъ обучавшихся были самыя ничтожныя. Каждый, умѣвшій заряжать и разряжать ружье и попадавшій пулею въ кругъ діаметромъ около аршина, считался «жолнеромъ» (солдатомъ) и, при желаніи его на то, записывался въ списокъ волонтеровъ. Всѣ такого рода съѣзды сопровождались обыкновенно гомерическою попойкою, начинавшеюся въ лѣсу и оканчивавшеюся въ усадьбѣ. При этомъ, конечно, распѣвались патріотическія пѣсни, главнымъ же образомъ тѣ самые гимны, что и въ костелѣ, говорились совсѣмъ безсодержательныя рѣчи и составлялись фантастическіе планы на случай военныхъ дѣйствій.

Такъ подготовлялись поляки той округи, гдѣ мнѣ пришлось провести лѣто, къ возстанію, котораго въ ту пору еще не было, но которое однако же вскорѣ и обнаружилось. Главною чертою этого подготовленія было повальное пьянство, съ неумолкаемымъ враньемъ и хвастовствомъ на отуманенную виномъ голову. Вранье заразило всѣхъ: католическое духовенство и свѣтскихъ людей, стариковъ и молодежь, мужчинъ и женщинъ, пановъ и челядь. Всѣ врали на перебой другъ передъ другомъ, врали нагло, безсмысленно, не только безъ малѣйшихъ соображеній съ дѣйствительностью, но и прямо наперекоръ ей, съ полнѣйшимъ забвеніемъ о ней. Люди, посѣдѣвшіе уже, съ серьезнымъ видомъ разсказывали только по собственному вдохновенію, но съ видомъ безусловной несомнѣнности, будто-бы окрестные лѣса уже кишмякишатъ повстанцами, ожидающими лишь сигнала для начала военныхъ дѣйствій; будто-бы въ перковныхъ и монастырскихъ склепахъ, въ ксендзовскихъ и помѣщичьихъ подвалахъ и мѣста уже не хватаетъ для склада оружія всякаго рода, до пушекъ включительно, пороха, снарядовъ и проч., и проч. Несмотря на вопіющую нелѣпость этого лганья, имъ положительно упивались всѣ, упорно не желая знать правды. Человѣкъ, не только выражавшій сомнѣніе, но обнаруживавшій хотя бы только намѣреніе провѣрить тѣ или другіе слухи, навлекалъ на себя серьезное негодованіе окружающихъ...

Крестьяне превосходно знали о происходившемъ среди ихъ недавнихъ пановъ движеніи и необыкновенно зорко и толково слѣдили за каждымъ его шагомъ. Даже эти темные люди вполнѣ сознавали, что поляки пробавляются ложными толками и слухами, и понимали, что

они роютъ подъ собою яму. Вчужѣ крестьяне радовались этому и потирали отъ удовольствія руки, съ нетерпѣніемъ ожидая возстанія.

— Вотъ только бы они поскорѣе затѣяли что-нибудь,—говаривали мнѣ крестьяне:—мы ихъ живехонько схапаемъ и въ акуратномъ видѣ предоставимъ по начальству... А-у! Прощай тогда, панѣчки!..

Такъ это и вышло въ дѣйствительности. Крестьяне въ каждой мѣстности были самыми надежными свидѣтелями для опредѣленія степени участія въ возстаніи каждаго отдѣльнаго лица; крестьяне же, въ большинствѣ случаевъ, по собственному почину, выслѣживали и вылавливали повстанцевъ въ лѣсахъ; крестьяне же, опять-таки по собственному почину, во многихъ мѣстахъ устраивали конныя и пѣшія стражи для поддерживанія порядка и безопасности въ своей мѣстности. Короче говоря, эти вчерашніе рабы оказались очень усердными, находчивыми, сознательными и распорядительными гражданами въ такой серьезный моментъ. И, нужно правду сказать, что въ смыслѣ быстраго и рѣзкаго отрезвленія крестьянства, въ смыслѣ безусловнаго нравственнаго освобожденія сельскаго населенія отъ всякаго вліянія пановъ и ксендзовъ,—польское возстаніе было даже несомнѣнно полезнымъ. Подъ вліяніемъ возстанія, крестьяне оказались безусловно отрѣзаннымъ ломтемъ отъ всего панскаго и ксендзовскаго, къ чему притомъ крестьяне стали относиться съ нескрываемымъ неуваженіемъ, ища совѣтовъ и указаній, опоры и содѣйствія ужь ни въ какомъ случаѣ не въ польской средѣ. Польское возстаніе, какъ движеніе поляковъ, было могущественнѣйшимъ толчкомъ къ искреннѣйшему и сознательному обрусенію крестьянства. Для меня, одновременно наблюдавшаго движеніе въ панской и мужицкой средѣ, было такъ ясно, что чѣмъ больше паны тонутъ въ тинѣ вымысловъ и вранья революціоннаго свойства, тѣмъ смѣлѣе, сознательнѣе поднимаютъ голову крестьяне, совершенно опредѣленно сознавая, что пришло время по праву взять имъ верхъ надъ панами.

Сама по себѣ семья фонъ Д—говъ стояла совершенно въ сторонѣ отъ этого движенія. Поддерживая изъ приличія знакомство и сношенія съ сосѣдями, Д—ги скептически относились къ разсказамъ и толкамъ, сознавая ихъ лживость. Я провелъ у Д—говъ все лѣто, до глубокой осени. Совершенно неопытный въ преподаваніи, бывшій въ отношеніи своихъ питомцевъ главнымъ образомъ старшимъ товарищемъ, я однако настолько сжился со всею этою семьею, что, когда окончились каникулы и наступилъ срокъ возвращенія въ школу, фонъ Д—гъ даже выхлопоталъ мнѣ разрѣшеніе у моего школьнаго начальства оставаться въ имѣніи до времени переѣзда всей семьи въ городъ на зиму, что́ и послѣдовало только около половины октября.

Здѣсь опять-таки необходимо отмѣтить одну характерную черту моей школы. Въ ней самостоятельность воспитанниковъ, гуманное отношеніе

къ нимъ простиралось до такой степени, что каждый воспитанникъ могъ опоздать возвращеніемъ въ школу на нѣсколько недѣль, хотя бы причиною опозданія были хозяйственныя работы въ домѣ родителей или родственниковъ, гдѣ гостилъ опоздавшій. Отъ послѣдняго требовалось лишь представленіе удостовѣренія, что опозданіе вызвано разумною причиною,—и начальство заведенія вовсе даже не входило въ разсмотрѣніе этой причины по существу, вполнѣ полагаясь въ этомъ случаѣ на самосознаніе воспитанниковъ. И это былъ совершенно правильный разсчетъ. Какъ ни легко было запаздывать возвращеніемъ въ школу, но, вообще говоря, къ этому прибѣгали именно только въ крайности. А такъ какъ у меня не было крайности, то мое опозданіе въ школу обусловливалось добрымъ совѣтомъ моего же начальства. Какъ было сказано уже, я получилъ лѣтнія занятія черезъ семинарское начальство, которое, узнавъ о желаніи фонъ Д—говъ задержать меня по окончаніи каникулъ, само же и предложило мнѣ остаться у нихъ, мотивируя тѣмъ, что въ школѣ я успѣю наверстать пропущенное, но лично для меня очень полезенъ представившійся случай какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, которымъ потому и необходимо воспользоваться какъ можно больше.

И, дѣйствительно, по возвращеніи въ школу, я очень быстро наверсталъ пропущенное. Этому способствовало, помимо освѣженія силъ, еще болѣе то обстоятельство, что пережитое мною въ теченіе лѣта, видѣнное и передуманное, дало совсѣмъ новый толчекъ моему отношенію къ ученію, моему юношескому взгляду на жизнь и людей. Главное же—въ моемъ національномъ сознаніи впервые получалось опредѣленное направленіе... Я сознавалъ себя р у с с к и м ъ...

X.

Тѣмъ не менѣе, этотъ періодъ ученія—одинъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ для меня въ томъ отношеніи, что мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ зарождавшагося уже паденія этого симпатичнаго учебнаго заведенія. Вотъ какъ произошло это.

Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, потребовался большой спросъ на образованныхъ русскихъ людей для занятія разнаго рода должностей. Мѣстная губернская администрація не обошла М. И. Красавицкаго предложеніемъ службы по крестьянскимъ дѣламъ; онъ же, слишкомъ утомленный уже разнаго рода дрязгами и ревизіями, несмотря даже на благопріятный ихъ исходъ, принялъ должность мироваго посредника.

Съ уходомъ М. И. Красавицкаго, семинарія лишилась своей д у ш и. Прежде всего сразу затормозилось пользованіе воспитанниковъ новѣйшими журналами и газетами. Они по-прежнему продолжали поступать за счетъ складчины, но словно сквозь землю проваливались: ни у кого нельзя было допроситься, что получено и гдѣ находится. Въ семинарской библіотекѣ также моментально водворились формализмъ и мертвечина. Она открывалась лишь по извѣстнымъ днямъ (раза два въ недѣлю) и на строго опредѣленный срокъ (1—2 часа). Лицо, завѣдывавшее библіотекою, совершенно не было знакомо съ ея составомъ, вовсе не расположено было руководить выборомъ чтенія и явно тяготилось обращаемыми къ нему по этому поводу вопросами, направляя всѣхъ къ библіотечному каталогу.

Въ дѣятельности заведенія, гдѣ прежде жизнь била ключемъ, гдѣ не было конца вопросамъ и спорамъ, вдругъ почувствовались вялость, скука, пустота. Весь механизмъ заведенія, всецѣло основанный на самосознаніи питомцевъ, ихъ самоуваженіи и самодѣятельности, вдругъ зашатался и понемногу началъ распадаться. Почему-то, вслѣдъ за выходомъ М. И. Красавицкаго, послѣдовала замѣна инспектора другимъ лицомъ, сухимъ, тяжелымъ педантомъ, человѣкомъ мнительнымъ, подозрительнымъ, чувствовавшимъ потребность въ подсматриваніи, подслушиваніи и выпытываніи, вслѣдствіе чего начало проявляться и гнусное наушничество. Вмѣсто М. И. Красавицкаго, преподавателемъ словесности и русской литературы былъ назначенъ молодой монахъ-красавецъ, открыто ведшій такую разсѣянную и разгульную свѣтскую жизнь, что начальство семинаріи вскорѣ же вынуждено было попросить его оставить занятое имъ въ зданіи заведенія помѣщеніе. Щегольство этого кокетливаго монаха, его пристрастіе къ духамъ и помадѣ, вычурность, женственность его манеръ — все это невольно отталкивало отъ этого лже-монаха, которому, конечно же, ни въ какомъ случаѣ не должно бы быть мѣста на педагогическомъ поприщѣ. Но онъ, между тѣмъ, преспокойно продолжалъ учительствовать, весь поглощенный стремленіемъ къ бурной, широкой, безпечной, разгульной жизни. Монашескій клобукъ и ряса съ четками совсѣмъ не шли къ этому рослому, бравому, краснощекому красавцу-мужчинѣ, такъ искренно и открыто предававшемуся всяческому прожиганію жизни.

Словомъ въ этомъ заведеніи, разумно организованномъ и прекрасно веденномъ, вдругъ пахну́ло чѣмъ-то, напоминающимъ б у р с у, по своей нелѣпости, грубоватости, недостоинству, неблаговоспитанности. Но, пока, еще только—«пахнуло», т.-е. можно было уловить лишь первые признаки чего-то новаго, несвойственнаго прежнему складу жизни заведенія. Складъ же этотъ былъ, однако, настолько проченъ, что оказывалъ противодѣйствіе нежелательному новшеству отрицательнаго свойства.

Эта прискорбная метаморфоза произошла при переходѣ моемъ изъ средняго класса въ старшій. Въ двухъ послѣднихъ классахъ, если и не чувствовалось такого идейнаго возбужденія и интереса, какъ прежде,— все же поведеніе воспитанниковъ оставалось по-прежнему серьезнымъ и достойнымъ, не давая ни малѣйшей пищи подозрительности и шпіонству новаго инспектора. Но бѣда въ томъ, что вновь вступавшій въ семинарію школьный элементъ, не получая здѣсь такого направленія и руководства, какъ прежде, приносилъ съ собою школьническую атмосферу, совершенно чуждую прежнему складу жизни семинаріи. И если эта нездоровая атмосфера не отравляла еще окончательно семинарской жизни, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, то исключительно благодаря системѣ внутренняго управленія при помощи «старшихъ». Въ данномъ случаѣ отъ этихъ послѣднихъ, въ виду недочетовъ въ духовной дѣятельности семинаріи, требовались даже и репрессивныя мѣры, чтобы сдерживать школяровъ въ предѣлахъ благоразумія, приличія, благовоспитанности. Примѣненіе же такого рода мѣръ неизбѣжно вызывало усиленное вмѣшательство инспектора и болѣе или менѣе серьезныя столкновенія съ нимъ, именно вслѣдствіе наушничества, развивавшаго, въ свою очередь, систему скрытности, плутень и прочей нравственной грязи, которая, какъ извѣстно, такъ пагубна для умственной и нравственной жизни каждаго учебнаго заведенія.

Впрочемъ, обо всемъ этомъ я говорю лишь ради фактической вѣрности въ характеристикѣ заведенія; въ личной же моей жизни все это почти уже не играло никакой роли, такъ какъ она, совершенно неожиданно для меня самого, приняла довольно своеобразный оборотъ.

При переходѣ въ старшій классъ, мнѣ объявлено было готовиться въ духовную академію; я же, напротивъ, намѣревался поступить въ университетъ. Это вызвало во мнѣ большую внутреннюю борьбу; въ концѣ же концовъ, я рѣшилъ было форсированно готовиться въ теченіе каникулъ въ университетъ. Но тутъ подвернулось совершенно неожиданное обстоятельство.

М. И. Красавицкій, около полугода уже тому назадъ уѣхавшій на должность мироваго посредника въ Лепельскій уѣздъ, прислалъ мнѣ письмо, прося непремѣнно пріѣхать къ нему на все время каникулъ и помогать ему въ качествѣ письмоводителя. Красавицкій былъ въ восторгѣ отъ новой своей должности и буквально заклиналъ меня «немедленно же ѣхать» къ нему, если я «не желаю упустить случая непосредственно познакомиться съ тѣмъ новымъ и хорошимъ, что зародилось въ русской жизни». Ему извѣстно было уже о моемъ намѣреніи поступить въ университетъ, и онъ писалъ по этому поводу: «Твоя затѣя на счетъ университета нравится мнѣ. Но я рѣшительно противъ спѣха. Зачѣмъ спѣшишь на 17 году? Куда спѣшишь?.. Нѣтъ, ты вотъ пріѣзжай-ка

сюда ко мнѣ, да потрись-ка все лѣто около мужичья,—ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: тогда тебѣ въ совершенно иномъ свѣтѣ и видѣ представится дорога въ университетъ и изъ университета». Въ заключеніи же письма говорилось: «Еще разъ настойчиво повторяю: поѣзжай ко мнѣ немедленно, безъ всякихъ отговоровъ. Сейчасъ же бери почтовыхъ—и скачи въ Бѣшенковичи. Тамъ тебѣ скажутъ гдѣ я,—и катай по мѣсту моего нахожденія. Разсчитай, пожалуйста, такъ, чтобы дня въ два быть на мѣстѣ. Очень ужъ много дѣла,—и оно тебя увлечетъ, отрезвитъ, направитъ на истинный путь».

Такъ я и сдѣлалъ. На второй же день вечеромъ, послѣ полученія этого письма, я работалъ уже съ М. И. Красавицкимъ въ Бочейковской волости, сосѣдней съ мѣстечкомъ Бѣшенковичами, гдѣ было постоянное его мѣстопребываніе, но, впрочемъ, номинально, главнымъ образомъ—какъ мѣсто, куда направлялась оффиціальная переписка. Въ теченіе, напримѣръ, всего лѣта, намъ едва-ли удалось провести въ Бѣшенковичахъ около 10 дней. Почти сплошь все время прошло въ переѣздахъ изъ волости въ волость, изъ села въ село.

Работы, дѣйствительно, было столько, что и опомнится некогда. Прежде всего, необходимо было оформливать и налаживать сельское и волостное управленія, т.-е. выбирать должностныхъ лицъ, знакомить ихъ съ «Положеніемъ» 19-го февраля 1861 года, а равно—съ правами, обязанностями и отвѣтственностью каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; заводить самое дѣлопроизводство и счетоводство въ волостяхъ и обществахъ и провѣрять эти маленькія, но сложныя канцеляріи. Одновременно съ этимъ требовалось приведеніе въ точную извѣстность хозяйственнаго состоянія каждаго крестьянскаго двора, такъ какъ само по себѣ освобожденіе крестьянъ вызвало рядъ капитальнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ общегосударственной важности. Наконецъ, во всемъ мировомъ участкѣ почти поголовно всѣ крестьяне, когда приближался моментъ освобожденія, были загнаны помѣщиками на болота, пески и безплодные пустыри. Этотъ «загонъ» состоялъ или въ простомъ отводѣ крестьянамъ негодной земли, вмѣсто прежней годной, или же въ перенесеніи при этомъ и самыхъ поселковъ. Словомъ, значительная часть крестьянъ прямо-таки была поставлена въ невозможность существовать, какъ сельское населеніе, отъ земли. Въ виду этого, для возстановленія справедливости въ надѣлахъ, необходимо было составить подробную опись какъ прежнихъ земельныхъ владѣній каждаго поселка, такъ и вновь отведенныхъ имъ негодныхъ надѣловъ.

Работа была раздѣлена между нами такимъ образомъ. На мою долю выпало составленіе подворныхъ и земельныхъ описей; М. И. Красавицкій занялся устройствомъ и налаживаніемъ сельскаго и волостнаго управленій. Подворныя и земельныя описи составлялись въ формѣ

«актовъ», такъ что въ отношеніи каждаго поселка было означено: когда именно и гдѣ были собраны домохозяева и что они показали. Каждый такой «актъ» скрѣплялся мѣстнымъ сельскимъ старостою и писаремъ, если таковой былъ, а затѣмъ провѣрялся и мировымъ посредникомъ, о чемъ дѣлалась на актѣ особая надпись.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, всѣ собиратели статистическихъ свѣдѣній въ одинъ голосъ жалуются на затруднительность въ полученіи точныхъ свѣдѣній на мѣстѣ, на умышленную скрытность крестьянъ. Если это вѣрно, то указанныя черты—новѣйшаго происхожденія. Въ то же время, когда мнѣ довелось собирать самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ крестьянскомъ обиходѣ, не было ничего подобнаго, и показанія ихъ отличались безусловною правдивостью. Самое собираніе свѣдѣній производилось такъ. У меня былъ отъ мироваго посредника такъ называемый «открытый листъ», для удостовѣренія моей личности и того дѣла, которое поручено мнѣ. Кромѣ того, заблаговременно оповѣщался къ этому поводу каждый сельскій староста, которому и предоставлено было, по соглашенію съ домохозяевами, выбрать для описи такой день, чтобы, по возможности, не мѣшать работамъ. Когда я пріѣзжалъ, староста собиралъ сходъ и представлялъ меня ему. Я же объяснялъ крестьянамъ пользу и необходимость вѣрныхъ свѣдѣній и о землѣ, и о хозяйственномъ положеніи каждаго изъ нихъ. Затѣмъ сходъ расходился, и я отправлялся по дворамъ для описи. По окончаніи подворной хозяйственной описи, опять сзывался сходъ, которому прочитывалась вся опись, въ отдѣльности по каждому двору. Если въ ней были какія-либо невѣрности,—онѣ тутъ же и исправлялись или міромъ, или старостою. Послѣ этого, всею сходкою отправлялись на мѣсто стараго и новаго земельныхъ надѣловъ, ради собиранія и провѣрки свѣдѣній для составленія земельнаго «акта».

Такая форма собиранія свѣдѣній на мѣстѣ была самостоятельно придумана и установлена М. И. Красавицкимъ, и она какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала обстоятельствамъ дѣла въ отношеніи точности и полноты свѣдѣній, а равно и въ отношенія ихъ безспорной документальности. Благодаря этому устранялась необходимость въ обширной разъяснительной перепискѣ даже по такимъ сложнымъ вопросамъ, какъ недоимочность, измѣненіе въ крестьянскихъ надѣлахъ, перенесеніе цѣлыхъ селъ и деревень съ мѣста на мѣсто и проч. По каждому изъ этихъ вопросовъ требовалось собственно лишь самое «представленіе», т. е. изложеніе дѣла и мотивировка на основаніи «актовъ», служившихъ разностороннею документальною аргументаціею по всѣмъ вопросамъ, касавшимся улучшенія быта крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ.

На первыхъ порахъ составленіе подворно-хозяйственныхъ и земельныхъ описей представляло большія затрудненія. На одно селеніе

приходилось употреблять два-три дня. Кромѣ того, при провѣркѣ описи на сходѣ, оказывалось много неточностей въ показаніяхъ не только въ отношеніи хозяйственной стороны, но даже и по части численнаго состава семействъ. Но, послѣ составленія въ двухъ-трехъ обществахъ такихъ описей, крестьяне, главнымъ же образомъ сельскіе старосты, быстро освоились съ дѣломъ, и, при ихъ содѣйствіи, можно даже сказать — по ихъ почину, установился такой порядокъ: всѣ поселенія данной волости напередъ распредѣлялись въ извѣстномъ порядкѣ, съ цѣлью описыванія ихъ, и до нѣкоторой степени подготовлялись къ этому старостами. Вслѣдствіе этого, когда наступалъ моментъ описи въ данномъ селѣ, домохозяева осмысленно относились къ предлагаемымъ имъ вопросамъ и давали толковые и точные отвѣты; размѣры прежнихъ и новыхъ крестьянскихъ земельныхъ владѣній заблаговременно были уже въ точности ими опредѣлены, такъ что оставалось только провѣрить на мѣстѣ и описать.

Крестьяне искренно вѣрили, что всѣ эти свѣдѣнія собираются именно ради ихъ же пользы, — и никакихъ кривотолковъ по этому поводу не замѣчалось. Несмотря на свою слишкомъ зеленую юность, я встрѣчалъ съ ихъ стороны полное сочувствіе и поддержку. Если, напримѣръ, во время провѣрки свѣдѣній на сходѣ, оказывалась какая-нибудь невѣрность въ предварительныхъ показаніяхъ того или другаго изъ домохозяевъ, — сходъ энергически проявлялъ свое негодованіе виновнику вольной или невольной ошибки и извинялся въ этомъ предо мною. Словомъ, народъ и въ мысли не имѣлъ прятаться, таиться, скрывать что бы то ни было. Его отношеніе было безупречно честное, прямое, открытое, безъ всякой задней мысли, дѣтски-прямодушное.

Принятая М. И. Красавицкимъ система «актовъ» произвела большую сенсацію не только въ мѣстномъ уѣздномъ, но и въ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ. Быстро усвоенная лепельскимъ съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, система эта очень выгодно выдѣлила весь Лепельскій уѣздъ быстрою, прочною и отчетливою работою по введенію крестьянской реформы. Болѣе же другихъ, понятно, выдѣлился М. И. Красавицкій. Сначала онъ получилъ чрезвычайно лестное письмо отъ губернатора, благодарившаго его за успѣшную, образцовую дѣятельность; вскорѣ же затѣмъ губернаторъ и самъ пріѣхалъ для обзора результатовъ его дѣятельности на мѣстѣ.

XI.

Губернаторъ объѣхалъ весь участокъ М. И. Красавицкаго, побывалъ во всѣхъ волостяхъ и не могъ нахвалиться видѣннымъ имъ порядкомъ. Да и дѣйствительно было, что хвалить.

Открывая, напримѣръ, волость, М. И. Красавицкій категорически объявлялъ крестьянамъ, что волость не можетъ существовать безъ школы, которая тутъ же и узаконялась приговоромъ за счетъ крестьянъ. Вторымъ дѣломъ было тщательное ознакомленіе крестьянъ съ «Положеніемъ», а сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ — съ ихъ правами и обязанностями. Эта трудная задача осуществлялась посредствомъ предварительнаго ознакомленія съ «Положеніемъ» лицъ, подобранныхъ имъ на должности народныхъ учителей и волостныхъ писарей, которые, въ свою очередь, разъясняли сельскимъ и волостнымъ должностнымъ лицамъ ихъ права и обязанности. Въ этой работѣ очень дѣятельное и существенное участіе принимали и мѣстные священники, которые, какъ на подборъ, всѣ были изъ учениковъ Красавицкаго и рвались, чѣмъ только можно, помочь ему въ великомъ дѣлѣ правильнаго и прочнаго насажденія крестьянской реформы. Именно благодаря содѣйствію священниковъ, стало возможнымъ, чтобы одна народная школа работала на цѣлую волость. Это достигалось тѣмъ, что, въ помощь къ учителю, приглашалось нѣсколько помощниковъ, которые и обучали грамотѣ дѣтей въ отдаленныхъ отъ школы мѣстностяхъ, но съ вѣдома и подъ руководствомъ учителя и священника.

Если обратиться къ «Положенію» 19 февраля 1861 года, оказывается, что оно предоставляетъ крестьянамъ большую самодѣятельность не только въ дѣлѣ управленія, но также въ дѣлахъ образованія, врачеванія, общественнаго призрѣнія и т. под. Исходя изъ этого, М. И. Красавицкій твердо держался такого правила, что мѣры, полезныя для населенія въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, должны самостоятельно приниматься на мѣстѣ властями, примѣнительно къ мѣстнымъ нуждамъ и средствамъ. Руководствуясь этимъ, онъ своею властью началъ заводить при волостяхъ фельдшеровъ, акушерокъ и аптечки; въ экстренныхъ же случаяхъ устраивались и пріемные покои. Точно также своею властью онъ разрѣшилъ имѣющіяся въ волостяхъ свободныя суммы обращать въ краткосрочныя ссуды крестьянамъ, соотвѣтственно потребности и кредитоспособности каждаго, не иначе, однако, какъ по постановленію волостнаго схода и по большинству двухъ-третей голосовъ. Мѣра эта была принята крестьянами съ восторгомъ, выполнялась на дѣлѣ съ образцовою серьезностью и строгостью, принося явную пользу населенію. Исправное возвращеніе ссудъ не оставляло желать ничего лучшаго.

Все это желалъ видѣть на мѣстѣ губернаторъ, дѣйствительно видѣлъ и пришелъ въ восторгъ. Онъ былъ пораженъ необычайною толковостью и сознательностью сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и тѣмъ достоинствомъ, съ какимъ они держали себя. Это было слѣдствіемъ прекраснаго обращенія съ ними М. И. Красавицкаго. Онъ

пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поддержать въ глазахъ крестьянъ значеніе ихъ же властей. Вообще сдержанный, онъ, несмотря на большую требовательность, былъ замѣчательно ровенъ и мягокъ всегда со всѣми сельскими властями, до послѣдняго десятскаго. Требуя отъ сельскихъ властей твердаго и яснаго пониманія и точной исполнительности ими своихъ обязанностей и долга, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ и отъ другихъ полнаго уваженія къ нимъ, показывая собою примѣръ въ этомъ отношеніи. Съ сельскими старостами, напримѣръ, онъ обязательно здоровался за руку; старшинъ же даже и садилъ всегда въ своемъ присутствіи, называя не иначе, какъ по имени и отчеству.

Такъ онъ обращался съ сельскими и волостными должностными лицами и съ глазу на глазъ, и при постороннихъ, не исключая въ томъ числѣ и губернатора. Такое обращеніе особенно сильно бросалось всѣмъ въ глаза, въ виду кореннаго отличія его отъ того, что было въ пору только-что рухнувшаго звѣрскаго крѣпостнаго права. Въ глазахъ же крестьянъ обращеніе это имѣло особенное значеніе, въ виду того, что оно само собою разомъ и рѣзко отграничивало мироваго посредника отъ «барина», «помѣщика», «пана». Обращеніе это, проистекавшее изъ убѣжденія и чистаго сердца, производило должное впечатлѣніе своею высокою гуманностью,—какъ нельзя болѣе благотворно дѣйствовавшею на простыхъ людей. Это простое, благородное и дружественное обращеніе само собою уже обязывало старостъ и старшинъ стоить такого обращенія, не утратить право на него. И какъ они превосходно знали порученное имъ дѣло: старосты—общины, старшины—волости! Какъ искренно были они увлечены заботами и думами о наилучшемъ служеніи на пользу общую!.. Почти не было примѣра, чтобы избранный въ старосты, а тѣмъ болѣе—въ старшины и не знающій грамоты не торопился бы выучиться ей—добровольно, безъ малѣйшаго побужденія, въ силу серьезнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ и желанія добросовѣстно исполнить ихъ.

Въ общемъ, настроеніе крестьянства было бодрое, полное вѣры въ свои силы. Тотъ годъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ изъ неурожайныхъ. Вообще плохо уродило, а въ Лепельскомъ уѣздѣ еще и градомъ побило. Кромѣ того, былъ и скотскій падежъ, главнымъ образомъ—на лошадей и овецъ. Но, въ общемъ, не было замѣтно однако въ народѣ унынія. Губернаторъ, зная объ указанныхъ обстоятельствахъ изъ донесеній уѣздныхъ властей, посѣтивъ участокъ М. И. Красавицкаго, обратился къ нему, между прочимъ, съ вопросомъ о формѣ помощи населенію, давъ при этомъ понять, что въ принципѣ онъ считаетъ такую помощь безусловно необходимою. Красавицкій же, уклонившись отъ категорическаго отвѣта, предложилъ губернатору непосредственно по-

бесѣдовать объ этомъ со старшинами его участка. Послѣдніе экстренно были созваны, и состоялась импровизированная бесѣда.

Я живо помню эту единственную въ своемъ родѣ бесѣду. М. И. Красавицкій поочередно представилъ губернатору каждаго изъ старшинъ, и они чинно усѣлись полукругомъ. Губернаторъ толково, не торопясь изложилъ имъ свои мысли и предположенія относительно матеріальной помощи населенію. На вопросъ губернатора, какъ они объ этомъ думаютъ,—старшины единогласно отвергли помощь. Признавая наличность нужды, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и крайность ея, они, однако, настаивали, что съ нею нужно бороться не пособіемъ со стороны, а своими мѣстными средствами. При этомъ, между прочимъ, выяснилось, что въ виду указанныхъ затрудненій и грозившей къ осени недоимочности, изъ всѣхъ пострадавшихъ мѣстностей законтрактованы уже черезъ волости рабочіе на строившуюся по сосѣдству желѣзную дорогу,—и это можетъ дать возможность пострадавшимъ хозяйствамъ перенести невзгоду почти безъ всякаго разстройства.

Губернаторъ, между прочимъ, выразилъ опасеніе, что, при отсутствіи помощи, нѣкоторая наличность свободныхъ денежныхъ средствъ (отъ заработковъ) у однихъ и недостатокъ ихъ у другихъ могутъ вызвать ростовщичество. Старшины не сразу даже поняли значеніе р о с т о в щ и ч е с т в а. Затѣмъ они разъяснили, что у нихъ отъ свободныхъ волостныхъ суммъ «остаточныхъ» и «переходящихъ» выдаются ссуды желающимъ, рѣшительно безъ всякаго риска потерь. Что же касается людей, тайно промышляющихъ отдачей денегъ въ ростъ, да еще подъ «лихвенные» проценты и съ пріемомъ залоговъ, то такихъ людей, какъ вредныхъ для общества, старшины признавали необходимымъ прямо-таки удалять, — на что крестьянское управленіе и имѣетъ право по «Положенію».

Сильно заинтересовавшись и увлекшись бесѣдою со старшинами, губернаторъ, между прочимъ, просилъ чистосердечно сказать ему: «много ли пьетъ народъ и какъ бороться съ пьянствомъ?» На это одинъ изъ старшинъ отвѣтилъ такъ: «Коли народъ пьетъ, ума не пропиваючи, хозяйства не разстраивая и не должая, то на то—воля его, и никто въ этомъ ему не судья и не указчикъ. «П ь я н с т в о» же и закономъ не дозволено. Сельскія власти должны блюсти, чтобы не было ни дебошей, ни пропоя. Въ кабакахъ не вольно народу засиживаться. А чуть не слушается, — староста долженъ сообщить волости и посреднику. Они найдутъ, какъ расправиться съ ослушниками и заставить ихъ опамятоваться».

Нѣсколько часовъ продолжалась эта бесѣда, въ которой, непринужденно переходя съ предмета на предметъ, касались интересовъ религіи, образованія, врачеванія, путей сообщенія, хозяйства и проч. Оказалось,

что представители крестьянскаго управленія имѣли свои опредѣленныя воззрѣнія о каждой изъ этихъ областей и не стѣснялись выражать ихъ, какъ умѣли, во всякомъ же случаѣ — толково, съ достоинствомъ. Затѣмъ губернаторъ, указавъ на бывшія уже проявленія въ губерніи польскаго возстанія, спросилъ:

— Какъ вы относитесь къ этой опасности?

— Самое пустячное дѣло, — увѣренно отвѣтилъ одинъ изъ старшинъ. — Прямо-таки — одна глупость панская и блажь. У насъ, почитай, ничего и не будетъ. А чуть что,—всѣхъ сами переловимъ и доставимъ. Намъ совсѣмъ не надо и солдатъ!..

Спустившіяся сумерки и подача свѣчей положили конецъ этой дѣйствительно знаменательной бесѣдѣ. Губернаторъ очень любезно распрощался со старшинами, подавъ каждому изъ нихъ руку и наговоривъ имъ любезностей по поводу бесѣды.

— Откуда же вы набрали этихъ свѣтлыхъ головъ?—обратился онъ къ Красавицкому, когда за старшинами заперлась дверь.

— Увѣряю васъ, что это — вовсе не мой выборъ, а самихъ крестьянъ, — безусловно свободный выборъ, сознательный, по достоинству.

— Меня удивляетъ ихъ толковость, развитіе, солидность.

— Они чрезвычайно быстро развиваются и выравниваются отъ общенія съ другими. Толчкомъ же къ этому служатъ серьезныя и сложныя общественныя обязанности, необходимость вдумываться въ нихъ, разспрашивать, совѣтываться...

— Я чрезвычайно благодаренъ вамъ за удовольствіе, доставленное бесѣдою со старшинами!—восторженно говорилъ губернаторъ.—Я буквально пораженъ видѣнными мною успѣхами у васъ крестьянской реформы и не могу въ толкъ взять: въ чемъ именно секретъ вашего вліянія на народъ?..

— И секрета даже никакого нѣтъ. Самое азбучное правило: никакой опеки, никакихъ помочей!.. Внушайте народу, что онъ всегда и во всемъ долженъ самъ изъ себя добывать дѣятельную силу,—и онъ сдѣлаетъ несравненно даже больше, чѣмъ предполагать, какъ въ области внѣшняго благоустройства, такъ и въ области экономическаго преуспѣянія—словомъ, во всемъ. Разъ вы зовете народъ къ самодѣятельности и каждое дѣло разсчитываете именно на его самодѣятельность,—нѣтъ болѣе рѣшительно ничего невозможнаго въ жизни: успѣхъ каждаго начинанія можно назвать разсчитаннымъ на-вѣрняка, и вопросъ только во времени. Если же начать примѣнять насиліе въ какомъ бы то ни было отношеніи,—ничего не будетъ, кромѣ зла. Попробуйте, напримѣръ, загонять народъ силой хотя бы даже въ школы и лѣчебницы,—онъ будетъ искать убѣжища и утѣшенія въ кабакѣ; попробуйте силою выживать его изъ кабаковъ,—по лѣсамъ раз-

бредется, какъ и расходился не разъ. И будетъ адъ, вмѣсто разумной, гармоничной, прогрессивной жизни!..

— Вы такъ вѣрите въ стройный, прочный народный прогрессъ!...

— Ну, еще бы! Развѣ же этотъ честный, трудолюбивый и даровитый народъ не потому былъ до сихъ поръ такъ глубоко несчастливъ, что насильственныя, искусственныя мѣры дѣлали его такимъ? И разъ мѣры эти уничтожены,—что же можетъ удерживать отъ прогресса народъ, имѣющій при томъ счастливѣйшіе природные задатки къ этому?...

— Большихъ усилій надо для этого!..

— И да, и нѣтъ. Тутъ, прежде всего, нужно опасаться «перемудрить», навязать народу что-нибудь чуждое, сбить его въ самостоятельнаго пути. И это особенно надо помнить именно намъ, администраторамъ. Пока мы только въ роли добрыхъ совѣтниковъ и руководителей,—мы большая культурная сила для народа. Какъ только мы начнемъ властвовать, приказывать и принуждать,—все—повторяю—пойдетъ въ разбродъ... Страшно сказать и подумать, но возможенъ и такой оборотъ, что отъ этихъ чудныхъ первыхъ проблесковъ гражданскаго народнаго самосознанія можетъ даже и слѣда не остаться!..

Разговоръ этотъ сильно запалъ мнѣ въ душу тогда, смутивъ меня намекомъ на возможность въ будущемъ чего-то недобраго, неблагопріятнаго. Меня даже оскорбила такая неувѣренность въ настоящемъ, рѣшительно не укладывавшаяся съ моимъ міровоззрѣніемъ, имѣвшимъ самую яркую радужную окраску. Да и могъ ли я не питать розовыхъ надеждъ?.. Къ ряду второе лѣто уже я имѣлъ случай непосредственно наблюдать освобожденныхъ отъ рабства. Въ первое лѣто моимъ наблюденіямъ было доступно лишь то спокойствіе и достоинство, съ которымъ долготерпѣливый русскій народъ расправлялъ свои усталые, онѣмѣвшіе, изболѣвшіе отъ труда и побоевъ члены. Теперь я видѣлъ передъ собою полную картину народа, сознательно самоуправляющагося, и чувствовалъ себя безгранично счастливымъ, что могъ принимать хоть маленькое участіе въ этой дѣятельности. Отъ меня не были скрыты также надежды и мечты русскаго народа, его вѣра въ свои силы, его жажда лучшихъ условій жизни, — и въ моихъ глазахъ все будущее Россіи могло имѣть только розовую окраску...

Но—увы!—жизнь вскорѣ же заставила меня понять всю правоту воззрѣній М. И. Красавицкаго, который, какъ человѣкъ строгихъ принциповъ, былъ одинаково вѣренъ себѣ и въ стѣнахъ школы, и на болѣе широкой аренѣ общественной дѣятельности, въ должности мироваго посредника.

Но, чтобы не забѣгать впередъ, ради хронологической послѣдовательности, долженъ замѣтить, что М. И. Красавицкій былъ несравненно счастливѣе на новой службѣ, чѣмъ на прежней. Онъ очень радушно

былъ принимаемъ у губернатора, когда пріѣзжалъ въ губернскій городъ, и игралъ очень видную роль въ губернскомъ совѣщаніи по крестьянскимъ дѣламъ, куда его часто вызывали. Въ результатѣ же всего этого, онъ, къ концу уже перваго года посреднической службы, за образцово усердную и полезную службу, былъ украшенъ орденами, которыхъ у него вовсе не имѣлось раньше. Насколько помнится, онъ чуть ли не сразу получилъ Владимірскій крестъ на шею. Вообще, онъ сталъ виднымъ человѣкомъ въ мѣстной администраціи, и ему сулили блестящую административную карьеру, по завершеніи крестьянской реформы.

XII.

Мои занятія у Красавицкаго не ограничились только лѣтомъ: съ наступленіемъ рождественскихъ каникулъ, онъ опять просилъ меня пріѣхать.

Я усердно готовился въ это время въ университетъ, твердо разсчитывая поступить въ него въ наступающемъ учебномъ году, и поѣздка къ М. И. Красавицкому была совсѣмъ не съ руки мнѣ. Но предстояло очень спѣшное дѣло, имѣвшее непосредственное отношеніе къ лѣтнимъ моимъ работамъ,—и я не могъ отказаться.

Предпринята была первая всенародная перепись послѣ освобожденія крестьянъ. Дѣло это велось, впрочемъ, чисто полицейскимъ путемъ, черезъ становыхъ приставовъ. Но такъ какъ въ участкѣ М. И. Красавицкаго были уже составлены подворныя земельныя и хозяйственныя описи, то, во избѣжаніе разногласія новой переписи съ имѣющимися описями, рѣшено было совмѣстно пересмотрѣть и сличить ихъ. Дѣло это и было поручено мнѣ, при наличности всѣхъ волостныхъ писарей участка. Образовалась цѣлая канцелярія болѣе чѣмъ въ 20-ть человѣкъ, считая и переписчиковъ. Работа была большая, кропотливая. Пришлось почти сплошь проработать двѣ недѣли, но дѣло все же было сдѣлано.

Для меня же эта работа имѣла особенно важное значеніе. Пересмотрѣвъ еще разъ то, что пришлось дѣлать лѣтомъ, я уразумѣлъ во-очію, какое громадное дѣло и какой исключительной государственной важности предпринято въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ виду кореннаго исправленія правительствомъ той вопіющей неправды, которая была допущена помѣщиками вообще, особенно же «панами» въ отношеніи первоначальнаго надѣленія крестьянъ землею. За то теперь, наоборотъ,

употреблялись всѣ усилія, чтобы крестьяне были доведены, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, до предѣловъ возможно лучшаго по мѣстнымъ условіямъ.

Хотя крестьяне и сознавали, что получаемая ими земля облита ихъ потомъ, слезами, а отчасти даже и кровью, тѣмъ не менѣе они преисполнены были неописанной радости, даже восторга, по поводу щедро отводимыхъ имъ надѣловъ со всѣми необходимыми угодьями, и горячо благодарили какъ своихъ мировыхъ посредниковъ, такъ и верховную власть. Крестьяне прямо-таки клялись въ вѣрности и преданности и пророчески обѣщали, что не только они, но и ихъ отдаленнѣйшіе потомки несомнѣнно будутъ тутъ съ хлѣбомъ, при такихъ хорошихъ надѣлахъ.

Такъ это и вышло въ дѣйствительности. Въ то время, какъ голодовки неоднократно уже посѣтили почти всѣ хлѣбороднѣйшія наши губерніи, Сѣверо-Западный край, гдѣ крестьянство, до освобожденія его, было обезсилено, истощено до послѣдней крайности, живетъ безъ голодовокъ. Земля же здѣсь, нужно замѣтить, мало-плодородная; но та любовь, съ которою бѣлорусское крестьянство приняло свои надѣлы, та высокая старательность, съ которою оно отнеслось къ землѣ, возлагая на нихъ твердую надежду въ отношеніи поправленія всѣхъ своихъ невзгодъ,—дѣйствительно выручили бѣлоруссовъ изъ бѣды, оправили ихъ и дали имъ возможность безбѣдно просуществовать въ теченіе 30 лѣтъ, несмотря даже на значительный приростъ населенія. Униженный, забитый бѣлоруссъ, почувствовавъ себя самостоятельнымъ человѣкомъ, необычайно привязался къ землѣ, изъ-за которой онъ прежде такъ сильно страдалъ, но благодаря которой теперь получилъ возможность существовать по-людски. Съ той поры, бѣлоруссы—лучшіе сельскіе хозяева на Руси: самые тщательные, добросовѣстные, преданные своему дѣлу. Лишенные благъ русскаго общественнаго управленія, они тѣмъ не менѣе не допустили сельскаго своего хозяйства до такого паденія, иногда даже полнаго запустѣнія, какое мы видимъ въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ. Напротивъ, при отсутствіи даже соотвѣтствующаго образовательнаго воздѣйствія, сельское хозяйство бѣлоруссовъ все же менѣе косно, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Бѣлоруссы особенно «крѣпки землею». Несмотря даже на приростъ населенія, они все же даютъ еще незначительный процентъ въ отхожіе промыслы.

Такъ, значитъ, мудро была введена крестьянская реформа въ Сѣверо-Западномъ краѣ и такъ велика государственная заслуга непосредственныхъ исполнителей этого сложнаго и труднаго дѣла—мировыхъ посредниковъ. Въ ряду ихъ М. И. Красавицкій, какъ человѣкъ идеи, несомнѣнно былъ звѣздой первой величины и даже не въ предѣлахъ одной только губерніи.

Тѣсно и душно показалось мнѣ вдругъ въ семинаріи, когда я возвратился послѣ рождественскихъ каникулъ. Тотъ громадный и чрезвычайно поучительный статистическій матеріалъ, въ который я только-что окунулся, произвелъ на меня глубокое и сильное впечатлѣніе. Мнѣ хотѣлось въ жизнь, душа рвалась на живое дѣло, и я такъ ясно сознавалъ, сколько такого именно дѣла тамъ, въ этой пробуждающейся народной жизни.

Я былъ словно въ чаду. Мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы продолжать занятія, состоявшія главнымъ образомъ въ подготовленіи къ университету, но требовавшія, однако, и исправнаго прохожденія курса старшаго отдѣленія, т. е. богословскаго класса. Меня положительно начинали давить стѣны того самаго заведенія, которое я прежде такъ искренно любилъ и уважалъ, но въ которомъ все явственнѣе началъ проявляться теперь духъ бурсы. Замѣчательно, что эта неблагопріятная перемѣна въ заведеніи происходила главнымъ образомъ подъ вліяніемъ прилива новыхъ и молодыхъ преподавателей. Прежній составъ преподавателей, постепенно уходившихъ то въ отставку, то на службу въ другія вѣдомства,—какъ на подборъ состоялъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Теперь же, наоборотъ, являлись все новые и новые преподаватели, не имѣвшіе никакого понятія ни объ особенностяхъ этого края, ни объ особенностяхъ заведенія. Все имъ казалось страннымъ въ этомъ заведеніи, не подходившемъ подъ общій семинарскій шаблонъ, но еще болѣе казались странными сами они, со своимъ формализмомъ и педантизмомъ, распространяя вокругъ себя мертвечину и типичный бурсацизмъ.

А тутъ еще присоединились и обстоятельства болѣе серьезнаго свойства. Въ качествѣ «старшаго», мнѣ неоднократно приходилось довольно серьезно сталкиваться съ инспекторомъ, ограниченнымъ педантомъ. Я добросовѣстно держался, въ мѣру предоставленныхъ правъ, издавна установившихся порядковъ, которые глубоко уважалъ, и открыто протестовалъ всегда противъ вводимой инспекторомъ системы сыска, шпіонства, наушничества, лицемѣрія и проч., и проч. Это, наконецъ, окончательно взбѣсило инспектора, и онъ категорически объявилъ мнѣ, что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, я неизбѣжно буду лишенъ казеннаго содержанія. По правдѣ сказать, эта угроза, весьма непріятная и оскорбительная по существу дѣла, нисколько, однако, не испугала меня. Въ теченіе двухъ лѣтъ уже, у меня постоянно были свои, заработанныя деньги. Кромѣ того, я во всякое время могъ имѣть уроки у фонъ Д—говъ, жившихъ теперь въ городѣ, а черезъ нихъ—и у другихъ. Поэтому я рѣшилъ совершенно выдти изъ семинаріи и держать окончательный экзаменъ въ гимназіи наступающею весною.

Въ это именно время, въ январѣ 1864 года, одинъ за другимъ въ

семинаріи поступили два правительственныхъ «вызова»: одинъ — въ военную службу, другой—на должности народныхъ учителей и волостныхъ писарей въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Со времени крымской войны, подобные «вызовы» (я помню, напримѣръ, вызовы на службу въ Сибирь, Амурскій край и проч.) никогда не проходили въ Полоцкой семинаріи безслѣдно, но непремѣнно вызывали патріотическій подъемъ въ средѣ учащихся, и на «вызовъ» обыкновенно откликалось довольно значительное число юношей. Особенно значителенъ былъ этотъ откликъ теперь, въ виду характерно опредѣлившагося уже польскаго возстанія и очевидной необходимости въ обрусеніи сельскаго населенія, т. е. укрѣпленія его въ русской народности и православной вѣрѣ, къ чему оно—какъ было уже разъяснено выше—инстинктивно стремилось само. Изъ всѣхъ классовъ семинаріи ушло по нѣсколько человѣкъ въ военную службу; нашлись также охотники и на должности народныхъ учителей и волостныхъ писарей, но преимущественно изъ средняго класса.

«Вызовъ» на должности народныхъ учителей и писарей особенно сильно подѣйствовалъ на меня: онъ словно душу обжегъ мнѣ. Превосходно составленный, онъ такъ ясно говорилъ моему уму и сердцу о томъ самомъ живомъ дѣлѣ, къ которому сильно и сознательно рвалась душа моя, но не въ силу мечтаній и теоретическихъ увлеченій, а на основаніи нѣкотораго уже практическаго знакомства съ дѣломъ.

Я излилъ свое юношеское увлеченіе въ искреннемъ прошеніи, въ которомъ заявилъ, что желаю непремѣнно получить такое мѣсто, гдѣ бы должность народнаго учителя была соединена съ должностью волостнаго писаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по праву ученика богословскаго класса, я просилъ дать мнѣ разрѣшеніе на проповѣдываніе слова Божія. Ко мнѣ присоединился одинъ изъ лучшихъ учениковъ старшаго класса, человѣкъ феноменально-даровитый, И. А. Піотушко. Просьба эта была горячо поддержана мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ и удостоилась полнаго одобренія графа М. Н. Муравьева, бывшаго тогда виленскимъ генералъ-губернаторомъ.

Такъ совершенно неожиданно послѣдовалъ мой выходъ изъ учебнаго заведенія, въ которомъ, однако, мнѣ дозволено было держать выпускной экзаменъ не въ очередь, годомъ раньше моихъ товарищей,—что я и сдѣлалъ во время лѣтнихъ каникулъ 1864 года, для чего пришлось нарочно пріѣхать съ мѣста службы. Сотоварищъ же мой, Піотушко (нынѣ умершій уже), долженъ былъ, однако, сдѣлать это годомъ позже, т. е. вмѣстѣ съ бывшими по школѣ товарищами.

Я не имѣю намѣренія входить здѣсь въ подробности относительно службы моей до поступленія въ университетъ, такъ какъ это составляетъ предметъ особаго очерка. Въ заключеніе же скажу нѣсколько словъ о М. И. Красавицкомъ.

Онъ продолжалъ увлеченно и съ большою пользою служить крестьянскому дѣлу. По завершеніи крестьянской реформы, въ началѣ второй половины 60-хъ годовъ, передъ нимъ широко распахнулись двери административной службы. Его звали служить даже въ Петербургъ. И этотъ человѣкъ, въ большихъ чинахъ, украшенный орденами, рѣшилъ опять поступить въ духовное званіе и принять священническій санъ.

Я былъ въ ту пору въ Петербургѣ, студентомъ университета. Со времени поступленія на службу, я совершенно упустилъ изъ вида Красавицкаго, и мы даже не переписывались между собою, ничего не зная другъ о другѣ. Мы положительно до слезъ обрадовались другъ другу, когда случайно встрѣтились въ Петербургѣ, во время пріѣзда Красавицкаго въ 1867 году хлопотать о возвратѣ въ духовное званіе и разрѣшеніи принять священство. Дѣло было подъ вечеръ, и мы ушли на мою студенческую квартиру, какъ ближайшую. Вся ночь прошла въ бесѣдѣ, которой я никогда не забуду.

Я просто онѣмѣлъ отъ изумленія, когда М. И. Красавицкій сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи. Первое, что я предположилъ, это—ненормальность умственныхъ его способностей. Но когда я выслушалъ искреннюю, задушевную исповѣдь этого прекраснѣйшаго, достойнѣйшаго человѣка, всю свою жизнь служившаго только дѣлу, а не лицамъ, я не могъ не согласиться, что, при его задачахъ и цѣляхъ въ жизни, ему необходима ряса, такъ какъ подъ ея покровомъ, особенно же при условіи служенія въ своей губерніи, гдѣ его знаютъ и уважаютъ духовныя и свѣтскія власти, онъ можетъ сдѣлать несравненно больше, чѣмъ при какомъ бы то ни было другомъ положеніи. Съ его новыми задачами и цѣлями служенія, М. И. Красавицкій еще болѣе выросъ въ моихъ глазахъ, какъ человѣкъ большой души, какъ натура цѣльная, самостоятельная, не знающая шаблоновъ.

По принятіи священства, онъ былъ назначенъ протоіереемъ каѳедральнаго собора въ Витебскѣ и членомъ духовной консисторіи. Въ этомъ новомъ положеніи, насколько мнѣ извѣстно, онъ сдѣлалъ немало добра для края. Но говорить здѣсь объ этомъ я не могу не только потому, что не былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ этой дѣятельности, но и еще болѣе потому, что не настало для этого время. Отмѣчу только слѣдующую характерную особенность.

На долю М. И. Красавицкаго, какъ лица уже духовнаго, выпалъ крупный выигрышъ по 5-процентному билету внутренняго займа, кажется, въ 200.000 рубл. Такое значительное обогащеніе нисколько, однако, ни измѣнило ни его воззрѣній и цѣлей, ни отношенія къ дѣлу. Оно только дало ему возможность оказать очень щедрую поддержку дѣлу образованія, которому онъ былъ всею душою преданъ до конца своей жизни.

Въ началѣ 80-ыхъ годовъ, т. е. послѣ почти 20-ти-лѣтняго перерыва, у меня вновь завязалась съ М. И. Красавицкимъ оживленная переписка. Я останавливаюсь на этомъ потому, что письма его, касавшіяся разныхъ сторонъ современной жизни, просто поразили меня свѣжестью, бодростью мысли, трезвостью взглядовъ, полною освѣдомленностью относительно происходящаго, тогда какъ М. И. Красавицкому шелъ уже девятый десятокъ. Онъ все собирался въ Петербургъ и Москву, чтобы «хорошенько полѣчиться, наконецъ, на старости лѣтъ», да такъ и умеръ, оставивъ по себѣ наилучшую память, какъ о нравственномъ богатырѣ.

Я очень радъ, что случай далъ мнѣ возможность вспомнить о немъ въ общихъ чертахъ хоть черезъ нѣсколько лѣтъ уже послѣ его смерти. Но жизнь этого замѣчательнаго общественнаго дѣятеля требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, какъ поучительный примѣръ могущества человѣка убѣжденнаго, остающагося вѣрнымъ своему направленію, работающаго во имя дѣла, а не личныхъ выгодъ. Такимъ именно и былъ М. И. Красавицкій во всю свою жизнь—въ бѣдности и въ богатствѣ, въ духовномъ и въ свѣтскомъ званіи, въ чиновничьемъ мундирѣ и въ рясѣ за канцелярскимъ столомъ и на церковной и учительской каѳедрѣ, въ губернаторской канцеляріи и въ волостномъ правленіи.

М. Песковскій.

ГУСТАВЪ IV

и

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

IV [1]).

Вопреки ожиданіямъ, поступокъ Екатерины не вызвалъ особеннаго впечатлѣнія въ Стокгольмѣ. Говорятъ, регентъ рѣшилъ не показывать виду, что онъ оскорбленъ, и замѣтилъ по этому поводу Рейтергольму: «Отвѣчать на выходки высокомѣрной старушки (käring) значитъ разжечь распрю до отвѣта на нее пушками; лучше избѣгнуть этой крайности и не проливать крови изъ-за мелочей. Какъ ни оскорбителенъ подобный шагъ императрицы, но на него нужно отвѣчать тѣмъ, чѣмъ отвѣчаетъ молодой человѣкъ старой кокеткѣ — презрѣніемъ. Я тѣмъ менѣе думаю объ отвѣтѣ, что замѣчаю намѣреніе причинить намъ досаду; но я не доставлю этого удовольствія старухѣ, и мы на удочку не попадемся» [2]). Тѣмъ не менѣе регентъ «формально предпринялъ противъ Екатерины II дипломатическую кампанію, которая казалась лишь прелюдіею кампаніи военной, и были нѣкоторыя основанія заключать, что къ этой послѣдней въ Швеціи приготовляются. Въ Константинополѣ и Варшавѣ дѣятельность стокгольмскаго кабинета была особенно сильна». Чтобы предупредить разрывъ и не быть застигнутыми врасплохъ,

---

[1]) См. «Русскую Старину», мартъ 1896 г.

[2]) Чумиковъ, «Русск. Арх.» 1887, I, 66.

императрица мало того, что начала слегка готовиться къ войнѣ, но послала въ Стокгольмъ повѣреннаго въ дѣлахъ, опередившаго посланника. Этотъ щекотливый постъ занялъ совѣтникъ посольства, баронъ Будбергъ, человѣкъ молодой, безъ особеннаго значенія, съ противнымъ, по выраженію Чумикова, высокомѣріемъ. Этими качествами Будберга, пожалуй, и достигалась цѣль посольства, имѣвшаго будто бы въ виду задать страху или выказать презрѣніе Швеціи. За то шведы сумѣли оцѣнить по достоинству поведеніе русскаго дипломата.

Такъ или иначе, но д ѣ й с т в и т е л ь н а я цѣль Екатерины: приготовить съ помощью б а р о н а Будберга почву для операцій г е н е р а л а Будберга [1]), на самомъ дѣлѣ не достигалась. Мы уже говорили, какое сложное порученіе выпало на долю генерала. Впрочемъ, по пріѣздѣ въ Стокгольмъ, онъ долженъ былъ до поры до времени скрывать настоящій смыслъ своего посѣщенія, рекомендовавшись простымъ путешественникомъ, не имѣющимъ вовсе оффиціальнаго характера. Только въ зависимости отъ настроенія, встрѣченнаго имъ въ шведскихъ правительственныхъ кружкахъ, Будбергу предоставлялось пользоваться по личному усмотрѣнію тремя вѣрительными грамотами, врученными ему императрицею на каждый случай. «Первое изъ этихъ писемъ было письмо Екатерины къ герцогу-регенту вмѣстѣ съ другимъ—къ королю. Генералъ Будбергъ могъ предъявить его въ томъ случаѣ, если бы по прибытіи въ Стокгольмъ нашелъ тамъ не слишкомъ враждебное къ Россіи расположеніе. Письма же давали ему только возможность говорить отъ имени императрицы. Второе письмо было вѣрительною грамотою для поста чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Третье давало ему характеръ посла» [2]). Однако шведовъ не такъ легко было провести, какъ казалось съ перваго взгляда. Они тотчасъ смекнули, въ чемъ заключается секретъ «простаго путешественника», и приняли всевозможныя мѣры, чтобы воспрепятствовать генералу Будбергу выполнить возложенное на него порученіе. Прежде всего герцогъ Зюдерманландскій выразилъ самое крайнее неудовольствіе и отклонилъ всѣ попытки къ сближенію съ Россіей. Рейтергольмъ поддерживалъ его въ этомъ рѣшеніи. Съ Будбергомъ, какъ съ обыкновеннымъ туристомъ, не снабженнымъ никакими данными оффиціальнаго характера, обращались невѣжливо, замедляли его представленіе ко двору, особенно же блюли затѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ разговора съ молодымъ королемъ. Что было дѣлать

---

[2]) Генералъ Будбергъ, Андрей Яковлевичъ (род. 1750 г., † 1812 г.) не былъ въ родствѣ съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Будбергомъ. Фамилія эта раздѣлилась на двѣ вѣтви въ XVI ст. Баронъ Будбергъ ум. въ 1833 г. эстляндскимъ губернаторомъ. («Сб. Имп. Р. И. Об.» IX, 212).

[1]) «Сб. Имп. Р. И. Об.», IX, 212.

русскому послу? «Обыкновенные пути были для него закрыты,—говоритъ историкъ эпохи;—онъ долженъ былъ изыскивать другіе, чтобъ уяснить себѣ дѣйствительное положеніе вещей и выполнить эту первую часть приказаній Екатерины» [1]). Въ это время на исторической сценѣ появляется сразу нѣсколько лицъ, которыя вмѣшательствомъ своимъ въ текущія событія хотя не вліяютъ на благопріятный исходъ ихъ, но, тѣмъ не менѣе, служатъ предметомъ оживленной переписки. Это: швейцарецъ Кристинъ, графиня Сенъ-При, Сюрменъ и баронъ Эссенъ. Первый изъ нихъ вызвалъ наибольшее къ нему вниманіе, какъ человѣкъ дѣятельный и способный, принимавшій непосредственное участіе въ интересующемъ насъ вопросѣ. Уроженецъ Швейцаріи, сначала секретарь французскаго министра Колонна [2]), а съ 1796 года эмигрантъ Фердинандъ Кристинъ принадлежалъ къ числу исключительныхъ натуръ, которыя одновременно обладаютъ и необыкновеннымъ даромъ слова, обширными познаніями и громаднымъ навыкомъ въ сложнымъ дипломатическихъ порученіяхъ. Есть извѣстія, что Екатерина узнала его весною 1793 г., когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ свитѣ герцога д'Артуа, а потомъ, при случаѣ, указала на него генералу Будбергу. Достовѣрно, однако, что по прибытіи въ Стокгольмъ въ началѣ 1796 г. Кристинъ сразу примыкаетъ къ кружку лицъ, сочувствующихъ Россіи, и просится на русскую службу. Послѣднее не мѣшаетъ ему войти въ милость шведскаго двора и его приближенныхъ, а въ частности—въ дружбу воспитателя Густава-Адольфа кавалера де'Сюрмена [3]). Типъ немножко жалкій и подозрительный, но драгоцѣнная находка для Будберговъ, сдѣлавшихъ изъ него свой Alpen-stock для первоначальныхъ и, какъ мы видѣли, тяжелыхъ шаговъ въ Швеціи.

---

[1]) «Сб. Имп. Р. И. Об.» IX, 214.

[2]) Colonne-de, французскій политическій дѣятель (1734—1802).

[3]) О способѣ сношеній Кристина съ королемъ мы находимъ довольно любопытный разсказъ въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля («Воспоминанія», М. 1865, VI, 15), лично знакомаго съ этимъ авантюристомъ. На одномъ изъ придворныхъ баловъ въ Стокгольмѣ,—говоритъ Вигель,—Кристинъ, какъ будто разбѣжавшись, наткнулся на стоявшаго у камина молодаго короля; низко кланяясь и какъ будто въ смущеніи извиняясь, понизивъ голосъ, онъ шепнулъ Густаву: «Ваше величество, васъ обманываютъ, хотятъ женить на уродѣ; позвольте съ вами объясниться». Едва внятнымъ голосомъ король отвѣчалъ ему: «У меня учитель математики вамъ землякъ, шевалье такой-то (Сюрменъ); напишите мнѣ черезъ него». Въ запискѣ своей Кристинъ изобразилъ всѣ прелести вел княгини Александры Павловны и всю пользу отъ родственнаго союза съ Екатериной. Въ это время, черезъ мѣсяцъ, ожидали невѣсту, кривобокую принцессу мекленбургскую. Король вдругъ заупрямился, объявивъ, что этому браку не бывать, и какъ ни старались убѣдить его—онъ поставилъ на своемъ (см. Брикнера «Густавъ IV и Екатерина II», «Вѣстникъ Европы» 1890 г., VIII, 795).

Вотъ эта исторія въ двухъ пересказахъ: Рейтергольма—Стедингу и Карла Сюрмена—барону Рейтергольму:

Баронъ Рейтергольмъ писалъ Стедингу отъ 3 (14) марта 1796 года:

«Теперь я разскажу вамъ продолженіе исторіи г. Кристина и его разговоръ съ г. барономъ Рейтергольмомъ, какъ обѣщалъ вамъ въ своемъ письмѣ за прошлую пятницу.

«Прежде всего надо вамъ сказать, что образъ дѣйствій этого человѣка съ самаго его пріѣзда и его первые шаги здѣсь имѣли полное основаніе насъ поразить. Одаренный большимъ умомъ и даже познаніями, онъ очень ловко съумѣлъ познакомиться съ самыми вліятельными лицами при дворѣ, стараясь быть пріятнымъ дамамъ и въ особенности сближаясь съ молодыми людьми, принятыми въ интимномъ кружкѣ короля и царствующихъ особъ. Кромѣ того его успѣху способствовало умѣнье хорошо говорить и желаніе нравиться и завоевывать довѣріе и расположеніе каждаго. Изъ обстоятельствъ его жизни, которыя онъ иногда приводилъ, онъ постарался скрыть лишь то, что онъ былъ корреспондентомъ и тайнымъ секретаремъ г. Колонна. Первый сообщилъ мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ французскій посланникъ. Уже за нѣсколько времени передъ этимъ открыли черезъ полицію, что разъ десять или двѣнадцать въ день онъ посѣщалъ обоихъ бароновъ Будбергъ, особенно со времени пріѣзда генерала, недавно сюда прибывшаго. Узнали, что онъ постоянно бывалъ то у нихъ, то у повѣреннаго въ дѣлахъ Англіи и часто по цѣлымъ ночамъ занимался то у одного, то у другаго. Когда почему-либо онъ не могъ къ нимъ пойти или не заставалъ ихъ дома, то въ продолженіе дня онъ нѣсколько разъ посылалъ имъ записки и главнымъ образомъ барону Будбергъ. Однимъ словомъ, это былъ самый занятой человѣкъ въ свѣтѣ. Онъ не принималъ никакихъ предосторожностей въ своихъ дѣлахъ и поступалъ такъ, повидимому, потому, что при дворѣ онъ всегда видѣлъ хорошее отношеніе къ себѣ и получалъ приглашеніе на каждый ужинъ и балъ, которые тамъ давались. Принятый такъ хорошо при дворѣ, онъ нисколько не опасался навлечь на себя какое-либо подозрѣніе и счелъ возможнымъ послать герцогу письмо, въ которомъ просилъ у него частнаго разговора въ тотъ или другой день, когда будетъ ему угодно; при этомъ онъ умолялъ, чтобы при разговорѣ было приказано присутствовать г. Рейтергольму. Любопытство узнать наконецъ объ его замыслахъ и желаніе разоблачить его заставили герцога послать приглашеніе явиться къ нему, но Рейтергольму, вслѣдствіе его усиленныхъ просьбъ, было позволено не присутствовать при этомъ. Во время аудіенціи у герцога, и главнымъ образомъ во время второй, этотъ человѣкъ имѣлъ смѣлость начать разговоръ о дѣлахъ, касающихся разныхъ дворовъ. Но едва онъ завелъ объ этомъ рѣчь, какъ герцогъ прервалъ его вопросомъ, имѣетъ ли онъ до-

вѣрительныя письма, которыя уполномочивали бы его на разговоры о подобныхъ предметахъ. Онъ отвѣчалъ, что единственное его желаніе быть полезнымъ; что признательность за всѣ милости, которыя онъ получалъ отъ королевскаго дома, готовность содѣйствовать благу этого королевства и пр. и пр. заставили его рѣшиться на такой смѣлый шагъ. Онъ осмѣлился на это, такъ какъ зналъ, что Швеціи угрожаетъ опасность со стороны Россіи, съ которой онъ имѣетъ тайныя сношенія и куда разсчитываетъ отправиться для того, чтобы поселиться тамъ. Онъ прибавилъ, что въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ онъ почелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, еслибъ ему позволено было предложить свои услуги для устраненія этихъ опасностей и еслибы выслушали его мнѣніе о тѣхъ средствахъ, которыя еще возможно предпринять, чтобы предупредить начало войны, въ другомъ случаѣ неизбѣжной. Услышавъ это, герцогъ выразилъ свое удивленіе, что онъ безъ всякаго полномочія взялъ на себя подобное дѣло, что его королевское величество, по всей вѣроятности, не пожелаетъ разговаривать съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, что у него нѣтъ никакихъ счетовъ съ Россіей и никакой причины неудовольствія противъ ея государыни. Если же она намѣревается сдѣлать неожиданное нападеніе, то герцогъ не боится этого, а шведы, какъ и всегда, съумѣютъ себя защитить. Въ концѣ концовъ, онъ просилъ г. Кристина прекратить подобные намеки и отпустилъ его послѣ очень короткой аудіенціи. Однако черезъ нѣсколько дней этотъ человѣкъ имѣлъ дерзость вновь домогаться аудіенціи, предлагая, въ присутствіи его превосходительства барона Рейтергольма, высказать свои соображенія. Онъ снова былъ принятъ герцогомъ, но, обманувшись въ своей надеждѣ встрѣтить у него г. Рейтергольма, онъ ловко свелъ разговоръ на прежнюю тему. Выставляя на видъ уваженіе, которое, какъ ему было извѣстно, императрица питаетъ къ характеру его королевскаго величества, ея сожалѣніе по поводу предполагаемой непріязни съ его стороны и ея доброжелательство по отношенію къ Швеціи,—онъ позволилъ себѣ намекнуть, что, зная затруднительное положеніе этого государства, она не посмотрѣла бы на жертву въ 10 или 12 милліоновъ, еслибъ это могло обезпечить благоденствіе Швеціи, которой она искренно сочувствовала. Герцогъ очень сухимъ тономъ повторилъ ему, что съ его стороны слишкомъ смѣло возвращаться вновь къ этимъ предметамъ, и что онъ не долженъ забывать отвѣта, который герцогъ далъ ему послѣ перваго разговора съ нимъ.

«Однако г. Кристина ничто не могло обезкуражить. Онъ умолялъ герцога походатайствовать за него письменно передъ г. Рейтергольмомъ, чтобы тотъ удостоилъ его чести быть принятымъ и имѣть частный разговоръ съ его величествомъ. Его королевское высочество отвѣ-

*

тилъ, что просьба довольно смѣла, но что впрочемъ онъ ничего не имѣетъ противъ ея исполненія. Тотчасъ посылаютъ человѣка съ запиской къ г. Рейтергольму, гдѣ просятъ его согласиться на одинъ часъ разговора въ назначенное имъ утро. Г. Рейтергольмъ, который раньше просилъ избавить его отъ всякихъ дѣлъ съ г. Кристиномъ, не желая вступать ни въ какія отношенія съ этимъ человѣкомъ въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, сдался на мнѣніе его королевскаго величества, что ему нельзя отказать въ посѣщеніи, и отвѣтилъ, что готовъ его принять. Это было наканунѣ отъѣзда отсюда г. Миддендорфа [1]). Онъ явился утромъ въ назначенное время. Г. Рейтергольмъ, послѣ перваго привѣтствія, заявилъ ему свое крайнее удивленіе, что такой умный человѣкъ, какимъ онъ имѣлъ случай узнать его въ придворномъ обществѣ, гдѣ тотъ уже нѣсколько лѣтъ вращается, такъ настойчиво добивается возможности вступить съ нимъ въ частныя отношенія, тогда какъ онъ отлично зналъ отъ герцога, какъ мало желаетъ этого другая сторона. Онъ прибавилъ, что, видя себя принужденнымъ принять его, онъ желаетъ показать этимъ, что не боится никакихъ соображеній и готовъ его выслушать. Такое начало, способное смутить всякаго другаго, только скользнуло по душѣ этого человѣка, искусившагося во всевозможныхъ хитростяхъ и интригахъ. Онъ очень пространно и самымъ любезнымъ тономъ изложилъ все свое дѣло. Онъ говорилъ, что посѣянное и вѣроятно уже укоренившееся въ умѣ его превосходительства подозрѣніе, будто императрица, приписывая ему то зло, на которое она можетъ жаловаться, хочетъ начать противъ него преслѣдованіе,— совершенно неосновательно. Напротивъ, эта государыня питаетъ къ нему такое глубокое уваженіе, что даже готова, если потребуется, вручить ему посредничество въ ея дѣлахъ со Швеціей. Баронъ перебилъ его съ громкимъ смѣхомъ: «о, я совѣтую ей быть осторожнѣе! такое рѣшеніе было бы для нея не особенно выгодно, такъ какъ, предупреждаю васъ заранѣе, милостивый государь,—я очень дурной русскій, но очень хорошій шведъ». Но, прибавилъ его превосходительство, ваше усердіе, милостивый государь, въ дѣлѣ переговоровъ тѣмъ болѣе мнѣ удивительно, что я не знаю, на чемъ бы ихъ можно было основать. Подобныя подозрѣнія вызвали сильный протестъ со стороны г. Кристина. Онъ началъ увѣрять, что его нельзя въ этомъ обвинять. Онъ, дѣйствительно, очень привязанъ къ Россіи, такъ какъ имѣетъ въ ней старинныя и очень близкія связи, въ особенности съ семьей Будбергъ, и думаетъ отправиться въ эту страну, чтобы жениться и поселиться тамъ. Но отъ этого онъ не менѣе преданъ Швеціи и покинетъ ее, глубоко призна-

[1]) Миддендорфъ, Иванъ Ив., состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Стокгольмѣ.

тельный за ту доброту и участіе, которое онъ въ ней встрѣтилъ. Затѣмъ онъ распространился о той любви, которую внушаетъ ему молодой король, имѣющій задатки самыхъ блестящихъ качествъ и высокихъ добродѣтелей, свойственныхъ августѣйшимъ членамъ королевской семьи. И, замѣчая съ горестью, какъ между обоими государствами поднимается черная туча, угрожающая ужасными бѣдствіями, онъ былъ бы совершенно убитъ, если бъ ему пришлось отказаться отъ надежды, что эта туча разсѣется. По его мнѣнію, сдѣлать это очень легко, если бы только послѣдовали его указаніямъ, которыя приведутъ къ самому желательному для обоихъ народовъ концу. И какую славу заслужилъ бы себѣ прямой и справедливый человѣкъ, другъ своего государя и своей родины, человѣкъ добродѣтельный, которому внушаетъ ужасъ пролитіе человѣческой крови—если бъ только онъ захотѣлъ содѣйствовать этому дѣлу!

«Барона Рейтергольма онъ знаетъ давно и полагаетъ, что его превосходительство не покажетъ себя равнодушнымъ въ содѣйствіи столь великому и благодѣтельному предпріятію, для котораго онъ самъ считалъ бы за счастіе служить орудіемъ и слабой пружиной (faible mobile).

«На эти коварные подходы Рейтергольмъ отвѣтилъ, что угадываетъ цѣль этого соглашенія съ императрицею, въ необходимости котораго убѣждаетъ его г. Кристинъ, но что онъ не видитъ въ этомъ надобности для своего отечества, такъ какъ послѣднее не имѣетъ никакого повода къ неудовольствію противъ императрицы, съ которой у насъ существуютъ самыя мирныя отношенія. Хотя мы были очень удивлены недружелюбнымъ поступкомъ по отношенію къ королю, который императрица допустила во время посольства барона Шверина, но это не измѣняетъ отношеній обоихъ государствъ — оскорбленіе нанесено единственно особѣ короля, которому, однако, раньше императрица изволила выказывать и уваженіе, и любовь. Мы прекрасно поняли, что это было сдѣлано лишь подъ вліяніемъ дурнаго расположенія духа государыни и что шагъ этотъ можно извинить, принимая въ соображеніе ея полъ и обремененность многочисленными дѣлами, и не обращать на него серьезнаго вниманія. Но ея уполномоченный, прибывшій сюда въ лицѣ барона Будберга, дѣйствительно, съ самаго пріѣзда, ведетъ себя чрезвычайно возмутительнымъ и вызывающимъ образомъ, но въ то же самое время, будучи совершенно лишенъ всякаго здраваго смысла, онъ не способенъ охранять достоинство своей государыни. Этотъ человѣкъ повсюду распространяетъ копіи съ такъ называемаго протокола совѣщанія, состоявшагося между шведскимъ посланникомъ и графомъ Остерманомъ по поводу недопущенія барона Шверина и, въ своихъ разъясненіяхъ къ нимъ, позволяетъ себѣ самыя грубыя непристойности и наглую ложь, подобной которой еще не бывало примѣра. Мы сейчасъ

сказали, что невозможно допустить предположенія, чтобы императрица имѣла хотя бы малѣйшее представленіе о томъ, какія разбойничьи продѣлки совершаются отъ ея имени и еще менѣе о языкѣ, въ которомъ составлены подобныя произведенія. Эта государыня настолько извѣстна, чтобы по крайней мѣрѣ уважать достоинство и права ея происхожденія и не допускать въ помянутомъ произведеніи употребленія нѣкоторыхъ выраженій, позорящихъ имя герцога. Кромѣ того, вице-канцлеръ слишкомъ порядочный человѣкъ, чтобы позволить себѣ помѣстить въ канцеляріи секретаря для записыванія всего, происходившаго между нимъ и шведскимъ посланникомъ на конференціи, а всѣмъ извѣстно, что на министерскихъ совѣщаніяхъ никогда не ведется открытаго протокола ни въ Россіи, ни въ какомъ другомъ государствѣ. Въ Швеціи же никто не будетъ такъ простъ, чтобы считать королевскаго посланника бар. Стединга, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстнаго,—человѣкомъ, способнымъ проговориться. Короче сказать, у л о в к а, которой хотѣлъ воспользоваться г. Будбергъ, была до такой степени непристойна, что мы считаемъ ниже достоинства короля жаловаться на него черезъ посланника императрицѣ. И мы давно уже попросили бы бар. Будберга возвратиться назадъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, еслибъ не казалось достаточнымъ предоставить его общественному презрѣнію, которое онъ самъ вызвалъ. Намъ извѣстны всѣ его происки, мы знаемъ каждый его шагъ и каждое донесеніе (propos), которое онъ посылалъ своей государынѣ, удостоившей его чести быть резидентомъ въ Швеціи. И однако онъ, Кристинъ, особенно охотно посѣщаетъ этого человѣка съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ находится въ Стокгольмѣ, и съ нимъ у него самыя близкія отношенія. Пусть онъ не думаетъ, будто для насъ остались неизвѣстными его частые визиты и дѣятельный обмѣнъ записокъ, а также иногда цѣлыя ночи, проводимыя имъ за работой въ бюро повѣренныхъ въ дѣлахъ Россіи и Англіи; мы уже давно знаемъ каждый его шагъ и употребленіе, какое онъ дѣлаетъ изъ своего времени, и однако онъ видитъ, какъ мало это насъ безпокоитъ,—онъ самъ можетъ подтвердить, что всегда встрѣчалъ одинаково милостивый пріемъ отъ королевской фамиліи, и что раньше, какъ и теперь, онъ всегда получалъ приглашеніе на каждый придворный ужинъ и балъ. Изъ всего этого онъ, безъ сомнѣнія, можетъ заключить, что мы очень мало его боимся, и что мы привыкли поступать открыто передъ лицомъ всего свѣта. Однако онъ не долженъ думать, что въ этомъ разговорѣ онъ имѣетъ дѣло съ начальникомъ полиціи, такъ какъ онъ, конечно, понимаетъ, что правительство обязано слѣдить за всѣмъ, что дѣлается вокругъ него. Смущенный всѣмъ этимъ, нашъ знакомецъ началъ довольно слабо оправдываться. Записки къ повѣренному въ дѣлахъ Англіи, по его словамъ, касались главнымъ образомъ присылки и отсылки газетъ и переводовъ съ ан-

глійскихъ бумагъ; съ семьей же Будберговъ онъ былъ очень хорошъ въ Лифляндіи и считалъ долгомъ вѣжливости посѣщать членовъ ея, находившихся въ это время въ Стокгольмѣ. Затѣмъ онъ очень ловко сумѣлъ вновь перейти къ главному предмету разговора. Онъ опять началъ настаивать на крайней необходимости и неотложности заняться разсмотрѣніемъ средствъ, могущихъ успокоить Россію, средства же эти онъ можетъ указать, еслибъ только захотѣли его выслушать. Иначе ничто не можетъ предотвратить несчастія кровопролитной войны, которую императрица готова уже начать и на которую она рѣшилась. Если ему не вѣрятъ, то пусть потребуютъ у г. Сюрмена подтвержденія его словъ. Г. де-Сюрменъ, бывшій центромъ, въ которомъ сосредоточивалась корреспонденція французскихъ эмигрантовъ послѣ отъѣзда графа де-Сенъ-При, не былъ человѣкомъ, съ которымъ г. Рейтергольмъ захотѣлъ бы разговаривать. Но баронъ наотрѣзъ отказался отъ этого и поспѣшилъ рѣзкимъ и отрывистымъ тономъ отвѣтить г. Кристину: «Милостивый государь, угрозы никого не испугаютъ. Императрица знаетъ насъ и такъ же нуждается въ мирѣ, какъ и мы, въ виду тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, которыми она озабочена. Она должна серьезно подумать прежде, чѣмъ нападать на насъ безъ всякой къ тому причины и вызывать новыя затрудненія, которыхъ она могла бы избѣжать. Во всякомъ случаѣ, если эти соображенія ее не оставятъ, и если она нападетъ на насъ, не имѣя къ этому рѣшительно никакого повода, то мы будемъ защищаться; жребій будетъ брошенъ, и Провидѣніе рѣшитъ теченіе и исходъ этого дѣла» «Но, ваше превосходительство, вспомните примѣръ Польши и могущество этой государыни?»—«Милостивый государь, вы никогда не должны сравнивать Польшу съ Швеціей. Національный характеръ обоихъ народовъ слишкомъ различенъ, и всѣмъ извѣстна энергія шведовъ». — «Безъ сомнѣнія,—возразилъ г. Кристинъ,—императрица прекрасно понимаетъ эту разницу, дѣйствительно всѣмъ извѣстную, и вовсе не желаетъ вамъ зла. Она принимаетъ близко къ сердцу счастіе вашего молодаго короля и, напротивъ, хотѣла бы многое сдѣлать для блага Швеціи, будь это только возможно. Еслибы состоялось сближеніе съ ней, чего она такъ сильно желаетъ, то это быть можетъ повело бы къ незамѣтному измѣненію существующей политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ устранило бы угрожающія сѣверу опасности, которыхъ иначе нельзя избѣжать».

«На этомъ мѣстѣ разговора г. Рейтергольмъ внезапно прервалъ его слѣдующими словами: «Милостивый государь, вы такъ прекрасно говорите по-французски, что нельзя усумниться въ вашемъ знакомствѣ съ исторіей Франціи и величайшаго ея короля Генриха IV. Такъ вотъ я долженъ сказать вамъ, таково по крайней мѣрѣ мое убѣжденіе, что добродѣтели, обезсмертившія имя этого короля, никогда не искупятъ не-

изгладимаго стыда, которымъ онъ покрылъ себя, измѣняя своей религіи. И я обѣщаю вамъ навѣрное, что Швеція никогда не приметъ греческой вѣры». Г. Кристинъ совершенно растерялся при этомъ неожиданномъ отпорѣ, тѣмъ болѣе, что уже за нѣсколько минутъ передъ этимъ его смутило еще одно обстоятельство. Именно, когда вопросъ коснулся отказа императрицы, выраженнаго г. Стедингу, принять званіе кавалера ордена Серафимовъ, то г. Рейтергольмъ замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Великая Екатерина показала себя очень маленькой по отношенію къ намъ, и г. Кристинъ тщетно пытался оправдать невѣжливость русской государыни, ссылаясь на выраженія королевскаго письма, сопровождавшаго знаки ордена. Совершенно пораженный и смущенный, онъ тотчасъ всталъ и удалился, прося тысячу извиненій за то, что такъ долго оставался у его превосходительства и отнималъ у него драгоцѣнное время. Г. Рейтергольмъ отвѣтилъ, что онъ ничуть не сожалѣетъ объ этомъ времени, такъ какъ по крайней мѣрѣ увѣренъ теперь, что «вы, милостивый государь,—таковы его собственныя слова,—узнали меня лучше, уходя отсюда, чѣмъ входя». Говорятъ, что г. Кристинъ не выходилъ изъ дому нѣсколько дней, отговариваясь нездоровьемъ. Онъ показался опять вчера вечеромъ въ большомъ обществѣ у короля. Во время его визита у г. Рейтергольма, его превосходительство далъ ему понять, что, безъ сомнѣнія, время не позволитъ ему продлить долѣе свое пребываніе въ Швеціи, тѣмъ болѣе, что погода теперь уже гораздо мягче, и что, по всей вѣроятности, ему скоро придется распрощаться съ нимъ.

«Дня черезъ два или полтора послѣ этого разговора, мы узнали, что г. Будбергъ отправилъ въ Петербургъ г. Миддендорфа. Очень можетъ быть, что весь этотъ разговоръ будетъ переданъ въ совершенно невѣрномъ освѣщеніи въ депешахъ, которыя повезъ съ собою этотъ курьеръ, такъ какъ онѣ, вѣроятно, составлены съ намѣреніемъ вызвать противъ насъ досаду и гнѣвъ императрицы. Богъ знаетъ, чѣмъ могутъ окончиться эти подстрекательства.

«Такимъ образомъ очень важно, господинъ баронъ, чтобы вы обратили вниманіе на совершающіяся вокругъ васъ обстоятельства, были бы въ состояніи ихъ наблюдать и съумѣли во-время опровергнуть клеветы, которыя вздумаютъ основать на навѣтахъ этого авантюриста и проходимца, какимъ по крайней мѣрѣ считаемъ его мы. Но для этого вамъ надо только воспользоваться всегда побѣдоноснымъ оружіемъ вѣчной и чистой истины (de la verité non altérée et pure).

«По взволнованному виду, съ какимъ явился ко мнѣ въ день моей послѣдней конференціи прошлой пятницей уполномоченный по дѣламъ Россіи, можно было догадаться, что ему уже извѣстны тѣ свѣдѣнія, которыя о немъ имѣются. Онъ имѣлъ видъ человѣка совершенно не вла-

дѣющаго собой и страшно взбѣшеннаго и, повидимому, едва сдерживалъ себя, опасаясь съ своей стороны какой-нибудь рѣзкой выходки. Онъ могъ сказать мнѣ только нѣсколько совершенно незначительныхъ словъ и затѣмъ вышелъ такъ же быстро, какъ и вошелъ, съ тѣмъ же взбѣшеннымъ видомъ. Онъ спросилъ меня только, думаю ли я, что морское сообщеніе теперь еще возможно, желая, вѣроятно, разсчитать, прибудетъ ли г. Миддендорфъ раньше, чѣмъ я могу написать обо всемъ этомъ».

Этимъ оканчивается письмо Рейтергольма. Казалось бы, что передача одного и того же явленія въ двухъ однородныхъ редакціяхъ исключаетъ необходимость одной изъ нихъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Историку весьма интересно знать, какъ смотритъ на фактъ одна сторона и какъ судятъ о немъ другая, что̀ есть общаго между ними и сколько партійнаго и пристрастнаго, въ противоположность самостоятельному и честному, представляетъ каждое изъ этихъ сужденій. Съ подобной точки зрѣнія, показаніямъ Карла Сюрмена можно пожалуй дать даже больше вѣры. Всесильному временщику, успѣвшему впослѣдствіи пожать достойные плоды прежнихъ своихъ заблужденій, г. Рейтергольму, было выгодно въ данный моментъ освѣщать по-своему извѣстныя обстоятельства, прибѣгая ко лжи и фальши, въ томъ соображеніи, что въ Петербургѣ, куда дойдетъ его разсказъ съ стенографическою точностью, едва-ли подумаютъ провѣрить слова перваго министра. Поэтому, въ цѣляхъ уясненія истины, очень важно показаніе втораго корреспондента. Еще любопытнѣе сопоставленіе словъ послѣдняго, касающихся переговоровъ Кристина съ герцогомъ-регентомъ, съ тѣмъ же мѣстомъ въ письмѣ Рейтергольма. Здѣсь уже явное противорѣчіе и ложь, а съ другой стороны неудивительно, что честный Сюрменъ могъ быть заподозрѣнъ въ измѣнѣ своему долгу...

«Г. баронъ,—пишетъ Сюрменъ Рейтергольму 11-го іюня 1796 г.,—ваше превосходительство выразили мнѣ чрезъ барона Геннинга желаніе имѣть исторію моихъ отношеній съ г. Кристиномъ, я имѣю честь представить при семъ оную на ваше, милостивый государь, благоусмотрѣніе. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени не позволилъ мнѣ расширить предѣлы моего разсказа. Но и въ такомъ видѣ, онъ содержитъ въ себѣ факты самые вѣрные и, по моему мнѣнію, наиболѣе существенные. Я буду чрезмѣрно счастливъ, если представленными при семъ доказательствами честности моихъ намѣреній, равно какъ открытаго образа дѣйствій, при обстоятельствахъ, меня къ тому побудившихъ, я съумѣю заслужить одновременно и уваженіе вашего превосходительства, и ваше милостивое ко мнѣ благорасположеніе. То и другое будетъ для меня на вѣки неоцѣнимо. Карлъ де-Сюрменъ.

Объясненіе моихъ отношеній къ г. Кристину.

Г. Кристинъ находился уже двѣ недѣли въ Стокгольмѣ, когда я съ нимъ познакомился. Однажды я былъ свидѣтелемъ жаркаго спора, въ которомъ онъ весьма разумно и вѣжливо защищалъ шведское правительство. Противникъ его разгорячился, споръ перешелъ въ ссору, и я, невольно вмѣшавшись въ послѣднюю, могъ съ достаточною ясностью судить, по образу дѣйствій г. Кристина, о характерѣ его, чтобы потомъ болѣе не сомнѣваться въ умѣ этого человѣка, кстати весьма свѣдущаго въ секретныхъ подробностяхъ французской революціи. Я сошелся съ нимъ. Пріемъ, которымъ онъ пользовался при дворѣ, могъ только побуждать меня къ этому. Онъ часто видѣлся съ г. Будбергомъ, что казалось вполнѣ естественнымъ для иностранца, отъѣзжающаго въ Россію, но что (съ другой стороны) служило предлогомъ шведскимъ офицерамъ избѣгать ихъ. Я всегда это дѣлаю и утверждаю, что никогда не имѣлъ особыхъ отношеній къ нимъ.—Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда генерала Будберга, я засталъ какъ-то вечеромъ г. Кристина весьма озабоченнымъ.

— У васъ скоро война,—сказалъ онъ мнѣ.

На это я отвѣчалъ: „Императрица, дѣйствительно давно намъ грозитъ ею, но, думается мнѣ, она слишкомъ стара и разумна, чтобы предпринять войну, которая принесетъ обѣимъ сторонамъ одни только промахи.

— Однако я увѣренъ,—настаивалъ онъ,—и, къ сожалѣнію, слишкомъ увѣренъ, что она у васъ будетъ.

Когда же я продолжалъ сомнѣваться и представлялъ новые доводы, онъ показалъ мнѣ бумаги, исключавшія всякую возможность сомнѣнія.

Послѣ столь откровеннаго вступленія, разговоръ, разумѣется, вертѣлся на мотивахъ и послѣдствіяхъ предполагаемой войны. Мы спорили съ жаромъ и пришли вмѣстѣ къ слѣдующимъ заключеніямъ: столкновенія между монархами встрѣчались бы рѣже и кончались счастливѣе, еслибы самолюбіе не играло такой выдающейся роли; часто стороны воюютъ единственно изъ желанія придти къ какому-либо соглашенію.

— Боже мой,—воскликнулъ наконецъ г. Кристинъ, и съ такимъ выраженіемъ, которое обнаруживало въ немъ человѣка чувствительнаго,—вѣдь дѣло это не представляется мнѣ потеряннымъ! Какую услугу оказалъ бы обѣимъ націямъ тотъ, который устроилъ его. Вы должны бы были поговорить о немъ съ герцогомъ!

На это я отвѣчалъ отказомъ, не потому, однако, чтобы боялся скомпрометтировать себя: спокойная совѣсть не боится этого, разъ представляется случай быть полезнымъ, а мнѣ казалось, что слова мои не будутъ имѣть значенія. Я замѣтилъ г. Кристину, что для вящшаго успѣха переговоровъ, мнѣ могутъ предложить злоупотребить довѣріемъ и дружбою его, на что я, конечно, неспособенъ; развѣ только онъ заранѣе дастъ мнѣ разрѣшеніе обмануть его?

Я поставилъ на видъ г. Кристину, что онъ самъ, иностранецъ, человѣкъ безпристрастный, хорошо принятый при дворѣ и дружный съ обоими Будбергами, имѣетъ гораздо больше всѣхъ основаній способствовать сближенію обоихъ государствъ. Онъ схватился съ жадностью за эту идею; самолюбіе его было польщено при мысли о славѣ, которая связывалась съ успѣхомъ по-

добнаго предпріятія, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что посовѣтуется по этому поводу съ генераломъ Будбергомъ, который, сколько ему извѣстно, хорошо настроенъ въ благопріятномъ для дѣла смыслѣ. Онъ довѣрилъ мнѣ, что путешествіе генерала имѣло цѣлью сближеніе (дворовъ), что онъ непосредственно переписывается съ государыней и снабженъ кредитивными грамотами въ качествѣ министра и посланника и вѣрительными—для его величества и его высочества, при полнѣйшей свободѣ пользоваться тѣми и другими, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Нѣсколько дней спустя, г. Кристинъ объявилъ мнѣ, что генералу, получившему приказъ отъ императрицы зорко беречь свою репутацію, весьма понравилась мысль съ помощью другаго лица приготовить пути къ переговорамъ. Что предложеніе, дѣлаемое имъ Швеціи, казалось ему настолько выгоднымъ, а отказъ—опаснымъ—въ смыслѣ неизбѣжной для нея войны, что онъ имѣетъ полное основаніе разсчитывать на успѣхъ своего проекта. Г. Кристинъ привелъ мнѣ (при этомъ) замѣчательныя слова императрицы, сказанныя ею во время послѣдняго разговора съ генераломъ: „Я буду воевать только въ томъ случаѣ, если меня принудятъ къ этому. Иначе я готова заплатить вдвое, но не рѣшаться на войну“. Онъ поставилъ меня также въ извѣстность относительно всѣхъ предметовъ разногласія и предубѣжденій, возстановившихся между обоими дворами; сообщилъ мнѣ о стремленіи нѣкоторыхъ русскихъ министровъ поддерживать ссору и о личномъ желаніи генерала Будберга возстановить миръ и скрѣпить узы, соединяющія будто Россію со Швеціей. Онъ прибавилъ, что, изъ любви къ миру, оба монарха должны пожертвовать взаимными предразсудками, что императрица первая подастъ тому примѣръ, а герцогъ-регентъ достигнетъ отъ нея всего, чего онъ желаетъ лично; что, наконецъ, если переговоры возобновятся, и его превосходительство баронъ Рейтергольмъ захочетъ пріѣхать въ Петербургъ поддерживать интересы короля, онъ будетъ тамъ хорошо принятъ. На это я указалъ г. Кристину средство, какимъ образомъ можно добиться аудіенціи у его королевскаго высочества, доброту и снисходительность котораго тутъ же описалъ. Я говорилъ ему объ его величествѣ, какъ будто бы въ его присутствіи, сославшись на собственныя слова его, отъ которыхъ впослѣдствіи онъ не отказывался: „Я знаю, что я государь бѣднаго народа, но не потерплю, чтобы мнѣ предписывали законы“. Я говорилъ ему также о вліяніи его превосходительства барона Рейтергольма и о нѣходимости убѣдить его въ томъ, что Россія ничего другаго не желаетъ Швеціи кромѣ того, что̀ соотвѣтствуетъ интересамъ и славѣ этого государства. Наконецъ, въ виду настоятельной просьбы г. Кристина, я разрѣшилъ ему упомянуть мое имя въ разговорѣ съ его королевскомъ высочествомъ, какъ о лицѣ, которому были извѣстны документы, заставившіе меня предполагать возможность войны.

Никогда впослѣдствіи я не давалъ такъ искренно совѣты, содѣйствуя хотя косвенно поддержкѣ мира и надѣясь такимъ образомъ сколько-нибудь заплатить за милости ко мнѣ короля и его королевскаго высочества. Ничто меня къ тому не вызывало: ни самолюбіе, ни чувство личной пользы. Я поступалъ чуждый всякимъ намѣреніямъ, исключительно ради воспоминанія о хорошемъ поступкѣ, какъ о единственой наградѣ за то, что̀ я сдѣлалъ. О, какъ я былъ далекъ тогда отъ мысли, что поведеніе мое можетъ быть заподозрѣно!

Г. Кристинъ свидѣлся съ его королевскомъ высочествомъ, который самъ нашелъ способъ бесѣдовать съ нимъ о дѣлѣ наединѣ. Это первое свиданіе

было очень продолжительно [1]). Говорили о результатахъ сватовства короля о чемъ государь сталъ разсуждать первый, сказавъ: „Я знаю прекрасно, что императрица только этого и желаетъ [2]), но ея вина, что обстоятельства ушли такъ впередъ; я не могу порвать все и не порву, а циркулирующіе по этому поводу слухи —чистѣйшій вздоръ!“ Но г. Кристинъ зналъ, въ чемъ дѣло, наученный Будбергомъ о формальномъ противодѣйствіи короля (сватовству) и промолчалъ относительно желанія императрицы, касающагося брака, ограничившись разсужденіемъ о союзѣ съ Франціей, опасностяхъ войны и проч. Его высочество нѣсколько разъ ему повторялъ, что не желаетъ вовсе войны и сдѣлаетъ во избѣжаніе ея все, что только не противно его достоинству. Онъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ г. Кристину, что будетъ очень радъ бесѣдовать съ нимъ другой разъ, для чего ему стоитъ только обратиться ко мнѣ за полученіемъ аудіенціи. Три дня спустя я просилъ объ этомъ его королевское высочество. Онъ отнесся ко мнѣ со свойственной ему добротой, разспрашивалъ объ отношеніяхъ моихъ къ г. Кристину и отозвался о немъ въ выгодномъ для него свѣтѣ. Я отвѣчалъ одну правду, не выходя за предѣлы обыкновеннаго отвѣта изъ боязни нескромно проникнуть въ дѣло первостепенной важности. Во время второй бесѣды было говорено приблизительно о томъ же, что и во время первой, только его высочество болѣе увлекся разговоромъ. Г. Кристинъ просилъ его съ самаго начала пригласить ваше превосходительство въ свидѣтели; онъ возобновилъ эту просьбу на слѣдующій разъ, умоляя дозволить ему по крайней мѣрѣ говорить съ вами на дому, на что его высочество отвѣчалъ: „Дѣлайте, какъ знаете, но я васъ предупреждаю что вы будете скверно приняты г. Рейтергольмомъ; онъ очень возбужденъ противъ Россіи и наговоритъ кучу непріятностей“.

— Нѣтъ нужды, возразилъ г. Кристинъ,—было бы только дѣло выиграно; я же слишкомъ вѣрю въ умъ его превосходительства, чтобы допустить противодѣйствіе моимъ доводамъ

Въ дѣйствительности, г. Кристинъ былъ очень дурно принятъ его превосходительствомъ, не съ личной стороны, конечно, но со стороны дѣла, которое тотъ являлся защищать. Я видѣлъ его по окончаніи совѣщанія. Онъ записывалъ немедленно все, что тамъ говорилось, и повторилъ мнѣ нѣсколько разъ: „Нужно полагать, что шведское правительство весьма недостаточно увѣдомлено г. Стедингомъ обо всемъ, что дѣлается въ Россіи. Здѣсь, безъ сомнѣнія, увѣрены, что угрозы войны останутся навсегда тщетными; но вы знаете, въ чемъ дѣло. Г. Рейтергольмъ весьма дурно понимаетъ свои личные интересы, тогда какъ иначе могъ бы сыграть блестящую роль! Не взялись ли бы вы наставить обо всемъ короля?“ Я отвѣчалъ, касаясь послѣдняго пункта, что, приглашенный къ несовершеннолѣтнему королю въ качествѣ преподавателя военныхъ наукъ, я не имѣлъ никакого права говорить ему о политикѣ, а тѣмъ болѣе разсчитывать на успѣхъ въ этомъ. Что, не зная, впрочемъ, всѣхъ послѣдствій веденія войны въ настоящее время, никто быть можетъ не былъ болѣе его доволенъ обнажить мечъ противъ русскихъ [3]). Однако, не надѣясь,

---

[1]) Первое противорѣчіе съ разсказомъ на ту же тему барона Рейтергольма (см. выше).

[2]) Т. е. не желаетъ брака короля съ принцессой Мекленбургской.

[3]) Этихъ послѣдствій Густавъ вѣроятно не зналъ и позже, когда въ 1808 г, объявилъ войну Россіи. Угрожаемый народными волненіями, король шведскій, какъ извѣстно, долженъ былъ отказаться отъ престола (1809 г.).

послѣ того, что произошло у его превосходительства, достигнуть чего-либо, г. Кристинъ рѣшилъ просить послѣднюю аудіенціею у его королевскаго высочества, съ каковой цѣлью написалъ ему довольно пространное письмо. Но такъ какъ я имѣлъ доступъ къ его высочеству только на слѣдующій день, въ часъ доклада, а г. Кристинъ, мучимый сомнѣніями, не могъ дольше ждать, то, воспользовавшись какимъ-то образомъ чернымъ ходомъ, онъ самъ отнесъ свое письмо въ 8 ч. утра. Его королевское высочество былъ еще въ постели, но всталъ и принялъ г. Кристина минуту спустя.

Каково было удивленіе послѣдняго, когда пріемъ, ему оказанный, былъ еще лучше прежняго! Его высочество началъ съ того, что сказалъ ему: „Что я вамъ предсказалъ — случилось; но это еще ничего не значитъ. Я очень люблю г. Рейтергольма, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ на меня то вліяніе, которое здѣсь ему приписываютъ. Я вовсе не хочу, чтобы вы разстались съ вашими планами, которые, я надѣюсь, еще осуществятся». При этомъ его высочество распространился насчетъ нѣкоторыхъ весьма важныхъ обстоятельствъ, жаловался на насмѣшку, посланную г. Будбергу относительно отказа г. Стединга принять Шверина, и указалъ г. Стедингу источникъ, которымъ онъ воспользовался, чтобы узнать это сообщеніе. Въ концѣ концовъ его высочество, показавшій себя въ теченіе этой бесѣды весьма расположеннымъ удовлетворить желанія императрицы, заключилъ разговоръ словами: „Въ доказательство моихъ добрыхъ намѣреній, вотъ вамъ отзывъ г. Сталя [1]), причемъ вы можете увѣрить г. Будберга, что тотъ получитъ приказъ уѣхать немедленно“.

Г. Кристинъ вернулся въ восторгѣ, при мысли, что ничего еще не потеряно, но, дабы не повредить успѣху переговоровъ, было условлено между нимъ и генераломъ Будбергомъ, что въ рапортѣ императрицѣ не будетъ сдѣлано прямаго намека на то, что происходило у его превосходительства [2]).

Два или три дня спустя, я испрашивалъ у его королевскаго высочества новую аудіенцію для г. Кристина, который умолялъ меня исходатайствовать ее неотложно на тотъ же день, дабы, какъ онъ говорилъ, сообщить съ отъѣзжающимъ курьеромъ, если не ошибаюсь г. Миддендорфомъ, нѣчто болѣе положительное, чѣмъ было сказано до сихъ поръ. Его высочество мнѣ отвѣчалъ, что аудіенція г. Кристину въ послѣ-обѣденное время для него невозможна, но что, впрочемъ, послѣднему предоставлялось придти на другой день и также по черной лѣстницѣ. Во время четвертой аудіенціи его высочество откровенно сознался, что сватовство короля разстроилось, однако не страха ради россійскаго, а по личному отвращенію его величества, и т. д

---

[1]) Посолъ Швеціи во Франціи.

[2]) Въ этомъ позволительно сомнѣваться, такъ какъ первое письмо Екатерины II генералу Будбергу (отъ 6 мая 1796 г.) начинается слѣдующими словами: „...Мнѣ кажется, что регентъ Швеціи старается насъ мистифицировать. Чтобы отвѣчать вамъ, я жду подкрѣпленія моего мнѣнія сообщеніями, которыя доставитъ мнѣ вашъ третій курьеръ. Что касается якобинца-Рейтергольма, то онъ сильно лжетъ, ибо я ни велика, ни мала, но средняго роста». Явный намекъ на наглую выходку Рейтергольма, во время его бесѣды съ Кристиномъ (см. раньше) и на то, что два предъидущіе курьера Будберга доносили императрицѣ о каждомъ шагѣ, дѣлаемомъ ея представителемъ въ Швеціи.

Вслѣдствіе сего, г. Кристинъ умолялъ его высочество дать возможность генералу Будбергу самому переговорить о томъ дѣлѣ, которое слишкомъ важно, чтобы изнемогать въ рукахъ лицъ второстепенныхъ. На это его королевскому высочеству благоугодно было увѣрить меня, что онъ съ удовольствіемъ увидится съ генераломъ, и что въ слѣдующее воскресенье, когда будетъ пріемъ при дворѣ, онъ будетъ представленъ; что ежели этотъ пріемъ почему-либо не состоится, то генералъ удостоится чести явиться къ его высочеству въ слѣдующій понедѣльникъ въ докладное время, а къ его величеству при первой возможности... Курьеръ отвезъ всѣ эти обѣщанія, равно какъ буквальный отчетъ о трехъ предъидущихъ совѣщаніяхъ. Однако, пріемный день при дворѣ былъ отложенъ. Графъ Неаль (le c-te de Neale) въ понедѣльникъ былъ допущенъ къ прощальной аудіенціи; а что касается до генерала Будберга, то его не позвали ни къ его величеству, ни къ его королевскому высочеству; г. Кристинъ же представился, въ надеждѣ переговорить секретнымъ образомъ съ его высочествомъ, но не былъ допущенъ къ нему. Эта неожиданная немилость заставила его предвидѣть всѣ непріятности, которыя послѣдняя могла вызвать, а съ другой стороны—подумать, какъ оградить себя отъ козней. Онъ тѣмъ не менѣе увѣрилъ меня, что сохранитъ тайну обо всемъ, что онъ знаетъ, пока защита собственной репутаціи не заставитъ его все это обнародовать Съ тѣхъ поръ мы видѣлись довольно рѣдко, а вскорѣ онъ получилъ приглашеніе уѣхать, что было равносильно приказанію [1]). Именно въ этотъ промежутокъ времени, опасаясь, по нѣкоторымъ даннымъ, что мои отношенія къ г. Кристину будутъ истолкованы въ дурномъ смыслѣ, я осмѣлился представить изустно характеръ ихъ и побудительныя причины его величеству, сдѣлавъ это въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ [2]). Съ

---

[1]) Точный отъѣздъ г. Кристина не извѣстенъ. Генералъ Будбергъ въ письмѣ гр. Зубову отъ 21 марта (1 апрѣля) 1796 г. сообщаетъ, между прочимъ, что Кристинъ „назадъ тому 8 дней (слѣдовательно 13 марта) отправился въ Копенгагенъ, чтобъ оттуда продолжать свой путь въ Петербургъ“ („Сб. Имп. Р. И. Об.“ IX, 225), а собственноручное письмо Кристина отъ 21 марта, которое мы приводимъ ниже, только обсуждаетъ этотъ отъѣздъ, безъ сомнѣнія вынужденный.

[2]) Любопытный разговоръ этотъ, состоявшійся послѣ отъѣзда Кристина, а не по просьбѣ его, какъ говоритъ г. Будбергъ, переданъ послѣднимъ въ письмѣ его къ Екатеринѣ II отъ 21 апрѣля (1 марта) 1796 г.: „Кавалеръ Сюрменъ (по просьбѣ друга своего Кристина) рѣшился наконецъ высказать королю во время одного изъ уроковъ, которые онъ даетъ этому монарху, все, что произошло между герцогомъ и помянутымъ путешественникомъ. Король слушалъ съ большимъ вниманіемъ, не прерывая своего наставника. Онъ признался, что герцогъ говорилъ ему объ этомъ, но не сообщилъ никакихъ подробностей; что, далеко не раздѣляя непріязненныхъ чувствъ, которыя видимо господствуютъ здѣсь относительно вашего императорскаго величества, онъ напротивъ питаетъ къ вамъ великое уваженіе и что вы внушаете ему удивленіе, которое принадлежитъ вамъ по праву. Когда г. Сюрменъ счелъ удобнымъ вступить въ разсужденіе о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы предупредить разрывъ съ Россіей, король тотчасъ же его остановилъ, сказавъ: „Это не мое дѣло, я не могу слушать того, что меня не касается. Обо всемъ, что касается государственныхъ дѣлъ, слѣдуетъ обращаться къ герцогу, который управляетъ государствомъ. Я буду слѣдовать его взглядамъ и его мѣрамъ,

момента его отъѣзда, я имѣлъ отъ него нѣсколько писемъ, на которыя отвѣчалъ, но, какъ было условлено между нами, ни въ тѣхъ, ни въ другихъ не было намека о прошломъ. Мнѣ трудно, конечно, и я сознаюсь въ этомъ, согласиться съ мнѣніемъ большинства, которое обвиняетъ этого иностранца въ желаніи повредить Швеціи: на мой взглядъ характеръ его начальныхъ поступковъ доказываетъ совершенно противное. Впрочемъ, какую выгоду могъ онъ извлечь изъ всего этого и какъ могъ онъ въ теченіе мѣсяца искренней дружбы скрыть отъ меня свое сердце? Я не добивался его откровенности, и, конечно, не мнѣ порицать его за послѣднюю. Онъ зналъ, что все, что касается счастья Швеціи, составляетъ вопросъ для меня первостепенной важности. Я долженъ прибавить, что самая откровенность его не была ввѣрена душѣ, по природѣ своей нескромной, ибо безъ недоразумѣній (imbroglio), вызванныхъ будто бы вмѣшательствомъ г. Кристина въ наши распри съ Россіею, никто конечно бы не догадался, что я былъ тоже увѣдомленъ въ этомъ государственномъ дѣлѣ".

Такимъ образомъ, миссія Кристина не удалась. Пораженный несоотвѣтствіемъ любезнаго пріема герцога-регента съ дальнѣйшими поступками его, удивленный швейцарецъ не хотѣлъ имъ вѣрить даже тогда, когда шведское правительство попросило его выѣхать изъ Стокгольма.

«Ваше высочество,—писалъ онъ 10 (21) марта 1796 г. герцогу Зюдерманландскому,—баронъ Спарръ пригласилъ меня зайти къ нему сегодня утромъ. Послѣ многихъ весьма любезныхъ фразъ, онъ спросилъ меня, когда я разсчитываю ѣхать, объясняя этотъ вопросъ тѣмъ, что онъ желалъ бы снабдить меня пакетомъ на имя г. Стединга, почему проситъ извѣстить его заранѣе о точномъ днѣ моего отъѣзда. Я отвѣчалъ великому канцлеру, что мое намѣреніе было уѣхать отсюда, когда заливъ будетъ совершенно безопасенъ для судоходства, но что, кромѣ того, я льщу себя надеждой, что его превосходительство слишкомъ хорошаго мнѣнія обо мнѣ, чтобы предположить, что я покину Стокгольмъ, не выслушалъ предварительно его приказанія.

„Вернувшись къ себѣ и размышляя о вопросѣ, предложенномъ мнѣ г. Спарромъ, я заключилъ, что скрытый въ немъ совѣтъ—удалить меня вскорѣ,—вещь весьма возможная. Послѣднее, доказавъ мнѣ, что присутствіе мое здѣсь не нравится, меня бы сильно огорчило. Но, какъ бы ни казалось это тяжкимъ, предпочтительнѣе знать его въ точности, чѣмъ пребывать въ мучительномъ сомнѣніи, кстати мало присущемъ мнѣ. Вслѣдствіе сего, осмѣливаюсь чистосердечно довѣриться вашему королевскому высочеству, умоляя васъ, государь, сказать мнѣ откровенно, какъ честному человѣку, желаете ли вы, чтобы я уѣхалъ. Въ

ибо хотя императрица моя родственница, желаетъ мнѣ добра, какъ меня увѣряютъ,—герцогъ гораздо ближе мнѣ, и я ему многимъ обязанъ" („Сб. Имп. Р. Ист. Об." IX, 219).

утвердительномъ случаѣ, я попрошу разрѣшенія засвидѣтельствовать свое почтеніе королю и королевской семьѣ, и тронусь въ путь немедленно по полученіи писемъ, которыя я жду не сегодня-завтра съ возвращающимся обратно курьеромъ г. Будберга изъ Россіи, куда, за время моего пребыванія въ здѣшней странѣ, была адресована вся моя корреспонденція. Измѣнившіяся обстоятельства требуютъ возвращенія послѣдней по принадлежности, и я не уѣду, не получивъ писемъ.

«Завтра утромъ я буду имѣть честь представиться вашему королевскому высочеству, послѣ докладнаго часа [1]). Единымъ словомъ вы можете обнаружить мнѣ настоящія свои намѣренія. Каковы бы ни были они, ваше королевское высочество можете быть увѣрены, что ихъ выслушаютъ съ уваженіемъ и выполнятъ свято.

«Я унесу съ собой и сохраню на вѣки въ своемъ сердцѣ самую живѣйшую признательность за всѣ оказанныя мнѣ королемъ и вашимъ королевскимъ высочествомъ милости. Лично ваше высочество будете всегда и вездѣ имѣть во мнѣ искренняго и благороднаго слугу, который и останется таковымъ, несмотря на желаніе нѣкоторыхъ убѣдить въ противномъ. Я бы желалъ доказать вашему королевскому высочеству, насколько мои стремленія (совершенно искреннія притомъ) были направлены къ благу Швеціи. Мои намѣренія были однако дурно поняты... Но я не возвращусь къ прошлому. Я ограничусь только тѣмъ, что скажу вашему высочеству, что единственное преступленіе, въ которомъ меня обвиняютъ, заключается въ моихъ посѣщеніяхъ генерала Будберга. Между тѣмъ это единственный домъ, который, вопреки невыгоднымъ слухамъ, распускавшимся на мой счетъ, не отказалъ мнѣ въ пріемѣ»...

Баронъ **Н. В. Дризенъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

---

[1]) Какъ извѣстно, онъ не попалъ тогда къ герцогу-регенту (см. выше).

АРХИМАНДРИТЪ ПЕТРЪ КАМЕНСКІЙ,

начальникъ десятой Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ.

XII [1]).

Огорченія архимандрита Петра предъ окончательной сдачей дѣлъ по миссіи.—Просьба объ увольненіи на покой.—Отъѣздъ въ Городецкій Ѳедоровскій монастырь.

Съ одной стороны въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ остались недовольны знаніями свѣтскихъ членовъ миссіи, а съ другой—не удовлетворились экономическими отчетами миссіи. Относительно недовольства знаніями свѣтскихъ членовъ миссіи у архимандрита Петра отмѣчено: «Никто,—говорятъ клеветники, — не споритъ, что миссіонеры суть люди весьма благонравные, и что даже поведеніемъ своимъ сдѣлали честь отечеству, что всѣ, сохранивъ нравственность и тѣлесное здоровье (а живя въ Китаѣ не уловиться китайцами есть дѣло не совсѣмъ изъ обыкновенныхъ; мои же сочлены не уловились и не только не погибли какъ въ Вавилонѣ, но еще пріобрѣли опытность спасать другихъ), пріобрѣли важныя въ Китаѣ знакомства, полезныя для отечества и проч., но при всемъ томъ безграмотны. Какая клевета! Наши миссіонеры и за средственные въ 10 лѣтъ успѣхи предостойны не порицанія, а наградъ, ибо и средственные успѣхи достигаются чрезмѣрными трудами; отъ нихъ нельзя требовать совершенства. Можетъ быть и моимъ сочленамъ въ азіатскомъ департаментѣ производили пробу знанія такъ же, какъ и намъ въ первое возвращеніе изъ Китая въ 1808 году въ Кяхтѣ, не принимая во вниманіе того, что Китай

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1896 года.

столько имѣетъ языковъ, сколько имѣетъ провинцій, почему восточный китаецъ не разумѣетъ западнаго, а южный—сѣвернаго; одинъ народъ, но чрезъ толмачей говоритъ во ста мѣстахъ. Вотъ почему хотя, кажется, никто столько не трудится, какъ китайскій миссіонеръ, но при всемъ томъ всегда остается малоуспѣшнымъ. Я скажу о себѣ правду: мы учились 16 лѣтъ преприлежно; при возвращеніи въ отечество (1808 г.), первый чрезмѣрно оскорбительный встрѣчается съ нами опытъ или проба нашего знанія въ Кяхтѣ. Здѣсь директоръ коммерціи былъ Петръ Дмитріевичъ Вонифатьевъ, который довольно чрезъ китайцевъ наслышался, что мы учились и прилежно и успѣшно. Къ торговлѣ сей (съ Россіей чрезъ Кяхту) допущены купцы только западной стороны, а прочихъ губерній никто не имѣетъ права торговать. Западное нарѣчіе языка отъ пекинскаго сѣвернаго совершенно отлично—и этихъ странъ и природные жители между собою разговариваютъ чрезъ толмачей. Упомянутый директоръ весьма хотѣлъ видѣть успѣхъ нашъ чрезъ разговоръ съ природными китайцами, и къ удивленію своему находитъ насъ разговаривающихъ съ западными китайцами туго—и чрезъ то заключилъ, что мы успѣли худо. Чрезъ нѣсколько дней посѣщали его и по зову и безъ зову тѣ пекинскіе китайцы, кои препровождали насъ до сего мѣста—тутъ мы съ пекинскими и разговаривали очень твердо и обращались въ полной мѣрѣ развязно. Чрезъ сей опытъ тотъ же директоръ заключилъ объ насъ, что мы успѣли въ китайскомъ языкѣ очень хорошо. Напослѣдокъ только эти два противоположные опыта были открыты» [1]).

---

[1]) Спустя 9 лѣтъ по вторичномъ возвращеніи изъ Китая, именно въ 1840 году, когда архимандритъ Петръ пребывалъ уже на покоѣ,—онъ съ грустью вспомнилъ и свое прошлое и оклеветанныхъ его свѣтскихъ членовъ миссіи и записалъ къ свѣдѣнію, «чтобы не было забыто» слѣдующее: «О, Китай! много ты у меня унесъ безцѣннаго времени: 27 лѣтъ проведено надъ машинальными только твоими занятіями; но утѣшаетъ одно только то, что потеряно оное безцѣнное время по службѣ; ежели же бы не это, то никакими слезами толикой утраты оплакать было бы невозможно. Китайскія оныя занятія, и притомъ денноночныя, не только не умножаютъ познанія, но и прежде пріобрѣтенныхъ чрезъ долговременности лишаютъ. Слѣдовательно, миссіонеры сіи особенное отечества заслуживаютъ воззрѣніе. Самая тупость ихъ не только заслуживаетъ снисхожденіе, но и сожалѣніе. Я на себѣ видѣлъ преоскорбительные опыты, что послѣ семинарскихъ и университетскихъ и 16-ти лѣтнихъ китайскихъ занятій, бывъ уже въ половинѣ пятаго десятка лѣтъ, заставляемъ былъ вмѣсто простыхъ копіистовъ писать текущихъ дѣлъ копіи—тогда, когда китайскихъ занятій невозможно еще кончить до гроба. Но заставляли писать копіи съ выраженіемъ: «Къ чему умножать копіистовъ, у насъ и китайскіе переводчики ничего не дѣлаютъ».—Каково это было переносить? а не знаютъ того, что и природный китаецъ, ежели перестанетъ

Одна бѣда родитъ другую. Объ этой другой своей печали архимандритъ Петръ пишетъ: «Услышалъ я, что отчеты, сдѣланные въ Пекинѣ, неудовлетворительны; что по какимъ-то счетамъ подпадаютъ сомнѣнія. Я истинно, какъ многогрѣшный священникъ, скажу, что если есть какая неправда, даже желаю не только на заплату всѣмъ пенсіономъ жертвовать, но и понести сверхъ того, въ примѣръ другимъ, всякое наказаніе. О. Іакинѳъ (Бичуринъ—предмѣстникъ архимандрита Петра по начальствованію въ Пекинской миссіи, знаменитый синологъ и безславный судьбою), кажется, хорошо отплатитъ мнѣ [1]). Буди воля Божія! Я его (Іакинѳа) судьбою обѣщаюсь быть довольнымъ, но молю и прошу подкрѣпленія Божія. Mea unica voluptas est Domini voluntas. Какихъ я въ мірѣ почестей не сподобился? Теперь остается только умереть. In mari vixímus, in portu moriamur—о семъ прошу и молю Преблагаго Господа» [2]).

Среди такихъ огорченій о. Петръ получилъ письмо отъ настоятеля Городецкой Ѳедоровской обители, іеромонаха Амвросія. Радуясь тому, что о. Петръ избираетъ его обитель своимъ мѣстопребываніемъ, Ам-

---

упражняться въ своемъ языкѣ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлается полуграмотнымъ. Я сдѣлалъ сіе примѣчаніе въ половинѣ 8-го десятка лѣтъ жизни, по истинѣ до избытка награжденный по Высочайшей милости; слѣдовательно, говорю правду, чтобы не было забыто въ потомствѣ».

[1]) Главнымъ виновникомъ осужденія о. Іакинѳа съ братіей былъ архимандритъ Петръ. Говорятъ, что по пріѣздѣ въ Пекинъ архим. Петръ былъ пораженъ прежде всего запустѣніемъ церквей; о чемъ и незамедлилъ донести Святѣйшему Синоду. Стоустая молва прибавляетъ, что о. Іакинѳъ очень нелюбезно принялъ новаго начальника миссіи, бросивъ ему на полъ церковные ключи съ словами: «на, возьми». Въ данное время (1833 г.) монахъ Іакинѳъ жилъ уже не на Валаамѣ въ ссылкѣ, а въ Петербургѣ, и занималъ должность переводчика китайскаго языка при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ много хорошихъ знакомыхъ среди высшаго петербургскаго общества и благожелателей. Министерство иностранныхъ дѣлъ цѣнило его, какъ глубокаго синолога, которому не было тогда равнаго въ Россіи («Прав. Собесѣдн.» 1886 г., май, стр. 77 и 80). Слѣдовательно, монаху Іакинѳу теперь удобно было отплачивать архимандриту Петру за свое «Валаамское сидѣнье».

[2]) Пораженный до глубины души клеветой и сомнѣніями и, не находя утѣшенія изнывающему своему сердцу у друзей, архимандритъ Петръ почувствовалъ большую перемѣну въ здоровьѣ, такъ что сталъ опасаться за жизнь. «Предчувствуется сближеніе со смертію, которая, впрочемъ, учинилась мнѣ даже желательною»,—написалъ архимандритъ Петръ вслѣдъ за изложеніемъ своей печали по поводу «сомнѣній», и тутъ же начерталъ духовное завѣщаніе: «Имѣнія у меня, кромѣ для расплаты за годовой столъ, никакого не останется. Распродавъ рясы и прочія употребляемыя вещи, половину отдать на воспитанницъ и крестницъ, а другую половину престарѣлой сестрѣ моей вдовой пономарицѣ и пензенскимъ сиротамъ. Пусть погребутъ меня добрые люди, коихъ можно найти въ гавани».

вросій, 14 декабря 1832 г. между прочимъ писалъ ему: «Обитель наша не богата, однако не богата и случаями, чрезъ которые бы могла повредиться нравственность христіанская. Обитель наша не богата, однако Промыслъ Божій ея не лишаетъ самонужныхъ вещей въ содержаніи. Обитель наша не богата и малозначительна въ сравненіи съ другими, однако, можно сказать, важна по древности, ибо существуетъ болѣе шести сотъ лѣтъ, и важнѣйшая по событіямъ: ибо основана великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Благовѣрный и великій князь святый Александръ Невскій, возвращаясь изъ Орды, въ оной обители воспріялъ ангельскій образъ, воспріялъ и кончину святаго житія своего временнаго. Обитель наша не только важна, но и по всему нужна существовать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ развратъ и расколъ коренное свое имѣютъ гнѣздо, раскольническую часовню и старообрядческую церковь, и стадо овецъ Христовыхъ развлекается на оба сіи предмета. Но при всемъ томъ обитель сія по недостатку своему не можетъ поддержать своего существованія: ограда, кельи и прочее строеніе монастырское пришли въ крайнюю ветхость. Обязанность моя требовала, чтобъ я взошелъ въ положеніе обители, почему и просилъ епархіальное начальство, чтобъ оно представило о недостаткахъ нашей обители куда слѣдуетъ, съ испрашиваніемъ потребной суммы на поправленіе оной, которое, принявъ во уваженіе прописанныя причины, доказывающія древность и важность монастыря и необходимость существованія его для поддержанія въ томъ мѣстѣ религіи, представляетъ Святѣйшему Синоду сдѣлать свидѣтельство монастырю и смѣту на поправку онаго, каковое представленіе скоро послано быть имѣетъ въ Святѣйшій Синодъ. Сія причина побуждаетъ меня безпокоить ваше высокопреподобіе всепокорнѣйшею просьбою: благоволите надѣяться вашего содѣйствія предъ тѣми особами, которыя могутъ имѣть вліяніе на дѣло наше. Ваше ходатайство вознаградится ходатайствомъ Небесныя Царицы; о нашихъ же грѣховныхъ молитвахъ, которыя мы въ священную обязанность поставляемъ возносить за ваше высокопреподобіе, и упоминать не смѣю, потому что онѣ меньше значатъ, нежели ничто въ сравненіи съ молитвами Небесныя о насъ Царицы. Сверхъ сего, позвольте вспомянуть и то: обители нашей существовать въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ отступленіе дѣйствуется, весьма нужно для поддержанія церкви православной, какъ и прежде мною писано было. Прошу васъ, молю васъ! Удостойте благосклоннаго вниманія смиренную просьбу всепокорнѣйшаго вашего слуги и почитателя, недостойнаго іеромонаха и грѣшнаго строителя Амвросія».

Радость архимандрита Петра по поводу полученія этого письма была такъ велика, что 9 января 1833 г. онъ писалъ Св. Синоду: «Приблизившаяся старость моя, а съ оной и слабость здоровья требуютъ отъ дѣлъ успокоенія. Я, всенижайшій послушникъ, совершенно волю

мою предая святѣйшей волѣ Святѣйшаго Синода, всенижайше прошу назначить мнѣ мѣсто, гдѣ бы я, оплакивая мои согрѣшенія, провелъ остатокъ дней моихъ. Нижегородской губерніи, Городецкой Ѳеодоровской обители строитель, прежній мой учитель, іеромонахъ Амвросій приглашаетъ меня въ оную, и я любви исполненное его приглашеніе пріемлю за особенное счастіе. И когда воспослѣдуетъ на сіе святѣйшее соизволеніе, то всенижайше прошу для отправы туда и водворенія снабдить меня нижайшаго паспортомъ».

На другой день, 10 января, архимандритъ Петръ писалъ Синоду: «На сихъ дняхъ изъ предполагаемой мною для моего пребыванія Городецкой Ѳеодоровской обители, въ 45 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода отстоящей, строитель, мой бывшій учитель, престарѣлый іеромонахъ Амвросій, между прочимъ, съ радостію изъявляетъ желаніе принять меня для успокоенія моей старости въ оную. За симъ пишетъ, что обитель сія находится въ крайней ветхости, а потому епархіальное начальство, дѣлавъ смѣту, вскорѣ не преминетъ представить въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ съ испрошеніемъ суммы на поддержаніе и поновленіе—по событіямъ своимъ, по шестисотъ-лѣтней древности своей и по окрестнымъ обстоятельствамъ—весьма нужной обители. Я о ветхости оной и прежде ясное уже имѣвъ понятіе, внутренно по сему предмету предполагалъ быть ей полезнымъ. Теперь неизвѣстно мнѣ, какъ велика поступитъ смѣта; а я, дабы толико убогой обители, пребываніемъ своимъ въ оной, и болѣе не причинить стѣсненія, въ теченіе 1833 и 1834 годовъ всеусердно жертвую 5.000 рублей. Что же сверхъ сего по смѣтѣ окажется нужнымъ, то всенижайше прошу Святѣйшій Правительствующій Синодъ не лишить милостиваго воззрѣнія, а меня нижайшаго для отправы туда и водворенія въ оную обитель снабдить Святѣйшаго Синода указомъ. А поелику подлинное письмо онаго строителя содержитъ историческія свѣдѣнія, то я всенижайшій послушникъ при семъ оное прилагаю» [1]).

---

[1]) Подъ 11 марта 1833 года у архимандрита Петра отмѣчено: «Членъ Святѣйшаго Синода преосвященнѣйшій митрополитъ Іона, всегда являющій мнѣ недостойному грѣшнику архипастырское благоволеніе, послѣ всенощной, во изъявленіе особеннаго благоволенія при взятіи отъ него благословенія, удержавъ мою руку, пожелалъ благополучной отправы въ преднамѣреваемую мною Городецкую Ѳеодоровскую обитель. Я успѣлъ на сіе сказать, что я прошеніемъ просилъ Святѣйшій Синодъ о семъ. Изъ сего его высокопреосвященства привѣтствія видно, что о семъ нынѣ было трактовано. Потомъ подошелъ я принять благословеніе преосвященнѣйшаго Смарагда, который благоволилъ сказать: «Не спѣшите, съ нами отпразднуемъ Пасху» (2 апрѣля), чрезъ что также подтвердилось, что мое увольненіе въ Святѣйшемъ Синодѣ утверждено».

Подъ 21 марта записано слѣдующее: «Вчера по вечеру изъ канцеляріи

18 марта 1833 года былъ посланъ изъ Святѣйшаго Синода указъ преосвященному нижегородскому Амвросію (Мореву) о состоявшемся въ Синодѣ увольненіи архимандрита Петра, согласно его желанію, на покой въ Городецкую Ѳедоровскую обитель.

Въ указѣ этомъ, между прочимъ, читаемъ: «Какъ къ увольненію изъ С.-Петербурга бывшаго начальника пекинской миссіи архимандрита Петра не предстоитъ никакихъ препятствій ни со стороны Святѣйшаго Синода, ни со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, то изъ уваженія къ долговременному и полезному его, архимандрита, служенію и согласно изъявленному имъ желанію, дозволить ему уклониться на покой и имѣть пребываніе въ Городецкомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ Нижегородской епархіи, почему и предписать (и предписывается) преосвященному нижегородскому: а) приказать настоятелю Ѳеодоровскаго монастыря отвести для жительства его, архимандрита, въ помянутомъ монастырѣ приличныя келіи; б) дозволить ему, архимандриту, когда пожелаетъ священнодѣйствовать какъ въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ, такъ и внѣ онаго, во всей Нижегородской епархіи».

Получивъ паспортъ, архимандритъ Петръ оставался въ Петербургѣ еще около двухъ мѣсяцевъ и выѣхалъ изъ него только 18 мая. Подъ 30 апрѣля у него записано: «Не взирая на непріятныя обстоятельства, постараюсь съ помощію Божіею отсюда изъ С.-Петербурга выѣхать въ Москву. Помоги Господи! Непріятно смотрѣть на слезы моихъ подчиненныхъ—вотъ моя печаль!» А предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ отмѣтилъ въ своей «тетради»: «Я отъѣзжаю изъ сего мѣста, пораженный сокрушеніемъ, по причинѣ оклеветанія добрыхъ моихъ подчиненныхъ и по истинѣ рѣдкихъ сыновъ отечества. Богъ по благости своей да разсудитъ прю сію и помилуетъ насъ. Одни мудрые въ свое время поймутъ сіи приключенія».

Разставанія и прощанія архимандрита Петра начались съ 7 мая и продолжались по самый день отъѣзда. Съ особенною любовію онъ отмѣчаетъ прощаніе съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири П. М. Капцевичемъ, который 13 мая устроилъ для него обѣдъ и подарилъ двумя полотенцами.

Угостивши лаврскую братію и простившись съ лаврскими и академическими чинами, архимандритъ Петръ, въ купленной за 450 рублей коляскѣ (послѣ подарилъ ее Ѳедоровской обители), по молитвѣ къ

Святѣйшаго Синода полученъ паспортъ до предназначеннаго мнѣ на житье въ Нижегородской епархіи Городецкаго Ѳеодоровскаго монастыря». И далѣе: «Послѣдняя разстаня съ петербургскими разныхъ сословій и степеней бывшими начальниками, сослуживцами, благотворителями, сотрудниками и добрыми друзьями причинитъ мнѣ немало хлопотъ. Долгъ требуетъ со всѣми видѣться и, какъ говорится, проститься. Съ преподобнымъ преподобенъ будеши и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши. Но всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь имени Моего ради, сторицею пріиметъ, глаголетъ Господь».

Богу, отправился 18 мая въ путь по московской дорогѣ. Въ Москвѣ пробылъ онъ болѣе мѣсяца. Московскій митрополитъ Филаретъ оказалъ ему многія милости и крайнее благоволеніе. Къ августу архимандритъ Петръ прибылъ на мѣсто своего покоя. 29 іюня 1834 года ему пожалованъ былъ брильянтовый перстень въ 3.000 рублей, который онъ употребилъ на украшеніе призрѣвшей его обители.

XIII.

Упражненія архимандрита Петра въ уединеніи на покоѣ.—Благотворительность и кончина его.

Будучи на покоѣ, архимандритъ Петръ все свободное время посвящалъ на чтеніе книгъ и несказанно былъ радъ, когда никто и ничто не препятствовало ему отдаваться излюбленному имъ занятію. О каждой прочитанной книгѣ и статьѣ онъ дѣлалъ свой отзывъ и выдержки большія или малыя, смотря по интересу содержанія и назначенію, съ какимъ оныя были дѣлаемы.

Настольными книгами для упражненій архимандрита Петра служили: «Подражаніе Христу»—Ѳомы Кемпійскаго, «Діоптра»—неизвѣстнаго автора и «Псалтирь» Блаженнаго Августина. Къ чтенію ихъ онъ прибѣгалъ всегда, какъ скоро начиналъ чувствовать въ себѣ «сухость духа», а также и физическое утомленіе отъ чтенія другихъ книгъ, или отъ выписокъ изъ оныхъ.

О книгѣ «Подражаніе Христу» архимандритъ Петръ говоритъ: «Я сію книгу читать по истинѣ любилъ во всю жизнь. Сперва она попалась мнѣ въ Пекинѣ—въ первый терминъ моего пребыванія тамъ—на латинскомъ и китайскомъ языкахъ. Тогда я съ усердіемъ и любовію ее читалъ многократно. Возвратившись въ 1808 году въ отечество, я имѣлъ ее на латинскомъ языкѣ, но средственнаго изданія. Когда же я въ 1820 году, будучи уже архимандритомъ, паки ѣхалъ чрезъ Иркутскъ въ Пекинъ, тогда его высокопревосходительство господинъ генералъ-губернаторъ М. М. Сперанскій пожаловалъ мнѣ и свой переводъ и латинскій подлинникъ самаго лучшаго изданія, но я, любя Пекинскую библіотеку, мною заведенную и нѣжно возращенную до возможнаго совершенства, и сей безцѣнный подарокъ передалъ въ оную. Доброе я дѣло сдѣлалъ, что подарилъ оную въ Пекинскую библіотеку, надѣясь получить оную въ отечествѣ, но теперь, не находя таковой въ отечествѣ, жестоко оскорбляюсь. Къ усугубленію оскорбленія не могъ найти и на русскомъ 1819 года перевода, а купилъ на латинскомъ языкѣ, но

съ недостатками: первое, что печать излишно мелка, а второе—штиль не выправленъ. Истину скажу, что недешево бы заплатилъ за сію же книгу, но поздняго, какъ я думаю, изданія, и прекрасной печати и пресладко выправленной, каковая пожалована была мнѣ при выѣздѣ изъ отечества въ Пекинъ».

Кромѣ настольныхъ книгъ архимандритъ Петръ читалъ все, чѣмъ успѣлъ запастись въ Петербургѣ и что потомъ—уже живя на покоѣ—пріобрѣталъ или покупкою, или въ даръ. Въ самомъ чтеніи онъ не соблюдалъ какого-либо систематическаго порядка и не преслѣдовалъ строго намѣченной цѣли, но читалъ потому, съ одной стороны, что въ чтеніи онъ обрѣталъ покой: «я всюду искалъ покоя и нашелъ его только въ уединеніи и чтеніи»—слова архимандрита Петра подъ 29 іюля 1841 года; съ другой—онъ читалъ потому, чтобы не быть праздну. Въ этомъ случаѣ онъ называлъ свой процессъ чтенія «подражаніемъ труду того монаха, который занимался перетаскиваніемъ камней съ одного мѣста на другое, чтобы не быть праздну». Архимандритъ Петръ не находилъ ничего противоположнѣе трудолюбія и праздности, а потому, когда въ его жизни выпадали случаи, что упражненія его прерывались, напримѣръ, посѣтителями, онъ послѣ съ удвоенными усиліями старался возмѣстить напрасно потраченное время. Но, упражняясь безъ строгаго плана и цѣли со всѣмъ прилежаніемъ юноши, архимандритъ наконецъ пришелъ къ тому заключенію, что его прилежность была педантическая, школьная. Подъ 20 октября 1841 года Петръ пишетъ: «болѣзни и старость претворяютъ меня изъ прилежнаго въ лѣниваго, но и прилежность была не вполнѣ монаха украшающая, но какая-то педантическая, школьная».

Въ современномъ кончинѣ архимандрита Петра некрологѣ о немъ, напечатанномъ въ неоффиціальной части «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1845 г. № 21, неизвѣстный авторъ говоритъ объ архимандритѣ Петрѣ, что «онъ и живя на покоѣ продолжалъ заниматься китайскимъ языкомъ и Китаемъ». Нельзя сказать, чтобы все то была правда. Насколько и какъ архимандритъ Петръ, живя на покоѣ, занимался китайскимъ языкомъ и вообще Китаемъ—эта сторона его трудовъ въ уцѣлѣвшихъ его «Дневныхъ Запискахъ» за 1832—34; 1840 и 1841 годы рисуется въ такомъ видѣ:

По прибытіи въ Россію, по окончаніи дѣлъ Пекинскаго миссіонерства, архимандритъ Петръ на первыхъ порахъ не могъ сразу оторваться отъ Китая, съ которымъ онъ, такъ сказать, сжился въ долгіе годы своего пребыванія въ столицѣ Срединной имперіи, и потому естественно, въ первое время—прежде чѣмъ предъ нимъ открылись иныя занятія, отдавался занятіямъ китаизмомъ, но потомъ, чѣмъ дальше шло время, онъ болѣе и болѣе охладѣвалъ къ Китаю, и когда предъ нимъ развер-

нулись отечественныя книжныя богатства и онъ, не имѣя возможности по преклонности лѣтъ обнять всей этой громады мудрости—не разъ готовъ былъ плакать, горько сожалѣя о безплодно потраченномъ времени на изученіе въ теченіе 27 лѣтъ китайскаго языка.

Живя на покоѣ, отецъ Петръ отличался подвигами благотворенія и христіанскою жизнью: онъ на свой счетъ возобновилъ монастырскія зданія и щедрою рукою раздавалъ милостыни всѣмъ приходящимъ просить о ней. Не рѣдко онъ самъ оставался безъ денегъ, отдавая послѣднія бѣднымъ. Ко времени водворенія архимандрита Петра на покой Ѳеодоровская обитель, по словамъ тогдашняго строителя ея іеромонаха Амвросія, по недостатку средствъ не могла поддерживать своего существованія: ограда, кельи и прочее строеніе монастырское пришли въ крайнюю ветхость. Архимандритъ Петръ, прежде чѣмъ избрать Ѳеодоровскую обитель мѣстомъ своего покоя, зналъ о ея ветхостяхъ и уже внутренно предполагалъ быть ей полезнымъ, а когда окончательно рѣшилъ всенижайше просить Святѣйшій Синодъ назначить ему мѣстомъ покоя Ѳеодоровскую обитель, то, чтобы «только убогой обители пребываніемъ своимъ въ оной и болѣе не причинить стѣсненія», всеусердно пожертвовалъ на возобновленіе ея въ теченіе 1833 и 1834 годовъ 5.000 руб. Кромѣ того, на украшеніе призрѣвшей его обители онъ употребилъ 3.000 рублей, цѣну высочайше пожалованнаго ему бриллянтоваго перстня уже во время пребыванія его на покоѣ

Въ пользу Ѳеодоровской обители архимандритъ Петръ подарилъ и ту коляску, стоившую 450 рублей, на которой онъ прибылъ на мѣсто покоя изъ Петербурга; въ монастырскую библіотеку пожертвовалъ нѣсколько книгъ, а строителямъ обители по преемству—натуральную трость. Передавая послѣднюю, онъ написалъ слѣдующее завѣщаніе, адресованное строителю обители Варлааму: «Достопочтеннѣйшій отецъ строитель, возлюбленный о Господѣ братъ! Сего числа посѣтилъ нашу обитель 76-лѣтній села Митрофанова священникъ Андрей Ѳеодоровичъ, который, видя приблизившуюся свою старость и не имѣя сына наслѣдника, отъ родителя своего въ наслѣдство полученную трость, серебромъ оправленную, съ фигурою крокодила, изъ слоновой кости выточеннаго, подарилъ меня, въ 70-лѣтній возрастъ уже вступившаго; я также смотря на преклонность лѣтъ моихъ, дѣлаю ваше высокопреподобіе оныя наслѣдникомъ, съ предположеніемъ для увѣковѣченія памяти почтеннѣйшаго дателя, съ передачею въ потомство строителямъ сея обители. 2 декабря 1833 года. Завѣщатель въ сей обители на покоѣ живущій—архимандритъ Петръ Каменскій».

Обновляя на свои средства призрѣвшую его обитель и украшая ее, архимандритъ Петръ въ то же время не переставалъ благотворить всѣмъ приснымъ и дальнимъ, помогая имъ и деньгами и совѣтомъ доб-

рымъ и предстательными ходатайствами предъ лицами власть предержащими. Памятуя слова апостола: «аще кто о своихъ, паче же о домашнихъ не печется, таковый вѣры отвергся и невѣрнаго горшій», архимандритъ Петръ при первой же открывшейся возможности постарался обезпечить въ средствахъ содержанія сначала своихъ духовныхъ дѣтей, а потомъ, какъ мы видѣли—кровныхъ родныхъ по плоти.

Затѣмъ всю свою пенсію въ 2.000 рублей сер. архимандритъ Петръ за удовлетвореніемъ собственныхъ неприхотливыхъ нуждъ, расточалъ на благотворенія ближнимъ и дальнимъ, знаемымъ и незнаемымъ: «кто бо у меня не братія, и кто не сестры? а потому и денегъ я не берегу, а предварительно раздаю, прежде нежели оныя получу въ руки», пишетъ архимандритъ Петръ. И это вполнѣ справедливо [1]).

Первый день прибытія архимадрита Петра въ обитель покоя ознаменовался для него слѣдующимъ неожиданнымъ благотвореніемъ. Въ этотъ день забрался на монастырскій дворъ какой-то крестьянинъ Владимірской губерніи и повѣсился. Вынутый своевременно изъ петли, крестьянинъ этотъ объяснилъ, что «рѣшилъ удавиться по причинѣ покражи у него 35 рублей, выработанныхъ чрезъ сѣченіе камней для дѣланія шоссе». «Тогда я, пишетъ архимандритъ Петръ, призвалъ его и, преподавъ ему христіанское наставленіе, чтобъ онъ, благодатіею Божіею, освободившись отъ толь страшныя погибели, явился бы къ своему священнику, исповѣдался бы и пріобщился св. таинъ. Поувѣщававъ его—въ облегченіе угнетающей его печали—далъ ему 25 рублей» [2])

---

[1]) На листѣ 229-мъ дневныхъ записокъ за 1834 годъ у архимандрита Петра записано: «Погорѣльцамъ села Корочева, вотчиныТурчанинова, данъ рубль и обѣщано 12 рублей къ Крещенію». Послѣ сдѣлана приписка: «отданы 6 генваря». Еще: «Гороховецкаго уѣзда, вотчины Вас. Ек. Алексѣева, погорѣльцамъ деревни Староданыговской дана полтина и 10 рублевая ассигнація обѣщана къ Крещенію; Вязниковскимъ погорѣлымъ даны 5 рублей ассигнаціями и обѣщано дать въ Крещеніе 20 рублей». Приписка: «отданы 6 генваря». Случалось, что архимадритъ Петръ для удовлетворенія просящихъ у него, лишь бы не отпустить ихъ тощими, прибѣгалъ къ займамъ за большіе проценты. Такъ подъ 16 января 1834 у него записано: «Взято у Кошатиной 200 рублей ассигнаціями, за кои до маія проценту 20 рублей отданы». Подъ 5 марта 1833 года у архимандрита Петра записано: «5-е число и сто рублей уже получай: не богатство ли? А?

Коль далъ Господь тебѣ имѣнье,
Такъ бѣдныхъ имъ ты снабдѣвай,
Въ томъ долгъ твой есть и попеченье
Сиротъ, убогихъ воспитай.

[2]) Этотъ крестьянинъ спустя 8 лѣтъ сильно напугалъ архимандрита Петра: «Къ немалому моему оскорбленію, пишетъ архимандритъ Петръ, при самомъ разсвѣтѣ 28 марта 1841 года въ Великій пятокъ, когда я съ служи-

Кромѣ благотвореній деньгами и добрымъ совѣтомъ и участіемъ, архимандритъ Петръ благотворилъ лицамъ, обращавшимся къ нему, и своимъ ходатайствомъ.

Архимандритъ Петръ характеризовалъ себя такъ: «Что въ твореніяхъ мерзостнѣе меня?!—Положилъ, съ 1836 года обѣщаніе горячихъ напитковъ не пить, но солгалъ окаянный, а излишнее употребленіе вина бываетъ причиною великихъ золъ, непозволительныхъ вожделѣній и многихъ преступленій; я все сіе на себѣ вижу. Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей! Я искалъ покоя и обрѣлъ было его въ уединеніи и чтеніи, но міръ находитъ и здѣсь. Старость свои имѣетъ причины въ образѣ жизни; но мірскіе люди, желая старости отдать свое уваженіе, просятъ къ себѣ. Старикъ, подобный мнѣ, не хотя прогнѣвать ихъ усердіе, соглашается быть у нихъ; тамъ встрѣчается новое для старика неудовольствіе: просятъ и подчуютъ тѣмъ и другимъ подлинно изъ усердія, но старому человѣку служитъ таковое подчиваніе въ обремененіе».

Такъ тихо и мирно текли дни архимандрита Петра, когда въ мартѣ 1841 года скончался монастырскій староста И. И. Богатый, его сверстникъ по лѣтамъ.—«Онъ умеръ на 75 году,—записалъ 7 марта Петръ въ своемъ дневникѣ, да я и себѣ считаю столько же. Служитель мой Петръ Михайловъ 72 лѣтъ, какъ по паспорту его значится. Это завело въ разговоръ насъ—что въ здѣшнемъ мѣстѣ и гробъ не всегда можно купить готовый. Но кажется за этимъ остановки не будетъ. И языческіе мудрецы, какъ Діогенъ говорилъ: къ чему такая излишность заготовлять погребальное, когда, говорилъ, живымъ омерзѣетъ мой трупъ, тогда поневолѣ выбросятъ и отдалятъ куда-нибудь, и сего погребенія и довольно... Христіанину предлежитъ не столько думать о погребальныхъ пріуготовленіяхъ, сколько объ очищеніи грѣховъ—и чтобъ было

телемъ—послѣ вчерашняго стоянія—крѣпко еще спали—вдругъ слышимъ у дверей и у окна крѣпко стучащагося. Служитель мой, отворивъ окно, видитъ величайшаго роста мужика, требующаго со мною видѣться. Я всталъ, подошелъ къ окну, а онъ, вынувъ бумагу, подаетъ мнѣ, говоря: «есть оброчная господская недоимка; припадаю къ ногамъ твоимъ: помоги сему моему несчастію». Я, услыша оброчную недоимку, представилъ себѣ, что это проситъ не десятковъ рублей, но ежели не тысячъ, то по крайней мѣрѣ сотъ; а какъ я по истинѣ не только такихъ денегъ, но и для себя не имѣю 5 рублей, захлопнувъ окно, съ гнѣвомъ отослалъ его прочь. Служитель же мой Петръ, изъ С.-Петербурга со мною въ сію обитель ѣхавшій, позналъ въ этомъ человѣкѣ того мужика, коего мы тогда по въѣздѣ во дворъ нашли вынутымъ изъ петли. Онъ же почти чрезъ 8 лѣтъ явился и опять съ просьбой. Правда, я не узналъ его, но едва-ли и первое его явленіе не была хитрая для уловленія сожалѣнія проѣзжихъ выдумка! Спасетъ его Господь. Явиться ему ко мнѣ въ такой день кажется, заранѣе обдумано было».

чѣмъ помянуть, говорю относительно дѣлъ; подлинно умереть грѣшнику страшно, ибо предлежатъ двѣ вѣчности—одна счастливая, а другая невыразимо несчастная. Надобно помнить вѣчность и особенно въ преклонныхъ лѣтахъ, хотя смерть не щадитъ и всякій возрастъ».

Съ 1840 года начали посѣщать его одна за другой болѣзни. Такъ 12 января онъ жалуется на удушье; 27 января—на крайнюю слабость въ ногахъ; 17 февраля—на мучительный кашель; подъ 3 апрѣля онъ пишетъ: «Подлинно старость сама собою есть болѣзнь. Чувствую еще головной шумъ, какъ бы жужжаніе насѣкомыхъ въ отдаленности. Позыву на пищу мало. Очень нужно бы посовѣтоваться съ врачами, но здѣсь ихъ нѣтъ, а въ Нижній Новгородъ ѣхать распутица не позволяетъ». Съ 9 апрѣля открылась еще глазная болѣзнь, мучительная для него особенно тѣмъ, что лишала его возможности заниматься чтеніемъ книгъ. 19 сентября архимадритъ Петръ жалуется на общее разслабленіе всѣхъ членовъ и на отвращеніе къ трудамъ.

Силы его замѣтно слабѣютъ. «Болѣзни мои многоразличны и едва-ли не всѣ оныя произошли отъ чрезмѣрной простуды ногъ. Зубы болятъ, десны пухнутъ, голени ногъ нестерпимо зудятъ, подошвы ногъ зябнутъ, какъ ни одѣвай ихъ и въ постелѣ. Чувствительнѣе всѣхъ оныхъ болѣзней—въ лѣвомъ паху значительная опухоль, какъ увѣряютъ меня, отъ грыжи происходящая; но если всѣ эти болѣзни не умножатся, то я многогрѣшный считаю ихъ сносными». «Болѣзни часъ отъ часу умножаются: къ прежнимъ прибавилась вновь болѣзнь лѣвой стороны головы».

Нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не умретъ; предлежитъ человѣку едино—умрети: и «престарѣлый пастырь юной Пекинской церкви»—архимандритъ Петръ Каменскій скончался 17 мая 1845 года. Могила его находится за алтаремъ соборной монастырской церкви.

Аполлонъ Можаровскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

о послѣднемъ офицерѣ арміи Наполеона I.

(Къ портрету Н. А. Савена).

Вскорѣ послѣ появленія въ «Новомъ Времени» статей о ветеранѣ «великой арміи» Савенѣ, ко мнѣ стало поступать множество писемъ и запросовъ съ просьбой доставить его фотографію и дать по возможности болѣе подробныя свѣдѣнія о личности, образѣ жизни и послѣднихъ минутахъ этого необыкновеннаго по своему долголѣтію человѣка. Помѣщая въ настоящее время на страницахъ «Русской Старины» портретъ Н. А. Савена, снятый на 120 году его жизни и доставленный мнѣ дочерью покойнаго ветерана, Евдокіей Николаевной Савенъ—постараюсь подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ удалось собрать о немъ въ Саратовѣ, а также личными впечатлѣніями, вынесенными во время двухъ-лѣтняго моего знакомства съ маститымъ старцемъ.

Прибывъ въ Саратовъ въ началѣ 1893 года и бесѣдуя съ однимъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, я совершенно случайно узналъ, что здѣсь съ 1812 года проживаетъ престарѣлый французъ, прибывшій въ Россію съ «великой арміей» Наполеона, участвовавшій во многихъ сраженіяхъ временъ первой имперіи и получившій орденъ Почетнаго Легіона изъ рукъ самого императора французовъ. Столь интересная личность не могла не заинтересовать меня, и я рѣшилъ во что бы то ни стало посмотрѣть этого необыкновеннаго старца, живаго свидѣтеля Наполеоновской эпохи. Я говорю «посмотрѣть», такъ какъ о разговорѣ съ человѣкомъ столь преклонныхъ лѣтъ я даже не помышлялъ и былъ почти увѣренъ, что увижу столѣтняго, дряхлаго старика, впавшаго въ дѣтство, утерявшаго память и, быть можетъ, умственныя способности, отъ котораго едва-ли придется чего-нибудь добиться. По-

слѣдствія, однако, доказали мнѣ совершенно противное. Въ тотъ же день я отправился по указанному адресу. Старикъ жилъ въ первой части города, на Грошовой улицѣ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, на воротахъ котораго я прочелъ слѣдующую надпись съ передѣланнымъ на русскій ладъ именемъ владѣльца: «домъ поручика Николая Андреевича Савина». Крошечный флигелекъ, въ три окна на улицу, одинъ изъ тѣхъ домиковъ, которыми до сихъ поръ изобилуютъ наши города средней руки, скромно ютился среди болѣе крупныхъ деревянныхъ и каменныхъ построекъ, постепенно вытѣсняющихъ своихъ мелкихъ сосѣдей. Я отперъ калитку и очутился во дворѣ, гдѣ глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: среди миніатюрнаго цвѣтника, окруженнаго низенькимъ палисадникомъ, сидѣлъ на скамейкѣ небольшаго роста старичекъ, сильно согбенный, въ картузѣ и стариннаго покроя длиннополомъ сюртукѣ, съ красной ленточкой въ петлицѣ; онъ только-что окончилъ поливку цвѣтовъ и, погруженный въ любимое занятіе, повидимому, не замѣтилъ моего прихода. Я остановился и молча сталъ разсматривать старца, на морщинистомъ лицѣ котораго весело играли яркіе лучи полуденнаго солнца. По красной ленточкѣ я догадался, что нашелъ того, кого искалъ: передо мною стоялъ лейтенантъ «великой арміи», живой свидѣтель полулегендарной Наполеоновской эпопеи съ ея кровавымъ, но все же блестящимъ ореоломъ славы и военнаго генія. Вглядываясь въ морщинистое лицо старца, въ эти какъ бы застывшія подъ вліяніемъ времени черты, я невольно провелъ параллель между прошедшимъ и настоящимъ; я переносился мыслями въ ту достопамятную эпоху «войны и мира», когда, 82 года тому назадъ, этотъ удрученный годами ветеранъ—въ то время цвѣтущій молодостью офицеръ—вступалъ въ числѣ «двунадесяти языкъ», какъ врагъ, въ предѣлы Россіи, въ ту самую Россію, которая теперь стала вторымъ его отечествомъ и которую онъ любитъ не менѣе Франціи.

Я подошелъ къ старику и назвалъ его по имени, извиняясь за непрошенное посѣщеніе, вызванное глубокимъ удивленіемъ и желаніемъ увидѣть и побесѣдовать съ представителемъ знаменитой эпохи, съ человѣкомъ, служившимъ подъ начальствомъ величайшаго изъ полководцевъ.

Старикъ ласково протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Вы заговорили со мной о человѣкѣ, которому я посвятилъ лучшіе годы моей жизни и память котораго для меня священна—будьте же дорогимъ гостемъ и войдите въ мой домъ.

Въ домѣ встрѣтила насъ дочь ветерана, почтенныхъ уже лѣтъ старушка, заботливая рука которой наложила видимый отпечатокъ опрятной домовитости на скромную обстановку этого жилища. Въ ок-

нахъ всюду цвѣты, которые такъ любилъ старецъ и которымъ, въ виду совсѣмъ слабаго зрѣнія, онъ за послѣдніе годы посвящалъ все свое время. Еще лѣтъ за шесть до своей кончины, будучи уже въ преклонномъ 120-ти-лѣтнемъ возрастѣ, онъ не только могъ читать при помощи очковъ, но даже иногда предавался любимому своему занятію—рисованію. Въ послѣдніе годы, однако, зрѣніе стало окончательно измѣнять старцу, и онъ уже съ большимъ трудомъ, дрожащею рукою, едва могъ подписывать свою фамилію [1]). Комнатка Николая Андреевича (старикъ особенно любилъ, чтобы его называли «по-русски» по имени и отчеству) представляла миніатюрный, но въ высшей степени своеобразный уголокъ, гдѣ все говорило о временахъ давно минувшихъ; здѣсь жилъ онъ воспоминаніями о славномъ и величественномъ прошломъ, о своемъ императорѣ, глядѣвшемъ на него изъ рамки большаго акварельнаго портрета и съ небольшой бронзовой статуэтки, стоявшей на столикѣ у окна. Это былъ культъ Наполеона, своеобразный, но трогательный, преданность глубокая, въ буквальномъ смыслѣ «до гроба». Исторія этого портрета также заслуживаетъ вниманія: онъ написанъ самимъ Савеномъ въ 1837 г., черезъ 25 лѣтъ по прибытіи въ Россію, и рисованъ «на память»—до такой степени знакомыя черты императора врѣзались въ воспоминаніе стараго ветерана. Наполеонъ изображенъ на немъ во весь ростъ, въ традиціонномъ походномъ сюртукѣ, въ шляпѣ, съ рукой, заложенной за бортъ мундира. Онъ стоитъ на берегу скалистаго утеса и задумчиво смотритъ въ даль. Тутъ же неподалеку другой портретъ, изображающій браваго гусарскаго офицера въ мундирѣ наполеоновскихъ войскъ—это самъ Николай Андреевичъ въ формѣ 2-го гусарскаго полка, писанный, какъ видно изъ помѣтки, въ 1812 году. Разсматривая съ глубокимъ волненіемъ каждую вещицу въ этой убогой и вмѣстѣ съ тѣмъ богатой воспоминаніями обстановкѣ, я особенно заинтересовался небольшой гравюрой въ старинной, съ выцвѣвшею позолотою, рамкѣ, висѣвшей въ дальнемъ углу; гравюра изображала эпизодъ изъ Египетскаго похода 1798 года и отличалась замѣчательной отчетливостью фигуръ, сгруппированныхъ вокругъ Бонапарта. Главнокомандующій и его штабъ изображены сидящими на верблюдахъ; вдали виднѣются пирамиды Хеопса и знаменитый сфинксъ, у подножья котораго расположены французскія войска. Замѣтивъ, что я особенно

---

[1]) Въ 1894 году, незадолго до своей кончины, Савенъ подписалъ свою фамилію подъ письмомъ къ редактору „Figaro“ и на прошеніи, поданномъ имъ на имя министра народнаго просвѣщенія графа Делянова. Одинъ изъ послѣднихъ автографовъ Савена сохраняется у автора этихъ воспоминаній на подаренной ему старцемъ книгѣ «Histoire de Napoléon et de la Grande Armée», графа Сегюра.

разсматриваю эту гравюру, старецъ сталъ съ удивительною подробностью называть мнѣ поочередно имена всѣхъ генераловъ, изображенныхъ въ свитѣ Бонапарта. «Картину эту,—говорилъ Николай Андреевичъ,—я совсѣмъ плохо вижу, но за то прекрасно помню всѣхъ лицъ, на ней изображенныхъ... Вѣдь это былъ мой первый походъ съ императоромъ .. Вотъ здѣсь направо, лицомъ къ Наполеону,—это Бертье, а рядомъ съ нимъ Ланнъ, впослѣдствіи герцогъ Монтебелло, съ которымъ въ 1809 году я былъ подъ Сарагоссой.

Съ удивленіемъ внималъ я словамъ феноменальнаго старца, пораженный невѣроятною въ столь преклонные годы памятью... Оказалось, что теперь ему шелъ 126-й годъ: онъ родился въ апрѣлѣ 1768 года; двадцати-лѣтнимъ юношею совершилъ онъ Египетскій походъ, а Отечественная война 1812 года застала Савена уже въ зрѣломъ 43-лѣтнемъ возрастѣ. Необычайная память не покидала старца до послѣднихъ дней его жизни. Старушка дочь его неоднократно разсказывала мнѣ, что часто, забывая имена и фамиліи нѣкоторыхъ лицъ, давно умершихъ, она обращалась съ вопросами къ отцу, и онъ почти всегда называлъ ихъ и нерѣдко помнилъ даже, гдѣ кто жилъ и въ какомъ домѣ.

Съ тѣхъ поръ я сталъ очень часто навѣщать почтеннаго Николая Андреевича и постепенно узналъ его необыкновенную Одиссею, полную захватывающаго интереса и подчасъ глубокаго трагизма. Живыми образами промелькнули въ разсказахъ старца главнѣйшіе эпизоды его боевой жизни: Египетъ, Сарагосса, плѣнъ въ тюрьмѣ испанской инквизиціи, походъ 1812 года и березинская переправа. Въ яркихъ краскахъ и съ особеннымъ волненіемъ разсказывалъ старецъ о кровавой эпохѣ террора въ Парижѣ, во время котораго погибъ отецъ его при защитѣ Тюильри. Результатомъ этихъ въ высшей степени интересныхъ, но, къ сожалѣнію, отрывочныхъ разсказовъ Николая Андреевича и была первая статья о немъ, напечатанная въ «Новомъ Времени» [1]), благодаря которому о Савенѣ скоро узнали у насъ и за границей. На столбцахъ многихъ французскихъ газетъ появились сочувственныя статьи, посвященныя «ветерану великой арміи», и по иниціативѣ парижскаго «Figaro» организована была подписка. Масса писемъ, глубоко прочувствованныхъ, присылались Николаю Андреевичу со всѣхъ концовъ Европы, не только отъ соотечественниковъ, но даже изъ Германіи, Австріи, Швеціи и Англіи. Въ числѣ этихъ посланій особенно выдѣлялось письмо молодаго нѣмецкаго ученаго, профессора Гольцгаузена изъ Бонна, признавшаго въ Савенѣ одного изъ боевыхъ товарищей дѣда своего, служившаго тоже въ рядахъ «великой арміи» въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Но вѣнцомъ всѣхъ чествованій была

[1]) № 6.553, субботнее приложеніе 28-го мая 1894 года.

присланная вскорѣ французскимъ правительствомъ «медаль святой Елены», давшая ему самое драгоцѣнное для престарѣлаго воина званіе «сподвижника славы» его императора и оффиціально удостовѣрившая личность и боевое прошлое маститаго ветерана. Въ грамотѣ, присланной при орденѣ за подписью военнаго министра Мерсье, между прочимъ, говорилось: «Канцлеръ національнаго ордена Почетнаго Легіона симъ удостовѣряетъ, что помянутая медаль Святой Елены выдана Жану-Баптисту-Николаю Савену, бывшему лейтенанту 2-го Гусарскаго полка, прослужившему во французской арміи съ 1797 по 1812 г.».

Со слезами на глазахъ принялъ глубоко-растроганный Николай Андреевичъ драгоцѣнную медаль изъ рукъ губернатора князя Мещерскаго и съ восторгомъ показывалъ ее друзьямъ и знакомымъ, пришедшимъ поздравить старца. Этотъ интересный и крайне рѣдкій во Франціи знакъ отличія состоитъ изъ темно-бронзовой медали (на зеленой лентѣ), на лицевой сторонѣ которой изображенъ профиль Наполеона I съ надписью вокругъ: «Napoléon I à ses compagnons de gloire Sa dernière pensée!» На другой сторонѣ—императорскій орелъ и надпись: «Sainte-Hélène, 5-го мая 1821 г.» (день смерти Наполеона) [1]).

Въ Саратовской губерніи Николай Андреевичъ Савенъ прожилъ безвыѣздно 82 года. Взятый въ плѣнъ при Березинской переправѣ казаками Платова, онъ въ числѣ другихъ плѣнныхъ отправленъ былъ сначала въ Ярославль, а затѣмъ въ Саратовъ, гдѣ первое время нашелъ себѣ заработокъ, давая уроки фехтованія офицерамъ мѣстнаго гарнизона. Вскорѣ затѣмъ, при содѣйствіи тогдашняго саратовскаго губернатора А. Д. Панчулидзева, Савенъ получилъ должность въ благородномъ пансіонѣ при Саратовской гимназіи, выдержалъ экзаменъ при дирекціи училищъ и получилъ дипломъ на право преподаванія французскаго языка. Съ этого времени онъ всецѣло посвятилъ себя воспитанію и обученію юношества въ качествѣ домашняго наставника дѣтей мѣстныхъ дворянъ, три поколѣнія которыхъ были его учениками. О плодотворности этой дѣятельности, всеобщей любви и уваженіи, которыя сумѣлъ внушить почтенный Николай Андреевичъ, свидѣтельствуютъ многочисленные аттестаты, выданные ему различными учрежденіями и лицами Саратовской губерніи за долголѣтній періодъ времени съ 1814 по 1874 гг. Въ этомъ году, достигнувъ преклоннаго

---

[1]) Насколько извѣстно, въ настоящее время кавалерами медали „Святой Елены» состоятъ четыре ветерана: J. Sabatier (на службѣ съ 1809 г.) 104 лѣтъ; Victor Baillot (103 лѣтъ), Pierre Rousset и Joseph Rose (102 лѣтъ). Всѣ они вышли въ отставку нижними чинами. Прим. автора.

106-лѣтняго возраста, онъ рѣшилъ, наконецъ, проститься съ своими учениками и удалиться на покой. Годы брали свое, трудовая и нелегкая обязанность наставника и воспитателя становилась не подъ силу старику: на ничтожныя сбереженія, которыя ему удалось сдѣлать въ теченіе своей 60-лѣтней педагогической дѣятельности, онъ пріобрѣлъ тотъ самый домикъ, въ которомъ до сихъ поръ живетъ старушка дочь его, и въ которомъ онъ самъ дожилъ на покоѣ послѣднія 20 лѣтъ своей жизни. Необычайная въ такіе преклонные годы тѣлесная бодрость только сравнительно недавно покинула необыкновеннаго старца. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ многимъ саратовцамъ памятна небольшая фигурка старика, почти согбеннаго, рано утромъ спѣшащаго на базаръ съ корзинкою въ рукѣ, или идущаго по воскреснымъ днямъ по направленію къ католической церкви, въ праздничномъ сюртукѣ, съ петличкою Почетнаго Легіона. Судя по словамъ самого Николая Андреевича и по отзывамъ мѣстныхъ старожиловъ, онъ всегда отличался чрезвычайной умѣренностью въ пищѣ, питьѣ и образѣ жизни. Пищу всегда ѣлъ самую простую, неприхотливую и особенно любилъ чай, который до послѣднихъ дней всегда пилъ съ большою охотою; весною и лѣтомъ проводилъ большую часть дня на воздухѣ, копаясь въ грядкахъ своего садика, и до послѣднихъ дней жизни всегда былъ на ногахъ. Смерть пришла къ нему тихо, неслышно, безъ всякихъ страданій. Прохворавъ нѣсколько дней, онъ во вторникъ, 29-го ноября 1894 года, почувствовалъ особенную слабость и, пригласивъ священника, пріобщился св. таинъ. Напутствовавшій его въ послѣднія минуты, настоятель римско-католической церкви, саратовскій деканъ, графъ Шембекъ, свидѣтельствуетъ о глубокой религіозности старца, всю жизнь свою бывшаго искреннимъ и добрымъ христіаниномъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ухода священника онъ тихо заснулъ вѣчнымъ сномъ. Отъ роду ему было 126 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 12 дней. Вскорѣ послѣ похоронъ Николая Андреевича [1]), принятыхъ на счетъ города Саратова, пожелавшаго почтить память старѣйшаго своего гражданина, С.-Петербургская французская колонія [2]) собрала подписку на памятникъ, который въ настоящее время сооруженъ дочерью его на мѣстномъ римско-католическомъ кладбищѣ, гдѣ и покоится «послѣдній ветеранъ великой арміи».

К. Военскій.

---

[1]) Подробности этихъ похоронъ сообщены были въ свое время въ мѣстныхъ саратовскихъ газетахъ и въ „Новомъ Времени“ отъ 14-го декабря 1894 года.

[2]) Послѣдняя также издала въ свѣтъ въ 1895-мъ году брошюру на французскомъ языкѣ подъ слѣдующимъ названіемъ: „Nicolas Savin, dernier vétéran de la Grande Armée. Savie. Sa mort“. (1768—1894) Saint-Pétérsbourg 1895 г.

Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

XII [1]).

Характеристика Екатерины.—Удаленіе гр. Орлова.—Женитьба Павла Петровича.—Пугачевскій бунтъ.—Возвышеніе Потемкина.

Многочисленныя заботы о внутреннемъ управленіи страною и самые разнообразные планы, клонившіеся къ расширенію предѣловъ Россіи, которые одни могли бы занять самый обширный умъ, не были въ состояніи заполнить жизнь Екатерины,—у нея оставалось еще много свободнаго времени, и она искала отдохновенія отъ трудовъ и заботъ дѣловой жизни въ удовольствіяхъ. Къ сожалѣнію, Екатерину было трудно занять. Дюранъ писалъ 4-го мая 1773 г.:

«Трагедія не нравится ей, комедія ей надоѣла; она не любитъ музыки; ея столъ самый неприхотливый; на игру она смотритъ только какъ на препровожденіе времени; въ садахъ ей нравятся однѣ розы; словомъ, она любитъ только возводить постройки и повелѣвать своимъ дворомъ, ибо удовольствіе, которое она находитъ царствовать и играть роль въ мірѣ, переходитъ у нея въ страсть».

Постоянство не было въ характерѣ Екатерины, и нѣкоторыя

[1]) См. «Русск. Старину» февраль 1896 г.

лица знали, что она не дорожила болѣе Орловымъ, и по мѣрѣ того какъ она становилась равнодушнѣе къ нему, его пылкая страсть къ императрицѣ также охладѣвала.

Гуннингъ писалъ 4-го августа 1772 г.:

«Фаворитъ, несмотря на все стараніе заслужить всеобщую любовь, также мало пользуется ею, какъ государыня. У него есть, какъ говорятъ, нѣкоторыя хорошія качества, но онъ не обладаетъ выдающимися способностями; онъ въ высшей степени неосторожень и легкомысленъ, часто оставляетъ императрицу одну, уѣзжая на охоту, или проводитъ время въ обществѣ лицъ совершенно неподходящихъ». Все это и послужило къ его удаленію. Теперь Екатерина стала открыто высказывать свое неудовольствіе, которое продолжалось довольно долго, такъ какъ г. Дюранъ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 4-го мая 1773 г.:

«Императрица сказала одному близкому ей лицу: я многимъ обязана Орловымъ; я осыпала ихъ деньгами и почестями, и всегда буду имъ покровительствовать; они могутъ, въ свою очередь, быть полезны мнѣ, но мое рѣшеніе принято безповоротно. Я терпѣла одиннадцать лѣтъ: я хочу жить наконецъ такъ, какъ мнѣ заблагоразсудится и совершенно независимо. Что касается князя, онъ можетъ дѣлать все, что ему вздумается: онъ воленъ путешествовать, или остаться въ Россіи, пить, охотиться, онъ можетъ занять свои прежнія должности и завѣдывать вновь дѣлами. Если онъ будетъ вести себя какъ слѣдуетъ, то заслужитъ всеобщее уваженіе; ежели поведетъ себя дурно,—покроетъ себя позоромъ.—Природа создала его русскимъ мужикомъ, таковымъ онъ останется до смерти. Въ любви онъ такъ же неразборчивъ, какъ въ ѣдѣ: калмычка, финляндка и самая изящная придворная дама въ этомъ отношеніи для него безразличны; такова его бурлацкая натура. Въ то же время онъ не глупъ и вовсе не золъ отъ природы. Преобладающая его страсть—скупость».

13-го апрѣля того же года Дюранъ писалъ снова объ Орловѣ, недостатки котораго стали замѣтнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ немилости:

«Его интересуютъ одни пустяки. Хотя онъ и занимается иногда повидимому серьезными дѣлами, но это дѣлается имъ безо всякой

системы; говоря о серьезныхъ вещахъ, онъ впадаетъ въ противорѣчіе, и его взгляды свидѣтельствуютъ, что онъ еще очень молодъ душою, мало образованъ, жаждетъ славы, весьма плохо имъ понимаемой, неразборчивъ во вкусахъ, часто проявляетъ безпричинную дѣятельность, вызванную простою прихотью, и не умѣетъ пользоваться своимъ вліяніемъ и богатствомъ, но страстно желаетъ сохранить и то и другое».

Съ удаленіемъ г. Орлова Екатерина задумала женить великаго князя, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе и чѣмъ-нибудь занять его мысли.

Фридрихъ II, услыхавъ объ этомъ намѣреніи государыни и желая упрочить тѣсный союзъ, безъ того существовавшій между Пруссіей и Россіей, ибо какъ разъ въ это время происходилъ раздѣлъ Польши, позаботился о томъ, чтобы выборъ Екатерины палъ на вторую дочь ландграфа Гессенскаго, старшая дочь котораго была супругою прусскаго королевскаго принца. Этотъ союзъ былъ заключенъ 10-го октября 1773 года.

Къ счастью, великій князь очень полюбилъ свою супругу и такъ какъ это была личность весьма ловкая, то хотя она и не обладала особеннымъ умомъ, но съумѣла какъ нельзя лучше управлять мужемъ, и Екатерина постаралась привлечь ее на свою сторону. Это было не трудно, но за оказанныя ей услуги императрицѣ пришлось заплатить весьма оригинальнымъ образомъ, надъ чѣмъ, впрочемъ, она вѣроятно нисколько не задумалась. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Фридрихъ въ послѣдней части своихъ мемуаровъ: «Поведеніе великой княгини не соотвѣтствовало тому, что можно было ожидать отъ особы ея званія. Она пріѣхала въ Петербургъ въ самый разгаръ всевозможныхъ козней и происковъ, когда дворъ былъ взволнованъ интригами иностранныхъ посланниковъ. Французскій и испанскій посланники употребляли все свое стараніе, чтобы посѣять раздоръ между Россіей, Австріей и Пруссіей. Для достиженія своихъ цѣлей, они сочли за лучшее образовать партію, которая была бы къ ихъ услугамъ, и вообразили, что если имъ удастся привлечь на свою сторону великую княгиню, то остальное устроится само собою. Съ этой цѣлью, они подкупили графа Разумовскаго, состоявшаго при особѣ великаго князя. Поддав-

шись ихъ навѣтамъ, онъ сталъ дѣйствовать съ такою смѣлостью, что сдѣлался близкимъ великой княгинѣ, къ которой имѣлъ свободный доступъ, благодаря милостивому отношенію къ нему великаго князя.

«Въ это время, Екатерина имѣла еще иной, болѣе серьезный поводъ тревоги. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, одинъ донской казакъ, по имени Пугачевъ, сталъ выдавать себя за Петра III и взбунтовалъ всѣ внутреннія области имперіи, сражаясь отважно во главѣ толпы крестьянъ съ войсками, высланными противъ него. Гдѣ бы Пугачевъ ни появился, онъ вездѣ находилъ приверженцевъ и послѣ каждаго пораженія, когда его считали подавленнымъ численностью регулярнаго войска, онъ появлялся вновь, болѣе грозный, чѣмъ вначалѣ. Онъ встрѣчалъ постоянно поддержку въ недовольствѣ сельскаго населенія, которое толпами выходило ему навстрѣчу и привѣтствовало его, какъ своего избавителя; вся сила этого смѣлаго искателя приключеній заключалась въ тогдашней плохой администраціи страны».

Гуннингъ писалъ 25-го февраля 1774 г.:

«Всѣ замѣчаютъ, что характеръ императрицы послѣднее время чрезвычайно измѣнился; она не поражаетъ уже той любезностью и снисходительностью, которыя составляли ея отличительныя черты. Затруднительное положеніе дѣлъ угнетаетъ ея здоровье и настроеніе духа, тѣмъ болѣе, что одно изъ бѣдствій, отъ коихъ страдаетъ Россія,—война съ Турціей, все еще продолжается, и въ этомъ обвиняютъ императрицу. Дѣйствительно, эта война вызываетъ почти всеобщее неудовольствіе. Но императрица, кажется, рѣшилась не обращать вниманіе на жалобы, которыя роздаются со всѣхъ сторонъ; а онѣ усиливаются съ каждымъ днемъ, и ихъ высказываютъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Хотя поведеніе большинства правительственныхъ чиновниковъ заслуживаетъ тѣхъ порицаній, которыя раздаются противъ этихъ лицъ, но государыня ихъ защищаетъ, и, что всего удивительнѣе, она вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно имъ не довѣряетъ, такъ какъ исключительнымъ ея довѣріемъ пользуются одни Орловы».

Екатерина придумала оригинальный способъ отдѣлаться отъ

всѣхъ своихъ заботъ и непріятностей: она приблизила къ себѣ человѣка, съ которымъ не разставалась до его кончины.

Гуннингъ писалъ 15-го марта 1774 г.:

«У насъ произошла здѣсь перемѣна декорацій, заслуживающая, по моему мнѣнію, гораздо болѣе вниманія, нежели всѣ событія, совершившіяся съ самаго начала настоящаго царствованія. Г-нъ Васильчиковъ, человѣкъ слишкомъ ограниченный, чтобы имѣть какое-либо вліяніе на дѣла и пользоваться довѣріемъ государыни, уступилъ мѣсто другому фавориту, который, судя по всему, будетъ пользоваться и тѣмъ и другимъ. Если я скажу, что выборъ императрицы осуждается одинаково партіей великаго князя и Орловыми, которые, кажется, были вполнѣ довольны положеніемъ дѣлъ въ послѣднее время, то вы не удивитесь, что этотъ выборъ не только вызвалъ всеобщее изумленіе, но даже повергъ всѣхъ въ ужасъ. — Если бы я не зналъ этой страны, то выводя изъ всего случившагося естественныя послѣдствія, ожидалъ бы отъ этого событія самыхъ печальныхъ послѣдствій. Но такъ какъ было бы слишкомъ легкомысленно и самонадѣянно выводить изъ столь недавняго событія какія бы то ни было заключенія, то я ограничусь пока, назвавъ вамъ имя того, кто столь неожиданно достигъ такого выдающагося положенія, и только намѣчу вамъ отличительныя черты его характера.

«Это генералъ Потемкинъ, съ мѣсяцъ тому назадъ пріѣхавшій изъ арміи, гдѣ онъ находился въ теченіе всей войны и гдѣ, какъ говорятъ, его всѣ ненавидѣли. Въ моментъ переворота онъ былъ сержантомъ гвардіи и такъ какъ онъ былъ пріятелемъ Орловыхъ и принималъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ, то былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ. Въ этой должности, онъ часто имѣлъ случай приближаться къ особѣ Ея Величества, и поведеніе его возбудило ревность его патрона, гр. Орлова. Вслѣдствіе чего, не знаю подъ какимъ предлогомъ, онъ былъ посланъ въ Швецію и по возвращеніи оттуда былъ не у дѣлъ [1]) до начала войны; произведенный въ это время въ генералъ-маіоры, онъ находился всю кампанію безотлучно при арміи. Это человѣкъ исполинскаго роста, но дурно сложенный и далеко не красивый собою. Судя по тому, какимъ мнѣ его описали, на-

[1]) Свѣдѣнія, сообщаемыя посломъ, невѣрны. Ред.

добно полагать, что онъ прекрасно знаетъ людей и лучше умѣетъ судить о нихъ, чѣмъ большинство русскихъ, которые вовсе этимъ не могутъ похвастать; хотя онъ отличается завѣдомо весьма испорченными нравами, но имѣетъ большія связи съ духовенствомъ. Благодаря всему этому и безпечности тѣхъ лицъ, съ кѣмъ ему придется вступить въ борьбу, онъ, конечно, можетъ льстить себя надеждою достигнуть того высокаго положенія, котораго онъ жаждетъ по своему непомѣрному тщеславію».

Три дня спустя, 18-го марта, Гуннингъ писалъ еще:

«Новый фаворитъ, который вѣроятно знаетъ, что положеніе имъ занятое, не нравится Орловымъ, старательно ухаживаетъ за Панинымъ, надѣясь, что великій князь взглянетъ такимъ образомъ благосклоннѣе на его повышеніе. Съ тѣхъ поръ какъ онъ въ милости, императрица относится внимательнѣе къ великому князю и оказываетъ необыкновенныя отличія Панину; а послѣдній, кажется, вполнѣ доволенъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, ибо его радуетъ весьма естественно все то, что можетъ уменьшить вліяніе Орловыхъ. Остается вопросъ, будетъ ли гр. Захаръ Чернышевъ доволенъ тѣмъ, что подобное положеніе занялъ человѣкъ, стоящій гораздо выше его по способностямъ и ловкости».

Очевидно, Екатерина дала понять великому князю и его воспитателю, который имѣлъ на него огромное вліяніе, что лучшимъ средствомъ быть съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ было сдѣлаться друзьями ея новаго любимца. Великая княгиня, которая со своей стороны имѣла вѣскія причины ладить съ императрицею, присоединилась къ Панину, чтобы уговорить великаго князя взять сторону Потемкина. Вслѣдствіе этого повѣренный въ дѣлахъ Англіи, Гуннингъ, могъ писать 29-го апрѣля 1774 г.:

«Какова бы ни была тревога, испытываемая государыней послѣднее время, несомнѣнно, что поведеніе великаго князя тутъ не при чемъ, такъ какъ она имѣетъ въ настоящее время многія причины быть имъ довольной. Она высказала недавно, что весьма обязана великой княгинѣ тѣмъ, что она возвратила ей сына, и будетъ всю жизнь стараться отплатить ей за эту услугу. Дѣйствительно, она пользуется всякимъ случаемъ быть пріятной этой принцессѣ, которая, не обладая особымъ умомъ, съумѣла однако пріобрѣсти боль-

шое вліяніе на великаго князя, и примѣняетъ, повидимому, съ большимъ успѣхомъ уроки, преподанные ей вѣроятно ея матерью, ландграфиней Гессенской. Въ настоящее время великій князь находитъ удовольствіе только въ ея обществѣ. Желаніе быть популярнымъ, которое было такъ замѣтно въ поведеніи великаго князя, кажется, совсѣмъ исчезло, уступивъ мѣсто другой крайности,—желанію быть чрезмѣрно любезнымъ со всякимъ, кто только имѣетъ доступъ къ нему. Эта перемѣна, разумѣется, весьма пріятная императрицѣ, можетъ быть не болѣе какъ комедія, но, судя по всему, что я слышалъ о немъ послѣднее время, и насколько я могу заключить по моему собственному впечатлѣнію, признаться, я отнюдь не рѣшусь приписать это разсчету. Въ томъ положеніи, въ какомъ находится великій князь, трудно опредѣлить его характеръ по его поступкамъ, но пока можно сказать, что у него нѣтъ характера, что онъ легко поддается впечатлѣніямъ, которыя безъ труда можно ему внушить, но за то они также быстро изглаживаются. Поэтому, тщательно выбирая лицъ, къ нему приставляемыхъ, императрица можетъ, до извѣстной степени, внушить ему тѣ чувства, которыя она желала бы въ немъ видѣть».

Потемкинъ не былъ человѣкъ заурядный. Онъ совершенно не походилъ на своихъ предшественниковъ и не довольствовался тою ролью, которая ихъ удовлетворяла. Счастье необыкновенно улыбнулось ему; его вліяніе и власть, съ первыхъ же дней милости къ нему государыни, были необычайны. Поэтому Гуннингъ имѣлъ основаніе писать 6-го мая:

«Поведеніе новаго фаворита подтверждаетъ, повидимому, все то, что я слышалъ о подвижности его ума и объ его проницательности, но оно свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ объ отсутствіи въ немъ обдуманности и осторожности. Онъ пользуется чрезвычайной милостью императрицы, поэтому повышеніе его будетъ вѣроятно очень быстрое».

Четыре дня спустя, 10-го мая, онъ писалъ:

«Дѣйствительно, Потемкинъ достигъ гораздо большей власти, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, если взять во вниманіе, какъ недавно онъ находится въ милости; впрочемъ, онъ не упускаетъ случая доказать это на дѣлѣ. Такъ напр. на дняхъ, своею властью,

вопреки повелѣнію Сената, онъ распорядился виннымъ откупомъ, самой прибыльной статьею государственныхъ доходовъ, такимъ образомъ, который вѣроятно не принесетъ особенныхъ выгодъ казнѣ».

17-го мая онъ писалъ:

«Хотя нѣтъ страны, гдѣ бы фавориты возвышались такъ быстро какъ въ Россіи, но и здѣсь не было до сихъ поръ примѣра, чтобы кто-либо былъ повышенъ столь быстро, какъ Потемкинъ. Къ великому изумленію большинства членовъ Совѣта, ген. Потемкинъ занялъ вчера мѣсто среди нихъ».

А десять дней спустя, 27-го мая, онъ писалъ:

«Потемкинъ по-прежнему находится въ величайшей дружбѣ съ Панинымъ и въ Совѣтѣ какъ будто старается руководствоваться его взглядами, а когда мнѣнія раздѣляются, то онъ всегда держитъ его сторону».

Вліяніе и власть гр. Панина, которыя сказывались преимущественно въ дѣлахъ иностранной политики, первое время не слишкомъ тревожили Потемкина, такъ какъ онъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлаться сперва полновластнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Взять въ свои руки управленіе военнымъ вѣдомствомъ, во главѣ котораго стоялъ гр. Захаръ Чернышевъ, вотъ чего онъ особенно добивался, но Чернышевъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые добровольно отказываются отъ власти. Не такъ легко было добиться и его отставки, такъ какъ Екатерина, какъ мы видѣли, до извѣстной степени любила этого министра и вообще не охотно увольняла своихъ старыхъ слугъ. Для достиженія своей цѣли, Потемкинъ избралъ окольный путь и такимъ образомъ, какъ увидимъ, добился желаемаго. Гуннингъ писалъ 27-го мая 1774 г.:

«Расходы Россіи значительно превышаютъ ея доходы, и притомъ въ такой степени, что въ настоящее время всѣ служащіе не получали жалованія за 8 мѣсяцевъ. Денежныя затрудненія, испытываемыя правительствомъ, вызвали необходимость въ ревизіи кассовыхъ суммъ во всѣхъ министерствахъ. При этомъ были обнаружены громадные недочеты и вопіющія злоупотребленія».

Въ одной изъ позднѣйшихъ депешъ того же англійскаго послан-

ника мы находимъ подробности объ этой ревизіи; онъ писалъ 26-го іюля:

«Увѣряютъ, будто гр. Чернышевъ сознался, что онъ употребилъ на свои личные расходы 100 тысячъ рублей изъ кассы своего министерства. Онъ объясняетъ это затруднительнымъ положеніемъ своихъ дѣлъ».

Ударъ былъ нанесенъ мѣтко, и Гуннингъ писалъ не далѣе какъ 14-го іюня:

«Генералъ Потемкинъ назначенъ на дняхъ вице-президентомъ военной коллегіи, со званіемъ генералъ-аншефа».

Это былъ большой шагъ впередъ, но Потемкину этого было мало. Нѣсколько дней спустя, 21-го іюня, Гуннингъ пишетъ:

«Генералъ Потемкинъ назначенъ помощникомъ гр. Захара Чернышева по управленію военнымъ вѣдомствомъ. Послѣднему нанесенъ этимъ такой ударъ, что, несмотря на всю его податливость и легкость, съ какою онъ покоряется тому, чего онъ не въ силахъ избѣжать, онъ по всей вѣроятности не долго будетъ въ состояніи сохранить занимаемый имъ постъ. Какъ бы ни исполнялъ обязанности съ нимъ сопряженныя, его преемникъ, государство немного потеряетъ отъ этой перемѣны, но, принимая во вниманіе характеръ Потемкина, которому императрица видимо намѣрена безраздѣльно ввѣрить бразды правленія, можно опасаться, чтобы она этимъ не создала себѣ цѣпей, которыя ей не легко будетъ съ себя сбросить. Это назначеніе чрезвычайно встревожило Орловыхъ. Говорятъ, будто оно вызвало болѣе чѣмъ простое объясненіе и что между императрицею и княземъ Орловымъ произошла по этому поводу крупная ссора. Прибавляютъ, что она была взволнована этимъ разговоромъ болѣе, чѣмъ когда-либо, и уговорила князя путешествовать, что онъ и думаетъ исполнить тотчасъ по возвращеніи изъ Москвы».

Между тѣмъ Потемкинъ, вполнѣ увѣренный въ совершенномъ довѣріи къ нему императрицы и довольный повышеніемъ, котораго онъ достигъ такъ быстро, кажется, только и думалъ о томъ, какъ бы угодить Екатеринѣ и развлечь ее отъ серьезныхъ правительственныхъ заботъ самыми пустяшными удовольствіями, въ коихъ онъ принималъ участіе со свойственной ему подвижностью и легкомысліемъ, которыя составляли отличительныя черты его характера. Мно-

гіе современники были обмануты этимъ внезапнымъ превращеніемъ честолюбца въ человѣка, ищущаго однихъ только удовольствій.

Гуннингъ писалъ 23-го августа 1774 г.:

«Насколько я могу судить по разговорамъ съ Потемкинымъ, онъ, кажется, вовсе не одаренъ тѣми способностями и достоинствами, которыя всѣ за нимъ признали. Онъ высказываетъ, напротивъ, большое легкомысліе и величайшую склонность къ самымъ пустяшнымъ удовольствіямъ».

Въ сущности, именно въ это время для Екатерины было какъ нельзя болѣе важно отвлечься отъ заботъ, причиненныхъ ей Пугачевскимъ бунтомъ, который, несмотря на всѣ усилія, ей никакъ не удавалось подавить. Гуннингъ писалъ 9-го сентября 1774 г.:

«Гдѣ бы ни появился Пугачевъ, вездѣ онъ находилъ сторонниковъ; такимъ образомъ, хотя онъ постоянно терпитъ пораженія въ стычкахъ съ войсками, но ему легко подкрѣпить свои силы и появиться снова болѣе грознымъ, чѣмъ когда-либо».

23-го сентября того же года онъ писалъ:

«Одинъ офицеръ привезъ извѣстіе, что Пугачевъ разбитъ между Царицынымъ и Астраханью. Излагая императрицѣ положеніе дѣлъ въ тѣхъ губерніяхъ, откуда онъ только-что вернулся, онъ высказалъ ей съ полною откровенностью, что всѣ люди, желающіе ей добра, должны бы давно убѣдиться въ томъ, что неудовольствіе народа едва-ли не повсемѣстно и что у самыхъ воротъ столицы крестьяне называютъ Пугачева не иначе, какъ Петромъ III, а въ средѣ духовенства и дворянства раздаются жалобы на то, что имъ приходится страдать отъ императорскихъ войскъ не менѣе, какъ отъ Пугачева, и что слѣдуетъ принять всевозможныя мѣры къ тому, чтобы разсѣять враждебное настроеніе, мало-по-малу овладѣвающее всѣми».

Сообщая, въ депешѣ отъ 9-го декабря, о поимкѣ Пугачева, Гуннингъ присовокупляетъ:

«Мнѣ передавали, что императрица дала полномочіе Сенату произнести надъ Пугачевымъ приговоръ по его собственному усмотрѣнію и что этимъ она исключаетъ всякую надежду на его помилованіе, которое, какъ она сама мнѣ сказала, было бы въ настоящемъ случаѣ неумѣстнымъ».

Потемкинъ болѣе всѣхъ способствовалъ прекращенію бунта и водворенію спокойствія при дворѣ.

Гуннингъ писалъ 22-го ноября 1774 г.:

«Съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ сюда, мнѣ не случалось видѣть, чтобы жизнь текла при дворѣ такъ мирно, почти безо всякихъ интригъ, какъ послѣдніе мѣсяцы. Даже безпокойный и неугомонный нравъ княгини Дашковой не могъ нарушить царствующаго здѣсь спокойствія. Конечно, это можно приписать отсутствію гр. Захара Чернышева, который былъ зачинщикомъ всевозможныхъ интригъ».

На самомъ дѣлѣ въ Петербургѣ царилъ Потемкинъ, и его вліяніе дотого упрочилось, что никто не видѣлъ возможности поколебать его. Повредить ему могъ бы одинъ Орловъ, такъ какъ Екатерина, возвратившись отчасти къ своимъ прежнимъ чувствамъ, оказывала ему величайшее вниманіе. Но Орловъ мало интересовался вліяніемъ своего новаго преемника и ничего такъ не желалъ, какъ жить спокойно.

Гуннингъ писалъ 22-го ноября 1774 г.:

«Кн. Орловъ, со своей обычной лѣнью, не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы помѣшать карьерѣ своего преемника или чтобы ограничить чрезвычайную власть, коей онъ пользуется».

Его братья не обладали столь кроткимъ характеромъ и видѣли съ негодованіемъ быстрое возвышеніе человѣка, который былъ ихъ креатурой и вспоминалъ о нихъ только съ тѣмъ, чтобы выказывать имъ свое недоброжелательство.

Гуннингъ писалъ 20-го декабря 1774 г.:

«Братья гр. Орлова, видя, что власть и значеніе новаго фаворита ростутъ съ каждымъ днемъ, и не надѣясь, чтобы его вліяніе поколебалось въ недалекомъ будущемъ, рѣшили, какъ говорятъ, оставить службу».

Потемкинъ, со свой стороны, не обращалъ, повидимому, никакого вниманія на злобу и вражду братьевъ Орлова. Его занимала гораздо болѣе мысль, какимъ образомъ поколебать вліяніе единственнаго министра, котораго ему никакъ не удавалось превзойти властью и котораго было гораздо труднѣе побороть, нежели гр. Захара Чернышева.

Это не значитъ, что Потемкинъ желалъ занять мѣсто гр. Панина,

или хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣла его вѣдомства. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ не нуждался въ поддержкѣ гр. Панина и при своемъ завистливомъ характерѣ не могъ видѣть равнодушно огромное вліяніе и власть, коими пользовался этотъ министръ, то онъ употреблялъ втайнѣ всѣ усилія, чтобы уронить его во мнѣніи Екатерины или хотя поколебать его вліяніе. Съ этой цѣлью имъ былъ представленъ ко двору дипломатъ, имя котораго, само по себѣ, уже было рекомендаціей и которому онъ покровительствовалъ, какъ сопернику Панина, а быть можетъ со временемъ и его замѣстителю: это былъ сынъ бывшаго канцлера Остермана, который, впрочемъ, далеко не наслѣдовалъ ни ума, ни способностей своего отца.

Гуннингъ писалъ 25-го мая 1775 года:

«Вліяніе графа Панина у императрицы замѣтно колеблется; увѣряютъ, будто въ послѣднее время два или три дѣла были рѣшены Остерманомъ безъ вѣдома Панина.

XIII.

Характеристика приближенныхъ Екатерины.—Значеніе князя Потемкина. Положеніе Россіи среди европейскихъ державъ. — Сановники и общество.— Отношенія императрицы къ сыну.—Характеръ наслѣдника престола и отношенія его къ людямъ, окружающимъ императрицу.

Екатеринѣ недолго пришлось радоваться готовности своей невѣстки служить ей; она вскорѣ убѣдилась въ томъ, что великая княгиня, для вида проповѣдуя своему супругу полнѣйшую покорность, на самомъ дѣлѣ побуждала его заявлять свои права и отстаивать, до извѣстной степени, свою независимость по отношенію къ матери. Сдѣлавъ это непріятное открытіе, Екатерина удвоила строгость и недовѣріе къ сыну. Послѣдній не особенно довѣрялъ ей и старался болѣе чѣмъ когда-либо быть ей непріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ держалъ себя такъ въ особенности во время пребыванія Екатерины въ Москвѣ въ 1778 г. Хотя при дворѣ и въ Петербургѣ, этомъ чиновничьемъ, по-преимуществу, городѣ, Екатерина была окружена самымъ раболѣпнымъ низкопоклонствомъ, но она не была любима подданными; менѣе всего ее любили въ Москвѣ.

Англійскій посланникъ Гуннингъ, послѣдовавшій, въ составѣ дипломатическаго корпуса, за императрицею въ Москву, писалъ оттуда 6-го февраля 1775 г.:

«Императрица, сопровождаемая великимъ княземъ и великою княгинею, совершила торжественный въѣздъ въ эту столицу. Народъ, толпившійся на улицахъ, по которымъ она слѣдовала, едва привѣтствовалъ ее нѣсколькими возгласами, не выказавъ ни малѣйшей радости. Посѣщеніе Москвы императрицею непріятно жителямъ этого города, какъ дворянамъ, такъ и простому народу; Ея Величество знаетъ это, а равно и то, что они не особенно ее любятъ: москвичи, со своей стороны, знаютъ невыгодное о нихъ мнѣніе императрицы и понимаютъ, что тѣ чувства, которыя они обнаружили недавно по поводу одного событія, должны были еще болѣе утвердить ее въ этомъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, счастье Екатерины, что Пугачевъ былъ неспособенъ составить какой-либо опредѣленный планъ дѣйствій,—пойди онъ только на Москву, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что все населеніе присоединилось бы къ нему и что большинство дворянъ, со свойственной имъ нерѣшительностью, не приняли бы никакихъ мѣръ сопротивленія; въ такомъ случаѣ мятежъ охватилъ бы всю имперію».

Французскій посланникъ передаетъ, что никогда еще холодность и антипатія московскихъ жителей не выказывались столь ярко, какъ въ день рожденія императрицы. Г-нъ Дюранъ писалъ 8-го мая 1775 года:

«Императрица не могла скрыть своего удивленія по поводу того, какъ мало лицъ съѣхалось на пріемъ въ такой день, когда балъ и ужинъ должны были привлечь во дворецъ всѣхъ особъ первыхъ классовъ столь населеннаго города, какъ Москва. Она говорила о пустотѣ, царившей на этомъ балѣ, въ такомъ тонѣ, который показываетъ, что она была этимъ весьма оскорблена».

Екатерина избрала этотъ день для обнародованія одной мѣры, которой требовало общественное мнѣніе и которая могла бы возбудить если не восторгъ, то, по крайней мѣрѣ, признательность въ населеніи большаго города. Г-нъ Дюранъ писалъ въ той же депешѣ отъ 8-го мая:

«Императрица уменьшила налогъ на соль, и полиціймейстеръ

поспѣшилъ изъ дворца сообщить населенію объ этой милости, въ которой заинтересовано главнымъ образомъ простонародье. Вмѣсто восторженныхъ криковъ радости, коихъ ожидала императрица, мѣщане и горожане перекрестились и разошлись молча. Императрица, стоя у окна, не выдержала и сказала во всеуслышаніе: «Какое тупоуміе!».

Зато великій князь, очевидно, былъ кумиромъ московскаго населенія. Ему стоило только показаться, какъ его привѣтствовали радостными возгласами, составлявшими рѣзкую противоположность съ тою сдержанностью, которую они проявляли относительно его матери. Онъ былъ въ восторгѣ отъ этого отличія, льстившаго его тщеславію, не старался скрывать своего удовольствія и держалъ себя такъ, что это могло увеличить, но никакъ не уменьшить, оказываемый ему восторженный пріемъ. Гуннингъ писалъ 27-го марта 1775 г.:

«Любовь къ народу, которую великій князь выказалъ при вступленіи въ городъ во главѣ своего полка, разговаривая съ окружавшими его простолюдинами, дозволивъ толпѣ, стѣснившей его совершенно, отдѣлить себя отъ полка, и вызванное этимъ радостное настроеніе народа были причиною большаго неудовольствія; и это поведетъ, вѣроятно, къ тому, что ему не дадутъ вторично случая показаться такимъ образомъ среди толпы».

Эта популярность, радовавшая великаго князя, казалась весьма обидной Екатеринѣ. Дюранъ писалъ изъ Москвы 8-го мая 1775 г.:

«Императрица подарила великому князю въ день своего рожденія не особенно цѣнные часы, Потемкину же пожаловала 50.000 рублей, — сумму, въ которой весьма нуждался великій князь и которую онъ тщетно себѣ испрашивалъ. Этотъ отказъ и предпочтеніе, оказываемое Потемкину, все болѣе и болѣе озлобляютъ молодаго великаго князя противъ матери и противъ фаворита, который всѣмъ распоряжается, между тѣмъ какъ человѣкъ, которому слѣдовало бы быть на престолѣ, нуждается въ средствахъ».

Великій князь уже до этого отъ души возненавидѣлъ фаворита, который, желая, вѣроятно, угодить императрицѣ, пересталъ оказывать ему уваженіе, должное его сану и происхожденію. Гуннингъ писалъ 27-го марта 1775 г.:

«Увѣряютъ, будто между великимъ княземъ и Потемкинымъ произошло горячее объясненіе по поводу выраженнаго послѣднимъ требованія, чтобы ему представляли рапортъ отъ полка его высочества».

Если вѣрить тому, что писалъ англійскій посланникъ въ той же депешѣ отъ 27-го марта, великій князь не могъ снискать любви и уваженія тѣхъ, кто видѣлъ его вблизи.

«Поведеніе великаго князя, послѣднее время, дотого напоминало во многихъ отношеніяхъ поведеніе его отца (Петра III), что это вызвало со стороны лицъ, которыя имѣютъ возможность судить о томъ, весьма печальныя размышленія по поводу того, какимъ образомъ онъ можетъ воспользоваться властію, когда она будетъ въ его рукахъ. Увѣряютъ, будто Панинъ уже не имѣетъ на него ни малѣйшаго вліянія и только искренно сокрушается, когда слышитъ о легкомысліи и неосторожности, которыя онъ безпрестанно проявляетъ точно такъ же, какъ и великая княгиня».

Вмѣсто того, чтобы обвинять себя въ непріязненномъ отношеніи къ ней сына и за заботы, которыя онъ ей доставлялъ, и видѣть въ этомъ послѣдствіе полученнаго имъ дурнаго воспитанія, Екатерина винила во всемъ великую княгиню. Въ этомъ случаѣ она была отчасти права, ибо великая княгиня отъ природы была скорѣе тщеславна, нежели честолюбива, и не могла помириться съ тою второстепенною ролью, которую ей приходилось играть при дворѣ, надъ которымъ ей было суждено со временемъ властвовать. Судьба, предупреждавшая самыя сокровенныя желанія Екатерины, устранила съ ея пути этотъ источникъ заботъ и непріятностей. Великая княгиня скончалась въ родахъ, разрѣшившись отъ бремени мертвымъ младенцемъ. Г-нъ Оксъ, замѣстившій Гуннинга, писалъ нѣсколько времени спустя, а именно 26-го апрѣля 1776 г.:

«Великій князь былъ два дня въ страшномъ отчаяніи. Принцъ Генрихъ прусскій находился все это время при немъ безотлучно. Императрица выказала по этому случаю величайшее вниманіе своей невѣсткѣ, не отходила отъ нея до послѣдней минуты и обнаружила величайшее безпокойство».

Если вѣрить Фридриху, то путешествіе его брата, принца Генриха въ Петербургъ имѣло цѣлью главнымъ образомъ «предупре-

дить тѣ послѣдствія, какія могло имѣть неудовольствіе императрицы» по поводу дурнаго поведенія великой княгини, которое, какъ наивно замѣчаетъ Фридрихъ «не соотвѣтствовало тому, чего можно было ожидать отъ особы ея происхожденія. Едва принцъ Генрихъ успѣлъ пріѣхать и былъ принятъ, — продолжаетъ онъ, — какъ великая княгиня скончалась. Принцъ, присутствовавшій при ея кончинѣ, помогъ императрицѣ въ этомъ несчастномъ событіи по мѣрѣ своихъ силъ. Онъ особенно заботился о великомъ князѣ, который былъ совершенно убитъ новымъ и печальнымъ для него зрѣлищемъ. Принцъ не оставлялъ его и не только успѣлъ возстановить его физическія силы, но верхомъ искусства съ его стороны было примирить мать съ сыномъ, коихъ несогласіе и непріязненныя отношенія чрезвычайно усилились со времени брака великаго князя съ великой княгинею и внушали опасеніе, что это могло повести къ прискорбнымъ для той и другаго послѣдствіямъ. Императрица была очень тронута услугой, оказанной ей принцемъ Генрихомъ, и съ тѣхъ поръ его вліяніе увеличивалось съ каждымъ днемъ. Онъ не замедлилъ воспользоваться этимъ какъ нельзя лучше. Императрица вознамѣрилась въ скоромъ времени вторично женить своего сына; принцъ Генрихъ предложилъ ей принцессу виртембергскую, внучку короля прусскаго, и это предложеніе тотчасъ было принято». Дѣйствительно, печаль великаго князя была непродолжительна. Онъ обвѣнчался въ сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года съ принцессой виртембергской, и Екатеринѣ пришлось только радоваться этому выбору, такъ какъ эта принцесса была во всѣхъ отношеніяхъ совершенной противоположностью скончавшейся великой княгини. Объ этой принцессѣ, одаренной, повидимому, наилучшими качествами, всѣ отзывались сочувственно. Она пріобрѣла, съ самаго своего пріѣзда въ Россію, всеобщую любовь и уваженіе и сумѣла достигнуть уваженія и довѣрія своего супруга. Г-нъ Оксъ писалъ 13-го сентября 1776 г.:

«Придворные отзываются о принцессѣ виртембергской съ величайшею похвалою, восхищаются ея красотою и обходительностью. Великій князь такъ любитъ ее, что она будетъ вѣроятно имѣть надъ нимъ не менѣе власти, какъ ея предшественница, но, благодаря выдающемуся уму, конечно, лучше сумѣетъ ею воспользоваться».

15-го октября того же года онъ писалъ:

«Великая княгиня продолжаетъ очаровывать окружающихъ своею любезностью и граціей. Поэтому въ императорской семьѣ царствуетъ въ настоящее время, кажется, бо́льшее согласіе, чѣмъ когда-либо».

Но 29-го іюля 1777 г. Оксъ сообщалъ:

«Первая великая княгиня управляла супругомъ деспотически, не давая себѣ даже труда показывать ему малѣйшее расположеніе, между тѣмъ какъ настоящая великая княгиня, отличаясь самымъ кроткимъ и очаровательнымъ обхожденіемъ, далеко не имѣетъ на него вліянія. Конечно, это не дѣлаетъ особенной чести характеру и уму великаго князя».

Заботы и треволненія, которыя доставили Екатеринѣ поведеніе ея невѣстки и ея кончина, не могли ее отвлечь отъ ея собственныхъ дѣлъ. Потемкинъ, оставаясь по-прежнему первымъ лицомъ, пользовался довѣріемъ Екатерины болѣе, нежели всѣ его предшественники; его власть во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ была неограниченна.

Гуннингъ писалъ 16-го октября 1775 г.:

«Потемкинъ принималъ, въ день своего ангела, поздравленія отъ всего дворянства и отъ всѣхъ классовъ общества. Императрица пожаловала ему 100.000 рублей».

Несмотря на всѣ преимущества Потемкина и на его стараніе остаться единственнымъ властелиномъ сердца Екатерины, онъ вскорѣ убѣдился, что это была вещь невозможная. Благодаря интригѣ, которой руководилъ фельдмаршалъ Румянцевъ и въ которой участвовали всѣ придворные, завидовавшіе вліянію фаворита, при дворѣ появился ему соперникъ; онъ сумѣлъ обратить милостивое вниманіе императрицы, понравился съ перваго взгляда и былъ принятъ весьма благосклонно. Это былъ молодой Завадовскій, уроженецъ Украйны, служившій въ началѣ суфлеромъ въ придворномъ театрѣ, затѣмъ секретаремъ и адъютантомъ Румянцова. Онъ перешелъ на службу Екатерины въ званіи ея личнаго секретаря, что̀ открывало ему свободный доступъ къ императрицѣ. Преемникъ г. Гуннинга, Оксъ, писалъ 12-го января 1776 г.:

«Императрица начинаетъ смотрѣть совершенно иначе на вольности, которыя позволяетъ себѣ ея фаворитъ. Просьба объ отставкѣ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, поданная ему гр. Але-

ксѣмъ Орловымъ, обидѣла императрицу до такой степени, что она заболѣла. Однако, начинаютъ поговаривать втихомолку, будто одна личность, рекомендованныя ей фельдмаршаломъ Румянцевымъ, имѣетъ большую надежду овладѣть ея полнымъ довѣріемъ».

Несмотря на то Потемкинъ пользовался, по-прежнему, ея полнымъ довѣріемъ и не выказалъ ни малѣйшей ревности къ этому второстепенному сопернику. Онъ не только остался при дворѣ, но пользовался прежнимъ значеніемъ и прежнимъ вліяніемъ на государственныя дѣла; поэтому г. Оксъ вполнѣ могъ писать 2-го января 1776 г.: «Вліяніе Потемкина, кажется, сильнѣе, чѣмъ когда-либо».

Потемкинъ, не довольствуясь тѣмъ, что ему удалось сохранить свое прежнее положеніе, старался даже еще болѣе упрочить его и всѣми силами добивался отставки единственнаго министра, который внушалъ ему нѣкоторыя опасенія. Повѣренный въ дѣлахъ Англіи писалъ 16-го февраля 1776 г.:

«Враги Панина воспользовались его отсутствіемъ, чтобы затѣять противъ него интригу; мнѣ передавали, будто они отзываются о немъ въ такихъ выраженіяхъ, что надобно допустить одно изъ двухъ: или они вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ или же крайне неосторожны. Честолюбіе и любовь къ интригамъ гр. Ивана Чернышева всѣмъ извѣстны, и онъ очевидно пользуется благоволеніемъ Потемкина».

8-го марта того же года Оксъ писалъ еще:

«Говорятъ, будто желаніе Панина передать завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ своему племяннику, является одною изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ Потемкинъ относится не особенно доброжелательно къ князю Репнину и хочетъ назначить новаго канцлера до возвращенія этого посланника. Многіе думаютъ, что Потемкинъ мѣтитъ самъ на постъ перваго министра; конечно, онъ довольно честолюбивъ, чтобы этого желать, и государыня настолько милостива къ нему, что не откажетъ ему въ этомъ удовольствіи. Это желаніе съ его стороны кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что послѣднее время онъ замѣтно сталъ интересоваться иностранными дѣлами болѣе, чѣмъ прежде. Французскій и испанскій посланники усердно и съ успѣхомъ ухаживаютъ за нимъ».

Потемкина не безпокоило благоволеніе Екатерины къ Завадов-

скому, но онъ едва мирился съ присутствіемъ при дворѣ кн. Орлова и въ особенности съ тѣмъ, что императрица удостоивала его своимъ вниманіемъ. Между тѣмъ Орловъ лишился тѣхъ многочисленныхъ должностей и мѣстъ, на которыя онъ былъ назначенъ Екатериною, и повидимому безъ сожалѣнія вернулся къ частной жизни. Это обстоятельство возвратило ему если не расположеніе, то по крайней мѣрѣ уваженіе государыни. Онъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія окунуться снова въ водоворотъ придворной жизни, интригъ и происковъ, отъ которыхъ онъ былъ устраненъ помимо воли; только боязнь вызвать неудовольствіе братьевъ или повредить имъ удерживала его въ Петербургѣ. Г-нъ Оксъ писалъ 8-го марта 1776 г.:

«Императрица относится къ кн. Орлову по-прежнему благосклонно. Онъ, кажется, еще не рѣшилъ выйти въ отставку. Полагаютъ, что онъ медлитъ окончательнымъ рѣшеніемъ, въ ожиданіи возвращенія брата, гр. Алексѣя Орлова, котораго ждутъ со дня на день».

Ничто не могло успокоить Потемкина, и повѣренный въ дѣлахъ Англіи писалъ нѣсколько дней спустя, 19-го марта:

«Посѣщеніе императрицею князя Орлова во время его болѣзни вызвало горячее объясненіе ея съ Потемкинымъ, и хотя онъ пользуется въ настоящее время неограниченной властью, но нѣкоторые предсказываютъ съ полной увѣренностью его паденіе, какъ событіе весьма близкое. Я полагаю, что это предсказываютъ потому, что этого сильно желаютъ, ибо нѣтъ никакихъ признаковъ, предвѣщающихъ его паденіе. Доказательствомъ дурнаго мнѣнія, которое многіе имѣютъ о Потемкинѣ, служитъ то, что люди вѣрятъ слуху, будто онъ велѣлъ подсыпать яда кн. Орлову. Дѣйствительно, малѣйшій знакъ милостиваго вниманія императрицы къ кому бы то ни было возбуждаетъ въ немъ величайшую зависть, и онъ выказываетъ ее такимъ путемъ, который не только не можетъ быть лестенъ императрицѣ, но долженъ вызвать съ ея стороны отвращеніе».

Несмотря на всѣ непріятности, которыя причинялъ Екатеринѣ причудливый и требовательный характеръ Потемкина, онъ сохранялъ свое вліяніе по-прежнему. Высокіе знаки отличія, полученные имъ именно въ это время отъ двухъ, наиболѣе дружественныхъ Россіи державъ, свидѣтельствовали какъ нельзя болѣе, что въ Вѣнѣ и

въ Берлинѣ имѣли вѣрное понятіе о его всесильномъ вліяніи на государыню. Марія-Терезія только-что пожаловала Потемкину званіе князя Священной Римской имперіи; Фридрихъ, не желая отстать отъ нея, пожаловалъ ему самый цѣнный знакъ отличія своего королевства. Г-нъ Оксъ писалъ 16-го апрѣля 1776 г.:

«Сюда пріѣхалъ принцъ Генрихъ прусскій, и князь Потемкинъ удостоился вчера чести получить изъ рукъ его королевскаго высочества орденъ Чернаго орла».

Однако, 31-го мая англійскій повѣренный въ дѣлахъ писалъ:

«Завадовскій получилъ въ подарокъ три тысячи душъ крестьянъ».

Было бы ошибочно заключить изъ этого, что Потемкинъ былъ въ немилости, ибо Оксъ писалъ, нѣсколько дней спустя, 7-го іюня:

«Императрица купила кн. Потемкину домъ, за который заплачено 100.000 рублей. Такая же сумма пожалована ему на меблировку дома, и пенсія его увеличена до 75.000 рублей».

Однако, Потемкинъ, несмотря на все свое стараніе угодить императрицѣ, вѣроятно, докучалъ ей, такъ какъ онъ былъ вынужденъ, подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ, удалиться отъ двора, а двѣ недѣли послѣ его отъѣзда, 16-го іюля, Оксъ писалъ:

«Завадовскій произведенъ въ генералъ-лейтенанты и получилъ 20.000 рублей деньгами и тысячу душъ крестьянъ».

Придворные, которые легко могутъ ошибаться, выводя свои заключенія на основаніи внѣшнихъ признаковъ, вообразили, что Потемкинъ уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться.

Г-нъ Оксъ, никакъ не могшій освоиться съ русскими нравами, писалъ 12-го іюля:

«Высокомѣрное поведеніе кн. Потемкина, когда онъ былъ у власти, создало ему такое множество враговъ, что, попавъ въ немилость, онъ неминуемо долженъ ожидать съ ихъ стороны мести. Ни для кого не было бы удивительно или неожиданно, если бы онъ покончилъ жизнь въ монастырѣ, такъ какъ обнаруживалъ всегда склонность къ монастырской жизни; оно было бы для него, пожалуй, лучшимъ убѣжищемъ въ его отчаяніи по случаю его неудавшихся честолюбивыхъ замысловъ. Говорятъ, будто его долги превышаютъ сумму 200.000 рублей».

Удаленіе кн. Потемкина казалось тѣмъ болѣе естественнымъ,

что императрица, повидимому, возвратилась окончательно къ своимъ прежнимъ чувствамъ по отношенію къ кн. Орлову. Повѣренный въ дѣлахъ Англіи писалъ 12-го іюля:

«Вліяніе Орловыхъ у императрицы, повидимому, такъ же велико, какъ прежде».

5-го ноября того же года онъ писалъ:

«Князь Орловъ несомнѣнно пользуется въ настоящее время величайшимъ вліяніемъ у государыни, хотя, по свойственной ему лѣни, онъ не употребляетъ его для того, чтобы услужить своимъ друзьямъ или повредить своимъ врагамъ».

Къ несчастью, князь Орловъ принялъ въ это время рѣшеніе, которое привело въ отчаяніе его семью и друзей. Г-нъ Оксъ писалъ 12-го ноября:

«Гр. Алексѣй Орловъ отложилъ свой отъѣздъ, въ надеждѣ, что ему удастся уговорить брата отказаться отъ его намѣренія жениться на своей двоюродной сестрѣ, дѣвицѣ Зиновьевой, одной изъ фрейлинъ императрицы, съ которой онъ давно связанъ тѣсными узами. Несмотря на всѣ просьбы родныхъ кн. Орлова, императрица отказалась своею властью воспрепятствовать этому браку».

Препятствіемъ къ браку Орлова съ его двоюродной сестрою являлось одно обстоятельство, гораздо болѣе важное, нежели недовольство его семьи, но онъ не принадлежалъ къ числу людей, которые останавливаются передъ какимъ бы то ни было препятствіемъ. Оксъ писалъ 14-го февраля 1777 г.:

«Князь Орловъ, желая устранить препятствіе, мѣшавшее его браку съ г-жею Зиновьевой, которое заключалось въ ихъ близкомъ родствѣ, прибѣгнулъ къ хитрости и постарался доказать, что она была подкидышъ; такъ какъ это ему удалось, то онъ отправляется черезъ нѣсколько дней въ Москву, гдѣ совершится обрядъ ихъ вѣнчанія».

Этотъ бракъ не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, коихъ опасались родные и друзья Орлова. Императрица не была имъ недовольна, напротивъ. Г-нъ Оксъ писалъ 3-го іюня:

«Князь Орловъ, повидимому, только и занятъ теперь мыслію поскорѣе отпраздновать свою свадьбу. Несомнѣнно, что онъ пользуется большимъ вліяніемъ у императрицы и сохранитъ его, какою бы

благосклонностью ни пользовались другіе; несмотря на всю его лѣнь, у него можетъ явиться желаніе воспользоваться расположеніемъ государыни для своей личной выгоды».

1-го іюля того же года онъ писалъ:

«Нѣсколько дней тому назадъ, молодая княгиня Орлова обѣдала съ императрицею».

Однако, отсутствіе Потемкина было непродолжительно; временный его отъѣздъ изъ столицы не означалъ опалы. Чувства Екатерины къ нему были неизмѣнны, и его возвращеніе ознаменовалось необычайнымъ знакомъ благоволенія: съ этихъ поръ Потемкину было отведено помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ. Несмотря на это, придворные настойчиво держались того мнѣнія, что онъ утратитъ свое значеніе, и не вѣрили своимъ глазамъ, сомнѣваясь въ очевидности. Оксъ, человѣкъ, кажется, не особенно проницательный, раздѣлялъ, какъ мы видимъ, это заблужденіе, но все же въ концѣ концовъ долженъ былъ признать свою ошибку. Поэтому онъ писалъ 16-го мая 1777 г.:

«Многіе подозрѣваютъ, и это кажется довольно вѣроятно, что князь Потемкинъ въ скоромъ времени будетъ по-прежнему пользоваться огромною властью. Въ самомъ дѣлѣ, давъ ему открыто соперника, императрица дотого пощадила его самолюбіе, что это поразило всѣхъ, кто знаетъ ея характеръ, враждебное отношеніе къ нему князя Орлова и вліяніе послѣдняго. Это снисхожденіе приписывали только чрезмѣрной добротѣ государыни, а отнюдь не привязанности, которую она могла еще сохранить къ нему. Если же онъ снова войдетъ въ милость, это будетъ первымъ примѣромъ въ этомъ родѣ. Ежели это нельзя приписать простому капризу императрицы, то подобный фактъ будетъ свидѣтельствовать о прочномъ вліяніи этого фаворита, что, въ свою очередь, можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія».

Потемкинъ былъ благодаренъ; тронутый дружбою и довѣріемъ государыни, онъ выказалъ ей свою признательность, и Оксъ въ депешѣ 10-го іюня 1777 г. писалъ:

«Князь Потемкинъ находится теперь на верху блаженства. Онъ удостоился недавно особаго отличія и получилъ весьма цѣнные подарки; полагаютъ, что его пенсія будетъ вскорѣ увеличена до цифры,

получаемой княземъ Орловымъ, такъ какъ главный предметъ его честолюбія состоитъ, повидимому, въ томъ, чтобы соперничать съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ подражаетъ ему въ томъ, что не показываетъ ни малѣйшей ревности».

Этотъ разъ г. Оксъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ вѣрнаго источника. Потемкинъ взялъ на себя трудъ пріискать Завадовскому преемника. Его выборъ палъ на офицера, родомъ венгерца, по фамиліи Зоричъ. Онъ состоялъ на русской службѣ и явился ко двору хлопотать о повышеніи. Потемкинъ, которому Зоричъ представился, нашелъ, что онъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы понравиться императрицѣ, и представилъ его Екатеринѣ. Зоричъ былъ принятъ благосклонно, и вліяніе Потемкина въ скоромъ времени усилилось болѣе прежняго. Г-нъ Оксъ писалъ 13-го іюня:

«Г-нъ Завадовскій собирается къ отъѣзду на родину. Новый фаворитъ произведенъ изъ маіоровъ въ полковники л.-гв. гусарскаго полка и получилъ значительные подарки — деньгами и крестьянами; но, судя по его характеру и по личнымъ свойствамъ его патрона, есть основаніе полагать, что его роль будетъ всегда второстепенная. Успѣхъ этого дѣла намѣтилъ князю Потемкину дальнѣйшій образъ дѣйствій, которому онъ будетъ вѣроятно слѣдовать впредь. Онъ стряхнулъ, повидимому, свою лѣнь и сдѣлался болѣе сговорчивъ и остороженъ. Брачный проектъ князя Орлова и его равнодушіе ко всему дѣлаютъ его еще менѣе опаснымъ соперникомъ; судя по всему происходящему, я убѣждаюсь болѣе, чѣмъ когда-либо, въ прочности вліянія князя Потемкина; по крайней мѣрѣ, все говоритъ за это. Все это, конечно, не можетъ нравиться великому князю, и мнѣ передавали, что онъ высказалъ свое порицаніе въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя не оказали однако никакого вліянія и были весьма неосторожны».

20-го іюня онъ писалъ еще:

«Завадовскій уѣхалъ вчера въ Украйну. Онъ получилъ нѣсколько дней тому назадъ помѣстье въ четыре тысячи душъ въ Бѣлоруссіи, точно такъ же, какъ Васильчиковъ. Онъ сошелъ со сцены съ изрядным состояньицемъ, не наживъ ни одного врага».

Въ это время случилось одно пріятное событіе, доставившее Екатеринѣ большое удовольствіе: это было прибытіе въ Петер-

бургъ Густава III, который до этого ни разу не имѣлъ случая быть довольнымъ государыней и всегда слѣдовалъ совѣтамъ всѣхъ другихъ посланниковъ, но только не русскаго. Г-нъ Оксъ писалъ 17-го іюня:

«Вчера утромъ сюда прибылъ король шведскій, подъ именемъ графа Готландскаго. Императрица приняла его съ особымъ изъявленіемъ любви и дружбы и, повидимому, была дотого тронута первымъ свиданіемъ съ королемъ, что даже плакала отъ радости. Вообще, оба великіе монарха, повидимому, вполнѣ довольны другъ другомъ».

20-го іюня онъ сообщалъ:

«Король шведскій старается дать понять, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ и обхожденіемъ; чрезвычайная его любезность и привѣтливость со всѣми вполнѣ соотвѣтствуютъ его намѣренію сохранить строжайшее инкогнито».

И такъ все улыбалось Екатеринѣ, и Потемкинъ пожиналъ плоды оказанныхъ имъ услугъ. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ писалъ 8-го іюля:

«Князь Потемкинъ не только пользуется въ настоящее время величайшимъ благоволеніемъ императрицы, но онъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ и съ великимъ княземъ. Полагаютъ, что онъ этимъ обязанъ нѣкоторой суммѣ денегъ, которую онъ выхлопоталъ ему у императрицы; эта услуга дотого сблизила ихъ, что великій князь обѣдалъ нѣсколько дней тому назадъ у князя въ Стрѣльнѣ».

2-го октября г. Оксъ сообщалъ:

«Князь Потемкинъ пользуется обширнѣйшей властью и, несмотря на то, что ему уже пожалованы огромныя помѣстья, онъ то и дѣло получаетъ значительные подарки. Императрица обѣдала съ нимъ нѣсколько дней тому назадъ и пожаловала ему 80.000 и весьма цѣнную табакерку, осыпанную драгоцѣнными камнями».

Гаррисъ, впослѣдствіи сэръ Джемсъ Гаррисъ и позднѣе лордъ Мальмсберри, бывшій нѣсколько лѣтъ представителемъ Англіи въ Берлинѣ, пріѣхалъ въ это время въ Петербургъ со спеціальнымъ порученіемъ начать съ русскимъ дворомъ переговоры о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза. Всѣ его дипломатическія способности потерпѣли фіаско въ этомъ дѣлѣ; ибо Екатерина, за все

свое царствованіе ни разу не согласилась связать себя заключеніемъ наступательнаго союза: «слово наступательный было ей противно»,— говорилъ Панинъ. За то сэръ Гаррисъ оставилъ намъ самую вѣрную и самую полную картину внутренняго быта русскаго двора за тѣ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ былъ посланникомъ въ Россіи.

Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Петербургъ, 13-го февраля, Гаррисъ сообщалъ въ частномъ письмѣ:

«Я еще слишкомъ недавно здѣсь, чтобы высказать сколько-нибудь опредѣленное мнѣніе о тѣхъ лицахъ, которыя составляютъ дворъ и высшее общество. Мнѣ кажется, что во всѣхъ слояхъ его замѣтно много внѣшняго блеска и весьма мало нравственныхъ задатковъ. Лесть и низкопоклонство составляютъ отличительныя черты низшаго класса, а высокомѣріе и гордость присущи высшему обществу. И тамъ и тутъ незначительный, но все же блестящій внѣшній лоскъ скрываетъ грубый и невѣжественный умъ этихъ людей. Ихъ развлеченія, жилища и количество слугъ въ полномъ смыслѣ слова напоминаютъ Азію».

Объ императрицѣ и главныхъ сановникахъ ея двора Гаррисъ отзывался весьма свободно и довольно вѣрно, насколько можно судить, сравнивая его отзывы съ мнѣніями его предшественниковъ. Выше мы видѣли, что онъ писалъ о Панинѣ. Въ депешѣ отъ 13-го февраля онъ говоритъ также:

«Я боюсь, что Потемкинъ, оба Чернышевы и Шуваловы совершенно преданы французской политикѣ, но мнѣ особенно нравится ихъ развратъ, ихъ легкомысліе и неустойчивость во взглядахъ. А между тѣмъ эти лица будутъ, по всей вѣроятности, управлять страною по смерти императрицы. Ея слава, смѣлый умъ, способности и удача замѣняютъ ей искусныхъ государственныхъ людей и опытныхъ генераловъ; надобно полагать, что государыня, со свойственнымъ ей обширнымъ умомъ, отрѣшится отъ лѣни, которая, повидимому, все болѣе и болѣе овладѣваютъ ею съ лѣтами».

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, Гаррисъ только тогда рѣшился высказать болѣе опредѣленный взглядъ на совершающіяся событія. Въ депешѣ отъ 31-го іюля 1778 г. онъ писалъ:

«Я постараюсь изложить вашей свѣтлости въ настоящемъ письмѣ мой взглядъ на эту страну, на ея величіе и богатство, и на систему ея управленія. Описаніе мое будетъ мало походить на описанія, которыя дѣлали ранѣе другія лица; поэтому оно можетъ быть встрѣчено съ недовѣріемъ, но я обязанъ изложить вещи такъ, какъ онѣ мнѣ представляются.

«Обширное протяженіе Русской имперіи и обезпеченность ея границъ дѣлаютъ ее, безъ сомнѣнія, желанной союзницей и недоступнымъ врагомъ. Различные предметы торговли, которые прочія европейскія государства должны, по необходимости, получать изъ Россіи, и незначительное количество товаровъ, которые эта страна вынуждена, въ свою очередь, получать въ обмѣнъ на свои произведенія, обезпечиваютъ ей независимость и богатство. Россія занимаетъ, вслѣдствіе этого видное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, но нельзя сказать утвердительно, въ состояніи ли она стать въ уровень съ тѣмъ высокимъ положеніемъ, какое она занимаетъ, и съ тѣмъ превосходствомъ, какое она старается выказать. Вышеупомянутыя преимущества являются лишь естественнымъ послѣдствіемъ ея положенія; они существовали, когда этотъ народъ еще не былъ цивилизованъ, и останутся при немъ, хотя бы онъ вернулся вновь въ то состояніе варварства, изъ коего онъ вышелъ такъ недавно. Для того чтобы государство пользовалось вліяніемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, надобно, чтобы его политика отличалась единообразіемъ, чтобы она была разумна и тверда. Для того, чтобы правительство пользовалось уваженіемъ въ государствѣ, необходимо, чтобы форма правленія была устойчива и чтобы правительственные органы заслуживали довѣрія и были неподкупны. Надобно сознаться, что съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ этой странѣ, я тщетно старался подмѣтить въ ней подобную систему управленія и подобные законы и также безуспѣшно старался прослѣдить, на чемъ основаны преувеличенныя похвалы, которыя слышалъ со всѣхъ сторонъ объ этомъ правительствѣ.

«Въ неограниченной монархіи все зависитъ отъ воли и характера монарха; поэтому главной моей задачей было подвергнуть строгому обсужденію характеръ и поступки императрицы. Насколько я могу судить по моимъ собственнымъ наблюденіямъ и по данным,

которыя мнѣ сообщили лица, вполнѣ безпристрастныя и хорошо обо всемъ освѣдомленныя, мнѣ кажется, что императрица обладаетъ мужскимъ складомъ ума, постоянствомъ въ преслѣдованіи цѣли и смѣлостью въ ея выполненіи. Но у нея нѣтъ другихъ, чисто мужскихъ качествъ: рѣшительности, умѣренности въ благополучіи и безошибочности сужденія. За то ей присущи въ высокой степени слабости, которыя считаются обыкновенной принадлежностью ея пола: любовь къ лести и неразлучное съ нею тщеславіе, нежеланіе выслушивать полезные, но непріятные совѣты и нежеланіе имъ слѣдовать.

«Если перечислить вкратцѣ событія, ознаменовавшія тѣ шестнадцать лѣтъ, которыя протекли съ восшествія ея на престолъ, и обсудить ихъ безпристрастно, то мы увидимъ, что они являются по большей части результатомъ тѣхъ нравственныхъ свойствъ, которыя я ей приписываю. Если мы взглянемъ на ея дѣйствія въ Польшѣ, то увидимъ, что, давъ этой странѣ, съ весьма похвальной цѣлью, короля, она довела эту республику до отчаянія и анархіи, то поддерживая этого короля, то предоставляя его своимъ собственнымъ силамъ. Слѣдуя той же политикѣ, она начала войну съ Турціей, которая довела ее, роковымъ образомъ, до заключенія такого трактата, который ничѣмъ не можетъ быть оправданъ и не только наложилъ неизгладимое пятно на все ея царствованіе, но и способствовалъ усиленію тѣхъ двухъ державъ, которыя однѣ только могли внушать ей нѣкоторыя опасенія и которыя благодаря этому трактату получили впредь право наравнѣ съ нею вмѣшиваться въ дѣла Польши.

«Оборотъ, который приняли дѣла въ Швеціи, показываетъ, что Россія плохо обдумала и провела планъ кампаніи. Полагаясь на свое вліяніе, императрица пренебрегла совѣтами своихъ друзей, и однѣхъ сутокъ было достаточно, чтобы ниспровергнуть авторитетъ Россіи въ Стокгольмѣ, и Швеція, изъ положенія державы зависимой, сдѣлалась предметомъ страха и зависти.

«Въ видѣ противовѣса этимъ фактамъ, Ея Императорское Величество заключила два союза: съ Даніей и съ Пруссіей. Первый не доставилъ ей до сей поры никакой выгоды, а благодаря послѣднему, Петербургскій дворъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ обязанъ безпрекословно повиноваться Берлину и въ настоящій моментъ нахо-

дится въ самомъ затруднительномъ положеніи, не имѣя возможности ни отступить отъ исполненія буквальнаго смысла трактата, ни исполнять его, такъ какъ это неизбѣжно увеличитъ бѣдствія, угрожающія Россіи.

«Если мы перейдемъ къ разсмотрѣнію внутренняго управленія имперіей, то я боюсь, что результаты будутъ еще плачевнѣе. Безпечность и нерадѣніе, проистекающія изъ страха и лѣни, ниспровергли все то, что̀ носитъ названіе закона и справедливости. Сильные по своему произволу угнетаютъ слабыхъ; подначальные безнаказно грабятъ и воруютъ. Это положеніе дѣлъ, которое не можетъ измѣниться, вызвало бунтъ въ самомъ центрѣ имперіи и, если бы имъ руководили люди, одаренные умомъ и храбростью, то онъ потрясъ бы государство до самыхъ его основъ. Не хватило войска, чтобы подавить его; половина имперіи была объята паническимъ страхомъ; и духъ мятежа, одушевлявшій Пугачева, обуялъ остальныхъ жителей страны. Пугачевъ былъ уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Москвы, и дворъ собирался удалиться въ Ригу, когда онъ былъ разбитъ, вслѣдствіе недостатка съ его стороны рѣшимости и обдуманности дѣйствій, — и спокойствіе было возстановлено. Однако, неудовольствіе народа не улеглось; есть основаніе опасаться, что, въ случаѣ новаго народнаго бѣдствія, пламя мятежа снова можетъ вспыхнуть. Безпечность гражданскихъ властей и алчность военныхъ, которые отправили въ Москву добычу, захваченную ими во время войны, были причиною чумы, свирѣпствовавшей въ этомъ городѣ въ 1771 г. Она унесла 120.000 жертвъ, и московскій архіепископъ былъ разстерзанъ толпою на ступеняхъ алтаря [1]).

---

[1]) Лордъ Каткартъ писалъ 8-го октября 1771 г.:

Извѣстія, полученныя изъ Москвы, гдѣ свирѣпствуетъ чума, очень печальны. Населеніе этой столицы, брошенное властями и доведенное до отчаянія опасностью, которая увеличивается съ каждымъ днемъ и нелѣпыми полицейскими мѣрами, не видѣло иного средства, какъ возложить свои надежды на чудесное исцѣленіе, которое народъ приписываетъ нѣкоторымъ иконамъ. Архіепископъ, человѣкъ знатнаго рода, со свѣтлымъ умомъ, понимая, какъ опасно было пріобщать зараженныхъ чумою, одного за другимъ, одною и тою же ложицею, по обряду православной церкви, сдѣлалъ распоряженія, которыя не понравились народу, и приказалъ, наконецъ, во избѣжаніе распространенія заразы убрать нѣкоторыя чудотворныя иконы, около которыхъ толпился народъ. Слѣдствіемъ этихъ благоразумныхъ мѣръ былъ бунтъ. На-

«Мы можемъ сопоставить съ этими фактами только основаніе нѣсколькихъ нѣмецкихъ колоній, учрежденіе нѣсколькихъ учебныхъ заведеній для юношества обоего пола и чрезмѣрную расточительность и роскошь.

«Наказъ, начертанный самой императрицею, не подвергся внимательному изученію, онъ хранится въ академіи и по многимъ причинамъ неосуществимъ.

«Таково, смѣю сказать, истинное положеніе этой имперіи. Цвѣтущая торговля и увеличеніе доходовъ возвратили бы ей вскорѣ, при мудромъ управленіи, ея крѣпость и силу. Тщеславіе императрицы является препятствіемъ къ подобному улучшенію. Льстецы убѣдили ее въ томъ, что Россія есть величайшая имперія въ мірѣ ея удачныя войны утвердили ее въ этой мысли, и теперь никому не удается представить ей положеніе государства въ его истинномъ свѣтѣ; только изъ ряда выходящія событія могли бы убѣдить ее въ томъ».

Почти въ то же время, посланникъ Версальскаго кабинета де-Корберонъ изобразилъ, въ депешѣ отъ 9-го апрѣля 1778 г. положеніе Россіи такими же непривлекательными красками. Очертивъ ея слабость и безсиліе, замаскированныя подъ пышной внѣшностью, онъ кончаетъ свою депешу слѣдующими словами, которыми могъ бы закончить свое сообщеніе и англійскій посланникъ:

«Какимъ же образомъ, скажутъ мнѣ, управляется это государство, какъ можетъ оно существовать? Я отвѣчу, что оно упра-

---

родъ возмутился, крича, что архіепископъ обкрадываетъ церковь и совершаетъ святотатства. Стали звонить въ колокола; собралась чернь; архіепископское подворье было взято приступомъ и разграблено; всѣ вещи въ домѣ были поломаны и истреблены, исключая содержимаго погребовъ, которое было выпито. Архіепископу удалось убѣжать и поспѣшно укрыться въ монастырѣ, отстоявшемъ отъ города въ 8 верстахъ. Колокольный звонъ продолжался всю ночь; было совершено много злодѣяній. На другой день чернь бросилась въ монастырь, куда спрятался архіепископъ. Ему дали отслужить обѣдню и посвятить одного церковно-служителя въ священники, но затѣмъ его схватили прямо изъ алтаря и растерзали. Всѣ пріемные покои, устроенные полиціей для зачумленныхъ, были разрушены, больные изъ нихъ выгнаны; розыскиваютъ врачей и угрожаютъ имъ смертью. Отрядъ войска, вступившій въ городъ для водворенія порядка, былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами и разсѣянъ, потерявъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ Москву посланъ гр. Григорій Орловъ, съ неограниченными полномочіями.

вляется почти случайно и держится благодаря своему собственному равновѣсію, подобно тѣмъ громаднымъ тѣламъ, которыя выдерживаютъ всякія непогоды и уступаютъ только всесокрушающей силѣ разрушенія и времени».

Десять мѣсяцевъ спустя, г. Гаррисъ воспользовался назначеніемъ лорда Веймута на должность государственнаго секретаря на мѣсто скончавшагося лорда Суффолька, чтобы набросать еще болѣе полную картину Петербургскаго двора. 3-го іюня 1779 г. онъ писалъ новому начальнику:

«Положеніе, занимаемое этимъ дворомъ въ ряду великихъ державъ Европы, успѣхи, коими отмѣчена его политика, и вмѣстѣ съ этимъ апатія и неспособность правительства составляютъ факты, повидимому, столь несовмѣстимые, что потомство никогда не повѣритъ имъ. Иностранцы, которыя могутъ судить о Россіи только по тѣмъ крупнымъ событіямъ, которыя вызваны всюду ея вмѣшательствомъ и вѣсомъ, должны заключить изъ этого, что эта имперія управляется съ величайшею мудростью и что ни въ одной изъ главнѣйшихъ отраслей ея управленія нельзя найти недостатка. Съ другой стороны, живя въ этой странѣ и видя, какъ незрѣло и непонятно бываютъ задуманы всѣ ея политическія комбинаціи и какимъ неподходящимъ лицамъ поручается ихъ выполненіе, невольно удивляешься тому, что это правительство не терпитъ неудачи во всѣхъ своихъ начинаніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, надобно признать, что если его дѣйствія вѣнчаются нѣкоторою удачею, то это должно быть дѣломъ случая, результатомъ счастливаго стеченія обстоятельствъ, слѣдствіемъ той неурядицы и анархіи, которая овладѣла прочими державами Европы. Всѣ дѣйствія этого двора сопровождаются, смѣю сказать, слѣпою удачею, которая не только оберегла его отъ самыхъ страшныхъ опасностей, но и возвысила на такую степень величія и могущества, которыя превзошли даже всѣ честолюбивыя мечты ея государыни. Надѣюсь, ваша свѣтлость вполнѣ согласитесь съ тѣмъ, что эти событія были вызваны именно тѣми причинами, на которыя я указываю, и что Россія пользуется, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ, этимъ первенствующимъ значеніемъ; поэтому я не буду на этомъ останавливаться. Мы имѣемъ полное основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы

это первенствующее вліяніе Россіи могло упрочиться. Чтобы дать вашей свѣтлости возможность рѣшить, насколько оно можетъ быть прочно и продолжительно, я беру смѣлость описать вамъ характеръ, нравы и принципы тѣхъ лицъ, которыя управляютъ этой имперіей.

«Императрица готовилась царствовать задолго до того, какъ она взяла въ свои руки бразды правленія. Одаренная выдающимися способностями, она воспользовалась часами досуга, когда была еще великой княгиней, чтобы подготовить тотъ матеріалъ, благодаря которому первыя 7 или 8 лѣтъ ея царствованія составили одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ русской исторіи. Она управляла въ то время систематически, добросовѣстно и съ достоинствомъ. Первая ея политическая ошибка относится къ тому времени, когда она допустила нѣкоторое вліяніе на свои поступки со стороны короля прусскаго. Вслѣдъ затѣмъ совершился злополучный раздѣлъ Польши, произошла революція въ Швеціи, и наконецъ были заключены всѣ тѣ противоестественные союзы и приняты несогласныя со здравой политикой мѣры, коихъ мы были свидѣтелями. Ея репутаціи и личному достоинству былъ нанесенъ рѣшительный ударъ тѣмъ, что она лишила своего благоволенія кн. Орлова, который, не будучи одаренъ особенно блестящимъ умомъ, все же былъ человѣкъ честный и неподкупный. Онъ устранялъ отъ нея отраву лести, къ которой она теперь жадно прислушивается. Страстно любя Орлова, она удерживалась ради него отъ тѣхъ недостойныхъ увлеченій, коимъ она предалась теперь всецѣло. Ея дворъ, коимъ она управляла съ достоинствомъ и который обязанъ ей своимъ блескомъ, прославился съ теченіемъ времени своей испорченностью и безнравственностью. Этотъ упадокъ совершился столь быстро, что въ здѣшнихъ нравахъ и обычаяхъ произошла глубокая перемѣна на моихъ глазахъ, въ тотъ короткій промежутокъ времени, который я здѣсь провелъ. Въ настоящее время нѣтъ никакой надежды, чтобы императрица вступила на болѣе правильный путь и, если не вѣрить въ чудеса, то нельзя ожидать благопріятной перемѣны ни въ ея общественномъ управленіи, ни въ частной ея жизни, въ такомъ возрастѣ, когда уже слишкомъ поздно исправляться.

«Кн. Потемкинъ управляетъ ею неограниченно. Онъ отлично изучилъ ея слабости, желанія и страсти и располагаетъ ими по сво-

ему усмотрѣнію. Помимо этого нравственнаго вліянія, имъ пріобрѣтеннаго, онъ держитъ ее въ постоянномъ страхѣ относительно великаго князя и успѣлъ увѣрить ее въ томъ, что онъ одинъ въ мірѣ можетъ во́-время открыть всякій заговоръ, направленный противъ нея съ этой стороны, и защитить ее. Ему удалось весьма искусно поколебать вліяніе опаснѣйшаго своего врага, гр. Алексѣя Орлова, увѣривъ императрицу, что онъ отдаетъ преимущество великому князю, и, сдѣлавъ кн. Орлова предметомъ всеобщей жалости и состраданія, повторяя безпрестанно, что его умственныя способности пострадали отъ бывшаго съ нимъ паралича, а также подсмѣиваясь надъ его глупымъ бракомъ.

«Тѣмъ же способомъ онъ возбудилъ въ императрицѣ недовѣріе и презрѣніе и къ прочимъ ея сановникамъ. Графа Панина и князя Репнина онъ изобразилъ ей людьми, зависимыми отъ великаго князя; вице-канцлера и нѣкоторыхъ другихъ личностей, неизвѣстныхъ вашему сіятельству по фамиліи, онъ представилъ государынѣ простыми канцелярскими служителями, совершенно недостойными вниманія. Такимъ образомъ, льстя съ одной стороны ея преобладающей страсти, онъ поддерживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма естественныя съ ея стороны опасенія и обезпечилъ такимъ образомъ за собою болѣе продолжительное и прочное вліяніе, нежели выпадаетъ обыкновенно на долю фаворита неограниченнаго монарха. Говоря о кн. Потемкинѣ, было бы несправедливо съ моей стороны не сказать, что онъ обладаетъ выдающимися способностями, здравымъ сужденіемъ и живымъ умомъ и что, если бы онъ положилъ на управленіе государствомъ половину того труда, который онъ тратитъ на придворныя интриги, то мы увидѣли бы вскорѣ Россію въ совершенно иномъ положеніи».

Гаррисъ, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, съ самаго пріѣзда въ Петербургъ старался составить себѣ опредѣленный взглядъ на способности и характеръ наслѣдника престола и вывести изъ этого какія-либо надежды на будущее. Въ одной изъ своихъ первыхъ депешъ, отъ 13-го февраля 1778 г., онъ писалъ:

«Великій князь и великая княгиня живутъ въ полномъ согласіи. Великая княгиня ведетъ себя съ большимъ умомъ и осторожностью и любима всѣми. Что касается великаго князя, то онъ во

многомъ измѣнился къ лучшему и хотя не обѣщаетъ быть великимъ человѣкомъ, но пошелъ гораздо далѣе, чѣмъ можно было ожидать».

Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ, отъ 1-го мая, Гаррисъ высказывается менѣе сдержанно:

«Великій князь ни во что не входитъ. Я отъ души желаю, чтобы его не сбила съ толку царствующая здѣсь неурядица и чтобы онъ не рѣшился на такое предпріятіе, которое неизбѣжно погубитъ его. Я знаю, что его побуждаютъ къ этому нѣкоторые злонамѣренные люди».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ депешѣ 1-го октября 1778 г., Гаррисъ писалъ лорду Суффольку:

«Нѣсколько времени тому назадъ я обѣщалъ сообщить вашему сіятельству все то, что̀ мнѣ удастся узнать объ умѣ и характерѣ наслѣдника русскаго престола, и хочу теперь безъ промедленія изложить вамъ письменно всѣ свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать.

«Великій князь съ дѣтства былъ порученъ попеченію графа Панина и подъ его руководствомъ господину Остервальду, лифляндскому дворянину, нынѣ сенатору. Я не нахожу, чтобы они придерживались при его воспитаніи какой-либо правильной системы и, кажется, не получали по этому поводу никакихъ инструкцій отъ Ея Величества, которая, предпринявъ весьма полезныя реформы для образованія своихъ подданныхъ, отнеслась съ меньшимъ вниманіемъ и заботливостью къ воспитанію своего собственнаго сына.

«Г-нъ Остервальдъ сообщилъ великому князю довольно полныя свѣдѣнія о внутреннемъ управленіи страною, а графъ Панинъ довольно подробно познакомилъ его съ новѣйшей исторіей европейскихъ государствъ. Другіе учителя преподавали ему разныя искусства; воспитатели сочли также нужнымъ познакомить его въ извѣстной степени и съ науками. Но это воспитаніе принесло самые ничтожные плоды и, такъ какъ великій князь неловокъ отъ природы и не обладаетъ изящными манерами, то большая часть времени уходила у него на уроки танцевъ, верховой ѣзды и на практику французскаго языка. Всѣмъ этимъ онъ владѣетъ въ совершенствѣ. Справедливость требуетъ сказать, что его воспитатели не допустили въ немъ никакихъ порочныхъ наклонностей, но чрезвычайно заботи-

*

лись, напротивъ, о развитіи въ немъ нравственныхъ задатковъ, и я увѣренъ, что они исправили, своими полезными наставленіями, врожденные его недостатки, и что онъ теперь лучше, нежели онъ былъ бы, предоставленный самому себѣ.

«До вступленія въ бракъ, великій князь находился въ полнѣйшемъ подчиненіи. Къ нему никого не допускали безъ разрѣшенія императрицы и, ежели онъ питаетъ къ ней нѣкоторую сыновнюю любовь, то это надобно приписать скорѣе страху, нежели привязанности.

«Вскорѣ послѣ его брака съ принцессой Дармштадтской оказалось, что она нашла средство управлять имъ такъ неограниченно, что заставила его удалить отъ себя нѣсколькихъ товарищей, коихъ общество ему видимо нравилось; она вполнѣ руководила имъ въ выборѣ общества, развлеченій и въ образѣ мыслей. Она не давала ему возможности проявить своего ума, и онъ изъ человѣка живаго и легкомысленнаго сдѣлался тяжеловѣснымъ и апатичнымъ. Ею руководилъ, въ свою очередь, графъ Андрей Разумовскій, который находится нынѣ въ Вѣнѣ, а онъ получалъ со своей стороны инструкціи и большую часть средствъ отъ посланниковъ Бурбонскаго дома. Императрица замѣтила это поведеніе своей невѣстки, выговаривала ей за это, но безъ успѣха. Юная великая княгиня была честолюбива и рѣшительна и, если бы смерть не пресѣкла ея карьеры, то между этими высочайшими особами возникла бы, по всей вѣроятности, борьба. Вашему сіятельству, конечно, извѣстно о странныхъ письмахъ, найденныхъ въ бумагахъ великой княгини послѣ ея кончины; можно только удивляться, что она оставила противъ себя такія доказательства: поразительнѣе всего необыкновенная милость, съ какою отнеслись къ лицамъ, замѣшаннымъ въ этихъ интригахъ. Я не берусь рѣшить, слѣдуетъ ли приписать это добротѣ и доброжелательству императрицѣ, или же скорѣе совершенному безсилію ея правительственной власти. Хотя великій князь не имѣлъ никакой причины сожалѣть объ этой утратѣ, однако потребовалось все краснорѣчіе и дружба принца Генриха прусскаго, чтобы, по словамъ этого принца, заставить великаго князя подумать о вступленіи вторично въ бракъ.

«Характеръ нынѣшней великой княгини представляетъ совер-

шенную противоположность характеру покойной, и великій князь совершенно измѣнился. Она кротка, привѣтлива и проникнута самымъ глубокимъ сознаніемъ своихъ обязанностей супруги. Она охотно разговариваетъ, весела и прекрасно умѣетъ держать себя. Своею предупредительностью и вниманіемъ она снискала расположеніе супруга, и онъ питаетъ къ ней дѣйствительно самую нѣжную привязанность. Въ настоящее время они вполнѣ счастливы, но я боюсь, что это счастье не будетъ продолжительно, при дворѣ столь безнравственномъ и составленномъ изъ такихъ разнородныхъ элементовъ. Великій князь обнаруживаетъ большое легкомысліе, которое очень нравится женщинамъ, съ коими онъ разговариваетъ; что же касается великой княгини, то ей надобно имѣть отъ природы большую твердость характера и честность убѣжденій, чтобы избѣгнуть тѣхъ разнообразныхъ сѣтей, коими будетъ усѣянъ ея путь и коихъ не избѣжала до сихъ поръ ни одна, безъ исключенія, императрица въ этой странѣ.

«Великій князь придерживается въ настоящее время прусской политики, тогда какъ прежде онъ былъ приверженцемъ Франціи; если онъ не измѣнится въ этомъ отношеніи, то будетъ такъ же смѣшонъ своимъ пристрастіемъ къ королю прусскому, какъ его отецъ (Петръ III). Эти взгляды поддержала въ немъ поѣздка въ Берлинъ, уроки графа Панина и любовь великой княгини къ своей семьѣ.

«Онъ очень умѣренъ во всемъ: ѣстъ мало, пьетъ еще меньше, и укрѣпилъ, правильнымъ образомъ жизни, свое слабое отъ природы здоровье.

«Хотя ему весьма непріятно, что его устраняютъ отъ дѣлъ и онъ подъ часъ сильно жалуется на это, но у него не хватаетъ рѣшимости попытаться завоевать себѣ малѣйшую долю независимости. Онъ содрогается при одной мысли о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть мало-мальски смѣлый поступокъ съ его стороны, и дотого привыкъ подчиняться высшей власти, что первый былъ бы способенъ выдать всякаго, кто имѣлъ бы неосторожность предложить ему нѣчто подобное. Послѣднее время ему много разъ представлялся къ тому случай, и онъ будетъ повторяться вѣроятно все чаще и чаще, но если совершится переворотъ, то, разумѣется, онъ будетъ произведенъ ради него, но не по его иниціативѣ.

«Бесѣдуя со мной, иной разъ болѣе часа, онъ выражаетъ большое расположеніе къ императору и заботливость о немъ, величайшее презрѣніе къ шведамъ, относится несочувственно къ французамъ, намъ же и нашей политикѣ желаетъ всякаго успѣха.

«Подобно отцу, его интересуетъ военная служба, но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о морскомъ дѣлѣ, хотя носитъ званіе генералъ-адмирала.

«Словомъ, не обладая выдающимися способностями, онъ достаточно уменъ, чтобы управлять государствомъ, хотя не съ такимъ блескомъ, но съ такою же мудростью, какъ всѣ его предшественники, начиная съ Петра I, если ему удастся только быть постояннымъ въ своихъ привязанностяхъ и преодолѣть робость, которая, можетъ быть, есть результатъ его молодости и его неопредѣленнаго положенія».

Гаррисъ писалъ еще 31-го декабря 1778 года:

«Разладъ между императрицею и великимъ княземъ ростетъ съ каждымъ днемъ. Она относится къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, даже, можно сказать, съ презрѣніемъ. Что же касается великаго князя, то онъ не старается скрывать своего неудовольствія и выражаетъ его открыто, притомъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, когда у него хватаетъ на это смѣлости. Но у него нѣтъ твердости и рѣшимости стать во главѣ партіи, и онъ никогда не отважится на это, если его не принудятъ силою.

«Великая княгиня ведетъ себя замѣчательно и старательно избѣгаетъ случая возбудить неудовольствіе фаворитовъ императрицы, своего супруга и придворныхъ».

9-го февраля слѣдующаго года Гаррисъ писалъ:

«Кн. Потемкинъ и его клика относятся къ великому князю и великой княгинѣ какъ къ личностямъ, имѣющимъ весьма мало значенія. Великій князь оскорбленъ этимъ пренебреженіемъ и высказываетъ это въ разговорахъ; дальше этого его смѣлость не идетъ. Великая княгиня ведетъ себя съ большою осторожностью и осмотрительностью».

Любопытно сопоставить съ этимъ портретомъ великаго князя, начертаннымъ перомъ Гарриса,—отзывъ, данный о немъ одновременно французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что, по

мнѣнію самого Гарриса, этотъ посланникъ имѣлъ возможность знать многія мелочи, зачастую ускользающія отъ взора иностраннаго дипломата. Въ моментъ пріѣзда французскаго посланника, г. Гаррисъ писалъ (20-го сентября 1779 года):

«Я не знаю г. де-Верака: я слышалъ, что онъ скорѣе любезный собесѣдникъ въ обществѣ, нежели опасный противникъ въ серьезномъ разговорѣ; если ему удастся снискать благоволеніе императрицы, то онъ все же будетъ не такъ опасенъ, какъ нынѣшній повѣренный въ дѣлахъ, де-Корберонъ, который, благодаря продолжительному пребыванію въ этой странѣ, несмотря на свои ограниченныя способности, сумѣлъ пріобрѣсти свободный доступъ ко всѣмъ лакеямъ и служащимъ въ домахъ русскихъ вельможъ, и такъ какъ иные изъ нихъ имѣютъ большое вліяніе на своихъ господъ, то ему нерѣдко удавалось уладить дѣло, когда я менѣе всего этого ожидалъ».

Очевидно, англійскій посланникъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со скромнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Версальскаго кабинета, но несомнѣнно, что де-Корберонъ имѣлъ возможность знать многое, чего не зналъ Гаррисъ въ первое время своего пребыванія въ Россіи. И такъ вотъ, что̀ писалъ де-Корберонъ о великомъ князѣ, въ депешѣ отъ 9-го апрѣля 1778 года:

«Екатерина разгадала великаго князя и, не найдя въ своей совѣсти данныхъ, чтобы побороть свою боязнь, она постаралась какъ-нибудь предупредить опасность... Она нашла, что вѣрнѣйшее средство для достиженія ея цѣли будетъ чувственность. Поэтому она пустила ее въ ходъ противъ своего преемника. Могъ ли юноша, конечно, жаждавшій наслажденій, избѣгнуть соблазна, столь заманчиваго въ его лѣта? Такимъ образомъ, онъ предался чувственнымъ удовольствіямъ, къ чему его склонялъ одинъ человѣкъ, приставленный къ нему и самъ преданный сластолюбію; предупреждая его желанія, онъ снискалъ его довѣріе и служилъ матери тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе по виду онъ былъ преданъ сыну. На эту низменную должность былъ опредѣленъ человѣкъ низкаго происхожденія, французъ-парикмахеръ, которому, благодаря его ремеслу, ловкости и услужливости, удалось играть извѣстную роль, которую онъ провелъ съ успѣхомъ.

«Первая супруга великаго князя, которую онъ очень любилъ, поддерживала его по мѣрѣ силъ и съ любовью оберегала его отъ этихъ тайныхъ происковъ и козней, которые мало-по-малу омрачили характеръ великаго князя. Эта молодая женщина, обладавшая выдающимися и удивительными для ея лѣтъ качествами, успѣла бы, вѣроятно, поднять своего мужа нравственно, изощрить его природный умъ и сообщить ему ту твердость характера, которой онъ не былъ одаренъ, кажется, отъ природы. Дѣйствуя безо всякой хитрости, которая могла бы быть ей полезна, она не скрывала своихъ цѣлей и тѣхъ средствъ, коими она надѣялась ихъ достигнуть; и то и другое показалось подозрительно; ея стали остерегаться. Пособникъ тайныхъ удовольствій сталъ человѣкомъ еще болѣе необходимымъ и выказалъ при этомъ весь запасъ и все разнообразіе своихъ способностей. Онъ вселилъ въ сердце великаго князя ревнивыя подозрѣнія, послужившія орудіемъ противъ этой выдающейся женщины. Самолюбіе великаго князя было вооружено противъ нея. Она пала въ этой борьбѣ; память о ней, угасшая вмѣстѣ съ ея жизнью, сохранилась только въ сердцѣ тѣхъ людей, которые ее цѣнили, но не въ сердцѣ великаго князя, который не понялъ, какъ много онъ въ ней потерялъ. Молодая супруга, занявшая ея мѣсто, нравится мужу прелестью молодости, свѣжести и, быть можетъ, нѣкоторыми болѣе выдающимися, сравнительно съ покойной, качествами. Ея умъ и нравственныя качества не могутъ развиться при томъ положеніи, въ которое она поставлена. Ограниченная сфера мыслей и знаній не даетъ ей подняться выше посредственности, и ничто не обнаруживаетъ присутствія въ ней тѣхъ задатковъ, которые болѣе проницательные наблюдатели были бы готовы принять за ловкость тонкаго политика. Принцессой виртембергской, великой княгиней, императрицей она всегда будетъ женщиной, и болѣе ничего».

Какъ видимъ, всѣ эти, впрочемъ крайне разнорѣчивые, отзывы вполнѣ сходятся между собою въ оцѣнкѣ великой княгини и ея личныхъ качествъ. Де-Веракъ писалъ, въ свою очередь, 15-го октября 1780 года:

«Великая княгиня, видимо, только и занята думою о счастьѣ своего супруга. Обладая самой благородной и пріятной наруж-

ностью, она въ то же время веселаго и кроткаго характера и умѣетъ сказать пріятное всякому, съ кѣмъ она бесѣдуетъ».

Въ первыхъ депешахъ Гарриса мы находимъ, немного, но за то весьма любопытныхъ подробностей. Такъ, напримѣръ, говоря о роскоши, царствовавшей при Петербургскомъ дворѣ, онъ писалъ 17-го марта 1777 года:

«Первые сановники имперіи дали, по случаю рожденія сына великаго князя (Александра), роскошныя празднества: праздникъ кн. Потемкина стоилъ ему 50.000 рублей. Императрица дала на масляницѣ балъ, по великолѣпію и изяществу превзошедшій всякое воображеніе. Столовый сервизъ былъ осыпанъ драгоцѣнными камнями, стоимостью болѣе 2-хъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; а за столомъ, гдѣ играли въ макао,—что теперь самая модная игра,—императрица давала по брильянту, стоимостью въ 50 руб. всякому, имѣвшему 9 очковъ: она раздала ихъ такимъ образомъ 150 штукъ».

Въ частномъ письмѣ, отъ 27-го мая 1778 года, Гаррисъ говоритъ слѣдующее:

«Надобно имѣть сверхъестественное терпѣніе, чтобы вести переговоры съ людьми лѣнивыми и неспособными вникнуть въ вопросъ и дать на него разумный отвѣтъ. Вы съ трудомъ повѣрите, что гр. Панинъ посвящаетъ дѣламъ не болѣе получаса въ день. Нѣсколько дней тому назадъ, у г. Окса похитили большую сумму денегъ и, когда онъ явился къ оберъ-полиціймейстеру, одному изъ высшихъ сановниковъ имперіи, который пользуется огромной властью, то засталъ его въ 7 часовъ утра одного, раскладывавшаго гранъ-пасіансъ грязными картами».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо бурмистра къ своимъ помѣщикамъ.

1818 года.

«Государи милостивцы наши Петръ Денисычъ и Алексѣй Денисычи (Ю—скіе) вашей вотчины бывшей бурмистръ Ванька Зюринъ челомъ бью, а что бью слухай. Нещастье приключилось какое страхъ. Таму назатъ денъ съ десятъ пройдучи авражекъ суряницкій обявилось тело а тело то кому принадлежащее то неизвесно и зачемъ сюды явилось и то неисвесно. Видно что мужикъ посинелъ распухъ кровью залился. Наротъ сбежался глядитъ диву даеца. Налетелъ исправникъ миръ пытать принялся. Чье сказываетъ тело признавайтесь сволочи. Я васъ гаваритъ всехъ перепарю патаму все стоитя. Еще уведомился гаваритъ я што жаловаца на меня вздумали къ гаспадамъ стариковъ пасылать слышъ хатите. Пайдите гаваритъ сперва найдите ихъ. Петра вишь Денисыча сказываетъ и ни найдете патаму онъ уехавши схазываютъ либо за французихой аль за арапкой какойто а куда то неизвесно. А тебя батюшка Алексей Денисычъ, охъ и сказывать то баюсь ты гаваритъ кажись сдурелъ патаму лошадей все ищешь хорошихъ и па всей расеи ни находишь па сибе, все ни хараши; а вотъ гаваришъ есть хараши лашатки, то гаваришъ далече за моремъ, а въ какой земле то не упомню и сказываютъ туды ты за теми лашатками и уехавши. Пайдите гаваритъ сыщите ево пажалуйтесъ, а што вазьмете пасматрю. Наротъ малчитъ не признаеца. Тагда охъ бохъ мой нещастье приключилось великое. Атазвалъ меня исправникъ въ сборную избу да и сказываетъ Ванька все это тваи дела. Знаю даподлино и сознанья тваво въ томъ ни надо, а надо семъ рублевъ. Ты веть мужикъ сказываетъ изъ всехъ багатеющій. Давай нхъ скарей и правъ будешь. А ни то закую тебя и сашлю къ... А што дамъ и ума ни прилажу у самаво ничево. Государи милостивцы наши ни я прашу, малыхъ пять дитей просютъ, жена проситъ, спаси ихъ, спаси невинаво заступисъ за халапа сваво Ваньку, ни дай вабиду невинаво».

Сообщилъ князь **А. Л. Голицынъ**.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехмедъ-Садыкъ паши).

IX [1]).

Русская гвардія.—Кодня.—Положеніе русскихъ земель.—Старинные роды.—Извѣстія изъ-за Дуная.—Выступленіе гвардіи въ Петербургъ.

Въ то время въ нашихъ мѣстахъ зимовала гвардія, возвращавшаяся съ Днѣстра, гдѣ она находилась въ качествѣ резервнаго корпуса во время войны съ Турціей. Война окончилась, Адріанопольскій миръ былъ заключенъ. Послѣ смотра великаго князя Михаила Павловича, эти блестящіе полки должны были возвратиться въ Петербургъ, но въ виду наступленія масляницы они остались на зимнихъ квартирахъ и ее отпраздновали такъ шумно и весело, какъ никогда.

Въ Коднѣ самыя многолюдныя собранія и блестящіе балы были у генерала Корженевскаго; гвардейцы знакомились тамъ и даже сходились съ помѣщиками, съ молодежью, съ офицерами польскаго войска, которые проживали въ окрестностяхъ Бердичева для ремонта.

Моя тетка, Станислава Гленбоцкая, скончалась послѣ кратковременной болѣзни, а генералъ Корженевскій, по истеченіи половины срока траура, женился на другой моей теткѣ, Аннѣ Гленбоцкой, вдовѣ маршалка Викентія Ледоховскаго. Насколько первая жена Корженевскаго любила домашнюю жизнь, хозяйство, книги, добрыя дѣла и была благочестивой женщиной, настолько вторая любила развлеченія, наряды,

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1896 года.

словомъ, была свѣтской женщиной. Въ Коднѣ тогда очень веселились, и балы слѣдовали за балами.

Кисловскій, какъ астрономъ, помѣстилъ въ Бердичевскомъ календарѣ, въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій, замѣтку о томъ, что на нашемъ небосклонѣ появились двѣ красавицы-кометы и что астрономы со шпорами и безъ оныхъ направляютъ свои телескопы, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, а ксендзы опасаются, чтобы не вернулись времена идолопоклонства и чтобы этихъ кометъ не обоготворили, какъ Венеру и Прозерпину; о Минервѣ не было и рѣчи, такъ какъ женщины, въ наше время, не подражаютъ ея примѣру.

Самою блестящею изъ этихъ кометъ была Бенигна Злотницкая, рожденная Терличъ, жена полковника Эразма Злотницкаго,—предметъ обожанія и поэтическихъ мечтаній генерала Ахметовича. На одномъ многочисленномъ собраніи у графини Калиновской, до ея замужества съ маіоромъ Челищевымъ, находились Злотницкій, Ахметовичъ и гр. Генрихъ Ржевусскій. За бутылкой хорошаго вина, всегда молчаливый Эразмъ Злотницкій сказалъ:

— Знаешь что, паша, уступи мнѣ Бенигну! Сколько хочешь?

Паша взглянулъ на Злотницкаго; можетъ быть, Ржевусскій подтолкнулъ его и шепнулъ ему что-либо; какъ бы то ни было, паша безъ церемоніи выпалилъ:

— Господинъ Злотницкій, я не Злотницкій, а Бенигна не Каменецъ-Подольскъ.

Эразмъ опѣшилъ, а Генрихъ Ржевусскій провозгласилъ тостъ:

— Забудемъ прошедшее, будемъ удивляться настоящему, да здравствуетъ прекрасная Бенигна!

— Да здравствуетъ!—воскликнули присутствующіе въ одинъ голосъ,—да здравствуетъ прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ!

На томъ дѣло и кончилось.

Другой кометою, маленькою, какъ бы дочерью первой, была Тереза Морголецъ, которая въ этомъ мясоѣдѣ должна была выйти за мужъ за Зенона Головинскаго, владѣльца лучшей суконной фабрики на Украйнѣ. Если Викторъ Гюго видѣлъ эту дѣвицу,—а это легко могло случиться, такъ какъ она часто бывала за границей,—то онъ вѣроятно списалъ съ нея свою Эсмеральду, дотого панна Тереза и героиня, созданная фантазіей поэта, походили одна на другую.

Обѣ кометы, появившіяся на нашемъ небосклонѣ, были родныя сестры, такъ какъ ихъ мать, овдовѣвъ по смерти бригадира Телича, вышла замужъ за Морголеца.

Мнѣ довелось только слышать разсказы объ офицерахъ монархической Франціи; но я видѣлъ остатки славной арміи Наполеона I, видѣлъ прусскихъ офицеровъ, которые держатся такъ прямо, словно они

проглотили аршинъ, грубы, какъ старинные нѣмецкіе кнехты и рейтары, и, надѣвъ мундиръ и опоясавшись саблею, думаютъ, что самъ чортъ имъ не братъ; видѣлъ также мадьярскихъ паяцевъ и офицеровъ австрійской арміи, болѣе похожихъ на полицейскихъ, чѣмъ на охрану отечества и престола, видѣлъ англійскихъ купцовъ въ погонахъ и шарфахъ, дѣлавшихъ видъ, что они прекрасно знакомы съ военнымъ искусствомъ, которое имъ такъ же доступно, какъ іероглифы; видѣлъ офицеровъ-итальянцевъ, столь же театральныхъ, какъ ихъ духовенство, и по моему мнѣнію никто изъ нихъ не выдерживаетъ сравненія съ офицерами русской гвардіи. Это была шляхта, въ полномъ значеніи этого слова, это были средне-вѣковые рыцари по благородству и отвагѣ, утонченные современной цивилизаціей, вѣжливые, деликатные, знакомые съ послѣднимъ словомъ науки и искусства и при томъ отличные солдаты. Начиная съ низшихъ офицерскихъ чиновъ и кончая высшими, это были люди и дворяне въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ. Все славянство могло бы гордиться подобными офицерами, и они отлично могли бы служить этому великому дѣлу.

Такое впечатлѣніе произвели офицеры гвардіи на всѣхъ помѣщиковъ. Гвардейскими полками въ то время командовали: генералъ Чичеринъ, человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, суровый и требовательный на службѣ,—изысканно вѣжливый и деликатный въ салонѣ; генералъ Глазенапъ, женатый на Милевской изъ Украйны, польскій шляхтичъ и потомокъ рыцарей-меченосцевъ; онъ любилъ вспоминать о добродушіи Вейсенгофа, ловкости и остроуміи Дверницкаго и пользовался такою же любовью, какъ этотъ генералъ; генералъ Глотвинскій, малороссъ, поэтъ и музыкантъ; князь В. изъ штабныхъ, князь Вяземскій изъ лейбъ-гусаровъ; Бухъ, инженеръ и наши дѣльные донскіе казаки: Орловъ-Злотопольскій, изъ Матушева, полковникъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, гр. Григорій Орловъ-Денисовъ, послѣ женитьбы на богатой дѣвицѣ Никитиной называвшійся Орловъ-Денисовъ-Никитинъ, родомъ тоже изъ Украйны, бывшій въ то время ротмистромъ гвардіи, душою всего полка и, пожалуй, всего казачества, и поручикъ Дмитровъ, олицетворявшій образъ Энея въ пародіи на Энеиду Котляревскаго.

«Эней былъ паробокъ моторный, хоть куда казакъ»,—говорится въ этой Энеидѣ. Такимъ былъ и Дмитровъ, неразлучный другъ и пріятель Григорія Орлова-Денисова.

Въ день смотра войскамъ, произведеннаго великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ Бердичевѣ, на плацу передъ ратушей былъ назначенъ парадъ; на парадѣ, для поддержанія порядка, находился полу эскадронъ казаковъ подъ командою Дмитрова. Великій князь, недовольный казаками, до окончанія парада крикнулъ: «казаки—вонъ!». Казаки, прибывшіе въ Бердичевъ на смотръ, были расположены по квартирамъ

по-одному и по-двое. Дмитровъ, выѣхалъ на средину плаца, поднялся на стременахъ и скомандовалъ:

— Казаки, вонъ, по домамъ, галопомъ, маршъ!

Казаки понеслись по домамъ съ мѣста въ карьеръ, каждый въ свою сторону, разгоняя передъ собою испуганныхъ жидовъ и прочій Божій людъ. Произошло смятеніе и переполохъ; спрошенный о причинѣ, Дмитровъ отвѣчалъ: «Я повторилъ команду его высочества!»

На другой день, Дмитровъ, со взводомъ казаковъ, эскортировалъ великаго князя, ѣхавшаго на почтовыхъ изъ Бердичева въ Житоміръ; чрезъ каждыя три версты стояли на смѣну казацкіе взводы съ офицерами, чтобы слѣдовать за коляскою великаго князя, которая неслась во весь духъ. У Дмитрова былъ гнѣдой конь, славившійся не только въ гвардіи, но и по всему Дону. Великій князь слышалъ про коня, а на офицера обратилъ вниманіе наканунѣ на парадѣ. Улыбаясь, Михаилъ Павловичъ спросилъ Дмитрова, въ состояніи ли онъ сопровождать его на своемъ конѣ до Кодни—24 версты.

Въ отвѣтъ на эти слова, Дмитровъ поскакалъ рядомъ съ экипажемъ; взводы мѣнялись, а онъ продолжалъ скакать на своемъ конѣ; въ Коднѣ онъ въѣхалъ во дворъ, перепрыгнувъ чрезъ заборъ; подлетѣлъ къ крыльцу, осадилъ коня, соскочилъ съ него, похлопалъ его по шеѣ; конь отвѣтилъ ему веселымъ ржаніемъ, такой же рѣзвый, неутомленный, готовый снова бѣжать. Великій князь завтракалъ въ Коднѣ; пригласивъ на завтракъ Дмитрова, онъ спросилъ его, не продастъ ли онъ своего коня и за сколько?

Дмитровъ отвѣчалъ:

— Пусть онъ служитъ вашему высочеству, но не за деньги; я не продамъ его и за полцарства.

— А за цѣлое?

— Это другое дѣло. Тогда я былъ бы царемъ и моего коня въ этомъ царствѣ.

Великій князь засмѣялся, сказавъ: «молодецъ казакъ, настоящій донецъ» и въ скоромъ времени произвелъ его въ ротмистры.

На свадьбѣ Терезы Морголецъ, вѣнчавшейся въ Коднѣ, присутствовалъ Дмитровъ. Молоденькая, небольшаго роста, худощавая и хорошенькая панна приглянулась казаку, но, покрутивъ усъ и качая головою, онъ говорилъ своимъ пріятелямъ на ухо: «очаровательна, но нашему брату, казаку, не годится. Эти слова дошли до Блендовскаго, отставнаго полковника польскихъ войскъ, женатаго на Дзялынской изъ Траянова. Онъ тотчасъ вызвалъ всѣхъ генераловъ и крупныхъ помѣщиковъ въ отдѣльную комнату и предложилъ тостъ за величайшаго богатыря въ свѣтѣ, съ которымъ не можетъ сравняться никто изъ присутствующихъ. Многіе думали, что онъ провозгласитъ тостъ

за Дибича, Паскевича или за фельдмаршала Гудовича или за покойнаго Наполеона I, но Блендовскій заявилъ, что каждый изъ нихъ могъ бы быть богатыремъ, ежели бы его создала таковымъ природа и провозгласилъ тостъ за Дмитрова. Шампанское запѣнилось, всѣ пили, за Дмитрова, соглашаясь, что на такой подвигъ они не способны.

Мы жили съ гвардейцами весьма дружно, въ особенности, съ донскими казаками. Отъ нихъ мы узнали подробности о коронаціи, объ открытомъ заговорѣ, мундирахъ, лампасахъ, вообще они сообщили намъ придворныя и политическія новости, показывали намъ нѣмецкія газеты, въ которыхъ писалось объ этомъ и которыя получались гвардейскими офицерами въ большомъ числѣ такъ же, какъ французскія и англійскія. Офицеры выписывали и многія русскія изданія, въ числѣ которыхъ наиболѣе интересными были: «Библіотека для чтенія» и «Русскій Инвалидъ»; благодаря имъ, мы знакомились и съ этими журналами. При томъ, офицеры имѣли небольшія, но прекрасно составленныя библіотеки, изъ книгъ по наукамъ политическимъ и военнымъ, на разныхъ языкахъ, которыя они охотно давали намъ для прочтенія. Гвардейскіе офицеры были очень трудолюбивы и любознательны, охотно читали наши книги; изъ нихъ рѣдко кто не зналъ польскаго языка. Мы сближались съ ними на почвѣ литературы, науки и даже политики, но не составили никакихъ сообществъ. Смѣло можно сказать, что это пребываніе гвардіи было очень полезно для нашей молодежи, особенно для молодежи въ окрестностяхъ Бердичева, такъ какъ она наиболѣе сошлась съ русскими офицерами. Насколько я могъ замѣтить въ то время, католическое духовенство особенно старалось воспрепятствовать сближенію поляковъ съ русскими. Гдѣ только были піары, доминиканцы и даже базиліане,—люди образованные, даже ученые и уважаемые, имѣвшіе вліяніе на помѣщиковъ,—тамъ помѣщики избѣгали общенія съ русскими. Въ окрестностяхъ Бердичева жили кармелиты, босоногіе, но съ туго набитыми мошнами; они занимались хлѣбопашествомъ и торговали волами, вели хозяйство въ Скрыгловкѣ и въ Скоморохахъ, имѣли доходныя мельницы на Гнилопятѣ и на Гуйвѣ, погреба подъ костеломъ и лавки по близости отъ него, напоминавшія торжище въ храмѣ Іерусалимскомъ во времена Іисуса Христа. Въ этихъ лавкахъ они торговали, а вся ихъ духовная мощь, весь ихъ разумъ выражался исключительно въ Бердичевскомъ календарѣ и въ астрономическихъ предсказаніяхъ математика Кисловскаго, который не былъ ни кармелитомъ, ни босоногимъ.

Мы охотились на лисицъ въ камышахъ отцовъ кармелитовъ и отдавали имъ, за право охоты, лисьи шкуры на шубы, занимали у ксендза Даніила полновѣсные червонцы и елизаветинскіе рубли на проценты и подъ залоги, пили шампанское и ухаживали за дѣвицами съ ксендзомъ

провинціаломъ Романовскимъ; но между нами не было иныхъ отношеній, какъ между добрыми сосѣдями.

Въ Коднѣ были августинскіе монахи, жившіе еще въ славной своей прежней образованности. Ихъ настоятель сказалъ, однажды, проповѣдь на тему: «у кого волосъ дологъ, у того умъ коротокъ»; проповѣдь эту онъ сказалъ въ пику паннѣ Вевинской, на которую былъ сердитъ и у которой были роскошные волосы; желающимъ блистать умомъ ксендзъ совѣтывалъ совершенно обрить голову. Проповѣдь эту, каллиграфически переписанную, онъ послалъ паннѣ Вевинской.

Завѣдующій хозяйствомъ ксендзъ-августинецъ, на упрекъ генерала Корженевскаго въ томъ, что онъ волочится за прекраснымъ поломъ и позоритъ своимъ поведеніемъ костелъ и монашескій орденъ, къ которому принадлежитъ, сказалъ въ свое оправданіе: «уважаемый генералъ, и у ксендза сердце не камень».

Бернардины въ Чудновѣ умѣли великолѣпно приготовлять осетрину и штокфишъ. Капуцины въ Ходорковѣ варили превосходный медъ и продавали его по рублю серебромъ за бутылку; ѣздили собирать пожертвованія на монастырь, собирали съѣстные припасы, барановъ, отъ дѣтей брали улитокъ и тому подобныя мелочи. Все это, вмѣстѣ взятое, не давало имъ возможности пріобрѣсти духовное и нравственное вліяніе на помѣщиковъ, и они таковымъ дѣйствительно не пользовались.

Іезуиты, которыхъ императоръ Александръ I, изгнавъ изъ своей страны, оставилъ здѣсь какъ бы на забаву старому сенатору—кардиналу Илинскому, пытались было завести школы, собрали даже нѣсколько молодыхъ людей, желавшихъ обучаться въ этихъ школахъ, но когда Антонъ Бардецкій и Янушъ Вороничъ убѣжали отъ нихъ съ ранами отъ побоевъ, вѣсть объ этомъ варварствѣ быстро распространилась; родственники учениковъ взяли ихъ обратно, и школы прекратили свое существованіе, а вскорѣ послѣ того и сами іезуиты, не знаю по какой причинѣ, должны были, по распоряженію правительства, покинуть край.

Доминиканецъ Фальковскій былъ присланъ въ Юго-Западный край для поднятія значенія и вліянія католическаго духовенства, но этотъ пламенный проповѣдникъ, котораго вполнѣ можно было назвать бѣшенымъ и необузданнымъ, направилъ громы своего краснорѣчія прежде всего противъ женщинъ. Однажды, онъ сталъ поносить одну молодую дѣвушку за то, что ея имя Гортензія — названіе цвѣтка; онъ называлъ ее язычницей, а не христіанкой и такъ бранилъ ее, что всѣ мало-помалу вышли изъ костела, а неистовствовавшаго проповѣдника пришлось свести съ амвона.

Другой разъ, онъ началъ укорять одну, всѣми уважаемую даму за то, что она, разведясь со своимъ мужемъ, отъ котораго имѣла троихъ сыновей и дочь, вышла замужъ за другаго. Онъ выносилъ семейныя

дрязги на амвонъ и разглашалъ ихъ во всеуслышаніе. Его гнали отовсюду, какъ бѣшенаго волка, а въ окрестностяхъ Бердичева ему не позволяли даже вступать на амвонъ. Такіе апостолы, конечно, не были въ состояніи поднять достоинство духовенства и упрочить его вліяніе. Ксендзъ Фальковскій оскорбилъ прекрасный, слабый полъ; это вооружило всѣхъ противъ духовенства; непріятныя и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшныя выходки ксендза въ Кременцѣ отучили женщинъ отъ ханжества и лицемѣрія, которыя стали проникать уже и въ Юго-Западный край.

Г-жа І., въ молодости кокетка и вольтеріанка, блиставшая въ Парижѣ во времена регентства, изучила, до мельчайшихъ подробностей, любовныя похожденія французскихъ королей и прилагала, какъ говорятъ, съ успѣхомъ изученную теорію на практикѣ; когда ей стукнуло сорокъ лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на ея лицѣ появились морщины, исчезла гибкость ея стана и начались недомоганія, она покинула Францію. Въ Вѣнѣ она вошла въ сношеніе съ богобоязненными или, лучше сказать, преданными ксендзамъ польками и хотѣла ввести въ Кременцѣ такія же, какъ въ Вѣнѣ, религіозныя общества и собранія. У нея было значительное состояніе, а у кого есть деньги, у того есть и друзья, хотя бы онъ былъ самимъ Іудою Искаріотскимъ или нераскаянной грѣшницей. Она бѣлилась, румянилась, съ помощью ваты исправляла недостатки своего бюста, ѣздила на раннія обѣдни въ костелъ; лакеи носили за нею, оправленныя въ золото, эмблемы: пистолеты для умерщвленія смертельныхъ грѣховъ, висѣлицу, чтобы повѣсить на ней женскія страсти, мѣшокъ, чтобы спрятать въ него дьявольскіе соблазны и такого же рода богослужебныя книги, печатавшіяся, вмѣстѣ съ календарями, у босоногихъ кармелитовъ въ Бердичевѣ. Г-жа І. давала вкусные обѣды, вечера, даже небольшіе балы, на которыхъ танцовали до разсвѣта. «Танцуя, человѣкъ не грѣшитъ»,—говорила она, «а отдыхъ послѣ танцевъ побуждаетъ его къ благочестивымъ размышленіямъ». Впрочемъ, тотчасъ по окончаніи ранней обѣдни, прекрасныя дамы, благочестивыя матроны и шаловливыя дѣвицы сходились къ г-жѣ І. на духовную бесѣду, которая происходила въ ея спальнѣ; это вошло въ моду, поэтому у нея собиралось, по утрамъ, многочисленное и избранное общество.

Въ это время, въ Кременцѣ проживалъ полковникъ Ожаровскій, котораго обыкновенно звали «Ожаруло», а также обезьяной, такъ какъ онъ былъ очень дуренъ собою. Ожаруло, какъ сатана, задался цѣлью разогнать благочестивое собраніе. Однажды, когда у г-жи І. былъ танцовальный вечеръ, а на слѣдующее утро должно было состояться обычное собраніе, Ожаровскій подкупилъ горничную, и въ то время какъ въ залѣ танцовали, Ожаруло, раздѣвшись, какъ для купанья, залегъ подъ кровать г-жи І. и прислушивался оттуда къ музыкѣ и танцамъ.

На слѣдующее утро, въ спальнѣ г-жи І. состоялось обычное собраніе, на которое явились дамы, хотя и утомленныя безсонною ночью, но успѣвшія уже нѣсколько освѣжиться и перемѣнить костюмъ. Дѣло было весною; весенній вѣтерокъ, врываясь въ раскрытыя окна, ласкалъ прекрасныя лица дамъ и игралъ ихъ волосами. Всѣ усѣлись вокругъ стола, на кушеткахъ и стульяхъ. Г-жа І. читала вслухъ присланное ей изъ Вѣны одной особой посланіе о страшной грѣховности тайныхъ любовныхъ связей; всѣ наполовину слушали, наполовину зѣвали, какъ вдругъ, изъ-подъ кровати донесся слабый вздохъ; всѣ насторожились; вскорѣ послышался второй вздохъ, болѣе тяжелый, за нимъ третій, четвертый. Г-жа І. смутилась, голосъ ея дрогнулъ, она прервала чтеніе, и въ этотъ моментъ Ожаруло выскочилъ изъ-подъ кровати, въ костюмѣ Адама: «Такъ невозможно, дорогая Юлечка, прости, я не могъ выдержать»; съ этими словами Ожаруло выскочилъ въ садъ и исчезъ въ клумбахъ.

Всеобщее смущеніе: Юлечка упала въ обморокъ, всѣ прочія дамы разбѣжались, а на слѣдующій день г-жа І. покинула Кременецъ и поселилась гдѣ-то на краю Подоліи; о ней болѣе не слыхали, она перестала бывать въ свѣтѣ и сдѣлалась домосѣдкой.

Обезьяна Ожаруло не только разогналъ собраніе, но и отучилъ женщинъ отъ ханжества и лицемѣрія, ибо ничто такъ не дѣйствуетъ на прекрасный полъ, какъ боязнь прослыть смѣшными; духовенство лишилось поддержки дамъ, и мужчины, благодаря этому, освободились изъ-подъ его опеки.

Русскіе, второй разъ въ моей жизни пробуждали общественную жизнь въ Юго-Западномъ краѣ. Надобно признаться, что между различными частями Польши не было никакой связи; цѣпь, связывавшая ихъ, была порвана, и со стороны поляковъ не замѣчалось никакихъ усилій къ тому, чтобы спаять ея разбитыя звенья. Царство Польское, такъ называемая конгрессувка, замкнулось въ самомъ себѣ, какъ черепаха въ своемъ панцырѣ и не хотѣла даже знать, что дѣлается внѣ этого панцыря; Западная Русь и Литва стали для него какимъ-то миѳомъ. Представленіе о Руси сливалось въ сознаніи поляковъ съ представленіемъ о пирогахъ, а объ Литвѣ—съ мыслію о колдунахъ, а такъ какъ и татары претендовали на изобрѣтеніе колдуновъ, то литовцевъ и смѣшивали съ татарами, Русь отожествлялась съ понятіемъ о гайдамакахъ и казакахъ, и поляки удивлялись тому, что русскіе не мажутся дегтемъ и не помадятся саломъ, а пріѣзжаютъ въ Варшаву во фракахъ, шляпахъ и перчаткахъ и болтаютъ по-французски и по-польски. Этими свѣдѣніями ограничивалось знакомство поляковъ съ Русью и Литвою.

Литва, какъ всегда, была благоустроена, велика, сильна духомъ. Двое Снядецкихъ и Адамъ Мицкевичъ поставили ее высоко. Однако,

произведенія Снядецкихъ были слишкомъ мудрены для поляковъ; нѣмцы и французы понимали ихъ, переводили на свой языкъ, включили ихъ въ списокъ книгъ, необходимыхъ для самообразованія; для поляковъ же это была Зендъ-Авеста, которой они удивлялись, но которую понять не могли. Я зналъ одного писателя-поляка, въ теченіе 10 лѣтъ не бравшаго въ руки ни одной книги, кромѣ сочиненій Яна Снядецкаго, и который дошелъ въ нихъ только до 26-й страницы. За истину сказаннаго я могу поручиться, такъ какъ я нарочно склеилъ 27-ю и послѣдующія страницы и всегда находилъ ихъ склеенными. Читатель, взявъ эту книгу въ руки, тотчасъ засыпалъ, она была для него наркотическимъ средствомъ—хотя надобно замѣтить, что это была философія Яна Снядецкаго, а не химія его брата, Андрея Снядецкаго. О такомъ исполинѣ, какъ Адамъ Мицкевичъ, Людвигъ Осинскій продекламировалъ:

Ciemno wszędzie, glucho wszędsie, głupie było, głupie będzie [1]). Съ этими словами онъ закрылъ книгу, и она лежала закрытой въ Польшѣ,—поляки ее не раскрывали. Только тогда, когда русскіе стали чтить и прославлять Мицкевича, когда они, вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголемъ, провозгласили, что онъ великій поэтъ и нашъ «славянинъ»,—только тогда и у насъ, въ Юго-Западномъ краѣ, признали это, по примѣру русскихъ, и съ тѣхъ поръ слава Мицкевича стала проникать въ Царство Польское, въ Галицію и даже въ Познани и тамъ съ изумленіемъ стали говорить, что въ Литвѣ и Западной Россіи пишутъ и читаютъ по-польски. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Познани гораздо позднѣе было открыто существованіе поляковъ въ Восточной и Западной Пруссіи и слѣды славянъ на Эльбѣ. Послѣ такого открытія, равнаго открытію Христофора Колумба, надо было отдохнуть, чтобы умъ не слишкомъ напрягался и не лопнулъ, какъ мыльный пузырь, поэтому позднѣйшимъ поколѣніямъ предоставлено было изслѣдовать, существуютъ ли поляки гдѣ-нибудь, кромѣ Познани, въ Гнѣзенѣ, надъ озеромъ Гопла, или ихъ съѣли мыши, какъ короля Попела.

Въ Галиціи, Габсбурги и Меттернихъ тѣшили шляхту красными мундирами, золотымъ шитьемъ, золотыми шпорами, титулами графовъ, бароновъ и кавалеровъ и сеймомъ, съ той цѣлью, чтобы они не развѣдывали, что дѣлается въ другихъ частяхъ Польши. Поляки объ этомъ и не знали, да и знать не хотѣли.

Единственнымъ звеномъ, связывавшимъ насъ съ Польшей, были офицеры польскихъ войскъ, присылаемые къ намъ для ремонта, но намъ казалось, что это войско составляетъ особую часть народа, чуть не отдѣльный народъ цесаревича Константина Павловича, потому что оно

[1]) Всюду темно, всюду нелсно, было глупо, глупо и останется!

было предано ему тѣломъ и душою; я не преувеличу, сказавъ, что оно боготворило своего вождя. Мы были тогда въ близкихъ отношеніяхъ съ польскимъ войскомъ, молодежь Юго-Западнаго края шла служить въ это войско и составляла, подъ начальствомъ цесаревича, прекраснѣйшую часть его офицеровъ. И у насъ хотя и побаивались царскаго брата, но любили его, и мы думали, что онъ лучшій полководецъ въ мірѣ и любитъ поляковъ, какъ своихъ дѣтей, а войско его мы считали верхомъ совершенства въ военномъ отношеніи. И въ польскомъ войскѣ и между помѣщиками Юго-Западнаго края, особенно между молодежью, личность цесаревича пользовалась особымъ обаяніемъ; я могу утверждать, что императорское правительство пользовалось также большою популярностью. Какъ теперь помню, однажды на собраніи въ Коднѣ, на которомъ присутствовали почти всѣ польскіе ремонтеры, когда Генрихъ Ржевусскій сталъ порицать поляковъ, которые такъ охотно шли воевать съ турками, единственными союзниками древней Польши, маіоръ Гужковскій, старый служака, который признавалъ только свою саблю и своего коня, отвѣтилъ, что напрасно цесаревичъ не послалъ всего польскаго войска на бусурманъ; можетъ быть, оно снискало бы этимъ царскую милость и не лишилось бы лампасовъ, которые были замѣнены въ то время выпушками. Генрихъ Ржевусскій доказывалъ, что это было бы нарушеніемъ вѣчнаго мира, заключеннаго Польшей съ Турціей, который его предокъ подписалъ отъ имени польскаго короля и Рѣчи Посполитой; что было бы естественнѣе стать на сторону Турціи и подумать о Польшѣ, не упуская удобнаго момента.

Гужковскій разсердился, а другой маіоръ, Шиманскій, сказалъ:

— Почемъ знать, чѣмъ бы дѣло кончилось, еслибы царскій указъ, замѣнившій лампасы выпушками, былъ объявленъ до турецкой войны, но онъ изданъ послѣ коронаціи; только будьте увѣрены, господа, что, безъ лампасовъ, ни мы, ни цесаревичъ не пойдемъ противъ французовъ.

Этотъ разговоръ наводитъ меня на мысль, что эти несчастные лампасы были одною изъ причинъ, вызвавшихъ среди польскаго войска враждебное отношеніе къ императору.

Цесаревичъ негодовалъ на это распоряженіе и по своему обыкновенію, на ежедневныхъ пріемахъ въ Бельведерскомъ дворцѣ, открыто выражалъ свое неудовольствіе. Генералы и адъютанты цесаревича распространяли въ войскѣ слухи объ его неудовольствіи и, желая увеличить популярность цесаревича, своего благодѣтеля, выдумали различные разсказы, которые влагали въ его уста. Такъ, по словамъ однихъ, цесаревичъ будто бы сказалъ:

— Я отдалъ ему корону, а онъ не хочетъ оставить мнѣ лампасовъ.

Другой разъ, все по поводу тѣхъ же лампасовъ, передавали какое-нибудь другое замѣчаніе великаго князя. Это порождало до нѣкоторой

степени среди войска нерасположеніе къ императору и увеличивало обаяніе цесаревича; почемъ знать, не было ли это обстоятельство одною изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ ноябрьское революціонное движеніе такъ легко охватило польское войско, въ особенности если принять во вниманіе, что войско почти до конца было убѣждено, что оно не разстанется съ своимъ излюбленнымъ вождемъ, иначе не могутъ себѣ объяснить этого явленія всѣ тѣ, кто присмотрѣлся къ офицерамъ польскаго войска на Украйнѣ и былъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ.

Что же дѣлала въ это время польская аристократія?

Не знаю, что дѣлалъ князь Адамъ Чарторыйскій въ Царствѣ Польскомъ; мы читали постоянно въ газетахъ, что онъ жилъ за границею и лишь изрѣдка, и то ненадолго, пріѣзжалъ въ Варшаву, но о дѣятельности его мы ничего не знали. Этотъ великій государственный мужъ, этотъ доблестный полякъ, которому Юго-Западный край былъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ и развитіемъ національнаго самосознанія, казалось, забылъ объ Юго-Западной Руси, бывшей колыбели его рода, получившаго благодаря ему выдающееся положеніе въ политическомъ мірѣ.

Въ Межиборжѣ было тихо; владѣльца не было видно, и его пріѣзда не ожидали; между тѣмъ народъ и шляхта любили этого потомка генерала земель подольскихъ, который предсѣдательствовалъ нѣкогда среди нихъ. Сѣнявщизна была распродана, поговаривали о предстоящей продажѣ Межиборжчины; въ Грановщинѣ хозяйничали нѣмцы, а грановскіе казаки, славные своими кунтушами изъ дубленой телячьей кожи, перелетавшіе на своихъ добрыхъ коняхъ, изъ табуновъ Чарторыйскихъ, степи Украйны и Буджакъ, служа королю и Рѣчи Посполитой, мыли теперь испанскихъ мериносовъ, откармливали американскихъ свиней и воздѣлывали картофель.Не было признака, что князь Адамъ возвратится въ Юго-Западный край и заживетъ тамъ жизнью своихъ предковъ. Напрасно Падура пѣлъ князю Эвстафію Сангушко:

Ой, колы бъ еще война була,
То бъ побачила тебѣ ула.

Сангушки, хотя и потомки Ягеллоновъ, были люди искренніе и добрые и, казалось, забыли, что между ними былъ нѣкогда князь Романъ, водившій при свѣтѣ мѣсяца казацкіе полки на бой и располагавшійся съ ними лагеремъ. Теперешніе Сангушки и при солнечномъ свѣтѣ не стремились къ этому; они были готовы идти, куда ихъ поведутъ, но не вести войско, а тутъ нужны были именно такіе люди, которые повели бы его за собою.

Четвертинскіе — Рюриковичи, носили придворные мундиры, а не военное платье: они были камеръ-юнкеры, камергеры, а не воины и не герои.

Радзивиллы, по всеобщему отзыву, должны были принадлежать скорѣе къ племени несчастныхъ мазуровъ, нежели ловкихъ литвиновъ; они не отличались даже блестящимъ остроуміемъ Пана-Коханка; самый выдающійся изъ нихъ, Подлужанскій, болѣе интересовался швейцарцами и бердичевскими жидами, чѣмъ польскими дѣлами.

А что же дѣлали Ржевусскіе, — этотъ ходячій разумъ польской шляхты? Одинъ изъ нихъ разыгрывалъ эмира въ своемъ помѣстьѣ, въ Савранѣ, точно въ аравійской пустынѣ, но онъ былъ эмиромъ-цивилизаторомъ. Жеребцы и кобылы пяти породъ стояли у него на паркетѣ, у мраморныхъ яслей; предъ каждою лошадью было зеркало, чтобы она могла любоваться собою, а не скучать, какъ одалиски въ гаремѣ. Самъ онъ возсѣдалъ на тигровой шкурѣ, тянулъ трубку и попивалъ аравійскій кофе, а вокругъ него казачата, какъ арабы, сидя неподвижно, играли на теорбахъ и распѣвали казацкія думы. Казачата кричали, прислуга кричала, а эмиръ сидѣлъ задумавшись, не говоря ни слова.

Генрихъ Ржевусскій говорилъ иногда о Польшѣ, о битвѣ подъ Лейпцигомъ, о рыцарствѣ князя Іосифа Понятовскаго, но чаще всего только отпускалъ остроты. Такъ, напр., когда Бутурлина, рожденная Понятовская, дочь Понятовскаго изъ Таганчи, богача, державшаго на откупѣ всю Кіевскую губернію, попросила его однажды написать ей въ альбомъ какіе-нибудь стихи, прославляющіе имя Понятовскихъ и ихъ стремленіе славѣ, Ржевусскій написалъ:

Poniatowscy, jakież wasze losy głupie
Jeden siedzia na tronie, drugie na odkupie [1]).

Другой разъ онъ началъ говорить о польскомъ дѣлѣ, по обыкновенію очень умно, пылко и убѣдительно. Марія Гленбоцкая, слушавшая его, показала ему свой альбомъ, въ которомъ были написаны посвященныя ей стихотворенія разныхъ знаменитостей поляковъ, людей сабли и пера. Это были стихи, написаные наскоро, случайно: большею частью въ нихъ фигурировали ангелы и демоны. Ржевусскій читалъ, улыбался и написалъ:

Aniel, diabeł, Maryś, ilez to tu rzeczy
Ale prècz Marysi, wszystko nie do rzeczy [2]).

Отъ него ничего нельзя было добиться, кромѣ остроумныхъ выходокъ.

Въ это время я познакомился въ Пилипахъ съ генераломъ Витте, начальникомъ военныхъ поселеній на Украйнѣ, сыномъ красавицы Софіи Потоцкой, отъ ея перваго брака, и съ его адъютантомъ, Ада-

---

[1]) Понятовскіе, какъ глупа ваша судьба: одинъ изъ васъ сидѣлъ на тронѣ, другой сталъ откупщикомъ.

[2]) Ангелъ, демонъ, Марися—сколько тутъ предметовъ, но всѣ они, кромѣ Мариси, тутъ неумѣстны.

момъ Ржевусскимъ, братомъ Генриха. Генералъ Витте былъ молодившійся старичекъ, веселый и добродушный на видъ. Адамъ Ржевусскій произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, которое не изгладилось и до сихъ поръ.

Возвращаюсь къ стариннымъ и славнымъ родамъ Юго-Западной Руси.

Потоцкіе не раздѣлались еще съ Тарговицей, а Браницкіе—съ послѣднимъ гетманствомъ. Сапѣгъ не принимала ни Литва, ни Червонная Русь, и они тоже не шли въ счетъ.

Коммиссаръ Микульскій, который во время войны былъ командированъ на Дунай для переговоровъ съ Гладкимъ, атаманомъ запорожцевъ, жившихъ въ началѣ этой войны на берегу Дуная, подъ властью турецкаго султана и со старшиной другихъ казаковъ, описывалъ намъ этотъ запорожскій кошъ, какъ сборище бурлаковъ и гайдамаковъ со всего свѣта, а Гладкаго, какъ простодушнаго человѣка, который будто бы не былъ въ состояніи справиться съ этимъ сбродомъ и для управленія имъ прибѣгалъ къ помощи евреевъ, что будто и онъ, Микульскій, для переговоровъ съ казаками также пользовался преимущественно посредничествомъ евреевъ; будто евреи болѣе, нежели Гладкій, способствовали образованію между запорожцами партіи сторонниковъ перехода на лѣвый берегъ Дуная, въ подданство русскаго царя; будто послѣ перехода черезъ Дунай войско не встрѣтило никакихъ препятствій, и что не болѣе 3.000 человѣкъ было выведено оттуда для поселенія по Азовскому побережью, а большая часть запорожцевъ разсѣялась по всей турецкой имперіи. О другихъ казакахъ онъ разсказывалъ, что некрасовцы остались вѣрны Турціи и пользовались у турокъ хорошей репутаціей и уваженіемъ, что добруджскіе старовѣры, желавшіе получить привилегіи, равныя съ некрасовцами, были взяты въ качествѣ заложниковъ турецкимъ правительствомъ и не перешли въ Россію, хотя ихъ старшина и толковалъ объ этомъ.

Такъ какъ всякая мѣра обязательно подвергается обсужденію, то и переходъ запорожцевъ за Дунай дѣятельно обсуждался. Внукъ славнаго атамана Платова, молодой поручикъ войска Донскаго, поэтъ, мечтатель и поклонникъ Байрона, онъ доказывалъ, что это переселеніе было ошибкою, что какъ бы оно ни совершилось, все-таки оно имѣетъ характеръ военнаго насилія, что надобно было оставить запорожцевъ на правомъ берегу Дуная, сблизиться съ ними, насколько возможно, поддержать въ нихъ бодрость духа, а со временемъ все устроилось бы само собою, и казаки подчинились бы русскому царю, всеславянской власти, какъ подчинилась ему Сибирь, завоеванная Ермакомъ и его подвижниками, которые хотя и сами были въ опалѣ, но повергли къ стопамъ царя цѣлый край, ими покоренный, со всѣми его поселками и городами. Казакамъ

нужно было предоставить вести прежній образъ жизни, ибо каждый человѣкъ бываетъ полезенъ болѣе всего тогда, когда онъ не покидаетъ свойственнаго ему образа жизни.

Время летѣло весело и быстро, каждый былъ доволенъ собою, какъ вдругъ пришелъ приказъ гвардіи выступить въ Петербургъ. Мы прощались съ гвардейскими офицерами сердечно, какъ съ родными, какъ съ побратимами, членами одной семьи. И дѣйствительно, мы были побратимами. Почему же судьба вскорѣ поселила между нами разладъ? Потому что ни среди насъ, ни между ними не было человѣка сильнаго духомъ и одареннаго сильною волею.

X.

Прибытіе втораго корпуса русскихъ войскъ. — Императоръ Николай Павловичъ.—Обѣдъ.—Смотръ.—Генералъ Корженевскій.—Вѣсти изъ Франціи.—Приготовленія мѣстныхъ помѣщиковъ.

Гвардія ушла, а на ея мѣсто прибылъ въ нашъ край второй пѣхотный корпусъ, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, артиллеріи и четырехъ гусарскихъ полковъ, подъ командою пѣхотнаго генерала, графа Палена 2-го, женатаго на Орловой-Денисовой. Этотъ корпусъ возвращался изъ Турціи, и императоръ Николай предполагалъ сдѣлать ему смотръ въ Коднѣ.

Графъ Паленъ былъ истинный потомокъ рыцарей-меченосцевъ: огромнаго роста, тучный, онъ напоминалъ тѣхъ рыцарей, съ огромными щитами, о которыхъ говорится въ пѣсняхъ, что они гнутъ людей, какъ былинку, ломаютъ каменныя стѣны, какъ плетень изъ хвороста; онъ любилъ поѣсть и выпить, былъ очень гостепріименъ и любезенъ, любилъ общество. Графиня была олицетворенная доброта, прекрасно воспитана, безъ памяти любила свой родной Донъ и все, что носило имя казака. Я былъ ей представленъ ея племянникомъ и былъ принятъ въ домѣ, какъ свой. Она часто бывала въ Гальчинцѣ и проводила по нѣскольку дней съ моими сестрами. Графиня, которой было тогда подъ 50 лѣтъ, любила слушать чтеніе исторіи казачества и пѣніе казацкихъ думъ, которыя казаки поютъ, подыгрывая на теорбахъ.

Чаще всего съ ней пріѣзжала жена начальника корпуснаго штаба, полковника Ренненкампфа, замѣчательно красивая блондинка, молодая и сентиментальная. Гусары, какъ всегда сорви-головы, говорили, что эта женщина съ большимъ характеромъ, такъ какъ она вѣрна мужу.

Въ этомъ корпусѣ почти не было поляковъ, очень мало малороссовъ и даже великороссовъ. Всѣ высшіе офицеры были большею частію фин-

ляндцы или остзейцы, а низшіе — или уроженцы сѣверныхъ губерній, или татары. Полки были образцовые, отличались исправностью въ строю и пріобрѣли боевую славу. Ихъ звали варнскими львами; про нихъ говорили, что они, во имя короля польскаго Николая, отомстили за смерть Владислава III, также короля польскаго. Съ этимъ корпусомъ ни помѣщики, ни горожане, ни даже евреи не имѣли никакихъ столкновеній, потому что онъ былъ образцовымъ относительно порядка, субординаціи и аккуратности въ уплатѣ долговъ; но отъ него вѣяло какимъ-то холодомъ, и мы не имѣли къ нему, не говорю уже, такого расположенія, какъ къ гвардіи, потому что то была братская привязанность, но даже къ 3-му корпусу, этому собранію безпутныхъ гулякъ. Можетъ быть, это произошло оттого, что корпусъ этотъ, придя на мѣсто гвардіи, не могъ ни въ какомъ отношеніи выдерживать съ нею сравненія и производилъ послѣ нея на мѣстныхъ жителей такое же впечатлѣніе, какъ итальянское вино, хоть и хорошее, послѣ шампанскаго.

Къ это же время возвратились въ свои помѣстья Тадеушъ Валевскій и Викентій Томкевичъ, заперлись въ своихъ домахъ и стали заниматься хозяйствомъ, разыгрывать роль хозяевъ и домосѣдовъ.

Игнатій Струмилло приглашалъ сыграть въ вистъ, въ бостонъ, въ пикетъ и даже въ марьяжъ.

— Сыграемъ, пока есть время, а то я былъ въ Очерстяной, и мнѣ кажется, что скоро уже будетъ не до игры, развѣ перекинемъ въ штоссъ и то на сѣдлѣ,какъ бывало во время конфедераціи или когда я служилъ въ уланахъ.

Игнатій Струмилло служилъ нѣкогда ротмистромъ въ австрійскомъ уланскомъ полку эрцгерцога Карла, и отъ этой прежней службы у него остались сабля и шпоры, которыя онъ велѣлъ теперь вычистить.

По всему околотку разнесся слухъ, что президентъ Елисей Піотровскій, старинный пріятель семействъ Валевскихъ и Корвицкихъ, извѣстный юристъ, приготовляетъ доказательства и всякіе документы для завладѣнія русскими землями на основаніи Литовскаго статута, Магдебургскаго права и прусскихъ законовъ въ древней Польшѣ. Вѣдь на то и право, чтобы люди устраивались согласно съ нимъ и не допускали насилія. А поэтъ Констанцій день и ночь сочинялъ длиннѣйшую оду въ честь Тадеуша, но не Костюшки, а Валевскаго. Это было ему очень легко, такъ какъ онъ нашелъ въ своихъ бумагахъ черновыя одъ и посланій къ Тадеушу Костюшкѣ и Тадеушу Чацкому,—все къ Тадеушамъ; передѣлка шла недурно, но было затрудненіе, что поставить вмѣсто «Рославя, Дубенки и Маціовицъ?» Наконецъ онъ вставилъ: «Гончариху, Перепетову Мошлу и Янче надъ Днѣпромъ,—тамъ отличится Тадзіо».

Ахметовичъ-паша, какъ новый Донъ-Кихотъ, со своимъ Санхо-Пансо, на коняхъ, выбранныхъ для нихъ Генрихомъ Ржевусскимъ, которые

сильно били задомъ и очень медленно подвигались впередъ, объѣхалъ помѣщичьи дома и вездѣ распѣвалъ:

«Въ столицѣ Сигизмунда, глубоко подъ памятникомъ этого стараго короля, тлѣетъ подземный огонь, лава расплавляется, кипитъ и скоро вырвется и польется по всѣмъ польскимъ землямъ. Такъ хочетъ Богъ, иначе быть не можетъ! Поднимайтесь, люди Божіи!»

Удивительное было лицо у этого старца: все въ морщинахъ, желтое, какъ древній пергаментъ, а между тѣмъ на немъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, глаза блестѣли, какъ угли, а нафабренные усы торчали, какъ рога у чорта. Всегда щегольски одѣтый, въ лосиныхъ брюкахъ въ обтяжку, въ ботфортахъ выше колѣнъ, въ вычищенной или новой красной чамаркѣ съ золотыми бандебурами; на головѣ шапка съ перомъ и разноцвѣтными лентами, какъ знаками побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ, а за нимъ Санхо-Пансо въ голубой одеждѣ. Онъ нигдѣ не останавливался на долго, а какъ только произносилъ: «Люди Божіи, поднимайтесь!» тотчасъ выходилъ, садился на коня и ѣхалъ дальше.

Появился и профессоръ Шостаковскій, бѣдняга, сошедшій съ ума отъ любви къ красавицѣ Элеонорѣ; онъ также говорилъ аллегорическія рѣчи:

«Nabuchodonozor wielki, bo on z nieba na ziemi Car, ale i lud wielki, bo jego ziemia; bili i bili Nabuchodonorza Wielkiego, ale czy pobię? Wszyscy, wszyscy na nogi, bo lydzie źle, jak to w poscieli zostanie, tego się skonczy panowanie, na nogi i do drogi [1])!

Странствовали по краю и другіе люди, въ томъ же родѣ, проповѣдывали, пѣли «o nowym Tadeuszu, co w nowym kontuszu potańczy na Janczy» [2]), и о томъ, какъ «Pan Wincenty jak ojciec Gaudenti, nie da siebie zrobic gapą, zmaże kreskę i ucznie da capo» [3]).

Все это пріѣхало къ намъ изъ Новаго Рима, который сенаторъ Илинскій отдалъ послѣ отцовъ іезуитовъ подъ надзоръ и управленіе своего почетнаго частнаго пристава Ахметовича-паши, а тотъ собралъ тамъ компаньоновъ подобныхъ себѣ, лишенныхъ разума и сердца, и устроилъ настоящій Бедламъ.

Игнатій Струмилло, который зналъ многое, чего не знали другіе, утверждалъ, что все это были штуки Генриха Ржевусскаго, съ цѣлью

---

[1]) «Навуходоносоръ великъ, ибо онъ посланъ небомъ царить на землѣ, но и народъ великъ, такъ какъ ему принадлежитъ земля; били, били великаго Навуходоносора, но побьютъ ли? Возстаньте всѣ, всѣ, ибо горе тому, кого это застанетъ въ постелѣ, окончится тогда господство его; возстаньте и въ путь!»

[2]) «Этого новаго Тадеуша, который въ новомъ куктушѣ протанцуетъ на Янчѣ».

[3]) «Панъ Викентій, какъ отецъ Гаудентій, не даетъ себя одурачить, изгладитъ черту и примется снова».

возбудить край и подготовить къ возстанію; но если бы дѣло не удалось—то онъ сталъ бы смѣяться надъ сумасшедшими, а въ случаѣ удачи, провозгласилъ бы: «это моя заслуга».

Мѣстныя власти не обращали вниманія на эти странствованія сумасбродовъ; засѣдатели и исправники смѣялись надъ ними и сами побуждали ихъ къ произнесенію проповѣдей. Помню, какъ житомірскій исправникъ, русскій, разсказывалъ намъ, что онъ встрѣтилъ между Сосновкой и Слободищами Ахметовича-пашу съ его Санхо-Пансо, гонящихъ трехъ быковъ, крича: «прочь, прочь съ нашихъ нивъ, довольно уже принесли вреда». На вопросъ исправника, какого это врага онъ тамъ гонитъ, Ахметовичъ отвѣчалъ:

— Я новый Геркулесъ, изгоняю чудовище изъ трехъ земель—Польши, Литвы и Руси, по приказанію его сіятельства сенатора-кардинала и преподобныхъ отцовъ іезуитовъ, которые возвратятся, чтобы насъ окрестить снова, но не въ Іорданѣ, а въ Днѣпрѣ.

Исправникъ смѣялся, и всѣ смѣялись, но были и такіе, которые не смѣялись, а край волновался все болѣе и болѣе, неизвѣстно почему; у всѣхъ было какое-то предчувствіе. Малорусскіе крестьяне говорили: несамовиты (сумасшедшіе) напускаютъ какое-то безпокойство, что-то будетъ».

Войска втораго корпуса уже получили приказъ двинуться въ лагерь подъ Кодню, когда прибыли къ намъ Игнатій Стемпковскій и Яковъ Цихоньскій, оба изъ Заславскаго повѣта, въ качествѣ делегатовъ Тадеуша Валевскаго, съ цѣлью возрожденія общества тамплiеровъ. Наши помѣщики и молодежь собирались въ трехъ мѣстахъ: Браталовѣ у Піотровскихъ, у Фалинскаго и въ Гальчинцѣ у меня. Игнатій Стемпковскій принадлежалъ ко всевозможнымъ масонскимъ обществамъ и могъ быть архи-церемоніймейстеромъ не только въ Польшѣ, но и вездѣ.

Гробовые покровы, мертвыя головы и бенгальскіе огни для декорацій занимали почтеннаго Стемпковскаго гораздо болѣе, чѣмъ самое дѣло, а Яковъ Цихоньскій отпускалъ остроты и писалъ стишки. Однако, несмотря на все это, къ нимъ присоединялись и люди почтенные, и молодежь; они записывались и присягали, но если бы спросить любаго изъ нихъ, почему онъ это сдѣлалъ, то онъ навѣрное отвѣтилъ бы: потому, что это сдѣлали другіе прежде меня.

Въ Коднѣ шли большія приготовленія къ пріему императора Николая Павловича. Тетка и дядя вызвали меня на это великое торжество: я пріѣхалъ съ Игнатіемъ Стемпковскимъ и Яномъ Омецинскимъ. Многіе помѣщики уже ждали въ Коднѣ прибытія императора: ихъ собралось у дяди всего девятнадцать человѣкъ. Всѣ они были въ дворянскихъ мундирахъ темно-зеленыхъ съ малиновымъ, я же былъ въ мальтійскомъ мундирѣ.

Государь пріѣхалъ въ Кодню ночью. Войска навстрѣчу ему не выходили, онъ прямо проѣхалъ къ дому помѣщика, гдѣ все уже было приготовлено. У крыльца государя ожидали: генералъ Корженевскій, хозяинъ дома, графъ Паленъ, командиръ 2-го корпуса, и волынскій губернаторъ Аверинъ. Такова была высочайшая воля.

Съ государемъ прибыли: фельдмаршалъ Сакенъ, командиръ 1-й арміи, фельдмаршалъ Дибичъ Забалканскій, командиръ второй арміи, генералы Бенкендорфъ и Адлербергъ, графъ Станиславъ Потоцкій, генералъ Витте и многочисленная свита императора и двухъ фельдмаршаловъ. Всего было болѣе ста человѣкъ, и всѣ очень удобно были размѣщены въ огромномъ кодненскомъ палацѣ, ни для кого не пришлось искать помѣщенія въ мѣстечкѣ. Въ главномъ корпусѣ были помѣщенія императора, фельдмаршаловъ, лицъ изъ свиты и штаба, въ павильонѣ лѣваго крыла размѣстились служители, придворные, и свита фельдмаршаловъ, а въ павильонѣ праваго крыла жилъ генералъ Корженевскій съ женой и всѣ пріѣхавшіе помѣщики.

60 экипажей, запряженныхъ шестерками, четверками и парами, и 120 верховыхъ лошадей были наготовѣ. Мебели и ковровъ было такъ много и такого качества, что старый фельдмаршалъ Сакенъ часто повторялъ: «только у польскаго пана да еще преданнаго монарху, какъ преданъ Михаилъ Корженевскій, можно найти такія вещи».

Эти слова дошли до государя и очень расположили его въ пользу генерала Корженевскаго, который былъ ему лично извѣстенъ, и который, къ тому же, былъ ловкимъ царедворцемъ.

Рано утромъ всѣ мы, помѣщики, собрались въ большой бальной залѣ, выходившей окнами въ садъ; насъ выстроили въ рядъ не по чинамъ и возрасту, а какъ попало, такъ что я стоялъ въ срединѣ, хотя былъ моложе всѣхъ и не имѣлъ никакого знака отличія, кромѣ мальтійскаго креста. Впереди насъ стояли: губернскій предводитель дворянства Граціанъ Левкевичъ, губернаторъ Аверинъ и генералъ Корженевскій.

Вошелъ государь; при немъ были только генералъ Витте и графъ Станиславъ Потоцкій.

Я долженъ сознаться, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не произвелъ на меня большаго впечатлѣнія, чѣмъ императоръ Николай; онъ былъ, въ то время, во всемъ цвѣтѣ красоты и царственнаго величія. По росту, осанкѣ и выраженію лица онъ казался владыкой міра. Лицо его загорѣло, только лобъ, прикрытый козырькомъ каски, былъ бѣлъ. Я не могу себѣ объяснить причины, но сердце невольно влекло меня къ нему, я не могъ наглядѣться на него, въ немъ было какое-то обаяніе и величіе.

Предводитель дворянства Левкевичъ началъ говорить по-французски, но государь сразу прервалъ его, сказавъ, по-русски:

— Господинъ предводитель, я понимаю и по-русски и по-польски; французскій языкъ между нами совершенно не нуженъ.

Когда смущенный Левкевичъ сталъ запинаться, государь обратился къ генералу Витте:

— Генералъ, представьте мнѣ дворянъ.

Генералъ взялъ списокъ и началъ его громко читать, а государь, проходя мимо нихъ, сказалъ каждому нѣсколько словъ.

Дворяне такъ были смущены неловкостью и ненаходчивостью своего предводителя, что отвѣчали невпопадъ; одинъ только Кантъ Гленбоцкій смѣло отвѣчалъ государю на его вопросы объ орденахъ, полученныхъ имъ въ Турціи и на Березинѣ.

Когда государь подошелъ ко мнѣ, то смѣрялъ меня глазами съ ногъ до головы и сказалъ очень милостиво:

— Съ такой фамиліей и еще не въ военной службѣ.

Я отвѣтилъ, что я единственный сынъ умершихъ родителей и опекунъ моихъ сестеръ.

Государь усмѣхнулся и сказалъ:

— У насъ и такіе есть.

Затѣмъ обратился къ генералу Корженевскому:

— Отдай мнѣ своего родственника, онъ будетъ служить при мнѣ.

Генералъ Корженевскій поклонился чуть не до земли. Когда кончилось представленіе, онъ смѣялся надъ крестомъ гроба Господня, который видѣлъ на груди Крашевскаго.

Потомъ подали экипажи, и генералъ Адлербергъ сообщилъ мнѣ, чтобы я приготовился ѣхать съ государемъ. Въ огромномъ ландо государь сѣлъ съ лѣвой стороны, а фельдмаршалъ Дибичъ — съ правой. На передней скамейкѣ было указано мѣсто генералу Корженевскому, а подлѣ него—мнѣ. Я сидѣлъ противъ государя. Мы проѣхали передъ лагеремъ, гдѣ войска встрѣчали императора музыкой и пушечными выстрѣлами. Государь не остановился здѣсь, а велѣлъ ѣхать прямо въ лазареты, которые были верстахъ въ пяти отсюда, въ Солотвинѣ. Лошади мчались во весь опоръ, а государь все время разговаривалъ, разспрашивалъ меня, что мы дѣлаемъ, какъ проводимъ время, какія у насъ развлеченія, о гвардейцахъ, со многими ли изъ нихъ я познакомился. На всѣ вопросы я отвѣчалъ, повидимому, удачно, потому что государь былъ со мной очень милостивъ, а дядя казался очень обрадованнымъ.

Обходя лазареты, государь останавливался возлѣ каждаго больнаго, а раненыхъ съ отеческой заботливостью разспрашивалъ, гдѣ они получили раны; но нѣсколько разъ онъ становился суровымъ, выговаривая

смотрителямъ лазарета и даже нѣкоторымъ докторамъ. Выраженіе его лица дѣлалось тогда такимъ грознымъ, что я замѣчалъ, какъ дрожали окружающіе, но въ то же время онъ не произносилъ ни одного рѣзкаго слова, не возвышалъ голоса. Это былъ истинный монархъ, рожденный, чтобы повелѣвать народами.

На обратномъ пути государь уже не говорилъ такъ много, какъ прежде, а только сказалъ генералу Дибичу:

— Неизлѣчимы, а надобно, чтобы вылѣчились.

Онъ задумался; потомъ снова сталъ говорить о своихъ варнскихъ львахъ, спрашивалъ объ офицерахъ, которыхъ не видѣлъ ни во фронтѣ, ни въ госпиталяхъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, но съ замѣтнымъ смущеніемъ и неувѣренностью,—видно было, что онъ менѣе зналъ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ императоръ. Государь, не желая его мучить, началъ говорить о Петербургѣ.

Обѣдъ былъ на 160 кувертовъ, на столахъ, разставленныхъ въ видѣ подковы. Изъ помѣщиковъ только трое были приглашены къ высочайшему столу: генералъ Корженевскій, Янъ-Кантъ Гленбоцкій и я. Графъ Адлербергъ говорилъ, что въ поданномъ спискѣ государь собственноручно вычеркнулъ всѣ фамиліи, кромѣ трехъ. Это приписывали французскому языку предводителя Левкевича, ибо иной причины не было. Въ тотъ же день губернатору Аверину было сообщено, что всѣ дворяне, занимающіе выборныя должности, могутъ разъѣхаться по своимъ мѣстамъ и вступить въ исполненіе своихъ обязанностей.

Государь сидѣлъ посрединѣ за первымъ столомъ отъ входной двери въ зало; по одну сторону его сидѣлъ фельдмаршалъ Сакенъ, по другую—генералъ Корженевскій; противъ государя—фельдмаршалъ Дибичъ, а возлѣ него съ одной стороны—графъ Паленъ, а съ другой—губернаторъ Аверинъ. Я сидѣлъ наискось противъ государя, между генераломъ Кайсаровымъ и полковникомъ Коцебу.

Генералъ Кайсаровъ былъ человѣкъ свѣтскій, въ полномъ смыслѣ слова, отлично говорилъ по-французски и даже по-польски; сосѣдство его было очень пріятно. Кайсаровъ, москвичъ изъ зажиточной семьи, былъ въ 1812 г. адъютантомъ при Кутузовѣ, а въ описываемое время—начальникомъ штаба 1-й арміи. По своему благородству и рыцарскимъ взглядамъ, онъ пользовался репутаціей русскаго баярда и былъ имъ въ дѣйствительности. Полковникъ Коцебу больше молчалъ, чѣмъ говорилъ, какъ и всѣ нѣмцы, достигшіе важныхъ должностей. Держался онъ на вытяжку и, какъ говорили, былъ очень свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ.

Когда дошла очередь до тоста за фельдмаршала Дибича и побѣдоносныя забалканскія войска, государь провозгласилъ его самъ, сказавъ при этомъ, что такія здравицы пьютъ не рюмками, а кубками; шампанское было налито въ большіе стаканы. Я тогда еще не былъ такъ при-

вычень къ крѣпкимъ напиткамъ, какъ теперь, но генералъ Кайсаровъ налилъ мнѣ полный стаканъ, и я долженъ былъ выпить его однимъ духомъ до дна

Второй тостъ также произнесъ государь: за варшскихъ львовъ. Генералъ Кайсаровъ сказалъ мнѣ, что взятыя подъ Варной пушки отосланы въ Варшаву, какъ трофеи славянскаго мщенія, и изъ его разговора я заключилъ, что онъ принадлежитъ къ какому-то славянскому обществу политическому или ученому.

Обѣдъ окончился очень весело. Послѣ обѣда всѣ оставались въ залахъ еще часа два, до чаю. Государь нѣсколько разъ удалялся въ свои покои и снова возвращался, но съ видимымъ желаніемъ не мѣшать общимъ разговорамъ. Старый фельдмаршалъ Сакенъ подозвалъ меня и спросилъ, что̀, по моему мнѣнію, болѣе достойно вѣнчать лаврами: чело героя, который проливаетъ кровь и лишаетъ другихъ жизни, или головку дѣвушки, которая разжигаетъ кровь и даетъ жизнь? Я отвѣчалъ не колеблясь, что предпочелъ бы видѣть ихъ на челѣ дѣвушки, но къ несчастью ея здѣсь нѣтъ.

Фельдмаршалъ Сакенъ, несмотря на суровость и строгость, въ которыхъ его обвиняли, былъ чрезвычайно пріятнымъ человѣкомъ въ обществѣ; любилъ проводить время среди мѣстныхъ помѣщиковъ и отличался своею любезностью; ему было въ то время уже лѣтъ подъ девяносто. Его адъютантъ, полковникъ Милорадовичъ, разсказывалъ намъ, что фельдмаршалъ былъ уже такъ слабъ, что ежедневно утромъ его растирали ромомъ съ какими-то медикаментами, давали выпить рюмку или двѣ вина съ какимъ-то снадобьемъ или просто шампанскаго, которое онъ предпочиталъ, и тогда только онъ приходилъ въ себя и, какъ заведенная машина, двигался до вечера. Онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ необходимости суровыхъ наказаній въ арміи для поддержанія дисциплины, что о нихъ только и думалъ. Тотъ же Милорадовичъ разсказывалъ анекдотъ, будто бы однажды, когда фельдмаршалу доложили утромъ о томъ, что его верховая лошадь захромала, онъ спросонья проговорилъ:

— Разжаловать въ солдаты и послать въ сибирскіе батальоны!

Матери, жены и сестры разжалованныхъ имъ и сосланныхъ въ Сибирь офицеровъ, желая выразить ему свое негодованіе, прислали фельдмаршалу прекрасную соболью шубу, при язвительномъ письмѣ, въ которомъ онѣ говорили, что эти соболи убиты на охотѣ тѣми, которыхъ онъ оторвалъ отъ ихъ семействъ и лишилъ отечества.

Фельдмаршалъ принялъ шубу и отвѣтилъ очень вѣжливымъ письмомъ, высказавъ въ немъ, что ему отлично извѣстна русская пословица, что изъ благодарности шубы не сошьешь, что онъ принимаетъ подарокъ за свои поступки и радуется тому, что русскія женщины оказываютъ

на дѣлѣ признательность тому, кто учитъ русскихъ, какъ слѣдуетъ служить отечеству.

Какъ бы то ни было, осанка, манеры и обращеніе князя Сакена вполнѣ соотвѣтствовали его положенію фельдмаршала; видно было, что въ его жилахъ текла благородная кровь рыцарей-меченосцевъ, кровь суровая, не знающая жалости, но все же рыцарская.

Фельдмаршалъ Дибичъ по наружности, по манерамъ и фигурѣ былъ совершенной противоположностью Сакена. Довольно тучный, приземистый, съ толстыми руками и ногами, онъ имѣлъ видъ нѣмца-пивовара, въ глазахъ его и улыбкѣ проглядывало добродушіе и, дѣйствительно, говорили, что онъ былъ очень добръ, доступенъ и снисходителенъ къ подчиненнымъ. Дибичъ былъ очень честенъ и свѣдущъ въ военномъ искусствѣ, но у него не было священнаго огня полководца.

Въ турецкую войну наиболѣе отличился генералъ Ротъ, а послѣ него Гейсмаръ, какъ люди отважные, даже дерзкіе по своимъ замысламъ и хладнокровные и мужественные въ исполненіи этихъ замысловъ. Подвиги генерала Гейсмара во главѣ драгуновъ на Дунаѣ приводились, какъ примѣры предусмотрительности, осторожности и неустрашимаго мужества. Переходъ генерала Рота черезъ Балканы въ виду многочисленной турецкой арміи подъ Шумлой, занятіе Адріанополя и высылка отрядовъ къ Константинополю и Дарданелламъ были блестящими примѣрами неустрашимой отваги и увѣренности въ себѣ.

Какъ на слѣпаго и безстрашнаго исполнителя приказаній указывали на генерала Палена 2-го. Фельдмаршалъ Дибичъ говорилъ о немъ: «Надо хорошо обдумать, чтобы не дать неудачнаго приказанія Палену, потому что онъ отступать не умѣетъ, неисполнимыхъ приказаній не допускаетъ, разъ ему приказано—онъ и себя и войско погубитъ, а приказаніе выполнитъ».

Это выражалось во всей его наружности и во всей его фигурѣ.

На слѣдующій день былъ смотръ войскамъ. По распоряженію генерала Адлерберга я былъ вмѣстѣ съ Корженевскимъ въ свитѣ государя; мужъ моей тетки, по правдѣ сказать, никогда не служилъ въ военной службѣ; какъ человѣкъ богатый, находившійся въ родствѣ съ Поцѣями, Малаховскими, Богушами и почти со всѣми литовскими магнатами, онъ былъ назначенъ при Станиславѣ Августѣ Понятовскомъ бригадиромъ Пинской бригады, «кавалеріи народовой», которой никогда не видѣлъ и притомъ никогда не садился на коня. Фельдмаршалы Сакенъ и Дибичъ, видя расположеніе государя къ Корженевскому, доложили ему, что ихъ товарищъ, Михаилъ Корнѣевичъ Корженевскій очень обиженъ, такъ какъ былъ бригадиромъ при королѣ Станиславѣ-Августѣ, а теперь не числится болѣе въ арміи, хотя и не былъ уволенъ въ отставку, и просили вознаградить его за эту несправедливость. Государь тотчасъ при-

казалъ зачислить Корженевскаго по кавалеріи съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. На смотръ Корженевскій явился уже въ генеральскомъ мундирѣ, на прекрасномъ бѣломъ конѣ изъ табуна Ивановскаго, такомъ смирномъ, что и беременная женщина могла бы на немъ ѣздить и молоко на немъ можно было возить.

Я былъ подлѣ него, тоже верхомъ на великолѣпномъ горячемъ конѣ гнѣдой масти. Я былъ недурнымъ и смѣлымъ наѣзникомъ; самъ государь замѣтилъ это. Когда гусарскіе полки начали дефилировать предъ нимъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ. Я исполнилъ приказаніе и поскакалъ галопомъ. Примѣръ ли моего коня или музыка и приближеніе кавалерійской колонны произвели то, что лошади фельдмаршаловъ стали безпокоиться. Фельдмаршалъ Сакенъ свалился на руки адъютантовъ и служителей, фельдмаршалъ Дибичъ удержался за гриву своего коня, а потомъ слѣзъ съ него, а генералъ Корженевскій очутился на землѣ, какъ онъ свалился—никто не видалъ; весь поблѣднѣвши, подошелъ онъ ко мнѣ; къ счастью, все кончилось благополучно, только смѣху было много. Смотръ прошелъ удачно; государь остался очень доволенъ.

На третій день пріѣхала императрица. По этому случаю былъ большой балъ, на которомъ я имѣлъ счастье танцовать съ императрицею мазурку и разговаривать съ ней о старой графинѣ Браницкой. Государыня танцовала превосходно, такъ изящно и оживленно, что ни одна полька не могла бы сравниться съ нею; съ государыней были: г-жа Баранова, двѣ дѣвицы Медемъ и замѣчательная красавица княжна Урусова. Предъ концомъ бала, гр. Станиславъ Потоцкій сообщилъ мнѣ, что государь императоръ, въ виду нелюбви моей къ военной службѣ, всемилостивѣйше пожаловалъ меня въ камеръ-юнкеры и что, устроивъ свои дѣла, я долженъ явиться въ Петербургъ и вступить въ исполненіе своихъ обязанностей.

Генералъ Корженевскій и я были представлены государю и благодарили его за милость. Государь и государыня обошлись съ нами очень ласково, а государь сказалъ мнѣ:

— Въ Петербургѣ почувствуешь охоту къ военной службѣ.

Государь уѣхалъ на слѣдующій день очень рано; государыня нѣсколько часовъ спустя. При отъѣздѣ, гофмейстерина Баранова очень любезно сказала мнѣ:

— До свиданья въ Петербургѣ.

Такъ я сдѣлался камеръ-юнкеромъ императорскаго двора. Я присягалъ при вступленіи въ общество тампліеровъ, что не вступлю ни въ какія иныя отношенія и не приму на себя никакихъ иныхъ обязательствъ. Я твердо рѣшилъ остаться вѣрнымъ своей клятвѣ, но, признаюсь, это рѣшеніе стоило мнѣ дорого, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ произвелъ на меня столь сильное впечатлѣніе, что я по-

стоянно думалъ: «Ахъ, если бы Польша имѣла такого короля! отчего поляки не группируются вокругъ него и своимъ послушаніемъ добровольно не снискиваютъ его расположенія, его любви? Лучше бы имъ было!» Таковы были мои мысли въ то время. Часто и очень часто приходили онѣ мнѣ въ голову впослѣдствіи, во время нашихъ бѣдствій, возвращаясь какъ голуби подъ старую крышу; и теперь еще живо во мнѣ это убѣжденіе, и все-таки я остался вѣрнымъ своей клятвѣ, какова бы она ни была, и исполнилъ свои обязанности добросовѣстно, не щадя не только жизни, что̀ легко для польскаго шляхтича, но даже не щадя своего состоянія, что̀ гораздо труднѣе.

Генералъ Корженевскій пріобрѣлъ огромное значеніе; смѣло можно сказать, что онъ вертѣлъ мѣстными властями по своему желанію; прежде они были его покорными слугами благодаря взяткамъ, которыя онъ раздавалъ не желѣя, теперь же милость государя удвоила и уваженіе къ нему, и его значеніе. Надъ нимъ не тяготѣло никакого обвиненія въ непатріотическихъ поступкахъ; онъ отнесся къ раздѣлу Польши такъ же, какъ отнеслась къ нему большая часть зажиточныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ: призналъ совершившійся фактъ и примирился съ положеніемъ дѣлъ, котораго не могъ измѣнить. Онъ не старался снискать расположенія правительства позорными путями, во вредъ другимъ помѣщикамъ, и предосудительными съ точки зрѣнія польскаго патріота. Онъ не пользовался любовью среди помѣщиковъ, единственно по тому, что былъ богаче и вліятельнѣе другихъ; ему лгали, обращались къ нему за помощью, пользовались его услугами и въ то же время выдумывали на него невѣроятныя вещи, хотя всѣ эти клеветы были не остроумны.

Я самъ не разъ удивлялся, какимъ образомъ Корженевскій, безъ широкаго и основательнаго образованія, безъ заслугъ въ прошломъ, безъ особеннаго богатства, хотя у него и было 6.000 душъ крестьянъ, нѣсколько мѣстечекъ и много деревень, не будучи человѣкомъ знатнаго происхожденія и магнатомъ, съумѣлъ сблизиться и войти въ связи съ фельдмаршалами, съ титулованными лицами и съ владѣтельными особами. Случайно я открылъ этотъ секретъ въ теоріи и на практикѣ. Во время пребыванія государя въ Коднѣ, мы съ Игнатіемъ Стемпковскимъ вошли однажды нечаянно въ кабинетъ Корженевскаго и застали генерала въ обществѣ камердинеровъ Сакена и Дибича, сидѣвшихъ съ нимъ за панибрата и попивавшихъ шампанское. Мы тотчасъ удалились, но генералъ, по уходѣ своихъ гостей, пригласилъ насъ и сказалъ:

— Вы удивились, конечно, заставъ меня, генерала, въ обществѣ камердинеровъ, распивающаго съ ними вино,—я понимаю ваше удивленіе, вы люди молодые и не можете понять такой житейской вещи. Хотя я и богатый человѣкъ и генералъ, но если бы я заискивалъ у Сакена или Дибича, то они даже не обратили бы на меня вниманія,

или насмѣхались бы и говорили бы, что я унижаюсь, потому что они привыкли считать насъ за ничтожество и смотрѣть на людей такъ, какъ будто они созданы иначе, чѣмъ они. Они привыкли либо помыкать людьми, либо уважать ихъ. Между тѣмъ ихъ камердинеры считаютъ за честь и за счастье быть въ обществѣ генерала, потому что и они, хотя и камердинеры, самолюбивы и тщеславны, можетъ быть еще болѣе, чѣмъ ихъ господа. Обласканные мною такимъ образомъ, какъ вы видѣли, утромъ, одѣвая своихъ господъ, и вечеромъ, раздѣвая ихъ, они твердятъ, какъ попугаи: «Михаилъ Корнѣевичъ—хорошій человѣкъ, какъ онъ любитъ ваше сіятельство». Господа слушаютъ и, наслушавшись, начинаютъ вѣрить, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, и берутъ своихъ поклонниковъ подъ свое покровительство. Такимъ образомъ я снискалъ благоволеніе императора Александра I чрезъ его кучера, Илью, и покровительство обоихъ фельдмаршаловъ и многихъ генераловъ. Единственно въ этомъ заключается секретъ моего значенія. Я знаю свое мѣсто, не поднимаю носъ, въ каждомъ вижу человѣка—созданіе Божіе, стараюсь пріобрѣсти его расположеніе и, пользуясь маленькими людьми, добираюсь до великихъ. Вотъ мой образъ дѣйствій.

Мы не могли не признать, что сказанное имъ было вѣрно и практично, но не могли преодолѣть шляхетской гордости и дойти до такихъ поступковъ.

Проѣздъ государя чрезъ нашъ край нисколько не измѣнилъ политическихъ чувствъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Усиливалось недовольство, недовѣріе и все яснѣе и яснѣе рисовались мечты о возстаніи. До насъ доходили уже слухи объ іюльскихъ событіяхъ во Франціи, которые мы почерпали изъ газетъ и частныхъ сообщеній. Источникомъ этихъ сообщеній былъ домъ Шафнагеля, и благодаря этому хозяинъ входилъ нѣкоторымъ образомъ въ кругъ помѣщиковъ, облагораживался. Очаровательная панна Эвелина Хилинская, племянница пани Шафнагель, умѣла прекрасно разсказывать объ этихъ іюльскихъ событіяхъ; молодежь слушала ее и любовалась ею, а старикъ Шафнагель повѣствовалъ почтеннымъ помѣщикамъ, за чаркой добраго вина и кускомъ швейцарскаго сыра, о Карлѣ X, Людовикѣ Филиппѣ, Бурбонахъ, Орлеанахъ и т. п. Помѣщики слушали и, не желая пользоваться этимъ удовольствіемъ даромъ, чего не позволяла шляхетская гордость, покупали разныя драгоцѣнности и бездѣлушки для женъ и дочерей; привозили ихъ домой и, отдавая ихъ, говорили: «это отъ Шафнагеля, а какія новости онъ намъ поразсказалъ, да все важныя!» Жены и дочери слушали, а дня черезъ два-три, опять посылали за новостями къ Шафнагелю: такая-де теперь знаменательная эпоха. Такимъ образомъ Шафнагель сталъ у помѣщиковъ руководителемъ политики и горячимъ патріотомъ, потому что по-

мѣщичьи дукаты съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сыпались въ его шкатулку. Онъ благословлялъ политику, да и было за что!

Событія, совершавшіяся во Франціи, гораздо болѣе волновали сердца поляковъ и помѣщиковъ, чѣмъ турецкая война. Напрасно въ то время Генрихъ Ржевусскій разсуждалъ о карловицкомъ трактатѣ, подъ которымъ подписался его предокъ, напрасно убѣждалъ онъ, что турки единственные союзники, которые охраняли до конца существованіе Рѣчи Посполитой, что рядъ пораженій, понесенныхъ Турціей, есть слѣдствіе защиты Польши, что высокая Порта доселѣ не подписала ни одного трактата, которымъ признала бы законность раздѣла Польши, что она вѣрна союзному договору и что только сближеніе съ турками можетъ возстановить падшее отечество, что въ Турціи находятся остатки войска Рѣчи Посполитой, запорожцы,—однимъ словомъ, что союзъ съ турками для поляковъ—союзъ традиціонный, историческій и политическій. Поляки слушали, зѣвали и твердили свое: «да вѣдь они бусурманы».

Когда же Шафнагель разсказывалъ или читалъ объ уличной схваткѣ въ Парижѣ, о Лафайеттѣ, о зонтикѣ Людовика-Филиппа, то не у одного чесался языкъ приказать сѣдлать коней, закладывать экипажи, чтобы летѣть въ Парижъ, на помощь тому братскому народу, съ которымъ соединяетъ поляковъ вѣковая связь крови, пролитой на однихъ и тѣхъ же поляхъ брани, пролитой за славу Рѣчи Посполитой, за славу императора Наполеона, но—увы!—не за Польшу. Но вѣдь поляки носятъ названіе французовъ сѣвера и гордятся этимъ названіемъ, и хотя французы никогда не принимали названія поляковъ юга, но что за дѣло до этого! Надо летѣть на помощь французамъ. Развѣ Генрихъ Валуа не сидѣлъ на польскомъ престолѣ и не бѣжалъ съ него? Развѣ Марія Лещинская не была королевой французской, и развѣ Франція не старалась посадить на престолъ Станислава Лещинскаго? Развѣ Домбровскій, Князевичъ, Малаховскій не проливали своей крови и крови польскихъ легіоновъ въ Италіи, Германіи, Санъ-Доминго и Египтѣ за цѣлость и славу Французской республики, а эта республика развѣ не заключала договоры съ Россіей, Пруссіей и Австріей, не упоминая даже имени Польши, освящая молчаніемъ и подписываніемъ трактатовъ раздѣлы королевства или республики Польской? Развѣ поляки не были защитниками наполеоновскихъ орловъ въ Испаніи, въ Германіи, подъ Смоленскомъ, подъ Бородиномъ, при переправѣ черезъ Березину? Развѣ кн. Іосифъ Понятовскій не палъ подъ Лейпцигомъ, сражаясь за Наполеона, а Дверницкій развѣ не дрался во главѣ польской молодежи за Францію во время паденія имперіи? И что же получили за все это поляки и Польша? То, что Наполеонъ I гдѣ-то тамъ, на островѣ св. Елены, сказалъ: «Жаль, что я не зналъ поляковъ, жаль, что я не помнилъ о Польшѣ!» Сожалѣнія трупа надъ умирающимъ! Но Франція

имѣла г-жу де-Жанлисъ, на произведеніяхъ которой учились французскому языку польскія матроны, имѣетъ Жоржъ-Зандъ, писанія которой знаютъ на память даже польскія дѣвушки, имѣетъ бордосское вино для польскихъ отцовъ, а шампанское для сыновей, столько модныхъ уборовъ для прекраснаго пола, столько лоретокъ и гризетокъ для пола непрекраснаго. Она имѣетъ своего Лафайетта и національную гвардію. Какъ же не полетѣть къ ней на помощь? Кто полякъ, кто носитъ польское имя, у кого бьется польское сердце, тотъ долженъ сражаться и умирать за Францію. Таково было настроеніе польскихъ дворянъ.

Камергеръ и подканцлеръ услыхали объ этомъ и объѣзжали сосѣдей.

— Великій богатырь этотъ Лафайеттъ! Глава народолюбцевъ, какъ и нашъ Костюшко. Кто знаетъ, не пришлютъ ли его въ Польшу, чтобы онъ устроилъ конфедерацію и призвалъ къ оружію народолюбцевъ? Тогда всѣ пойдемъ, никто не спрячется за печку.

Іосифъ Валевскій, капитанъ 1-го полка конныхъ егерей, крутилъ усъ, потиралъ носъ и говорилъ:

— Войска сохранили выпушки. Цесаревичъ, нашъ любимый вождь, не пошлетъ насъ на французовъ, пойдемъ на другихъ добывать лампасы, и французы будутъ съ нами.

Умы были возбуждены не только среди помѣщиковъ, но и среди другихъ сословій. Евреи, видя, сколько зарабатывалъ Шафнагель на политикѣ, начали также политиканствовать, разсказывать мужикамъ о томъ, что дѣлается во Франціи, какъ тамъ выгнали короля, и теперь тамъ свобода, о Лафайеттѣ, что это народный атаманъ, о національной гвардіи, что это какъ бы реестровые казаки,—и мужики мечтали о возвращеніи казачества, гетманщины, объ атаманѣ и о казачьихъ полкахъ, даже о Запорожьѣ и гайдамачинѣ.

Варнскіе львы выступили изъ нашихъ мѣстъ, и вмѣсто нихъ пришелъ 3-й корпусъ, но уже безъ генерала Рота. Гусары 3-й дивизіи снова заняли Бердичевъ, Сквиру, Любаръ и Трояново. Среди гусаровъ снова появились поляки: Титъ Пословскій, Константинъ Залѣсскій, Ильяновичъ и многіе другіе, которые всѣ были готовы оставить войско, для служенія отечеству.

Умы были возбуждены, пламя мятежа готово было вспыхнуть, не хватало только искры, которая могла его разжечь. При шаткихъ обстоятельствахъ подоспѣло время новыхъ дворянскихъ выборовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, которые бываютъ каждые три года: въ Волынской губерніи въ іюлѣ, въ Подольской въ августѣ, а въ Кіевской въ сентябрѣ, но теперь выборы были отложены на мѣсяцъ по случаю пріѣзда государя. Мы ѣхали на эти выборы толпами, въ увѣренности, что тамъ застанемъ уже и начальниковъ, и всю организацію тампліеровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихотвореніе кн. Долгорукаго. «Ура!», написанное по поводу Восточной войны 1853—1856 г.г.

Уже несется гулъ побѣды
По Араратскимъ высотамъ.
«Ура!»—кричали наши дѣды;
«Ура» пришлось кричать и намъ.
Сѣдой Кавказъ, вѣнчанный славой,
Суворова намъ воскресилъ,
И Севастополь величавый
Орлова подвигъ повторилъ.
Ликуй, Іерусалимъ,—ты съ нами,
Мы грудью станемъ за тебя,
Мы сладимъ съ нашими врагами
За православье, за царя!
Европѣ миръ дороже чести,
Намъ честь дороже всякихъ благъ:
Не ищемъ мы надменной мести,
Но чуждъ намъ также всякій страхъ!
Великъ нашъ царь самодержавный,
Великъ онъ саномъ и душой;
На ратный бой,—на подвигъ славный
Онъ призванъ волею святой.
Впередъ, соратники Христовы!
Сыны отечества! впередъ!
Съ Сіона сбросимъ мы оковы,
Насъ Богъ на брань съ собой ведетъ!
Ему подвластны всѣ стихіи,
Вопросъ мы вѣковой рѣшимъ,
Поставимъ крестъ мы надъ Софіей,
Гнѣздо ислама разоримъ...
Тогда съ разбитою штыками,
Съ повинною онъ головой
Падетъ предъ царскими стопами
Просить пощады мировой.
«Ура!»—несется гулъ побѣды
Отъ насъ къ грядущимъ временамъ.
«Ура!»—кричали наши дѣды,
«Ура» пришлось кричать и намъ.

Князь **Дмитрій Долгорукій.**

17 января 1854 г.
Тегеранъ.

КОЗЛОВСКІЙ ОДНОДВОРЕЦЪ П. М. ЗАХАРЬИНЪ.

Имя козловскаго однодворца Петра Михайловича Захарьина извѣстно немногимъ, а между тѣмъ это былъ одинъ изъ популярныхъ писателей прошлаго вѣка. Сочиненія его читались въ свое время съ интересомъ; это показываютъ неоднократныя изданія ихъ. Кромѣ того онъ пользовался и другой извѣстностью: въ качествѣ «талантливаго витіи-самородка» онъ въ свое время интересовалъ высшее петербургское и московское общество и даже дворъ. Годъ рожденія Захарьина неизвѣстенъ, мѣсто рожденія, вѣроятно, г. Козловъ, Тамбовской губерніи. Отецъ его—по показанію самого Захарьина въ «предувѣдомленіи» къ одному изъ его сочиненій («Арфаксадъ, халдейская повѣсть» 1793 г. Москва, томъ 1-ой, стр. XVII) — происходилъ изъ татаръ, былъ взятъ въ плѣнъ русскими и, принявъ православіе, остался жить въ Россіи. Онъ поселился въ Козловѣ, занялся торговлей и пріобрѣлъ значительное состояніе. Захарьинъ получилъ самое ограниченное образованіе. Въ упомянутомъ предувѣдомленіи онъ самъ говоритъ, что «россійской грамотѣ обучался у сельскаго дьячка» (ibid., стр. XX). Между тѣмъ о его воспитаніи есть другое извѣстіе, именно въ письмѣ Державина къ Гудовичу, въ которомъ такъ говорится о Захарьинѣ: «Сколь мнѣ, однако, о немъ теперь вкратцѣ извѣстно, то въ дѣтствѣ своемъ воспитывался онъ въ домѣ статскаго совѣтника Луки Никифоровича Волкова въ Саратовѣ вмѣстѣ съ сыномъ его Петромъ Лукичемъ, что нынѣ генералъ-майоромъ, учился нѣмецкому языку, ариѳметикѣ и правописанію и, имѣя натуральную способность къ словеснымъ наукамъ, упражнялся въ оныхъ съ самой своей молодости» (Акад. изд. соч. Державина, т. 5, стр. 588). Но какъ бы то ни было, Захарьинъ образовалъ себя скорѣе чтеніемъ книгъ, къ которому онъ имѣлъ охоту, нежели ученіемъ. Въ молодости онъ служилъ въ военной службѣ, но, получивъ «развращеніе въ своемъ поведеніи и сильное

пристрастіе къ вину» (Державинъ), былъ исключенъ изъ службы. Около этого времени умеръ его отецъ и оставилъ ему болѣе ста тысячъ рублей, пріобрѣтенныхъ имъ посредствомъ торговыхъ оборотовъ. Захарьинъ, предавшись пьянству, вскорѣ промоталъ этотъ капиталъ до послѣдней копѣйки. Живя въ крайней бѣдности, онъ только тѣмъ и кормился, что училъ небогатыхъ дворянскихъ дѣтей нѣмецкому языку. Самъ же Захарьинъ въ упомянутомъ предувѣдомленіи говоритъ о наслѣдствѣ, полученномъ имъ отъ отца, совершенно иное. По его словамъ, по смерти отца, имѣніе его было расхищено, а самому наслѣднику достался только дубовый ящикъ, «заключавшій въ нѣдрахъ своихъ разныя, ни къ чему не надобныя и безъ разбору набросанныя бумаги».

Захарьинъ еще въ молодости упражнялся въ писаніи стиховъ, преимущественно на духовныя темы, а также и прозы и, хотя ни одно изъ его произведеній не было пока напечатано, тѣмъ не менѣе онъ считалъ себя писателемъ и искалъ литературной извѣстности. Навѣрное, онъ не пріобрѣлъ бы ея, если бы случай не свелъ его съ Державинымъ, который былъ виновникомъ того, что имя козловскаго однодворца стало извѣстно не только высшей петербургской знати, но и самой императрицѣ. Державинъ былъ назначенъ въ Тамбовъ гражданскимъ губернаторомъ. Узнавъ, что новый губернаторъ тоже занимается стихотворствомъ, Захарьинъ поспѣшилъ свести съ нимъ знакомство. Державинъ радушно обошелся съ нимъ и, видя его безъ мѣста и въ крайней нуждѣ, предложилъ было ему мѣсто канцелярскаго служителя. Но Захарьинъ сильно пьянствовалъ и не могъ занимать никакой должности. Вскорѣ послѣдовало открытіе народнаго училища въ Тамбовѣ. Державину почему-то пришла фантазія предложить Захарьину произнести рѣчь при торжественномъ открытіи училища. Захарьинъ принялъ это предложеніе и занялся сочиненіемъ рѣчи по всѣмъ правиламъ витійства. Но какъ ни прилагалъ онъ свои старанія, какъ ни изощрялся въ краснорѣчіи, рѣчь оказалась никуда негодною. Державинъ принужденъ былъ самъ сочинить для него рѣчь, которую тотъ и произнесъ при торжествѣ, какъ собственное свое сочиненіе [1]). Заключительныя слова ея были очень трогательны. Самъ ораторъ прослезился и, взявъ у стоявшей тутъ же жены своего ребенка, положилъ его предъ портретомъ императрицы (Екатерины II), какъ бы вручая его ея попеченію. Присутствовавшіе, восторженные краснорѣчіемъ козловскаго Цицерона, осыпали его деньгами, и герой

---

[1]) Вотъ эта рѣчь въ томъ видѣ, въ какомъ она была сказана 22 сентября 1786 года:

«Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего, дерзаю по средѣ градскаго стогна возвысить голосъ мой, и не взирая на мое низкое состояніе и на мою убогую одежду просить тебя, да услышанъ буду. Не безъизвѣстно вамъ, высокоименитые слушатели, что иногда самый простый и сѣрый камень содержитъ въ себѣ вещество огненное; едва ко-

дня, щедро награжденный за чужое краснорѣчіе, тотчасъ же послѣ торжества запилъ съ радости и цѣлыхъ два мѣсяца «обращался по деревнямъ у дворянъ, его пригласившихъ». Эти дни, дни тріумфа, были лучшимъ временемъ въ жизни козловскаго однодворца.

Рѣчь Захарьина произвела сильное впечатлѣніе; слухи о ней про-

---

снется ему сталь, онъ испускаетъ изъ себя сильныя искры. По воспитанію моему и по рожденію я человѣкъ грубый, я бѣдный однодворецъ и теперь только отъ сохи; но услыша, что всемилостивѣйшая государыня благоволила приказать въ здѣшнемъ городѣ открыть народное училище, почувствовалъ я нѣкое восхитительное потрясеніе въ душѣ моей. Вѣсть сія, подобно крѣпкому желѣзу, ударила въ мое сердце, разверзла его жесткія поры и произвела пламень, котораго я угасить не въ силахъ. Онъ, поѣдая мою внутренность, изливается на языкъ мой и никакъ не остается подъ спудомъ. Сіи-то самыя искры усердія, сіи-то самые блески радости и пламенныя чувствованія благодарности пришелъ я возвѣстить на теперешнее позорище, отъ лица всего низкаго народа, получающаго днесь начатокъ своего просвѣщенія отъ тебя, премилосердная матерь отечества! Тебѣ да изліется благодарность отъ грубыхъ и едва словесныхъ устъ моихъ. Прочихъ монарховъ проповѣдывали великіе риторы; у Екатерины великой занимаетъ простой поселянинъ ихъ мѣсто.

«Но прежде, нежели я простру слово мое къ прославленію и благодарности несравненной монархини, прошу васъ, почтеннѣйшіе слушатели, удостоить вашимъ вниманіемъ слабое мое разсужденіе о простомъ народѣ, для котораго учреждено сіе училище.

«Ежели испытатели природы, раздѣля оную въ разсужденіи совершенствъ на царства, не токмо въ особенности между находящихся въ ней тварей, усматриваютъ въ преимуществахъ или недостаткахъ ихъ разность; но хотя не ясно, однако вѣроподобно, угадываютъ и тѣ таинственныя колѣна или переходы отъ одного царства къ другому, которыми связывается и содержится великая цѣпь твореній; то разсматривая роды животныхъ, одаренныхъ движеніемъ, внутреннимъ чувствованіемъ, рождающихся, растущихъ, производящихъ себѣ подобныхъ и умирающихъ, безъ сомнѣнія, думать должно, замѣтили они и ту степень, которая сближаетъ скота съ человѣкомъ. Сію непостижимую смежность ни въ коихъ тваряхъ лучше, кажется, предопредѣлить не возможно, какъ между дикими людьми и обезьянами. Въ самомъ дѣлѣ, ежели отнять даръ смысла и даръ слова отъ готентота, то какое животное ближе сего сравняться можетъ съ орангутангомъ? Сія обезьяна, какъ организаціею внутреннихъ чувствъ, такъ и наружнымъ устроеніемъ тѣла, имѣетъ удивительное съ человѣкомъ сходство. Подобно и всѣ дѣйствія людей дикихъ весьма сходствуютъ съ механическимъ движеніемъ безсловесной твари. Рѣдко они имѣютъ о чемъ понятіе, рѣже еще тѣ понятія свои сравниваютъ между собою и производятъ собственно отъ себя свободныя мысли, но безъ всякаго разсужденія, подражая себѣ подобнымъ или въ кругу себя находящимся другимъ животнымъ, или по единственному побужденію естественныхъ тѣлесныхъ нуждъ своихъ, производятъ они тѣ или другія дѣйствія. Изъемля нѣкоторыя разности нравовъ, обычаевъ, вліянныхъ отъ климатовъ, отъ окружающихъ предметовъ и обстоятельствъ, по которымъ дикіе народы, иные больше, другіе меньше сходствуютъ съ людьми просвѣщенными, ч е р н ь, разсѣянная по лицу земному,

никли даже въ столицу. Тамбовскій намѣстникъ графъ Гудовичъ послалъ ее въ Петербургъ къ предсѣдателю коммиссіи объ училищахъ Завадовскому. Завадовскій пришелъ отъ нея въ восторгъ и, какъ извѣщали друзья Державина, говорилъ, что подобной рѣчи на русскомъ языкѣ онъ и не читывалъ. Императрица, прочитавъ ее, была тронута до слезъ и немало хвалила ее. Вскорѣ рѣчь стала извѣстна всей петербургской

вездѣ себѣ подобна. Не имѣя расширеннаго нужными свѣдѣніями разума, ни исправленнаго добрыми навыками сердца, весьма близко она подходитъ къ орангутангамъ, понгамъ, іоккамъ и тому подобнымъ безсмысленнымъ и безсловеснымъ животнымъ. Она (чернь) или свирѣпствуетъ, устремляясь за добычею, или погружается въ сонъ, насытясь оною. Съ самаго начала свѣта, лѣтописи царствъ земныхъ представляютъ намъ ее въ разсужденіе различныхъ ея дѣйствій подобною медвѣдицѣ, которую поводильщикъ, восхитивъ въ самой ея младости изъ берлоги, продѣвъ ей въ ноздри кольцо, водитъ всюду за собою, то приласкивая пищею, то усмиряя дубиной, повелѣваетъ лежать или прыгать по своему произволенію. Часто наполняя слѣды свои кровію, разсвирѣпѣвъ, растерзывала она и своихъ поводильщиковъ. Часто утомленная гладомъ поневолѣ плясала, коверкалась и оказывала странныя дурачества; или живя на свободѣ скиталась по пустынямъ, бродила туда и сюда, съѣдала меньшихъ себя животныхъ и засыпала въ ямахъ. Се бѣдственный и печальный образъ твари, имѣющей божественное дарованіе быть человѣкомъ, быть малымъ чѣмъ меньше ангеловъ! Се образъ кафровъ, акридофаговъ, негровъ, лопарей, камчадаловъ и имъ подобной чуди! Се образъ вообще непросвѣщенной черни! Се образъ едва-ли не собственнаго моего состоянія! Я содрогаюсь, взирая на столь низкую и сожалѣнія достойную степень человѣчества!

«Хотя многіе великіе мужи и истинные любители человѣческаго рода, съ самой древности въ разныхъ временахъ бывшіе, прилагали всевозможные труды и попеченія возвысить уничижившееся достоинство человѣка, просвѣтить его умъ и исправить его сердце; но большая часть звѣроподобныхъ вождей и обладателей вселенной, или, лучше, собственное самихъ народовъ невѣжество преобращало въ ничто ихъ благодѣтельскія намѣренія. Свѣтъ едва появляющійся или угасалъ при первыхъ его воспаленіяхъ, или безсиленъ былъ обнять всю землю. Доказывается сіе чрезъ то, что благовѣстіе Христа Спасителя не всюду еще распространилось. Находятся народы ни малаго о томъ понятія не имѣющіе. Россія хотя имѣла и у себя героевъ, вводившихъ просвѣщеніе, начавъ съ великія княгини Ольги, воспріявшей первоначальное въ Россіи крещеніе, и не нарицая по именамъ многихъ великихъ князей и царей, распространившихъ благочестіе и ученіе книгъ церковныхъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ основалъ Запконоспасскую духовную академію, а Петръ I—училище навигаціи, цифирныя школы и академію наукъ; императрица Анна Іоанновна—кадетскій корпусъ, императрица Елизавета Петровна—Московскій университетъ и гимназіи. Нынѣ же благополучно царствующая всемилостивѣйшая наша государыня Екатерина II не токмо всѣмъ онымъ учрежденіямъ предковъ своихъ и семинаріямъ благоволила даровать новую лѣпоту и блистаніе, проліяніемъ обильныхъ щедротъ своихъ къ распространенію ихъ служащихъ, опредѣля на всѣхъ достаточныя суммы—но еще сверхъ оныхъ соизволила учредить разные наукъ и художествъ корпусы, воспиталище женскаго пола, Россійскую императорскую академію, и повелѣла особой коммиссіи во многихъ губерніяхъ учре-

знати и была напечатана въ «Зеркалѣ свѣта», журналѣ Туманскаго и въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», издававшихся кн. Дашковой. Въ Москвѣ тоже ее читали и хвалили. Самъ Херасковъ, этотъ аристархъ нашей литературы того времени, говорилъ, что рѣчь Захарьина «и въ устахъ самого правителя (т. е. Державина) заслужила бы похвалу и уваженіе». Кто-то даже высказалъ мнѣніе, что за то усердіе, какое одно-

---

дить университеты. А наконецъ провидя, что и сихъ училищъ для обширнѣйшей имперіи ея не достаточно; что оныя устроены почти для дворянства и духовныхъ; что простому народу, находящемуся въ селахъ и деревняхъ, не удобно и не возможно по отдаленности мѣстъ заниматъ просвѣщеніе въ академіяхъ, университетахъ и семинаріяхъ; что надобно имѣть разсадники первоначальныхъ знаній, откуда бы наполнять вышепомянутыя вышнія училища, и расширять садъ просвѣщенія въ обширной ея державѣ, безъ конхъ никогда бы онъ не дошелъ до желаемаго цвѣтущаго состоянія: ибо никогда тотъ садовникъ не разбогатѣетъ плодами, который только плодоносныя деревья выписываетъ изъ чужихъ земель, не заготовляя въ собственныхъ своихъ разсадникахъ на смѣну ихъ младыхъ лѣторослей. Для того сія прозорливая монархиня обратила человѣколюбивый взоръ свой на простой народъ, и не взирая на адскую политику коварныхъ умовъ, что ни обогащать, ни научать черни не должно, повелѣла установить и открыть нынѣ народныя школы, въ которыхъ всякаго состоянія людямъ отверсты къ просвѣщенію двери, и въ которомъ ежели мнѣ поздно уже получить украшеніе неочищенному моему разуму и неустроенному моему сердцу, то сынъ мой, сей принесенный теперь сюда на рукахъ матери его, будетъ невозбранно почерпать источникъ свѣта отъ сокровищъ Великія Екатерины.

«Проснитесь, въ Бозѣ почивающіе блаженные и человѣколюбивые россійскіе монархи, вводившіе въ народъ сей просвѣщеніе! Проснитесь, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и ты, Великій Императоръ Петръ, проснитесь и воззрите на преемницу вашу Екатерину Вторую! Она наполняетъ садъ вашъ юными лозами, который съ сего времени никогда не оскудѣетъ. Вы основали духовную и свѣтскую академіи, а она—народныя школы. Вы обучали дворянъ и духовенство, а она, усугубя ваши заведенія, просвѣщаетъ чернь! Кто изъ васъ болѣе?.. Предвѣчная премудрость, для возстановленія падшаго человѣческаго естества, снисходила съ небесъ сими стезями. Она излила отъ духа своего, и прорекла всяка плоть. Она основала храмъ благовѣстія своего среди простыхъ сердецъ. Въ сей храмъ, въ сіе народное училище, исторгая изъ объятій матернихъ сына моего, съ радостнымъ восторгомъ предаю я—да будетъ онъ человѣкъ!

«Слушай, сынъ мой, услышь меня и ты, простой народъ, ты будешь человѣкомъ: здѣсь почерпая твердыя основанія православной вѣры нашей и понимая великія истины Евангельскаго благовѣстія, ты будешь безъ суевѣрія и безъ ханжества прямымъ христіаниномъ. Здѣсь навыкая обязанностямъ гражданина, ты будешь послушнымъ сыномъ, вѣрнымъ супругомъ, надежнымъ пріятелемъ, мирнымъ сосѣдомъ, чадолюбивымъ отцомъ, благопокорнымъ начальству подчиненнымъ, ревностнымъ къ службѣ государя твоего подданнымъ. Ты не преломишь совѣсти на судѣ, не пощадишь груди своей въ сраженіяхъ за пользу отечества и за славу своего монарха; здѣсь пріобыкнешь ты быть не тунеядцемъ, помня, что всякъ земнородный долженъ въ трудахъ своихъ снѣсти хлѣбъ свой. Здѣсь уразумѣешь ты движеніе тѣлъ и будешь разумнымъ ремесленникомъ. Здѣсь обрѣтешь познаніе при-

дворецъ обнаружилъ въ своей рѣчи, онъ достоинъ быть назначенъ прямо намѣстникомъ. Толковали, что нельзя допустить, чтобы пропадалъ попусту такой сильный ораторскій талантъ, что надо дать ходъ этому «россійскому Цицерону». Словомъ козловскій однодворецъ и его рѣчь настолько заинтересовали столицу, что даже заставили позабыть на время дотолѣ занимавшій всѣхъ магнетизмъ.

Мало-по-малу мѣсто безусловныхъ похвалъ и восхищенія заступило критическое отношеніе къ рѣчи однодворца; нѣкоторые стали сомнѣваться, онъ ли дѣйствительно авторъ ея. Нѣкоторыя мысли и выраженія, встрѣчающіяся въ этой рѣчи, какъ-то не вязались съ представленіемъ о малообразованномъ, хотя бы и даровитомъ отъ природы, жителѣ какого-то глухаго провинціальнаго городка. Скоро сомнѣніе перешло въ увѣренность, что Захарьинъ только фиктивный авторъ рѣчи. Враги Державина указывали на него, какъ на настоящаго автора ея, и всячески старались найти въ ней недостатки. Кто-то пустилъ слухъ, что императрица, прочитавъ рѣчь, сказала: «Рѣчь прекрасная, каковую я еще не читывала. Я увѣрена въ достоинствахъ и благородныхъ чувствованіяхъ господина Державина».

Но слухъ, что рѣчь написана Державинымъ, не нашелъ себѣ такой поддержки въ обществѣ, какъ пущенное княгиней Дашковой словцо, что авторъ ея—Завадовскій. Говорили, будто рѣчь сочинена въ Петербургѣ и отослана въ Тамбовъ тѣмъ самымъ творцемъ, который сочинялъ манифестъ о новомъ заемномъ банкѣ, а этотъ манифестъ былъ сочиненъ Завадовскимъ. Это предположеніе основывалось на томъ, что и въ манифестѣ, и въ рѣчи Захарьина встрѣтились двѣ похожія фразы. Но по мѣрѣ того, какъ впечатлѣніе, произведенное пресловутою рѣчью,

---

чинъ естества и будешь домовитымъ хозяиномъ, богатымъ нивами пахаремъ, разумѣющимъ свойство земли, и время повѣритъ опой сѣмена свои. Словомъ, ты будешь человѣкомъ, ибо Екатерина Великая желаетъ управлять людьми.

«Наконецъ, когда ты вѣдаешь, сынъ мой, чѣмъ ты будешь, равномѣрно обязанъ съ младыхъ твоихъ ногтей знать и то, какою благодарностію преисполненъ быть ты долженъ во всѣ дни живота твоего премилосердной матери твоего отечества, всемилостивѣйшей твоей воспитательницѣ и просвѣтительницѣ. Какими душа твоя преизобиловать должна чувствіями при воззрѣніи на божественный образъ ея, при воспоминаніи безсмертнаго имени ея, при торжествѣ великаго дня сего, когда она взошла на высочайшій престолъ, а ты вступилъ въ храмъ просвѣщенія. Я мысленно вхожу во внутреннее движеніе сердца твоего. Я изступаю! и повергаюсь вмѣстѣ съ тобою предъ священнымъ образомъ ея, и воздѣвши къ Всевышнему земледѣльческія мои руки, изъ глубины души моея молю: „да продлится долговременно бездѣнное ея здравіе, да вознесется престолъ и царство ея надъ всѣми врагами ея, да расширится и утвердится въ роды родовъ высочайшее наслѣдіе ея и истинная ея слава“, что она есть изящнѣйшая преобразительница и просвѣтительница россійскаго народа. Заклинаю тебя, сынъ мой, продолжать сію молитву по всякое утро до послѣдняго твоего издыханія».

стало стушевываться, затихли и толки объ авторѣ ея, общество, не порѣшивъ ни на чемъ, успокоилось и забыло о козловскомъ однодворцѣ.

Еще въ то время, когда никто не сомнѣвался въ томъ, что Захарьинъ — подлинный авторъ рѣчи, по приказанію императрицы изъ Петербурга былъ посланъ въ Тамбовъ курьеръ, который долженъ былъ доставить однодворца въ столицу, гдѣ желали его видѣть и устроить его судьбу. Когда курьеръ прибылъ въ Тамбовъ, Захарьинъ все еще «обращался» у гостепріимныхъ помѣщиковъ и былъ, кажется, вполнѣ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Курьеръ возвратился назадъ одинъ, безъ Захарьина, который отказался послѣдовать съ нимъ въ столицу.

Вскорѣ Захарьину пришлось разстаться съ Державинымъ, который уѣзжалъ изъ Тамбова, отрѣшенный отъ должности губернатора. На прощаніе со своимъ собратомъ по перу пѣвецъ Фелицы написалъ стансы: «Желаніе зимы». По отъѣздѣ его, многіе изъ тамбовцевъ, уже знавшіе, что авторъ рѣчи Державинъ, стали поговаривать объ этомъ смѣлѣе, а когда однодворецъ вытребовалъ назначенную ему за рѣчь пенсію въ 300 р., его осмѣяли въ глаза. Самолюбіе Захарьина было затронуто, и онъ, вооружившись перомъ романиста, возымѣлъ намѣреніе доказать насмѣшникамъ свои авторскія дарованія. Онъ выполнилъ это съ успѣхомъ: вышедшій изъ-подъ его пера «Арфаксадъ» пришелся по вкусу публики. Сочиненіе это, носившее названіе «Арфаксадъ, халдейская повѣсть», было издано въ 6 томахъ въ 1793 — 96 гг. въ Москвѣ, куда авторъ переселился около 1790 г., вѣроятно для того, чтобы самому имѣть возможность слѣдить за печатаніемъ своего труда. Чтобы придать своему произведенію видъ древности и таинственности, Захарьинъ сочинилъ о происхожденіи «Арфаксада» довольно невѣроятную исторію. По его словамъ, сочиненіе это, «на сорокадесяти мѣдныхъ дщицахъ халдейскими буквами изваянное», хранилось въ знаменитой Александрійской библіотекѣ и во время ея сожженія было спасено отъ пламени нѣкіимъ Абдулъ-Омиромъ, «юношей въ своемъ родѣ отличнѣйшимъ, какъ въ разсужденіи храбрости, такъ великодушія и разума», притомъ имѣвшимъ «отличное влеченіе къ наукамъ». Съ халдейскаго языка оно было переведено на арабскій, съ арабскаго на татарскій, наконецъ какимъ-то образомъ попало къ отцу Захарьина, который, въ свою очередь, будто бы перевелъ его съ татарскаго на русскій. Самъ же Захарьинъ, найдя его среди бумагъ своего отца, исправилъ и издалъ его, почему и называетъ себя скромнымъ именемъ издателя.

Конечно, вся эта исторія вымышлена. Авторъ Арфаксада могъ впрочемъ и не прибѣгать къ такимъ хитростямъ, чтобы заинтересовать публику. Даже высшіе классы общества читали съ удовольствіемъ такія занимательныя книги. Вообще тогдашніе читатели, не стоявшіе близко къ литературному дѣлу, обусловливали талантъ автора только занимательностію его сочиненія и фантастичностью вымысла.

Арфаксадъ имѣлъ успѣхъ и доставилъ автору нѣкоторую извѣстность и, какъ увидимъ дальше, средства жить безбѣдно. Воодушевленный этимъ успѣхомъ, Захарьинъ усердно принялся за продолженіе своихъ литературныхъ занятій и издалъ въ 1796 г. въ Москвѣ другое свое произведеніе: «Путь ко благонравію, или сокращенное наставленіе обучающемуся юношеству, содержащее въ себѣ полезныя и нравоучительныя правила для всякаго званія и состоянія людей». Эта книга тоже имѣла успѣхъ.

Въ слѣдующемъ 1797 г. Захарьинъ оставилъ Москву и переѣхалъ на жительство въ только-что основанный Николаевъ. Причина этого переселенія была слѣдующая: адмиралъ Мордвиновъ читалъ Арфаксада и былъ отъ него въ восхищеніи. Остановившись въ Москвѣ проѣздомъ въ Николаевъ, онъ отыскалъ тамъ автора этой восхитившей его книги и увезъ его съ собой въ Николаевъ, гдѣ и доставилъ ему мѣсто учителя и офицерскій чинъ. Такимъ образомъ опять авторскія наклонности Захарьина доставили ему и извѣстность, и средства къ жизни. Въ Николаевѣ Захарьинъ издалъ въ 1798 г. вторично быстро разошедшіяся свои сочиненія: Арфаксада, подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: «Арфаксадъ, халдейская вымышленная повѣсть, содержащая въ себѣ образъ жизни и нравовъ древнихъ восточныхъ народовъ» и «Путь ко благонравію», а также и знаменитую рѣчь, вышедшую первымъ изданіемъ еще въ 1786 г. въ Тамбовѣ. Въ 1798 же году онъ издалъ и новыя свои сочиненія: это были романъ «Приключенія Клеандра, храбраго царевича лакедемонскаго и Ніотильды, королевы оракійской (1796 г. Николаевъ, 2 части) и «Новый синопсисъ, или краткія описанія о происхожденіи славяно-россійскаго народа: владычествованіе всероссійскихъ государей въ Новѣгородѣ, Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ, съ подробнымъ повѣствованіемъ полководца Мамая, отъ Димитрія Іоанновича, великаго князя московскаго и о послѣдствующихъ по немъ великихъ князьяхъ и царяхъ до вступленія на престолъ государя императора Петра Великаго».

О дальнѣйшей жизни Захарьина въ Николаевѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Въ то время тамъ находился извѣстный стихотворецъ Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ († 1810 г.), авторъ поэмъ: «Таврида» (или «Херсонида») и «Древняя ночь вселенной»; вѣроятно, Захарьинъ поспѣшилъ познакомиться съ нимъ такъ же, какъ познакомился и съ Державинымъ.

О годѣ смерти Захарьина существуютъ два разныя извѣстія. По одному изъ нихъ, онъ умеръ въ 1800 г., по другому въ 1810 г.

Сочиненія Захарьина еще долгое время послѣ его смерти читались и перечитывались низшими и средними классами общества и наконецъ и они были забыты такъ же, какъ забыто и имя ихъ автора.

Сообщ. **Андрей Никольскій.**

Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова [1].

А. И. Левшинъ [2]—В. Г. Теплякову.

1.

6 марта 1831 г. С.-Петербургъ.

Я запоздалъ отвѣтомъ моимъ на письмо ваше отъ 5 февраля; это потому, что хотѣлъ исполнить ваше желаніе и черезъ кого-нибудь вразумить г. Сомова, какъ подло онъ поступилъ, напечатавъ въ «Литературной Газетѣ» статью [3]), имъ присланную для «Одесскаго альманаха» Но я не нашелъ никого, кто бы взялся представить ему всю непристойность и нечестность его поступка; самъ же я съ нимъ не знакомъ почти и въ нынѣшній пріѣздъ ни разу не встрѣтился съ нимъ; впрочемъ, я думаю, что потеря его статьи не есть потеря чувствительная. Вы го-

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1896 г

[2]) Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ принадлежитъ къ числу видныхъ дѣятелей, плодотворные труды которыхъ не забываются потомками. Имя Левшина будетъ всегда связано съ именемъ гр. Воронцова, какъ администратора по управленію Новороссійскимъ краемъ, при которомъ онъ состоялъ съ 1823—1831 г. Съ 25 февраля 1831 г. Левшинъ былъ одесскимъ градоначальникомъ и оставался въ этомъ званіи до 1837 г. Въ числѣ другихъ заслугъ его именно для г. Одессы укажемъ: изданіе «Одесскаго Вѣстника» съ 1 янв. 1827 г.; устройство публичной библіотеки въ Одессѣ въ 1830 г.; заботы о поднятіи благоустройства и торговли города; разведеніе въ окрестностяхъ Одессы на сыпучихъ пескахъ древесныхъ насажденій (левшинскія плантаціи) и масса другихъ полезныхъ учрежденій. Впослѣдствіи Левшинъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ).

[3]) Вѣроятно, А. Левшинъ говоритъ здѣсь о статьѣ Сомова, напечатанной подъ заглавіемъ: «Новые русскіе журналы» въ №№ 3, 4 и 5 «Лит. Газеты» за 1831 г.

ворите, что нѣтъ въ альманахѣ другой повѣсти; но почему же Розбергъ [1]) самъ не напишетъ. Неужели издатели ничего своего не помѣстятъ. Это было бы оригинально.

Я послалъ одну статью о Говардѣ [2]); теперь посылаю другую: Пребываніе мое въ Женевѣ [3]). Содержаніе ея весьма любопытно.

Впрочемъ, судя по медленному ходу дѣла и по малой попечительности гг. издателей, я начинаю думать, что можетъ быть они и совсѣмъ бросятъ предпріятіе. Не понимаю, какъ можно образованному человѣку въ цвѣтѣ лѣтъ быть столь равнодушнымъ, столь вялымъ къ своей репутаціи.

Но Одесса должна произвести альманахъ [4]) всенепремѣнно, и, если нынѣшніе издатели откажутся, то мы съ вами исполнимъ сіе намѣреніе, которое, впрочемъ, принадлежитъ всѣмъ намъ вообще.

Бразды правленія ожидаютъ меня въ Одессу, но я не могу взять ихъ въ руки прежде, какъ недѣль черезъ 5 или 6. До того, поручаю себя вашему воспоминанію и прошу принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности.

М. П. Розбергъ [5])—В. Г. Теплякову.

10 ноября 1831. Одесса.

Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ я, любезный Викторъ Григорьевичъ, письмо ваше отъ 17-го октября и нѣсколько разъ перечиталъ его. Оно перенесло меня во время былое, когда я жилъ въ

---

[1]) О Розбергѣ см. ниже.

[2]) «Воспоминаніе о Говардѣ». Одесскій альманахъ на 1831 г., стр. 132—152 Здѣсь Левшинъ говоритъ о великомъ филантропѣ и тюрьмовѣдѣ, англичанинѣ, Джонѣ Говардѣ, который † 20 (31) янв. 1790 г. на 65-мъ году отъ рожденія и погребенъ въ г. Херсонѣ.

[3]) «Женева и кантонъ Женевскій (отрывокъ изъ путевыхъ записокъ одесскаго жителя)». Тамъ же, стр. 268—297.

[4]) Вскорѣ послѣ этого однако вышелъ «Одесскій альманахъ» за 1831 г., изданный П. Морозовымъ и М. Розбергомъ.

[5]) Михаилъ Петровичъ Розбергъ кончилъ Московскій университетъ въ 1824 г. дѣйствительнымъ студентомъ; состоялъ потомъ въ штатѣ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора и въ это время, по приглашенію попечителя, преподавалъ студентамъ Ришельевскаго лицея русскую словесность (1831—1835 г.). Въ 1831 г. вмѣстѣ съ П. Морозовымъ Розбергъ издалъ: «Одесскій альманахъ на 1831 г.» Въ 1832—34 гг. М. П. редактировалъ «Одесскій Вѣстникъ», который началъ свое существованіе съ 1827 г. Газета эта, возникшая по иниціативѣ гр. Воронцова, который и былъ ея первымъ цензоромъ, сначала выходила на двухъ языкахъ и подъ двумя названіями: «Journal d'Odesse» и «Одесскій Вѣстникъ»; съ 1831 г. русскій текстъ совер-

шумномъ мірѣ святой Москвы. Одесса все по-прежнему однообразна и скучна; впрочемъ, подъ общее правило здѣшняго быта не подошелъ балъ 8-го числа сего мѣсяца у М. И. Лекса [1]); тамъ было порядочно весело. Madame Lex—воплощенная радость, умѣла одушевить всѣхъ и сама была даже блистательна въ аломъ платьѣ. Я познакомился съ Гамадріадой; сдѣлалъ ей визитъ и былъ сопричисленъ къ незавидному лику постоянныхъ посѣтителей ея вечеровъ. Левшинъ затѣялъ здѣсь Англійскій клубъ. Думаю, что этотъ клубъ будетъ только каррикатурою московскаго. Чтобы подобное предпріятіе удалось, надо непремѣнно имѣть подъ рукою такой классъ людей, который живетъ единственно, чтобы жить, и не стремится къ другой цѣли. Притомъ, обширность города, неудобство сообщеній d'homme à homme, недостатокъ такихъ домовъ, гдѣ бы могли встрѣчаться всѣ или почти всѣ—вотъ, по-моему, условія существованія такого заведенія, каковъ Англійскій клубъ въ Москвѣ—въ Одессѣ совсѣмъ другое. Говорятъ, что сюда въ скоромъ времени будетъ Красовскій [2])—разбирать дѣла поляковъ, возмутившихся прошлою весною въ россійско-польскихъ губерніяхъ.

Я недавно сошелся съ попечителемъ лицея—Покровскимъ [3]) и уже

шенно отдѣлился отъ французскаго, а со времени редактированія этой газеты Розбергомъ, при ней стали выходить литературныя прибавленія. (Одесса 1794—1894 г. Къ столѣтію города. О. 1895). 24 окт. 1832 г. въ торжественномъ актѣ лицея Розбергъ произнесъ: «Рѣчь о содержаніи, формѣ и значеніи изящно-образовательныхъ искусствъ» (Одесса, 1832). Въ половинѣ 1835 г. М. П. покинулъ Одессу и переселился въ Дерптъ, гдѣ потомъ былъ докторомъ философіи, ординарнымъ профессоромъ русскаго языка и русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ. Здѣсь вышла его брошюра: «О развитіи изящнаго въ искусствахъ, и особенно въ словесности». Дерптъ 1838 г.

[1]) Михаилъ Ивановичъ Лексъ
Прекрасный человѣкъ-съ,
по словамъ Пушкина. Въ то время М. И. былъ чиновникомъ въ канцеляріи бессарабскаго генералъ-губернатора М. С. Воронцова, а впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. По отзыву И. П. Липранди, Лексъ рѣшительно не имѣлъ никакого образованія и, начавъ службу съ раннихъ лѣтъ, былъ въ числѣ «вѣчныхъ титулярныхъ совѣтниковъ». Съ назначеніемъ въ Бессарабію А. Н. Бахметьева въ числѣ другихъ чиновниковъ прибылъ и Лексъ. Онъ обладалъ большимъ здравымъ смысломъ, скоро понималъ дѣла, быстро работалъ; начальство его любило. (См. «Русс. Арх.» 1866 г. стр. 1125 и 1220—1223).

[2]) Аѳанасій Ивановичъ Красовскій, въ то время генералъ-лейтенантъ, замѣщалъ генералъ-губернатора гр. Воронцова во время пребыванія послѣдняго за границей.

[3]) Никифоръ Ѳедоровичъ Покровскій, попечитель Ришельевскаго лицея. Въ 1830 г., когда государю императору было угодно подчинить лицею и всѣ училища, находящіяся въ Одессѣ, составилось въ видѣ округа особое управленіе подъ начальствомъ попечителя, которымъ и былъ назначенъ Покровскій. («Сорокалѣтіе Ришельевскаго лицея 1817—1857», стр. 32—34).

началѣ читать въ семъ лицеѣ лекціи словесности и исторіи. Покровскій, сколько можно видѣть человѣка изъ словъ его, показался мнѣ человѣкомъ благонамѣреннымъ и просвѣщеннымъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что приглашаетъ въ директоры лицея, И. И. Давыдова [1]) съ жалованьемъ всего 5.000 рублей. Неблагоразумно поступитъ И. И., если не приметъ сего мѣста: онъ бы далъ лицею новую жизнь и окончательно бы устроилъ оный. Бывшій магазинъ Собанскаго [2]) подаренъ государемъ Ришельевскому лицею. Пишите мнѣ почаще, Викторъ Григорьевичъ, если вамъ это не скучно, о Москвѣ, о всемъ, что вы замѣтите въ отношеніи къ общимъ нашимъ знакомымъ. Вѣрьте, что письма ваши для меня кладъ неоцѣненный: они въ степной одесской жизни для меня то же, что живительный источникъ для странника въ пескахъ африканскихъ. Если свидитесь съ Сергѣемъ Глинкою [3]), будьте осторожны въ разговорахъ съ нимъ: не объясняю вамъ причины такого предостереженія: въ Москвѣ вы сами ее узнаете. Видѣлись ли вы уже съ Полевымъ? Что говорятъ въ Москвѣ о «Телеграфѣ», о «Телескопѣ»? на чьей сторонѣ общее мнѣніе? Вы, я думаю, имѣли время къ нему прислушаться. Что такое «Европеецъ?» [4]) Это, мнѣ кажется, слишкомъ заносчивое названіе. Зная Кирѣевскаго и его преувеличенныя мнѣнія при всемъ умѣ, я думаю, что въ этомъ журналѣ хвалы пріятелямъ и хулы всѣмъ прочимъ будутъ безпредѣльныя. Несмотря на все сіе, журналъ, по издателю, обѣщаетъ много хорошаго. Какъ Елагины [5]) съ Полевымъ—въ ссорѣ или нѣтъ? Что говорятъ они про «Телескопъ»? Бываютъ ли у нихъ Максимовичъ и Лихонинъ? Предпріятіе «Новороссійскаго обозрѣнія»

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Давыдовъ—писатель и педагогъ; былъ потомъ директоромъ главнаго педагогическаго института, членомъ главнаго правленія училищъ, потомъ сенаторомъ.

[2]) По участію въ польскомъ мятежѣ 1831 г. помѣщиковъ Исидора и Александра Собанскихъ ихъ имѣнія, находящіяся въ Одессѣ, были конфискованы въ казну.

[3]) Сергѣй Николаевичъ Глинка, писатель, общественный дѣятель и патріотъ двѣнадцатаго года. Весьма интересныя записки его знакомы читателямъ «Русской Старины».

[4]) «Европеецъ»—журналъ наукъ и словесности; въ 1832 г. началъ издаваться И. В. Кирѣевскимъ въ Москвѣ, но на третьемъ нумерѣ былъ запрещенъ.

[5]) Елагина, Авдотья Петровна, рожденная Юшкова, племянница В. А. Жуковскаго. Сначала вышла замужъ за И. В. Кирѣевскаго, потомъ послѣ его смерти за А. А. Елагина. Въ Москвѣ семейство Елагиныхъ въ царствованіе Александра I принимало живое участіе въ литературномъ кружкѣ, группировавшемся около Н. Полеваго. Съ 1826 г. кружокъ Полеваго смѣнился другимъ, среди котораго вращались: Пушкинъ, Вяземскій, Баратынскій, Веневитиновъ и др. Съ семействомъ Елагиныхъ былъ хорошо знакомъ Н. В. Гоголь; въ 40-хъ годахъ салонъ Авдотьи Петровны наполнялся представителями зарождающагося славянофильства.

за малымъ временемъ, остающимся до конца года и за недостаткомъ въ Одессѣ бумаги, приходится отложить, если мы будемъ живы, до слѣдующаго года. Теперь оно вовсе невозможно. Случалось ли вамъ, Викторъ Григорьевичъ, встрѣтиться съ братомъ моимъ мизантропомъ? Увѣдомьте его о вашемъ пріѣздѣ въ Москву и о мѣстѣ вашего жительства. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ждать отъ васъ отвѣтнаго письма.

Н. Ѳ. Нарышкина [1])—В. Г. Теплякову.

1.

21 сентября 1833 г. Симеисъ [2]).

Отсылая вамъ обратно сочиненіе ваше, считаю долгомъ изъявить искреннюю мою признательность за пріятное препровожденіе времени, коимъ я вамъ обязана. Въ «Письмахъ изъ Болгаріи» я искала отгадать образъ вашихъ мыслей; я желала узнать причину тайной, мрачной тоски, о коей вы упомянули въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ. Съ какимъ неожиданнымъ удовольствіемъ я нашла въ вашей книжкѣ истину словъ моихъ: я удостовѣрилась, что сердце ваше не ослабѣло ко всему земному; великолѣпіе природы неоднократно приводило васъ въ восторгъ; вы внимали съ восхищеніемъ шуму воинскихъ трубъ и журчанію тихаго ручейка. Деспина, нѣжная Деспина!!.. Наконецъ, прочтя ваше сочиненіе съ начала до конца, я повторяю вамъ, что вы еще не ознакомились совершенно съ вашимъ сердцемъ; я не буду вѣрить вашимъ словамъ, а стану сама отгадывать ваши мысли и толковать ихъ по-своему. Обстоятельства минувшей вашей жизни, къ крайнему моему сожалѣнію, мнѣ вовсе неизвѣстны; слѣдовательно, я не знаю, имѣете ли вы справедливыя причины жаловаться на судьбу: о настоящемъ я могу только то сказать, что я ему обязана удовольствіемъ вашего знакомска; будущее, я увѣрена, примиритъ васъ съ жизнью, съ человѣческимъ родомъ и даже съ бѣдными женщинами, о коихъ имѣете столь несправедливое, столь оскорбительное мнѣніе. Позвольте мнѣ надѣяться, что я буду еще имѣть удовольствіе съ вами видѣться прежде вашего отъѣзда.

---

[1]) Наталья Ѳедоровна Нарышкина (род. 1797 † 1866)—дочь извѣстнаго московскаго генералъ-губернатора графа Ѳ. В. Ростопчина; она была замужемъ за Дмитріемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ, родственникомъ гр. М. С. Воронцова.

[2]) Симеисъ (Семеизъ)—селеніе на южномъ берегу Крыма, въ 16 в. отъ г. Ялты.

2.

25 сентября. Симеисъ.

Весьма сожалѣю, милостивый государь, что записочка моя вамъ не понравилась. Желаніе вамъ угодить и доставить минуту развлеченія руководствовали моимъ перомъ; вы не угадали мою мысль и обвиняете меня самымъ несправедливымъ образомъ. Простодушное, добренькое мое сердце не заслуживаетъ вашихъ упрековъ.—Я отдаю должную справедливость прекрасному вашему дарованію и превосходству познаній; но краснорѣчіе не въ силахъ перемѣнить образъ моихъ мыслей; вы не можете меня заставить ненавидѣть и презирать человѣчество, когда среди нашего разговора вы будете предметомъ моихъ мыслей и первымъ исключеніемъ всеобщей вражды, которую вы питаете въ сердцѣ вашемъ, какъ похвальное, усладительное чувство. Обманчивая мечта влечетъ васъ съ быстротою къ неминуемой гибели, и я не могу безъ искренняго, живѣйшаго сожалѣнія видѣть васъ въ толь опасномъ заблужденіи. Я желала бы имѣть чувствительность Фенелона, краснорѣчіе Боссюэта и перо ученаго Паскаля, дабы убѣдить васъ въ истинѣ моихъ словъ. Вы имѣете самое ложное понятіе о счастіи, о несчастіи, о сердцѣ человѣческомъ; вы терзаете собственное ваше сердце страшными бурными мыслями, вы запрещаете радостному лучу надежды проникнуть до глубины утомленной вашей души; наконецъ, вы отвергаете съ негодованіемъ ласковыя слова, увѣренія дружбы и утѣшенія, кои вамъ предлагаютъ пріятели и, пріятельницы ваши. Положеніе ваше крайне меня безпокоитъ; я желала бы примирить васъ, во-первыхъ, съ душою В. Г. Теплякова, и достигнувъ сей цѣли, я можетъ быть найду средство убѣдить васъ, что есть на землѣ болѣе добродѣтели, чѣмъ вы полагаете.

Простите, милостивый государь, мою дерзость; смиренный Симеискій миссіонеръ не достоинъ возбудить вашего гнѣва. Не лишите меня удовольствія пріятнаго и весьма занимательнаго вашего разговора. Въ сей надеждѣ остаюсь навсегда преданная вамъ.

Я ожидаю съ нетерпѣніемъ обѣщанные стихи и книгу.

3.

20 апрѣля 1835 г. Симеисъ [1]).

Вы не можете себѣ представить, милостивый государь, съ какимъ наслажденіемъ я читала ваше маленькое письмо, все проникнутое

[1]) Подлинникъ на французскомъ языкѣ.

этими сладкими, гармоническими звуками, къ которымъ мы привыкли съ дѣтства. Какъ вы счастливы, что могли гулять по Аѳинамъ, Коринѳу въ чудную лунную ночь, бродить по этимъ улицамъ, въ былое время наполненнымъ героями, геніями, прелестными и счастливыми женщинами. Гречанки наслаждались счастіемъ, котораго лишены русскія женщины: любовь внушалась имъ душами благородными, возвышенными, геніальными. Прекрасно было тогда любить Эпаминонда, Платона, Аристида; а когда вокругъ видишь только людей вродѣ Спада, Бальшъ [1]), Чевкина, спрашиваешь себя, зачѣмъ русской женщинѣ были даны сердце, умъ, воображеніе. Вы мнѣ ничего подробнаго не пишете объ островѣ Хіосѣ, ни объ его монастырѣ, ни о монахиняхъ, среди которыхъ я должна кончить свои дни. Подумали ли вы тамъ обо мнѣ, какъ я васъ просила? Нѣтъ. Я была удивлена и огорчена, узнавъ, что вы оставляете Одессу; я разсчитывала еще на удовольствіе поговорить, поспорить съ вами, хотя мы не всегда одного мнѣнія, но мнѣ кажется, что мы понимаемъ друга друга; а это уже много, потому что въ свѣтѣ часто разговариваешь цѣлые годы съ людьми, душу и сердце которыхъ никогда не узнаешь. Какъ я желаю, чтобы вы были счастливы въ Петербургѣ, спокойны, здоровы. Однако, я боюсь, что вы нигдѣ не найдете счастья, котораго вы желали. Вы представляете себѣ его слишкомъ великимъ, слишкомъ прекраснымъ для человѣческой судьбы; а дѣйствительность такъ далека отъ идеала, особенно идеала поэта. Поставимъ слово спокойствіе вмѣсто счастіе, и тогда мы достигнемъ маленькой частички блаженства. Самъ человѣкъ не есть одно цѣлое; какъ же можетъ онъ желать въ этомъ мірѣ того, чѣмъ онъ не способенъ обладать.

Послѣ того, какъ я желала тысячу прекрасныхъ вещей, теперь я прошу у Провидѣнія одной милости—уничтожить разомъ всѣ мои иллюзіи; каждый день я теряла по одной изъ нихъ. Я не вѣрю больше ни въ любовь, ни въ честолюбіе, ни въ славу, ни въ богатство; но какъ я ни философствую, ни разсуждаю, ни размышляю, я все же нахожу, что дружба прекрасная вещь и что можетъ быть она не есть химера, какъ другія чувства, наполняющія жизнь человѣка. Наконецъ я продолжаю искать дружбы нѣкоторыхъ уважаемыхъ личностей и не могу увѣрить себя, что я не права. Когда вы спокойно устроитесь въ Петербургѣ, вспоминайте, хотя словечкомъ, о старой затворницѣ Симеиса Н. Нарышкиной.

---

[1]) Иванъ Георгіевичъ Бальшъ состоялъ въ вѣдѣніи Азіатскаго департамента мин. иностр. дѣлъ.

С. И. Энгельгардтъ [1])—В. Г. Теплякову.

1.

18 іюня 1834. Одесса.

Почтеннѣйшій Викторъ Григорьевичъ! принятая мною обязанность доставить вамъ свѣдѣнія объ отъѣздѣ въ столицу гр. Михаила Семеновича (Воронцова) противъ чаянія моего поставила меня въ большія затрудненія. Таинство, покрывавшее дѣло сіе въ пребываніе ваше здѣсь, и доселѣ весьма мало прояснилось; всѣ эти господа, какъ жрецы истины, стараются всячески затмевать взоры профановъ, а быть можетъ и сами ничего не знаютъ. Просто мы никто до сихъ поръ ничего основательно не знаемъ, будетъ ли графъ въ Петербургѣ и когда именно. Главнѣйшая моя въ семъ (?) надежда кн. Григорій Голицынъ [2]) возвратился изъ Крыма, не разгадавъ совершенно загадки сей. Слѣдовательно, все, что я могу вамъ сказать, есть заключенія, предположенія, весьма, впрочемъ, достовѣрныя: графъ остается въ Крыму до 20 іюля; оттоль пріѣдетъ сюда моремъ; вскорѣ потомъ ѣдетъ въ Бессарабію и потомъ вскорѣ по возвращеніи сюда отправляется въ Екатеринославъ, Бѣлую Церковь и, весьма вѣроятно, въ Петербургъ; изъ всего вы увидите, что послѣднее пребываніе его здѣсь должно продолжаться не далѣе конца іюля или первыхъ чиселъ августа и что поѣздка его въ Питеръ болѣе, чѣмъ вѣроятна, а по сему мое мнѣніе есть: чтобы вы были на Одесскомъ рейдѣ не позже 15-го іюля, тогда уже все будетъ разгадано, я надѣюсь; вотъ и случай для удобнѣйшаго возвращенія вашего: вчера отправился отъ насъ пароходъ «Наслѣдникъ» въ Евпаторію, гдѣ приметъ онъ герцога Рагузскаго [3]) и отправится 22-го въ Константинополь, гдѣ также, по словамъ знаменитаго Зонта, онъ останется дней 10 и придетъ прямо въ Одессу. Пріѣзжайте и вы съ нимъ, мой вамъ совѣтъ, а я вамъ заготовлю хорошенькую комнату въ тюрьмѣ нашей; впрочемъ, я совѣтую вамъ поразспросить и прибывшихъ на пароходѣ; отъ нихъ, вѣроятно, уже не

---

[1]) Сергѣй Петровичъ Энгельгардтъ, въ чинѣ капитана гвардіи, былъ въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при новороссійскомъ и бессарабскомъ ген.-губ. гр. Воронцовѣ.

[2]) Поручикъ Иркутскаго гусарскаго полка, кн. Григорій Григорьевичъ Голицынъ, адъютантъ гр. М. С. Воронцова.

[3]) Мармонъ, герцогъ Рагузскій, французскій маршалъ (р. 1774 г., † 1852 г. въ Венеціи); онъ началъ службу въ артиллеріи, участвовалъ въ осадѣ Тулона и послѣ былъ близкимъ участникомъ походовъ Наполеона. Въ 1806 г. былъ главнокомандующимъ французской арміи въ Далматіи и ген.-губ. иллирійскихъ провинцій; съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ русскихъ войскъ, осаждавшихъ г. Рагузу. Въ концѣ 1807 г. получилъ титулъ герцога Рагузскаго; въ 1811 г. принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ французовъ въ Испаніи. Остатокъ дней своихъ герцогъ Мармонъ провелъ въ путешествіяхъ по Австріи, Турціи, Россіи и Востоку, описаніе которыхъ вышло въ 1837 г.

будетъ сокрыта великая истина. Новаго сказать отъ насъ нечего, особенно хорошаго; дождя мы почти не видали съ отъѣзда вашего, и не только растенія, но и сами мы почти посохли. La dernière grande nouvelle, c'est la mort du Prince Кочубей, qu'il a trouvé à Moscou le 3 de ce mois, trois heures après son arrivé dans notre antique capitale [1]). Прощайте. Повторяя вамъ совѣтъ мой съ пароходомъ возвратиться, а равно и искренность чувствъ моего уваженія, пребуду навсегда вамъ преданный.

2.

9 сентября 1835. Одесса.

Согласно желанію вашему я на другой же день полученія вашего письма, отъ 9 августа, предъявился къ Андрею Яковлевичу [2]), съ запросомъ о состояніи дѣла, вами мнѣ порученнаго; онъ показалъ мнѣ большое участіе и увѣрилъ меня, что отвѣтъ на отношеніе г. Родофиникина уже отправленъ въ Петербургъ, отколь, по волѣ г. вице-канцлера (гр. Нессельродъ), испрашивалось согласіе гр. Михаила Семеновича на продолженіе пребыванія вашего въ столицѣ, для занятій по Азіатскому департаменту, и что отвѣтъ графа сдѣланъ совершенно удовлетворительно; повѣрить словъ сихъ я не имѣлъ средствъ и потому передаю ихъ, какъ получилъ. Господинъ Фабръ мнѣ объявилъ также, что онъ въ то же время сообщилъ и вамъ обо всемъ; это было первою причиною, что я, бывъ это время весьма озабоченъ, не отправилъ къ вамъ еще до сего времени моего извѣстія, которое, такимъ образомъ, дѣлается лишь повтореніемъ вамъ уже извѣстнаго. Г. Левшинъ, какъ вы знаете, провелъ все лѣто въ отлучкѣ изъ Одессы и черезъ то я забавлялся благами здѣшняго градоначальства, что само по себѣ уже весьма скучно, а соединенное съ карантиномъ, право, совершенно уже несносно. Онъ возвратился, и я надѣялся быть посвободнѣй, какъ вопреки тому ко мнѣ въ карантинъ пожаловать изволили, съ одной стороны — чума, а съ другой — г. Дургамъ [3]), оба гостя — весьма отяготительные.

---

[1]) Послѣдняя важная новость—это смерть кн. Кочубея, которая застала его въ Москвѣ 3-го сего мѣсяца, черезъ 3 часа по его прибытіи въ нашу древнюю столицу.

[2]) Андрей Яковлевичъ Фабръ, чиновникъ при канцеляріи гр. Воронцова,— одинъ изъ основателей „Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ и впослѣдствіи дѣятельный членъ этого Общества.

[3]) Дургамъ (John—George Lambton, earl of Durham), англійскій политикъ, происходитъ изъ фамиліи графства Дургамъ (р. 1792 г., † 1840 г.); по смерти отца, лишь только сдѣлался совершеннолѣтнимъ, былъ назначенъ членомъ парламента и ознаменовалъ свою политическую карьеру противодѣйствіемъ многимъ современнымъ интересамъ, будучи сторонникомъ реформы, какъ крайній либералъ; когда дѣдъ его, лордъ Грей, сдѣлался въ 1830 г. первымъ министромъ, Дургамъ вошелъ въ составъ новаго кабинета, какъ лордъ—хранитель малой печати (Lord privy seal); истощенный упорнымъ сопротивле-

Благодарю васъ чувствительнѣйше за любезное предложеніе ваше, но на этотъ разъ, благодаря Бога, никакихъ дѣлъ въ столицѣ не имѣю, о себѣ сообщить также ничего не встрѣчаю; теперь всѣ въ Крыму, а мы живемъ почти по-сельски. Жена моя благодаритъ васъ усерднѣйше за напамятованіе объ ней и поручаетъ мнѣ увѣрить васъ въ чувствахъ искреннѣйшаго уваженія; я присоединяю къ сему увѣренія въ искренности почтенія и душевной вамъ преданности моей.

P. S. На счетъ продолженія срока, вамъ присланнаго, Фабръ мнѣ сказалъ, что это дѣло нужно для пребыванія вашего въ столицѣ; перемѣщеніе же къ иностранному министерству [1]) должно быть слѣдствіемъ сему, т. е. занятіямъ вашимъ по министерству. Сему Марини [2]), я думаю, можетъ вамъ дать хорошій совѣтъ, обратитесь къ нему.

В. Г. Тепляковъ—П. А. Плетневу [3]).

8 (20) марта 1837. Пера [4]).

Милостивый Государь

Петръ Александровичъ!

Лучше поздно, нежели никогда, — говоритъ пословица. Давнымъ давно собирался я напомнить вамъ о себѣ; но «если бы голосъ мой былъ голосомъ грома» для изображенія вамъ всѣхъ десяти язвъ, которыми Господь Богъ покаралъ нѣкогда рабовъ Фараоновыхъ и въ среду коихъ брошенъ теперь вашъ umilissimo servo, то конечно я попробовалъ бы представить вамъ разнообразныя прелести чумы со всѣми на-

---

ніемъ противниковъ реформы не только открытыхъ—со стороны торіевъ, но даже тайныхъ—среди своихъ политическихъ друзей, лордъ Дургамъ покинулъ парламентъ въ 1833 г. Вслѣдъ за этимъ, получивъ званіе графа Дургамъ, онъ былъ отправленъ въ Россію съ цѣлью ходатайствовать передъ нашимъ правительствомъ о смягченіи суровыхъ мѣръ, предпринятыхъ по отношенію къ полякамъ во время и послѣ возстанія 1830—1831 гг.; потерпѣвъ въ этомъ неудачу, онъ возвратился въ Англію, гдѣ до конца жизни оставался сторонникомъ реформы. (Larousse. Grand diction. v. b. p. 1438).

[1]) В. Г. Тепляковъ былъ оставленъ по дѣламъ службы при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ (М. И. Д. Азіат. департ., отд. I столъ 1. 24 ноября 1835 г. Свидѣт. за № 2699).

[2]) Павелъ Яковлевичъ Марини, состоявшій тогда чиновникомъ по особымъ порученіямъ при гр. Воронцовѣ, числился по министерству иностранныхъ дѣлъ. Родился въ Константинополѣ, гдѣ въ то время былъ посланникомъ гр. Кочубей, который принималъ въ судьбѣ Марини большое участіе. (Зап. Вигеля М. 1892, ч. VI, стр. 94).

[3]) Петръ Александровичъ Плетневъ, одинъ изъ лучшихъ представителей прежней русской критики; другъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей: Пушкина, Жуковскаго, кн. Вяземскаго и др.

[4]) Съ черноваго крайне неразборчиваго подлинника.

лагаемыми ею лишеніями, со всей скукою, со всѣмъ варварствомъ и личнымъ эгоизмомъ недосозданнаго общества. Черезчуръ достаточно, если я на этотъ разъ ограничусь замѣчаніемъ, что всѣ мысли, головы и сердца, раздерганныя одной безконечностью вещественныхъ мелочей, не только безсильны сосредоточиться на какомъ-нибудь дѣльномъ занятіи, но почти временами стынутъ въ недалекомъ отъ столбняка бездѣйствіи. Однимъ словомъ—Востокъ въ поэмахъ л. Байрона и Востокъ въ нагой дѣйствительности; Востокъ въ глазахъ мимолетнаго странника—и тотъ же самый Востокъ для прикованнаго къ нему чинодѣя разнятся другъ отъ друга.

О fatum! Дѣйствительно ли е г о (Пушкина) ужь нѣтъ въ здѣшнемъ мірѣ? Неужели судьба разбила въ самомъ дѣлѣ эту вдохновенную, родную нашей юности лиру, которая столь звучно, столь краснорѣчиво извлекала намъ лучшія мечты нашего собственнаго сердца?.. Какъ бы то ни было, въ немъ потеряло отечество именно того ваятеля, которому назначено было создать и завѣщать потомству свою собственную статую; подобно современникамъ, оно (отечество) безъ сомнѣнія, сознаетъ, что каждая черта этой статуи есть атлетическій подвигъ въ области изящнаго. Творецъ да упокоитъ праведный духъ его въ селеніи своихъ избранныхъ!

Посреди разногласія толковъ, долетающихъ отъ стѣнъ Сѣверной Пальмиры до о ч а р о в а н н ы х ъ (чумою) береговъ Босфора, къ кому, кромѣ васъ, почтеннѣйшій Петръ Александровичъ, могу я обратиться съ жаждою истины? Наперсникъ покойнаго, вы вѣроятно были свидѣтелемъ роковаго сцѣпленія обстоятельствъ, похитившихъ у отечества оплакиваемаго имъ пѣснопѣвца? Не оставьте, если возможно, сообщить горестныя подробности его смерти одному изъ усерднѣйшихъ поклонниковъ его генія [1]).

Если изданіе «Современника» [2]) будетъ продолжаться, то кто беретъ на себя редакцію? Мы получили здѣсь первые листы новой газеты Краевскаго и съ тѣхъ поръ рѣшительно не знаемъ, о чемъ хлопочутъ наши пріятели. Князь Одоевскій, повидимому, забылъ даже о моемъ существованіи. Я жду, не дождусь благопріятной минуты для

---

[1]) Отвѣтное письмо П. А. Плетнева отъ 29 мая 1837 года напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1887 г., № 7, стр. 21.

[2]) Послѣ смерти Пушкина было предпринято изданіе его сочиненій подъ непосредственнымъ покровительствомъ императора Николая Павловича. Опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми умершаго поэта, разослала губернаторамъ разныхъ губерній объявленіе объ изданіи его сочиненій, въ концѣ котораго сообщалось и о продолженіи журнала «Современникъ». Завѣдующими изданіемъ послѣдняго были: кн. Вяземскій, Одоевскій, Краевскій, Плетневъ и Жуковскій. (См. О первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина. П. Юдинъ. «Рус. Арх.» 1893, № 9, стр. 121—124).

возвращенія на родину. Тамъ приведу можетъ быть въ порядокъ нѣкоторые матеріалы; здѣсь же посреди чумы и... но оставимъ это; скажу вамъ только, что постараюсь расцвѣтить большимъ разнообразіемъ свои будущія граматки, если онѣ пробудятъ съ вашей стороны хоть слабый, хоть рѣдкій отголосокъ и доставятъ мнѣ пріятную увѣренность, что Босфорскія посланія не будутъ вамъ черезчуръ докучны. Супругѣ вашей покорнѣйше прошу изъявить мое душевное уваженіе; всѣмъ знакомымъ и пріятелямъ, въ особенности Василію Андреевичу (Жуковскому) и князю Одоевскому (прошу) отдать поклонъ странника.

Вѣрьте чувству искренняго почтенія преданнаго вамъ душою и сердцемъ.

П. А. Плетневъ—В. Г. Теплякову.

24 ноября 1837. С.-Петербургъ.

Занимательна и поучительна жизнь ваша, почтеннѣйшій Викторъ Григорьевичъ! Много соберете вы запаса на остальные дни, даже слишкомъ много, если правда, что обрекаете себя въ будущемъ на пустынничество. Но не то готовитъ вамъ судьба. Она слѣпо не расточаетъ своихъ сокровищъ. Вы должны уплатить ей не воспоминаніями затворничества, но огненными страницами глашатая на лучшемъ поприщѣ. Васъ не выпуститъ изъ звонкихъ своихъ улицъ Петербургъ, когда вы возвратитесь въ отечество. Вы не оторветесь отъ друзей и почитателей своихъ, когда они примутъ васъ въ свои объятія. Слава Богу, что вамъ удалось столько увидѣть, столько прочувствовать и кинуть все это въ свои восточные портфели. Это не должно погибнуть, слѣдственно, и не погибнетъ. По крайней мѣрѣ я такой вѣры.

Никогда, можетъ быть, умственная наша жизнь не нуждалась такъ въ честныхъ, умныхъ и дѣятельныхъ гражданахъ, какъ въ настоящую эпоху. Знаете ли вы, что съ будущаго 1838 года весь торгъ мысли и чувства подпалъ подъ монополію одного полуграмотнаго торгаша, который называется Смирдинъ? У него на содержаніи Сенковскій, издатель «Библіотеки» и Полевой, издатель «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества». Да и въ Москвѣ также монополія: тамъ Ксенофонтъ Полевой скупилъ «Московскій Наблюдатель».

Вы чувствуете, что людямъ, уважающимъ и любящимъ прямое добро, т. е. благородную литературу, тутъ уже нѣтъ мѣста. Имъ остается маленькій уголокъ въ «Современникѣ». Вы получили его первые два номера. Скоро получите вдругъ и два остальные. А тамъ? Милости просимъ въ сотрудничество. Изъ газетъ вы уже видѣли, что мнѣ государь позволилъ быть одному хозяиномъ «Современника». Вы не можете

сказать, что я не умѣю цѣнить вашихъ сокровищъ. Подѣлитесь только ими съ публикою.

Я не сомнѣваюсь, что вы, по благородству вашихъ чувствованій, не откажетесь отъ участія. Одно въ заочной сдѣлкѣ: прикажите переписывать разборчивѣе и сами выправляйте собственныя имена и цитаты. Иначе выйдетъ родъ Алкорана, т. е. сумбуръ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ преданный вамъ П. Плетневъ.

Всѣ ваши друзья обнимаютъ васъ [1]).

В. Г. Тепляковъ—В. А. Жуковскому [2]).

22 февраля 1837.

Кто бы предугадалъ, что мои первыя строки, засыпанныя пескомъ Босфорскимъ, къ вашему превосходительству начнутся выраженіемъ глубочайшей горести о постигшей Россію и въ особенности насъ утратѣ. Такъ, нѣтъ уже на землѣ нашего Пушкина! Душа кипитъ негодованіемъ, и кровью обливается сердце при мысли, какимъ образомъ и кѣмъ похищена подобная жизнь у гордившагося ею отечества!

Смѣю надѣяться, что мое долгое молчаніе не будетъ объяснено вами въ дурную сторону; давнымъ давно мое сердце, проникнутое вашимъ безцѣннымъ расположеніемъ, рвалось перелетѣть въ нѣсколькихъ строкахъ къ вамъ съ береговъ дальней чужбины; но видно не въ добрый часъ возвратили мнѣ родные пенаты странническій посохъ. Надобно подышать воздухомъ византійскаго неба, издали столь обворожительнаго, чтобы постигнуть, отчего всѣ думы головы и сердца одѣваются здѣсь траурной дымкою. Я до сихъ еще поръ не видалъ Константинополя. Царица-чума княжитъ съ самаго моего прибытія на берегахъ Воспорскихъ. Отъ 3-хъ до 9-ти тысячъ жертвъ падаетъ еженедѣльно подъ ея косою. Теперь чума начинаетъ уменьшаться; но одному Богу извѣстно, когда она совсѣмъ перестанетъ бродить по слѣдамъ человѣка, грозить ему отравою въ пищѣ, глядѣть изъ-за плечъ на эти самыя строки. Богатое солнце почти не переставало играть во всю нынѣшнюю зиму пестрою [3]) . . . . пролива; но эта улыбка природы, единая отрада въ здѣшней злополучной странѣ превращается въ блескъ погребальнаго свѣточа при мысли, что она только усугубляетъ свирѣпство заразы. Присоединивъ къ этому неизобразимыя лишенія всякаго рода вмѣстѣ съ оледеняющимъ равнодушіемъ здѣшнихъ меценатовъ, вмѣстѣ съ ничтожностью предоставленныхъ мнѣ способовъ, вмѣстѣ съ непроницаемыми потемками моего здѣшняго

---

[1]) Небольшія выдержки изъ этого письма были сдѣланы въ біографіи В. Г. Теплякова. См. «Истор. Вѣст.» 1887, № 7, стр. 22.

[2]) Съ черноваго крайне неразборчиваго подлинника.

[3]) Слѣдующаго слова разобрать невозможно.

назначенія—истинной мистификаціей для другихъ и для меня самого, могу ли я не сознаться, что жажда ученыхъ изслѣдованій начинаетъ мало по малу смѣняться въ душѣ моей тоской по отчизнѣ, призывавшей къ себѣ въ послѣднее время столь могущественно мое сердце. Капля въ морѣ, какъ знать, можетъ быть и на что пригодится. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что здѣшній край, средоточіе всѣхъ современныхъ вопросовъ, представляетъ уму и въ особенности уму русскому равно богатую жатву; но ключъ отъ совокупности причинъ и событій безслѣдно скрытъ отъ непосвященныхъ, а безъ него каждая бездѣлица облечена здѣсь непроницаемою тайною. Открытъ взорамъ одинъ только маскарадъ разрушающейся имперіи: алчность клубящихся надъ ней насѣкомыхъ, безцвѣтность физіономіи нравственной, холодная увѣренность въ концѣ поприща между мусульманами, собраніе всевозможныхъ карикатуръ, отсутствіе всякой связи общественной; цинизмъ самой грубой вещественности, осуществленный идеалъ невѣжества, отражающій одну только утонченность европейскаго эгоизма, между обитающими здѣсь франками. Открытъ наконецъ полный разгаръ чумы, союзницы всего, что только можетъ умерщвлять въ сердцѣ чувство эстетическое, возбуждамое неизобразимой красотой здѣшней природы. На этотъ разъ я даже не буду искать ни словъ, ни карандашей для ея посильнаго очерка; скажу только, что всѣ прелести природы, неопроникнутыя душою художника, кажутся мнѣ рѣшительной ничтожностью въ сравненіи съ этими избранными чертами, которыя приводятся въ гармонію и наводняются блескомъ его творческаго воображенія. Со временемъ постараюсь я впрочемъ представить вамъ, если позволите, нѣсколько бѣглыхъ эскизовъ, не взирая на полноту своего убѣжденія, что всѣ красоты береговъ Воспорскихъ далеко отстанутъ отъ волшебнаго острова, гдѣ подлѣ новой Армиды влюбленный Гульбрандъ

. . . . . очарованной душой
. . . . . обималъ безыменное тайное счастье земное . . .

Не скажу вамъ на этотъ разъ ни слова объ одномъ мѣстномъ преданіи, которое могло бы служить довольно богатой канвою поэмѣ, если бы кто-нибудь, не занятый пятымъ колесомъ здѣшней коммерческой, статистической и этнографической кареты, могъ слиться всею душою съ геніемъ мѣста и посвятить свои думы тому, что жрецы положительнаго, т. е. животнаго улучшенія нашего быта именуютъ поэзіей. Касательно же меня самого—не думаю, чтобы моя бѣдная муза произвела что-нибудь подъ непосредственнымъ вліяніемъ предметовъ, волнующихся въ хаосѣ настоящаго. Отдаленность въ пространствѣ, минувшее во времени, идеальность, существенность, были всегда ея Ипокреною. Мои краски пестрѣютъ только на палитрѣ воспоминанія; звуки обитаютъ въ одной глубинѣ почерпнутыхъ впечатлѣній.

Я такъ много писалъ нашему министру о любопытномъ путеше-

ствіи султана въ древнюю Никомедію, такъ много толковалъ объ изумительныхъ обстоятельствахъ смерти Али-Риза-эффенди, турецкаго министра финансовъ, что право не въ силахъ повторять тысячу-первый разъ всѣхъ этихъ событій, полагая впрочемъ, что они уже успѣли сдѣлаться добычей газетчиковъ.

Теперь я жду только возобновленія пароходныхъ сообщеній съ Одессою и бо̀льшей возможности посѣтить Стамбулъ для присылки вамъ обѣщанной табачной пропорціи [1]). Нашъ добрый Бутеневъ, поручая мнѣ изъявить вамъ его почтеніе, намѣревается присоединить къ ней безмѣрный турецкій чубукъ съ принадлежностями.

Самъ Пиѳагоръ не больше моего обожалъ симпатическое эхо; но, постигая вполнѣ всю разность вашихъ многополезныхъ недосуговъ, я почту себя счастливымъ, если полдюжины Воспорскихъ граматокъ удостоятся хоть изрѣдка нѣсколькихъ строкъ отвѣта. Впрочемъ, какъ бы то ни было, обязанный лучшими часами жизни вашей вдохновительной музѣ и въ послѣднее время вамъ самимъ, я не въ силахъ считать себя совершенно чужимъ вамъ и всѣмъ вашимъ. Изъ сихъ послѣднихъ покорнѣйше прошу поклониться отъ меня тѣмъ, которые не совсѣмъ еще позабыли странника, и въ особенности лѣнивому князю Одоевскому [2]). Я даже не знаю, получилъ ли онъ мои два письма, одно отсюда, другое еще изъ Одессы. Съ чувствомъ отличнаго почтенія и душевной преданности...

В. Г. Тепляковъ—кн. В. Ѳ. Одоевскому [3]).

Константинополь, 7-го марта 1837 г. [4]).

1.

Бѣлыя страницы.

„Собака лаетъ—вѣтеръ носитъ“;
Страницы бѣлыя поноситъ
Нашъ фантастическій Баронъ
Тупой острякъ, Зоилъ жестокой,
Ужели тѣмъ онъ такъ глубоко
Въ страницахъ этихъ огорченъ,
Что въ бѣлизнѣ ихъ лиходѣйской
Нашелъ не то, чѣмъ для лакейской
Онъ самъ журнальный нашъ Ѳерситъ,

---

[1]) В. Г. Тепляковъ привозилъ изъ Смирны въ подарокъ своимъ знакомымъ турецкій табакъ; между прочимъ и В. А. Жуковскій, любитель хорошаго табаку, иногда обращался къ Теплякову съ просьбой „прислать арабскаго запасецъ табаку“. (См. „Истор. Вѣстн.“ 1887. № 7. В. Г. Тепляковъ. Біограф. очеркъ Ѳ. А. Бычкова).

[2]) Кн. Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій.

[3]) Съ черноваго подлинника.

[4]) Кн. Владиміръ Ѳеодоровичъ Одоевскій (р. 1803 г. † 1869) ознаменовалъ свою жизнь самою многообразною умственною дѣятельностью; онъ на-

Базарной публики витія,
Свои страницы заказныя,
Немолчно каркая, чернитъ!..

Моря и горы отдѣляютъ меня отъ родины, а между тѣмъ изящный Брамбеусъ [1]) острится и фантазируетъ сколько душѣ угодно надъ «Бѣлыми страницами»[2]). Если вы расположены до безконечности одол-

---

чалъ свое литературное поприще нѣсколькими статьями въ журналахъ 20-хъ годовъ подъ псевдонимомъ Филалея Повинухина. Въ 1824 г. издавалъ вмѣстѣ съ В. Кюхельбекеромъ литературный сборникъ „Мнемозину“, въ которомъ перу Одоевскаго принадлежитъ немало сатирическихъ и полемическихъ статей. Послѣ событій 14-го декабря 1825 г. Одоевскій умолкъ на нѣсколько лѣтъ, поступивъ вскорѣ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а потомъ во II отдѣленіе собственной е. в. канцеляріи. Живя въ Петербургѣ, онъ собиралъ на своихъ литературныхъ вечерахъ самое разнообразное общество; у него бывали поэты, ученые, композиторы, живописцы. Въ петербургскій періодъ общественной и литературной дѣятельности князя Одоевскаго съ 1826—1862 г., обнаружился вполнѣ его умственный и нравственный образъ; въ это именно время вышли въ свѣтъ лучшія сочиненія кн. Одоевскаго по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знаній; онъ писалъ статьи по химіи, сказки, разсказы и т. п. Будучи помощникомъ директора императорской публичной библіотеки (1846—1861) бар. М. А. Корфа, князь Одоевскій въ то же время отдался дѣятельности филантропической, сдѣлавшись предсѣдателемъ общества посѣщенія бѣдныхъ. Послѣ назначенія сенаторомъ, кн. Одоевскій переѣхалъ въ Москву, гдѣ и скончался, оставивъ по себѣ память, какъ человѣкъ, какъ общественный дѣятель, какъ писатель, ученый и музыкантъ. (См. „Кн. В. Ѳ. Одоевскій“. И. Ѳ. Сумцова. Харьковъ 1884 г.).

[1]) О. И. Сенковскій.

[2]) Въ „Библіотекѣ для чтенія“, 1837 г., т. 20, въ отдѣлѣ „Литературная лѣтопись“, на стр. 2 была помѣщена о стихотвореніяхъ В. Г. Теплякова (Спб. 1836 г., т. 2) замѣтка: „Статья первая. О бѣлыхъ страницахъ“. Въ этой статьѣ критикъ довольно остроумно придирается къ тому, что въ книгѣ, изданной В. Тепляковымъ, много пустыхъ бѣлыхъ страницъ. Далѣе, въ отдѣлѣ, „Новыя книги“, стр. 29–35, напечатана статья о тѣхъ же стихотвореніяхъ Т. „Статья вторая. О небѣлыхъ страницахъ“. Здѣсь злой критикъ нападаетъ на предисловіе къ стихотвореніяхъ Т., которымъ „ему услужилъ какой-то изъ тѣхъ пріятелей, которые иногда больше дѣлаютъ зла, чѣмъ враги“. Далѣе разбираются стихотворенія В. Теплякова, а въ концѣ статьи авторъ ея говоритъ: „Стихотворенія г. Теплякова состоятъ изъ Ѳракійскихъ (собственно Фракійскихъ) элегій“, т. е. элегій, писанныхъ во фракѣ, въ которомъ авторъ обыкновенно былъ одѣтъ, а не во Ѳракіи, гдѣ онъ не былъ, посѣтивъ только Мизію, попросту Булгарію“. Вѣроятно, предисловіе ко 2-му тому стихотвореній Теплякова написано кн. Одоевскимъ, который, судя по его письмамъ, сохранившимся въ бумагахъ Т., завѣдовалъ печатаніемъ этого собранія. Въ общемъ отзывъ Сенковскаго о поэзіи Теплякова по справедливости вызвалъ неудовольствіе послѣдняго; Пушкинъ, въ своей критической статьѣ о „Ѳракійскихъ элегіяхъ“ вполнѣ оцѣнилъ ихъ достоинство; между прочимъ онъ сказалъ: „Еслибы г. Тепляковъ ничего другаго не написалъ, кромѣ элегіи Одиночество и станса Любовь и Ненависть, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами“. (См. „Современникъ“. 1836 г., т. 3).

жить стараго товарища и вѣчно преданное вамъ сердце, то не откажите тиснуть вышенаписанный (столько же невинный, сколько законный съ моей стороны) мадригалъ [1]) въ первомъ листкѣ вашихъ прибавленій (которыхъ я, впрочемъ, донынѣ и въ глаза не видалъ) или гдѣ бы то ни было. Я, въ свою очередь, обѣщаю вамъ за то весь дневникъ свой по Греціи, коего началомъ можете, если угодно, почитать прилагаемую при семъ эпистолу.

Прошу изъявить мое искреннее почтеніе княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ [2]) и всѣмъ нашимъ, особенно же В. А. Жуковскому, кн. П. А. Вяземскому, кн. Мещерскому, если онъ въ Петербургѣ (что-то дѣлается съ его литературными предпріятіями?), П. А. Плетневу и Соболевскому.—А Пушкинъ-то, нашъ несравненный Пушкинъ! Sic transit gloria mundi!..

2.

22-го марта (3-го апрѣля) 1837 г. Константинополь [3]).

Не толкуйте, любезный князь, въ дурную сторону моего молчанія. Я лѣнивъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но по крайней мѣрѣ на этотъ разъ моя лѣнь происходитъ отъ стеченія вовсе не подвластныхъ намъ обстоятельствъ. Рѣшась за годъ передъ симъ посѣтить вторично благоуханный Востокъ, какъ пустословитъ литературная чернь нашего времени, я увлекся опять въ этомъ случаѣ нелѣпой надеждой расшевелить въ себѣ человѣка-статую, соединивъ разорванную цѣпь своихъ воспоминаній въ странѣ, отливавшей нѣкогда мечтамъ моимъ всѣми лучами сказочной ланиты Аладиновой всей патріархальностью нравовъ и обычаевъ, столь различныхъ съ нашими. Крутящійся и, слѣдовательно, не одѣтый вѣчно мхомъ камень, достаточно ли впрочемъ оправдаю я передъ самимъ собой это новое скитанье въ эпоху жизни, когда міръ идеальный начинаетъ задергиваться отъ ней занавѣсою міра существеннаго, если скажу, что мое воображеніе, чадо отнюдь не гиперборейскаго солнца, алкало глагола той неподдѣльной природы, которая казалась мнѣ столь краснорѣчивою въ странахъ, запечатлѣнныхъ слѣдами всего, чѣмъ только геній человѣчества возвышается надъ утонченностями нашей современной, чисто вещественной образованности. Принадлежа не ему, тамъ думалъ схватить и я для отчизны нѣсколько звуковъ той гармонической рѣчи, которая слышится въ душѣ, въ порывахъ къ первообразу красоты безусловной. Надежда столь же честолюбивая, сколько неосновательная, какъ вамъ очевидно докажетъ какой-

[1]) Это стихотвореніе не было напечатано.

[2]) Супруга кн. Одоевскаго, рожденная гр. Ланская († 1872).

[3]) Съ черноваго подлинника. Первая половина этого письма была напечатана подъ заглавіемъ: „Вѣсти съ Востока“. Лит. прибавл. къ „Русскому Инвалиду“. 1837 г., № 30, стр. 287.

нибудь Брамбеусъ. Ради Бога, пусть онъ не каркаетъ: если я нѣкогда грезилъ, то теперь право совсѣмъ пробудился!..

Все это длинное вступленіе ведетъ только къ доказательству, что до сихъ поръ вы очень мало потеряли отъ застоя своей Восточной корреспонденціи. Ничто не можетъ быть однообразнѣе прошлой зимы, проведенной мною на берегахъ Воспора. Тамъ нашелъ я царицу-чуму въ полномъ ея разгарѣ. Напрасно, впрочемъ, стали бы вы ждать отъ меня картины ея ужасовъ: самъ Манцони едва-ли бы поживился касательно ихъ чѣмъ-нибудь въ Константинополѣ. Чума есть одинъ изъ его (Константинополя) господствующихъ элементовъ; заботятся о ней одни иностранцы, и только для нихъ она есть источникъ тѣхъ неизобразимыхъ лишеній, которыя сосредоточиваютъ всѣ ваши помыслы на одномъ удовлетвореніи нуждъ вещественныхъ. Турки, по увѣренію старожиловъ, почитаютъ заразу священною, а ея жертвы—угодными Аллаху. Когда-нибудь я разскажу вамъ подробности забавнаго суда надъ однимъ бимъ-башею, дерзнувшимъ окуривать, вслѣдствіе гяурскихъ [1]) наставленій, правовѣрныя бороды; а между тѣмъ, смерть гнѣздилась во всемъ и повсюду. Представьте же себѣ, какъ легки и отрадны, при всемъ этомъ, связи общественныя, сотканныя, въ довершеніе напасти, этикетомъ и принужденностью, восходящими нерѣдко до идеала нелѣпости. Лучшій тонъ общества основанъ на этой, уморительно тонкой таинственности, которая паритъ надъ атомами и гордится исключеніемъ всякой обязательности, сближающей между собою у насъ его членовъ. Дипломаты суть брамины Оттоманской столицы; ея паріи — вся остальная смѣсь племенъ и нарѣчій, которая

Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Туда стеклася для стяжаній...

Обезьяня смѣшное всѣхъ царствъ, церемоніалъ всѣхъ дворовъ, всѣ роды суетности и честолюбія, перенесенные въ каррикатурѣ изъ Европы аристократической кастою, члены этого достопочтеннаго общества заботятся, по выраженію одного путешественника, другъ о другѣ отнюдь не больше встрѣчающихся на дорогѣ проѣзжихъ, и потому-то эгоизмъ, самый утонченный, ходитъ объ руку съ невѣжествомъ, превосходящимъ всякое вѣроятіе. Одни оттоманы, до сихъ поръ еще сыны неподдѣльной природы, возбуждаютъ всю вашу симпатію патріархальностью своихъ нравовъ, простыхъ и естественныхъ, не взирая на лоскъ преобразованій, изглаживающихъ съ каждымъ днемъ больше и больше первобытную оригинальность ихъ физіогноміи наружной и внутренней. Но паки и паки—свирѣпство чумы, незнаніе языка и милліонъ другихъ препятствій отстраняютъ васъ и отъ этого, столь много объясняемаго и до сихъ поръ не объясненнаго міра. Остается одна природа — и на этотъ разъ все, что по сіе время было рисовано, говорено, пи-

[1]) Гяуръ—невѣрный, христіанинъ.

сано о Цареградской очаровательницѣ, отстаетъ далеко отъ существенности. Здѣсь, конечно, недосугъ пытаться надъ ея новымъ очеркомъ; но и въ этомъ случаѣ, что намъ до природы вещественной, если воображеніе не одушевляетъ ея прелестей; а оно-то именно и осуждено въ Стамбулѣ на всѣ мученія льва, терзаемаго комаромъ въ баснѣ Крылова!.. Не думайте, впрочемъ, чтобы византійское солнце не смѣнялось на нѣсколько мѣсяцевъ зимою, различествующей отъ сухой и ясной зимы московской только слякотью и проницающими стужей туманами. Въ Россіи в и д я т ъ, въ Турціи ч у в с т в у ю т ъ холодъ не столь суровый, но несравненно больше несносный, ибо ни одинъ лучинный, смазанный грязью и ничѣмъ не согрѣваемый домъ не представляетъ вамъ ни малѣйшаго отъ него убѣжища. По моей прошлогодней квартирѣ въ Буюкъ-Дере вы можете судить о большой части домовъ константинопольскихъ. Когда черноморскій вѣтеръ вздулъ и началъ добрасывать до самыхъ оконъ разгулявшіяся волны Воспора, моя бѣдная хата завыла истинно Эоловой арфою, и цѣлые легіоны крысъ запрыгали надъ головой подъ ея погребальную музыку. Призванный на помощь желѣзный каминъ началъ попеременно переселять меня отъ экватора къ полюсу и, даря ежедневно то угаромъ, то насморкомъ, принудилъ оставить себя въ покоѣ. Куда какъ все это весело! но, наконецъ, наступилъ мартъ мѣсяцъ; чума стала ослабѣвать; холодъ сдѣлался выносливѣе—и мы сблизились съ недосягаемымъ дотолѣ Константинополемъ.

Для олицетворенья высокостепенной слободки Буюкъ-Дере пусть какой-нибудь восточный карликъ облечется въ нарядъ нашего провиціальнаго щеголя—и характеристическое сходство будетъ разительно! Взгляните на эти бѣдные домики, величаемые столь забавно дворцами; на эти чопорныя прогулки по набережной, на кавалькады преображенныхъ въ графинь одалискъ, посреди разноплеменныхъ рыцарей хлыстика! Ламартинъ толкуетъ, что онъ понять не можетъ, почему ни одинъ путешественникъ не описалъ до сихъ поръ того упоенія, которое овладѣваетъ душой при видѣ царственнаго Константинополя, и вслѣдъ за тѣмъ самъ сознается, что слову не достаетъ ни пространства, ни красокъ для изображенія этой неуловимой постепенности и разнообразія оттѣнковъ, по времени дня и измѣненію неба; этой гармоничной вмѣстности (?) и величія предметовъ, этой отдаленности и сіянія различныхъ горизонтовъ; жужжанія жизни на землѣ; движенія парусовъ и яркости всемірныхъ флаговъ посреди трехъ морей; быстроты безчисленныхъ каиковъ; дымчатаго въ лазури водъ отраженія куполовъ, мечетей, минаретовъ, столь живописно перемѣшанныхъ на семи холмахъ съ пестрою массой домовъ и темнозелеными кипарисами. А Воспоръ — этотъ каналъ, рѣка, море въ оправѣ изумрудо-холмистыхъ береговъ двухъ частей свѣта, усѣянныхъ чертогами фей и мраморными надгробіями, таинственными рощами и вдохно-

вительными долинами, златорѣшетчатыми кіосками и сельскими домиками—оттоманскими твердынями, обрушенными генуэзскими башнями, византійскими развалинами и еще не совсѣмъ изглаженными слѣдами классической древности!..

Но я уже имѣлъ честь доложить вамъ, что теперь вовсе не время распространяться о красотахъ Стамбула; дѣло на этотъ разъ только въ томъ, что небо и море начали проясняться весною, земля убираться свѣжею зеленью, деревья пестрѣть новыми цвѣтами, лучи солнца играть ярче во мглѣ кладбищныхъ кипарисовыхъ рощей, воркованіе горлицъ—наполнять ихъ сладкой задумчивостью; турчанки въ бѣлыхъ покрывалахъ—мелькать, подобно призракамъ, надъ разсѣянными въ глубинѣ ихъ надгробіями; капитанъ-паша—угощать насъ фіалковымъ шербетомъ расплавленной душой весны съ этимъ едва ощутительнымъ запахомъ шестаго чувства, который, по чьему-то замѣчанію, принадлежитъ исключительно одной фіалкѣ. Все созданіе, говорилъ я, проникнутое свѣтомъ, ароматомъ и благозвучіемъ, начинало облекаться въ праздничную одежду, когда, готовый забыть и чуму, и холодъ атмосферическій, и людской холодъ, я намѣревался приступить, наконецъ, къ подавленнымъ ими занятіямъ и слиться всѣми чувствами съ этой дивной страной, которая стала почти приближаться къ моему мечтательному Востоку. Взамѣнъ всего этого вдругъ увидѣлъ я себя вчерашній день импровизованнымъ дипломатическимъ курьеромъ, и завтра, 23 марта, австрійскій пароходъ М а р і я-Д о р о т е я ужъ полетитъ со мной въ Грецію.

Сами можете разрѣшить, къ лучшему, къ худшему ли долженъ я оставить, при такихъ обстоятельствахъ, Византію для новаго свиданья съ бѣдной, давно мнѣ знакомой Элладою; я же, со своей стороны, могу только увѣрить васъ, что это посланіе начато именно послѣ перваго невольнаго вздоха при разлукѣ съ Константинополемъ, когда Галата, Пера и высоты Санъ-Димитрія со стороны Европы, красноватая панорама Скутари съ его дремучимъ погребальнымъ лѣсомъ и румяно-синимъ поясомъ горъ со стороны Азіи начали мало-по-малу отодвигаться отъ моего взора, вмѣстѣ съ неизобразимой картиной Стамбула, нисходящаго огромнымъ амфитеатромъ къ этому плоскому, изгибающемуся насупротивъ Европы и Азіи мысу, котораго остроугольная оконечность вѣнчается на сафирѣ водъ пирамидальными, пронзающими садовую тѣнь башнями въ оградѣ старыхъ византійскихъ стѣнъ, исполинскихъ деревьевъ, рѣзныхъ фонтановъ, чудовищныхъ бойницъ, златорѣшетчатыхъ кіосковъ, свинцовыхъ куполовъ и, бѣлѣющихъ на лазури небесъ, минаретовъ—Сараемъ Бурну, наконецъ, этимъ могучимъ тайникомъ нѣги и ужаса, нынѣ заброшеннымъ капитоліемъ Истамбула.

Ярко игралъ пожаръ запоздавшаго солнца надъ многоцвѣтными верхами города, надъ голубою лентой Воспора, въ промежуткахъ безчи-

сленныхъ мачтъ и снастей, когда мы обогнули оконечность Сераля и вотъ—повременные залпы съ отплывавшихъ и входившихъ въ гавань судовъ, шумъ лодочныхъ веселъ, пронзительные крики чаекъ и все береговое жужжаніе стали мало-по-малу стихать и, наконецъ, совершенно смѣнились торжественнымъ ропотомъ волнъ пропонтійскихъ. Княжескіе острова, темная черта горъ азійскихъ, подернутый паромъ гаризонтъ Никомедіи и снѣжная вершина Олимпа начали тускнѣть въ перламутровомъ огнѣ заката. Быстро проплыли мы между Семибашеннымъ замкомъ и древнею Халкедоніей. Миновавъ Санъ-Стефано, я безъ сердечнаго удовольствія спустился въ каютъ-компанію, ибо полагалъ, что отрадное наступленіе ночи, засвѣжѣвшій вѣтеръ и быстрота парохода избавляли достаточно мою совѣсть отъ включенія въ эту граматку Пропонтисскаго моего перипла. Вамъ, впрочемъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что Мраморное море есть овальный бассейнъ, коего сѣверный берегъ столько же прямъ, сколько южный излучистъ. Сей послѣдній представляетъ дугу круга, разорванную множествомъ заливовъ, углубляющихся въ Малую Азію до самой подошвы Олимпа. Волнуемый извергающимися изъ Дарданелловъ потоками, Пропонтисъ катитъ свои пѣнистыя волны на разсѣянные по его берегамъ мраморные и гранитные утесы. Зимой суда обязаны, по словамъ мореходцевъ, искать пристаней у береговъ Азіи; лѣтомъ же весь европейскій берегъ представляетъ ихъ вплоть до Родосто, и тогда Мраморное море справедливо называется новѣйшими греками блещущимъ. Плаваніе по всему его протяженію легко и безопасно отъ ширины, дозволяющей судамъ лавировать при противныхъ вѣтрахъ. Нѣсколько вѣнчающихъ его острововъ и полуострововъ представляютъ, по замѣчанію военныхъ топографовъ, чрезвычайно выгодныя позиціи наступающему по завладѣніи Дарданеллами на Стамбулъ флоту. Таковы суть, между прочимъ, эти семь нѣкогда знаменитыхъ золотыми и мѣдными рудниками острововъ, которые извѣстны теперь подъ именемъ Княжескихъ; таковъ равномѣрно полуостровъ Цизикъ, отчизна древняго коммерческаго города, который у Страбона ставится нѣсколько ниже только Рима и Александріи; таковъ еще островъ Алони. Старый Проконезъ древнихъ, богатый превосходною гаванью и чрезвычайно крѣпкимъ бѣлымъ виномъ; таковъ, наконецъ, островъ Мармора, составленный весь изъ бѣлаго алебастра и называвшійся въ древности Новымъ Проконезомъ. Сей послѣдній съ группою другихъ маленькихъ острововъ скрываетъ у южной оконечности Мраморнаго моря входъ въ Дарданеллы точно такъ же, какъ острова Княжескіе заслоняютъ устье Воспора у его сѣверной оконечности. Въ заключеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній, позвольте мнѣ замѣтить вамъ равномѣрно, что едва-ли почтенная древность знавала портеръ и устрицы лучше тѣхъ, которыми я въ этотъ вечеръ началъ свою смиренную трапезу.

*

Не стану, по примѣру многихъ путешественниковъ, увеличивать этой граматки посильнымъ изображеніемъ своего парохода и спутниковъ. Относительно перваго замѣчу вамъ только, что, измученный слишкомъ полугодовымъ карантиномъ и бездомьемъ въ Константинополѣ, я ступилъ на его палубу точно, какъ на родной гостепріимный берегъ. Что же касается до спутниковъ, то, право, у васъ не достанетъ терпѣнія читать, а у меня описывать ихъ разнохарактерныя сборища. Азія овладѣла одной половиной шканцевъ и блистала пестрою смѣсью особъ черныхъ и бѣлыхъ того и другаго половъ. Европа заняла ея остальную часть и утонченностями британскаго комфорта вступила въ рѣшительное состязаніе съ восточною нѣгою и роскошью.

Признаться ли вамъ, что при видѣ широкаго Геллеспонта ни одна струна не звукнула по-прежнему въ моемъ сердцѣ. Не могу забыть, когда за два года передъ симъ волнистые, вышитые зеленымъ кустарникомъ и противоположные другъ другу ярусы горъ, вставъ передо мной со стороны Европы и Азіи, потянулись полосатыми склонами къ обагренному вечернимъ огнемъ мысу, на которомъ пестрѣютъ дома, сады и мечети Галиполи; не могу забыть ни широкихъ пѣнистыхъ волнъ, ни вереницы судовъ, ни трепетавшихъ между снастей звѣздъ, ни безсонной нѣги, ни постепенности радужнаго разсвѣта, ни восхода солнечнаго надъ безконечными планами разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ драпированныхъ легкими облаками и увѣнчанныхъ кипарисами горъ. Въ ожиданіи поэтическаго прилива. Ces cotes de l'Europe et d'Asie blanchissants au claire de la lune... [1])

А. Ѳ. Шидловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) По другой редакціи письмо это оканчивается такъ:

Сами можете разрѣшить — къ лучшему, къ худшему ли долженъ я оставить, при таковыхъ обстоятельствахъ, Византію для новаго свиданья съ бѣдной, давно мнѣ знакомой Элладою; я же, съ своей стороны, могу только увѣрить васъ, что готовъ отъ души дѣлиться съ ея избранными всѣми своими впечатлѣніями, хоть (между нами будь сказано) ожидаю немного толку отъ пути, который ужь совершилъ за два года передъ симъ со всѣмъ поэтическимъ энтузіазмомъ, со всей путешественной наблюдательностью. Дѣло другое, еслибы ожидающій меня въ Смирнѣ бригъ сбился съ дороги и, вмѣсто Аѳинъ, попалъ, напримѣръ, хоть къ берегамъ Торкватовой родины!.. Очистясь отъ окруженнаго грязью и чумой этикета, какъ вы полагаете, увлекла ли, смогла ли бы еще отогрѣтая душа странника увлечь ваше за собою вниманіе?. Но довольно; на часахъ моихъ слишкомъ два по полуночи, а вамъ извѣстно, что самъ Омиръ склоняется иногда подъ крылья Морѳеевы... Покойной ночи вамъ и мнѣ въ ожиданіи моего рапорта о берегахъ, двукратно мной посѣщенныхъ и громкихъ во вѣки вѣковъ звуками нищаго пѣснопѣвца. Потомъ надѣюсь писать вамъ съ развалинъ Суніума, съ изящныхъ мраморовъ Парѳенона, можетъ быть—съ поля Мараѳонскаго и даже съ вершины истиннаго Парнаса, котораго утесы видѣлъ только съ укрѣпленной высоты Акро-Коринѳа во время перваго своего путешествія.

Тридцать пятая годовщина дня освобожденія крестьянъ.

19-го февраля 1896 года, непосредственные участники въ составленіи Положеній о крестьянахъ 19-го февраля 1861 г., лица, участвовавшія въ дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи сихъ Положеній и искренно сочувствующія принятымъ въ основаніе Положеній 19-го февраля началамъ, собрались, какъ и въ прежніе годы, отпраздновать, въ тридцать пятый разъ, великій день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости [1]).

За отсутствіемъ К. К. Грота,—много лѣтъ предсѣдательствовавшаго на обѣдахъ 19-го февраля по общей просьбѣ всѣхъ участниковъ обѣда,—предсѣдательство принялъ на себя Н. И. Стояновскій, а обязанности распорядителя А. Н. Куломзинъ.

Во время обѣда предсѣдателемъ провозглашены были обычные тосты.

Первый тостъ за здоровье государя императора встрѣченъ былъ громкимъ «ура!». Въ благоговѣйномъ молчаніи и стоя былъ выпитъ второй тостъ: въ память главнаго виновника великаго дѣла освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, покойнаго государя императора Александра Николаевича. Съ одушевленіемъ приняты были два слѣдующіе тоста: за великое дѣло 19-го февраля 1861 года и за всѣхъ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ пользу крестьянской реформы.

---

[1]) На этотъ разъ къ обѣду въ ресторанѣ Донона собралось 19 лицъ, а именно: Н. И. Стояновскій, П. П. Семеновъ, Н. П. Семеновъ, А. Д. Шумахеръ, Е. И. Ламанскій, Я. Г. Есиповичъ, П. А. Шульцъ, П. Ѳ. Лиліенфельдъ-Тоаль, Д. Г. Анучинъ, М. С. Кахановъ, В. М. Маркусъ, А. Н. Куломзинъ, В. В. Калачовъ, А. С. Дембовецкій, Н. Н. Биппенъ, графъ П. А. Капнистъ, Н. Н. Колошинъ, А. А. Рихтеръ и Н. П. Щепкинъ.

При этомъ тостѣ присутствующіе почтительно вспомнили главнаго въ настоящее время дѣятеля—его императорское высочество великаго князя Михаила Николаевича, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, одного, оставшагося въ живыхъ изъ особъ, подписавшихъ журналъ Государственнаго Совѣта 17-го февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ.

Не рѣшаясь послать телеграмму, участники обѣда просили предсѣдательствовавшаго лично доложить его высочеству о происходившемъ на обѣдѣ и о почтительномъ благожеланіи, да сохранитъ его Господь еще на многіе годы. Его высочество поручилъ передать участникамъ обѣда его признательность за память о немъ.

Прежніе и современные дѣятели привѣтствовали другъ друга и молча почтили вставаніемъ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ.

При этомъ Н. И. Стояновскій напомнилъ присутствующимъ, что въ истекшемъ году кружокъ участниковъ обѣдовъ 19-го февраля понесъ двѣ тяжелыя утраты: скончался старѣйшій по возрасту изъ участниковъ этихъ обѣдовъ Ѳ. П. Корниловъ, пользовавшійся общимъ сочувствіемъ и уваженіемъ; а затѣмъ смерть похитила, въ менѣе преклонномъ возрастѣ, еще вполнѣ свѣжаго умомъ и сердцемъ бывшаго члена-эксперта финансовой редакціонной коммиссіи Н. Х. Бунге.

«3-го іюня 1895 года,—сказалъ Н. И. Стояновскій,—скончался Николай Христіановичъ Бунге. Кто изъ знавшихъ его можетъ безъ глубокой горести вспоминать о безвременной, скоропостижной кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка, въ которомъ глубокія научныя познанія и ясный государственный умъ соединялись съ рѣдкою скромностью, идеальною честностью и равною ко всѣмъ привѣтливостью. Николай Христіановичъ не былъ женатъ и велъ почти отшельническую жизнь, довольствуясь удовлетвореніемъ самыхъ неприхотливыхъ потребностей жизни, иногда собирая у себя, за обѣденнымъ столомъ, бывшихъ своихъ учениковъ слушателей и близкихъ знакомыхъ и употребляя бо́льшую часть своихъ средствъ на щедрую (почти никому во время жизни Николая Христіановича неизвѣстную) помощь нуждающимся, преимущественно учащейся молодежи. Въ высшей степени деликатный,—онъ заботился о другихъ до самозабвенія. Въ 1892 году я встрѣтился съ нимъ на водахъ въ Эмсѣ—и весьма удивился, узнавъ, что онъ, послѣ недавно перенесенной имъ болѣзни, пріѣхалъ одинъ, безъ своего камердинера. «Зачѣмъ его безпокоить»—сказалъ онъ мнѣ.

Николай Христіановичъ родился въ 1823 г., съ 1847 по 1880 г. занималъ въ Кіевскомъ университетѣ каѳедру финансоваго права и, въ первые годы своей профессуры, принималъ участіе въ законодательныхъ работахъ эпохи великихъ реформъ. Въ качествѣ члена редакціонной коммиссіи по крестьянскому дѣлу, онъ занимался преимущественно вопросомъ о выкупной операціи, примыкая по общимъ вопросамъ къ лицамъ, наиболѣе довѣрчиво относившимся къ великимъ качествамъ, одушевляющимъ русскаго простолюдина.

До 1880 г. дѣятельность Бунге носила научно-литературный характеръ. Онъ издалъ курсы финансовъ, полицейскаго права, политической экономіи и

множество монографій: между прочимъ о возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи—Кіевъ 1877 г. О возстановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи—Кіевъ 1878 г.

Въ теченіе того же періода времени Бунге три трехлѣтія былъ избираемъ ректоромъ университета, управлялъ Кіевскою конторою государственнаго банка и основалъ Кіевское городское кредитное общество и другія въ Кіевѣ учрежденія.

Съ 1880 г. открылось для Бунге болѣе широкое поприще: императору Александру II благоугодно было назначить его товарищемъ министра финансовъ С. А. Грейга. Еще не наступило время для суда надъ финансовою дѣятельностью Николая Христіановича, но нельзя не упомянуть о томъ, что въ это время послѣдовало впервые пониженіе налоговъ съ неимущихъ классовъ населенія.

Назначенный въ 1881 г. министромъ финансовъ, Бунге получилъ возможность проводить болѣе или менѣе послѣдовательно свою программу улучшенія финансовъ не путемъ возвышенія обложенія «податной» массы, а путемъ поднятія народнаго благосостоянія. Отсюда рядъ мѣръ съ цѣлью улучшить экономическое положеніе крестьянъ и одна изъ главныхъ мѣръ, если не самая главная—отмѣна подушной подати.

Направленіе дѣятельности Бунге не нравилось Каткову и подвергалось его постояннымъ нападкамъ, но Бунге переносилъ ихъ спокойно, отвѣчая своему критику только путемъ печати. Такое отношеніе объясняется, помимо благодушія, высокимъ политическимъ развитіемъ и качествами истиннаго человѣка науки, которыя въ немъ такъ хорошо соединялись и сохранились въ полной силѣ и свѣжести до самыхъ послѣднихъ дней его жизни. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ его послѣдній литературно-научный трудъ: «Очерки политико-экономической литературы», вышедшій за нѣсколько дней до смерти Николая Христіановича и ставшій его лебединою пѣснію, заключающей, въ предисловіи, какъ бы его духовное завѣщаніе.

«Я ограничился,—пишетъ онъ,—на первый разъ областью теоретическою, именно потому, что искалъ отдыха въ работѣ мысли, которая имѣетъ для меня особую прелесть. Я вспоминалъ при этомъ о слушателяхъ, память о которыхъ мнѣ дорога; я вспоминалъ о прожитой умственной жизни, вспоминалъ, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ я испытывалъ на себѣ вліяніе нѣкоторыхъ изъ господствовавшихъ политико-экономическихъ ученій, какъ увлеченіе проходило, какъ я убѣждался и дѣлилъ съ своими слушателями убѣжденіе, что знаніе пріобрѣтается не вѣрою въ догматы теоріи, выдаваемой за нѣчто несомнѣнное, а тщательнымъ анализомъ явленій, правильными выводами изъ безспорныхъ основныхъ положеній и осторожными обобщеніями. Я вспоминалъ, какъ созданныя неосторожно системы заявляли притязаніе сказать послѣднее слово въ наукѣ, но не выдерживали первой серіозной критики».

«Я далекъ отъ мысли, что все познаваемое нами у с л о в н о, имѣя значеніе лишь для извѣстной эпохи и при извѣстныхъ обстоятельствахъ; въ каждой наукѣ есть н е з ы б л е м ы я истины. Такъ, уваженіе нравственнаго достоинства человѣка, его личности, понятія о долгѣ и связанной съ послѣднимъ отвѣтственности принадлежатъ къ числу тѣхъ аксіомъ, которыя облегчаютъ для насъ вѣрное пониманіе явленій общественной жизни».

Подъ этимъ гуманнымъ знаменемъ Бунге подвизался полвѣка.

Конецъ рѣчи Н. И. Стояновскаго покрытъ былъ дружными руко-

плесканіями. Затѣмъ, вспоминая о прежнихъ, давно почившихъ участникахъ обѣдовъ 19-го февраля и о прежнихъ предсѣдателяхъ этихъ обѣдовъ, Н. И. Стояновскій прочелъ напечатанную въ «Русской Старинѣ» рѣчь, произнесенную А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ» на обѣдѣ 19-го февраля 1873 года, т. е. 23 года тому назадъ,—слѣдующаго содержанія:

«Нашъ кружокъ постепенно дѣлается тѣснѣе; жизненная спираль наша завертывается и когда она дойдетъ до точки, которая уже не будетъ имѣть, какъ говорятъ математики, никакого измѣренія, тогда некому уже будетъ справлять обѣдъ 19-го февраля; но самое дѣло будетъ долго, долго вспоминаться. Быть можетъ вспомнятъ нѣкогда и о насъ; вспомнятъ, что была небольшая группа людей, которыхъ соединяла одна мысль, которые работали, по мѣрѣ своихъ силъ, великому дѣлу, были преданы ему до конца своей жизни, которые желали одного добра тому, что было прежде ихъ и осталось послѣ ихъ,—желали добра своему великому отечеству».

Провозглашенный предсѣдателемъ послѣдній обычный тостъ: «за благоденствіе Россіи» покрытъ былъ восторженными криками «ура!» В. В. Калачовъ выразилъ пожеланіе, чтобы и нынѣшніе и будущіе дѣятели по крестьянскому дѣлу всегда одушевлены были тѣми же стремленіями, какія объединяли прежнихъ участниковъ крестьянской реформы.

Во время обѣда были получены привѣтственныя телеграммы отъ К. К. Грота, проживающаго въ Ниццѣ, и отъ Ю. Н. Милютина изъ Тифлиса.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

честная служба не только чтится при жизни, но и почитается въ грядущихъ поколѣніяхъ". Думскія партійныя распри и интриги глубоко огорчали Михаила Ивановича. „Съ увѣренностью можно сказать, что всѣ непріятности въ бытность Михаила Ивановича товарищемъ городскаго головы положили основаніе его мучительной болѣзни, грудной жабѣ, которою онъ страдалъ до конца жизни, что видно изъ писемъ и замѣтокъ, имъ оставленныхъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ, печатать которыя не настало время"—говоритъ Е. М. Семевская.

Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести слѣдующаго отрывка изъ характеристики М. И. Семевскаго, сдѣланной Н. К. Шильдеромъ въ предисловіи къ разсматриваемой нами книгѣ: „Когда вглядишься поближе въ Михаила Ивановича, такого, какимъ онъ обрисовывается при чтеніи его воспоминаній и писемъ, невольно поражаешься уравновѣшанностью его натуры. Въ жизни рѣдко приходится наталкиваться на личности со столь законченнымъ нравственнымъ обликомъ. Благодаря этой уравновѣшанности, законченности, Михаилъ Ивановичъ и могъ принести столько пользы на различныхъ поприщахъ своей дѣятельности: это заставляло его не раскидываться, не разбрасываться, а строго согласовать свои силы съ возлагаемой на себя задачей. Онъ зналъ, что можетъ сдѣлать, и дальше этого предѣла не шелъ, не растрачивая своихъ силъ попусту, а сберегая и развивая ихъ для новыхъ задачъ. Этому рѣдкому у насъ качеству мы обязаны и самимъ существованіемъ „Русской Старины". Приступивъ къ изданію ея, онъ понялъ, что именно требуется отъ него, какъ отъ издателя-редактора историческаго журнала новаго, созданнаго имъ, типа, и чѣмъ именно онъ лично можетъ способствовать процвѣтанію его, и, начертивъ себѣ извѣстный кругъ дѣятельности, онъ уже не вышелъ изъ него".

По внѣшности изданіе г-жи Семевской производитъ прекрасное впечатлѣніе: книга издана на хорошей бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ, со множествомъ разнообразныхъ заставокъ и виньетокъ. Къ книгѣ приложены два портрета: 1) Михаилъ Ивановичъ-прапорщикъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, 10 декабря 1859 г. и 2) Михаилъ Ивановичъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, 1888 г.

Акты домашняго архива г.г. Змеовыхъ. Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ". Съ предисловіемъ А. И. Миловидова.

Домашній архивъ г.г. Змеовыхъ долгое время былъ въ забросѣ, и только настоящіе просвѣщенные владѣльцы его пожелали, чтобы домашнія дѣла ихъ предковъ увидѣли свѣтъ, результатомъ чего и явился перечень этихъ документовъ, съ датами (за исключеніемъ пяти номеровъ) и съ обозначеніемъ количества листовъ каждаго изъ нихъ. Большую часть этихъ актовъ составляютъ различныя хозяйственныя бумаги: условія, купчія крѣпости, росписки, челобитныя, векселя, межевыя записи, описи приданыхъ, завѣщанія и т. п.

Само собою разумѣется, что рукописи эти не имѣютъ того историческаго значенія, какъ изданные въ послѣднее время архивы Воронцовыхъ, кн. Куракиныхъ, Шереметевыхъ и др., владѣльцы которыхъ занимали важныя государственныя должности.

Господа Змеовы,—какъ говоритъ г. Миловидовъ въ своемъ предисловіи,—и ихъ родственники, оставившіе свои бумаги, принадлежали къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ древней Руси [1]), которымъ въ различныхъ уѣздахъ принадлежали вотчины и крестьяне. Служебная ихъ карьера не восходила выше стольника; ихъ образованіе, какъ видно изъ бумагъ, ограничивалось немудреною домашнею грамотою. Проводя большую часть своей жизни въ своихъ вотчинахъ, они интересовались государственною и политическою жизнью лишь настолько, насколько она соприкасалась съ ихъ обыденными интересами: цѣною на хлѣбъ, съ вопросомъ о податяхъ и т. д.

У насъ еще недостаточно раскрыты нѣкоторыя детали древне-русскаго домашняго быта. Въ этомъ отношеніи такія бумаги, какъ описи приданыхъ, завѣщанія, описи покраденныхъ вещей,—представляютъ для историка цѣнный матеріалъ для опредѣленія экономическаго быта древне-русскаго человѣка; немалый интересъ также имѣютъ выписи изъ писцовыхъ книгъ, перечисленія—по различнымъ поводамъ—селъ, деревень, ихъ владѣльцевъ, что для историка мѣстнаго края даетъ многія топографическія и статистическія свѣдѣнія.

Н. Н. Филипповъ. Нѣсколько историческихъ замѣчаній о чешкомъ военномъ искусствѣ и о главнѣйшихъ его дѣятеляхъ. Спб. 1896 г.

Эта небольшая статья отчасти заполняетъ пробѣлъ въ нашей военно-исторической литературѣ относительно чешскаго военнаго искусства и того значенія, которое имѣлъ этотъ народъ въ исторіи средней и восточной Европы.

Такъ какъ литература по данному предмету не можетъ считаться особенно богатою, то всякій вкладъ въ эту область знанія составляетъ замѣтную заслугу, и поэтому нельзя не пожелать брошюрѣ г. Филиппова широкаго распространенія, хотя справедливость и требуетъ замѣтить, что назначенная цѣна (40 к. за 22 стр.) слишкомъ высока.

Н.

---

[1]) Акты относятся къ 1623—1726 гг.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

☞ Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (*35 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (*24 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (*1 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (*13 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (*45 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., 12 книгъ (*206 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., 12 книгъ (*144 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (*25 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1895 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVII-й. МАЙ. 1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кн. В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи. 1877—1878 гг. Гл. XVI. Д. Г. Анучина. 225—266

II. Россія и Англія въ Турціи въ 1876—1877 гг. (Страница изъ современной исторіи). Гл. I. ***. 267—287

III. Автобіографическая записка государственнаго секретаря Василія Романовича Марченки. 1782—1838. (Окончаніе). Сообщ. проф. В. А. Бильбасовъ. 291—317

IV. Письма графа А. А. Аракчеева барону Б. Б. Кампенгаузену и Ѳ. Е. Бухмейеру (1816—1823 гг.). 319—346

V. Клочки воспоминаній. А. Стаховича. 347—368

VI. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. V. Барона Н. В. Дризена. 369—390

VII. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XI. 391—405

VIII. Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ. Гл. I—III. П. Л. Юдина. 409—429

IX. Московскій купецъ конца 17-го вѣка, по отзывамъ иностранца - современника (Историко-библіографическая замѣтка). Акад. Ив. Яжгула. 431—441

X. Записная книжка «Русской Старины»: Истина и благодарность (Голосъ „Современника“ въ защиту кн. Кутузова) (стр. 288). — Письмо композитора, Алексѣя Львова, къ г. Петерсу (318). — Письмо А. И. Чернышева графу А. А. Аракчееву (406). — Два письма Н. Ушакова Д. Н. Бантышъ-Каменскому (430).

XI. Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи. 442—447

XII. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа В. А. Перовскаго. Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1896.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1896 г.

Библіографическій листокъ.

Цареградская патріархія и православіе въ Европейской Турціи.—Сочиненіе Костадина, переводъ съ сербскаго и предисловіе Д м. Н и к о л ь с к а г о. Спб. 1896 г.

Это сочиненіе сербскаго писателя затрогиваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, интересующихъ весь православный міръ, именно—вопросъ о правильныхъ, нормальныхъ отношеніяхъ между православными славянскими народами и греческой вселенской церковью.

Книга г. Костадина, переведенная г. Никольскимъ хорошимъ, литературнымъ языкомъ, состоитъ изъ семи главъ. Начинаетъ авторъ свое изложеніе съ выясненія причинъ какъ новѣйшихъ перемѣнъ на патріаршемъ престолѣ, такъ и возникновенія церковнаго раскола между православными въ Европейской Турціи. Сказавъ во в т о р о й главѣ о возникновеніи автокефальныхъ народныхъ церквей на Балканскомъ полуостровѣ и о судьбѣ славянскихъ церквей, въ сравненіи съ греческими, послѣ турецкаго нашествія, онъ останавливается на послѣдствіяхъ этого нашествія: исчезли обѣ славянскія церкви (Тырновская и Печская) и соединены были—одна съ Цареградскою, а другая съ Охридскою; эта послѣдняя, вмѣстѣ съ возстановленною и просуществовавшею въ обновленномъ видѣ почти 200 лѣтъ Печскою патріархіею,—была также упразднена во второй половинѣ XVIII вѣка (1766 и 1767 гг.). „Такимъ путемъ было возстановлено единство церкви на Балканскомъ полуостровѣ, и расширилась власть Цареградской церкви до такихъ размѣровъ, до какихъ прежде не достигала“.

Содержаніе т р е т ь е й главы составляютъ: Церковныя привилегіи въ Турецкой имперіи. Состояніе церквей и школъ у православныхъ грековъ въ половинѣ XVIII вѣка, при упраздненіи Печской патріархіи. Два пути, которые были открыты великой церкви, когда она захватила сербскія епархіи. Въ ч е т в е р т о й главѣ говорится о дѣйствительномъ положеніи новыхъ фанаріотскихъ епископовъ въ сербскихъ епархіяхъ и о томъ, какое мнѣніе о всемъ греческомъ народѣ создали они между сербами и болгарами въ Турціи, а также—объ отторженіи автокефальной церкви въ Сербскомъ княжествѣ, причемъ г. Костадинъ выясняетъ значеніе и послѣдствія этого шага.

Сказавъ, въ п я т о й главѣ, о постепенномъ улучшеніи состоянія христіанъ и пробужденіи народнаго самосознанія у сербовъ и болгаръ въ Турціи, авторъ останавливается на разрывѣ между болгарами и греками. „Новая Болгарская церковь,—говоритъ онъ,—такимъ образомъ отвергнутая и оттолкнутая, томится и доселѣ безъ признанія со стороны своей матери-церкви и другихъ своихъ сестеръ Она находится въ противорѣчіи съ церковными канонами, ибо не исполнила всего того, что въ нихъ написано, въ противорѣчіи и съ самимъ имперскимъ закономъ, основавшимъ ее, ибо не исполняетъ того, что онъ предписываетъ. Она не признаетъ и не поминаетъ вселенскаго патріарха, что обязана дѣлать и по закону, и по канонамъ, не беретъ себѣ мура изъ вселенской церкви, хотя это ей также предписано закономъ и канонами. Всѣ законныя связи между Болгарской и великой церквами порваны“.

Ш е с т у ю главу сербскій писатель начинаетъ такъ: „Но и теперь еще не поздно поправить то, что прежде было испорчено. И въ настоящее время можно было бы устроить такъ, чтобы болгарская схизма прекратилась, чтобы давнишнее доброе согласіе между православными снова возстановилось на Балканскомъ полуостровѣ. Въ дѣло вмѣшалась политика и въ свою пользу употребила ошибки церкви. Стоитъ только устранить эти ошибки церкви, и все придетъ въ порядокъ“. Далѣе г. Костадинъ объясняетъ, какимъ образомъ можно устранить расколъ въ православной церкви въ Европейской Турціи.

Послѣдняя, с е д ь м а я глава заключаетъ въ себѣ воззваніе къ его святѣйшеству Анѳиму VII, при вступленіи его на патріаршій престолъ. Мы приведемъ заключительныя слова этого воззванія: „Да умудритъ его всевышняя милость найти силы, чтобы направить православную церковь на Балканскомъ полуостровѣ путемъ спасенія, а не погибели. На нынѣшнемъ пути одна только погибель; спасеніе же можно найти только на новомъ пути широкой, вселенской терпимости“.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги г. Костадина.

Н. К-ш-ъ.

Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ, 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловскимъ. Спб. 1896 г.

Большая часть документовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, имѣютъ преимущественно біографическій характеръ и касаются личности и службы бывшаго въ началѣ

Дозвол. ценз. СПБ., 17 марта 1896 г. тип. тов. «Общ. польза», Б. подъяч., 39

ГРАФЪ

ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЕРОВСКІЙ.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА XVI [1]).

Новый кризисъ гражданскаго управленія.

Слова, сказанныя Д. А. Милютинымъ въ Плевно, 29-го ноября. — Передача ихъ мною князю Черкаскому.—Послѣднее къ нему обращеніе государя.—Надежды довести организацію Болгаріи до конца. — Отъѣздъ государя изъ арміи.—Соображенія о центральномъ управленіи Болгаріи.—Разрывъ между княземъ Черкаскимъ и генераломъ Непокойчицкимъ.—Записка о коммиссарѣ.—Критическій ея разборъ.—Предположенія о порядкѣ введенія гражданскаго управленія за Балканами. — Выѣздъ главной квартиры изъ Богота.—Ловча. Тревожное настроеніе и полученіе извѣстія о взятіи Шипки съ захватомъ всей арміи Весселя-паши.—Сельви. — Габрово.—Введеніе въ Софіи гражданскаго управленія вмѣсто военнаго.—Назначеніе войскъ въ распоряженіе гражданскихъ властей въ Плевно, Рахово и Софію.—Загроможденіе Шипкинскаго перевала.—Переходъ черезъ Шипку гражданской канцеляріи и прибытіе ея въ Адріанополь.

Въ день въѣзда государя въ занятую нами Плевну, мнѣ случилось стоять рядомъ съ военнымъ министромъ, въ ожиданіи начала обратнаго слѣдованія. Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ говорилъ о предстоящей гражданскому вѣдомству обширной задачѣ въ Болгаріи и выразилъ надежду, что, судя по сдѣланному началу, мы, постепенно расширяя кругъ нашей дѣятель-

---

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1896 г.

ности, не будемъ торопиться, а станемъ идти впередъ обдуманно, шагъ за шагомъ, разбираясь въ массѣ новыхъ вопросовъ, которые неизбѣжно возникнутъ при возрожденіи къ политической жизни Болгаріи. Сказавъ немало лестнаго про дѣятельность князя Черкаскаго, Д. А. Милютинъ, между прочимъ, намекнулъ, что, вѣроятно, для управленія Болгаріей, впредь до введенія въ ней національнаго правительства, будетъ назначенъ верховный коммиссаръ.

На обратномъ пути въ Боготъ, сдѣланномъ опять вмѣстѣ съ княземъ Черкаскимъ, я передалъ ему о подробностяхъ моего разговора съ военнымъ министромъ. Онъ весьма встревожился и видимо былъ озадаченъ, что такое важное для него свѣдѣніе получилъ не прямо изъ источника, а черезъ меня. Недоумѣніе и обычная ему подозрительность ясно выражались на его лицѣ, и онъ откровенно признался, что переданное мною извѣстіе поразило его, такъ какъ до сего времени онъ ничего не зналъ о разговорахъ, которые были въ императорской квартирѣ о коммиссарѣ. Эти слова, въ свою очередь, поразили меня; пришлось убѣдиться, что въ послѣднее время князь Черкаскій не былъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ императорской квартирой, какъ прежде, не воспользовался имѣвшимся досугомъ, чтобы,—какъ предполагалъ я,—переговорить съ военнымъ министромъ о видахъ на будущее и своихъ предположеніяхъ о нашей здѣсь дѣятельности. Обстоятельство это я готовъ уже былъ почесть страннымъ, но тутъ же, вспоминая задушевный тонъ разговора со мною Д. А. Милютина, пришелъ къ заключенію, что объяснить этотъ фактъ охлажденіемъ между нимъ и княземъ Черкаскимъ невозможно, а слѣдовало все отнести насчетъ того тревожнаго состоянія духа, въ которое были погружены обѣ главныя квартиры долгимъ, томительнымъ ожиданіемъ сдачи Плевны. Видя, что дни идутъ за днями, а положеніе наше не мѣняется, Плевна все держится и впереди все болѣе и болѣе назрѣваетъ вопросъ о зимовкѣ въ Сѣверной Болгаріи,—всѣ ушли въ самихъ себя, боясь заглядывать въ будущее; какъ о немъ думать, ставить и рѣшать положительные вопросы, когда настоящее было такъ подавляюще безотрадно! Довольно предавались иллюзіямъ и немало ихъ разлетѣлось прахомъ. Невольно всѣ избѣгали заглядывать впередъ. Эта

апатія, это нервное разстройство овладѣли всѣми, и они-то, а не что другое, были причиною, что, несмотря на досуги и присутствіе подъ Плевной всѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло принятіе тѣхъ или другихъ рѣшительныхъ мѣръ, — ничего подобнаго не было сдѣлано къ явному, очевидно, вреду для дѣла.

Сообщенныя мною извѣстія весьма озаботили, — какъ я уже сказалъ, — князя Черкаскаго. Съ самыхъ первыхъ со мною разговоровъ о болгарскихъ дѣлахъ, онъ не разъ говаривалъ, что, вѣроятно, подобно тому, какъ это было въ Румыніи, — для организаціи Болгаріи будетъ назначенъ верховный коммиссаръ, но никакъ не ожидалъ, чтобы вопросъ этотъ обсуждался уже въ императорской главной квартирѣ и помимо его. Кто объ этомъ завелъ рѣчь, въ чьихъ интересахъ, что говорили, какое высказывали при этомъ мнѣніе о немъ лично? Разъясненіе этихъ вопросовъ онъ признавалъ необходимымъ и, по выслушаніи моего разсказа, рѣшилъ, на другой же день, ѣхать въ Парадимъ и постараться переговорить обо всемъ съ военнымъ министромъ.

Полученныя въ Парадимѣ свѣдѣнія отчасти его успокоили. Онъ узналъ, что вопроса объ императорскомъ коммиссарѣ возбуждаемо не было; говорили о немъ вскользь, безъ подробнаго обсужденія, а тѣмъ болѣе безъ установленія какой-либо программы нашихъ будущихъ дѣйствій въ Болгаріи. Въ Парадимѣ всѣ были заняты сборами къ предстоящему отъѣзду въ Петербургъ, и потому военный министръ отказался отъ немедленнаго обсужденія намѣченныхъ княземъ Черкаскимъ вопросовъ о коммиссарѣ. Онъ ограничился лишь подтвержденіемъ сообщеннаго имъ черезъ меня предположенія о назначеніи коммиссара, высказавъ увѣренность, что по излюбленному у насъ обычаю поступать «по прежнимъ примѣрамъ», вѣроятно, при устройствѣ Болгаріи вспомнятъ о назначеніи графа Киселева въ Придунайскія княжества. О кандидатурѣ князя Черкаскаго или кого другаго ничего говорено не было, и изъ тона всего разговора и высказанныхъ графомъ Милютинымъ пожеланій можно было съ достаточною ясностью заключить, что именно тогдашнему составу гражданскаго управленія и придется взяться за окончательное устройство внутреннихъ порядковъ освобождаемой Болгаріи. Черезъ день подтвержденіе этого послѣдовало изъ самаго

*

высшаго источника. 2-го декабря, произведя за Видомъ общій смотръ войскамъ, государь простился съ высшими чинами главной квартиры дѣйствующей арміи. Обращаясь, между прочимъ, къ князю Черкаскому, онъ сказалъ: «Желаю тебѣ успѣха въ Болгаріи, но предвижу немало трудностей».

Передавая мнѣ объ этомъ, князь Черкаскій, — всегда быстро переходившій отъ слова къ дѣлу, — считалъ возможнымъ немедленно заняться обсужденіемъ со мной вопросовъ, относящихся до довершенія нашихъ организаціонныхъ работъ. Положенія о низшихъ административныхъ учрежденіяхъ въ округахъ и санджакахъ уже были выработаны, и самыя учрежденія находились въ полномъ ходу на всемъ почти пространствѣ Тульчинскаго и Тырновскаго санджаковъ и въ тѣхъ частяхъ Систовскаго и Рущукскаго, которыя были заняты нами. Наступала пора подумать и о центральномъ управленіи, такъ какъ за сдачею Плевны не подлежало уже никакому сомнѣнію, что Россія не удовлетворится дарованіемъ Портой автономіи Болгарскимъ провинціямъ, а настоитъ на образованіи, въ большихъ или меньшихъ предѣлахъ, княжества Болгарскаго, хотя бы и вассальнаго. Обсужденіе этихъ вопросовъ было отложено до отъѣзда государя изъ Парадима въ Россію, назначеннаго на 2-е или 3-е декабря.

Отъѣздъ этотъ тѣмъ болѣе озабочивалъ гражданское управленіе, что государю угодно было переѣздъ изъ Парадима, гдѣ была императорская главная квартира, до Брестовца — квартиры отряда наслѣдника цесаревича, совершить на нашихъ почтовыхъ лошадяхъ. Съ ближайшихъ станцій собрано было потребное число лошадей, и оба наши старшіе почтовые чиновники, гг. Трубачеевъ и Радченко, дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы успѣшно исполнить высочайшую волю и показать товаръ лицомъ.

Переѣздъ состоялся благополучно. 3-го декабря государь прибылъ въ Брестоваць, а 4-го былъ на томъ берегу Дуная, выразивъ сопровождавшимъ его почтовымъ чинамъ полное удовольствіе по поводу исправнаго переѣзда на нашихъ лошадяхъ. Двое низшихъ почтовыхъ чиновниковъ, неотлучно находившіеся при нашихъ лошадяхъ, въ тотъ же день удостоились получить высочайшія награды — одному пожалованы часы, а другому перстень. Черезъ нѣ-

сколько времени дорогіе перстни высланы были и гг. Трубачееву и Радченко. Князь Черкаскій весьма порадовался выдержанному нашими почтами экзамену, и все было бы хорошо, еслибы это самое отличное состояніе гражданской почты не дало повода къ слѣдующему неожиданному происшествію.

Объ исполненіи своего порученія г. Трубачеевъ донесъ изъ Брестовца слѣдующею телеграммою отъ 3-го декабря:

„Боготъ. Князю Черкаскому. Государь императоръ доѣхалъ благополучно Брестоваць. При представленіи былъ ко мнѣ очень милостивъ. Генералъ *** передалъ мнѣ желаніе наслѣдника цесаревича устроить станцію Бригадирѣ съ гономъ Петрошаны, а въ Петрошанахъ есть лошади, которыя возятъ Бригадиръ. Полагаю возможнымъ возить изъ Болгарень прямо Царевицы, по измѣреніи осмотрѣ дороги, ближайшимъ путемъ, который я знаю существуетъ. Горно-студенскихъ лошадей перевести Бригадиръ. Ожидаю приказанія Систовъ» [1]).

Селеніе Бригадиръ, о которомъ шла рѣчь, лежало на лѣвомъ берегу Дуная, и черезъ него и Петрошаны шло сообщеніе Рущукскаго отряда съ первою желѣзнодорожною станціей и далѣе съ Бухарестомъ и Россіей. Предложеніе г. Трубачеева закрыть Горно-Студенскую станцію и перевести лошадей въ Бригадиръ, кромѣ исполненія переданнаго генераломъ *** желанія, давало вообще чинамъ Рущукскаго отряда непрерывное почтовое сообщеніе съ желѣзною дорогой, — удобство чрезвычайно важное въ то время. Очевидно, что къ исполненію его не было никакихъ затрудненій, такъ какъ расходовъ не предвидѣлось, и нельзя же было задумываться надъ тѣмъ, что, при такихъ условіяхъ, часть нашихъ лошадей, нанятыхъ для гоньбы въ Болгаріи, займетъ еще одну (кромѣ контрактной Зимницкой) почтовую станцію въ предѣлахъ Румыніи. Контрагенты-колонисты едва-ли могли претендовать противъ этой мѣры, потому что она одну изъ неудобныхъ для содержанія станцій въ Болгаріи замѣняла другою, бывшею во всѣхъ отношеніяхъ въ лучшихъ условіяхъ.

Телеграмма эта ко мнѣ попала вмѣстѣ съ другими входящими бумагами 5-го декабря. На ней рукою князя Черкаскаго было помѣчено: «дождаться возвращенія г. Радченко». Что это значитъ и для чего нуженъ г. Радченко? Онъ временно состоялъ при граж-

[1]) Депеша эта и другая отъ Трубачеева же отъ 17-го декабря 1877 г. сохранились у меня въ подлинникахъ.

данской канцеляріи впредь до возможности назначенія его управляющимъ почтами какого-либо санджака, подобно тому, какъ товарищъ его, г. Трубачеевъ, управлялъ уже почтовымъ дѣломъ въ занятыхъ частяхъ Систовскаго, Рущукскаго и Тырновскаго санджаковъ. До того времени г. Радченко помогалъ намъ, какъ экспертъ по почтовой части, но лишь въ вопросахъ техническихъ, а вовсе не въ административныхъ, въ которыхъ голосъ его не могъ имѣть рѣшающаго значенія.

Я тотчасъ же отправился къ князю Владиміру Александровичу и выразилъ мое недоумѣніе по поводу признанной имъ необходимости ожидать г. Радченко и до прибытія его не рѣшать столь спѣшнаго и вполнѣ яснаго вопроса.

— Спѣшности я въ немъ не вижу, — отвѣчалъ князь Черкаскій; — онъ преспокойно можетъ полежать и вылежаться. А ясность есть, и именно изъ-за этой-то ясности я и не хочу имъ заниматься. Тутъ всѣ надѣлали ерунды. Трубачеевъ нахвасталъ и попалъ, какъ куръ во щи. Неужели вы думаете, что иниціатива идетъ отъ самого начальника Рущукскаго отряда? Для передачи его приказаній у него есть начальникъ штаба. Это просто воспользовались его именемъ. Штабной молодежи скучно сидѣть по землянкамъ и палаткамъ, вотъ и тянетъ ее въ Бухарестъ, гдѣ не въ примѣръ лучше. Она и ѣздитъ туда на отдохновеніе, т. е. для кутежа и приключеній, а теперь хотятъ не просиживать въ Бригадирѣ по цѣлымъ суткамъ, въ ожиданіи лошадей, а кататься на нашихъ почтовыхъ. Оно скоро и дешево. Я не для того устраивалъ почты, чтобы разные пижоны гоняли лошадей, били моихъ смотрителей и вообще безобразничали.

— Рѣшительно не понимаю, почему вы, князь, на самые обыденные факты зачастую смотрите не такъ, какъ другіе, и во всемъ видите какія-то скрытыя цѣли. Что вы никогда не хватаетесь съ закрытыми глазами за исполненіе того, чего отъ васъ требуютъ или у васъ просятъ, — прекрасно, но зачѣмъ же заподозривать всѣхъ и каждаго, Богъ знаетъ въ чемъ. По-моему, заявленіе Трубачеева вполнѣ осуществимо и принесетъ Рущукскому отряду безконечную выгоду. Какое намъ дѣло, кто и для чего поѣдетъ. Поѣдутъ тѣ, которые будутъ отпущены изъ отряда, а всѣ таковые имѣютъ пол-

ное право разсчитывать на услуги нашей почты. Итакъ возмущаются, что въ проѣздѣ на нашихъ почтовыхъ отказываютъ, а лошади стоятъ безъ дѣла.

— Пускай возмущаются, а лошади сбережены и смотрители не обижены.

— Конечно, хорошо беречь и лошадей, и смотрителей, но отъ возки проѣзжающихъ лошади не погибнутъ, а только дадутъ намъ доходъ и средства на покрытіе тѣхъ 85 тысячъ франковъ, которые мы ежемѣсячно тратимъ за простой ихъ на станціяхъ. Смотрителей не слѣдовало бы и назначать, теперь же, пожалуй, кого-нибудь изъ нихъ и побьютъ; будетъ досадно, но вѣдь это старая исторія, еще Пушкинъ называлъ ихъ мучениками 14-го класса. Право, князь, я бы непремѣнно устроилъ станцію въ Бригадирѣ и тотчасъ же на всѣхъ остальныхъ пустилъ бы почтовыхъ лошадей возить всѣхъ офицеровъ и чиновъ арміи.

— Вы бы это сдѣлали, а я вотъ не дѣлаю и не могу сдѣлать; нельзя потакать чортъ знаетъ какимъ наклонностямъ.

— Вы сами, Владиміръ Александровичъ, говорите, что вы здѣсь «не на розахъ», но вамъ будетъ еще хуже, если вы не станете болѣе снисходительными къ чужимъ слабостямъ и болѣе отзывчивыми къ общимъ, если и не явнымъ, нуждамъ, то желаніямъ.

— Будетъ ли мнѣ лучше или хуже,—мое дѣло; никому отъ этого ни тепло, ни холодно, а я обстрѣленъ уже достаточно и все переношу, какъ видите, неособенно жалуясь.

— Но, князь, изъ-за этого страдаете не вы одни; всѣ служащіе въ гражданскомъ управленіи находятся въ ложномъ положеніи. Поддакивать вашимъ хулителямъ не хочу, а не всегда же можно молчать, когда слышишь справедливыя сѣтованія.

— И прекрасно, побесѣдуйте съ такими моими хулителями по душѣ.

— До подобныхъ бесѣдъ неохотникъ, что̀ вы знаете лучше всякаго другаго, и прежде, чѣмъ на нихъ пуститься, есть другой превосходный выходъ.

— Какой, скажите пожалуйста.

— Уѣхать отсюда. Въ самомъ дѣлѣ, князь, отпустите меня, я съ охотой вернусь въ Радомъ и съ спокойною совѣстью: не сидѣлъ

здѣсь сложа руки, а сдѣлалъ столько, сколько требовалось и было возможно. Право, отпустите меня.

— Этого еще недоставало. Но, впрочемъ, мнѣ самому до крайности надо ѣхать въ Петербургъ и, можетъ быть, я вынужденъ буду поѣхать туда и очень скоро.

— Извините, князь, но я не вижу особенной надобности въ вашей поѣздкѣ. Что вы будете теперь дѣлать въ Петербургѣ?

— Мало ли что. Меня мать зоветъ проститься съ ней—ей уже 90 лѣтъ, и она желаетъ еще разъ передъ смертью видѣться со мною; у меня множество своихъ личныхъ дѣлъ, и, наконецъ, мнѣ надо раздѣлаться съ Краснымъ Крестомъ, вести сразу два дѣла нельзя.

— Относительно Краснаго Креста совершенно согласенъ, но еще въ іюлѣ мѣсяцѣ къ вамъ въ Тырновъ пріѣзжалъ П. Ѳ. Самаринъ и совѣтовалъ отказаться отъ Краснаго Креста, а вы не захотѣли. Напишите два слова и не въ Петербургѣ васъ будутъ удерживать. До сыновнихъ вашихъ чувствъ я не касаюсь, но позвольте сказать, что никогда не повѣрю, чтобы вы, вы, князь Черкаскій, подумали проситься теперь въ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ.

Мы оба разсмѣялись.

— Что правда, то правда, почтеннѣйшій Дмитрій Гавриловичъ. На отъѣздъ вашъ я не соглашусь, а сдѣлаемъ вотъ что: напишите-ка записку и раскритикуйте въ ней заведенные мною по почтовому дѣлу порядки, а я ее прочту и потомъ поговоримъ о почтахъ. Это въ будущемъ—надѣюсь, недалекомъ, а теперь поѣдемте завтракать къ великому князю и, возвратясь назадъ, начнемте разсуждать о центральномъ управленіи Болгаріи. Это насъ отвлечетъ отъ злобы дня и дастъ здоровую работу.

Чтобы покончить съ инцидентомъ о станціи въ Бригадирѣ, привожу содержаніе второй телеграммы Трубачеева, изъ Систова, отъ 17-го декабря:

„Боготъ. Князю Черкаскому. Телеграммою изъ Брестовацъ я доносилъ вашему сіятельству о желаніи наслѣдника цесаревича устроить почтовую гоньбу отъ Бригадира—Петрошаны. Въ настоящее время гоньба между этими мѣстами устроена, по моей просьбѣ, завѣдующимъ почтовою гоньбой дѣйствующей арміи и въ открытіи нашей станціи Бригадиръ нѣтъ надобности“.

Неудавшаяся попытка устройства станціи въ Бригадирѣ, разумѣется, сдѣлалась извѣстной и, съ одной стороны, военныя почтовыя власти воспользовались случаемъ выказать свою ревность, а съ другой—между военными и, особенно, молодежью, распространились о Черкаскомъ самые нелѣпые слухи.

Вышеприведенный разсказъ, взятый цѣликомъ изъ моего дневника, приведенъ съ цѣлью показать, что въ послѣдніе мѣсяцы 1877 года князь Черкаскій предупреждался людьми, близко къ нему стоявшими, о неудовлетворительности его отношеній къ окружавшей средѣ. Отъ него зависѣло остеречься, по крайней мѣрѣ, отъ дальнѣйшаго ихъ ухудшенія. Къ сожалѣнію, такія предупрежденія не помогли, а скорѣе подѣйствовали къ еще большему его возбужденію.

Возвратясь 5-го декабря въ хату князя Черкаскаго, мы дѣйствительно принялись за обсужденіе вопроса объ устройствѣ центральнаго управленія Болгаріи на время нашего ею управленія до передачи судебъ княжества въ руки національнаго правительства. Обсужденіе шло спокойно и быстро, и на другой день, послѣ двухъ продолжительныхъ совѣщаній, вполнѣ были установлены тѣ положенія, на которыхъ потомъ основанъ былъ написанный мною въ Габровѣ и Адріанополѣ проектъ устройства совѣта управленія княжества Болгарскаго, принятый княземъ Черкаскимъ и одобренный главнокомандующимъ, а потомъ и высшимъ правительствомъ въ Петербургѣ. Князь Черкаскій, съ своей стороны, рѣшилъ заняться—во-первыхъ, запискою о коммиссарѣ, а во-вторыхъ, составленіемъ особыхъ соображеній о той роли, которую слѣдовало предоставить румынамъ и въ особенности сербамъ, привлекавшимся тогда къ одновременному съ нами дѣйствію противъ турокъ. При этомъ князь Владиміръ Александровичъ огорчался, что допущеніе сербовъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, столь чреватое могущими послѣдовать результатами первостепенной политической важности, не обращаетъ на себя, кажется, ничьего вниманія и что ему приходится взяться за это самому и снова подвергнуться обвиненіямъ въ посяга-

тельствѣ на чужія права и непрошенное вмѣшательство не въ свое дѣло. «Но здѣсь компрометтируется дѣло Россіи, и сталкиваются интересы двухъ будущихъ сосѣдокъ, Сербіи и Болгаріи, а потому, что̀ бы тамъ ни говорили, я исполню долгъ гражданина и записку подамъ. Могутъ дѣлать съ нею, что угодно» [1]).

Засимъ началась работа, и ничто не предвѣщало особыхъ усложненій, какъ совершенно неожиданно, произошли два обстоятельства, вызвавшія окончательный разрывъ между княземъ Черкаскимъ и генераломъ Непокойчицкимъ.

Послѣ сдачи Плевны наступили весьма чувствительные холода, крайне неблагопріятно отразившіеся на плѣнныхъ туркахъ и нашихъ несчастныхъ погонцахъ. И тѣ и другіе не имѣли не только теплой, но и вообще исправной одежды, а между тѣмъ, несмотря на холодъ, вынуждены были проводить бо̀льшую часть дня и ночи на открытомъ воздухѣ, страдая одновременно, особенно погонцы, и отъ недостатка горячей пищи. Отощавшія отъ безкормицы ихъ лошади едва тащили подводы и еще болѣе увеличивали страданія людей, задерживая ихъ въ дорогѣ въ морозъ и вьюги. 10-го декабря интендантъ арміи Росицкій, телеграммой изъ Систова, сообщилъ князю Черкаскому, что наканунѣ замерзло въ пути шесть погонцевъ и шестьдесятъ лошадей, и просилъ разрѣшить выдачу интендантскимъ обозамъ и погонцамъ зерна и фуража изъ реквизиціонныхъ складовъ гражданскаго вѣдомства. Телеграмма пришла какъ разъ въ то время, когда я заѣхалъ къ князю Черкаскому, чтобы присутствовать при докладѣ дѣлъ по канцеляріи, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ главнокомандующему на завтракъ. Прочитавъ телеграмму и подавая ее мнѣ, князь возбужденнымъ голосомъ началъ говорить, что онъ на это никогда не согласится; что не можетъ допустить, чтобы интендантство, расхитившее средства страны, покушалось теперь на собранные имъ запасы и начало грабить; что запасы эти слѣдуетъ беречь во что бы то ни стало, ибо впереди зима, и армія можетъ помереть съ голоду; что онъ очень хорошо понимаетъ ихъ цѣль — запутать его дѣла и затруднить потомъ отчетность, чѣмъ и дать поводъ къ обвиненію его въ грязныхъ поступкахъ.

[1]) Сосѣдскія недоразумѣнія и неудовлетворенные аппетиты обѣихъ сторонъ повели потомъ къ сербско-болгарской войнѣ.

За завтракомъ у великаго князя, сидя по правую руку генерала Непокойчицкаго, вторымъ отъ великаго князя и черезъ одного (Скобелевъ-отецъ) отъ меня, князь Черкаскій видимо былъ взволнованъ, но ничего не говорилъ. Вдругъ, одинъ изъ прислуживавшихъ за столомъ камердинеровъ главнокомандующаго подаетъ ему телеграмму. Развернувъ ее и прочтя, онъ быстро протянулъ ее ко мнѣ, проговоривъ: «Извольте полюбоваться, какъ распоряжается Золотаревъ (систовскій губернаторъ), онъ совсѣмъ держится вашихъ взглядовъ; прошу васъ написать ему, что я отмѣняю его распоряженіе и прошу его не умничать». Я, не читая телеграммы, сложилъ ее и положилъ въ карманъ, а кн. Черкаскій началъ громко обвинять интендантство въ нераспорядительности и въ желаніи теперь растратить даже и тѣ реквизиціонные запасы, которые съ трудомъ удалось скопить гражданскому начальству. Филиппика эта подѣйствовала на всѣхъ тѣмъ сильнѣе, что была совершенно неожиданна и неумѣстна. По окончаніи завтрака, я сказалъ князю Черкаскому — остававшемуся для доклада — что считаю нужнымъ переговорить съ нимъ и поѣду къ нему на квартиру, гдѣ и буду ожидать его возвращенія. Онъ скоро пріѣхалъ, и вторично въ этотъ злополучный день начались наши объясненія. Теперь говорили спеціально по поводу телеграммы генерала Золотарева. Подверждая сообщенный интендантомъ фактъ замерзанія шести погонцевъ и 60 лошадей и донося, что имъ предложено окружнымъ начальникамъ оказывать всякое содѣйствіе погонцамъ и обозамъ, давая имъ пріютъ, потребное зерно и фуражъ изъ реквизиціонныхъ запасовъ, губернаторъ просилъ утвержденія принятой имъ мѣры относительно зерна и фуража.

Высказавъ полное одобреніе всему сдѣланному систовскимъ губернаторомъ, я положительно отказался телеграфировать ему въ духѣ указаній, данныхъ за обѣдомъ. — Подобныя распоряженія, добавилъ я, никогда не появятся за моею подписью.

— Да вамъ и нѣтъ необходимости подписывать, подпишу я, а вы только заготовьте телеграмму.

Разумѣется, соображеніе о моей обязанности писать телеграммы и подносить ихъ къ подписанію не было оставлено мною безъ самаго категорическаго возраженія, и я снова повторилъ желаніе оста-

вить мою временную должность при арміи и вернуться въ Привислинскій край [1]).

Подобное заявленіе сразу дало другой оборотъ дѣлу. Князь возразилъ, что о моемъ отъѣздѣ нечего и думать, такъ какъ онъ подалъ главнокомандующему особую записку о коммиссарѣ, и она уже отправлена въ Петербургъ съ адъютантомъ великаго князя, капитаномъ Андреевымъ. Отвѣта на записку можно ждать въ самомъ скоромъ времени и весьма вѣроятно, что его самого вызовутъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій и обсужденія возбужденныхъ въ запискѣ вопросовъ, казалось бы, не терпящихъ отлагательства. Такимъ образомъ дѣйствительно выходило, что, быть можетъ, въ самомъ скоромъ времени, мнѣ предстояло замѣнить князя на время его отсутствія, а потому настаивать на моемъ отъѣздѣ не было смысла. По этому поводу не сомнѣваясь въ своемъ назначеніи коммиссаромъ, князь Черкаскій охотно заговорилъ о своихъ предположеніяхъ насчетъ будущей нашей совмѣстной службы. Самъ онъ полагалъ лично предсѣдательствовать въ совѣтѣ управленія, а мнѣ — если я не останусь помощникомъ—думалъ предоставить должность вице-предсѣдателя, или вообще членство въ совѣтѣ съ управленіемъ какимъ-либо отдѣломъ, напримѣръ внутреннихъ дѣлъ.

Въ этомъ отношеніи я съ нимъ не сходился. Я находилъ полезнымъ для энергичнаго, быстраго и повсюду однообразнаго примѣненія на мѣстѣ новыхъ положеній раздѣлить старую, зараженную турецкими традиціями Болгарію по крайней мѣрѣ на два генералъ-губернаторства, при чемъ самъ желалъ быть не въ совѣтѣ, а однимъ изъ генералъ-губернаторовъ и именно въ Сѣверной Болгаріи. Возражая противъ генералъ-губернаторскихъ должностей, князь Черкаскій однако не отвергалъ полезности ихъ учрежденія и просилъ меня разработать этотъ вопросъ одновременно съ составленіемъ проекта о совѣтѣ.

При этомъ разговорѣ вполнѣ выяснилось, что въ будущемъ мы не обойдемся нашимъ тогдашнимъ персоналомъ служащихъ, и намъ

---

[1]) Князь Черкаскій послалъ систовскому губернатору депешу съ выраженіемъ неодобренія его распоряженій. Золотаревъ тотчасъ же телеграммой просилъ объ отчисленіи отъ должности. Кажется, князь В. А. писалъ Золотареву письмо, и тотъ остался.

потребуются новыя силы для различныхъ спеціальныхъ отраслей управленія. Отыскать ихъ и согласить на пріѣздъ въ Болгарію очевидно можно было только въ Петербургѣ — такимъ образомъ необходимость поѣздки самого князя въ Петербургъ послѣ полученія оттуда ожидаемаго отвѣта еще болѣе подтверждалась.

Окончивъ наши разговоры, я вернулся къ себѣ и поздно вечеромъ узналъ, что злополучный день 10-го декабря 1877 года не прошелъ безъ новыхъ еще осложненій.

Послѣ моего выхода отъ князя Черкаскаго къ нему явился начальникъ Плевненскаго округа, л.-гв. Павловскаго полка штабсъ-капитанъ Владиміровъ, съ докладомъ о прискорбномъ столкновеніи мѣстныхъ военныхъ властей съ плевненскимъ городскимъ совѣтомъ по дѣламъ гражданскаго свойства. Взявъ съ собою Владимірова, князь пошелъ къ начальнику полеваго штаба, которому очевидецъ передалъ о случившемся въ Плевно. Не останавливаясь на самомъ происшествіи, котораго уже поправить было нельзя, князь Черкаскій требовалъ, чтобы гражданская часть въ Плевно подчинялась нашему окружному начальнику подъ ближайшимъ руководствомъ систовскаго губернатора, а не другаго некомпетентнаго лица, и чтобы военнымъ властямъ строго было указано ограничиваться дѣлами военными. На этотъ разъ, начальникъ штаба не уклонился по обыкновенію отъ объясненій и, быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ случая, бывшаго за завтракомъ, вступилъ въ горячій споръ въ присутствіи нѣкоторыхъ свидѣтелей. Съ этого дня генералъ Непокойчицкій не имѣлъ болѣе никакихъ служебныхъ объясненій съ княземъ Черкаскимъ, который какъ бы пересталъ для него существовать. Власть окружнаго начальника въ Плевно скоро была возстановлена.

Составленная княземъ Черкаскимъ записка о коммиссарѣ, помѣченная 6-мъ декабря 1877 г., чрезвычайно важна по своему содержанію и тому значенію, которое имѣла на дальнѣйшую судьбу самого князя Вл. Ал. и всего гражданскаго управленія, почему и приводится здѣсь цѣликомъ [1]).

---

[1]) Записка эта напечатана г. Матвѣевымъ въ декабрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника“ за 1890 г.

«Паденіе Плевны и движеніе нашихъ войскъ къ Балканамъ должны, безъ сомнѣнія, ускорить окончаніе войны, нынѣ продолжающейся восемь мѣсяцевъ, а потому, быть можетъ, нынѣ уже не слишкомъ далека та минута, когда правительству будетъ подлежать забота какъ объ избраніи органовъ, на которые будетъ возложено приведеніе въ исполненіе мѣръ, мирными соглашеніями добытыхъ по болгарскому вопросу, такъ и объ указаніи этимъ органамъ надлежащаго порядка ихъ дѣйствій.

«Со времени перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, я не былъ призываемъ къ совѣщаніямъ по политическимъ вопросамъ, которые въ этотъ періодъ времени могли имѣть мѣсто, а потому мнѣ нынѣ неизвѣстны въ точности виды правительства. Полагаю, что первоначальныя намѣренія государя императора, которыхъ я удостоился въ прежнее время лично слышать изъ устъ его величества, могли измѣниться. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько послѣднихъ словъ, вскользь милостиво сказанныхъ мнѣ государемъ въ минуту отъѣзда изъ Плевны, насчетъ трудностей, предлежащихъ мнѣ въ будущемъ, подаютъ мнѣ поводъ и налагаютъ на меня обязанность не только дать себѣ самому возможно ясный отчетъ въ могущихъ предстоять затрудненіяхъ, но также представить мои скромныя, хотя быть можетъ и ошибочныя, соображенія на ближайшее усмотрѣніе вашего высокопревосходительства, такъ какъ главнѣйшіе вопросы, до этого дѣла касающіеся, будутъ, вѣроятно, разрѣшаться въ Петербургѣ, въ моемъ присутствіи, вдали отъ главной квартиры дѣйствующей арміи.

«Считаю долгомъ, доколѣ еще время, выразить съ полною откровенностью мысли, во мнѣ созрѣвшія здѣсь на мѣстѣ, при ближайшемъ изученіи вопроса. Отъ вашего высокопревосходительства будетъ зависѣть сдѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое вы признаете для службы государевой и для дѣла полезнѣйшимъ. Смѣю надѣяться, что мнѣ не будетъ вмѣнено въ вину желаніе уяснить себѣ самому предстоящія трудности, если онѣ дѣйствительно должны касаться меня, и обратить вниманіе правительства на вопросы, для которыхъ, во всякомъ случаѣ, требуется разрѣшеніе своевременное въ томъ, или другомъ смыслѣ. Впрочемъ, и самая цѣль настоящей записки заключается исключительно въ томъ, чтобы намѣтить эти вопросы и указать какъ бы канву для обсужденія, а не въ томъ, чтобы представить проектъ окончательнаго ихъ разрѣшенія.

«Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣ, какъ и въ прежнее время, невозможно еще въ точности опредѣлить результаты войны. Должно надѣяться, что ею будутъ добыты результаты рѣшительные въ пользу болгаръ; но правительство можетъ быть только вынуждено удовольствоваться и меньшими уступками. Если, сообразно съ этимъ, приведеніе въ исполненіе болѣе или менѣе второстепенныхъ преобразованій въ Болгаріи будетъ возложено на какую-нибудь консульскую или иную въ этомъ же родѣ коммиссію и русское вліяніе подчинится въ той или другой формѣ дѣятельному вмѣшательству европейской дипломаціи,—въ такомъ случаѣ, конечно, не останется мѣста и не окажется нужды въ русскомъ императорскомъ коммиссарѣ, облеченномъ обширными полномочіями. Тогда дѣло могло бы быть передано, подъ наблюденіемъ константинопольскаго нашего посольства, въ руки второстепенныхъ дипломатическихъ или консульскихъ агентовъ, въ которыхъ, вѣроятно, недостатка не окажется. Затѣмъ отпадетъ и большая часть существенныхъ и личныхъ вопросовъ, порождаемыхъ существомъ обязанностей и личнымъ положеніемъ коммиссара.

«Въ настоящей краткой запискѣ принимается во вниманіе исключительно лишь тотъ случай, когда успѣхами нашего оружія была бы дѣйствительно достигнута возможность устроить болгарскія дѣла посредствомъ назначенія полномочнаго императорскаго русскаго коммиссара. Условія, въ которыя имѣетъ при этомъ быть поставленъ коммиссаръ, должны, повидимому, быть опредѣлены совершенно независимо отъ присвоенія этого званія тому или другому лицу. Иначе пришлось бы условія существенныя и необходимыя для посильнаго обезпеченія успѣха первостепенной политической задачи соображать и примѣнять къ случайному положенію лица, также случайнаго, во многихъ отношеніяхъ быть можетъ не соотвѣтствующаго такому назначенію и не представляющаго необходимыхъ для него задатковъ, внутреннихъ или внѣшнихъ.

«Едва-ли можно, даже при значительномъ напряженіи воображенія, представить себѣ условія болѣе трудныя, болѣе щекотливыя и болѣе тягостныя, чѣмъ то положеніе, въ которое будетъ немедленно и неизмѣнно поставленъ русскій коммиссаръ въ Болгаріи. Задача его труднѣе той, которая нѣкогда выпала на счастливую долю графа Киселева въ Молдавіи и Валахіи. Какъ ни несовершенно было устройство этихъ двухъ областей, тѣмъ не менѣе обѣ онѣ издавна пользовались нѣкоторыми учрежденіями; почти все населеніе исповѣдывало одну православную вѣру, принадлежало къ одной народности; тамъ были руководящія сословія, какъ ни недостаточнымъ можетъ намъ казаться ихъ развитіе; наконецъ, Европа въ то время еще не вступала на Востокѣ въ сплошной, общій къ намъ антагонизмъ. Въ настоящую минуту трудности и препятствія будутъ со всѣхъ сторонъ роиться около русскаго коммиссара. Внутри края, который онъ призванъ воскресить къ самоуправленію, онъ встрѣтитъ нелегко изгладимыя привычки вѣковаго рабства, осложненныя ненавистнымъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ сожительствомъ гражданъ противуположной вѣры и взаимно враждебныхъ народностей. Люди, образованные и вполнѣ способные къ управленію дѣлами не только общими, но даже и мѣстными, представляются въ этомъ краѣ довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Придется требовать финансовыхъ средствъ для быстраго развитія училищъ и путей сообщенія отъ страны, истощенной войною, опустошенной турецкимъ погромомъ, прошлогоднимъ и нынѣшнимъ, покрытой дымящимися повсемѣстно развалинами, гдѣ нынѣшнею осенью озимыя поля остались въ значительной части необсѣянными, а для прочихъ посѣвовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, быть можетъ, не окажется зерна; гдѣ, наконецъ, немалая доля мѣстнаго населенія, бѣженцевъ болгарскихъ и турецкихъ, въ теченіе многихъ уже мѣсяцевъ блуждаетъ изъ угла въ уголъ, безъ крова, безъ хлѣба, съ надломленною вѣрою въ будущее. Европейская дипломатія, въ лицѣ посольствъ и консульствъ, будетъ, конечно, жадно слѣдить за каждымъ дѣйствіемъ и невольнымъ промахомъ мѣстнаго правительства, за каждымъ нервнымъ ощущеніемъ многоязычнаго мѣстнаго населенія; всюду сѣя недовѣріе, злобу и раздоръ, всюду поддерживая недовольныхъ и соблазняя слабыхъ. Съ другой стороны положеніе коммиссара осложнится и собственными домашними отношеніями: къ русскому посольству въ Царьградѣ, къ начальникамъ войска, предназначеннаго на занятіе края, къ русскимъ начальникамъ и офицерамъ болгарскаго ополченія, наконецъ, къ высшимъ правительственнымъ слоямъ въ Петербургѣ, не всегда и не къ каждому равно благоволящимъ и, какъ доказалъ опытъ, мѣняющимъ подчасъ политическое направленіе свое съ едва уловимою быстротою.

«Отсюда возникаетъ рядъ вопросовъ:

«1) Какіе будутъ размѣры полномочій, предоставленныхъ императорскому коммиссару по внутреннему управленію краемъ.

«2) Въ какой мѣрѣ будетъ онъ стѣсненъ какимъ-либо народнымъ представительствомъ? и съ другой стороны,—въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ ему будетъ разрѣшено пользоваться въ необходимыхъ случаяхъ его содѣйствіемъ?

«3) Будутъ ли ему предоставлены на первый случай какія-либо финансовыя средства на случай возможнаго въ первое время недостаточнаго поступленія доходовъ?

«4) Будетъ ли коммиссару подчинено болгарское ополченіе? и будутъ ли сохранены въ немъ русскіе кадры изъ нижнихъ чиновъ и русскіе офицеры?

«5) Будутъ ли коммиссару подчинены русскія оккупаціонныя войска?

«6) Какія будутъ отношенія коммиссара съ одной стороны къ нашему константинопольскому посольству, съ другой—къ министерству иностранныхъ дѣлъ и къ военному министерству?

«Каждый изъ указанныхъ вопросовъ имѣетъ несомнѣнно важное значеніе. Разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ можетъ либо облегчить до извѣстной степени, либо затруднить чрезмѣрно и даже сдѣлать совершенно невозможною дѣятельность коммиссара. Поэтому едва-ли не необходимо, чтобы обсужденіе ихъ въ высшихъ правительственныхъ совѣтахъ произошло при нѣкоторомъ участіи того лица, которое будетъ окончательно предназначено къ званію коммиссара.

«Впрочемъ, съ другой стороны, и выборъ на эту должность того или другаго лица зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ предварительнаго разрѣшенія другаго кореннаго вопроса—будетъ ли допущено подчиненіе оккупаціоннаго войска лицу невоеннаго званія или нѣтъ?

«Безъ подчиненія оккупаціоннаго корпуса коммиссару, едва-ли мыслимо необходимое для успѣха дѣла единство дѣйствій на мѣстѣ [1]).

«А потому еслибы, паче чаянія, рѣшено было, что войско не можетъ быть подчинено лицу невоеннаго званія, въ такомъ случаѣ, каковы бы ни были достоинства тѣхъ лицъ, изъ среды коихъ могъ быть сдѣланъ выборъ гражданскаго правителя, желательно прежде всего не вводить гибельнаго раздвоенія власти, и слѣдовало бы поручить все вообще дѣло, т. е. и начальство надъ войскомъ, и организацію края одному и тому же довѣренному лицу изъ числа способнѣйшихъ на эту двойственную дѣятельность военныхъ генераловъ, какихъ, безъ сомнѣнія, всегда окажется у насъ достаточно, при общемъ военномъ строѣ всего нашего внутренняго управленія.

«Къ тому же едва-ли позволено усумниться въ томъ, что, при равныхъ достоинствахъ, военный правитель будетъ естественно всегда пользоваться большею степенью довѣрія къ себѣ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

«Если же, напротивъ, былъ бы допущенъ императорскій коммиссаръ изъ среды гражданскихъ чиновъ, въ такомъ случаѣ необходимымъ казалось бы, для пользы дѣла, избрать его изъ числа лицъ, пользующихся полнымъ и явнымъ довѣріемъ правительства и прочнымъ служебнымъ положеніемъ и въ іерархическомъ отношеніи поставленныхъ выше тѣхъ военныхъ начальниковъ, съ которыми онъ можетъ находиться въ должностныхъ сношеніяхъ въ Болгаріи.

«Сомнительное служебное положеніе гражданскаго коммиссара, отсутствіе

---

[1]) Войска, расположенныя въ Молдавіи и Валахіи, были, какъ извѣстно, подчинены графу Киселеву.

явнаго довѣрія къ нему верховной власти или отсутствіе іерархическаго превосходства его надъ начальниками расположенныхъ въ краѣ военныхъ властей можетъ породить для всѣхъ лишь двусмысленное положеніе, которое отзовется неизбѣжно и на ходѣ дѣлъ къ его явному ущербу. Между тѣмъ, даже при равенствѣ чиновъ, чины военные считаются выше гражданскихъ. Необходимымъ поэтому казалось бы искать внѣшняго признака преобладающаго положенія коммиссара если не въ чинѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ присвоенномъ ему постоянномъ служебномъ положеніи. Быть можетъ, положеніе его могло бы быть достаточно оттѣнено отъ положенія его военныхъ сослуживцевъ, еслибы онъ былъ избранъ изъ среды высшаго военнаго сословія въ имперіи, каковымъ является, напримѣръ, Государственный Совѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія при томъ, что въ нынѣшнемъ его составѣ, Государственный Совѣтъ вмѣщаетъ въ себѣ много лицъ, вполнѣ обладающихъ всѣми тѣми условіями, которыя, повидимому, совершенно необходимы для того, чтобы ихъ должность на указанномъ поприщѣ могла приносить несомнѣнную пользу.

«Изложивъ свои мысли по долгу совѣсти, я смѣю надѣяться, что рѣшимость моя выразить нѣкоторыя мои сомнѣнія съ полною откровенностью на письмѣ, при невозможности сдѣлать это въ устной бесѣдѣ, не будетъ приписана не желанію моему уклониться отъ какого-либо труда, но искреннему убѣжденію въ томъ, что дѣла настолько важныя должны быть разсматриваемы всесторонне и своевременно, не стѣсняясь никакими личными соображеніями, а тѣмъ менѣе предварительнымъ лишь выборомъ какого-либо лица, быть можетъ къ дѣлу, въ дѣйствительности, не вполнѣ пригоднаго».

Главнокомандующій, по докладѣ этой записки княземъ Черкаскимъ, нашелъ тоже необходимымъ заблаговременное рѣшеніе, въ томъ или другомъ смыслѣ, возбужденныхъ въ ней вопросовъ и разрѣшилъ князю переслать ее къ военному министру.

Въ письмѣ своемъ отъ 6-го же декабря, при которомъ приложена вышеприведенная записка, князь Черкаскій писалъ:

«М. Г., Дмитрій Алексѣевичъ. Пользуюсь отъѣздомъ въ Петербургъ адъютанта великаго князя главнокомандующаго, полковника Андрева, дабы просить его доставить вашему высокопревосходительству приложенную при семъ записку, въ которой я считалъ своевременнымъ и необходимымъ представить на ваше ближайшее усмотрѣніе нѣкоторыя мои мысли и сомнѣнія насчетъ порядка введенія въ дѣйствіе ожидаемыхъ въ Болгарскомъ краѣ преобразованій. Въ ней нѣсколько подробнѣе изложены нѣкоторыя соображенія, на которыя я, передъ неожиданно быстрымъ отъѣздомъ вашимъ, могъ указать лишь вскользь въ день нашего послѣдняго свиданія въ Порадимѣ. Отъ васъ будетъ зависѣть дать этой запискѣ тотъ или другой ходъ, какой вы признаете полезнѣйшимъ для дѣла и сообразнымъ съ ея, быть можетъ, слишкомъ искреннимъ и откровеннымъ изложеніемъ.

«Не излишнимъ считаю присовокупить, что я не счелъ себя въ правѣ препровождать ее къ вамъ, даже и конфиденціальнымъ образомъ, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія великаго князя главнокомандующаго и не прочтя ее in extenso его высочеству. Великій князь изволилъ одобрить рѣшимость мою обратить вниманіе высшаго правительства и выразилъ мнѣніе, что заблаговременное разрѣшеніе ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ кажется необходимымъ.

«Я нахожусь въ истинно затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны на мнѣ лежитъ нравственная обязанность по столько важному вопросу и послѣ милостиваго довѣрія, мнѣ оказаннаго государемъ императоромъ, не скрыть того, что я могу, хотя бы и ошибочно, считать тѣсно связаннымъ съ пользою дѣла. Съ другой,—на меня могутъ быть взведены нареканія и обвиненія самаго разнообразнаго свойства. Издавна пріученный къ послѣднимъ, я и въ настоящемъ случаѣ счелъ своею обязанностью поступить по долгу совѣсти.

«Вручая себя во всякомъ случаѣ вашему дружескому расположенію, прошу васъ, многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, принять увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи и глубокой преданности. Князь В. Черкаскій».

Изъ содержанія приведенной выше записки князя Черкаскаго ясно видно, что ею онъ возбуждалъ два вопроса—о будущемъ значеніи императорскаго коммиссара и свой личный. Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ вѣрности этого послѣдняго заключенія, привожу выдержку изъ его письма къ Д. А. Милютину отъ 8-го января 1878 г. изъ Казанлыка. Говоря о соображеніяхъ, руководившихъ имъ при составленіи этой записки, князь Черкаскій, описывая тяжелое свое положеніе, продолжаетъ:

«Думаю, наконецъ, что въ виду обстоятельствъ, сложившихся тѣмъ или другимъ путемъ, было съ моей стороны, во всякомъ случаѣ, своевременно заранѣе возбудить вопросъ о томъ, стоитъ ли, однако, дѣйствительно, человѣкъ этотъ въ уровень съ предназначавшимся ему первоначально положеніемъ или даже, если бы онъ, паче чаянія, и могъ первоначально годиться къ этому дѣлу, не испорчено ли его положеніе радикально и не лучше ли было бы привлечь къ дѣлу кого-либо другаго, покуда на это есть еще время и возможность».

Хотя въ запискѣ князь Черкаскій и предоставлялъ Д. А. Милютину сдѣлать изъ нея то употребленіе, какое онъ признаетъ полезнымъ, но во всякомъ случаѣ она была послана съ согласія главнокомандующаго и не могла не считаться документомъ вполнѣ оффиціальнаго характера. Если князь Черкаскій и желалъ разъяснить свое личное положеніе, то, разумѣется, говорилъ и думалъ о себѣ не какъ о частномъ человѣкѣ, а какъ о лицѣ, занимающемъ оффиціальное положеніе, дѣлавшееся еще болѣе труднымъ и отвѣтственнымъ, чѣмъ прежде.

Нельзя также предполагать, что онъ могъ думать, что запискѣ его не будетъ дано военнымъ министромъ никакого движенія, напротивъ, безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что она будетъ доложена государю. Основываясь на послѣднемъ милостивомъ къ нему обращеніи государя въ Плевно, князь Черкаскій

полагалъ, что то именно время было наилучшимъ моментомъ для заявленія о будущемъ своемъ положеніи и обезпеченія себѣ той свободы дѣйствій, которой онъ не имѣлъ до того времени.

Все, что въ запискѣ написано о сущности власти императорскаго коммиссара, о затрудненіяхъ, съ которыми онъ неизбѣжно встрѣтится при управленіи краемъ, и необходимости заранѣе сообразить его отношенія ко всѣмъ тѣмъ сферамъ, съ которыми онъ будетъ поставленъ въ сношенія—было вполнѣ вѣрно и основательно. Точно также были вѣрны, взятыя въ отдѣльности, соображенія о необходимости предоставленія гражданскому правителю выдающагося положенія. Затѣмъ, когда записка начала говорить о предоставленіи коммиссару преимущественнаго положенія, она вступила на совершенно ложный путь.

Императорскій коммиссаръ, изъ чиновъ гражданскихъ, могъ дѣйствовать при двухъ совершенно различныхъ обстоятельствахъ. Въ краѣ, ввѣренномъ его управленію, могла оставаться армія или, взамѣнъ ея, одни лишь оккупаціонныя войска. Присутствіемъ въ Болгаріи дѣйствующей арміи вопросъ о первенствѣ разрѣшался, конечно, самъ собою, такъ какъ не было никакихъ сомнѣній, что первенство, по праву, принадлежитъ главнокомандующему. При немъ, коммиссаръ могъ быть только начальникомъ гражданскаго управленія, и было совершенно безразлично, принадлежалъ бы онъ къ военному сословію или нѣтъ. Не вызвало бы при этомъ ни малѣйшаго затрудненія и прямое подчиненіе коммиссару, изъ гражданскихъ чиновъ, бывшаго болгарскаго ополченія и новаго болгарскаго войска, устройство и управленіе которымъ, во всякомъ случаѣ, сливалось со всѣмъ строемъ государственнаго управленія княжества и потому самому не могло не входить въ компетенцію коммиссара. Не могло быть, по моему мнѣнію, вопроса о первенствѣ и въ случаѣ, если бы въ краѣ оставался лишь оккупаціонный отрядъ. Къ содержанію въ краѣ оккупаціоннаго лишь корпуса можно было перейти только тогда, когда всѣ политическіе вопросы были бы разрѣшены безповоротно, военнаго столкновенія съ непріятелемъ не предвидѣлось бы, и потому армія была бы возвращена въ отечество. Оккупаціонный корпусъ, не предназначаясь для военныхъ операцій, могъ служить только поддержкою мѣстныхъ вооруженныхъ силъ для

*

охраненія внутренняго спокойствія, которое въ Болгаріи обѣщало быть незыблемымъ. При такихъ условіяхъ, объ власти — гражданская и военная—могли дѣйствовать одновременно, каждая въ своей сферѣ, нисколько не мѣшая другъ другу. Гражданская власть управляла бы краемъ на правахъ хозяина, а военная—занималась бы исключительно содержаніемъ войскъ въ желаемомъ благоустройствѣ. Поводовъ къ взаимнымъ столкновеніямъ было бы весьма мало, и послѣдствіемъ столкновеній — если допустить ихъ возможность — не могло бы произойти ничего серьезнаго, вреднаго для дѣла. Во всякомъ случаѣ, былъ бы коммисаръ изъ военныхъ генераловъ или изъ чиновъ гражданскихъ, онъ долженъ былъ вѣдать исключительно свое дѣло, получая, въ случаѣ надобности, помощь отъ войскъ, доставляя имъ возможныя удобства и не помышляя о ихъ ему подчиненіи. Тамъ, гдѣ единство дѣйствій было бы безусловно необходимо, т. е. до рѣшенія всѣхъ политическихъ вопросовъ и до выхода арміи, оно бы достигалось само собою — присутствіемъ и первенствомъ главнокомандующаго; при простой же оккупаціи говорить о необходимости предоставленія первенства коммиссару значило только совершенно напрасно возбуждать излишніе вопросы — ломиться въ открытую дверь. Поэтому выраженная въ запискѣ мысль, что необходимо выбрать коммиссара изъ военныхъ «если бы п а ч е ч а я н і я рѣшено было, что войско не можетъ быть подчинено лицу невоеннаго званія» — совершенно не вѣрна и не основательна.

Вообще, поставленная княземъ Черкаскимъ дилемма или подчинить войска коммиссару изъ гражданскихъ чиновъ или назначить коммиссара изъ военныхъ генераловъ, не выдерживала критики и рушилась сама собою, такъ какъ невозможно допустить, чтобы войска, особенно только-что окончившія блистательную войну, были поставлены въ командную зависимость отъ лица гражданскаго.

Ставя такую дилемму, князь Черкаскій явно высказывалъ свое убѣжденіе, что иначе дѣло быть не можетъ и что при другихъ условіяхъ онъ не считаетъ возможнымъ нести отвѣтственность по должности коммиссара. Этимъ самымъ онъ устранилъ себя отъ кандидатуры на таковую должность, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъялъ, такъ сказать, изъ обсужденія вопросъ объ учрежденіи должности коммиссара параллельно властямъ военнымъ. Формулировавъ вопросъ,

князь Черкаскій самъ же на него и отвѣтилъ. Очевидно, что записка его не подлежала обсужденію въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Петербурга...

Записку о коммиссарѣ князь В. А. писалъ исключительно самъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь и не сказавъ мнѣ о подробностяхъ своей работы, а между тѣмъ, какъ выше было разсказано, именно въ это время между имъ и мной происходили весьма оживленныя бесѣды объ устройствѣ управленія въ княжествѣ Болгарскомъ. Несомнѣнно, что онъ держалъ это дѣло въ секретѣ именно потому, что уже черезчуръ ясно поставилъ въ запискѣ свои личные интересы. Записку я прочелъ уже въ Санъ-Стефано и понятно горячо говорилъ бы противъ ея содержанія, если бы участвовалъ въ его обсужденіи. Оконченную мною 12-го января 1878 г., въ Габровѣ, записку о будущихъ нашихъ задачахъ въ Болгаріи я заключилъ слѣдующими словами: «Въ заключеніе упомяну, что вопросъ объ отношеніяхъ гражданскаго управленія къ войскамъ и обратно не долженъ бы существовать. Обязанности обѣихъ сторонъ совершенно различны, но гражданскому управленію должно быть указано непремѣнное принятіе всѣхъ мѣръ къ успокоенію и удовлетворенію войскъ оккупаціоннаго корпуса».

Если вспомнить еще разъ милостивыя слова государя князю Черкаскому передъ отбытіемъ изъ арміи; если принять во вниманіе, что административныя способности князя Черкаскаго цѣнились очень высоко и заведенными имъ гражданскими порядками въ Болгаріи въ правительственныхъ сферахъ Петербурга были довольны, то можно смѣло сказать, что, не подавай онъ своей записки объ императорскомъ коммиссарѣ и не высказывай въ ней такихъ невѣрныхъ мыслей, управленіе княжествомъ Болгарскимъ перешло бы въ его руки само собою, по естественному ходу событій.

Въ главной квартирѣ записка князя Черкаскаго не встрѣтила никакихъ возраженій, и ему предоставлено было право самому препроводить ее въ Петербургъ. Со стороны главнокомандующаго къ ней не было сдѣлано никакихъ поясненій и не сообщено въ Петербургъ никакихъ заключеній о личныхъ вопросахъ, столь безпокоившихъ князя Черкаскаго. Однако въ главной квартирѣ поняли, что съ момента подачи этой записки князь Черкаскій былъ человѣ-

комъ покончennымъ, и что съ нимъ нѣтъ болѣе нужды считаться. Подтвержденіемъ подобнаго вывода служатъ всѣ послѣдующія событія, которыя не имѣли бы мѣста, если бы, со дня на день, въ главной квартирѣ не ожидали извѣстія о назначеніи коммиссаромъ не князя Черкаскаго, а другаго лица. Въ свою очередь и князь Черкаскій, тотчасъ же по подачѣ записки, почувствовалъ, что сдѣлалъ ложный шагъ, и это мучило его безконечно.

Въ половинѣ декабря 1877 г., когда князь Черкаскій началъ думать объ устройствѣ Забалканья, вопросъ этотъ не имѣлъ характера спѣшности и неотложности. Въ удачу задуманнаго перехода черезъ Балканы крѣпко вѣрили, но, разумѣется, никто не могъ предполагать, что онъ будетъ сопровождаться такимъ разгромомъ Сулеймана-паши, плѣненіемъ Весселя-паши, со всѣми его войсками, и сказочно-быстрымъ захватомъ огромнаго пространства отъ Софіи до Адріанополя и отъ Балканъ до Родопа. Не предвидя такихъ результатовъ, полагали, что для утвержденія нашего за Балканами потребуется довольно продолжительное время, въ теченіе котораго, на точномъ основаніи инструкціи 3-го іюня 1877 г., краемъ будутъ управлять военныя власти, подъ прикрытіемъ коихъ чинамъ гражданскаго управленія, сгруппированнымъ въ особыя коммиссіи, удастся изслѣдовать страну и собрать достаточные матеріалы для соображеній объ окончательномъ переходѣ къ правильному гражданскому строю. Подобная коммиссія, подъ руководствомъ полковника Соболева, уже дѣйствовала въ іюлѣ 1877 г. въ окрестностяхъ Тырнова и, перейдя Балканы вслѣдъ за отъѣздомъ генерала Гурко, побывала въ Казанлыкѣ, много содѣйствовавъ къ обезпеченію тамъ порядка. Въ распоряженіи гражданскаго вѣдомства, въ концѣ 1877 года, состояло достаточное число свободныхъ чиновъ, занимавшихся временно бѣженцами и хлѣбнымъ дѣломъ. Составить изъ нихъ ѣздящія коммиссіи было очень легко. Лицъ, предназначенныхъ на должности губернаторовъ въ Забалканьѣ, въ распоряженіи князя Черкаскаго не находилось, но кандидаты были намѣчены и могли явиться на мѣсто своевременно.

Поэтому князь Черкаскій нисколько не сомнѣвался, что возбуждаемый имъ вопросъ о порядкѣ устройства управленія Забалканскимъ краемъ получитъ немедленное разрѣшеніе въ благопріят-

номъ смыслѣ. Оказалось, однако, совершенно противное. При самомъ началѣ словесныхъ объясненій онъ замѣтилъ, что военныя власти не одинаково съ нимъ глядятъ на дѣло и хотя не высказываютъ категорически, но очевидно не желаютъ распространенія дѣйствій гражданскаго управленія на Забалканье. Мало того, среди недомолвокъ и неясныхъ выраженій военныхъ властей, съ достаточною очевидностью сквозило желаніе оставить въ Сѣверной Болгаріи не только все наше гражданское управленіе, но и самого завѣдующаго гражданскими дѣлами, которому будто бы предлежало заняться усовершенствованіемъ уже созданныхъ учрежденій въ Дунайской Болгаріи. Такимъ образомъ совершенно неожиданно явился личный вопросъ.

Сознавая, что на театрѣ военныхъ дѣйствій воля главнокомандующаго есть законъ и что ей слѣдуетъ безусловно подчиниться, князь Черкаскій не счелъ возможнымъ удовольствоваться полученіемъ лишь словеснаго приказанія и, согласно усвоенному имъ правилу имѣть на все существеннѣйшее положительное повелѣніе главнокомандующаго, рѣшился испросить письменное распоряженіе и на установленіе новаго порядка дѣлъ въ Забалканскомъ краѣ. Документъ этотъ долженъ былъ служить оправданіемъ и для него самого. Такъ какъ предшествовавшими распоряженіями главнокомандующаго, удостоившимися отчасти и высочайшаго утвержденія, порядокъ постепеннаго введенія гражданскаго управленія въ занятомъ войсками краѣ опредѣленъ былъ вполнѣ точно, то коренное въ немъ измѣненіе и не могло произойти безъ особаго, столь же оффиціальнаго акта. Не допуская возможности вступить въ какія-либо сужденія, князь Черкаскій однако полагалъ безусловно необходимымъ получить письменную резолюцію главнокомандующаго, и при томъ въ такой именно формѣ, которая показывала бы, что принимаемая мѣра не предлагается гражданскими властями въ дальнѣйшее развитіе сдѣланныхъ уже мѣропріятій, а исходитъ непосредственно и всецѣло отъ непререкаемой воли вождя арміи.

Въ этихъ видахъ, 26-го декабря, князь Черкаскій представилъ главнокомандующему слѣдующій собственноручно имъ написанный докладъ:

«Вашему императорскому высочеству благоугодно было повелѣть мнѣ слѣдующее:

«во 1-хъ, ограничиться нынѣ введеніемъ гражданскаго управленія въ санджакахъ Тульчинскомъ, Систовскомъ и Рущукскомъ, Терновскомъ, Раховскомъ или Видинскомъ и въ Орханіевскомъ округѣ Софійскаго санджака;

«во 2-хъ, въ прочихъ мѣстностяхъ, занятыхъ или подлежащихъ занятію нашими войсками, не вводить въ дѣйствіе гражданскаго управленія до полученія о томъ повелѣнія вашего высочества, предоставивъ въ оныхъ управленіе военному начальству, на основаніи утвержденной вашимъ императорскимъ высочествомъ, сего 3-го іюня въ г. Плоэшти, инструкціи для учрежденія военно-полицейскаго управленія въ занимаемомъ войсками краѣ;

«въ 3-хъ, предписать на этомъ основаніи и орханіевскому губернатору, чтобы онъ, до полученія увѣдомленія о дальнѣйшемъ повелѣніи вашего высочества, не вступалъ въ управленіе г. Софіею и прочими округами Софійскаго санджака, кромѣ Орханіевскаго;

«въ 4-хъ, мнѣ, по выступленіи главной квартиры вашего высочества за Балканы, оставаться на сѣверномъ склонѣ оныхъ, избравъ по своему усмотрѣнію мѣсто для постояннаго пребыванія центральнаго гражданскаго управленія.

«Нынѣ я имѣю честь почтительнѣйше испрашивать окончательнаго утвержденія сего повелѣнія резолюціею вашего императорскаго высочества, при чемъ считаю долгомъ доложить, что если ваше высочество изволите повелѣть мнѣ остаться по сю сторону Балканъ, то, по переходѣ за Балканы главной квартиры вашей, я удобнѣйшимъ мѣстомъ пребыванія центральнаго гражданскаго управленія почитаю г. Систовъ, какъ по удобству сообщеній, такъ и потому, что тамъ сосредоточены всѣ остающіеся въ тылу арміи отдѣлы полеваго штаба, съ коими происходятъ частыя сношенія, а равно и складъ Краснаго Креста въ Болгаріи».

Рукою князя Владиміра Александровича на докладѣ написано: „Доложено его императорскому высочеству въ Боготѣ. Его высочество изволилъ отозваться, что мною худо понята его воля. Окончательной резолюціи не послѣдовало. Князь Черкаскій».

Замѣчаніе великаго князя, что княземъ Черкаскимъ худо понята его воля, хотя и доказываетъ, что докладъ 26-го декабря не вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ главнокомандующаго, но, во всякомъ случаѣ, подтверждаемый докладомъ фактъ выраженнаго военными властями нежеланія взять за Балканы гражданское управленіе и лицо, имъ завѣдывавшее—остается непреложнымъ фактомъ. Очевидно, что дѣло шло о новой попыткѣ удалить гражданскій элементъ изъ главной квартиры. Подобныя попытки уже повторялись до того времени три раза. Письмомъ начальника полеваго штаба изъ Кишинева отъ 2-го января 1877 г. былъ отклоненъ выѣздъ князя Черкаскаго изъ Петербурга, и онъ болѣе трехъ мѣсяцевъ держался вдали отъ главной квартиры и при томъ въ періодъ, чрезвычайно удобный для подготовительныхъ работъ, которыя именно вслѣдствіе

этого и запоздали по гражданской части арміи. Это первое устраненіе князя Черкаскаго отъ совокупныхъ работъ съ главною квартирою кончилось не по ея почину, а по особому приказанію въ Петербургѣ, данному въ то время, когда окончательно былъ опредѣленъ день объявленія войны Турціи. Вторая попытка удаленія сдѣлана была вслѣдъ за переходомъ черезъ Дунай, когда главная квартира, устремившись впередъ, расположилась въ Тырновѣ едвали не на самыхъ передовыхъ позиціяхъ, а князь Черкаскій оставленъ былъ на Дунаѣ съ предвареніемъ, что, только по прочномъ занятіи нѣкоторой части края и введеніи въ немъ военно-полицейскаго управленія, онъ получитъ приказаніе присоединиться къ главной квартирѣ и заняться введеніемъ правильнаго гражданскаго управленія. Возникшіе въ краѣ безпорядки и неурядицы, послужившіе поводомъ къ серьезной перепискѣ между квартирами главною и императорскою, положили конецъ этой попыткѣ, и князь Черкаскій черезъ нѣсколько дней былъ вызванъ въ Тырново и получилъ приказаніе немедленно вводить въ краѣ гражданское управленіе, несмотря на то, что въ его распоряженіи не было еще никого изъ вызванныхъ къ нему изъ имперіи офицеровъ. Мало того, князь Черкаскій былъ даже обвиненъ въ томъ, что не находился при главной квартирѣ въ такое серьезное время. Въ третій разъ къ такой же попыткѣ было прибѣгнуто, при переѣздѣ главной квартиры изъ Тырнова въ Горній-Студень послѣ второй Плевны. Хотя предъявленныя княземъ Черкаскимъ соображенія о необходимости для завѣдующаго гражданскими дѣлами: быть постоянно при главной квартирѣ и возымѣли свое дѣйствіе и гражданская канцелярія получила разрѣшеніе перейти въ Горній-Студень, но тѣмъ не менѣе князь Черкаскій нашелся вынужденнымъ заручиться, на всякій подобный случай въ будущемъ, достаточно широкими полномочіями по управленію дѣлами, дававшими ему возможность дѣйствовать во второстепенныхъ вопросахъ самостоятельно, не обращаясь за разрѣшеніями къ главнокомандующему по всѣмъ дѣламъ. Наконецъ, уклоненіе отъ дачи резолюціи, 26-го декабря, совпадавшее съ оставленіемъ главною квартирою Богота и предстоящимъ переходомъ за Балканы, было несомнѣнно четвертою попыткою удалить князя Черкаскаго изъ главной квартиры.

Изъ приведеннаго выше текста доклада 26-го декабря нельзя не придти къ заключенію, что если бы докладъ этотъ былъ утвержденъ, то гражданская канцелярія и самъ князь Черкаскій остались бы въ Сѣверной Болгаріи. Почему при такихъ условіяхъ не послѣдовало резолюціи на докладъ—не извѣстно. Князь Черкаскій, говоря потомъ объ этомъ времени въ Адріанополѣ, выражался недостаточно опредѣлительно и подробно. Очевидно, что военныя власти не желали стѣснять себя за Балканами даже утвержденною 3-го іюня инструкціею объ учрежденіи военно-полицейскаго управленія въ занятомъ краѣ—но это было легко устранить или оговоркою въ резолюціи или позднѣйшимъ повелѣніемъ о непримѣненіи этой инструкціи, утвержденной главнокомандующимъ, которымъ она и могла быть отмѣнена. Можетъ быть, главнокомандующій и не былъ противъ слѣдованія при немъ части гражданской канцеляріи, но безъ князя Черкаскаго?

Между тѣмъ на слѣдующій день, 27-го декабря въ $7^1/_2$ часовъ утра, назначенъ былъ выходъ изъ Богота главнокомандующаго и главной квартиры въ г.г. Ловчу и Сельви, гдѣ предполагалось выждать извѣстій съ Шипки.

Получивъ это приказаніе, гражданская канцелярія немедленно стала собираться и нисколько не встревожилась сообщеніемъ князя Черкаскаго, что ей придется идти съ главной квартирой только до Габрова, въ которомъ и остановиться до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Самъ князь Черкаскій оставался въ Боготѣ на день или на два, чтобы на свободѣ привести въ порядокъ дѣла Краснаго Креста.

27-го декабря, въ 5 часовъ утра, въ Боготѣ всѣ уже были на ногахъ и радостно собирались оставить это непріятное мѣсто, въ которомъ мы протомились 73 дня. День былъ прекрасный, солнце свѣтило ярко, и термометръ показывалъ + 3 ° R. Все вокругъ было покрыто снѣгомъ, и дорога въ Ловчу вилась хорошо укатанною лентой. Сѣвъ въ экипажъ (вѣнская двухмѣстная коляска, купленная въ Бухарестѣ), я не поѣхалъ на сборное мѣсто къ расположенію главной квартиры, а рѣшилъ выжидать у поворота съ Плевненской дороги на Ловчанскую. Подъѣзжая туда, я увидѣлъ приближающагося слѣва великаго князя. Онъ съ генераломъ Непокойчицкимъ

ѣхалъ въ коляскѣ, запряженной четверикомъ прекрасныхъ вороныхъ коней. Сзади его шло человѣкъ сорокъ конныхъ линейныхъ казаковъ со значкомъ и нѣсколько адъютантовъ. Въ двухъ другихъ коляскахъ ѣхали помощникъ начальника полеваго штаба, генералъ Левицкій, и лейбъ-медикъ Обермиллеръ. Я пристроился сзади его и занялъ въ поѣздѣ четвертое мѣсто. Впослѣдствіи къ намъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ верхомъ, въ томъ числѣ и генералъ Скобелевъ-отецъ, охотно принявшій мое предложеніе пересѣсть въ мой экипажъ. Всѣ остальные, а равно повозки и тягости шли сзади съ конвойнымъ баталіономъ.

Только-что мы отъѣхали нѣсколько верстъ отъ Богота, какъ передъ нами стали показываться и скоро выяснились въ несравненной своей красотѣ Балканскія горы. Видъ на нихъ былъ очаровательный. Не буду вдаваться въ описаніе красотъ горной природы — все это помѣщено въ моемъ дневникѣ — но скажу только, что до Ловчи и далѣе до Сельви, по правую нашу сторону, высился снѣговой хребетъ, представляясь намъ то чарующими, то дикими картинами, отъ которыхъ мы, жители сѣвера, приходили въ восторгъ. Безмятежному наслажденію мѣшали однако тревожныя думы о судьбѣ нашихъ отрядовъ. Что теперь дѣлается на Шипкѣ? Совершили ли свои обходныя движенія колонны Скобелева 2-го и князя Святополкъ-Мірскаго. Въ оживленныхъ разговорахъ и предположеніяхъ мы проѣхали и прошли — на крутыхъ спускахъ выходили изъ экипажей, а верховые сходили съ скользившихъ лошадей — до самой Ловчи, лежащей въ ямѣ на рѣкѣ Осьмѣ. Сзади ея высились горы, съ которыхъ и пришлось кн. Имеретинскому и Скобелеву 2-му атаковать городъ 22-го августа.

Въ Ловчѣ мы дневали. Тамъ же 27-го числа получились свѣдѣнія о трудномъ положеніи обѣихъ обходныхъ колоннъ, уже свершавшихъ свои движенія, и тяжелой ранѣ молодаго полковника Куропаткина, начальника штаба у Скобелева. Эти извѣстія не могли радовать, и всѣ чины главной квартиры, начиная съ главнокомандующаго, были крайне озабочены и сосредоточены. Разговоры не клеились, и даже обѣдъ 28-го декабря, бывшій у великаго князя, прошелъ вяло. Разговаривали шепотомъ, спрашивая другъ у друга о положеніи обходящихъ, о томъ, что дѣлаетъ Радецкій. Болѣе томи-

тельнаго обѣда я не запомню—всѣ знали, что происходятъ событія, могущія повліять на ходъ войны самымъ рѣшительнымъ образомъ; ждали ежеминутно извѣстія объ исходѣ дѣла, а между тѣмъ ничего не приходило. Телеграфъ молчалъ; ближе къ намъ ничего не знали, а тамъ, на мѣстахъ ожесточеннаго боя, было не до телеграфа, да и не было его подъ рукою, чтобы часъ за часомъ передавать о томъ, что дѣлается.

За то въ самомъ городѣ было необыкновенное оживленіе. Вмѣстѣ съ главной квартирой въ Ловчѣ дневали различныя части войскъ. Солдатики были въ восторгѣ, вырвавшись изъ мрачныхъ и сырыхъ землянокъ и очутившись на свободѣ въ городѣ, представлявшемъ для нихъ массу давно забытыхъ удобствъ и соблазновъ. Жители принимали ихъ радушно, въ лавкахъ много всякой всячины, а главное у рѣдкаго солдатика не было скоплено болѣе или менѣе кругленькой суммы, расходовать которую теперь не скупились. Одинъ несъ бѣлый хлѣбъ, другой кусокъ свинины или баранью ногу; многіе были съ сіяющими и раскраснѣвшимися лицами. Всюду шумъ, гамъ и непритворное веселье. Нерѣдко попадались группы сдружившихся между собою солдатъ и братушекъ. Небольшіе трактирчики биткомъ набиты офицерами, тоже спѣшившими хотя сколько-нибудь воспользоваться представлявшимися удобствами. Незабытъ былъ и турецкій кварталъ. Болгары давно уже разграбили его и разнесли дома, а теперь и наши солдатики усердно тамъ работали, доламывая оставшіяся строенія, хлопоча о добычѣ горючаго матеріала для разведенія костровъ, у которыхъ грѣлись, шумно разговаривая. Подъ вечеръ со всѣхъ сторонъ раздавались пѣсни.

Пройдясь по городу и насмотрѣвшись на одушевленіе его постоянныхъ жителей и пришедшихъ нашихъ войскъ, я написалъ мое ежедневное обязательное письмо въ Петербургъ и пораньше легъ спать. Выписываю изъ дневника.

«Не прочелъ я нѣсколькихъ столбцовъ „Голоса“—только-что доставленнаго пришедшею за нами почтою,—какъ слышу на улицахъ крики «ура!». Крики раздавались все громче и громче, и наконецъ послышались звуки музыки, военный хоръ игралъ „Боже, Цари Храни“. Посмотрѣлъ на часы—8½. Я вскочилъ, быстро одѣлся и бросился узнавать, что это такое, предчувствуя, разумѣется, что пришли радостныя вѣсти съ Шипки. Во всѣхъ домахъ открывались окна, двери и ворота, всюду видны любопытныя лица; многіе, подобно мнѣ, бѣжали по направленію къ квартирѣ великаго князя. Навстрѣчу чаще

и чаще попадаются толпы болгаръ, шумно кричавшихъ, что Шипка взята. Спрашиваю одного, другаго, въ чемъ дѣло? Отвѣтъ одинъ—Шипка взята, но никто не можетъ передать никакихъ подробностей, а ихъ-то и хочется знать. Наконецъ вижу идущаго навстрѣчу мнѣ директора дипломатической канцеляріи главнокомандующаго А. И. Нелидова. Не ожидая вопроса, онъ, только завидя меня, снимаетъ фуражку, машетъ ею и кричитъ: „ура!“ Шипка наша, вся турецкая армія положила оружіе; 41 батальонъ, 10 батарей, полкъ кавалеріи, всѣ паши“. Ошеломляющее извѣстіе, незабвенная минута, подавляющее впечатлѣніе! Руки сами раскрывались, чтобъ обнять перваго встрѣчнаго; уста лобызали людей совершенно незнакомыхъ. Это просто баснословно! Не только перешли Балканы, но и захватили армію, которая защищала горы и не пускала насъ спуститься съ Шипки. Просто непостижимо! Великъ Русскій Богъ, но также отлично хороша наша армія и превосходны соображенія штаба! На этотъ разъ ничего другаго сказать нельзя. Нелидовъ мнѣ передалъ, что великій князь удалился уже на покой, отпустивъ всѣхъ успѣвшихъ попасть къ нему сейчасъ же по полученіи телеграммы, въ ожиданіи которой Чингисъ-ханъ цѣлые часы сидѣлъ у аппарата телеграфной станціи».

Князь Черкаскій, какъ я узналъ послѣ, не останавливался ни въ Ловчѣ, ни въ Сельви и прямо проѣхалъ въ Габрово. Главнокомандующаго я увидѣлъ уже на другой день 29-го декабри въ Сельви, куда мы прибыли послѣ труднаго 30-ти-верстнаго перехода. Отъ Ловчи приходилось подыматься на высокую гору; дорога шла прямымъ, въ нѣсколько верстъ длины, подъемомъ. Послѣ долгой стоянки, не втянувшіяся еще въ работу лошади тяжело подымались; безпрерывно приходилось останавливаться, подкладывая подъ всѣ колеса коляски камни, чтобы она не катилась назадъ. Погода была прекрасная, но то жаритъ по-лѣтнему, градусовъ, думаю, до 20-ти, а то, когда въѣдешь въ облако, всего пронизываетъ сыростью. Къ счастью, весь путь оказался отлично шоссированнымъ; не будь этого, лошади не вытащили бы обозовъ, которые во всякомъ случаѣ очень запоздали.

Квартира великому князю была приготовлена въ красивомъ, но маленькомъ домикѣ; столовой, могущей вмѣстить всѣхъ старшихъ чиновъ главной квартиры, не оказалось, и намъ обѣдъ былъ предложенъ на дворѣ. Наскоро поставили походные наши столы на козлахъ и подали все, что было приготовлено. Табуретовъ не вынимали изъ обоза, а можетъ быть ихъ и не брали изъ Богота. Каждый долженъ былъ самъ себѣ услуживать. Наливъ тарелку горячихъ щей, я только было собрался ѣсть ихъ, какъ слышу: «Дмитрій Гавриловичъ, идите сюда, васъ зоветъ великій князь». Это говорилъ Скобелевъ 1-й изъ окна втораго этажа, гдѣ было помѣщеніе вели-

каго князя. Войдя въ комнату, я нашелъ главнокомандующаго, уже сидѣвшаго за столомъ. За обѣдомъ были Непокойчицкій, князь Мосальскій, Скобелевъ 1-й, Левицкій, Нелидовъ и Скалонъ. Я тотчасъ же принесъ поздравленія съ полной побѣдой на Шипкѣ и подалъ поводъ къ объясненіямъ, поцѣлуямъ и новымъ разсказамъ о происшедшемъ. Тогда были извѣстны всѣ подробности о Шипкинскомъ боѣ отъ прибывшаго въ Сельви генерала Дмитровскаго, начальника штаба у Радецкаго. Великій князь былъ чрезвычайно веселъ и доволенъ. Передавая подробности о полученіи извѣстія о сдачѣ турокъ 28-го числа; его высочество сказалъ:

— Такъ мнѣ сдѣлалось весело, что и объяснить не умѣю. Когда мы остались съ Артуръ Адамовичемъ (Непокойчицкимъ), Левицкимъ, Скалономъ, Чингисъ-ханомъ и Газенкампфомъ, то написали телеграмму государю и всѣ пустились въ плясъ... Вообразите-ка Артура Адамовича пляшущимъ! Да весело, весело, безконечно весело.

Желая новый 1878-й г. встрѣтить уже за Балканами, главнокомандующій, съ высшими чинами полеваго штаба и дипломатической канцеляріей, переѣхалъ Шипку 30-го декабря и, спустясь въ знаменитую «Долину розъ», остановился въ очень красивомъ болгарскомъ городкѣ Казанлыкѣ, славящемся выдѣлкою розоваго масла. Полевой штабъ и наша канцелярія со всѣми тяжестями главной квартиры и полеваго казначейства остались въ Габровѣ. Тамъ же находился и князь Черкаскій, пріѣхавшій въ Габрово вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ (?) и добрымъ пріятелемъ генералъ-лейтенантомъ графомъ А. В. Олсуфьевымъ [1]).

Изъ Казанлыка главнокомандующій телеграфировалъ генералу Раллу, приглашая его и графа Олсуфьева въ главную квартиру для встрѣчи новаго года. Кромѣ этихъ двухъ лицъ никто приглашенія на встрѣчу новаго года не получалъ, и потому чинамъ главной квартиры, за весьма малыми исключеніями—пришлось встрѣчать этотъ день у себя дома въ тихой бесѣдѣ съ однимъ, двумя пріятелями.

---

[1]) Графъ А. В. Олсуфьевъ, нынѣ (1894 г.) генералъ-отъ-кавалеріи и почетный опекунъ, былъ командированъ въ Болгарію отъ главнаго интенданта. Онъ былъ прежде адъютантомъ великаго князя Николая Николаевича, а потомъ командовалъ л.-гв. Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ въ Варшавѣ, во время бытности тамъ князя Черкаскаго.

Несмотря на тяжелое чувство отъ разлуки съ близкими и неизвѣстности того, когда придется свидѣться съ ними, положеніе наше было тогда не въ примѣръ лучше только-что пережитыхъ нами сидѣній въ Горномъ-Студнѣ и Боготѣ. Уже зарождалась надежда о возможности скораго возврата, а переживаемые восторги отъ дивныхъ результатовъ, достигнутыхъ нами на Балканахъ, доставляли немало радостнаго удовлетворенія сердцу, наболѣвшему отъ прошлыхъ невзгодъ. Окружавшіе насъ габровскіе болгары относились къ намъ восторженно и наперерывъ, другъ передъ другомъ, спѣшили оказать намъ свое вниманіе. Хозяинъ дома, въ которомъ я остановился, Семенъ Начевъ, рано утромъ 1-го января явился ко мнѣ съ женою и старшею дочерью, о которой съ гордостью сказалъ, что «она излязла изъ пятаго класса гимназіи» и кромѣ поздравленій съ праздникомъ поднесъ мнѣ подарки—бѣлый носовой платокъ, шитый по угламъ золотомъ, и шерстяные чулки. Такіе платки дарятся обыкновенно женихомъ невѣстѣ, а также подносятся хозяевами почетнымъ гостямъ.

Вечеромъ 31-го декабря я былъ у князя Черкаскаго, засталъ его съ сильною головною болью и узналъ отъ него, что турки присылали своихъ парламентеровъ къ великому князю Владиміру Александровичу, генералу Делинсгаузену, командующему 11-мъ корпусомъ, и генералу Радецкому. Они просили перемирія и заявляли, что съ ихъ стороны сдѣланы уже распоряженія о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Генералу Радецкому они говорили, что между Петербургомъ и Константинополемъ, по телеграфу, состоялось соглашеніе, и скоро будетъ заключенъ миръ.

Относительно себя князь Черкаскій сказалъ мнѣ, что онъ, если ему не будетъ хуже, въ самый новый годъ, рано утромъ отправится въ главную квартиру вмѣстѣ съ гр. Олсуфьевымъ. На этомъ короткомъ свиданіи, послѣ котораго мы разстались почти на цѣлый мѣсяцъ, снова былъ разговоръ объ окончательныхъ проектахъ устройства высшей администраціи въ Болгаріи. Взявъ на себя изготовленіе этихъ проектовъ еще въ Боготѣ, я не приступалъ къ ихъ составленію потому, что никакъ не хотѣлось мириться съ мыслью ограничиться организаціей только одной Сѣверной Болгаріи, а о сказанныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ потомъ на всемъ фронтѣ

нашего наступленія, тогда еще и не мечтали. Кромѣ того, тогда спѣшно подготовлялась мною другая работа—составленіе отчета о дѣйствіяхъ гражданскаго управленія по конецъ 1877 года. Отчетъ этотъ полагалось представить главнокомандующему въ самомъ началѣ новаго года. Теперь, послѣ успѣховъ на Шипкѣ и у Филиппополя, составленіе проектовъ объ организаціи центральныхъ властей будущаго княжества снова выступало на первый планъ, и я далъ слово немедленно ими заняться и уже съ готовою работою присоединиться потомъ къ главной квартирѣ, отъ которой гражданская канцелярія отдѣлялась въ Габровѣ.

1-го января 1878 г., оставя большую часть своихъ вещей въ Габровѣ, князь Черкаскій съ гр. Олсуфьевымъ, налегкѣ, отправился въ горы. До подъема на перевалъ доѣхали они, въ экипажѣ князя, благополучно и безъ задержекъ; но на самомъ подъемѣ обстоятельства измѣнились. Масса артиллеріи, парки, обозы, ѣдущіе и идущіе взадъ и впередъ люди—занимали сплошь всю дорогу. Все это перемѣшалось между собою, сталкивалось и почти прекратило возможность всякаго движенія. Ѣхать черезъ перевалъ въ повозкѣ было немыслимо, надо было выйти изъ нея и идти пѣшкомъ, а для передвиженія экипажа пріискать нѣсколько свободныхъ солдатиковъ. Кое-гдѣ возможно было садиться въ повозку и проѣхать для отдыха хотя нѣсколько минутъ, но большую часть пути, какъ на перевалѣ, такъ и на спускѣ на южную сторону — князю пришлось сдѣлать пѣшкомъ, опираясь на палку. Только къ вечеру князь дошелъ до Шейнова и остановился тамъ на бивуакѣ болгарскаго ополченія въ бывшемъ баракѣ Весселя-паши, гдѣ поселился генералъ Столѣтовъ. Здѣсь путешественники обогрѣлись, поужинали и переночевали. Генералъ Столѣтовъ, передъ тѣмъ вернувшійся изъ Казанлыка, передалъ своимъ гостямъ, что болгарское ополченіе не пойдетъ впередъ, а должно будетъ конвоировать плѣнныхъ турокъ. Это сообщеніе вызвало общій разговоръ о возвращеніи на родину, и князь Черкаскій сказалъ Столѣтову: «пора намъ, Николай Григорьевичъ, въ Москву, въ Чернышевскій переулокъ». Генералъ отвѣчалъ, что относительно его это, кажется, такъ и состоится, но что ему, какъ будущему правителю Болгаріи, предстоитъ еще новая, только начинающаяся задача. Князь отрицалъ это, ссылаясь на

своевременность возвращенія домой, и вообще былъ крайне озабоченъ и возбужденъ [1]).

На другой день добрались до Казанлыка и до главной квартиры. Князь Черкаскій пріютился у А. И. Нелидова въ помѣщеніи дипломатической канцеляріи.

Неожиданное появленіе князя Черкаскаго въ главной квартирѣ было встрѣчено очень недружелюбно. Этого отъ него не только не скрывали, но даже какъ бы старались и словомъ, и дѣломъ показать, что незванный гость хуже татарина. Вспоминая потомъ въ Адріанополѣ объ оказанномъ ему жестокомъ пріемѣ въ Казанлыкѣ, князь Владиміръ Александровичъ горько жаловался мнѣ на столь печально сложившіяся обстоятельства...

Въ свою очередь, одинъ возвратившійся изъ Казанлыка свидѣтель подробно разсказалъ мнѣ о всемъ случившемся въ главной квартирѣ.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?—сказалъ главнокомандующій.—Я просилъ васъ оставаться въ Габровѣ. Поѣзжайте, куда вамъ угодно, а сюда пришлите Анучина.

Князь Черкаскій отвѣчалъ, что если только придетъ такое приказаніе изъ Петербурга, онъ немедленно его исполнитъ.

За обѣдомъ великій князь говорилъ князю Черкаскому: «Записку вашу, князь, государь читаетъ, да, читаетъ!» Это былъ намекъ на записку о коммиссарѣ, посланную княземъ 6-го декабря военному министру. По поводу ея въ главной квартирѣ говорили, что въ Петербургѣ уже рѣшено назначить коммиссара изъ военныхъ генераловъ. Князю Черкаскому передали объ этомъ, и онъ, въ откровенной бесѣдѣ съ однимъ близкимъ человѣкомъ, высказывалъ ему, что жалѣетъ теперь, что написалъ записку и самъ заварилъ кашу. Но вообще онъ рѣшился оставаться въ главной квартирѣ, несмотря ни на какія непріятности, такъ какъ 3-го января получена была телеграмма изъ Константинополя, извѣщавшая, что Намикъ и Серверъ-паши отправлены въ главную квартиру для переговоровъ о мирѣ. Князь Черкаскій не считалъ возможнымъ уѣхать, пока не уяснятся переговоры, а съ другой стороны съ нимъ отнюдь не желали совѣтоваться и не намѣревались что-либо ему сообщать.

[1]) Эти подробности слышаны мною отъ самого Н. Г. Столѣтова.

Несмотря однако на такія тяжелыя обстоятельства, князь Черкаскій просилъ главнокомандующаго принять отъ него докладъ по дѣламъ гражданскаго управленія. Великій князь согласился, и ему 3-го января представленъ былъ слѣдующій докладъ, заготовленный еще наканунѣ. Докладъ былъ такого содержанія:

«Вашему императорскому высочеству благоугодно было мнѣ повелѣть, по случаю перехода нынѣ бо́льшей части войскъ на южный склонъ Балканъ, обратить особенно вниманіе на болѣе рачительное обезпеченіе благоустройства на сѣверномъ склонѣ оныхъ и затѣмъ изволили разрѣшить мнѣ слѣдовать съ главною квартирою вашею, для ближайшаго ознакомленія теперь же со вновь занимаемымъ краемъ и для личнаго въ нужныхъ случаяхъ полученія повелѣній вашихъ. Вслѣдствіе чего я полагалъ бы съѣздить теперь на нѣсколько дней въ Тырновъ и, буде окажется возможнымъ, въ Систово, для необходимѣйшихъ распоряженій, послѣ чего явиться немедленно въ главную квартиру вашего высочества.

«Затѣмъ я полагалъ бы полезнымъ ближайшее наблюденіе за ходомъ гражданскаго управленія въ санджакахъ, остающихся въ нашемъ тылу, поручить моему помощнику, генералъ-лейтенанту Анучину, и въ этихъ видахъ предложить ему остаться временно въ тылу, избравъ себѣ мѣстожительство, по своему выбору, въ Габровѣ, Терновѣ или Систовѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ передавъ ему, въ видахъ ускоренія хода дѣлъ, часть, по ближайшему усмотрѣнію, тѣхъ полномочій, которыя мнѣ предоставлены рескриптомъ вашего императорскаго высочества.

«При этомъ я полагалъ бы раздѣлить и гражданскую канцелярію на двѣ части, изъ коихъ одну взять мнѣ съ походъ, а другую оставить при моемъ помощникѣ.

«На все вышеизложенное я имѣю честь почтительнѣйше испрашивать разрѣшенія вашего императорскаго высочества на случай, если я найду полезнымъ принять эти мѣры».

Никакого разрѣшенія не послѣдовало и на этотъ докладъ. Рукою князя Черкаскаго на немъ написано:

«Доложено его императорскому высочеству 3-го января въ Казанлыкѣ. Его высочеству угодно было выразить, что мысль его изложена вѣрно. Но окончательной резолюціи не послѣдовало. Князь Черкаскій».

Уклонившись снова отъ положительнаго рѣшенія, главнокомандующій, однако, убѣдясь доводами князя Черкаскаго о необходимости, во всякомъ случаѣ, разъяснить вопросъ насчетъ посланной въ Петербургъ его записки, согласился безпокоить государя просьбою по телеграфу объ ускореніи отвѣтомъ.

«Ожидаю отвѣта—говорилось въ телеграммѣ—на вопросы о назначеніи и обязанностяхъ коммиссара, изложенныя въ запискѣ, подписанной княземъ Черкаскимъ и черезъ адъютанта моего Андреева препровожденной къ военному министру. Въ настоящую минуту рѣшеніе вопросовъ этихъ становится самымъ неотложнымъ, а потому не благоугодно ли будетъ разрѣшить князю

Черкаскому теперь же прибыть въ Петербургъ для личнаго полученія указаній и представленія соображеній по возникающимъ вновь обстоятельствамъ. Отъѣздъ его теперь облегчается введеніемъ на югъ отъ Балканъ временнаго военно-полицейскаго управленія. На время его отсутствія генералъ Анучинъ можетъ исправлять его должность».

Въ тотъ же день, 3-го января, князь Черкаскій послалъ военному министру телеграмму и письмо. Въ телеграммѣ онъ просилъ Д. А. Милютина сообщить ему о судьбѣ его записки, а въ письмѣ объяснялъ поводы посылки телеграммы и откровенно писалъ о своемъ затруднительномъ положеніи. Привожу изъ этого письма нѣкоторыя выдержки:

«Событія идутъ такъ быстро, что умъ едва успѣваетъ поспѣвать за ними. На-дняхъ мы перешли черезъ Балканы; а нынѣ уже получена телеграмма о томъ, что Серверъ-паша и Намикъ-паша ѣдутъ сюда съ полномочіями для переговоровъ. Въ виду этого быстраго хода дѣлъ, я счелъ долгомъ напомнить великому князю главнокомандующему о той запискѣ, касательно назначенія коммиссара, которую я въ декабрѣ отправилъ къ вамъ, многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, и великій князь рѣшилъ немедленно телеграфировать государю, испросивъ повелѣнія его величества, не слѣдуетъ ли мнѣ ѣхать въ Петербургъ, для чего теперь, повидимому, самая благопріятная минута.

«Самъ я не считалъ и не считаю удобнымъ просить отпускъ. Не просилъ его даже въ то время, когда матушка кончалась въ Москвѣ и настоятельно требовала моего возвращенія, хотя бы на нѣсколько дней, для того, чтобы проститься на вѣки. Къ тому же всякая подобная просьба съ моей стороны могла бы здѣсь моими недоброжелателями быть истолкована въ дурную сторону и дать поводъ къ предположеніямъ, на которыя я не желалъ бы никому подать права.

«Ежели я буду вызванъ, то я поѣду въ Петербургъ съ большою радостью лично, ибо это дастъ мнѣ возможность увидѣть, наконецъ, въ Москвѣ мою бѣдную жену, которая измучилась болѣзнью матушки, которой я совсѣмъ не видалъ со 2-го апрѣля прошлаго года и съ которою состою въ полной почти разлукѣ съ конца октября 1876 г., когда восточныя дѣла приняли рѣшительный оборотъ.

«Что касается до общихъ вопросовъ, мною указанныхъ, то я не имѣю притязанія думать, чтобы выслушаніе моего мнѣнія было необходимо или даже особенно полезно; еще менѣе думаю я, чтобъ было необходимо именно меня сдѣлать болгарскимъ коммиссаромъ; лично я даже искренно и глубоко обрадуюсь, если минетъ меня эта чаша, на которую я взираю не иначе, какъ на ту ссылку, которая нѣкогда выпала на долю Сперанскаго въ Сибири и которой Николай Алексѣевичъ (Милютинъ) избѣгнулъ въ Варшавѣ лишь благодаря моему назначенію главнымъ директоромъ. Я не сравниваю себя съ ними, относительно ихъ способностей и знанія; но не могу въ фактѣ не видѣть весьма для меня грустнаго сходства.

«Во всякомъ случаѣ убѣжденъ, однако, что нынѣ настала послѣдняя минута для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые я указывалъ въ моей запискѣ, и что откладывать это рѣшеніе долѣе совершенно невозможно. Полагаю также, что едва-ли кто-нибудь относится къ ихъ рѣшенію болѣе объективно, чѣмъ я.

Затѣмъ спокойно ожидаю рѣшенія вопроса и всего охотнѣе вернусь въ свой скромный, но милый мнѣ, домъ Чернышевскаго переулка и въ свои любимыя деревенскія дубравы. И по правдѣ сказать—ужь очень для меня, въ 53 или 54 года, поздно начинать съизнова карьеру. Пора и честь знать.

«Насильно милъ не будешь, я ясно вижу, что пришелся здѣсь не ко двору и недоумѣлъ или не смогъ пріобрѣсти довѣрія ни самого главнокомандующаго, ни ближайшихъ его помощниковъ. Если бы отъ такого положенія дѣлъ страдалъ лишь я одинъ, на это не стоило бы обращать вниманія. Но я вижу, что страдаетъ ввѣренное мнѣ дѣло, чего ужь никакъ нельзя допустить. Лучше всего было бы прямо сказать мнѣ, чтобы я уѣзжалъ отсюда; я съ радостью исполнилъ бы такое приказаніе; но самъ просить объ этомъ не буду, потому что считаю себя обязаннымъ исполнить и испить посланную мнѣ чашу до конца, хотя при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, а именно при полной невозможности къ борьбѣ. Не особенно хорошо было мое положеніе десять, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ Варшавѣ, но тамъ съ равными себѣ, и я смѣло боролся, иногда уступая, чаще настаивая на своихъ намѣреніяхъ. Здѣсь совершенно другое; пререкаться съ главнокомандующимъ, да еще съ государевымъ братомъ немыслимо. И долгъ и совѣсть запрещаютъ мнѣ это. Остается одно—дать возможность гражданскому управленію дѣйствовать правильно и разъяснить задачи будущаго, просивъ государя сказать свое слово, по посланной еще 6-го декабря запискѣ о кругѣ дѣйствій будущаго коммиссара въ Болгаріи. Спросить объ этомъ черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія записки, кажется вполнѣ своевременнымъ».

Говоря о запросѣ въ Петербургъ, князь Черкаскій весьма подробно развивалъ свои соображенія о томъ, что именно теперь весьма было бы полезно ему самому съѣздить въ Петербургъ и тамъ узнать взгляды правительства на будущія наши дѣйствія въ Болгаріи. Въ виду достигнутыхъ рѣшительныхъ военныхъ успѣховъ, всѣ прежнія основанія отпадали; полномочія для временнаго гражданскаго устройства занятаго края потеряли уже свое значеніе, и необходимо было заручиться новыми—для созданія будущаго Болгарскаго княжества.

Значеніе телеграммы главнокомандующаго было чрезвычайно важно; она ставила вопросы самые существенные, и отвѣтъ на нихъ долженъ былъ разъяснить если не все, то многое. Окончательно могъ выясниться вопросъ о сущности должности императорскаго коммиссара; о томъ, будетъ ли или нѣтъ назначенъ на эту должность князь Черкаскій и не представится ли возможность ему самому отправиться въ Петербургъ для полученія полномочій къ веденію дѣла въ новомъ фазисѣ, въ который оно должно было вступить. Могло, разумѣется, придти въ отвѣтъ сообщеніе и о томъ, что князь Черкаскій не будетъ коммиссаромъ, но и такой отвѣтъ клалъ

бы конецъ различнымъ недоразумѣніямъ, сомнѣніямъ и нерѣшительностямъ, очень вредно вліявшимъ на дѣло.

Князь Черкаскій понималъ, что отвѣтъ изъ Петербурга можетъ быть двойственнымъ, и прямымъ его послѣдствіемъ видѣлъ свой отъѣздъ изъ арміи—или съ удаленіемъ отъ дѣла, или—для полученія новыхъ инструкцій. Готовясь къ этому, онъ прежде всего подумалъ о приведеніи въ порядокъ нашихъ дѣлъ. Вотъ, что онъ писалъ ко мнѣ, отъ 7-го января изъ Казанлыка: «Я вынужденъ еще остаться здѣсь нѣсколько деньковъ (болѣе или менѣе) въ ожиданіи приказаній изъ Петербурга, испрошенныхъ великимъ княземъ телеграммою. Какъ скоро что-нибудь рѣшительное получится и установятся твердо всѣ будущіе планы,—увѣдомлю васъ немедленно, а между тѣмъ слѣдовало бы велѣть лошадямъ и фургонамъ быть всегда наготовѣ, на случай движенія. Теперь, во всякомъ случаѣ, Шипкинскій перевалъ загроможденъ несказанно. Прошу васъ покуда благоволить сдѣлать слѣдующія распоряженія: 1) велѣть привести въ окончательный порядокъ казначейскую книгу и обревизовать казначейскую при канцеляріи нашей отчетность; 2) разрѣшить г. Яроцкому или помощнику бухгалтера, если имъ есть время, обревизовать денежную отчетность Краснаго Креста и 3) собрать всѣ матеріалы и подготовить общее представленіе чиновъ гражданскаго вѣдомства, какъ я уже говорилъ».

Тревожно ожидаемые изъ Петербурга отвѣты пришли 9-го января. Государь отвѣчалъ главнокомандующему отъ 6-го января: «Всѣ телеграммы твои, отъ 3-го и 4-го, дошли до меня вчера вечеромъ. Отвѣты на записки Нелидова и князя Черкаскаго тебѣ посланы. Нахожу присутствіе сего послѣдняго на мѣстѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимымъ». Военный министръ увѣдомлялъ князя Черкаскаго, что отвѣтъ на его записку посланъ съ курьеромъ, выѣхавшимъ изъ Петербурга 3-го января. Такимъ образомъ, отправленіе телеграммы изъ главной квартиры совпало съ выѣздомъ изъ Петербурга курьера съ письменнымъ отвѣтомъ на записку отъ 6-го декабря.

Полученныя извѣстія были не вполнѣ опредѣлительны, но тѣмъ не менѣе ясно разрѣшали вопросъ о томъ, сопровождать ли князю Черкаскому главную квартиру за Балканы или оставаться въ

тылу. Депеша государя прямо говорила, что именно въ настоящую минуту пребываніе князя Черкаскаго при арміи считается наиболѣе необходимымъ. Необходимымъ для чего? не для простаго же проживанія при главнокомандующемъ, а для дѣятельности активной, сообразной съ обстоятельствами минуты. Обстоятельства же эти были чрезвычайно важны. 7-го января вечеромъ въ Казанлыкъ прибыли уже турецкіе уполномоченные, переговоры начались, и въ близкомъ будущемъ можно было ожидать мира, а слѣдовательно еще бо́льшаго развитія дѣйствій гражданскаго управленія.

Безъ сомнѣнія, въ томъ же смыслѣ были поняты эти извѣстія и въ главной квартирѣ. Оставленіе князя Черкаскаго въ тылу сдѣлалось невозможнымъ; необходимо было имѣть его съ канцеляріей при арміи, что̀ ему немедленно и было разрѣшено словесно, въ отмѣну словесно же даннаго 26-го декабря 1877 г. приказанія не переходить Балканы. Тогда же даны были военными властями слѣдующія разрѣшенія:

а) командующему войсками въ Софіи генералу Арнольди приказано было передать гражданское управленіе губернатору д. с. с. Алабину [1]);

б) второй резервный батальонъ — переданъ въ распоряженіе гражданскаго управленія для Систовскаго, Тырновскаго, Раховскаго (Виддинскаго) и Орханіевскаго (Софійскаго) санджаковъ, и

в) въ Плевну направлены двѣ сотни Донскаго № 31 полка, изъ коихъ одна должна была поступить въ распоряженіе гражданскихъ властей.

Этими распоряженіями разрѣшался давно тянувшійся вопросъ о предоставленіи въ распоряженіе губернаторовъ военныхъ силъ для поддержанія порядка и авторитета вводимаго новаго управленія въ краѣ.

На князя Черкаскаго, лично, полученная изъ Петербурга телеграмма подѣйствовала успокоительно. Признавая необходимость его присутствія при арміи, она давала ему нравственную поддержку и была оцѣнкой его прежней дѣятельности. Онъ ободрился духомъ и

[1]) Телеграммы по сему предмету отъ генерала Непокойчицкаго генералу Арнольди и отъ князя Черкаскаго П. В. Алабину были отправлены мною съ Габровской телеграфной станціи 10 января 1878 г.

принялъ ее, какъ доказательство возвращающагося къ нему довѣрія и за предувѣдомленіе о предстоящей ему видной дѣятельности въ новой Болгаріи. Послѣдовавшее тогда же измѣненіе въ дѣйствіяхъ относительно его военныхъ властей еще болѣе утвердило его въ этомъ мнѣніи. Особенно доволенъ былъ онъ тѣмъ, что исполнилась завѣтная мечта его: присутствовать и, если возможно, участвовать въ переговорахъ, долженствовавшихъ обусловить разрѣшеніе вопроса о величинѣ Болгаріи и степени ея самостоятельности.

Непріятные для князя Черкаскаго переговоры съ военными властями въ Боготѣ въ послѣднихъ числахъ декабря 1877 года не были никому извѣстны въ гражданской канцеляріи, и она спокойно занималась текущими дѣлами и разработкою заранѣе уже намѣченныхъ вопросовъ о будущемъ устройствѣ Болгарскаго княжества.

Въ первый разъ сущность дѣла выразилась въ весьма обширномъ письмѣ ко мнѣ князя Черкаскаго, написанномъ 8-го января 1878 г. подъ свѣжими впечатлѣніями всего происшедшаго. Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ мнѣ въ этомъ письмѣ:

«Во избѣжаніе вторичнаго писанія, я поручаю П. В. Неклюдову [1]) передать вамъ подробности касательно ожидаемыхъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ передвиженій главной квартиры.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю необходимымъ увѣдомить, что я рѣшилъ сопровождать теперь же главную квартиру его высочества и перевести съ собою канцелярію за Балканы. Первоначальная мысль моя заключалась въ томъ, чтобы оставить часть ея на сѣверномъ склонѣ Балканъ и просить васъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы принять на себя временно, покуда я буду впереди съ главнокомандующимъ, ближайшій надзоръ за ходомъ гражданскихъ дѣлъ въ нашемъ тылу, для чего часть канцеляріи могла бы остаться въ вашемъ распоряженіи и вы могли бы быть снабжены въ обширныхъ размѣрахъ частію тѣхъ полномочій, которыя были предоставлены мнѣ рескриптомъ великаго князя. Главнокомандующій, конечно, не встрѣтилъ бы къ тому

---

[1]) Упоминаемый въ этомъ письмѣ Петръ Васильевичъ Неклюдовъ, впослѣдствіи дѣйств. стат. сов. и орловскій губернаторъ, тогда былъ секретаремъ князя Черкаскаго по дѣламъ Краснаго Креста. 9-го января 1878 г. получивъ письменное порученіе передать мнѣ подробности о дальнѣйшемъ движеніи, П. В. Неклюдовъ пришелъ ко мнѣ и прочелъ полученное имъ письмо князя Черкаскаго. Въ вышедшей въ 1879 г. книгѣ «Князь В. А. Черкаскій, его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ», помѣщена статья о послѣднихъ дняхъ его жизни, и изъ нея видно, что въ вышеупомянутомъ письмѣ было сказано: «Государю угодно, чтобы я оставался здѣсь, и потому я отложилъ, къ искреннему моему прискорбію, всякую мысль о поѣздкѣ въ Россію, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, какъ это мнѣ ни тяжело».

препятствій. Тѣмъ не менѣе не поговоривъ съ вами о томъ прежде и не зная, не будетъ ли это вамъ почему-либо непріятно, я отложилъ рѣшеніе мое по этому дѣлу до личнаго съ вами свиданія. Итакъ потолкуемъ». Далѣе идутъ подробности по разнымъ текущимъ дѣламъ, показывавшія, что князь Черкаскій, не подававшій почти о себѣ никакихъ извѣстій съ 26-го декабря, вновь дѣятельно принимается за дѣло управленія и ставитъ по своему обыкновенію массу вопросовъ, желая всѣмъ заняться и ничего не упустить. Въ концѣ письма значилось: «за окончаніемъ этихъ дѣлъ буду ожидать васъ въ Казанлыкѣ, развѣ главная квартира двинется впередъ невзначай слишкомъ быстро, чего, однако, ожидать невозможно».

Исполнить полученныя мною распоряженія было недолго, и я, 10-го января, отвѣтное письмо мое князю Черкаскому началъ словами: «Завтра утромъ посылаю Кюхельбекера и начальника здѣшняго округа на Шипку къ генералу Лошкареву, разузнать на мѣстѣ, какимъ образомъ можно будетъ намъ переѣхать черезъ Балканы. Ѣхать безъ справки и зная, что разныя части ждутъ на горѣ по шести сутокъ — я не рѣшился, боясь потерять людей и лошадей».

Пользуясь этимъ случаемъ и останавливаясь на нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ, попадавшихся въ разновременныхъ письмахъ князя Черкаскаго, я въ томъ же письмѣ, отъ 10-го января, коснулся нѣкоторыхъ фактовъ, о которыхъ мнѣ хотѣлось оставить письменный документъ въ подтвержденіе мною прежде высказанныхъ мнѣній. Вотъ что, между прочимъ, помѣщено было мною въ упомянутомъ письмѣ:

«Въ письмѣ къ Неклюдову вы, князь, пишете, что «обстоятельства измѣнились и государю угодно, чтобы вы здѣсь оставались». Я рѣшительно ничего не зналъ и не знаю о вашемъ предположеніи покинуть здѣшній край и не могу сообразить, когда все это случилось—такъ еще недавно, а именно въ письмѣ отъ 8-го января, вы сообщаете мнѣ, что намѣревались оставить меня на сѣверѣ отъ Балканъ съ большими полномочіями и не сдѣлали этого, потому что хотѣли сперва переговорить со мною. Очень вамъ благодаренъ за послѣднее. Вы никогда не говорили мнѣ о вашихъ предположеніяхъ—часть коихъ, т. е. оставленіе меня здѣсь, едва было не совершилась. Мнѣ кажется, что, въ періодъ устройства Болгаріи русскимъ правительствомъ, едва-ли возможно обойтись безъ раздѣленія ея на двѣ части съ тѣмъ, чтобы центральное управленіе всей Болгаріи вырабатывало общіе вопросы, а подробности обдѣлывались и исполнялись въ половинахъ. Безъ этого, руководить массою губернаторовъ изъ одного центра всѣхъ дѣйствій исполнительныхъ и законодательныхъ, положительно невозможно. Невозможность эта даже будетъ и тогда, если мы, какъ я полагаю, не вмѣшаемся особенно въ дѣла духовныя и учебныя, давъ имъ только полную поддержку. Устройство экзархата и относительное процвѣтаніе здѣшнихъ школъ показываетъ, что въ этихъ дѣлахъ положено начало и хорошее; надо ему только помочь, не ломая того, что уже

создалось здѣсь по общественному почину. Этотъ починъ только надо развивать и расширять.

«Если раздѣленіе Болгаріи на части состоится, то я лично ничего бы не желалъ болѣе, какъ остаться во главѣ одной изъ частей и пожалуй въ той, въ которой не будетъ мѣстонахожденія центральнаго управленія всей страной. Это упоминаю потому, что таковой постъ отвѣтственнѣе, а я больше привыкъ дѣйствовать самостоятельно, никогда не отступая отъ даваемыхъ общихъ указаній, слѣдовательно дѣло у меня пойдетъ, и я не затрудню излишнею перепискою. Это мое желаніе передаю на ваше усмотрѣніе. Непосредственное участіе въ совѣтѣ, который, вѣроятно, будетъ учрежденъ, нравится мнѣ гораздо меньше. Впрочемъ, это все дѣло будущаго, и я съ удовольствіемъ ожидаю того дня, въ который, какъ вы пишете мнѣ, мы переговоримъ о дѣлѣ. Теперь, вѣроятно, мирныя условія скоро объяснятъ, въ чемъ будетъ наше дѣло. Душевно желаю, чтобы томительное положеніе, въ которомъ мы находимся столько времени, скорѣе окончилось».

Еще 8-го января князь Черкаскій считалъ невозможнымъ, чтобы главная квартира двинулась изъ Казанлыка слишкомъ скоро, а между тѣмъ 10-го января, черезъ присланнаго ко мнѣ капитана Гюпль, просилъ уже меня выйти изъ Габрова 11-го и, прибывъ въ тотъ же день въ Казанлыкъ, слѣдовать 12-го далѣе вмѣстѣ съ главною квартирою, выходившею къ Адріанополю. Объ ускореніи моего прибытія онъ подтверждалъ потомъ телеграммою изъ Адріанополя отъ 15-го числа, полученною мною уже въ Казанлыкѣ. Сдѣлать такое распоряженіе было легко, но на дѣлѣ оно было неисполнимо, о чемъ, впрочемъ, отлично зналъ князь Владиміръ Александровичъ, самъ едва пробравшійся черезъ Шипку 1-го января пѣшкомъ и еще 7-го числа писавшій мнѣ, что «теперь, во всякомъ случаѣ, Шипкинскій перевалъ загроможденъ несказанно». Загроможденность эта была столь велика, что батареи и войсковые обозы по шести и болѣе дней ждали своей очереди перехода, и въ такомъ безпомощномъ положеніи находилось, между прочимъ, и такое интересное учрежденіе, какъ полевое казначейство гренадерскаго корпуса; какъ его ни торопили скорѣе перейти Балканы и какъ ни старались ему помочь — оно шесть дней стояло у перевала.

Затрудненія эти испыталъ я самъ, переѣзжая Шипку, верхомъ, 14-го января. Еще наканунѣ я послалъ свою коляску на перевалъ; ее только одну, а не всѣ повозки гражданской канцеляріи обѣщали, по возможности, пропустить безъ задержекъ. Для обезпеченія ея движенія, въ помощь тройкѣ хорошо кормленыхъ лошадей, наняты были три пары буйволовъ съ тремя погонщиками. Эти люди,

вмѣстѣ съ моимъ кучеромъ и денщикомъ, могли, гдѣ бы оказалось нужнымъ, передвинуть экипажъ на рукахъ. Для лошадей и буйволовъ были взяты достаточные запасы фуража. Я надѣялся, что, при такихъ условіяхъ, коляска уже будетъ ждать меня въ Казанлыкѣ, а между тѣмъ настигъ ее на перевалѣ, и въ Казанлыкъ она прибыла лишь вечеромъ 16-го числа, послѣ трехдневнаго пути.

Тѣснота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевала была настолько велика и непривычную къ горамъ русскую лошадь иногда приходилось такъ близко пускать по самому обрыву кручи, что опасно было оставаться верхомъ; приходилось слѣзать и идти пѣшкомъ. Обозъ канцеляріи гражданскихъ дѣлъ выступилъ изъ Габрова 16-го; 18-го подошелъ только къ подножью горы Св. Николая, а 19-го вечеромъ прибылъ въ Казанлыкъ, гдѣ измученнымъ людямъ и лошадямъ пришлось дать дневку. Столь быстрое относительно прохожденіе черезъ Шипку происходило потому, что о немедленномъ пропускѣ канцеляріи прислано было генералу Лошкареву (коменданту Шипки) особое приказаніе изъ главной квартиры. 21-го наша канцелярія вышла изъ Казанлыка и 25-го вечеромъ пришла въ Адріанополь, переѣхавъ отъ Германлы по желѣзной дорогѣ.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и Англія въ Турціи въ 1876 — 1877 гг.

(Страница изъ современной исторіи).

Въ первой книжкѣ «Revue d'historie diplomatique» за текущій годъ появилось начало историческаго очерка, озаглавленнаго «Англія и Россія на Востокѣ 1876—1877 гг.». Редакція обозрѣнія не сочла возможнымъ сообщить имени автора этого очерка, умершаго нынѣ дипломата (какъ она заявляетъ). Обстоятельство это однако нисколько не умаляетъ значенія самаго труда, обнаруживающаго въ авторѣ близкое знакомство съ предметомъ и, въ особенности, съ дѣятельностью ближайшихъ участниковъ событій, предшествовавшихъ русско-туренкой войнѣ.

Распознать истину—такова задача, которую поставилъ себѣ авторъ, сознавая въ то же время ясно и всю трудность ея.

Приводимъ его слова:

«Несмотря на печать, вѣщающую на всѣ четыре стороны, на телеграфъ, на разныя книги: «синія, желтыя и красныя», современные намъ историки передадутъ грядущимъ поколѣніямъ лишь истину, приправленную личною оцѣнкою газетныхъ писателей, оффиціальными рѣчами министровъ и разъясненіями, полными недомолвокъ, дѣлаемыми въ парламентахъ и на политическихъ сходкахъ. Лишь много позднѣе безпристрастному и терпѣливому изслѣдователю удастся, быть можетъ, открыть то, что для массы современниковъ осталось неизвѣстнымъ.

«Въ обнимаемую разсказомъ нашимъ эпоху стоустая молва, болѣе, чѣмъ когда-либо, находила благосклонныхъ слушателей, вѣрившихъ въ преувеличенныя и лживыя свѣдѣнія, настойчиво распространяемыя и истолковываемыя безъ всякой заботы объ истинѣ.

«Какихъ только драматическихъ зрѣлищъ Востокъ не представилъ намъ

въ ту пору? Банкротство страны, революція, низложеніе властелиновъ, массовое избіеніе населенія, безъ различія возраста и пола, насилія, грабежи, поджоги и, наконецъ, война между имперіею, признанною въ упадкѣ, и государствомъ, слывущимъ непобѣдимымъ и встрѣчающимъ неожиданное для него сопротивленіе.

«Не удивительно, что въ пылу расходившихся страстей, ложно объясняли происхожденіе тѣхъ и другихъ фактовъ и приписывали разныя дѣянія не тѣмъ, кому слѣдовало.

«Возстановить явленія въ ихъ истинномъ свѣтѣ и указать участіе и степень вины каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ разыгравшейся драмы — такова цѣль настоящаго труда».

Предлагая съ своей стороны русскимъ читателямъ переводъ означеннаго очерка, мы имѣемъ въ виду дать имъ богатый, несмотря на скромныя рамки, матеріалъ для ознакомленія съ тѣмъ, что принято называть «борьбою вліяній на Босфорѣ» и дать безпристрастную оцѣнку событій, на которыя привыкли смотрѣть черезъ призму извѣстныхъ вожделѣній, или негодованій, или разочарованій.

Идетъ ли рѣчь, какъ тогда, о болгарскихъ звѣрствахъ или, какъ нынѣ, объ устроеніи судьбы армянъ,или о возстановленіи нормальныхъ отношеній между Россіею и молодымъ болгарскимъ государствомъ,—во всемъ сквозитъ лишь одно, безпомощность Турціи, во всемъ чувствуется, что дѣло не въ армянахъ и не въ болгарахъ, а въ дальнѣйшихъ условіяхъ бытія имперіи османовъ и въ грядущей роли Россіи.

Поэтому, изучая внимательно все то, что творилось и творится въ Турціи, знакомясь съ разными отзывами о нашей дѣятельности въ разныя эпохи развитія Восточнаго вопроса, мы, русскіе, спокойно можемъ идти навстрѣчу всякимъ случайностямъ, во всеоружіи не однѣхъ лишь военныхъ силъ, но и подготовленности, исключающей и праздныя вожделѣнія и напрасныя разочарованія.

I.

Банкротство Турціи. — Безпорядокъ въ администраціи. — Турецкая конституція. — Низложеніе султана Абдулъ-Азиса. — Восшествіе на престолъ Мурада.

Извѣстно, что бѣда бѣду родитъ и бѣдой погоняетъ. Въ эпоху 1876 и 1877 годовъ, катастрофы обрушивались на Турцію одна за другою. Ихъ легко могъ предвидѣть всякій, кто обратилъ бы вниманіе на главныя причины волненій и смутъ, охватившихъ всю имперію.

Главнѣйшею изъ нихъ было финансовое разстройство. Уже съ дав-

нихъ поръ чрезвычайный источникъ государственнаго кредита, ставъ источникомъ обыкновеннымъ, порождалъ самыя прискорбныя злоупотребленія и безпредѣльно увеличивалъ дефицитъ. Накопленіе займовъ, заключенныхъ на тяжелыхъ условіяхъ, уплата по которымъ процентовъ и погашенія поглощала болѣе 14 мил. турецкихъ лиръ [1]) на 18 мил. общаго дохода,—довело государственную казну до полнаго истощенія и вызвало возвышеніе налоговъ и сборовъ, подрывавшихъ всѣ отрасли производительности въ ихъ источникѣ. Земледѣліе было угнетаемо, промышленность и торговля парализованы. Безпокойство и волненія обнаруживались во всей имперіи; недовольство проникало во всѣ слои общества и проглядывало всѣ яснѣе и яснѣе.

Къ разстройству финансовому вскорѣ присоединилась неурядица въ управленіи. Введенныя въ разныя эпохи реформы не только не доставляли населенію благоденствія, но, наоборотъ, лишь расшатали старый порядокъ вещей, и турецкіе чиновники или не хотѣли, или не умѣли согласовать своего образа дѣйствія съ требованіями новыхъ учрежденій. Отсюда двойственность, роковая для интересовъ управляемыхъ. Можно сказать, что чѣмъ реформы были радикальнѣе и глубже, тѣмъ бо́льшую смуту онѣ вносили въ обязанности должностныхъ лицъ, тѣмъ безсвязнѣе были получавшіеся результаты управленія. Для примѣра возьмемъ крупную реформу, извѣстную подъ именемъ «закона о вилаэтахъ». Законъ этотъ долженъ былъ возродить имперію осуществленіемъ столь усердно рекомендованной державами децентрализаціи. И что же? Единственнымъ послѣдствіемъ онъ имѣлъ то, что центральная власть была замѣнена властью в а л и (генералъ-губернатора области), ставшаго независимымъ отъ всякихъ учрежденій, чѣмъ-то въ родѣ проконсула, преспокойно заносившаго въ избирательные списки имена тѣхъ лицъ, которыя должны были войти въ составъ областнаго совѣта. Поэтому, эти члены совѣта, вмѣсто того, чтобы быть умѣряющимъ элементомъ необычайно обширной власти, дѣлались податливыми сотрудниками, порою даже настоящими соумышленниками.

Прочія реформы въ разныхъ отрасляхъ управленія не имѣли лучшей участи. Преподавать совѣты было легко посламъ и консуламъ; ихъ расточали и въ столицѣ, и въ провинціи. Для выработки законовъ былъ созданъ государственный совѣтъ; совѣты министерствъ должны были наблюдать за начальниками вѣдомствъ, т.-е. за министрами; совѣтъ префектуры направлялъ дѣятельность городскихъ совѣтовъ столицы. Наконецъ, переустройство судовъ всѣхъ инстанцій должно было завершить эту обширную сѣть реформъ. Осуществленіемъ желанія державъ по-

[1]) Турецкая лира стоитъ около 9 руб.

лагали даровать населенію имперіи всѣ благодѣянія хорошаго управленія и увеличить общее благосостояніе.

Но и тутъ, къ несчастью, событія не оправдали ожиданій. Законодатель могъ преобразовать учрежденія, но не могъ создать судей разумныхъ, образованныхъ и безкорыстныхъ, дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ администраторовъ. Человѣкъ ускользалъ отъ вліянія законодательства; онъ оставался, такъ сказать, продуктомъ нравовъ и обычаевъ, а нравы не передѣлаешь, какъ законы, однимъ почеркомъ пера. Поэтому суды, съ ихъ медлительностью и сложною процедурою, вызывали всеобщія жалобы.

Требуя исполненія массы формальностей и прохожденія черезъ безчисленныя іерархическія ступени, администрація какъ бы находила удовольствіе въ томъ, что ставила препятствія пользованію самыми священными правами и воздвигала затрудненія для самыхъ законныхъ ходатайствъ.

Если прибавить къ этому, что внѣшній видъ законности часто служилъ лишь прикрытіемъ для величайшей продажности, то не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что реформы, не достигнувъ цѣли, породили лишь развитіе недовольства, глухаго, но глубокаго и готоваго проявиться при первомъ благопріятномъ случаѣ.

Это еще не все. Положеніе осложнялось враждебностью отношеній мусульманъ къ христіанамъ.

Со времени уничтоженія буйной милиціи янычаръ и до Парижскаго трактата (1856 г.) нравы правовѣрныхъ существенно смягчились, и религіозный фанатизмъ значительно ослабѣлъ. Турки какъ будто поняли, что политическое существованіе ихъ находится въ зависимости отъ проявляемой ими терпимости; что они не могутъ требовать преобладанія надъ христіанскими народами имперіи, а должны предоставить имъ, на совершенно равныхъ условіяхъ, пользоваться всѣми правами и выгодами, даруемыми новыми учрежденіями. Равенство между побѣдителями и побѣжденными съ каждымъ днемъ пріобрѣтало почву и, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вспышекъ фанатическаго усердія и насилія надъ христіанами, можно было думать, что взаимная терпимость между мусульманами и христіанами была довольно искренна, и что они могли жить вмѣстѣ, подъ однимъ скипетромъ и подъ управленіемъ однихъ законовъ.

Но, странное дѣло! Европа, долгими и тяжелыми усиліями счастливо добившаяся нѣкотораго умиротворенія, побудила, сама того не сознавая, сыновъ ислама вернуться къ старымъ порядкамъ и оставить тотъ хорошій путь, на который они ступили [1]).

[1]) Что авторъ настоящаго изслѣдованія—французскій дипломатъ, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться; тѣмъ большее значеніе имѣетъ то обстоя-

Въ числѣ благодѣяній западной цивилизаціи, преподнесенныхъ Турціи, допущенной въ европейскій концертъ, находилась печать. Съ ея ежедневными вызовами, съ ея неоспоримымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, печать является могучимъ рычагомъ и обоюдо-острымъ оружіемъ. Была ли она благодѣяніемъ для Турціи? Не знаемъ. Какъ бы то ни было, она не замедлила быстро развиться и облюбовать въ коллекціи современныхъ утопій п р и н ц и п ъ національностей, и сдѣлать его предметомъ особаго изученія съ точки зрѣнія ислама. Она указала на солидарность и узы, порождаемыя въ народахъ общностью крови и вѣры и обезпечивающія, при объединеніи всѣхъ силъ, національное величіе и сохранность политическаго и церковнаго принципа. Почему рядомъ съ славизмомъ, германизмомъ и эллинизмомъ не занять мѣсто на солнышкѣ и исламизму? По численности въ имперіи онъ превосходитъ всѣ остальные. Постепенно увлекаясь, редакторы турецкихъ газетъ, по ихъ собственному признанію, незнавшіе до послѣдняго времени общаго числа мусульманъ на земномъ шарѣ, приняли и возвѣстили съ гордостью цифру въ 240 милліоновъ, число это больше дѣйствительнаго на 100 милліоновъ, но таковы уже были настроеніе и степень увлеченія. Что касается самой религіи, то, опираясь на хвалы и симпатію нѣкоторыхъ выдающихся писателей Франціи и Англіи, они давали понять, что съ очей ихъ спадала завѣса:—читатели турецкихъ газетъ нерѣдко находили въ нихъ угрозы какой-то отмести, какой-то борьбы на жизнь и смерть, какого-то сокрушительнаго задора по адресу христіанства со стороны ислама, объединеннаго и неумолимаго. Этотъ походъ усилился настолько, что нѣкоторые серьезные люди повѣрили существованію организаціи, уже дѣйствующей, на подобіе франкмасонству, насчитывающему въ своихъ ложахъ изрядное число мусульманъ.

Думали, что шла подземная работа, направленная къ объединенію и сліянію правовѣрныхъ въ разныхъ частяхъ свѣта къ общему и одновременному возстанію противъ властителей.

Нашлись поэтому люди, которые прокричали «янгинъ варъ» (пожаръ!).

тельство, что Парижскій конгрессъ обозначенъ имъ какъ событіе з а в е р ш а ю щ ѣ е эпоху умиротворенія внутренней политической жизни Турціи, начавшуюся съ момента истребленія янычаръ (въ 1826 г. при султанѣ Махмудѣ II) Этимъ авторъ рѣшительно уничтожаетъ укоренившуюся среди французскихъ исторіографовъ и публицистовъ легенду (ея придерживаются такіе выдающіеся новѣйшіе изслѣдователи какъ Alphonse d'Avril, P. de la Gorce и др.)— что парижскій трактатъ, введя Турцію въ семью Европейскихъ государствъ, положилъ начало ея мирному и нормальному развитію. Трактатъ этотъ, какъ теперь вполнѣ выяснилось, положилъ начало смутамъ, приведшимъ къ послѣдней (1877 г.) русско-турецкой войнѣ, и до сей поры характеризующимъ внутреннюю жизнь Турціи. П е р е в.

Достовѣрно то, что турки продолжали содержать многочисленныхъ эмиссаровъ въ странахъ ислама.

Этимъ объясняется готовность, съ которою мусульманскіе царьки Кокана, Кашгара, Бухары и Кабула посылали привѣтствія халифу, о существованіи котораго какъ будто не знали въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Отправляя къ нему спеціальныхъ пословъ, они ясно доказывали, что примыкали къ святой лигѣ. Во всякомъ случаѣ, для насъ нѣтъ сомнѣнія, что среди сыновъ пророка неожиданно пробудились патріотизмъ и приверженность къ вѣрѣ.

Такое расположеніе и такія чувства въ мусульманахъ Турціи, бредившихъ исламизмомъ, позволяли предвидѣть, что правовѣрные отнынѣ сбавятъ терпимости по отношенію къ христіанскому населенію или встанутъ къ нему въ недоброжелательныя отношенія.

Какая же степень отвѣтственности въ смутѣ и печальномъ положеніи имперіи выпадала на долю ея повелителя?

Въ послѣдніе годы своего царствованія султанъ Абдулъ-Азисъ не былъ популяренъ въ своемъ народѣ, и до нѣкоторой степени—заслуженно. Онъ пренебрегалъ обрядами религіи и даже по пятницамъ, за полдневной молитвой, не нагибался, не преклонялъ колѣнъ и не дѣлалъ всѣхъ требуемыхъ движеній головой и руками.

Въ извиненіе приводили тучность монарха, опасность прилива крови къ головѣ. Но это касалось однихъ правовѣрныхъ. Но какъ правовѣрные, такъ и гяуры (христіане) единодушно упрекали его въ расхищеніи казны и въ накопленіи въ подвалахъ громадныхъ, по народному представленію, запасовъ денежныхъ цѣнностей и драгоцѣнныхъ металловъ. Его упрекали, наконецъ, рядомъ съ ненасытной алчностью, въ безумныхъ расходахъ, которые онъ считалъ возможнымъ производить на украшеніе многочисленныхъ дворцовъ, на звѣринецъ, которымъ онъ лично занимался, на всякаго рода вооруженія, на броненосные корабли, построенные въ Лондонѣ, на пушки, заказанныя въ Германіи, и на ружья всякихъ образцовъ, сотнями тысячъ закупаемыя въ Америкѣ и Бельгіи.

Вооруженія эти, признаваемыя тогда излишними, стоили громадныхъ денегъ, благодаря установленнымъ поставщиками цѣнамъ, и нанесли окончательный ударъ турецкимъ финансамъ.

По убѣжденію многихъ лицъ, страсть султана къ рѣдкимъ животнымъ всякихъ породъ была очевиднымъ доказательствомъ дѣйствительнаго безумія.

Непопулярность Абдулъ-Азиса была такова, что о сдержанности въ отзывахъ о немъ не было и рѣчи. Мусульмане, менѣе христіанъ за себя опасавшіеся, не стѣснялись, при проѣздѣ султана, громко произносить на улицахъ, въ кофейняхъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ самые оскорбительные о немъ отзывы и посылать ему проклятія,—многозначительный

признакъ недовольства, которое, очевидно, должно было прорваться при первомъ благопріятномъ случаѣ или даже при пустомъ предлогѣ.

Такой предлогъ скоро представился.

Къ концу лѣта 1875 года, назначеніе Махмудъ-Недима-паши великимъ визиремъ возбудило среди безъ того уже сильно раздраженныхъ мусульманъ всѣхъ классовъ волненіе, принявшее угрожающіе размѣры.

Султанъ, дѣйствительно, не могъ сдѣлать болѣе несчастнаго выбора. Слывя за человѣка, проданнаго Россіи, новый великій визирь имѣлъ за собою прошлое, не симпатичное для турокъ: своеволіе, съ которымъ онъ, за время прежняго бытія у дѣлъ, сокращалъ число чиновниковъ разныхъ министерствъ, ради облегченія бюджета.

Невѣжественный и недальновидный Махмудъ понималъ лишь коренныя и суровыя мѣры, ни мало не заботясь объ ихъ послѣдствіяхъ. Честность его была болѣе чѣмъ сомнительна. Его обвиняли, между прочимъ, въ присвоеніи 100 тыс. турецкихъ фунтовъ, внесенныхъ «Оттоманскимъ Кредитомъ» въ счетъ сдѣланнаго государственнаго займа. Какъ бы то ни было, но ему слѣдуетъ отдать справедливость, что онъ былъ рѣдкой твердости характера и большой личной храбрости, которую проявлялъ неоднократно, пренебрегая народнымъ гнѣвомъ и, между прочимъ, по случаю своего увольненія. Принявъ въ Портѣ посланнаго султана, которому поручено было отобрать у него государственную печать, Махмудъ, менѣе удивленный своею отставкою, чѣмъ раздраженный слабостью, проявленною султаномъ по отношенію къ мятежникамъ, быстро спустился во дворъ; здѣсь, увидѣвъ, что его карета еще не запряжена, онъ смѣло пошелъ пѣшкомъ, пройдя твердымъ шагомъ между шпалерами вооруженныхъ солдатъ, высокомѣрно оглядывая послѣднихъ и зная при этомъ, что его смѣстили по ихъ требованію и что они легко могли произвести надъ нимъ кровавую расправу.

Въ эпоху, когда приходилось постоянно усмирять бунты янычаръ, во времена Солимана I или Мурада IV, Махмудъ былъ бы, благодаря своимъ особымъ качествамъ, выдающимся государственнымъ человѣкомъ; но въ критическую пору, переживаемую Турціею въ эту минуту, назначеніе подобнаго министра не могло не вызвать катастрофы. Такъ и случилось.

Декретъ 6-го октября,—въ силу котораго отсрочивалась уплата половины процентовъ по государственному долгу, временно консолидированному ради того, чтобы отложить платежъ на пять лѣтъ,—изданный безъ обсужденія его въ совѣтѣ министровъ, безъ совѣщанія съ кредиторами, и въ невѣдѣніи о томъ, наступитъ ли вообще возможность выполнить новыя обязательства—декретъ этотъ въ конецъ раздражилъ общественное мнѣніе противъ монарха и его перваго совѣтника. Ошибку эту поспѣшили, конечно, приписать генералу Игнатьеву.

Кому же другому! Тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ ради установленія истины, что декретъ этотъ не только не былъ изданъ по совѣту генерала Игнатьева, но что послѣдній ничего не зналъ о подобномъ проектѣ. Дѣйствительно, на другой день послѣ обнародованія декрета, великій визирь отправился въ Буюкдере извиниться передъ русскимъ посломъ въ томъ, что онъ его предварительно не извѣстилъ; Махмудъ сослался на султана, распорядившагося безъ вѣдома своихъ министровъ. Но Махмудъ не былъ ни откровененъ, ни добросовѣстенъ. Если, дѣйствительно, совѣтъ министровъ спрошенъ не былъ, то, съ другой стороны, по приказанію султана, опасавшагося сопротивленія со стороны Англіи, къ одному именитому дипломату—представителю королевы Викторіи—обратились съ просьбою дать свое мнѣніе. И сэръ Генри Эллiотъ—фактъ нынѣ установленный—получивъ соотвѣтствующія приказанія графа Дерби, заявилъ Портѣ отъ имени своего правительства, что мѣра сама по себѣ чрезвычайно важна, но что Англія, вѣрная своимъ принципамъ и договорамъ, «ни въ какомъ случаѣ не вмѣшается въ вопросъ внутренняго управленія и въ отношенія султана къ его подданнымъ».

«Вопросъ внутренняго управленія», когда англичане были заинтересованы на 80 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ!

Англія не хотѣла вмѣшиваться въ «отношенія султана къ его подданнымъ», когда большинство займовъ было заключено въ Англіи, съ англійскими компаніями и капиталистами!

Султанъ не безъ основанія опасался рекламацій этихъ капиталистовъ и вмѣшательства британскаго правительства, но графъ Дерби успокоилъ его величество и объявилъ, что англичане, ссужая свои деньги, подчинились декретамъ турецкаго правительства, не заботясь о заключенныхъ контрактахъ!

Очевидно, документы, относившіеся до этого дѣла, въ «Синюю книгу» не попали; въ эту знаменитую книгу включаютъ лишь то, что съ руки министерству, и то послѣ тщательной переборки. Что удивительнаго въ томъ, что лондонскій кабинетъ не желалъ принять передъ публикою отвѣтственности за мѣру, причиняющую разореніе англійскихъ владѣльцевъ ренты и капиталистовъ! Онъ поэтому тщательно скрылъ документы, могущіе доказать его преступное потворство въ этомъ дѣлѣ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на вліяніе, которымъ онъ пользовался въ Диванѣ, сэръ Генри Эллiотъ не безъ озабоченности взиралъ на значеніе, которое онъ приписывалъ своему русскому коллегѣ, и близость отношеній великаго визиря къ генералу Игнатьеву все болѣе и болѣе омрачала представителя Англіи. Близость была несомнѣнна, и сердечное соглашеніе между русскимъ посломъ и Махмудъ-пашою пріобрѣло вскорѣ, въ глазахъ сэра Генри Эллiота, размѣры весьма важнаго обстоятельства. Когда, благодаря разоблаченіямъ враговъ Махмуда,

Элліотъ получилъ, какъ ему казалось, доказательства того, что великій визирь служилъ посредникомъ между султаномъ и генераломъ Игнатьевымъ, убѣждавшимъ Абдулъ-Азиса, въ выгодахъ русско-турецкаго союза и сердечнаго соглашенія между Россіей и Турціей, соглашенія, которое неминуемо подчинило бы послѣднюю первой, въ ущербъ интересамъ Запада,—представитель королевы Викторіи пришелъ въ сильное безпокойство. Вліяніе его страны столько же, сколько и его служебный кредитъ, не говоря уже о его личномъ тщеславіи, казались ему подорванными; явилось опасеніе, что въ недалекомъ будущемъ они потерпятъ окончательное крушеніе. Слѣдовало во что бы то ни стало положить предѣлъ фальшивому и невыносимому положенію англійской дипломатіи въ Турціи, а въ виду важности обстоятельствъ, не было времени думать о выборѣ средствъ. Элліотъ показалъ себя, къ великому изумленію публики, выдающимся заговорщикомъ и любителемъ государственныхъ переворотовъ.

Недовольные изъ высшихъ сферъ были многочисленны и нетерпѣливы. Недовольство ихъ на султана и на Махмуда, безъ того уже значительное, возросло еще болѣе при мысли, что послѣдніе дѣйствуютъ въ согласіи съ Россіею. Такъ какъ посолъ Англіи искренно вѣрилъ въ существованіе такого соглашенія, то имъ не трудно было привлечь на свою сторону Элліота, который сталъ союзникомъ Мидхата-паши, Халиль-Шерифъ-паши, Ахмеда-паши и еще нѣсколькихъ другихъ, менѣе выдающихся личностей.

Вся зима 1875—1876 года прошла въ совѣщаніяхъ о томъ, какъ спасти имперію отъ губящихъ ее султана и его великаго визиря. Остановились на проектѣ конституціи, приспособленной къ политическому положенію страны, и редакцію поручили французскому адвокату Бардану (Bardant). Цѣлью было наложить узду на своеволіе султана, на его расточительность, на растрату имъ казенныхъ денегъ и, заодно, положить предѣлъ постояннымъ требованіямъ Россіи о введеніи реформъ. Реформаторы и не подозрѣвали, что эта конституція въ широкой мѣрѣ содѣйствовала тому, что Россія рѣшилась взяться за оружіе, несмотря на конференціи, протоколы и на согласіе кабинетовъ на всѣ ея, Россіи, взгляды, требованія и желанія.—Но вернемся къ разсказу.

Для осуществленія задуманнаго предпріятія необходимо было, за отсутствіемъ министерскаго почина, располагать народомъ или, по крайней мѣрѣ, какимъ-либо изъ его элементовъ. Оказалось не труднымъ заручиться содѣйствіемъ молодыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ софтовъ или учениковъ богословія, имѣвшихъ всегда претензію быть оффиціальными органами народа и прирожденными защитниками вѣры. Рѣшили воспользоваться политическимъ и религіознымъ возбужденіемъ софтовъ, подговоривъ ихъ потребовать смѣщенія великаго визиря и ве-

ликаго муфти—что было для вожаковъ движенія главною цѣлью.—Отъ себя они прибавили pium desideratum—отозваніе генерала Игнатьева.

Манифестація эта, какою бы мирною она ни была, должна была быть исполненной людьми вооруженными, иначе она не имѣла бы должнаго значенія и не достигла бы цѣли. Въ нѣсколько дней, какъ по мановенію волшебника, у софтовъ оказалось оружіе всевозможное, старое и новое, всякихъ размѣровъ и формъ. Оружейники столицы и пригородовъ продали весь товаръ по баснословнымъ цѣнамъ молодымъ людямъ въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, которые всегда слыли за голяковъ, содержались на счетъ мечетей и ходили оборванцами.

Этотъ захватъ оружія, произведенный воинственными студентами, произвелъ въ Перѣ, въ Галатѣ и во всѣхъ кварталахъ, населенныхъ христіанами, полную панику. Сомнѣній не было: мусульмане готовились къ рѣзнѣ христіанъ. Объятые ужасомъ и опасающіеся быть захваченными врасплохъ, христіане кинулись къ оружейникамъ и разобрали по еще болѣе баснословнымъ цѣнамъ всякіе залежавшіеся остатки. По самому умѣренному исчисленію можно опредѣлить въ 15.000 число ружей и пистолетовъ, купленныхъ за эти дни паники. Но особенное удивленіе вызывало то обстоятельство, что въ рукахъ софтовъ было золото, и что они платили по 7, 8 и 10 фунтовъ стерлинговъ за револьверъ. Откуда же эти молодые оборванцы брали деньги, которыя оказывались въ ихъ карманахъ? Всеобщее любопытство было вскорѣ удовлетворено.

Съ нѣкотораго времени въ Константинополѣ проживалъ нѣкій англичанинъ, обнаруживавшій пылкія симпатіи къ Турціи и къ туркамъ. Онъ, естественно, весьма скоро завелъ многочисленныя знакомства среди выдающихся мусульманъ. Ахмедъ-Вефинъ-еффенди, сдѣлавшійся потомъ предсѣдателемъ палаты депутатовъ, былъ въ то время однимъ изъ главарей партіи недовольныхъ. Онъ взялся обучить англичанина религіи и посвятить въ знаніе гражданскихъ и политическихъ учрежденій ислама. Монроэ-Боттеръ-Джонстонъ, новопосвященный, не желалъ терять ни одной минуты въ дѣлѣ пріобщенія къ такимъ же чувствамъ своихъ соотечественниковъ; въ серіи писемъ, изданныхъ впослѣдствіи въ одной брошюрѣ, онъ дѣлаетъ сравненіе между Евангеліемъ и кораномъ, между христіанскою семьею и гаремомъ и между государственными учрежденіями главныхъ европейскихъ странъ и Турціи. Выводъ его заключается въ пожеланіи всякихъ благъ «славному мусульманскому племени».

Начало было прекрасное, и останавливаться на полпути не слѣдовало. Посвященный во всѣ проекты заговорщиковъ, онъ узналъ о совершенномъ недостаткѣ денежныхъ средствъ и, счастливый сознаніемъ, что принимаетъ участіе въ движеніи, имѣющемъ возродить этотъ до-

стославный народъ, взялся достать необходимые на вооруженіе софтовъ фонды. Прежде всего онъ самъ внесъ на это доброе дѣло сумму въ 4.000 фунтовъ стерлинговъ, затѣмъ открылъ подписку въ Лондонѣ и въ Константинополѣ, что и дало нужныя деньги, поступавшія прямо въ карманъ счастливыхъ софтовъ.

Въ то время, какъ шли дѣятельныя подготовленія къ этой революціонной манифестаціи (начало апрѣля 1876 г.), консулы въ Салоникахъ настойчиво извѣщали пословъ въ Константинополѣ о признакахъ возростающаго среди мѣстныхъ мусульманъ возбужденія противъ христіанъ и иностранцевъ. И тѣхъ и другихъ обвиняли въ разореніи страны, благодаря поглощенію большей части доходовъ казны уплатою процентовъ по ихъ ссудамъ. Имъ же приписывали нравственное паденіе страны, такъ какъ ихъ наущенія и совѣты клонились къ требованію такихъ реформъ, которыя безслѣдно уничтожили бы политико-церковныя учрежденія имперіи. Кромѣ того, эти консулы, вынуждаемые быть особенно бдительными, указывали на одно изъ обстоятельствъ, могущее дать поводъ къ кровавой расправѣ, а именно—на похищеніе богатымъ мусульманиномъ болгарской дѣвушки, родители которой собирались требовать ея возврата съ оружіемъ въ рукахъ.

Созваннымъ генераломъ Игнатьевымъ, старѣйшиною дипломатическаго корпуса, посламъ было тотчасъ же предложено обсудить форму, въ которой надлежало обратить вниманіе Порты на опасность угрожающую общественному спокойствію въ Салоникахъ, и пригласить ее дѣйствовать. На власти, которыя были о томъ предупреждены, возлагалась отвѣтственность за могущіе произойти безпорядки. Одинъ, изъ всѣхъ коллегъ, сэръ Генри Эллiотъ отказался присоединиться къ такому шагу: онъ сослался на то, что англійскій консулъ Блёнтъ сообщилъ ему самыя успокоительныя свѣдѣнія, и что ходящіе по этому предмету слухи имѣютъ цѣлью лишь вызвать скандалъ и обезславить администрацію Порты. Послы ограничились тѣмъ, что оффиціозно обратились къ турецкому правительству, указавъ ему на необходимость принять мѣры предосторожности.

Нѣсколько дней спустя телеграфъ принесъ извѣстіе объ избіеніи французскаго и германскаго консуловъ. Старѣйшина дипломатическаго корпуса снова созвалъ своихъ коллегъ, и старый баронъ Вертеръ, германскій посолъ, съ живостью, которой въ немъ доселѣ не подозрѣвали, обратился къ Эллiоту со словами: «ну что, господинъ посолъ, полагаете вы теперь, что опасность, на которую мы указывали, была дѣйствительная?» Сэръ Генри Эллiотъ, сначала нѣсколько сконфуженный, не счелъ себя побѣжденнымъ и политики своей не измѣнилъ. Дѣйствительно, когда Порта учредила надъ виновными чрезвычайный судъ (съ участіемъ консуловъ), тотъ же Блёнтъ взялся за оффиціозную защиту

обвиняемыхъ; онъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы уменьшить строгость наказаній и кончилъ тѣмъ, что добился смягченія для главнаго виновнаго, Мехметъ-Рефеэтъ паши, который былъ приговоренъ лишь къ смѣщенію и къ временному заключенію. Чтобы дать нѣкоторое удовлетвореніе возмущенному обществу, повѣсили вмѣстѣ съ двумя неграми, гораздо менѣе другихъ виновными, пять человѣкъ изъ числа приговоренныхъ къ вѣчной каторгѣ, и поплатившихся жизнью за преступленія, совершенныя лицами вліятельными. Послѣдніе находились подъ покровительствомъ мусульманскаго общества и англійскаго консула, хотя одна изъ жертвъ, германскій консулъ Абботъ, былъ великобританскимъ подданнымъ!

Въ Константинополѣ всѣ еще находились подъ впечатлѣніемъ этой кровавой драмы, когда въ одинъ изъ майскихъ дней 1876 г., софты, въ числѣ отъ 5 до 6 тысячъ, показались на главной улицѣ, ведущей отъ моря къ зданію Порты. Подъ ихъ лохмотьями видно было оружіе, умышленно плохо скрываемое. Вслѣдъ за тѣмъ они отправили своихъ делегатовъ, которымъ поручено было изложить ихъ желанія. Навстрѣчу имъ поспѣшили выслать камергера. Требованія ихъ уже намъ извѣстны; они добавили лишь, что требуютъ, чтобы Мидхатъ-паша замѣстилъ Махмуда, а Хайрулла-еффенди былъ назначенъ шейхъ-уль-исламомъ. Камергеръ обѣщалъ передать ихъ желанія султану. По вопросу о высылкѣ русскаго посла камергеръ замѣтилъ, что это дѣло весьма щекотливое, что монархи сами назначаютъ своихъ представителей, и было бы осторожнѣе не настаивать, чтобы не вызвать международныхъ осложненій. Софты великодушно съ этимъ согласились и отказались отъ означеннаго desideratum'a.

Съ своей стороны султанъ, изъ осторожности ли, или по слабости, не счелъ нужнымъ противодѣйствовать мятежу и пошелъ на сдѣлку. Дѣйствительно, уже на другой день онъ издалъ указъ о смѣщеніи Махмуда-паши и назначеніи на его мѣсто Мехмеда-Рушди, вмѣсто Мидхата, котораго требовали мятежники; но онъ дѣлалъ имъ уступку, назначивъ Хайрулла-еффенди на должность шейхъ-уль-ислама.

По какимъ причинамъ Абдулъ-Азисъ пошелъ на сдѣлку? Не зная ихъ, трудно оцѣнить принятое имъ рѣшеніе. Но намъ извѣстно, что онъ съ живостью созналъ всю важность манифестаціи и значеніе вырванной у него съ оружіемъ въ рукахъ уступки; утверждаютъ, что онъ съ совершенною ясностью усмотрѣлъ всѣ послѣдствія своего положенія.

Выросшій, какъ всѣ прочіе мусульманскіе принцы, внутри гарема, внутри женщинъ и евнуховъ, Абдулъ-Азисъ тѣмъ не менѣе невѣждою не былъ. Знакомый съ литературою Востока, онъ слылъ, по изяществу слога, за лучшаго редактора въ оффиціальной сферѣ. Кромѣ того, онъ былъ богато одаренъ тѣмъ царственнымъ здравымъ смысломъ, который во многихъ

случаяхъ предпочтительнѣе блеску ума и даетъ возможность угадывать то, чего не знаешь. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ немъ было глубокое чувство личнаго достоинства, какъ человѣка и какъ монарха, чему отдавали справедливость даже мало расположенные къ нему дипломаты. Тѣмъ же, которые обвиняли его въ недостаткѣ патріотизма, приходится нынѣ молчать, при видѣ того почтеннаго сопротивленія, которое Турція оказала русскимъ войскамъ, благодаря, главнымъ образомъ, громаднымъ запасамъ всякаго оружія, накопленнымъ султаномъ за пятнадцать лѣтъ царствованія путемъ значительныхъ расходовъ. Вѣрно то, что онъ постоянно помышлялъ о доставленіи странѣ возможности самой защищаться, на случай, если бы, при нападеніи одного изъ сосѣдей ея, союзники ее покинули.

Но у всякаго смертнаго—свои недостатки. Алчность Абдулъ-Азиса доходила до безумія и затмевала его качества. По его низложеніи, въ его бумагахъ нашли чекъ на 2 милліона піастровъ, подписанный англійскими финансистами, которымъ была поручена конверсія государственнаго долга. Тѣмъ не менѣе предполагаемыхъ сокровищъ, число которыхъ въ представленіи толпы доходило до невѣроятныхъ размѣровъ, вовсе не оказалось. Вмѣсто 50 милліоновъ турецкихъ фунтовъ (около 450 милл. рублей), которые думали найти въ подвалахъ сераля, нашли лишь 80 тысячъ фунтовъ золотомъ и 7 милліоновъ бумагами государственнаго долга, приблизительной цѣнности въ 2 милліона фунтовъ. Обстоятельство это, конечно, грѣха не умаляетъ, въ особенности, если вспомнить, что это накопленіе цѣнностей производилось всемогущимъ главою государства и притомъ за время безденежья въ казнѣ.

Понятно, что Абдулъ-Азисъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ значеніи мятежа софтовъ. Его личной власти, до сей поры абсолютной, нанесенъ былъ тяжелый ударъ, и бунтъ породилъ новую власть, съ которою отнынѣ приходилось считаться. Легко догадаться, что султанъ испыталъ рѣзкое чувство злобы и имѣлъ, какъ говорятъ, неосторожность неоднократно упоминать, что, какъ отецъ его, который уничтожилъ янычаръ, и онъ порѣшитъ съ безпокойными софтами, собирающимися похитить часть верховной власти. Рѣчи эти, истолковываемыя и видоизмѣняемыя, смотря по степени страстности недовольныхъ, внесли безпокойство въ ряды заговорщиковъ. Задавали себѣ вопросы, на кого разсчитываетъ султанъ, если онъ дѣйствительно думаетъ привести въ исполненіе предпринятое имъ дѣло. Полагали, что за него не окажется ни армія, ни народъ; и на кого, въ самомъ дѣлѣ, разсчитывать для уничтоженія столь чтимаго сословія законниковъ, прирожденныхъ защитниковъ вѣры? Тѣмъ не менѣе рѣшительный характеръ султана и цѣна, которую онъ придавалъ неприкосновенности своей власти, въ данное время порядочно поколебленной, укрѣпляли слухъ, который распространялся все болѣе и

болѣе. Министерство заволновалось и вскорѣ какъ великій визирь, Мехмедъ-Рушди-паша, такъ и Хайрулла-еффенди перешли на сторону заговорщиковъ. Имъ не трудно было привлечь и главныхъ должностныхъ лицъ Сераля. Съ этой минуты султанъ очутился окруженнымъ шпіонами и доносчиками, каковыми стали всѣ тѣ, кто къ нему былъ близокъ и на кого онъ, какъ ему казалось, могъ разсчитывать.

Пока министерство пыталось выяснить истинныя намѣренія султана относительно софтовъ, по столицѣ султана распространились слова, приписываемыя на этотъ разъ русскому послу и довѣрительно сказанныя, какъ говорили, проживавшему еще въ столицѣ Махмуду-пашѣ. Генералъ Игнатьевъ будто бы сказалъ бывшему великому визирю, что если только султанъ пожелаетъ упрочить свою власть и избавиться отъ мятежныхъ студентовъ-богослововъ, императоръ Александръ будетъ радъ предоставить для этой цѣли въ его распоряженіе 40.000 солдатъ.

Въ словахъ этихъ нашли полную разгадку: султанъ, для истребленія своихъ законовѣдовъ, разсчитывалъ на Россію. Полагали, что русскій царь охотно займется полицейскимъ надзоромъ у своего сосѣда, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить за собою преобладающее вліяніе на Востокѣ.

Вскорѣ о соглашеніи Абдула-Азиса съ Россіею стали говорить съ такою положительностью, что общественные толки превратились въ увѣренность. Опасность показалась неминуемою, и сочли долгомъ придти къ какому-либо рѣшенію, не теряя времени.

Въ числѣ признаковъ, наиболѣе существенныхъ и важныхъ въ глазахъ вожаковъ государственнаго переворота, признаковъ, имѣвшихъ значеніе самыхъ блестящихъ доказательствъ, было сооруженіе дороги въ Азію, между Бейкосомъ [1]) и Ривою, предназначаемой для перевозки русскихъ войскъ къ Босфору. На дѣлѣ, дорога эта уже два года какъ строилась на счетъ Абраамъ-паши, агента египетскаго вице-короля. Она должна была соединить пріобрѣтенныя имъ въ этой мѣстности имѣнія. И вотъ въ чемъ заключалось наиболѣе вѣское доказательство приписываемаго султану проекта прибѣгнуть къ оккупаціи страны русскими войсками. По этому можно судить, каковы были другія доказательства.

Какъ бы то ни было, но опасность казалась неминуемою, и съ этой минуты сверженіе Абдулъ-Азиса было рѣшено, ради спасенія государства, расшатаннаго, благодаря личной алчности монарха и произведеннымъ имъ безумнымъ расходамъ на постройки и вооруженія. Неужели мыслимо было допустить его нанести послѣдній ударъ имперіи призывомъ чужеземца для укрѣпленія поколебленной своей власти?

Сэръ Генри Эллiотъ, не желая навлекать на себя упрека въ томъ, что не устранилъ своевременно опасности, по телеграфу просилъ свое

---

[1]) Мѣстечко противъ Буюкдере, по ту сторону Босфора.

правительство прислать флотъ въ Безикскую бухту, близъ Дарданеллъ. Онъ увѣрилъ, что предстоитъ занятіе Босфора русскими войсками и что было необходимо не дать себя захватить врасплохъ. Англійскій кабинетъ повѣрилъ на слово своему послу, и флотъ, собранный сначала въ Пиреѣ, съ двойнымъ экипажемъ на каждомъ суднѣ для того, чтобы выставить, въ случаѣ нужды, турецкіе броненосцы, прибылъ въ Безикскую бухту.

Но, одновременно съ этимъ, графъ Дерби потребовалъ отъ Элліота доказательствъ предполагаемаго занятія русскими турецкой территоріи, въ виду необходимости оправдать передъ парламентомъ появленіе англійскихъ морскихъ силъ у входа въ Дарданеллы.

На этотъ разъ посолъ королевы Викторіи оказался въ большомъ затрудненіи. Въ подтвержденіе ожидавшейся оккупаціи не оказывалось никакого документа, и онъ не имѣлъ возможности привести никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ смутныхъ толковъ, не имѣвшихъ въ глазахъ людей серьезныхъ никакого значенія. Онъ обратился, тѣмъ не менѣе, къ Халиль-Шерифу-пашѣ, который первый увѣрилъ, что проектъ соглашенія существуетъ. Чтобы вывести изъ затрудненія даромъ попавшагося въ просакъ британскаго дипломата, паша взялся за составленіе меморіи о секретныхъ переговорахъ султана съ генераломъ Игнатьевымъ.

Но представленная меморія показалась графу Дерби столь пустою, что отправленіе флота къ Безику онъ объяснилъ парламенту какъ мѣру предосторожности, имѣющую цѣлью оградить соплеменниковъ отъ насилій, которымъ они могли подвергнуться со стороны фанатически возбужденныхъ мусульманъ. Дѣйствительно, во время паники, когда софты скупали все наличное оружіе, англійская колонія въ Константинополѣ, просила прислать военныя суда для оказанія ей дѣйствительнаго покровительства. Любопытно, что Элліотъ отвѣтилъ тогда своимъ соотечественникамъ самыми успокоительными увѣреніями относительно настроенія мусульманъ и не обязался вызывать броненоснаго флота, для охраны колоніи.

Нужно ли говорить, что не въ «Синей книгѣ», а въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ слѣдуетъ искать документы, относящіеся до этой странной мистификаціи. Какъ бы то ни было, но, принявъ въ принципѣ рѣшеніе свергнуть султана съ престола, министры сочли нужнымъ поспѣшить исполненіемъ затѣяннаго ими дѣла, вслѣдствіе необычнаго положенія, принятаго монархомъ. Дѣйствительно, на аудіенціи, на которую они были созваны (15 мая), министры заподозрили, что Абдулъ-Азисъ узналъ о заговорѣ, направленномъ или противъ него самого, или противъ его власти. Въ этотъ день султанъ, болѣе озабоченный, чѣмъ обыкновенно, положеніемъ имперіи, проявилъ чрезвычайное недовольство своимъ совѣтникамъ и безъ удержу порицалъ всѣ ихъ распоряженія.

Взоръ его былъ гнѣвенъ; голосъ, движенія,—все выдавало столь сильное волненіе, что министры, по словамъ одного изъ нихъ, опасались быть тутъ же арестованными.

Выйдя изъ сераля, они вздохнули свободно, довольные тѣмъ, что очутились на волѣ; но, подозрѣвая измѣну, они рѣшили, что терять времени нельзя, что они зашли слишкомъ далеко, чтобы отступать или колебаться въ нанесеніи рѣшительнаго удара.

Легко понять, что въ такую минуту они очень мало помышляли о спасеніи государства; соображенія личнаго свойства внушили имъ необходимую твердость идти далѣе по намѣченному ими пути.

Тѣмъ не менѣе надо было предусмотрѣть всякія случайности, и чтобы оградить себя отъ нихъ, необходимо было заручиться содѣйствіемъ войска Потому ли, что въ казармахъ Стамбула и Перы не было достаточно солдатъ, или, что офицеры ихъ не внушали довѣрія—военный министръ, Гуссейнъ-Авни паша, потребовалъ нѣсколько полковъ изъ казармы Селиміэ, находившейся близъ Скутари, на азіатскомъ берегу. Полки эти, на нѣсколькихъ баркахъ, должны были переправиться черезъ Босфоръ лишь съ наступленіемъ темноты; но по ошибкѣ, барки тронулись въ путь ранѣе назначеннаго времени. Султанъ увидѣлъ ихъ изъ окна своего дворца и, не зная причины такого перемѣщенія скутарскаго гарнизона безъ его разрѣшенія, послалъ за военнымъ министромъ. Гуссейнъ-Авни, какъ не трудно догадаться, не рѣшился явиться: онъ отговорился внезапнымъ нездоровьемъ. На другой день (17 мая) два посланца изъ дворца, отправленные за министромъ, принесли Абдулъ-Азису новыя извиненія: сераскиръ ссылался на этотъ разъ на горячее дѣло, которое шло въ данную минуту въ Герцеговинѣ, за которымъ онъ внимательно слѣдилъ, выражалъ надежду, что мятежники будутъ окончательно раздавлены, и заявилъ, что явится къ его величеству за приказаніями, лишь только получитъ возможность донести объ успѣхѣ дѣлъ. Очевидно, онъ этого не сдѣлалъ, и, съ наступленіемъ ночи, министръ занялся совсѣмъ инымъ дѣломъ.

Уполномоченный своими коллегами единолично принять мѣры къ обезпеченію успѣха задуманнаго предпріятія, Гуссейнъ-Авни провелъ день въ размѣщеніи войскъ, смотря по тѣмъ чувствамъ, которыя онъ предполагалъ въ тѣхъ или другихъ начальникахъ частей, никому, впрочемъ, ничего не повѣряя, даже и тѣмъ, которые внушали ему наибольшее довѣріе. Только одинъ Сулейманъ-паша, отличившійся въ послѣднюю войну, а тогда директоръ военной школы въ Перѣ,—былъ посвященъ въ тайну министровъ. Ему поручили занять съ учениками (около тысячи человѣкъ) холмъ, господствующій надъ дворцомъ Долма-Бахче, съ котораго нѣсколько орудій могли бы, въ случаѣ сопротивленія, обстрѣливать дворецъ и защищающія его войска. Съ противоположной сто-

роны, вдоль набережной, барки, нагруженныя солдатами, пополняли военную обстановку дѣла. Разсчитывали навести ужасъ на султана и его окружающихъ, сдѣлать напрасною всякую попытку его обратиться къ преданности войска и тѣмъ избѣгнуть кроваваго столкновенія.

Собравшіеся къ вечеру въ сераскеріатѣ [1]), одна изъ комнатъ котораго была обращена въ тронный залъ, министры принялись за обсужденіе способа исполненія опаснаго предпріятія. Условившись о ходѣ дѣла, они поручили Гуссейну-Авни взять въ свою карету принца Мурада и привезти его въ военное министерство. Благодаря своимъ сношеніямъ съ лицами близкими султану, онъ могъ пройти въ комнаты принца, который, удивленный и взволнованный, не рѣшался ѣхать въ сераскеріатъ; но послѣ увѣреній Гуссейна въ дѣйствительности всѣхъ мѣръ, принятыхъ для воспрепятствованія всякому сопротивленію со стороны Абдулъ-Азиса, Мурадъ подчинился просьбамъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сѣлъ въ карету. Принцъ смутился еще болѣе, когда не нашелъ у дворцовой пристани Долма-Бахче парадной лодки, которая должна была, какъ того требовалъ обычай, отвезти его къ пристани Сиркеджи [2]). Разыгравшаяся буря въ конецъ разстроила Мурада; дождь шелъ ливнемъ, раскаты грома не прекращались, молнія крестила во всѣхъ направленіяхъ, и морскія волны съ бѣшенствомъ разбивались о молъ, на который вступилъ Мурадъ по выходѣ изъ кареты. Вскорѣ, промокшій до костей, въ безумномъ страхѣ при мысли, что его дядя, увѣдомленный объ его отъѣздѣ изъ сераля, можетъ обращеніемъ къ войску разрушить планы заговорщиковъ, принцъ, думая, что онъ попалъ въ западню, и чувствуя, такъ сказать, что голова уже не держится на плечахъ, пришелъ въ неописуемое волненіе. Онъ бросился къ ногамъ Гуссейна и съ рыданіями воскликнулъ: «что я вамъ сдѣлалъ, чтобы вы желали меня погубить!»

Страшныя волненія этой ужасной ночи повліяли, конечно, въ сильной степени на то печальное умственное состояніе, въ которое впалъ принцъ и которое, три мѣсяца спустя, сдѣлало необходимымъ его низложеніе.

Наконецъ, запоздавшія лодки появились, и принцъ, въ сопровожденіи Гуссейна и его сообщниковъ, отправился въ сераскеріатъ на готовившееся торжество. Немедленно прочтена была ф е в т а (рѣшеніе, отданное шейхъ-уль-исламомъ), объявлявшая согласнымъ съ закономъ и своевременнымъ низложеніе султана Абдулъ-Азиса; затѣмъ Мурадъ былъ привѣтствованъ министрами, шейхъ-уль-исламомъ, главными улемами, военачальниками и гражданскими чиновниками; послѣднихъ спѣшно вызвали и допустили къ цѣлованію ноги.

[1]) Зданіе военнаго министерства.

[2]) На противоположной сторонѣ Золотаго Рога въ Стамбулѣ.

Исполнена была лишь меньшая и наиболѣе легкая часть дѣла; предстояло объявить Абдулъ-Азису, что онъ пересталъ царствовать, и захватить его такъ, чтобы онъ не имѣлъ возможности обратиться къ солдатамъ въ разсчетѣ на ихъ преданность. Эту тяжелую задачу возложили на одного хромаго генерала, бывшаго губернатора провинціи, Редифа-пашу, о которомъ говорили, что онъ способенъ на все. Въ Сиріи этотъ человѣкъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ приглашенныхъ имъ на пиръ примиренія главарей возмутившихся арабовъ. Разсчитывали, что онъ, ради достиженія цѣли, не остановится ни передъ какимъ средствомъ...

Лишь только Редифъ оставилъ сераскеріатъ, какъ министры, съ своей стороны, пододвинулись къ мѣсту дѣйствія; одни отправились къ Халиль-Шерифу-пашѣ въ Фундукли [1]), другіе укрылись въ мечети Валиде, на углу дворцовой площади. Между тѣмъ Редифъ,—потому ли, что не получилъ приказанія лично явиться къ Абдулъ-Азису, чтобы сдѣлать ему опасное заявленіе объ его низложеніи, или потому, что у него не хватило мужества—обратился къ одному караульному офицеру, который часто бывалъ дежурнымъ и хорошо зналъ всѣхъ обитателей сераля. Офицеръ заявилъ, что онъ проберется къ начальнику евнуховъ, единственному лицу, имѣвшему доступъ въ императорскій гаремъ. Надлежало объявить Абдулъ-Азису, что «въ силу султанскаго ирадэ онъ долженъ былъ немедля оставить резиденцію Долма-Бахче и отправиться со всѣмъ семействомъ во дворецъ Топъ-капу». Офицеръ встрѣтилъ внутри дворца лишь одного часоваго, который, вѣрный приказу, отказалъ ему въ пропускѣ; но офицеру удалось сдѣлать обходъ и, пройдя черезъ другую дверь, добраться до хранителя ключей гарема. Кызларъ-ага [2]), выслушавъ сообщеніе, сначала разсмѣялся тѣмъ безсмысленнымъ смѣхомъ, на который способны евнухи; но затѣмъ, подойдя къ окну, онъ понялъ всю важность обстоятельствъ при видѣ войскъ, окружившихъ дворецъ. Онъ отправился къ султаншѣ Валиде. Растерявшаяся, объятая ужасомъ, несчастная женщина начала кричать и въ сопровожденіи толпы служанокъ, потрясавшихъ воздухъ неистовыми воплями, побѣжала къ своему сыну, несчастному Абдулъ-Азису, вчера еще всемогущему падишаху! Бывшій султанъ спалъ. Приказаніе оставить дворецъ вызвало въ немъ взрывъ гнѣва. Но въ виду указаній окружавшихъ его домашнихъ на послѣдствія сопротивленія и оглушенный раздававшимися вокругъ него криками и стенаніями, онъ уступилъ слезамъ и просьбамъ матери. Эта бѣдная женщина, желая спасти ему жизнь, тащила его, полу-одѣтаго, къ лѣстницѣ. При такомъ

[1]) Предмѣстье Константинополя, ближайшее къ Долма-Бахче, на берегу Босфора.

[2]) Въ буквальномъ переводѣ—староста дѣвушекъ.

безпорядкѣ и смятеніи Редифъ торопилъ его отъѣздомъ. Султанъ дважды спрашивалъ Редифа, посягаютъ ли на его жизнь, и, получивъ самыя успокоительныя завѣренія, Абдулъ-Азисъ отказался сопротивляться и пошелъ вслѣдъ за матерью къ ожидавшему его каику.

Лишь только халифъ, повелитель князей и царствъ,—нынѣ простой еффенди—оставилъ императорскую резиденцію Долма-Бахче, новый султанъ поспѣшилъ отправиться туда въ сопровожденіи многочисленной свиты, при оглушительныхъ и непрекращавшихся артиллерійскихъ залпахъ, громъ которыхъ усиливало эхо Босфора. Населеніе столицы извѣщалось о великомъ событіи, совершившемся ночью,—о вступленіи на престолъ султана Мурада V.

По низложеніи Абдулъ-Азиса пришли къ увѣренности, что спасеніе имперіи отнынѣ обезпечено. «Предатель», т. е. султанъ исчезъ благодаря ловко исполненному государственному перевороту, «честь» въ выполненіи котораго выпала главнымъ образомъ на долю англійскаго посла. Онъ былъ душою всего заговора, геніемъ—добрымъ или злымъ,—мы не знаемъ. Онъ руководилъ совѣщаніями, онъ расточалъ совѣты и деньги, элементъ необходимый для каждаго людскаго предпріятія, болѣе необходимый, быть можетъ, для успѣха преступленія, нежели великодушія. Устремясь на этотъ путь, сэръ Генри Элліотъ все предусмотрѣлъ, все сообразилъ и все подготовилъ съ пыломъ, подобнымъ тому, который родственникъ его, лордъ Минто [1]), примѣнилъ, содѣйствуя нѣкогда созданію шестой великой державы, предназначенной вскорѣ оспаривать у Англіи морское первенство въ Средиземномъ морѣ и въ Адріатикѣ. Сэръ Генри не могъ, поэтому, не принять дѣятельнаго участія и въ низложеніи Абдулъ-Азиса. Султанъ имѣлъ однако довѣріе къ послу, который всегда упорно уклонялся отъ высказыванія жесткихъ истинъ. Это не помѣшало Элліоту съ легкимъ сердцемъ свергнуть монарха съ престола въ искреннемъ, конечно, убѣжденіи (совершенно, впрочемъ, ошибочномъ), что онъ освобождаетъ имперію отъ главы, который велъ ее къ погибели. Онъ гордился даже тѣмъ, что за-одно подкопался подъ русское вліяніе, устранивъ соумышленниковъ такого вліянія, великаго визиря, а затѣмъ и самого султана.

Въ ночь съ 17 на 18 мая, желая быть поближе къ театру дѣйствій, сэръ Генри отправился на дачу одного изъ министровъ, куда особые посланцы, привозимые на шлюпкахъ британскаго станціонера «Антилопа», являлись съ донесеніями о ходѣ дѣла на всѣхъ пунктахъ, гдѣ оно было начато. Англійскій посолъ возвратился въ свою резиденцію лишь послѣ провозглашенія новаго султана военно-начальниками и высшими

---

[1]) Жильбертъ Элліотъ Минто, извѣстный англійскій дипломатъ и первый лордъ адмиралтейства, умеръ въ 1859 г.

гражданскими чинами. Послѣдній посланецъ привезъ ему извѣстіе, что бывшій султанъ заключенъ во дворецъ Топъ-капу.

Надо сознаться, что въ столицѣ и въ провинціи внезапное низложеніе султана произвело лишь пріятное удивленіе, такъ много было недовольныхъ Абдулъ-Азисомъ. Его обвиняли рѣшительно во всемъ, но осужденіе его оказалось безповоротнымъ, когда узнали о позорномъ оставленіи имъ престола, объ отсутствіи сопротивленія приказаніямъ того, на кого онъ долженъ былъ смотрѣть какъ на похитителя, и о небываломъ оставленіи его всѣми его друзьями: ни одна рука не поднялась въ его защиту! Даже войско, которому онъ посвятилъ все свое попеченіе, которое онъ одѣвалъ съ роскошью, кормилъ обильно и помѣщалъ въ великолѣпныхъ казармахъ, которому всячески угождалъ,—это войско было обмануто и стало противъ него.

Его увѣрили, что оно охраняетъ личность султана отъ посягавшихъ на его жизнь софтовъ. Ни генералы, ни солдаты ничего не знали о заговорѣ. Имъ не довѣряли настолько, что первымъ дѣйствіемъ Сулеймана-паши въ ночь съ 17 на 18 мая было арестованіе и заключеніе въ тюрьму какъ полковника, командующаго дворцовымъ карауломъ, такъ и еще нѣсколькихъ офицеровъ гвардейскаго полка.

Низложеніе и послѣдовавшая за нимъ вскорѣ трагическая смерть Абдула-Азиса и рѣзня министровъ увеличили въ политическихъ и оффиціальныхъ кружкахъ чувство ужаса, возбужденное уже кровавыми сценами, происшедшими въ Салоникахъ. Опасеніе за спокойствіе внутри имперіи губительно повліяло на нравственный и политическій кредитъ Турціи. Восточный вопросъ, казалось, обострился до крайности, и самые горячіе защитники неприкосновенности и независимости Турецкой имперіи усумнились въ возможности долѣе защищать этотъ общій политическій догматъ противъ враждебныхъ ему элементовъ, выступавшихъ все чаще и все очевиднѣе.

Въ Петербургѣ впечатлѣніе это было сильнѣе, чѣмъ въ другихъ столицахъ великихъ державъ, и «больной» [1]) временъ императора Николая представлялся нынѣ лежащимъ въ предсмертной агоніи.

Возникшія вскорѣ въ разныхъ мѣстахъ еще болѣе трагическія и кровавыя событія, театромъ которыхъ сдѣлалась Болгарія, содѣйствовали тому, что Турція утратила симпатіи значительнаго числа своихъ самыхъ горячихъ защитниковъ. Событія эти привели ее къ войнѣ съ ея могущественнымъ сосѣдомъ и, хотя дали ей возможность пожать немного лавровъ на поляхъ битвъ, но турки пользы отъ того для своей страны не извлекли.

---

[1]) Такъ называлъ императоръ Николай Турцію.

Мы желали бы закончить эту главу нѣкоторыми вопросами, которые, быть можетъ, пригодятся для философіи исторіи.

Болгарская война съ ея неисчислимыми бѣдствіями для Оттоманской имперіи не была ли бы отвращена, если бы продолжалъ царствовать Абдулъ-Азисъ? Допуская, что султанъ былъ дѣйствительно расположенъ къ Россіи, нельзя сомнѣваться, что отвѣтъ былъ бы утвердительный. Нравственное подданство султана русскому царю можетъ ли имѣть для Турціи послѣдствія болѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, которыя ей угрожаютъ, несмотря на геройство ея войскъ? Для нея—это вопросъ существованія, такъ какъ больше нельзя уже допускать, что она выйдетъ невредимою изъ борьбы; въ такомъ случаѣ мы не видимъ, чтобы зло было предотвращено низложеніемъ монарха опытнаго и осторожнаго, и чтобы замѣна его двумя другими, очевидно менѣе опытными, а, быть можетъ, и менѣе осторожными, послужила, какъ разсчитывали, лишь на благо. Вотъ какимъ образомъ людская мудрость бываетъ сбита съ толку обстоятельствами; вотъ какимъ образомъ самые глубокіе разсчеты, самыя искусныя соображенія и усилія государственныхъ людей разбиваются въ прахъ ближайшими послѣдствіями ихъ дѣяній, отъ которыхъ они ожидаютъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Въ политикѣ гораздо легче желать блага, нежели обрѣсти истинный путь для его достиженія. Хотѣли спасти Оттоманскую имперію и погубили ее. Для низложенія султана допускаютъ мятежъ, разрушаютъ обаяніе власти, погружаютъ страну въ волненія и порождаютъ борьбу изъ-за династіи. Чтобы положить предѣлъ постояннымъ жалобамъ и представленіямъ Россіи, вводятъ «административныя реформы», обнародываютъ конституцію, очевидно не угодную державѣ, которой хотятъ дать удовлетвореніе въ ея попеченіяхъ о судьбѣ христіанъ Востока. Все это привело и не могло не привести къ войнѣ. Войну эту искренно хотѣли предотвратить, всѣми средствами пытались помѣшать ей. Напрасныя усилія! Поводомъ къ войнѣ послужило все то, что сдѣлали, чтобы ея избѣгнуть. Самая гарантія неприкосновенности и независимости Оттоманской имперіи, включенная въ условія Парижскаго трактата, имѣла значеніе лишь до той поры, пока подписавшія трактатъ державы не нашли удобнымъ долѣе ее соблюдать.

Такимъ образомъ, въ дѣлахъ политики, нерѣдко прибѣгаютъ къ самымъ безчестнымъ средствамъ съ величайшею непринужденностью. Добрыя намѣренія остаются, правда; но какой въ нихъ прокъ?

***

(Продолженіе слѣдуетъ).

Истина и благодарность!

(Голосъ „Современника“ въ защиту князя Кутузова).

Что̀ слышу я въ благословенной, родной моей землѣ русской! Съ одной стороны поражается слухъ мой признательною благодарностью всеблагословеннаго нашего монарха, восхищеніемъ дворянъ и безпрестанными восклицаніями всѣхъ сословій народа къ спасителю отечества, знаменитѣйшему во вселенной полководцу, князю Смоленскому, истребившему страшныя силы полчищъ иноплеменныхъ. Съ другой стороны слышу убивающій меня гулъ нѣсколькихъ неблагодарныхъ сыновъ Россіи къ своему спасителю.

Государи мои! чѣмъ вы думаете помрачить славу побѣдъ неподражаемаго героя и мудреца, совершившаго не токмо избавленіе отечества, но положившаго твердое основаніе къ освобожденію бѣдствіями угнетенной Европы. Для чего вы стремитесь увѣрять всѣхъ, что ни мужество, ни твердость и проницаніе души великаго вождя совершило истребленіе полковъ вражескихъ, дерзнувшихъ войти на покореніе земли русской, но голодъ и холодъ причиною былъ ихъ гибели. Почто вы хотите тѣмъ поддерживать нелѣпости, выпущаемыя французами, для закрытія ужасныхъ пораженій и подлаго ихъ бѣгства, почто вы тѣмъ лишаете въ будущія времена славы храбрыхъ русскихъ воиновъ, положившихъ за васъ животъ свой... О! вы, завидующіе безсмертнымъ подвигамъ и славѣ безсмертнаго героя! Какія ложныя, слабыя вы приводите доказательства, не сообразныя ни истинѣ, ни разуму. Какими смѣшными доводами хотите, силитесь затмить незабвенный блескъ величія русскаго вождя. Какъ вы дерзновенно, унизительно заключать можете о малодушіи и легковѣріи россіянъ, чтобъ они, принявъ за вѣрные доводы ложныя ваши доказательства, умствованія и, основываясь токмо на оныхъ, лишили бы себя священнѣйшей чести и обязанности быть вѣчно признательными къ спасителю своего отечества.

Государи мои! взгляните на Бородинскую битву кровавую, укажите, былъ ли тутъ голодъ или холодъ. Взгляните на Тарутинскую и подъ

Малымъ Ярославцемъ, скажите, покрывали ли тогда жестокіе морозы землю отечественную? Но не отгадаю ли я, что вы на это возразите: «французы въ Москвѣ уже были почти безъ пищи, лошади ихъ померли, артиллеріи везти не на чемъ». Положимъ, будто бы было и по-вашему; но кто жъ все это сдѣлалъ? Тотъ великій полководецъ, котораго вы не уважаете, тотъ пресловутый герой, которому вы неблагодарны. Его проницательность предвидѣла еще издалека всѣ случаи, сбыться долженствующіе. Мудрость его сообразила всѣ причины съ ихъ необходимыми дѣйствіями. Его мужество, его твердость духа, его пламенная любовь къ отечеству, непоколебимая вѣрность къ царю неослабно укрѣпляли его въ тѣхъ трудныхъ, страшныхъ предпріятіяхъ, которыми предусматривалъ онъ единственный способъ къ пораженію варваровъ, и, предвидя впередъ всѣ будущія обстоятельства, положилъ совершить рѣшительный ударъ къ истребленію злодѣевъ и освобожденію царства русскаго отъ ига иноплеменнаго. Въ сихъ-то великихъ преднамѣреніяхъ онъ приманилъ къ Москвѣ надменнаго властолюбца. Онъ указалъ ему златоглавые верхи храмовъ божіихъ первопрестольнаго града и, показавшись изготовляющимся будто бы защищать его до послѣдней крайности, воспламенилъ еще тѣмъ болѣе и болѣе чувства гордаго завоевателя къ покоренію столицы, съ которой надменный властолюбецъ, въ буйствѣ своемъ, уже мечталъ быть властелиномъ Россіи и всей вселенной, и упоивъ тѣмъ его славолюбіе, мгновенно отступилъ отъ Москвы, принося ее въ жертву спасенія цѣлаго отечества, заслоня плодоносныя губерніи арміею русскою, и нажидая (ожидая) новыхъ силъ къ подкрѣпленію ея идущихъ, оставилъ жестокаго варвара свободно наслаждаться плодами производимыхъ имъ жестокостей, и предуготовивъ пагубу разорителю Европы въ самой той столицѣ, гдѣ онъ мечталъ торжествовать славу побѣдъ своихъ, стѣснилъ его со всѣхъ сторонъ такимъ образомъ, что гордый завоеватель въ постыдномъ токмо бѣгствѣ искать долженъ былъ своего спасенія по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ кромѣ бѣдственныхъ опустошеній ничего ему не встрѣчалось. Сраженіе за сраженіемъ, побѣда за побѣдой истребляли буйныя полчища враговъ, покрывали поля брани и тысячами умирали въ снѣгахъ плачевнѣйшимъ образомъ. Уничтожа столь ужасныя силы непобѣдимыхъ, воспламенилъ воинскій духъ русскихъ героевъ и повелъ ихъ далѣе и далѣе, на поприще славы, къ освобожденію Европы.

Дерзновенная и гордая Варшава, яко гнѣздо мятежниковъ, мгновенно приклонила главу свою передъ великимъ царемъ русскимъ и покорилась волѣ побѣдителей.

Освободилась Пруссія, занята Саксонія, Гамбургъ со всѣми землями, къ нимъ принадлежащими и, 19-го апрѣля 1813 года, то-есть въ шесть мѣсяцевъ отъ изгнанія враговъ изъ Москвы, знамена уже войскъ рос-

сійскихъ, съ рѣки Тихой Нары, развѣвались за Эльбой, у Алтенбурга.

16-го апрѣля 1813 года въ Бунцлау скончался неподражаемый, великій русскій вождь, князь Смоленскій. Душа его воспарила въ горнія къ Предвѣчному, который непроницаемою мудростью велъ и хранилъ своего предъизбраннаго Михаила къ совершенію великаго своего опредѣленія. Сія на немъ печать ясно открылась народамъ спасеніемъ земли русской.

Государи мои! признайтесь, кто изъ васъ въ 1812 году, въ началѣ сентября, смѣлъ думать, что вы еще не погибли, что вы навѣки не разлучитесь съ милыми женами, съ милыми дѣтьми, съ милыми друзьями, увы! и съ милымъ отечествомъ. Не воображалъ ли изъ васъ каждый, что, подобно другимъ народамъ, повлекутъ васъ въ страны чуждыя, на брань кровавую, что варвары-французы повелѣвать вами будутъ, какъ своими рабами, что въ глазахъ нашихъ жены, дочери, подданные ваши будутъ обезчещены, имѣнія расхищены, дома пламени преданы и, наконецъ, благополучная нѣкогда Россія, обагренная кровью сыновъ своихъ, обращена будетъ въ юдоль плача и запустѣнія. Но нынѣ она торжествуетъ побѣдами, торжествуетъ великодушіемъ, она сдѣлалась спасительницей всей вселенной, она собою открыла путь къ свободѣ народамъ угнетеннымъ, она вознеслась нынѣ на верхъ недостигаемаго еще другими царствами величія, славы и могущества, и вы мечтать еще дерзаете! Умолкните, придите къ праху великаго, и съ благоговѣніемъ преклонясь предъ нимъ долу, скажите: тобой и отъ тебя мы днесь блаженствуемъ въ отечествѣ миломъ. Предупредите исполнить сей долгъ священный вашей благодарности, да нѣкогда пріидутъ народы странъ чуждыхъ къ гробницѣ, вмѣщающей въ себѣ драгоцѣнные останки неподражаемаго героя, спасителя отечества нашего, пріидутъ и, воздѣвъ руки своя горе, рекутъ: «Господи! Ты предъизбралъ мужа праведна по сердцу Своему. Ты укрѣпилъ мудрость и силы его, и онъ, яко гласъ грома Твоего, грянувъ, сразилъ враговъ нашихъ, и къ счастью путь открылся намъ».

Гавріилъ Ермолаевъ.

1814 года, 22-го іюля. Въ день праздника Смоленской Божіей Матери.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ

ВАСИЛІЯ РОМАНОВИЧА МАРЧЕНКИ.

1782 — 1838.

III [1]).

Пребываніе двора въ Москвѣ.—Отношенія Марченки къ графу Аракчееву.—Служба въ Государственномъ Совѣтѣ.—Назначеніе государственнымъ секретаремъ.—Кн. Кочубей предсѣдатель Государственнаго Совѣта.—Его характеристика.—Назначеніе Марченки членомъ Государственнаго Совѣта, а барона М. А. Корфа государственнымъ секретаремъ.

Въ февралѣ 1817 г., подавъ отчетъ о дѣлахъ комитета, которыя всѣ очищены были, просилъ я награды чиновникамъ. Государь столь доволенъ былъ успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ, что утвердилъ вполнѣ представленіе мое, а графу Аракчееву приказалъ заготовить для меня грамоту на орденъ 2 ст. Владиміра. Узнавъ о семъ, я убѣдительно просилъ графа Аракчеева доложить государю о недостаткахъ моихъ, и что, ежели не заслуживаю я аренды, то лучше буду ее выслуживать, но наружные знаки отличія мнѣ не нужны. Государь вслѣдствіе сего пожаловать изволилъ мнѣ въ аренду на 12 лѣтъ староство Житомірское, и графъ Аракчеевъ въ первый разъ показалъ при семъ случаѣ, что онъ не желалъ бы того сдѣлать. Обыкновенно кому доброжелательствовалъ, онъ подносилъ указъ къ подписанію, или извѣщалъ министра финансовъ, въ какую сумму пожалована аренда, отчего Персидскому [2]), напр., въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, дана генеральская

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1896 года.

[2]) Алексѣю Ивановичу, 1770—1842, помощнику статсъ-секретаря.

аренда; или же, наконецъ, сообщалъ министру финансовъ, чтобы, до вступленія въ полное владѣніе арендою, производимъ былъ арендный доходъ; но для меня ни одной изъ сихъ выгодъ не было. Онъ глухо сообщилъ обо мнѣ Гурьеву, и я получилъ аренду по чину, а не по званію, въ 1.200 р. Благодаря Ланскому [1]), тотъ прибавилъ отъ себя до 400 р., подъ предлогомъ, что въ обрѣзъ въ 1.200 р. аренды не было, и, вѣчная признательность сему доброму, честному человѣку за то, что, пособіемъ его и знакомствомъ съ Катеринчемъ [2]), ежегодно продана (?) аренда съ 1819 года, когда большія послѣдовали со мною перемѣны.

Не преставая ежедневно работать утромъ и вечеромъ по комитету министровъ и по государственной канцеляріи, я былъ еще, по особымъ указамъ, членомъ театральнаго комитета, въ 1816 году членомъ комитета о недоимкѣ въ разоренныхъ непріятелемъ губерніяхъ, а въ 1817 году членомъ слѣдственной коммиссіи по воинскимъ дѣламъ; и, благодаря Бога, меня доставало. Все шло хорошо; государь постоянно былъ благосклоненъ. Въ половинѣ августа 1817 года, опять приказано мнѣ ѣхать, и графъ Аракчеевъ ни слова не говорилъ о томъ, имѣя, какъ послѣдствіе показало, надобность выхлопотать чрезъ меня 100 т. рублей за отдѣлку мнимаго шоссе чрезъ Грузинское свое владѣніе. Уже не скрывалъ онъ предъ тѣмъ, что государь спрашиваетъ у него иногда: какъ Марченко думаетъ объ этомъ дѣлѣ. И когда, по высочайшей волѣ, требовалъ, чтобы я написалъ свое мнѣніе на бумагѣ, какъ будто въ лучшее удостовѣреніе государя, и я, знавъ хорошо графа Аракчеева, съ ужасомъ всегда исполнялъ сіи требованія, предвидя, что долго, коротко, доѣдетъ онъ меня, и потому всегда старался сколь можно держать себя поодаль отъ государя, не ѣздилъ иногда съ докладами, хотя и примѣчаемо сіе было. Наконецъ, однимъ средствомъ ужиться съ графомъ Аракчеевымъ считалъ то, чтобы избавиться вояжей, которые болѣе всего могли поселять подозрѣніе въ человѣкѣ, увѣренномъ, что его никто не жалуетъ.

Въ исходѣ августа пріѣхалъ я въ Могилевъ, оттуда поѣхали въ Кіевъ, Кременчугъ, Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Калугу, и 1-го октября прибыли въ Москву, куда весь дворъ собранъ былъ на зиму. Графъ Аракчеевъ оставался въ деревнѣ своей. Все время государь удивительно милостивъ былъ ко мнѣ. Вотъ примѣры тому: а) на докладъ мой, что многіе бѣдные люди подаютъ государю просьбы о пособіи, и что не ловко отсылать просьбы таковыя къ Кикину, гдѣ годъ пройдетъ въ справкахъ

---

[1]) Дмитрію Сергѣевичу, управлявшему департаментомъ государственныхъ имуществъ, сенатору, позже члену Государственнаго Совѣта.

[2]) Василіемъ Семеновичемъ, сперва кіевскимъ вице-губернаторомъ, потомъ волынскимъ губернаторомъ.

и, по неимѣнію денегъ, ничего не сдѣлается, когда во время проѣзда и малость, тутъ же выданная, составитъ истинную помощь, государь рѣшительно одобрилъ мысль мою и разрѣшилъ раздавать деньги, не спрашивая его, прибавя къ тому: «Тебѣ лучше видѣть можно, нежели мнѣ, что̀ кому дать».. Въ осторожность свою, я, бывало, отберу просьбы по цѣлой губерніи и, назначa пособіе каждому, по объясненію съ губернаторомъ и лучшими людьми, сдѣлаю регистръ и отошлю при ономъ деньги, для раздачи къ губернатору. b) Въ Кіевѣ, по просьбѣ моей, записанъ сынъ полковника Марченки въ пажи. c) Увидѣвъ однажды однофамилку мою, красавицу, на балу, государь изволилъ шутить за столомъ, при князѣ Волконскомъ, графѣ Ожаровскомъ, Виллiе и Данилевскомъ, что ежели бы не зналъ онъ о семействѣ моемъ, то подумалъ бы, что я для того не признаю ее роднею своею, чтобъ послѣ просить у него позволенія жениться. d) Изъ Полтавы послалъ меня впередъ, въ Харьковъ, изслѣдовать доносы на прокурора; и какъ здѣсь генералъ Сакенъ устроилъ изъ своего корпуса маневръ, изображавшій Полтавскую битву Петра Великаго, то требуя, чтобъ я смотрѣлъ маневры, прибавилъ: «Сто лѣтъ назадъ, вѣроятно, были на семъ мѣстѣ Марченки». e) Въ Орлѣ на руки отдана мнѣ, въ кабинетѣ, одна просительница (Фицнерова), чтобы я вошелъ въ ея дѣла и оказалъ, именемъ государя, защиту противу дѣйствій мѣстнаго начальства.

По пріѣздѣ въ Калугу, нашелъ я, сверхъ ожиданія, графа Аракчеева, ибо онъ хотѣлъ въ ноябрѣ только пріѣхать въ Москву, и съ сего времени всѣ дѣла пошли по-старому, чрезъ его руки. Въ Москвѣ нашелъ я квартиру въ новопостроенныхъ флигеляхъ Кремлевскаго дворца, сырую до того, что въ нѣсколько часовъ лужи дѣлались на полу, отъ течи со стѣнъ. Это заставило меня оставить квартиру сію и перебраться на квартиру въ сухой домъ пріятеля моего Гаврила Петровича Смолянскаго, у котораго и прожилъ всю зиму.

Первый шагъ пріѣзда въ Москву показалъ явное недоброхотство графа Аракчеева. Онъ имѣлъ съ собою всю канцелярію и высылалъ ко мнѣ всѣ безъ изъятія бумаги по гражданской части, такъ что и журналы, исходящіе къ нему, никогда уже не требовались. Отписавъ (исполнивъ?) первыя бумаги, посылаю ихъ къ писарямъ, для переписки на-бѣло, но графъ Аракчеевъ объявляетъ, чтобы я не занималъ его людей, ибо имъ много дѣла. Должно было взять изъ послѣднихъ чиновниковъ комитета, и три человѣка все время работали у меня въ Москвѣ. Два изъ нихъ, Жихаревъ и Суровщиковъ, были уже въ комитетѣ, а третьяго, Мочалина, помнится, принялъ я на службу въ Москвѣ, по рекомендаціи Степана Петровича Жихарева, честнѣйшаго человѣка, который и услаждалъ только непріятную жизнь мою. Мало-по-малу житье московское приготовляло меня къ тому, чего ожидать я долженъ былъ впередъ отъ

зависти графа Аракчеева; и какъ извѣстно было, что государь, побывавъ въ Варшавѣ, недолго пробудетъ въ Москвѣ и Петербургѣ, а на осень отправится на конгрессъ въ Ахенъ, то поѣздку сію и думалъ я употребить въ свою пользу, открывшись князю Волконскому, что время отъ времени болѣе примѣчаю, сколь непріятно будетъ графу Аракчееву, что государь беретъ меня съ собою, что и воспитаніе дѣтей и продажа аренды требуютъ пребыванія моего въ Россіи, и что на конгрессѣ некогда будетъ заниматься гражданскими нашими дѣлами. Почему и просилъ князя доложить Его Величеству, чтобы за границу меня не брать. Онъ обѣщалъ это сдѣлать, но чтобы я, ничего не говоря, съѣздилъ теперь въ Варшаву.

Какъ на бѣду мою, въ Москвѣ чаще были порученія государя. Неоднократно графъ Аракчеевъ высылалъ бумаги съ слѣдующими резолюціями: «Государю угодно знать мнѣніе статсъ-секретаря Марченки», «Государю угодно, чтобы по сей бумагѣ доложилъ г. ст.-секр. Марченко лично, съ своимъ мнѣніемъ». Все это раздирало душу графа Аракчеева: онъ становился холоднѣе ко мнѣ; но я, какъ невинный человѣкъ, ограждался однимъ терпѣніемъ и дѣлалъ свое дѣло такъ, чтобы онъ никогда не могъ упрекнуть меня ни лѣностію, ни небреженіемъ. Неудовольствіе его замѣчательнѣе было для меня по двумъ слѣдующимъ анекдотамъ: 1) въ проѣздъ отъ Калуги до Москвы скопилось много просьбъ у графа Аракчеева, къ которому, какъ я сказалъ выше, всѣ уже бумаги отсылались. Въ Москвѣ вздумалъ онъ разбирать ихъ со мною. Я хотя могъ бы сказать, что это напрасный трудъ, ибо, сверхъ поданныхъ лично государю просьбъ, я имѣю впятеро болѣе, принятыхъ мною по званію статсъ-секретаря, на основаніи инструкціи, поднесенной мною чрезъ него же, графа Аракчеева, и притомъ всѣ онѣ идутъ по одному моему регистру; но, отклоняя всякую непріятность, безмолвно сталъ разбирать.

Вскорѣ попадаются просьбы о пособіи. «Ну, что съ ними дѣлать?»— сказалъ графъ. Я отвѣчалъ ему, какъ я поступаю, и что у меня есть еще нѣсколько подобныхъ, которыя отложилъ я до пріѣзда губернатора въ Москву. Онъ замолчалъ, но чрезъ нѣсколько дней, выходя отъ себя къ разводу, видитъ въ передней женщину, которая, упавъ ему въ ноги, назвала себя генеральшею Вырубовою и умоляла исходатайствовать у государя пенсіонъ, по поданной просьбѣ. Онъ, разсердясь, сказалъ: «матушка, это не мое дѣло; есть у государя секретари, раздающіе и пенсіи и деньги; а я не имѣю такого кредита». Это явно уже было на мой счетъ, но я перетерпѣлъ и, давъ бѣдной своихъ 50 р., научилъ ее, чтобы она шла къ Кикину, пріѣхавшему въ то время въ Москву, ибо просьбы ея нѣтъ у графа Аракчеева и не будетъ. Вотъ, что могъ бы и онъ сказать просительницѣ, никого не огорчая. 2) Въ ноябрѣ купецъ Стариковъ подавалъ просьбу государю, по дѣлу съ княгинею Бѣлосель-

скою-Бѣлозерскою. Однимъ утромъ, графъ Аракчеевъ присылаетъ за мною. Въ пріемной нахожу я какого-то мужика, съ брильянтовыми медалями, и вслѣдъ за симъ вышелъ Аракчеевъ изъ кабинета своего съ Тормасовымъ [1]) и оберъ-полиціймейстеромъ Шульгинымъ. «Милостивый государь»,—сказалъ графъ,—«вотъ я при васъ объявляю г. Старикову, что государь приказалъ дѣло его разобрать своему секретарю, для того, что я въ подозрѣніи, и съ Бѣлосельскою въ родствѣ штабъ, который меня не жалуетъ. Такъ не изволь ко мнѣ ходить больше и безпокоить, а знай его превосходительство (указывая на меня), который и самъ живетъ вонъ тамъ въ штабѣ же». На послѣднія слова я невольно улыбнулся и сказалъ, что то же можно бы сдѣлать и безъ процессіи (?); послѣ чего засмѣялся и Тормасовъ, старикъ, котораго нарочно для сего просилъ къ себѣ графъ Аракчеевъ. 3) Въ декабрѣ графъ Аракчеевъ былъ нездоровъ и я ходилъ по утрамъ, вмѣсто его, съ докладами. 11-го числа государь, отдавая мнѣ списки Тормасова, о наградѣ чиновниковъ, изволилъ сказать, что «чрезвычайно много представлено, о чемъ онъ и Тормасова предупредитъ. Разберите вы ихъ съ графомъ и убавьте; а послѣ скажи мнѣ, кому что назначите, чтобы къ завтрему, т. е. 12-го декабря, дать имъ награды». Дорожа временемъ, я просилъ Тормасова, чтобы послѣ развода зашелъ къ графу Аракчееву, для убавки; а самъ, между тѣмъ, пошелъ къ нему доложить о семъ. Бѣшенство возобладало симъ человѣкомъ, коль скоро объявилъ я ему волю государя. «Что я за шпіонъ, чтобы знать всѣхъ писарей и квартальныхъ: я вчерась сказалъ уже государю, когда онъ былъ у меня, что меня вездѣ бранятъ; да зато, какъ онъ сталъ со мною говорить о полновѣсныхъ, я все ему отпѣлъ: пусть же бранятъ за дѣло». Потомъ, заглянувъ въ списокъ, увидѣлъ перваго губернатора Дурасова. «Къ лентѣ? давно ли кареты подавалъ на подъѣздахъ; скажи, не полюбятъ, а не скажи, такъ заговорятъ, что для Танѣева сдѣлалъ; и вѣрно старѣе его много. Ты лучше знаешь, ты больше съ государемъ видишь губернаторовъ». И, развернувъ на-удачу статскій списокъ, попался харьковскій губернаторъ Муратовъ. «Вотъ, каковъ этотъ?» — «Умный человѣкъ, какъ въ сутки можно было замѣтить; но больше ничего не знаю»,—отвѣчалъ я.—«Вотъ, онъ старѣе Дурасова, а дадутъ и ему ленту, такъ скажутъ—зато, что угощалъ мою любовницу! [2]) Вѣдь у васъ въ штабѣ все это знаютъ». Послѣднія слова сильно на меня подѣйствовали, сколь я ни кротокъ. Сложивъ бумаги и вставъ со стула, я спокойно сказалъ: «ваше сіятельство, я не привыкъ говорить съ вами ни о штабѣ, ни о любовницѣ вашей, еще менѣе заслуживаю слышать непріятности. Принеся вамъ списки, я исполнилъ волю государя. Не-

---

[1]) Александромъ Петровичемъ, 1736—1819, генераломъ отъ кавалеріи.

[2]) Пукалову.

угодно вамъ исполнять ее далѣе, мнѣ остается доложить только государю, ибо я долженъ дать отвѣтъ до обѣда, а ночи едва-ли достанетъ мнѣ на заготовленіе къ утру указовъ и грамотъ». Слова сіи упоминаю я для того, что Персидскій видѣлъ всю сцену. Они подѣйствовали однако на него: онъ перемѣнилъ тонъ и началъ заниматься списками, такъ что, съ приходомъ Тормасова, въ полчаса все кончено было. 4) Наконецъ, въ началѣ января [1]), расположился государь съѣздить на двѣ недѣли въ Петербургъ, и графъ Аракчеевъ отправился прежде. Наканунѣ отъѣзда, бывъ съ докладомъ, я спросилъ государя: «можно ли мнѣ ѣхать?» Отвѣтъ былъ. «Какъ же, повидайся съ женою, а послѣ опять надолго уѣдемъ». Я послѣ сего и выѣхалъ ночью. Около Новгорода встрѣчаю, въ откидной кибиткѣ, графа Аракчеева съ Муравьевымъ; оба мы остановились. Онъ спросилъ, скоро ли государь будетъ, и не воздержался замѣтить, что онъ не ожидалъ, чтобы я въ Петербургъ поѣхалъ. Вопросъ сей оставилъ я безъ вниманія, никакъ не предполагая, чтобы отъ зависти онъ происходилъ; но послѣдствія связали уже всѣ обстоятельства. Проживъ двѣ недѣли въ Петербургѣ, 30-го января выѣхалъ въ Москву [2]), а 22-го февраля изъ Москвы, чрезъ Смоленскъ, Минскъ и Брестъ въ Варшаву. Здѣсь былъ сеймъ, продолжавшійся со второй недѣли великаго поста до Пасхи. 19-го апрѣля отправился изъ Варшавы, чрезъ Устилугъ, въ Старо-Константиновъ, гдѣ собранъ былъ корпусъ князя Горчакова; оттуда въ Каменецъ-Подольскій. Здѣсь нашелъ я графа Аракчеева и, слѣдовательно, доклады чрезъ меня опять кончились.

Изъ Кишинева, чрезъ Бендеры, пріѣхалъ въ Тирасполь. Былъ большой столъ у Беннигсена. Оттуда въ Бугское военное поселеніе, гдѣ три дня столъ былъ у государя. Потомъ прибыли въ Одессу. Оттоль, чрезъ Николаевъ, Херсонъ и Перекопъ, въ Симферополь.

Къ неописанной радости, нашелъ я здѣсь стариннаго начальника моего и благодѣтеля Семена Семеновича Жегулина, съ которымъ видѣлся каждый день и часто у него обѣдалъ, въ загородномъ домѣ. Наконецъ, оставя Крымъ, прямою дорогою на Молочныя Воды, пріѣхали въ Таганрогъ и, чрезъ сутки, отправились оттуда въ Черкаскъ. Большой, но безтолковый обѣдъ данъ былъ донцами, сконфузившимися до того, что и вина не было. Припасено у нихъ было множество иностранныхъ винъ; но государь изволилъ спросить донскаго. На первый случай схватили двѣ бутылки, дурнаго, у сосѣда, а пока казаки успѣли внести въ залу хорошее, столъ кончился, и гости, человѣкъ до 60, большою частью не успѣли выпить ни донскаго, ни иностраннаго вина.

---

[1]) 1818 года.

[2]) Жена, провожавшая меня до шлагбаума, а потомъ до Средней Рогатки, въ компаніи (чего никогда я не дѣлалъ) шуткою доѣхала до Помераніи, а за ужиномъ рѣшилась и, въ той же кибиткѣ, очутилась въ Москвѣ.

Изъ Черкаска путь взятъ былъ на Воронежъ и Рязань въ Москву, куда прибыли всѣ 1-го іюня; а дня черезъ три пріѣхалъ туда и король прусскій. Въ половинѣ іюня выѣхалъ я изъ Москвы въ Петербургъ и здѣсь кончилъ послѣднее порученіе государя: устроить представленіе чиновниковъ королю прусскому. Когда дошла до меня очередь на своемъ мѣстѣ, то государь, назвавъ фамилію мою и мѣсто службы, добавилъ, что я былъ во всѣхъ вояжахъ и походахъ съ 1812 года. Все это не показывало ни малѣйшей перемѣны въ государѣ ко мнѣ, и я оставался въ совершенномъ покоѣ, зная уже отъ князя Волконскаго, что меня не возьмутъ на предположенный конгрессъ въ Ахенѣ.

Занимаясь, своимъ порядкомъ, по комитету и канцеляріи, я замѣтилъ, однако, умножающуюся холодность графа Аракчеева и думалъ, въ чистотѣ души своей, что онъ обрадуется, узнавъ, что меня не берутъ въ заграничный вояжъ. Князь же Лопухинъ [1]) самъ вызывался предъ тѣмъ просить графа Аракчеева, чтобы оставили меня въ комитетѣ, доказывая разстройство дѣлъ отъ моего отсутствія, особенно, ежели государь долго останется за границею. Такъ прошелъ и августъ, въ которомъ удалось, наконецъ, графу Аракчееву совершить свое предпріятіе: удалить меня отъ лица государя. 26 августа подписанъ указъ о переводѣ меня въ Государственный Совѣтъ, по гражданскому департаменту, а объявленъ не прежде, какъ чрезъ три дня по отбытіи государя изъ столицы. Этого не могъ я перенести хладнокровно. Хотя собственно для меня служба моя не унизилась отъ перевода сего; но тайна Аракчеева, который предъ тѣмъ много дѣлалъ мнѣ непріятностей, и неизвѣстность, не уменьшится ли содержаніе мое, невольно приводили въ размышленіе, не оклеветалъ ли онъ меня предъ государемъ, столь много оказавшимъ мнѣ знаковъ своего вниманія и довѣренности. О городской же молвѣ, признаюсь, я ни мало не помышлялъ, во-первыхъ, потому, что, кромѣ хорошаго отзыва и сожалѣнія, ничего говорено не было; а во-вторыхъ, что, по общему мнѣнію, сколь ни лестно находиться при высочайшей особѣ, но поѣздки крайне меня разстроивали по части денежной, и я съ 1816 года никакой не видалъ за то награды, да и ожидать не могъ, зная, что государь самъ собою не вздумаетъ, а графъ Аракчеевъ отъ недоброжелательства и зависти не напомнитъ. Доказательство тому, что каждый годъ къ святой недѣлѣ представлялъ я чиновниковъ своихъ къ награжденіямъ—они все то получали, что я назначу, по списку, но обо мнѣ помину не было.

Сдавъ комитетъ на другой же день, по объявленіи указа, дѣйстви-

---

[1]) Петръ Васильевичъ, 1741—1827 г.г., предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

тельному статскому совѣтнику Колосову [1]), я донесъ государю за границу, что сдалъ ему и всѣ прочія порученія, на мнѣ лежавшія, считая ихъ не принадлежащими до должности моей по Государственному Совѣту; а самъ явился въ Совѣтъ 3 сентября 1818 года.

1-го октября придворный экипажъ, по требованію графа Аракчеева, перешелъ отъ меня къ Муравьеву. Это уменьшило содержаніе мое и показало все злодѣйство Аракчеева. Я могъ бы писать государю, подъ предлогомъ сомнѣнія, что онъ за границею, а здѣсь дѣйствуютъ его именемъ; но разсчитывалъ, что это будетъ жалоба на графа Аракчеева, котораго не промѣняютъ на меня, что однимъ только симъ поступкомъ могъ бы онъ укорять меня за все время совмѣстнаго съ нимъ служенія, и потому рѣшился молчать.

Въ Государственномъ Совѣтѣ принялся я за работу, по обыкновенію моему. Дѣла шли съ такимъ успѣхомъ, что въ 1820 году нерѣшенныхъ не оставалось. Предсѣдатели департамента гражданскаго, князь Лобановъ, графъ Кочубей, Поповъ и Мордвиновъ, являли мнѣ всю довѣренность свою и уваженіе. Служба сколь ни тягостна была, но пріятна; одно только прискорбно было, что не обращалось на нее никакого вниманія. Обстоятельство сіе и безпрерывное вступленіе дѣлъ, часто запутанныхъ и пристрастныхъ, наводили уже скуку на меня, которую должно было переносить, поневолѣ, какъ человѣку, зависящему отъ службы, за 15 тысячную плату. Лѣто и осень 1821 года Мордвиновъ, будучи предсѣдателемъ экономическаго департамента, завелъ такую ссору на бумагѣ съ министромъ финансовъ, что государь, по возвращеніи въ Петербургъ, перевелъ Мордвинова и Саблукова въ гражданскій департаментъ, а въ экономическій назначилъ предсѣдателемъ князя Куракина, а меня сдѣлалъ статсъ-секретаремъ этого департамента, 27 ноября 1821 г.

Итакъ, опять, по милости Божіей, перемѣна въ мою пользу. Въ экономическомъ департаментѣ дѣлъ гораздо менѣе, и я въ скоромъ времени почувствовалъ ощутительную въ здоровьи перемѣну.

Между тѣмъ, не зная ничего о намѣреніи государя, не имѣя никакой возможности оставить службу и убивая себя дѣлами гражданскими, рѣшился я написать государю письмо, что мнѣ нужно пособіе на воспитаніе дѣтей, что я не знаю, какую бы имѣлъ онъ причину быть недовольнымъ мною; но ощущая гнѣвъ его, по уменьшенному у меня содержанію, прошу простить вину мою, для меня сокровенную, и пособить или прибавкою содержанія, или заплатою въ ломбардъ долгу моего. Вдругъ получаю отъ графа Аракчеева запросъ: какая убавка послѣдовала въ моемъ содержаніи? Отвѣтъ былъ краткій, что я лишенъ экипажа. 21 ноября—указъ, что къ содержанію моему прибавляется 3.500 р. въ годъ,

[1]) Ивану Петровичу, 1775—1819 гг.

съ выдачею и за прошедшій годъ. Это—сумма, которую именно означилъ я въ письмѣ на воспитаніе дѣтей. Но что жъ дѣлаетъ графъ Аракчеевъ? Препровождая ко мнѣ копію указа, объясняетъ въ отношеніи, будто бы отзывъ мой докладывалъ государю, будто по взятой справкѣ, оригиналомъ ко мнѣ препровожденной, за экипажъ платитъ конюшенная контора по 3.500 р., почему сумма сія мнѣ и пожалована. Но какую же справку онъ прислалъ? письмо Муханова къ Муравьеву 1818 г. Въ злости его, и утонченное плутовство Муравьева не могло скрыть истины. Зная и государя, и Аракчеева, я такъ разумѣю: Государь по письму моему приказалъ заготовить указъ о 3.500 рубляхъ; Аракчеевъ не могъ перемѣнить сего, и потому оставалось одно средство— не обманываю ли я, что содержаніе у меня уменьшено. Ошиблись и въ семъ разсчетѣ: онъ не посмѣлъ показать отвѣта моего государю, и потому, заготовивъ глухой указъ, даетъ бумагою своею оборотъ на экипажъ и, вмѣсто новой справки, присылаетъ мнѣ взятую за три года прежде. Безъ плутовства, онъ могъ бы просто сказать въ указѣ, «такому-то жалуемъ на экипажъ по 3.500 р.». Но слово экипажъ не вкусно, ибо исторію о немъ надобно утаить отъ государя.

Вотъ уже семь лѣтъ службы моей въ Совѣтѣ, и никакой награды. Я заставилъ честолюбіе свое умолкнуть совершенно; но семья меня безпокоила. И, наконецъ, представился случай говорить о себѣ: въ походѣ 1824 г. узнаю, что генералъ-лейтенантъ Радтъ проситъ моей аренды; поспѣшаю къ Канкрину[1]) и Оленину[2]) предупредить о сей грозѣ, и Алексѣй Николаевичъ, спасибо ему, тотчасъ отправилъ записку мою государю. Черезъ недѣлю объявляетъ Канкринъ, что Радту велѣно дать другую аренду; но моя также мнѣ не отсрочена, потому что 6 лѣтъ еще остается владѣнія, и государь сказалъ: «повременимъ отсрочкою». Самое дѣйствіе сіе показываетъ, что государь не имѣлъ намѣренія гнать меня, и что мнѣ надлежало руководиться тою же мѣрою ангельскаго терпѣнія.

Съ отъѣзда государя въ 1825 г. въ Таганрогъ, никто не зналъ о времени возвращенія его въ столицу, и послѣ удостовѣрительнымъ казалось, что до новаго года не возвратится. Осенью 1825 г. зарѣзана въ Грузинѣ дѣвка графа Аракчеева[3]), что заставило его отказаться отъ исправленія должностей. Это обстоятельство рѣшило меня отправить къ 12-му октября письмо въ Таганрогъ, о воззрѣніи на недостаточное мое

---

[1]) Егору Францовичу, 1776—1845, графу, министру финансовъ; автору „Записокъ".

[2]) Алексѣю Николаевичу, 1763—1843, статсъ-секретарю, писателю.

[3]) Настасья Ѳедоровна Шумская (Минкина). О ней и объ ея смерти см. „Русск. Стар.", III, 242; IV, 262; XLI, 479; XLII, 406.

содержаніе; но извѣстіе, 27-го ноября, полученное о кончинѣ государя, все перемѣнило.

Извѣстно, какими происшествіями началось новое царствованіе. Просить въ сіе время о себѣ—былъ бы грѣхъ непростительный, и я объявилъ одно только желаніе Оленину быть представленнымъ государю особо въ кабинетѣ; на что его величество и изъявилъ свое соизволеніе, объявленное мнѣ 14-го декабря при Сперанскомъ.

Вскорѣ послѣ сего Бижеичъ присылаетъ Кудряшева сказать, что получена бумага цесаревича о принятіи Алексаши въ пансіонъ лицея, и что не мѣшало бы попросить Татищева, который, за отсутствіемъ Дибича, докладываетъ по штабу, о принятіи его на казенное содержаніе. Безъ всякой надежды на Татищева, но только для того, чтобы не упрекнуть себя впослѣдствіи, поѣхалъ я къ нему, съ тѣмъ, что просить государя я не намѣренъ, а ежели можно, то отъ себя, при докладѣ бумаги цесаревича, сказалъ бы о большомъ семействѣ моемъ и недостаточномъ состояніи. Богу угодно было, чтобъ планъ сей исполнился, и 30-го декабря получилъ я оффиціальное извѣщеніе о томъ военнаго министра Татищева.

2-го же января обрадованъ пожалованіемъ ордена 2-го Владиміра, по запискѣ, поднесенной Олениным, что я девятый годъ ничѣмъ не награжденъ. На запискѣ сей награда отмѣчена собственною его императорскаго величества рукою.

Въ іюлѣ 1826 г. назначено и мнѣ ѣхать въ Москву, по случаю коронаціи. На проѣздъ отпущено, сверхъ прогоновъ, третное жалованье (до 5 тыс. руб.), что поставило меня въ возможность сдѣлать вояжъ сей безъ убытку. Сверхъ всякаго чаянія, въ день коронаціи получилъ я брильянтовые Анненскіе знаки, и такимъ образомъ поѣздка въ Москву обратилась въ сугубую для меня пользу. Я былъ въ возможности отдѣлать за-ново коляску и подвесть фундаментъ подъ сараемъ и конюшнею. Сему способствовало много то, что, по дружбѣ Жихарева, житье въ Москвѣ немного мнѣ стоило.

21-го сентября отвезъ я Сашу въ пансіонъ лицея.

Зимою учрежденъ былъ секретный комитетъ по доносамъ на коммиссаріатскіе извороты, продолжавшійся до августа 1827 г. Не знаю, кто меня упряталъ туда, подъ предлогомъ (какъ государь изволилъ сказать мнѣ), что я знаю коммиссаріатскую часть, но работа для меня была ужасная, ибо изъ коммиссаріатскихъ чиновниковъ никого взять я не могъ, а гражданскимъ неизвѣстны дѣла сего рода; самый предметъ былъ довольно щекотливый: все показывало, что коммиссаріатъ запутанъ и безъ запасовъ, что великія въ немъ злоупотребленія; но могло ли сіе быть при геніи графа Дибича?

Среди работы сей, тяжкой и осторожной, о которой имѣлъ государь

ежедневныя свѣдѣнія отъ предсѣдателя комитета, графа Толстаго [1]), неожиданно получаю я, вечеромъ 28-го апрѣля 1827 г., записку отъ графа Кочубея [2]), что по высочайшей волѣ имѣетъ онъ надобность видѣться со мною. Надобно знать, что графу извѣстенъ я былъ только по службѣ, и, со времени выбытія его изъ гражданскаго департамента, въ 1820 г. у него не былъ; въ Москвѣ видѣлъ его во время коронаціи, возвратившагося изъ-за границы, и то за обѣдомъ въ англійскомъ клубѣ; а о пріѣздѣ въ Петербургъ и не слыхалъ. Явившись тотъ же вечеръ къ графу Кочубею, пораженъ былъ новостію: послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о службѣ моей, о Совѣтѣ, о дѣлахъ, онъ объявилъ, что государь предлагаетъ ему званіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта (послѣ умершаго князя Лопухина), но что ему нужно прежде знать: согласенъ ли я занять мѣсто Оленина? Отвѣтъ былъ положительный и по утру состоялись указы, такъ рано и неожиданно, что ни въ Совѣтѣ, ни въ городѣ никто не воображалъ о перемѣнѣ.

Какъ не признать здѣсь благости Божіей? Хотя графъ Аракчеевъ не гналъ меня (ибо, бывъ худо принятъ, потащился за границу), тѣмъ не менѣе я не имѣлъ никакой подпоры у новаго государя, и только секретный комитетъ препятствовалъ принять что-либо рѣшительное насчетъ моей будущности. Но сей самый комитетъ познакомилъ меня съ графомъ Толстымъ и Васильчиковымъ, которые, вѣроятно, одно хорошее говорить обо мнѣ могли. Такъ понимаю я изъ словъ графа Толстаго. По назначеніи меня въ новую должность, онъ сказалъ, что давно зналъ о томъ, и что рѣшено еще было въ день похоронъ князя Лопухина, когда онъ ѣхалъ въ коляскѣ съ государемъ.

Въ первое время мнѣ чрезвычайно было трудно; но къ осени 1827 года все поправилось. Комитетъ коммиссаріатскій кончилъ свои занятія. Устроена по возможности государственная канцелярія, дѣламъ данъ правильнѣйшій ходъ, и я имѣлъ счастіе слышать безпрестанно удовольствіе государя и видѣть награжденными моихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ.

Правда, что съ утра до 12 часовъ ночи сижу я за работою, лишенный всѣхъ удовольствій свѣтскихъ; но когда это оцѣнивается, то и жизнь пріятна. Одни квартирныя деньги, наслѣдованныя мною послѣ Оленина (которому далъ ихъ графъ Аракчеевъ, для удержанія на службѣ, дабы мнѣ только не открыть дороги), достаточны были заставить меня такъ работать; ибо совершенно обезпечено было существованіе моего

---

[1]) Петра Александровича 1769—1844, петербургскаго военнаго губернатора, предсѣдателя военнаго департамента Государственнаго Совѣта.

[2]) Виктора Павловича, 1768—1834, съ 1831 года князя.

семейства; но, сверхъ того, ежегодно изливались на меня монаршія милости. Въ исходѣ 1827 г. заикнулся я графу Кочубею, что и въ новое царствованіе произведены младшіе—тотчасъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ; въ 1829 г. сдѣланъ былъ отъ высочайшаго имени вопросъ: чего я желаю и, согласно отзыву, отсрочена мнѣ на 12 лѣтъ прежняя аренда, съ прибавкою по 515 руб. сер.; въ 1830 г. утвержденъ въ званіи государственнаго секретаря; въ 1831 г. получилъ при рескриптѣ табакерку, съ портретомъ его величества; а въ 1832 г.—орденъ Бѣлаго Орла.

Признаюсь, однако, что сею послѣднею наградою не былъ я доволенъ. Носивъ 18 лѣтъ Анненскую ленту, можно было ожидать Александровской, особливо когда предъ тѣмъ графъ Канкринъ надѣлъ ее на Дубенскаго. Легко ничто не происходило, и какъ въ сіе же время данъ Бѣлый Орелъ Блудову и Дашкову, то можно было догадаться, кто причиною? Благодарность князю Кочубею, за прочее, заградила уста, и я, имѣвъ въ декабрѣ 1831 г. замѣчаніе, за пропускъ одной бумаги Канкрина по таможенной части, объявилъ только ему, что, по подачѣ отчета, намѣренъ былъ просить смѣны, что теперь не дѣлаю сего, дабы не показать государю, что недоволенъ наградою, хотя и не скрываю, что мнѣ обидно, и чтобы его сіятельство искалъ въ теченіе года государственнаго секретаря, такъ какъ силъ моихъ уже недостаетъ, и я несроденъ открывать тонкое плутовство министра финансовъ. Дѣло довольно странное: весь Совѣтъ, 40 человѣкъ, не понялъ прямаго смысла одной двусмысленной фразы, по коей надбавочная съ 1832 года таможенная пошлина обращена и на товары, зазимовавшіе въ таможняхъ; а на мнѣ все обрушилось.

Средь событій сихъ, когда, обезпеченный содержаніемъ, водворилъ я въ домѣ полное на этотъ счетъ спокойствіе, и устроилась помаленьку и судьба трехъ дочерей: въ 1828 г. выдана замужъ Марія, въ 1829 г. Екатерина, а въ 1832 г. Елизавета; но Богу не угодно было продлить жизнь послѣдней изъ нихъ: чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ свадьбы показалась у нее кровь, и открывшаяся вслѣдъ затѣмъ скоротечная чахотка въ одинъ мѣсяцъ довела ее до гроба—17 января 1833 г. за три дня до смерти ея, получилъ я Александровскій орденъ.

1832 годъ примѣчателенъ въ нашей семьѣ еще тѣмъ, что забота моя—куда дѣвать Петашу, послѣ уничтоженія лицейскаго и университетскаго пансіоновъ, и когда въ гимназіи скорѣе избалуется мальчикъ, нежели чему-нибудь выучится,—уничтожилась. Свѣдавъ, что лицей, по необходимости, комплектованъ будетъ послѣ выпуска 1832 г. гимназистами, я рѣшился просить государя о зачисленіи въ то число сына моего, Петра, котораго успѣлъ бы я приготовить чрезъ лицейскихъ профессо-

ровъ къ экзамену. Князь Голицынъ [1]), сей благодѣтельный мужъ, пособилъ мнѣ не только въ первомъ случаѣ, но и въ послѣднемъ, рекомендовавъ профессора Кайданова [2]), почтеннаго человѣка. Просьба моя сдѣлала добро пяти семействамъ. Государь согласился съ мнѣніемъ его высочества Михаила Павловича, чтобы, вмѣсто 25 гимназистовъ, брать въ лицей только 20, а пять вакансій оставлять на диспозицію его величества, для замѣщенія дѣтьми заслуженныхъ чиновниковъ. Къ чести Петаши сказать должно, что, дорожа мѣстомъ воспитанія, онъ превзошелъ ожиданія профессоровъ и въ 6-ть мѣсяцевъ такъ себя приготовилъ, что выдержалъ экзаменъ, увѣряя все время, что выдержитъ, хотя мы не надѣялись и рѣшились платить, въ противномъ случаѣ, за него деньги (по вновь послѣдовавшему устройству), лишь бы только быть ему воспитану въ Царскосельскомъ лицеѣ. Съ поступленіемъ Петра въ младшіе воспитанники лицея, сынъ Александръ поступилъ въ старшіе, и вотъ въ 1835 г., думать уже надобно: какимъ путемъ указать ему ходъ по службѣ царю и матушкѣ Россіи.

1833 годъ былъ счастливъ для меня и въ началѣ, и въ концѣ. 17 января пожалованъ орденъ св. Александра, а 10 ноября подарена кварта съ аренды, сколько въ уравненіе съ Блудовымъ и Дашковымъ, столько и въ возмездіе убытковъ, ибо аренды моей съ 1831 г. никто не покупалъ; разстройство ея требовало издержекъ, деньги, по мѣрѣ полученія, исчезали, а прожитокъ и три свадьбы невольно сдѣлали долгъ.

Надежда, что аренда, безъ платежа въ казну кварты, скорѣе будетъ продана, рѣшила меня сдѣлать къ дому пристройку, въ саду, занявъ на предметъ сей въ банкѣ 20.000 руб. Важныя къ тому были причины: мы не имѣли порядочной столовой; надобно было думать объ отдѣльномъ помѣщеніи сыновей, по выпускѣ изъ лицея, а дощатая терраса, въ саду приходила въ ветхость.—Вмѣсто ея-то и положили мы съ женою сдѣлать каменную пристройку, въ три этажа такимъ образомъ, чтобы низъ, на сводахъ, составлялъ подвалы, а послѣ и жилье; бель-этажъ—столовую и буфетъ, а третій—двѣ спальни и гостиную съ балкономъ, для сыновей собственно. Замѣчательно, что, рѣшившись на это въ августѣ 1833 г., къ зимѣ кончено было строеніе вчернѣ съ крышею; рано весною началъ я чистую отдѣлку, и въ августѣ 1834 г. мы обѣдали уже въ новой столовой.

Съ сею постройкою надобно было измѣнить и старое обязательство Марьи Осиповны, насчетъ урегулированія улицы. Поэтому сдѣлана

---

[1]) Александръ Николаевичъ, 1773—1844; министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

[2]) Иванъ Кузьмичъ, 1782—1845; профессоръ исторіи въ лицеѣ, писатель.

чугунная рѣшетка около дому, съ палисадникомъ, новые заборы и тротуаръ, такъ что строеніе вообще и передѣлка сада обошлись намъ въ 29.000 руб. Остальные 9.000, къ занятымъ изъ банка, и 2.000 руб. процентовъ банку, заплачены уже деньгами, за аренду полученными, которая, благодаря Катеринича, процана, между тѣмъ, хотя съ годовою только платою (а не вдругъ), но я остался доволенъ цѣною.

Все бы хорошо, но должность государственнаго секретаря убивала меня: сидя утро и вечеръ въ кабинетѣ, я не успѣвалъ уже столько дѣлать, какъ прежде; надобно было ожидать упущеній, слѣдовательно и отвѣтственности. Объ этомъ при возможномъ случаѣ напоминалъ я князю Кочубею и всегда слышалъ одинъ отзывъ, что ищутъ человѣка на мое мѣсто. Наконецъ, городъ нарекъ его, когда Лубяновскій [1]) сдѣланъ сенаторомъ, и слухъ сей былъ вѣроподобенъ: г. Лубяновскій въ малыхъ чинахъ служилъ у князя Кочубея и Сперанскаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, слылъ дѣльцомъ и послѣдніе годы былъ губернаторомъ. Въ началѣ 1834 г. князь Кочубей тяжко занемогъ, и все показывало, что подагра у него въ груди уже; но, почувствовавъ къ святой недѣлѣ облегченіе, распорядился онъ кончить при себѣ болѣе важныя дѣла по Совѣту, и 10 мая отправиться изъ Петербурга по своимъ деревнямъ. Когда все было кончено и надлежало поднести только указъ о предсѣдателѣ и членахъ, то встрѣтилось затрудненіе: князь Голицынъ и Васильчиковъ отказывались отъ предсѣдательства. Наконецъ, рѣшилъ государь, чтобы князю Голицыну быть, и князь Кочубей, отдавая мнѣ проектъ указа, просилъ не включать въ немъ словъ: до возвращенія предсѣдателя править его должность и проч., открываясь, что онъ обезсилѣлъ и, по возвращеніи, не вступитъ въ президентство. Это рѣшило меня дѣйствовать: въ тотъ же день, отсылая указы, приложилъ я слѣдующую о себѣ записку князю Виктору Павловичу Кочубею, 9 мая 1834 года:

«Честь имѣю представить вашему сіятельству бумаги, составленныя по приказанію вашему, утромъ сего дня мнѣ данному, такому приказанію, которое встревожило меня болѣе, нежели послѣдняя болѣзнь ваша. Но тогда не долженъ я былъ говорить о себѣ; теперь же обязанъ, ибо вы рѣшительно (хотя и по секрету) сказать мнѣ изволили, что по возвращеніи сюда не вступите болѣе въ отправленіе настоящихъ должностей. Взысканный постоянно благосклоннымъ вниманіемъ вашего сіятельства къ служенію моему, не могу скрыть, что отъ застѣнчивости много уже потерялъ и потому не могу молчать долѣе, оставаясь въ совершенномъ на счетъ свой недоумѣніи. Слабѣющее зрѣніе, трясеніе правой руки, битой не одинъ разъ въ походной жизни, словомъ, старость примѣтно одолѣваетъ мною и грозитъ упущеніемъ по должности. Я не привыкъ служить какъ-нибудь, а сорокъ лѣтъ настоящей службы,

[1]) Ѳедоръ Петровичъ, 1777—1869.

какую судьба всегда мнѣ давала, утомили до того, что, сидя утро и до полуночи, отказываясь отъ всѣхъ удовольствій свѣта, едва уже успѣваю оканчивать суточную работу для удержанія хода дѣлъ въ должномъ порядкѣ. На ослабленіе физическихъ силъ неоднократно жаловался и вашему сіятельству, вы принимали живое въ томъ участіе, какъ очевидецъ, объявляли монаршій отзывъ, чтобы я имѣлъ въ виду успокоеніе въ званіи члена Совѣта, и затруднялись только пріисканіемъ мнѣ преемника. Клянусь, что милости государя, да ваше благосклонное вниманіе и нѣжное обхожденіе заставляли забывать себя; но теперь естественно рождается вопросъ: что будетъ, когда вы оставите Совѣтъ? День-ото-дня буду я становиться болѣе неспособнымъ для секретарства, въ которомъ, съ разными титулами, провожу 30 лѣтъ; долженъ слушать за правду грубости отъ молодыхъ министровъ, людей едва поступившихъ въ настоящую службу и знающихъ ее по одной теоріи, или сдѣлать подобно Тургеневу исторію въ Совѣтѣ; долженъ буду видѣть постоянную потерю уваженія ко мнѣ гг. членовъ, пріобрѣтеннаго 16-ти-лѣтнимъ опытомъ правоты моей и искренности; наконецъ, долженъ потерпѣть въ мнѣніи государя и подать просьбу объ отставкѣ, дабы предупредить изгнаніе изъ службы. Иной конецъ быть не можетъ, ибо государь императоръ доволенъ теперь мною и изволитъ знать меня съ хорошей стороны, потому только, что хвалите вы, другой и третій; пойдутъ другія вѣсти, и его величество невольно долженъ вѣрить имъ столько же, какъ и прежнимъ. Это неизбѣжный жребій владыкъ земныхъ.

«Картину сію рѣшился я сего дня же повернуть на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Не протекція сдѣлала меня извѣстнымъ вамъ въ 1816 г., а служба, она же сблизила меня опять ровно чрезъ десять лѣтъ, и утѣшаюсь мыслію, что я оправдалъ довѣріе ваше и царя (не знавшаго въ 1826 г., что думать обо мнѣ). Но согласитесь, что оставаться долѣе государственнымъ секретаремъ не должно мнѣ и для себя собственно, и для пользы службы. Приличіе и уваженіе къ болѣзненному состоянію вашему удержали меня одинъ разъ въ предѣлахъ благопристойности; за другой же разъ не ручаюсь; да и самая должность не терпитъ оскорбленія.

«Ваше сіятельство по собственнымъ чувствамъ судить можете, сколь неудобно было бы для меня изъясненіе сего рода съ намѣстникомъ вашимъ, особенно когда онъ со мною, или я съ нимъ не сойдемся въ образѣ мыслей; и потому надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ послѣдней усердной просьбѣ — довести все сіе до высочайшаго свѣдѣнія, сколько для успокоенія меня насчетъ будущности, столько и для того, чтобы въ необходимомъ случаѣ могъ я, въ отсутствіе ваше, сказать прямо, что два года прошу уже смѣны и слѣдовательно не по капризу какому-либо оставляю должность, или вовсе службу».

На другой день, пріѣхавъ къ князю Кочубею, засталъ я у него князя Голицына, и послѣ разговора о дѣлахъ, сказалъ онъ при немъ съ улыбкою: «И записку вашу, Василій Романовичъ, ко мнѣ государь прочиталъ всю; велѣно сказать вамъ, что никакой непріятности не встрѣтите вы, и ведите себя по-прежнему въ отношеніи къ министрамъ». Потомъ говорилъ по-французски съ княземъ Голицынымъ и, наконецъ, обратясь опять ко мнѣ, заключилъ тѣмъ, что: «мѣсто члена Совѣта всегда вамъ принадлежитъ; только Бога ради останьтесь до осени: авось мы сыщемъ, кѣмъ

замѣнить васъ». Слова сіи были послѣднія для меня; поклонясь въ отвѣтъ на оныя, я благодарилъ за то, что они сказаны при князѣ Голицынѣ, которому и повторилъ цѣль посланія моего.

Простясь съ княземъ Кочубеемъ, ожидалъ я съ нетерпѣніемъ вакаціоннаго времени, чтобы отдохнуть и запастись силами, по крайней мѣрѣ, до декабря (если опять обманетъ надежда), какъ вдругъ получено извѣстіе о кончинѣ князя Кочубея въ Москвѣ. Я искренно оплакивалъ вельможу сего, какъ благодѣтеля своего и какъ государственнаго человѣка, который любилъ царя и отечество и желалъ имъ добра отъ души. Рѣшительно сказать можно, что съ 1827 г. одинъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ, не оставивъ по себѣ равнаго, и хотя впослѣдствіи, вѣроятно, по болѣзненному состоянію, замѣтна была слабость характера и дворская угодливость, но, тѣмъ не менѣе, въ дѣлахъ важныхъ показывалъ твердость и умъ опытный, дальновидный. Мѣсто князя Кочубея заступилъ Новосильцовъ [1]), человѣкъ очень добрый и обвороживши меня своею ласкою. Считая неприличнымъ говорить о себѣ, дабы не поселить съ перваго раза мысли, будто я не хочу служить съ нимъ, мнѣ осталась одна рѣшимость—протянуть еще годъ въ тяжкой работѣ; но августъ мѣсяцъ все перемѣнилъ. По окончаніи маневровъ государь, разсуждая съ Новосильцовымъ о Совѣтѣ, замѣтилъ, что многіе члены устарѣли, и что надобно озаботиться избраніемъ новыхъ, особенно для департамента гражданскаго. Предоставя сіе Новосильцову, его величество изволилъ заключить, что у него есть въ виду одинъ человѣкъ только. Воспользовавшись объясненіемъ Новосильцова, что, по долгому отсутствію изъ Петербурга, почти всѣ теперешнія лица незнакомы ему, я предварилъ его, что надобно думать и о государственномъ секретарѣ; ибо я не проченъ, и что государь знаетъ о томъ; въ чемъ и сослался на князя Голицына. Послѣдующія сужденія привели къ тому, что меня можетъ замѣнить баронъ Корфъ, и я готовъ руководствовать его нѣкоторое время. По возвращеніи изъ Берлина, государь изволилъ сказать Новосильцову, что онъ имѣетъ и другаго члена Киселева, прежній же былъ я, по уговору, сдѣланному еще съ княземъ Кочубеемъ. Такимъ образомъ, неожиданно получилъ я, 6-го декабря 1834 года, званіе члена Совѣта, съ условіемъ, чтобы кончилъ годъ и подалъ отчеты, ознакомивъ между тѣмъ барона Корфа съ новою должностію. Все это исполнено къ удовольствію его величества, который самымъ лестнымъ образомъ благодарилъ меня, при представленіи моемъ въ кабинетѣ, щедро наградилъ чиновниковъ, мною рекомендованныхъ, а мнѣ пожаловалъ вновь на 12 лѣтъ аренду, въ возмездіе, такъ сказать, потери

---

[1]) Графъ Николай Николаевичъ, 1761—1838, предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

квартирныхъ денегъ, съ прежнею должностію сопряженныхъ, дабы получаемое мною доселѣ содержаніе отъ казны не уменьшилось.

Итакъ, справедлива русская пословица, что «за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ».

Въ ноябрѣ 1836 г. выдана замужъ и четвертая дочь наша Надежда.

8-го августа 1838 года графъ Новосильцовъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

Двѣ записки В. Р. Марченки.

I.

Событія, въ глазахъ моихъ совершившіяся, при вступленіи на престолъ императора Николая I [1]).

По полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I, собранъ былъ ночью Государственный Совѣтъ, и распечатана духовная, по силѣ которой, за отреченіемъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, надлежало вступить на престолъ великому князю Николаю Павловичу, — но онъ тутъ же изволилъ отозваться, что «отреченіе великаго князя не есть отреченіе императора; что духовная не была сдѣлана въ свое время гласною манифестомъ, и что онъ, сохраняя коренной законъ о престолонаслѣдіи, самъ первый принесетъ присягу императору Константину»; что̀ и исполнено имъ на другой день, рано поутру, въ большой церкви Зимняго дворца.

Сей рѣшительный, безпрекословенный, правдивый и благородный поступокъ приготовлялъ, однако, въ самомъ началѣ недоумѣнія и даже опасенія. Какъ присягать Совѣту, Синоду и Сенату, имѣющимъ равные экземпляры духовной Александра на сохраненіи, когда воля его должна быть священна до обнародованія новаго императора? Какъ безъ манифеста сего послѣдняго, приводить Россію къ присягѣ? Какъ оправдываться въ утайкѣ духовной, когда Константинъ не вступитъ на престолъ? Какъ сокрыть ее, ежели онъ вступитъ, когда въ Совѣтѣ она оглашена уже и, можетъ быть, вскрытъ также въ Москвѣ конвертъ, хранящійся въ Успенскомъ соборѣ? Словомъ, понимали, что дѣло какъ-то не ладно; но шагъ сдѣланъ: Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ пошли въ свои

---

[1]) Эта статья помѣщена въ концѣ той же рукописи В. Р. Марченки, въ которой изложена предыдущая записка его.

*

церкви и присягнули. Отъ своего имени, безъ манифеста, рѣшился Сенатъ сдѣлать предписаніе о повсемѣстной присягѣ императору Константину, и мы оставались шестнадцать дней безъ повелителя, ибо изъ Варшавы отъ Константина не было манифеста, а Николай оставался здѣсь, послѣ присяги, въ своей сферѣ. Положеніе столицы, при полномъ спокойствіи, было непонятно. Первые дни всѣ поражены были ужасною мыслію о неожиданной потерѣ Александра. Но когда скорбь начала слабѣть, разнеслась шопотомъ молва о духовной, стали судить о скорой присягѣ, пріѣздѣ сюда Константина и проч. Городъ не зналъ тогда, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ, получивъ прямо изъ Таганрога извѣстіе о кончинѣ Александра I, тотчасъ подтвердилъ свое отреченіе отъ престола письмами къ матушкѣ и брату Николаю, которыя были получены здѣсь по учиненіи уже присяги. Отъ этого завязалась семейная переписка, бывшая тайною двора, и, наконецъ, отправленъ въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ, о чемъ также немногіе знали. Но въ теченіе послѣдней недѣли, два слуха прошли по городу: первый—Сенатъ, предписавъ о повсемѣстной присягѣ, донесъ о томъ императору Константину; служившій въ Сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, игрокъ-милліонеръ Никитинъ [1]) выхлопоталъ, что его послали съ этимъ донесеніемъ въ Варшаву. Но Никитина изъ Бѣлостока не пустили далѣе, а депеши отправили къ Константину. Это разсказывали со смѣхомъ, потому что, будто бы, наложница министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго [2]) получила 10.000 р. съ Никитина за то, чтобы старикъ, министръ юстиціи, послалъ его вмѣсто обыкновеннаго сенатскаго курьера. Второе—пріѣхавшіе съ рижскаго тракта сказывали, что великій князь Михаилъ Павловичъ не поѣхалъ въ Варшаву, а живетъ на почтовой станціи за Нарвою.

Къ симъ непостижимостямъ прибавилось еще прибытіе изъ Грузино графа Аракчеева. Съ сентября мѣсяца, когда зарѣзана старая его любовница Настасья, онъ жилъ въ деревнѣ и сбросилъ съ себя служебныя обязанности, занимался истребленіемъ дворни и личнымъ вліяніемъ на уголовный судъ и новгородскаго гражданскаго губернатора Жеребцова [3]), изгнаннаго послѣ, за лишнюю ему угодливость, изъ службы. Но предчувствіе ли, тайныя ли извѣстія, при увѣренности, сколько онъ ненавидимъ въ военномъ поселеніи, заставили его переѣхать въ Петербургъ и запереться такъ, что не пускалъ даже къ себѣ военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича [4]), пріѣзжавшаго съ порученіями отъ Ни-

[1]) Василій Поликарповичъ (?), управлявшій Петербургскою губерніею въ 1831 году, тайный совѣтникъ.

[2]) Дмитрія Ивановича, 1752—1838, генерала-отъ-инфантеріи.

[3]) Дмитрія Сергѣевича, преданнаго суду въ 1827 году.

[4]) Михаила Андреевича, 1770—1825, графа съ 1813 года, убитаго 14 декабря

колая Павловича. Потеря духа его была столь велика, что кстати разсказать здѣсь анекдотъ о полиціймейстерѣ Чихачевѣ. Онъ былъ адъютантомъ графа Аракчеева, чрезъ него получилъ и мѣсто полиціймейстера, исполнялъ всѣ его коммиссіи, словомъ, былъ и домашній человѣкъ, и пріятель такой руки, что часто Аракчеевъ посылалъ сказать ему поутру, что сегодня будетъ у него обѣдать. Чихачевъ, видѣвшій графа Аракчеева въ послѣдній разъ въ Грузино, въ день похоронъ Настасьи (когда,—о подлость величайшая!—архимандритъ Фотій, въ надгробной рѣчи, утѣшалъ Аракчеева предвѣстіемъ, что зарѣзанная поступила въ сонмъ великомученицъ), узнавъ ночью о пріѣздѣ графа Аракчеева, поспѣшилъ поутру заѣхать къ нему; но въ три пріема получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что «рѣшительно ни объ комъ не велѣно докладывать». Вечеромъ часу въ десятомъ, графъ Милорадовичъ призываетъ Чихачева и даетъ читать формальное отношеніе графа Аракчеева, коимъ проситъ воспретить Чихачеву безпокоить его, ибо надѣется, что онъ «не состоитъ подъ надзоромъ полиціи». Все это и слухи, что въ Грузино, при бытности полковника Тизенгаузена, исполняются уголовные приговоры съ ужасною жестокостію, занимало публику разсказами и догадками.

Надобно было прекратить недоумѣніе и толки, день-ото-дня возраставшіе, и Николай Павловичъ рѣшился возсѣсть на престолъ. 13-го декабря, ночью собранъ былъ Государственный Совѣтъ, въ которомъ его величество предъявилъ всю переписку свою съ братомъ и проектъ манифеста, писаннаго, какъ тогда говорили, Карамзинымъ. Проектъ одобренъ и тутъ же, въ самую полночь, подписанъ новымъ императоромъ.

14-го числа былъ понедѣльникъ, обыкновенный день общаго собранія Совѣта, и положено въ ночномъ засѣданіи—собраться поутру въ девять часовъ, для присяги. По пріѣздѣ въ Совѣтъ, нашелъ я дворцовую повѣстку, что въ два часа назначено поздравленіе императора, и поэтому отпустилъ карету домой до 4-го часа. По съѣздѣ членовъ, пошли мы въ придворную церковь, присягнули, подписали имена свои на листѣ, и въ десять часовъ явились, по дорогѣ изъ церкви, съ поздравленіемъ къ императору (въ коридорѣ, окнами къ адмиралтейству); а отъ него, чрезъ комнату налѣво,—къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По возвращеніи въ Совѣтъ, помѣщавшійся тогда въ комнатахъ бывшаго оберъ-гофмаршала графа Толстаго (въ коридорѣ, окнами на дворъ), открыто было засѣданіе. Но какъ нѣкоторые старики члены стали жаловаться на усталость, и что въ два часа надобно быть опять на ногахъ, то докладъ дѣлъ отмѣненъ, и всѣ разъѣхались. Я же поневолѣ остался во дворцѣ, такъ какъ отпустилъ карету домой, и, располагая походить съ часъ времени въ Эрмитажѣ, вышелъ въ коридоръ. Едва отворилъ дверь, навстрѣчу мнѣ графъ Милорадовичъ, щегольски одѣтый и всегда веселый. «Я сейчасъ былъ съ рапортомъ у новаго императора, сказалъ

онъ,—о благополучномъ состояніи столицы; всѣ мѣста присягнули уже, да и весь городъ, можно сказать, потому что съ утра нельзя пробиться къ церквамъ». На вопросъ же мой о войскѣ, отвѣчалъ, что «и оно присягнуло, только въ конной артилеріи, подъ Смольнымъ, что-то случилось, но это вздоръ, и тамъ теперь великій князь Михаилъ Павловичъ». Вмѣстѣ съ этимъ онъ предлагалъ ѣхать съ нимъ въ театральную школу, на пирогъ къ директору театровъ Майкову [1]), который въ тотъ день былъ именинникъ; но я, бывъ въ мундирѣ, не принялъ его приглашенія, сколько онъ ни настаивалъ. Оно, однако, родило во мнѣ мысль выпить рюмку мадеры и съѣсть кренделекъ, для того, что ранѣе четвертаго часа нельзя было отдѣлаться изъ дворца, и я воротился въ Совѣтъ. Ожидая, пока камеръ-лакей подастъ мадеры, подхожу къ окну и удивляюсь, что императоръ въ парадной формѣ, учитъ егерей или финляндцевъ, стоявшихъ тогда въ караулѣ. Надобно знать, что императоръ, будучи великимъ княземъ, когда разводъ былъ его полковъ, всегда самъ вводилъ людей въ сошки на дворцовомъ дворѣ, дѣлалъ маневръ этотъ два, а иногда и три раза, и потомъ своими руками свертывалъ знамя и завязывалъ знаменный чахолъ. Въ это время входитъ помощникъ статсъ-секретаря Свиньинъ [2]) (нынѣ сенаторъ) и говоритъ, что онъ не могъ проѣхать: вездѣ войска, народъ валитъ на площадь, и онъ воротился, чтобы переждать. Слышавъ отъ графа Милорадовича, что гвардія присягнула уже, и что каждая часть въ своемъ полку, я подумалъ, что сборомъ ея предъ дворцомъ начнется поздравленіе императора. Вспомнилъ, какъ Александръ, въ 1801 г., явился на балконѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, народу и гвардіи, состоявшей тогда не болѣе какъ изъ семи тысячъ человѣкъ и присягнувшей на площади, и указалъ Свиньину на государя, занимающагося гауптвахтою. Но каково было удивленіе мое, когда я увидѣлъ, что по командѣ его, какъ на ученьи, начали солдаты заряжать ружья и насыпать порохъ на полки. Послѣ этого императоръ повелъ войска въ ворота, на площадь, а съ гауптвахты бѣжали за нимъ караульные офицеры, обнажая на дворѣ уже свои шпаги. Хотѣлось выйти на площадь; но неуклюжій мундиръ мѣшалъ; я послалъ домой курьера за фракомъ, а между тѣмъ поручилъ придворному лакею пройти по комендантской лѣстницѣ къ экзерцизгаузу и узнать, что́ дѣлается. Онъ воротился съ отвѣтомъ, что государь стоитъ съ командою, снятою съ гауптвахты, между дворцовыми воротами и фонарикомъ; около него толпа народа; онъ читалъ манифестъ и послѣ сказалъ: «вы видите теперь, что я не отнимаю престолъ у брата». Вѣсть

---

[1]) Аполлонъ Александровичъ, писатель, отецъ академика-живописца Николая Аполлоновича.

[2]) Петръ Петровичъ, 1784—1841.

эта не обѣщала ничего добраго, и я пошелъ въ фонарикъ. Здѣсь увидѣлъ слѣдующую картину: Конная гвардія, съ командиромъ своимъ Орловымъ [1]), на рысяхъ скакала изъ казармъ своихъ къ штабу, и съ появленіемъ ея, государь изволилъ перейти на средину площади (гдѣ теперь Александровская колонна), сопровождаемый дворцовымъ карауломъ и Преображенскимъ баталіономъ, прибѣжавшимъ изъ Милліонной въ шинеляхъ и фуражкахъ, заряжая на бѣгу ружья. Изъ-подъ арки бѣжали и примыкали къ нимъ саперы. Съ Гороховой улицы шелъ Московскій полкъ къ Сенату; когда же показались Семеновскій и Егерскій полки, то саперы пошли на дворцовый дворъ и тотчасъ заняли всѣ выходы, а государь съ отрядомъ, предшествуемый Конною гвардіею, изволилъ отправиться къ Сенату.

Найдя въ комнатахъ Совѣта фракъ свой уже привезеннымъ, вышелъ я по Салтыковскому подъѣзду (противъ адмиралтейства) на бульваръ и, пробиваясь между чернію и разнаго состоянія людьми, старался развѣдать, что̀ такое дѣлается? Одни отвѣчали: «не знаемъ, сами добиваемся толку»; другіе: «говорятъ, что бунтъ, Боже сохрани!» и съ такими отвѣтами дошелъ я до Исаакіевской церкви. Здѣсь увидѣлъ государя на лошади, лицомъ къ адмиралтейству, и гвардію, расположенную отъ дому Крюковской (угольный на площади, по правую руку, въ Гороховую улицу) до Исаакіевскаго моста. Артиллерія стояла у моста на Англійской набережной, позади Конно-Гвардейскаго моста и на углу адмиралтейства ко дворцу; около Сената же гауптвахта обыкновенная, а впереди какія-то сборныя команды гвардейскихъ полковъ, но, по воротникамъ, большею частію Московскаго. Площадь около самаго монумента Петра I была свободна, и по ней безпрепятственно переходили, съ бульвара къ Сенату и обратно, не только люди всякаго званія, но и солдаты изъ фронта. Здѣсь увидѣлъ я идущаго отъ Сената статскаго совѣтника Горскаго и, узнавъ отъ него болѣе, нежели ожидалъ (о чемъ скажу послѣ), отправился обратно во дворецъ, надѣлъ мундиръ и пошелъ опять въ осмотръ.

Отъ фонарика на площади было пусто. Войска густыми колоннами стояли около Исаакіевской церкви. Лѣстницы во дворцѣ набиты были солдатами съ ружьями, а на дворѣ дворцовомъ устраивалось каре, распоряженіемъ коменданта Башуцкаго [2]), страннымъ до того, что, глядя сверху, понять нельзя было о прямомъ его намѣреніи. Поминутно солдаты тѣснились и растягивались, выходили на крыльцо и въ ворота и возвращались. Какъ теперь смотрю, что въ этой суматохѣ Башуцкій

---

[1]) Графомъ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ, 1787—1862, позже княземъ, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Павла Яковлевича, въ этотъ же день пожалованнаго званіемъ генералъ-адъютанта.

переводитъ съ правой стороны одинъ какой-то баталіонъ, въ шинеляхъ, на лѣвую, гдѣ стоящій баталіонъ не можетъ осадить потому, что припертъ къ самой плацформѣ гауптвахты. Это мѣсто очищалъ Башуцкій лейбъ-гренадерскому баталіону, предводимому однимъ мальчикомъ-офицеромъ, за которымъ бѣжалъ флейтщикъ, и еще хвостъ не построился, какъ мальчикъ тотчасъ повелъ баталіонъ обратно со двора на площадь, а Башуцкій опять принялся за распоряженіе: какъ занять оставленную пустоту? Послѣ извѣстно сдѣлалось, что баталіонъ этотъ, подъ командою поручика или капитана Панова, приходилъ занять крѣпость; но, найдя ворота запертыми, бросился во дворецъ, гдѣ также найдя принятыя мѣры, отправился на площадь и, въ глазахъ государя и гвардіи, прошелъ мимо ихъ около бульвара, прямо къ Сенату, и соединился съ бунтующими солдатами Московскаго полка. Между тѣмъ время близилось къ двумъ часамъ, и дворецъ наполнился пріѣхавшими по повѣсткѣ для поздравленія. Дамы всѣ были разряжены, но мужское одѣяніе представляло нестроту, ибо многіе, бывъ оповѣщены на службѣ, чтобы не опоздать, прямо проѣхали во дворецъ въ черныхъ панталонахъ. Военные всѣ уходили на площадь, и въ залѣ оставались только два, князь Лобановъ-Ростовскій [1]), по старости и непринадлежности къ арміи, и графъ Аракчеевъ, по трусости, какъ говорили тогда, можетъ быть, злословно, но на него жаль было смотрѣть: ни одна душа не останавливалась промолвить съ нимъ слова, и онъ радъ былъ, усѣвшись на диванчикъ съ пріѣхавшимъ во дворецъ княземъ Лопухинымъ [2]), видѣть его разговаривающаго съ графомъ Орловымъ, который неоднократно присыланъ былъ съ площади къ императрицамъ.

Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ, сначала съ просьбою, не могу ли я, по старой дружбѣ, подарить ему экземпляръ манифеста? Я послалъ своего курьера съ полтинникомъ въ сенатскую типографію, и чрезъ полчаса вручилъ Аракчееву просимый экземпляръ. Онъ чувствительно благодарилъ и пожалъ мнѣ руку (это было послѣднее явленіе въ нашей драмѣ, и я не встрѣчался уже съ Аракчеевымъ въ остальные дни жизни его), и потомъ спросилъ: «что, батюшка, есть ли утѣшительныя вѣсти?» Я ему сказалъ, что число строптивыхъ увеличивается переходящими изъ полковъ солдатами къ шайкѣ, у Сената стоящей, и что государь, не рѣшаясь на крайнюю мѣру, надѣется убѣжденіями образумить заблуждающихся, заботясь болѣе о бѣдномъ графѣ Милорадовичѣ, за жизнь котораго не ручаются доктора. Аракчеевъ съ ужасомъ отошелъ отъ меня, услышавъ первый разъ о ранѣ, нанесенной графу Милорадовичу, хотя это несчастное приключеніе часа два всѣмъ уже извѣстно было.

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

[2]) Петръ Васильевичъ, 1741—1827, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ.

Сдѣлалось темно. Зажгли огни. Полиціймейстеръ Чихачевъ пробѣжалъ чрезъ залу; вскорѣ возвратился и за нимъ петербургскій митрополитъ Серафимъ [1]), въ полномъ облаченіи, съ протодіаконами. Государь вытребовалъ его изъ церкви на площадь. Но слова митрополита заглушены были крикомъ и угрозами мятежниковъ, и онъ, чрезъ полчаса, возвратился во дворецъ. Вслѣдъ за нимъ услышали мы пушечные выстрѣлы, послѣ которыхъ, не болѣе какъ чрезъ четверть часа, изволилъ и государь пройти чрезъ залу не останавливаясь, къ императрицамъ. Тутъ узналъ я, что послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ [2]) картечью, мятежники разсыпались по Галерной улицѣ, Англійской набережной и Васильевскому острову; что они бросаютъ ружья и что ихъ захватываютъ кавалергарды съ Конною гвардіею и приводятъ въ сенатское зданіе, гдѣ сидятъ, для допросу, генералъ-адъютанты Васильчиковъ [3]) и Голенищевъ Кутузовъ [4]), изъ которыхъ послѣднему велѣно исправлять должность военнаго генералъ-губернатора. Еще прошло четверть часа, и государь съ императрицами изволилъ выйти изъ внутреннихъ комнатъ, поклонился бывшимъ въ залѣ и прошелъ прямо въ церковь. Отслушавъ тамъ молебенъ, стали разъѣзжаться, и я воротился домой почти въ шесть часовъ вечера. Войска расположили огни и остались на ночь кругомъ дворца, занявъ всѣ проѣзды и мосты, ведущіе на Дворцовую и Сенатскую площади.

На завтра, 15 декабря, заѣхалъ я въ канцелярію; но больше ничего не могъ узнать, кромѣ смерти графа Милорадовича, и что всю ночь то приводили, то сами являлись къ дежурному генералъ-адъютанту Левашеву [5]) разнаго рода люди, которыхъ водилъ онъ къ государю. Это были соучастники заговора, и показанія ихъ наипаче представляли такую цѣль, что учредили слѣдственную коммиссію [6]), занимавшуюся день и ночь въ крѣпости. Къ чести государя сказать должно, что въ коммиссіи [7]) не было ни одной злой души, которая могла бы превра-

---

[1]) Степанъ Васильевичъ Глаголевскій, 1759—1843, съ 1814 г. архіепископъ тверской, съ 1819 г. — митрополитъ московскій, съ 1821 г.—новгородскій и санктъ-петербургскій.

[2]) Разсказъ начальника артиллеріи И. О. Сухазанета, см. „Русск. Стар.“, VII, 361

[3]) Князь Иларіонъ Васильевичъ, 1777—1847.

[4]) Графъ Павелъ Васильевичъ, 1772—1843.

[5]) Василій Васильевичъ, 1783—1843, позже графъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ.

[6]) Донесеніе слѣдственной коммиссіи 30 мая 1826 г. см. „Русскій Архивъ“ 1881, II, 277.

[7]) Предсѣдателемъ коммиссіи былъ военный министръ, графъ А. И. Татищевъ; членами: генералъ-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михаилъ Павловичъ, д. т. с. князь А. Н. Голицынъ, петербургскій военный генералъ-гу-

титься въ инквизицію, и потому привлеченные къ дѣлу, не только невинные, но и мало виновные, немедленно отпускаемы были на свободу.

Впослѣдствіи узналъ я, что царь, поговоря съ преступникомъ и видя раскаяніе, тутъ же прощалъ или удалялъ на житье, для выслуги, и такимъ образомъ, сто два человѣка не были даже преданы суду; но больше или меньше знали о томъ въ городѣ, по родству или знакомству. Столица дорого цѣнила правило, принятое императоромъ, и общее мнѣніе слилось въ одинъ вопросъ: «Что бы было, если бы сидѣли въ коммиссіи графъ Аракчеевъ или Клейнмихель?» разумѣя подъ симъ не потачку злодѣямъ, которыми всякій мерзилъ; но преслѣдованіе личное, мщеніе и жадность къ злодѣйству.

Клейнмихель показалъ себя достойнымъ ученикомъ графа Аракчеева, чувствовавшаго приближеніе старости и потому приготовлявшаго заранѣе преемника себѣ. Уже погашены были въ немъ чувства родственныя, а дружба и любовь къ ближнему составляли для него пустой наборъ словъ. По примѣру Аракчеева, разстался съ женою (хотя по страсти увезъ ее отъ матери, изъ церкви), и Аракчеевъ утѣшился, видя, какъ дрожитъ предъ нимъ все въ военныхъ поселеніяхъ. Къ присягѣ государь поручилъ приводить (поселенцевъ) не ему, а своимъ генераламъ. Отъ этого Аракчеевъ и Клейнмихель не могли дѣйствовать, и коль скоро присяга въ поселеніи кончилась, они отправились изъ столицы, подъ предлогомъ встрѣчи тѣла покойнаго государя. Такимъ образомъ, спаслось русское дворянство отъ бѣды неизбѣжной, если бы слѣдственная коммиссія попала въ руки Аракчеева и Клейнмихеля.

Выйдя 15-го декабря изъ канцеляріи на площадь, встрѣтилъ я умилительное зрѣлище. Бунтовавшіе вчера солдаты, со слезами, приняли прощеніе и присягали подъ открытымъ небомъ; потомъ, вынесенныя изъ дворца знамена гвардейскаго морскаго экипажа и лейбъ-гренадерскаго баталіона государь самъ возвратилъ этимъ раскаявшимся отрядамъ, и они, съ крикомъ «ура!», отправились въ свои казармы.

Горскаго узналъ я въ 1814 г., въ Парижѣ. Избитый, на костыляхъ, артиллерійскій офицеръ явился ко мнѣ, ошибкою, и я, узнавъ, что у него нѣтъ знакомыхъ въ главной квартирѣ, имѣлъ случай сдѣлать ему услугу. Въ 1817 г., изъ благодарности, пріѣзжалъ онъ ко мнѣ, въ Петербургъ, будучи уже статскимъ совѣтникомъ; потомъ ѣздилъ на Кавказъ, вице-

---

бернаторъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ-адъютанты: А. Н. Чернышевъ, А. Х. Бенкендорфъ, В. В. Левашевъ, А. Н. Потаповъ; дѣлопроизводителемъ коммиссіи состоялъ д. с. с. Д. Н. Блудовъ.

губернаторомъ, и, по возвращеніи оттуда, опять сталъ ходить; я уже, изъ вѣжливости, приглашалъ его иногда обѣдать; но самъ у него никогда не былъ. По слухамъ, жилъ онъ хорошо и имѣлъ состояніе по женѣ (графинѣ Ворцель). Долго не видѣвъ его, я встрѣтилъ 14-го декабря на бульварѣ, въ мундирѣ и шляпѣ съ плюмажемъ. Спросилъ я о причинѣ такого наряда, и вотъ отвѣтъ его:

«Я занемогъ горячкою и три недѣли не выходилъ изъ дому. Вчера объявляетъ мнѣ квартальный требованіе печальной коммиссіи, чтобы представить меня, если не явлюсь самъ, сегодня въ коммиссію; и тутъ только узнаю, что я наряженъ туда отъ герольдіи, и что мнѣ были двѣ повѣстки, которыхъ никогда не получалъ. Сегодня, закутанный, въ каретѣ, пріѣзжаю въ коммиссію, но мнѣ сказано, что присутствія не будетъ, по случаю присяги, и что объ оной есть объявленіе полиціи, почему я и велѣлъ ѣхать къ Спасу на Сѣнной, дабы присягнуть и воротиться домой. У Каменнаго моста остановили меня войска, и знакомый князь Щепинъ-Ростовскій [1]) вытащилъ изъ кареты, несмотря на сопротивленіе. Я долженъ былъ идти съ его ротою до Сената и тутъ услышалъ, что они не хотятъ присягать, изъ опасенія измѣнить Константину, который задержанъ гдѣ-то. Можетъ быть и правда, Богъ знаетъ! только разсказы солдатъ привлекаютъ много товарищей и черни. Я хотѣлъ уйти, но не пускаетъ Щепинъ-Ростовскій; отдѣлался на честное слово, что ворочусь, лишь отыщу своего извозчика. Теперь нашелъ у моста, да жандармъ не пускаетъ, и толку не добьюсь, кто приказалъ каретѣ не трогаться съ мѣста. Дожидаюсь Шульгина (оберъ-полиціймейстера), чтобы сдержать только слово и уѣхать домой, ибо что-то нехорошо тамъ мнѣ сказали; и здѣсь говорятъ, что московцы не просто вышли изъ казармъ и чуть ли не убили кого-то, да и командиру полка досталось. И тамъ уже сомнительно показалось мнѣ шептанье съ приходящими къ Щепину людьми, и какая-то тревога послѣ того, какъ ранили Милорадовича. Боюсь еще, чтобы не пустились солдаты, ежели не запрутъ ближняго кабака, тогда не сладишь съ ними, я хорошо ихъ знаю. Прощайте, совѣтую и вамъ не оставаться здѣсь».

II.

О молоканахъ и духоборцахъ.

Въ 1818 году, съ 22-го февраля по 1-е іюня я сопровождалъ императора Александра въ путешествіи по Западной и Южной Россіи. Въ

[1]) Лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ, членъ «Сѣвернаго Общества».

Кіевѣ, когда государь уже садился въ коляску, отправляясь въ дальнѣйшій путь, къ Варшавѣ, предстали предъ нимъ до 30 мужиковъ съ просьбой. Спѣша отъѣздомъ, государь приказалъ мнѣ переговорить съ ними, а самъ уѣхалъ.

Это были посланные отъ молоканъ и духоборцевъ, которые поселены на Молочныхъ Водахъ въ Таврической губерніи, между нагайцами и колонистами. Они жаловались на притѣсненія генералъ-губернатора графа Ланжерона [1]). Въ разговорѣ со мною, обнаруживъ правила рѣшительнаго якобинства, они объявили, что ушли безъ вѣдома начальства и пойдутъ за государемъ въ Варшаву, чтобы тамъ просить его о защитѣ. Стараясь отвратить непріятное слѣдованіе толпы мужиковъ за царемъ, я обѣщалъ имъ довести жалобу ихъ до свѣдѣнія государя, выдать имъ билетъ, для обратнаго прохода въ Таврическую губернію, и письмо къ графу Ланжерону, чтобы онъ, до высочайшаго рѣшенія, не подвергалъ ихъ наказанію за самовольную отлучку. При этомъ я объявилъ имъ, что они, въ случаѣ непринятія моихъ предложеній, будутъ закованы и отправлены какъ безпаспортные бѣглые. Потолковавъ со мною, они, наконецъ, согласились возвратиться въ свое селеніе, и, по требованію моему, принесли списокъ о себѣ, въ которомъ было показано уже не 30, но 60 человѣкъ.

По пріѣздѣ въ Варшаву, я доложилъ государю обо всемъ и представлялъ опасенія мои насчетъ развитія вредныхъ правилъ духоборцевъ. «Я давно знаю о нихъ» сказалъ государь, «и потому поселилъ ихъ между нагаями и нѣмцами, тамъ они не могутъ никого совратить. Ихъ ученіе вредно и опасно; но я не хочу порабощать совѣсть. Они отреклись признавать во мнѣ государя, я имъ дозволилъ это—только бы исполняли обязанности гражданскія. Они отреклись присягать, я велѣлъ брать съ нихъ одно честное слово. Во время войны они не хотѣли стрѣлять, опираясь на заповѣдь: «не убій», и на представленія, что ихъ ведутъ противъ враговъ отечества, отвѣчали, что Моисеевъ законъ, дозволяя защищать себя, нигдѣ не говоритъ объ отечествѣ. Тогда только я принужденъ былъ приказать разстрѣлять двухъ или трехъ изъ нихъ».

Между тѣмъ бумаги, поступившія отъ графа Ланжерона, подтвердили, что онъ, по настоянію духовенства, дѣйствительно хотѣлъ принудить дохоборцевъ къ повиновенію церкви и государственнымъ постановленіямъ.

Поэтому государь повелѣлъ сообщить Ланжерону, чтобы духовныя власти и земская полиція не вмѣшивались въ дѣла духоборцевъ, а бумаги были отправлены къ министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну.

По окончаніи шестинедѣльнаго сейма въ Варшавѣ, сдѣлавъ обшир-

---

[1]) Александра Ѳедоровича, 1763—1831.

ный объѣздъ, тысячъ въ 8 верстъ, мы пріѣхали въ Таврическую губернію. Слѣдуя за государемъ, я прибылъ въ одно селеніе Молочныхъ Водъ и былъ удивленъ богатствомъ жителей: на безлѣсной пустынѣ раскинуты частыя избы, построенныя изъ толстыхъ бревенъ, окруженныя скирдами хлѣба и несчетнымъ множествомъ скота. Мнѣ отвели особую избу. Стоявшая на возвышеніи изба старшины селенія была занята государемъ. При немъ находился только одинъ камердинеръ.

Тутъ мы провели болѣе сутокъ. Государь былъ безпрестанно окруженъ крестьянами. Насъ не спрашивали.

Когда государь уѣхалъ, толпа крестьянъ пришла ко мнѣ благодарить за то, чего я вовсе не сдѣлалъ—за защиту ихъ!

Это были тѣ самые крестьяне, которые приходили въ Кіевъ. Отъ нихъ узналъ я, что государь обѣ ночи провелъ въ преніяхъ съ ними, часто выносилъ книги, старался текстами доказать ложность ихъ ученія. Но духоборцы, отвергая всѣ убѣжденія, говорили государю: «Мы не признаемъ въ тебѣ царя, потому что царей нѣтъ въ природѣ; Богъ не создавалъ ихъ. Ты царь, не Богомъ данный, а избранный людьми. Тебя помазалъ на царство митрополитъ, избранный въ этотъ санъ не Богомъ же, но твоимъ предшественникомъ за то, что умѣлъ льстить ему лучше другихъ. Слѣдовательно, это круговое избраніе есть дѣло не воли Божіей, а людей, которые по рожденію всѣ равны....»

Я разспрашивалъ крестьянъ о религіи. По ихъ словамъ, они собираются въ воскресные дни на открытое мѣсто; тамъ всякій молится тою молитвою, которую самъ сочинилъ для себя. Молодые люди соединяются у нихъ, по общему согласію и благословенію родителей, и, послѣ собственной молитвы подъ открытымъ небомъ, бракъ считается заключеннымъ. Умершихъ они хоронятъ безъ всякихъ обрядовъ; предавшихся пьянству и лѣнивцевъ отвозятъ въ городъ и сдаютъ въ очередные рекруты.

Возвратившись изъ путешествія, государь, по совѣщанію съ княземъ Голицынымъ, послалъ къ графу Ланжерону повелѣніе, которымъ, строго запрещая преслѣдованіе духоборцевъ, поручилъ защищать народъ отъ угнетеній. Тогда же учрежденъ секретный комитетъ, для разсматриванія всѣхъ дѣлъ о сектаторахъ.

Сообщилъ проф. **В. А. Бильбасовъ.**

Письмо композитора, Алексѣя Львова, къ г. Петерсу [1]).

(Переводъ съ французскаго).

---

23 сентября (4 октября) 1833 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь! По совѣту нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ и разсчитывая на ваше снисхожденіе, я рѣшился доставить къ вамъ двадцать экземпляровъ «Stabat Mater» Перголеза, аранжированнаго мною для оркестра, и съ хорами. Слѣдовало бы мнѣ сперва спросить о томъ вашего позволенія, но какъ дѣло идетъ къ зимѣ и пароходы совершаютъ уже свои послѣдніе рейсы, то я и прошу васъ извинить мою поспѣшность ради этой причины.

Желаніе мое, не согласитесь ли вы взять прилагаемые экземпляры на коммиссію, а нѣсколько изъ ихъ числа переслать въ иностранные города, съ которыми вы находитесь въ сношеніяхъ? Я соглашусь на всѣ условія, какія только вамъ угодно будетъ предложить мнѣ; и весьма меня одолжите, если доставите мнѣ, взамѣнъ, партитуры кого-либо изъ извѣстныхъ композиторовъ, напримѣръ Бетховена, въ какомъ бы то ни было родѣ музыки.

Если вы не прочь отъ моего предложенія, то я васъ попрошу увѣдомить меня, могу ли я впредь посылать къ вамъ пьесы моего сочиненія, напечатанныя здѣсь въ С.-Петербургѣ, и взамѣнъ получать отъ васъ какую-нибудь хорошую музыку по моему выбору, именно изъ вашего каталога, который вы, вѣроятно, не откажетесь переслать ко мнѣ.

Я рѣшился печатать свою музыку здѣсь, такъ какъ г-нъ Моуреръ, да и другіе говорили мнѣ, что типографія ваша до того завалена заказами, что едва-ли вы согласитесь печатать у себя сочиненія такого малоизвѣстнаго автора, какъ я.

Покорнѣйше васъ прошу почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ, и примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи преданнаго вамъ.

А. Львовъ.

P. S. Мой адресъ: г-ну Алексѣю Львову, адъютанту его превосходительства, графа Бенкендорфа, въ С.-Петербургѣ, въ Малой Коломнѣ, домъ Львова, № 42.

---

[1]) Музыкальный издатель въ Лейпцигѣ.

ПИСЬМА ГРАФА А. А. АРАКЧЕЕВА

барону Балтазару Балтазаровичу Кампенгаузену и Ѳедору Евстафіевичу Бухмейеру.

(1816 — 1823 гг.)

1.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

25 мая 1816 г.

М. Г. баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ.

Приношу мою чувствительную благодарность за ваши дружескія отношенія. Мнѣ и самому очень прискорбно, что я не имѣю васъ, милостиваго государя, своимъ сотоварищемъ и чрезвычайно желаю вамъ скорѣйшаго выздоровленія. По послѣднему вашему письму, я покорно прошу васъ, милостивый государь, по дѣламъ, вами означеннымъ, доставить въ Комитетъ ваши особые голоса, кои я не премину довести до высочайшаго свѣдѣнія.

Я бы самъ лично посѣтилъ васъ, милостиваго государя, но не хочу васъ обезпокоить въ вашей болѣзни.

Истиннымъ почтеніемъ пребуду на всегда вашего превосходительства покорнымъ слугою.

2.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

19 іюня, среда, 1816 г.

Графъ Аракчеевъ самъ обязанъ благодарить барона Балтазара Балтазаровича за его доброе расположеніе къ себѣ и надѣется, что

всегда баронъ, если захочетъ хорошенько узнать графа, то графъ заслужитъ его къ себѣ вниманіе. На сихъ правилахъ графъ проситъ барона не безпокоиться дѣлать визитъ, ибо они въ нынѣшнемъ свѣтѣ отнюдь не укрѣпляютъ дружбы, на что потребны не визиты, а доброе и сходное обоихъ расположеніе.

Гр. Аракчеевъ желаетъ и проситъ барона скорѣе возвратиться и вѣрить, что я есмь съ истиннымъ почтеніемъ на всегда покорный слуга.

3.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

7 мая 1817 г. № 185.

Письмо вашего превосходительства отъ 30 апрѣля я имѣлъ счастье представлять въ оригиналѣ государю императору и вслѣдствіе того, какіе воспослѣдовали высочайшіе указы Правительствующему Сенату и министру финансовъ сего числа объ увольненіи васъ въ отпускъ до излѣченія со всѣмъ содержаніемъ, честь имѣю для свѣдѣнія вашего превосходительства препроводить копіи.

Есмь съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

Указъ Правительствующему Сенату.

7 мая 1817 г.

Во уваженіе къ болѣзненному состоянію государственнаго контролера тайнаго совѣтника барона Кампенгаузена, всемилостивѣйше увольняемъ его въ отпускъ до излѣченія, повелѣвая главному управленію ревизіи оставаться въ сіе время на основаніи даннаго Правительствующему Сенату 13-го іюля 1816-го года указа.

Рескриптъ министру финансовъ.

7 мая 1817 г.

Дмитрій Александровичъ! Уволивъ государственнаго контролера барона Кампенгаузена въ отпускъ до излѣченія, повелѣваю производить ему въ сіе время все его содержаніе, распространивъ производство таковаго и на прежній его отпускъ по указу 13-го іюля 1816 года.

Пребываю вамъ благосклонный.

4.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

19 мая 1817 г.

Благодарю васъ, любезный другъ Ѳедоръ Астафьевичъ, за письмо, которое я получилъ сего числа въ семь часовъ, и признаюсь, что спалъ нехорошо. Прошу васъ и желаю, дабы и послѣднихъ двоихъ скорѣе взяли подъ арестъ: Знатнаго дастъ Богъ, найдутъ и послѣ.

Я вчера уже писалъ въ Новгородъ о присылкѣ члена уголовной палаты и аудитора, а сегодня буду писать къ государю, а завтрашній день, т. е. воскресенье, я отдаю на вашу собственную волю, ибо мнѣ ничего такъ ни пріятно, какъ съ тобою быть вмѣстѣ; но, если тебѣ не можно или недосугъ, то я не зову къ себѣ, а я непремѣнно буду къ тебѣ на будущей недѣлѣ въ четвергъ, а если нужно, то и ранѣе. А когда вздумаете ко мнѣ ѣхать, то прошу присылать за дрожками: ты знаешь, что у меня ихъ здѣсь трое, и 15 лошадей ничего не дѣлаютъ.

Милостивой государынѣ, Христинѣ Ивановнѣ мое почитаніе и цѣлую ея ручки. Прошу кухню построить, да галлерею и не желѣй денегъ.

Леонтія Сысоева Раевскаго прошу осторожно взять, дабы онъ не проказилъ. Я вѣчно вамъ вѣрный другъ графъ Аракчеевъ.

5.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

Воскресенье 20-го мая 1817 г.

Любезный другъ Ѳедоръ Астафьевичъ, посылаю къ вамъ начерно написанныя бумаги, прошу ихъ поправить, если вы найдете что нужнымъ, и потомъ приказать набѣло переписать въ полномъ числѣ экземпляровъ и прислать ко мнѣ. Я бы думалъ, любезный другъ, отправить въ Оренбургъ десять человѣкъ, не черезъ Москву, а н Тихвинъ, черезъ Ярославль, ибо на большой дорогѣ и въ самой Москвѣ надѣлаетъ сіе шуму, что́ не будетъ пріятно государю.

Изъ Высокаго можно отправить будетъ въ Грузино, а я отсюда пошлю до Тихвина и даже до Ярославля адъютанта Наумова загото-

вить лошадей и остаться въ Ярославлѣ, пока всѣхъ провезутъ, но прошу вашего на оное мнѣнія. Остаюсь вамъ усердный другъ и слуга графъ Аракчеевъ.

6.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

21-го мая 1817 г.

Я уже къ вамъ, любезный другъ Ѳедоръ Астафьевичъ, послалъ вчера бумаги, кои прошу, переписавъ, прислать обратно, а потомъ и за отправленіе примемся.

Мальчика Ивана Петрова я согласенъ простить, а записать его можно будетъ въ кантонисты вмѣстѣ съ другими, а не теперь. Я бы согласился, чтобы ваши комары прибыли ко мнѣ въ Грузино, дабы васъ не безпокоили. Не надобно ли серпянки, то пришлемъ: у насъ ея здѣсь есть лишней довольно.

Прошу прилагаемое повелѣніе отдать Г. М. Фрикену, дабы онъ велѣлъ скорѣе сшить для всѣхъ дѣтей платье, дабы, какъ скоро будетъ все сшито, то раздадимъ во всякую деревню и велимъ въ одинъ день всѣхъ одѣть и быть на другой день въ церковь къ обѣднѣ. Вамъ вѣрный другъ и слуга графъ Аракчеевъ.

7.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

23-го мая, среда, 1817 г.

Письмо ваше получилъ. Я завтра къ обѣду, т. е. въ четвергъ, буду у васъ на Высокомъ и прошу васъ и Христину Ивановну и г-жу пасторшу у меня обѣдать на яхтѣ, она сейчасъ отправляется къ вамъ, а завтра я поѣду до Николы на лошадяхъ, а тамъ на катерѣ бичевикомъ и буду у васъ въ первомъ часу, то и прошу кушать дома не готовить, а въ пятницу я обѣдаю у васъ, ибо я ночую у васъ на яхтѣ и въ пятницу поѣду ввечеру домой.

До бивака, что онъ не готовъ, мнѣ дѣла нѣтъ, ибо я ночую на яхтѣ, гдѣ и дѣло могу дѣлать.

Прошу сказать, что я приглашаю завтра къ обѣду полковника Петрова, маіора Фрикена, адъютанта Мартоса и члена уголовной палаты къ себѣ на яхту. За камень благодарю, прошу покупать и къ приказчику Обольянинова послать строго сказать, что шутить съ казною не годится. Пять человѣкъ каменщиковъ отправлены къ вамъ въ понедѣльникъ, а шестой здѣсь ожидаетъ присылки подводы изъ Высокаго за экипажемъ, прошу ее прислать. Надобно мужиковъ почаще посылать во всѣ мѣста, то они лучше привыкнутъ. Отправленіе въ Оренбургъ не мѣшаетъ, это можно дѣлать и при мнѣ, въ пятницу, какъ положено.

Посылаю къ вамъ письма новгородскаго губернатора, которыя пускай всѣ хранятся у васъ въ дѣлахъ. Я рѣшительно и непремѣнно каждую недѣлю буду четвергъ и пятницу у васъ всегда находиться. Вашъ послушный слуга и другъ графъ Аракчеевъ.

P. S. Наумовъ уже вчерась отправилъ впередъ заготовленныхъ лошадей.

8.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

30-го мая 1817 г.

Любезный другъ Ѳедоръ Астафьевичъ, я сегодня не очень веселъ вообрази себѣ, лѣкарь мой отъ меланхоліи своей принялъ опіумъ въ такомъ количествѣ, что отъ онаго умеръ, и теперь я, пока не сыщу лѣкаря, остался въ трудномъ положеніи, почему я прошу лѣкаря черезъ два дня ѣздить ко мнѣ, то и прикажи ему, любезный другъ, давать лодку съ солдатами до Николы, а у Николы будетъ всегда моихъ пара лошадей, но еще лучше давать лодку и лошадей для бичевы.

Сдѣлай одолженье, пріѣзжай ко мнѣ въ воскресенье. Я пришлю въ субботу въ ночь къ тебѣ катеръ, а къ Николѣ коляску, пріѣзжай, любезный, и съ Христиной Ивановной, и съ пасторшей. Не будетъ ли зачѣмъ посылки у тебя, то вели здѣсь взять колоколъ: у меня онъ готовъ. Я надѣюсь, что Николай Назарьевичъ [1]) пріѣдетъ ко мнѣ, а я на вѣкъ твой вѣрный другъ и слуга графъ Аракчеевъ.

P. S. Пожалуй въ воскресенье и Ивана Петровича Петрова пол-

[1]) Муравьевъ.

ковника привези съ собою, да также освѣдомься и о мундирахъ для дѣтей,—сколько будетъ къ воскресенью готово.

9.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

6 іюня 1817 г. Грузино.

Любезный другъ, Ѳедоръ Астафьевичъ! Благодарю васъ за пріятное письмо, что обмундированіе наше окончилось смирно и тихо.

Посылаю къ вамъ переписанныя бумаги, я въ нихъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны, о коихъ вамъ при свиданіи объясню. Прошу слѣдуемыя бумаги къ губернатору, записавъ въ журналъ, отослать къ нему, а прочія раздать кому слѣдуетъ.

Благодарю васъ, любезный другъ, и ея пр—во Христину Ивановну за посѣщеніе, но только я очень совѣщусь, что васъ очень обмочило. Я располагаю завтра быть у васъ и прошу обѣдать ко мнѣ, по-прежнему, на яхту и съ ея пр—мъ, если она здорова, и пасторшею, и племянникомъ, а равно прошу пригласить г. Фрикена, Мартоса, совѣтника и еще одного ротнаго командира, который заслуживаетъ сіе отличіе. Остаюсь на вѣки вамъ вѣрный другъ и слуга, графъ Аракчеевъ.

P. S. Прошу прислать въ 10 часовъ утра къ пристани пару лошадей для катера въ запасъ. Бумаги къ губернатору можно послать съ г. исправникомъ, подателемъ сего письма.

Алексѣй Ивановичъ Минутъ будетъ къ вамъ въ Высокое въ пятницу, поутру рано.

10.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

9 іюня 1817 г. Грузино.

Любезный другъ, Ѳедоръ Астафьевичъ! Во-первыхъ, благодарю за угощеніе и цѣлую ручку у ея пр—ва Христины Ивановны. Во-вторыхъ, поздравляю васъ съ поимкою нашего Знатнаго, котораго посылаю къ

вамъ съ исправникомъ, прошу его заковать покрѣпче и быть ему при наказаніи, а послѣ оставить его, впредь до повелѣнія, у насъ, закованнаго подъ карауломъ.

Прилагаю вамъ письмо губернатора и отношеніе его, прошу ихъ при оказіи возвратить. А не худо бы Знатному сдѣлать допросъ при совѣтникѣ уголовной палаты, исправникѣ и нашемъ баталіонномъ командирѣ.

Коли у тебя суда стоятъ съ известкою, то пришлите два судна ко мнѣ, я ихъ беру себѣ и здѣсь выгружу скорѣе, а послѣдняя известка вся поступитъ уже къ вамъ.

Головина сына пришлю завтра, рано поутру, къ вамъ. Съ дружбою и почтеніемъ в. пр—ва искренній другъ, графъ Аракчеевъ.

P. S. Пожалуйста, батюшка, позаботься, чтобы намъ скорѣе людей всѣхъ одѣть въ мундиры.

11.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

18 іюня, четвергъ, 1817 г.

Любезный другъ, Ѳедоръ Астафьевичъ! Г. Мартоса и Шмидта я задержалъ, потому что люди твои прибыли, то я и хотѣлъ ихъ представитъ государю. Благодарю тебя за присылку людей. Государь былъ отмѣнно доволенъ, пожаловалъ каждому по 300 р., а земскому 500 р. и унтеръ-офицеру Алфимову 500 р., и, кажется, и люди довольны.

О раздачѣ денегъ, я представилъ докладъ государю и привезу съ собою разрѣшеніе.

Въ Старой Руссѣ точно есть шалости, но не отъ поселенцевъ, а отъ того, что зачали брать съ нихъ лишнія деньги, и для ясности прилагаю подлинное письмо Н. Н. Муравьева.

Вы, любезный другъ, какъ будто сердитесь на меня, что ни слова ко мнѣ не написали о Сперанскомъ письмѣ. Я сегодняшній день три раза посылалъ къ Масальскому [1]) и, наконецъ, онъ сейчасъ пріѣзжалъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ ожидаетъ всѣхъ бумагъ отъ Сперанскаго и тогда тотчасъ поѣдетъ къ тебѣ въ Высокое.

О головѣ поговоримъ при свиданіи, и государь замѣтилъ, что онъ печальнѣе всѣхъ. О приходѣ въ церковь вы дѣло сдѣлали, надобно за ними теперь очень прилежно смотрѣть.

---

[1]) Уполномоченному Сперанскимъ продать въ казну его имѣніе.

Ред.

У Христины Ивановны цѣлую ручки, а я на вѣкъ вамъ вѣрный слуга и другъ, графъ Аракчеевъ.

12.

Императоръ Александръ—графу А. А. Аракчееву.

19 іюня 1817 г. Царское Село.

Благодарю тебя искренно, любезный Алексѣй Андреевичъ, за все тобою сдѣланное. Также чистосердечно и Бога поблагодарилъ. Начало наилучшее и дѣйствительно превосходитъ всякое ожиданіе. Нетерпѣливо желаю тебя видѣть, чтобы лично поблагодарить и о многомъ изустно переговорить. Мнѣ весьма пріятно будетъ изъявить мою признательность твоимъ сотрудникамъ.

У насъ, благодаря Бога, все хорошо, принцесса [1]) пріѣхала вчера въ Каськово, сегодня будетъ въ Павловскъ, а завтра парадный въѣздъ въ городъ. Пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ.

13.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

С.-Петербургъ, 22 іюня 1817 г.

Любезный другъ, Ѳедоръ Астафьевичъ! Благодарю васъ за всѣ ваши дружескія пособія, что я все донесъ государю императору и доносилъ еще изъ Грузина и на дорогѣ, ѣхавши въ городъ, получилъ отъ государя письмо, съ коего вамъ копію прилагаю [2]). Теперь прошу васъ сдѣлать одолженье, во-первыхъ, увѣдомлять меня каждую недѣлю обо всемъ; во-вторыхъ, приказать смотрѣть строго, дабы люди ходили въ мундирахъ, а равно и дѣти. Для работъ сшить имъ скорѣе лѣтнія, холстинныя брюки и выдать къ рабочей одеждѣ суконныя панталоны; въ-третьихъ, стараться, дабы они имѣли мундиры, всѣ въ пору и надѣвали ихъ какъ должно.

Посылаю повелѣніе о шитьѣ новыхъ шинелей и о раздачѣ суконныхъ

---

[1]) Впослѣдствіи императрица Александра Ѳеодоровна. Ред.

[2]) Смотри выше № 12.

рекрутскихъ панталонъ. Увѣдомьте меня, сколько остригутся и бороды обрѣютъ. Отпускаемыхъ въ Петербургъ осматривать, дабы они въ какомъ-нибудь безобразіи не попались государю. Билеты печатные посылаю при семъ. Дѣтямъ малолѣтнимъ, всѣмъ, кто изъ нихъ захочетъ, шить мундиры, высочайше повелѣно, что и исполнено. О строеніяхъ я не забочусь, ибо они идутъ подъ вашимъ смотрѣніемъ вѣрно хорошо. Каменщиковъ 6 человѣкъ сегодня къ вамъ отправляютъ.

Теперь, окончивъ по поселенію, увѣдомляю васъ, что получилъ письмо отъ г. Сперанскаго, которое въ оригиналѣ къ вамъ посылаю; оставьте его у себя, а я съ него оставилъ у себя копію.

Г. Масальскій у меня былъ, и онъ явится на будущей недѣлѣ къ вамъ. Вамъ совѣтую осмотрѣть лично деревню, поѣзжайте туда, возьмите себѣ яхту. Не думайте о деньгахъ, я вамъ могу дать сколько надобно будетъ, пожелаю только, чтобы ты, любезный другъ, былъ близко меня и дабы намъ вмѣстѣ умереть.

Ея пр—ву, м. г. Христинѣ Ивановнѣ, цѣлую ручки. Андрея Астафьевича сегодня видѣлъ, онъ, слава Богу, здоровъ. Болѣе теперь нечего писать, какъ только скажу, что мнѣ здѣсь очень скучно. А я остаюсь на вѣки вашъ вѣрный другъ, графъ Аракчеевъ.

P. S. Я бы желалъ утѣшить государя; если бы можно было прислать земскаго сюда въ полномъ мундирѣ, я бы его представилъ государю, да не захочетъ ли съ нимъ еще кто изъ поселянъ новыхъ? Вѣрно государь будетъ очень доволенъ и наградитъ ихъ щедро, а имъ будетъ пріятно, и они будутъ разсказывать другимъ своимъ товарищамъ; имъ можно выдать прогоны. Г. Невѣровскимъ сегодня отправлены къ вамъ всѣ вами требуемыя вещи, и онъ поѣдетъ къ вамъ самъ.

14.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

24 іюня 1717 г.

Любезный другъ, Ѳедоръ Астафьевичъ! Дружеское ваше письмо съ г. Мартосомъ и Шмидтомъ я получилъ, за которое васъ покорно благодарю. Я совершенно согласенъ съ вами, чтобы дать военнымъ поселянамъ по одному работнику на сѣнокосъ, о чемъ и прикажите отдать въ приказѣ, чтобы сіи работники строго наблюдали пользу своихъ хозяевъ и прилежно бы работали, за чѣмъ имѣть присмотръ ротнымъ командирамъ.

Пожни г. Саблуковъ отдалъ, но просилъ, чтобы нынѣшнее лѣто тѣ пожни, кои косили на него, чтобы тѣ выкосили, что я ему и обѣщалъ, о чемъ и прошу приказать.

О каменщикахъ скажу вамъ, что подрядчикъ нашъ—большой плутъ, и я его и сыскать не могу, а просилъ я Морозова нанять 12 человѣкъ и буду стараться на будущей недѣлѣ ихъ отправить, ибо каменщики очень нужны, ибо не дурно будетъ, если мы нѣсколько лишнихъ сдѣлаемъ фундаментовъ; мы можемъ на нихъ зимою рубить связи. О шитьѣ мундировъ и прочаго прилагаю ордеръ Фрикену.

О гвоздяхъ я къ вамъ писалъ и послалъ копію съ письма Десятовскаго, гдѣ онъ пишетъ, что къ 15 іюля гвозди будутъ, а между тѣмъ не худо, что тёсъ сохнетъ.

Перновскій баталіонъ при себѣ отправлю, онъ теперь только принимается подполковникомъ Симановымъ; я его торопить буду, чтобы онъ скорѣе выступилъ.

Молодыхъ можно будетъ собрать и обрить волосы, а особливо, когда имъ мундиры новые переправятъ и сошьютъ шинели новыя.

Прилагаю вамъ росписаніе о праздникахъ и церемоніалы сегодняшнему и завтрашнему празднику, а принцесса названа Александрой Ѳедоровной. Ея пр—ву, м. г. Христинѣ Ивановнѣ, мое усердное почитаніе. Остаюсь на вѣки преданный другъ и слуга, графъ Аракчеевъ.

P. S. Мартосъ и Шмидтъ поѣдутъ отсюда 27-го числа обратно къ вамъ. Я сегодня смотрѣлъ столяровъ съ Охты нашихъ, и которые худо понимаютъ, то изъ оныхъ 6 человѣкъ выбралъ въ казну, въ мостовщики мостить мостовую и велю ихъ отослать учиться къ намъ на Волховъ.

15.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

30 іюня 1817 г.

Любезный другъ, Ѳедоръ Астафьевичъ! При отправленіи пожалованныхъ вещей, я не упускаю случая, чтобы съ тобою, любезный другъ, хотя заочно поговорить. Поздравляю васъ съ государевымъ благоволеніемъ; оно не столь дорого по цѣнѣ, какъ по его милостивому отзыву о тебѣ; онъ знаетъ, что вы дѣлаете все въ угодность ему.

Каменщиковъ болѣе не могъ я къ вамъ послать, ибо просятъ теперь по 110 рублей на мѣсяцъ, на человѣка: цѣна ужасная, и я ихъ не взялъ, а прошу уже тебя имѣющимися у васъ изворачиваться.

Посылаемые три повойника, отъ имени государя, отдайте бывшаго земскаго женѣ, а другіе два —кому вамъ угодно изъ ихнихъ бабъ, которыя имѣютъ доброе имя между ними.

О себѣ скажу тебѣ, любезный другъ, что мнѣ очень скучно, и я не знаю, какъ дождаться того времени, въ которое я могу въ Грузино ѣхать. Ея пр—ву, м. г. Христинѣ Ивановнѣ мое почтеніе, а государь выбираетъ вамъ подарокъ; самъ изволилъ спросить, «что лучше бы ему послать въ подарокъ для жены». А я твой на вѣки вѣрный другъ и слуга, графъ Аракчеевъ.

16.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

21 іюля 1817 г., суббота.

Любезный другъ, Ѳедоръ Астафьевичъ! Соскуча давно, васъ не видавши, я располагаю завтра у васъ обѣдать и хочу пріѣхать къ вамъ къ обѣднѣ, почему и прошу приказать обѣдню до меня не начинать, а я буду въ десять съ половиною часовъ, да прошу приказать быть изъ ближайшихъ деревень всѣмъ военнымъ поселянамъ къ обѣднѣ и ихъ дѣтямъ въ мундирахъ. Василій Николаевичъ Гурьевъ по дружбѣ своей пріѣхалъ ко мнѣ, и мы съ нимъ будемъ у васъ. Цѣлуя ручки у ея пр—ва, Христины Ивановны, пребуду на вѣки в. пр—ва вѣрный другъ и слуга, графъ Аракчеевъ.

17.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

2 августа 1817 г.

Любезный другъ Ѳедоръ Астафьевичъ! Благодарю васъ за дружеское ваше письмо отъ 30-го іюля. Бумаги всѣ утвердилъ и подписалъ, нѣкоторыя возвращаю, а другія отдалъ въ канцелярію,—планъ утвердилъ и при семъ возвращаю. Дворянина съ охотою опредѣлю въ корпусъ. Въ Харьковъ я нынѣшній годъ не поѣду, а Лисаневичу сдѣлаю отвѣтъ о проѣздѣ государя.

Прошу не забыть прислать нашихъ военныхъ поселянъ, по одному изъ каждый деревни, на смотръ государю, выбравъ молодцовъ, да постараться прислать ихъ въ субботу, дабы можно было ихъ представить въ воскресенье государю, и, кажется, по разсчету времени, это можно бы сдѣлать къ 18 августа, дабы 19 августа ихъ представить, ибо государь ѣдетъ 25 числа.

О пріемѣ Литвинова имѣнія повелѣніе къ вамъ послано, то и прошу г. Фрикену приказать ихъ одѣвать и брить какъ слѣдуетъ.

Перновскій батальонъ 1-го числа выступитъ изъ Петергофа, 2-го будетъ въ Ижорѣ, 3-го роздыхъ, 4-го въ Тоснѣ, 5-го въ .... [1]), 6-го числа роздыхъ, 7-го въ г. Чудовѣ, 8-го въ Высокомъ, гдѣ онъ будетъ имѣть роздыхъ и гдѣ вы сами условитесь о нарядѣ людей на работы.

Милостивой государынѣ, Христинѣ Ивановнѣ, мое усердное почитаніе, а я на вѣкъ в. пр—ва любезнаго друга, покорный слуга и вѣрный другъ, графъ Аракчеевъ.

18.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

14 августа 1817 г.

Имѣвъ удовольствіе получить письмо вашего превосходительства отъ 3 сего августа изъ Либавы, я прошу васъ, милостивый государь мой, принять отъ меня за оное чувствительную благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣреніе, сколь для меня пріятно и впредь получать столь полезныя свѣдѣнія, какія оно въ себѣ заключаетъ.

Сообщенныя мнѣ примѣчанія и виды ваши насчетъ различныхъ отраслей государственнаго управленія и хозяйства тѣмъ бо̀льшую имѣютъ цѣну, что они суть плодъ безпристрастныхъ наблюденій государственнаго человѣка, какимъ по всей справедливости привыкъ я всегда почитать васъ, милостивый государь мой, и что вездѣ, гдѣ благо общее вамъ представлялось, вы столько доказываете рвенія къ нему, что самымъ здоровьемъ вашимъ не дорожите даже и тогда, когда вамъ наиболѣе беречь его надобно.

Съ такими чувствованіями читалъ я ваше письмо и записку, о которой въ немъ упоминается. Но какъ представленныя вами дѣла находятся еще въ собственныхъ его величества рукахъ, то если когда-либо государю императору угодно будетъ со мною работать по вашимъ бума-

---

[1]) Одно слово не разобрано.

гамъ, тогда я не упущу случая представить государю и нынѣ полученное отъ васъ письмо въ оригиналѣ.

Вслѣдъ за высочайшимъ отсюда отъѣздомъ государя императора въ концѣ сего мѣсяца располагаюсь отправиться отселѣ въ Тверскую, Смоленскую и Могилевскую губерніи такъ, чтобы къ 1-му октября успѣть уже быть въ Москвѣ. Я ласкаю себя надеждою получать тамъ отъ васъ извѣщенія о поправленіи вашего здоровья, чего я вамъ искренно желаю.

Повторяя вамъ, милостивый государь мой, сіи удостовѣренія, мнѣ остается просить у васъ извиненія въ томъ, что не своею рукою къ вамъ пишу теперь. Я не сомнѣваюсь, чтобы ваше превосходительство не изволили со мною согласиться, что при всякомъ отъѣздѣ обыкновенно нѣтъ столько времени, чтобы можно было имѣть его на все совершенно въ своей власти.

19.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Ѳ. Е. Бухмейеру.

Собственноручно.

С.-Петербургъ, 19 августа 1817 г.

М. г. и любезный другъ Ѳедоръ Астафьевичъ! Благодарю за присылку людей. Государь очень доволенъ былъ, пожаловалъ каждому по двѣсти рублей, въ томъ числѣ и Телятнику, который сюда пріѣхалъ; унтеръ-офицеру пожаловалъ пятьсотъ рублей, двоимъ старымъ солдатамъ каждому по триста рублей. Деньги ихъ каждому мною отданы въ руки. Государь приказалъ мнѣ васъ благодарить, а равномѣрно и маіора Фрикена. Распоряженіе о землѣ я все ваше апробую и прошу все оное дѣлать.

Благодарю за безпокойство ваше о моемъ желѣзѣ, но оно, любезный другъ, привезено уже 5-го августа сухопутно. Г. Яковлевъ честный человѣкъ: онъ прислалъ оное на подводахъ, я надѣюсь, что и ваши гвозди теперь уже должны придти.

16-го августа отправляю отсюда на двухъ лодкахъ всѣ вещи, о коихъ вамъ, любезный другъ, и реестръ при семъ прилагаю.

25-го августа государь выѣзжаетъ, то и я послѣ его не замедлю, а по пріѣздѣ въ Грузино на другой день и къ вамъ, любезному другу, явлюсь.

Ея пр—ву, м. г—нѣ Христинѣ Ивановнѣ, до личнаго свиданія, свидѣтельствую мое почтеніе и цѣлую ея ручки.

Наконецъ, мой другъ, касательно Шмидта, то я не рѣшился ни на что безъ твоего совѣта, о чемъ я и буду съ тобой лично говорить, ибо я его перевесть въ гвардію всегда могу. Надѣюсь скоро видѣться, а до тѣхъ поръ пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и дружбою вашъ покорный слуга, графъ Аракчеевъ.

P. S. Пожалуйста прикажи за людьми посмотрѣть, чтобы они деньги употребили на свое хозяйство.

20.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

20 августа 1817 г.

Хотя недавно передъ симъ имѣлъ я удовольствіе писать къ вашему превосходительству, но, получа нынѣ еще до отъѣзда моего отсюда новое ваше письмо отъ 12-го сего мѣсяца изъ Либавы, я не могъ утерпѣть, чтобы не отвѣчать на оное и чувствительно благодарю васъ за предметы, въ немъ помѣщенные, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить васъ, милостивый государь, и о здѣшнихъ новостяхъ.

У насъ въ городѣ носятся слухи, будто министръ юстиціи выходитъ въ отставку, и это производитъ въ публикѣ насчетъ назначенія будущаго его преемника различные толки, иные назначаютъ Ланскаго, другіе Якова Лобанова-Ростовскаго, а иные Новосильцова. При семъ случаѣ я по свободному нынѣ вашему пребыванію буду ожидать вашихъ о семъ выборѣ мнѣній: согласны ли вы на выборъ публики или бы вы назначили кого другаго. Вы будете назначать и отгадывать, а я впослѣдствіи времени буду васъ увѣдомлять, слѣдовательно и моя вамъ переписка нѣкоторымъ образомъ будетъ занимательна.

Изъявляя вамъ таковыя здѣшнія новости, я не имѣю ничего другаго въ предметѣ, какъ только то: будутъ ли наши мысли или разсужденія о семъ предметѣ одинъ съ другимъ сходны.

Прошу васъ, милостивый государь, ваше письмо адресовать на мое имя еще въ Петербургъ и надписать на ономъ «въ собственныя руки», ибо идетъ разсужденіе о министрахъ, слѣдовательно не шуточное.

Я увѣренъ, что вы будете веселы, читая сіе мое письмо, а я пребуду съ истиннымъ почтеніемъ [1]).

---

[1]) Отвѣтъ на это письмо напечатанъ въ «Сборникѣ историческихъ матеріаловъ», извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, отдѣлъ II, стр. 283—286. Ред.

21.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

7 февраля 1818 г. Москва.

Дружеское вашего превосходительства письмо отъ 2-го февраля я получилъ и при ономъ прекрасные ваши янтарные подарки, кои я не смѣю не принять, но боюсь, чтобы вы, милостивый государь, не пріучили меня къ онымъ, не любя сами оныхъ; но изъ уваженія моего къ дружбѣ вашей принимаю и пошлю въ мой грузинскій монастырь, дабы всегда помнить тамъ ваше ко мнѣ дружеское доброе расположеніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

22.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

20 марта 1818 г.

Вы, милостивый государь, Балтазаръ Балтазаровичъ, всегда найдете во мнѣ истиннаго и прямаго человѣка, для чего я очень желаю, чтобы вы даже замѣчали всѣ шаги г. Аракчеева, тогда я надѣюсь на ваше уваженіе къ себѣ. Я очень согласенъ съ вами о вещахъ предлагаемыхъ говорить, и если угодно ко мнѣ пожаловать завтра предъ комитетомъ, то мы можемъ съ вами объ ономъ переговорить.

23.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

14 мая 1818 г. Симферополь.

По выздоровленіи вашемъ и по вступленіи въ должность ваше превосходительство столь много заняты, что забыли того, который имѣлъ удовольствіе часто получать ваши письма во время вашего путешествія, и я по сему самому не хотѣлъ прерывать государственныя ваши занятія своими письмами.

Нынѣ же къ удовольствію моему представился мнѣ пріятный случай препроводить къ вамъ, милостивый государь мой, пожалованный государемъ императоромъ орденъ св. Александра Невскаго, на грамотѣ коего удалось мнѣ выставить своею рукою время и мѣсто таковаго пожалованія, что самое, конечно, и впредь напомнитъ вамъ всегда обо мнѣ, а я теперь спѣшу изъ первыхъ поздравить съ сею монаршею милостью ваше превосходительство, будучи въ томъ удостовѣреніи, что хотя поздравленій сихъ вы и много получите, но ни одно изъ нихъ не будетъ прежде моего.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

24.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

26 мая, четвергъ 1818 г.

Графъ Аракчеевъ признается, что немного и сѣтовалъ на бароншу и барона, что они не хотятъ его у себя накормить по-дружески, а потому и радъ очень ихъ приглашенію, и какъ завтрашній день, то-есть 27-го мая,—свободенъ, то, если позволите, я явлюсь завтра обѣдать въ три часа ровно.

Съ истинною дружбою и почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга гр. Аракчеевъ.

P. S. Прошу объ отвѣтѣ.

25.

Гр. А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

29 ноября 1818 г. (?) Грузинская пустыня.

Дружеское ваше письмо отъ 19-го ноября я получилъ, за которое васъ очень много благодарю и отправляю къ вамъ, милостивый государь, моего Санбурскаго, который объявитъ мои мысли насчетъ общаго нашего образованія счетной части военныхъ поселеній.

Я очень утѣшаю себя тѣмъ, что дружба наша подаетъ намъ случай сдѣлать хорошее и легкое и удобное правило по оной части.

Я располагаюсь къ 12-му декабря совсѣмъ уже переѣхать въ городъ и вступить въ большой свѣтъ, гдѣ и прошу вашего наставленія, ибо я совершенно отвыкъ ото всѣхъ вашихъ комитетскихъ собраній.—Слышу, что министръ юстиціи разбранилъ составленіе законовъ, и выбрался къ онымъ на защиту Тургеневъ. — Дай Боже, чтобы ихъ война не долго продлилась. Если супруга ваша пріѣхала, то свидѣтельствую ей мое почитаніе и, свидѣтельствуя (вамъ) мое истинно дружеское почтеніе, съ коими пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга гр. Аракчеевъ.

26.

Гр. А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

4 іюля 1820 г. Грузино.

Дружеское ваше письмо отъ 29-го іюня я съ приложеннымъ вашимъ мнѣніемъ получилъ, за которое и приношу вашему превосходительству мою благодарность.

О себѣ увѣдомляю васъ, что долженъ бы пріѣхать въ Петербургъ, но я нездоровъ, меня мучатъ чрезвычайно спазмы, я во время смотра государева замочилъ ноги и по сіе время все боленъ. Я очень сожалѣю, что лишенъ удовольствія васъ видѣть, прошу меня не забывать и вѣрить, что я истинно почитающій васъ.

Инструкцію по счетамъ финляндскимъ вашему превосходительству уже надобно подписать будетъ, а мнѣ прошу приказать списать копію и доставить при случаѣ. Если небезпокойно, то прошу не оставлять иногда и вашими дружескими письмами, а я, если мнѣ будетъ легче, то расположился отсюда выѣхать за государемъ 12-го числа іюля.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть.

27.

Письмо императора Александра гр. А. А. Аракчееву.

31-го іюля, 1820 года. Чугуевъ.

Не могу я оставить Чугуева, не написавъ тебѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, нѣсколько строкъ.

Мѣстоположеніе прелестное, видъ изъ занимаемаго мною дивизіоннаго командира дома прекраснѣйшій. Я нашелъ здѣсь много порядку, и начала весьма удовлетворительныя; все обѣщаетъ наилучшихъ успѣховъ. Искренно тебя благодарю за всѣ твои труды въ семъ полезномъ дѣлѣ и крайне соболѣзную о причинѣ, помѣшавшей тебѣ быть со мною здѣсь. Твой начальникъ штаба опишетъ тебѣ всѣ подробности.

Пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ. Александръ.

28.

Письмо императора Александра гр. А. А. Аракчееву.

10-го августа 1820 года. Умань.

За совершенное удовольствіе поставляю себѣ, любезный Алексѣй Андреевичъ, извѣстить тебя, что вообще я весьма былъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что я видѣлъ въ уманскихъ дивизіяхъ. Много очень сдѣлано, но многое нужно еще поправить и улучшить. Подробныя замѣчанія я сообщилъ ген.-м. Клейнмихелю и самому графу Витту.

Въ сравненіи съ первой арміей я нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя награжденія, ибо въ Чугуевѣ и Вознесенскѣ поболѣе потрудились, чѣмъ во всѣхъ корпусахъ.

Я ожидалъ, что ты меня извѣстишь о себѣ и о твоемъ домашнемъ положеніи, но донынѣ ничего не получалъ.

Пребываю съ искренною привязанностію тебя любящимъ. Александръ.

29.

Гр. А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

15 августа 1820 г. Военн. поселен. Могилевской губерніи.

Дружеское ваше письмо отъ 27-го іюля я получилъ здѣсь вчера и спѣшу принести вашему превосходительству мою душевную благодарность. Истинно я чувствую и умѣю цѣнить дружбу, въ чемъ прошу быть увѣрену.

Я, окончивъ послѣдній долгъ доброй своей покойной матери и помоливши на гробѣ ея двѣ недѣли, отправился оттуда сюда въ поселенія, гдѣ нахожусь съ 5-го августа и, окончивъ всѣ здѣсь дѣла и по-

лучивъ два милостивыя письма отъ государя [1]), съ коихъ вамъ почтенному другу прилагаю копіи, рѣшился ѣхать въ Варшаву, дабы лично благодарить государя и окончить кое-какія дѣла, гдѣ я намѣренъ пробыть до 3-го сентября, а потомъ ѣхать обратно въ монастырь грузинскій, если не будетъ какого особаго мнѣ высочайшаго повелѣнія.

Я благодарю Бога, что несчастье случилось со мною въ такое время, по коему я долженъ былъ оставаться и не ѣхать съ государемъ въ военныя поселенія въ Харьковъ и Херсонъ, ибо злые люди говорятъ, что я присутствіемъ своимъ удерживаю будто всякія жалобы; но теперь доказано, что и безъ меня жалобъ никакихъ не было, и государь очень былъ доволенъ и наградилъ у графа Витта до 60 т. рублей деньгами солдатъ и офицеровъ окромѣ орденовъ и арендъ, а графу Витту (пожаловалъ?) Александровскій орденъ, а въ Харьковѣ командующему генералъ-маіору Юзефовичу Владиміра 2-й степени.

Благодарю васъ, почтенный другъ, за принятіе участія въ правилахъ по отчетамъ военнаго поселенія, вы онымъ меня чрезмѣрно одолжаете. Ко мнѣ пишетъ объ ономъ г. Санбурскій. Я радъ и тому, что вы узнаете въ ономъ чиновникѣ отмѣнно способнаго человѣка.

Съ душевнымъ почтеніемъ пребуду на вѣки.

30.

Письмо императора Александра I къ гр. А. А. Аракчееву.

14 октября 1820 г. Троппау.

Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за письмо. Мы, слава Богу, здоровы и соединились въ Троппавѣ. Занятія важныя; помоги Боже устроить къ лучшему.

При семъ возвращаю журналъ комитетскій съ подписными указами.

Пребываю на вѣкъ искренно тебя любящимъ.

31.

Гр. А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

6 ноября 1820 г. Грузино.

Спѣшу принести вашему превосходительству мою истинную благодарность за дружеское ваше письмо, которыя я всегда цѣню въ полной

[1]) См. выше письма отъ 31-го іюля и 10-го августа 1820 г.

мѣрѣ. Непріятно мнѣ было читать, что вы нездоровы. Дай Боже, чтобы я нашелъ васъ по пріѣздѣ моемъ здоровымъ, а пріѣздъ мой будетъ зависѣть отъ возвращенія нашего всемилостивѣйшаго государя, о слухахъ коего я и буду просить васъ, милостивый государь, меня извѣщать.

А я получилъ отъ него милостивое письмо отъ 14-го октября [1]), съ коего копію вамъ при семъ прилагаю.

Уймите сихъ мудролюбцевъ проповѣдывать въ газетахъ и журналахъ вредныя для нашего отечества новости, довольно и того, что они объ оныхъ разговариваютъ и молодыхъ своихъ воспитанниковъ обучаютъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть навсегда.

32.

Гр. А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

5 іюля 1821 г. Грузино.

Извините меня, почтенный другъ, что я послѣ отъѣзда государя императора изъ военнаго поселенія замѣшкался къ вамъ писать, причина оному—моя болѣзнь. Я опять такъ разстроился, что чувствую всѣ прежніе жестокіе припадки, а вмѣстѣ съ оными еще и ужасную меланхолію и скуку.

Во время пребыванія государя императора въ Грузинѣ я успѣлъ доложить его величеству возвращаемое къ вамъ, милостивый государь, письмо ваше, и государь охотно обѣщаетъ оное исполнить, но желаетъ, дабы вы взошли о прибавкѣ квартирныхъ денегъ съ мая мѣсяца сего года по случаю помѣщенія въ ономъ Совѣта и канцеляріи государственнаго контроля и требовали бы о назначеніи прибавки, а государь императоръ при разсмотрѣніи меморіи изволитъ объявить свое приказаніе и о выдачѣ за прошедшее время издержанныхъ вами на оное денегъ. Итакъ я, сдѣлавъ теперь начало вашихъ желаній, буду имѣть удовольствіе и окончить оное, какъ скоро взойдетъ отъ васъ бумага въ Комитетъ господъ министровъ.

Благодарю Бога, государь былъ отмѣнно доволенъ военнымъ поселеніемъ, но я остановился здѣсь по совершенно разстроенному моему здоровью и не знаю, въ состояніи ли я его буду поправить.

Съ истинною дружбою и искреннимъ почтеніемъ пребуду навсегда.

---

[1]) См. выше.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо Б. Б. Кампенгаузена графу А. А. Аракчееву [1]).

При учрежденіи въ 1802-мъ году министерствъ положено было министрамъ на наемъ и содержаніе дома по 5.000 рублей въ годъ; сумма, по тогдашнимъ цѣнамъ, весьма достаточная. Когда же впослѣдствіи времени цѣна онымъ чрезвычайно возвысилась, то для иныхъ куплены, для другихъ наняты были отъ казны домы съ отпускомъ при томъ потребной суммы на содержаніе, отопку и освѣщеніе оныхъ.

Имѣвъ по 1818 годъ собственный свой домъ, я не имѣлъ надобности до того времени по сему предмету озаботиться, но по продажѣ онаго въ октябрѣ мѣсяцѣ того года, наемъ дома съ содержаніемъ, отопкою и освѣщеніемъ стоили мнѣ ежегодно до 12 тыс. рублей, слѣдственно въ два года съ половиною передержано мною изъ собственныхъ моихъ денегъ, противъ отпускаемыхъ на сей предметъ 5.000 рублей, до 17.500 рублей.

Съ прошедшаго же 1820 года помѣщаю я сверхъ того какъ Совѣтъ, такъ и канцелярію Государственнаго контроля, по неимѣнію для нихъ казеннаго помѣщенія, въ домѣ, собственно мною и на счетъ мой нанятомъ.

Съ будущаго мая, въ коемъ срокъ того найма кончится, хозяинъ дома требуетъ вновь прибавки, да особую сверхъ того плату, за договариваемое мною нынѣ для канцеляріи и Совѣта особенное отдѣленіе, такъ что съ того времени наемъ дома для насъ всѣхъ съ содержаніемъ, отопкою и освѣщеніемъ онаго обойдется ежегодно въ 15 тыс. рублей.

Я не смѣлъ бы сею малостію безпокоить государя императора при нынѣшнихъ важныхъ его величества занятіяхъ; но поелику срокъ найма, какъ выше сказано, кончится уже въ маѣ мѣсяцѣ, то не находите ли, ваше сіятельство, возможнымъ, въ особенное меня одолженіе, довести о семъ до высочайшаго свѣдѣнія, и по примѣру тому, какъ сіе для разныхъ другихъ лицъ уже дѣлается, — испросить высочайшее повелѣніе на возвратъ переданныхъ мною понынѣ 17.500 рублей и отпускъ на сей предметъ впредь по 15 тыс. рублей ежегодно, въ каковомъ случаѣ осмѣливаюсь приложить при семъ и проектъ указа.

Съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть и проч.

---

[1]) Число и мѣсяцъ оторваны.—Въ концѣ письма рукою Аракчеева написано: «Никто у меня сего письма не видалъ».

33.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

5-го января 1822 г.

Дружеское ваше письмо я получилъ, за которое васъ, почтеннаго друга, очень много благодарю, а равномѣрно усердно и васъ поздравляю съ наступившимъ новымъ годомъ, но желаю, дабы вы въ новомъ году были здоровѣе и спокойнѣе. Если вѣрить вашему предположенію, то и мнѣ придется невеселѣе вашего проводить сей годъ, ибо я его встрѣтилъ не въ Грузинѣ, а объѣзжая поселенные полки въ дорогѣ дурной и со вьюгою снѣга.

Пошутивъ такимъ образомъ, теперь принимаюсь за серьезное дѣло съ моею дружескою къ вамъ просьбою. Надобно намъ беречь себя, мы всего въ нашемъ государствѣ не исправимъ и всѣхъ своихъ братьевъ не передѣлаемъ, а здоровье свое уже потеряли и еще остальное теряемъ, то и совѣтую вамъ въ ономъ остерегаться.

Замѣчаніе ваше о счетахъ въ дивизіяхъ и полкахъ поселенныхъ я получилъ отъ г. Санбурскаго и онымъ воспользуюсь.

Вы позвольте сказать себѣ, дурно дѣлаете, что на праздникахъ не уѣзжаете ко мнѣ въ монастырь, взявъ съ собою тѣ дѣла, кои вамъ нужно обработать, и вы бы у меня всѣ ихъ сдѣлали и сами бы отдохнули.

Съ истинною дружбою и почтеніемъ и проч.

34.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

11-го мая 1822 г. Грузино.

Душевно и искренно благодарю васъ, почтенный другъ, за письмо ваше. Вы онымъ утѣшили больнаго человѣка и доказали ему, что еще есть на свѣтѣ люди, кои помнятъ дружбу и во время болѣзни. Я на васъ надѣюсь и умирать буду, то вамъ препоручу моего воспитанника.

Мое здоровье очень плохо, боль въ груди не проходитъ, и она мнѣ не даетъ не только спать, но и ходить, а особливо при малѣйшемъ безпокойствѣ, коихъ нынѣ—къ несчастью моему, скопилось очень много.

Занесена нынче въ вотчину жестокая болѣзнь, злая горячка, отчего чрезмѣрно много больныхъ и все не прекращается, а до 30 человѣкъ умерло.

Оброкъ я получаю по 15 рублей съ души, но и сего оброка по сіе время ни копѣйки не получилъ, и такъ теперь я совершенно въ страшной нуждѣ, ибо сверхъ ихъ оброка я долженъ былъ купить крестьянамъ овса на сѣмена на 12 тыс. рублей и муки на прокормленіе на 6 тыс. рублей, и, всѣ деньги издержавъ, совершенно обѣднялъ.

Притомъ же староста мой по занятіямъ моимъ по службѣ меня обманывалъ, а теперь всѣ оныя плутни открылись, и все сіе вмѣстѣ меня крайне, любезный другъ, огорчаетъ, такъ что я часъ-отъ-часу становлюсь слабѣе и таю, какъ воскъ. Я увѣренъ въ доброй твоей душѣ, что ты пожалѣешь обо мнѣ и тѣмъ самымъ дашь мнѣ отраду.

Дорога изъ Чудова ко мнѣ теперь по милости дорожнаго начальства дѣлается такова, что ни конному, ни пѣшему нельзя ни пройти, ни проѣхать, такъ что я теперь совершенно запертъ.

Не забудь больнаго своего пріятеля и напиши къ баронессѣ мое усердное почитаніе, а я на всю свою краткую уже жизнь неизмѣннымъ пребуду.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

20-го мая 1822 г. Грузино.

Письмо ваше отъ 13-го мая мнѣ доказало, что еще есть на свѣтѣ добрые люди, кои любятъ своихъ пріятелей во всякое время, и въ веселое и скучное, и вы онымъ письмомъ сдѣлали утѣшеніе моей печальной душѣ.

Благодарю васъ, любезный другъ. Я буду оное помнить до конца жизни и васъ прошу не оставить меня. Ничего, кажется, нѣтъ пріятнѣе на семъ свѣтѣ, какъ участіе въ болѣзни и печали пріятеля.

Не забудьте, почтенный другъ, обѣщанія вашего пріѣхать въ мой монастырь отдохнуть. Вы будете худо угощены, но найдете вамъ усерднаго друга.

Одно мое утѣшеніе, что слава Богу военныя мои поселенія идутъ хорошо, спокойно и тихо. Я подписалъ къ вамъ вчерашній день формальное письмо и прошу въ ономъ опять вашей помощи по нашимъ отчетамъ, и я увѣренъ, что вы на оное согласитесь и сдѣлаете мнѣ сію помощь. Время у насъ здѣсь стоитъ хорошее, но 17 мая была сильная гроза, и отъ одного удара зажгло въ моемъ полку одинъ солдатскій домъ молніей.

Цѣлую ручки и приношу благодарность мою за участіе ея превосходительству баронессѣ и остаюсь навѣки съ дружбою и почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

P. S. Я началъ, слава Богу, наконецъ, третій день пить кобылье молоко; оно мнѣ не дѣлаетъ боль въ желудкѣ, чего боялся мой лѣкарь, а теперь онъ, радуясь сему, остановился уже на одномъ молокѣ и прекратилъ всѣ лѣкарства. Благодарю и за господина Гоувера, я съ нимъ постараюсь познакомиться; онъ, кажется, коротко знакомъ съ господиномъ Риманомъ, который обѣщался меня посѣтить.

Благодарю васъ, почтенный другъ, и за обѣщаніе меня ссудить деньгами. Я увѣренъ въ дружбѣ вашей и, если уже принудитъ меня крайность, то я тогда не премину прибѣгнуть къ вамъ.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

26-го сентября 1822 г. Грузино.

Благодарю васъ, милостивый государь и любезный другъ баронъ, какъ за письмо ваше дружеское отъ 19 сентября, такъ и за присланныя игры, которыя увѣнчали мой монастырскій музеумъ. Я буду ожидать дружескаго вашего пріѣзда ко мнѣ. Домикъ вашъ тѣпелъ и ожидаетъ васъ. Мишель мой, я полагаю, возвратится къ 5 октября и будетъ при васъ на ординарцахъ.

Съ истинною дружбою и почитаніемъ пребуду.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

3-го ноября 1822 г. Грузино.

Простите меня, почтенный другъ баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ, что я долго къ вамъ не писалъ и не благодарилъ васъ, милостивый государь, за подарокъ вами присланныхъ эстамповъ. Вы уже меня чрезмѣрно много одарили, и во всѣхъ моихъ грузинскихъ строеніяхъ вездѣ ваша память, теперь только недостаетъ мнѣ вашего портрета, который въ моемъ монастырѣ непремѣнно должно имѣть.

Причина, что я давно къ вамъ не писалъ, есть мое пребываніе въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ по дурному нынѣшнему времени немного трудны стали сообщенія.

Я получилъ на сихъ дняхъ изъ Вероны письмо отъ генералъ-адъютанта Чернышева, который ко мнѣ пишетъ, что рѣшительно уже поло-

жено не ѣздить далѣе Вероны покуда, и онъ полагаетъ навѣрное, что государь императоръ изволитъ возвратиться къ намъ въ декабрѣ. Я надѣюсь, почтенный другъ, что ваше здоровье поправилось, ибо я полагаю, что была побочная причина, простудная.

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣнной дружбою честь имѣю быть навсегда.

38.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

9 ноября 1822 г. Грузино.

Вы получаете, почтенный другъ Балтазаръ Балтазаровичъ, два мои письма теперь въ одно время, ибо первое по написаніи лежало у меня по невозможности сообщенія чрезъ рѣку. Вчерашній день я получилъ ваше дружеское письмо отъ 7-го ноября, за которое и спѣшу принести вамъ, почтенный другъ, мою истинную и душевную благодарность. Я чувствую въ полной мѣрѣ ваше ко мнѣ дружеское расположеніе, ибо вы при всѣхъ вашихъ занятіяхъ приняли трудъ писать письмо къ молодому моему Мишелю. Вы онымъ тронули меня до слезъ, и я буду оное вѣчно помнить. Дѣла наши, описываемыя вами, неважны, мы ихъ скоро можемъ окончить по пріѣздѣ моемъ въ городъ, куда я располагаю скоро переселиться.

Весьма радъ буду, если вы купите мѣсто ближе ко мнѣ на Литейной, дабы чаще намъ видѣться и бесѣдовать.

У насъ здѣсь также была зима, но теперь все прошло и идетъ дождь; но Волховъ стоитъ, и уже по немъ ходятъ пѣшкомъ.

Повторяя мою благодарность, остаюсь навсегда съ истинною дружбою и душевнымъ почтеніемъ.

39.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

28 ноября 1822 г. Грузино.

Вчера, почтенный другъ баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ, я возвратился изъ военнаго поселенія и получилъ ваше дружеское письмо отъ 23-го ноября, за которое истинно васъ благодарю, а сегодня получилъ письмо отъ 6-го ноября изъ Вероны отъ всемилостивѣйшаго нашего

государя императора, которое вамъ, почтенному другу, при семъ посылаю для прочтенія, прося его ко мнѣ возвратить.

Я скажу вамъ о себѣ самомъ нехорошее: боль моя въ груди опять возобновилась во всей ея силѣ и не даетъ мнѣ ночью спать. Всѣ лѣкарства не дѣлаютъ мнѣ пользы, собираюсь въ городъ, лишь только немного погода поправится.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною дружбою пребуду вашъ навѣки покорный слуга графъ Аракчеевъ.

40.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

23 апрѣля 1823 г. Грузино.

Благодарю васъ, милостивый государь и почтенный другъ баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ, за доставленіе въ мой монастырь портрета вашего, я его поставилъ въ моемъ лѣтнемъ домикѣ и хожу къ нему кланяться. Надѣюсь, что вы сдержите свое обѣщаніе и посѣтите мой монастырь и въ нынѣшнемъ наступающемъ лѣтѣ, чѣмъ обяжете истинно васъ почитающаго. Погода здѣсь отмѣнно дурная, такъ что совсѣмъ нельзя пользоваться прогулкою.

Съ истинною дружбою и почитаніемъ пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

41.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

11 іюля 1823 г. Сел. Медвѣдь.

Дружеское ваше письмо отъ 5-го іюня я получилъ здѣсь за Новымъ городомъ въ поселеніи карабинерныхъ полковъ въ селѣ Медвѣдѣ по дорогѣ, идущей изъ Новгорода въ Порховъ, гдѣ я живу четвертый день и останусь до 17 числа сего мѣсяца. Обрадованъ будучи вашимъ письмомъ, спѣшу отсюда же и отвѣчать къ вамъ, любезному другу. Всѣхъ дѣлъ вы вѣкъ не передѣлаете, то прошу васъ взять покой и пріѣхать послѣ петергофскаго праздника въ мой грузинскій монастырь отдохнуть. Верховая вамъ лошадь готова, и ѣздить вамъ есть много мѣста, можете верстъ на 30 прогуливаться.

Благодарю васъ за увѣдомленіе о счетахъ военнаго поселенія. Я радъ буду, когда оная часть пойдетъ хорошо.

Къ празднику вашему мнѣ бы не хотѣлось къ вамъ пріѣхать, но если приказано будетъ, то я пріѣду на три дня.

У насъ стояли жаркіе дни, а теперь третій день холодъ, ночью только четыре градуса тепла.

Съ истинною дружбою и душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда.

42.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

24 августа 1823 г. Грузинскій монастырь.

Благодарю покорно за дружеское ваше письмо и увѣдомляю васъ о моихъ занятіяхъ послѣ отъѣзда вашего. Я, проводя васъ, остался еще по дѣламъ своимъ въ поселеніи, такъ что въ субботу воротился ночью въ свое Грузино, гдѣ воскресенье (13 августа) отдохнулъ, а 14 числа поѣхалъ въ Тихвинъ, а 17 числа уже я воротился обратно въ Грузино и два раза уже ѣздилъ по военнымъ поселеніямъ, а 20 числа пріѣхалъ ко мнѣ гость и провелъ цѣлый день, и ночевалъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ съ сыномъ Кирилломъ Александровичемъ.

Я начальника своего штаба генералъ-маіора Клейнмихеля отправилъ въ Харьковъ осматривать тамошнія поселенія, то теперь у меня дѣла болѣе, и я очень часто долженъ буду за всѣмъ строеніемъ самъ присмотрѣть.

Благодарю васъ, почтенный другъ, за милостивое ваше вниманіе къ моему Мишелю, онъ бы самъ осмѣлился васъ благодарить, но я его отправилъ съ г. Клейнмихелемъ въ Харьковъ, съ его компаньономъ, сдѣлать опытъ перваго его вояжа. Всѣ грузинскіе мои старцы приносятъ вашему превосходительству ихъ истинную благодарность за ваше о нихъ напоминаніе.

Вы, почтенный другъ, пишете, что вы чувствовали себя гораздо лучше въ Грузинскомъ моемъ монастырѣ, то для чего же вамъ не дѣлать оный вояжъ чаще. Сдѣлайте одолженіе, безо всякой церемоніи во всякое время пріѣзжайте въ монастырь, кельи ваши всегда чисты и теплы, а вы мнѣ никакого помѣшательства не дѣлаете. Верховая лошадь вамъ готова, а вечеромъ будете бостонировать со мной, дѣла могутъ къ вамъ присылать всякую недѣлю четыре раза по почтѣ. Вы въ Александровъ день будете праздновать великолѣпно дрожайшаго нашего преемника (?), но какъ я буду находиться оный день въ поселеніи, то что будетъ происходить и у насъ, прилагаю къ вамъ, милостивый государь, объ оном свѣдѣніе.

Съ истинною дружбою и почтеніемъ пребуду навсегда.

43.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Б. Б. Кампенгаузену.

Собственноручно.

29 августа 1823 г. Москва.

Вы не должны сомнѣваться, почтенный другъ баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ, съ какимъ душевнымъ прискорбіемъ я получилъ извѣстіе о случившемся съ вами несчастіи [1]), но, получая послѣ письма отъ разныхъ лицъ объ ономъ же несчастіи, они меня успокаиваютъ, что вы, любезный другъ, будете здоровы, если будете терпѣливы, о чемъ я и прошу васъ быть спокойнымъ, положиться на Божью волю и терпѣливо провести два мѣсяца, послѣ чего, дастъ Богъ, вы будете здоровы.

Прошу васъ, если вы меня любите, то докажите теперь оное, прикажите г. Санбурскому чаще ко мнѣ писать о состояніи вашего здоровья, прикажите ему писать о всемъ, что вамъ угодно будетъ мнѣ приказать, я все оное съ большимъ удовольствіемъ исполню охотно и усердно.

Государь императоръ весьма чувствительно принялъ сіе случившееся несчастіе съ вами и весьма сожалѣлъ, о чемъ подробно, дастъ Богъ, лично вамъ перескажу. Государь долго былъ озабоченъ въ выборѣ, кому препоручить исправленіе должности, но наконецъ 29 августа послѣдовалъ указъ, что оная должность препоручается г. Ланскому. Копію съ указа вамъ прилагаю, равномѣрно я объявилъ князю Голицыну, дабы по тюрьмамъ былъ Гладкой.

Я болѣе бы къ вамъ, любезный другъ, писалъ, но не могу, ибо рука болитъ—у меня ногтоѣда, и отъ онаго нарыва чувствую боль. Новости сегодняшнія, сколько мнѣ извѣстно, таковы: сдѣланы членами въ Государственномъ Совѣтѣ: Уваровъ, гр. Толстой, Сукинъ, Татищевъ и Дибичъ, князь Юсуповъ, князь Салтыковъ Сергѣй и Болотниковъ.—Завтра поутру ѣдемъ далѣе, а вамъ желаю скораго выздоровленія и остаюсь навсегда.

Окончено письмо 30-го августа 1823 г.

Указъ Правительствующему Сенату.

По случаю болѣзни управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника барона Кампенгаузена, до выздоровленія его повелѣваемъ управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ члену Государственнаго Совѣта дѣйствительному тайному совѣтнику Ланскому.

На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою Александръ.

Москва. 29-го августа. 1823-го года.

---

[1]) Б. Б. Кампенгаузенъ былъ опрокинутъ съ экипажемъ и расшибся.

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

II.

Постараюсь прослѣдить зародышъ и развитіе моей страсти къ театру.

Когда мой братъ въ 1840 году кончилъ курсъ Московскаго университета, матушка рѣшила провести зиму въ деревнѣ. На Святкахъ задумали устроить спектакль и поставить трагедію Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ».—Эдипа долженъ былъ играть мой братъ, Антигону—сестра. Такъ какъ не было никого для роли Поленика, а можетъ быть и для того, чтобъ сестра не играла съ постороннимъ, а съ братомъ, пришлось довольствоваться и малолѣтнимъ Ѳивскимъ царевичемъ и передать роль мнѣ, въ то время 9-ти-лѣтнему мальчику. Креона изображалъ педагогъ Степанъ Павловичъ (забылъ его фамилію), готовившій къ университету моего брата, и теперь выписанный изъ Орла, чтобъ преподавать исторію и русскую словесность моей сестрѣ. Интересенъ первый визитъ Креона (обучавшагося въ духовной академіи), пріѣхавшаго приготовлять въ университетъ сына г-жи Руденъ, урожденной Потемкиной, богатой помѣщицы, жившей подъ Орломъ. Мой братъ разсказывалъ мнѣ, что педагогъ прибылъ ночью, въ домѣ всѣ спали, но ужинъ былъ ему приготовленъ. Степанъ Павловичъ покушалъ съ аппетитомъ; лакей во фракѣ, чулкахъ и башмакахъ, съ канделябромъ въ рукахъ, проводилъ его въ аппартаменты для гостей. Поздній посѣтитель раздѣвается, ложится въ постель, у которой на столикѣ стоятъ графинъ съ водою, стаканъ и будильникъ (точно для графа Нулина). Лакей ставитъ восковую свѣчу.

— Это что такое?—спрашиваетъ Степанъ Павловичъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» апрѣль 1896 года.

— Свѣча-съ.

— Вижу свѣча, какая?

— Восковая.

— На что она мнѣ?

— Барыня приказала поставить.

— Да развѣ она не знаетъ, что я на ночь себѣ носъ мажу с а л о м ъ? Принеси сальную. Дѣйствительно странно, что г-жа Руценъ, никогда не видавшая педагога, не знала его гигіенической привычки!

Я до сихъ поръ храню переписанную рукою моей матери роль Поленика; она сама проходила ее со мною.—Какъ сейчасъ вижу себя въ «Зеленькой» на колѣняхъ съ горючими слезами читающаго:

Такъ, такъ и братъ твой сталъ
Изгнанникомъ изъ Ѳивъ, но не тебѣ подобно,
Съ твоею ли душой, сравнится сердце злобно...

Роль я выучилъ скоро, но читалъ ее «к а к ъ п о н о м а р ь». Какъ ни старалась матушка объяснить мнѣ размѣръ стиха и смыслъ монолога, всѣ ея старанія были тщетны. Чуть не со слезами жаловалась она на разницу между даровитымъ старшимъ братомъ, писавшимъ уже въ мои годы порядочные стихи, и мною, не имѣвшимъ никакихъ талантовъ, ни даже влеченія къ чему-нибудь изящному. И не подозрѣвала она, развивая во мнѣ эту пагубную страсть, сколько горя готовила этимъ въ будущемъ.

Въ это время я былъ погруженъ въ другую страсть, которой посвящалъ все свободное отъ уроковъ время, страсть, не покидающую меня до глубокой старости: любовь къ лошадямъ. На конный заводъ меня брали очень рѣдко, но я нашелъ другой источникъ, который удовлетворялъ мою конно-заводскую жажду. Въ нашей столовой болѣе ста лѣтъ висятъ картины Фламандской школы, представляющія: рынокъ разной живности, охотничьи сцены и кузницу. Я срисовывалъ съ этихъ картинъ лошадей и собакъ, вырѣзывалъ, раскрашивалъ ихъ и составилъ себѣ многочисленный конный заводъ и псовую охоту. Это тоже слѣдовало бы мнѣ запретить, ибо безъ превосходящей всякіе размѣры страсти къ лошадямъ, изъ меня могъ выйти человѣкъ, а вышелъ Кентавръ, что́ тоже не совсѣмъ удобно.

Начались репетиціи; на одной изъ нихъ въ сценѣ, когда Креонъ разлучаетъ Антигону съ Эдипомъ, котораго уводятъ воины, сестра такъ читала монологъ:

Постойте, варвары, пронзите грудь мою,
Любовь къ отечеству довольствуйте свою.
Не внемлютъ, и бѣгутъ поспѣшно по долинѣ.
Не внемлютъ!.. и мой вопль теряется въ пустынѣ.

Она такъ увлеклась монологомъ, что съ ней сдѣлалось дурно. Суматоха поднялась страшная. Кто аплодируетъ, кто кричитъ—скорѣй воды; репетицію прекратили и отмѣнили спектакль. И тутъ мнѣ—неудача. Сыграй я Поленика, я могъ бы, какъ актеръ Максинъ, который говаривалъ своимъ поклонникамъ, что «тѣнь отца Гамлета, игралъ Шекспиръ, и я», разсказывать: «въ Поленикѣ дебютировалъ Мочаловъ, и я».

Первымъ познакомилъ меня съ Шиллеромъ мой гувернеръ Д. И. Нонненпредигеръ. При воспоминаніи о немъ, возстаетъ въ моей памяти освѣщенный яркимъ солнцемъ паркъ; по усыпанной пескомъ дорогѣ, несусь я на ослѣ, сзади, немилосердно стегая его, бѣжитъ красный, весь въ поту, Данила Ивановичъ; бабы, дѣвки, садовники, работающіе въ саду, въ живописныхъ группахъ, любуются этимъ зрѣлищемъ; а гувернеръ, показывая на меня, кричитъ моимъ будущимъ рабамъ: «Глядить! Озелъ—на озлѣ!» Подъ руководствомъ Данилы Ивановича, выучилъ я баллады Шиллера [1]), до сихъ поръ всѣ ихъ помню и подъ-часъ декламирую.

Первымъ, кто впослѣдствіи прочелъ и объяснилъ мнѣ первую часть «Фауста», былъ мой братъ. Какой восторгъ произвели на меня послѣднія строфы Мефистофеля въ прологѣ:

Von Zeit zu Zeit seh'ich den Alten gern,
Und hüte mich mit ihm zu brechen.
Es ist gar hübsch von einem groszen Herrn
So menschlich mit dem Teufel selbst zu sprechen.

Я далъ себѣ слово непремѣнно сыграть Мефистофеля, и увы! тоже не сдержалъ его; но зато видѣлъ въ Мефистофелѣ Дёринга и Десуара, они въ Берлинѣ поочереди играли эту роль; видѣлъ Десуара, исполнявшаго и Фауста.

Эдипомъ данъ былъ первый толчекъ моей любви къ драматическому искусству. Потомъ матушка подарила мнѣ въ мои именины «Ермака» соч. Алексѣя Степановича Хомякова. Эту трагедію я уже всю выучилъ наизусть и готовилъ роль Ермака. Хорошо не помню, хотѣли ли у насъ поставить для меня сцены изъ этой пьесы, и на себѣ ли я видѣлъ кольчугу съ бляхой, или видѣлъ только эту кольчугу на картинѣ, написанной на желѣзномъ листѣ, на которомъ былъ изображенъ свирѣпый брюнетъ съ бородой, въ красномъ беретѣ, въ кольчугѣ и съ пикой въ рукѣ. Вообразилъ ли я, что это изображеніе Ермака, или кто сказалъ мнѣ это, но когда я сталъ обладателемъ нашего имѣнія и этой картины, я усумнился въ подлинности предположенія, что это портретъ Ермака. Думаю скорѣе, что это просто голландскій солдатъ.

Алексѣя Степановича Хомякова увидалъ я въ первый разъ въ 1838

[1]) Der Taucher, der Handschuh, der Gang zum Eisenhammer, das Lied von der Glocke, Ritter Toggenburg.

году въ Москвѣ у А. П. Елагиной. Онъ былъ сутуловатый, небольшаго роста, очень смуглый, съ черными оживленными глазами и черными до плечъ волосами. Его славянофильскій костюмъ не возбудилъ во мнѣ удивленія (я раньше видѣлъ въ немъ П. В. Киреевскаго), но особенно поразили меня въ Хомяковѣ длинныя кисти рукъ.

Приведу примѣръ всесторонней учености и начитанности Алексѣя Степановича.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ появился въ Москвѣ одинъ субъектъ, попавшій какими-то судьбами на островъ къ дикимъ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, женился, прижилъ дѣтей и оставался тамъ, пока его не выручилъ и не привезъ въ Европу экипажъ приставшаго къ острову корабля. Этотъ невольный естествоиспытатель природы и фауны своего новаго отечества, нравовъ и обычаевъ его обитателей, вошелъ въ Москвѣ въ моду. Его начали приглашать изъ дома въ домъ, гдѣ онъ разсказывалъ достопримѣчательности острова, свои похожденія, горе, нужду, опасности, которымъ онъ подвергался, свою женитьбу на туземкѣ,—однимъ словомъ, всю жизнь до своего избавленія. За все это его кормили ужинами и награждали деньгами. Такса за его вечера возвысилась до 15 рублей ассигнаціями. Пріѣдетъ, монотоннымъ голосомъ проговоритъ заученный разсказъ, поужинаетъ, и, при отъѣздѣ, швейцаръ сунетъ ему въ руку вознагражденіе. Кажется, господинъ этотъ былъ даже татуированъ, что́ еще болѣе придавало ему интереса. Разъ кто-то привезъ его къ Елагинымъ, гдѣ былъ и Хомяковъ. Начинаетъ татуированный Улиссъ свое повѣствованіе, скоро дошелъ до самаго интереснаго, то-есть до своей женитьбы.

— Позвольте,—перебилъ его Алексѣй Степановичъ,—вы забыли слѣдующую подробность при свадьбѣ этихъ дикарей, и при этомъ разсказалъ ее.

Затѣмъ во все остальное время Хомяковъ исправлялъ и дополнялъ разсказчика.

Оказалось, что Алексѣй Степановичъ лучше зналъ объ островѣ, чѣмъ господинъ, который прожилъ тамъ цѣлые годы. Разсказчикъ обидѣлся, принявъ Алексѣя Степановича за конкуррента, тоже бывшаго на этомъ островѣ, и ни за что не хотѣлъ продолжать.

— Помилуйте,—говорилъ онъ,—что я вамъ буду разсказывать; они тамъ сами были, все лучше меня знаютъ,—и уѣхалъ.

У моей матушки въ рязанскомъ имѣніи былъ управляющій Трубниковъ, прежде жившій у Хомякова. Трубниковъ разсказывалъ, что мать Алексѣя Степановича далеко не оцѣняла своего знаменитаго сына и, несмотря на его сорокалѣтній возрастъ, обращалась съ нимъ, какъ съ малолѣтнимъ. Ея любимцемъ былъ другой сынъ, красавецъ, военный, смерть котораго она долго оплакивала. Разъ пріѣхалъ къ ней въ

деревню тульскій архіерей и изъ церкви заѣхалъ откушать. Во весь обѣдъ не дождалась Хомякова ни должнаго вниманія его преосвященства, ни душеспасительной бесѣды. Все время черезъ столъ архіерей обращался къ Алексѣю Степановичу, а тотъ, вмѣсто того, чтобы слушать, все говорилъ самъ, говорилъ безъ конца, такъ, что владыкѣ пришлось не поучать, а только слушать. Разговоръ, по мнѣнію матери, былъ неинтересный: объ обрядахъ у западныхъ славянъ, спорили о какой-то Кормчей книгѣ, да все такъ громко, точно Алексѣй Степановичъ говорилъ съ управляющимъ, а не съ архіереемъ. Подъ конецъ со всѣмъ съ ума сошелъ, сталъ хохотать, и владыка тоже смѣется. Каково ей, хозяйкѣ и матери, сидѣть и молчать? Не съ протодіакономъ же или Благочиннымъ ей разговаривать! Стало стыдно старушкѣ за сына и немного совѣстно за архіерея, который велъ себя такъ при своей свитѣ. Встали изъ-за стола. Въ гостиной поданъ чай, фрукты, сажаютъ владыку на диванъ. Только-что хозяйка хотѣла подсѣсть къ нему п о б е с ѣ д о в а т ь, а преосвященный сажаетъ подлѣ себя Алексѣя Степановича и опять тотъ начинаетъ говорить,—а архіерей слушать. Ушла она съ досады; немного погодя вернулась, сѣла ужь на кресло (а на диванѣ сидитъ сынъ) и прислушивается, о чемъ они говорятъ: о хозяйствѣ. Нашелъ, нечего сказать, тему для разговора съ преосвященнымъ!

А карета давно подана; до слѣдующаго прихода, гдѣ ночуетъ и будетъ завтра служить преосвященный, болѣе двадцати верстъ, и скоро стемнѣетъ. Архіерей, несмотря на то, что благочинный и священники поднялись и, стоя у стѣны, переминаются, покашливаютъ,—и не думалъ уѣзжать—заслушался. Вернулась Хомякова, подсѣла ужь къ сыну, слушаетъ, что-то онъ теперь мелетъ? И не вѣритъ ушамъ... Алексѣй Степановичъ разсказываетъ архіерею про охоту съ борзыми!! Не выдержала, нагнулась и говоритъ сыну на ухо: «Алеша, напомни мнѣ послѣ тебя выбранить». Наконецъ поднялся архіерей, расцѣловался съ Алексѣемъ Степановичемъ, на крыльцѣ опять его облобызалъ и, очень довольный, уѣхалъ. Вечеромъ Алексѣй Степановичъ игралъ въ шахматы съ Трубниковымъ, а его мать тутъ же раскладывала пасьянсъ. Вспомнилъ Хомяковъ и говоритъ Трубникову:

— Маменька велѣла напомнить ей выругать меня... Маменька!— произнесъ онъ, обращаясь къ старушкѣ.

— Что, Алеша?

— Вамъ угодно было побранить меня.

— Да! Ахъ ты!.. Развѣ можно съ архіереемъ говорить о борзыхъ собакахъ...

Полились упреки, и нотація читалась до самаго ужина.

Остался у меня въ памяти разговоръ студентовъ В. А. Елагина и моего брата, по поводу знаковъ отличія Хомякова. Молодой Елагинъ

въ своемъ обожаніи, придавая Алексѣю Степановичу всевозможныя качества, въ томъ числѣ и г е р о й с т в о, говорилъ, что Хомяковъ имѣетъ и Георгіевскій крестъ, но не носитъ его, какъ и другіе ордена.

— Не носитъ?—перебилъ его Елагинъ-отецъ, задѣтый за живое тѣмъ, что сынъ небрежно говоритъ объ орденѣ « х р а б р ы х ъ ». Если бъ у него былъ Георгій, онъ его не только что въ петлицѣ, на лбу бы носилъ.

Въ 50-хъ годахъ въ Москвѣ я имѣлъ честь бывать у самого Хомякова и проводилъ съ нимъ вечера у Елагиныхъ. Разъ коснулся разговоръ о томъ, кто у насъ лучшій стилистъ изъ писателей до Карамзина?

— Императоръ Павелъ,—сказалъ Хомяковъ и тутъ же на память привелъ нѣсколько его замѣчательныхъ рескриптовъ.

— А кто самый интересный для насъ писатель послѣ Карамзина?—спросилъ уже Алексѣй Степановичъ.

— Пушкинъ.

— Нѣтъ.

— Гоголь, Лермонтовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Не Марлинскій же?

— Нѣтъ.

Никто не могъ угадать.

— Николай Павловичъ,—рѣшилъ наконецъ Хомяковъ,—его сочиненія всѣхъ насъ о ч е н ь интересуютъ.

Когда арестовали въ Саксоніи Бакунина и препровождали его въ Россію, кто-то разсказывалъ при Хомяковѣ, что изъ Лейпцига до Вѣны и оттуда до нашей границы его конвоировалъ чуть ли не цѣлый эскадронъ, а на границѣ его приняли и преблагополучно доставили въ Петербургъ всего два жандарма.

— Я вамъ больше скажу, — серьезно замѣтилъ Хомяковъ, — когда Бакунина заперли въ казематъ, его даже оставили о д н о г о.

П. А. Васильчиковъ передавалъ мнѣ, что въ апрѣлѣ 1854 года онъ, ужиная у А. И. Кошелева, сидѣлъ рядомъ съ Хомяковымъ. Было много гостей. Н. Ф. Павловъ нѣсколько разъ обращался къ Алексѣю Степановичу, говоря, что громы войны воодушевили поэтовъ и писателей, что стихи и статьи на современныя событія наполняютъ всѣ журналы, и что безмолвствуетъ одинъ Хомяковъ.

— Неужели святая война не нашла отклика въ вашемъ славянскомъ сердцѣ?—говорилъ Павловъ, — «когда же раздастся вашъ вѣщій голосъ?»

Алексѣй Степановичъ все молчалъ, но вдругъ глаза его блеснули, онъ всталъ, и раздались восторженныя строфы:

«Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело:
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго—
А на тебѣ, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли.

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ;
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Разя мечомъ—то Божій мечъ!»

— Я гляжу и не узнаю Хомякова,—говорилъ мнѣ Васильчиковъ;— онъ выросъ на цѣлую голову, черныя пряди волосъ нависли на поблѣднѣвшее лицо, онъ пронизалъ насъ какъ орлинымъ взоромъ; казалось, голосъ пророка гремѣлъ:

«О, недостойная избранья,
Ты избрана....»

Хомяковъ умолкъ! Всѣ, пораженные суровою мощью стиховъ, молчали... и вдругъ раздались дружныя рукоплесканья! Вспоминаю случай, бывшій съ Н. Ф. Павловымъ, много лѣтъ спустя съ того времени, когда онъ невольно заставилъ Хомякова въ первый разъ прочесть его знаменитое стихотвореніе. Произошло волненіе въ Московскомъ университетѣ; жандармы, полиція оцѣпили студенческія толпы и тѣмъ прекратили движеніе экипажей по Моховой. Остановился длинный рядъ каретъ, остановилась и пролетка, на которой, опершись на палку, съ золотымъ набалдашникомъ, сидѣлъ Павловъ. Подходитъ къ нему салопница и, думая, что рядъ экипажей провожаетъ покойника, спрашиваетъ:

— Кого, батюшка, хоронятъ?

— Науку, матушка, науку,—отвѣчаетъ Николай Филипповичъ.

— Дай ей Богъ царство небесное,—крестясь и отходя, проговорила старуха.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Хомякова за нѣсколько дней до его кончины. Осенью 1860 года сгорѣла моя деревня. Крестьянскіе дворы сидѣли близъ церкви, противъ усадьбы моего сосѣда Н. П. Шишкова. На другой день я навѣстилъ старика Шишкова, котораго очень напугалъ близкій пожаръ, и встрѣтился съ Хомяковымъ, пріѣхавшимъ въ свое Данковское имѣніе, сосѣднее нашему Спѣшневу.

— Какъ я обрадовался,—сказалъ мнѣ Алексѣй Степановичъ,—когда узналъ, что сгорѣла ваша деревня, а не усадьба Николая Петровича. Вы перенесете; да кстати п е р е н е с и т е подальше отъ церкви сгорѣвшій поселокъ.

Черезъ недѣлю Хомякова не стало: онъ умеръ отъ холеры.

Гоголя прочелъ я въ первый разъ въ жизни наканунѣ смерти моей матери. Мнѣ не говорили объ опасности ея болѣзни, но удручающая атмосфера общаго горя и волненія съ проблесками надежды, послѣ которой становилось еще мрачнѣе, все это тяжелымъ гнетомъ ложилось на мою дѣтскую душу. Я не находилъ себѣ мѣста и слонялся безъ призора изъ комнаты въ комнату. Вечеромъ я нашелъ на столѣ въ залѣ раскрытый на повѣсти «Вій» томъ сочиненій Гоголя и машинально принялся читать.

Новый міръ по фантастическому сюжету и по геніальному изложенію открывался мнѣ и захватилъ меня всего. Одинъ, въ длинной темной комнатѣ, я читалъ, не отрываясь, при мерцаніи одной свѣчи, и кончилъ повѣсть чуть-ли не ночью. Не думалъ я тогда, что черезъ десять лѣтъ я буду имѣть счастье читать самому Гоголю и слышать его чтеніе.

За годъ до смерти матушки—въ 1841 году—я въ первый разъ услыхалъ самое имя великаго писателя. Изъ Москвы получена была новая книга (и теперь какъ-будто вижу ее передъ собою). По зеленой оберткѣ

напечатано было крупнымъ шрифтомъ: «Мертвыя души». Поэма Н. В. Гоголя.

Братъ мой зачитывался ею, и сколько споровъ и толковъ возбудила она въ нашей семьѣ. Это было не то впечатлѣніе, которое двадцать пять лѣтъ спустя произвело на общество появленіе на страницахъ «Русскаго Вѣстника» «Войны и Мира». Эта поэма выходила главами каждый мѣсяцъ; въ продолженіе цѣлаго года ожидали появленія новыхъ номеровъ, новыхъ наслажденій, а «Мертвыя души» появились разомъ, какъ неожиданный громовой ударъ среди безоблачнаго дня [1])! Дорого далъ бы я теперь за тотъ первый, видѣнный мною экземпляръ «Мертвыхъ душъ». Гдѣ онъ? Вѣрно утащилъ его во время междуцарствія, бывшаго до раздѣла имѣній покойной матушки, какой-нибудь конторщикъ—п о ч и т а т ь. Тогда еще не воровали книгъ изъ барской библіотеки на бумагу для папиросъ—курили еще трубочку.

Пушкина прочелъ я въ первый разъ черезъ полтора года послѣ Гоголя. Мнѣ попалъ въ руки тотъ томъ сочиненій Пушкина, гдѣ былъ «Евгеній Онѣгинъ», и эта поэма не оставила (увы!) во мнѣ никакого впечатлѣнія. Я прозрѣлъ только черезъ годъ, когда прочелъ «Бориса Годунова».

Послѣ смерти матушки я очутился въ Петербургѣ.

Когда мой братъ пріѣзжалъ въ столицу, я много слышалъ отъ него объ игрѣ Щепкина, о необыкновенной простотѣ, которую онъ первый внесъ на русскую сцену, объ исполненіи имъ піесъ Гоголя, Грибоѣдова и Мольера.

Наконецъ, если не ошибаюсь, осенью 1848 года я въ Петербургѣ въ первый разъ увидѣлъ Щепкина. Съ того вечера я не пропускалъ ни одного его представленія и любовался имъ: въ Фамусовѣ, Городничемъ, Кочкаревѣ (Женитьба), Утѣшительномъ (Игроки), Бурдюковѣ (Тяжба); въ Матросѣ, Мирандолинѣ, Москалѣ Чаривникѣ; въ роляхъ Мольера; а, въ слѣдующемъ пріѣздѣ, и въ Холостякѣ—И. С. Тургенева.

Меня представили Михаилу Семеновичу, скоро я съ нимъ коротко познакомился, и часто посѣщалъ его.

Подолгу и помногу говорилъ со мной Щепкинъ объ искусствѣ, о сочиненіяхъ Гоголя, о немъ самомъ и о незнакомой мнѣ (хотя и полухохлу) Малороссіи. Вспоминалъ онъ свою долгую артистическую жизнь, отъ ярмарочнаго балагана до торжества на императорскихъ

---

[1]) Я слышалъ, что государь Александръ Николаевичъ очень интересовался „Войной и Миромъ“. Какъ получался номеръ „Русскаго Вѣстника“, онъ спѣшилъ прочесть новыя главы этого романа и заходилъ къ графинѣ А. А. Толстой (двоюродной сестрѣ Льва Николаевича), жившей въ Зимнемъ дворцѣ, передавать ей свои впечатлѣнія.

*

сценахъ. Въ первый свой пріѣздъ прочелъ мнѣ Михаилъ Семеновичъ Нахлѣбника—Тургенева, тогда запрещеннаго не только для сцены, но и для печати. Щепкинъ говорилъ мастерски. Особенностью его рѣчи было то, что въ ней всегда отъ паѳоса до комизма – былъ одинъ шагъ.— Какъ я жалѣю, что пишу о Щепкинѣ теперь, черезъ 44 года послѣ перваго знакомства съ нимъ, когда приходится переживать его игру памятью, а не впечатлѣніемъ; головою, а не молодымъ, хотя бы неопытнымъ сердцемъ. Помню его московскую квартиру въ приходѣ стараго Пимена. Огромный столъ, за которымъ обѣдали человѣкъ 20-ть семейства и друзей, въ гостиной гипсовый его бюстъ, работы Рамазанова, подъ который Михаилъ Семеновичъ клалъ лакомства для своей внучки, всегда отправлявшейся послѣ обѣда отыскивать ихъ у «бѣлаго дѣдушки». Вспоминается мнѣ его радушная семья: старушка жена, плѣнная турчанка, сынъ Петръ Михайловичъ; мужъ покойной дочери Щепкина, Барсовъ, игра въ ералашъ съ Садовскимъ (тогда еще бывавшимъ у Щепкина), за которою Михаилъ Семеновичъ повторялъ монологъ «скупаго рыцаря», котораго онъ разучивалъ для своего бенефиса.

Разъ я ужиналъ послѣ театра съ Садовскимъ и Шумскимъ, и въ пятомъ часу утра пошелъ пѣшкомъ съ Шумскимъ, жившимъ тогда у Щепкина; дошли съ нимъ до его дома, и у рѣшетки двора все еще продолжали говорить. Ужь разсвѣло, рабочіе мостили улицу; старикъ Щепкинъ вышелъ изъ дома и отправился на садокъ купить къ обѣду рыбу.

Вдругъ Шумскій говоритъ: «мы всю ночь проболтали, пили шампанское, а рабочій, послѣ трудоваго дня, спалъ на мостовой; мы еще и спать не ложились, а онъ, чуть свѣтъ, опять принялся за работу... Дай ему денегъ». И какъ сейчасъ вижу изумленное лицо мужика—онъ съ недоумѣньемъ поглядѣлъ на насъ и на деньги, потомъ положилъ ихъ за пазуху и, молча, отошелъ..

Кромѣ преподаннаго всѣмъ примѣра простоты и правды на русской драматической сценѣ, Щепкинъ помогалъ всѣмъ своимъ совѣтомъ; онъ всегда былъ радъ каждому объяснить роль и искренно хвалилъ и цѣнилъ успѣхъ другаго артиста. С. В. Шумскій, поступивъ изъ Одессы на московскій Малый театръ, долго, пока совсѣмъ не сталъ на ноги, жилъ у Щепкина и много обязанъ ему первымъ развитіемъ своего первокласнаго таланта. Можетъ быть, простота игры Щепкина указала этотъ путь и генію Садовскаго. А. И. Шубертъ на сценѣ тоже была воспитанницей Михаила Семеновича. Я узналъ его шестидесятилѣтнимъ старикомъ; но съ какимъ юношескимъ жаромъ, до самой смерти, относился онъ къ театру, къ великимъ драматическимъ произведеніямъ и къ литературѣ. На объясненіе Гоголя, что Городничій и всѣ лица «Ревизора» не чиновники, а наши грѣхи, и что жандармъ, объявляю-

щій о пріѣздѣ настоящаго ревизора, *есть наша совѣсть*, Щепкинъ отвѣчалъ, что Городничій, Судья, Земляника, хотя ихъ и создалъ геній Гоголя, но выносилъ ихъ въ своемъ сердцѣ, страдалъ и жилъ Городничимъ съ ними на сценѣ, онъ, Щепкинъ, *что они живые люди*— а не грѣхи! что пока живъ Щепкинъ, онъ ихъ Гоголю не отдастъ; «а *какъ умру*,—добавлялъ съ паѳосомъ Михаилъ Семеновичъ,—*тогда дѣлайте изъ нихъ что хотите—хоть козловъ!*»

Иногда сидитъ, задумавшись, Щепкинъ и тихо начнетъ произносить стихотвореніе Пушкина:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ,
Храните гордое терпѣнье.....

И со слезами кончитъ:

Какъ въ ваши каторжныя норы,
Доходитъ мой свободный гласъ!

Съ благоговѣніемъ показывалъ онъ мнѣ тетрадь, подаренную ему Пушкинымъ, для его записокъ. На первой страницѣ этой тетради Пушкинъ написалъ: «Записки актера Щепкина», и самъ же написалъ первыя строки..... въ такомъ-то году, тамъ-то родился М. С. Щепкинъ.

Лично знакомый съ Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, Лермонтовымъ [1]), близкій пріятель Гоголя, Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, много интереснаго разсказывалъ о нихъ Михаилъ Семеновичъ. Чтецъ онъ былъ превосходный [2]) и одинаково замѣчательный разсказчикъ.

Анекдотъ во 2-й части «Мертвыхъ душъ» — «*полюбите насъ черненькими*» принадлежитъ ему. Съ удивительнымъ огнемъ передавалъ онъ цѣлую охотничью сцену изъ водевиля Иванова, гдѣ страстный охотникъ разсказывалъ травлю волка и, въ паѳосѣ повѣствованія, представлялъ: гоньбу гончихъ, ревъ стаи, когда она навалила на слѣдъ звѣря, улюлюканье борзятниковъ, побѣдные звуки рога... и наконецъ замиралъ самъ, какъ затравленный волкъ, отъ счастья побѣды! По поводу этой сцены, передалъ мнѣ Щепкинъ свой разговоръ съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ. Недавно этотъ разсказъ прочелъ я, но въ искаженномъ видѣ, въ какомъ-то журналѣ. Возстановлю его въ дѣйствительномъ содержаніи, со словъ самого Щепкина.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Петербургъ, Щепкинъ былъ позванъ читать и разсказывать сцены въ Аничковскій дворецъ, гдѣ въ

---

[1]) Садовскій говорилъ мнѣ, что разъ за кулисы Малаго театра пришелъ офицеръ и спросилъ, гдѣ уборная Щепкина. П. М. указалъ ему ходъ и узналъ послѣ, что это былъ Лермонтовъ. Садовскій его больше никогда не видалъ.

[2]) Лучшіе чтецы, которыхъ я слышалъ, были: Гоголь, Садовскій, Писемскій, Островскій (своихъ произведеній) и Щепкинъ.

то время жилъ государь Николай Павловичъ. Щепкинъ много читалъ, много разсказывалъ, между прочими монологъ охотника всѣмъ очень понравился и привелъ въ восхищеніе великаго князя Константина Николаевича, бывшаго тогда ребенкомъ. Великій князь очень просилъ Щепкина повторить этотъ монологъ. Услышавъ это, государь сказалъ Константину Николаевичу: «ты еще дитя, а Щепкинъ не молодъ; ты долженъ понять, что ему тяжело повторять такую трудную сцену».

Черезъ нѣсколько лѣтъ, Щепкинъ гастролировалъ въ Кіевѣ. По болѣзни или усталости, послѣ спектакля онъ не могъ явиться на вечеръ къ генералъ-губернатору, чѣмъ навлекъ на себя его неудовольствіе, которое при первой встрѣчѣ Бибиковъ ему и высказалъ. Щепкинъ, изъясняя причины, помѣшавшія ему исполнить желаніе генералъ-губернатора, просилъ позволенія разсказать бывшій съ нимъ случай въ Аничковскомъ дворцѣ. Передавъ, какъ милостиво государь не приказалъ повторять трудную сцену, Щепкинъ кончилъ разсказъ слѣдующимъ: «ваше высокопревосходительство! Мы, русскіе, привыкли считать царя земнымъ Богомъ. Ежели меня пожалѣлъ самъ Богъ,—то неужели меня не помилуютъ его святые угодники».

Игра Щепкина и знакомство съ нимъ имѣло большое вліяніе на мое сценическое пониманіе. Меня прежде всего поразила необыкновенная простота и правда въ исполненіи характера роли. Невольно сравнивая его игру съ другими актерами, я видѣлъ, что Щепкинъ одинъ только живетъ на сценѣ, а другіе всѣ «нарочно играютъ», какъ говаривалъ А. Н. Островскій о гимназическихъ спектакляхъ, а иногда и объ игрѣ современныхъ ему артистовъ. До Щепкина подобной игры я еще не видѣлъ. Оно и понятно, Мартынова до 1848 г. я видѣлъ почти только въ однихъ водевиляхъ.

Городничимъ стоитъ въ моей памяти маленькая круглая фигура въ мундирѣ и ботфортахъ. Жаръ, съ которымъ Щепкинъ велъ всю роль, глубокое ея пониманіе, серьезное отношеніе къ ней ни на одну минуту не дѣлали его смѣшнымъ, несмотря на почти комическую наружность. Публика смѣялась надъ положеніемъ Городничаго—а не надъ фигурой Щепкина. А многіе актеры во времена Щепкина смѣшили внѣшнимъ, такъ сказать, комизмомъ, и комическая наружность, или фигура, была сокровищемъ для комика прежняго времени. Комическая фигура Щепкина не мѣшала ему заставлять публику плакать отъ его игры въ драмѣ и смѣяться «добрымъ смѣхомъ» «кривой рожѣ» [1]) изображаемыхъ имъ порочныхъ людей.

---

[1]) «Нечего на зеркало пенять—коли рожа крива»—эпиграфъ «Ревизора».

Совершенно по нотамъ Щепкина, играетъ теперь Городничаго В. Н. Давыдовъ, даже единственную утрировку, когда Щепкинъ-Городничій хваталъ подъ одну руку жену, подъ другую дочь и, немного согнувшись, быстро отводилъ ихъ отъ Осипа на противоположную сторону сцены—и это движеніе фотографически передаетъ Давыдовъ. Вѣроятно, онъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, видѣлъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ этой роли Щепкина. Если нѣтъ, то одинаковое съ Щепкинымъ пониманіе роли Городничаго дѣлаетъ большую честь таланту Давыдова.

Въ Москвѣ еще живы традиціи о подробностяхъ игры замѣчательныхъ актеровъ. Въ моей молодости свѣжо было воспоминаніе о всѣхъ великихъ минутахъ въ роляхъ Мочалова; а теперь тамъ помнятъ недосягаемую для современныхъ актеровъ игру Садовскаго [1]), разсказываютъ подробно о С. Васильевѣ, Щепкинѣ, Живокини, Шумскомъ; помнятъ игру геніальнаго самородка Косицкой, К. Н. Васильевой, Сабуровой 1-ой.

Въ московскомъ Маломъ театрѣ создалась школа, благодаря традиціямъ объ игрѣ этихъ титановъ и многолѣтнему ансамблю, который создавалъ вкусъ писателей и публики; ансамблю, подобный которому я видѣлъ только въ французской комедіи. И хотя въ домѣ Мольера я не встрѣчалъ такихъ актеровъ, какъ Садовскій и Сергѣй Васильевъ, но тамъ играютъ Мольера съ еще большимъ стараніемъ и уваженіемъ, чѣмъ даже въ Москвѣ въ пятидесятыхъ годахъ исполняли пьесы Гоголя, Грибоѣдова и Островскаго.

Я болѣе двадцати лѣтъ не былъ въ московскомъ театрѣ, но разъ въ жизни видѣлъ въ Петербургѣ Ермолову и по ней сужу, что вполнѣ еще живы въ Москвѣ традиціи о великихъ ея предшественникахъ, что ихъ игра создала въ Маломъ театрѣ ту школу, изъ которой явилась Ермолова.

Я увѣренъ, что если и не видалъ Давыдовъ Щепкина въ «Ревизорѣ», то еще такъ была свѣжа въ Москвѣ память объ исполненіи Щепкинымъ Городничаго, что Давыдовъ могъ узнать всѣ подробности игры Михаила Семеновича въ этой роли. Только Щепкинскаго огня и мощи исполненія не вездѣ хватало Давыдову [2]). За то въ послѣднемъ актѣ, въ монологѣ послѣ прочтенія письма, игра Давыдова—совершенство!

---

[1]) Оттого вѣроятно перестали давать въ Маломъ театрѣ всѣ пьесы Островскаго, въ которыхъ игралъ П. М.—и прекрасно дѣлаютъ.

[2]) Умолчу о фарсахъ въ исполненіи Давыдовымъ сцены съ квартальнымъ, когда легъ спать Хлестаковъ. Вѣроятно, на артиста повліяли балаганныя кривлянья, которыя выкидывали тутъ Осипъ и квартальные.

Трагизмъ его игры поразилъ меня болѣе, чѣмъ исполненіе этой трудной сцены самимъ Щепкинымъ. Но Щепкина я видѣлъ въ первый разъ въ Городничемъ въ 1848 году, ему было чуть-ли не шестьдесятъ лѣтъ, а Давыдова я увидалъ въ этой роли въ 1886 году въ злочастномъ пятидесятилѣтнемъ юбилейномъ спектаклѣ «Ревизора». Разстояніе это чрезчуръ большое, для вѣрнаго сравненія. Впечатлѣніе юбилейнаго спектакля «Ревизора» въ 1886 году было таково, что я подумалъ: слава Богу, что умеръ Гоголь и знаменитые исполнители его геніальной комедіи: Городничій—Садовскій и Щепкинъ, Хлестаковъ—Мартыновъ и С. Васильевъ; Осипъ—Садовскій и Мартыновъ; Городничихи—Сабурова 1-я и Линская. Слава Богу, что не видали они этого постыднаго спектакля и коверканія ими созданныхъ ролей. Только и былъ вполнѣ хорошъ въ этотъ злополучный вечеръ Городничій—В. Н. Давыдовъ и превосходна—Марья Антоновна—М. Г. Савина. Описанію этого спектакля я посвятилъ особую главу моихъ воспоминаній, написанную подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого торжества на Александринской сценѣ.

Въ разныхъ толкахъ о фабулѣ «Ревизора», которую многіе изъ современниковъ находили неестественною тѣмъ, что такой проныра и бывалый человѣкъ, какъ Городничій, могъ принять Хлестакова не только за ревизора, но даже за особу,—М. С. Щепкинъ, въ доказательство справедливости пословицы, что «у страха глаза велики» разсказалъ мнѣ, какъ разъ опростоволосился и негородничій.

Въ Курской губерніи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ помѣщикъ, обладавшій громаднымъ состояніемъ и извѣстный по своей жестокости, выходившей изъ ряду вонъ, даже и въ то время, когда общее положеніе крѣпостныхъ было далеко не отрадное. Въ то блаженное для помѣщиковъ время, начиная отъ прислуги, исполнявшей всевозможныя должности, были и крѣпостные артисты, повара, которыхъ продавали и покупали за нѣсколько тысячъ рублей [1]), парикмахеры,

[1]) У моего дѣда М. В. Перваго былъ красавецъ кучеръ съ окладистой «до чреслъ висящей» черной бородой. Его молодецкая фигура на козлахъ, а, главное, борода такъ восхитила сосѣда по имѣнію С. В. Т., что онъ хотѣлъ купить кучера за 1.000 рублей. Дѣдъ отказалъ; съ досады Т. предложилъ 1.000 рублей, чтобы только Василій (такъ звали кучера) обрилъ бороду. Не желая торговать ни людьми, ни ихъ бородами, дѣдъ отказалъ и въ этомъ, предложивъ, впрочемъ, Т. купить бороду у ея природнаго владѣльца, т. е. у самого кучера. Позвавъ Василія, дѣдъ мой сказалъ ему, что С. В. торгуетъ у него его бороду, и что ежели онъ обрѣется, то получитъ отъ него тысячу рублей. Кучеръ не согласился,—а онъ не былъ раскольникъ. У извѣстнаго коннозаводчика В. П. Воейкова былъ знаменитый по дородности, необъятной силѣ и мастерству ѣзды кучеръ Трифонъ. На одной изъ ярмарокъ въ Лебедяни, въ концѣ 20-хъ годовъ, другой коннозаводчикъ

наѣздники, псари, хоры крѣпостныхъ пѣсельниковъ, оркестры роговой и инструментальной музыки. У многихъ помѣщиковъ были крѣпостныя труппы, балетныя, драматическія и оперныя изъ однихъ и тѣхъ же артистовъ. (Въ сороковыхъ годахъ, я подобное помню и на императорскихъ театрахъ). Одна изъ лучшихъ повѣстей Герцена «Сорока-воровка», гдѣ героиня замѣчательная по таланту крѣпостная актриса, не вымыселъ, а быль; ея грустная судьба разсказана Герцену М. С. Щепкинымъ, который игралъ съ этой актрисой въ Орлѣ, на театрѣ графа Каменскаго. Самъ Щепкинъ, гордость московской сцены, другъ Гоголя и Грановскаго, былъ долго крѣпостнымъ актеромъ. Покойный тесть мой П. Н. Ушаковъ самъ и нѣкоторые офицеры дивизіи, которой онъ командовалъ, участвовали въ подпискѣ, на которую выкупили на волю Щепкина. Были крѣпостные живописцы [1]), расписывавшіе потолки и тоже писавшіе барскіе портреты и картины барскаго сочиненія; сюжеты брались изъ разныхъ гравюръ, группировались въ одну картину—выходило очень мило. Были собственные управляющіе, конторщики, землемѣры, архитекторы. Были крѣпостные гаремы, одалиски назывались просто к а н а р е й к а м и. Все, и для души, и для тѣла, все было крѣпостное! Была даже к р ѣ п о с т н а я артиллерія. Только не было крѣпостныхъ адвокатовъ и инженеровъ, но безъ постройки желѣзныхъ дорогъ и гласнаго судопроизводства, въ нихъ надобности еще не было. За то какіе были крѣпостные ходатаи по дѣламъ и судамъ! Хотя и не было у нихъ теперешняго краснорѣчія, но по уму—были министры.

Въ моемъ дѣтствѣ у елецкаго помѣщика А. П. Дубовицкаго я помню въ сельцѣ Суходолѣ большую больницу для крестьянъ, врачъ которой, пройдя полный курсъ фельдшерской школы, доучивался въ Москвѣ у профессора-медика. Этотъ крѣпостной эскулапъ имѣлъ большую извѣстность, практиковалъ въ Елецкомъ и въ смежномъ Ефремовскомъ уѣздахъ. Въ Суходолѣ была сперва ланкастерская, потомъ обыкновенная школа, съ крѣпостными преподавателями. Всѣ управляющіе, конторщики боль-

---

А. М. Кормилицынъ предлагалъ за Трифона деревню съ 50-ю душами крестьянъ (тогда считались не десятины земли, а ревизскія души). Воейковъ не помѣнялся. На Лебедянскихъ скачкахъ и бѣгахъ, въ пятидесятыхъ годахъ, встрѣчалъ я Кормилицына; однимъ изъ лучшихъ воспоминаній прежняго времени было для старика то, что онъ за Трифона предлагалъ Воейкову «ц ѣ л у ю» деревню.

[1]) Мнѣ достался отъ моего двоюроднаго дѣда А. В. Перваго масляный портретъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, подаренный дѣду самимъ Орловымъ. Знатоки живописи приписываютъ этотъ портретъ кисти Лампи, а его писалъ съ графа при моемъ дѣдѣ, въ 1806 году, когда Орловъ былъ начальникомъ ополченія, крѣпостной живописецъ, но учившійся въ Италіи.

шихъ имѣній П. А. Дубовицкаго (сына Алек. Петр.) и послѣ освобожденія крестьянъ были ученики этой школы. Нѣкоторые изъ сихъ управляющихъ въ школѣ жизни научились многому и нажили себѣ болѣе 2-хъ тысячъ десятинъ земли, которыя спускаютъ теперь ихъ дѣтки Въ моемъ дѣтствѣ я хорошо помню почтеннаго старичка Карпа Иванова, во фракѣ, съ брыжжами на манишкѣ, и въ высокихъ сапогахъ съ кисточками. Покойный зять мой П. А. Дубовицкій, бывшій на семнадцать лѣтъ старѣе меня, разсказывалъ, что ребенкомъ онъ помнилъ, какъ разъ у его дѣда Карпъ, служа за столомъ, подавалъ блюда съ рогаткою на шеѣ (ошейникъ съ 4-мя палками, мѣшавшими даже повернуть голову, не только сѣсть или лечь; вѣроятно, глядя по винѣ, рогатки надѣвались на продолжительное время), и никто изъ гостей не только не возмущался, но даже не находилъ страннымъ этотъ шейный уборъ.

Послѣ обѣда сняли рогатку, и Карпъ исполнялъ соло, или участвовалъ въ квартетѣ Бетховена, играя первую скрипку съ московскими музыкальными знаменитостями двадцатыхъ годовъ... и всѣхъ восхищалъ своей игрою!

Это дѣлалось у добраго помѣщика и честнаго человѣка (понимавшаго музыку Бетховена), сынъ котораго завелъ въ своихъ имѣніяхъ, еще въ двадцатыхъ годахъ, больницы и школы для крестьянъ,—и внукъ котораго былъ Петръ Александровичъ Дубовицкій. Что жъ дѣлалось у другихъ? и что должны были чувствовать, при рогаткахъ и розгахъ, даровитые и развитые крѣпостные артисты, и живописецъ графа Орлова-Чесменскаго, учившійся въ Италіи; и знаменитый Тропининъ, дворовый человѣкъ Трощинскаго, и скрипачъ Карпъ Ивановъ, и геніальная крѣпостная актриса, игравшая въ драмѣ «Сорока-воровка»! Отъ этой жизненной ужасной драмы—у насъ, потомковъ этихъ рабовладѣльцевъ, отъ стыда и ужаса становятся дыбомъ волосы. Наконецъ, Шевченко[1]), академикъ Никитенко, Щепкинъ были крѣпостными, не въ столь отдаленное отъ насъ время, когда девизомъ крѣпостнаго права служила народная пословица: спина барская, голова царская—душа Божія!

Какъ не вспомнить великаго Освободителя народа отъ рабства и не сказать ему: «вѣчная память».

Возвращаюсь къ разсказу Щепкина. Былъ у курскаго помѣщика архитекторъ изъ дворовыхъ. Приказываетъ ему баринъ выстроить каменную плотину со шлюзами, спускомъ, каменными устоями для крупичатой мельницы, съ 12-ю поставами, сукновальней, толчеею и прочими удовольствіями. Большая рѣка бѣжала въ крутыхъ берегахъ;

---

[1]) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко стараньемъ В. А. Жуковскаго выкупленъ изъ крѣпостной зависимости, на деньги императорской семьи.

сила воды была страшная, особливо въ половодье и паводки. Архитекторъ представляетъ планъ; баринъ дѣлаетъ много измѣненій и приказываетъ строить по его указаніямъ. Архитекторъ пробуетъ доказать, что такъ строить нельзя, что, при первомъ сильномъ напорѣ воды, плотина не устоитъ...

— Молчать, скотина, дѣлай, какъ приказано!

Строитъ архитекторъ, какъ приказано.—Баринъ, чтобъ только удалась плотина съ его измѣненіями, не жалѣетъ ни вѣковыхъ дубовъ, ни желѣза, ни камня. Выстроили на славу; освящалъ плотину самъ архіерей, провозглашалъ многолѣтіе помѣщику протодьяконъ; на открытіи пировалъ губернаторъ; ликовали при громѣ музыкѣ, пушечной пальбѣ, чуть не вся губернія... а весной, какъ предсказывалъ архитекторъ, плотину все-таки сорвало.

Баринъ, на развалинахъ этой самой плотины, разложилъ архитектора, далъ ему 300 розогъ и снова приказалъ строить по своимъ указаніямъ. Долго валялся въ ногахъ барина архитекторъ, умоляя позволить ему строить, какъ велитъ наука, а не барская воля, но баринъ былъ твердый и не измѣнилъ рѣшенія. Снова не по научнымъ, а по барскимъ даннымъ, начали строить. Выстроили, освятили... а весною опять плотину разрушило. Опять пороть архитектора, который послѣ экзекуціи, тутъ же, на барскихъ глазахъ, бросился въ воду и утонулъ.

Что тутъ было дѣлать бѣдному барину? Другаго крѣпостнаго архитектора нѣтъ—нечего дѣлать, пришлось вновь строить плотину по плану покойника (но ужь безъ барскихъ измѣненій). Плотину выстроили, и стоитъ она неколебимо нѣсколько лѣтъ; но барину все не вѣрилось, что покойникъ былъ правъ, и плотина прочна. Онъ все боялся, чтобы чего не случилось, и приказалъ на въѣздахъ поставить шлагбаумы и не пускать никого ни по мосту, ни по плотинѣ.

Въ первые годы царствованія императора Александра Павловича, жаркимъ лѣтнимъ днемъ, проѣзжалъ черезъ Курскъ въ свое имѣніе одинъ изъ молодыхъ друзей государя. Дормезъ въ 8-мь лошадей едва тащится шагомъ по песку; лошади становятся, падаютъ отъ облѣпившихъ ихъ оводовъ; ни крики, ни кнутья ямщиковъ не помогаютъ. Камердинеръ съ козелъ докладываетъ, что еще пять верстъ такой ужасной дороги, но, по словамъ ямщика, проселкомъ можно миновать пески, и въ объѣздъ будетъ крюку всего верстъ десять.

— Поѣзжайте въ объѣздъ,—говоритъ сановникъ.

— Никакъ невозможно, ваше графское сіятельство,—отвѣчаетъ ямщикъ;—по той дорогѣ плотина будетъ, чрезъ нее не пущаютъ.

— Кто не пускаетъ?

— Да тамошній баринъ.

— Какой вздоръ, поѣзжай!

Ямщикъ свернулъ и поѣхалъ проселкомъ. Ѣдутъ нѣсколько верстъ; изъ-за лѣса выростаетъ дворецъ съ башнями, павильонами; оранжереи, окаймленныя подстриженными липовыми аллеями. Кругомъ раскинулись службы, къ рѣчкѣ сбѣгаетъ паркъ съ усыпанными пескомъ дорожками. Сановникъ любуется прелестнымъ видомъ. Подъ горой блеснула на солнцѣ рѣка, шумятъ десятки мельничныхъ колесъ.

«Алмазна сыплется гора»,—повторяетъ путникъ Державинскій стихъ, глядя на падающіе съ мельничныхъ колесъ радужные водяные столбы.

Но что это? Путешественникъ не вѣритъ своимъ глазамъ.

— Что это?—спрашиваетъ онъ ямщика.

— Каторжники, ваше сіятельство,—спокойно отвѣчаетъ ямщикъ.

И точно, десятки людей, съ обритыми лбами, кто въ кандалахъ, кто прикованный къ тачкѣ, копошатся у рѣки, возятъ на тачкахъ землю, тешутъ камни, бьютъ сваи, распѣвая «дубинушка ухни»... и все это освѣщено яркимъ солнцемъ веселаго іюньскаго дня, и все «Алмазна сыплется гора» съ мельничныхъ колесъ.

Либеральный другъ Александра I не вѣритъ, что онъ все это видитъ не въ тяжеломъ снѣ, а на яву, въ семи верстахъ отъ губернскаго города, гдѣ имѣются и губернаторъ, и полиція... и законы!

Ямщикъ съ жаромъ передаетъ ему, за какія провинности крестьяне и дворовые поступаютъ въ каторжныя работы на разные, глядя по винѣ, сроки.

— А ужь дерутъ какъ, ваше сіятельство—страсть!—прибавляетъ ямщикъ.—До смерти запарываютъ; намедни дѣвку засѣкли — барскую полюбовницу, съ конторщикомъ застали.

— Какъ—засѣкли?

— Запороли, да и схоронили.

— Кто жъ смѣлъ похоронить?

— Попъ схоронилъ.

— Какъ—засѣченную?

— Кого попъ не схоронитъ; онъ и барскую собаку отпѣвалъ.

— Собаку?

— Борзую, ваше сіятельство.

Ямщикъ разогналъ лошадей мимо перваго шлагбаума, караульный прозѣвалъ, дормезъ пролетѣлъ; но на выѣздѣ другой караульный, зная, что ожидаетъ его, если онъ пропуститъ экипажъ, успѣлъ спустить шлагбаумъ, но угодилъ прямо по козламъ. Ямщикъ соскочилъ, но козлы сломались, фонари—въ дребезги, и камердинеръ тяжело раненъ въ голову. Сбѣжался народъ, обступили дормезъ, подскакалъ приказчикъ, велитъ арестовать дерзновеннаго, осмѣлившагося силой проѣхать черезъ мостъ. Но проѣзжій назвалъ такую фамилію, такой чинъ и званіе—что

приказчикъ только руки опустилъ. Безчувственнаго камердинера подняли, перевязали ему голову, проѣзжій посадилъ его съ собою въ дормезъ, и поскакали въ городъ прямо къ губернатору. На его попеченіе сданъ тяжело раненый. Взволнованный сановникъ передалъ, со всѣми подробностями, губернатору все имъ видѣнное и слышанное, и кончилъ рѣчь внушительными словами:

— Предупреждаю васъ, я обо всемъ напишу самому государю; примите же, наконецъ, мѣры противъ этого изверга.

Сановникъ поѣхалъ далѣе; черезъ недѣлю камердинеръ умеръ.

У любителя строить плотины было еще большое имѣніе въ одной изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ всѣмъ управлялъ безграмотный бурмистръ, получавшій иногда отъ барина короткіе, но очень оригинальные приказы, въ родѣ слѣдующаго:

«Трофимъ! Съ полученіемъ сего, отправляйся въ Петербургъ и смѣни губернатора. Надоѣлъ».

Трофимъ собиралъ оброки, ѣхалъ съ ними въ Петербургъ... и губернатора смѣняли.

Черезъ нѣсколько времени, послѣ происшествія на плотинѣ, Трофимъ донесъ барину, что довѣренное лицо министра (положимъ, Ѳедоровъ) ѣдетъ инкогнито въ Курскъ производить тайныя дознанія о смерти архитектора, о смертельной ранѣ, нанесенной шлагбаумомъ, при переѣздѣ черезъ мостъ, камердинеру графа такого-то, о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, употребляемыхъ для каторжныхъ работъ, о засѣченіи дворовой дѣвки розгами, объ отпѣваніи борзой собаки, о травлѣ живыхъ людей медвѣдями, о закупаніи до смерти въ колодезѣ засѣдателя въ пьяномъ видѣ, о дѣлѣ, десять лѣтъ находящемся въ уѣздномъ судѣ, объ осадѣ усадьбы помѣщика секундъ-маіора такого-то, причемъ стрѣляли изъ пушекъ, хотя и холостыми зарядами, но отъ выстрѣловъ было сожжено гумно, а въ домѣ побиты всѣ стекла, секундъ-маіору сломали руку, силою похитили жену его, и гдѣ она нынѣ находится—неизвѣстно, и прочее, и прочее, и прочее.

Баринъ приказалъ на всѣхъ постоялыхъ дворахъ въ Курскѣ сообщать ему, когда пріѣдетъ изъ Петербурга чиновникъ Ѳедоровъ, и скоро получилъ свѣдѣніе, что прибылъ:

«Молодой человѣкъ, чиновникъ... ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи (Ѳедоровъ), а ѣдетъ, говоритъ, въ Саратовскую губернію... и престранно себя аттестуетъ; другую ужъ недѣлю живетъ. Ходитъ по присутственнымъ мѣстамъ, вечерами все что-то пишетъ, разспрашиваетъ обо всѣхъ помѣщикахъ, узнаетъ, гдѣ побогаче живутъ крестьяне, вообще наводитъ разныя справки...» Это свѣдѣніе кончалось разсужденіемъ въ родѣ того, что думалъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій о Хлестаковѣ: «А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дороги ему лежатъ въ

Саратовскую губернію?—А вотъ, онъ-то и есть, этотъ чиновникъ-то, о которомъ изволили получить нотацію—ревизоръ!»

Взволнованный помѣщикъ поѣхалъ въ городъ, какъ бы случайно, остановился на томъ же постояломъ дворѣ, познакомился съ чиновникомъ Ѳедоровымъ, который оказался тонкая штука.

Служитъ, говоритъ, въ министерствѣ, посланъ частно провѣрить доходность откупа; а это дѣло не легкое... Онъ человѣкъ честный, на плутни не пойдетъ, добьется данныхъ совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя имѣются въ Петербургѣ. Откупщикъ ему уже прямо предложилъ пятнадцать тысячъ рублей, лишь бы онъ только подтвердилъ, пожалуй, хоть съ небольшой надбавкой, прежнія цифры, и пусть съ деньгами спокойно ѣдетъ себѣ въ Петербургъ; а заупрямится, захочетъ дѣлать по-своему—и денегъ не получитъ, и его же выгонятъ со службы. Откупщику это хоть и дороже станетъ, да онъ послѣ все наверстаетъ.

«И откупщикъ правъ, говорилъ Ѳедоровъ; предположимъ, что министръ обратитъ вниманіе на мое донесеніе, но одинъ въ полѣ не воинъ, все передѣлаютъ, передоложатъ, придерутся къ чему-нибудь и, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ выгонятъ со службы».

Оказалось еще, что Ѳедоровъ влюбленъ; а пятнадцать тысячъ, вѣдь это—цѣлое состояніе, онъ могъ бы жениться на любимой имъ дѣвушкѣ... Да нѣтъ, онъ взятки не возьметъ и въ роду у него нѣтъ взяточниковъ; ужь будь, что будетъ, а онъ выведетъ дѣло на чистоту.

Такъ по вечерамъ толковали новые знакомые. Помѣщикъ, наконецъ, убѣдился вполнѣ, что главная цѣль прибытія Ѳедорова въ Курскъ—не опредѣленіе доходности откупа, что это порученіе дано ему лишь для отвода глазъ, а что онъ прибылъ сюда по его дѣлу, и подъ сурдинкой собираетъ всѣ свѣдѣнія; собираетъ-собираетъ, толкуетъ съ нимъ объ откупѣ, да вдругъ и прихлопнетъ. Тутъ время терять нечего, надобно дѣйствовать. Переговоривъ съ откупщикомъ и взявъ у него пятнадцать тысячъ, помѣщикъ рѣшилъ сразу прикончить дѣло.

— Ну, молодой человѣкъ, какъ же вы намѣрены поступить? Несмотря на то, что сила и солому ломитъ, вы все-таки повезете въ Петербургъ вашъ докладъ?—спрашиваетъ онъ Ѳедорова.

— Повезу,—отвѣчаетъ тотъ.

— А дальше что будетъ?

— Что будетъ, то будетъ—а будетъ, что Богъ дастъ.

— Вотъ оно молодо, да зелено! Хорошо, не возьмете вы съ откупщика пятнадцать тысячъ, представите вашъ докладъ, но что жъ изъ этого выйдетъ? Откупщикъ пошлетъ въ министерство тридцать тысячъ, и все-таки въ концѣ концовъ сдѣлаютъ, какъ онъ захочетъ, а васъ еще и со службы выгонятъ. Знаете пословицу: съ волками жить—по-волчьи выть! А не хотите выть, выходите въ отставку.

— Вышелъ бы, а жить-то чѣмъ?

— Слушайте, я васъ коротко узналъ оцѣнилъ и полюбилъ. Рѣдко встрѣтишь небогатаго человѣка, который отказался бы отъ пятнадцати тысячъ. Я васъ обезпечу. Вотъ вамъ двадцать тысячъ, подавайте сейчасъ въ отставку, посылайте ее въ Петербургъ, и двадцать тысячъ ваши. Вы тогда будете имѣть возможность жениться на той, которую любите, будете честно жить, дѣтей и добро наживать, и меня не лихомъ вспоминать! А я хоть разъ въ жизни сдѣлаю доброе дѣло, спасу честнаго человѣка отъ необходимости либо взять взятку, либо рисковать быть выгнаннымъ со службы.

Кончилось тѣмъ, что Ѳедоровъ подписалъ и отправилъ въ Петербургъ свою отставку, уничтожилъ докладъ объ откупѣ, получилъ двадцать тысячъ и, благословляя судьбу и помѣщика, поѣхалъ жениться... А черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда прибылъ уже настоящій чиновникъ Ѳедоровъ по дѣлу помѣщика, а не за свѣдѣніями объ откупѣ, какъ пріѣзжалъ его однофамилецъ.

Справедливо говоритъ пословица у страха глаза велики и, послѣ ошибки курскаго милліонера, неужели можетъ показаться неправдоподобною фабула «Ревизора» о томъ, что Городничій и всѣ чиновники могли принять Хлестакова не только за ревизора, но даже и за особу.

Настоящій Ѳедоровъ горячо принялся за слѣдствіе. Вырылъ тѣла дворовой дѣвки и многихъ иныхъ, еще недавно подъ розгами духъ свой испустившихъ, переписалъ всѣхъ бритыхъ каторжниковъ, равно и сосланныхъ въ Сибирь неспокойныхъ мужей и отцовъ крѣпостныхъ одалисокъ, составилъ статистическія свѣдѣнія о всемъ сералѣ. Произведено было подробное слѣдствіе о смерти архитектора; въ колодезѣ нашлись кости и мѣдныя мундирныя пуговицы дворянскаго засѣдателя.... потревожили и батюшку, но онъ показалъ на слѣдствіи, что и не думалъ «честно» предавать землѣ пса, а что послѣ пиршества его превосходительство угрожалъ, въ случаѣ отказа, обрить его, остричь и, посадивъ задомъ на передъ на козла, возить по усадьбѣ, и чтобъ не опозорили его сана, онъ такъ, слегка только, отпѣлъ волкодава, а больше пѣли самъ его превосходительство и высокіе гости, и что Провидѣніе уже наказало его: подаренную ему за то гнѣдую жеребую матку черезъ недѣлю увели изъ-подъ замка и не одну, а съ нею трехъ другихъ его лошадей....

Мало-по-малу стала выплывать такая уголовщина, что запахло каторгою не для одного благодѣтельнаго помѣщика, но и для всѣхъ, дрожавшихъ передъ нимъ и потворствующихъ ему блюстителей закона и правосудія. Дѣло было неслыханное и требовало неслыханной мзды или кары.

Слѣдователь велъ себя героемъ, не останавливали его ни подметныя письма, ни покушенія на его жизнь; устоялъ тоже отъ всякихъ соблазновъ, искушеній и закончилъ слѣдствіе. Но и предложенная мзда была неслыханная—сто тысячъ! Какъ не соблазниться и герою, и онъ соблазнился... передѣлалъ все слѣдствіе, поѣхалъ въ Петербургъ и не доѣхалъ... застрѣлился въ Москвѣ!

Совѣсть заговорила.

Помѣщикъ и всѣ курскія власти вздохнули свободнѣе; новгородскій бурмистръ тоже не дремалъ, все чаще и чаще собиралъ онъ оброки, ѣздилъ съ ними въ Петербургъ (высылали немалую толику и изъ Курска) и въ сѣверной Пальмирѣ стали понемногу забывать о курскомъ Неронѣ. Прошелъ годъ, вдругъ, неожиданно для всѣхъ, явился новый слѣдователь.

Но тутъ ужь дворянство цѣлаго уѣзда и всѣ власти, подъ присягой, показали, что никогда ничего подобнаго не было; раздались громкія жалобы о томъ, что всѣ эти вымыслы оскорбительны не только для несчастнаго, оклеветаннаго дворянина, но они позорятъ дворянство цѣлой губерніи, возстановляютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, грозятъ бунтами и порождаютъ зловредные толки. Эти вопли негодованія вознеслись туда,—куда имъ и слѣдовало вознестись! Въ концѣ концовъ это дѣло, какъ и должно было ожидать, было предано забвенію.

«Одинъ графъ Фолкенштейнъ, — добавилъ Щепкинъ, — мой бывшій баринъ, не присягнулъ и не возмущался...»

Жаль, что единственный порядочный дворянинъ въ цѣломъ уѣздѣ и тотъ оказался нѣмцемъ! Царство ему небесное.

1886 г.

А. Стаховичъ.

ГУСТАВЪ IV

и

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

1794—1796 г.г.

(По неизданнымъ документамъ шведскаго королевскаго архива).

V [1]).

Нужно полагать, что герцогъ не далъ никакого отвѣта Кристину, или далъ отвѣтъ отрицательный, потому что тотъ уѣхалъ. Отъѣздъ его вызвалъ непріятное впечатлѣніе въ русской партіи, живущей въ Стокгольмѣ. Сообщая о немъ графу Зубову, Будбергъ сознавался, что ему и его приближеннымъ «становится весьма трудно, если не вполнѣ невозможно, проникнуть въ многообразные изгибы политики, которая здѣсь господствуетъ» [2]). Между тѣмъ въ Петербургѣ, куда дошелъ, наконецъ, правда, въ нѣсколько искаженномъ видѣ, разговоръ Кристина съ Рейтергольмомъ, раздраженіе противъ Швеціи достигло высшаго напряженія. Екатерина сочла себя лично оскорбленной первымъ министромъ и объявила, что «не помирится со Швеціей, пока сей послѣдній будетъ оставаться во главѣ ея управленія». Для усиленія значенія этихъ словъ, былъ отданъ приказъ готовиться къ войнѣ [3]). Одновременно, младшій Буд-

---

[1]) См. «Русскую Старину», апрѣль 1896 г.

[2]) «Сб. Имп. Р. Ист. Об.» IX, 225.

[3]) Еще въ мартѣ 1795 г. Протасовъ писалъ графу С. Р. Воронцову изъ Петербурга: «Всѣ здѣсь въ городѣ говорятъ о войнѣ со Швеціею; флотъ приводится въ надлежащее состояніе; Кутузовъ отправился въ Финляндію и пр.

бергъ «сталъ распускать въ Стокгольмѣ тревожные слухи, какъ напримѣръ, что оскорбленная Екатерина потребуетъ, по меньшей мѣрѣ, уступки Россіи острова Готланда, уничтоженія Свеаборгской крѣпости, перемѣны министерства и объявленія короля совершеннолѣтнимъ; что безъ этого, а также безъ разрыва союза Швеціи съ Франціей, война неизбѣжна, и для размышленій данъ будетъ только шестинедѣльный срокъ» [1]). Все это и въ связи съ тѣмъ увѣренія нѣкоторыхъ членовъ дипломатическаго корпуса въ Стокгольмѣ, что планы Россіи имъ хорошо извѣстны и дѣйствительно принимаютъ опасный характеръ, должны были подѣйствовать подавляющимъ образомъ на мѣстное общество. Говорятъ, что торговый классъ шведской столицы открыто возставалъ противъ политики Стокгольмскаго кабинета. Онъ сознавалъ, что война съ Россіею «повлечетъ сильное разстройство его интересовъ». Съ другой стороны, Швеціи грозилъ разрывъ съ Мекленбургскимъ дворомъ, который, въ лицѣ своего представителя Бюлова, начиналъ, кажется, понимать фальшивыя тенденціи Рейтергольма и К°. Однако круто измѣнить своимъ взглядамъ—значило бы показать безсиліе и страхъ передъ опасностью, а этого не хотѣлось Стокгольмскому кабинету. Попробовали взять снова хитростью. Герцогъ Зюдерманландскій и король Густавъ написали каждый по очереди письма императрицѣ, увѣряя ее въ дружескихъ чувствахъ, а первый далъ даже честное слово, «что осуществленіе брака короля съ принцессою Мекленбургъ-Шверинскою не состоится, пока (онъ) управляетъ государствомъ» [1]). Но Екатерина перестала имъ вѣрить. Въ письмахъ къ генералу Будбергу она по-прежнему настаиваетъ на болѣе вѣскихъ доказательствахъ добрыхъ намѣреній Швеціи относительно Россіи, обусловливая послѣднія исполненіемъ двухъ существенныхъ пунктовъ: 1) формальнымъ и публичнымъ объявленіемъ о разстройствѣ предположеннаго брака съ принцессою Мекленбургскою, и второе—письмомъ отъ короля и регента, въ которомъ оба, сообщая (ей) это рѣшеніе, должны

(Арх. кн. Воронцова, XV, 47). Въ декабрѣ 1795 г. англійскій дипломатъ Арбутнотъ писалъ изъ Стокгольма къ лорду Гренвилю, что образъ дѣйствій императрицы обнаруживаетъ ея готовность довести дѣло до полнаго разлада. Особенно Маркова считали тогда агитаторомъ, желавшимъ войны со Швеціей (Hermann, Ergönzungsband, стр. 573 и 575). Къ барону Гримму Екатерина писала въ декабрѣ 1795 г., что благодаря мѣрамъ, принятымъ Суворовымъ, шведы не будутъ имѣть возможности вступить въ Финляндію («Сб. Имп. Р. Ист. Об.», XXIII, 666). Въ концѣ марта 1796 г. княгиня Голицына писала къ своему родственнику, князю А. М. Голицыну: «Говорятъ, что война со шведами рѣшена, но публично не смѣютъ говорить объ этомъ; вчера курьеръ привезъ извѣстіе, что шведы приближаются къ нашей границѣ; утверждаютъ, что великій князь Константинъ назначается въ походъ» и пр. («Истор. Вѣстн.» XXX, 84; «Вѣстн. Европы», ст. проф. Брикнера, 1890, XIII, 795—796).

[1]) Чумиковъ. „Сватовство Густава IV Адольфа“ («Русск. Арх.» 1887, I, 72).

[2]) «Сб. Имп. Р. И. Об.» IX, 230—231.

просить (императрицу) возобновить прежніе переговоры относительно брака короля съ (ея) внукою» [1]). «Я постоянно объясняла, писала она категорически, что никогда не соглашусь на этотъ бракъ, если онъ не будетъ результатомъ личнаго знакомства и взаимной склонности. Поэтому я настаиваю на посѣщеніи королемъ и герцогомъ моего двора, чтобы сдѣлать это знакомство. Я тѣмъ болѣе держусь этой мысли, что, не будучи ослѣплена нѣжностью къ моей внукѣ, предлагая ее Швеціи королевою, я дѣлаю этимъ подарокъ, какой только можно сдѣлать королю и государству. Но надо, чтобы и она также нашла тамъ свое счастье, которое составляетъ предметъ всѣхъ моихъ желаній и самыхъ нѣжныхъ заботъ» [2]).

Такимъ образомъ шведскому правительству предоставлялось или соглашаться на эти условія, или испытать на себѣ всѣ послѣдствія недружелюбнаго отношенія сосѣда-великана; средины не допускалось. Что же дѣлалъ въ это время г. Стедингъ?

«Вы видите, мой дорогой другъ, писалъ онъ Рейтергольму отъ 12 (23) апрѣля 1796 г., что наши первыя попытки окончились неудачей, да онѣ и не могли окончиться иначе при тѣхъ средствахъ, которыми вы меня снабдили. Императрица, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду двѣ цѣли: она добивается брака короля съ своей внучкой и вашего удаленія изъ министерства, не столько изъ желанія отомстить вамъ, сколько потому, что она увѣрена, что вы препятствуете ея планамъ. Если бъ послѣ всего случившагося ее можно было убѣдить, что вы можете сочувствовать тому, чего она такъ сильно желаетъ, то можно было бы скоро устроить ваше примиреніе съ ней. Но Штакельбергъ и его сообщники внушили ей твердое убѣжденіе, что вы замышляли бракъ короля съ принцессой Мекленбургской единственно съ цѣлью доставить ей непріятность и, если это не удалось, то—только потому, что вы встрѣтили препятствіе въ волѣ короля и націи. Она полагаетъ, что достаточно одного усилія, чтобы возбудить противъ васъ всеобщее неудовольствіе. Послѣднее заставило меня попытаться вызвать ваше письмо нѣсколькими мѣсяцами раньше, дабы еще задолго до вооруженій вамъ принадлежала честь первыхъ открытій, въ чемъ прошу васъ никогда не прекословить, такъ какъ нѣтъ вѣрнѣе средства уничтожить своихъ враговъ.

«Извѣстіе объ отсрочкѣ свадьбы короля, которое, какъ мнѣ кажется, пришло къ императрицѣ изъ другихъ рукъ, имѣло тотъ результатъ, что приготовленія къ войнѣ были нѣсколько пріостановлены, но отъ этого мы не выиграли, такъ какъ наши собственныя приготовленія попрежнему должны идти своимъ чередомъ, требуя отъ насъ чрезвычай-

[1]) «Сб. Имп. Р. И. Об.» IX, 244.
[2]) Ibidem, 244—245.

*

ныхъ издержекъ. Императрица по одному слову и безъ малѣйшихъ затратъ можетъ въ какое угодно время сосредоточить пятьдесятъ тысячъ человѣкъ у нашихъ границъ, а мы должны перенести всю нашу армію въ Финляндію, чтобы не лишиться этой страны. Такимъ образомъ, не нападая и не объявляя намъ войны, а только оставляя насъ въ постоянномъ ожиданіи, она можетъ ослабить насъ безъ всякаго ущерба для самой себя. По моему мнѣнію, она будетъ держаться именно такого образа дѣйствій. Подобное положеніе вещей не можетъ долѣе продолжаться, и мы, возможно скорѣе, должны постараться прекратить его. То, что говорятъ графы Остерманъ и Марковъ и пишетъ императрица, не имѣетъ никакого значенія. На это не слѣдуетъ обращать никакого вниманія и неуклонно идти своимъ путемъ. Пусть Будберги шумятъ и неистовствуютъ,—это послужитъ только поводомъ не отвѣчать имъ и черезъ меня дать отвѣтъ на тѣ инсинуаціи, которыя они измышляютъ. Впрочемъ, съ ними надо обращаться очень вѣжливо, что̀ еще болѣе увеличитъ ихъ вину, и ручаюсь вамъ, что если все пойдетъ хорошо, то сами же они останутся въ проигрышѣ, хотя генералъ Будбергъ и въ большой милости у императрицы. Здѣсь, даже у министровъ государыни, составилось о васъ представленіе, какъ о человѣкѣ неподкупномъ и твердомъ въ своихъ мнѣніяхъ, и всѣ увѣрены, что если бы вы нашли союзъ съ этой страной полезнымъ для короля и для своего отечества, то присоединились бы къ этой системѣ, и тогда можно бы было положиться на васъ болѣе, чѣмъ на всякаго другаго. Все это должно васъ разувѣрить относительно результатовъ преслѣдованія, которые вы испытываете въ настоящій моментъ, и, несмотря на неудовольствіе императрицы, я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что̀ говорилъ Марковъ о легкости, съ какой вы можете создать здѣсь хорошее отношеніе къ себѣ. Императрица надѣется обмануть насъ какимъ-нибудь притворнымъ шагомъ, ей хотѣлось бы раздражить насъ и сложить на насъ всю отвѣтственность войны. Но это ей не удастся, такъ какъ я надѣюсь и уже съ нѣкотораго времени замѣчаю, что свадьба короля не только будетъ отложена, но даже можетъ статься, что его величество рѣшится сочетаться бракомъ съ великой княжной.—Я начинаю понемногу успокаиваться и разсчитываю, что съ Божіей помощью мы съ честью выйдемъ изъ этого затруднительнаго положенія.

«Надо замѣтить, мой добрый другъ, что ни во время бесѣдъ моихъ съ министрами, ни въ ихъ письмахъ, никогда не говорилось, что императрица хочетъ начать съ нами войну съ цѣлью мести, какъ это можно было бы заключить изъ словъ какого-то Кристина. Вооруженія же объясняютъ лишь тѣмъ, что надо опасаться вашей ненависти къ императрицѣ и вашего вліянія въ кабинетѣ. Будберги вѣроятно будутъ

йствовать на общественное мнѣніе въ Стокгольмѣ съ цѣлью возбу-

дить недовольство, но, мнѣ кажется, что это едва-ли удастся имъ, особенно, если не будутъ выказывать тревоги и сохранятъ твердое и спокойное положеніе. Еще съ мѣсяцъ мы можемъ не бояться никакого нападенія, такъ какъ ничто пока не указываетъ на его близость. Говорятъ, что лифляндскіе полки выступаютъ, но я сомнѣваюсь въ этомъ, а съ тѣмъ войскомъ, которое имѣется подъ руками, едва-ли рѣшатся сдѣлать нападеніе, такъ какъ извѣстно, что наши финляндскія войска находятся въ сборѣ.

«Итакъ, у насъ есть еще время какъ для принятія мѣръ защиты, такъ и для веденія переговоровъ, ради сохранія мира. Теперь вы знаете, въ чемъ состоятъ эти средства, и увѣряю васъ, что другихъ нѣтъ. Не зная вашего прекраснаго сердца, я могъ бы опасаться, что, видя по отношенію лично къ себѣ такое несправедливое и жестокое преслѣдованіе и понимая тѣсную связь общественнаго дѣла съ своимъ собственнымъ, вы не захотите отдѣлить ихъ одно отъ другаго и не сдѣлаете ни малѣйшей уступки гордости императрицы. Но теперь я этого не боюсь. Наоборотъ, я вполнѣ увѣренъ, что, руководствуясь своимъ сердцемъ и своимъ проницательнымъ умомъ, вы легко отыщете средства, которыя помогутъ вамъ заключить здѣсь миръ для себя, вслѣдъ за чѣмъ вскорѣ наступитъ миръ и для государства. Излишне было бы говорить вамъ о томъ, какое счастіе доставила бы мнѣ возможность содѣйствовать этому съ своей стороны; не стану говорить также, что послѣ интересовъ отечества для меня всего дороже ваши собственные».

Однако военныя приготовленія наши на финляндской границѣ сдѣлали свое дѣло, и шведское правительство преднамѣренно стало искать сближенія съ Будбергомъ. Декорація сразу перемѣнилась: пасмурныя, зловѣщія краски смѣнились свѣтлыми и радужными цвѣтами надежды. Перемѣна тѣмъ болѣе чувствовалась въ воздухѣ, что представители Россіи въ Стокгольмѣ не стѣснялись выказывать свое презрѣніе шведскому кабинету. Такимъ образомъ вторичный отказъ Будберга—принять приглашеніе на придворный обѣдъ (отказъ впослѣдствіи одобренный Екатериной), былъ объясненъ дурнымъ предзнаменованіемъ и встрѣченъ съ необыкновеннымъ волненіемъ въ обществѣ. Но вмѣсто того, чтобы обидѣться, генералу предложили объясниться сначала съ барономъ Шверіномъ, а потомъ съ Рейтергольмомъ. Будбергъ, смекнувъ въ чемъ дѣло отвѣчалъ, что «ни тотъ ни другой не могутъ, по мнѣнію его, вести переговоры, ибо онъ знаетъ напередъ пристрастность ихъ взглядовъ; что для петербургскаго кабинета не удобно входить въ переговоры, которые не могутъ быть серьезны». Тогда герцогъ Зюдерманландскій предложилъ генералу говорить съ барономъ Эссеномъ, главнымъ губернаторомъ Стокгольма, и получилъ на это согласіе посла. Переговоры начались.

Есть извѣстіе, что роль посредствующаго звена взяла на себя въ данномъ случаѣ нѣкая графиня Сенъ-При (Comptesse de Saint-Priest), особа очень дѣятельная и ловкая въ придворныхъ интригахъ, въ тайнѣ, говорятъ, лелѣявшая мысль сдѣлаться статсъ-дамой императрицы Екатерины II. «Состоя въ близкихъ отношеніяхъ съ вліятельными лицами,—характеризуетъ ее г. Чумиковъ,—она служила какъ бы каналомъ, по которому передавались мнѣнія переговаривавшихся сторонъ. Посредствомъ ея состоялось также сближеніе барона Эссена съ Будбергомъ» [1]).—Эссенъ слылъ за человѣка достойнаго, честнаго, пользовавшагося расположеніемъ покойнаго короля, а въ данное время его преемника, и былъ лично извѣстенъ Екатеринѣ. Все это, и одновременно расположеніе генерала къ Россіи, разумѣется, облегчали трудность задачи, хотя были и другія обстоятельства, противодѣйствовавшія ей. Оказалось, напр., съ первыхъ шаговъ, что шведское правительство, виляя и не высказываясь никогда окончательно въ пользу того или другаго мнѣнія, содѣйствовало невольно планамъ одной очень сильной партіи въ Стокгольмѣ, страстно желавшей войны. Партія эта, заключавшая въ себѣ много лицъ высшей знати и зараженная, по выраженію Будберга, «разрушительными принципами, составляющими несчастіе Франціи», разсуждала такъ, что объявленная война «поставитъ правительство въ необходимость созвать сеймъ какъ для денежной помощи, такъ и для другихъ предметовъ». Слѣдовало, понятно, парализовать дѣйствія этой гидры, удаливъ сначала вредные элементы, ее питавшіе. Императрица, Будбергъ и Эссенъ много говорятъ по этому поводу о злонамѣренности Рейтергольма, который, во мнѣніи ихъ, есть главный виновникъ всѣхъ несчастій. Баронъ Эссенъ полагаетъ, что, въ виду прогрессивно увеличивающагося страха войны, нетрудно будетъ удалить сильнаго временщика отъ переговоровъ, если только императрица того потребуетъ. Совершенно другаго взгляда держится генералъ Будбергъ. По его мнѣнію, Рейтергольмъ въ сущности лицо безъ всякихъ прочныхъ и опредѣленныхъ политическихъ основъ: «этотъ наглый человѣкъ,—объясняетъ онъ графу Зубову,—не сочувствуетъ ни Россіи, ни республикѣ Французской, а просто одержимъ жестокимъ самолюбіемъ, которое побуждаетъ его энергически приставать ко всякой партіи, въ которой онъ разсчитываетъ найти пищу своимъ страстямъ. Такъ какъ ему не позволено явиться ко мнѣ, хотя онъ просилъ меня объ этомъ два раза, то я могу судить о немъ только на основаніи того, что мнѣ говорили. Именно мнѣ кажется, что этотъ министръ, видя въ настоящее время спасеніе только въ союзѣ съ Россіею и не скрывая отъ себя, что для этого слѣдуетъ разсчитаться съ нами, весьма желаетъ

[1]) »Сватовство Густава IV Адольфа», «Русск. Арх.» 1887, I, 73.

получить позволеніе доказать всѣми способами, что онъ измѣнилъ свое мнѣніе. Онъ уже сообщилъ мнѣ свои увѣренія по этому поводу, жалуясь въ то же время на клевету и т. д.» [1]).—Такимъ образомъ вотъ средство помочь дѣлу: не отстраняя Рейтергольма отъ переговоровъ, обезвредить его, сдѣлавъ участникомъ, или, такъ сказать, пайщикомъ извѣстнаго политическаго предпріятія.—Тѣмъ временемъ баронъ Стедингъ, по-прежнему остающійся въ невѣдѣніи, что дѣлается въ Стокгольмѣ, усиленно хлопочетъ объ упроченіи мира между обѣими державами. Но двѣ конференціи, которыя онъ имѣлъ съ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ (отъ 14 и 16 апрѣля) и гдѣ послѣдній категорически поддерживалъ прежнія требованія Россіи, еще болѣе убѣдили шведскаго посла въ неизбѣжности войны.

Въ этомъ настроеніи онъ пишетъ 18 (29) апрѣля Рейтергольму:

«Сегодня утромъ я получилъ ваше письмо отъ 12 апрѣля, которое мнѣ было доставлено Штирмаллемъ. Изъ моей депеши къ г. великому канцлеру вы знаете, что императрица открыто объявляетъ намъ войну, къ которой она уже давно втихомолку готовилась. Васъ, однако, еще не называютъ expressis verbis, и я, конечно, избѣгалъ всякаго рѣшительнаго объясненія по такому непріятному предмету. Мой отвѣтъ былъ составленъ въ умѣренныхъ, но твердыхъ выраженіяхъ, соотвѣтствующихъ, какъ мнѣ кажется, тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находимся. Но не могу вамъ выразить, какъ мнѣ тяжело видѣть васъ предметомъ ненависти такой неумолимой, непреклонной и могущественной женщины, какъ императрица. Отъ поведенія короля въ эту рѣшительную минуту зависитъ спасеніе Швеціи и наше собственное. Измѣненіе, наступившее въ рѣшеніи его величества относительно брака съ принцессой Мекленбургской, представляетъ собою благопріятное обстоятельство, которымъ можно воспользоваться, чтобы разсѣять бурю, собиравшуюся надъ нашимъ отечествомъ. Но это же обстоятельство указываетъ, что при дворѣ и въ королевскомъ совѣтѣ существуютъ рядомъ двѣ воли, какъ это, къ сожалѣнію, часто бываетъ.

«Если эта мысль справедлива, то мы погибли. Наши враги, во главѣ которыхъ въ данную минуту надо считать Россію, воспользуются этимъ для нашего порабощенія, а друзья потеряютъ всякое довѣріе къ намъ. Императрица желаетъ брака короля съ своей внукой, а счастливыя качества этой принцессы дѣлаютъ ее чрезвычайно желательной партіей для короля, если только этотъ бракъ можетъ состояться къ чести его величества, и доставитъ безопасность его королевству. Но если его величество долженъ начать свое царствованіе подобнымъ актомъ слабости, то никогда нашъ молодой государь, потомокъ Густавовъ и надежда

[1]) «Сб. Имп. Р. Ист. Об.», IX, 238—239.

своего народа, никогда онъ не согласится на это. Въ этомъ служитъ порукой его сердце и мое, которое безгранично ему предано. Ея величество васъ не любитъ. Къ великой княжнѣ она чувствуетъ безграничную привязанность, какую только въ состояніи испытывать, но всякое чувство стушевывается у ней передъ чувствомъ чести и любви къ своему отечеству, которая у ней въ крови. На этомъ именно обстоятельствѣ долженъ основываться весь нашъ образъ дѣйствій, такъ что я не вижу необходимости объявлять иностраннымъ министрамъ объ отсрочкѣ брака короля тѣмъ болѣе, что объ этомъ никогда опредѣленно и не говорилось. Достаточно извѣстить о томъ родителей принцессы, предлогъ же легко отыскать въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя намъ ставитъ Россія, и которыя требуютъ другихъ издержекъ и заботъ.

«Я не вижу никакого неудобства, если бы король, въ качествѣ посредника между своимъ народомъ и императрицей, написалъ ей совершенно простое письмо съ естественностью и любезностью, служащей украшеніемъ его возраста. Въ этомъ письмѣ онъ можетъ сказать, что ему тяжело видѣть вражду, возникающую между его королевствомъ и Россіей, и что императрица не можетъ сомнѣваться въ его преданности. Чувствуя нѣжную привязанность къ своему дядѣ и зная чувства императрицы и лицъ, пользующихся ея довѣріемъ, онъ можетъ приписать происшедшую размолвку только людямъ, которые не вносятъ въ дѣла духа миролюбія. Онъ имѣетъ полное довѣріе къ своему посланнику, котораго отецъ его удостоивалъ своей дружбы, и которому сама императрица постоянно оказывала знаки милости. Дядя его также весьма уважаетъ, и императрица должна вполнѣ довѣрять всему, что онъ будетъ ей говорить съ своей стороны. Онъ вполнѣ одобряетъ всѣ переговоры, которые тотъ будетъ вести и теперь и въ будущемъ. Хотя это письмо будетъ слишкомъ почетно для меня, но за то оно окажетъ большое вліяніе на императрицу, и я убѣжденъ въ его необходимости въ настоящій моментъ.

«Можетъ случиться, что отвѣтъ императрицы вначалѣ не станетъ благопріятенъ, что онъ будетъ въ стилѣ à la Марковъ, образецъ котораго она намъ уже показала; очень возможно, что въ немъ она станетъ говорить объ оскорбленіи, будто бы нанесенномъ ей вашимъ удаленіемъ изъ совѣта и проч. и проч. На это королю слѣдуетъ отвѣтить, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ признать этого виной передъ лицомъ всего свѣта и, въ особенности, своей націи, да и сама она не захочетъ этого, такъ какъ всегда увѣряетъ его въ своей любви. Онъ долженъ прибавить, что во все время царствованія его императорскаго величества онъ не находитъ ни одного примѣра, который можно было бы взять за образецъ поступка, достойнаго назваться слабостью. Вотъ, что представляется мнѣ самымъ подходящимъ въ данную минуту. Назначеніе

посломъ барона Шверина, въ отвѣтъ на назначеніе посла къ намъ, кажется мнѣ невозможнымъ послѣ того, какъ мнѣ было приказано объявить здѣсь, что король не желаетъ принимать подобнаго рода посольствъ. Въ общемъ, здѣсь довольно послѣдовательны, въ дурномъ смыслѣ особенно. Что касается до Шверина, то вы мнѣ пришлете его впослѣдствіи—и надѣюсь, съ портретомъ короля для великой княжны. Если у насъ примутъ рѣшеніе, которое я совѣтую, то прошу васъ объясняться съ мною яснѣе. Что за секреты, которыхъ нельзя довѣрить перу. Ихъ слѣдуетъ передать бумагѣ, которая будетъ сожжена тотчасъ по прочтеніи, такъ какъ надо же имѣть ясное представленіе о дѣлѣ человѣку, который его ведетъ. Надо также, чтобы вы снабдили меня необходимыми средствами и инструкціями, которыя должны отличаться отъ предшествующихъ, чтобы я могъ имѣть успѣхъ. Главное, не будемъ останавливаться на бездѣлицахъ, а будемъ дѣйствовать, пока еще есть время. Очень странно однако, что, исключая графа Остермана, всѣ министры (я видѣлъ также и князя Зубова) не обращаютъ, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на извѣстіе объ отсрочкѣ свадьбы короля. Они умолкаютъ, разъ дѣло коснется этого предмета. Быть можетъ, они, въ свою очередь, хотятъ выказать гордость, но пока я еще не могу выяснить себѣ этого. Что за несчастіе имѣть дѣло съ такими хитрыми людьми.

Несмотря на угрозы императрицы, войска до сихъ поръ все еще не посланы къ границѣ».

Любопытно, что одновременно съ настоящимъ письмомъ Стединга писала въ Стокгольмъ къ Будбергу и императрица (тоже отъ 18 апрѣля). Мы уже познакомились въ отдѣльныхъ частяхъ съ мнѣніями ея о тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Не довольствуясь внѣшнимъ выраженіемъ преданности и уваженія къ ней, на которое были столь щедры шведскіе министры, Екатерина требовала поступковъ, а не намѣреній, совершенно справедливо считая доброе расположеніе этихъ людей «менѣе доказаннымъ, чѣмъ (ихъ) непостоянство и легкомысліе». Слѣдующее письмо Стединга составляетъ непосредственное продолженіе только-что приведеннаго нами.

«Не могу, писалъ онъ [1]), выразить вамъ того удивленія и радости, какую доставило мнѣ ваше послѣднее письмо отъ (5) 16 апрѣля. Графъ Остерманъ прислалъ мнѣ его вечеромъ (14) 25 апрѣля. Я прежде всего побывалъ у него, чтобы увидѣть впечатлѣніе, которое произвели на него письма его королевскаго высочества и ваше, такъ какъ вы, конечно, понимаете, что они были прочтены и потомъ опять очень искусно запечатаны. Чтобы показать вамъ, до какой степени совершенства дошли здѣсь въ этомъ искусствѣ, посылаю вамъ печать этого письма

[1]) Письмо отъ 21 апрѣля (2-го мая) 1796 г.

№ 1, чтобы вы могли сравнить ее съ печатью № 2, которая не подвергалась этой операціи. Но письмо ваше, дорогой мой другъ, могло быть прочитано какъ вашими друзьями, такъ и вашими врагами, безъ всякаго ущерба для вашей чести—оно было такъ же безукоризненно, какъ и письмо его королевскаго высочества. Сейчасъ я сообщу вамъ мнѣніе императрицы объ этомъ послѣднемъ, которое я узналъ недавно черезъ г. Маркова. Что касается графа Остермана, то на первомъ визитѣ, о которомъ я разсказывалъ вамъ и на двухъ конференціяхъ, которыя у насъ съ нимъ состоялись послѣ того, онъ былъ еще болѣе непроницаемъ и дипломатиченъ, чѣмъ всегда. Я объясняю это тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Будбергъ адресуетъ свои депеши не ему, а непосредственно князю Зубову и даже императрицѣ, а между тѣмъ ему желательно, чтобы такія важныя дѣла проходили черезъ его руки. Я не могъ добиться отъ него ничего, кромѣ того, что императрица, прежде чѣмъ отвѣчать его королевскому высочеству, подождетъ письма отъ короля, которое ей было обѣщано. Что касается до моего предложенія составить вмѣстѣ съ министрами его императорскаго величества нѣкоторые предварительные пункты, которые могли бы служить основаніемъ для тѣснаго союза, готовящагося между обѣими дворами, то онъ все время отклонялъ его подъ предлогомъ, что къ подобному соглашенію не существуетъ никакого повода, такъ какъ между обѣими странами всегда бы существовали прежнія отношенія, если бъ мы пожелали этого болѣе искренно. Тѣмъ не менѣе онъ предложилъ, чтобы я попросилъ императрицу назначить конференцію, въ которой я могъ бы сдѣлать, имѣющіяся у меня, предложенія.

«Такъ какъ всѣ мои попытки у вице-канцлера не помогли мнѣ получить яснаго и положительнаго отвѣта, который давалъ бы мнѣ право написать генералу Клингспору, чтобы тотъ отослалъ обратно въ провинціи собранныя войска, то я обратился, наконецъ, къ г. Маркову. Я сдѣлалъ бы это и раньше, еслибъ не опасался оскорбить графа Остермана, который не любитъ, чтобы пользовались этимъ путемъ. Г. Марковъ, получивъ приказанія отъ императрицы, пригласилъ меня на совѣщаніе (conférence), на которомъ встрѣтилъ дружескими упреками, что въ счастіи я забываю своихъ друзей, такъ какъ я не сообщилъ еще ему о нашихъ успѣхахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что императрица осталась очень довольна письмомъ его королевскаго высочества и нашла его вполнѣ безукоризненнымъ. Въ этомъ письмѣ было только одно мѣсто, которое показалось ей очень запутаннымъ, и онъ прочелъ мнѣ весь параграфъ, который начинается словами: «я высказываюсь безъ утайки и съ величайшей откровенностью относительно всѣхъ этихъ предметовъ» и т. д. и кончается такъ: «слѣдуетъ, наконецъ, дать ей нѣкоторыя разъясненія по этимъ предметамъ». Что это значитъ, сказалъ онъ, что

его королевское высочество такъ откровенно и подробно говоритъ о такихъ государственныхъ тайнахъ, какъ дружба Швеціи съ Франціей, и становится скрытнымъ и непроницаемымъ лишь въ одномъ пунктѣ, который, какъ ему извѣстно, интересуетъ императрицу болѣе, чѣмъ всѣ остальные, и который необходимо выяснить прежде, чѣмъ императрица можетъ разсчитывать на искреннее возвращеніе дружбы короля и его королевскаго высочества. Признаюсь вамъ, что столь внезапное измѣненіе въ рѣшеніяхъ вашего двора въ связи съ тѣмъ, что недавно произошло, вызываетъ у императрицы сомнѣнія и подозрѣніе, что король и его королевское высочество вовсе не думаютъ объ исполненіи желаній императрицы, которыя сами же они раньше вызвали, и что во всемъ этомъ идетъ рѣчь лишь объ отсрочкѣ брака короля съ принцессой Мекленбургской, которая вовсе недостаточна для возстановленія дружбы между нашими государями. Однимъ словомъ, она полагаетъ, что вы желаете отдѣлываться лишь шутками и тѣмъ выиграть время. Я отвѣтилъ, что подобныя подозрѣнія очень несправедливы и лишены всякой тѣни вѣроятности. Напротивъ, возвратъ къ прежнимъ отношеніямъ уже близокъ, и искренность этого доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что о бракѣ короля я не имѣю другихъ свѣдѣній, кромѣ указаній, почерпнутыхъ мною въ письмѣ его королевскаго высочества и вашемъ, которыя нисколько не противорѣчатъ ожиданіямъ императрицы и моимъ. На основаніи ихъ я вывожу заключеніе, что бракъ короля былъ отложенъ вслѣдствіе того, что во время несовершеннолѣтія рѣшили отказаться отъ всякаго давленія на выборъ его величества, а также, быть можетъ, съ той цѣлью, чтобы во время совершеннолѣтія доставить ему средство вновь возвратиться къ заключеннымъ обязательствамъ.

«Это объясненіе не удовлетворило г. Маркова, когда я началъ говорить, что если этотъ бракъ когда-нибудь состоится, то это должно быть лишь результатомъ, а никакъ не причиной нашего сближенія. Г. Марковъ возразилъ на это, что императрица ожидала болѣе откровеннаго объясненія по дѣлу, такъ близко касающемуся интересовъ ея фамиліи. Затѣмъ онъ прочелъ мнѣ депешу, которую должны были съ курьеромъ послать г.г. Будберги, составленную въ слѣдующемъ смыслѣ. Его величество одобряла всѣ ихъ дѣйствія; но, не упоминая о содержаніи письма его королевскаго высочества, она давала понять, что испытываетъ подозрѣніе и безпокойство, которое останавливаетъ и замедляетъ всѣ рѣшенія и даже мѣшаетъ ей отвѣтить его королевскому высочеству, пока не получитъ письма отъ короля, которое разъяснитъ ея сомнѣнія. Его королевское высочество ничего не писалъ объ этомъ письмѣ, но о немъ, по словамъ г. Маркова, ее увѣдомляли депеши генерала Будберга. Я отвѣтилъ г. Маркову, что не считаю только-что сказаннаго имъ вполнѣ соотвѣтствующимъ тѣмъ увѣреніямъ, которыя г. Будбергъ далъ

вамъ въ Стокгольмѣ и которыя были гораздо рѣшительнѣе, такъ что его королевское высочество тогда же отдалъ приказаніе прекратить вооруженія въ Швеціи. Нельзя было сдѣлать того же относительно Финляндской арміи, которая все еще находится подъ ружьемъ и ждетъ только извѣщенія съ моей стороны, чтобы разойтись по своимъ квартирамъ. Между тѣмъ я не считаю возможнымъ сдѣлать этого, пока императрица колеблется въ своемъ рѣшеніи, и требую у г. Маркова сказать мнѣ положительно, какъ я долженъ поступить въ этомъ случаѣ. Онъ отвѣчалъ, что не ожидалъ подобнаго вопроса, но уполномоченъ передать мнѣ со стороны императрицы слѣдующее. Она никогда не переставала испытывать къ королю нѣжную привязанность, и его величество былъ для нея предметомъ самаго нѣжнаго попеченія. Несмотря на то, что она въ правѣ жаловаться на герцога, она забыла обо всемъ, какъ только онъ вновь сталъ относиться къ ней чистосердечно; она льститъ себя надеждой, что вновь найдетъ въ немъ добраго родственника и друга, и ей доставила бы истинное удовольствіе возможность дать ему доказательства своей дружбы. Въ васъ она будетъ видѣть не врага, но добраго и вѣрнаго опекуна короля, если только увидитъ ваши старанія содѣйствовать заключенію брака, который долженъ навсегда обезпечить союзъ; какъ только этотъ союзъ будетъ заключенъ,—мы увидимъ, что императрица воспользуется всѣмъ своимъ могуществомъ, чтобы способствовать славѣ короля и счастію шведскаго народа, къ которому она питаетъ глубочайшее уваженіе.—«Неужели послѣ того, г. посланникъ, прибавилъ г. Марковъ, что я объявилъ вамъ отъ имени императрицы, вы считаете возможнымъ, что ея величество имѣетъ намѣреніе напасть на васъ. Если же вы все время держитесь системы, которой слѣдуете съ нѣкотораго времени, если императрица должна отказаться отъ плановъ, которымъ далъ поводъ возникнуть его королевское высочество и которые ея величество уже давно столь близко принимаетъ къ сердцу, то въ такомъ случаѣ не прекращайте вооруженій, а императрица поступитъ такъ, какъ посовѣтуетъ ей интересъ ея имперіи».

«Вотъ что происходило во время моего свиданія съ г. Марковымъ и все, что онъ сказалъ мнѣ, вы можете разсматривать какъ собственныя чувства императрицы. Однако не могу не замѣтить вамъ, что послѣ принятаго уже рѣшенія, намъ, по моему мнѣнію, не остается ничего другаго, какъ дѣйствовать относительно императрицы съ самой полной откровенностью. При ея характерѣ, это самое вѣрное средство расположить ее къ намъ, и вы можете вполнѣ разсчитывать, что она съумѣетъ сохранить тайну, если это потребуется. Мы зашли слишкомъ далеко, чтобы отступать, и теперь намъ осталось только выбирать одно изъ двухъ: миръ и бракъ съ в. княжной Александрой, обладающей, впрочемъ, всѣми качествами, которыхъ король могъ бы пожелать для

своей супруги,—или войну, а по меньшей мѣрѣ постоянную вражду съ этой страной, если названный бракъ не состоится. Такъ какъ вы уже давно понимаете все это, и такъ какъ вы не изъ тѣхъ людей, которые поступаютъ не подумавши, то я увѣренъ, что вамъ были извѣстны чувства короля въ этомъ отношеніи. Если это такъ, то поздравляю отъ всего сердца съ принятымъ вами рѣшеніемъ, которое кажется мнѣ самымъ лучшимъ и полезнымъ для короля и для отечества. Вашъ другъ радуется и личнымъ выгодамъ, которыя вы найдете въ этомъ, и хотя это соображеніе не можетъ повліять ни на мои, ни на ваши рѣшенія, однако я не могу не порадоваться поступку, которымъ вы смутили всѣхъ вашихъ враговъ. Что касается составленія договора, то я совѣтую вамъ сдѣлать все, что можно въ Стокгольмѣ вмѣстѣ съ генераломъ Будбергомъ, но заключеніе, подпись и означеніе подарковъ министрамъ императрицы оставить для Петербурга. Послѣдніе привыкли пользоваться этими выгодами и никогда не простили бы вамъ этого лишенія. Мнѣ остается только, дорогой Рейтергольмъ, обратить ваше вниманіе на два пункта, отъ которыхъ императрица никогда не отступитъ. Первый—чтобы внучку ея не принуждали перемѣнить религію, хотя она согласна, чтобы та исповѣдывала ее только частнымъ образомъ. Я думаю, впрочемъ, что она скоро перемѣнитъ свою вѣру на вѣру мужа, которую найдетъ болѣе разумной. Второй пунктъ заключается въ томъ, что ея внучка можетъ выйти за короля только послѣ предварительнаго знакомства, когда она, по крайней мѣрѣ, увидитъ его. Но какъ она познакомится съ нимъ, если ея величество сюда не пріѣдетъ. Въ этихъ двухъ пунктахъ я не нахожу ничего дурнаго, даже, напротивъ, надѣюсь, что могу подтвердить это убѣдительными доводами».

Это письмо было послано одновременно съ другимъ, написаннымъ однимъ днемъ позже, именно 22 апрѣля (3 мая).

«Вчера утромъ, въ ту минуту, какъ я хотѣлъ отправлять г. Виргина съ настоящимъ письмомъ, писалъ г. Стедингъ, графъ Остерманъ прислалъ мнѣ ваше письмо отъ 22 апрѣля (3-го мая). Видя ваши письма проходящими черезъ руки русскихъ министровъ, я почувствовалъ себя какъ бы помолодѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ и перенесеннымъ во времена покойнаго короля.

«Вчера былъ день рожденія императрицы, и день ангела великой княжны Александры и какой-то церковный праздникъ; этотъ день праздновался всяческими способами и совершенно сбилъ всѣхъ насъ съ ногъ. Хотя онъ былъ не особенно благопріятенъ для совѣщаній, однако я ухитрился имѣть два разговора — одинъ съ графомъ Остерманомъ, изъ котораго я не узналъ ничего, другой—съ графомъ Марковымъ, который подтвердилъ мнѣ все, что я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ.

«Императрица нашла письмо короля поистинѣ очень дружествен-

нымъ, но она напрасно искала въ немъ того, чего такъ сильно желала: въ немъ не было ни слова о бракѣ и о прежнихъ обязательствахъ его величества [1]). Ея хорошее настроеніе замѣтно испортилось отъ этого въ продолженіе дня, и не знаю, быть можетъ этимъ слѣдуетъ объяснить приказаніе, данное вчера пѣшей и конной гвардіи—расположиться лагеремъ близъ города къ 15 мая (стараго стиля), хотя въ то же время гвардіи не было выдано ни фуража, ни жалованья, на которое та могла разсчитывать. Г. Марковъ сказалъ мнѣ, что императрица собирается отвѣчать на письма короля и его королескаго высочества; «но, г. посланникъ, прибавилъ онъ, намъ пора приступить къ дѣлу. Попросите г. барона Рейтергольма, чтобы онъ занялся этимъ. У насъ теперь два предмета въ виду—во-первыхъ, политическій союзъ двухъ государствъ, и во-вторыхъ, семейный союзъ, который долженъ обезпечить первый. Въ томъ положеніи, въ какомъ находятся дѣла, одинъ едва-ли можетъ состояться безъ другаго. Испытывая сомнѣніе, въ которомъ вы оставляете относительно вашихъ намѣреній, ея величество намѣревается сдѣлать вамъ нѣсколько предложеній, принятіе или непринятіе которыхъ поможетъ ей узнать ваши чувства». Я просилъ г. Маркова передать императрицѣ, чтобы она не дѣлала намъ никакихъ предложеній, особенно такихъ, которыя могли бы хоть малѣйшимъ образомъ насъ стѣснить. Я говорилъ, что она не можетъ болѣе сомнѣваться въ дружбѣ короля и герцога-регента и въ вашемъ желаніи содѣйствовать прочному союзу между обоими дворами, и что если бы императрица хоть немного пожелала помочь этому, то дѣла пошли бы сами собой; прибѣгать же къ рѣзкимъ мѣрамъ—значило бы испортить все. Мнѣ показалось, что г. Марковъ раздѣляетъ мой взглядъ. Но мнѣ извѣстно, что графу Штакельбергу, который мѣсяцъ, какъ вернулся сюда, страшно непріятна мысль, что вы желаете примириться съ императрицей. Онъ ищетъ всякихъ способовъ убѣдить князя Зубова, что императрица не должна довѣрять вамъ, и что пока вы будете состоять въ министерствѣ, ея внучка никогда не сдѣлается королевой Швеціи. Къ счастію, его кредитъ здѣсь уже не очень великъ и скоро совсѣмъ прекратится, если все пойдетъ хорошо.

«Я находился въ большомъ затрудненіи по поводу моей депеши къ великому канцлеру, которая не содержитъ въ себѣ ничего такого, что́ требовало бы посылки курьера. Я сказалъ ему, что Виргинъ отправляется въ Стокгольмъ по собственнымъ дѣламъ, а Виргину—что поруче-

---

[1]) По этому поводу Екатерина II писала между прочимъ генералу Будбергу (25 апр. ст. стиля): «...Вы доставили мнѣ письмо короля шведскаго. Я нахожу это письмо притворнымъ, пустымъ и не имѣющимъ характера откровенности, которая могла бы возстановить довѣріе». («Сб. Имп. Р. Ист. Об.» IX, 253).

ніе, данное ему, относится только къ генералу Клингспору, а посылаю я его въ Стокгольмъ, желая, чтобы его повысили. Однимъ словомъ, я сдѣлалъ все возможное, чтобы послать депешу, ничего не говоря о ней. Надѣюсь, что все это стѣсненіе и таинственность вскорѣ прекратятся. Я самъ брожу въ потьмахъ съ повязкой на глазахъ, и если бы я не зналъ васъ за самаго лояльнаго изъ людей, то опасался бы сдѣлаться игрушкой той политики, отъ которой уже такъ давно и такъ много терплю, но съ вами я не боюсь ничего. Вы слишкомъ любите меня, чтобы заставлять играть столь унизительную роль».

Казалось, что отношенія между обоими дворами начали какъ будто бы улучшаться. Но, обѣщая Будбергу не предпринимать «ничего рѣшительнаго», а съ другой стороны, рекомендуя ему въ сближеніи съ шведскимъ правительствомъ, въ особенности же съ Рейтергольмомъ держаться политики осмотрительной и осторожной [1]), императрица не позволяла шведскому кабинету слишкомъ успокоиться относительно дальнѣйшихъ намѣреній Россіи, и всегда помнить, что государыня еще не позабыла неприличныя выходки противъ нея стокгольмскихъ дипломатовъ. На этомъ основаніи и чтобы поддержать страхъ исчезнувшаго было опасенія войны, Екатерина неожиданно приказала Будбергу прибыть въ Петербургъ. Новость эта, мигомъ облетѣвшая шведскую публику, въ коей страхъ войны принялъ размѣры, «приводившіе правительство въ безпокойство», вызвала настоящую панику. Но, прежде чѣмъ исполнить приказаніе императрицы, Будбергъ, выѣхавшій изъ Стокгольма въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1796 г., счелъ нужнымъ еще разъ подтвердить шведскому правительству условія возможнаго соглашенія съ русскимъ дворомъ [2]).

Къ этому времени относятся и слѣдующія донесенія барона Стединга, написанныя Рейтергольму частью 30 апрѣля (11 мая), частью 3 (14 мая) 1796 г., съ прибавленіемъ письма отъ 4 (15 мая):

«Г. Марковъ, писалъ шведскій посланникъ, въ прошлую пятницу назначилъ мнѣ свиданіе, на которомъ, по приказанію императрицы и какъ

---

[1]) Императрица писала Будбергу: «...Такъ какъ вы, кажется, увѣрены въ настоящемъ расположеніи Рейтергольма, то не затрудняйтесь помочь ему исправить его ошибки, столь послѣдовательныя, и вообще привести къ счастливой и дружелюбной развязкѣ. Я сознаю всю опасность, которой взрывъ войны подвергнетъ Швецію въ настоящую критическую минуту, и по дружбѣ моей къ королю я весьма расположена отвратить эту опасность. Но надобно, чтобы и меня утвердили въ этомъ намѣреніи рядомъ угожденій и снисхожденій, бо́льшихъ, чѣмъ мнѣ до сихъ поръ оказывали» (письмо отъ 25 апрѣля, «Сб. Имп. Р. И. Об.» IX, 254).

[2]) См. выше, выдержки изъ писемъ Екатерины II отъ 18 и 25 апрѣля.— Этимъ подтвержденіемъ русское правительство могло только увеличить значеніе отъѣзда посла.

бы въ знакъ довѣрія съ ея стороны, показалъ мнѣ подлинникъ письма, которое она написала королю и которое должны были отослать съ курьеромъ въ тотъ же день. Г. Марковъ извинился, что не показываетъ также письма императрицы къ его королевскому высочеству, такъ какъ въ данную минуту онъ его не имѣетъ. Но онъ увѣрялъ, что, за самыми незначительными измѣненіями, оно было написано совершенно въ томъ же смыслѣ [1]).

«Вы видите, сказалъ онъ мнѣ, съ какой сердечностью и откровенностью пишетъ королю императрица, и вы можете быть вполнѣ увѣрены, что въ этомъ письмѣ нѣтъ ни одного выраженія, которое не исходило бы изъ глубины сердца. Что же касается васъ, прибавилъ онъ, то вы совсѣмъ не слѣдуете этому примѣру, и императрица приказала мнѣ это вамъ замѣтить. Его высочество герцогъ-регентъ въ одномъ мѣстѣ своего письма ясно даетъ понять, что онъ все еще занятъ вопросомъ о тѣсномъ семейномъ союзѣ, который проектируется между двумя государями, а потомъ вдругъ сразу останавливается и облекается въ тайну. Король говоритъ о своихъ нѣжныхъ чувствахъ къ императрицѣ, но не прибавляетъ ни слова, чтобы разсѣять ея подозрѣнія и успокоить ее относительно предмета, въ которомъ такъ живо заинтересованы ея любовь и привязанность къ королю и къ своей внучкѣ. Больше того, и король и его королевское высочество оба говорятъ о своемъ примиреніи съ ней и о своей радости по этому поводу; однако они не могутъ сомнѣваться въ томъ, что никогда не будетъ истиннаго мира между обоими дворами безъ двухъ предварительныхъ условій, которыя вамъ извѣстны. Что можно вывести изъ такого образа дѣйствій, если не то, что вы пренебрегаете нами и желаете только обмануть насъ и выиграть время, и что императрица въ правѣ упрекать себя за излишнюю довѣрчивость и чистосердечіе. Ея величество лишь съ большимъ сожалѣніемъ допускаетъ такое предположеніе, но она не можетъ заставить себя не думать объ этомъ. Молодость короля и мнѣніе, которое сложилось у насъ объ его характерѣ, исключаютъ всякую мысль о хитрости. Его королевское высочество пользуется репутаціей честности и искренности, а г. барона Рейтергольма вы сами изображаете намъ человѣкомъ столь же прямымъ, честнымъ и благомыслящимъ. Императрица вамъ вѣритъ, и послѣднія донесенія г. Будберга подтверждаютъ ваши слова, но именно всѣ эти соображенія еще болѣе увеличиваютъ неопредѣленность, въ которой находится императрица. Что могло бы помѣшать вамъ объясниться, если вы имѣете сказать намъ что-нибудь утѣшительное. Но слова замираютъ у васъ на устахъ, и ваше

[1]) Письма эти, вѣроятно, долго редактировались, такъ какъ въ дѣйствительности они были отправлены къ королю и къ герцогу Зюдерманландскому только 30 мая 1796 г.

молчаніе доказываетъ, что вы не рѣшаетесь сказать намъ истину. Императрица первая желаетъ примиренія, которое вы намъ предлагаете, но она никогда не будетъ считать его состоявшимся, если раньше не будетъ положительно увѣрена королемъ и его королевскимъ высочествомъ въ томъ, во-первыхъ, что бракъ короля съ принцессой Мекленбургской не состоится и, во-вторыхъ, что король все еще не забываетъ своихъ прежнихъ намѣреній относительно великой княжны Александры. Подразумѣвается, что второе имѣетъ значеніе лишь при томъ условіи, если обѣ стороны понравятся другъ другу, потому что императрица рѣшила выдавать своихъ внучекъ замужъ по-мѣщански и полагаетъ, что въ бракѣ взаимная склонность имѣетъ большое значеніе. Если король отправится этимъ лѣтомъ въ Финляндію, то ему стоитъ сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы посѣтить императрицу. Мы не боимся показать ему нашу принцессу, а его величество можетъ только выиграть при личномъ свиданія, судя по его портрету, который сдѣланъ былъ для насъ. Тѣмъ не менѣе, если противъ всякаго ожиданія король и великая княжна не почувствуютъ влеченія другъ къ другу, императрица не выразитъ ему никакого неудовольствія. Ей всегда было пріятно познакомиться съ государемъ, который дорогъ ей во многихъ отношеніяхъ, и это свиданіе только упрочило бы дружбу между обоими монархами. Вотъ, точная передача того, что говорилъ мнѣ г. Марковъ, хотя и не въ той послѣдовательности, какъ происходилъ разговоръ, и вотъ мой отвѣтъ на это. Прежде всего, я отдалъ похвалу письму императрицы и попросилъ г. Маркова поблагодарить ея величество за довѣріе, которое она мнѣ оказала, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить ее, что она все болѣе и болѣе будетъ убѣждаться, что лица, принимающія участіе въ этихъ переговорахъ, исполнены самаго искренняго желанія способствовать ихъ успѣху. Одни ваши письма, которыя вы мнѣ писали и которыя я могу доставить императрицѣ, если она того пожелаетъ, могли бы послужить ей ручательствомъ въ этомъ, хотя ея собственный опытъ долженъ бы убѣдить ее, что вы никогда и ни въ чемъ не поступали на половину и, что если вы признаете извѣстное рѣшеніе самымъ лучшимъ для вашего короля и отечества, то съ жаромъ присоединитесь къ нему и будете съ постоянствомъ ему слѣдовать. Итакъ, императрица можетъ вполнѣ успокоиться насчетъ своихъ опасеній, но я прошу ее принять въ соображеніе, что отъ того пункта, на которомъ мы теперь стоимъ, до того, какого желательно достигнуть, разстояніе слишкомъ велико и невозможно перескочить его разомъ, не торопясь же, мы навѣрное придемъ къ цѣли. Г-нъ Марковъ заявилъ, что такая медленность противна характеру императрицы и что пріятная вещь пріобрѣтаетъ больше цѣны, если не заставляетъ слишкомъ долго себя ждать. Затѣмъ мы приступили къ разсмотрѣнію соображеній, въ силу которыхъ слѣдуетъ сохранить въ тайнѣ разрывъ ко-

роля съ принцессой Мекленбургской. Въ числѣ этихъ соображеній я выставлялъ на видъ, что необходимость щадить принцессу и положеніе, въ которое хотятъ ее поставить, кажутся мнѣ заслуживающими нѣкотораго вниманія. Я замѣтилъ г. Маркову, что все, сказанное мною по этому поводу, исходитъ изъ желанія сообщить ему мои собственныя соображенія и узнать его, и далъ честное слово, что мой дворъ никогда не поручалъ мнѣ переговоровъ по этому предмету. Марковъ увѣрялъ меня, что императрица сохранитъ въ тайнѣ все, что мы ей довѣримъ, но отвергнетъ, какъ нарушающее ея достоинство, все то, что имѣло бы характеръ требованія съ нашей стороны для того, чтобы устроить бракъ принцессы. Вы знаете, сказалъ онъ, какъ она щепетильна во всемъ, что касается лично ея. Она полагаетъ что ея внучка представляетъ хорошую партію для короля, несравненно лучшую, чѣмъ принцесса Мекленбургская. Она была задѣта за живое предпочтеніемъ, которое было оказано послѣдней. Для того, чтобы сдѣлать ей пріятное и удовлетворить ее, необходимо, чтобы новое рѣшеніе короля было добровольно и являлось результатомъ свободнаго выбора, а не соображеній пользы и политики. Но вы знаете также, г. посланникъ, какъ щедра бываетъ императрица, если она довольна и удовлетворена. Вы сами видѣли, какъ она раздавала цѣлые милліоны; посудите, сможетъ ли она отказать въ чемъ-нибудь своему зятю. Для него она, конечно, сдѣлаетъ то, чего не могла бы сдѣлать для короля Швеціи.

«Хотя я былъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости того, что говорилъ мнѣ г. Марковъ по этому предмету, я сдѣлалъ ему однако нѣсколько возраженій. Его отвѣты еще болѣе укрѣпили меня въ томъ мнѣніи, что мы лучше и вѣрнѣе достигнемъ цѣли, если будемъ идти къ ней прямо и не останавливаясь на встрѣчающихся мелкихъ затрудненіяхъ. Кромѣ того, я еще яснѣе увидѣлъ, что вашъ миръ съ императрицей заключенъ окончательно. Г-нъ Марковъ не оставилъ во мнѣ никакого сомнѣнія по этому поводу, отсюда я заключилъ, что переговоры въ Стокгольмѣ, вѣроятно, подвинулись еще болѣе здѣшнихъ. — Я увѣренъ, что пока императрица не убѣдится окончательно, что брака короля съ принцессою Мекленбургской не будетъ, она никогда не проститъ васъ и вообще возвратитъ вамъ свою благосклонность не раньше, чѣмъ вы осуществите ея планъ. Но если оставить въ сторонѣ эти соображенія, не имѣющія никакого значенія, разъ дѣло касается блага государства и счастія короля, то все-таки самое строгое изслѣдованіе не дастъ намъ ни одного довода, которой не клонился бы всецѣло въ пользу этого брака. Прежде всего личныя качества великой княжны Александры. Я не знаю ни одной принцессы, которая можетъ выдержать сравненіе съ ней. Хотя, быть можетъ, есть красивѣе ея, но едва-ли можно быть болѣе стройной, болѣе способной, граціозной и интересной.

«По фигурѣ и характеру она похожа на свою мать, великую княгиню Марію, а это—самая лучшая похвала, какую можно сдѣлать женщинѣ. Императрица обожаетъ ее, родители и братья также очень ее любятъ. Ея отецъ, который рѣдко въ чемъ соглашается съ императрицей и любитъ это громко высказывать, по отношенію къ этому браку, быть можетъ первый разъ въ жизни, былъ на ея сторонѣ. Онъ живо раздѣлялъ ея огорченіе при мысли навсегда отказаться отъ этого брака. Религія принцессы не только не будетъ препятствіемъ, но представитъ даже выгоду для нашей страны, если только мы съумѣемъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Эта религія отличается большою терпимостью, она никогда не проявляла фанатическаго прозелитизма, въ нее входитъ много обрядовъ, которые поддерживаются древнимъ обычаемъ. Такая религія никогда не будетъ имѣть успѣха среди мало-мальски просвѣщенной націи, и я убѣжденъ, что великая княжна Александра, сдѣлавшись королевой Швеціи, вскорѣ приметъ вѣру своего супруга и своего народа. Въ ожиданіи этого, король можетъ преподать урокъ вѣротерпимости, который не будетъ безполезенъ для Швеціи. Ея пустыни заселятся русскими, бѣжавшими отъ рабства, которые сдѣлаются добрыми подданными, видя покровительство и заботы, которыя будутъ имъ оказываться, и зная, что королева обезпечитъ имъ свободное исповѣданіе ихъ религіи, къ которой они сильно привязаны. Я не говорю уже о томъ, что мы избѣгнемъ опасностей войны, не перечисляю тѣхъ неоцѣнимыхъ выгодъ, которыя доставитъ нашей родинѣ миръ, уже ничѣмъ болѣе не возмущаемый. Онѣ слишкомъ очевидны, чтобы не бросаться всѣмъ въ глаза, но я долженъ отвѣтить на нѣкоторыя возраженія, которыя могутъ высказать противъ этого союза, и которыя я самъ раньше себѣ дѣлалъ. Первое касается вопроса, можетъ ли русская принцесса на тронѣ Швеціи внести съ собой вліяніе Россіи, опасное для нашей свободы и независимости. На это я смѣло могу отвѣтить отрицательнымъ образомъ, такъ какъ убѣжденъ, что король не позволитъ надъ собой господствовать, а королева будетъ доброй матерью и супругой. Другое возраженіе, что, вступая въ союзъ съ Россіей, мы лишимся другихъ нашихъ союзниковъ—турокъ и французовъ, имѣетъ нѣкоторое основаніе, но, будучи безопасны съ этой стороны, мы не нуждаемся въ нихъ. Если потребуется, мы всегда можемъ возобновить союзъ съ ними, а пока намъ важенъ миръ, который дастъ намъ возможность укрѣпить наши силы, а это пріобрѣтетъ намъ уваженіе какъ друзей, такъ и враговъ.

«На другой день по пріѣздѣ Росваля я просилъ у г-на Маркова совѣщанія и тотчасъ же получилъ его, но этотъ разговоръ ни на шагъ не подвинулъ дѣла. Здѣсь не хотятъ и слышать о такомъ договорѣ, который не будетъ имѣть основаніемъ и гарантіей союза двухъ фами-

лій. Онъ сказалъ мнѣ, что у насъ уже былъ договоръ, но тотъ, который мы намѣреваемся заключить теперь, будетъ нисколько не лучше прежняго, если у него не будетъ болѣе прочнаго основанія. Онъ показалъ мнѣ письмо, которое императрица написала его королевскому высочеству, и сказалъ, что письмо его высочества, герцога-регента, произвело на императрицу лучшее впечатлѣніе, чѣмъ письмо короля, такъ какъ было сердечнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ письмо его величества. Мои полномочія, которыя я ему представилъ, показались ему недостаточными, такъ какъ не были снабжены большой печатью, но онъ тотчасъ же самъ замѣтилъ, что иначе и не могло быть, потому что канцелярія не посвящена въ тайну. Онъ спросилъ меня, могу ли я поручиться за свой дворъ, что онъ откажется отъ союза съ турками и французами. Я отвѣтилъ утвердительно относительно всего, что можетъ противорѣчить дружбѣ и союзу, который мы намѣреваемся возстановить съ Россіей; но прибавилъ, что во всемъ остальномъ оба эти союза должны и могутъ существовать безъ всякихъ неудобствъ. Надо вамъ сказать, что и императрица, и ея окружающіе никогда не называютъ французовъ иначе, какъ цареубійцами или карманьолами [1]), я даже видѣлъ эти выраженія въ ея письмѣ къ его королевскому высочеству, они находятся также во всѣхъ письмахъ, которыя она пишетъ прусскому королю. Генералъ Будбергъ вернулся, вопреки послѣднимъ намѣреніямъ императрицы. Г-нъ Марковъ сказалъ мнѣ, что послѣ бурнаго разговора, который произошелъ у меня съ великимъ канцлеромъ, императрица приказала ему вызвать назадъ генерала Будберга, что онъ и исполнилъ было сначала. Но послѣ переговоровъ генерала съ барономъ Эссенъ, который, кстати сказать, пользуется большимъ довѣріемъ императрицы, она пожелала, чтобы онъ остался въ Стокгольмѣ (хотя г-нъ Марковъ выражался объ этомъ очень неопредѣленнымъ образомъ). Семеновъ, который отправился съ этимъ приказомъ, внезапно заболѣлъ въ Фредериксгаммѣ, и это обстоятельство помѣшало ему доставить приказъ во-время, такъ какъ генералъ Будбергъ находился уже въ Або, когда получилъ его. Дѣйствительно, на конференціи въ прошлую пятницу генералъ Марковъ сообщилъ мнѣ, что Семеновъ заболѣлъ, и что отсюда отправили нѣкоего барона Нолькена для того, чтобы доставить его депеши; однако, онъ не сказалъ, что генералъ Будбергъ получилъ приказаніе вернуться, изъ чего я заключаю, что эти приказы хотѣли скрыть.

«На мое предложеніе отослать г. Будберга обратно, г. Марковъ отвѣтилъ, что это невозможно, такъ какъ очень вѣроятно, что пока

---

[1]) Модный костюмъ народной партіи во время французской революціи. Позже такъ назывался весь нарядъ якобинцевъ (1793).

мы разговариваемъ объ этомъ, онъ уже прибылъ въ Петербургъ. Онъ даже привелъ очень странное объясненіе внезапному возвращенію Будберга: по его мнѣнію, генералъ быть можетъ видѣлъ, что ничего существеннаго уже болѣе не оставалось дѣлать. Такое мнѣніе, которое онъ выдавалъ также и за мнѣніе императрицы, доказывалъ онъ тѣмъ, что приказаніе возвратиться было дано не въ слишкомъ настоятельной формѣ. Я отвѣчалъ, что г. Будбергъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ, по моему мнѣнію, скорѣе по-генеральски, нежели какъ министръ, такъ какъ привыкъ къ быстрому повиновенію, и что это единственное заключеніе, которое я могу сдѣлать. Я думаю все-таки, что императрицѣ не будетъ непріятно его возвращеніе, во-первыхъ, потому, что ей очень интересно поближе узнать о многихъ вещахъ, а во-вторыхъ, слышно, что г. Будбергъ очень подвинулся въ переговорахъ и сулилъ очень многое въ своихъ бесѣдахъ съ барономъ Эссенъ, что́ я могъ ясно замѣтить во многихъ разговорахъ съ русскими министрами и самъ могъ видѣть по моимъ прежнимъ письмамъ. Новость о его возвращеніи вновь вызвала слухи о войнѣ, и здѣсь опять начинаютъ безпокоиться, такъ какъ 15 числа гвардія выступаетъ въ лагери. Я также нахожусь въ сильномъ безпокойствѣ и прошу тебя, ради всего святаго, если возможно покончить съ этимъ потому, что въ концѣ концовъ мы оба не вынесемъ подобнаго положенія. Едва мы поднимаемъ камень, какъ онъ опять съ новой силой падаетъ на насъ, да къ тому же еще эти несчастныя вооруженія, которыя истощаютъ насъ, но которыя неосторожно прекращать совсѣмъ, пока здѣсь не будетъ произнесено слова «миръ». Этого же пока еще нѣтъ и никогда не будетъ, если король и ея королевское высочество не скажутъ императрицѣ, что свадьба короля разстраивается и что они желаютъ соединиться новыми узами съ императрицей. Тогда, и только тогда мы достигнемъ цѣли и заключимъ договоръ, котораго желаемъ добиться. Тогда же я буду просить у тебя другихъ, болѣе точныхъ инструкцій, такъ какъ тѣ, которыя ты мнѣ прислалъ, слишкомъ неопредѣленны. Но я поговорю съ тобой объ этомъ въ другой разъ, теперь же пора кончать письмо. Я все время ждалъ дня, когда можно будетъ послать тебѣ эти строки, такъ какъ надѣялся, что Марковъ, доложивъ императрицѣ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ, дастъ мнѣ какой-нибудь отвѣтъ и попроситъ меня на конференцію. Такъ какъ этого не случилось, то я рѣшилъ послать Ельмена, который хочетъ опять вернуться сюда».

А затѣмъ въ прибавленіи:

«Письмо это я не могъ послать вчера, какъ разсчитывалъ. За это время мнѣ удалось сдѣлать одно открытіе, которое я не могъ бы довѣрить перу, если бъ даже не давалъ слова никогда не говорить о немъ. Итакъ да будетъ тебѣ пока извѣстно, что низкая шайка, которая

тайно, въ ущербъ намъ, строитъ здѣсь козни, опять успѣла внушить императрицѣ тысячи подозрѣній противъ насъ, которыя волнуютъ и приводятъ ее въ бѣшенство. Если бъ г. Будбергъ былъ честнымъ и твердымъ человѣкомъ, то эти подозрѣнія, быть можетъ, удалось бы разсѣять, но таковъ ли онъ? Вотъ чего я не могу утверждать. Онъ другъ Штакельберга, а вы хорошо понимаете, что послѣдній и его сообщники сдѣлаютъ все возможное, чтобы внести раздоры, ибо возстановленіе согласія между нашими дворами лишило бы ихъ навсегда милостей при дворѣ. Я надѣюсь, что, съ Божіей помощью, эти происки въ концѣ концовъ обратятся противъ нихъ самихъ; но пора кончить все это, и я прошу тебя серьезно объ этомъ подумать, такъ какъ времени терять нельзя».

Баронъ **Н. В. Дризенъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехмедъ-Садыкъ паши).

XI [1]).

Волынь. — Тадеушъ Валевскій. — Викентій Тышкевичъ. — Съѣзды и приготовленія. — Извѣстіе о ноябрьскомъ движеніи. — Контракты въ Кіевѣ. — Генералъ Кайсаровъ. — Братья Тышкевичи.

На выборы въ Житомиръ не пріѣхалъ ни Тадеушъ Валевскій, ни одинъ изъ его видимыхъ подначальныхъ; не было даже купца Лаговскаго, который не привыкъ пропускать такія торжества безъ того, чтобы не привезти на нихъ свои товары: борзыхъ, обезьянъ и горчицу. Всѣ выѣхали со своимъ начальникомъ въ Галицію, а оттуда въ Карлсбадъ. Только семейство Піотровскихъ, которые на Волыни покровительствовали Тадеушу Валевскому, подобно тому какъ въ Подоліи Еловицкіе покровительствовали Викентію Тышкевичу, утверждало, что это былъ искусный маневръ съ цѣлью укрыться отъ взоровъ властей и вмѣстѣ съ тѣмъ войти въ соглашеніе съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, котораго можно было найти только за границей. Піотровскіе, которые по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ были сторонниками наслѣдственной монархіи, считали роды князей Чарторыйскихъ и Сангушковъ какъ прямыхъ потомковъ Ягеллоновъ, имѣющихъ, по устраненіи Саксонской династіи, право на польскую корону. Однако, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, эти Піотровскіе отличались однимъ, чисто польскимъ недостаткомъ, кото-

[1]) См. «Русскую Старину» апрѣль 1896 года.

рый, быть можетъ, принесъ болѣе всего зла польскому дѣлу,—необузданной страстью командовать всѣми, водить всѣхъ за носъ, страстью, соединенною съ отсутствіемъ рѣшимости стать самимъ во главѣ дѣла изъ боязни и тѣни отвѣтственности. Благодаря ихъ усиліямъ былъ не выбранъ, а скорѣе намѣченъ Тадеушъ Валевскій, человѣкъ въ высшей степени легкомысленный и безразсудный, лишенный всякаго національнаго чувства, даже не знавшій, что такое была Польша; необразованный, не выдававшійся заслугами среди дворянства, человѣкъ, единственное достоинство котораго заключалось въ томъ, что онъ былъ мужемъ Анны Карвицкой, хорошей патріотки и умной женщины, которая принесла ему въ приданое запасъ венгерскаго изъ погреба въ Мизочѣ, подобнаго которому не было ни въ Польшѣ, ни въ Венгріи. Піотровскіе боялись двухъ кандидатовъ на это мѣсто: князя Романа Сангушка, котораго желали всѣ волынскіе помѣщики, и князя Михаила Радзивилла, подлужанскаго и бердичевскаго, который принялъ бы на себя начальство, если бы оно было ему предложено. Князь Романъ Сангушко былъ храбрый офицеръ русской гвардіи, слылъ за человѣка съ твердымъ характеромъ, былъ потомокъ Ягеллоновъ, носилъ имя Романа и фамилію Сангушко, а подвиги Сангушекъ воспѣвалъ Падура и другіе поэты Украйны. Михаилъ Радзивиллъ служилъ при Наполеонѣ полковникомъ въ польскомъ войскѣ, былъ женатъ на Ворцель, семейство которой имѣло большое значеніе среди помѣщиковъ, и считался хорошимъ администраторомъ, такъ какъ умѣлъ держать въ повиновеніи и швейцарцевъ и бердичевскихъ евреевъ.

Упомянутый выше недостатокъ польскаго общества—соперничество, доходило до того, что даже близкіе родственники Чайковскихъ и Гленбоцкихъ неохотно видѣли маршалкомъ Яна-Канта Гленбоцкаго, а особенно въ описываемое время, потому что онъ былъ человѣкомъ съ сильной волей, и выдавался благодаря своимъ заслугамъ и въ средѣ помѣщиковъ и въ русской арміи, гдѣ онъ отличился мужествомъ и способностями, потому что былъ человѣкомъ образованнымъ, получившимъ въ Виленскомъ университетѣ дипломъ на степень магистра правъ и администраціи; потому что имѣлъ обыкновеніе входить во все самъ, ни на кого не полагаясь, и въ теченіе шестилѣтняго предводительства показалъ, что никому не позволитъ вмѣшиваться въ свои распоряженія.—За это-то и хотѣли смѣстить его съ предводительства.

Житомірскій повѣтъ состоялъ изъ двухъ частей: Полѣсья—на лѣвомъ берегу Тетерева, которое издавна, еще съ тѣхъ поръ, какъ повѣты Житомірскій и Овручскій входили въ составъ Кіевскаго воеводства, принадлежало къ этому повѣту,—и Украйны, на правомъ берегу Тетерева, незадолго предъ тѣмъ присоединенной къ Волынской губерніи, а нынѣ опять причисленной къ Кіевской и составляющей Бердичевскій

уѣздъ. Жители Полѣсья и Украйны были постоянно между собой въ распряхъ, носившихъ политическій характеръ. Первые были демократами, потому что между ними было мало крупныхъ землевладѣльцевъ, украинцевъ же называли аристократами, потому что среди нихъ было много людей богатыхъ и образованныхъ. Гленбоцкіе давали тонъ на Полѣсьѣ, такъ какъ были тамъ богаче другихъ, на Украйнѣ же первенствовали генералъ Корженевскій и Северинъ Залѣсскій, а подъ ихъ главенствомъ Піотровскіе распоряжались этою частью повѣта.

Подъ предлогомъ удовлетворенія желаній обѣихъ частей повѣта, было предложено выставить на должность предводителя трехъ кандидатовъ: Яна-Канта Гленбоцкаго, чтобы удовлетворить жителей Полѣсья, меня, чтобы сдѣлать пріятное генералу Корженевскому и Северину Залѣсскому, моему предполагаемому тестю и, наконецъ, Барошевскаго, человѣка добраго, но не пользовавшагося значеніемъ въ обществѣ и необразованнаго. Изъ 220 голосовъ мой дядя Кантъ Гленбоцкій получилъ 64 отрицательныхъ, а я всего только пять, и такимъ образомъ я оказался избраннымъ въ предводители. Я не хотѣлъ принимать этой должности, такъ какъ любилъ и уважалъ Канта Гленбоцкаго, и сослался на свое камеръ-юнкерство, противъ чего нельзя было ничего возразить. Гленбоцкій остался предводителемъ, предупредивъ, что черезъ годъ откажется отъ должности, а я, получивъ отпускъ въ Петербургѣ, вступлю, какъ кандидатъ, въ исправленіе его обязанностей. Смущеніе было большое, но дѣло уладилось. Я разсказываю объ этомъ случаѣ единственно для того, чтобы показать, какъ недостатокъ общественнаго сознанія у поляковъ вредилъ дѣлу и какъ, вслѣдствіе этого, людямъ самостоятельнымъ и достойнымъ преграждали возможность служить обществу и во главѣ управленія ставили людей негодныхъ, а боязнь отвѣтственности умножала число трусовъ и интригановъ, вредящихъ всякому дѣлу, за которое брались.

Во время этихъ выборовъ мы получили извѣстіе о ноябрьскихъ событіяхъ въ Варшавѣ.

Въ то время какъ Тадеушъ Валевскій почти не подавалъ признаковъ своего существованія, его ближайшіе сторонники—Піотровскіе, Карлъ Буржинскій, Михаилъ и Мартынъ Краевскіе и Игнатій Стемпковскій, который на послѣднихъ выборахъ попалъ въ заславскіе предводители дворянства, объѣзжали всю Волынь, болѣе присматриваясь къ средствамъ жителей, возбуждая патріотизмъ и готовность къ возстанію, нежели устраивая политическую организацію. Викентій Тышкевичъ гораздо добросовѣстнѣе и разумнѣе выполнялъ свои обязанности: онъ пригласилъ къ себѣ на съѣздъ въ Очеретяную болѣе выдающихся помѣщиковъ Подоліи и Украйны; здѣсь былъ установленъ правильный денежный сборъ, не помню, по дукату или по два съ души; въ каждомъ

повѣтѣ назначенъ повѣтовый начальникъ, на обязанности котораго лежало вычисленіе вооруженныхъ силъ, какія каждый повѣтъ долженъ былъ выставить въ поле и т. п.

Предъ этимъ съѣздомъ Іосифъ и Германъ Потоцкіе, которые были съ нами въ очень близкихъ отношеніяхъ и жили въ Бѣлиловкѣ, въ тогдашнемъ Махновскомъ уѣздѣ, потребовали посылки делегатовъ отъ насъ, потому что на Волыни никто объ этомъ съѣздѣ и не подозрѣвалъ. Тогда, вмѣстѣ съ Потоцкими, поѣхали Карлъ Ружицкій, Игнатій Струмилло, Северинъ Пильховскій. Возвратясь, они разсказывали, что на этотъ съѣздъ пріѣхалъ генералъ Козловскій, который отличился въ персидскую войну подъ Эриванью, командуя русской кавалеріей, а потомъ въ 1827—28 гг. въ Азіатской Турціи, подъ начальствомъ Паскевича. Оставивъ военную службу, онъ служилъ теперь предводителемъ дворянства. Безъ обиняковъ онъ сказалъ, что примкнетъ къ возстанію, но съ условіемъ, чтобы ему было поручено командованіе войскомъ съ неограниченною властью; далѣе онъ говорилъ, что для него важно не количество силъ, какое могутъ выставить мѣстные жители, а только полное послушаніе; что, начавши съ отрядомъ даже въ сотню всадниковъ, онъ увѣренъ, что скоро будетъ располагать нѣсколькими тысячами отборнаго войска. Догадывались, что онъ разсчитываетъ на военныя поселенія на Украйнѣ, гдѣ у него было много старинныхъ товарищей и пріятелей.

Козловскій былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, съ неистощимымъ запасомъ энергіи, закаленный въ трудахъ и, благодаря военной службѣ, онъ былъ, безспорно, однимъ изъ лучшихъ генераловъ, какіе только существовали между поляками. Все говорило за то, что онъ будетъ вождемъ возстанія. Само благоразуміе требовало этого, но политическій смыслъ поляковъ воспротивился этому.

Викентій Тышкевичъ первый высказался противъ него въ кругу своихъ пріятелей, въ числѣ которыхъ были два брата Потоцкіе, Іосифъ и Германъ:

— Мы хотимъ свергнуть власть монарха, а сами добровольно станемъ гнуть шею передъ этимъ начальникомъ, котораго себѣ навяжемъ?

Мнѣніе Викентія Тышкевича одобрили, предложеніе генерала Козловскаго было отвергнуто съ негодованіемъ, котораго не съумѣли даже прикрыть любезностью, и Козловскій уѣхалъ, заявляя, что не желаетъ имѣть никакого отношенія къ возстанію.

На этомъ съѣздѣ было постановлено оставить гражданскую и военную власть за Викентіемъ Тышкевичемъ, а старому Еловицкому и тремъ его сыновьямъ поручено найти главнокомандующаго, чѣмъ они и занялись.

Въ Подоліи и на Украйнѣ сборъ денегъ шелъ очень успѣшно.

Потоцкіе разсказывали намъ, что одинъ изъ нихъ, которому было поручено взимать эти сборы, пріѣхалъ однажды съ этой цѣлью въ Ружины къ г-жѣ Челищевой, рожденной Потоцкой, которая была сперва замужемъ за генераломъ Калиновскимъ. Она была чрезвычайно скупа и не хотѣла давать денегъ, отговариваясь тѣмъ, что, вышедши замужъ за русскаго, она не можетъ дѣлать пожертвованій на польское дѣло, во вредъ Россіи. Челищевъ, который въ то время былъ уже въ отставкѣ, услыхавъ споръ, догадался въ чемъ дѣло; онъ отправился въ комнату къ женѣ, переговорилъ съ нею наединѣ и вынесъ огромный мѣшокъ съ золотомъ, который вручилъ Потоцкому.

— Я русскій и послужилъ своему отечеству,—сказалъ онъ,—но жена моя не перестала быть полькой; она рожденная Потоцкая, была замужемъ за Калиновскимъ, имѣетъ извѣстныя обязанности по отношенію къ своему отечеству, какъ и всѣ остальные; вотъ вамъ ея подать и штрафъ.

За каждую душу было дано по 4 дуката, а у Челищевой было много крестьянъ, много земли и денегъ.

Этотъ поступокъ Челищева, самъ по себѣ весьма удивительный, вѣроятно былъ вызванъ какими-нибудь особенными, сокровенными причинами, тѣмъ болѣе, что онъ чрезвычайно напоминаетъ другой поступокъ его съ ремонтерами польскаго войска. Главная квартира ремонтеровъ была въ Ружанахъ. Послѣ ноябрьскихъ событій въ Варшавѣ, кіевскій губернаторъ или, лучше сказать, фельдмаршалъ Сакенъ, пользуясь раздраженіемъ, которое существовало въ то время противъ поляковъ среди чиновниковъ и въ особенности среди военныхъ, послалъ Челищеву, какъ подполковнику въ отставкѣ и владѣльцу Ружанъ, приказаніе, чтобы онъ сообщилъ польскимъ офицерамъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Варшавѣ, и передалъ имъ желаніе правительства, чтобы они отправились со своими командами и съ пріобрѣтенными ими лошадьми въ Курскъ.

Челищевъ исполнилъ это порученіе весьма деликатно. Когда маіоръ Гужковскій, начальникъ отряда, и всѣ офицеры изъявили готовность исполнить волю правительства, то одинъ изъ нихъ, поручикъ Лудвигъ Піотровскій, пылкій молодой украинецъ, ремонтеръ перваго уланскаго полка, сказалъ, что насильно мало ли чего не сдѣлаешь, но что если бы у него были деньги на дорогу и команда, которая повела бы лошадей, то онъ не пошелъ бы въ Курскъ, а въ Любартовъ, вообще туда, гдѣ будетъ его полкъ. Челищевъ взглянулъ на него, но ничего не сказалъ, а когда офицеры выходили, онъ задержалъ этого офицера и сказалъ громко, что его слѣдуетъ заковать въ кандалы и оправить въ Кіевъ, гдѣ его разстрѣляютъ. Но оставшись съ Піотровскимъ съ глазу на глазъ, онъ разсчиталъ, сколько ему понадобится денегъ на дорогу, ибо

у него было 80 лошадей и 12 человѣкъ солдатъ, далъ поручику эти деньги и объявилъ, кромѣ того, что на разсвѣтѣ къ нему явятся 30 человѣкъ чиншевыхъ шляхтичей, и онъ воленъ идти куда хочетъ; онъ просилъ только объ одномъ—держать это въ тайнѣ отъ прочихъ офицеровъ.

— Вы полякъ, и я понимаю ваше желаніе и ваши чувства; я сдѣлалъ бы то же самое, если бы былъ на вашемъ мѣстѣ; но помните, что я хоть и русскій человѣкъ, но предпочитаю охотиться на зайцевъ въ Украйнѣ, а не стрѣлять соболей въ Сибири, а это теперь будетъ зависѣть отъ васъ, смотря по тому, какъ вы съумѣете сохранить тайну.

На другой день маіоръ Гужковскій, со многими храбрыми офицерами, въ числѣ коихъ были Іосифъ Валевскій и Николай Бобруйскій, отправился въ Курскъ, куда и дошелъ благополучно, а Лудвигъ Піотровскій провелъ лошадей и солдатъ на Влодаву въ свой полкъ; на этихъ самыхъ коняхъ онъ и его уланы храбро сражались на Литвѣ и подъ Вильною, подъ начальствомъ генерала Хлопицкаго.

Вся Украйна, Волынь и Подолія говорила объ одномъ приключеніи Челищева съ родными Абрамовича, но объ этомъ дѣлѣ ходили столь разнорѣчивые толки, оно было такъ запутано и таинственно, что трудно было узнать всю правду даже отъ тѣхъ, кто былъ въ немъ непосредственно замѣшанъ или кто былъ свидѣтелемъ происшедшаго.

Челищевъ, будучи еще ротмистромъ гусарскаго, принца Оранскаго, полка, проходя со своимъ эскадрономъ чрезъ село Юзефовку, принадлежавшее маршалку Абрамовичу, выслалъ впередъ квартирмейстеромъ юнкера Берчавскаго.

Берчавскій былъ сосѣдомъ Абрамовича по имѣнію и давно былъ съ нимъ не въ ладахъ. Видно, его соблазнилъ теперь гусарскій мундиръ, и онъ сталъ командовать шляхтичами; Абрамовичъ обидѣлся и вытолкалъ его за дверь. Челищевъ, узнавъ о томъ, явился требовать удовлетворенія за своего юнкера и вызвалъ Абрамовича на дуэль. Къ Абрамовичу съѣхалось въ ту пору нѣсколько родныхъ; отъ словъ дошло до дѣла; Челищева выпроводили и должно быть ему при этомъ порядкомъ попало. Абрамовичи думали, что дѣло этимъ кончится, такъ какъ прошло нѣсколько дней, а о немъ не было ни слуху, ни духу. Между тѣмъ настали именины Абрамовича; на торжество съѣхалась вся родня; веселье было въ полномъ разгарѣ, какъ вдругъ предъ началомъ танцевъ явился ротмистръ Челищевъ, въ полной формѣ, и самымъ любезнымъ образомъ поздравилъ именинника, который дотого смутился, что не нашелся, что отвѣтить, былъ непривѣтливъ и негостепріименъ; всѣ присутствующіе видимо сторонились отъ ротмистра. Начались танцы; ротмистръ подходилъ по-очередно ко всѣмъ дѣвицамъ, приглашая ихъ танцовать, но всѣ отказывались; только двѣ дѣвицы Крыжановскія,

сводныя сестры Нарк. Абрамовича, согласились танцовать съ нимъ, да одинъ офицеръ польскаго войска, Іосифъ Валевскій, капитанъ 1-го стрѣлковаго коннаго полка, согласился быть его визави съ другою панною Крыжановскою. Такимъ образомъ они протанцовали въ одной изъ комнатъ мазурку въ двѣ пары.

Какъ только окончилась мазурка, послышался какой-то странный шумъ; домъ былъ окруженъ эскадрономъ гусаръ, и въ залу вошло нѣсколько десятковъ гусаръ. Челищевъ объявилъ, что если присутствующіе пустятъ въ ходъ оружіе, то дѣло будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія; оставалось покориться и понести наказаніе, не сопротивляясь.

Затѣмъ Челищевъ передалъ черезъ капитана Валевскаго, что онъ готовъ дать всякое удовлетвореніе, какого только отъ него потребуютъ; но дѣло это было оставлено безъ послѣдствій; о немъ поговорили, даже писали, но оно такъ и осталось темнымъ. Я упомянулъ объ этомъ случаѣ только потому, что онъ отошелъ уже въ область исторіи и не можетъ повредить доброй славѣ семейства Абрамовичей, среди которыхъ были люди весьма почтенные, но, конечно, какъ и въ каждой семьѣ, были и личности не особенно достойныя. Въ упомянутомъ случаѣ вина была, вѣроятно, съ обѣихъ сторонъ, впрочемъ, все это дѣло давно минувшихъ лѣтъ.

Ротмистру Челищеву это событіе сослужило ту службу, что онъ сдѣлался съ этой минуты въ глазахъ прекраснаго пола чѣмъ-то вродѣ средне-вѣковаго рыцаря, тѣмъ болѣе, что происшествіе случилось съ Абрамовичами, которыхъ во всемъ округѣ не любили. Такимъ-то образомъ за него вышла замужъ генеральша Калиновская, рожденная Потоцкая, одна изъ богатѣйшихъ помѣщицъ Украйны и владѣлица Ружанъ, родоваго имѣнія князей Ружинскихъ, которые нѣкогда предводительствовали въ бояхъ славными казацкими полками. Челищевъ сталъ другомъ поляковъ, не переставъ быть русскимъ.

На всѣ приготовленія къ возстанію, о которыхъ я упоминалъ выше, смотрѣли сквозь пальцы, и на Украйнѣ, и въ Подоліи готовились серьезно и старательно.

Въ Бердичевскомъ повѣтѣ мы вручили командованіе Карлу Ружицкому, слывшему лучшимъ офицеромъ во 2-мъ уланскомъ полку. Онъ вступилъ въ военную службу въ 1809 г., одновременно съ Дверницкимъ; взятый въ плѣнъ подъ Миромъ, онъ провелъ богатые событіями годы на югѣ Россіи въ качествѣ военнопленнаго; по возвращеніи польскаго войска изъ Франціи, когда оно было вновь организовано, Ружицкій поступилъ въ него, также въ уланскій полкъ, въ чинѣ подпоручика. Неохотно подчиняясь стѣсненію, которое налагаетъ военная служба, онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана, но, и находясь въ

отставкѣ, поддерживалъ въ себѣ военный духъ и имѣлъ высокое понятіе о военномъ искусствѣ, много читалъ по своей спеціальности и постоянно изучалъ дѣянія великихъ полководцевъ. Онъ былъ прекраснымъ кавалеристомъ, можетъ быть лучшимъ въ польскомъ войскѣ, потому что, когда въ Варшаву пріѣхалъ какой-то англійскій принцъ посмотрѣть знаменитую кавалерію цесаревича Константина Павловича, то выбранъ былъ взводъ изъ 2-го уланскаго полка, и Ружицкій былъ вызванъ для командованія этимъ взводомъ изъ Бердичева, гдѣ онъ проживалъ въ качествѣ ремонтера. На Саксонской площади этотъ взводъ показалъ такія чудеса кавалерійскаго искусства, что англичанинъ былъ совершенно пораженъ, а Ружицкій получилъ за это чинъ поручика и коня изъ конюшни цесаревича, на которомъ онъ съ тѣхъ поръ постоянно ѣздилъ, что̀ ему доставило большую извѣстность не только въ полку, но и во всемъ войскѣ. Послѣдствія показали, насколько онъ былъ искусенъ въ военномъ дѣлѣ. Кружокъ, который выбралъ его въ начальники, составлялъ какъ бы одну семью; все это были товарищи по школѣ, вмѣстѣ охотившіеся и веселившіеся дома. Смѣло могу сказать, что это была отборная молодежь, какъ по рожденію, такъ по образованію и по свѣтскому воспитанію.

Такъ мы устроились у себя, но только Тадеушъ Валевскій не хотѣлъ ничего знать о Ружицкомъ, а Ружицкій не заискивалъ у Валевскаго.

Игнатій Стемпковскій, глава тамплiеровъ, когда его спросили о Валевскомъ, отвѣчалъ:

— Оставьте меня въ покоѣ; онъ не виноватъ ни душой, ни тѣломъ; политика не про него писана; дѣлайте какъ знаете и какъ можете, и, если Богъ поможетъ, то все пойдетъ хорошо.

Это былъ очень характерный взглядъ, который тогда выражался этими государственными людьми, вступившими въ разныя тайныя политическія общества, которыя вскружили имъ голову.

Были вѣсти изъ Варшавы, но столь извращенныя, что трудно было доискаться въ нихъ истины. Такъ, напримѣръ, слухъ, который циркулировалъ тогда у насъ, и о которомъ я не нашелъ впослѣдствіи въ сочиненіяхъ эмигрантовъ ничего яснаго и опредѣленнаго, заключался въ томъ, будто Замойскіе объявили цесаревича Константина лишеннымъ польской короны, которую онъ хотѣлъ возложить на свою голову, и намѣревались предложить ее одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, какъ члену ультра-католической семьи, и что вся эта комбинація была устроена австрійскимъ консуломъ въ Варшавѣ, женатымъ на полькѣ, при помощи графовъ Малаховскаго и Владислава Замойскаго, бывшаго адъютанта цесаревича. Этотъ слухъ привезъ Верещинскій, директоръ бердичевскаго и одесскаго отдѣленій варшавскаго заемнаго

банка. Этотъ Верещинскій, бывшій горячимъ сторонникомъ Адама Чарторыйскаго и Ягеллоновъ, находившійся въ родствѣ почти со всѣми уроженцами Юго-Западнаго края, окружавшими князя Адама, былъ очень смущенъ этимъ слухомъ и утверждалъ, что польское дѣло погибло въ самомъ зародышѣ. Тогда мы въ первый разъ услышали отъ него эти слова. Что же потомъ было въ Парижѣ? Замойскимъ захотѣлось уподобиться орлеанистамъ: «Если королемъ не будетъ цесаревичъ Константинъ или князь Адамъ—то горе будетъ Польшѣ! Нѣмцы насъ онѣмечатъ, какъ всегда онѣмечивали; лучше бы мы не рвались въ бой какъ львы, для того, чтобы погибнуть какъ мухи; лучше бы мы оставались въ мирѣ съ Россіей, можетъ быть, мы и дошли бы до чего-нибудь хорошаго». Такъ говорилъ человѣкъ, который однако бросилъ все—мѣсто, положеніе и пошелъ драться. Я хорошо запомнилъ эти слова и, признаюсь, былъ тогда того же мнѣнія.

Первымъ неутѣшительнымъ слухомъ, который разносилъ по краю молодой Мошковскій, былъ отвѣтъ, данный диктаторомъ Хлопицкимъ уроженцамъ Литвы и Руси, напомнившимъ ему, что и тамъ есть поляки.

— Для литвиновъ и русиновъ у меня нѣтъ ничего.

Такъ говорилъ кумиръ Варшавы и доблестнаго тогда польскаго войска, такъ говорилъ полякъ, родившійся на Руси, у котораго были тамъ и родное гнѣздо, и могилы предковъ. Послѣ этого извѣстія, которое, какъ всякая дурная вѣсть, съ быстротою молніи разнеслась по краю, многіе, какъ говорится, опустили руки и стали равнодушно относиться къ возстанію, говоря, что это какая-то варшавская драка, а не польское дѣло.

Такъ дождались мы кіевскихъ контрактовъ. Рождество, новый годъ и Крещенье прошли очень спокойно, безъ всякихъ арестовъ и преслѣдованій; не было даже замѣтно, чтобы въ Кіевѣ, Бердичевѣ или Житомірѣ стягивались войска. Двигались, правда, полки съ Дуная, изъ Молдавіи и Валахіи, но такими малыми отрядами, что на нихъ трудно было обратить особенное вниманіе, и это передвиженіе не представлялось чѣмъ-либо необычайнымъ.

Между русскими офицерами, особенно низшими, господствовало полное невѣдѣніе о происшествіяхъ въ Варшавѣ. Въ день Рождества проходилъ черезъ Гальчинецъ пѣхотный батальонъ, слѣдовавшій съ Дуная. Въ числѣ прочихъ гостей въ Гальчинцѣ были два брата Гродзинскихъ, Казиміръ, капитанъ Харьковскаго уланскаго полка, и Михаилъ, служившій въ Петербургскомъ уланскомъ полку. Мы пригласили обѣдать командовавшаго пѣхотнымъ батальономъ маіора съ его офицерами. Это были люди очень почтенные, но вовсе не свѣтскіе, особенно маіоръ, принадлежавшій къ многочисленному тогда разряду такъ на-

зываемыхъ бурбоновъ. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, онъ началъ намъ разсказывать по секрету, но при всѣхъ и громко, что они идутъ подъ Варшаву, потому что тамъ случились нѣкоторыя происшествія. По его словамъ, въ какомъ-то трактирѣ за городомъ польскіе офицеры играли на бильярдѣ съ русскими, они стали говорить другъ другу колкости, вышла ссора, и, наконецъ, дѣло дошло до драки; играющіе вооружились бильярдными кіями, а такъ какъ польскіе офицеры были хорошіе фехтовальщики, то и поколотили русскихъ офицеровъ и выгнали ихъ изъ трактира, и хорошо сдѣлали, добавилъ маіоръ, понижая голосъ и озираясь на всѣ стороны, потому что это были все нѣмцы. Дѣло дошло до цесаревича, и онъ принялъ сторону поляковъ, но въ Петербургѣ нѣмцы заступились за нѣмцевъ. Цесаревичу былъ сдѣланъ выговоръ, онъ разгнѣвался, сѣлъ на коня и уѣхалъ изъ Варшавы, бросивъ службу и взявъ съ собой и гвардію. Поляки остались одни, не знаютъ, что дѣлать, и вотъ насъ посылаютъ туда, чтобы удержать ихъ, если они затѣютъ какую-нибудь глупость, соскучившись по цесаревичѣ. Я привожу этотъ разсказъ слово въ слово, такъ какъ я его прекрасно запомнилъ.

Между крестьянами тоже шли разговоры о варшавскихъ событіяхъ. Однако совершенно невѣрны разсказы, исходившіе изъ нѣкоторыхъ католическихъ монастырей, о томъ, будто бы православные священники и правительственные агенты разжигали ненависть крестьянъ къ панамъ и подготовляли новую коліивщину, на подобіе той, которая произошла подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка. Подобной агитаціи среди крестьянъ не было и ничего подобнаго нельзя было подмѣтить. Отношенія между крестьянами и панами были всегда одинаковы. Бо́льшая часть пановъ также грабила и угнетала крестьянъ послѣ варшавскихъ событій, какъ и передъ ними, немного было такихъ, которые стали смотрѣть на крестьянъ не такъ пренебрежительно, и еще меньше такихъ, которые стали сближаться съ ними, да и всякое сближеніе не было бы принято за чистую монету или за вещь необходимую. Вообще крестьяне не были расположены къ панамъ, но не составляли противъ нихъ заговоровъ, а только мечтали о чемъ-то лучшемъ, но откуда должно было прійти это лучшее, они не могли сказать, а только повторяли: «Будетъ лучше, потому что теперь очень худо. Богъ милостивъ, умилостивится и надъ нами».

Правительство, безъ сомнѣнія, не хотѣло никакихъ волненій и безпорядковъ въ краѣ, которые могли бы повести къ возстанію. Правленіе императора Николая Павловича было отмѣчено въ то время кротостью; оно было, можно сказать, отеческое, и даже впослѣдствіи, когда ему пришлось прибѣгнуть къ строгимъ и суровымъ мѣрамъ, онъ все же дѣйствовалъ безъ злобы, не прибѣгая къ хитрости, такъ какъ это со-

вершенно не соотвѣтствовало характеру этого монарха, который былъ, такъ сказать, рыцаремъ справедливости, правды и строго соблюдалъ всѣ обязанности монарха. Скорѣе можно допустить, что русское правительство не поняло истиннаго значенія варшавскихъ волненій, чего не случилось бы, если бы оно обратило вниманіе на то, какіе люди стояли во главѣ движенія.

Цесаревичъ видимо охладѣлъ къ Варшавѣ и къ королевству Польскому скорѣе подъ вліяніемъ негодованія и раздраженія за неблагодарность поляковъ, въ особенности того отборнаго польскаго войска, которое было создано его чисто отеческими заботами, ибо, несмотря на всѣ подстрекательства и наущенія, цесаревичъ могъ бы остаться въ Варшавѣ и возстановить порядокъ, такъ какъ пламя мятежа вспыхнуло съ особенной силою только въ Варшавѣ, а внѣ ея никто не рвался въ бой, какъ во времена Костюшки, и войско неохотно присоединилось къ повстанцамъ. Большинство офицеровъ шло съ ними только потому, что они носили польскія фамиліи и боялись, что поневолѣ будутъ вынуждены сражаться, чтобы не потерять своего положенія, и что имъ будетъ болѣе чести и спокойнѣе пойти добровольно и тѣмъ сохранить свое доброе имя и хорошее мѣсто. Солдаты шли за ними изъ послушанія и по привычкѣ къ военной дисциплинѣ, но и тѣ и другіе дѣйствовали робко, въ надеждѣ, не случится ли чего нибудь такого, что вернуло бы имъ ихъ любимаго цесаревича и прежніе порядки, которые поневолѣ любили, такъ какъ они давали имъ увѣренность въ успѣхѣ и обезпечивали ихъ судьбу, а при повстаньи все ставилось на карту, все было ненадежно.

У цесаревича не было достаточно рѣшимости, а въ войскѣ прямоты и чистосердечія, и съ той и съ другой стороны было слишкомъ мало довѣрія, чтобы дѣло могло принять иной оборотъ. Однако врядъли въ каждомъ полку нашлось бы хотя пять ярыхъ повстанцевъ.

Русскому правительство все это должно было быть извѣстно какъ нельзя лучше, но дѣло въ томъ, что трудно было сладить съ цесаревичемъ, который при всѣхъ своихъ выдающихся качествахъ былъ раздражителенъ, какъ самая нервная женщина, всегда хотѣлъ поставить на своемъ. Когда же это ему не удавалось, то онъ внезапно охладѣвалъ къ дѣлу и уже никогда къ нему не возвращался.

Диктатура Хлопицкаго была поистинѣ политической нелѣпостью; это былъ недоношенный плодъ польской политики. Напрасно нарядили эту ворону въ павлиныя перья, напрасно онъ занялъ мѣсто, оставленное цесаревичемъ. Онъ все же остался тѣмъ Хлопицкимъ, который не вѣрилъ въ повстанье, не имѣлъ вѣры въ войска, не вѣрилъ въ самого себя и въ польское дѣло, и эта неувѣренность его могла быть для русскаго правительства лучшею порукою въ томъ, что грозъ-

ная туча возстанія разрѣшится мелкимъ дождемъ. Поэтому-то вѣроятно оно не преслѣдовало и не притѣсняло русскихъ и литовскихъ помѣщиковъ; можетъ быть ихъ не велѣно было будить отъ сна чрезмѣрнымъ надзоромъ, иначе никакъ нельзя объяснить себѣ того, что правительственныя власти не обращали вниманія на наши приготовленія.

Между тѣмъ вездѣ скупали коней, приготовляли аммуницію, оружіе, даже обучали дворовыхъ и мелкую шляхту. Крестьяне и священники видѣли это, но не доносили. Паны, какъ всегда, не довѣряли крестьянамъ и думали: пусть только придетъ польское войско, зададимъ мы этимъ проклятымъ хамамъ, а поповъ и на сѣмена не оставимъ. Что касается крестьянъ, то они, вѣроятно, думали наоборотъ.

Паны, которые стыдились дурно обходиться съ людьми, а особенно съ прислугой, не стѣснялись вести при нихъ разговоры политическаго характера,—доказательство того, что тогда не было ни доносчиковъ, ни шпіоновъ. Старые слуги, по давнему старо-польскому обычаю, имѣли даже обыкновеніе и право вмѣшиваться въ разговоры господъ и высказывать свое мнѣніе.

Однажды, мы бесѣдовали о повстаньи; старый охотникъ Янъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, безо всякаго стѣсненія спросилъ Ружицкаго, не думаютъ ли повстанцы завербовать крестьянъ; получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ покрутилъ усы и сказалъ: «когда шляхта поколотитъ русскихъ, такъ и жидовъ поколотитъ!»

Когда стали говорить о томъ, что князь Романъ Сангушко оставилъ словаковъ и одинъ пріѣхалъ черезъ Галицію въ королевство Польское и вступилъ въ ряды народнаго ополченія, охотникъ Янъ нахмурился:

— Вотъ дуракъ; и нашъ Дмитрій поступилъ бы умнѣе и былъ бы лучшимъ солдатомъ, нежели князь Романъ, такъ какъ онъ сильнѣе и лучше можетъ переносить всякіе труды и невзгоды. Князю Роману слѣдовало остаться въ Славоніи, крикнуть кличъ казакамъ и выйти въ поле съ десяти тысячнымъ войскомъ; это было бы достойно Сангушки. О, ляхи, ляхи, Господь Богъ никогда не даетъ вамъ разума на доброе дѣло, а худому чортъ васъ всегда научитъ.

Холопы своимъ разумомъ понимали вещи правильно, а мы своимъ панскимъ разумомъ вѣчно портили дѣло. Ихъ замѣчаній и совѣтовъ мы не только не слушали, но даже не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія: хамъ, вѣдь, не человѣкъ, какъ смѣетъ такая каналья думать; за то мы жадно прислушивались къ тому, что французы уже перешли Рейнъ и Майнъ и подвигаются къ Одеру, чтобы придти на помощь польскимъ повстанцамъ; мы вѣрили тому, что Людовикъ-Филиппъ, этотъ мѣщанскій король, провожалъ это войско, сидя въ омнибусѣ, съ зонтикомъ подъ мышкой; мы вѣрили тому, что на помощь полякамъ,

Богъ вѣсть изъ какой страны, идутъ бѣлые арабы, что мадьяры уже перешли Карпаты и ѣдутъ на своихъ коняхъ по песчанымъ берегамъ Вислы; что эрцгерцогъ Гарулъ уже въ Краковѣ, что онъ давалъ балъ въ Сукеницахъ и танцовалъ краковякъ съ краковянками; мы вѣрили, наконецъ, тому, что въ Вислу приплыли крокодилы для того, чтобы пожрать тѣхъ, кого не добьютъ поляки. Намъ сообщали подобныя чудеса и розсказни, прося вѣрить имъ слѣпо, но мы и безъ того охотно вѣрили всякой нелѣпости.

Разсказывали также объ удивительныхъ поступкахъ диктатора Хлопицкаго: будто къ нему явилась депутація отъ офицеровъ Литовскаго корпуса съ заявленіемъ, что, въ виду союза Литвы съ Польшей, они готовы присоединиться къ польскому войску для совмѣстныхъ дѣйствій, но онъ отвѣчалъ имъ отказомъ, назвавъ ихъ глупцами, и грозилъ отправить въ Петербургъ, если они не выкинутъ изъ головы подобной глупости, такъ какъ онъ вовсе не намѣренъ вступать съ какими-то козявками въ борьбу со слономъ. Онъ приказалъ не давать заостренныхъ пикъ уланамъ, которые были посланы имъ въ Подлѣсье, въ авангардную цѣпь противъ русскихъ, а маіору Яновичу, командовавшему этими уланами, далъ словесное приказаніе дѣйствовать осторожно, не вступать въ литовскія земли и не имѣть столкновеній съ русскими солдатами. Диктаторъ не хотѣлъ воевать, не умѣлъ умилостивить царя, а былъ не въ духѣ; видно, онъ не могъ найти партнеровъ въ вистъ, или общественныя дѣла отнимали у него дорогое время, которое онъ съ радостью посвятилъ бы игрѣ въ карты.

Кіевскіе контракты прошли безъ всякихъ демонстрацій со стороны дворянъ; со стороны же правительства не было замѣтно ни мѣръ предосторожности, ни знаковъ недовѣрія къ дворянству. Губернаторъ Катериничъ, состоявшій въ знакомствѣ и пріятельскихъ отношеніяхъ почти со всѣми помѣщиками, весьма любезно принималъ ихъ у себя, говорилъ о варшавскихъ происшествіяхъ, показывалъ газеты, которыя онъ получалъ, сожалѣлъ о несчастныхъ жертвахъ, которыя должны были быть, но утверждалъ, что волненія эти скоро прекратятся, говоря, что ни войско не показываетъ большой энергіи, ни народъ не хочетъ добровольно принять дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ, и сожалѣлъ поляковъ.

Фельдмаршалъ Сакенъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не могъ принимать такого дѣятельнаго участія, какъ прежде, ни въ политикѣ, ни въ военныхъ дѣлахъ. По внѣшности власть принадлежала фельдмаршалу, но настоящимъ дѣятелемъ былъ генералъ Кайсаровъ. Онъ приводилъ въ движеніе всѣ пружины и заправлялъ всей машиной, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный и рыцарски благородный, то военная власть не давала себя чувствовать жителямъ и даже оказы-

вала сильное вліяніе на дѣйствія власти гражданской. Впрочемъ, Кайсаровъ не былъ такимъ оптимистомъ, какъ губернаторъ Катериничъ; его безпокоило появленіе на сценѣ диктатора Хлопицкаго, — онъ зналъ всю ограниченность государственныхъ способностей этого генерала, и ея-то больше всего и опасался. Генриху Тышкевичу, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ говорилъ, что Хлопицкій — одинъ изъ идоловъ, созданныхъ воображеніемъ поляковъ; разсказы о его воинской доблести, переходя изъ устъ въ уста, отъ Испаніи до Польши, сдѣлали его какимъ-то богатыремъ, котораго никто не трогалъ, который никому не былъ помѣхой, и слава его не была ни оспариваема, ни умаляема; въ войскѣ разсказываютъ столько чудесъ о его подвигахъ, что одно его имя можетъ возбудить одушевленіе, котораго, какъ говорятъ, теперь недостаетъ. Онъ не возьметъ, или скорѣе не съумѣетъ крѣпко взять въ свои руки власть, ибо слухи объ его талантахъ или, вѣрнѣе, твердости далеко превосходятъ его дѣйствительныя способности. Его гордость и тщеславіе такъ возбуждены, что онъ теперь будетъ бояться каждаго смѣлаго шага, который могъ бы поколебать хорошее о немъ мнѣніе, на его взглядъ, вполнѣ заслуженное. Онъ будетъ колебаться, сердиться, мучиться, и ни на что не рѣшится, между тѣмъ другіе овладѣютъ кормиломъ правленія, а возбужденное мало-по-малу войско и даже народъ, помимо заправилъ, доведутъ дѣло до войны, гибельной для обоихъ народовъ.

Такъ думалъ о положеніи дѣлъ Кайсаровъ и, надо сознаться, думалъ трезвѣе всѣхъ; эти мысли онъ изложилъ брату Викентія Тышкевича, о роли котораго въ готовящемся возстаніи трудно допустить, чтобы онъ не зналъ: это было бы слишкомъ удивительно. Однимъ словомъ, путаница, вызванная варшавскими событіями, была такъ велика, что, казалось, разъяснить ее не удастся и остается только развести руками и воскликнуть:

Dziwnie się wszystko plecie
Na tym tu Bozym świecie [1]).

Генералъ Тышкевичъ, въ то время кіевскій губернскій предводитель дворянства, вполнѣ раздѣлялъ взгляды брата. Онъ, безъ сомнѣнія, отличался бо́льшими способностями, и политическими и военными, чѣмъ Викентій; онъ служилъ въ военной службѣ, принималъ дѣятельное участіе въ послѣднихъ войнахъ Наполеона I и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ польскаго войска; онъ зналъ многихъ знаменитыхъ въ политическомъ мірѣ людей, бывалъ при дворѣ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Дрезденѣ, что̀ несомнѣнно должно было повліять на его развитіе. Всего этого недоставало Викентію, имѣвшему несчастіе въ молодости убить свою мать, выстрѣливъ изъ пистолета въ призракъ, который явился ему ночью

[1]) Удивительныя дѣла творятся на бѣломъ свѣтѣ.

и которымъ оказалась его бѣдная мать, имѣвшая страсть пугать другихъ. Этотъ случай произвелъ такое сильное впечатлѣніе на молодаго человѣка, что онъ почти совершенно удалился отъ свѣта, провелъ молодые годы, терзаясь укорами совѣсти и только гораздо позднѣе возвратился къ обществу, гдѣ уже многое не привлекало его, такъ какъ годы его и желанія были не тѣ. Послѣ развода Михаила Маржчинскаго, онъ женился на его женѣ, родной сестрѣ жены его брата Генриха.

Пріятелямъ Викентій Тышкевичъ говорилъ, что принялъ начальствованіе временно и тотчасъ передастъ его въ руки брата Генриха, какъ только возстаніе начнется и будетъ провозглашено открыто въ Украйнѣ; что теперь такое провозглашеніе повредило бы дѣлу, такъ какъ Генрихъ Тышкевичъ, будучи предводителемъ дворянства и имѣя вліяніе у правительства, могъ и покрывать приготовленія, и успокоить подозрѣнія правительства, если бы таковыя возникли; что онъ обошелся такъ нетактично и даже невѣжливо съ генераломъ Козловскимъ только съ цѣлью доставить начальствованіе своему брату. Эти слова разнеслись во время контрактовъ между помѣщиками трехъ губерній.

Іосифъ Залѣсскій принялъ начальство надъ Кіевскимъ уѣздомъ и городомъ Кіевомъ, постоянно агитировалъ среди кіевскихъ мѣщанъ, которые очень серьезно и дѣятельно принялись снаряжать народную мицію. Въ Кіевѣ, мѣстные жители говорили, что городъ выставитъ до тысячи двухсотъ всадниковъ. Залѣсскій завелъ также, съ дозволенія коменданта кіевской крѣпости, сношенія съ Голеевскимъ, отбывшимъ въ этой крѣпости наказаніе, а комендантъ далъ ему это разрѣшеніе, вѣроятно будучи на то уполномоченъ высшими властями. Послѣ одного изъ разговоровъ съ заключеннымъ, Залѣсскій пришелъ обрадованный и сообщилъ подъ секретомъ нѣсколькимъ лицамъ, что «крѣпость можетъ быть нашей». Эта тайна тотчасъ стала извѣстной между помѣщиками. Такая дѣятельность, отличавшаяся политической незрѣлостью и легкомысліемъ, которыя всегда губили польское дѣло, происходила на глазахъ у властей и при этомъ ни Генрихъ Тышкевичъ, и никто изъ его единомышленниковъ ничѣмъ не поплатились. Подобное бездѣйствіе властей было совершенно необъяснимо.

Переводъ **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо А. И. Чернышева графу А. А. Аракчееву.

4 апрѣля 1820 г. № 150 изъ Новочеркаска.

Изъясненію моему на счетъ войсковаго атамана служитъ поводомъ разговоръ съ нимъ г. Болгарскаго, который родилъ было въ насъ обоихъ надежду обратить его къ истинѣ. Желая воспользоваться расположеніемъ его къ понятіямъ прямымъ и соблюсти всю строжайшую пристойность, мы согласились объясниться съ нимъ откровенно вчерась... Все, что доказывало заблужденія его и слѣпую довѣренность къ корыстолюбивымъ откупщикамъ, старались внушать ему ясно, убѣдительно и вѣжливо, но съ прискорбіемъ увидѣли наконецъ, что откупщики, раздраженные настояніями нашими въ пользу правъ цѣлаго народа, болѣе нежели когда-либо, настроили его для своей защиты. Никакіе сильные и очевидные доводы не могли вразумить и убѣдить его въ стѣсненіи жителей нынѣшнимъ откупомъ, въ злоупотребленіи и безпутности канцеляріи, атаманъ пребылъ въ однихъ и тѣхъ же ложныхъ мнѣніяхъ, кои внушены ему пристрастіемъ. Послѣ сего опыта мы живо чувствуемъ, что должны уже открыто бороться за неприкосновенность правъ донцовъ съ донцами же, ихъ угнетающими. Я почитаю нужнымъ донести вашему сіятельству о семъ новомъ доказательствѣ упорнаго своенравія здѣшней власти и о тѣхъ препятствіяхъ, кои предвидѣлъ я еще въ Петербургѣ и кои, впрочемъ, надѣемся превозмочь силою правды и неоспоримыхъ доводовъ.

Вслѣдствіе чего съ нынѣшнею же почтою, объясняю его сіятельству слѣдующее: подполковникъ Кузнецовъ, подстрекая грубое самолюбіе атамана и ободряя корыстные виды откупщиковъ хитростью, угодливостію и языкомъ всезнающаго и имѣющаго тайную поддержу въ Петербургѣ, сдѣлалъ себя необходимымъ для неблагонамѣренныхъ. Совѣты и разглашенія его на счетъ Комитета продолжаются еще дерзновеннѣе и вреднѣе прежняго. Почему удаленіе его отсюда весьма полезно.

Членовъ Комитета, по выбору атамана засѣдающихъ, описываю я такъ:

1) Генералъ-лейтенантъ Карповъ 2-ой по уму и свѣдѣніямъ совершенно пустой и къ занятіямъ неспособный; готовый угождать и унижаться предъ каждымъ, если видитъ въ немъ какую-нибудь пользу или нужду, жадный къ корысти и не дорожащій ни честью, ни совѣстью для полученія прибытка. Во мнѣніи войска потерялъ всякое къ себѣ уваженіе и не имѣетъ ни малѣйшей отъ него довѣренности. Съ тѣхъ поръ какъ былъ избранъ въ званіе войсковаго депутата онъ, хотя законный защитникъ чиновниковъ, не только не удержалъ атамана отъ нарушенія правъ жителей введеніемъ стѣснительнаго откупа или не донесъ о томъ высшему начальству, но самъ первый сдѣлался откупщикомъ и общее благо предалъ въ жертву низкому корыстолюбію. Кромѣ сего онъ, войсковой депутатъ, незадолго предъ симъ позволилъ себѣ поступокъ

самый предосудительнѣйшій: у одного преданнаго слабости и запутавшаго дѣла свои подполковника Поздѣева обманомъ отнялъ имѣніе, изъ 600 душъ крестьянъ состоящее безденежно и разсказалъ, что купилъ оное за 300 т. рублей, которые будто бы передалъ Поздѣеву въ разное время, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что у него никогда никакихъ денегъ прежде участія его въ откупѣ быть не могло. Г. Карповъ есть другъ атамана и Черевкова. Въ Комитетѣ онъ служитъ отголоскомъ и ставитъ каждую волю, каждое слово ихъ для себя закономъ.

2) Генералъ-маіоръ Черевковъ отъ природы довольно умный, но всю жизнь свою проведшій въ приказномъ крючкотворствѣ, самый злонамѣренный человѣкъ, корыстолюбивъ въ высшей степени, хитеръ, мстителенъ и такъ пріучилъ себя къ видамъ на обогащенія, что ни одно обдуманное злоупотребленіе или угнетеніе народа не совершится безъ его совѣтовъ. Будучи издавна другомъ атамана, онъ совершенно владѣетъ умомъ и душою его. Безъ наставленія г. Черевкова атаманъ не дѣлаетъ ни шагу.

Сынъ его, полковникъ Черевковъ, совершенно сходствующій съ качествами отца и даже нѣкоторымъ образомъ превосходящій. Въ рукахъ его (владѣющій) даромъ изрядно писать—есть дежурный штабъ-офицеръ при атаманѣ, который, не взирая на наши объясненія на его счетъ, продолжаетъ называть его честнымъ человѣкомъ и имѣть къ нему полную довѣренность. Сіи два чиновника истинные враги войска; ибо ни одно зло, войсковою властью сдѣланное, не исходитъ иначе, какъ по ихъ совѣту или одобренію. Въ общемъ мнѣніи они оба считаются умными, но вредными и неблагонамѣреннѣйшими. Отецъ по Комитету доселѣ не сдѣлалъ ничего полезнаго и кромѣ злыхъ интригъ ожидать отъ него ничего нельзя. Онъ болѣе всѣхъ участвовалъ въ введеніи новаго откупа и есть тоже открытый откупщикъ.

3) Генералъ-маіоръ Андріяновъ, человѣкъ добрый, простой и благонамѣренный, будучи самъ избранъ атаманомъ въ члены Комитета и оберегая дѣтей своихъ, на службѣ считающихся, онъ изъ одной боязни соглашается иногда съ нимъ во мнѣніяхъ, но предосудительныхъ поступковъ начальника своего не одобряетъ; по дѣлу же откупа, обще съ подполковникомъ Шамшевымъ, присоединился къ справедливой сторонѣ и къ назначенному времени готовитъ свое мнѣніе.

4) Подполковникъ Шамшевъ болѣе Андріянова угождающій атаману, но чувствующій истину нашихъ съ г. Болгарскимъ мнѣній, ведетъ себя по обстоятельствамъ, представляясь соглашающимся съ обѣими сторонами; въ дѣлѣ откупа и онъ присоединился къ намъ и также готовитъ свое мнѣніе.

Къ сему присовокуплю я, что двое первыхъ изъ членовъ сихъ, какъ явные откупщики, сознавшіеся въ присутствіи Комитета, не могутъ въ

немъ оставаться и по закону, устраняющему всякаго обсужденія въ собственномъ дѣлѣ и по единомыслію ихъ съ атаманомъ, который открыто уже стремится и къ угнетенію ввѣреннаго ему войска, слѣдовательно и къ всегдашнему перевѣсу голосовъ въ его пользу. Посему и нахожу за необходимое гг. Карпова и Черевкова отъ должностей ихъ удалить вовсе; Андріянова и Шамшева оставить, ибо они, когда вліяніе атамана на Комитетъ будетъ пресѣчено, а на мѣсто двухъ членовъ назначатся другіе благонамѣренные, не могутъ сдѣлать помѣшательства.

Въ замѣнъ же означенныхъ Карпова и Черевкова, по ближайшей извѣстности, пріобрѣтенной во время служенія съ казачьими полками и особливо долгаго пребыванія на Дону и по общему уваженію и довѣренности войска, почитаю всѣхъ болѣе способными и достойными отставныхъ генералъ-маіоровъ: Алексѣя Иловайскаго 3-го и Дмитрія Кутейникова. Оба чиновника сіи отличные по службѣ, любимые въ обществѣ, благонамѣренные и желающіе землѣ своей всякаго добра, конечно оправдаютъ сей выборъ.

Если Его Величеству угодно будетъ сдѣлать сіе назначеніе, то весьма полезно было бы опредѣленіе двухъ помянутыхъ членовъ произвести особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ не предоставляя оное выбору чиновниковъ, который можетъ начаться не прежде послѣднихъ чиселъ мая и въ ожиданіи коего, равно и утвержденія самаго выбора прошло два или три мѣсяца напрасно и вновь назначенные члены вступили бы уже въ должности и содѣйствовали успѣху занятія Комитета тоже, когда экономическая часть приведена была бы къ окончанію. Сверхъ того, такое непосредственное опредѣленіе сдѣлало бы сильное впечатлѣніе на весьма малое число неблагонамѣренныхъ и ободрило все войско. Въ выборахъ же по укоренившемуся здѣсь злу и страху къ атаману легко можетъ вростись пронырство власти и изъ лучшаго предположенія сдѣлать новый вредъ.

Въ заключеніе убѣждаю князя Петра Михайловича (Волконскаго) испросить у государя, какъ утвержденія гг. Иловайскаго и Кутейникова членами Комитета, такъ въ особенности уничтоженіе вліянія атамана на занятія онаго, который кромѣ видимаго вреда и остановки ничего не производитъ, да и впредь производить не будетъ.

Изъяснивъ, такимъ образомъ, все случившееся со времени отправленія фельтегеря, обращаюсь къ вашему сіятельству съ сею же самою просьбою, надѣюсь, что по всегдашнему милостивому ко мнѣ благорасположенію, не оставите подкрѣпить насъ здѣсь удостовѣреніемъ оной. Впрочемъ при искреннѣйшемъ желаніи вашему сіятельству добраго здравія и благополучнаго совершенія предпріемлемаго пути, съ чувствомъ непреложнаго высокопочитанія и истинной преданности имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства А. Чернышевъ.

Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ [1].

I.

Краткія біографическія свѣдѣнія о происхожденіи В. А. Перовскаго и его служебная дѣятельность до назначенія оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ.—Пріѣздъ его въ Оренбургъ и первыя заботы о краѣ.—Разсказы о киргизахъ.—Возведеніе укрѣпленій.—Адаевцы и «поиски» за ними.

Всѣмъ уже извѣстно, что Перовскіе (Левъ, Борисъ, Василій) были побочными дѣтьми графа Алексѣя Разумовскаго, возведенные въ 1804 году въ дворянское достоинство [2].

Василій Алексѣевичъ (младшій изъ братьевъ) до десяти лѣтъ находился приматери Аннѣ Михайловнѣ въ черниговскомъ имѣніи Почепъ, потомъ отданъ былъ въ Москву въ пансіонъ, а затѣмъ въ университетъ. Въ 1811 году онъ поступилъ на службу въ колонно-вожатые, какъ въ то время назывались офицеры генераль-

[1]) Хотя о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка писалось и печаталось неразъ въ нашихъ и даже заграничныхъ повременныхъ изданіяхъ, тѣмъ не менѣе личность Василія Алексѣевича до сихъ поръ еще настолько не выяснена, что даже въ нѣкоторыхъ прежнихъ біографическихъ изслѣдованіяхъ и данныхъ о немъ, помимо значительныхъ пробѣловъ, встрѣчается масса хронологическихъ неточностей

Я не могу, конечно, взять на себя столько смѣлости, чтобы составить полную біографію этого недюжиннаго администратора, не могу достодолжно оцѣнить дѣятельность его, для чего понадобилось бы слишкомъ много всевозможнаго архивнаго и не-архивнаго матеріала, что не мыслимо сдѣлать провинціальному жителю. Я хочу только по вновь добытымъ свѣдѣніямъ изъ мѣстныхъ (оренбургскихъ) архивовъ, дополнить прежнія о немъ данныя и исправить встрѣчающіяся въ нихъ погрѣшности, и попутно привести и тѣ еще сохранившіеся о немъ (немногіе уже) разсказы, которые, какъ преданія, передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ отца къ сыну, отъ дѣдовъ—внукамъ. Разсказы эти заставляютъ потомковъ проникаться тѣмъ же особеннымъ чувствомъ, какое питали сослуживцы и подчиненные, солдаты и простой народъ, видя въ немъ строгаго начальника, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, честнаго человѣка, справедливаго карателя и милователя, для котораго были всѣ равны, начиная отъ знатнаго барина и кончая сѣрымъ мужичкомъ. П. Ю.

[2]) «Русская Старина», 1895, IV, 56.

наго штаба, и 18-ти лѣтъ участвовалъ въ бородинскомъ сраженіи, гдѣ ему непріятельской пулей оторвало указательный палецъ на лѣвой рукѣ, вслѣдствіе чего онъ потомъ носилъ на немъ длинный серебряный наперстокъ.

Послѣ вступленія въ 1812 году французскихъ войскъ въ Москву, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и два года до февраля 1814 года томился въ неволѣ [1]). По окончаніи войны Перовскаго зачислили въ генеральный штабъ и онъ нѣкоторое время состоялъ адъютантомъ графа П. В. Кутузова [2]), а потомъ великаго князя Николая Павловича, коего въ 1816—1817 годахъ сопровождалъ въ его путешествіи по Россіи и въ чужихъ краяхъ [3]). Когда же, 17-го апрѣля 1818 года, въ стѣнахъ древняго московскаго Кремля, въ небольшомъ и скромномъ на видъ зданіи митрополита Платона при Чудовомъ монастырѣ, родился у великой княгини Александры Ѳеодоровны и великаго князя Николая Павловича августѣйшій первенецъ-сынъ, нареченный во святомъ крещеніи Александромъ, то Перовскій былъ посланъ въ Петербургъ «для извѣщенія» императора Александра I-го о такомъ радостномъ событіи [4]).

При вступленіи на престолъ императора Николая I, В. А. Перовскій былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и, находясь при императорѣ, во время возмущенія 14 декабря 1825 года, былъ контуженъ полѣномъ въ спину [5]).

Въ 1828 году, подъ Варной Перовскій былъ раненъ въ лѣвую сторону груди и такъ сильно, что пулю пришлось вырѣзывать, что, вмѣстѣ съ прежней контузіей въ спину, очень замѣтно отразилось на его здоровьѣ, особенно—страданіями въ легкихъ. На лѣвомъ боку онъ постоянно носилъ фонтанель, а на ногахъ теплые чулки. Но несмотря на такое состояніе своего здоровья, В. А. былъ силы «непомѣрной» и свободно разгибалъ подковы.

Послѣ войны, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ 1833 году, будучи только 38-ми лѣтъ отъ роду, назначенъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ, на мѣсто, скоропостижно умершаго, 20-го марта того же года, генералъ-адъютанта графа Павла Петровича Сухтелена [6]).

---

[1]) Пребываніе его въ плѣну описано имъ самимъ въ «Запискахъ» (см. «Русск. Арх.» 1865, стр. 257.

[2]) „Русск. Арх.“ 1891, IV, 521.

[3]) Тамъ же, 1877, II, 172.

[4]) См. Высочайшій рескриптъ на имя Перовскаго отъ 26 августа 1856 года, который ниже приводится дословно.

[5]) „Уральск. Листокъ“, 1894, № 42.

[6]) Гр. Сухтеленъ (род. 1788), одинъ изъ лучшихъ начальниковъ Оренбургскаго края (1830—1833) и образованнѣйшихъ людей своего времени, по-

Постъ этотъ—начальника Оренбургскаго края, обширнѣйшаго и пограничнаго, въ то время, благодаря постояннымъ столкновеніямъ съ кочевниками, былъ самымъ отвѣтственнымъ постомъ. Его занимали и десятки лѣтъ трудились надъ устройствомъ и организаціей этой окраины такіе столпы служебной іерархіи, какъ Ив. Ив. Неплюевъ, князь А. А. Путятинъ, И. В. Якоби, баронъ О. А. Игельстромъ, Сергѣй Козьмичъ Вязьмитиновъ, князь Г. С. Волконскій и другія болѣе или менѣе даровитыя личности, люди уже пожившіе, послужившіе и состарившіеся на поприщѣ государственной, боевой и административной дѣятельности. Оренбургъ въ первый разъ, со дня своего существованія, видѣлъ въ стѣнахъ своихъ такого молодаго губернатора. Не было ничего подобнаго и послѣ.

Причину такого назначенія, конечно, надо искать не только въ сильномъ расположеніи къ Перовскому императора Николая Павловича, но также въ его умственномъ, научномъ и боевомъ развитіи. О немъ говорили, что онъ былъ «европейски образованный человѣкъ», такъ какъ, помимо университета, пріобрѣлъ познанія и опытомъ. Онъ велъ дружбу съ Жуковскимъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ и другими лицами, такъ или иначе причастными къ литературѣ.

Несмотря на свой сравнительно небольшой чинъ, Перовскій былъ снабженъ громадными полномочіями, такъ что, когда, по прибытіи въ Оренбургъ, начальникъ 26-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ [1]), не захотѣлъ явиться къ нему, считая себя старшимъ, то былъ тотчасъ же уволенъ въ отставку, а Перовскій вскорѣ послѣ того произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ.

Первой заботой Василія Алексѣевича, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, было полное знакомство съ краемъ, особенно же съ пограничной полосой его, гдѣ подданные наши киргизы, сейчасъ же за Ураломъ кочующіе, безнаказанно врывались въ наши границы, захватывали на линіи русскихъ людей, уводили въ свою безконечную, необозримую степь и продавали тамъ въ неволю въ Хиву или Бухару. И поймать хищниковъ не представлялось возможности, такъ какъ мы совсѣмъ еще

хороненъ въ Оренбургѣ, въ оградѣ Петропавловской (военной) церкви. Памятникъ на его могилѣ сохранился и до сихъ поръ неповрежденный.

[1]) Г. Захарьинъ въ своей статьѣ „Зимній походъ въ Хиву 1839 года“ („Русск. Арх.“ 1891 г., IV, 521) увѣряетъ, что Жемчужниковъ командовалъ 28-й дивизіей; полковникъ же Гуляевъ („Уральск. Лист.“ 1894 г., № 42) доказываетъ, что—22-й. Между тѣмъ, стоило бы авторамъ заглянуть въ „Краткое описан. Оренбур. губ.“ Жуковскаго, Уфа, 1880 г., стр. 53, гдѣ бы они увидѣли, что дивизія эта еще въ 1820 году переименована въ 26-ю, и это подтверждается архивными данными.

не знали степи, а посылаемые за ними въ погоню казаки не могли углубляться далеко въ степь, ибо въ то время (съ 1816 г.) для охраненія границъ нашихъ существовалъ такой курьезный порядокъ.

На всемъ протяженіи границы нашей съ киргизской степью, по берегу р. Урала, были устроены такъ называемыя с и м ы, — это воткнутые въ землю, въ саженномъ другъ отъ друга разстояніи, аршинные таловые колышки, связанные между собой такими же перекинутыми чрезъ нихъ прутиками, изображая тѣмъ нѣчто въ родѣ изгороди или цѣпи [1]). Наблюденіе за такою цѣпью, чтобы она была всегда въ исправности, лежало на обязанности сторожевыхъ пикетовъ кордонной стражи, т. е. казаковъ, которые, при малѣйшемъ обнаруженіи порчи ея, должны были давать знать о томъ другимъ постамъ и заставамъ. Тамъ, въ свою очередь, также били тревогу, вояки собирались, подъѣзжали къ сдѣланному прорыву, и такъ какъ, по распоряженію бывшаго оренбургскаго военнаго губернатора, князя Волконскаго, преслѣдовать киргизовъ въ степи строго воспрещалось, во избѣжаніе новыхъ захватовъ ордынцами, то казаки задѣлывали только прорванную изгородь и разъѣзжались по своимъ мѣстамъ.

Такимъ образомъ киргизамъ былъ данъ совершенно свободный доступъ внутрь страны, и они постоянно рыскали около границъ, часто среди бѣлаго дня значительными шайками прорывались сквозь таловую цѣпь, грабили имущество поселянъ, скотъ, лошадей и уводили плѣнныхъ. Одиночному жителю шагу нельзя было сдѣлать по степи, киргизы точно сторожили такихъ смѣльчаковъ. Выпустить безъ охраны корову или лошадь за околицу—Боже упаси, — сейчасъ сцапаютъ и съ глазъ уведутъ. Поселяне выходили въ поле на работы не иначе, какъ вооруженными и большими партіями. Но и это мало помогало охраненію себя отъ киргизовъ, когда ихъ нападало десять на одного, и когда темная ночь убаюкивала безмятежнымъ сномъ потрудившихся за день работниковъ.

Тяжелое было времячко. Много жертвъ невинныхъ погибло въ тяжеломъ плѣну.

Самымъ отчаяннымъ и безпокойнымъ народомъ изъ всѣхъ киргизскихъ родовъ, сильно грабившимъ наши границы въ то время, — были адаевцы, занимавшіе юго-восточную полосу Каспійскаго побережья, начиная отъ устьевъ р. Эмбы до хивинскихъ и персидскихъ предѣловъ.

Благодаря своей отдаленности и малодоступности, они дольше всѣхъ оставались внѣ нашего вліянія и упорно (до 1870 года) отстаивали свою независимость, будучи скорѣе склонны къ единовѣрной имъ Хивѣ, чѣмъ къ Россіи, и когда другіе киргизскіе роды, вслѣдствіе постоян-

---

[1]) «Памятн. книжка Оренбур. губ. 1895 г.», II, 39.

ныхъ сношеній съ пограничными властями, усвоили нѣкоторую степень гражданственности, адаевцы оставались по-прежнему грубыми дикарями.

Графъ Перовскій прежде всего обратилъ на нихъ вниманіе и вскорѣ, по пріѣздѣ своемъ въ Оренбургскій край, для обузданія ихъ хищническихъ набѣговъ, сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ въ сосѣдствѣ съ ними, на восточномъ берегу залива Койдакъ [1]), укрѣпленія, которое уже осенью слѣдующаго 1834 года было окончено [2]) и названо Ново-Александровскимъ.

Къ несчастію, выборъ мѣста подъ это укрѣпленіе былъ сдѣланъ очень неудачно. Водой приходилось пользоваться изъ колодцевъ, но она имѣла горько-соленый вкусъ, усиливавшійся по мѣрѣ скопленія ея; берега залива до того были низменны, что нерѣдко заливались морскими волнами, оставлявшими послѣ себя травы и рыбу, которыя, разглагаясь отъ зноя, сильно заражали зловоніемъ воздухъ, почему въ укрѣпленіи постоянно свирѣпствовали всевозможныя болѣзни, уменьшавшія и безъ того незначительный гарнизонъ, всего 500 человѣкъ, которыхъ приходилось перемѣнять черезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Только впослѣдствіи (въ 1846 г.), когда укрѣпленіе это было перенесено на Мангышлакскій полуостровъ къ Тюкъ-Карагайскому заливу съ переименованіемъ въ Ново-Петровское [3]), гдѣ оно находится и по сію пору, болѣзни значительно уменьшились.

Помимо того, для поддержанія съ этимъ укрѣпленіемъ сообщенія, между нимъ и конечнымъ пунктомъ Оренбургскаго края на югѣ, Гурьевымъ городкомъ, по морскому берегу было устроено еще нѣсколько промежуточныхъ пикетовъ.

Въ слѣдующемъ же, 1835 году, по высочайше утвержденному 5-го марта положенію бывшаго азіатскаго комитета, въ видахъ упроченія русскаго населенія въ Киргизской степи, на долю Перовскаго выпало проведеніе новой линіи, начинавшейся отъ Орской крѣпости, по прямому направленію степью, къ сѣверо-востоку на рѣку Уй, и оканчивавшейся редутомъ Березовскимъ. На этомъ пространствѣ въ томъ же году выросли укрѣпленія: Наслѣдницкое, Константиновское, Николаевское и Михайловское, съ редутами между ними для помѣщенія въ нихъ кордонной стражи изъ оренбургскихъ казаковъ и башкировъ. Между же редутами въ разстояніи отъ 5 до 10 верстъ, были устроены еще пикеты, по 10

---

[1]) Иначе онъ еще назывался Мертвый Култукъ и заливъ Цесаревича.

[2]) Объ устройствѣ укрѣпленія этого еще въ 1803 году просилъ владѣтель Мангышлакскихъ туркменъ Пиръ-Гали-ханъ, для огражденія его отъ разбойническихъ набѣговъ киргизовъ. (См. нашу ст. „Адаевскій бунтъ въ 1870 г.“— „Русская Старина“, 1894 г. VII, 136).

[3]) Въ шестидесятыхъ годахъ укрѣпленіе было переименовано въ фортъ Александровскій, съ какимъ названіемъ существуетъ и по сію пору.

и 15 казаковъ въ каждомъ, гдѣ для наблюденія за непріятелемъ, какъ у черноморскихъ казаковъ, существовали «Маяки», особые на четырехъ столбахъ устроенные помосты съ длиннымъ шестомъ, обвитымъ соломой, который зажигался тогда, когда угрожала опасность.

Но какъ нарочно, какъ бы на зло новому энергичному начальнику края, послѣ возведенія этихъ укрѣпленій, киргизы еще болѣе усилили свои набѣги. Весной 1836 года адаевцами былъ захваченъ смотритель Эмбенскихъ водъ (на р. Эмбѣ). Лѣтомъ же, около рѣки Иргиза киргизы ограбили купеческій караванъ, слѣдовавшій изъ Оренбурга, и захватили въ плѣнъ двухъ русскихъ приказчиковъ. А осенью на Каспійскомъ морѣ попалъ съ плѣнъ командиръ четырехъ-пушечнаго бота со всей командой, съ орудіями и съ судномъ.

Тогда, для наказанія грабителей, былъ посланъ въ степь, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дренякина, отрядъ изъ 1.000 человѣкъ башкировъ при двухъ орудіяхъ и 30 стрѣлковъ, посаженныхъ на коней. Имѣя съ собой 35-ти дневный запасъ на 536 вьючныхъ лошадяхъ, отрядъ, 4-го іюля, выступилъ изъ Орска и въ теченіе 20-ти дней не только настигъ хищниковъ въ 500 верстахъ отъ линіи за рѣкой Эмбой, но захватилъ всѣхъ главныхъ виновниковъ грабежа, множество скота, коимъ покрылись потомъ всѣ издержки этого похода, и возвратился на линію, потерявъ лишь одного башкирца.

Потомъ три сотни уральцевъ, во главѣ съ войсковымъ старшиной Осиповымъ, разбили въ пескахъ Тайсуйганъ, близъ крѣпости Кулагиной, скопище адаевцевъ, намѣревавшихся напасть на фортъ Ново-Александровскій. Но самымъ лучшимъ дѣйствіемъ противъ этихъ киргизовъ былъ набѣгъ 550 уральскихъ казаковъ полковника Мансурова зимой 1836 года къ полуострову Бузачи.

Отрядъ этотъ выступилъ изъ Гурьева-городка 20-го декабря и на саняхъ, моремъ, по льду, направился къ укрѣпленію Ново-Александровскому, сдѣлавъ въ четверо сутокъ до 200 верстъ самаго труднаго пути до Прорвинскаго поста, служившаго связью укрѣпленію съ линіей, какъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ, ледъ сталъ трещать, и въ результатѣ полторы сотни казаковъ очутились оторванными и унесенными въ открытое море. Уральцы, однако, «не оробѣли», понатыкали по краямъ льдинъ свои пики, арканами связали изъ нихъ мостъ до береговаго стоячаго льда и такимъ образомъ благополучно достигли суши, потерявъ всего двухъ лошадей.

2-го января казаки эти присоединились къ отряду въ укрѣпленіи, и оттуда уже на другой день, раздѣлившись на двѣ части, выступили въ поискъ за адаевцами, которые, заслышавъ о приближеніи русскихъ войскъ, хотя скрылись въ Усть-Уртской пустынѣ, но съ пожитками, домашнимъ скарбомъ и скотомъ далеко уйти не могли. Въ какихъ-нибудь

десять дней казаки настигли ихъ, захватили 53 человѣка въ плѣнъ, нѣсколько лошадей и столько скота, что продажей его покрылись всѣ расходы на снаряженіе отряда. 24-го января уральцы вернулись въ укрѣпленіе, сдѣлавъ такимъ образомъ въ 21 день по безлюдной степи, да еще зимой при 25° холода, болѣе 1.000 верстъ пути, почти безъ всякой потери, если не считать 2-хъ умершихъ и нѣсколькихъ человѣкъ легко раненныхъ въ сшибкахъ.

Эти, благодаря умѣлымъ распоряженіямъ Перовскаго, блистательно данные киргизамъ уроки заставили ихъ временно смириться. 1837-й годъ весь прошелъ спокойно, и не было грабежей по линіи, но въ 1838 году киргизы Средней орды начали снова понемногу «пошаливать». Въ киргизской степи явились три главныхъ возмутителя: султанъ Каипъ Галіевъ и батыри Джуламанъ и Исетай (послѣдній былъ родомъ изъ внутренной Букеевской орды). Собравъ каждый отдѣльно мятежныя шайки изъ недовольныхъ киргизскихъ родовъ Малой и Средней ордъ, они стали грабить проходившіе русскіе караваны, врывались на линію и дѣлали захваты даже у мирныхъ киргизовъ.

Для обузданія мятежниковъ и прикрытія кордонной линіи, В. А. вновь распорядился послать въ степь войска, которыя и выступили въ іюнѣ того же года тремя отдѣльными отрядами: первый, подъ начальствомъ полковника Геке, изъ 450 уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ и 50-ти стрѣлковъ, посаженныхъ на коней, съ двумя орудіями; второй—подполковника Падурова — изъ 500 башкировъ, также 50-ти стрѣлковъ и двухъ орудій, и третій—полковника Мансурова—700 оренбургскихъ казаковъ и башкировъ съ пятью орудіями.

Первый отрядъ полковника Геке, соединившись съ султаномъ—правителемъ западной части Малой орды, неожиданнымъ нападеніемъ на шайку Исетая, въ которой было до 2.000 человѣкъ, разбилъ ее на голову и обратилъ въ бѣгство. Исетай былъ убитъ въ схваткѣ, и шайка, послѣ того, лишившись предводителя, не могла возобновлять своихъ дѣйствій и разсѣялась по ауламъ. Потомъ Геке до рѣки Эмбы преслѣдовалъ шайку Джуламана, но не могъ поймать его и вернулся на линію, гдѣ Падуровъ, оставаясь на мѣстѣ, прикрывалъ среднюю часть ея, какъ болѣе открытую къ сторонѣ степи. Въ то же время полковникъ Мансуровъ въ соединеніи съ султаномъ—правителемъ средней части орды достигъ вершины рѣки Иргиза и, окруживъ аулы волновавшагося Дюртькаринскаго рода, предводительствуемаго султаномъ Каипомъ, нанесъ имъ рѣшительный ударъ. Мятежники принесли повинную, а самъ руководитель волненія бѣжалъ въ Хиву.

Однако этимъ не кончились волненія въ степи. Еще съ 1836 года тамъ бунтовалъ извѣстный мятежникъ султанъ Кенисара Касимовъ, чередуя свои набѣги то на Оренбургскихъ, то Сибирскихъ линіяхъ. Но

мы не описываемъ его дѣйствій здѣсь потому, что они прекратились уже послѣ Перовскаго въ 1845 году, когда онъ, послѣ возведенія генераломъ Обручевымъ новыхъ укрѣпленій въ центрѣ степи, принужденъ былъ также бѣжать къ хивинцамъ, а отчасти и потому, что мятежъ Кенисары уже описанъ подробно г. Середой въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 годъ.

II.

Хива, какъ виновница всѣхъ нашихъ неустройствъ въ степи.—Ея интриги.—Рынокъ сбыта невольниковъ.—Жизнь плѣнныхъ въ Хивѣ и жестокости хивинцевъ.—Попытки къ возврату плѣнниковъ до Перовскаго.—Его распоряженіе по этому поводу.—Освобожденіе Хивой русскихъ.—Письмо Алла Кула.—Мысль о походѣ въ Хиву.

Куда ни посмотришь, всюду, при нашихъ начинаніяхъ въ степи, почти во всѣхъ дѣлахъ, намъ препятствовала и натравляла на насъ киргизовъ — Хива. Она была главной виновницей всѣхъ нашихъ неурядицъ въ степи, она была покровительницей грабежей киргизскихъ шаекъ и защитницей ихъ отъ кары русскаго правосудія. Въ Хивѣ былъ главный рынокъ невольничества, куда киргизы сбывали плѣнниковъ. Хива распоряжалась ордынцами, какъ своими подданными, облагая ихъ податями и сбирая съ нихъ зякетъ [1]). По рѣкѣ Хобдѣ частенько появлялись хивинскіе сборщики податей, которые уговаривали народъ не платить русскимъ кибиточный сборъ, а отдавать его хивинскому хану. Особенно много этихъ сборщиковъ появилось въ ордѣ за послѣднее время, такъ что для усмиренія кочевниковъ въ 1836 году пришлось посылать въ степь двухсотенный отрядъ оренбургскихъ казаковъ подъ начальствомъ Падурова. Наконецъ, хивинцы самовольно, безъ всякихъ обоюдныхъ договоровъ, требовали, чтобы всѣ наши торговые караваны, направляющіеся въ Среднюю Азію, куда бы ни шли, непремѣнно проходили бы, хотя окольнымъ и неудобнымъ путемъ, но чрезъ ихъ владѣнія, дабы взимать съ нихъ пошлину, доведенную ими до крайности. Въ 1833 году дерзость ихъ дошла до того, что въ Оренбургъ былъ присланъ хивинскій зякетчикъ [2]) для объявленія русскимъ и бухарскимъ купцамъ, что, если ихъ караваны не пойдутъ чрезъ Хиву, то будутъ неминуемо ограблены. Между тѣмъ сами хивинцы невозбранно торговали въ Россіи, и ихъ караваны ежегодно приходили и уходили съ Оренбургской линіи безъ всякаго притѣсненія.

[1]) Пошлина, денежная повинность.
[2]) Сборщикъ податей.

Но всего обиднѣе было для каждаго русскаго человѣка то, что эта незначительная страна держала въ заточеніи и неволѣ около 2-хъ тысячъ нашихъ отцовъ и матерей, сестеръ и братьевъ [1]), и мы ничего не могли сдѣлать, чтобы возвратить этихъ плѣнниковъ, которые открыто продавались въ Хивѣ, на базарѣ. Самъ ханъ и его знатные сановники не брезгали покупать, держать у себя и продавать рабовъ и наживаться на ихъ счетъ, такъ какъ цѣны на русскихъ плѣнныхъ стояли громадныя. За одного русскаго невольника среднихъ лѣтъ, способнаго къ работѣ, платили до 300 рублей, тогда какъ плѣнные персіяне ходили за полцѣны.

Несчастные влачили тамъ самое жалкое существованіе. Ихъ день и ночь, полураздѣтыми, чуть не голодными, морили на работѣ, истязали, мучили. При малѣйшей провинности били нещадно. За побѣгъ же, въ первый разъ, отрѣзывали уши и носъ, а чтобы плѣнникъ не убѣжалъ вновь, подрѣзывали ему подошвы ногъ и насыпали туда мелко нарубленнаго конскаго волоса, отчего, при нестерпимой боли, трудно было становиться на ступню. При вторичной же попыткѣ къ бѣгству, виновныхъ сажали на колъ или живыми зарывали въ землю. Въ дѣлахъ архивныхъ объ одномъ подобномъ случаѣ вотъ какъ разсказывается.

Жилъ въ полону у хивинскаго диванъ-беги [2]) Бекніяза крестьянинъ Астраханской губерніи Егоръ Щукинъ [3]). Человѣкъ онъ былъ со смекалкой, честный и добросовѣстный, притомъ зналъ грамоту. Бекніязъ, замѣтя въ немъ эти достоинства, полюбилъ его и, съ позволенія хана, далъ ему въ тамошнемъ караванъ-сараѣ доходное мѣсто надсмотрщика, вполнѣ въ него ввѣрившись. И Щукинъ дѣйствительно, хотя сильно наживался, но былъ истинно преданъ своему хозяину. Хивинцамъ, конечно, не нравилось такое отношеніе диванъ-беги къ нечестивому урусу, и правовѣрные рѣшили погубить его.

Когда въ 1836 году въ Оренбургъ отправились изъ Хивы купеческіе караваны, Щукинъ съ однимъ изъ караванъ-башей [4]) отправилъ къ своимъ роднымъ письмо. Но надо же было случиться такъ, что начальникъ Оренбургскаго края генералъ-адъютантъ Перовскій, желая во что бы то ни стало понудить Хиву къ возврату русскихъ плѣнниковъ, приказалъ задержать этихъ хивинцевъ. Тѣ написали объ этомъ хану и жаловались въ письмѣ, что Щукинъ, подалъ-де на имя русскаго государя прошеніе, гдѣ, описавъ тягостное положеніе плѣнниковъ, просилъ о вы-

---

[1]) Г. Захарьинъ въ своей статьѣ («Русск. Арх.» 1894, IV, 522) показываетъ только 500 плѣнныхъ русскихъ въ Хивѣ, что̀ очень мало.

[2]) Первый министръ.

[3]) Настоящій разсказъ взятъ изъ показанія крестьянина Бушуева, бывшаго въ хивинскомъ плѣну и воротившагося потомъ на родину въ числѣ прочихъ плѣнныхъ въ 1839 году (см. Дѣло Оренбургск. центр. арх., № 625)

[4]) Начальникъ каравана.

ручкѣ изъ хивинскаго плѣна какъ себя, такъ и другихъ русскихъ, и по тому-де его прошенію и было сдѣлано распоряженіе о задержаніи хивинскихъ торговцевъ въ Оренбургѣ.

Получивъ такую грустную вѣсть, Алла-Кулъ призвалъ Щукина къ себѣ и допрашивалъ его. Но плѣнникъ, будучи совершенно неповиненъ въ возводимомъ на него обвиненіи, не признался хану и разсказалъ какъ было дѣло, т. е. что только къ женѣ и роднымъ онъ писалъ письма. Ханъ, казалось, повѣрилъ этому и отпустилъ его. Но черезъ нѣсколько дней, по распоряженію диванъ-беги, его отправили въ городъ Ургенчъ къ тамошнему беку Ишніязу Маметь-ніязову.—Это «было въ третье воскресенье послѣ Пасхи» 1838 года. Ишніязъ продержалъ Щукина у себя еще три дня: понедѣльникъ, вторникъ и среду, а въ четвергъ рано утромъ, въ сопровожденіи четырехъ хивинцевъ, вывезъ его за городъ и приказалъ рыть яму. Щукинъ исполнилъ это приказаніе.

— Ну, теперь молись и ложись въ нее,—сказалъ тогда ему Ишніязъ,—тебя приказано зарыть живымъ—такова воля хана.

Щукинъ Богу помолился, но лечь въ яму отказался, такъ какъ не чувствовалъ за собой никакой вины.

Видя такое упорство, Ишніязъ разсвирѣпѣлъ и, выхвативъ изъ ноженъ свою кривую саблю, сталъ бить Щукина по шеѣ. Двое другихъ хивинцевъ накинули на него веревку и потащили къ ямѣ. Несчастный долго отбивался, но, наконецъ, обезсиленный, былъ стащенъ въ яму и заживо закиданъ землей.

Такъ гибли въ неволѣ наши братья, и мы ничѣмъ не могли помочь имъ. Всѣ средства для возвращенія изъ Хивы плѣнныхъ русскихъ заключались лишь въ томъ, что правительство ежегодно отпускало въ распоряженіе Оренбургской пограничной коммиссіи около 3.000 руб. золотомъ, и на деньги эти начальство, время отъ времени, или черезъ своихъ особыхъ курьеровъ, или при посредничествѣ туземныхъ купцовъ, выкупало нѣсколько человѣкъ изъ неволи. В. А. Перовскій первый нашелъ и этотъ расходъ совершенно непроизводительнымъ и, сообразивши съ обстоятельствами дѣла, рѣшилъ держаться съ азіатами точно такой же политики, какой они держались по отношенію къ намъ, т. е. захватами и силой. Когда въ 1836 году на пограничную линію нашу вышло изъ Хивы до 500 купеческихъ каравановъ съ азіатскими товарами на сумму свыше $1^1/_2$ милліоновъ рублей, В. А. тотчасъ же приказалъ задержать ихъ и до тѣхъ поръ не выпускать изъ границъ Россіи, пока хивинскій ханъ не освободитъ русскихъ плѣнныхъ. Хивинцы не ожидали такого распоряженія, и въ силу необходимости, получивъ такой суровый ультиматумъ, Алла-Кулъ поспѣшилъ исполнить требованіе русскаго правительства. Въ слѣдующемъ же 1837 году, въ первый разъ со

дня существованія Хоарезма (такъ по-хивински называется городъ Хива), 25 человѣкъ русскихъ плѣнниковъ были освобождены.

Плѣнники прибыли въ Оренбургъ 18-го ноября съ бухарскимъ караваномъ, къ которому примкнули по пути. Навстрѣчу имъ за Мѣновой дворъ, въ 2—3 верстахъ отъ Оренбурга, вышелъ почти весь городъ. Духовенство встрѣтило ихъ съ крестами, хоругвями и евангеліемъ, окропило возвращенныхъ православной паствѣ, несчастныхъ сыновъ св. водой и отслужило благодарственный Господу Богу молебенъ.

—Нельзя было безъ слезъ и умиленія смотрѣть на эту праздничную толпу,—говоритъ очевидецъ,—съ лицами, выражавшими любовь къ своимъ братьямъ и чувство братскаго участія. Глядя на крестъ и аналой и горящія предъ нимъ среди обширной необъятной степи свѣчи, на земляковъ нашихъ въ азіатской одеждѣ, колѣнопреклоненныхъ предъ крестомъ,—нельзя было не пожалѣть, что не было здѣсь художника, который могъ бы передать потомству этихъ рыдающихъ предъ св. Евангеліемъ выходцевъ съ того свѣта, эту несмѣтную толпу съ лицами, на коихъ выражалось участіе и радость, любовь и состраданіе. Все это мы видѣли, но видѣли во снѣ, въ минутной живой картинѣ [1]).

Въ числѣ плѣнниковъ былъ одинъ старикъ, который не молился передъ Распятіемъ 55 лѣтъ, потому что 55 лѣтъ былъ въ неволѣ... Слишкомъ полвѣка прошло, и вотъ первая горячая молитва была за царя и за родину святую, которую еще разъ пришлось видѣть ему. Возможно ли послѣ того описать радость какъ этого почтеннаго старца, такъ и остальныхъ несчастныхъ братьевъ нашихъ? Они смѣялись и плакали въ одно и то же время.

Тутъ же подъ открытымъ небомъ, въ особо устроенной кибиткѣ, послѣ молебствія, купечество угостило прибывшихъ земляковъ своихъ обѣдомъ, къ которому трехъ хилыхъ старцевъ принесли на рукахъ. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, могъ еще ходить на своихъ ногахъ, подпираясь клюкой, хотя ему было 120 лѣтъ.

Такимъ образомъ хивинское правительство выслало намъ тѣхъ плѣнниковъ, которые и имъ были не нужны,—все люди старые, не менѣе 30—40 лѣтъ прожившіе въ плѣну, и настолько дряхлые отъ тяжести лѣтъ и отъ чрезмѣрныхъ работъ въ продолженіе долгихъ годовъ неволи, что, конечно, не могли принести никакой пользы своимъ хозяевамъ. Хива, надо думать, не только бы по принужденію, но добровольно и съ радостью отпустила ихъ, чтобы избавиться отъ лишней обузы, въ надеждѣ, однако, умилостивить тѣмъ требовательнаго начальника Оренбургскаго края,—не освободитъ ли онъ, послѣ такой посылки, ихъ

---

[1]) См. въ дѣлѣ № 625, стр. 138,—записку правителя канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора Глѣбова.

*

торговцевъ. Но В. А. былъ не изъ такихъ, чтобы легко поддаться на удочку и слишкомъ твердъ въ своихъ стремленіяхъ. За присланныхъ плѣнныхъ онъ освободилъ только пятерыхъ хивинскихъ купцовъ, а остальные по-прежнему остались на линіи. Видя, что дѣло плохо, что Перовскій не шутитъ съ ними, хивинцы въ слѣдующемъ году прислали еще пять плѣнниковъ, а въ 1839 году—разомъ 80 человѣкъ.

Послѣдніе плѣнные прибыли въ Оренбургъ 16-го августа и также были встрѣчены горожанами съ почестью и радушіемъ. Самъ начальникъ края угостилъ ихъ обѣдомъ у себя въ саду. Это было 22-го августа, въ день священнаго коронованія ихъ императорскихъ величествъ. Обѣдъ давался въ той самой колоннадѣ, которая была построена сначала за Мѣновымъ дворомъ въ степи для праздника, даннаго въ честь пріѣзда въ Оренбургъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ іюнѣ 1837 года, и впослѣдствіи перенесена въ губернаторскій садъ [1]). Передъ обѣдомъ соборный протоіерей о. Стефанъ сказалъ нѣсколько простыхъ, но задушевныхъ словъ, прочелъ молитву, и плѣнники сѣли за столъ, въ первый разъ, послѣ рабства, перекрестившись на русской землѣ; когда же имъ налили по стакану вина, они встали и, при звукахъ «Боже, царя храни», со слезами радости на глазахъ, громко крикнули «ура!» и выпили за здравіе царя и всего царствующаго дома.

Во время обѣда весь генералитетъ, офицеры и множество жителей ходили между рядами дорогихъ гостей и разспрашивали то одного, то другаго о ихъ житьѣ-бытьѣ въ плѣну. Отъ избытка чувствъ, многіе изъ нихъ плакали навзрыдъ, молясь вслухъ за здравіе обожаемаго монарха. Они забыли о недавно пережитыхъ невзгодахъ и тяжелыхъ дняхъ и жили только настоящимъ, безъ злобы и ненависти разсказывая своимъ братьямъ о лютыхъ тиранствахъ въ плѣну, прощая обиды врагамъ.

— Знать такъ на роду намъ написано,—заключали они свою грустную повѣсть.—Согрѣшили мы передъ Создателемъ!..

Послѣ обѣда плѣнники были хорошо одарены присутствующими. Одно мѣстное купечество роздало по три рубля серебромъ на каждаго. Потомъ они были надѣлены всѣмъ необходимымъ на дорогу и отправлены въ мѣста ихъ жительства.

До Оренбурга плѣнниковъ провожали двое хивинскихъ посланцевъ Сеитъ-Меметъ-ніязовъ и Ижбай Бабаевъ, которые, въ особо устроенномъ ящикѣ, привезли съ собой запечатанное письмо на имя государя, въ которомъ Алла-Кулъ въ самыхъ утонченныхъ азіатскихъ выраженіяхъ, дѣлая намекъ на строгое распоряженіе нашего начальства, просилъ объ освобожденіи хивинскихъ купцовъ, ибо-де «освобожденіе ихъ зависѣло отъ высылки русскихъ плѣнниковъ, а оные уже нѣсколько разъ были отсылаемы въ Россію».

[1]) Теперь архіерейскій садъ.

Исполняя желаніе хана, В. А. переслалъ это письмо (въ переводѣ и подлинникѣ) министру иностранныхъ дѣлъ графу К. В. Нессельроде, написавъ ему и отъ себя нѣсколько строкъ, что «содержаніе письма ханскаго по обыкновенію ничтожно и заключается въ одномъ только напыщенномъ пустословіи. Замѣчательно въ письмѣ этомъ только одно: собственное признаніе хана Алла-Кула, что онъ получаетъ отъ хищниковъ морскихъ свою условленную долю. Признаніе это сдѣлано, безъ сомнѣнія, только по глупости, потому что въ немъ не было никакой надобности; но тѣмъ не менѣе оно довольно важно. По всему видно, что отряды, выдвинутые нынѣ довольно далеко въ степь, возбудили опасеніе хана [1]), и что онъ снова пытается кончить дѣло присылкою 80 человѣкъ, какъ прежде думалъ отдѣлаться присылкою 25-ти».

При такихъ обстоятельствахъ, объявивъ присланнымъ съ письмомъ хивинцамъ, что они, на основаніи прежнихъ объявленій, не могутъ быть признаны ханскими послами, В. А. далъ имъ еще «письменное объявленіе, не относящееся ни къ какому лицу, гдѣ въ общихъ чертахъ повторено все то, что было говорено хивинскому хану уже столько разъ прежде».

Между тѣмъ возвратившіеся плѣнники единогласно увѣряли, что одинъ изъ этихъ, такъ называемыхъ, «посланцевъ», въ самый день выхода изъ Хивы, пріобрѣлъ отъ хищниковъ нѣсколько человѣкъ русскихъ и оставилъ ихъ у себя для работы. Въ виду этого Перовскій задержалъ и этого посла, а другаго «съ объявленіемъ» отпустилъ обратно.

Безстыдство и дерзость хивинцевъ были тѣмъ болѣе удивительны, что, въ теченіе 1839 года, послѣ двухъ лѣтъ спокойствія въ степи, они захватили, по крайней мѣрѣ, вдвое больше промышленниковъ съ Каспійскаго моря, чѣмъ выслали плѣнниковъ, изъ коихъ 37 человѣкъ были взяты въ плѣнъ въ томъ же году, и лишь 43 чел. въ прежніе годы.

Вотъ эта-то дерзость хивинцевъ и была той «сильно повліявшей на пылкаго В. А. причиной», что онъ теперь настойчивѣе сталъ хлопотать о походѣ въ Хиву, о чемъ мечталъ и хлопоталъ раньше,—а не тотъ сомнительный разсказъ, записанный г. Захарьинымъ [2]), о похищеніи какой-то вдовы казачьяго офицера киргизами въ 1825 году (?) «какъ разъ наканунѣ пріѣзда въ Оренбургъ Александра I, когда она, за неимѣніемъ помѣщенія въ городѣ расположилась на ночлегъ «на этомъ (значитъ, правомъ) берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится въ настоящее время архіерейскій садъ», и что государь былъ глубоко огорченъ этимъ, приказавъ взять дѣтей (почему-то незахваченныхъ кир-

[1]) Изъ показанія же крестьянина Бушуева (дѣло № 265, лист. 70) видно, что до отправленія 80 человѣкъ плѣнныхъ изъ Хивы «слуховъ о выступленіи съ Оренбургской линіи войскъ еще не было».

[2]) «Русск. Арх.» 1891, IV, 522.

гизами) на особое попеченіе, а вдову во что бы то ни стало выкупить отъ хивинцевъ.

Пользуясь случаемъ, смѣемъ завѣрить автора «Хивинскаго похода», что это не вѣрно, во-первыхъ, потому, что императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ Оренбургъ въ сентябрѣ 1824 года [1]), а во-вторыхъ, что нынѣшній архіерейскій (бывшій губернаторскій) садъ отстоялъ отъ «берега» Урала по меньшей мѣрѣ версты на двѣ, и подобное похищеніе не могло состояться еще и потому, что, во время пребыванія здѣсь его величества, начальникъ края, генералъ-адъютантъ Эссенъ, жилъ окруженный постояннымъ карауломъ въ загородномъ домѣ, именно, «какъ разъ на мѣстѣ архіерейскаго сада», уступивъ свою квартиру на Николаевской улицѣ подъ временное пребываніе императора и его свиты. Къ тому же къ пріѣзду царя, въ Оренбургѣ и окрестностяхъ было сосредоточено до 5 тысячъ войска, преимущественно конницы, которая на это время располагалась бивуакомъ между Оренбургомъ и Маячной горой, всего въ какихъ-нибудь 100—200 шагахъ отъ архіерейскаго сада, и войска эти, помимо кордонной стражи, держали кругомъ города, въ теченіе этого времени, день и ночь усиленные разъѣзды. Такимъ образомъ, трудно повѣрить, чтобы въ описываемое время могъ случиться приведенный г. Захарьинымъ случай. Можетъ быть что-либо подобное и было когда-нибудь, но только не въ этотъ разъ, и поэтому случай этотъ, происшедшій къ тому же за 12 лѣтъ ранѣе, не могъ нисколько повліять на энергію и настойчивое ходатайство Перовскаго о походѣ въ Хиву.

III.

Нѣкоторыя причины неудачи первыхъ замысловъ Перовскаго о походѣ.—Баронесса Р—ъ.—Жизнь ея въ Оренбургѣ.—Сынъ Алексѣй.—Ссора изъ-за него и жалоба государю.—Поѣздка Перовскаго въ Петербургъ.—Царскій судъ.—Послѣдствія его, какъ причина неженитьбы В. А—ча.—Судьба сына.—Возвращеніе въ Оренбургъ.—Верхомъ отъ стан. Татищевой до города.—Карета Перовскаго съ лакеемъ.—Встрѣча ея оренбургскими властями.—Оригинальная покупка лошади.

Еще въ 1833—34 гг. Перовскій думалъ о хивинскомъ походѣ, но на первыхъ порахъ ходатайство его не увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ, отчасти вслѣдствіе того, что какъ въ военныхъ, такъ и придворныхъ сферамъ не сочувствовали его идеѣ: указывали на трудность перехода

[1]) См. нашу ст. «Императоръ Александръ I въ Оренбургскомъ краѣ» («Истор. Вѣст.» 1891, IX, 709—719).

по безводнымъ степямъ, вспоминали трагическую участь отряда князя Бековича-Черкаскаго, но особенно выставляли на видъ большія денежныя затраты, которыя врядъ-ли могли чѣмъ-либо окупиться; отчасти же вслѣдствіе одного очень щекотливаго дѣла интимнаго свойства, которое, кажется, всего больше повліяло на интриги враговъ Перовскаго, коихъ было у него много.

Какъ извѣстно, В. А. не былъ женатъ, а между тѣмъ имѣлъ сына. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Оренбургъ, В. А. поселился въ домѣ мурзы полковника Тимашева [1]). Черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и больше, вдругъ, нежданно, негаданно для его приближенныхъ въ Оренбургъ пріѣхала молодая, красивая и богатая особа и остановилась прямо у В. А — ча. Кто такая была она, долгое время объ этомъ никто не зналъ, всѣ думали, или сестра, или какая-нибудь родственница Перовскому; но потомъ, какъ и всегда, черезъ лакеевъ, все объяснилось. Особа эта была извѣстная аристократка, жена заслуженнаго генерала при дворѣ, баронесса Р—ъ.

Должно быть, женщина эта очень сильно любила В. А—ча, что покинула веселый Петербургъ, оставила своего дряхлаго подагрика-мужа и имѣла столько смѣлости, чтобы пріѣхать въ Оренбургъ.

Черезъ нѣсколько времени баронесса поселилась въ загородномъ домѣ губернатора, а Перовскій остался на своей квартирѣ и время отъ времени навѣщалъ ее. Годъ ихъ дружбы протекъ быстро, какъ одинъ день. А на другой годъ у баронессы родился сынъ, котораго назвали Алексѣемъ. Радости ея не было конца. Но въ одно «очень печальное» время, когда ея не было дома, В. А. явился къ ней, взялъ ребенка и увезъ къ себѣ. Пріѣхала мать, нѣтъ сына. Начались разспросы: какъ? что? зачѣмъ?.. «Генералъ взялъ, а для чего—не знаемъ, отвѣчали лакеи» Баронесса старалась успокоить себя, что В. А. пошутилъ или просто захотѣлъ позабавиться ребенкомъ, побаловать его. Но проходитъ день, два, три... Перовскій самъ не ѣдетъ и ребенка не присылаетъ къ ней. Дѣло плохо!.. Мать, какъ и всякая мать, убита горемъ: это былъ ея первенецъ. Собралась она и поѣхала къ В. А—чу.

— Гдѣ Алеша?—былъ первый вопросъ ея.

— У меня!—отвѣчалъ Перовскій.

— Зачѣмъ ты его взялъ?

— Потому что онъ мой! я буду его воспитывать...

— Ты? побойся Бога! на что онъ будетъ годенъ тогда!

— На что?! Я сдѣлаю его воиномъ. А у васъ.. Ни за что не отдамъ

---

[1]) Домъ этотъ, на Николаевской (большой) улицѣ, нынѣ принадлежитъ купцу Ладыгину.

моего сына,—въ заключеніе крикнулъ онъ, сильно подчеркнувъ послѣднія слова.

Мать разрыдалась, просила, молила сжалиться надъ ней, отдать ей сына, но все было напрасно: Перовскій былъ непоколебимъ.

Дальше-больше. Произошла крупная размолвка.

— Я государю буду жаловаться,—сказала баронесса.

— Жалуйся... и ко мнѣ не приходи!..

В. А. вышелъ изъ кабинета и приказалъ лакею «проводить барыню».

Баронесса сдержала слово и въ тотъ же день, собравшись наскоро, полетѣла въ Петербургъ, гдѣ, имѣя свободный доступъ ко двору, явилась прямо къ императору и обо всемъ разсказала ему. Государь вскипѣлъ гнѣвомъ на своего любимца, и въ Оренбургъ тотчасъ же былъ посланъ курьеръ съ требованіемъ, чтобы Перовскій прибылъ въ Петербургъ.

Перовскій поморщился, получивъ такой строгій наказъ, но собрался и поѣхалъ въ столицу. И вотъ тамъ въ царской аудіенціи, при которой присутствовала и баронесса, какъ разсказываютъ старожилы, произошелъ приблизительно такой интересный разговоръ:

— Ты что надѣлалъ тамъ?—спросилъ государь, когда онъ входилъ къ нему въ кабинетъ.

— Ничего!—не сморгнувъ глазомъ, отвѣтилъ Перовскій.

— Гдѣ сынъ баронессы?

— У меня!

— Зачѣмъ ты его взялъ?

— Онъ—мой, государь, и я буду его воспитывать.

— Воспитывать? сумасшедшій! такого же изъ него сорванца сдѣлаешь какъ и ты самъ!.. Отдай матери!..

— Никогда!.. Пусть будетъ онъ сорванецъ, но я его воспитаю! Хоть казни меня, а ребенка не отдамъ.

— Безшабашный! Гдѣ же тебѣ съ нимъ возиться? Отдай!..

— Сказалъ: не отдамъ. Лучше я зарублю его, пусть не достается ни мнѣ, ни ей.

— Я ничего не требую отъ него, ваше величество,—со слезами на глазахъ, начала мать.—Пусть онъ воспитываетъ сына, но только бы, какъ хочетъ мой мужъ, Алексѣй носилъ фамилію бароновъ Р—ъ.

— Ни за что! Сынъ мой и фамилія моя... не уступлю,—отвѣчалъ Перовскій.—Я готовъ, что хотите сдѣлать,—говорилъ онъ.—Послѣднюю копѣйку буду употреблять на воспитаніе сына, но отдать его? Никому—никогда!

— Наконецъ, всемилостивѣйшій государь,—продолжала баронесса,—Онъ можетъ жениться. А та... мачиха, какая же она будетъ мать моему

сыну? Можетъ ли она заботиться и болѣть о немъ такъ, какъ я стану заботиться?—И бѣдная мать горько зарыдала.

— Я никогда не женюсь!—угрюмо отвѣтилъ Перовскій, и его черствое сердце какъ бы размякло; глаза увлажились слезой.

Такимъ образомъ, исполняя слово, В. А. на вѣки остался холостякомъ.

Тѣмъ дѣло уладилось. Баронессѣ предоставлено было право время отъ времени навѣщать своего сына, но не иначе, какъ въ Оренбургѣ, или гдѣ будетъ жить Перовскій; ребенокъ же, съ высочайшаго соизволенія, получилъ фамилію отца, но безъ правъ дворянства.

Впослѣдствіи опасенія баронессы (до которыхъ она не дожила и вскорѣ послѣ этого случая скончалась) оправдались. Сынъ Алексѣй, подъ руководствомъ своего батюшки, вышелъ такимъ же отчаяннымъ сорви-головой, какимъ былъ отецъ его.

Когда въ пятидесятыхъ годахъ В. А. вторично управлялъ Оренбургскимъ краемъ, онъ уже былъ взрослымъ юношей и учился гдѣ-то, но не доучился и за какую-то продѣлку былъ исключенъ и сосланъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ въ первой же стычкѣ съ горцами получилъ св. Георгія 4-й степени. И по этому случаю отецъ его задалъ пиръ на весь Оренбургъ.

— Молодецъ! весь въ меня! Полюбуйтесь, какъ отличился,—восторженно говорилъ онъ о сынѣ окружающимъ, чуть не въ сотый разъ читая имъ приказъ объ его награжденіи.

Вскорѣ Алексѣй за отличіе же былъ произведенъ въ офицеры, что́ еще больше порадовало старика-отца. Но потомъ, какъ-то разъ, напившись до чортиковъ, онъ зарубилъ шашкой денщика своего. Дѣло дошло до государя.

— Какъ поступить съ твоимъ сорванцомъ?—обратился тогда Николай Павловичъ къ Перовскому.

— Какъ съ солдатомъ!—отвѣтилъ В. А.

Алексѣя снова разжаловали въ рядовые и сослали къ отцу на «исправленіе». Но онъ и тамъ не исправился, несмотря на то, что отецъ обращался съ нимъ очень сурово, и Алексѣй на всю жизнь остался шалопаемъ, кутилой въ высшей степени и озорникомъ, какихъ мало. Разсказываютъ, что стоитъ онъ, бывало, у окна и заряженный пистолетъ въ рукахъ держитъ. Кто ни пройдетъ по улицѣ,—знакомый, незнакомый ли,—всѣхъ сзываетъ къ себѣ.

— Эй, тамъ, такой-сякой (по имени или фамиліи, а тѣмъ болѣе по чину—никого не называлъ) иди сюда. Не пойдешь,—застрѣлю!

И шли всѣ, какъ невольники, по принужденію. А на столѣ у него закуска, водка и вина разныя стоятъ.

— Садись и пей, что хочешь! Мнѣ скучно!

— Не пью.

— Что? Не пьешь!? Пей, а то застрѣлю!—и подноситъ дуло пистолета къ носу.

Дѣлать было нечего, и въ силу необходимости пили. Не отпускалъ онъ отъ себя ни одного посѣтителя, чтобы не напоить его въ лоскъ, а потомъ какую-нибудь штуку съ нимъ выкинетъ.

Однажды былъ такой случай. Ѣдетъ онъ на кровномъ англійскомъ скакунѣ (рублей 500 стоилъ) по Николаевской улицѣ (главная въ Оренбургѣ). Лошадь вдругъ чего-то испугалась и «заартачилась». Онъ ей шпоры въ бокъ. Она назадъ пятится, вертитъ головой и ни съ мѣста. Соскочилъ съ сѣдла, выхватилъ свою острую кавказскую шашку, цапъ! и зарубилъ непослушное животное.

Всѣхъ его продѣлокъ и перечесть невозможно. И все ему съ рукъ сходило даже послѣ того, когда отецъ уѣхалъ изъ Оренбурга. На него никакіе резоны не дѣйствовали. Напротивъ, когда его о чемъ-нибудь просили усиленно, онъ еще хуже дѣлалъ. Хотя потомъ его женили на дѣвицѣ Р—ной, служившей до того классной дамой въ Николаевскомъ институтѣ, дѣвушкѣ умной и образованной, но онъ былъ неисправимъ. По-прежнему пилъ и дебоширилъ. А какъ тиранилъ и мучилъ жену, что́ она только перенесла отъ него—это одному Богу извѣстно. Въ концѣ концовъ онъ окончилъ жизнь очень загадочно. Легъ съ вечера въ постель совершенно здоровымъ, а на утро его нашли уже похолодѣвшимъ.

Послѣ скандальнаго случая съ баронессой, Перовскій поторопился выѣхать изъ Петербурга, дабы не видѣть насмѣшливыхъ взглядовъ придворныхъ, успѣвшихъ уже узнать о цѣли его пріѣзда.

Въ Оренбургѣ также успѣли прослышать объ этомъ, и тамъ стоустая молва на разные лады объяснила его отсутствіе, положительно утверждая, что онъ больше сюда не вернется. Кто радовался, кто печалился, а Перовскій тѣмъ временемъ, суровый и угрюмый, приближался къ Оренбургу, но неизвѣстно, провѣдалъ ли онъ объ этихъ сплетняхъ, или просто у него явилась дикая фантазія, только вдругъ, не доѣзжая до города 60 верстъ, въ станицѣ Татищевой, онъ вздумалъ остальную часть дороги проѣхать не въ каретѣ, а верхомъ.

Потребовавъ къ себѣ станичнаго атамана и предварительно приказавъ ему послать въ Оренбургъ эстафету съ извѣстіемъ о его скоромъ прибытіи, онъ велѣлъ отыскать ему самую лучшую «строевую лошадь».

Надо сказать однако, что въ это время была самая страдняя рабочая пора—сѣнокосъ; всѣ жители Татищевской станицы были въ полѣ и вмѣстѣ съ лошадьми. Атаманъ станицы съ ногъ сбился, отыскивая Перовскому подходящаго коня. Гдѣ найти? Всѣ лошади въ станицѣ на

перечетъ, а плохаго коня подвести корпусному командиру—Боже упаси,—запоретъ. Казаки это знали по опыту: не разъ собственноручная тяжеловѣсная нагайка Перовскаго свистала по ихъ спинамъ. Наконецъ, нашелся добрый человѣкъ, выручилъ атамана. То былъ семидесятилѣтній испытанный и прошедшій огонь и воду самарецъ, потомокъ прежняго лихаго Волжскаго войска [1]).

— Не тужи, братъ,—сказалъ онъ атаману.—Вонъ бери мово сѣрка, сѣдлай, да вёди!

— Что ты, дѣдушка,—всполошился атаманъ.—Нѣшто можно твою лошадь подъ Перовскаго подводить: ему надо большую, рослую, аргамака, а твоя—сморчекъ вѣдь.

— Веди, бають тебѣ, веди! Ужь я знаю ёво. Моимъ сѣркомъ будетъ доволенъ.

Дѣлать нечего: пришлось и сѣрка-сморчка подвести корпусному командиру.

— Что ты? Кого привелъ? Мышь? Смѣяться надо мной что ли вздумалъ?—кричалъ Перовскій.

Атаманъ станицы былъ не изъ трусливаго десятка.

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—во!—храбро отвѣтилъ онъ.—Это самая «первѣющая» лошадь у насъ въ станицѣ.

Перовскій пересталъ браниться, снова пристально посмотрѣлъ на коня, обошелъ его со всѣхъ сторонъ.

— А гдѣ хозяинъ?

— Я здѣсь, в. пр—во!—выскочилъ впередъ самарецъ.

В. А. грозно посмотрѣлъ на него.

— Твоя лошадь?

— Такъ точно!

— Хороша? Ручаешься за нее?

— Какъ за себя, в. пр—во.

— Выдержитъ до первой станціи?

— Хошь до города.

— Ну, смотри,—сверкнулъ В. А. глазами,—окажется плоха, не посмотрю на твои сѣдины...

— Будьте спокойны, в. пр—во.

Переодѣвшись въ статское платье, чтобы его не узнали, и приказавъ казаку, вмѣстѣ съ его каретой, пріѣхать за лошадью въ Оренбургъ, онъ вскочилъ на коня и помчался по дорогѣ къ городу.

Проскакалъ онъ на конѣ первую станцію,—20 верстъ до Рычковскаго хутора, на лошади ни потинки; проѣхалъ еще станцію (22 вер.)

---

[1]) Какъ извѣстно, для усиленія Оренбургской линіи сюда не разъ высылались на поселеніе казаки изъ гг. Самары, Уфы, Красноуфимска, Алексѣевска и друг.

до крѣпости Чернорѣченской—маленькая лошадка по-прежнему бѣжитъ бодро. Надумалъ В. А. разомъ сдѣлать и послѣднюю станцію 18 верстъ. Плохенькая лошаденка оказалась лучше большаго коня. И уже вечеромъ того же дня, не замѣтно миновавъ караулы и вмѣсто Чернорѣченскихъ воротъ въѣхавъ въ ворота только еще строившихся Николаевскихъ казармъ, онъ явился на свою квартиру, строго-на-строго приказавъ прислугѣ никому не говорить о его пріѣздѣ. Лошадь же передалъ конюху и велѣлъ беречь ее пуще праваго глаза.

Межь тѣмъ въ Оренбургѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ его пріѣзда день, ждутъ другой - все нѣтъ Перовскаго. Начальство теряется въ догадкахъ о причинахъ подобнаго замедленія, вѣдь 60 верстъ не Богъ знаетъ какое разстояніе, проѣхать самый большій срокъ 6—7 часовъ. «Ужь не случилось ли что-нибудь съ нимъ? Не захватили бы коимъ грѣхомъ киргизы? Вотъ гдѣ бѣда-то будетъ!»

На всѣхъ дорогахъ были разставлены махальные. Всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ у крѣпостныхъ воротъ таинственно допрашивали—не видали ли Перовскаго. Само начальство день и ночь дежурило въ парадной формѣ. Наконецъ, на третій день подъ вечеръ вдали по Чернорѣченской дорогѣ показалась его карета, почему-то медленно подвигавшаяся къ городу. Махальные полетѣли съ извѣщеніями, караулы засуетились, мѣстныя власти стремглавъ понеслись за городъ встрѣчать его. Но каково же было удивленіе ихъ, когда, вмѣсто ожидаемаго Перовскаго, тамъ сидѣлъ его лакей.

— А гдѣ же корпусный командиръ?

— Да онъ ужь три дня, какъ въ городѣ.

У начальствующихъ разомъ вытянулись лица; но разговаривать было некогда. Всѣ повернули назадъ и поскакали на его квартиру, гдѣ Перовскій спокойно изъ своего кабинета (на балконѣ) смотрѣлъ въ зрительную трубу на бѣшеную суету своихъ подчиненныхъ и отъ души хохоталъ, что такъ ловко съумѣлъ обмануть ихъ.

Когда власти явились, онъ вышелъ къ нимъ улыбающійся; но едва только успѣлъ поздороваться съ ними, какъ адъютантъ доложилъ, что какой-то казакъ изъ Татищевой станицы пріѣхалъ по личному приказанію его превосходительства.

— Ну-съ, извините, господа! —сказалъ гостямъ Перовскій.—Дольше бесѣдовать съ вами не могу.—Повернулся и ушелъ въ кабинетъ.

Немного погодя, туда ввели и казака. В. А. лежалъ въ это время на диванѣ и курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ. Около него на столѣ было уложено стопочками нѣсколько червонцевъ.

— Здорово, старина,—ласково встрѣтилъ онъ вошедшаго.

— Здравія желаю, в. пр—во!—вытянулся казакъ.

— Спасибо тебѣ за лошадь; только извини, братъ, я ее заморилъ, совсѣмъ загналъ.

— Что-жъ, в. пр—во, на то воля Божія,—поклонился старикъ.

— Сколько она тебѣ стоитъ?

— И-и, в. пр—во,—какія ужь тутъ деньги, кони лошадь пала. Сколько соблаговолитъ ваша милость.

— Ну, не ври, а толкомъ говори! Не даромъ же она тебѣ досталась.

— Знамо, такъ,—сказалъ старикъ,—смекнувъ, что тутъ можно попользоваться.

— Лошадь-то эта не моя, ваше пр—во, а сыновнина... Нонѣ сыну моему въ отрядъ [1]) итить, такъ я ее у сибирскаго барышника за шесть красныхъ ассигнаціями купилъ.

— Ну, вотъ, давно бы такъ! Возьми на столѣ!

Казакъ подошелъ къ столу, глаза его разгорѣлись—все золотые, да все новенькіе; быстро подставилъ онъ шапку и давай сгребать.

— Стой, стой, дуракъ!—вскочилъ В. А.—Что ты какъ гребешь... Пересчитай! деньги счетъ любятъ, а то послѣ скажешь, что Перовскій тебя обсчиталъ.

У казака затряслись и руки, и ноги. Самъ не помнитъ, какъ онъ сосчиталъ деньги и насчиталъ больше того, что ему слѣдовало.

— Вѣрно, что ли?

— Такъ точно, в. пр—во.

— Ну, иди съ Богомъ. Не поминай меня лихомъ. Да не забудь на конюшнѣ сѣдло свое захватить.

Старикъ ни живъ, ни мертвъ вышелъ изъ кабинета.—«Вотъ гдѣ,—думаетъ онъ,—счастье привалило». Въ полученныхъ имъ отъ Перовскаго деньгахъ было не «шесть красныхъ на ассигнаціи», а ровно 600 руб. серебромъ.

Зайдя на конюшню, онъ все таки «полюбопытствовалъ» узнать, что же такое «приключилось съ его сѣркомъ».

— Жива, здоровехонька,—указалъ ему конюхъ;—вонъ, смотри подъ ковровой попоной стоитъ; чать, ей такого житья и во снѣ не снилось.

— Ну, дай Богъ ей,—перекрестился старикъ,—а мнѣ перепала «малая толика»,—будетъ чѣмъ теперь за сына наемщика нанять и свое хозяйствишко справить.

И, взваливъ на спину сѣдло, тихонько побрелъ домой...

П. Юдинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Такъ въ простонародьи назывались командировки въ степь на поискъ за киргизами и въ помощь султанамъ-правителямъ.

Письмо Николая Ушакова—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1-го ноября 1840 г., Варшава.

Мнѣ весьма пріятно было бы исполнить вашу просьбу и сколь можно скорѣе возвратить рукопись [1]) вашего превосходительства; но замедленія совершенно отъ меня не зависятъ. Со всею искренностью долженъ сказать вамъ, что написанная вами біографія подверглась значительнымъ измѣненіямъ и, можно сказать, передѣлана почти отъ первой строчки до послѣдней, съ добавленіемъ весьма многихъ, любопытныхъ обстоятельствъ, которыя не могли быть вамъ извѣстны. За всѣмъ тѣмъ фельдмаршалъ еще не окончательно утвердилъ рукопись, и на прошлой недѣлѣ началось, кажется, послѣднее чтеніе, которое не знаю, какъ долго продолжится и, вѣроятно, повлечетъ за собою новыя исправленія. Однимъ словомъ, его свѣтлость предположилъ отправить къ вамъ двѣ біографіи: одну, написанную вами и неодобренную, а другую, составленную здѣсь, по собственнымъ указаніямъ свѣтлѣйшаго князя. Я бы полагалъ за лучшее, чтобы вы сами изволили обратиться къ его свѣтлости съ представленіемъ, что возвращеніе рукописи крайне для васъ важно. Что касается до меня, то, по моей обязанности, я не могу повторять этого часто, особенно будучи свидѣтелемъ обширныхъ и многосложныхъ занятій фельдмаршала по дѣламъ службы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть и проч.

Письмо Николая Ушакова—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

1 февраля 1841 г., Варшава.

Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ! По обѣщанію моему, посылаю вашему превосходительству въ возможной скорости пять тетрадей біографіи свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, съ № 10-го по 16-й и сверхъ того, особо, описаніе Елисаветопольскаго дѣла, исправленное по указанію генералъ-фельдмаршала, согласно оффиціальной реляціи; остальныя три или четыре тетради біографіи еще требуютъ пересмотра и будутъ возвращены вашему превосходительству не прежде, какъ черезъ мѣсяцъ, по совершенномъ одобреніи его свѣтлости. О желаніи вашемъ сказать въ примѣчаніи, что біографія исправлена мною и дополнена многими любопытными свѣдѣніями, сообщенными самимъ генералъ-фельдмаршаломъ, я имѣлъ честь докладывать свѣтлѣйшему князю; но его свѣтлость не изволилъ на то согласиться и проситъ васъ покорнѣйше не только не говорить сего о немъ, но даже не упоминать и моего имени. Рукопись же въ нынѣшнемъ видѣ совершенно одобряетъ для напечатанія. Въ заключеніе позвольте попросить, собственно для себя, снисхожденія въ медленности, впрочемъ, какъ вы знаете, не совсѣмъ отъ меня зависѣвшей.

Мнѣ очень пріятно увѣрить васъ при этомъ случаѣ въ искреннемъ почтеніи, съ которымъ имѣетъ честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

---

[1]) Біографію кн. Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго.

Московскій купецъ конца 17 вѣка.

(По отзывамъ иностранца-современника).

(Историко-библіографическая замѣтка).

Занимаясь прошлымъ лѣтомъ въ библіотекѣ Британскаго музея вопросами по торговымъ музеямъ и инымъ экспортнымъ учрежденіямъ, я встрѣтилъ въ его богатыхъ каталогахъ имя одного нѣмецкаго писателя начала прошлаго вѣка — Марпергера, — автора множества весьма любопытныхъ сочиненій по торговлѣ и промышленности: онъ написалъ книги (приводимъ ихъ названія въ русскомъ переводѣ) [1]) подъ заглавіемъ «Московскій купецъ» 1705 года, «Шведскій купецъ» 1706 года, «Историческій купецъ» 1708 года, «Силезскій купецъ» 1714 г. «Описаніе мѣръ и ярмарокъ» 1711 года, «Описаніе торговли волосами и кожами» 1717 года, «Описаніе банковъ» того же самаго года, «Описаніе суконнаго производства» 1721 г. и т. д. Трудолюбивый нѣмецкій изслѣдователь принадлежалъ лично, повидимому, къ купеческому классу и жилъ, вѣроятно, въ ганзейскомъ городѣ Любекѣ, гдѣ бо́льшая часть его сочиненій напечатана, а нѣкоторыя даже посвящены Любеку въ лицѣ его представителей—чиновъ городскаго магистрата (напр. второе изданіе «Московскаго купца»).

Старѣйшее по времени и наиболѣе для насъ интересное, конечно, сочиненіе составляетъ «Московскій купецъ»: это въ сущности весьма

---

[1]) P. I. Marparger's: „Moscowitischer Kaufman" das ist Ausführliche-Beschreibung der Commercien, welche in Moskau u. anderen Seiner Czaresihen Majestät Bothmässigkeit unterworfenen Reichen u. Provincien" и т. д. Lübeck. In Verlegung Peter Boekman, Buchhändler, Drucks daselbst Samuel Struck. 1705.

обстоятельное описаніе русской торговли, а вкратцѣ даже и русской географіи и исторіи, насколько она нужна купцу и для знакомства съ общими условіями страны. Авторъ обнаруживаетъ въ своей книгѣ по нѣкоторымъ вопросамъ (а именно по торговлѣ кожами) большую личную опытность, а затѣмъ крупную начитанность въ литературѣ предмета: онъ перечиталъ цѣлую кучу сочиненій и особенно путешествій по Россіи, какъ на нѣмецкомъ, такъ на французскомъ, англійскомъ и латинскомъ языкахъ, преимущественно XVII, а частію даже и XVI вѣка. Задача сочиненія—необходимость для купечества ближайшаго знакомства съ Русскимъ государствомъ въ виду возрастающаго значенія Россіи и «той выдающейся роли, какую началъ играть русскій монархъ на европейскомъ театрѣ войны». Книга, очевидно, имѣла большой для того времени успѣхъ: вся разошлась, и понадобилось второе изданіе которое и вышло въ свѣтъ уже въ 1723 году, въ значительно дополненномъ и настолько переработанномъ видѣ, что въ значительной степени его можно считать почти новымъ сочиненіемъ. Въ первомъ изданіи отъ 1705 года Марпергеръ описываетъ Россію, какою она была по свѣдѣніямъ иностранцевъ еще собственно въ XVII вѣкѣ, и лишь кратко, излагаетъ первые годы царствованія Петра Алексѣевича, кончая усмиреніемъ стрѣльцовъ и его первыми мѣрами къ сближенію съ Европою; во второмъ изданіи Петръ является уже побѣдителемъ шведовъ и великимъ монархомъ, преобразовательной дѣятельности котораго авторъ отводитъ очень много мѣста, въ ущербъ часто интересамъ спеціальнаго вопроса, т. е. описанія русской коммерціи, ея обычаевъ и нравовъ; здѣсь Марпергеръ, занятый восхваленіемъ и изложеніемъ Петровскихъ реформъ, не прибавляетъ ничего новаго, а частію, къ невыгодѣ содержанія, сокращаетъ данныя по торговлѣ, приведенныя въ изданіи 1705 года, и во всякомъ случаѣ загромождаетъ постороннимъ матеріаломъ, часто при томъ вовсе неинтереснымъ (въ родѣ подробнаго описанія внѣшности и надписей на медаляхъ, выбитыхъ въ честь Петровскихъ побѣдъ и пр.),—экономическія свѣдѣнія книги.

По высказаннымъ выше соображеніямъ, а также и сравнительной рѣдкости перваго изданія «Московскаго купца», тогда какъ передѣланное изданіе 1723 года имѣется въ Россіи въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и имъ уже пользовались нѣкоторое наши писатели (напр. Костомаровъ), мы обратимся къ описанію русской торговли именно по Марпергеру въ изданіи *первомъ* 1705 г., лишь по временамъ добавляя его немногими выдержками изъ новѣйшей передѣлки 1723 г. [1]).

---

[1]) Второе изданіе „Московскаго купца“ имѣется между прочимъ въ библіотекѣ Импер. Академіи Наукъ, а Импер. Публичная Библіотека, какъ я слышалъ, обладаетъ и первымъ изданіемъ.

Первое изданіе «Московскаго купца» заключаетъ въ себѣ 11 главъ, изъ коихъ, изложивши въ 1-й и 2-й главахъ краткія данныя по исторіи и географіи Россіи, авторъ переходитъ въ главѣ 3-ей къ описанію экономическаго положенія нашего отечества въ концѣ XVII вѣка, тогда какъ позднѣйшее изданіе это описаніе значительно сокращаетъ, сливая его притомъ съ первой главой. «Что такая обширная, богатая и многолюдная (??) страна, какъ Московія,—говоритъ авторъ,—должна заключать въ себѣ изобиліе всякихъ потребныхъ для человѣка товаровъ, уже можно заключить и по предшествовавшему географическому ея описанію». «Прежде всего скотъ, который доставляетъ мясо, сало, кожи сырыя, волосъ и шерсть, которые каждый годъ въ огромномъ (неисчислимомъ) количествѣ вывозятся чрезъ Нарву, Ригу, Кенигсбергъ, Архангельскъ въ Европу. Лѣса въ изобиліи доставляютъ пушной товаръ: соболи, горностаи, куницы, лисицы, медвѣди, зайцы и прочее. Между соболями замѣчается огромная разница — отъ 3 и до 100 рублей за пару, и великій князь лишь отъ вывозной пошлины съ мѣховъ выручаетъ много бочекъ съ золотомъ, не говоря о натуральныхъ сборахъ мѣхами, которыми онъ награждаетъ министровъ и разсылаетъ въ подарокъ иностраннымъ дворамъ. Далѣе лѣса доставляютъ медъ, воскъ, поташъ, смолу, строительный для судовъ матерьялъ и пр. «Рѣки на Руси, — по выраженію Марпергера, — доставляютъ неописанное множество крупной и мелкой рыбы... Кромѣ карпіи—осетровъ, семгу, тарань, сазанъ, стерледь («лакомый кусочекъ»—замѣчаетъ авторъ), бѣлугу, моржей» и пр.; при этомъ онъ довольно подробно описываетъ приготовленіе осетровой и бѣлужьей икры и пр.

Земля въ Россіи доставляетъ разнаго рода произростанія и продукты: во 1-хъ, всякіе хлѣба, прекрасные садовые плоды, особенно яблоки (изъ коихъ авторъ отмѣчаетъ сортъ «наливъ», соединяющій пріятный вкусъ и прозрачность стекла). Эти плоды замѣняютъ-де недостатокъ винограда, который въ Россіи, при 8-мѣсячномъ царствующемъ холодѣ, отъ котораго часто отмораживаютъ носы и уши (и самая земля трескается) произростать здѣсь не можетъ. «Ростъ злаковъ отличается быстротой, и посѣянное въ іюнѣ—въ августѣ уже собирается»... Далѣе слѣдуетъ краткое упоминаніе о минеральныхъ богатствахъ Россіи, отдѣлъ значительно увеличенный во второмъ изданіи, благодаря успѣхамъ горнозаводской дѣятельности Петра: онъ въ первомъ изданіи упоминаетъ только вываренную и каменную соль, «которая-де въ Уфѣ копается въ землѣ, и добывается изъ морской воды близъ Астрахани; селитра и сѣра добывается въ Сибири; желѣзо получается недалеко отъ Москвы, слюда и горный хрусталь получается изъ Уфы» и пр. При рѣкѣ Енисеѣ,—замѣчаетъ авторъ,—находятъ родъ руды, похожей на золото, какъ по цвѣту, такъ и по вѣсу,

но «по своей легкоплавкости, не можетъ выдержать огня, между тѣмъ,—добавляетъ онъ,—рудовѣды утверждаютъ, что если бы эту руду какъ слѣдуетъ обработать, то получилось бы лучшее золото... (??)».

Кромѣ пеньки и льна, русскіе отправляли за границу также и нѣкоторыя мануфактурныя произведенія, изъ коихъ Марпергеръ наиболѣе распространяется съ видомъ знатока о кожахъ и спеціально объ юфти, «въ приготовленіи которой,—замѣчаетъ онъ,—по мягкости, запаху и окраскѣ русскіе превосходятъ всѣ народы; отсюда поэтому всѣ страны Европы дѣлаютъ свои запасы этой кожи... Между юфтью различаются,—по словамъ автора,—нѣсколько сортовъ по мѣстностямъ выработки, изъ коихъ—юфть ярославская, костромская и псковская—лучшая, но нужно значительную опытность, чтобы ее различать», причемъ Марпергеръ входитъ въ техническія подробности, доказывающія близкое его знакомство съ кожевеннымъ дѣломъ, и предупреждаетъ противъ различныхъ обмановъ, при покупкѣ, очевидно, частыхъ. Кромѣ кожъ, въ первомъ изданіи своего «Московскаго купца» авторъ упоминаетъ еще о вывозѣ полотна, «которое также имѣется въ Россіи въ изобиліи». «Но Россія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше цивилизуется,—добавляетъ Марпергеръ,—сношенія ея съ другими странами ростутъ, и мало можно сомнѣваться, что она выступитъ уже скоро съ серьезными пробами шелковыхъ и шерстяныхъ товаровъ»...

За всѣми этими товарами голландцы ежегодно присылаютъ до 60 судовъ въ Архангельскъ, англичане—немного менѣе, французы, гамбургцы и бременцы присылаютъ отъ 10—20 судовъ каждый годъ; Данія также начала эту торговлю.

Ввозу товаровъ въ Россію посвящена спеціальная (4-ая) глава сочиненія подъ названіемъ: «О тѣхъ товарахъ и мануфактурахъ, которые ввозятся въ Москву изъ другихъ странъ, и какимъ товаромъ каждая страна съ нею торгуетъ и съ приложеніемъ прейсъ-куранта различнымъ товарамъ за 1704 годъ».

Въ Россію ввозились разнообразные товары: голландцы, напр., кромѣ своихъ собственныхъ произведеній, ввозили ежегодно на 60 корабляхъ много и французскихъ товаровъ; главные же предметы ихъ ввоза были: соль, вино, бумага, стекло, шелковыя и шерстяныя ткани, золотую и серебряную проволоку, свои остъ и вестъ-индскіе товары. Англичане доставляли: сукна, табакъ (котораго монополію они имѣли въ Московіи), разнаго рода мануфактуры, а также свои остъ и вестъ-индскіе товары. Любекскіе и гамбургскіе купцы:—сукна, оружіе, разные металлическіе товары, тонкое полотно, аугсбургскую серебряную посуду, миланскую, нюренбергскую и гамбургскую канитель (золотую и серебряную), зеркала, бумагу, вино, индиго, парики, много ящиковъ итальянской тафты и атласа. Французы:—соль, вино, сиропъ, шафранъ,

фрукты, бумагу, грубое (?..) сукно и въ особенности бобровъ изъ Канады, у которыхъ московиты выдергиваютъ волосъ (das Haar abzuziehen) и опять перепродаютъ англичанамъ, французамъ и голландцамъ для выдѣлки касторовыхъ шляпъ.

Изъ Индіи въ Астрахань доставляются туземцами индійскіе товары, а сами русскіе привозятъ изъ Китая шелковыя одежды, чай (Tenza), который употребляется ими, какъ лѣкарство, и другіе продукты. Калмыки осенью пригоняютъ въ Москву стада лошадей (Tabunen) и продаютъ своихъ дѣтей, почему въ Москвѣ можно встрѣтить въ числѣ прислуги много татарчатъ, купленныхъ за деньги...

За симъ въ заключеніе приложенъ прейсъ-курантъ европейскихъ товаровъ, изъ коего наглядно можно заключить, какъ дорого должны были обходиться нашимъ предкамъ услуги европейскихъ торговыхъ посредниковъ: сахаръ, напр., стоилъ за пудъ 110 рублей на тогдашнія деньги, даже мелюсъ обходился 7 рублей, свинецъ 12 рублей, мускатные орѣхи 34 рубля и т. д.

Наиважнѣйшею для насъ частію книги «Московскій купецъ» является 5-ая глава, посвященная «способамъ и обычаямъ московской торговли» («Von der Manier und Gewonheit in und nach Moskau zu handeln»). Торговля эта, какъ описываетъ Маргергеръ, производилась въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время и разными способами... Такъ, для юга и Украйны торговымъ центромъ служилъ Азовъ; для Поволжья и Каспійскаго моря—Астрахань; въ Ригу приходятъ товары по рѣкѣ Двинѣ на такъ называемыхъ «стругахъ» («Strusen»). Нарва была долго крупнымъ остъ-зейскимъ торговымъ портомъ, лишавшимъ короля шведскаго многихъ сотенъ тысячъ талеровъ пошлины; со временъ лифляндскихъ безпорядковъ, однако, значеніе Нарвы утратилось, и торговля значительно перешла въ Архангельскъ, куда обыкновенно отправляются двѣ партіи судовъ — раннія, выходящія изъ Гамбурга, Бремена и Голландіи въ апрѣлѣ и возвращающіяся въ августѣ, и позднія,—выходящія въ іюлѣ и остающіяся вплоть до октября во время ярмарки, продолжающейся сентябрь и октябрь мѣсяцы. Первыя суда имѣютъ задачею забрать товары отъ прошлогодней ярмарки, которыхъ не имѣла возможность захватить партія позднихъ судовъ и которые потому перезимовали въ Архангельскѣ.

«Способъ, по которому ведется торговля въ Московіи, слѣдующій: или она ведется исключительно на ярмаркѣ въ Архангельскѣ, не вступая дальше въ страну, или посылаютъ товары дальше въ страну вплоть до Москвы даже, но всѣ негоціанты того мнѣнія, какъ сообщаетъ Савари, что вести торговлю только въ Архангельскѣ всего выгоднѣе, потому что тѣ непріятности, которымъ подвергаются купцы, ѣдущіе дальше въ страну, а именно: неоплатные долги, которые тамъ приходится имѣть,

*

высокомѣріе, непостоянство, себялюбіе и коварство русской націи, а равно и дурное обращеніе съ иностранцами,—служатъ причиной тому, что немногіе находятъ выгоднымъ торговать внутри страны, развѣ только они принуждены къ тому, подобно голландцамъ и англичанамъ, которые, несмотря на большую практику и знаніе страны, имѣютъ однако большіе долги на русскихъ покупателяхъ»...

Торговля въ Архангельскѣ, сообщаетъ Марпергеръ, происходила большею частію путемъ мѣны товара на товаръ, причемъ часто прибавляется нѣкоторая доля деньгами. Очень часто, замѣчаетъ авторъ, то, что покупается у русскихъ, выплачивается имъ наличными деньгами, то же, что имъ продается, должно быть дано въ кредитъ, на срокъ. При мѣновой торговлѣ можетъ иногда случиться, что въ Германіи и Голландіи не получишь за русскую юфть ту цѣну, за которую она пошла въ обмѣнъ; но, добавляетъ Марпергеръ, впрочемъ, такъ какъ привезенный иностранцами въ Архангельскъ товаръ поставленъ въ цѣну высокую и на него уже нажитъ хорошій барышъ, то одно покрывается-де другимъ.

Всего лучше и выгоднѣе торговать и сбыть свой товаръ, когда имѣешь достаточно наличныхъ денегъ, чтобы имѣть возможность приплачивать за купленный у русскихъ товаръ... Дѣло въ томъ, что этотъ съѣздъ является настоящимъ рандеву для всѣхъ торгующихъ съ Московіей купцовъ въ Архангельскѣ, на которомъ въ теченіе 6 недѣль оборачиваются многіе милліоны. Кто привезетъ достаточно наличныхъ денегъ, тотъ всегда найдетъ хорошій рынокъ и лишними, конечно, деньги никогда не могутъ оказаться, ибо, что останется изъ нихъ, всегда можетъ быть отдано подъ хорошіе проценты нуждающимся въ деньгахъ; въ концѣ декабря—срокъ, на который пишется большинство векселей, выдаваемыхъ на ярмаркѣ — деньги получаются обратно черезъ банкъ въ Гамбургѣ или Амстердамѣ. При этомъ самъ товаръ, разумѣется, обходится гораздо дешевле, если имѣешь наличныя для приплаты и напротивъ—дороже, когда приходится на ярмаркѣ занимать деньги подъ большіе проценты... Наконецъ, нѣкоторые торговцы, не имѣющіе достаточнаго количества наличныхъ денегъ, берутъ обыкновенно, въ мартѣ, еще прежде поѣздки въ Архангельскъ, товаровъ или денегъ на векселъ (срокомъ до декабря), а эти векселя иногда перепродаются (т. е. учитываются) ихъ собственниками у себя же на родинѣ богатымъ и хорошо снабженнымъ наличными деньгами купцамъ за вычетомъ извѣстныхъ процентовъ. «Кромѣ того, нѣкоторые нѣмецкіе и иные товары,—поясняетъ далѣе Марпергеръ,—ввозимые въ Москву, продаются русскимъ только на наличныя деньги и, напротивъ, рѣдко вымѣниваются, какъ, напримѣръ, канадскій боберъ. Точно

такъ же, по предварительно объявленному прейсъ-куранту, слѣдуетъ смотрѣть, какіе товары продаются пудами и какіе иначе...»

Излагая всю организацію московской торговли, Марпергеръ не забываетъ, однако, практическій характеръ своей книги, какъ руководства для купцовъ, желающихъ вести торговлю съ Москвою, а потому и считаетъ нужнымъ прерывать свои описанія слѣдующими предостереженіями: «Необходимо, однако, какъ уже было упомянуто выше, быть очень осторожнымъ въ сношеніяхъ съ русскими, ибо они обнаруживаютъ въ куплѣ и продажѣ большую хитрость и ловкость...» «Мы не хотимъ, впрочемъ,—оговаривается авторъ,—согласиться съ тѣмъ, что о нихъ сообщаетъ Олеарій на страницѣ 186 третьей книги своего «Персидскаго путешествія», а именно: что они очень коварны, упрямы и безсовѣстны (??..) и часто берутъ силою то, чего не могутъ взять по праву, но несомнѣнно одно: кто хочетъ русскаго обмануть, тотъ долженъ рано встать...» Вообще, русскіе правду не чтутъ, а нѣкоторые изъ нихъ весьма легко прибѣгаютъ ко лжи (хотя большею частью не обижаются, когда имъ объ этомъ замѣтить, т. е. выразить недовѣріе), такъ какъ, будучи въ свою очередь очень подозрительны, они рѣдко другимъ даютъ вѣру, а напротивъ, даже восхваляютъ и берутъ себѣ въ образецъ того человѣка, который съумѣетъ ихъ ловко обмануть и провести».

«Такъ однажды,—поясняетъ авторъ примѣромъ,—нѣкоторые московскіе купцы, обойденные на большую сумму однимъ голландцемъ, предлагали ему вступить съ ними въ компанію, такъ какъ онъ-де мастеръ на такія штуки и съ нимъ навѣрное выгодно торговать за-одно». «Странно впрочемъ,—считаетъ онъ долгомъ добавить,—что хотя москвиты и не считаютъ обманъ за что-либо постыдное, а скорѣе за ловкій кунстштюкъ, въ то же время, однако, многіе изъ нихъ смотрятъ какъ на преступленіе не вернуть лишнія деньги, если кто-либо при денежномъ разсчетѣ ошибся и заплатилъ болѣе, нежели слѣдуетъ. Все же остальное они дѣлаютъ съ спокойной совѣстью, ибо, по ихъ мнѣнію, торговать надо съ умомъ и съ ловкостью, а иначе не нужно и соваться...»

Въ 1634 году вышелъ указъ великаго князя, что никто—даже отецъ и сынъ—не могутъ, безъ надлежащихъ документовъ съ обѣихъ сторонъ давать деньги въ займы, или отдавать что-либо подъ залогъ, ибо были случаи, что одинъ другому отдавалъ свою вещь подъ залогъ, а потомъ объявлялъ, что она у него украдена... Во избѣжаніе впредь подобныхъ случаевъ въ Архангельскѣ установленъ обычай, что когда заключается съ русскими торговля на партію товара, то тотчасъ же подъячій долженъ внести въ книгу договоръ вмѣстѣ съ условіями его,

которыя тогда получаютъ полную силу обязательства. «Всякая нація притомъ,—добавляетъ онъ,—голландцы, англичане и гамбургцы имѣютъ свою особую книгу».

Слѣдующая 6-я глава содержитъ въ себѣ описаніе русской торговли въ историческомъ отношеніи: начинается она съ торговыхъ «привилегій», данныхъ городу Любеку, родинѣ автора, царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ въ 1603 году; затѣмъ слѣдуетъ извѣстная исторія съ англійской экспедиціей Уилогби и капитана Ченслера и начало англійской торговли съ Россіей; кончается глава послѣдней привилегіей царя Петра I иностранцамъ отъ 1702 года, 16-го апрѣля (на счетъ свободы въѣзда и пр. и свободы вѣроисповѣданія). Въ новомъ изданіи книги (1723 г.) эта глава, какъ и всѣ остальныя, значительно расширена и передѣлана.

7-я глава заключаетъ описаніе русской администраціи и правосудія: по Олеарію, перечисляются всѣ «приказы», подробно передается организація и отправленіе уголовнаго правосудія (пытки, наказанія, «правежъ») и т. д. Затѣмъ въ той же главѣ передается содержаніе «ганзеатическаго устава»—статута, какъ организованъ «компанейскій дворъ» («Compagnie-Hof») ганзеатическихъ купцовъ, какъ себя долженъ вести и держать пріѣзжій нѣмецкій гость, что платить и какъ торговать. Здѣсь же подробно передаются способы торговли, виды и оцѣнка русской юфти, чѣмъ косвенно характеризуется вся тогдашняя важность русской торговли этимъ продуктомъ. Перечисляя по этому поводу вновь разнообразные сорта юфти, Марпергеръ останавливается на разныхъ деталяхъ этой торговли: такъ, самая дорогая и лучшая юфть, по его словамъ, называлась «мастерская» («Mastersky»), она стоила по нѣсколько гривенъ на пудъ дороже, чѣмъ остальная, и ея встрѣчалось въ торговлѣ сравнительно немного и т. д. Особенно тщательно авторъ предостерегаетъ противъ многочисленныхъ обмановъ въ юфтяной торговлѣ и считаетъ необходимымъ по этому поводу войти въ описаніе примѣтъ, какъ хорошую отличить отъ дурно выдѣланной или совсѣмъ поддѣльной. Очевидно фальсификація уже и въ то отдаленное время была не рѣдкостью въ русской торговлѣ, если было необходимо такъ настойчиво, какъ дѣлаетъ это Марпергеръ, предостерегать противъ нея...» Въ общей суммѣ, внушаетъ онъ, при торговлѣ (собственно покупкѣ) юфтью необходимо пользоваться помощью всѣхъ п я т и чувствъ, чтобы не впасть въ ошибку: глазъ опредѣляетъ достоинство окраски кожи, носъ—запахъ ей свойственный, «примѣта на столько вѣрная, что извѣстные знатоки по торговлѣ русской юфтью, входя въ складъ съ тюками нераспакованныхъ кожъ, по одному запаху сразу опредѣляютъ, какая юфть въ данномъ мѣстѣ хранится—костромская или псковская?... Слухъ помогаетъ опредѣлить, когда кожу берутъ въ руку, ея достоинство

по шуму, который при этомъ она издаетъ (кожа горѣлая, напр., трещитъ при сжиманіи рукой) и т. д. Осязаніе даетъ возможность узнать, насколько она мягка или жестка, что̀ опять-таки весьма важно при покупкѣ и опредѣленіи цѣнъ.. »

Глава восьмая посвящена описанію русскихъ денегъ (монетъ) и ихъ перечисленію: тутъ излагается внѣшность самихъ монетъ, ихъ вѣсъ и примѣрная стоимость въ иностранной валютѣ; кромѣ того, здѣсь же Марпергеръ знакомитъ читателей съ устройствомъ русскаго таможеннаго порядка, организаціей почты и ея особенностями (ѣзда на оленяхъ и собакахъ).

Весьма любопытно и разнообразно содержаніе главы девятой: она содержитъ прежде всего описаніе книговодства въ тогдашнихъ купеческихъ конторахъ, ведущихъ дѣло съ Москвой, и разныя полезныя свѣдѣнія, сюда относящіяся: такъ, здѣсь приводится нѣсколько образцовъ веденія такихъ торговыхъ книгъ, а также задачи и примѣрныя траты для перевода русской валюты въ иностранную и обратно. Далѣе описывается устройство «счетовъ» и способовъ ими пользоваться, манера русскихъ писать, время и исчисленіе (календарный годъ—съ 1 сентября) и разсказывается о неудовлетворительности народнаго образованія въ Россіи, и что молодой царь Петръ принимаетъ энергическія мѣры къ его поднятію, вызвалъ изъ Германіи ученыхъ и имъ поручилъ народное просвѣщеніе. Русскіе показали при этомъ большія способности («Ingenia») скоро все схватывать, и если бы при томъ обнаружили бо̀льшее прилежаніе и любознательность (къ сожалѣнію, вставляетъ авторъ, учащіеся въ Германіи россіяне этихъ качествъ не обнаруживаютъ), то дѣло пошло бы хорошо...»

Затѣмъ приводятся разныя краткія свѣдѣнія о языкѣ и письменахъ и духовной литературѣ русскихъ (особенно останавливается на Симеонѣ Полоцкомъ), о юриспруденціи (причемъ приводится въ образецъ «думный дьякъ», при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ («Canzler») Алмазъ Ивановичъ» (??...) очень-де образованный человѣкъ, знавшій хорошо языки: турецкій, персидскій, латинскій и греческій). Далѣе много толкуется о медицинѣ или, точнѣе, по поводу нея, ибо, какъ сообщается категорически, «эта наука въ Россіи мало представлена, потому что, по словамъ автора, м е ж д у р у с с к и м и б о л ѣ з н е й м а л о», «а, гдѣ много здоровыхъ,— разсуждаетъ Марпергеръ, — тамъ медицина не можетъ процвѣтать...» Поэтому изъ врачей авторомъ указывается исключительно на докторовъ-иноземцевъ, а изъ представителей наукъ, такъ, напримѣръ, гуманитарныхъ, Марпергеръ приводитъ лишь имя Алексѣя Romoenau (??...), который-де будучи весьма свѣдущъ въ математикѣ, геометріи, астрономіи и исторіи вызывалъ удивленіе-де своихъ современниковъ (ум. 1640 г.).

Въ заключеніе своей интересной книги, Марпергеръ приводитъ крат-

кій русскій словарь (на 7 страницахъ), или собраніе важнѣйшихъ русскихъ словъ, необходимыхъ для нѣмецкаго купца, торгующаго съ Москвой; тутъ же, на 4 страницѣ, приводится также и весьма любопытное въ бытовомъ отношеніи собраніе фразъ и разговоровъ по-русски, латинскими буквами, и съ нѣмецкимъ переводомъ. Фразы эти характеризуютъ какъ нравы, такъ и пріемы тогдашней торговли, несомнѣнно, мало отличающейся въ этомъ отношеніи и отъ теперешней. Приведемъ образцы:

«Какъ тебя Богъ милуетъ?» «Спасибо, я давно тебя не видалъ». «Дома ли твой братъ?» «Онъ дома и тотчасъ у тебя будетъ...» «А, здорово, дружокъ, для чего ты ко мнѣ пришелъ?» «Я хочу съ тобою торговать». «Какіе же товары у тебя»? «У меня нѣмецкіе товары.» «А у меня русскіе товары». «Станемъ мѣнять.» «Я продаю на готовыя деньги». «Что же ты хочешь за это?» «Столько-то». «Это слишкомъ дорого». «Сколько тебѣ надобно, столько ты и покупай». «Мнѣ еще не спѣшно надобно...» (?) «Ну, а сколько тебѣ нужно, столько я тебѣ и продамъ». «Нѣтъ, нельзя такъ продать: мнѣ самому дороже стоило...» «Ну, возьми деньги». «Еще ты не одумался?..» «Я уже продалъ...» (?) «А я у другаго человѣка купилъ». (Разговоры въ иномъ родѣ, когда сдѣлка, очевидно, заключена благополучно, или нѣмецъ пришелъ въ гости къ русскому): «Коликожде я въ гостяхъ на пиру былъ, на другой день вставать не могу...» «Которые часто пиршествуютъ, и часто въ убожество, въ скудость впадаютъ». «Гуляшекъ я не люблю, а ученаго человѣка на силу найдешь...» (??...) «Завтракалъ ли ты?» «Я поздно ужиналъ вчерась. Сверхъ того, я рѣдко ѣмъ прежде обѣда...» «Изволишь ли съ нами хлѣба откушать?» «Челомъ бью, дѣло у меня...» «Да обѣдъ тотчасъ будетъ готовъ; эй дѣвка, стели скатерть.» «Пожалуйста кушай, не побрезгай нашимъ кушаньемъ. Изволишь ли чарку водки?» «Водки не уважаю.» (??..) «Чѣмъ же тебя потчевать?» «Пивомъ...». «Парень, налей пива...». «Пожалуйте кругомъ». «Будь здоровъ, твое здоровье». «Челомъ бью, сначала пить за здоровье хозяина». «Какъ тебѣ покажется наше пиво?» «Хорошо». «Дай мнѣ, пожалуйста, немного отъ того гуся». «Крыло или ногу?» «Это мнѣ всѣ равно». «Наше кушанье развѣ не по вашему приготовлено?» «Я не лакомка». «Пора домой». «Я довольно ѣлъ, слава Богу». «Челомъ бью за любовь, прости...»

Это любопытное собраніе русскихъ фразъ, составляющихъ цѣлую бесѣду, знаніе которой очевидно необходимо было для иностранцевъ, торгующихъ съ москвичами XVII-го вѣка, прекрасно рисуетъ и самую картину тогдашней торговли... Какъ авторъ и раньше объяснялъ, съ русскими купцами необходимо было, во-первыхъ, торговаться, такъ какъ они любили запрашивать цѣны выше обычныхъ и спускать лишь помаленьку... («Еще ты не одумался?»)... Во-вторыхъ, съ ними нужно было хитрить,

напримѣръ, показывать видъ, что вовсе-де не нуждаешься въ данномъ товарѣ («А я у инаго человѣка купилъ...») Затѣмъ, изъ этихъ разговоровъ, знаніе коихъ было важно для всякаго нѣмца-купца, необходимо сдѣлать еще два вывода: русская торговля, хотя и была мѣновая, но уже постепенно утрачивала этотъ характеръ и часто и охотно переходила въ денежную («Я продаю на готовыя деньги...»); наконецъ, какъ правило, при развитомъ гостепріимствѣ мало культурнаго народа, торговля сопровождалась со стороны русскихъ частыми угощеніями и здоровой выпивкой: на этотъ разъ очевидно и помѣщено здѣсь нѣсколько выше приведенныхъ изреченій противъ пьянства и о рѣдкости ученыхъ людей, т. е. трезвыхъ разговоровъ .. Во второмъ изданіи Марпергера, 1723 года число этихъ фразъ на русскомъ языкѣ и словъ значительно увеличено, но, къ сожалѣнію, самъ Марпергеръ, или его корреспондентъ, собиравшій для него русскія фразы, напалъ на какого-то русскаго шутника, который въ переводѣ съ нѣмецкаго разныхъ вполнѣ невинныхъ фразъ помѣстилъ русскую грубую брань и разныя неприличія, которыя, навѣрное, доставили немало огорченій и непріятныхъ сюрпризовъ бѣднымъ нѣмцамъ, пытавшимся пускать ихъ въ ходъ при встрѣчѣ съ русскими.

Академ. **Ив. Янжулъ**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ концѣ 1895 и въ началѣ 1896 года.

Поповъ, М. Г. Матеріалы для исторіи патріарха Московскаго Питирима. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Зерцаловъ, А. Н. 1587 г. февр. 24 д. Грамота боярина и конюшаго Б. Ѳ. Годунова въ Кокшенской станъ выборнымъ судьямъ объ отводѣ порожжихъ земель и лѣсу къ монастырю святителю Николая на Маркуши.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Свящ. **Кузнецовъ**, Иванъ. О построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. (Новыя лѣтописныя данныя).—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Русановъ, И. Ѳ. О мощахъ св. Василія Мангазейскаго. Отношеніе Амвросія, митрополита Новгородскаго къ министру внутреннихъ дѣлъ (отъ 15 мая 1803 г.).—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Б., С. Наставленіе XVII в. библіотекарю.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Миловидовъ, А. Синодикъ благочестивыхъ князей гор. Слуцка.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Миловидовъ, А. И. Къ исторіи западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Патріаршая грамота на учрежденіе Минскаго Петропавловскаго братства въ 1620 г.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Бѣляевъ, И. С. Приступъ турокъ подъ Очаковъ въ 1737 г.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Голубинскій, Е. Е. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами — Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Письма Павла-Іосифа Шафарика къ О. М. Бодянскому (1838—1857 г.). Съ приложеніемъ писемъ П. І. Шафарика къ В. И. Григоровичу (1852—1856 г.). Приготовлены къ изданію П. А. **Лавровымъ** и М. Н. Сперанскимъ.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

О „неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ" новгородскаго митрополита Кипріана (1627—1633 г.). Съ предисловіемъ дѣйств. чл. А. Н. **Зерцалова**.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896, кн. I.

Зерцаловъ, А. Н. Къ исторіи мятежа 1648 г. въ Москвѣ и др. городахъ.—Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс 1896. кн. I.

Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности А. А. **Зиссермана**.—„Русскій Архивъ", 1896, № 3.

Свящ. **Владимірскій**, Ѳ. О протоіереѣ М. Ѳ. Раевскомъ.—„Русскій Архивъ", 1896, № 3.

Письмо графа Е. Е. **Комаровскаго** къ И. В. Кирѣевскому (1852). —„Русскій Архивъ", 1893, № 3.

Письмо **Гоголя** къ русскому путешественнику.—„Русскій Архивъ", 1896, № 3.

Изъ бумагъ В. А. **Жуковскаго**. I—III.—„Русск. Архивъ", 1896. № 3.

Барсуковъ, Н. П. О первомъ изданіи Лаврентьевскаго списка Несторовой Лѣтописи.—„Русскій Архивъ", 1896, № 3.

Изъ депешей барона Баранта 1836 и 1837 г.—„Русскій Архивъ", 1896, № 3.

Голубовъ, П. И. Записки петербургскаго чиновника стараго времени.—„Русскій Архивъ", 1896 №, 3.

Письмо императора Николая Павловича къ сыну его великому князю Николаю Николаевичу. 1838.—„Русск. Архивъ", 1896, № 3.

Мартыновъ, А. А. Московскіе колокола (продолж.).—„Русскій Архивъ, 1896, № 3.

Изъ писемъ А. О. **Россета** къ А. О.

Смирновой. (1846 — 1864). — „Русскій Архивъ“, 1896, № 3.

Къ жизнеописанію князя А. А. Шаховскаго (изъ его автобіографіи). А. А. Ярцова.—„Русскій Аркивъ“, 1896, № 3.

Свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ. (Изъ воспоминаній о немъ его духовника), протоіерея І. І. Базарова. — „Русскій Архивъ“, 1896, № 3.

Письмо графа Н. П. Шереметева къ графу П. А. Палену (передъ кончиною императора Павла Петровича).—„Русскій Архивъ“, 1896, № 3.

Рескриптъ Екатерины Великой сенатору Маврину по поводу злоупотребленій въ Вятскомъ намѣстничествѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. П. Барсукова.—„Русск. Архивъ“, 1896, № 3.

И., Г. А. Артистъ-народникъ (И. Ѳ. Горбуновъ).—„Историч. Вѣстн.“, 1896, февр.

А., Д. И. М. И. Семевскій въ его воспоминаніяхъ.—„Историч. Вѣстн.“, 1896, февр.

Бороздинъ, А. К. Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія.—„Историч. Вѣстн.“, 1896, февр.

Фаресовъ, А. И. Современные литературные дѣятели. Александръ Константиновичъ Шеллеръ,—„Историч. Вѣстн.“, 1896, февр.

Тюменевъ, И. Ф. Отъ Ржева до Углича. IV—V. (продолж.). — „Историч. Вѣстн.“, 1896, февр.

Чеховъ, А. Наводненіе въ Петербургѣ 2 ноября 1895 г.—„Истор. Вѣстн.“, 1896, февр.

Послѣдніе дни жизни императора Александра І. Письма Ѳ. Р. Мартоса.—„Историч. Вѣстн.“, 1896, февр.

Афанасьевъ, Н. И. Николай Алексѣевичъ Осокинъ.—«Историч. Вѣстн.», 1896, февр.

Проф. **Шмурло**, Е. Востокъ и Западъ въ русской исторіи.—„Учен. Записки Имп. Юрьев. Унив.“, 1895, № 3.

Назаровъ, Е. И. Выпись съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ 1627—1630 г. на владѣніе Елецкаго Троицкаго монастыря.—„Труды Орловской Учен. Архивн. Комм.“, 1895, вып. 2.

Назаровъ, Е. И. Разбойникъ Засоринъ.—„Труды Орловской Учен. Архивн. Комм.“, 1895, вып. 2.

Назаровъ, Е. И. Копія съ указа Орловской духовной консисторіи 24 марта 1824 г. о возстановленіи бывшаго въ г. Ельцѣ Знаменскаго дѣвичьяго монастыря. „Труды Орлов. Архивн. Учен. Комм.“, 1895, вып. 2.

Назаровъ, Е. И. Табель повинностей, отправляемыхъ по г. Ельцу на 1817 г.—„Труды Орлов. Учен. Архивн. Комм.“, 1895. вып. 2,

Назаровъ, Е. И. Извлеченіе изъ бумагъ, принадлежащихъ елецкому старожилу И. В. Никитину. — „Труды Орлов. Учен. Архивн. Комм.“, 1895, вып. 2.

Назаровъ, Е. И. Записки старожила Ивана Ивановича Исаева о г. Ельцѣ.—„Труды Орлов. Учен. Архивн. Комм.“, 1895, вып. 2.

Богдановъ, И. А. Поэтическое эхо и сѣвскіе семинаристы въ періодъ Отечественной войны. — „Труды Орлов. Учен. Арх. Комм.“, 1895, вып. 2.

Свящ. **Ливанскій**, Илія. Архимандритъ Макарій Глухаревъ. — „Труды Орлов Учен. Архивн. Комм.“, 1895, вып. 2.

Свящ. **Ливанскій**, Илія. Блаженной памяти архимандрита Макарія. Стихотвореніе. — „Труды Орлов. Учен. Архивн. Комм.“, 1895, вып. 2.

Кирѣенко, Г. К. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1795 г. (Продолженіе). — „Извѣст. Таврич. Учен. Архив Комм.“, № 23.

Ивановъ, П. А. Очеркъ дѣятельности на югѣ Россіи адмирала графа Н. С. Мордвинова. — „Извѣстія Таврич. Учен. Архив. Комм.“, № 23.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія (продолж.). —«Извѣстія Таврич. Учен. Архивн. Комм.», № 23.

Сборникъ документовъ по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія.—«Извѣстія Таврич. Учен. Архивн. Комм.», № 23.

Маркевичъ. Арсеній. Къ исторіи Ханскаго Бахчисарайскаго дворца. — «Извѣстія Таврич. Учен. Архивн. Комм.», № 23.

Яхонтовъ, С. Д. Рѣчь въ десятилѣтіе Коммиссіи. 12 іюня 1894 г.—«Труды Рязан. Учен. Архивн. Комм.» 1895, т. X, вып. 2.

Яхонтовъ, С. Д. Рязанскія древности въ архіерейскомъ домѣ.—«Труды Рязан. Учен. Архивн. Комм. 1895, т. X, вып. 2.

Повалишинъ, А. Д. Рязанская губернія въ половинѣ XIX столѣтія. — «Труды Рязан. Учен. Архивн. Комм.» 1895, т. X, вып. 2.

Холмогоровъ, В. И. Переславль Рязанскій въ 1690 году. «Труды Рязан. Учен. Архивн. Комм.» 1895, т. X, вып. 2.

Бранденбургъ, П. Укрѣпленія Переславля Рязанскаго въ 1651 году. —

«Труды Рязан. Учен. Арх. Комм.» 1895, т. X. вып. 2.

Черепнинъ, А. И. Мѣстная старина. Борковской могильникъ (продолж.).—«Труды Рязан. Учен. Архивн. Комм.» 1895, т. X, вып. 2.

Некрологи: 1) Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ. 2) Иванъ Николаевичъ Кушнеревъ. — «Русск. Мысль», 1896, февр.

Цебрикова, М. К. Беллетристъ-народникъ (Собраніе сочиненій П. Засодимскаго).—«Русская Мысль», 1896, февр.

Даневскій, В. П. По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства (продолж.). «Русск. Мысль», 1896, февр.

Семевскій, В. И. Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній. — «Русская Мысль», 1896, февр.

Изъ литературной переписки К. Д. Кавелина.—«Русск. Мысль» 1896, февр.

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Отрывки изъ воспоминаній. Н. Ч. 2) Письма къ К. А. Губастову К. Н. **Леонтьева**.—„Русск. Обозр." 1896, февр.

Проф. **Покровскій**, П. М. Памяти Я. И. Вейнберга. Личныя воспоминанія.—„Русск. Обозр." 1896, февр.

Проф. **Алексѣевъ**, А. С. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I. Гл. II—III.—„Русск. Обозр." 1896, февр.

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. **Павла Алеппскаго**. (Переводъ съ арабской рукописи. проф. Г. А. Муркоса).—„Русск. Обозр." 1896, февр.

Корниловъ, И. П. Князь Адамъ Чарторыйскій. — „Русск. Обозр." 1896, февр.

Кн. **Шаховской**, Н. В. Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, какъ иниціаторъ церковно-приходской школы.—„Русск. Обозр." 1896, февр.

Мои воспоминанія. (Изъ посмертныхъ бумагъ). А. Н. **Муравьева**. Съ портретомъ автора. Примѣчанія А. А. **Третьякова**. —„Русск. Обозр." 1896, февр.

Проф. **Щегловъ**, В. Государственный Совѣтъ въ Россіи, Т. II, вып. I.—„Временн. Демид. Юридическаго Лицея". I—VIII, кн. 66-я и 67-я.

Проф. **Смирновъ**, А. И. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьбы комедіи его „Горе отъ ума".—Актовая рѣчь. „Варшавск. Унив. Извѣстія", 1895, VI.

Данилевичъ, В. Е. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV ст.—„Кіевскія Унив. Извѣстія", 1896, № 1.

Лобода, А. М. Русскій богатырскій эпосъ въ отношеніи историко-литературномъ.—„Кіевскія Унив. Извѣстія" 1896, № 1.

Соловьевъ, Вс. С. Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева. Московскій университетъ, славянофилы и западники въ сороковыхъ годахъ.—„Русск. Вѣстн." 1896, февр.

Тихоновъ, Т. И. Декабристы въ Западной Сибири. I—XIV. — „Русскій Вѣстн." 1896, февр.

Кизеветтеръ, А. А. Основная тенденція древне-русскаго домостроя.—„Русское Богатство", 1896, № 1.

Дружининъ. Н. П. Наши государственные крестьяне (18 янв. 1866).—„Наблюдатель", 1896, февр.

Участникъ. Оборона Шипки. Боевая служба и жизнь артиллеріи на Шипкѣ. (Оконч.) „Военн. Сборникъ", 1896, № 2.

Гершельманъ, Сергѣй. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ (статья 13-ая). „Военн. Сборникъ", 1896, № 2.

Марковъ, М. Дѣйствія русской конницы въ Закавказьи въ Турецкую войну 1877—78 г. Съ планами. (Статья вторая).—„Военн. Сборн.", 1896, № 2.

Изъ дневника Вонна Андреевича Римскаго-Корсакова (продолж.). Ѳ. **Р.-К.** „Морской Сборникъ", 1896, февр.

Историческіе матеріалы изъ Спб. Сенатскаго Архива. 1) О посѣщеніи Государемъ Имп. Николаемъ Павловичемъ Прав. Сената 10 авг. 1827 г. 2) Исторія постройки Сенатскаго и Синодскаго зданій. Сообщилъ А. В. **Безродный**.—„Журн. М Юстиціи", 1896, февр.

Письма преосвящ. Ѳеофана-затворника.—„Душеполезное Чтеніе", 1896, февр.

Хитровъ, В. И. Добрый страдалецъ за землю русскую (продолж.).—„Душеполезное Чтеніе", 1896, февр.

Кодратовъ, А. По святымъ обителямъ и богоспасаемымъ градамъ (продолж.). „Душеполезное Чтеніе", 1896, февр.

Письма въ Бозѣ почившаго высокопр. Іосифа, архіеп. воронежскаго къ преосвящ. Іустину, бывшему епископу тобольскому, нынѣ рязанскому.—„Душеполезное Чтеніе", 1896, февр.

Письма и резолюціи **Филарета**, митрополита московскаго. Сообщилъ архим. Григорій. — „Душеполезное Чтеніе", 1896, февр.

Плотниковъ, К. Игнатій архіеп. олон. и его соч. о перстосложеніи для крестнаго знаменія. — „Братское Слово", 1896, № 1.

Паисія Лигарида, опроверженіе челобитной попа Никиты.—„Братское Слово“, 1895. №№ 19—20.—Приложеніе.

Свящ. **Марковъ**, С. Петръ Ермилычъ Русановъ. „Братское Слово“, 1895, №№ 19—20.

Ѳеофиловъ, Н. Св. Димитрій Ростовскій, какъ дѣятель противъ раскола (оконч.). — „Братское Слово“, 1895, №№ 19—20.

Въ память объ о. архимандритѣ Павлѣ (оконч.). — „Братское Слово“, 1895, №№ 19—20.

Письма преосв. Ѳеофана, бывшаго еписк. тамбовскаго къ архимандриту Петру.—Сообщ. Ѳ. Титовъ.—„Странникъ“ 1895, дек.

Ежовъ, А. О церковно-религіозномъ образованіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи. — (Продолж.). — «Странникъ», 1895, декабрь, 1896 г., янв.

Сергій, архіеп. владимірскій. Мѣсто рожденія государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича.—«Странникъ», 1895, декабрь.

Письма Антонина, начальника рус. миссіи въ Іерусалимѣ къ преосвящ. Макарію, митрополиту московскому. Сообщилъ Н. Булгаковъ. — «Странникъ», 1896, янв.

Пятидесятилѣтіе «Бѣдныхъ людей».—«Книжки Недѣли», 1896, февр.

Стасовъ, В. В. Воспоминаніе о моей сестрѣ. — (Продолж.).—«Книжки Недѣли», 1896, февр.

Чайковскій, М. Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго.—«Сѣверн. Вѣстн.», 1896, февр.

Тучкова - Огарева, Н. Воспоминанія объ А. И. Герценѣ.—«Сѣверн. Вѣстн.», 1896, февр.

Проф. **Исаевъ**, А. А. О развитіи народнаго хозяйства. — (Продолж.). — «Сѣверн. Вѣстн.», 1896, февр.

Энгельгардтъ, Н. Буковскій интеллигентный поселокъ — (Оконч.).—«Новое Слово», 1896, янв., № 4.

Брикнеръ, А. Паденіе Бирона (по новымъ даннымъ изъ разныхъ архив.).—«Новое Слово», 1896, янв., № 4.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина (ихъ переписка). — «Новое Слово», 1896, янв., № 4.

Сиповскій, В. Загадочный писатель (И. А. Крыловъ). — «Образованіе», 1896, № 2.

Виреніусъ, А. Воспоминанія о докторѣ Е. А. Покровскомъ.— «Образованіе», 1896, № 2, I отдѣлъ.

Семеновъ, Д. Д. Памяти К. Д. Ушинскаго. — «Образованіе», 1896, № 2, I отдѣлъ.

М. Н. Ермолова.—«Нива», 1896, № 6.

Баскинъ, В. А. Н. Сѣровъ.—«Нива», 1896, № 6.

Н. А. Маевъ. Некрологъ.—«Нива», 1896, № 5.

В. С. Сумароковъ. Некрологъ.—«Нива», 1896, № 5.

Дома трудолюбія.—«Нива», 1896, № 5.

Пыпинъ, А. Н. Послѣ Гоголя.—«Вѣстн. Европы», 1896, февр.

Кони, А. Ѳ. Дмитрій Александровичъ Ровинскій. — (Окончъ.). — «Вѣстн. Европы», 1896, февр.

Брикнеръ, А. Русскій дворъ при Петрѣ II. — (Продолж.). — «Вѣстн. Европы», 1896, февр.

Памяти К. Д. Ушинскаго.—«Русск. Начальн. Учитель», 1896, янв.

Гинцбургъ, С. М. Забытая эпоха. Историко-культурные очерки.—«Восходъ», 1896, янв.

Проф. **Бершадскій**, С. А. Первые ешиботы въ Польшѣ, утвержденные государственной властью. Историч. очеркъ.—«Восходъ», 1896, янв.

Изъ воспоминаній г. Вл. **Зотова** о Сѣровѣ. — «Русск. Музык. Газета», 1896, февр.

Рубинштейнъ, А. Г. Русскіе композиторы (перев. И. Корзухина) — «Русск. Музык. Газета», 1896, февр.

Новые матеріалы для біографіи А. С. Даргомыжскаго. 3 письма Даргомыжскаго къ его сестрамъ (1858).—«Русск. Музык. Газета», 1896, февр.

Некрологи. 1) Людвигъ Эммануиловичъ **Гойеръ**, дирижеръ оперы Пермскаго театра. 2) Художникъ Михаилъ Осиповичъ **Микѣшинъ**. 3) Артистка Дарья Михайловна **Леонова**.—«Русск. Музык. Газета», 1896, февр.

Изъ дипломатическихъ воспоминаній о Россіи.—«Вѣстн. Иностр. Литер.». 1896, февр.

Соколова, М. М. Значеніе К. Д. Ушинскаго для нашей народной школы.—«Русск. Школа», 1896, № 1.

Автобіографія Николая Ивановича Пирогова.—«Русск. Школа». 1896, № 1.

Дополненіе къ страничкѣ изъ исторіи Пермской духовной семинаріи.—«Памятная книжка для духовенства Пермской епархіи на 1896 г.», отдѣлъ II.

Священникъ Иполитъ Ѳеодоровичъ Словцовъ.—«Памятная книжка для духовенства Пермской епархіи на 1856 г.», отдѣлъ II.

Протоіерей Іоаннъ Петровичъ Любимовъ.—«Памятная книжка для духовенства Пермской епархіи на 1896 г.», отдѣлъ II.

Протоіерей Александръ Матвѣевичъ Луканинъ.—«Памятная книжка для духовенства Пермской епархіи на 1896 г.», отдѣлъ II.

Памяти архимандрита Іеронима (Лаговскаго) — «Памятная книжка для духовенства Пермской епархіи на 1896 г.», отдѣлъ II.

Святый праведный Симеонъ, Верхотурскій чудотворецъ. — «Памятная книжка для духовенства Пермской епархіи на 1896 г.».

Исторія села Юсьвы и его прихода.—«Памятная книжка для духовенства Пермской епархіи на 1896 г.».

Жизнеописаніе св. Стефана, епископа Пермскаго.—«Памятная книжка для духовенства Пермской епархіи на 1896 г.».

Ярцевъ, А. А. Князь Александръ Александровичъ Шаховской. (Опытъ біографіи). Главы I—IX. — «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1894—1895. Приложенія. Кн. 2 я.

Ивановъ, М. М. Прошлое Итальянскаго театра въ Петербургѣ въ XIX вѣкѣ. Второе десятилѣтіе.—«Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1894—1895. Приложенія. Кн. 2-я.

Коропчевскій, Д. А. Провъ Михайловичъ Садовскій. Изъ «Воспоминаній о Московскомъ театрѣ». —«Ежегодн. Имп. Театровъ». Сезонъ 1894—1895 г. Приложенія. Кн. 2-я.

Щепкинъ о Рашели. Статья академика Л. Н. **Майкова**. Съ приложеніемъ писемъ М. С. Щепкина къ П. В. Анненкову.—«Ежегодн. Имп. Театр.». Сезонъ 1894—1895 г. Приложенія. Кн. 2-я.

Титовъ, Ѳ. И. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ (продолж.)—„Труды Кіев. Духов. Академ.“ 1895, окт.

Петровъ, Н. Кіевская академія во второй половинѣ XVII вѣка (продол.) —«Труды Кіев. Духов. Акад. 1895, окт.

Свящ. **Стеллецкій**, Н. Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г. (продолж.) «Вѣра и Разумъ», 1895, № 19, окт. кн. I, № 21, ноябрь кн. I.

Протопоповъ, Н. Очерки по исторіи древне-русской письменности «Вѣра и Разумъ», 1896, № 1, янв. кн. I.

Свящ. **Стеллецкій**, Н. Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году (окончаніе). «Вѣра и Разумъ», 1895, № 23, декабрь, кн. I.

Іонинъ, А. А. Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири XVII в.—«Извѣстія Вост.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общ.», т. XXVI, № 1, 2, 3.

Бестужевъ-Рюминъ. К. Н. Н. Н. Страховъ (некрологъ).—«Ж. М. Н. Просв.» 1896, февр.

Леонтовичъ, Ѳ. И. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ.—«Ж. М. Н. Просв.» 1896, февр.

Заозерскій, Н. А. Изъ академической жизни.—«Богослов. Вѣст.» 1895, окт.

Письма преосвящ. **Ѳеофана**-Затворника къ М. Д.—«Душеполез. Чтеніе», 1896, янв.

Прот. **Гурьевъ**, В. В. Изъ воспоминаній полковаго священника.—«Душеполезн. Чтеніе», 1896, янв.

Письма въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго **Іосифа**, архіеп. воронежскаго къ преосвященному Іустину, бывшему епископу тобольскому, нынѣ рязанскому. «Душеполезное Чтеніе», 1896, янв.

Избранныя мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отца **Амвросія**. Сообщено изъ Оптиной Пустыни Е. В. «Душеполезное Чтеніе», 1896, янв.

Проф. **Голубинскій**, Д. Ѳ. Макарій, основатель Альтайской миссіи, по бумагамъ Ѳ. А. Голубинскаго.—«Душеполезное Чтеніе», 1896. янв.

Письма и резолюціи Филарета митрополита московскаго. Сообщилъ Архим. **Григорій**.—«Душеполезное Чтеніе», 1896, янв.

Ко дню кончины святителя Ѳеофана.—«Душеполезное Чтеніе», 1896, янв.

Древняя Русь въ великіе дни (6 янв.) —«Душеполезное Чтеніе», 1896. янв.

Письма Н. И. Ильминскаго къ Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву. — «Правосл. Собес.», 1896, янв. и февр.

О. Василій Тимоѳеевичъ Тимоѳеевъ (некрологъ).—«Правосл. Собес.», 1896, янв.

Кулаковскій, Юліанъ Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма.—«Археол. Извѣстія и Замѣтки», 1896, № 1

А. О домахъ трудолюбія.—«Дѣятель», 1896, № 2.

Посадскій, Я. Профессоръ Н. А. Осокинъ «Дѣятель», 1896, № 2.

С. К. Д. Ушинскій. 1824—1870.—«Дѣятель», 1896, № 2.

Титовъ, Ѳ. И. О сущности русскаго сектантства и причинахъ происхожденія его. «Миссіонерск. Обозрѣніе», 1896, янв.

Поповъ, С. Г. Ректоръ Москов. духовной академіи протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій (опытъ біографич. очерка).—«Богослов. Вѣстникъ», 1896, янв.

Біографія Н. Я. **Шведовой**, «Наша обществ. и промышл. жизнь». Иллюстриров. календарь-альманахъ на 1896 г. Варшава.

Старина Н. Новгорода. «Наша обществ и промышл. жизнь». Иллюстр. календарь-альман. на 1896 г. Варшава.

Ректоръ императ. Варш. универ. проф. П. И. **Ковалевскій**. (Биограф. очеркъ) «Наша обществ. и промышл. жизнь». Иллюстр. календарь-альман. на 1896 г. Варшава.

Попечитель Варшав. учеб. окр. тайный сов. А. Л. **Апухтинъ**. (Биограф. очеркъ). «Наша обществ. и промышл. жизнь». Иллюстр. календарь-альман. на 1896 г. Варшава.

Изъ прошлаго народнаго просвѣщенія въ Привисл. краѣ.—«Наша обществ. и промышл. жизнь». Иллюстр. календарь-альманахъ на 1896 г. Варшава.

Высокопреосв. **Флавіанъ**, архіепископъ холмскій и варшавскій (Біографич. очеркъ).—«Наша обществ. и промышл. жизнь».—Иллюстр. календарь-альманахъ на 1896 г. Варшава.

Архипастырская дѣятельность Высокопреосв. **Флавіана**, архіепископа холмскаго и варшавскаго.—«Наша обществ. и промышл. жизнь», Календарь-альманахъ на 1896 г. Варшава.

80-лѣтіе русской печати въ Привисл. краѣ.—„Наша обществ. и промышл. жизнь". Календарь-альман. на 1896 г. Варшава.

Забужная Русь.—«Наша обществ. и промышл. жизнь».—Иллюстр. календарь-альманахъ на 1896 г. Варшава.

Тереховъ, М. Лодзь.—«Наша обществ. и промышл. жизнь». Иллюстр. календарь-альман. на 1896 г. Варшава.

Варшава (Ея прошлое и настоящее).—„Наша обществ. и промышл. жизнь." Илюстр. календарь-альман. на 1896 г. Варшава.

Коронованіе русскихъ царей.—„Наша обществ. и промышл. жизнь". Иллюстр. календарь-альман. на 1896 г. Варшава.

Итоги минувшаго.—„Наша обществен. промышл. жизнь".—Иллюстр. календарь-альман. на 1896 г. Варшава.

Старина Варшавы.—„Варшав. календарь" на 1896 годъ.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій (некрологъ).—„Варшав. календарь" на 1896 годъ.

Русское дѣло на Вислѣ.—„Варшавскій календарь" на 1896 годъ.

Варшавскій генералъ-губернаторъ, графъ П. А. Шуваловъ.—„Варшав. календарь» на 1896 годъ.

Памяти Царя-Миротворца.—«Варш. календарь» на 1896 годъ.

Павловъ, Н. М. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ.—Москва, 1896. I.

Жизнь и научная дѣятельность Василія Григорьевича Имшенецкаго. (Изъ «Матем. Сборн.», т. XVIII). Москва, 1896.

Архіеп. **Сергій**. Препод. Михаилъ Малеинъ и трехсотлѣтіе рожденія царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича. - Вязники, 1896.

Денисовъ, Леонидъ. Жизнь, избранныя мысли, письма и стихотворенія Георгія, Затворника Задонскаго Богородицкаго монастыря. — Москва, 1896.

Краткій очеркъ дѣятельности Казанскаго городскаго общественнаго управленія за 25-ти-лѣтіе.—Казань, 1896.

Алфавитный списокъ родоначальникамъ потомственныхъ дворянъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу Казанской губерніи съ 1787 по 1895 г.—Казань, 1896.

Шестаковская женская община при церкви села Шелтомѣжи, Кашинскаго уѣз. Тверской епархіи. Изд. второе.—Тверь, 1895.

О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II. Изд. второе Постоян. комм. по устр. народн. чтеній.—Спб., 1895.

Асаза, Викторъ. Историческая справка о Сенатѣ Петра Великаго.—Спб., 1895.

Графъ **Милорадовичъ**. Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія императора Петра I по старшинству дня назначенія.—Черниговъ, 1895.

Огородниковъ, С. О высочайшемъ посѣщеніи государемъ императоромъ Александромъ I гор. Архангельска въ 1819 году. (Изъ № 87—88 «Арх. Губ. Вѣд.» 1895). Архангельскъ. 1896.

Поруч. **Недумовъ**, А. Лейбъ-гвардіи Кексгольмскій императора Австрійскаго полкъ. 1710—1894.—Варшава. 1896.

Графъ **Милорадовичъ**. Списки губернскихъ предводителей дворянства Россійской Имперіи 1785—1895 г.—Черниговъ, 1895.

Кротковъ, А. Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ на Ладожскомъ озерѣ Петромъ Великимъ въ 1702 году.—Спб., 1896.

Открыта подписка на 1896 годъ

НА

СРЕДНЕ-АЗІАТСКІЙ ВѢСТНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издающійся въ г. ТАШКЕНТѢ

Выходитъ ежемѣсячно книжками въ 6—8 печатныхъ листовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Научныя статьи, касающіяся Средней Азіи, по всѣмъ отраслямъ знаній, преимущественно по исторіи и археологіи, географіи и топографіи, статистикѣ и этнографіи. 2) Статьи по торговлѣ и промышленности Средней Азіи. 3) Беллетристика: романы, повѣсти, разсказы и очерки, какъ оригинальные, преимущественно изъ мѣстной жизни, такъ и переводные. 4) Мѣстное обозрѣніе—обзоръ внутренней жизни русскихъ средне-азіатскихъ владѣній и сопредѣльныхъ государствъ по газетнымъ свѣдѣніямъ и собственнымъ корреспонденціямъ. 5) Внутреннее обозрѣніе — краткій сводъ журнальныхъ и газетныхъ свѣдѣній о жизни внутренней Россій, а также распоряженія правительства, касающіяся русскихъ средне-азіатскихъ владѣній. 6) Библіографія. 7) Объявленія.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкою **7** руб.; на полгода—**4** руб.; безъ пересылки на годъ—**6** руб.; на полгода—**3** рубля **50** коп. За границу на годъ—**10** рублей. Отдѣльныя книжки по **60** коп., съ пересылкою **70** коп.

Иногородніе подписчики высылаютъ деньги по слѣдующему адресу: въ г. Ташкентъ, редактору-издателю журнала «Средне-Азіатскій Вѣстникъ», *Евгенію Тимоѳеевичу Смирнову*.

XVIII вѣка начальникомъ надъ Слободскими полками, генералъ-маіора Ѳ. В. Шидловскаго.

О дѣятельности его мы узнаёмъ изъ предисловія С. И. Шидловскаго, между прочимъ, слѣдующее: Ѳедоръ Владиміровичъ Шидловскій или Шиловъ, стольникъ и полковникъ Изюмскій (1694 г.), затѣмъ бригадиръ надъ Харьковскимъ и Изюмскимъ полками и, наконецъ, съ 1709 года генералъ-маіоръ надъ всѣми Слободскими полками,—происходилъ изъ древняго польскаго шляхетства. Родъ свой Шидловскіе ведутъ отъ Козьмы Васильевича Шилова, выѣхавшаго въ 1535 году изъ Польши на службу къ великому князю Василію Ивановичу, отъ котораго и жалованы помѣстьями въ Суздальскомъ уѣздѣ. Потомки Козьмы Васильевича служили московскимъ государямъ стряпчими, жильцами, стольниками и т. п. Праправнукъ перваго выходца изъ Польши, Владиміръ Васильевичъ Шиловъ, сотникъ московскихъ стрѣльцовъ, имѣлъ семь сыновей, изъ которыхъ послѣдній, Ѳедоръ, женившись на дочери перваго полковника, перешелъ на службу къ тестю въ Харьковскій Слободскій полкъ наказнымъ полковникомъ и вскорѣ былъ назначенъ полковникомъ незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго самостоятельнаго Изюмскаго полка.

Съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія Ѳедоръ Владиміровичъ, по примѣру своихъ предковъ, всегда писался Шиловымъ, но приблизительно около 1705 года началъ называть себя уже не Шиловымъ, а Шидловскимъ [1]).

Вмѣстѣ со своимъ Изюмскимъ полкомъ Ѳедоръ Владиміровичъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ того времени противъ татаръ и шведовъ и за отличія получилъ три похвальныхъ грамоты; а съ 1706 г., уже въ званіи бригадира, оставаясь изюмскимъ полковникомъ, онъ завѣдывалъ и Харьковскимъ полкомъ.

Въ 1708 году, во время булавинскаго бунта, Ѳ. В. Шидловскому, кромѣ дѣятельности чисто военной—столкновеній съ шайками Булавина и его атамановъ—пришлось выказать много административнаго такта, удерживая подвѣдомственныя ему слободы отъ увлеченія булавинскими прелестными письмами. Послѣ смерти Булавина, Ѳедору Владиміровичу поручена была княземъ Долгорукимъ экзекуція возмутившихся станицъ. Между тѣмъ шведы вторглись въ предѣлы Малороссіи. Харьковскій и Изюмскій полки, подъ начальствомъ бригадира Ѳ. В. Шидловскаго, приняли участіе въ знаменитой Полтавской битвѣ. Одержавъ славную побѣду, Петръ I именнымъ указомъ, даннымъ 9-го іюня 1709 года въ обозѣ подъ Полтавою, «за его (Шидловскаго) вѣчно радѣтельныя службы, а особливо въ нынѣшней Свѣйской войнѣ»,—произвелъ Ѳедора Владиміровича въ генералъ-маіоры надъ всѣми Слободскими полками. Взятіемъ Новосергіевской крѣпости (1711 г.) закончилась служба Шидловскаго, такъ какъ, по возвращеніи изъ похода, онъ, совершенно неожиданно, былъ арестованъ, и всѣ имѣнія его описаны. «Въ общихъ чертахъ,—говоритъ С. И. Шидловскій въ томъ же предисловіи,—вины Шидловскаго, по словамъ приговора, сводятся къ тому, что онъ, черезъ посланныхъ имъ лицъ, капитана Чиркова и поручика Макарова, захватилъ нѣсколько деревень, лежащихъ во владѣніяхъ польскаго короля, и причислилъ ихъ къ смежнымъ Брянскимъ вотчинамъ кн. Меншикова и, нарушивъ тѣмъ неприкосновенность границъ, учинилъ между обоими государствами ссоры, за что достоинъ смертной казни; но, въ виду боевыхъ заслугъ, наказаніе ограничилось лишеніемъ чина, пожитковъ и деревень». По разслѣдованіи судною коммиссіею дѣла о князѣ Меншиковѣ, Ѳедоръ Владиміровичъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и, затѣмъ, до самой смерти своей, жилъ у родственниковъ то въ Харьковѣ, то въ Москвѣ.

Документы, помѣщенные въ разсматриваемой книгѣ, извлечены, главнымъ образомъ, изъ архива морскаго министерства, и лишь незначительная часть—изъ архива департамента герольдіи Правительствующаго Сената; при чемъ копіи съ документовъ,—какъ заявлено въ предисловіи,—снимались самыя точныя, съ строгимъ соблюденіемъ не только правописанія подлинника, но и всѣхъ его особенностей, помарокъ, начала и окончанія строкъ, приписокъ другою рукою и т. п. «Издавая часть этихъ документовъ,—говоритъ С. И. Шидловскій,—я счелъ необходимымъ ихъ отредактировать и привести въ болѣе удобный для чтенія видъ, исправивъ отчасти правописаніе, поставивъ кое-гдѣ заглавныя буквы и разставивъ знаки препинанія, но все-таки стараясь до извѣстной степени сохранить характеръ малограмотности, присущій подлиннымъ документамъ».

Относительно значенія упомянутыхъ документовъ, нельзя не признать, что они имѣютъ высокій интересъ для изслѣдованія Слободской Украйны и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностей.

По внѣшности книга издана вполнѣ удовлетворительно. Въ концѣ ея помѣщены указатели географическихъ и личныхъ именъ.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Причиною перемѣны или—вѣрнѣе полонизаціи фамиліи была существовавшая тогда у малороссійскаго шляхетства мода передѣлывать свои фамиліи на польскій ладъ. Въ этомъ видѣли даже нѣкоторую какъ бы аристократичность.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (*35 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (*24 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (*1 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (*13 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (*45 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., 12 книгъ (*206 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., 12 книгъ (*144 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (*25 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1895 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVII-й. ІЮНЬ. 1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Нѣсколько словъ въ память императора Николая I-го. Н. Д. . . . . 449—470

II. Императоръ Николай въ 1828—1829 гг. (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа). I. 1828 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 471—510

III. Собственноручныя письма императора Николая I. I—V. . . . . 511—520

IV. Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ. Гл. IV—VIII. (Окончаніе). П. Л. Юдина. . . 521—551

V. Къ исторіи царствованія императора Николая I-го (Письма и замѣтки) 1—20. 553—570

VI. Въ двухъ университетахъ. (Воспоминанія 1837—1843 гг.). Н. Ф. Ожеде-Ранкуръ. . . . . 571—582

VII. Депеши императора Николая I императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и наслѣднику цесаревичу въ 1849 г. 1—53. . . . . 583—596

VIII. Мелкіе разсказы М. М. Попова. 1—8. . . . . 597—614

IX. Болѣзнь и кончина императора Николая Павловича. А. О. Шидловскаго. . . . . 615—631

X. О современной политической и внутренней жизни Россіи. (Записка 1855 г.). 633—642

XI. Замѣтки и воспоминанія художника-живописца М. Е. Меликова. . . . 643—674

XII. Записная книжка «Русской Старины»: Графъ Толь—императору Николаю I, 29 мая 1831 г. (стр. 552).—Рескриптъ императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя министра финансовъ, 29 іюня 1817 г.—Письмо вел. князя Михаила Павловича Ст. Ром. Лепарскому, 22 сентября 1816 г. (632). . . . . .

XIII. Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи. . . . . 675—680

XIV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ императора Николая I на сороковомъ году жизни. (Гравюра на мѣди 1836 г.).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1896.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1896 г.

Библіографическій листокъ.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 г.). Часть первая (Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія). Изданіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1894.

Жизнь и дѣятельность Николая Николаевича Бантыша-Каменскаго составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ исторіи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: всю свою жизнь посвятилъ онъ этому архиву, въ которомъ прослужилъ болѣе 50 лѣтъ и для котораго сдѣлалъ столько, сколько до него не сдѣлалъ никто другой. Имъ разобрана и описана большая часть архива и составлены каталоги, считающіеся и теперь наилучшими, образцовыми. Отмѣтки и выписки, сдѣланныя имъ при этой работѣ, доставили ему матеріалъ для его трудовъ, въ томъ числѣ и для разсматриваемаго нами „Сокращеннаго извѣстія о взаимныхъ между россійскими монархами и европейскими дворами посольствахъ, переписках и договорахъ, хранящихся государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Московскомъ архивѣ, съ 1481 г. по настоящее время,—собраннаго и по алфавиту дворовъ расположеннаго".

„Занимавшись 37 лѣтъ разборомъ и описью архивскихъ дѣлъ и замѣчая при чтеніи оныхъ,—писалъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій въ 1800 году,—важнѣйшія каждаго европейскаго съ Россіею двора происшествія, наконецъ рѣшился привесть въ порядокъ безцѣнную сію переписку, раздѣлить оную на 4 части и посвятить сей трудъ высокому министерству коллегіи иностранныхъ дѣлъ".

Первая часть этого труда была представлена въ концѣ 1800 года въ коллегію и особо графу Ѳ. В. Ростопчину, который въ то время управлялъ коллегіею; въ началѣ 1801 г. была представлена въ коллегію четвертая часть, въ ноябрѣ 1802 г.—вторая часть, и въ ноябрѣ 1804 г.—третья.

На просьбу Н. Н. Бантыша-Каменскаго о напечатаніи этого труда, графъ Н. П. Румянцевъ,—какъ узнаёмъ изъ предисловія барона Ѳ. А. Бюлера къ этому „Обзору",—писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „что касается до изданія въ печать..., то изданіе, конечно, можетъ принести большую пользу...., но должно и въ томъ соблюсти крайнюю осторожность, дабы не обнаружить тайныхъ сношеній, хотя древнихъ, но могущихъ иногда компрометтировать [1]) систему дворовъ, понынѣ наблюдаемую, и лицъ, оказавшихъ намъ въ какихъ-либо случаяхъ важныя услуги". На это письмо Николай Николаевичъ, между прочимъ, отвѣчалъ:.... „Историческая правда не можетъ быть сокрыта, какъ бы оную ни скрывали, и я не погрѣшилъ тутъ, избирая изъ самихъ источниковъ... Боюсь только одного, чтобы сіи мои труды не были другимъ кѣмъ, мимо меня, къ прискорбію моему, изданы". Н. Н. Бантышъ-Каменскій умеръ въ январѣ 1814 года; не пришлось ему увидать свой трудъ въ печати.

Главное существенное качество работы Н. Н. Бантыша-Каменскаго—полнота свѣдѣній за періодъ времени по 1762 г.: все болѣе важное, содержащееся въ дѣлахъ за это время, отмѣчено въ этомъ трудѣ. Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія, преимущественно за вторую половину XVIII вѣка, отсутствующія въ текстѣ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, такъ какъ документы за это время поступили въ архивъ уже послѣ его смерти—помѣщены въ „Дополненіяхъ".

Для ознакомленія съ изложеніемъ автора разсматриваемаго „Обзора", мы приводимъ о дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича слѣдующія строки: „Въ концѣ сего (1716) года находясь государь въ Амстердамѣ узналъ, что сынъ его царевичъ Алексѣй Петровичъ, коему велѣно было ѣхать въ армію, удалясь изъ Москвы подъ именемъ московскаго полковника Коханскаго съ поручикомъ Кременецкимъ, тремя служителями и любовницею своею, 29-го октября проѣхавъ Франкфуртъ

[1]) Н. М. Карамзинъ, къ которому обратились за мнѣніемъ, когда началось дѣло объ изданіи работъ Н. Бантыша-Каменскаго, далъ, 8-го апрѣля 1818 г., слѣдующій отзывъ: „Извлеченія, сдѣланныя покойнымъ Бантышемъ-Каменскимъ,... принадлежатъ исторіи и могутъ быть изданы безъ нарушенія правилъ государственной скромности... старыя тайны не имѣютъ связи съ новыми, открытіемъ своимъ питая единственно любопытство умовъ дѣятельныхъ и способствуя просвѣщенію".

Императоръ Николай I на 40-мъ году жизни.

(Гравюра 1836 года).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го.

Въ концѣ настоящаго мѣсяца исполнится сто лѣтъ со дня рожденія императора Николая I. Редакція считаетъ своевременнымъ напомнить объ этомъ событіи и сказать нѣсколько словъ о монархѣ, посвятившемъ всю свою жизнь на благо и счастіе Россіи.

Императоръ Николай Павловичъ родился въ Царскомъ Селѣ 25-го іюня 1796 года въ $3^{3}/_{4}$ часа утра. Императрица Екатерина II, узнавъ о рожденіи третьяго внука, прибыла въ покои великой княгини и, взявъ въ руки здороваго и крѣпкаго младенца, долго любовалась имъ. Въ тотъ же вечеръ она писала одному изъ приближенныхъ: «Я стала бабушкой третьяго внука, который по необыкновенной силѣ своей, предназначенъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него и есть два старшихъ брата».

Крещеніе новорожденнаго совершилось 6-го іюля, въ воскресенье, причемъ воспреемниками были: девятнадцати-лѣтній великій князь Александръ Павловичъ и двѣнадцати-лѣтняя великая княжна Александра Павловна.

По обычаю, новорожденному тотчасъ же составили особый штатъ, во главѣ котораго состояла воспитательница великаго князя статсъ-дама Шарлота Карловна Ливенъ (впослѣдствіи княгиня), нравственныя качества которой, по выраженію императрицы Екатерины II, были «моремъ кротости и благодушія». Сверхъ главной воспитательницы, были назначены три дамы, исполнявшія обязанности гувернантокъ: полковница Юлія Ѳедоровна Адлербергъ, подполковница Екатерина Синицына и надворная совѣтница Екатерина Панаева. Кормилицею великаго князя была красносельская крестьянка Евфросинья Ершова, а нянею шотландка Евгенія Васильевна Лайонъ [1]). Послѣдняя заслужила особую любовь какъ великаго князя Николая, такъ и меньшаго его брата, Михаила Павловича. Характера смѣлаго, рѣшительнаго, прямаго и благороднаго, миссъ Лайонъ, въ теченіе первыхъ семи лѣтъ жизни великаго князя, была единственною его руководительницею, имѣла на него огромное вліяніе и гордилась тѣмъ, что хотя и англичанка, но первая учила его произносить молитвы «Отче нашъ» и «Богородицу» и первая складывала его пальцы для крестнаго знаменія.

Николай Павловичъ пламенно привязался къ своей, какъ онъ называлъ, няни-львицы (Lyon, каламбуръ самого императора Николая) и заимствовалъ отъ нея прямоту, рыцарское благородство и твердость въ поступкахъ.

Съ семи-лѣтняго возраста великій князь перешелъ изъ рукъ женскихъ въ руки мужскія, т. е. гувернеровъ, носившихъ тогда званіе «кавалеровъ». Съ 1802 года онъ началъ учиться, причемъ главный надзоръ за его воспитаніемъ былъ порученъ генералу Матвѣю Ивановичу Ламсдорфу, бывшему прежде директоромъ 1-го Кадетскаго корпуса. Ламсдорфъ не только не обладалъ ни одною изъ способностей, необходимыхъ для воспитателя, но былъ совершенно чуждъ этого рода дѣятельности. Это былъ человѣкъ суровый, жестокій и до крайности вспыльчивый. «Вовсе не понимая воспитанія въ истинномъ высшемъ его смыслѣ, онъ, вмѣсто того, чтобы дать возможно лучшее направленіе тѣмъ моральнымъ и интеллекту-

---

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ печатающагося подъ редакціею Н. Дубровина 98 т. «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».

альнымъ силамъ, которыя уже были въ ребенкѣ, приложилъ всѣ свои старанія единственно къ тому, чтобы переломить его на свой ладъ и идти прямо наперекоръ всѣмъ наклонностямъ, желаніямъ и способностямъ порученнаго ему воспитанника». Великій князь Николай, а впослѣдствіи и воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ младшій братъ его Михаилъ Павловичъ были постоянно какъ бы въ тискахъ. Они не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной дѣтской рѣзвости: ихъ на каждомъ шагу останавливали, дѣлали замѣчаніе, преслѣдовали наставленіями и угрозами наказанія. Послѣднія доходили до жестокости. Ламсдорфъ безчеловѣчно билъ великихъ князей линейками, ружейными шомполами и проч. Неразъ случалось, что, въ своей ярости, онъ хваталъ великаго князя за грудь или воротникъ и ударялъ его объ стѣну такъ, что онъ почти лишался чувствъ. Розги были въ большомъ употребленіи, и сѣченіе великихъ князей не только ни отъ кого не скрывалось, но и заносилось въ ежедневные журналы. Такъ, въ журналѣ отъ 19 апрѣля 1804 года занесено, что великій князь Михаилъ Павловичъ, сдѣлавъ проступокъ, пришелъ къ бывшей своей нянѣ миссъ Лайонъ и самъ просилъ, чтобы она его высѣкла, полагая, что послѣ этой операціи, сравнительно, конечно, легкой, онъ будетъ обезпеченъ отъ сильнѣйшаго сѣченія его генераломъ Ламсдорфомъ.

— Дядька, къ намъ приставленный, — говорилъ впослѣдствіи императоръ Николай графу Киселеву — не умѣлъ ни руководить нашими уроками, ни внушить намъ любовь къ литературѣ и къ наукамъ; онъ вѣчно ворчалъ, подъ-часъ разражался сильнѣйшимъ гнѣвомъ изъ-за пустяковъ, бранился и нерѣдко надѣлялъ насъ толчками и щипками, которыхъ особенно много доставалось на мою долю. Братъ, при своемъ болѣе податливомъ характерѣ и болѣе веселомъ нравѣ, лучше уживался съ этимъ несноснымъ человѣкомъ. Богъ ему судья за бѣдное образованіе, нами полученное.

Приставленные къ великому князю кавалеры: генералъ-маіоръ Ахвердовъ, полковники: Арсеньевъ и Ушаковъ — были несравненно лучше своего начальника, гораздо образованнѣе его, знали разные языки и науки и могли преподавать нѣкоторые предметы. У нихъ проглядывали мѣры кротости, желаніе подѣйствовать нравственно

на юнаго воспитанника, избѣгать тѣхъ мѣръ строгости, которыя входили въ программу воспитанія Ламсдорфа.

Первымъ наставникомъ была миссъ Лайонъ, учившая ребенка русской азбукѣ, повидимому не совсѣмъ успѣшно потому, что до шести-лѣтняго возраста великій князь Николай Павловичъ зналъ только 13 буквъ, которыя и старался примѣнить къ словамъ, конечно, безуспѣшно. Систематическіе уроки русскаго языка начались въ 1802 году съ дежурнымъ кавалеромъ Ушаковымъ, и затѣмъ всякій день давалъ уроки тотъ кавалеръ, чья была очередь дежурить при великомъ князѣ. Чистописанію, всеобщей исторіи и географіи училъ французъ Дю-Пюже, нѣмецкому языку—Аделунгъ, русской исторіи и географіи—Ахвердовъ, математикѣ, физикѣ и инженерному искусству—Крафтъ, политической экономіи—Шторхъ, естественному праву—Кукольникъ, исторіи права—Балугьянскій.

Несмотря на желаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны отвлечь обоихъ сыновей отъ страсти ко всему военному, ей не удалось этого сдѣлать. Великіе князья едва вставали съ постели, какъ тотчасъ же принимались за военныя игры: играли съ оловянными солдатиками, стояли на часахъ весьма продолжительное время, строили въ саду крѣпости и атаковали ихъ. При этомъ великій князь Николай всегда строилъ и защищалъ, а Михаилъ—атаковалъ и разрушалъ. Впослѣдствіи Николай Павловичъ особенно полюбилъ инженерное искусство и съ увлеченіемъ читалъ военныя сочиненія. Развитію такого увлеченія много содѣйствовали преподаватели полковники Маркевичъ и Джаноти, подъ общимъ руководствомъ генерала Оппермана, въ то время извѣстнаго своими познаніями по инженерной части. Всѣ же остальные преподаватели далеко не соотвѣтствовали своему назначенію. Нѣкоторые изъ нихъ были люди весьма ученые, какъ, напримѣръ, Шторхъ, Аделунгъ, Кукольникъ; но ни одинъ не имѣлъ дара овладѣть вниманіемъ своего питомца и внушить ему уваженіе къ преподаваемой наукѣ. По словамъ императора Николая, лекціи ихъ были «усыпительны».

Въ октябрѣ 1847 г., возлагая на статсъ-секретаря барона М. А. Корфа обязанность преподавать великому князю Константину Николаевичу правовѣдѣніе, императоръ Николай говорилъ ему: «Не надо слишкомъ долго останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, кото-

рые потомъ или забываются, или не находятъ никакого приложенія въ практикѣ. Я помню, какъ насъ мучили надъ этимъ два человѣка, очень добрые, можетъ статься, и очень ученые, но оба несноснѣйшіе педанты: покойный Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ, на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, какихъ еще законахъ; другой—что-то о мнимомъ «естественномъ» правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ, съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, которыя читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ,—иногда собственные ихъ каррикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбяшку, безъ плода и пользы для будущаго. По-моему, лучшая теорія права - добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ независимо отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ—религію».

«Въ отношеніи религіи,—говорилъ императоръ Николай въ другой разъ барону Корфу,—моимъ дѣтямъ лучше было, чѣмъ намъ, которыхъ учили только креститься въ извѣстное время обѣдни, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ».

Обязанности представительства начались для великаго князя Николая Павловича очень рано. Императоръ Павелъ Петровичъ въ день своего воцаренія (7-го ноября 1796 г.) назначилъ сына шефомъ л.-гв. Коннаго полка, первому баталіону котораго и присвоено было его имя. Въ чинѣ полковника этого полка великій князь Николай Павловичъ получилъ за сентябрьскую треть 1796 г. первое свое жалованье 1.105 рублей. Будучи одного года и четырехъ мѣсяцевъ, великій князь танцовалъ на придворномъ балѣ въ Гатчинѣ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ присутствовалъ (2-го февраля 1798 г.) на парадномъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, по случаю принесенія поздравленія императору съ рожденіемъ младшаго его сына Михаила Павловича.

Въ дѣтскомъ возрастѣ великій князь Николай былъ очень застѣнчивъ и робокъ: онъ боялся грома, стрѣльбы изъ орудій и проч.

При пріемахъ представляющихся ему лицъ онъ испытывалъ большое смущеніе; но съ годами смущеніе это проходило, и 28-го января 1808 г., какъ сказано въ журналѣ, принялъ испанскаго посла «съ большою свободою и достоинствомъ...»

Великій князь любилъ рисованіе, хорошо владѣлъ карандашемъ и набрасывалъ такіе кроки, исполнялъ такіе акварельные рисунки, отъ которыхъ не отреклись бы и опытные художники. Особенную склонность онъ имѣлъ къ карикатурѣ и чрезвычайно удачно схватывалъ смѣшныя стороны тѣхъ лицъ, которыхъ желалъ изобразить. Не менѣе искусенъ былъ онъ въ эскизахъ военныхъ сценъ, типовъ арміи, мундировъ и лошадей. Любовь его ко всему военному проявлялась и во врожденной наклонности его къ музыкѣ: не умѣя писать нотъ, онъ сочинялъ военные марши, не лишенные своеобразности, и имѣлъ удовольствіе слышать ихъ исполненіе хоромъ музыкантовъ Измайловскаго полка.

Великій князь одаренъ былъ необыкновенною музыкальною памятью и вѣрнымъ ухомъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, бывали иногда у императрицы Александры Ѳеодоровны небольшіе семейные концерты. А. Ѳ. Львовымъ были сочиняемы инструментальныя піесы, нарочно для царственнаго персонала, и для самого императора Николая была назначаема партія на cornet à piston. Во время репетицій, государь обыкновенно уводилъ Львова къ себѣ въ кабинетъ, и тамъ послѣдній долженъ былъ нѣсколько разъ сыграть на скрипкѣ партію государя. Внимательно прослушавъ ее два или три раза, императоръ возвращался къ императрицѣ и принималъ участіе въ концертѣ, никогда не ошибаясь ни во времени вступленія, ни въ ритмѣ, ни въ нотахъ.

Любя музыку и пѣніе, онъ не любилъ однако поэзіи и стиховъ. Старшій братъ старался направить его на истинный путь.

— Не забывай,—говорилъ ему часто императоръ Александръ,—что среди націи поэзія исполняетъ почти такую же роль, какъ музыка во главѣ полка: она—источникъ возвышенныхъ мыслей; она согрѣваетъ сердца, говоритъ душѣ при самыхъ грустныхъ условіяхъ матеріальной жизни. Любовь къ изящной словесности—одно изъ величайшихъ благодѣяній для Россіи: матеріальный міръ нашей страны дѣйствуетъ такъ неблагопріятно на характеръ, что непре-

мѣнно нужно предохранить его отъ этого вліянія волшебными прелестями воображенія.

Впослѣдствіи читая сочиненія А. С. Пушкина, великій князь Николай примирился и со стихами, и съ поэзіею вообще.

Если прослѣдить внимательно за подробностями воспитанія, то нельзя не сознать, что, несмотря на всѣ препятствія къ развитію самостоятельности и положительныхъ знаній, несмотря на стараніе уничтожить всякую самобытность характера, великій князь Николай Павловичъ все-таки остался побѣдителемъ благодаря природнымъ своимъ способностямъ и самообразованію.

Будучи еще десяти-лѣтнимъ ребенкомъ, онъ не только зналъ многія событія изъ русской военной исторіи, но умѣлъ объяснить ихъ значеніе. Военные разсказы всегда производили на него глубокое впечатлѣніе; съ большимъ увлеченіемъ онъ читалъ жизнеописанія великихъ полководцевъ и, позднѣе нѣсколько мѣсяцевъ, просидѣлъ надъ изученіемъ «Комментаріевъ Юлія Цезаря».

Питая безпредѣльную любовь, чувствуя благоговѣніе ко всему, что исходило отъ императора Александра I, великій князь Николай безусловно слѣдовалъ его совѣтамъ и очень грустилъ, что не могъ принять фактическаго участія въ «Отечественной войнѣ».

1-го іюля 1817 года послѣдовало бракосочетаніе Николая Павловича съ великою княгинею Александрою Ѳеодоровною. Въ тотъ же день, во время бала, государь, подойдя къ брату, объявилъ, что назначилъ его генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Это назначеніе призывало великаго князя къ фактической дѣятельности и къ службѣ государству. Необыкновенная энергія, сила воли и строгое исполненіе долга были причиною того, что въ короткое время инженерное вѣдомство доведено было до возможнаго совершенства.

— Не могу не похвалить тебя,— сказалъ однажды государь брату,—за добросовѣстное исполненіе обязанностей и не думаю, чтобы въ цѣлой арміи нашелся начальникъ болѣе тебя точный, болѣе бдительный и болѣе самоотверженный.

Великій князь весьма часто объѣзжалъ ввѣренныя ему части, входилъ во всѣ подробности ихъ устройства и внутренней жизни, лично наблюдалъ за постройкою крѣпостей, путешествовалъ по Рос-

сіи, изучалъ ее во всѣхъ отношеніяхъ и оставилъ намъ дневникъ, веденный имъ во время одной изъ многочисленныхъ его поѣздокъ.

Частые разъѣзды и усиленныя занятія не мѣшали ему наслаждаться счастьемъ семейной жизни.

Водворившись послѣ брака въ Аничковскомъ дворцѣ, великій князь Николай Павловичъ реставрировалъ его совершенно, уничтожилъ громадныя залы и приспособилъ ихъ для тихой и счастливой семейной жизни.

— Жить семейною жизнью — вотъ истинное счастье, — повторялъ онъ часто.

— Если кто-нибудь спроситъ тебя, — говорилъ великій князь одному изъ своихъ приближенныхъ, — въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастье, сдѣлай одолженіе пошли этого человѣка въ Аничкинскій рай.

Здѣсь въ полномъ блескѣ выказывалось доброе и чистое сердце рѣдкаго мужа и примѣрнаго отца; сердце полное добродѣтели и христіанской любви. Оно было способно горячо сочувствовать чужому горю, понимать страдающую душу и идти навстрѣчу ихъ успокоенію.

Никакіе честолюбивые виды не занимали великаго князя Николая; онъ ограничивался точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, считалъ своимъ долгомъ быть дѣятельнымъ по службѣ, не смущался дальними поѣздками, но хотѣлъ все видѣть и во всемъ убѣдиться собственными глазами. Требуя отъ подчиненныхъ точнаго исполненія служебныхъ обязанностей, Николай Павловичъ былъ всегда не только внимателенъ, но можно сказать предупредителенъ къ заслугамъ достойныхъ офицеровъ, строгъ и взыскателенъ къ нерадивымъ, но зла никогда не помнилъ и ни къ кому не питалъ. Сдѣлавъ строгое замѣчаніе одному изъ генераловъ, великій князь, по окончаніи смотра, подошелъ къ нему и съ сердечнымъ участіемъ сказалъ:

— Мы въ долгу другъ у друга: на слѣдующемъ смотру вы исправитесь, а я отдамъ должную справедливость вашей службѣ.

Одинъ изъ современниковъ, и именно князь П. Б. Козловскій, такъ говоритъ въ своемъ дневникѣ о Николаѣ Павловичѣ: «Природа надѣлила великаго князя однимъ изъ лучшихъ даровъ, какіе

она можетъ дать тѣмъ, которыхъ судьба поставила высоко: у него самая благородная наружность. Онъ говоритъ живо, просто, кстати; — все, что онъ говоритъ, умно; ни въ тонѣ его голоса, ни въ составѣ его рѣчи нѣтъ ничего, что обличало бы гордость или скрытность. Если великій князь Николай вступитъ когда-либо на престолъ, то я не сомнѣваюсь, что ему будутъ служить съ восторгомъ, будутъ повиноваться ему охотно, какъ государю, на котораго всегда можно взирать съ гордостью. Притомъ, великій князь, подъ печатью величавости, которою надѣлила его природа, таитъ высокій умъ, усиливающій впечатлѣніе, производимое его истинно-царственною наружностью».

Предсказанія князя Козловскаго оправдались въ полной мѣрѣ, и императоръ Николай явился на престолѣ монархомъ самобытнымъ и могучимъ, человѣкомъ съ твердымъ и рыцарски-чистымъ характеромъ.

Извѣстно, какими событіями сопровождалось его воцареніе. Великъ долженъ быть характеръ и сила воли, чтобы, зная о готовящемся возмущеніи, не потеряться и сохранить полное хладнокровіе.

«Послѣ завтра поутру—писалъ Николай барону Дибичу,—я или государь или безъ дыханія... Я напередъ всего былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ и передъ отечествомъ чистъ и совѣстью и дѣлами... Вы получите извѣстіе, что все здѣсь въ порядкѣ и кончено, *или иначе я живъ не останусь*».

Благодаря необыкновенной энергіи, силѣ воли и мужеству императора возмущеніе было подавлено, и этотъ эпизодъ свой жизни государь приказалъ внести въ свой формулярный списокъ слѣдующими словами:

«14-го декабря 1825 года, во время возникшаго въ Петербургѣ бунта, командовалъ главною гауптвахтою Зимняго дворца и съ находившеюся тогда на оной 9-ю егерскою ротой л.-гв. Финляндскаго полка занималъ ворота, ведущія на большой дворъ; потомъ, по прибытіи 1-го баталіона л.-гв. Преображенскаго полка, лично велъ оный и занялъ имъ Адмиралтейскую площадь. Съ приходомъ же л.-гв. Коннаго полка, занялъ и Петровскую площадь. Наконецъ, принялъ начальство и надъ прочими собравшимися войсками гвар-

діи, въ сей день въ столицѣ находившимися и пребывшими вѣрными долгу присяги. Когда же, при неоднократныхъ увѣщаніяхъ, толпа бунтовщиковъ не покорялась, то разсѣялъ оную картечными выстрѣлами четырехъ орудій легкой № 1-го батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады, коими командовалъ тогда поручикъ Бакунинъ. По совершенномъ разсѣяніи злоумышленниковъ, занялъ окрестности Зимняго дворца и продолжалъ начальствовать войсками до минованія опасности и роспуска оныхъ по квартирамъ».

Между тѣмъ въ городѣ производились аресты, и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, было арестовано нѣсколько лицъ непричастныхъ къ заговору. Въ числѣ ихъ находился 20-ти-лѣтній юноша, юнкеръ л.-гв. Коннаго полка князь Суворовъ-Рымникскій. Его повели въ Зимній дворецъ, въ одной изъ залъ котораго засѣдала слѣдственная коммиссія. На пути онъ случайно встрѣтился съ императоромъ, нерѣдко лично бесѣдовавшимъ съ арестованными.

— Какъ и ты здѣсь?—спросилъ онъ Суворова.

— Я не виноватъ, государь!—отвѣчалъ спрошенный.

— Даешь слово.

— Даю.

— Ступай домой; внукъ великаго Суворова не можетъ быть измѣнникомъ отечеству,—сказалъ государь.

И дѣйствительно, невиновность его вполнѣ подтвердилась, и свѣтлѣйшій любилъ разсказывать этотъ эпизодъ своей жизни, указывая при этомъ на рыцарскій характеръ и великодушіе императора.

Подобному же неправильному аресту подвергся и безсмертный авторъ «Горя отъ ума», Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, высланный изъ Тифлиса въ Петербургъ. Лишь только выяснилась его невиновность, какъ по докладу о томъ начальника главнаго штаба императоръ приказалъ выдать ему «очистительный» или оправдательный аттестатъ, произвести въ слѣдующій чинъ и наградить годовымъ окладомъ жалованья.

Поступая такъ съ лицами невиновными, государь столь же великодушно и милостиво относился и къ участникамъ заговора. Заботы о нихъ начинаются съ перваго дня арестовъ, что̀ свидѣтель-

ствуется собственноручною перепискою его съ комендантомъ Петропавловской крѣпости генералъ-адъютантомъ А. Я. Сукинымъ.

«Присылаемаго Рылѣева,—писалъ государь,—посадить въ Алексѣевскій равелинъ, но не связывать рукъ; дать ему бумагу для письма, и что будетъ писать ко мнѣ собственноручно, мнѣ приносить ежедневно».

«Коховскаго содержать лучше обыкновеннаго, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ. Содержаніе Коховскаго я принимаю на себя.

«Такъ какъ Батенковъ больной и раненый, то облегчить его положеніе по возможности.

«Присылаемаго Сергѣя Муравьева [1]) посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнію. Онъ раненъ и слабъ; снабдить его всѣмъ нужнымъ. Лѣкарю велѣть его сейчасъ осмотрѣть и ежедневно дѣлать должный осмотръ и перевязку».

Всѣмъ арестованнымъ и заключеннымъ приказано было давать улучшенную пищу, табакъ, книги религіозно-нравственнаго содержанія, разрѣшено допустить священника для духовныхъ бесѣдъ и не воспрещалось переписываться съ родными, конечно, не иначе, какъ черезъ коменданта.

Великодушные поступки императора и его заботы о несчастныхъ были вполнѣ оцѣнены ими.

«Всемилостивѣйшій государь! — писалъ Никита Муравьевъ, 4-го января 1826 года.—Книгу Новаго Завѣта я получилъ отъ благости вашей. Чтеніе онаго успокоитъ мою душу и приготовитъ меня испить ожидаемую меня чашу съ чувствомъ христіанина. Я получилъ также съ чувствомъ истинной и глубочайшей признательности письма отъ матери и жены, которыя ваше величество благоволили повелѣть мнѣ доставить.

«Повѣрьте, всемилостивѣйшій государь, что гдѣ бы я ни находился и какой бы участи я ни подвергся по своей винѣ, я не престану благословлять вашей благости за то, что вы не отказали мнѣ въ единомъ утѣшеніи, которое я могъ имѣть. Отецъ нашъ небесный да воздастъ вамъ сторицею за сіе благодѣяніе. Уповая на велико-

---

[1]) Виновника возмущенія Черниговскаго полка.

душіе ваше, прилагаю письма къ матери и женѣ. Съ чувствомъ искренняго раскаянія и глубочайшей благодарности остаюсь навсегда вѣрноподданный Никита Муравьевъ».

Благодарность эта исходила не отъ однихъ только заключенныхъ, но и отъ ихъ семействъ. Начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ писалъ военному министру Татищеву, что «государю императору благоугодно знать въ возможной подробности положеніе и домашнія обстоятельства ближайшихъ родственниковъ всѣхъ тѣхъ преступниковъ, кои преданы верховному уголовному суду». На этомъ основаніи были отобраны справки отъ всѣхъ губернаторовъ, въ губерніяхъ которыхъ жили или сами преступники или ихъ родственники. По полученіи этихъ свѣдѣній всѣ семейства были раздѣлены на шесть разрядовъ: 1) на живущихъ бѣдно; 2) имѣющихъ нужду во вспомоществованіи; 3) не имѣющихъ нужды во вспомоществованіи, но въ содѣйствіи по нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ; 4) состоянія посредственнаго; 5) богатые и 6) о коихъ не получено было вовсе свѣдѣній или получены невѣрныя.

Списокъ этотъ былъ представленъ императору,—и милости въ разныхъ видахъ полились щедрою рукою на родственниковъ и семейства заключенныхъ. Государь приказалъ немедленно окончить всѣ тяжебныя дѣла преступниковъ, если таковыя имѣлись въ судахъ, и оказать пособіе первому разряду семействъ, жившихъ бѣдно. Было бы слишкомъ долго перечислять имена всѣхъ воспользовавшихся великодушіемъ государя, и мы назовемъ лишь нѣкоторыхъ.

Подполковникъ Берстель имѣлъ жену и 6 человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей. Государь приказалъ принять ихъ въ казенныя заведенія, а женѣ дать вспомоществованіе въ 500 руб., которое и выдавалось ежегодно въ теченіе 10 лѣтъ.

Отецъ двухъ братьевъ Борисовыхъ, получая пенсіи всего 200 руб. и имѣя на рукахъ семью, жилъ при помощи сыновей. Императоръ приказалъ увеличить старику пенсію до 400 руб.

Дѣти барона Штейнгеля и фонъ-деръ-Бригена всѣ распредѣлены по казеннымъ заведеніямъ.

Два брата Кюхельбекеры имѣли мать въ преклонныхъ лѣтахъ. Императоръ написалъ: «Я семью знаю, помочь нужно».

Матери гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщика Палицына пожаловано единовременно 3.000 руб. Женамъ полковниковъ Тизенгаузена и Янтальцова—по тысячи рублей единовременно, а а матери послѣдняго—1.500 руб. и затѣмъ всѣмъ тремъ въ теченіе 10 лѣтъ по 500 руб. ежегодно.

Матерямъ Корниловича, Дивова и князя Щепина-Ростовскаго назначены точно такія же пенсіи и на тотъ же срокъ.

Съ 1835 года пенсіи стали прекращаться потому, что, по истеченіи въ этомъ году 10-лѣтія царствованія, послѣдовалъ указъ Сенату объ общемъ облегченіи участи осужденныхъ, большая часть которыхъ перешла на поселеніе, и жены могли соединиться съ своими мужьями.

Но самыя выдающіяся милости императора были распространены на семейства главнѣйшихъ дѣятелей тайнаго общества. Такъ, матери трехъ братьевъ Бестужевыхъ [1]) была назначена ежегодная пенсія въ 2.000 руб. съ тѣмъ, чтобы оная продолжалась и послѣ ея смерти сестрамъ преступниковъ.

На другой день послѣ арестованія К. Ѳ. Рылѣева государь приказалъ князю А. Н. Голицыну навести справку о положеніи его семейства. 19-го декабря 1825 года, князь писалъ императору, что Наталья Михайловна Рылѣева, «предается неутѣшной скорби, которую раздѣляетъ съ нею одна пожилая пріятельница Прасковья Васильевна Устинова; другихъ же знакомыхъ не имѣетъ». Со слезами благодарности выслушала она о милосердомъ вниманіи государя императора, и на сдѣланный ей вопросъ, не имѣетъ ли въ чемъ нужды, отвѣчала, что у ней осталось еще 100 руб. и «она ни о чемъ не заботится, имѣя одно желаніе увидѣться съ мужемъ».

Въ тотъ же день, 19-го декабря, императоръ приказалъ передать ей 2.000 рублей и письмо мужа, просившаго ее быть покойною, надѣяться на милость государя и молиться.

«Другъ мой, — писала она въ отвѣтъ,—не знаю, какими чувствами, словами изъяснить непостижимое милосердіе нашего монарха. Третьяго дня императоръ прислалъ твою записку и вслѣдъ затѣмъ 2.000 руб. Наставь меня, какъ благодарить отца нашего

---

[1]) Александра (Марлинскаго), Николая и Петра.

отечества». На оборотѣ этого письма Рылѣевъ написалъ: «Святымъ даромъ Спасителя міра, я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ. Такъ, государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно».

«Ты просишь,—писалъ Рылѣевъ супругѣ,—чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить его. Молись, мой другъ, да будетъ онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да счастливитъ онъ Россію своимъ царствованіемъ».

Спустя два дня, 22-го декабря, въ именины дочери Рылѣева, императрица Александра Ѳеодоровна прислала ей тысячу рублей. Затѣмъ съ 1826 по 1831 годъ Рылѣевой выдавалось ежегодно по 3.000 руб., а когда она вышла замужъ, за отставнаго поручика Куколевскаго, то, по щедротамъ императора, приказано было выдавать ежегодно по 3.000 руб. до совершеннолѣтія ея дочери, которой оказано было пособіе и при выходѣ замужъ.

Таковы, въ самыхъ краткихъ словахъ, милости, оказанныя государемъ семействамъ осужденныхъ и ихъ родственникамъ. Что же касается до самихъ преступниковъ, отсылаемыхъ въ Сибирь, то рѣшено было сгруппировать ихъ въ одномъ мѣстѣ и не смѣшивать съ прочими арестантами. Ихъ приказано было помѣстить въ однѣхъ общихъ казармахъ, выбрать для того мѣсто и немедленно приступить къ ихъ постройкѣ. До окончанія казармъ сосредоточить ихъ въ Читѣ, близъ Нерчинска.

Для надзора за декабристами былъ избранъ человѣкъ, извѣстный государю по своей честности, прямотѣ и сердечной теплотѣ. Это былъ генералъ-маіоръ Станиславъ Романовичъ Лепарскій. Онъ командовалъ 16-ть лѣтъ Сѣверскимъ драгунскимъ полкомъ, шефомъ котораго былъ великій князь, а потомъ императоръ Николай I [1]). Частыя личныя свиданія доставили возможность государю оцѣнить высокія нравственныя качества Станислава Романовича, и не удивительно, что императоръ, самъ способный горячо сочувствовать чужому горю и понимать больное сердце, вспомнилъ о Лепарскомъ и назначилъ его комендантомъ Нерчинска.

---

[1]) См. ниже письма императора Николая къ С. Р. Лепарскому.

Хмурый и угрюмый по наружности, Лепарскій былъ образцомъ кротости, доброты и человѣколюбія. Въ шестнадцати-лѣтнее командованіе полкомъ, ни одинъ солдатъ не былъ наказанъ по суду, ни одинъ офицеръ не подвергся непріятностямъ по службѣ. По выходѣ Лепарскаго изъ полка, офицеры поднесли ему золотой кубокъ, что тогда было необычайно и на что однако же послѣдовало соизволеніе государя.

Для руководства С. Р. Лепарскаго, какъ нерчинскаго коменданта, была составлена особая инструкція, которая, впрочемъ, не исполнялась потому, что по волѣ государя въ ней стали дѣлаться измѣненія, клонившіяся къ облегченію положенія осужденныхъ. Облегченія начались съ того дня, когда Лепарскій представился императору въ Москвѣ. Аудіенція продолжалась около часа, и Станиславъ Романовичъ вышелъ отъ государя очень взволнованнымъ и растроганнымъ. Онъ не передавалъ никому указаній, данныхъ ему Николаемъ I, но по дѣйствіямъ коменданта можно судить, каковы были эти указанія.

Содержавшіеся восемь человѣкъ на Благодатскомъ заводѣ, въ замѣнъ работъ внутри рудника, занимались разбивкою руды каждый по пяти пудовъ въ сутки.

«Въ Читинскомъ же острогѣ, доносилъ Лепарскій, по неимѣнію казенныхъ работъ, занимаю ихъ лѣтомъ земляною работою, три часа поутру и два часа послѣ полудня, засыпаніемъ овраговъ, планировкою улицъ и скапываніемъ на дорогѣ горъ. А зимою будутъ они въ ручныхъ жерновахъ молоть для себя и для заводскихъ магазейновъ казенную рожь. Дозволено имъ читать книги церковныя и моральныя. Дозволено имъ на дворахъ заводить цвѣтники, дѣлать дорожки, садить кустарнички, а въ позволительные часы пользоваться воздухомъ».

Сосланнымъ на поселеніе высочайше разрѣшено было получить отъ родственниковъ на первое обзаведеніе до 2.000 руб. и ежегодно не болѣе тысячи рублей. Неимѣющимъ никакихъ средствъ приказано выдавать солдатское содержаніе и крестьянскую лѣтнюю и зимнюю одежду.

Всеподданнѣйшею докладною запискою генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ просилъ императора о дарованіи права женамъ государственныхъ преступниковъ соединиться съ мужьями. «Я ни-

когда,—написалъ государь на этомъ докладѣ,—не мѣшалъ имъ жить съ мужьями, лишь бы была на то возможность».

Одною изъ первыхъ, пожелавшихъ воспользоваться этимъ правомъ, была княгиня Марья Николаевна Волконская, урожденная Раевская. Государь приказалъ указать ей на огромныя затрудненія, сопряженныя съ подобнымъ путешествіемъ, и на опасность, которой она могла подвергнуться по ту сторону Иркутска. Указанія эти не подѣйствовали на энергичную женщину.

«Всемилостивѣйшій государь! — писала она 15-го декабря 1826 года.—У ногъ вашихъ благодарю васъ за увѣдомленіе о предстоящихъ для меня опасностяхъ по ту сторону Иркутска. Дерзаю увѣрить ваше императорское величество, что я безстрашно подвергаюсь всѣмъ превратностямъ, неразлучнымъ съ пребываніемъ моимъ въ одномъ мѣстѣ съ мужемъ.

«Государь! намѣреніе мое не есть дѣйствіе минутной возвышенности чувствъ, но слѣдствіе обдуманнаго расположенія мыслей, убѣдившихъ меня, что не найду успокоенія, доколѣ не утѣшу супруга. Простите, государь, что осмѣлилась писать къ вашему императорскому величеству. Сердце мое спѣшило излиться въ благодарности передъ вами».

«Княгиня Марія Николаевна!—отвѣчалъ императоръ.—Я получилъ письмо ваше отъ 15-го декабря и видѣлъ изъ онаго съ удовольствіемъ изъявленіе признательности вашей за участіе, мною въ судьбѣ вашей принимаемое. Сіе самое участіе побуждаетъ меня повторить вамъ то, что сообщено уже было вамъ, по моему приказанію, касательно затрудненій, предстоящихъ вамъ по ту сторону Иркутска. Впрочемъ, предоставляю собственному вашему произволу принять такія мѣры, которыя покажутся вамъ наиболѣе положенію вашему приличествующими».

Отправленіе осужденныхъ въ Сибирь производилось партіями и съ большими промежутками. Многіе изъ нихъ достигли мѣста назначенія только въ половинѣ 1827 года. 4-го августа С. Р. Лепарскій донесъ, что приказалъ снять кандалы со всѣхъ преступниковъ, а 1-го іюня 1829 года,—что дозволилъ всѣмъ женамъ имѣть ежедневное свиданіе съ мужьями.

Все это дѣлалось, конечно, по желанію и указанію государя,

обѣщавшаго въ первомъ своемъ манифестѣ «жить единственно для любезнаго отечества».

Онъ исполнилъ свое обѣщаніе, и современники единогласно утверждаютъ, что, съ первой минуты принятія верховной власти, императоръ Николай I приступилъ къ занятіямъ государственными дѣлами съ величайшею энергіею, терпѣніемъ и точностію. Извѣстно, что въ теченіе всего тридцатилѣтняго царствованія, онъ, въ буквальномъ смыслѣ, обрекалъ себя на строгое и добросовѣстное исполненіе своихъ царственныхъ обязанностей. Самымъ горячимъ его желаніемъ было—отдать себѣ отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи Россіи, узнать недостатки правительственной системы[1]) и привести ее въ болѣе совершенный видъ.

Трудно, да и невозможно въ настоящей характеристикѣ, перечислить всѣ тѣ реформы, которыя были произведены въ продолжительное царствованіе императора Николая I. Здѣсь можно указать только, что онъ входилъ въ самыя мельчайшія подробности дѣлъ и, какъ лучшій сынъ отечества, трудился безъ устали на пользу Россіи. Онъ часто говорилъ окружающимъ, что долгъ воспрещаетъ ему относиться слегка даже къ маловажному вопросу; что, возлагая на себя корону, онъ далъ обѣтъ посвятить всѣ минуты своей жизни пользамъ государства и благу подданныхъ.

До вступленія на престолъ императоръ Николай I не былъ членомъ ни Государственнаго Совѣта и ни одного изъ высшихъ установленій имперіи. Онъ командовалъ только гвардейскою дивизіею и, какъ мы сказали, былъ главнымъ начальникомъ по инженерной части. Тѣмъ замѣчательнѣе вся послѣдующая дѣятельность монарха, самостоятельно стоявшаго во главѣ управленія имперіи.

Во все свое царствованіе онъ присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ только четыре раза, но за то весьма часто созывалъ негласные комитеты, собиравшіеся въ личномъ его присутствіи, и для обсужденія одного какого-либо предмета, или для разсмотрѣнія извѣстнаго разряда дѣлъ. Обладая, по словамъ графа М. А. Корфа, увлекательнымъ даромъ слова, государь всегда самъ руководилъ

[1]) Съ этою цѣлью былъ учрежденъ извѣстный «Комитетъ» 1826 г., результаты занятій котораго напечатаны въ двухъ томахъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».

преніями, входилъ во всѣ подробности, выслушивалъ каждаго и принималъ то мнѣніе, которымъ выяснялось и разрѣшалось его недоумѣніе—нерѣдко въ отмѣну предположенной или даже высказанной имъ мысли. Въ вопросахъ сложныхъ и важныхъ, когда колебалось личное его мнѣніе или убѣжденіе, государь, не довольствуясь предварительными сужденіями оффиціальныхъ своихъ совѣтовъ, созывалъ еще особо довѣренныхъ лицъ и вмѣстѣ съ ними обсуждалъ дѣло.

Вначалѣ неопытный и прислушивающійся, онъ скоро пріобрѣлъ самостоятельность и опытъ въ рѣшеніи многихъ вопросовъ. «Въ прежнее время,—говорилъ государь 25 января 1843 г. въ засѣданіи комитета о замѣнѣ государственныхъ ассигнацій другими представителями,—я долженъ былъ слѣпо и безусловно утверждать все представляемое мнѣ по финансовой части, о которой не имѣлъ никакого понятія. Но теперь, послѣ 17-ти-лѣтнихъ занятій, мнѣ стыдно и совѣстно было бы не пріобрѣсти самому какихъ-нибудь практическихъ познаній по этой части и продолжать вѣрить, какъ прежде, на слово. Поэтому я подробно сообразилъ нынѣшній вопросъ и пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ никакого удобства имѣть два рода депозитныхъ билетовъ: одни теперешніе, обезпеченные въ полной ихъ суммѣ, а другіе вновь предполагаемые, съ фондомъ только противъ шестой ихъ части. Ясно, что тутъ была бы странность согласить и связать между собой эти двѣ системы, а на какія-нибудь тайныя продѣлки я никогда не соглашусь. Въ такого рода дѣлахъ, гдѣ въ виду у насъ общая польза и предметъ ежедневной потребности народа, и гдѣ намѣренія наши, разумѣется, совершенно добросовѣстны, не вижу никакого повода скрывать и маскировать наши дѣйствія. Ихъ, напротивъ, должно оглашать передъ народомъ въ полномъ объемѣ, иначе всякое умолчаніе дало бы дѣлу видъ тайной и какъ бы своекорыстной цѣли и не могло бы не вселить въ умахъ напрасныхъ, совершенно противоположныхъ нашимъ видамъ, подозрѣній».

Дѣйствуя всегда прямо и открыто высказывая свои мысли, императоръ Николай I часто шелъ впереди своихъ сотрудниковъ, нерѣдко тормозившихъ благія начинанія государя. Особенно рельефно выразилось это въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Освобожде-

ніе было любимою мечтою Николая I, но въ виду встрѣчаемаго противодѣйствія большей части привилегированнаго сословія и административныхъ дѣятелей, онъ подходилъ къ этому вопросу исподволь и разбивалъ его на части съ тѣмъ, чтобы потомъ соединить ихъ въ одно цѣлое.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности дѣятельности императора въ этомъ направленіи, но нельзя не привести его рѣчи, сказанной 30 марта 1842 года въ засѣданіи Государственнаго Совѣта. Предложивъ на обсужденіе Совѣта проектъ закона объ обязанныхъ крестьянахъ и лично присутствуя въ засѣданіи, государь сказалъ:

«Прежде слушанія дѣла, для котораго мы собрались, я считаю нужнымъ познакомить совѣтъ съ моимъ образомъ мыслей по этому предмету и съ тѣми побужденіями, которыми я въ немъ руководился. Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его положеніи у насъ, есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ нему теперь было бы дѣломъ еще болѣе гибельнымъ. Покойный императоръ Александръ, въ началѣ своего царствованія, имѣлъ намѣреніе дать крѣпостнымъ людямъ свободу, но потомъ самъ отклонился отъ своей мысли, какъ совершенно еще преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на это не рѣшусь, считая, что если время, когда можно будетъ приступить къ такой мѣрѣ, вообще очень еще далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о томъ былъ бы не что иное, какъ преступное посягательство на общественное спокойствіе и на благо государства... Но нельзя скрывать отъ себя, что теперь мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынѣшнее положеніе не можетъ продолжиться навсегда. Причины этой перемѣны мыслей и чаще повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ я не могу не отнести больше всего къ двумъ причинамъ: во-первыхъ, къ собственной неосторожности помѣщиковъ, которые даютъ своимъ крѣпостнымъ несвойственное состоянію послѣднихъ высшее воспитаніе, а черезъ то, развивая въ нихъ новый кругъ понятій, дѣлаютъ ихъ положеніе еще болѣе тягостнымъ; во-вторыхъ,—къ тому, что нѣкоторые помѣщики, — хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ

*

число,—забывая благородный долгъ, употребляютъ свою власть во зло, а дворянскіе предводители, какъ многіе изъ нихъ сами мнѣ отзывались, къ пресѣченію такихъ злоупотребленій не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти не ограничивающемъ помѣщичьей власти.

«Но если нынѣшнее положеніе таково, что оно не можетъ продолжиться и если, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рѣшительные къ прекращенію его способы также невозможны безъ общаго потрясенія, то необходимо, по крайней мѣрѣ, приготовить пути для постепеннаго перехода къ другому порядку вещей и, не устрашаясь передъ всякою перемѣною, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу къ переходному состоянію, а съ нимъ связать ненарушимое охраненіе вотчинной собственности на землю. Я считаю это священною своею обязанностію и обязанностію тѣхъ, кто будетъ послѣ меня, а средства, по моему мнѣнію, вполнѣ представляются въ предложенномъ теперь совѣту проектѣ указа...

«Настоящимъ дѣломъ очень долго и подробно занимался особый комитетъ, которому оно было отъ меня поручено; но, не скрывая передъ собою всѣхъ его трудностей, я не рѣшился подписать указъ безъ новаго пересмотра въ Государственномъ Совѣтѣ. Я люблю всегда правду, господа, и, полагаясь на вашу опытность и вѣрноподданническое усердіе, приглашаю васъ теперь изъяснить ваши мысли со всею откровенностію, не стѣсняясь личнымъ моимъ убѣжденіемъ. Одно только не могу не поставить съ прискорбіемъ въ виду совѣта—именно той публичной, естественно преувеличенной народной молвы, которой источникъ отношу къ неумѣстнымъ разглашеніямъ со стороны лицъ, облеченныхъ моимъ довѣріемъ и обязанныхъ, самымъ долгомъ ихъ присяги, хранить государственную тайну. Я принужденъ, по этому случаю, подтвердить передъ всѣмъ собраніемъ совѣта, чтобы впредь присяжный долгъ исполняемъ былъ ненарушимо, какъ членами, такъ и канцеляріею, и предваряю, что если бы, сверхъ ожиданія, опять дошло до моего свѣдѣнія о подобныхъ разглашеніяхъ, то я велю тотчасъ судить виноватыхъ по строгости законовъ, какъ за государственное преступленіе».

Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ,

и затѣмъ начались пренія. Государь строго охранялъ въ нихъ порядокъ, не позволялъ одному перебивать другаго и, при случающихся разговорахъ вполголоса между сосѣдями, тотчасъ призывалъ ихъ къ вниманію. Строгій къ себѣ самому, онъ былъ строгъ и къ другимъ.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, и именно въ 10 часовъ утра 10 августа 1827 года, императоръ, прибывъ въ Сенатъ, обошелъ всѣ его департаменты и нашелъ въ присутствіи только одного сенатора П. Г. Дивова, который и сопровождалъ его изъ втораго отдѣленія 3-го департамента въ залъ общаго собранія.

Подымаясь по лѣстницѣ, государь спросилъ встрѣтившаго его дежурнаго чиновника: «въ которомъ часу съѣзжаются г.г. сенаторы и началось ли гдѣ-либо присутствіе?» Секретарь Теряевъ отвѣчалъ, что съѣзжаются обыкновенно въ 10 часовъ. При вступленіи въ залу присутствія 3-го отдѣленія 5-го департамента государь, осмотрѣвъ ее, сказалъ: «Никого еще нѣтъ». Перейдя черезъ канцелярію 2-го отдѣленія въ 1-ое и видя его пустымъ, императоръ сказалъ: «И здѣсь нѣтъ никого; вездѣ и все нечисто...»

Результатомъ посѣщенія государемъ Сената было въ тотъ же день послѣдовавшее высочайшее повелѣніе, чтобы сенаторы въ должной формѣ и въ мундирѣ собирались безотговорочно въ указанные часы по регламенту, и о тѣхъ, кои того не будутъ исполнять, доносилось императору при ежедневныхъ табеляхъ. Генеральнымъ регламентомъ было постановлено, чтобы въ краткіе зимніе дни съѣзжаться въ 6-мъ часу, а въ длинные лѣтніе—въ 8-мъ часу и быть въ засѣданіи не менѣе пяти часовъ. Столь раннее собраніе было, конечно, тягостно для сенаторовъ, и министръ юстиціи рѣшился просить императора объ измѣненіи часа, назначеннаго для открытія присутствія.

«Генеральный регламентъ,—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ,—изданъ для коллегій въ 1720 году. Въ теченіе ста лѣтъ и образъ жизни, и время занятій у насъ вовсе измѣнились.

«Признавая, что главное дѣло о засѣданіяхъ по регламенту состоитъ въ томъ, чтобы они продолжались не менѣе 5-ти часовъ, а слишкомъ ранніе пріѣзды въ Сенатъ, не будучи для пользы службы необходимы,—для сенаторовъ, особливо престарѣлыхъ, тягостны,

я долгомъ поставляю представить вашему императорскому величеству: не благоугодно ли будетъ опредѣлительно назначить часъ, въ который съѣзжаться, напримѣръ, въ 9 или 10 часовъ, такъ что въ первомъ случаѣ засѣданія будутъ продолжаться до 2-хъ, а въ послѣднемъ—до 3-хъ часовъ.

«Къ сему осмѣливаюсь присовокупить, что блаженныя памяти государыня императрица Екатерина Вторая указомъ, собственноручно ею писаннымъ 16 сентября 1762 года, повелѣла: «г.г. сенаторамъ быть въ Сенатѣ отъ полдевятаго часа до половины перваго и посторонникъ рѣчей отнюдь не говорить».

«А высочайше конфирмованнаго въ 4-ый день апрѣля 1805 г. доклада комитета для образованія флота, части I, отдѣл. I-го, въ п. 10-мъ постановлено: «Члены коллегіи собираются въ присутствіе во всѣ дни, кромѣ табельныхъ праздничныхъ дней и субботы, между 10-ти и 11-ти часовъ утра».

Въ отвѣтъ на этотъ докладъ императоръ Николай повелѣлъ:

1) Чтобы впредь сенаторы съѣзжались въ присутствіе Правительствующаго Сената непремѣнно въ 9 часовъ утра и оставались въ немъ, пока слушаніе и рѣшеніе предложенныхъ дѣлъ того потребуютъ, и

2) Чтобъ канцелярскіе чиновники собирались въ Сенатъ непремѣнно въ 8-мъ часу утра.

Настоящая замѣтка не имѣетъ претензіи ни на біографію императора Николая, ни на очеркъ его царствованія. Она написана съ тою цѣлью, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ напомнить о личномъ характерѣ монарха-рыцаря. Что же касается до тридцати-лѣтняго его царствованія, то оно ждетъ справедливой исторіи и безпристрастной оцѣнки. Исторія нарисуетъ намъ величавый образъ государя и поставитъ его на ту высоту, на которой стоятъ радѣтели Русской земли—люди чистаго и теплаго сердца, рыцарской честности и непреклонной воли.

Н. Д

Императоръ Николай въ 1828—1829 г.г.

(Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа) [1]).

I.

1828 годъ.

Отъѣздъ императора Николая въ армію.—Присутствіе государя подъ Браиловымъ.—Отъѣздъ въ Одессу.—Свиданіе съ императрицею въ крѣпости Бендерахъ.—Пріѣздъ ихъ величествъ въ Одессу. — Императоръ Николай въ Измаилѣ.—Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай.—Занятіе Бабадага.—Депутація некрасовцевъ, поселенныхъ въ Турціи.—Сдача Браилова.—Базарджикъ.—Козлуджи.—Движеніе къ Шумлѣ.—Отъѣздъ императора изъ-подъ Шумлы къ крѣпости Варнѣ. — Пріѣздъ въ Одессу.—Извѣстіе о кончинѣ въ Праводахъ генерала Бенкендорфа.—Отъѣздъ Николая I изъ Одессы въ Варну моремъ.—Возвращеніе государя въ Одессу. — Поѣздка государя въ Варну сухимъ путемъ.—Императоръ Николай подъ Варной.—Взятіе Варны. — Окончаніе кампаніи 1828 года.—Буря на Черномъ морѣ во время возвращенія императора въ Одессу. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Ея характеристика.

Еще императоръ Александръ, въ послѣднія минуты своей жизни, предусматривалъ печальную необходимость войны съ Портою, которая уклонялась, подъ разными предлогами, отъ исполненія трактата 1812 года. Наша борьба на смерть съ Наполеономъ; появленіе его снова въ 1815 году, съ политическими своими послѣдствіями; наконецъ, образованіе новаго царства Польскаго, по необходимости отвлекли

[1]) 11 сентября 1844 года умеръ на пароходѣ на высотѣ острова Даго при возвратномъ переѣздѣ изъ-за границы въ эстляндскую свою мызу Фалль, генералъ-адъютантъ графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ.

Потомокъ древней эстляндской фамиліи, отецъ Александра Христофоровича, генералъ-аншефъ, былъ женатъ на баронессѣ Шиллингъ фонъ-Кан-

императора и его кабинетъ отъ восточныхъ дѣлъ и дали Турціи все время и особенно всю охоту оттягивать приведеніе въ исполненіе принятыхъ ею на себя обязательствъ, въ надеждѣ исказить прямое ихъ значеніе и пространство.

Въ такомъ переходномъ положеніи нашелъ императоръ Николай это дѣло при вступленіи своемъ на престолъ. Торговля Россіи подвергалась разнымъ препятствіямъ и даже стѣсненіямъ. Нельзя было оставаться въ подобной, уничижительной для Россіи нерѣшимости, тѣмъ болѣе, что притязанія Дивана все возростали соразмѣрно съ нашею медленностью въ отстраненіи ихъ.

Съ другой стороны государь, обремененный разными трудами

штадтъ, которую императрица Марія Ѳеодоровна считала лучшимъ своимъ другомъ. Молодой Бенкендорфъ (род. въ 1783 году) вступилъ въ 1798 году юнкеромъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, въ томъ же году, еще 14-ти лѣтъ отъ роду былъ произведенъ въ офицеры и пожалованъ флигель-адъютантомъ. Въ 1813 и 1814 годахъ Бенкендорфъ, какъ отличный кавалеристъ, командовалъ съ большимъ отличіемъ отдѣльными отрядами. Въ 1819 году императоръ Александръ назначилъ его начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса. Затѣмъ онъ занималъ мѣсто начальника 1-й кираспрской дивизіи, и въ этомъ званіи засталъ его, при вступленіи на престолъ, императоръ Николай. Съ этого времени начинается блестящая карьера Бенкендорфа. 25-го іюня 1826 года онъ вдругъ возведенъ былъ въ званіе шефа жандармовъ, командующаго императорскою главною квартирою, и главнаго начальника учрежденнаго въ то время III-го отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи, т. е. поставленъ во главѣ тайной полиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ приближеннѣйшаго къ императору лица.

Впослѣдствіи, по кончинѣ уже графа, некрологическая статья о немъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 218) 1844 года, начиналась слѣдующими словами: «Въ лицѣ А. Х. Бенкендорфа государь лишился вѣрнаго и преданнаго слуги. Отечество лишилось полезнаго и достойнаго сына, человѣчество—усерднаго поборника».

Всѣ эти похвалы, по замѣчанію барона М. А. Корфа, справедливы, но только отчасти.

«Вмѣсто героя прямоты и праводушія, какимъ представленъ здѣсь Бенкендорфъ,—пишетъ баронъ Корфъ,—онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершилось, на ряду со многимъ добромъ, и немало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которая многократно давала поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ безъ мѣры преданный женщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него са-

и заботами, наслѣдованными отъ своего предшественника, отвращался отъ мысли увеличивать трудность новаго царствованія войною, тягостною для имперіи и долженствовавшею отвлечь его самого отъ нетерпѣвшихъ отлагательства дѣлъ внутренняго управленія. Вслѣдствіе того, онъ, еще въ 1826 году, предложилъ разобрать возникшія между обѣими державами недоразумѣнія, полюбовно, въ дипломатической конференціи. Турція согласилась на то, въ надеждѣ еще оттянуть дѣло или достигнуть какихъ-либо измѣненій въ трактатѣ. Конференціи происходили въ Аккерманѣ, и уполномоченнымъ отъ насъ былъ назначенъ туда графъ Воронцовъ. Послѣ разныхъ проволочекъ и ухищреній со стороны Порты положили, наконецъ, то, что, казалось, обѣщало сохраненіе мира, или,

---

мого, а другія должны были интересовать его лично. Часто случалось, что онъ послѣ засѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій, какъ бы его лица тутъ и не было.

«Однажды въ Государственномъ Совѣтѣ министръ юстиціи графъ Панинъ произносилъ очень длинную рѣчь. Когда она продолжалась уже съ полчаса, Бенкендорфъ обернулся къ сосѣду своему, графу Орлову, съ восклицаніемъ: «Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler!»—«Помилуй, братецъ, да развѣ ты не слышишь, что онъ полчаса говоритъ противъ тебя». — «Въ самомъ дѣлѣ»,—отвѣчалъ Бенкендорфъ, который тутъ только вразумился, что рѣчь Панина есть отвѣтъ и возраженіе на его представленіе; черезъ пять минутъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: «A présent adieu, il est temps que j'aille chez l'Empereur»,—и оставилъ другимъ членамъ распутывать споръ его съ Панинымъ.

«Подобные анекдоты бывали съ нимъ безпрестанно, и отъ этого онъ нерѣдко вредилъ тѣмъ, кому имѣлъ намѣреніе помочь, послѣ самъ не понимая, какъ случилось противное его видамъ и желанію.

«Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему Царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣреннаго не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ. Словомъ, какъ онъ былъ человѣкъ болѣе отрицательно-добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: та, что мѣсто, облеченное такою огромною властію, занималъ онъ, съ парализировавшею его апатіею, а не другой кто, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться».

Во время болѣзни графа Бенкендорфа въ 1837 году императоръ Николай проводилъ у его постели цѣлые часы и плакалъ надъ нимъ, какъ надъ другомъ и братомъ. Въ упомянутой выше некрологической статьѣ, напечатанной, само собою разумѣется, не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, сказано, что въ одно изъ такихъ посѣщеній государь произнесъ передъ окружавшими

по крайней мѣрѣ, удаленіе разрыва. Но все это были только временныя заплатки на приходившемъ въ ветхость рубищѣ; сущность дѣла оставалась, по-прежнему, неразрѣшенною, и весь ходъ переговоровъ явно обнаруживалъ неискренность Дивана и чаяніе имъ лучшей будущности. Греческія дѣла раздражали противъ насъ Порту. Несмотря на всѣ увѣренія въ противномъ императора Александра, несмотря на все неудовольствіе, столь явно выраженное имъ противъ безумныхъ попытокъ князя Ипсиланти въ Молдавіи, Порта продолжала считать Россію возбудительницею бунта въ Дунайскихъ княжествахъ и пособницею греческаго возстанія.

Посреди стеченія взаимныхъ неудовольствій и недовѣрчивости,

его слѣдующія слова: «Въ теченіе одиннадцати лѣтъ онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими примирилъ». Къ этому нужно еще присовокупить, что во время этой болѣзни графа Бенкендорфа, лица всѣхъ сословій толпились въ его домѣ и вокругъ него, и еслибы Бенкендорфъ умеръ въ это время, то смерть его была бы народнымъ событіемъ: до такой степени онъ пользовался тогда общею популярностію, благодаря своему добродушію и тому, что на его постѣ не дѣлать зла—значило уже дѣлать добро. Но съ тѣхъ поръ онъ пережилъ себя, пишетъ баронъ Корфъ.

«Нѣсколько самоуправныхъ дѣйствій, въ которыя Бенкендорфъ былъ вовлеченъ своими подчиненными, сильно поколебали прежнюю довѣренность государя, и царская къ нему милость стала постепенно охлаждаться, даже переходить почти въ равнодушіе, прикрытое, впрочемъ, до конца внѣшними формами прежней пріязни. Съ тѣмъ вмѣстѣ стала угасать и популярность Бенкендорфа, и въ городѣ гласно заговорили, что онъ очень не твердъ на своемъ мѣстѣ, что ему худо при Дворѣ, что ему выбранъ уже преемникъ и проч. При всемъ томъ, когда въ апрѣлѣ 1844 года, изнуренный новою жестокою болѣзнію, онъ отправился на заграничныя воды, государь, въ щедрости своей, пожаловалъ ему на эту поѣздку 50.000 р. с. Но дѣла его были такъ разстроены, что онъ повезъ съ собою едва 5.000 рублей, а прочее принужденъ былъ оставить въ Петербургѣ, для покрытія по крайней мѣрѣ самыхъ вопіющихъ долговъ».

Графъ Бенкендорфъ погребенъ въ Фаллѣ, на избранномъ и назначенномъ имъ самимъ за-долго до того мѣстѣ. Послѣдній обрядъ происходилъ въ оранжереѣ, потому что въ Фаллѣ не было лютеранской церкви. Пастору передана была высочайшая воля упомянуть въ надгробномъ словѣ, какимъ роковымъ считаетъ для себя государь 1844 годъ, унесшій у него дочь [1]) и—друга.

Послѣ графа Бенкендорфа остались записки на французскомъ языкѣ, начинавшіяся почти отъ самаго вступленія его на службу до дня пожара Зимняго дворца, т. е. до 17-го декабря 1837 года. Прочитывая ихъ, императоръ Николай отозвался графу Орлову, что находитъ тутъ очень вѣрное и живое изображеніе своего царствованія.

Н. Шильдеръ.

---

[1]) Великую княгиню Александру Николаевну.

Европу вдругъ поразило неожиданное извѣстіе о кровавой Наваринской битвѣ. Нашъ флотъ, вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ, сражался противъ оттоманскаго, сжегъ его, захватилъ турецкія суда и матросовъ. Какъ было изъяснить, что этотъ лютый бой, истребившій соединенныя морскія силы Турціи и Египта, произошелъ единственно отъ недоразумѣнія и не долженъ имѣть никакого вліянія на прерваніе добраго согласія между сказанными кабинетами и константинопольскимъ дворомъ? —Нужно ли прибавлять, что такое странное изъясненіе трудно было Портѣ понять и еще труднѣе съ нимъ согласиться.

Съ этого времени отношенія къ намъ Турціи стали еще хуже; наша торговля подверглась новымъ притѣсненіямъ, данныя въ Аккерманѣ обѣщанія остались неисполненными, и, наконецъ, явный разрывъ былъ неминуемъ.

Начались приготовленія къ войнѣ, и въ концѣ зимы съ 1827 на 1828 годъ, гвардія, за исключеніемъ кирасирской дивизіи и по одному батальону съ каждаго полка, выступила изъ Петербурга. Молодежь восхищалась предстоявшими ей опасностями и славою; но масса публики смотрѣла на начало новой войны довольно равнодушно и безъ всякой примѣси какого-нибудь національнаго чувства. Турція—этотъ исконный врагъ Россіи и христіанства, уже слишкомъ часто была укрощаема нашими войсками и уже слишкомъ ослабѣла, чтобы внушать какое-либо опасеніе или даже ненависть. Никто не сомнѣвался въ новыхъ лаврахъ, а на жертву людьми и деньгами смотрѣли единственно какъ на неизбѣжное зло, требуемое нашею народною честью и интересами нашей торговли. Командованіе арміею ввѣрено было графу Витгенштейну, а морскою экспедиціею—князю Меншикову.

Императоръ Николай, пожелавъ лично участвовать въ этой войнѣ, оставилъ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля. До Витебской губерніи сопровождалъ его принцъ Оранскій, возвращавшійся изъ Россіи во-свояси; потомъ государь взялъ къ себѣ въ коляску меня.

Это была первая изъ многочисленныхъ поѣздокъ, которыя впослѣдствіи я имѣлъ счастіе совершать такимъ же образомъ, сидя всегда бокъ-о-бокъ съ государемъ. Остальную свиту составляли только генералъ Адлербергъ и врачъ. Оберъ-церемоніймейстеръ

графъ Станиславъ Потоцкій, назначенный исправлять, во время похода, должность гофмаршала военнаго двора, уѣхалъ уже прежде. Точно также отправлены были впередъ весь багажъ, съ палатками, конюшнею и кухнею, а равно флигель-адъютанты и вся государева главная квартира, съ приказаніемъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій въ Измаилѣ.

Сверхъ того, слѣдовали къ арміи, по высочайшему соизволенію, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде съ нужнымъ числомъ высшихъ чиновниковъ; Васильчиковъ, Ланжеронъ и нѣсколько другихъ почетнѣйшихъ генераловъ, французскій посолъ герцогъ Мортемаръ, съ многочисленною свитою; генералъ австрійской службы принцъ Гессенъ-Гомбургскій съ нѣсколькими офицерами; прусскій генералъ Ностицъ и, наконецъ, посланники: ганноверскій Дёрнбергъ и датскій—Блумъ.

Государь ѣхалъ день и ночь и остановился только на двое сутокъ въ Елисаветградѣ, для осмотра уланской дивизіи, принадлежавшей къ военнымъ поселеніямъ подъ начальствомъ графа Витта. Отсюда мы продолжали путь, чрезъ Бендеры, къ Водули-Исакчи на границѣ имперіи. Тутъ ожидали насъ графъ Потоцкій, пріѣхавшій нарочно изъ Измаила, съ прекраснымъ обѣдомъ, и мой братъ[1]), который, едва возвратясь изъ персидской кампаніи, готовился уже начать новую. Мы задыхались отъ жары, несмотря на то, что было только 7-ое мая. Государь ступилъ на турецкую землю при ярко сіявшемъ солнцѣ и безъ всякаго конвоя, имѣя въ свитѣ только меня и фельдъегеря, и прибылъ поздно вечеромъ въ лагерь подъ осажденный великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ Браиловъ.

На другое утро государь объѣхалъ верхомъ всѣ войска, къ живой радости солдатъ, которые впервые видѣли своего молодаго царя, явившагося ободрять ихъ и раздѣлить съ ними труды и опасности. Со временъ Петра Великаго, императоръ Николай былъ первымъ изъ русскихъ монарховъ внутри владѣній Оттоманской Порты.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ въ ту эпоху кавалерійскихъ нашихъ генераловъ. Н. Ш.

Подъ Браиловымъ же государь сильно занемогъ горячкою, опасность и упорность которой въ этихъ краяхъ довольно извѣстна. Благодаря, однако же, его крѣпкому сложенію и чрезвычайной умѣренности въ пищѣ, онъ скоро всталъ съ постели, и наши опасенія разсѣялись.

Государь осмотрѣлъ всѣ начатыя осадныя работы и торопилъ ихъ окончаніемъ. Когда главная батарея (№ 2), вооруженная 12-ю осадными и 12-ю батарейными орудіями, представлявшая, по близости ея къ стѣнамъ крѣпости, почти брешь-батарею, была совсѣмъ кончена, государь, на разсвѣтѣ, пришелъ на нее, чтобы лично удостовѣриться въ ея дѣйствіи. Огонь съ этой батареи былъ такъ силенъ, что непріятель нѣсколько времени не отвѣчалъ на него; но когда, опомнясь отъ перваго испуга, онъ замѣтилъ на ближайшемъ курганѣ множество людей, въ числѣ которыхъ находился государь со свитою, то направилъ туда свои выстрѣлы и стрѣлялъ такъ мѣтко, что многія ядра ударялись въ основаніе возвышенія, а нѣкоторыя даже перелетали черезъ него и попадали въ стоявшихъ тутъ верховыхъ нашихъ лошадей. Это были первыя ядра, летавшія вокругъ государя. Намъ стоило продолжительныхъ усилій и многихъ трудовъ уговорить его оставить это мѣсто, сдѣлавшееся цѣлью непріятельскаго огня. Оттуда онъ пошелъ въ лагерь 7-го корпуса и лично раздавалъ георгіевскіе кресты отличившимся при подступѣ къ крѣпости, предмѣстія которой были заняты штыками. Онъ заботливо обходилъ раненыхъ и больныхъ, приказывалъ раздавать имъ деньги, вникалъ въ малѣйшія подробности касательно пищи солдатъ и попеченія о нихъ. Добрый и привѣтливый со всѣми, онъ оставилъ по себѣ въ войскахъ благоговѣйную память благодарности, которую потомъ они выразили на дѣлѣ самымъ блестящимъ образомъ.

Пробывъ нѣсколько дней среди осаднаго браиловскаго лагеря, государь возвратился къ границѣ.

Въ Водули-Исакчи онъ вышелъ изъ коляски и, показывая собою примѣръ повиновенія законамъ, подвергся всѣмъ окуркамъ и очищеніямъ, установленныхъ для прибывающихъ изъ княжествъ. Потомъ мы отправились въ Бендеры, куда пріѣхала императрица.

Желая быть по близости къ своему супругу, она расположилась провести это лѣто въ Одессѣ. За нѣсколько верстъ до Бендеръ мы встрѣтили ѣхавшею ее въ каретѣ съ одною изъ фрейлинъ. Государь пересѣлъ къ императрицѣ, а фрейлина ко мнѣ въ коляску, и мы такимъ образомъ въѣхали въ городъ. Внутренность Бендерской крѣпости, окруженной старинными высокими стѣнами и вмѣщавшей въ-себѣ, при турецкомъ владычествѣ, довольно многолюдное населеніе, въ это время представляла глазамъ обширный пустырь, на которомъ стояли домъ коменданта, древняя мечеть, обращенная въ магазинъ, и нѣсколько домиковъ. Едва нашлось мѣсто, гдѣ провести ночь.

На другой день, государь, принявъ пріѣхавшаго французскаго посла, отправился съ императрицею въ дальнѣйшій путь, до одного селенія нѣмецкихъ колонистовъ, гдѣ приготовленъ былъ для императрицы обѣдъ. Эта поѣздка, со всѣми ея удобствами, такъ отличалась отъ обыкновенныхъ путешествій государя, скакавшаго всегда день и ночь и безъ кухни, что показалась мнѣ настоящею прогулкою.

Подъ вечеръ мы прибыли въ Одессу. Насъ ожидало многочисленное стеченіе народа, жаждавшаго видѣть императорскую чету. Ихъ величества остановились въ домѣ новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, предназначенномъ для жительства императрицы. Этотъ домъ былъ настоящій дворецъ, вновь выстроенный въ лучшемъ вкусѣ, на крутомъ берегу, окаймляющемъ обширный одесскій рейдъ. Съ террасы этого великолѣпнаго зданія можно было перечесть всѣ корабли и шлюпки на рейдѣ, и, сверхъ того, открывался видъ на карантинный портъ и на часть города. Три дня пролетѣли для насъ тутъ чрезвычайно пріятно. Потомъ надо было ѣхать. Время года уже позволяло помышлять о переправѣ арміи черезъ Дунай, а государю было очень желательно ускорить, по возможности, эту минуту.

Мы направились прямо къ Измаилу. Эта крѣпость всего лишь 16 лѣтъ принадлежала Россіи, и уже цѣлый новый городъ выросъ вокругъ мусульманскихъ укрѣпленій, обагренныхъ нѣкогда потоками крови, и турецкой, и русской. Измаилъ былъ переполненъ въ это время народомъ. Здѣсь находились и вся главная квартира

государя, и разные запасы для арміи, и часть флотилій: нашей и запорожскихъ казаковъ, покинувшихъ незадолго передъ симъ турецкія владѣнія (правый берегъ устьевъ Дуная), чтобы возвратиться въ нѣдра древняго своего отечества. Эта буйная вольница, воспротивясь нововведеніямъ князя Потемкина, который въ 1775 году уничтожилъ ихъ кочевую республику, бѣжала въ Турцію и предложила султану свою необузданную отвагу. Ихъ приняли съ радостью и, надѣливъ плодоносными землями, сохранили имъ форму ихъ общиннаго правленія. Въ войнахъ противъ Россіи запорожцы оказывали большія услуги Портѣ, отличаясь ожесточенною ненавистью къ прежнимъ своимъ соотечественникамъ и превосходя свирѣпою храбростью даже самихъ фанатическихъ турокъ. Въ послѣднее время нѣсколько сотъ изъ нихъ погибло въ войнѣ съ греками. Сохраняя строго вѣру, нравы, одежду и языкъ русскій, запорожцы наполняли свои ряды дезертирами и бродягами изъ Россіи. Атаманомъ ихъ въ ту эпоху былъ малороссійскій мужикъ Іосифъ Гладкій, который достигъ этой степени единственно благодаря своему уму и отважности. Измаильскій комендантъ Тучковъ искусно умѣлъ завести съ нимъ сношенія и пробудить снова въ его душѣ чувства преданности и любви къ законному государю и къ родинѣ. Ловкій атаманъ передалъ свой новый образъ мыслей сотоварищамъ въ то время, когда Сѣчь должна была выступить на соединеніе съ войсками силистрійскаго паши, для сопротивленія нашей арміи. Онъ энергически и краснорѣчиво изобразилъ казакамъ, какъ преступно будетъ для нихъ проливать кровь русскихъ своихъ собратьевъ и сколько они могутъ выиграть, испросивъ помилованіе и покровительство природнаго ихъ государя. Казаки въ ту же минуту рѣшились, и вооруженныя лодки съ запорожскими знаменами и бунчуками причалили къ русскому берегу.

Государь осмотрѣлъ это заблудшее стадо, возвратившееся въ родное свое пепелище, простилъ все прошедшее и взыскалъ атамана и его казаковъ словами милости, обѣщая надѣлить, въ награду ожидаемой отъ нихъ въ предстоящую войну службы, удобными землями на взморьѣ.

По окончаніи всѣхъ нужныхъ распоряженій, государь выѣхалъ изъ Измаила, и они съ жаромъ кричали: «мы, батюшка царь, твои,

и не только наша дружина, но и всѣ наши товарищи!» Государь благополучно приста̀лъ къ мусульманскому берегу.

Мостъ былъ наведенъ въ теченіе дня; войска продолжали переправляться,—и на другое утро государева палатка раскинулась уже по ту сторону Дуная, напротивъ Исакчи. Потребовали сдачи крѣпости. Турецкій комендантъ, бывшій свидѣтелемъ отважности нашихъ солдатъ и бѣгства передъ ними своихъ, видя при томъ со стѣнъ, какъ масса нашихъ войскъ безпрестанно возрастаетъ, колебался не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Когда ворота крѣпости открылись, въ ней тотчасъ размѣстили нашихъ раненыхъ, и Исакчи сдѣлался первымъ военнымъ этапомъ нашего наступленія.

Въ слѣдъ затѣмъ государь съ корпусомъ Рудзевича открылъ кампанію, движеніемъ къ Траянову валу. Для прикрытія этого движенія и вмѣстѣ для занятія маленькихъ крѣпостей между валомъ и Дунаемъ, разосланы были, по разнымъ направленіямъ, небольшіе отряды. Древняя крѣпость Мачинъ, сооруженная еще римлянами, сдалась полковнику Роговскому; Гирсово открыло свои ворота генералу князю Мадатову; крѣпость Кистенджи, на крутомъ берегу Чернаго моря, съ 3-хъ тысячнымъ гарнизономъ, сдалась генералу Ридигеру, но лишь послѣ двухъ-суточнаго бомбардированія, и мы пріобрѣли въ ней важный укрѣпленный пунктъ для морскаго сообщенія съ Одессою. Наконецъ Тульчею овладѣлъ генералъ Ушаковъ, и такимъ образомъ мы заняли все пространство между Рассеватою и Чернымъ моремъ.

Въ промежуткѣ этихъ различныхъ экспедицій, государь, съ главною частію корпуса Рудзевича, продолжалъ свой походъ къ Бабадагу, первому незащищенному городу, представлявшемуся на нашемъ пути. За нѣсколько до него верстъ, государь, уѣхавшій впередъ, былъ встрѣченъ депутаціею некрасовцевъ, бѣжавшихъ изъ Россіи во время религіозныхъ распрей [1]) и съ тѣхъ поръ отличавшихся, подъ оттоманскою державою, мужествомъ въ войнахъ противъ насъ и свирѣпостію въ бояхъ. Это племя, занимающее нѣсколько большихъ деревень, выстроенныхъ на русскій обра-

---

[1]) Некрасовцы бѣжали изъ Россіи въ 1708 году, во время Булавинскаго бунта. Н. Ш.

зецъ, сохраняетъ нашу вѣру и одежду и всѣ наши нравы. По обычаю покинутой имъ отчизны, депутаты ждали за столомъ, на которомъ стояли хлѣбъ и соль, и, въ минуту приближенія государя, пали на землю. Государь, велѣвъ имъ встать, сказалъ: «не стану обманывать васъ ложными надеждами: я не хочу удерживать за собою этотъ край, въ которомъ вы живете и который занятъ теперь нашими войсками; онъ будетъ возвращенъ туркамъ: слѣдственно поступайте такъ, какъ велятъ вамъ ваша совѣсть и ваши выгоды. Тѣхъ изъ васъ, которые захотятъ возвратиться въ Россію, мы примемъ, и прошедшее будетъ забыто; тѣхъ же, которые останутся здѣсь, мы не тронемъ, лишь бы они не обижали нашихъ людей. За все, что вы принесете въ нашъ лагерь, будетъ всегда заплачено чистыми деньгами».

Интересно было видѣть, какъ эти потомки русскихъ людей, уже болѣе вѣка отрекшіеся отъ своего подданства, лежали у ногъ правнука Петра Великаго, испрашивая его помилованія.

Во все продолженіе войны не было нашей арміи повода къ жалобамъ на некрасовцевъ, которые, однако же, владѣя обильными земляными угодьями и рыбными ловлями, всѣ предпочли остаться подъ благорастворенным небомъ второй своей родины.

Новое, составляющее красу Бабадага, огромное зданіе, которое султанъ Махмудъ выстроилъ для сформированнаго имъ регулярнаго полка, было обращено въ госпиталь, сдѣлавшійся впослѣдствіи могилою многихъ тысячъ нашихъ солдатъ; позже, въ прибавку къ опустошеніямъ, произведеннымъ въ нашихъ рядахъ трудностями похода и климатомъ, присоединился еще и бичъ чумы.

Ставки императорскаго лагеря были раскинуты на вершинѣ высокой горы, съ которой открывались истинно-восхительные виды на необъятный горизонтъ, на огромное озеро и на лагерь нашего войска. Ночью ужасная гроза, съ проливнымъ дождемъ, опрокинула часть нашихъ палатокъ и наводнила лагерь. Лошади двухъ гусарскихъ полковъ, перепуганныя раскатами грома, оторвались отъ коновязей и поскакали къ горѣ. Въ лагерѣ вообразили, что это тревога, и къ разсвѣту все находилось въ страшномъ безпорядкѣ.

Послѣ дневки, весь лагерь снова тронулся, и армія подошла къ Карасу, составляющему почти средоточіе Траянова вала. Тутъ

положено было ждать возвращенія отрядовъ, отправленныхъ для занятія крѣпостей, находившихся въ тылу и на флангахъ нашей операціонной линіи.

Между тѣмъ осада Браилова дѣятельно продолжалась. Великій князь Михаилъ Павловичъ рѣшился, наконецъ, на приступъ. Солдаты, въ его присутствіи, бросились въ ровъ; но лѣстницы оказались слишкомъ короткими, и, послѣ страшныхъ усилій и потерь, войска наши должны были отступить за свои параллели. Турокъ, однако же, неудача этого приступа нисколько не ободрила; напротивъ, бывъ свидѣтелями мужества нападающихъ и страшась возобновленія приступа, они потребовали капитуляціи. Браиловъ сдался со всѣмъ своимъ военнымъ имуществомъ, и великій князь, съ частію бывшихъ у него войскъ, присоединился къ главной арміи, дѣйствовавшей подъ начальствомъ государя.

Жары начинали сильно утомлять солдатъ; мало было воды, и та дурная; заросшія камышомъ болота распространяли вредное зловоніе; трава погорѣла; для огромной массы лошадей уже оказывался недостатокъ въ фуражѣ; многія тысячи воловъ, перевозившихъ провіантъ и резервные парки, за неимѣніемъ достаточныхъ пастбищъ, худали, дѣлались неспособными къ извозу и издыхали въ пути, еще болѣе заражая воздухъ.

Государь съѣздилъ въ Кистенджи, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ казаковъ, и отдалъ приказаніе объ устроеніи тамъ госпиталей, какъ и о выгрузкѣ провіанта, привезеннаго на купеческихъ судахъ.

Спустя нѣсколько дней сняли лагерь при Карасу, и армія отправилась къ Базарджику.

Этотъ маленькій городокъ, брошенный жителями и окруженный множествомъ кладбищъ, представлялъ наглядный образъ опустошенія и смерти. Непріятель передъ уходомъ испортилъ тамъ всѣ фонтаны и колодцы, заваливъ ихъ соромъ и мѣшками съ мыломъ, такъ что не было возможности брать изъ нихъ воду безъ крайняго вреда для здоровья.

Передъ Базарджикомъ наша кавалерія имѣла небольшую стычку, при которой турецкая конница, воспользовавшись излишнею горячностью двухъ нашихъ уланскихъ эскадроновъ, нанесла имъ

сильный уронъ и даже совсѣмъ изрубила бы ихъ, если бы не подоспѣли на помощь гусары съ двумя конными орудіями. Турки продолжали, впрочемъ, свое отступательное движеніе; но лѣсистая мѣстность, изрытая оврагами, черезъ которые вели однѣ только узкія и иногда очень крутыя тропинки, крайне затруднявшія спускъ и подъемъ артиллеріи и обозныхъ фуръ, заставляли насъ удвоить мѣры предосторожности.

Войска двинулись къ избранному пунктомъ переправы мѣстечку Сатунову, лежащему напротивъ маленькой турецкой крѣпости Исакчи, чтобы тамъ выждать время, когда Дунай войдетъ въ берега. На дорогѣ, въ Бѣлградѣ, государь осмотрѣлъ 3-й корпусъ, состоявшій подъ командою генерала Рудзевича.

Въ Сатуновѣ мы впервые раскинули императорскій лагерь, который самъ по себѣ походилъ на цѣлый городокъ. Сверхъ всей свиты и иностранныхъ пословъ и генераловъ, въ немъ находились, для его охраненія и вмѣстѣ какъ резервъ, два пѣхотныхъ полка, десять артиллерійскихъ ротъ, три эскадрона жандармовъ, столько же гвардейскихъ казаковъ, сотня казаковъ Атаманскаго полка и цѣлый армейскій казачій полкъ.

Маркитанты, рестораторы и торговцы всякаго рода увеличивали еще его многолюдство. Вся эта команда, съ которою не легко было управляться, состояла подъ моимъ начальствомъ. Въ первые дни часто приходилось сердиться и браниться; потомъ все обошлось, и дѣло устроилось къ удовольствію государя и всѣхъ жителей этой кочевой столицы.

Между тѣмъ производились исполинскія работы для отвращенія препятствій, представлявшихся къ переправѣ разливомъ Дуная, который въ этомъ году, отъ чрезвычайно дождливой весны, былъ необыкновенно полноводенъ. Чтобы добраться до его берега, принуждены были возвести плотину на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, посреди воды и въ топкомъ, илистомъ грунтѣ; на оконечности этой плотины, для охраненія ея и вмѣстѣ для расположенія батареи, долженствовавшей защищать нашу переправу, вывели валъ.

Турки съ своей стороны, въ виду нашихъ приготовленій, устроили на своемъ берегу, господствовавшемъ надъ нашимъ, разные

верки и батареи, съ цѣлью воспрепятствовать переправѣ и еще болѣе — укрѣпить выгодную свою позицію, на которую стянуты были значительныя силы. По вечерамъ огни турецкой арміи живописно обрисовывали эту позицію, которая, будучи примкнута, съ одной стороны, къ крѣпости Исакчи, а съ другой—къ глубокому болоту, возвышенностію своею и протяженіемъ, какъ бы смѣялась надъ всѣми нашими приготовленіями. Наша позиція, напротивъ, между гніющими камышами и среди болотъ, была совершенно подавлена господствовавшими надъ ними непріятельскими высотами, а наши лагерные огни горѣли укутанные въ туманѣ.

Государь все дѣятельно ускорялъ минуту переправы. Понтоны и большія барки, приготовленныя для плавучаго моста, ждали у устья маленькой рѣчки сигнала ко входу въ Дунай. Гребныя флотиліи, наша и новыхъ нашихъ подданныхъ запорожцевъ, приблизились, противъ теченія, къ мѣсту переправы. Батарея на берегу была вооружена орудіями; полки, которымъ слѣдовало идти въ головахъ колоннъ, подошли къ плотинѣ, и всѣ меньшія суда находились между камышами и кустами, покрывавшими нашъ берегъ.

Наконецъ 27-го м а я, на разсвѣтѣ, государь со всею своею свитою отправился на оконечность плотины. Два егерскихъ полка изъ корпуса генерала Рудзевича первые взошли на транспортныя суда. Турки не замедлили отвѣчать на выстрѣлы, которые, для прикрытія переправы, вдругъ посыпались и съ нашей флотиліи, и съ батареи. Запорожскія лодки, болѣе легкія, чѣмъ наши, пристали къ непріятельскому берегу прежде всѣхъ другихъ. Кустарникъ и глубокая топь, вслѣдствіе разлива рѣки чрезвычайно затрудняли и высадку, и всякое движеніе впередъ; начальникъ штаба 2-й арміи генералъ-адъютантъ Киселевъ, генералъ князь Горчаковъ и командиры полковые и баталіонные первые вошли въ воду по пояс; за егерями слѣдовали другіе полки, и вскорѣ кусты и болота были пройдены подъ убійственнымъ огнемъ; послѣ чего наши войска выстроились на открытой мѣстности, напротивъ гораздо многочисленнѣйшаго непріятеля, котораго сила еще увеличивалась возвышенными его укрѣпленіями.

Государь хотѣлъ самъ бѣжать на батарею и уже дошелъ до такого пункта, который обстрѣливали непріятельскія ядра; графъ

Дибичъ едва могъ склонить его удалиться оттуда на возвышеніе, на которомъ онъ прежде стоялъ и съ котораго видны были всѣ движенія нашихъ войскъ, флотиліи и турокъ. Въ эту минуту доложили, что командиръ канонерскихъ нашихъ лодокъ, капитанъ 2-го ранга Патаніоти раненъ, и государь велѣлъ мнѣ занять его мѣсто. Я поспѣшилъ къ берегу, чтобы сѣсть на лодку, но, найдя Патаніоти раненымъ лишь очень легко и продолжающимъ отдавать свои приказанія, я не захотѣлъ сообщить ему полученнаго мною повелѣнія. Огонь все еще продолжался одинаково съ обѣихъ сторонъ; наши суда, стараясь подойти къ турецкимъ батареямъ, съ усиліемъ подымались противъ теченія; я возвратился къ государю, который, бывъ удержанъ отъ личнаго участія въ боѣ, заботливо распоряжался объ уходѣ за ранеными, приносимыми съ берега.

Между тѣмъ наша пѣхота неудержимо шла на непріятеля, и, въ ту минуту какъ его батареи, все ближе и ближе громимыя нашими канонерскими лодками, постепенно замолкали, атака въ штыки рѣшила участь дня. Часть непріятеля засѣла въ крѣпости, а главныя его силы отступили по Бабадагской дорогѣ. Одинъ батальонъ нашъ бросился на послѣдній, остававшійся за турками редутъ; мы видѣли, какъ наши люди туда ворвались, но въ ту же минуту, посреди страшнаго треска, густой дымъ скрылъ ихъ отъ насъ. Взорвало пороховой погребъ, который увлекъ въ своемъ разрушеніи и русскихъ, и турокъ; впрочемъ, убитыхъ у насъ было при этомъ случаѣ не свыше двадцати, а прочихъ только болѣе или менѣе ранило.

Государь, въ нетерпѣливости своей, побѣжалъ къ берегу и, пока суда продолжали подвозить подкрѣпленіе отрядамъ, уже овладѣвшимъ высотами, велѣлъ наводить мостъ. Поощряемые его присутствіемъ, піонеры принялись за дѣло съ безпримѣрнымъ жаромъ. Но онъ не дождался наведенія моста и, въ виду еще не сдававшейся и защищаемой сильнымъ гарнизономъ крѣпости, сѣлъ въ шлюпку Запорожскаго атамана. Послѣдній самъ стоялъ у руля, а двѣнадцать его казаковъ гребли. Этимъ людямъ, такъ недавно еще нашимъ смертельнымъ врагамъ и едва за три недѣли передъ тѣмъ оставившимъ непріятельскій станъ, стоило лишь ударить нѣсколько лишнихъ разъ веслами, чтобы сдать туркамъ, подъ стѣнами Исакчи, русскаго самодержца, ввѣрившагося имъ въ сопровожденіи всего

только двухъ генераловъ. Но атаманъ и его казаки были въ восторгѣ отъ такого знака довѣрія.

Выйдя изъ деревни Козлуджи мы вступили въ край болѣе открытый и съ болѣе улыбающеюся природою. По мѣрѣ возвышенія горъ, и растительность становилась обильнѣе; долины, орошаемыя небольшими ручьями, растянулись и расширились, и вся мѣстность, несмотря на отсутствіе землевоздѣлыванія и сообщеній и на скудость рѣдкихъ деревень, представляла человѣку всѣ выгоды прекраснаго климата и плодоносной почвы. Изъ Козлуджи, гдѣ былъ оставленъ небольшой отрядъ для прикрытія нашего тыла и откуда братъ мой былъ отряженъ съ двумя батальонами для занятія горнаго городка Праводы, армія слѣдовала далѣе къ Шумлѣ.

Близъ Енибазара, гдѣ уже стоялъ нашъ авангардъ, государь поднялся на высокій пригорокъ, откуда явственно открывались высоты Шумлы, линія ея укрѣпленій, которыя, бывъ выведены изъ известковаго камня, казались длинною бѣлою лентою, наконецъ — непріятельскіе лагери, расположенные на двухъ высотахъ, фланкирующихъ эту обширную и важную крѣпость.

Его величество приказалъ раскинуть свою палатку у подошвы этого пригорка; на широкой долинѣ, разстилавшейся передъ нимъ, размѣстилась наша армія, а впереди ея — казачьи аванпосты, а противъ нихъ — турецкіе, за которыми тянулся ихъ лагерь, прикрывавшій Шумлу. Государь имѣлъ, наконецъ, передъ собою главныя непріятельскія силы и лично распоряжалъ приготовленіями къ бою.

Въ этомъ, статься можетъ, была сдѣлана ошибка, за которую отвѣтственность лежала единственно на начальникѣ главнаго штаба графѣ Дибичѣ, — ошибка, состоявшая въ томъ, что военную репутацію молодаго нашего монарха, его первые опыты полководческихъ дарованій подвергали всѣмъ случайностямъ неровнаго состязанія. Турки, обильно всѣмъ снабженные, находясь на собственной землѣ, вблизи отъ необходимыхъ пособій, имѣя повсюду открытыя для себя сообщенія, насчитывали въ рядахъ своихъ слишкомъ 80.000 человѣкъ и занимали укрѣпленную позицію. Наша же армія, напротивъ, отдѣленная рѣками и значительнымъ пространствомъ отъ всѣхъ своимъ источниковъ снабженія, ослабленная въ численности послѣ занятія Молдавіи и Валахіи, оставленіемъ гарнизоновъ въ завое-

ванныхъ крѣпостяхъ и отрядовъ для блокированія другихъ, утомленная переходами,—считала подъ ружьемъ, за исключеніемъ больныхъ, менѣе 30.000, и стояла на позиціи не слишкомъ выгодной. Туркамъ предстояло выдержать здѣсь послѣднюю борьбу съ нашими орлами, и легко могло случиться, что русскому царю, какъ нѣкогда Петру Великому на Прутѣ, придется уступить числу и преклониться предъ султаномъ. Несмотря на все это, рѣшено было атаковать непріятеля.

8-го іюля съ утра графъ Дибичъ пошелъ съ нѣсколькими дивизіями въ обходъ праваго непріятельскаго крыла, а остатокъ арміи, подъ личнымъ предводительствомъ государя, двинулся, въ нѣсколькихъ каре, прямо на Шумлу. Турки, оттянувшись до высотъ, образующихъ какъ бы занавѣсъ передъ городомъ, развернули тутъ свою артиллерію. Въ этой позиціи, съ гребня возвышенности, до которой намъ надо было добираться по длинной отлогости, турецкая артиллерія могла дѣйствовать съ несравненнымъ превосходствомъ противъ нашей.

Государь, съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и всею выдержкою стараго воина, управлялъ движеніями и отдавалъ приказанія съ такою же точностію, какъ бы на маневрахъ. Видъ съ маленькаго пригорка, на которомъ онъ стоялъ, открывался безподобный. Можно было явственно различать, какъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ отрядъ Дибича подступалъ къ непріятелю, какъ справа громили его турецкія пушки, какъ потомъ турецкая конница стремительно бросилась на нашихъ, встрѣтившихъ ее батальнымъ огнемъ и все продолжавшихъ подходить къ непріятельской позиціи. Была и одна жаркая минута, когда флигель-адъютантъ Реадъ, везшій приказаніе Дибичу, былъ, возлѣ него самаго, сорванъ ядромъ съ лошади. На правомъ флангѣ часть нашей конницы развернулась для сдержанія турецкой, пытавшейся обойти его. Съ нашего пригорка видны были каждая атака съ той и другой стороны, каждый пистолетный выстрѣлъ. Государь покойно выжидалъ благопріятной минуты для нападенія на центръ. Послѣ стычки у небольшой рѣчки, защищавшей подступы къ позиціи, наши егеря разсыпались въ стрѣлковый строй по ту ея сторону, и государь двинулъ массу пѣхоты для окончанія дѣла. Мужественно атакованный на всѣхъ пунктахъ, непрія-

тель началъ отступать; пользуясь, однакоже, мѣстностью находившейся подъ огнемъ артиллеріи, онъ исполнилъ свое движеніе довольно въ порядкѣ и, неторопливо оставляя намъ поле сраженія, возвратился къ своей превосходной укрѣпленной позиціи, за стѣнами и крутыми горами Шумлы.

Когда мы заняли мѣсто, гдѣ прежде стояла турецкая армія, между нами и Шумлою находилась только обширная и прекрасная равнина, на которой еще гарцовало нѣсколько всадниковъ, въ бѣлыхъ чалмахъ и богатомъ вооруженіи. Несмѣтное множество разноцвѣтныхъ знаменъ и значковъ развѣвалось надъ турецкими укрѣпленіями и лагерями, окружавшими Шумлу, а насупротивъ ихъ наши знамена и батальоны рисовались въ разныхъ пунктахъ, дополняя такимъ образомъ одну изъ величественныхъ картинъ, какую мнѣ когда-либо случалось видѣть.

Государь отблагодарилъ всѣхъ, велѣлъ заняться ранеными и, на ряду съ солдатами, провелъ эту ночь на бивуакахъ.

На слѣдующее утро прибыли обозы, и нашъ лагерь раскинулся противъ самаго центра Шумлы. Армія расположилась впереди и по бокамъ императорскаго стана, котораго я остался комендантомъ, имѣя при себѣ два егерскихъ полка и 120 резервныхъ орудій. Затѣмъ начали прикрывать нашу линію редутами, которые должны были служить вмѣстѣ и подступами къ крѣпости; но ихъ настроили слишкомъ много и тѣмъ ослабили ряды нашихъ батальоновъ. Кавалеріи, уже утомленной, приходилось отыскивать вдалекѣ фуражъ, и притомъ довольно дурной; неизбѣжная надобность въ частомъ нарядѣ конвоевъ, безпрерывныя стычки, въ особенности же необходимость быть вѣчно насторожѣ противъ многочисленной, хорошо содержанной и охраняемой Шумлинскими стѣнами непріятельской конницы, совершенно обезсилили нашихъ лошадей и изнурили храбрыхъ всадниковъ. Кромѣ того, наши сообщенія были затруднены, и фуражиры безпрестанно тревожимы.

Словомъ, пока мы готовились осаждать Шумлу, скорѣе мы сами представляли осажденный станъ.

Курьеровъ нашихъ рѣзали, транспорты грабили, болѣзни все болѣе и болѣе разрѣжали наши ряды, и волы издыхали сотнями, отчего останавливался подвозъ припасовъ.

Непріятель дѣлалъ частыя вылазки, съ цѣлію препятствовать нашимъ работамъ и перехватывать наши отряды. Государь ежедневно объѣзжалъ весь лагерь, осматривалъ аванпосты и, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, всегда являлся на мѣсто боя. Благодаря нашей дисциплинѣ и благоразумнымъ распоряженіямъ, турки почти каждый разъ были отражаемы съ уономъ; но всякое сраженіе, безъ существенной пользы, увеличивало число раненыхъ, солдатъ и лошадей. Графъ Дибичъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвавшійся и зашедшій слишкомъ далеко, продолжалъ предсказывать скорое паденіе Шумлы. Всѣ прочіе генералы начинали въ томъ сомнѣваться, и каждый потерянный день все болѣе и болѣе подтверждалъ ихъ печальныя предвидѣнія. Государь, одаренный, при всемъ кипучемъ своемъ жарѣ, вѣрнымъ сужденіемъ и взглядомъ, вскорѣ самъ убѣдился въ безполезности нашихъ усилій и въ двусмысленности угрожающаго намъ положенія. Онъ призналъ ниже своего достоинства напрасно тратить время передъ неприступною позиціею, тѣмъ болѣе, что высшіе интересы призывали его на другіе пункты.

Пришедшее между тѣмъ извѣстіе о покореніи адмираломъ Грейгомъ и княземъ Меншиковымъ, крѣпости Анапы,—послѣ чудесъ дѣятельности и храбрости, выказанныхъ нашимъ флотомъ и слабымъ сухопутнымъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 13-го и 14-го егерскихъ полковъ, — позволяло употребить въ пользу наши суда, способности князя Меншикова и бывшую подъ его начальствомъ неустрашимую пѣхоту. Предназначено было употребить ихъ къ покоренію Варны, крѣпости первостепенной важности по многочисленному ея гарнизону и особенно по обширному и превосходному рейду, находящемуся подъ ея выстрѣлами.

Государь, еще не видавшій Черноморскаго флота, захотѣлъ взглянуть на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать первыя распоряженія къ осадѣ Варны, потомъ отправиться моремъ въ Одессу, для осмотра резервныхъ батальоновъ, формировавшихся тамъ для укомплектованія дѣйствующей арміи, и, наконецъ, посвятить нѣсколько дней дѣламъ государственнаго управленія. Подъ Шумлою должны были остаться графъ Дибичъ и главнокомандующій графъ Витгенштейнъ.

Государь взялъ съ собою только великаго князя Михаила Па-

вловича, генералъ-адъютанта Васильчикова, графа Нессельрода, графа Потоцкаго и меня: лишь съ большимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить его приказать слѣдовать при себѣ еще, для конвоя, малочисленному Конно-Егерскому полку, двумъ батальонамъ пѣхоты и одной батареѣ конной артиллеріи [1]).

Въ сопровожденіи этого слабаго отряда, мы оставили лагерь 21-го іюля около 9-ти часовъ утра.

По моему распоряженію оба батальона пѣхоты выступили еще наканунѣ, съ приказаніемъ остановиться на половинѣ дороги между Шумлою и Козлуджи, сколько для наблюденія за этою, окруженною наибольшими опасностями мѣстностію, столько и для того, чтобы не слишкомъ ихъ утомить переходомъ заразъ, слишкомъ въ 35 верстъ.

Едва мы проѣхали Енибазаръ, какъ передовые казаки дали знать, что они открыли непріятеля. Къ счастію, отданное уже государемъ приказаніе, чтобы Конно-Егерскій полкъ и батарея шли обратно, не было еще приведено въ исполненіе. По нашимъ усиленнымъ настояніямъ отрядъ получилъ повелѣніе построиться въ боевой порядокъ. Турки, увидѣвъ нашу готовность къ бою, отступили къ окрестнымъ горамъ и скрылись въ лѣсу, а мы продолжали нашъ путь до того мѣста, гдѣ стояла бивуаками посланная впередъ пѣхота. Здѣсь мы дали отдыхъ лошадямъ и сами подкрѣпились веселымъ обѣдомъ, послѣ котораго, снова сформировавъ нашъ конвой, пустились далѣе. Отвѣтственность за безопасность государя лежала преимущественно на мнѣ, въ качествѣ командира главной его квартиры. Меня невольно охватывалъ ужасъ при мысли о слабости защиты, окружавшей владыку могущественной Россіи; вся наша сила состояла изъ 700 человѣкъ пѣхоты и 600 конницы, и съ этою горстью людей мы шли по пересѣченному горами и рѣчками краю, гдѣ предпріимчивый непріятель, имѣвшій еще на своей сторонѣ и ревностную помощь жителей, могъ напасть на насъ и одолѣть числомъ. Я взялъ всѣ возможныя въ нашемъ положеніи мѣры предосторожности; но сердце мое сильно билось.

---

[1]) „Et 3 escadrons des Cosaques de la garde“. Примѣчаніе императора Николая.

Дорога наша была та самая, которою мы пришли къ Шумлѣ и единственная, по которой слѣдовали туда наши транспорты; за то она и была усѣяна падалью, заражавшею воздухъ; погонщики за недоставленіемъ фуража и пойла, бросали на пути своихъ воловъ, которые издыхали одинъ послѣ другаго.

Прибывъ вечеромъ довольно поздно въ Козлуджи, мы расположились лагеремъ близъ плохаго редута, которымъ прикрывался оставленный тамъ казачій этапъ. Едва успѣли сложить ружья въ козлы, какъ прискакалъ казакъ просить помощи для обоза съ провіантомъ, на который напали турки позади нашей позиціи. Когда наши люди подоспѣли, непріятель уже бѣжалъ, убивъ нѣсколькихъ погонщиковъ и уведя съ собою воловъ.

Я послалъ отрядъ, чтобы установить сообщеніе съ моимъ братомъ, занимавшимъ гористую мѣстность между Шумлою и Козлуджи и находившимся въ безпрестанной опасности непріятельскаго нападенія. Далека была отъ меня мысль, что въ рапортѣ, полученномъ мною отъ него въ отвѣтъ, я въ послѣдній разъ увижу почеркъ моего дорогаго и достойнаго брата.

Въ продолженіе этого времени князь Меншиковъ, прибывъ изъ-подъ Анапы, высадилъ свою пѣхоту въ Коварнѣ, откуда долженъ былъ направиться къ Варнѣ, чтобы прибыть туда одновременно съ нашимъ флотомъ. Навстрѣчу князю, для прикрытія его высадки, посланъ былъ генералъ Деллингсгаузенъ съ повелѣніемъ содержать потомъ сообщеніе между Козлуджи и Варною, для охраненія слѣдовавшаго въ послѣднюю государя. Намъ предстояло идти лѣсомъ и пересѣченною мѣстностію, гдѣ непріятель ежедневно могъ тревожить наши сообщенія. Въ ожиданіи извѣстій отъ Деллингсгаузена надо было оставаться въ лагерѣ подъ Козлуджи, подверженномъ безпрестаннымъ опасностямъ и въ которомъ пребываніе становилось несноснымъ, отъ неизвѣстности насчетъ обезпеченія дальнѣйшаго нашего движенія. Тутъ подъ солдатскими палатками, мы провели и 22-ое іюля, день тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, столько лѣтъ отличавшійся блестящимъ Петергофскимъ праздникомъ. Этотъ контрастъ крайне поразилъ и государя, и всѣхъ насъ, и навѣялъ на наше общество невыразимую грусть, которая была какъ

бы предчувствіемъ того, что уже никогда впредь не будетъ торжества 22-го іюля въ честь обожаемой нашей императрицы.

Я отрядилъ адъютанта моего Толстаго, съ двумя егерскими ротами для занятія, у выхода изъ Козлуджанской долины, лѣсистой дороги, которою мы должны были идти. По нетерпѣливости государя, не желавшаго долѣе медлить, лагерь нашъ снялся 23-го числа; впервые, и то лишь по убѣдительнымъ просьбамъ всей его свиты, онъ согласился держаться вблизи пѣхоты и ѣхалъ между маленькимъ нашимъ авангардомъ и первымъ взводомъ двухъ слабыхъ нашихъ батальоновъ. Почти у самаго выхода изъ лѣса, одинъ изъ нашихъ егерей былъ раненъ пулею изъ засады, оставшейся незамѣченною. Послѣ нѣсколькихъ часовъ хода мы очутились на прелестной нагорной равнинѣ, покрытой безподобною растительностію, и наконецъ передовые казаки распознали вдали Варну, море и нашъ флотъ. Видъ этотъ былъ столько же великолѣпенъ, сколько для насъ радостенъ.

Мы собственными глазами удостовѣрились, что Меншиковъ совершилъ свое движеніе, и что нашъ флотъ занялъ указанную ему позицію.

Встрѣтивъ на пути маленькій редутъ, занятый казачьимъ постомъ и вагенбургомъ Деллингсгаузена, и узнавъ, что послѣдній, на походѣ, въ Коварнѣ, выдержалъ нѣсколько жаркихъ дѣлъ, мы остановились здѣсь, для отдыха отъ самаго утомительнаго, по страшной духотѣ, перехода. Ночью пришло извѣстіе, что Деллингсгаузенъ соединился, наконецъ, съ отрядомъ князя Меншикова, и что наканунѣ они, сразясь со всѣми турецкими силами, сдѣлавшими вылазку изъ Варны, расположились на окрестныхъ къ ней высотахъ.

На разсвѣтѣ мы пошли далѣе и около 10-ти часовъ утра достигли возвышенной позиціи князя Меншикова. Далеко подъ нами виднѣлись Варна съ ея передовыми укрѣпленіями, разноцвѣтныя турецкія палатки и знамена, и наши линейные корабли.

Государь объѣхалъ всѣ войска, поблагодарилъ 13-й и 14-й егерскіе полки за славные ихъ подвиги подъ Анапою, обсудилъ съ княземъ Меншиковымъ планъ осады Варны и потомъ воротился опять, за нѣсколько верстъ, къ пункту, откуда долженъ былъ отправиться въ море.

Берегъ шелъ крутыми и поросшими лѣсомъ скатами, по которымъ чрезвычайно трудно было спускать наши вьюки, кухонную посуду и пр. За это дѣло взялись конные артиллеристы Донскаго войска, и тамъ, гдѣ казалось страшно даже пробираться пѣшеходу, они мастерски спускали передки своихъ орудій.

Достигнувъ, наконецъ, морскаго берега не безъ усилій и покрытые потомъ, мы нашли въ маленькой бухтѣ, защищенной скалами, большую шлюпку съ гвардейскими матросами, тѣми самыми, которые и въ Петербургѣ возили государя. Весь гвардейскій экипажъ, прибывшій вмѣстѣ съ другими полками гвардіи, былъ размѣщенъ по разнымъ линейнымъ кораблямъ. Прислуга наша съ вещами была посажена на другія шлюпки.

Выѣхавъ изъ бухты, мы пересѣли на пароходъ, который подвезъ насъ къ адмиральскому трехдечному кораблю «Парижъ». Государь впервые еще ступилъ на судно Черноморскаго своего флота.

Съ палубы «Парижа» гдѣ принялъ государя адмиралъ Грейгъ, открылась передъ нами вся Варна. Можно было даже пересчитать амбразуры въ ея стѣнахъ. Нашъ флотъ, состоявшій изъ девяти линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и корветовъ и значительнаго числа транспортныхъ и другихъ малаго размѣра судовъ, величественно рисовался въ виду минаретовъ и пушекъ грозной Варны.

Пока людей и багажъ перевозили на фрегатъ «Флору», назначенный для переѣзда нашего въ Одессу, насъ угостили на палубѣ изящнымъ обѣдомъ. Подъ вечеръ государь перебрался на «Флору», и императорскій флагъ впервые развился на Черномъ морѣ, столь желанномъ Петромъ Великимъ и завоеванномъ Екатериною II.

Погода была безподобная; умѣренный попутный вѣтеръ несъ насъ къ отечественнымъ берегамъ, которые мы увидѣли на другой день послѣ отплытія. Въ четвертыя сутки мы уже были въ Одессѣ. Этотъ переѣздъ совершенно походилъ на увеселительную прогулку.

Императорскій флагъ, подъ которымъ мы шли, открылъ жителямъ Одессы тайну нашего приближенія, и, завидя его, весь городъ поднялся на ноги. Паруса спустились, якорь впился въ дно морское, и наши дюжіе гребцы въ минуту примчали насъ къ ногамъ

императрицы, выбѣжавшей навстрѣчу къ своему супругу [1]). Свиданіе ихъ было столько же трогательно, сколько неожиданъ самый пріѣздъ.

Со времени перехода черезъ Дунай, нога наша не была ни въ одномъ домѣ, и мы не видали ни одной женщины. Взглядъ нашъ постоянно встрѣчалъ однѣ картины лагерей, опустошенія, кровопролитія и горя; и вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, мы очутились въ прелестномъ дворцѣ (домъ графа Воронцова), гдѣ все дышало изяществомъ, счастьемъ и весельемъ.

Столъ былъ поданъ; императорская чета обѣдала въ своихъ комнатахъ, а насъ угощали статсъ-дамы и фрейлины. Все это казалось намъ обаятельнымъ сномъ.

Государь, съ обычною своею дѣятельностью, умѣлъ употребить въ пользу и пребываніе свое въ Одессѣ; онъ осмотрѣлъ резервные батальоны и городскія заведенія и въ то же время занимался государственными дѣлами. Потомъ желая взглянуть на верфь въ Николаевѣ, онъ отправился туда, вмѣстѣ съ императрицею, на корветѣ, который былъ буксируемъ пароходомъ. Въ минуту отплытія пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ опасно раненъ ядромъ, пролетѣвшимъ между его ногъ. Надо было тотчасъ озаботиться его замѣщеніемъ. Государь велѣлъ мнѣ предложить начальство надъ Варнскимъ отрядомъ графу Воронцову и пріѣхать съ отвѣтомъ въ Николаевъ, куда я могъ поспѣть сухимъ путемъ въ одно время съ прибытіемъ его туда моремъ.

Воронцовъ съ радостью принялъ сдѣланное ему предложеніе и не далѣе какъ на другой день уже плылъ къ новому своему посту. Я поспѣшилъ съ вѣстью о томъ въ Николаевъ.

Въ этомъ арсеналѣ Черноморскаго нашего флота, учрежденномъ княземъ Потемкинымъ и усовершенствованномъ адмираломъ Грейгомъ, уже лѣтъ 20-ть прилагавшимъ къ тому самое ревностное стараніе, государь внимательно осмотрѣлъ всѣ части и остался всѣмъ чрезвычайно доволенъ. Черезъ два дня мы пустились въ обратный путь, при чудеснѣйшей погодѣ; нашъ красивый корветъ, снова бук-

---

[1]) При императрицѣ, во время пребыванія ея въ Одессѣ, находилась великая княжна Марія Николаевна. Н. Ш.

сируемый пароходомъ, величественно плылъ мимо завоеванныхъ нашими орлами стѣнъ Очакова и Кинбурна и, при видѣ ихъ, мысль съ гордостью переносилась къ эпохѣ зарождавшейся славы Суворова. Орудія обѣихъ крѣпостей привѣтствовали императорскій флагъ.

Подъ вечеръ разыгрался сильный противный вѣтеръ; императрица почувствовала себя нездоровою, и наше плаваніе потеряло всю свою прелесть. Послѣ порядочной качки, мы прибыли въ Одессу уже къ утру.

Далекъ я былъ отъ мысли объ ожидавшей меня тамъ горькой новости. Тотъ же адъютантъ, который привезъ извѣстіе о ранѣ князя Меншикова, былъ и вѣстникомъ смерти бѣднаго моего брата; государь не захотѣлъ огорчить меня симъ въ минуту нашего выѣзда изъ Одессы, но взялся лично объявить мнѣ эту печальную вѣсть въ день нашего возвращенія. Братъ мой занемогъ отъ тяжелыхъ трудовъ войны въ Праводахъ, гдѣ не было ни лѣкаря, ни лѣкарствъ, и умеръ безъ всякой врачебной помощи. По его желанію, тѣло его впослѣдствіи перевезли въ Штутгардтъ, гдѣ покоится прахъ его жены; въ Праводахъ сдѣлали ему гробъ изъ свинца, снятаго съ крыши тамошней мечети.

Гвардія, вышедшая изъ Петербурга, какъ я уже сказалъ, въ исходѣ зимы, быстро приближалась къ театру войны. Ей дано было приказаніе идти къ Варнѣ, и великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ командиръ гвардейскаго корпуса, поѣхалъ навстрѣчу ей къ переправѣ у Сатунова.

Государь, желая прибыть къ Варнѣ ко времени прихода туда своей гвардіи, простился съ императрицею, и мы послѣ обѣда сѣли на тотъ же фрегатъ, который привезъ насъ въ Одессу. Сначала былъ довольно свѣжій попутный вѣтеръ, и мы могли разсчитывать срокъ нашего плаванія; но къ восходу солнца, вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, перешелъ въ бурю. Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ, насъ относило назадъ, и никакое лавированіе не приносило пользы. Капитанъ предсказывалъ, что такой же вѣтеръ будетъ продолжаться еще нѣсколько дней, и предлагалъ, въ избѣжаніе несчастія, воротиться въ Одессу. Государь, нетерпѣливо желавшій быть скорѣе въ Варнѣ, рѣшась ѣхать сухимъ путемъ, велѣлъ повернуть

назадъ къ Одессѣ. Вѣтеръ стремительно несъ насъ туда, такъ что не было почти возможности держаться на всѣхъ парусахъ. Еще очень далеко отъ цѣли, насъ застигла страшная темь; буря все болѣе и болѣе разыгрывалась; къ ней присоединилась гроза, и только при блескѣ молніи мы иногда могли видѣть берегъ. Маякъ, на который мы должны были держать курсъ, по непростительной небрежности, не горѣлъ; мы нашлись вынужденными дѣлать ночные сигналы брандвахтѣ, которая вскорѣ стала намъ на нихъ отвѣчать. Одесскіе огни и дома, освѣщаемые молніею, служили намъ дальнѣйшимъ указаніемъ, и около полуночи фрегатъ бросилъ якорь.

Государь сошелъ въ шлюпку, и насъ повезли къ берегу. Погода была самая ужасная; мы высадились въ совершенной темнотѣ и, пѣшкомъ, не встрѣчая ни души, побрели, по липкой грязи, къ дому графа Воронцова. У входа туда я разстался съ государемъ и пошелъ на квартиру князя Волконскаго, который страшно перепугался, увидѣвъ меня вдругъ у своей кровати, когда считалъ насъ въ морѣ и ближе къ Варнѣ, чѣмъ къ Одессѣ. Императрица и весь городъ не меньше были удивлены этому нежданному возвращенію.

Я немедленно занялся всѣми распоряженіями къ сухопутной поѣздкѣ и послѣ обѣда уже мчался съ государемъ въ коляскѣ. Одинъ фельдъегерь поскакалъ впередъ, для заготовленія лошадей на мое имя, другой слѣдовалъ за нами, и ими ограничивалась вся государева свита. Прочіе остались на фрегатѣ, которому велѣно было снова идти къ Варнѣ, какъ только позволитъ вѣтеръ.

Мы пріѣхали въ Сатуново при такой же погодѣ, которая сопровождала нашъ возвратъ въ Одессу, и въ такую темноту, что переѣздъ черезъ длинную плотину и мостъ надо было отложить до разсвѣта. Въ этихъ мѣстахъ, оглашавшихся, при первой нашей переправѣ, громомъ пушекъ и кликами двухъ сражавшихся армій, царствовало теперь глубочайшее безмолвіе. По ту сторону Дуная намъ пришлось довольно долго ждать лошадей. Дороги были совершенно испорчены; большой лѣсъ, которымъ должно было проѣзжать, славился разбойничьимъ притономъ: насъ конвоировало всего четыре казака на дрянныхъ лошаденкахъ. Выѣхавъ оттуда на открытое мѣсто, мы встрѣтили множество болгаръ, которые, спасаясь отъ хищничества турокъ, блуждали по краю съ женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ иму-

ществомъ. Подобно имъ могли тутъ шататься и турецкія партіи; самые эти болгары и особенно некрасовцы, воры по ремеслу, могли напасть на нашу коляску. Государь, незнакомый со страхомъ, спокойно въ ней спалъ или велъ со мною живую бесѣду, какъ бы на переѣздѣ между Петербургомъ и Петергофомъ. Мнѣ же было вовсе не до сна и не до разговоровъ. Даже теперь, по прошествіи шести лѣтъ отъ событія [1]), дрожь пробѣгаетъ по мнѣ, когда я только вспомню, что въ то время ѣхалъ одинъ, по непріятельской землѣ, съ русскомъ императоромъ, ввѣреннымъ моей охранѣ! Въ Бабадагѣ государь подробно осмотрѣлъ находившійся тамъ нашъ большой госпиталь; почти всѣ врачи лежали больные; смертность уже причиняла такіе размѣры, отъ которыхъ отцовское его сердце обливалось кровью.

Отсюда, на клячахъ и съ ничтожнымъ конвоемъ, мы отправились въ Кистенджи. На пути къ этой крѣпости насъ застигла ночь. По скверной и почти непроложенной дорогѣ, надо было волочиться чуть-чуть не шагомъ. Мѣстами огни просвѣчивали сквозь мракъ, но чьи, свои или непріятельскіе? Наконецъ, по правильному ихъ расположенію, мы догадались, что тутъ стоятъ наши войска, и вскорѣ признали палатки и оклики нашихъ. Мы очутились среди лагеря гвардейской легкой каваллерійской дивизіи. Государя узнали по голосу, и въ минуту всѣ, генералы, офицеры и солдаты, высыпали къ палаткѣ дивизіоннаго командира генералъ-адъютанта Чичерина, у которой остановилась наша коляска. Восторгъ увидѣть такъ неожиданно государя былъ неописуемъ и еще возросъ при извѣстіи, что онъ проѣхалъ почти одинъ, около 200 верстъ по непріятельской землѣ. Необходимо было поѣсть и отдохнуть. Намъ подали хорошій супъ и постлали хорошія постели.

Рано утромъ государь сдѣлалъ смотръ полкамъ Драгунскому, Гусарскому и Уланскому, съ принадлежащими къ нимъ конными батареями. Конно-Егерскій, по усиленной моей просьбѣ, былъ посланъ къ Мангаліи, для занятія эшелонами нашей дороги. Государь остался чрезвычайно доволенъ превосходнымъ сбереженіемъ

---

[1]) Слѣдовательно, графъ Бенкендорфъ писалъ свои воспоминанія въ 1834 году. Н. Ш.

всѣхъ этихъ полковъ, и, дѣйствительно, люди и лошади, казалось, только-что выступили въ походъ. Поблагодаривъ всѣхъ и взглянувъ на госпиталь и магазины въ Кистенджи, государь поѣхалъ далѣе.

Въ Мангаліи, небольшомъ городкѣ на берегу моря, онъ навѣстилъ больныхъ, которые, за недостаткомъ одного просторнаго помѣщенія, лежали въ 50-ти домахъ. На обходъ ихъ, по смертельной духотѣ, потребовалось слишкомъ два часа. Для всѣхъ этихъ маленькихъ госпиталей оставалось всего лишь два медика, и изъ нихъ одинъ уже лежалъ въ горячкѣ; всѣ прочіе пали жертвами утомленія и климата. Такой же недостатокъ былъ и во всей госпитальной прислугѣ, въ людяхъ на кухняхъ и проч. Государя сильно разстроило это печальное положеніе. Къ вечеру мы пріѣхали въ Коварну, гдѣ находился главный царскій обозъ. Государь и тутъ пошелъ осматривать больныхъ, а я занялся отправленіемъ обоза къ Варнѣ, куда, за два дня передъ тѣмъ, выступила вся гвардія.

Между тѣмъ и фрегатъ, везшій свиту изъ Одессы, прибылъ въ Коварну. Графъ Потоцкій сошелъ на берегъ для нужныхъ распоряженій, а вслѣдъ затѣмъ государь, подъ вечеръ, сѣлъ въ шлюпку, которая при очень сильномъ вѣтрѣ, перевезла насъ на фрегатъ.

Тутъ только я узналъ, что тѣло бѣднаго моего брата, до удобнаго случая къ отвозу его въ Одессу, лежало еще въ одной изъ Коварнскихъ мечетей, нарочно къ тому приспособленной. Государь, въ благодушіи своемъ желая, чтобы я не видѣлъ этотъ дорогой гробъ, велѣлъ скрывать отъ меня, что тѣло брата моего еще въ Коварнѣ, а самого меня, во время осмотра имъ города, услалъ въ лагерь.

На другое утро, нашъ фрегатъ бросилъ якорь посреди флота, напротивъ Варны. Видъ на нее во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы стояли тутъ въ первый разъ. Греческія церкви и магометанскія мечети, возвышавшіяся надъ прочими строеніями, были, дѣйствіемъ нашихъ бомбъ и ядеръ, или разрушены, или обезображены. Отрядъ, которымъ командовалъ прежде князь Меншиковъ и который мы оставили на высотахъ, далеко внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, спустился внизъ и, посредствомъ параллелей и траншей, пододвинулся къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Демонтиръ-батарея дѣйствовала съ промежутками день и ночь, каждый изъ линейныхъ кораблей

выходилъ, по очереди, на пол-выстрѣла отъ города и громилъ его изъ своихъ орудій. Графъ Воронцовъ сталъ лагеремъ въ виноградникахъ и садахъ, которые давали все удобство прикрывать осадныя работы; часть экипажей съ судовъ была обращена въ прислугу на батареи; наконецъ, гвардейская пѣхота занимала гребень горы. Все это вмѣстѣ представляло картину очень разнообразную и живую.

Государь и часть его свиты помѣстились на кораблѣ «Парижъ», а остальные—въ палаткахъ возлѣ гвардейскаго лагеря, гдѣ сталъ и обозъ.

Государь сошелъ на берегъ, для свиданія съ княземъ Меншиковымъ, очень страдавшимъ отъ своей раны, а также для осмотра разныхъ лагерей и осадныхъ работъ и для посѣщенія больныхъ и раненыхъ. Число тѣхъ и другихъ возрастало ежедневно, и государь, съ истинно-отеческою заботливостью, не пропускалъ ни одного дня, чтобы ихъ не навѣстить.

Турки храбро защищались, а наша пѣхота являла самые блистательные подвиги мужества и дѣятельности. Генералъ Шильдеръ съ необыкновеннымъ искусствомъ управлялъ инженерными работами. Въ нихъ участвовалъ и гвардейскій саперный батальонъ, раздѣляя труды армейскихъ піонеровъ. Полки Измайловскій и Семеновскій спустились съ горы на подмогу слабому отряду, болѣе мѣсяца день и ночь боровшемуся съ непріятелемъ, гораздо его многочисленнѣйшимъ.

Государь проводилъ всякое утро въ лагерѣ осаждающихъ, гдѣ велѣлъ раскинуть для себя палатку и только къ закату солнца возвращался на «Парижъ».—Нерѣдко при сильномъ вѣтрѣ, спускъ нашъ на берегъ или всходъ на корабль были сопряжены съ крайнею опасностью.

Между тѣмъ непріятель, видя слабость нашихъ дѣйствій противъ Шумлы и рѣшась отстоять, во что бы ни стало, важный для него Варнскій пунктъ, отрядилъ туда изъ шумлинскаго гарнизона сильную колонну подъ начальствомъ Омеръ-паши, которая направилась къ Варнѣ съ южной ея стороны. За нею слѣдовалъ нашъ отрядъ, нарочно по этому случаю составленный и ввѣренный принцу Евгенію Виртембергскому, съ приказаніемъ тревожить ту-

рецкій корпусъ на его маршѣ и даже, если бы представился къ тому случай, вступить съ нимъ въ бой.

Принцъ не довольно сообразилъ свои движенія и, настигнувъ непріятельскую колонну въ выгодной для нея, но совсѣмъ не для насъ, позиціи, велѣлъ части своего отряда произвесть нападеніе подъ начальствомъ храбраго молодаго генерала Дурново. Сей послѣдній, увлекаемый лишь своею отвагою, пошелъ прямо въ штыки, опрокидывая и преслѣдуя всѣхъ на пути; но, не будучи своевременно подкрѣпленъ и наткнувшись на свѣжія непріятельскія войска, далеко его сильнѣйшія, долженъ былъ выдержать неравный и кровопролитный бой; самъ Дурново палъ подъ пулями на мѣстѣ сраженія, а отрядъ его, утомленный и упавшій духомъ отъ потери начальника, въ свою очередь показалъ тылъ.

Эта неудача напугала принца Виртембергскаго, а туркамъ придала бодрости: они заняли другую, также весьма выгодную позицію, верстахъ въ 15-ти отъ Варны.

Въ той же сторонѣ, т. е. у южной части Варнскаго залива, находились гвардейскій Егерскій и Финляндскій полки, уже прежде туда переведенные. Назначеніе ихъ состояло въ томъ, чтобы пресѣчь сообщенія крѣпости съ Константинополемъ и имѣть наблюденіе какъ за ведущими туда дорогами, такъ и за Варнскимъ гарнизономъ. Приближеніе корпуса Омеръ-паши заставило усилить этотъ отрядъ полками Павловскимъ и Лейбъ-Гренадерскимъ и укрѣпить его позицію нѣсколькими редутами по обоимъ его фасамъ. Государь, огорченный неудачею принца Виртембергскаго и желая получить возможно-точныя свѣдѣнія о численности и намѣреніи непріятельской колонны, послалъ своего флигель-адъютанта Залускаго, родомъ поляка, съ нѣсколькими эскадронами конныхъ егерей и двумя гвардейскими егерскими батальонами, на усиленную рекогносцировку. Пройдя незамѣченно почти весь промежутокъ, раздѣлявшій нашъ лагерь отъ непріятельскаго, этотъ маленькій отрядъ подошелъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ предосторожностей, на ружейный выстрѣлъ отъ турецкаго лагеря. Залускій, послѣ долгихъ колебаній, скомандовалъ отступленіе уже тогда, когда оно сдѣлалось почти невозможнымъ. Турки, опомнясь отъ своего изумленія, успѣли вскочить на лошадей и окружить нашъ слабый отрядъ.

У гвардейскихъ офицеровъ не было никакой опытности, а полковой командиръ, никогда не бывавшій на войнѣ, не пользовался довѣріемъ солдатъ. Скоро произошло замѣшательство въ рядахъ, которымъ поросшая кустарникомъ мѣстность не позволяла равняться, и Залускій ускорилъ свое отступленіе съ кавалеріею, бросивъ пѣхоту. Лейбъ-егеря потеряли одно знамя, и болѣе половины изъ двухъ ихъ батальоновъ было изрублено.

Вѣсть объ этомъ несчастномъ приключеніи дошла до государя посредствомъ телеграфа. Онъ приказалъ мнѣ принять немедленно командованіе надъ всѣмъ отрядомъ и посмотрѣть, не найдется ли на другой день возможности омыть позоръ лейбъ-егерей.

Прибывъ въ лагерь уже подъ ночь, я былъ непріятно изумленъ унынiемъ, изображавшимся на лицахъ всѣхъ старшихъ. Пораженіе двухъ батальоновъ вселило ужасъ въ неопытныхъ гвардейскихъ офицерахъ. Я увидѣлъ, что необходимо дать пройти нѣсколькимъ днямъ, для оживленія духа войскъ, и что было бы опасно вести ихъ теперь снова въ дѣло по пути, еще усѣянному трупами ихъ товарищей, и по такой мѣстности, гдѣ сплошной кустарникъ очень затруднялъ сохраненіе порядка и согласія въ движеніяхъ. Рѣшась, вслѣдствіе того, ничего не предпринимать, я употребилъ ночь на то, чтобъ дать новую диспозицію отряду и оградить его, по крайней мѣрѣ, отъ всякаго нападенія врасплохъ. Но непріятель, нисколько не думая воспользоваться своимъ успѣхомъ, не тронулся съ мѣста и допустилъ насъ спокойно укрѣпить какъ нашъ лагерь, такъ и проходы, чрезъ которые Варнскій гарнизонъ могъ бы вступить въ соединеніе съ корпусомъ Омеръ-паши.

Генералъ Бистромъ, прежній командиръ л.-гв. Егерскаго полка и теперь начальникъ Гвардейской пѣхоты, пріѣхалъ мнѣ на смѣну. Онъ привезъ съ собою высочайшій приказъ, которымъ л.-гв. Егерскій полкъ объявленъ упраздненнымъ, а люди его размѣщались въ 13-й и 14-й Егерскіе полки, до возстановленія ихъ чести особеннымъ отличіемъ [1]). Взбѣшенный Бистромъ, со слезами на глазахъ,

---

[1]) Послѣ взятія Варны л.-гв. Егерскій полкъ былъ сформированъ снова, отчасти изъ числа офицеровъ и солдатъ этихъ двухъ храбрыхъ полковъ. Н. Ш.

прочелъ громогласно этотъ приказъ, и всѣ солдаты были сильно возмущены своимъ посрамленіемъ и горькими упреками прежняго мужественнаго ихъ начальника. Надо, впрочемъ, прибавить, что впослѣдствіи они загладили свою вину усердіемъ и храбростію, превосходившими всякую похвалу.

Наконецъ Омеръ-паша, ободренный двойною своею удачею, двинулся впередъ и занялъ позицію противъ самаго нашего лагеря. Его появленіе, почти въ виду Варны, ободрило осажденныхъ и поселило въ нихъ новыя надежды. Они участили свои вылазки и еще смѣлѣе шли въ бой. Съ нашей стороны отважились было атаковать турецкій лагерь; но позиція его была слишкомъ сильна, и эта попытка стоила намъ довольно дорого.

Между тѣмъ наши осадныя работы болѣе и болѣе придвигались къ крѣпостнымъ веркамъ. Оврагъ былъ перейденъ, и минеры принялись вести мины подъ укрѣпленія. Наши пушки очищали ровъ, въ которомъ нерѣдко дрались холоднымъ оружіемъ. Одна мина была заряжена и, пользуясь ея взрывомъ, затмившимъ воздухъ дымомъ и пылью, отрядъ матросовъ и рота Измайловскаго полка бросились на приступъ и проникли далеко во внутрь города. Въ первую минуту перепуганные турки побѣжали съ крѣпостныхъ стѣнъ, и напавшіе, увлекаясь удалью, преслѣдовали ихъ по улицамъ, между развалинами домовъ. Но вскорѣ турки, однакожъ, очнулись и въ свою очередь заставили нашихъ солдатъ отступить. Можетъ статься, мы успѣли бы овладѣть городомъ, еслибъ приступъ нашихъ удальцовъ былъ поддержанъ нѣсколькими полками; но государь не желалъ общаго приступа, опасаясь потерять много людей, въ которыхъ у насъ не было избытка.

Впрочемъ, эта попытка достаточно убѣдила непріятеля въ тщетности дальнѣйшаго сопротивленія, и не далѣе какъ съ слѣдующаго утра уже начали перебѣгать къ намъ дезертиры съ вѣстями объ уныніи, овладѣвшемъ городомъ, и о разномысліи, перешедшемъ почти во вражду, между двумя главными начальниками крѣпости. Капуданъ-паша, главный изъ нихъ, боялся, сдачею крѣпости въ виду стоявшаго возлѣ нея сильнаго вспомогательнаго корпуса, посрамить себя въ глазахъ своего повелителя, а Юсуфъ-паша, командовавшій большею частію войскъ, выводилъ противное сему заклю-

ченіе изъ бездѣйствія этого корпуса и вмѣстѣ съ тѣмъ поставлялъ на видъ полуразрушенное состояніе стѣнъ, легкость приступа, уже доказанную на опытѣ, и недостатокъ въ фуражѣ и провіантѣ.

Вслѣдствіе всего этого начались переговоры, заключено было перемиріе, между нашимъ лагеремъ и крѣпостью установилось сообщеніе, и турки цѣлыми толпами выходили изъ города.

Наконецъ Юсуфъ-паша, подъ предлогомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, самъ прибылъ въ лагерь графа Воронцова, сопровождаемый многочисленною свитою. И ему и прочимъ туркамъ, которыхъ прибывало все болѣе и болѣе, отвели особыя палатки, и съ этой минуты между осаждающими и осажденными водворилось совершенное согласіе.

Иностранные послы и министры, оставшіеся покамѣстъ въ Одессѣ, въ это время прибыли въ Варнскій рейдъ, на предоставленномъ въ ихъ распоряженіе линейномъ кораблѣ. Разнообразіемъ своихъ мундировъ и кокардъ они еще болѣе увеличили чудное смѣшеніе, господствовавшее въ нашемъ лагерѣ.

Всѣ войска, разсѣянныя по апрошамъ и разнымъ позиціямъ, были укрываемы садами и извилинами мѣстности. Лагерь охранялся всего только пѣхотнымъ пикетомъ и одною гвардейскою ротою, занимавшею откосъ пригорка, на которомъ стояла государева палатка, такъ что вокругъ насъ толпилось гораздо болѣе турокъ, чѣмъ русскихъ. Число первыхъ потомъ еще усилилось нѣсколькими тысячами всадниковъ, которые постепенно пріѣзжали, въ галопъ, въ полномъ вооруженіи къ своему пашѣ, жившему съ нами уже два дня.

Это усиленіе непріятеля внутри нашего лагеря, имѣвшаго весь видъ заранѣе составленнаго плана, могло возбуждать нѣкоторое недовѣріе. Несмотря на то, государь, иностранные министры и всѣ мы прохаживались между палатками какъ бы ни въ чемъ не бывало. Спустили только съ горы Преображенскій полкъ и три эскадрона лейбъ-гусаръ, и тогда турецкая кавалерія, бывъ обезоружена, стала на бивуакахъ и принялась варить для себя пищу и кормить своихъ лошадей, съ удивительнѣйшимъ хладнокровіемъ. Юсуфъ-паша самъ объявилъ себя нашимъ военноплѣннымъ; но Капуданъ-паша, затворившись въ цитадели, и слышать не хотѣлъ о перего-

ворахъ; канониры стояли у пушекъ съ зажженными фитилями, и войска съ обѣихъ сторонъ только ждали сигнала къ бою. Наконецъ, графъ Воронцовъ направилъ нѣсколько батальоновъ къ однимъ изъ городскихъ воротъ, находившихся до тѣхъ поръ внѣ круга нашихъ дѣйствій; солдаты спустили подъемный мостъ, выломали ворота и вступили въ городъ съ барабаннымъ боемъ и въ совершенномъ порядкѣ. Турки нимало не сопротивлялись нашему отряду и немедленно уступили ему всѣ укрѣпленія и ворота. Варна была наша.

Капуданъ-пашѣ, отстаивавшему ввѣренную ему крѣпость съ такимъ мужественнымъ упорствомъ, позволено было выѣхать изъ города, куда угодно, съ вооруженнымъ конвоемъ въ 400 человѣкъ. Остальной гарнизонъ объявленъ военноплѣннымъ, кромѣ конницы, добровольно перебравшейся въ нашъ лагерь, которую распустили по домамъ.

Государь тотчасъ отправился въ покоренную Варну; спустился въ ровъ, изъ котораго ведены были минныя работы; осмотрѣлъ тщательно все сдѣланное нашими инженерами; поднялся на стѣны, коронованныя нашими турами, и обошелъ часть линіи атаки. Турки спокойно сидѣли за трубками и равнодушно на насъ глядѣли.

На другой день государь въѣхалъ въ крѣпость верхомъ, чтобы взглянуть на ея положеніе. Насъ обдало такимъ невыносимымъ смрадомъ отъ безчисленнаго множества падали всякаго рода и человѣческихъ тѣлъ, такъ дурно похороненныхъ, что у иныхъ торчали ноги, а другіе были едва прикрыты нѣсколькими лопатками земли. Страшная неопрятность еще болѣе заражала воздухъ. Невозможно описать положенія, въ которое приведенъ былъ городъ бомбардировкою. Вездѣ встрѣчались полуразрушенныя мечети; дома, пронизанные ядрами или обрушившіеся отъ разрыва бомбъ; цѣлые кварталы, обращенные въ груды развалинъ, безъ всякаго почти слѣда бывшихъ тутъ прежде зданій. Какимъ-то чудомъ только уцѣлѣла греческая церковь, хотя именно та часть города, въ которой она находилась, наиболѣе пострадала отъ огня нашего флота и сухопутныхъ батарей. Государь, остановясь передъ этою церковью, очень маленькою, мрачною и построенною во дворѣ, велѣлъ отслужить въ ней благодарственное молебствіе. Это священнослуженіе посреди смерти и развалинъ, въ мусульманскомъ краѣ, въ православномъ,

угнетенномъ полу-луніемъ храмѣ, имѣло что-то неописуемо поразительное.

Государю хотѣлось самому все увидѣть и всѣмъ распорядиться. Онъ опредѣлилъ мѣста для госпиталей и магазиновъ; указалъ нужныя исправленія и улучшенія въ городскихъ укрѣпленіяхъ; назначилъ коменданта и число войскъ для гарнизона.

Въ тотъ же день, еще до разсвѣта, Омеръ-паша снялъ свой лагерь и поспѣшилъ такимъ ускореннымъ маршемъ перейти черезъ рѣку Камчикъ, что наши войска, пустившись въ погоню за нимъ съ первыми лучами солнца, могли только уже застигнуть и сбросить въ рѣку его авангардъ. Вся дорога была усѣяна обозными повозками и припасами этого корпуса.

На другое утро государь всѣ свободныя войска собралъ передъ Варною и подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи турокъ, велѣлъ отслужить торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Вся полевая артиллерія и всѣ орудія съ кораблей прогремѣли заключеніе длинной и кровавой драмы за взятіе Варны.

Уже наступилъ октябрь съ его дождями и бурями. Худое состояніе дорогъ со всѣми присоединявшимися къ тому трудностями отъ опустошенія края, отъ безпрестанной подвижности дѣятельнаго непріятеля и отъ совершеннаго недостатка въ средствахъ къ защитѣ противъ непогодъ, постоянно заставляли думать о зимнихъ квартирахъ и о занятіи укрѣпленной линіи по ту сторону Дуная, для охраненія всего нами завоеваннаго и для обезпеченія дѣйствій въ будущую кампанію.

Было рѣшено: обсерваціонному корпусу, находившемуся подъ Шумлою, отступить за Дунай, частію черезъ Сатуновскій мостъ, частію со стороны Силистріи, которою надѣялись еще овладѣть до покрытія рѣки льдомъ; гвардейскому корпусу, перейдя также Дунай, занять кантониръ-квартиры въ окрестностяхъ Тульчина; въ Варнѣ оставить сильный гарнизонъ и, для его подкрѣпленія, занять отрядами войскъ: Праводы, Базарджикъ, Кистенджи и маленькія крѣпостцы вдоль Дуная; наконецъ, главной квартирѣ арміи расположиться на зиму въ Бухарестѣ.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія и осыпавъ наградами генераловъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ (мнѣ пожалована была 1-я степень

Владиміра), государь простился съ арміею и флотомъ. Намѣреніе его было ѣхать сухимъ путемъ, но адмиралъ Грейгъ и въ особенности я склонили его отправиться моремъ.

3-го октября, при попутномъ вѣтрѣ, мы отплыли на прекрасномъ линейномъ кораблѣ «Императрица Марія».

Въ общей сложности результатъ этой кампаніи былъ слѣдующій. Въ наши руки достались:

Въ Европейской Турціи: Молдавія, Большая и Малая Валахія, значительная часть Болгаріи, 8 крѣпостей, 957 пушекъ, 180 знаменъ, 9 пашей и слишкомъ 22.000 военноплѣнныхъ.

Въ Азіатской Турціи: 6 крѣпостей, 3 укрѣпленія, 313 пушекъ, 195 знаменъ, 8 пашей и свыше 8.000 плѣнныхъ.

Графъ Паскевичъ покрылъ себя неувядаемыми лаврами, и войска наши поддержали издревле заслуженную ими боевую славу.

Но болѣзни, холода и походъ по опустошенной странѣ жестоко разрѣдили ряды войскъ. Кавалерія потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей. Артиллерія хотя и менѣе пострадала, но также не могла болѣе держаться въ полѣ. Всѣ части арміи были крайне разстроены. Благодаря Богу, непріятель не съумѣлъ воспользоваться нашимъ печальнымъ положеніемъ и, не тревожа своими нападеніями, допустилъ насъ спокойно перейти за Дунай и расположиться на зимнихъ квартирахъ.

Мы были уже на половинѣ дороги къ Одессѣ, какъ вдругъ началась буря, превратившаяся вскорѣ въ совершенный штормъ. Въ нѣсколько минутъ у насъ совсѣмъ сломало бизанъ-мачту, повредило и другія, и порвало снасти. Волненіе сдѣлалось такъ сильно, что невозможно было ни предупреждать, ни исправлять поврежденій; оставалось закрѣпить руль и отдаться на произволъ волнамъ. Всѣ особы свиты легли по койкамъ; большая часть прислуги и даже экипажа страдала морскою болѣзнію. Только государь, графъ Потоцкій и я были здоровы и на ногахъ, цѣпляясь за все встрѣчное, когда хотѣли передвинуться съ одного мѣста на другое. Вѣтеръ такъ ревѣлъ, что нельзя было разслышать другъ друга, иначе какъ крича на ухо, а въ прибавокъ ко всему этому, еще и воздухъ охладился до нестерпимости. Насъ неудержимо гнало къ враждебнымъ берегамъ Босфора. Въ продолженіе двадцати часовъ корабль уже

уклонялся въ этомъ направленіи отъ настоящаго курса, слишкомъ на 60 миль, и не было никакого средства бороться противъ этой новой опасности. Еще сутки такой же бури, и русскаго монарха выбросило бы на турецкую землю! Государь, по-всегдашнему твердый и снисходительный, упрекнулъ меня въ данномъ мною совѣтѣ плыть моремъ лишь словами, что ему непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Петербургъ къ 14-му октября, т. е. къ рожденію его матушки, но теперь эта задержка, вѣроятно, тому воспрепятствуетъ. Наконецъ, послѣ 26-ти-часовой бури, вѣтеръ, перемѣнивъ отчасти направленіе, сталъ нѣсколько ослабѣвать и позволилъ намъ по крайней мѣрѣ не пятиться назадъ. Люди принялись за работу со всѣмъ жаромъ, который имъ внушало присутствіе государя; главнѣйшія поврежденія были, по возможности, исправлены, и корабль сталъ слушаться руля. Къ послѣобѣденной порѣ вѣтеръ стихъ и принялъ попутное намъ направленіе; но на морѣ была еще такая зыбь, что огромный нашъ линейный корабль качало какъ бы легкій яликъ. Къ Одессѣ мы подошли только съ наступленіемъ ночи. Надо было обратиться къ помощи ночныхъ сигналовъ и бросить якорь довольно далеко отъ города, чтобы избѣжать всякаго несчастія, если бы мы слишкомъ приблизились къ рейду.

Погода была ужасная. Несмотря на холодный пронзительный вѣтеръ, государь сѣлъ въ шлюпку, которая отвезла его къ одесской пристани.

Онъ явился въ домъ графа Воронцова, къ восхищенію жителей всего города, страшившихся за дни своего монарха. Вѣсть объ отправленіи его, въ такую бурю, моремъ и, слѣдственно, о грозившей ему опасности, привезъ за нѣсколько часовъ до того адъютантъ Михаила Павловича, посланный великимъ княземъ изъ Варнскаго лагеря, за извѣстіями о государѣ сухимъ путемъ. Буря перепугала и армію и флотъ; послѣдній при всей удобности своей стоянки, довольно пострадалъ, а въ лагерѣ сорвало и разнесло палатки.

На дорожныя наши приготовленія потребовалось немного времени и, въ 4 часа утра я уже сидѣлъ въ коляскѣ рядомъ съ государемъ. Онъ остановился у собора помолиться. Лишь его и мои шаги раздавались подъ церковными сводами. Въ соборѣ находился только одинъ священникъ, и нѣсколько свѣчей, зажженныхъ у иконъ, освѣ-

щали царствовавшую въ немъ глубокую темноту. Этотъ отъѣздъ былъ печаленъ, и хотя мы только-что освободились отъ смертельной опасности, впереди все еще чудилось какое-то новое несчастіе.

Мы выѣхали 8-го октября, чтобы поспѣть въ Петербургъ къ 14-му; нельзя было терять ни одной минуты. Ночи стояли чрезвычайно темныя; осенніе дожди испортили дорогу, а лошадей заказывалъ фельдъегерь, опережавшій насъ всего нѣсколькими лишь часами. Со всѣмъ тѣмъ, мы прискакали въ Царское Село, правда, измученные и полузамерзшіе, 14-го числа утромъ. Государь остановился здѣсь, чтобы переодѣться и пріѣхать въ Петербургъ именно въ то время, когда объ императрицы, со всѣмъ дворомъ, будутъ у обѣдни. Ему хотѣлось войти въ Зимній дворецъ, не бывъ никѣмъ замѣченнымъ; но когда мы подъѣзжали, почти украдкою, со стороны Дворцовой набережной, его узнали въ рядахъ двухъ эскадроновъ Кавалергадскаго полка, стоявшихъ тутъ, чтобы взять и провезти по улицамъ привезенныя изъ-подъ Варны турецкія знамена. Общее «ура!» прогремѣло при видѣ государя, и онъ вошелъ во дворецъ между трофеями завоеванной Варны, сопровождаемый кликами стоявшей на набережной толпы. Но по вступленіи въ царскіе чертоги, гдѣ радостно бросились ему навстрѣчу супруга и дѣти, онъ былъ жестоко пораженъ вѣстію объ опасной болѣзни императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Безпрестанная тревога во время минувшей кампаніи и радость при полученіи извѣстія о взятіи Варны разстроили ея нервы, а колебаніе медиковъ, не пустившихъ ей своевременно кровь, повергли добродѣтельную нашу старушку на ложе, съ котораго ей уже не суждено было болѣе встать. Хотя крѣпкое сложеніе, предохранявшее ее дотолѣ почти отъ всякихъ недуговъ, удаляло еще и въ эту минуту мысль о возможномъ прекращеніи ея прекрасной и полезной жизни, однако и дворъ, и весь городъ начинали сильно безпокоиться, и дворецъ безпрестанно былъ наполненъ приходившими съ участіемъ узнавать о состояніи ея здоровья. Больная изъявила милостивое желаніе увидѣть меня; но врачи, опасаясь разговора, который могъ бы ее встревожить, со дня на день отлагали это свиданіе, подъ предлогомъ слишкомъ большой усталости моей отъ дороги.

Вскорѣ императрица сама почувствовала приближеніе своей кончины. Она пригласила своего духовника и приготовилась къ переходу въ другой міръ, со всѣмъ спокойствіемъ и упованіемъ чистой и возвышенной души. Собравъ вокругъ себя дѣтей и внучатъ, она всѣхъ благословила и кончила свою блаженную жизнь 24-го октября 1828 года.

Государь, императрица, даже наслѣдникъ, въ то время еще почти ребенокъ, горько оплакали усопшую. Вельможи и мелкіе чиновники, богатые и бѣдные, весь Петербургъ, вся Россія соединили съ ихъ слезами свои.

Марія Ѳеодоровна прожила слишкомъ 50 лѣтъ въ томъ дворцѣ, гдѣ теперь испустила духъ, и служила въ немъ живымъ урокомъ всѣхъ добродѣтелей. Стараясь умягчать суровую строгость императора Павла, супруга его подавала собою примѣръ покорности его волѣ; она даровала Россіи двухъ монарховъ; была образцомъ жены и матери; жила единственно, чтобы благодѣтельствовать бѣднымъ, вдовамъ и сирымъ. Важнѣйшія, какъ и самыя мелкія подробности надзора за воспитаніемъ принятыхъ ею подъ свое попеченіе нѣсколькихъ тысячъ дѣтей и за устройствомъ множества больницъ занимали ее ежедневно по нѣскольку часовъ, и всѣмъ этимъ заботамъ она посвящала себя со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ высоко христіанской своей души. Уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ императрица никогда не отходила къ покою, не окончивъ всѣхъ своихъ дѣлъ, не отвѣтивъ на всѣ полученныя ею въ тотъ день письма, даже самыя малозначащія. Она была рабою того, что называла своимъ долгомъ.

Науки и художества всегда находили въ ней просвѣщенную и благоволительную покровительницу. Она любила чтеніе, не гнушалась рукодѣліемъ и между тѣмъ, считая обязанностію своего сана содѣйствовать свѣтскимъ удовольствіямъ, съ этою цѣлью нерѣдко собирала во дворцѣ многолюдныя общества въ театры и на балы. Въ лѣтнюю пору пріятно развлекалъ ее Павловскъ съ своими роскошными садами, въ которыхъ она занималась, съ особеннымъ знаніемъ дѣла, ботаникою и садоводствомъ. Къ числу отличительныхъ ея способностей принадлежало умѣнье такъ распредѣлять свои

занятія, что у нея доставало времени на все, чему способствовали необычайная дѣятельность и необычайное здоровье.

Взыскательная къ самой себѣ, она была требовательна и къ своимъ подчиненнымъ; всегда неутомимая, не жаловала, если они казались усталыми; наконецъ, любя искренно и постоянно тѣхъ, кого удостоивала своею дружбою, или кому покровительствовала по влеченію сердца, или по разсудку, требовала отъ нихъ полной взаимности. Единственнымъ недостаткомъ этой необыкновенной женщины была излишняя, можетъ статься, ея взыскательность къ своимъ дѣтямъ и къ лицамъ, отъ нея зависѣвшимъ.

Смертное ложе императрицы Маріи Ѳедоровны было орошено слезами сокрушенія и благодарности. Трогательно было видѣть рыданія молодыхъ воспитанницъ ея заведеній, когда ихъ привозили на поклоненіе бездыханному тѣлу. Старые гренадеры, дѣти, сироты, придворные, вдовы и нищіе — все это плакало, ибо всѣ лишились въ ней матери и ангела хранителя!

По полученіи вѣсти о ея кончинѣ, прибыли въ Петербургъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ изъ Варшавы и вел. кн. Михаилъ Павловичъ изъ Тульчина.

Мрачное безмолвіе и слезы сопровождали печальную колесницу, везшую тѣло опочившей въ Петропавловскій соборъ, гдѣ она должна была лечь вмѣстѣ съ супругомъ и старшимъ сыномъ.

Сообщилъ **Н. К. Шильдеръ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

I.

Станиславу Романовичу Лепарскому.

12 сентября 1816 года.

Станиславъ Романовичъ! честь имѣю вамъ объявить, что ремонтеры лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка приведутъ къ вамъ 16 или 18 лошадей, мной выбранныхъ для полка, опись коимъ получите отъ Михаила Павловича. Есть гнѣдыя и вороныя; подъ вахмистра гнѣдая лошадь мнѣ очень нравится, хоть и немного слаба задомъ; вороныя—добрыя лошади. Оставьте мой эскадронъ гнѣдымъ, какъ прежде, но предлагаю вамъ перевести рыжій пятый ко мнѣ въ первый дивизіонъ; тогда старайтесь сдѣлать третій и четвертый сѣрыми, а третій дивизіонъ весь на темныхъ.—Трубачей посадите на пѣгихъ лошадей.—Реченtенко учится теперь у Левашова и когда будетъ знать новое учрежденіе и посадку, будетъ къ вамъ возвращенъ братомъ. Молодые всѣ учатся, и надѣюсь черезъ годъ сдѣлать ихъ годными къ службѣ.—Лѣкаря вамъ дали прекраснаго.

Я завтра ѣду въ чужіе краи и не буду назадъ по апрѣль мѣсяцъ; продолжайте присылать сюда рапорты по-прежнему. Николай.

P. S. Вотъ образецъ посадки для позиціи ногъ, но сѣдла слишкомъ напереди.

Получено 1-го октября.

2.

30-го мая 1816 года. Кіевъ.

Станиславъ Романовичъ!

Проѣзжая столь близко отъ квартиръ нашего полка, прискорбно бъ было мнѣ его не видѣть, и такъ съ позволенія Его Императорскаго Величества и фельдмаршала, буду я къ вамъ, если мнѣ возможно будетъ, 5-го числа.

P. S. Желаю видѣть сей полкъ въ настоящемъ его видѣ и съ послѣдней мелочи, сначала въ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе вы найдете; я бы желалъ въ Крыловѣ, потому что мнѣ далеко нельзя отдаляться отъ Полтавы, потомъ 1-й дивизіонъ обстоятельно и какъ пѣше-по-конному такъ и по манежному.

Я не считаю нужнымъ о томъ увѣдомить дивизіоннаго и бригаднаго командировъ; впрочемъ, дѣлайте какъ вамъ долгъ повелѣваетъ. Николай.

3.

18-го іюля 1816 года Москва.

Станиславъ Романовичъ!

Я получилъ здѣсь письмо ваше, и вотъ вамъ отвѣтъ мой.

1. Серебряныя трубы съ кистями въ скоромъ времени будутъ вамъ доставлены.

2. Закревскій и также государь изволилъ мнѣ сказывать, что всѣ формы для конно-егерскихъ полковъ утверждены; итакъ относительно сего поступайте по точно присылаемой вамъ формѣ.

3. Касательно лошадей, офицеры могутъ рубить хвосты и не рубить, какъ хотятъ; отъ государя и то и другое позволено.

4. Какъ вы переходите въ Курскую губернію, то манежъ вамъ дѣлается не нужнымъ; старайтесь его продать; ежели жъ нельзя, то Богъ съ нимъ, другой постараемся построить.

5. Люди ваши прибыли и поступили въ науку.

6. Лѣкарь отмѣнно хорошій отъ Виллій (Вилье) скоро будетъ вамъ присланъ.

7. 8.000 будутъ вамъ доплачены, но далѣе денегъ нѣтъ и никоимъ образомъ достать нельзя.

8. Кантонистовъ не отдавайте, а будутъ записаны въ полкъ Закревскимъ.

9. Вотъ 2.500 руб. отъ тульскаго купечества, которые вы раздавайте выходящимъ нижнимъ чинамъ, смотря по ихъ поведенію, унтеръ-офицерамъ по 70 руб., рядовымъ по 50 руб. единовременно.

10. Вотъ форменная дощечка для крестовъ и медалей.

11. Вы получите англійское сукно въ будущій срокъ. Старайтесь, чтобъ на маршѣ ни исторій, ни жалобъ не было и чтобъ и вы всѣми довольны бы были.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ, и не забывайте своего товарища. Николая.

Получено 26 іюля.

4.

24 іюля 1816 года. Орелъ.

Станиславъ Романовичъ! Письмо ваше получилъ я въ Воронежѣ и благодарю за успѣшную покупку лошадей, равно и за капельмейстера. Боюсь только, чтобъ арзамасцы не разсердились на меня за это. Я совершенно согласенъ на все то, что мнѣ писали вы; только не забудьте прислать берейтерскаго и ветеринарнаго учениковъ въ Петербургъ.—Я обо всемъ писалъ къ Петру Петровичу и къ Закревскому; и вотъ отвѣтъ перваго; впрочемъ государь уже все то знаетъ чрезъ мои письма.

Прошу васъ продолжать увѣдомлять меня обо всемъ происходящемъ въ полку и кланяться всѣмъ нашимъ.—Я получилъ приказъ объ переводѣ къ намъ поручика князя Шелешпанскаго; какъ прибудетъ въ полкъ, равно и Хлоповъ, то напишите, каковы будутъ.

Прощайте, будьте увѣрены въ истинномъ моемъ уваженіи. Николай.

Получено 4-го августа.

5.

14-го (26-го) декабря 1816 года. Гласковъ.

Станиславъ Романовичъ!

Мнѣ сообщенъ маршрутъ вашъ, по которому вы выступаете 2-го февраля; надѣюсь, что будетъ все благополучно и что нигдѣ на насъ жалобъ не будетъ, за чѣмъ предписываю вамъ строго смотрѣть; равно и по прибытіи на мѣсто старайтесь о томъ же. Займитесь также о доставленіи себѣ манежа,—мѣста для ученій есть безподобныя;—итакъ всѣ способы есть довести полкъ до совершенства.

Пришли ли къ вамъ лошади? ежели не годятся — продайте, но думаю, что лошадей 10 будетъ очень хорошихъ. Регентенко, говорятъ, учится славно; равно и молодые.

Какова наша музыка; я для васъ купилъ прекрасныя трубы, которыя будутъ къ вамъ присланы.

Какъ вы довольны успѣхами нашими, что́ лучше ли ѣздятъ по даннымъ правиламъ, и хорошо ли стрѣляютъ?—Поздравляю съ новымъ корпуснымъ росписаніемъ.

Хорошо ли ведутъ себя офицеры, и довольны ли вы новыми?—Въ Курскѣ найдете вы стараго шефа, что̀ должно вамъ быть пріятно. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ. Николай.

Получено 27-го января.

6.

10 мая 1817 года. С.-Петербургъ.

Станиславъ Романовичъ!

Только сегодня получилъ я три ваши рапорта, съ вашими записками и планомъ манежа, за которые всѣ вамъ очень благодаренъ. Изъ всего вижу ваше и господъ офицеровъ стараніе довести полкъ до должнаго порядка, оно тѣмъ нужнѣе, что весьма быть можетъ, что государь самъ всѣ наши полки смотрѣть станетъ.

Мнѣ остается благодарить васъ за соблюденный порядокъ равно и за мѣры, принятыя для постройки манежа и госпиталя. Теперь прошу заняться посадкой людей, выѣздкою лошадей и тогда уже сводить эскадроны и полкъ. Наиболѣе наблюдать за тишиною и равенствомъ во фронтѣ, за правильностію аллюровъ и, какъ государь требуетъ въ церемоніальномъ маршѣ по-эскадронно и полу-эскадронно, чтобъ рысь и галопъ были правильны, и чтобъ офицеры всегда наблюдали сами тотъ же аллюръ, какъ и эскадронъ; чтобъ тишина и равненіе были совершенны и проч.

Подтверждаю вамъ насчетъ офицеровъ: нерадивыхъ и дурнаго поведенія отнюдь не терпѣть и тотчасъ рапортовать Арсенію Андреевичу Закревскому; и въ кондуитныхъ спискахъ атестовать по достоинствамъ.

Трубы будутъ вамъ присланы тотчасъ по полученіи; я радъ слышать, что музыка такъ успѣваетъ, и отнюдь не отдавайте капельмейстера. Насчетъ ремонта я буду стараться вамъ доставить способы достать хорошихъ.

Соблюдайте во всемъ форму по государевымъ образцамъ,—получили-ль вы новыя бляхи? довольно красиво.

Молодые два отмѣнно хорошо учатся и весьма хорошо кровь ужь пускаютъ. Регентенко заболѣлъ венерическою; впрочемъ довольно хорошо учится.

Новые два офицера, Чаплыгинъ и Беренсъ, очень порядочны и ѣздятъ хорошо; маіоръ находится у генералъ-маіора Левашова для познанія кавалерійской службы, впрочемъ очень хорошій и благородный офицеръ. Равно и капитанъ Бервиль, бывшій долго и отличнымъ адъютантомъ у генерала Васильчикова.

Сіи деньги можно употребить или на ремонтъ или на другія полковыя надобности.

Прошу кланяться господамъ офицерамъ; если можно мнѣ будетъ, то изъ Москвы отпрошусь на нѣсколько дней къ вамъ. Николай.

P. S. Если бъ можно было, не разстроя полкъ, сдѣлать такъ, чтобъ всѣ вторые эскадроны были сѣрые, то весьма бы хорошо было, а между тѣмъ могли бъ вы сдѣлать третій сѣрымъ, четвертый темный, пятый сѣрымъ, а шестой оставить какъ есть; впрочемъ дѣлайте, какъ вамъ лучше кажется.

Получено 21-го мая.

7.

18-го сентября 1817 года. С.-Петербургъ.

Станиславъ Романовичъ!

Получивъ отъ Михаила Павловича извѣстіе, сколь онъ былъ доволенъ взводомъ нашимъ, который у него былъ въ караулѣ, равно и ученіемъ и ѣздой ихъ въ манежѣ, объявляю вамъ искреннюю мою признательность и желаю, чтобъ всегда доходили до меня подобные отъ васъ слухи.

Присылаю вамъ прекрасную коллекцію маршей на трубахъ. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ и Бороздину за труды его.—Я постараюсь пріѣхать къ вамъ, когда можно будетъ. Вашъ навсегда Николай.

8.

8-го октября 1817 г. Москва.

Станиславъ Романовичъ!

Я имѣлъ вторично удовольствіе получить отъ брата письмо, въ которомъ онъ не можетъ довольно нахвалиться слышаннымъ и видѣннымъ имъ въ нашемъ полку. Онъ сказываетъ, что васъ самого видѣлъ въ

Воронежѣ, и что вы ему поручили меня увѣдомить, что стараніемъ вашимъ трубачи уже всѣ на пѣгихъ, а третій эскадронъ почти весь на сѣрыхъ лошадяхъ. Покуда я буду имѣть честь командовать полкомъ, нельзя мнѣ будетъ согласиться дать эскадрона полковнику Зыбину, оно даже не можетъ отъ меня зависѣть, ибо надъ нимъ приказано имѣть особенный присмотръ, какъ надъ человѣкомъ вовсе ненадежнымъ. Что жъ касается до маіора Хлопова, я его давно зналъ хорошимъ офицеромъ и былъ совершенно увѣренъ въ скоромъ его усовершенствованіи по новому роду службы. Прошу васъ вручить ему тотчасъ который эскадронъ захотите.

Братъ въ восхищеніи отъ трубачей и музыки, особливо отъ первыхъ. Вотъ перстень для капельмейстера за труды.

Я рѣдко имѣлъ большее удовольствіе, какъ когда получилъ это письмо отъ брата. Продолжайте такъ, и вѣрно заслужите особенную благодарность государя, когда будетъ смотрѣть вашъ корпусъ.

Прилагаю при семъ просьбу бывшаго берейтора, онъ хочетъ опредѣлить старшаго сына въ военную службу, если можно—примите вольноопредѣляющимся.

Прошу кланяться Николаю Михайловичу Бороздину и благодарить за его стараніе для полка. Равно поручаю вамъ благодарить моимъ именемъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, за порядокъ и устройство и ревность ихъ къ доведенію полка до должной исправности. Вамъ преданный Николай.

Не будете ли въ отпускъ въ Москву?

9.

1817 года получено изъ Москвы.

Станиславъ Романовичъ!

При отправленіи вашемъ сюда въ отпускъ, прошу васъ взять съ собой нашего капельмейстера и, если можно, одного изъ лучшихъ трубачей; капельмейстеръ нуженъ будетъ для музыки Измайловской, а и для него полезно будетъ послушать методу нашу гвардейскую. Николай.

10.

23-го февраля 1818 года. Москва.

Станиславъ Романовичъ!

Получивъ отъ государя императора позволеніе ѣхать смотрѣть полкъ нашъ, отправлюсь отсюда около 14-го или 15-го чиселъ на Тулу, гдѣ,

осмотрѣвъ находящійся тамъ 1-й саперный баталіонъ, сейчасъ же къ вамъ отъѣду, такъ что надѣюсь быть въ Ельцѣ около 18-го или, поздно, 19-го числа, и хочу непремѣнно у васъ остановиться на квартирѣ. Со мною ѣдетъ одинъ адъютантъ и два человѣка,—итакъ мнѣ немного надо мѣста. Прошу васъ дать знать объ этомъ дивизіонному командиру. Если трудно полкъ свести, то буду смотрѣть по-дивизіонно; во фронтъ не выводить ни рекрутъ, ни молодыхъ лошадей, даже такъ, чтобъ болѣе 12 рядовъ во взводѣ не было, но однако не менѣе. Буду смотрѣть всѣхъ унтеръ-офицеровъ и карабинеровъ въ манежѣ, равно и офицеровъ, весь ремонтъ и рекрутъ и резервный эскадронъ, пѣшій строй или разводъ и проч.

Приготовьте все какъ слѣдуетъ; мнѣ прошу выбрать хорошую фронтовую лошадь, хоть изъ подъ вахмистра моего эскадрона.

Чтобъ ни какихъ пріемовъ отъ города ни другихъ никакихъ приготовленій не было, объ томъ вамъ предписываю дать знать. О полученіи сего письма увѣдомьте меня тотчасъ какъ получите, и также о мѣрахъ, вами взятыхъ, и можно ли будетъ полкъ собрать.

Вашъ на вѣки Николай.

II.

Императоръ Николай—князю Варшавскому.

С.-Петербургъ 2-го (14-го) января 1849 года.

Благодарю тебя, мой дорогой Отецъ-Командиръ, за письмо и добрыя желанія на новый годъ; молю Бога, чтобы сохранилъ тебя для блага и славы Россіи! и прошу продолжать мнѣ 30-ти лѣтнюю вѣрную дружбу, которую цѣню отъ глубины благодарнаго сердца. Мы болѣе другихъ обязаны Бога благодарить за то, что спасъ насъ отъ гибели, постигшей другихъ и помогъ стать стѣной противъ. Ты зодчій сей стѣны, ты ея блюститель. Какъ же мнѣ, послѣ Бога, не благодарить тебя, что далъ намъ за твоей защитой прожить спокойно еще годъ. Что далѣе—въ рукахъ Божіихъ; будемъ смиренно ждать, что Онъ намъ опредѣлитъ; не будемъ спать, ни ослабѣвать, ни предаваться гордости, кичливости, ни самонадѣянію, ни гнѣву и будемъ молить, чтобъ Богъ избавилъ насъ отъ ослѣпленія. Дай Богъ, чтобъ духъ въ Россіи, и въ особенности въ войскахъ, остался тотъ же, лучшаго желать нельзя. Сегодня изъ газетъ узнали мы, что Пестъ занятъ безъ боя, и что всѣ возмутители кинулись на югъ. Вѣроятно будутъ искать пробраться въ

Турцію, и жаль, ежели уйдутъ отъ заслуженной казни. Будущность Пруссіи для меня въ туманѣ, но одно кажется уже ясно, не быть единству Германіи, ни прочимъ бреднямъ; но что выйдетъ—непонятно.

Бюджетъ кончилъ: нашъ крайне тяжелъ, твой утвердилъ я, какъ ты мнѣ представилъ, но все это очень тяжко.

Съ холерой здѣсь все не сходимъ, казалось прошла, какъ вдругъ до 30-ти въ сутки заболѣваетъ. Холода доходили здѣсь до 28°, давно этого не было!

Въ Парижѣ все еще далеко до порядка; и врядъ ли будетъ; теперешній считаю временнымъ и, вѣроятно, будетъ опять рѣзня. Въ Италіи все еще мутно. Словомъ, нѣтъ гдѣ спокойно отдохнуть глазу. Намъ должно по-прежнему смотрѣть, быть осторожнымъ и ж д а т ь—сколь ни тяжело.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгини. Твой на вѣки искренно доброжелательный. Н.

III.

Собственноручная записка Императора Николая.

Отъ 24-го марта 1849 года.

«Назначается

Императорско-австрійскій генералъ-фельдмаршалъ, графъ Радецкій—генералъ-фельдмаршаломъ и шефомъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, которому и именоваться гусарскимъ генералъ-фельдмаршала графа Радецкаго полкомъ.

«Приготовить рескриптъ на имя старика, въ которомъ изъяснить: что безсмертная слава, имъ пріобрѣтенная на поляхъ Италіи при двукратной защитѣ священныхъ правъ своего императора, нынѣ съ благословенія Божія увѣнчанная совершенною и блестящею побѣдою и подписаніемъ условій, самыхъ выгодныхъ для праваго дѣла, даетъ ему право на уваженіе и признательность всѣхъ тѣхъ, кои умѣютъ цѣнить геройство. Желая усвоить нашей арміи имя Радецкаго, какъ примѣръ всѣхъ воинскихъ доблестей, я прошу его принять званіе россійскаго фельдмаршала, и какъ знакъ уваженія къ нему и къ славной имъ предводительствуемой арміи. Вмѣстѣ съ симъ, что я приказалъ Бѣлорусскому гусарскому полку, одному изъ храбрѣйшихъ въ арміи, считать его своимъ шефомъ и носить его имя [1]).

---

[1]) Въ кабинетѣ его императорскаго величества не оказалось готоваго фельдмаршальскаго жезла. Заготовленными рескриптами (эрцгерцогу Альберту

«Молодому эрцгерцогу Альберту послать Георгія 4-й степени.

«Особымъ рескриптомъ Радецкому препроводить 1 крестъ 2-го Георгія, 1—3-го Георгія, 3—4-го Георгія и 30—5-й степени для раздачи по его усмотрѣнію.

«По смыслу письма князя Варшавскаго, надо сейчасъ велѣть докупить подъемныхъ лошадей въ 4-мъ корпусѣ, равно и подъ его парки.

«Вытребовать съ Дону 2 казацкихъ полка».

IV.

Собственноручный приказъ Императора Николая войскамъ отъ 1-го іюня 1849 года.

Ребята!

Новые труды, новые подвиги вамъ предстоятъ! Мы идемъ помочь союзнику, усмирять тотъ же мятежъ, который, попранный вами за восемнадцать лѣтъ въ Польшѣ, вспыхнулъ вновь въ Венгріи. Съ помощію Божіею, вы явитесь тѣми же православными воинами, какими русскіе всегда и вездѣ были: страшные врагамъ всего священнаго, великодушными къ мирнымъ жителямъ. Вотъ чего ждетъ отъ васъ вашъ Государь и наша святая Россія. Впередъ, ребята, за нашимъ Варшавскимъ героемъ—на новую славу! Съ нами Богъ!

V.

Собственноручная записка Императора Николая.

Извѣстія изъ дѣйствующей арміи.

5-го (17-го) іюня войска наши вступили въ Венгрію.

3-й корпусъ за отдѣленіемъ, уже мѣсяцъ тому, одной дивизіи въ Пресбургъ на усиленіе главной Австрійской арміи, переправясь черезъ

и графу Радецкому) императоръ Николай остался доволенъ и собственноручно написалъ: „Рескрипты очень хороши, жаль, что готоваго жезла нѣтъ, послать позже; съ письмами сими изъ Варшавы послать флигель-адъютанта, князя Паскевича“. Фельдмаршальскій жезлъ по изготовленіи—отправленъ графу Радецкому 7-го апрѣля 1849 года.

Вислу въ Краковѣ, направленъ былъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Ридигера чрезъ Неймаркъ на Офалу, Фалибаркъ, на Лубло, куда прибыть долженъ былъ 6-го (18-го) числа.

2-й корпусъ генерала-отъ-инфантеріи Купреянова, за отдѣленіемъ одной дивизіи для прикрытія Кракова, направленъ былъ двумя колоннами чрезъ Избу и Конечно.

4-й корпусъ генерала-отъ-инфантеріи Чаадаева, оставя одну дивизію для занятія Южной Галиціи и Буковины, направленъ былъ двумя же колоннами чрезъ Грабъ отъ Змигрода и чрезъ Коморникъ отъ Дуклы.

Направленіе колоннъ имѣло цѣлью облегчить перевалъ чрезъ хребетъ Карпатовъ, ежели бъ непріятель намѣревался его оспаривать. Но мятежники нигдѣ въ силахъ не показывались и кромѣ малыхъ стычекъ 4-го (16-го) и 5-го (17-го) чиселъ, въ которыхъ казаки вновь доказали обычное свое молодечество, нигдѣ никакого сопротивленія не оказано. Вездѣ жители уніатскаго исповѣданія принимали войска съ духовенствомъ и крестами, и хоругвями, изъявляя непритворную радость видѣть избавителей своихъ отъ ужасовъ и неистовствъ своихъ притѣснителей.

6-го (18-го) іюня всѣ войска тронулись далѣе за перевалъ горъ, по направленію къ Зборо и Бартфельду.

Того же числа генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ, съ частью ему ввѣренныхъ войскъ, долженъ былъ вступить въ Трансильванію, по направленію на Кронштадтъ, а особый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гротенгельма, чрезъ Вотра-Дорну, въ Буковинѣ, на Быстрицъ [1]).

Сообщилъ **Н. Шильдеръ**.

---

[1]) Это первое извѣстіе изъ дѣйствующей арміи напечатано 14-го іюня 1849 года.

Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ.

IV [1]).

Пріѣздъ въ Оренбургскій край цесаревича Александра Николаевича.—Посѣщеніе имъ Илецкой защиты.—Памятникъ ему тамъ.—Великій князь въ Уральскѣ.—Рыболовство.—Подача казаками жалобы.—Слѣдствіе по ней и крутая расправа Перовскаго.—Назначеніе четырехъ полковъ и судьба ихъ.

Замкнувшись, послѣ своей непріятной поѣздки, снова въ «столицѣ степей», В. А. по-прежнему не переставалъ мечтать о походѣ въ Хиву; но въ періодъ съ 1836 по 1838 г. мечта эта также не могла осуществиться, когда Оренбургскій край ожидалъ болѣе радостнаго событія. Готовились къ пріему дорогаго гостя—наслѣдника престола цесаревича Александра Николаевича, который, съ согласія своего августѣйшаго родителя, лѣтомъ 1837 года съ научною цѣлію предпринялъ поѣздку по обширной матушкѣ Россіи. В. А—чу поэтому было много заботъ и хлопотъ, чтобы достойно принять высокаго посѣтителя. Но мы не описываемъ здѣсь приготовленій этихъ, потомъ торжественныхъ встрѣчъ, увеселеній, парадовъ и смотровъ, устроенныхъ для его высочества въ Оренбургѣ, такъ какъ это уже нами описано [2]), а коснемся здѣсь лишь только

---

[1]) См. «Русскую Старину» май 1896 года.

[2]) См. нашу ст. «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Оренбургск. краѣ» («Истор. Вѣстн.», 1891, X, 172—182). Настоящая же глава, по вновь добытымъ архивнымъ даннымъ и отчасти замѣткамъ г. Гуляева «Отрывки изъ прошлаго» («Уральск. Лист.» 1894, № 19, 20 и 22), даетъ совершенно новыя свѣдѣнія.

тѣхъ допущенныхъ нами пробѣловъ, которые не успѣли, по нѣкоторымъ причинамъ, попасть въ печать ранѣе, но которые очень важны не только для исторіи Оренбургскаго края и біографіи Перовскаго въ частности, но и для исторіи Россіи.

Какъ извѣстно, 12-го іюня великій князь прибылъ въ Оренбургъ, въ которомъ, пробывъ двое сутокъ и осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, 14-го числа, въ сопровожденіи свиты, мѣстныхъ начальствующихъ и конвоя изъ башкирскихъ панцырниковъ, изволилъ побывать въ Илецкой защитѣ, въ 62 верстахъ отъ Оренбурга, славившейся лучшей въ Россіи каменной солью, гдѣ осматривалъ немудреное и несложное производство работъ, въ описываемое время производившихся къ западу отъ защиты, не болѣе версты отъ нея, на огороженномъ жердями (позднѣе деревянной рѣшеткой) пространствѣ, шириною 800 кв. саж. на глубинѣ 60 фут. Сверху и по бокамъ яма эта, или по мѣстному названію р а з н о с ъ, во избѣжаніе загрязненія соли осыпкой въ нее земли, защищалась досками (крышей), оставляя свободнымъ для въѣзда и выѣзда одну только южную сторону. Ломка соли здѣсь производилась такимъ образомъ.

Тяжелая работа эта. Въ то время ее производили арестанты [1]) илецкой каторжной тюрьмы и мѣстные обыватели, поселенные тутъ съ 1753 года административнымъ порядкомъ, частію изъ семействъ солдатъ квартировавшей тамъ для содержанія гарнизона роты Алексѣевскаго пѣхотнаго полка, а частію изъ постепенно посылаемыхъ сюда ссыльно-каторжныхъ, которые, по отбытіи наказанія, водворялись здѣсь на мѣсто жительства и надѣлялись землей, составивъ потомъ особое сословіе мастеровыхъ, или, такъ называемыхъ, черно-рабочихъ, для дѣтей коихъ въ 1821 году тамъ была открыта горная школа. Но въ 1828 году послѣдовало высочайшее повелѣніе, по которому илецкіе мастеровые были обращены въ податное сословіе и посажены на оброкъ, чѣмъ, конечно, они были крайне обижены. И вотъ когда 14-го іюня 1837 г., цесаревичъ прибылъ въ Илецкую защиту и, радостно привѣтствуемый народомъ, осматривалъ работы въ копяхъ, обездоленные мастеровые и ссыльные били ему челомъ о своемъ тяжкомъ горѣ и униженно просили заступиться за нихъ. Великій князь и самъ видѣлъ ихъ изможденныя лица и тяжелый трудъ, который велъ къ упадку силъ и полному обнищанію въ случаѣ неспособности потомъ къ труду работника въ семьѣ, внялъ ихъ просьбѣ и ходатайствовалъ предъ государемъ о дарованіи имъ прежнихъ льготъ. Благодаря ходатайству этому въ 1849 году послѣдовало милостивое повелѣніе: всѣ рабочіе илецкихъ копей и водворенные въ Илецкой защитѣ ссыльные снова были обращены въ сословіе горноза-

[1]) Отчасти это практикуется и теперь.

водскихъ мастеровыхъ, съ надѣленіемъ ихъ по 15 десятинъ на душу землей «изъ предоставленныхъ на этотъ предметъ вѣдомству соляныхъ промысловъ 3.000 десятинъ».

Движимые чувствомъ безпредѣльной преданности и искренней благодарности за столь великую милость, дабы увѣковѣчить для потомства этотъ знаменательный актъ въ ихъ трудовой жизни, ссыльные на свои собственныя экономическія деньги рѣшили воздвигнуть цесаревичу памятникъ, который и былъ торжественно открытъ въ октябрѣ 1857 года.

Памятникъ этотъ и до сихъ поръ красуется на городской площади Илецкой защиты между цитаделью и почтовой конторой, близъ Воскресенскаго собора и зданія каторжной тюрьмы.

На широкой, сажени двѣ въ квадратѣ, сложенной изъ алебастроваго камня плитѣ, съ двумя ступенями во всѣ стороны, утверждена изъ такого же камня пирамидальной формы колонна, двухсаженной высоты, съ полутора-аршиннымъ (въ квадратѣ) основаніемъ, съуживающаяся къ верху вершковъ на семь и оканчивающаяся позолоченнымъ на вершинѣ шаромъ, вершка 3 въ діаметрѣ. Съ восточной стороны памятника, аршина полтора высоты и аршинъ ширины, прибита мѣдная доска съ такой надписью:

«Въ память посѣщенія его императорскимъ высочествомъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ 14-го іюня 1837 года крѣпости Илецкой защиты и дарованныхъ вслѣдствіе того сословію мастеровыхъ Илецкаго солянаго промысла Монаршихъ Милостей, сооруженъ въ 1857 году» [1]).

Памятникъ этотъ обнесенъ глухой деревянной оградой (пряслами), которая въ настоящее время уже приходитъ въ разрушеніе.

Такимъ образомъ, пріѣздъ Александра Николаевича въ Илецкую защиту ознаменовался вдвойнѣ радостнымъ для жителей событіемъ. Только въ Уральскѣ, куда его высочество выѣхалъ изъ Оренбурга 15-го іюня, путешествіе великаго князя омрачилось печальнымъ случаемъ.

---

[1]) Здѣсь припоминается еще одинъ мало извѣстный памятникъ Александру Николаевичу. По Орскому тракту въ Губерлинскихъ горахъ. Сначала это былъ каменный столбъ, обнесенный деревянной рѣшеткой и поставленный генераломъ Обручевымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ его высочество, ѣдучи изъ Орска, не доѣзжая 9-ти верстъ до Губерлинской крѣпости, остановился и изволилъ выкушать стаканъ ключевой воды. Впослѣдствіи памятникъ этотъ замѣненъ деревяннымъ столбомъ съ крестомъ. Помимо того, въ Оренбургскомъ краѣ есть еще три памятника, напоминающіе о покойномъ Александрѣ II: 1) Александровскій утесъ близъ Златоустовскаго завода съ собственноручно написанными его высочествомъ иниціалами и временемъ восхожденія на утесъ этотъ, 2) Александро-Невскій соборъ въ Уральскѣ и 3) памятникъ Царю-Освободителю въ г. Самарѣ. Всего, слѣдовательно, пять памятниковъ.

Уральцы, какъ извѣстно, всегда отличались безпокойнымъ и строптивымъ характеромъ, постоянно безпокоя начальство «неумѣстными и съ закономъ не сообразными просьбами», жалуясь на различныя притѣсненія, въ сущности совсѣмъ не существующія. Ко дню пріѣзда цесаревича, въ уральскомъ войскѣ также была значительная партія недовольныхъ существующими войсковыми порядками. Недовольство это порождали особыя недавно выработанныя правила для промысловъ аханнаго и курханнаго.

Надо припомнить здѣсь, что раньше, много лѣтъ тому назадъ, курханный промыселъ или курхайское рыболовство производилось въ курхайскомъ морцѣ, на границѣ Уральскаго войска съ Букеевской ордой. Когда же морцо это высохло, то рыболовство было перенесено въ Каспійское море, вправо и влѣво отъ устьевъ Урала, гдѣ курханное и аханное рыболовство, обогащая весьма немногихъ рыболововъ, въ глазахъ большинства казалось ущербомъ для главнаго кормильца войска—Урала рѣки.

И вотъ, какъ только разнеслась вѣсть, что въ Уральскъ прибудетъ августѣйшій атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, недовольные заволновались, настрочили прошеніе и во что бы то ни стало рѣшили подать его цесаревичу. Подъ прошеніемъ, помимо простыхъ казаковъ, подписалось много и офицеровъ.

Въ назначенный для пріѣзда его высочества день, т. е. 16-го іюня, когда уже все было приготовлено къ встрѣчи дорогаго гостя—на Большой Михайловской улицѣ у дома войсковаго атамана [1]), гдѣ предназначалась квартира его высочеству, накрытъ былъ столъ съ хлѣбомъ-солью, стоялъ почетный караулъ отъ Уральскаго городоваго полка [2]), собрались всѣ офицеры и масса публики,—толпа недовольныхъ казаковъ явилась сюда къ оставшемуся за наказнаго атамана полковнику Ѳ. Г. Бизянову и настоятельно стала требовать, чтобы имъ позволено было поднести особо хлѣбъ-соль цесаревичу за городомъ, въ надеждѣ, конечно, воспользовавшись такимъ благопріятнымъ случаемъ, подать свою просьбу великому князю.

Бизяновъ долго уговаривалъ казаковъ не омрачать радостные дни какой-либо нелѣпой выходкой. Но казаки знать ничего не хотѣли и «галдѣли» свое. Въ силу необходимости, чтобы не раздражать ихъ и тѣмъ больше не увеличивать смуты въ войскѣ въ такія торжественныя минуты, пришлось разрѣшить имъ поднесеніе хлѣба-соли за городомъ. Лишь, во избѣжаніе какой-либо скандальной исторіи, приняты были всѣ мѣры

[1]) Войсковымъ (наказнымъ) атаманомъ въ это время былъ генералъ-маіоръ Покатиловъ, выѣхавшій встрѣчать цесаревича на границу войска.

[2]) Уральскій городовой полкъ сформированъ въ 1831 году для караульной службы въ г. Уральскѣ и на передовыхъ постахъ за рѣкой Ураломъ.

предосторожности и усиленъ полицейскій надзоръ. Къ сожалѣнію, какъ тщательно ни слѣдили за казаками, они потомъ все-таки улучили минуту и подали его высочеству жалобу.

Цесаревичъ, въ сопровожденіи свиты и провожавшаго его отъ Оренбурга Перовскаго, прибылъ въ г. Уральскъ ровно въ 1 часъ дня 16-го іюня [1]) и остановился въ атаманскомъ домѣ.

День былъ солнечный, жаркій. И хотя для угощенія дорогаго гостя были приготовлены всевозможныя яства и питія дорогія, различныя прохладительныя, какія можно было доставить въ Уральскъ, чтобы ни въ чемъ не было недостатка по требованію его высочества; но великому князю надоѣли уже всѣ эти лимонады-газесы, мороженое и проч., и онъ пожелалъ напиться п р о с т о к в а ш и, а этого какъ разъ и не приготовили, ибо никакъ не предвидѣли, что потребуется такой недорогой продуктъ. Туда, сюда, бросились искать и наконецъ-то насилу нашли у одной чиновницы Чернобровиной.

Послѣ пріема властей и легкой закуски, цесаревичъ присутствовалъ при закладкѣ (въ честь его) Александро-Невскаго собора, заложивъ первымъ въ основаніе его камень съ надписью времени заложенія. Мѣсто подъ соборъ этотъ было намѣчено еще въ 1831 году, и всѣ частные дома, бывшіе тутъ, снесены на войсковой счетъ. Храмъ этотъ потомъ строился также на войсковой счетъ и освященъ преосвященнымъ оренбургскимъ и уфимскимъ Іосифомъ въ 1850 году [2]).

Вечеромъ того же дня его высочество посѣтилъ примѣрное багреніе и плавню. Для багренія былъ устроенъ довольно большой плотъ, изображавшій собой ледъ, гдѣ, на подобіе прорубей, были сдѣланы отверстія. Рыба заранѣе была напущена въ садокъ. На плоту съ баграми стояли только офицеры. Когда они стали опускать чрезъ отверстія багры въ воду и вытаскивать осетровъ, цесаревичъ также пожелалъ испробовать свои силы.

— А могу ли я забагрить рыбу?—спросилъ онъ графа Перовскаго.

— Конечно, ваше высочество,—отвѣтили присутствующіе.

---

[1]) Г. Гуляевъ («Уральск. Лист.» 1894, № 20) говоритъ, что великій князь прибылъ въ Уральскъ «въ половинѣ десятаго». Это невѣрно ни логически, ни фактически. Въ письмѣ своемъ военному министру отъ 18-го іюня 1837 года Перовскій точно опредѣлилъ время пріѣзда—1 часъ дня. Кромѣ того, когда же бы его высочество успѣлъ сдѣлать пріемъ начальствующихъ, присутствовать при закладкѣ храма и смотрѣть на примѣрное рыболовство, когда на другой же день въ 8 час. утра уѣхалъ въ Казань. (См. нашу ст. «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Оренб. краѣ», «Истор. Вѣстн.», 1891, X, 180).

[2]) Г. Гуляевъ и здѣсь дѣлаетъ грубую ошибку, указывая освященіе храма этого въ 1851 году; между тѣмъ, по свѣдѣніямъ оренбургской консисторіи, оно произошло именно въ указанное нами время. (См. нашу ст. «Зачатки единовѣрія на Уралѣ»; «Русская Старина» 1894, VIII, 67).

Въ мигъ ему былъ поднесенъ длинный багоръ, начальство столпилось около проруби, великій князь опустилъ багоръ въ воду и забагрилъ крупнаго икрянаго осетра, котораго успѣлъ ему подбагрить полковникъ Бизяновъ.

Но на этомъ багреніи случилась для многихъ пренепріятная исторія. Плотъ былъ недостаточно укрѣпленъ на устояхъ и отъ скопленія народа сталъ погружаться въ воду. Цесаревичъ, однако, успѣлъ вскочить въ поданный ему 12-ти-весельный катеръ [1]), чѣмъ и избѣжалъ опасности. Но нѣкоторымъ офицерамъ пришлось выкупаться въ парадной формѣ.

Затѣмъ наслѣдникъ осмотрѣлъ плавню, когда молодые казачата (дѣти-подростки) бросались съ Краснаго Яра головой внизъ и «колóмъ» ныряли въ воду, доставали со дна землю и выдѣлывали различные «фортели».

Около катера цесаревича, держась ближе всѣхъ къ августѣйшему атаману, особенно выдѣлывалъ на водѣ разныя «колѣнца» мальчикъ, по фамиліи Курилинъ, такъ что даже его высочество обратилъ на него вниманіе и, какъ разсказываютъ, будто бы сказалъ:

— Въ глазахъ этого мальчугана свѣтится недюжинный умъ.

Впослѣдствіи предсказаніе цесаревича сбылось. Мальчикъ этотъ, Меркурій Кузьмичъ Курилинъ, былъ однимъ изъ выдающихся администраторовъ въ уральскомъ войскѣ. Онъ служилъ въ областномъ и войсковомъ (хозяйственномъ) правленіяхъ и умеръ генераломъ въ отставкѣ.

Стало уже смеркаться, когда окончилась плавня, и великій князь вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ сѣли въ экипажъ и направились въ городъ. Но едва коляска его высочества отъѣхала отъ Урала шаговъ сто или двѣсти, какъ громадная толпа казаковъ окружила ее, схватила лошадей подъ уздцы и остановила экипажъ.

— Утри, надежда-государь, наши кровавыя слезы,—завопили казаки, при чемъ двое изъ нихъ—Филичевъ и Павловъ, якобы отъ лица всего войска, подали ему прошеніе.

Это произошло такъ неожиданно [2]), что съ его высочествомъ сдѣлалось дурно. У него изъ носа хлынула кровь.

---

[1]) Катеръ, на которомъ изволилъ плавать по Уралу цесаревичъ, долгое время сохранялся въ Митрясовской пожарной части, но во время бывшаго въ 1879 году въ городѣ Уральскѣ пожара сгорѣлъ. Багоръ же, который держалъ въ своихъ рукахъ великій князь, и до сей поры, какъ драгоцѣнность, хранится въ уральскомъ войсковомъ хозяйственномъ правленіи.

[2]) Говорятъ, что казаки до того скрывались въ оврагѣ, и когда великокняжеская коляска въѣхала на мостъ, устроенный черезъ оврагъ этотъ, они выскочили изъ него. Г. Гуляевъ разсказываетъ объ этомъ нѣсколько иначе:

Тутъ началась такая «кутерьма», что описать трудно. Перовскій разсвирѣпѣлъ, какъ никогда. Виновные были тотчасъ же отысканы и схвачены, а на другой день, послѣ отъѣзда его высочества, В. А. самъ ихъ допрашивалъ.

Податели прошенія оказались людьми донельзя грубыми и невѣжественными, особенно же казакъ Павловъ, дерзкій на языкъ; когда Перовскій допрашивалъ его, онъ или молчалъ, или отвѣчалъ остротами. В. А. вспылилъ и назвалъ его «чортомъ».

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, я живу по образу и подобію Божію, какъ сынъ Божій.

— А я по-твоему кто? Я не Божій сынъ?

— Сынъ-то ты—сынъ, да съ рыла-то—синь,—дерзнулъ сказать корпусному командиру этотъ грубый человѣкъ, намекая тѣмъ на то, что Перовскій брилъ бороду и имѣлъ синеву на подбородкѣ; ну, а въ бородѣ, по понятіямъ уральскихъ раскольниковъ, и заключается все подобіе Божіе.

Раздраженный донельзя, Перовскій, не добившись ничего положительнаго, уѣхалъ въ Оренбургъ и оттуда о случившемся послалъ государю эстафету, поручивъ Покатилову возможно скорѣе разслѣдовать дѣло.

Императоръ Николай былъ сильно разгнѣванъ поступками уральцевъ и повелѣлъ Перовскому «выбить изъ нихъ дурь».

Тѣмъ временемъ Покатиловъ раздулъ дѣло до невозможности. Неожиданно пріѣхалъ въ Оренбургъ и насказалъ начальнику края, что въ Уральскѣ началось опасное броженіе умовъ, которое грозитъ разразиться открытымъ бунтомъ. Перовскаго это еще больше взбудоражило. Не теряя ни минуты, онъ приказалъ двинуть въ Уральскъ два батальона пѣхоты, роту оренбургской казачьей артиллеріи, три полка башкиръ и самъ поѣхалъ туда.

Покатиловъ же, какъ только войска выступили въ походъ, Богъ знаетъ для чего, можетъ быть изъ желанія выслужиться предъ Перовскимъ, немедленно частнымъ письмомъ увѣдомилъ о томъ Бизянова (оставшагося за него въ Уральскѣ) и просилъ его, какъ только батальоны станутъ подходить къ городу, то для встрѣчи ихъ выстроить уральскій городовой полкъ и затѣмъ, приспособивъ на городскомъ валу старыя заржавленныя пушки, хранившіяся въ войсковомъ арсеналѣ, произвести изъ нихъ салютацію. Но Бизяновъ былъ слишкомъ

«Когда экипажъ съ наслѣдникомъ отъѣхалъ отъ атаманскаго дома, толпа казаковъ бросилась изъ Крестовой улицы на Большую и противъ нынѣшняго магазина Симакова остановила лошадей». Но врядъ-ли это вѣрно. Казаковъ не допустили бы въ самомъ городѣ устроить такую продѣлку.

уменъ, чтобы исполнить это въ своемъ родѣ дикое распоряженіе наказнаго атамана. Посовѣтовавшись съ войсковыми старшинами, онъ назначилъ войсковой покосъ и выслалъ всѣхъ казаковъ изъ города на работы, чѣмъ спасъ отъ явной гибели многихъ неповинныхъ, ибо, если бы было исполнено требованіе Покатилова, то Перовскій легко могъ вообразить, что казаки дѣйствительно взбунтовались, если уже выстрѣлами встрѣчаютъ правительственныя войска.

Когда полки вступили въ Уральскъ, тамъ царила мертвая тишина, даже Перовскій удивился этому.

— Что же я не вижу никого?—спросилъ онъ Бизянова.—Гдѣ казаки?

— Всѣ на валовомъ покосѣ, ваше превосходительство.

— Они бунтуютъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ полковникъ,—всѣ казаки спокойны и послушны своему начальству.

Перовскій нахмурился и косо посмотрѣлъ въ сторону Покатилова.

Вскорѣ послѣ того, по высочайшему повелѣнію, началось строгое разслѣдованіе. Много казаковъ было наказано розгами, многихъ прогнали сквозь строй и сослали въ Сибирь. Офицеры, подписавшіеся подъ прошеніемъ, всѣ были разжалованы, и въ видѣ общей мѣры наказанія приказано было снарядить не въ очередь четыре конныхъ полка на службу.

Эта мѣра тяжелѣе всего отразилась на уральцахъ, потому что отбываніе воинской повинности въ то время у нихъ производилось наймомъ (какъ отчасти и въ настоящее время).

Для того, чтобы выставить на службу извѣстное число казаковъ отъ войска, по числу всего служилаго состава населенія, дѣлалась раскладка (разверстка)—на какое количество остающихся придется собрать одного. Примѣрно: если со ста человѣкъ нужно было взять десять, что, слѣдовательно, составляло одинъ на девятерыхъ, то десятокъ этотъ или выбиралъ изъ среды своей охотника побѣднѣе, а остальные девять собирали его, т. е. покупали ему лошадь, сѣдло и все вооруженіе и снаряженіе и давали на оставшуюся семью или ему самому извѣстную (выговоренную) сумму денегъ; или же, и чаще всего, казаки нанимали за себя другаго, изъ отслужившихъ уже положенный срокъ службы и спеціально промышлявшихъ тѣмъ казаковъ, какихъ въ уральскомъ войскѣ было достаточно; отчего,—нельзя не упомянуть при этомъ,—въ полкахъ уральскихъ находились больше старые, чѣмъ молодые казаки. Но когда потребовалось экстренно собрать четыре полка, составлявшихъ *двѣ трети* всего служилаго (наличнаго) состава населенія, старыхъ казаковъ набрать было неоткуда, и поэтому очередныхъ приходилось выбирать изъ среды себя по жребію *отъ*

трехъ человѣкъ двоихъ, т. е. другими словами, одному, остававшемуся дома казаку, надо было нанимать за себя двоихъ. «Наёмка» поэтому была дорогая, такъ какъ къ тому же полки шли безсрочно. Говорятъ, что оставшимся казакамъ обходилось снаряженіе двухъ воиновъ отъ $1^1/_2$ до 2 тысячъ рублей на ассигнаціи.

Полки были собраны скоро и осенью того же года выступили въ походъ: № 1-й—подполковника Осипова—на Кавказъ, въ Грузію; № 2-й—подполковника Акутина—въ Бессарабію; № 3-й—войсковаго старшины Маркова—въ Финляндію, и только № 4-й—полковника Бизянова, впредь до особаго распоряженія, былъ оставленъ въ войскѣ и расположенъ на Нижне-Уральской линіи.

Климатъ Грузіи, съ своей изнурительной кавказской лихорадкой, былъ очень губителенъ для уральскихъ казаковъ. Въ 1-мъ полку, въ теченіе четырехъ лѣтъ, отъ 900 всадниковъ осталось не болѣе 300 человѣкъ. Но обыкновенно русскій человѣкъ во всѣхъ своихъ несчастіяхъ обращается съ молитвою къ Богу, такъ и уральцы, хотя раскольники, просили помощи Заступницы всѣхъ скорбящихъ, и надумали соорудить полковой образъ Покрова Пресв. Богородицы [1]). Насколько была сильна ихъ молитва и вѣра въ Промыслъ и милость Божію, видно изъ того, что на сооруженіе образа этого жертвовали не только русскіе казаки, но и татары, и калмыки. И Владычица, видимо, услышала ихъ горькія молитвы.

Въ 1842 году полкъ этотъ располагался по станціямъ Военно-Грузинской дороги для сопровожденія почтъ и проѣзжающихъ. Случилось такъ, что въ этомъ году начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса былъ назначенъ полковникъ П. Е. Коцебу [2]) и проѣзжалъ этимъ путемъ въ Тифлисъ. Казаки своей ловкостью обратили на себя его вниманіе. Онъ разговорился съ ними и узналъ объ ихъ печальномъ положеніи.

— Хорошо!—сказалъ имъ полковникъ,—я похлопочу за васъ.

И дѣйствительно похлопоталъ.

Въ томъ же 1842 году изъ Уральскаго войска на смѣну 1-го полка былъ присланъ полкъ № 7-й.

Такъ плачевно кончилась для казаковъ ихъ неумѣстная жалоба.

---

[1]) Икона эта въ настоящее время находится въ Михайло-Архангельскомъ (единовѣрческомъ) соборѣ, куда была пожертвована казаками по возвращеніи полка на родину.

[2]) Впослѣдствіи графъ и варшавскій генералъ-губернаторъ.

V.

Послѣ Хивинскаго похода. — Чрезъ Самару. — „На пересѣлку". — Назначеніе оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ Обручева. — Два анекдота о немъ.

Мы не касаемся здѣсь извѣстнаго несчастнаго похода Василія Алексѣевича въ Хиву въ 1839 году, такъ какъ это описывалось уже нѣсколько разъ и даже съ мельчайшими подробностями. Извѣстно, что походъ этотъ кончился полнѣйшей неудачей, отчасти вслѣдствіе неизвѣстности для насъ намѣченнаго пути, а самое главное, благодаря тому, что походъ былъ начатъ зимой, а не весной, какъ бы то слѣдовало и было удобнѣе. Къ этому не мѣшаетъ добавить и то, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, какъ администратора и полководца, Перовскій былъ слишкомъ довѣрчивъ и сластолюбивъ, что, подъ вліяніемъ женщинъ, допускалъ къ себѣ такихъ людей, которые вездѣ и всюду только преслѣдовали цѣль наживы. Особенно же почти неограниченнымъ довѣріемъ его пользовался «одинъ изъ выскочекъ, пролазъ, низкій по совѣсти», генералъ Ціолковскій, который, ради своихъ корыстныхъ видовъ, и посовѣтовалъ Перовскому начать походъ зимой, такъ какъ въ данномъ случаѣ ему было несравненно выгоднѣе, чѣмъ весной, заготовлять сѣно и зерновой фуражъ для войскъ и обоза.

Воротился изъ похода Перовскій больной и измученный нравственно и физически и, послѣ безплодной переписки по этому поводу съ военнымъ министромъ, графомъ Чернышевымъ, принужденъ былъ самъ отправиться въ Петербургъ, чтобы лично отдать отчетъ о неудавшейся экспедиціи государю [1]).

Ѣхалъ онъ туда мрачный и угрюмый, не зная, конечно, какъ приметъ государь его правдивыя объясненія. Безостановочно, сломя голову, день и ночь гналъ онъ впередъ, чтобы поскорѣе достичь столицы, скорѣе выслушать, можетъ быть, грозный и суровый царскій приговоръ. Онъ такъ торопился, что даже Самару (въ то время самарскую станицу Оренбургскаго войска) онъ проѣхалъ, не останавливаясь, несмотря на то,

---

[1]) По ст. г. Захарьина („Русск. Арх." 1891 г., IV, 581 и 589) можно заключить, что Перовскій, воротившись изъ похода въ Оренбургъ въ ночь на 14-е апрѣля 1840 года, въ томъ же году въ маѣ мѣсяцѣ отправился въ Петербургъ и больше назадъ не возвращался, а въ 1842 г. на его мѣсто назначенъ генералъ Обручевъ. Старожилы говорятъ, что Перовскій проѣхалъ черезъ Самару въ *1841* г. Кромѣ того, (въ Оренбург. центр. архивѣ, дѣло за 1841 г., № 3125, л. 69) находится донесеніе Перовскаго изъ Оренбурга на имя военнаго министра 1-го сентября 1841 г. Такъ что, по крайней мѣрѣ, до сентября этого года Василій Алексѣевичъ былъ еще въ Оренбургѣ и окончательно не покинулъ этотъ край.

что тамъ ждали его не только казаки съ хлѣбомъ-солью и аршинной стерлядью собственнаго улова, но и высшіе войсковые чины. Объ этомъ проѣздѣ Перовскаго черезъ Самару, отецъ мой, бывшій самарецъ, а потомъ переселившійся въ 1853 году въ Оренбургъ, вотъ какъ разсказываетъ.

Для встрѣчи и пріема В. А—ча была избрана особая депутація изъ старыхъ и почетныхъ казаковъ, въ числѣ коихъ очень выдѣлялся своимъ «высоченнымъ» ростомъ, отставной казакъ Алексѣй Кабановъ, имѣвшій орденъ Георгія 4-й степени, медаль за войну 1812 года и орденъ св. Анны за 25-ти-лѣтнюю безпорочную службу [1]), только «онъ былъ немножко съ простинкой, какъ его всѣ считали въ Самарѣ».

Перовскому была приготовлена квартира въ домѣ Завертяева (онъ же Головачевъ) на Алексѣевской площади, гдѣ и дожидались его казаки, одѣтые въ черные длиннополые кафтаны съ борами и опоясанные голубыми [2]) кушаками, во главѣ съ засѣдателемъ 5-го кантона, есауломъ Петровымъ, и станичнымъ атаманомъ хорунжимъ Мельниковымъ. За городомъ, на Оренбургской дорогѣ, былъ выставленъ «для указанія квартиры» махальный казакъ.

Наконецъ, вдали зазвенѣлъ колокольчикъ, и черезъ нѣсколько минутъ показалась на дорогѣ карета Перовскаго.

— Кто изволитъ проѣзжать?—подскочилъ къ коляскѣ вѣстовой.

— Генералъ Перовскій!—что нужно?

— Позвольте доложить вашему превосходительству,— заговорилъ махальный,—квартира готова, выборные дожидаются, куда прикажете ѣхать?

— Скажи имъ идти на перевозъ, выглянулъ изъ окна кареты В. А.— Я не буду останавливаться.

Вѣстовой полетѣлъ на Алексѣевскую площадь. Перовскій же прямо прослѣдовалъ на паромъ, который въ то время «ходилъ» выше Струковскаго сада, между «Дубровой» и городомъ. Выборные, получивши отъ махальнаго такую грустную вѣсть, не слыша подъ собой ногъ, побѣжали туда и едва-едва успѣли на этомъ берегу застать корпуснаго командира. Экипажъ его на «Ванькѣ»—паромѣ уже поплылъ на противоположную сторону въ имѣніе графини Орловой-Новосильцевой, а Перовскаго у этого берега дожидался «раскрашенный крытый катеръ, съ шестью гребцами и однимъ кормщикомъ, одѣтыми въ красныя ру-

---

[1]) Записывая разсказъ со словъ очевидца, не могу однако утверждать, что въ то время простымъ казакамъ давались Анненскіе ордена.

[2]) Національный цвѣтъ оренбургскихъ казаковъ, сохранившійся и по сію пору.

бахи, плисовыя шаровары, зеленыя рукавицы и черныя «съ заломомъ» (?) шляпы».

Лишь только начальствующіе успѣли отрапортовать ему о благополучіи станицы, онъ обратился къ выборнымъ:

— Что, пишутся казаки на пересёлку [1])?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство,— отвѣтилъ Мельниковъ.

— Какъ? Это что такое?—вспылилъ Василій Алексѣевичъ.—Почему? Чтобы у меня писались всѣ!—отрѣзалъ онъ.

— Выше высокопревосходительство!—воспользовавшись этимъ моментомъ затишья, выступилъ впередъ Кабановъ. — За что же на насъ такая немилость? Землю эту потомъ и кровью отцы и дѣды наши «забрали», а насъ теперь гонятъ съ нея. Чѣмъ же мы провинились предъ батюшкой-царемъ? али не вѣрно служимъ ему?

Перовскій пристально посмотрѣлъ на старика и, противъ всякаго ожиданія, подойдя ближе къ нему, положилъ руку на его плечо и кротко сказалъ:

— Правда твоя, дѣдушка: земля эта ваша. Но казаки-то для чего существуютъ, пойми ты это, старина! Вамъ теперь здѣсь осталось съ бабами воевать, а на границѣ войскъ нѣтъ. Для того вы и созданы, чтобы границы охранять. Поэтому васъ царь больше и жалуетъ...

Похлопавъ по плечу георгіевскаго кавалера, Перовскій вскочилъ въ катеръ и крикнулъ гребцамъ:

— Пошелъ! На перевалъ!

Казаки-гребцы дружно налегли на весла и въ какихъ-нибудь полчаса, пожалуй и того меньше, доставили его на другой берегъ.

— Молодцы! — похвалилъ онъ ихъ и выкинулъ имъ 25 рублей на водку.

Тѣмъ временемъ уныло, понуря голову, расходились выборные по домамъ разсказать своимъ одностаничникамъ близость предстоящаго горя. Ужь больно обидно было казакамъ въ этотъ разъ, что корпусный

---

[1]) «На пересёлку», т. е. на переселеніе изъ Самары на Оренбурскую линію, о чемъ еще въ 1826 г. государь выразилъ желаніе командиру Оренбургскаго корпуса, генералу Эссену, чтобы «оренбургское казачье войско, назначенное для охраненія Оренбургской линіи, было все поселено и имѣло постоянное жительство вдоль рѣки Урала, по примѣру уральскаго казачьяго войска». Въ 1837 г. повелѣніе это вновь было подтверждено, а 12-го декабря 1840 г. высочайше утверждено новое положеніе объ этомъ войскѣ, съ предоставленіемъ ему нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Но сначала казакамъ предоставлено было право «добровольно записываться и выбирать мѣста для своихъ поселеній». Тѣхъ же, которые не пожелали переселяться на линіи, повелѣно было «обратить въ особые регулярные полки». Вотъ объ этой записи «На пересёлку» и спрашивалъ выборныхъ Перовскій.

командиръ не удостоилъ принять ихъ хлѣба-соли, не отвѣдалъ изъ родной рѣки серебристой стерляди.

Скрѣпя сердце, стали они готовиться покинуть родную Волгу-кормилицу, свои богатыя пажити и нивы, чтобы идти въ невѣдомый край, «въ азіатскую сторонушку».

Въ слѣдующемъ 1842 году послѣдовало высочайшее повелѣніе: «всѣхъ казаковъ внутреннихъ кантоновъ (2.877 душъ мужеск. п.) переселить безусловно на Оренбургскую линію въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска, а земли ихъ (716.722 десят.) передать въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ». Одновременно съ этимъ повелѣно переселить бѣлопахатныхъ солдатъ и солдатскихъ малолѣтковъ, проживавшихъ въ уѣздахъ Бузулукскомъ, Бугульминскомъ и Мензелинскомъ (7.109 д. м. п.), а затѣмъ перевести на линію состоящее въ вѣдѣніи начальниковъ Оренбургскаго края Ставропольское калмыцкое войско (1.743 д. муж. и 1.593 ж. п.), расположенное въ г. Ставрополѣ (Самарскомъ) и его уѣздѣ, также съ передачей принадлежащихъ ему земель (196.758 дес.) въ вѣдомство государственныхъ имуществъ.

Послѣ того въ Самарѣ и другихъ (внутреннихъ) городахъ войску можно было жить только «по плакатнымъ билетамъ». Тѣ изъ казаковъ, которые уже служили на линіи, были прямо (безъ возвращенія, хотя бы временнаго) оставлены тамъ, а семейства ихъ высланы имъ на казенный счетъ. Наконецъ, въ 1846 году послѣдовалъ окончательный приказъ о выселеніи казаковъ изъ Самары.

— Собрали,—говоритъ отецъ мой,—всѣхъ казаковъ къ кантонной канцеляріи (въ домѣ Чекалина), прочитали приказъ, дали сроку три дня, чтобы собраться, и на третій день чуть свѣтъ, такъ что бабы не успѣли калачей вынуть изъ печей,—погнали голубчиковъ изъ города.

Доѣхавъ до Петербурга, В. А. Перовскій имѣлъ возможность лично разсказать государю всѣ подробности своего несчастнаго похода. Николай Павловичъ слишкомъ любилъ его, чтобы не простить ему этой тяжелой неудачи, и участники похода потомъ были милостиво награждены. Но, въ видахъ успокоенія умовъ, Василій Алексѣевичъ самъ просилъ избавить его отъ обязанностей начальника Оренбургскаго края и дать ему время отдохнуть, успокоиться и залѣчить свои недуги и раны. Государь вполнѣ сочувственно отнесся къ его просьбѣ. Перовскаго пожаловали членомъ Государственнаго Совѣта, а на его мѣсто въ началѣ 1842 года былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Владиміръ Аѳанасьевичъ Обручевъ, оставившій послѣ себя добрую память честнаго и вполнѣ доступнаго человѣка.

Въ отличіе отъ Перовскаго, это былъ маленькаго роста, худенькій старичекъ, съ крикливымъ голосомъ и одѣвался простенько, постоянно ходилъ въ старенькой николаевской шинели, ничѣмъ не отличался отъ

прочихъ офицеровъ, что нерѣдко порождало довольно курьезныя сцены.

Какъ-то разъ въ такомъ одѣяніи онъ ѣхалъ на парѣ почтовыхъ клячъ и въ почтовой же таратайкѣ по Самарскому тракту. Дѣло было весной, въ половодье, и ему нужно было переправляться чрезъ рѣку Сакмару (въ пяти верстахъ отъ Оренбурга) на паромѣ. Подъѣзжаетъ онъ къ переправѣ; паромъ на противоположномъ берегу; ямщикъ крикнулъ: «Подавай»! Паромщики отчалили отъ берега, но не успѣли они отплыть шаговъ десяти, какъ съ пристани съ ихъ стороны, сломя голову, запряженная въ шикарный экипажъ, съ колокольчиками и бубенчиками, несется тройка лихихъ коней. Сидѣвшій въ экипажѣ господинъ въ статскомъ платьѣ, но въ форменной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ потребовалъ паромъ себѣ.

Паромщики въ недоумѣніи—кому подать прежде. А Обручевъ вынулъ табакерку, нюхнулъ два раза и махнулъ рукой:

— «Подавайте, молъ, ему!»

Тѣ поворотили назадъ, посадили господина и перевезли на берегъ.

Обручевъ тихо подошелъ къ нему и приподнялъ фуражку.

— А позвольте васъ спросить—кого я имѣю честь видѣть предъ собой?

— Я—коллежскій регистраторъ Р—новъ,—грубо отвѣтилъ тотъ.—А вы кто такой?

— Я... гмъ... Я генералъ-лейтенантъ Обручевъ.

Р—новъ такъ и присѣлъ.

— Вишь ты, чиновъ-то нахватался!—сказалъ Владиміръ Аѳанасьевичъ,—на гауптвахту!

Другой не менѣе того курьезный случай былъ въ Оренбургѣ, на плацъ-парадномъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ городской Александровскій скверъ, противъ зданія городской думы.

Какъ-то осенью изъ Башкиріи пригнали новобранцевъ въ башкирскій конный полкъ, стоявшій въ Оренбургѣ. Башкиры, какъ извѣстно, народъ лѣнивый и безпечный. Явились они сюда на смотръ на своихъ одрахъ [1]), которые «не мазались» чуть ли не съ Адама, хотя дегтя у нихъ своего много. Колеса скрипятъ, хоть зажимай уши и бѣги вонъ съ плацъ-параднаго мѣста,—за версту слышно. А Обручевъ страшно не любилъ этого. Башкирамъ и говорятъ: «надо, молъ, оси подмазать, а то корпусный камандиръ услышитъ скрипъ, порку имъ задастъ».

— Сичасъ, сичасъ мазимъ!

И тутъ же начинаютъ снимать съ осей колеса и производить «мазильную» операцію. Въ это время, никѣмъ не замѣченный, тихо

---

1) Одеръ то же, что телѣга, только меньше и уже ея.

подходитъ Обручевъ и видитъ, что одинъ башкирецъ подмазываетъ не такъ, какъ ему кажется. Онъ выхватываетъ у него мазилку.—«Эхъ ты, дрянь, мазать не умѣешь! Вотъ такъ надо!»—И начинаетъ подмазывать самъ. А башкирецъ стоитъ позади него и съ увлеченіемъ восклицаетъ:

— Ай якши, ай якши! Еще мази! мази пожалиста! Ай-да молосса!

VI.

Новое назначеніе Перовскаго въ Оренбургскій край.—Его коканскій походъ.—Интриги Хивы.—Разбойникъ Исетка Кутебаровъ.—Взятіе крѣпостей Акъмечети и Джулека.—Возведеніе Перовскаго въ трафское достоинство.—Значеніе коканскаго похода.

Какъ извѣстно, послѣ хивинскаго похода В. А. Перовскій уѣхалъ лѣчиться за границу, гдѣ кое-какъ залѣчивъ «свою тяжелую турецкую рану», снова вернулся въ Петербургъ и захандрилъ безъ дѣла. Пылкая натура его требовала дѣятельности, трудовъ, работы, а обязанности члена Государственнаго Совѣта не могли дать ему этого. Его тянуло на Востокъ, мечты его были тамъ, гдѣ можно было бы отличиться, проложить свободный доступъ намъ въ Среднюю Азію. Онъ былъ постоянно сумраченъ и молчаливъ, такъ что однажды государь, замѣтивъ удрученное его состояніе, спросилъ его:

— Что съ тобой, Перовскій? Не боленъ ли ты?

— Скучаю, ваше величество, по своимъ казакамъ.

— Въ Оренбургъ хочешь?

— Полетѣлъ бы хоть сейчасъ.

Тѣмъ разговоръ кончился, но это ободрило В. А—ча. Онъ снова началъ развивать мысль о необходимости нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію и объ учрежденіи, для болѣе широкаго и свободнаго образа дѣйствій на границѣ съ киргизскою степью, особаго генералъ-губернаторства. И послѣ долгихъ мытарствъ добился-таки исполненія своего желанія.

Въ мартѣ 1851 года послѣдовалъ высочайшій приказъ, по которому оренбургскій военный губернаторъ генералъ-отъ-инфантеріи Обручевъ назначался «присутствующимъ въ московскихъ Правительствующаго Сената департаментахъ; управленіе же Оренбургскимъ краемъ, со включеніемъ Самарской губерніи [1]), поручалось генералъ-адъютанту Перовскому» [2]).

---

[1]) Самарская губернія образована въ 1850 году изъ уѣздовъ Оренбургской:—Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Бугульминскаго; Симбирской—Самарскаго и Ставропольскаго и Саратовской—Николаевскаго и Новоузенскаго. Уѣздный г. Самара возведенъ на степень губернскаго города.

[2]) См. въ дѣлѣ Тургайск. област. архива, № 26.876, указъ Сената на имя

И такимъ образомъ В. А. снова назначался въ Оренбургскій край, но уже не военнымъ губернаторомъ, какъ стараются доказать наши мѣстные исторіографы, а прямо оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ. 29 мая Перовскій прибылъ въ Оренбургъ и въ тотъ же день вступилъ въ управленіе краемъ [1]), теперь уже въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи [2]).

Опять потекли для него трудовые дни, опять всѣ заботы и всѣ помыслы направились на невѣдомыя страны Азіи.

Хотя Хива, послѣ его неудачнаго похода, опасаясь новаго наступленія русскихъ, и присмирѣла за это время; но за то коканцы, подстрекаемые ею, не давали намъ покоя и, несмотря на то, что въ киргизской степи еще въ 1845 году генераломъ Обручевымъ были возведены укрѣпленія на рѣкѣ Тургаѣ Оренбургское (нынѣ г. Тургай) и на рѣкѣ Иргизѣ—Уральское (теперь г. Иргизъ), а въ 1847 г. на устьяхъ Сыръ-Дарьи—Аральское (Раимъ), коканцы, подъ прикрытіемъ своихъ крѣпостей на Сырѣ: Чимъ, Кошъ, Кумышь-Курганъ и особенно Акъ-мечети, свободно пробирались въ земли подвластныхъ намъ киргизовъ, брали съ нихъ подати, а при сопротивленіи жгли, грабили и даже убивали ихъ. Такъ, въ 1850 году коканцы угнали у киргизовъ 20 тыс. головъ скота, потомъ еще 26 тыс., а въ слѣдующемъ году разомъ 75 тыс. головъ.—Обнищавшіе въ конецъ ордынцы взмолились о защитѣ. Перовскій внялъ ихъ просьбѣ, и въ томъ же 1852 году было рѣшено снова начать наступательныя дѣйствія въ глубь степи, чтобы разомъ покончить съ дерзостями коканцевъ.

Но назначенная для очищенія праваго берега Сыръ-Дарьи отъ кокансихъ крѣпостей экспедиція изъ 470 казаковъ хотя и успѣла захватить Чимъ, Кошъ и Кумышь, и выгнать оттуда туземныя войска, но, благодаря малочисленности своей, принуждена была отступить, не занявъ ихъ гарнизонами. Главный же оплотъ коканцевъ, довольно хорошо укрѣпленная, Акъ-мечеть устояла противъ горсти этихъ храбрецовъ. Поэтому для взятія во что бы то ни стало крѣпости этой, въ слѣдующемъ году было назначено 2.000 пѣхоты и 4.000 конницы (башкиры и казаки) при 9-ти орудіяхъ, и главное начальствованіе надъ

Обручева отъ 26 марта 1851 г. № 15.226. П. Захарьинъ („Рус. Арх.“ 1891, IV, 595) и Алекторовъ („Оренб. край“ 1894, № 118), а также „Памятн. книж. Оренбур. губ“. 1895, стр. 51 неправильно указываютъ годъ назначенія Перовскаго 1850-й. Г-нъ Ж. Жакмонъ („Москов. Вѣд.“ 1894, № 25) пошелъ еще дальше и, ни на чемъ не основываясь, утверждаетъ, что Перовскій назначенъ въ 1852 г.

[1]) Дѣло Тург. арх. № 26.876, листъ 3 и 4.

[2]) Въ „Памят. кн. Орен. губ.“ 1895, Орен., II, стр. 51, почему-то указано, что Перовскій имѣлъ чинъ „генерала-отъ-инфантеріи“.

войсками принялъ, по высочайшему соизволенію, самъ начальникъ Оренбургскаго края.

Лѣто 1853 года обѣщало быть очень жаркимъ. Опасаясь, чтобы жаръ не надѣлалъ такихъ неудачъ, какъ морозъ въ хивинскомъ походѣ, В. А. на этотъ разъ принялъ всѣ мѣры предосторожности. По пути слѣдованія войскъ къ Сыръ-Дарьѣ, въ нашихъ степныхъ укрѣпленіяхъ были заготовлены всѣ необходимые для облегченія движенія отрядовъ предметы. Киргизамъ строго на строго было приказано не кочевать близъ дорогъ, чтобы не потравить кормовъ, нужныхъ для продовольствія лошадей и верблюдовъ отряда.

Войска выступили съ линіи въ маѣ двумя колоннами: первая подъ командой наказнаго атамана оренбургскаго войска, генералъ-маіора Падурова, вторая подъ начальствомъ подполковника Іоннея. Перовскій выѣхалъ изъ Оренбурга нѣсколькими днями позднѣе, въ сопровожденіи конвоя изъ полусотни уральскихъ казаковъ и свиты, состоящей изъ 18 офицеровъ и чиновниковъ, въ числѣ коихъ находились В. В. Григорьевъ, предсѣдатель оренбургской пограничной коммиссіи, и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, извѣстные своими учеными трудами по исторіи и оріентологіи Туркестана и Киргизской степи, а на Сыръ-Дарьѣ къ нимъ присоединился только-что прибывшій изъ Петербурга генералъ-маіоръ Хрулевъ.

Слѣдуя отъ Оренбурга по рѣкѣ Илеку, отряды дошли до укрѣпленія Карабутакъ (428 верс.) въ 10 дней, до укрѣпленія Уральскаго (187 вер. отъ послѣдняго) въ 4 дня и до Раима (315 верс.), чрезъ знаменитые пески Кара-Кумы на 80-ти-верстномъ пространствѣ, въ 8 дней, и уже 6-го іюня были на берегахъ Аральскаго моря, близъ устьевъ Сыръ-Дарьи.

Захватить снова коканскія крѣпости Чимъ, Кошъ и Кумышь-Курганъ, расположенныя по этой рѣкѣ, намъ не представляло, конечно, трудности, такъ какъ, послѣ погрома прошлогодней экспедиціи Бларамберга, онѣ даже не поправлялись, а располагавшіеся тамъ, въ видѣ наблюдательныхъ постовъ, коканскіе солдаты по 50 человѣкъ въ каждой, подъ начальствомъ одного изъ коканскихъ башей [1]), Утебгалія, при первомъ же появленіи нашихъ войскъ на Сырѣ, бѣжали подъ защиту Акъ-мечети.

Вообще численность коканскихъ войскъ была незначительна. Постоянныхъ солдатъ въ мирное время не существовало, а на случай войны приглашались туземцы другихъ странъ, какъ, напримѣръ, туркмены или джигиты [2]) изъ киргизовъ. Для удержанія же наступательныхъ дѣйствій русскихъ отрядовъ 1852 и 1853 гг. были употреблены

---

[1]) Баша—голова, главный.

[2]) Джигитъ—молодецъ, наѣздникъ.

другія мѣры: возмущеніе киргизовъ и привлеченіе на сторону коканцевъ ихъ батырей, изъ коихъ въ то время своими грабежными набѣгами особенно выдавался Исетка Кутебаровъ. Хотя коканцы надѣялись еще на помощь Хивы и Бухары, но помощь эта не была доставлена своевременно, такъ какъ владѣльцы этихъ ханствъ сами трусили за участь своихъ государствъ, придумывая, однако, способы удержать русскихъ отъ вторженія въ степь. Для этого Мухамедъ-Эмиръ, ханъ хивинскій, также подарками и деньгами старался подкупить знатнѣйшихъ киргизскихъ родоначальниковъ, чтобы постоянно имѣть свѣдѣнія о замыслахъ русскаго правительства. Неразъ посылалъ онъ къ Исеткѣ и другимъ вліятельнымъ біямъ свои фирманы, прося ихъ, насколько возможно, помѣшать движенію въ степь русскихъ.

Заслышавъ о сборѣ нашихъ отрядовъ и думая, что они пойдутъ на Хиву, онъ зимой, въ концѣ 1852 года, отправилъ въ Бухару и Коканъ посольства, чтобы заключить тѣсный союзъ для борьбы съ невѣрными. А тѣмъ временемъ, для развѣдыванія о движеніи русскихъ войскъ, послалъ къ киргизамъ Тляукабакова и Чимичли-Табынскаго родовъ своего любимца, киргиза Сеитъ-бія Байганина. Но такъ какъ въ это время не было никакихъ дѣйствій съ нашей стороны, и войска зимой никуда не выступали, то Сеитъ такъ и донесъ хану, а самъ для дальнѣйшихъ развѣдокъ остался до весны у своихъ родичей табынцевъ.

Мухамедъ-Эмиръ весьма обрадовался такому пріятному извѣщенію и, собравъ около 60 тыс. своей разношерстной рати, весной 1853 года пошелъ на туркменскую крѣпость Моверъ, не желавшую признавать его власти. Тѣмъ временемъ наши войска выступили съ линіи, и Сеитъ, узнавъ о томъ, поспѣшилъ скорѣе въ Хиву, гдѣ и разсказалъ обо всемъ оставшимся сановникамъ. Вѣсть эта такъ поразила ихъ, что они долгое время не знали, что̀ предпринять. Наконецъ, надумали сообщить хану. Тотъ также перепугался до невозможности и, бросивъ войска, немедленно прискакалъ въ Хиву. Тутъ составился совѣтъ, на которомъ порѣшили, не предпринимая ничего противъ Россіи, въ случаѣ нужды предложить ей миръ, съ обязательствомъ уплачивать такую дань, какая будетъ наложена на Хиву русскимъ правительствомъ.

Причина подобнаго рѣшенія объяснялась очень просто. Ни ханъ, ни правительство хивинское не довѣряли другъ другу, а населеніе враждебно относилось къ своимъ властямъ. Туркмены издавна недовольны хивинцами; кара-калпаки сильно угнетались тяжелыми работами; киргизы нерѣдко подвергались грабежамъ хивинскихъ джигитовъ; сами коренные жители Хивы—сарты и узбеки, переносили всевозможныя обиды и разнаго рода насилія какъ отъ хивинскихъ сановниковъ, такъ и отъ самого хана. Вообще, населеніе хивинское было убѣждено

вполнѣ, что какъ ханъ, такъ и власти, готовы сами, при первомъ удобномъ случаѣ, продать ханство русскимъ. Поэтому, при малѣйшемъ давленіи нашемъ въ это время на Хиву, и народъ, и правительство хивинское, безъ сомнѣнія, постарались бы опередить другъ друга въ своихъ услугахъ намъ...

Таковы были свѣдѣнія, доставленныя оренбургской пограничной коммиссіи однимъ, прибывшимъ изъ Хивы, базарчіемъ [1]), киргизомъ Адаевскаго рода, Тангатаромъ Ирмековымъ, исполнявшимъ въ хивинскомъ городѣ Куня-Ургенчь обязанности базаръ-баша [2]), при тамошнемъ атазіязъ-махремѣ [3]). Но безъ подтвержденія трудно дать вѣроятіе этимъ даннымъ, хотя съ другой стороны, по извѣстному вѣроломству азіатцевъ, ихъ жадности къ деньгамъ и наградамъ и отсутствію въ нихъ понятій о прямомъ долгѣ отечеству, нисколько нельзя сомнѣваться, что хивинское правительство и народъ дѣйствительно бы продали себя русскимъ, если бы въ Хивѣ въ это время появилась посторонняя значительная сила, давшая имъ толчокъ къ тому.

Впрочемъ, мѣстныя власти, чтобы отстранить отъ себя всякое подозрѣніе на этотъ счетъ, надумали набрать изъ сартовъ и узбековъ (киргизамъ уже не довѣряли) тысячъ пятнадцать войска и выставить ихъ на границѣ въ городѣ Кунградъ. Кромѣ того, по просьбѣ пріѣхавшаго коканскаго посланца, со свитой въ 40 человѣкъ, послано было въ Акъ-мечеть «девять верблюдовъ съ порохомъ и свинцомъ» [4]), а киргизамъ отправлены увѣщательныя грамоты.

Этимъ моментомъ воспользовался мятежный батырь Исетъ Кутебаровъ [5]) и, соединившись съ сыномъ извѣстнаго степнаго разбойника Сюункары-Маруномъ, собралъ около себя изъ вѣрныхъ ему тляукабаковцевъ шайку въ 1.000 человѣкъ, намѣреваясь съ ней задержать движеніе въ степь русскихъ отрядовъ.

Первая попытка его въ этомъ направленіи была та, что онъ, по требованію пограничнаго начальства, въ началѣ 1853 года, не далъ верблюдовъ подъ свозъ транспорта изъ укрѣпленія Уральскаго въ укрѣпленіе Раимъ. Потомъ, послѣ прохода чрезъ Уральское укрѣпленіе русскихъ войскъ къ Акъ-мечети, шайка его, 20-го іюня 1853 года, украла изъ этого укрѣпленія 11 казачьихъ лошадей. Тѣмъ временемъ дѣти батыря Сюункары, съ партіей въ 100 человѣкъ, сдѣлали нападе-

---

[1]) Торговецъ на базарѣ.

[2]) Начальникъ базара.

[3]) Таможенный сборщикъ или начальникъ торговли.

[4]) Вьюкъ верблюда равняется 16-ти пудамъ.

[5]) Подробности о мятежныхъ дѣйствіяхъ этого батыря, начавшихся въ 1847 году и кончившихся въ 1857 году, см. въ нашей статьѣ „Исетъ Кутебаровъ“. „Оренб. Губерн. Вѣдом.“ 1891 г, № 13, 14, 15.

ніе на форпосты Нижне-Уральской линіи и угнали 200 лошадей. Предводитель шайки этой, Марунъ, писалъ хану хивинскому, что онъ охотно будетъ противодѣйствовать предпріятіямъ русскихъ, если Мухамедъ-Эмиръ дастъ подкрѣпленіе или, по крайней мѣрѣ, по-прежнему согласится покупать отъ киргизовъ приводимыхъ въ Хиву русскихъ плѣнниковъ. Ханъ изъявилъ полное согласіе, благодарилъ обоихъ батырей, а Исеткѣ, за невыдачу русскимъ верблюдовъ, прислалъ 200 червонцевъ и обѣщался помочь имъ осенью, чтобы уничтожить Уральское укрѣпленіе.

Обѣщанія хана не сбылись. Русскіе уже подступили къ Акъмечети, которая хотя и была «окружена тремя крѣпкими стѣнами, съ тремя пушками на нихъ» и защищалась 20-ю тысячами коканскихъ войскъ, присланныхъ, подъ начальствомъ Мухамедъ-Кула, прямо изъ Кокана, но не могла выдержать храбраго натиска русскихъ и 28-го іюля 1853 года пала.

Успѣху такого скораго окончанія задуманнаго нами предпріятія способствовало то, что въ это время въ Коканскомъ ханствѣ царила полнѣйшая неурядица и сильное озлобленіе народа противъ своего хана Худояра, который, незадолго передъ войной съ русскими, совершенно неповинно казнилъ двухъ своихъ важныхъ сановниковъ—Мусульманъ-Чулака, исправлявшаго должность минъ-баши [1]) ханства, и Нурмухамеда, ташкентскаго кушъ-беги [2]).

Кто-то изъ приближенныхъ донесъ хану, что вельможи эти хотятъ отдать ханство русскимъ, какъ только послѣдніе переступятъ коканскую границу. И ханъ, не провѣривъ доноса и не допросивъ даже самихъ обвиняемыхъ, ни о чемъ не размышляя, повелѣлъ казнить вѣрныхъ слугъ своихъ. Мусульманъ-Чулакъ, однако, успѣлъ скрыться къ «дикокаменнымъ» киргизамъ [3]). Но Худояръ хитростью,ославъ ему милостивое письмо, въ которомъ увѣрялъ, что доносъ на него оказался ложью, и что онъ готовъ дать ему высшее и болѣе почетное мѣсто, заманилъ его къ себѣ и казнилъ вмѣстѣ съ семью его приверженцами. Нурмухамедъ же съ прочими сановниками «изъ кипчаковъ» [4]) былъ повѣшенъ.

На мѣсто послѣдняго ханъ назначилъ своего старшаго брата Муллу-бека, давъ ему въ качествѣ совѣтника (д а х т а) киргиза Гибадая, приходившагося хану родственникомъ по матери. Должность же минъ-баши оставалась свободной и во время войны.

---

[1]) Начальникъ войска, скорѣе военный министръ, отъ словъ: минъ-тысяча, башъ-голова, т. е. тысяченачальникъ.

[2]) Кушъ-беги—генералъ-губернаторъ.

[3]) Должно быть, киргизы сѣвернаго Памира.

[4]) Т. е. Кипчакскаго рода средней киргизской орды.

Такою вопіющею несправедливостью, ибо казненные не только были неповинны, но пользовались уваженіемъ своего народа, Худояръ такъ вооружилъ противъ себя населеніе, что среди туземцевъ начался ропотъ и волненія, а киргизы Большой орды, находившіеся въ нѣкоторомъ подчиненіи у Кокана, уже открыто выражали свой протестъ хану, охотно отдавая русскимъ отрядамъ верблюдовъ подъ свозъ тяжести, въ полной увѣренности, что эта услуга русскому правительству вознаградится потомъ сторицею. Разсказываютъ, что даже предводитель войскъ въ Акъ-мечети, Мухамедъ-Кулъ (родомъ сартъ), былъ также склоненъ на сторону русскихъ [1]).

Передъ Акъ-мечетью за три дня пути Перовскій обогналъ колонну подполковника Іоннея, а за два дня—колонну Падурова и съ однимъ только штабомъ и конвоемъ явился предъ стѣнами крѣпости, остановившись лагеремъ всего въ 600 саженяхъ отъ нея; потомъ выслалъ парламентеровъ и самъ поѣхалъ съ ними. Коканцы подпустили ихъ къ крѣпости, а потомъ дали залпъ. Пришлось отступить и въ довольно опасномъ положеніи поджидать прибытія войскъ, подошедшихъ къ Акъ-мечети 2-го іюля.

Туземцы въ пятисаженныхъ стѣнахъ держались первое время стойко и по цѣлымъ ночамъ не давали покоя нашимъ войскамъ, тревожа безпрестанными орудійными выстрѣлами, затихавшими только на день.

Извѣдавъ неудачу въ хивинскомъ походѣ и не зная еще, какъ сражаться съ азіатами, Перовскій дѣйствовалъ осторожно и велъ осаду по всѣмъ правиламъ современной науки, точно бралъ сильную европейскую крѣпость. Это ободрило коканцевъ и навело уныніе на подвластныхъ имъ киргизовъ, которые думали, что русскіе не могутъ взять Акъ-мечети. Мало того, 18-го іюля получено было извѣстіе, что на подмогу ея идутъ войска изъ Ташкента.

Чтобы помѣшать движенію непріятельскихъ войскъ, Перовскій двинулъ, подъ начальствомъ Падурова, къ переправѣ Сыгазы, легкій отрядъ въ 500 казаковъ, съ однимъ четверть-пудовымъ и двумя трехфунтовыми единорогами. Но отрядъ этотъ, сдѣлавъ лишь 30 верстъ пути, вернулся назадъ и ничего не развѣдалъ, а между тѣмъ слухи о приближеніи непріятельскихъ войскъ упорно держались. Тогда В. А. послалъ снова отрядъ до крѣпости Джулекъ, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно взять ее.

21-го іюля отрядъ дошелъ до Сыгазы и, переправившись тутъ чрезъ Беръ-Казанскій протокъ, «на одной киргизской лодкѣ, одной бударѣ и одномъ плотѣ изъ сухаго камыша», на другой день, пройдя, по причинѣ дурной для орудій дорогѣ, лишь 50 верстъ, заночевалъ

[1]) „Оренб. Губерн. Вѣдом.“ 1891 г., № 14.

при озерѣ Итъ-Аякъ. Но 23-го іюля, сдѣлавъ только двадцать верстъ и остановившись у какой-то лощины, гдѣ располагался киргизскій аулъ, казаки были уже въ виду крѣпости, до которой оставалось не болѣе 15-ти верстъ.

Киргизы обрадовались приходу русскихъ, и многіе изъ нихъ явились къ Падурову съ предложеніемъ своихъ услугъ. Отъ нихъ начальникъ отряда узналъ, что въ Джулекѣ всего 40 коканцевъ, такъ что завладѣть крѣпостью не представлялось никакой трудности. Но киргизы опередили отрядъ и, чтобы защитить жившихъ въ крѣпости ихъ родственниковъ, вызвались уговорить коканцевъ сдать Джулекъ безъ боя. Эту миссію принялъ на себя батырь Тургай и тотчасъ же поѣхалъ туда. Черезъ нѣсколько времени столбъ густой пыли потянулся изъ крѣпости по направленію къ Ташкенту: то бѣжали слабые защитники Джулека. Отряду нашему дали знать, что все готово, и, не успѣло еще южное солнце скрыться за занавѣсу степной ночи, какъ Джулекъ былъ нашъ.

Казаки нашли въ крѣпости 19 ружей, различной длины и калибра, съ фитильными замками, пуда полтора пороху, $3^1/_2$ пуда свинца, нѣсколько мѣшковъ рису, изюму и табаку, 6 головъ рогатаго скота и одного ученаго беркута, цѣнившагося киргизами въ 100 барановъ, котораго, къ величайшей радости, и отдали Тургаю, въ благодарность за оказанную услугу.

Взятіе Джулека много помогло успѣху паденія Акъ-мечети. Защитники ея пріуныли. А Перовскій тѣмъ временемъ, наскучивъ безплодной трехнедѣльной осадой, двинулъ войска на приступъ, и въ какихъ-нибудь 20 минутъ крѣпость была взята.

Послѣ взятія крѣпостей этихъ, приступлено было къ основанію, такъ называемой, Сыръ-Дарьинской линіи, которая составилась изъ прежняго укрѣпленія Аральскаго и вновь возведенныхъ фортовъ—№ 1, на истокѣ рѣки Казалы, № 2-го—на урочищѣ Кармакчи, № 3-го—на Куванъ-Дарьѣ и форта «Перовскаго», переименованнаго, по высочайшему повелѣнію, въ честь виновника побѣды изъ Акъ-мечети—на Сыръ-Дарьѣ [1]).

Перовскій оставался здѣсь до 5-го августа и потомъ отправился въ Оренбургъ, оставивъ въ этой крѣпости три роты 4-го Оренбургскаго линейнаго батальона [2]), двѣ сотни уральцевъ и сотню башкиръ при 17-ти орудіяхъ.

---

[1]) Въ 1855 году за ненадобностью укрѣпленіе Аральское и фортъ № 3-й были упразднены.

[2]) Въ батальонѣ этомъ находился нашъ извѣстный поэтъ А. Н. Плещеевъ, также принимавшій участіе въ штурмѣ Акъ-мечети и произведенный 27-го декабря того же года въ прапорщики, съ переводомъ въ № 3-й Оренбургскій линейный батальонъ, стоявшій въ Оренбургѣ.

За покореніе коканцевъ и взятіе Акъ-мечети, онъ, въ числѣ прочихъ награждаемыхъ (27-го декабря 1853 года), былъ возведенъ въ графское достоинство. Остальные участники похода получили слѣдующія награды: всѣмъ чинамъ отряда выдано было, не въ зачетъ, годовой окладъ жалованья, 36-ти лицамъ были пожалованы золотыя сабли и ордена, 67-ми—чины и 14-ти—денежныя награды. Нижнимъ же чинамъ—50 знаковъ отличія военнаго ордена для христіанъ и 12-ть для магометанъ установленныхъ.

Впослѣдствіи, въ томъ же 1853 году, а потомъ въ 1855 году, коканцы всѣми мѣрами старались возвратить Акъ-мечеть, но уже было поздно: мы достаточно прочно укрѣпились на Сыръ-Дарьѣ.

Хотя коканскій походъ не принесъ намъ особенной пользы, но имѣлъ то существенное значеніе, что, съ пріобрѣтеніемъ нами спорныхъ пунктовъ на Сырѣ и Аральскомъ морѣ, намъ открылся болѣе широкій путь для дальнѣйшихъ блистательныхъ побѣдъ, завершившихся полнымъ покореніемъ Туркестана и уничтоженіемъ Коканскаго ханства.

VII.

Кончина императора Николая.—Письмо императора Александра II Перовскому по этому случаю.—Отвѣтъ В. А.—Поѣздка на коронацію.—Новое и послѣднее награжденіе Перовскаго.—Приказъ по корпусу.—Увольненіе отъ должности и назначеніе генерала Катенина.—Его приказъ, какъ данъ уваженія къ дѣятельности В. А.—Кончина Перовскаго.

18-го февраля 1855 года скончался императоръ Николай I, и для Перовскаго больше, чѣмъ для остальныхъ, это было самымъ тяжкимъ испытаніемъ. Почилъ въ Бозѣ его защитникъ, его благодѣтель, и В. А. упалъ духомъ. Но новый императоръ, при вступленіи на престолъ, не позабылъ стараго воина, и, очевидно, чтобы поддержать его, 19-го февраля почтилъ такимъ собственноручнымъ письмомъ своимъ:

«Что во мнѣ происходитъ, любезнѣйшій Василій Алексѣевичъ, вы поймете! Спасибо вамъ, отъ имени незабвеннаго благодѣтеля нашего, за вашу долговременную, вѣрную и усердную службу при немъ. Я васъ знаю, и вы меня знаете. Будьте тѣмъ, чѣмъ всегда были. Обнимаю васъ отъ души».

Но какъ ни пріятно, какъ ни драгоцѣнно было для Перовскаго получить изъ собственныхъ рукъ молодаго царя первое проявленіе милости, онъ уже чувствовалъ, что его пѣсня спѣта. Теперь пошли новыя

вѣнія, новыя идеи, болѣе просвѣщенныя, болѣе гуманныя. Старая школа, съ ея строгой субординаціей, отживала свой вѣкъ. А. В. А—чу, уже шестидесятилѣтнему старцу, трудно было примѣняться къ новымъ порядкамъ, трудно было переработывать свою натуру. И въ отвѣтномъ письмѣ своемъ новому императору онъ такъ и изливаетъ свое душевное состояніе.

«Слезами невыразимой душевной скорби омылъ я горькія и вмѣстѣ драгоцѣнныя строки, коими благоугодно было вашему величеству удостоить стараго слугу августѣйшаго родителя вашего, а моего государя и благодѣтеля, столь внезапно для насъ отошедшаго въ вѣчность. Если бы остатокъ дней моихъ не принадлежалъ уже вамъ, государь, по нераздѣльной съ жизнью моей преданности благословенному дому вашему, то одно чувство умиленія и глубокой благодарности за воспоминаніе обо мнѣ въ часы, для сердца вашего столь тяжкіе, заставили бы меня посвятить вамъ послѣднія силы духа и послѣднюю каплю крови.

«Безотрадно только мнѣ, помышляя о кончинѣ того, кого любилъ болѣе себя самого, сознавать, сколько для меня осталось времени, чтобы любовь и преданность, которыми проникнутъ я къ его преемнику, выразить вамъ, государь, какъ бы желалъ я на дѣлѣ. Но если на службу вамъ не достанетъ у меня жизни, то за гробомъ буду я молить Всевышняго—да благословитъ Онъ и напутствуетъ васъ на великомъ и тяжкомъ пути».

Въ августѣ 1856 года, В. А. поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы проводить молодаго царя на священное коронованіе въ первопрестольную столицу, и просилъ его о своемъ увольненіи на покой. Но юный государь, не желая огорчать старика, обласкалъ его и въ торжественный день коронованія, 26-го августа, пожаловалъ его высшей наградой, о которой самъ Перовскій вотъ какой отдалъ приказъ по оренбургскому корпусу (отъ 5-го сентября, № 250):

«Государю императору благоугодно было, 26-го минувшаго августа, всемилостивѣйше удостоить меня пожалованіемъ алмазныхъ знаковъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, кои имѣлъ я счастье получить при слѣдующей высочайшей грамотѣ:

«Нашему генералъ-адъютанту, командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору, графу Перовскому.

«Достохвальное служеніе ваше престолу и отечеству всегда отличалось самымъ дѣятельнымъ и примѣрно-ревностнымъ исполненіемъ возлагавшихся на васъ обязанностей. Зная, сколь высоко незабвенный нашъ родитель цѣнилъ вашу преданность къ нашему августѣйшему дому, намъ пріятно, въ настоящія торжественныя для насъ минуты,

обратиться къ воспоминанію, что, при нашемъ рожденіи въ стѣнахъ Московскаго Кремля, родителю нашему угодно было избрать васъ для извѣщенія о томъ императора Александра I, а впослѣдствіи на васъ же возложить сопутствованіе намъ въ Москву къ Священному Коронованію нашихъ родителей. Желая изъявить вамъ душевную нашу признательность, какъ за прежнюю службу императору Николаю I, такъ и за настоящіе неутомимые труды по управленію ввѣреннымъ вамъ обширнымъ краемъ, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ алмазные знаки ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, кои при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны. Александръ».

Это была лебединая пѣснь В. А—ча. Вскорѣ ему былъ намѣченъ преемникъ, генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, бывшій преображенецъ, который 31-го декабря 1856 года прибылъ въ Оренбургъ сначала для того, чтобы, подъ руководствомъ Перовскаго, «присмотрѣться къ дѣлу», но потомъ опять уѣхалъ въ Петербургъ. Краемъ же по-прежнему до апрѣля 1857 года управлялъ Перовскій, живя все время въ Оренбургѣ[1]). Наконецъ, 7-го апрѣля 1857 года послѣдовалъ высочайшій приказъ такого содержанія:

„Снисходя къ просьбѣ командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, нашего генералъ-адъютанта, генерала-отъ-кавалеріи, графа Перовскаго, по совершенно разстроенному его здоровью, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ настоящихъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, членомъ Государственнаго Совѣта, повелѣвая быть командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ нашему генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту Катенину, съ оставленіемъ его въ званіи генералъ-адъютанта“.

Тихо, безъ шума выѣхалъ, вскорѣ послѣ полученія этого приказа, В. А. изъ Оренбурга. А преемникъ его не торопился въ новый край. Но пріѣхавъ туда 16-го іюня и вступивъ въ отправленіе должности, Катенинъ рыцарски отдалъ должную дань своему предшественнику приказомъ того же числа по корпусу (за № 178), въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

„По волѣ государя императора, замѣщая генералъ-адъютанта графа Перовскаго, многолѣтніе труды коего останутся навсегда памятны краю, имъ такъ горячо любимому, я вполнѣ постигаю всю важность и отвѣтственность

[1]) Г. Захарьинъ („Русск. Арх.“ 1891, IV, 595), даетъ ошибочныя данныя, что „Перовскій управлялъ краемъ до половины 1856 года. Въ августѣ онъ уѣхалъ изъ Оренбурга на коронацію и болѣе уже не возвращался въ излюбленный имъ край“.—Мы имѣемъ въ рукахъ точныя архивныя данныя,—аттестатъ покойному поэту А. Н. Плещееву, подписанный собственноручно самимъ Перовскимъ въ Оренбургѣ, 10-го февраля 1857 года, съ полнымъ титуломъ В. А—ча (См. Вышепоказанное дѣло Тургайс. Облас. арх.).

возложенныхъ на меня обязанностей; но не сомнѣваюсь также, что въ сослуживцахъ моихъ найду ревностныхъ и добрыхъ помощниковъ, а потому надѣюсь, что, съ благословеніемъ Божіимъ, оправдавъ высокое довѣріе государя императора, заслужу то милостивое одобреніе, котораго постоянно удостоивался мой почтенный предмѣстникъ".

Катенинъ сказалъ только правду. Графъ Перовскій будетъ долго памятенъ Оренбургскому краю, который онъ покинулъ со слезами на глазахъ. Хотѣлъ В. А. умереть среди дорогихъ его сердцу казаковъ, въ миломъ ему краю, но судьба судила иначе.

Поселившись послѣ того, по совѣту врачей, въ Крыму, въ имѣніи князя Воронцова—Алупкѣ, онъ не могъ уже поправиться отъ тяжелыхъ ранъ своихъ и болѣзней душевныхъ и 8-го декабря 1857 года тихо скончался—одинокій и всѣми покинутый...

VIII.

Нѣкоторая характеристика графа Перовскаго. — Случаи, рисующіе его строгость, суровость и милость. — Люди, окружавшіе его. — Заботы о народѣ и о благоустройствѣ города и края.—Башкиры.—На Гребеняхъ.—Маршъ его имени.—Значеніе Перовскаго для Оренбургскаго края.—Заключеніе.

У всякаго человѣка есть свои слабости, свои недостатки. Перовскій также, какъ человѣкъ, не могъ быть полнымъ совершенствомъ. Но понять его характеръ довольно трудно: то онъ былъ слишкомъ добръ и милостивъ, снисходителенъ къ слабостямъ другихъ, то ужь очень строгъ и взыскателенъ. Иной разъ это былъ звѣрь, а не человѣкъ. Разсказываютъ, что въ Кардаиловской станицѣ (Оренбургскаго войска) онъ до смерти запоролъ казака за то только, что тотъ не хотѣлъ участвовать въ общественной запашкѣ, а причитающійся на долю его семьи хлѣбъ намѣревался прямо засыпать въ общественный магазинъ—безъ всякихъ хлопотъ. Перовскій принялъ это за ослушаніе начальству, за «бунтъ», пригласилъ священника, приказалъ ему исповѣдать и причастить виновнаго и тутъ же, не выходя изъ-за стола, за которымъ пилъ чай, велѣлъ въ двѣ нагайки полосовать казака до тѣхъ поръ, пока тотъ не умеръ подъ ударами.

Энергія, быстрота, натискъ—вотъ были главныя особенности дѣятельности Перовскаго.

Красавецъ собой, статный, повыше средняго роста, хорошо воспитанный, онъ въ обществѣ производилъ чарующее впечатлѣніе. Особенно въ восторгѣ отъ него были дамы, которыя, кажется, считали для

себя священнымъ долгомъ влюбляться въ него и чуть не бѣгали за нимъ—куда онъ, туда и онѣ. Подъ-часъ онъ такъ умѣлъ очаровывать ихъ, что, какъ говорится, въ душу влѣзетъ. Но другой разъ отъ одного его сердитаго взгляда эти же дамы падали въ обморокъ.

Съ подчиненными онъ вообще обращался строго, даже сурово. Не позволялъ имъ «смѣть свое разсужденіе имѣть», особенно же во время служебныхъ обязанностей, а внѣ службы обходился съ ними иногда ласково. Очевидно, онъ преслѣдовалъ девизъ: «служба—службой, а дружба—дружбой». Но если онъ кого полюбилъ или кто-либо изъ подчиненныхъ понравился ему, онъ не охладѣвалъ къ тому никогда, пусть какіе бы ни дѣлали окружающіе на него навѣты.

Любя науку, литературу и искусства и преклоняясь предъ людьми ума, какъ человѣкъ образованный, онъ и въ этомъ отдаленномъ полуазіатскомъ краѣ съумѣлъ найти и окружить себя людьми развитыми и даровитыми. Въ первое его командованіе при немъ служили—Григорій Ѳедоровичъ Генсъ, предсѣдатель Оренбургской пограничной коммиссіи (1825—1844) и деректоръ Неплюевскаго кадетскаго корпуса въ одно и то же время (1824—1832), а потомъ попечитель его, оставившій послѣ себя нѣсколько записокъ изъ быта и исторіи киргизовъ [1]), и извѣстный писатель Владиміръ Ивановичъ Даль (казакъ луганскій); во второе командованіе—Василій Васильевичъ Григорьевъ, тоже предсѣдатель пограничной коммиссіи (1854—1862), Николай Ивановичъ Ильминскій, Алексѣй Александровичъ Бронниковъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и состоящій на должности оренбургскаго гражданскаго губернатора, камергеръ Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ (1849—1855)—всѣ люди обширнаго ума и извѣстные своими литературными трудами по исторіи и оріентологіи Оренбургскаго края, Киргизской степи и частію Средне-Азіатскихъ ханствъ.

За обѣдомъ или вечерами, послѣ дневныхъ докладовъ, В. А. часто отводилъ душу съ этими просвѣщенными людьми.

Онъ былъ дѣйствительно истиннымъ труженикомъ на своемъ посту: заботился и о просвѣщеніи народа; заботился и о расширеніи и процвѣтаніи нашей Средне-Азіатской торговли, обороты коей при немъ достигли 6 милл. рублей; заботился и о благоустройствѣ края и города. Обширный умъ его хотѣлъ обнять все, и онъ жилъ только одной мечтой, какъ бы лучше устроить любимый имъ край, чтобы онъ былъ образцовымъ въ Россіи. Для осуществленія тѣхъ или другихъ предпріятій, ни передъ чѣмъ не останавливалась его пылкая натура. И что онъ задумалъ разъ, то не бросалъ тотчасъ же задуманнаго, какъ другіе, а доводилъ это до конца.

[1]) Записки эти хранятся—частію въ библіотекѣ оренбур. отдѣла Географическаго общества (8 книгъ), частію же въ Оренбург. централ. архивѣ.

Чтобы увеличить торговое сословіе въ Оренбургскомъ краѣ для широкаго распространенія пограничной торговли, онъ ходатайствовалъ о продолженіи безпошлиннаго торга въ Оренбургѣ—и высочайшимъ повелѣніемъ 1836 года срокъ этого торга продолженъ еще на 6 лѣтъ. Благодаря его же стараніямъ въ 1837 году повелѣно было «съ Оренбургскихъ купцовъ и мѣщанъ русскаго происхожденія, постоянно жившихъ въ Оренбургѣ, взимать въ теченіе 5-ти лѣтъ только половину гильдейскихъ пошлинъ и податей». А въ 1839 году купцамъ 2-й и 3-й гильдіи, торговавшимъ въ Средней Азіи, предоставлены были права 1-й гильдіи.

Для увеличенія же доходности казны, при немъ, помимо распоряженія 1833 года о взиманіи съ киргизовъ особой платы за перепускъ скота на внутреннюю сторону линіи—съ мелкаго по 2 коп., рогатаго—5 коп., и верблюда и лошади—10 коп. ассигнаціями—въ 1834 году повелѣно за прогонъ киргизскаго скота чрезъ Троицкую таможню брать съ крупнаго по 15 коп., а съ мелкаго по 5 коп. съ головы. Только скотъ, пригоняемый изъ степи на продажу, былъ освобожденъ отъ платежа этого налога. Въ 1837 году было издано повелѣніе—«взимать съ прилинейныхъ киргизовъ кибиточный сборъ по $1^1/_2$ руб. сереб. съ каждой кибитки», распространяя это повелѣніе «по мѣрѣ упроченія русской власти въ степи и на киргизовъ, кочующихъ въ глубинѣ ея».

Забота же его о просвѣщеніи народа выразилась въ открытіи въ 1834 году въ г. Троицкѣ уѣзднаго училища, а въ 1839 году открытіемъ приходскихъ школъ въ Троицкѣ же и въ Челябинскѣ.

По иниціативѣ Перовскаго, при его канцеляріи, стараніями В. В. Григорьева, въ 1854 году впервые была заведена библіотека, вполнѣ приноровленная къ изученію мѣстнаго края, куда выписывались не только научные русскіе журналы и выдающіяся сочиненія, но и иностранные журналы [1]).

Потомъ по плану В. А. выстроено (въ 1856 г.), на берегу рѣки Урала, близъ Преображенскаго собора, приспособленное исключительно для храненія мѣстныхъ архивовъ и этой библіотеки, особое роскошное зданіе, въ средневѣковомъ стилѣ, облицованное глазированнымъ цвѣтнымъ (голубой, красный и бѣлый) кирпичемъ, съ отдѣльной башней, гдѣ и до сихъ поръ сохранились и дѣйствуютъ, съ тремя циферблатами, башенные часы московской фабрики брат. Бутенонъ, установленные здѣсь въ 1855 году, которые трелями мелкихъ колокольчиковъ выби-

---

[1]) Впослѣдствіи библіотека эта перешла къ Оренбургскому отдѣлу И. р. Географ. общества, а нынѣ передана для пользованія въ Оренб. городскую библіотеку. Тамъ есть много рѣдкихъ книгъ и даже рукописей, еще не обнародованныхъ.

ваютъ четверти и полчаса, а часы—отсчитываются рѣдкимъ звономъ колокола [1]).

Немного ранѣе—въ 1855 г., построено изъ такого же кирпича еще одно зданіе позади Караванъ-сарайскаго сада, гдѣ нынѣ хранятся экспедиціонныя вещи интендантскаго вѣдомства.

Въ первое командованіе его начатъ постройкой обширный (въ 11 тысячъ кв. саж.) Караванъ-сарайскій садъ съ зданіемъ караванъ-сарая, для помѣщенія тамъ Башкирскаго коннаго полка, съ мечетью при немъ, изъ коихъ первое окончено въ 1842 г., а вторая—въ 1846 году [2]). Затѣмъ онъ построилъ, на берегу рѣки Урала, обращенныя лицомъ на киргизскую сторону, Николаевскія (оборонительныя) казармы (въ 1838 г.), и близъ нихъ—себѣ домъ (1840 г.), именующійся и до сихъ поръ генералъ-губернаторскимъ, хотя онъ уже переданъ въ министерство финансовъ, и въ немъ въ настоящее время находятся казенная палата и губернское казначейство.

Надъ домомъ этимъ высится нарочно-устроенная крытая вышка, изъ оконъ коей, какъ на ладони, видна вся зауральная степь, и разсказываютъ, что Перовскій чуть не каждый день проводилъ въ ней по нѣсколько часовъ, разсматривая въ подзорную трубу синѣющую даль и уходя думами въ далекія, далекія степи. Здѣсь, можетъ быть, не одна смѣлая мысль въ часы досуга осѣняла его, не одно полезное предпріятіе задумывалось и обсуждалось. Увы, теперь этотъ памятникъ Перовскихъ «думъ» разрушается и переиначивается «съ духомъ времени».

Кромѣ того В. А—чемъ построено зданіе генералъ-губернаторской канцеляріи (въ 1852 г.), гдѣ теперь находится контрольная палата, затѣмъ—магометанское кладбище (1852) [3]) и устроенъ въ Оренбургѣ городской водопроводъ.

Всѣ почти постройки эти производились башкирами, нарочно назначаемыми сюда изъ полковъ и кантоновъ. Необходимый для строеній лѣсъ сплавлялся изъ Башкиріи по рѣкѣ Сакмарѣ башкирами же. Камень и известь также вырабатывались ими въ 20 верстахъ отъ Оренбурга на Гребенской горѣ, куда Перовскій неразъ наѣзжалъ самъ, чтобы наблюдать за работами.

Двадцать верстъ вѣдь разстояніе небольшое. Пообѣдаетъ онъ въ три часа, велитъ засѣдлать коня (верхомъ онъ больше любилъ ѣздить), возьметъ съ собой вѣстоваго казака и маршъ туда, а вечеромъ къ чаю

---

[1]) Нынѣ зданіе это находится въ военномъ вѣдомствѣ, и въ немъ помѣщается гауптвахта.

[2]) Дѣло Тургайс. областн. ар. № 22749.—Теперь въ этомъ зданіи помѣщаются губернскія присутственныя мѣста и квартира оренбургскаго губернатора.

[3]) См. дѣло Тург. об. арх. № 38687.

домой вернется. Неразъ онъ дѣлалъ и болѣе значительныя поѣздки, чѣмъ до Гребеней и обратно.

Башкиры сильно любили Перовскаго, и слѣпое обожаніе этихъ дикарей лѣсовъ къ этому начальнику края нѣтъ никакой возможности описать. Они и теперь съ восторгомъ вспоминаютъ о немъ и съ увлеченіемъ разсказываютъ о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда къ нимъ Перовскій «густямъ гулялъ». Благодарная память о немъ передается у нихъ отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ, и навѣрно еще долго будетъ сохраняться въ потомствѣ. Мало того, они составили въ честь В. А. свой оригинальный маршъ—«Пиравскій маршъ» и вездѣ, и постоянно, куда ни посмотрите—и въ убогой хижинѣ, и въ богатыхъ хоромахъ знатныхъ изъ нихъ, на всѣхъ праздникахъ и увеселеніяхъ,—они наигрываютъ его на джибызгѣ [1]) и заливаются неутѣшными слезами: «Маласса былъ Василь Лексѣичъ! Такуй добра душа не будить бульша!»

Маршъ этотъ распространенъ не только въ Башкиріи, но его можно слышать и въ Оренбургѣ, въ мелкихъ трактирчикахъ и гостиницахъ, гдѣ собирается простой народъ. Говорятъ, что онъ написанъ, какъ воспоминаніе о несчастномъ хивинскомъ походѣ.

Такимъ образомъ В. А. Перовскій живетъ въ памяти народной не только по однимъ воспоминаніямъ, но живетъ еще въ чувствахъ и сердцахъ исполнителей и слушателей этой мелодіи, въ сердцахъ тѣхъ дикарей, которые были когда-то непокорны намъ, а ему остаются до сихъ поръ благодарными.

Значеніе В. А. и его заслуги какъ для Россіи вообще, такъ для Оренбургскаго края въ особенности—несомнѣнны. Такихъ видныхъ, заботливыхъ и дѣятельныхъ администраторовъ въ Оренбургскомъ краѣ со дня его существованія (съ 1735 г.) было только двое: Ив. Ив. Неплюевъ, первый оренбургскій губернаторъ и основатель г. Оренбурга на настоящемъ его мѣстѣ, и В. А. Перовскій, первый генералъ-губернаторъ оренбургскій, котораго, если можно выразится такъ, должно назвать устроителемъ этого города [2]).

---

[1]) Джибызга — музыкальный инструментъ, выдѣлываемый изъ длинной дудки хвощевика (иногда желѣзная), на которой прорѣзываются поперечно-продольныя дыры, замѣняющія лады. Вверху же дѣлается боковое поперечное отверстіе, и верхній край дудки срѣзывается по діагонали, а потомъ въ пустое пространство вставляется палочка (обрубокъ) съ дырой, въ которую и дуютъ.

[2]) Интересное еще сопоставленіе: какъ И. И. Неплюевъ управлялъ Оренбургскимъ краемъ 16-ть лѣтъ (съ 1742—1758 г.), такъ и В. А. столько же времени и почти въ одинаковые годы, только разныхъ столѣтій.

Желая сохранить живую память о В. А., мы прилагаемъ здѣсь портретъ его [1]), рисованный тушью и карандашемъ, прямо съ оригинала, мѣстнымъ художникомъ-академикомъ Алексѣемъ Чернышевымъ, современникомъ Перовскаго, пользовавшимся также его покровительствомъ.

Портретъ этотъ снятъ въ послѣднее командованіе Оренбургскимъ краемъ В. А. и производитъ поразительное сходство съ оригиналомъ.

П. Юдинъ.

[1]) Приложенъ къ майской книжкѣ журнала. Ред.

Графъ Толь—Императору Николаю I.

29 мая 1831 г. д. Клешово.

Изъ всеподданнѣйшаго донесенія моего вашему императорскому величеству усмотрѣть изволите роковую участь, постигшую побѣдоносную армію вашего императорскаго величества [1]). Я, согласно учрежденія большой дѣйствующей арміи, принялъ временно командованіе надъ оною и посвящу всѣ мои слабыя силы и способности слѣдовать видамъ и предположеніямъ покойнаго генералъ-фельдмаршала. За всѣмъ тѣмъ, я, какъ истинный сынъ отечества и вѣрный слуга вашего императорскаго величества, не могу умолчать, что скорое назначеніе главнокомандующаго надъ оною необходимо, ибо я чувствую себя неспособнымъ принять на себя столь важную обязанность, о чемъ предварительно въ письмахъ покойнаго фельдмаршала сіе чистосердечное мое признаніе доведено было до свѣдѣнія вашего императорскаго величества. Съ назначеніемъ же новаго главнокомандующаго я готовъ, буде вашему императорскому величеству угодно, остаться въ нынѣ занимаемой мною должности; въ противномъ же случаѣ всеподданнѣйше прошу о назначеніи меня, согласно представленія покойнаго генералъ-фельдмаршала, въ письмѣ его отъ 11-го числа къ вашему императорскому величеству изложеннаго [2]). Въ заключеніе еще присовокупить обязываюсь, что для пользы службы полагаю я необходимымъ, хотя на первое время командованія новаго главнокомандующаго, оставить всѣхъ главныхъ начальниковъ управленія главнаго штаба арміи въ теперешнемъ его составѣ.

Съ чувствами всеподданнической преданности имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій

Графъ К. Толь [3]).

---

[1]) Кончина фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго.

[2]) Въ письмѣ графа Дибича отъ 11-го мая 1831 года, главнокомандующій сообщалъ о необходимости даровать графу Толю временный отдыхъ, вслѣдствіе совершеннаго упадка его физическихъ силъ послѣ трудной зимней кампаніи.

[3]) Письмо это было получено въ С.-Петербургѣ 5-го іюня 1831 г. и отправлено въ двухъ экземплярахъ

КЪ ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

(Письма и замѣтки).

Князь Шаликовъ.—А. Воейковъ.—М. П. Погодинъ.—Н. И. Гречъ.—Митрополитъ Филаретъ.—Д. В. Давыдовъ.—Я. де-Сангленъ.—Ѳ. В. Булгаринъ.—А. И. Тургеневъ.—Борисъ Ѳедоровъ.

1.

Письмо оберъ-гофмаршала Кириллы Нарышкина—князю А. Н. Голицыну.

24-го апрѣля 1826 года, № 2700.

Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, тѣло покойной камеръ-фрейлины ихъ императорскихъ величествъ, графини Протасовой, предано землѣ на счетъ его величества. Для погребенія сего издержано изъ суммъ придворной конторы десять тысячъ пятьсотъ сорокъ семь рублей сорокъ копѣекъ. Въ числѣ сей суммы заключаются заплаченные въ Александро-Невскую Лавру восемь тысячъ рублей, по поданному впередъ еще, отъ ризничьяго іеромонаха Рафаила, счету.

Сообщая сіе вашему сіятельству, для доклада его величеству, я покорнѣйше прошу васъ испросить высочайшее повелѣніе о возвратѣ придворной конторѣ изъ кабинета вышеозначенные 10.547 рублей 40 коп., и о послѣдующемъ меня увѣдомить.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть и проч.

2.

Письмо князя А. Н. Голицына—оберъ-прокурору Св. Синода, князю П. С. Мещерскому.

31-го мая 1826 года, № 223.

Государь императоръ, усмотрѣвъ изъ представленнаго гофмаршаломъ Нарышкинымъ отчета въ употребленныхъ на погребеніе тѣла покойной камеръ-фрейлины ихъ императорскихъ величествъ, графини Протасовой, издержкахъ, что въ Александро-Невскую Лавру заплачено восемь тысячъ рублей, по поданному впередъ еще отъ ризничьяго іеромонаха Рафаила счету, высочайше отозваться соизволилъ, что сумму таковую находитъ чрезмѣрною и превосходящею всякую возможность къ уплатѣ, наипаче же для людей не весьма богатаго состоянія. Притомъ же его величество видитъ въ толь огромномъ на монастырь сборѣ, за исправленіе необходимыхъ духовныхъ требъ, вовсе не соотвѣтствующій лицамъ священнаго и монашескаго сана поступокъ, предосудительный для христіанства вообще, ибо изъ сего выходитъ какъ бы нѣкоторый торгъ. По уваженію таковыхъ причинъ, его императорское величество высочайше указать соизволилъ, чтобы впредь за мѣста для погребенія въ Александро-Невской Лаврѣ принимаемо было въ уплату, если въ самой церкви, то не болѣе тысячи рублей, а внѣ оной, на кладбищѣ, не болѣе двухъ сотъ рублей.

О таковой высокомонаршей волѣ, къ должному оной отъ кого слѣдуетъ исполненію, сообщая чрезъ сіе вамъ, милостивый государь мой, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть и проч.

3.

Записка неизвѣстнаго, поданная Дибичу.

6-го января 1827 года.

«Московскія Вѣдомости» печатаются при университетѣ по особенному положенію и по особенной инструкціи. Редакторъ оныхъ есть извѣстный князь Шаликовъ, который, съ давняго времени, служитъ предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ, занимающихся литературой. Въ 50 лѣтъ онъ молодится, пишетъ любовные стихи, влюбляется и принимаетъ эпиграммы за похвалы. Мѣсто редактора получилъ онъ по протекціи Ив. Ив. Дмитріева, которому онъ служитъ пластрономъ (ми-

шенью для шутокъ) подъ веселый часъ. Этотъ князь Шаликовъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній для изданія политической газеты и даже лишенъ природной смѣтливости, необходимой для познанія мѣстностей, приличій и обстоятельствъ, въ которыхъ находится. Напечатаніе мнѣнія Стангопа [1]) о заведеніи повсемѣстныхъ республикъ—весьма предосудительно, особенно послѣ наказанія людей, мечтавшихъ о республикѣ. Скажутъ: «не у насъ однихъ думали о республикѣ, когда въ цѣлой Европѣ и даже цѣломъ свѣтѣ объ этомъ помышляютъ». Такой ужасный промахъ въ газетѣ можетъ только извиниться глупостью и неспособностью князя Шаликова, которому, впрочемъ, кто-нибудь внушилъ напечатать эту нелѣпость. Удивительнѣе всего, что этого Шаликова прочатъ въ цензоры въ Москву. Ему это мѣсто обѣщано, и едва-ли онъ не получилъ или, по крайней мѣрѣ вскорѣ получитъ. Сей случай можетъ также служить доказательствомъ, сколь нужна порядочная цензура въ Москвѣ, цензура, составленная изъ людей отличныхъ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго и довѣреннаго человѣка. Злое сѣмя таится въ Москвѣ, и невидимое дѣйствіе и внушеніе нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей можетъ быть уничтожено только противодѣйствіемъ и умными чиновниками. Человѣка, подобнаго Шаликову, легко обмануть и сдѣлать орудіемъ злаго такъ, что онъ и самъ того знать не будетъ. Къ тому же, этотъ Шаликовъ чрезвычайно самолюбивъ и раздражителенъ. Итакъ, воспламеняя его страсти, можно управлять имъ какъ угодно. Любопытно было бы знать, кто выбралъ эту статью для напечатанія?

На запросъ, сдѣланный Д. Н. Блудову, послѣдній отвѣчалъ А. Н. Потапову, что ни представленія, ни предположенія о назначеніи князя Шаликова цензоромъ въ Москву никакого не было.

4.

Письмо А. Воейкова къ книгопродавцу Ширяеву, для доставленія Николаю Алексѣевичу Полевому.

3-го января 1827 года.

Ни на кого не жалуюсь, никого не обвиняю, но скажу вамъ, что мое семейство очень грустно встрѣтило Новый годъ. Комитетъ, учреж-

[1]) См. „Московскія Вѣдомости“ № 96, стр. 3848, столбецъ второй.

денный въ 18-й день августа 1814 года, для пособія раненымъ, входилъ въ минувшемъ декабрѣ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ его императорскому величеству и испрашивалъ высочайшаго соизволенія на принятіе изданія «Русскаго Инвалида» въ свое распоряженіе. Государь императоръ рѣшилъ сіе дѣло такъ: Воейкову оставить изволилъ «Инвалидъ» еще на годъ, на прежнемъ основаніи; чрезъ годъ комитету принять военныя вѣдомости въ свое распоряженіе.

Кто тонетъ, тотъ за соломинку хватается; итакъ, мудрено ли, что я зацѣпился за журналъ? Не боги, а Гречъ и Булгаринъ горшки у насъ обжигаютъ! попытаемся, попробуемъ: удавиться всегда будетъ время.

Прилагаю у сего объявленіе о моемъ «Славянинѣ»; покорнѣйше прошу васъ, какъ человѣка благороднаго, безпристрастнаго и милосердаго, замолвить за него пару добрыхъ словъ въ «Московскомъ Телеграфѣ». Если я не имѣю права на ваше состраданіе, то жена моя, родная племянница Карамзина и Жуковскаго, то ребятишки мои—родные внуки великаго нашего исторіографа и славнаго пѣснопѣвца, имѣютъ право полное на ваше пособіе. Внуки великаго Корнеля нашли пріютъ у Вольтера; если бъ я осмѣлился, то прибавилъ бы къ этому, что переводчикъ садовъ и георгинъ не долженъ скитаться по міру; имъ можно отвести квартиру въ домѣ сумасшедшихъ.

5.

Записка неизвѣстнаго о М. П. Погодинѣ безъ мѣсяца и числа.

1827 г.

Погодинъ (Михаилъ, издатель «Московскаго Вѣстника») имѣетъ довольно ума и начитанности, сколько можно имѣть въ 22 или 23 года.—Съ виду чрезвычайно скрытенъ и молчаливъ и, какъ говорятъ, разстегивается только въ короткомъ кругу. Начальство не можетъ его аттестовать дурно.

Погодинъ только по имени издатель «Московскаго Вѣстника», на что въ доказательство имѣются собственноручныя его письма.—Онъ человѣкъ чрезвычайно искательный и, переводя сочиненія Круга и восхваляя его, попалъ въ корреспонденты Академіи Наукъ и теперь (1827) покровительствомъ Уварова надѣется получить желаемое позволеніе на помѣщеніе политики въ своемъ журналѣ.

6.

Записка графа Дибича—А. Х. Бенкендорфу.

2 января 1828 г., № 12.

Начальникъ Главнаго штаба его императорскаго величества, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его превосходительству Александру Христофоровичу, по высочайшему повелѣнію, покорнѣйше проситъ увѣдомить его, для доклада государю императору, кто такой, прибывшій сюда 27-го прошедшаго декабря въ отпускъ изъ Москвы, тамошняго университета магистръ Погодинъ, и зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

7.

То же министра народнаго просвѣщенія.

10 декабря 1828 г.

Министръ народнаго просвѣщенія, свидѣтельствуя его превосходительству Александру Христофоровичу совершенное почтеніе, покорнѣйше проситъ о сообщеніи, ежели имѣются какія-нибудь свѣдѣнія, объ адъюнктѣ Московскаго университета Погодинѣ, о томъ самомъ, который издаетъ журналъ въ Москвѣ, подъ названіемъ «Московскій Вѣстникъ».

8.

Всеподданнѣйшая записка Д. Н. Блудова.

31 марта 1828 г.

Министръ народнаго просвѣщенія при докладѣ отъ сего числа представляетъ вашему императорскому величеству просьбу коллежскаго совѣтника Греча объ опредѣленіи его членомъ главнаго правленія училищъ. Онъ не изъявляетъ никакого мнѣнія о томъ, до какой степени г-нъ Гречъ можетъ имѣть право на сію милость. Я, съ своей стороны, также не дозволяю себѣ судить о семъ, но считаю долгомъ, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и тягостнымъ, обратить вниманіе вашего величества на одно

мѣсто прилагаемаго при семъ въ копіи секретнаго письма дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова къ генералу-отъ-артиллеріи графу Аракчееву отъ 28 декабря 1824 года. Сіе письмо по высочайшей волѣ вашей сообщено мнѣ въ прошедшемъ году начальникомъ Главнаго штаба вашего императорскаго величества. Я равномѣрно считаю долгомъ присовокупить, что мнѣ ни почему не извѣстно основательны ли подозрѣнія, изъявляемыя дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ въ его секретномъ отношеніи къ графу Аракчееву. Г-нъ Гречъ мнѣ мало знакомъ, но, кажется, онъ имѣетъ умъ, свѣдѣнія и могъ бы, какъ и министръ народнаго просвѣщенія полагаетъ, быть съ пользою употребленъ въ комитетъ, коему поручено разсмотрѣніе и приготовленіе классныхъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій.

9.

Собственноручное всеподданнѣйшее письмо Филарета [1]).

25 апрѣля 1830 г.

Благочестивѣйшій государь!

По предмету принятія расторженныхъ браковъ въ счетъ трехъ послѣдовательно дозволенныхъ, изреченіе вашего императорскаго величества, что синодское опредѣленіе не убѣждаетъ, ввело меня въ новыя размышленія. Уповаю, всемилостивѣйшій государь, что признаете простительнымъ дерзновеніемъ, есть ли письменно представлю вашему величеству то, чего не успѣлъ представить словесно.

Стараясь постигнуть причины, которыя преклоняютъ убѣжденіе вашего величества въ противоположную сторону, полагаю двѣ: 1) состраданіе вашего величества къ людямъ, остающимся безъ брака въ нестарыхъ лѣтахъ, не безъ опасности отъ искушенія; 2) разность законнаго брака отъ незаконнаго, изъ коихъ послѣдній недостоинъ считаться наряду съ первымъ.

---

[1]) Настоящее письмо было представлено черезъ кн. А. Н. Голицына при слѣдующемъ письмѣ къ послѣднему отъ 25 апрѣля 1830 г.:

„Имѣлъ я честь изъяснить вашему сіятельству, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ изреченій, кои удостоился я слышать изъ устъ его императорскаго величества, возъимѣлъ я нужду писать его императорскому величеству въ собственныя руки; и что тѣ же высочайшія изреченія обращаютъ меня въ семъ случаѣ къ посредству вашего сіятельства.

„Почему покорнѣйше прошу препровождаемое при семъ всеподданнѣйшее письмо поднести его императорскому величеству“.

Размышляя о первой причинѣ, представляю себѣ два человѣка, изъ коихъ одинъ остался послѣ трехъ рано умершихъ женъ, а другой, одной или двухъ изъ трехъ лишился расторженіемъ брака, напримѣръ, за родство, или за вступленіе въ бракъ отъ живаго мужа, или за другую неправильность брака. Предполагаю въ пользу послѣдняго и то, что онъ вступилъ въ неправильный бракъ по невѣдѣнію. За симъ вопрошаю: который достойнѣе сожалѣнія, троеженецъ овдовѣвшій или троеженецъ по расторженіи брака? Нельзя болѣе сказать въ пользу послѣдняго, какъ то, что онъ равно съ первымъ достоинъ состраданія; слѣдственно, съ правосудіемъ и человѣколюбіемъ согласно то, чтобы послѣдній равно съ первымъ покорился закону, возбраняющему четвертый бракъ. Но есть ли судить строже, то бракоразводный не можетъ быть достоинъ состраданія равно со вдовцемъ. Никогда нельзя упрекнуть вдовца, зачѣмъ онъ овдовѣлъ. А бракоразводнаго всегда болѣе или менѣе можно справедливо упрекнуть въ чемъ-либо, напримѣръ: зачѣмъ онъ благовременно не принялъ предосторожностей противъ неправильности брака, въ который вступалъ, зачѣмъ взялъ слишкомъ мало извѣстное лицо. Слѣдственно, есть ли вдовому троеженцу отказывается въ новомъ бракѣ, кольми паче надлежитъ отказать троеженцу бракоразводному.

Что касается до второй причины, а именно, что незаконный бракъ недостоинъ считаться наряду съ законнымъ, дабы изъясниться о семъ, сколь можно менѣе затруднительнымъ образомъ, да будетъ позволено взять въ примѣръ другое таинство. Человѣкъ, связанный смертнымъ грѣхомъ, святотатственно пріобщается святыхъ таинъ, — пріобщеніе незаконно. Можно ли потому сказать, что сего и не должно считать за пріобщеніе? Нѣтъ, говоритъ Апостолъ, это не ничто, а таинственное дѣйствіе; недостоинство причащающагося не уничтожаетъ дѣйствія таинства, но перемѣняетъ послѣдствія: ядый и піяй недостойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ. Обращаюсь къ таинству брака. Человѣкъ, связанный препятствіемъ родства или другимъ, святотатственно вступаетъ въ бракъ по чиноположенію церковному,—бракъ не законенъ; но тайнодѣйствіе не есть ничто; по тайнодѣйствію бракъ входитъ въ счетъ браковъ; а по неправильности или недостоинству лицъ, лица сіи подвергаются суду и расторженію брачнаго союза.

Бракъ христіанскій, какъ таинство, какъ образъ духовнаго союза Христа съ церковію, по строгому сужденію, долженъ быть одинъ: поелику Христосъ имѣетъ одну только невѣсту—церковь, и церковь имѣетъ одного только жениха—Христа. Снисхожденіе немощнымъ и искушаемымъ уже оказано тѣмъ, что допущенъ второй и третій бракъ, впрочемъ оба съ епитиміею, дабы очевидно было, что это есть несовершенство, съ трудомъ терпимое въ церкви. Святый Василій Великій, говоря въ правилѣ о сихъ епитиміяхъ, не упоминаетъ о четвертомъ бракѣ, безъ сомнѣ-

нія, потому, что не имѣлъ тогда въ виду и покушеній на четвертый бракъ. Прошло нѣсколько столѣтій послѣ него; нравы христіанъ сдѣлались слабѣе, нашлись люди, которые покусились на четвертый бракъ; тогда произнесено особенное запрещеніе противъ четвертаго брака, не какъ новое, но какъ подтвердительное, по требованію обстоятельствъ: с е б о и б ы в ш и м ъ п р е ж д е н а с ъ о т ц е м ъ г о д ѣ б ы с т ь (Кормч. кн., гл. 52). Въ правилахъ о трехъ бракахъ, послѣдовательно дозволенныхъ, считаются не смерти, а собственно браки; сего требуетъ существо дѣло; правила не различаютъ и не имѣютъ нужды различать, чѣмъ прекратился бракъ: смертію ли одного лица, или пропажею безъ вѣсти, или расторженіемъ по суду; во всѣхъ сихъ случаяхъ бракъ существовалъ, и потому должно взять оный въ счетъ.

Въ семъ положеніи засталъ правила о бракахъ нынѣшній Россійскій Синодъ, который клялся вашему императорскому величеству дѣйствовать по духовному регламенту; а въ духовномъ регламентѣ въ основаніе управленія между прочимъ положены каноны, или правила соборныя и святыхъ отецъ. Архіереи, при своемъ посвященіи, также клялись и клянутся соблюдать сіи правила. Всевозможное постоянство и согласіе въ соблюденіи сихъ правилъ, сколь сообразно съ основаніями церковнаго управленія, столь же нужно для сохраненія единства церквей, составляющихъ православную восточно-каѳолическую церковь,—и для мира совѣстей. Синодъ, по возобновленному нынѣ разсужденію о церковныхъ правилахъ касательно трехъ послѣдовательно браковъ, вновь единогласно положилъ держаться существующихъ правилъ; такимъ образомъ настоящее опредѣленіе Синода есть въ одно время дѣйствіе изслѣдованія предмета, постоянства въ правилахъ и вѣрности присягѣ.

Изложивъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, по моему разумѣнію, основанія и побужденія синодскаго опредѣленія, повергаюсь предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, главою церкви и княземъ царей земныхъ, избравшимъ ваше величество быть защитникомъ и покровителемъ церкви его и высокимъ блюстителемъ твердаго храненія и вѣрнаго исполненія священныхъ правилъ ея и законовъ,—и молю: да и въ настоящемъ, какъ уже во многихъ предшествовавшихъ случаяхъ, возглаголетъ онъ въ сердцѣ вашемъ благая о церкви своей, къ непреложности предѣловъ вѣчныхъ, яже положиша отцы наши, къ сохраненію единомыслія, къ утвержденію благозаконнаго житія христіанскаго.

10.

Письмо Дениса Давыдова—генералъ-лейтенанту Волкову.

5 ноября 1830 г. С. Мышецкое,
въ 8 верстахъ отъ Черной-грязи.

Я пишу не окружному начальнику и генералу жандармскаго корпуса, а пишу къ старинному моему пріятелю Александру Александровичу Волкову, въ полной надеждѣ, что онъ разрѣшитъ мое сомнѣніе, или избавитъ меня отъ другаго подобнаго случая, или скажетъ, отъ чего такая со мной могла случиться непріятность.

Вотъ дѣло о чемъ:

Я живу съ семействомъ моимъ въ Подмосковской спокойно, уединенно и надзираю за 20-мъ участкомъ отъ вторженія заразы.

Вдругъ на дняхъ пріѣзжаетъ ко мнѣ г. Де-Сангленъ, человѣкъ извѣстный Россіи со стороны болѣе чѣмъ невыгодной и съ которымъ не только что я былъ знакомъ, но который по случаю трехъ или четырехъ мимоходныхъ моихъ встрѣчъ съ нимъ въ теченіе всей моей жизни, могъ примѣтить явное мое презрѣніе къ его отвратительной особѣ.

По имени мною заслуженному, по поведенію моему, не имѣя никакой причины опасаться подобнаго рода людей, къ тому же полагая Де-Санглена присланнымъ ко мнѣ на мой счетъ, я и не въ правѣ былъ отказать ему пріемомъ, и потому я его угостилъ, далъ ночлегъ и проводилъ его какъ русскій хозяинъ дома.

Въ теченіе вечера и на другой день по утру, онъ явно разсказывалъ намъ о четырехъ тысячахъ рублей жалованья, получаемыхъ имъ отъ правительства, о частыхъ требованіяхъ его вами для совѣщаній и для изложенія вамъ его мыслей и проч.; перемѣнялъ со мною ежеминутно разговоры, переходя отъ одного политическаго предмета къ другому;—словомъ, игралъ роль подстрекателя и платимъ былъ мною однимъ безмолвнымъ примѣчаніемъ изгибовъ его вкрадчивости и гостепріимствомъ.

Наконецъ, я узналъ, что на обратномъ пути, завозя домой въ село Чашниково, случившагося тогда у меня помощника моего въ надзорѣ за 20-мъ участкомъ г. поручика Спичинскаго, онъ нѣсколько разъ ему повторялъ, что пріѣздъ его ко мнѣ дорого стоитъ (деньгами) . . . .[1]) что онъ былъ у меня не для удовольствія меня видѣть и пользоваться моею бесѣдою . . . . что я сталъ очень скроменъ . . . . и сверхъ того не переставалъ разспрашивать Спичинскаго о всѣхъ мелочахъ, до образа моихъ мыслей касающихся.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

Я по сіе время не могу принудить себя думать, чтобы этотъ человѣкъ (если имя человѣка можно дать ему) былъ присланъ ко мнѣ свыше и именно потому, что онъ искалъ всѣми способами выказывать себя за нарочно ко мнѣ и на мой счетъ присланнаго; съ другой стороны, какъ же было бы ему самимъ собою осмѣлиться пріѣхать ко мнѣ—ко мнѣ, всегда поражавшему его взоромъ презрѣнія и сухимъ безмолвіемъ?

Рѣшите мое сомнѣніе, любезнѣйшій Александръ Александровичъ: если Де-Сангленъ точно на мой счетъ былъ присланъ—то мнѣ остается только взглянуть на сѣдой усъ мой, въ столькихъ тысячахъ бояхъ окуренный порохомъ, уронить на него слезу и молчать. Но если этотъ господинъ самъ собою пріѣзжалъ тревожить покой честнаго и семейнаго человѣка, то прошу васъ и покорнѣйше прошу васъ почтить меня оффиціальнымъ, полу-оффиціальнымъ или партикулярнымъ письмомъ такого рода, чтобы, въ случаѣ вторичнаго его ко мнѣ пріѣзда, я могъ дать ему вашимъ письмомъ такой отпоръ, отъ котораго бы онъ никогда уже не смѣлъ присутствіемъ своимъ заражать воздухъ, коимъ дышетъ заслуженный и прямой жизни человѣкъ.

11.

Письмо генералъ-лейтенанта Волкова—М. Я. фокъ-Фону.

9 ноября 1830 г. Москва.

Генералъ-маіоръ Давыдовъ отъ 5-го ноября пишетъ ко мнѣ, что извѣстный г. Де-Сангленъ, не бывши съ нимъ коротко знакомъ, пріѣзжалъ недавно къ нему въ усадьбу и разсказывалъ, между прочимъ, о 4.000 руб. жалованья, получаемаго имъ отъ правительства, о частномъ будто бы мною требованіи его для совѣщаній и сообщенія его мыслей; причемъ давалъ о себѣ тонъ, что онъ присланъ вывѣдать образъ мыслей генерала Давыдова. Дорогою-жъ на обратномъ пути сказывалъ знакомому его г. Спичинскому, что пріѣздъ сей былъ недаромъ и стоитъ ему дорого. А потому г. Давыдовъ, обижаясь поступкомъ Де-Сангленa, просилъ меня увѣдомить его, дѣйствительно ли онъ пріѣзжалъ къ нему по волѣ правительства, или самъ по себѣ.

Не имѣвши никакой надобности въ свѣдѣніяхъ г. Де-Сангленa и не дѣлавши ему никогда никакихъ порученій, я вынужденъ былъ увѣдомить о семъ г. Давыдова. Между тѣмъ неизлишнимъ считаю извѣстить ваше превосходительство о столь странномъ поступкѣ г. Де-Сангленa и, прилагая съ письма ко мнѣ г. Давыдова копію, предоставляю доброму ко мнѣ расположенію вашему довесть объ ономъ до свѣдѣнія

Александра Христофоровича (Бенкендорфа), если только вы сочтете это за нужное.

12,

Письмо А. Х. Бенкендорфа — князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну.

18 ноября 1830 г. № 4422.

Представляя при семъ вашему сіятельству копію письма, полученнаго г. генералъ-лейтенантомъ Волковымъ отъ г. генералъ-маіора Давыдова, касательно прибытія къ нему г. Де-Санглена съ какимъ-то порученіемъ отъ правительства, считаю долгомъ покорнѣйше просить васъ одолжить меня увѣдомленіемъ, для всеподданнѣйшаго доклада государю императору, имѣлъ ли г. Де-Сангленъ какое-либо отъ васъ къ г. Давыдову порученіе? Г. Де-Сангленъ столь извѣстенъ, что я никакъ не могу предполагать, чтобы онъ могъ быть употребленъ вашимъ сіятельствомъ. И такъ если онъ оскорбилъ г. Давыдова лишь по своей волѣ, то не угодно ли будетъ вамъ приказать, чтобы впредъ онъ не смѣлъ тревожить московскихъ жителей таковыми посѣщеніями весьма противными общеполезнымъ распоряженіямъ правительства.

13.

Письмо кн. Д. Голицына—А. Х. Беккендорфу.

24 ноября 1830 г. № 108. Москва.

На почтеннѣйшее отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 18-го сего ноября, поспѣшаю вамъ отвѣтствовать, что отъ меня рѣшительно никому подобныхъ сообщенному мнѣ вами порученій не дѣлается, особенно не могъ я дать таковаго порученія г. Де-Санглену, котораго и въ лицо совсѣмъ не знаю и о которомъ зналъ, только давно, что онъ былъ въ какой-то должности при покойномъ графѣ Барклаѣ-Де-Толли. Но напротивъ, когда я былъ извѣщенъ отъ г. генералъ-лейтенанта Волкова, самъ былъ въ недоумѣніи—не имѣлъ ли онъ отъ кого другаго какого-нибудь порученія. Впрочемъ репутація сего Де-Санглена вѣрно не такъ хороша, чтобы онъ могъ быть употребленъ съ пользою и съ довѣренностію.

Для удержанія же Де-Санглена на будущее время отъ подобныхъ поступковъ, такъ какъ г. генералъ-маіоръ Давыдовъ обратился къ г. генералъ-лейтенанту Волкову, не угодно ли будетъ вашему высокопревосходительству поручить сему послѣднему, дабы онъ, призвавъ къ себѣ Де-Санглена, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и внушилъ, чтобы онъ подобнаго себѣ отнюдь не дозволялъ подъ неминуемою за противное тому отвѣтственностію.

14.

Письмо генералъ-лейтенанта Волкова—А. Х. Бенкендорфу.

25-го ноября 1830 г. № 294. Москва.

Ваше высокопревосходительство предписаніемъ отъ 18-го ноября за № 4443, извѣщаете меня на счетъ сомнительнаго поступка г. Де-Санглена съ генералъ-маіоромъ Давыдовымъ, что правительство не имѣло никакой причины употреблять столь непріятныхъ мѣръ въ отношеніи къ г. генералу Давыдову, извѣстному лишь по своимъ заслугамъ, и чтобы я, если полагаю отзывъ вашъ могущимъ доставить г. Давыдову нѣкоторое удовлетвореніе, оный ему сообщилъ.

Вслѣдствіе сего донести честь имѣю, что г. Давыдовъ, отнесясь ко мнѣ о поступкѣ съ нимъ г. Де-Санглена никакой сактисфаціи не только не требовалъ, но напротивъ, не хотѣлъ сдѣлать ему непріятности, убѣдительно просилъ меня вторичнымъ письмомъ, чтобъ я оставилъ оный въ тайнѣ и не доводилъ до свѣдѣнія моего начальства. Но не позволивъ себѣ оставить это вовсе въ неизвѣстности, писалъ я къ Максиму Яковлевичу Фонъ-Фоку въ такомъ только убѣжденіи, чтобы онъ, если найдетъ обстоятельство сіе заслуживающимъ вниманія вашего высокопревосходительства, довелъ оное до вашего свѣдѣнія. Генералу же Давыдову это неизвѣстно; а потому и не полагаю я послѣ сего умѣстнымъ сообщать ему отзывъ вашего высокопревосходительства.

15.

Собственноручное письмо Ѳ. В. Булгарина—А. Х. Бенкендорфу.

23-го декабря 1830 г.

Неоднократные знаки благорасположенія и милостей вашего высокопревосходительства рождаютъ во мнѣ утѣшительную надежду, что высокопокорнѣйшая моя просьба будетъ услышана вами.

Представляя при семъ программу вновь написаннаго мною и уже печатаемаго романа подъ заглавіемъ: Петръ Ивановичъ Выжигинъ, всенижайше прошу ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи мнѣ у всемилостивѣйшаго государя императора высочайшаго соизволенія украсить списокъ подписавшихся на сію книгу священнымъ именемъ его императорскаго величества.

Таковая высокомонаршая милость была бы во всякое время и для каждаго писателя неоцѣненною; но нынѣ будетъ для меня новымъ живительнымъ благотвореніемъ великаго монарха. Нынѣ, когда многіе изъ соотечественниковъ моихъ, по справедливости лишились милостей своего государя [1]) да позволено мнѣ будетъ показать свѣту, что я все счастіе жизни своей полагаю въ благосклонномъ взорѣ всеавгустѣйшаго монарха, и что великій государь не считаетъ меня недостойнымъ своего взора. Упавшіе духомъ вѣрные поляки воскреснутъ, когда увидятъ, что ихъ соотечественникамъ открыты пути трудами и тихою жизнью къ монаршимъ милостямъ. Достоинъ ли я сей великой милости, предоставляю рѣшить вашему высокопревосходительству.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть

вашего высокопревосходительства
милостиваго государя
всепокорнѣйшимъ слугою
Ѳаддей Булгаринъ.

На письмѣ рукою Бенкендорфа написано карандашемъ: «Объявлено высочайшее соизволеніе» [2]).

16.

Письмо А. Х. Бенкендорфа—Ѳ. В. Булгарину.

10-го іюня 1831 г. № 3045.

Николай Ивановичъ Гречъ сообщилъ мнѣ присланную вами для напечатанія въ «Сѣверной Пчелѣ» превосходную статью «Перечень письма изъ Варшавы», которую я прочелъ съ большимъ восхищеніемъ и имѣлъ счастіе представить государю императору.

Его величество, прочтя сію статью также съ особеннымъ удоволь-

---

[1]) По причинѣ вспыхнувшаго возстанія въ Польшѣ.

[2]) За поднесеніе этого романа императору, Булгаринъ получилъ брильянтовый перстень.

ствіемъ, изъявить изволилъ желаніе узнать отъ васъ, милостивый государь, предварительно до напечатанія сей статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» откуда вы почерпнули анекдотъ о пустой каретѣ, о коемъ государь императоръ ничего не слышалъ, и до какой степени сей анекдотъ основанъ на истинѣ.

Между тѣмъ поручилъ я помѣстить сію вашу статью въ иностранныхъ заграничныхъ газетахъ. Поелику всѣ политическія статьи, помѣщенныя въ «Сѣверной Пчелѣ» почитаются публикою исходящими отъ правительства, то нѣкоторая осторожность въ семъ отношеніи не можетъ быть признана вами неумѣстною.

Въ ожиданіи пріятнаго вашего отвѣта, имѣю честь быть и проч.

17.

Письмо А. И. Тургенева—А. Н. Голицыну [1]).

23-го декабря 1831 г. Москва.

Прослуживъ болѣе 14 лѣтъ подъ начальствомъ вашего сіятельства и не зная нынѣ, къ кому я долженъ обратиться въ затруднительномъ моемъ положеніи,—прибѣгаю къ вамъ. Обстоятельства, коихъ я не могъ предвидѣть, удержали меня въ Москвѣ болѣе, нежели я полагалъ пробыть здѣсь. Вслѣдствіе моего непріятнаго положенія, я едва не лишился всего моего имѣнія; но я не жаловался и не жалуюсь.

Между тѣмъ положеніе мое становится несноснымъ. Я рѣшился, не кончивъ дѣлъ моихъ, ѣхать отсюда опять въ чужіе края, для устройства находящагося тамъ моего капитала. Отпускъ мой безсрочный; генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, объявилъ мнѣ, что ничто не мѣшаетъ мнѣ ѣхать куда мнѣ угодно; но я не знаю, обязанъ ли я просить о продолженіи отпуска или могу, съ паспортомъ здѣшняго военнаго генералъ-губернатора, отправиться, на прежнемъ основаніи, за границу, не утруждая снова никого о семъ просьбою.

Могила одного изъ братьевъ моихъ въ Парижѣ, откуда я выѣхалъ, по полученіи приказанія русскимъ не оставаться во Франціи, оставивъ

---

[1]) Рукою князя Александра Николаевича Голицына на письмѣ написано: „Доведено до свѣдѣнія государя императора 16-го января 1832 г. Его величество дозволилъ г-ну Тургеневу ко мнѣ сообщать новыя установленія по части просвѣщенія и благотворительныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы я уже препровождалъ оныхъ къ министрамъ на разсмотрѣніе, до кого касаться будетъ. О чемъ своеручно бы и увѣдомилъ г. Тургенева".

вещи и бумаги мои у банкира моего. Если запрещеніе русскимъ жить во Франціи еще существуетъ, то я свято буду теперь, какъ и прежде, сообразоваться съ онымъ; но осмѣливаюсь представить вашему сіятельству, что какъ устройство дѣлъ моихъ, такъ и спокойствіе духа за послѣднюю судьбу оставшагося мнѣ брата, требуютъ моего присутствія въ Парижѣ, и позволеніе на сіе принялъ бы я какъ благодѣяніе.—Но повторяю—нога моя не ступитъ на французскую землю, если не получу на сіе высочайшаго разрѣшенія.

Какъ бы ни рѣшилась участь моя,—вездѣ сохраню вѣрную преданность государю и уставамъ его, вѣрную, святую любовь къ отечеству,—все еще не теряя надежды, что невинность, совершенная невинность моя,—успокоитъ, наконецъ, мою душу, терзаемую шестилѣтними, неизвѣстными страданіями за себя и за другихъ.

Проведя съ вами 14 лѣтъ подъ одною кровлею и не скрывая поступковъ моихъ ни по службѣ, ни въ частной жизни, я, конечно, могъ быть замѣченъ и вами и другими въ неосновательности сужденій или въ ошибкахъ, слабому человѣческому уму свойственныхъ; но я служилъ болѣе 25 лѣтъ дѣятельно и честно, былъ неразъ жертвою клеветы, но окончательно награжденъ покойнымъ государемъ императоромъ,—награжденъ, когда уже былъ за границею.

Приведите, милостивый государь, на память мою жизнь подъ вашимъ начальствомъ и дайте мнѣ свидѣтельство по сердцу вашему и по правдѣ, которую видитъ Богъ.—Мнѣ необходимо успокоеніе отъ прежнихъ тревогъ и отъ здѣшнихъ новыхъ огорченій всякаго рода.

По силамъ моимъ, я старался не терять времени и въ чужихъ краяхъ: осматривалъ, замѣчалъ, собиралъ, описывалъ многое, общеполезное.—Когда страшная для Россіи година наступила и холера въ ней начала свирѣпствовать,—я не оставался въ праздности. По совѣщаніи съ медиками въ Парижѣ и Лондонѣ я выслалъ ихъ мнѣнія и все, что только могъ найти въ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ г. министру внутреннихъ дѣлъ въ Казань, Москву и, наконецъ, въ Петербургъ. Я бы не упоминалъ о семъ, если бы, къ несчастію, не видѣлъ себя въ необходимости обращать вниманіе другихъ на прошедшую жизнь мою, для спокойствія настоящей. Я даже и теперь всею душею готовъ не быть безполезнымъ и внѣ Россіи службѣ государя и почту себя счастливымъ, если меня удостоятъ употребить тамъ на дѣло, смотря по способностямъ моимъ.

Съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть и проч.

18.

Письмо А. И. Тургенева—князю А. Н. Голицыну.

6-го февраля, 1832 года. Москва.

Я имѣлъ честь получить письмо вашего сіятельства отъ 31-го января, въ коемъ вамъ угодно было сообщить мнѣ высочайшее соизволеніе на отъѣздъ мой за границу и согласіе его императорскаго величества на доставленіе мною свѣдѣній по министерствамъ просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и по благотворительной части. — Пріемля съ глубочайшею признательностію позволеніе посвятить таковой дѣятельности труды мои, я буду строго сообразоваться съ предписаніемъ вашего сіятельства, въ письмѣ вашемъ изъясненнымъ.

Главною мыслію всей моей заграничной жизни будетъ—заслужить довѣренность правительства, а вмѣстѣ съ симъ — оправдать и ваше предстательство у государя императора.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть и проч.

19.

Письмо Н. А. Полеваго—Ѳ. В. Булгарину.

2-го апрѣля 1838 года.

Вы спрашивали меня, любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, говорилъ ли я кому-нибудь и когда-нибудь, какъ пересказывалъ к т о-т о О. И. Сенковскому, будто вы съ Н. И. Гречемъ наняли меня ругать его.

Отвѣчаю: н и к о г д а и н и к о м у я этого не говорилъ, и кто станетъ утверждать противное—тотъ солжетъ.

Вѣрно, слова мои не такъ переданы О. И. Я говорилъ и говорю, не скрывая ни передъ кѣмъ, что по собственному убѣжденію почитаю О. И. Сенковскаго вреднымъ для русской литературы человѣкомъ и, дорожа честью русской литературы, постараюсь остановить пагубное его вліяніе, которое оказывается въ слѣдующемъ:

1. Онъ ввелъ у насъ отвратительную литературную симонію (кощунство) и сдѣлалъ изъ литературы куплю.

2. Онъ портитъ русскій языкъ своими нововведеніями, вовсе не умѣя писать по-русски.

3. Онъ ввелъ въ моду грубую насмѣшку въ критикѣ и обратилъ ее

безъ пощады на все, даже на самые святые для человѣка предметы, развращая при томъ нравы Скарроновскими повѣстями и ругательными статьями.

4. Онъ вводитъ въ науки грубый эмпиризмъ и скептицизмъ, отвергаетъ философію и всякое достоинство ума человѣческаго.

5. Онъ беретъ на себя всезнаніе, ошибается, отпирается, утверждаетъ небылицы и все это прикрываетъ гордымъ самоувѣреніемъ.

6. Онъ дотого забылся, что считаетъ себя въ правѣ указывать всѣмъ другимъ, ученымъ и литераторамъ, берется за все и, не имѣя ни достаточныхъ познаній, ни времени, ни способовъ, замѣняетъ все это дерзостью, самохвальствомъ и тѣмъ портитъ наше юное поколѣніе, приводя въ замѣшательство даже умныхъ и почтенныхъ людей.

И все это я постараюсь ему доказать. Время предупредить литературу русскую отъ О. И. Сенковскаго, спасти ее и всячески уничтожить его, какъ литератора, ибо какъ человѣка, я его не знаю и знать не хочу. Можетъ быть онъ почтенный семьянинъ, усердный сынъ отечества, добрый другъ, благотворитель ближнихъ — это до меня не касается, я говорю о Сенковскомъ литераторѣ.

Если онъ во всемъ вышеупомянутомъ искренно покается и перемѣнитъ свои поступки, я готовъ съ нимъ помириться и мои преслѣдованія прекращу.

Письмо это можете показывать кому угодно, и самому О. И. Сенковскому, ибо я увѣренъ въ истинѣ словъ моихъ, дорожу честію русской литературы и, переступивъ на пятый десятокъ жизни, послѣ двадцатилѣтнихъ занятій литературныхъ, смѣю не бояться пера его, а противъ языка его и не литературныхъ орудій противополагаю чистую совѣсть и правоту дѣла, и нѣкоторую самостоятельность въ литературѣ, которой не отвергаетъ и самъ О. И., сознаваясь въ этомъ безсильною яростію, когда противу всѣхъ другихъ онъ противопоставляетъ хладнокровное презрѣніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

20.

Собственноручное письмо Бориса Ѳедорова—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

30-го октября 1847 г.

Милостивый государь Димитрій Николаевичъ! Статья о вашемъ словарѣ доставлена мною Булгарину вполнѣ [1])... такъ что, по

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

моему соображенію, должна бы еще помѣститься въ двухъ, если не въ трехъ нумерахъ «Пчелы». Булгаринъ отзывался мнѣ о ней съ одобреніемъ. Почему же продолженіе не появляется—я самъ удивляюсь, и отношу это къ продѣлкамъ особеннаго рода, о чемъ я объясню вашему превосходительству лично. Мнѣ кажется, что тутъ есть или интриги со стороны другихъ участниковъ въ изданіи «Пчелы», или Булгаринъ добивается присылки къ нему первыхъ частей словаря; такъ разлакомили его послѣднія. Онъ и самъ проговаривалъ мнѣ объ этомъ, но я не считалъ за нужное—доставляя ему статью, ему же еще выпрашивать (?).—Между тѣмъ въ «Пчелѣ» печатаются такія статьи, что, право, совѣстно сталкиваться съ ними и вовсе не лестно видѣть свое имя послѣ школьническихъ выходокъ я, я, я на князя Вяземскаго. Меня такъ раздосадовала намедни статья «Пчелы о Басняхъ» Крылова, что я готовъ былъ просить о возвращеніи мнѣ доставленнаго мною продолженія и окончанія моей статьи.—Вотъ откровенное мое признаніе вашему превосходительству.

Позвольте просить васъ покорнѣйше обязать увѣдомленіемъ, на какой лентѣ носилась медаль за Полтавскую битву, которая раздавалась нижнимъ воинскимъ чинамъ и на какой — за Кунерсдорфскую битву 1-го августа 1759 года. Слышалъ я, что первая носилась на голубой, а вторая на оранжевой лентѣ, но точныхъ свѣдѣній не отыскалъ нигдѣ. По глубокимъ вашимъ знаніямъ «русской старины» не разрѣшите ли вы этой задачи?—или нельзя ли будетъ вашему превосходительству обратиться съ вопросомъ къ кому-либо по бывшему архиву военной коллегіи, вѣроятно поступившему въ вѣдомство военнаго министерства. Извините, что беру смѣлость симъ утруждать васъ, и вѣрьте глубочайшему почтенію и преданности имѣющаго честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

P. S. Завтра утромъ надѣюсь видѣть Булгарина, и что скажетъ онъ, извѣщу васъ.

ВЪ ДВУХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

(Воспоминанія 1837—1843 годовъ).

Въ 1837 году поступилъ я на юридическій факультетъ въ императорскій С.-Петербургскій университетъ, переведенный въ томъ году изъ Семеновскаго полка на Васильевскій островъ, въ обширное зданіе бывшихъ 12-ти коллегій, гдѣ помѣщается и по нынѣ.

Согласно желанія покойнаго императора Николая Павловича и стараніями бывшаго въ то время министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, университетъ въ первый же годъ своего обновленія наполнился молодыми людьми многихъ аристократическихъ фамилій [1]).

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ носить шитыя золотыя петлицы на воротникахъ мундировъ, вмѣнено было студентамъ въ обязанность ходить постоянно въ треугольныхъ шляпахъ при шпагахъ (безъ темляка) и отдавать честь царской фамиліи и генераламъ, становясь во фронтъ и спустивъ съ плеча шинель, какъ это требовалось отъ офицеровъ.

На первыхъ порахъ отданіе чести не обошлось безъ комичныхъ сценъ и недоразумѣній, такъ, напримѣръ: одинъ студентъ, возвращаясь съ лекціи, несъ подъ мышкой нѣсколько книгъ и тетрадей; встрѣтивъ въ это время генерала, онъ поспѣшилъ сбросить съ плеча шинель, причемъ книги разсыпались, а съ ними вмѣстѣ и шинель упала на тротуаръ. Разсмѣялся генералъ, разсмѣялся и студентъ.

Вотъ и другой случай: шли три студента по Адмиралтейской площади, вдругъ нагоняетъ ихъ государь. Ни одинъ изъ молодыхъ людей

---

[1]) Князья: Кочубей, Васильчиковы, Голицыны и другіе.

не отдалъ ему чести, потому что никогда его не видали и не имѣли понятія о различіи формы генераловъ отъ другихъ офицеровъ. Приказавъ остановить сани, Государь подозвалъ къ себѣ виновныхъ и замѣтилъ имъ, что они не исполняютъ высочайшаго повелѣнія отдавать честь генераламъ. Молодые люди оторопѣли, а одинъ изъ нихъ, худой, долговязый нѣмецъ растерянно спросилъ: «А развѣ вы генералъ?» Государь усмѣхнувшись отвѣчалъ, что они скоро узнаютъ кто онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ ихъ на адмиралтейскую гауптвахту. Вечеромъ того же дня несчастныхъ юношей потребовали въ Зимній дворецъ, гдѣ сначала накормили отличнымъ обѣдомъ съ виномъ, а затѣмъ дежурный флигель-адъютантъ провелъ ихъ въ кабинетъ императора.—Ну! надѣюсь, что впередъ вы меня уже узнаете,—сказалъ государь,—а теперь ступайте домой, но помните, что, ежели я сравнялъ васъ съ офицерами, то и требую отъ васъ того же чинопочитанія. Передайте мои слова своимъ товарищамъ, прощайте!

Вскорѣ послѣ начала лекцій, стали затѣваться, по примѣру нѣмецкихъ студентовъ, такъ называемые коммерши. Очень понятно, что эти сходки не имѣли вовсе того значенія, какъ въ заграничныхъ университетахъ. Это были просто кутежи. Собирались, кто побогаче, гдѣ-нибудь на Крестовскомъ, говорили много вздора, курили непремѣнно кнастеръ, (до головокруженія), а главное, много пили, пили брудершафтъ, хотя никакихъ корпорацій не существовало и, конечно, въ очень веселомъ расположеніи духа возвращались по домамъ. Были попытки, опять изъ подражанія, устроить дуэли, но это какъ-то не привилось, да и самые коммерши скоро прекратились.

Первый годъ моего студенчества провелъ я разсѣянно, лекціи посѣщалъ рѣдко, а больше предавался разнаго рода удовольствіямъ. Многіе изъ студентовъ-аристократовъ часто посѣщали театры, балы, маскарады, и не отказывали себѣ ни въ какихъ развлеченіяхъ, ихъ примѣру слѣдовали и другіе, въ томъ числѣ и я, юноша едва достигшій шестнадцати-лѣтняго возраста. Пользуясь свободой и имѣя достаточныя средства, могъ ли я устоять противъ соблазна веселой жизни и не разыгрывать, подобно другимъ, въ нѣкоторомъ родѣ гвардейскаго офицера.

Вообще подражаніе гвардейцамъ считалось шикомъ, даже платье заказывали у извѣстныхъ военныхъ портныхъ, какъ Гильке, Брунстъ, Мальгинъ и другіе.

Кончилось тѣмъ, что, не надѣясь сдать экзаменъ, я остался на томъ же курсѣ.

Я сошелся съ однимъ товарищемъ по курсу, сыномъ священника, у котораго велась крупная азартная игра. Увлекшись игрой, я въ одинъ вечеръ проигралъ три тысячи рублей (ассигнаціями). Это обстоятель-

ство отрезвило меня, я бросилъ все, началъ учиться и въ концѣ втораго учебнаго года удостоенъ перевода на второй курсъ.

Въ первый ли годъ моего поступленія или на слѣдующій, хорошенько не припомню, возникли въ университетѣ безпорядки по поводу назначенія адъюнктомъ по каѳедрѣ исторіи магистра Шакѣева.

Этому молодому человѣку покровительствовалъ тогдашній ректоръ И. П. Шульгинъ, не пользовавшійся расположеніемъ студентовъ, тогда какъ профессоръ исторіи М. С. Куторга былъ, напротивъ, ихъ любимцемъ. Послѣдній не благоволилъ къ Шакѣеву, и этого было достаточно, чтобы студенты отнеслись къ нему враждебно.

Въ день, назначенный для первой лекціи, аудиторія была переполнена студентами всѣхъ факультетовъ. Едва ректоръ съ Шакѣевымъ переступили порогъ, какъ начался топотъ ногами, раздались свистки и возгласы: «вонъ Шакѣева», «долой второе изданіе Шульгина»; шумъ все возросталъ, и начинать лекцію не оказалось никакой возможности; пришлось ретироваться.

На другой день пріѣхалъ попечитель округа, князь Дондуковъ-Корсаковъ, человѣкъ довольно тучный и не мастеръ говоритъ. Увѣщанія его выслушали съ насмѣшливыми улыбками, прорывался даже смѣхъ.

Слѣдующая лекція также не могла состояться: Шакѣева даже не впустили въ аудиторію.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Министръ народнаго просвѣщенія нашелъ нужнымъ принять въ немъ личное участіе. Явившись въ актовый залъ, гдѣ собраны были всѣ студенты, графъ Уваровъ произнесъ грозную рѣчь и объявилъ, что если такъ будетъ продолжаться, то студенты рискуютъ черезъ десятаго очутиться солдатами. Угроза подѣйствовала, безпорядки прекратились; но отъ этого Шакѣеву стало не легче, слушателей кромѣ двухъ-трехъ казенныхъ студентовъ никого на лекціи не являлось. Великимъ постомъ Шакѣевъ принужденъ былъ прекратить свои лекціи и болѣе въ университетъ не показывался. Занятія мои шли довольно успѣшно; но вдругъ новая бѣда, я влюбился! Предметъ моей страсти была замужняя женщина уже не первой молодости, но очень красивая и въ любовныхъ дѣлахъ опытная; студенты въ это время стали входить въ моду, я же былъ молодъ и пылокъ, увлечь меня было легко, и я поддался, а она, затянувши въ свои сѣти и поигравши, какъ кошка съ мышкой, скоро бросила меня, предпочтя блестящаго гусара.

Между тѣмъ наступилъ май мѣсяцъ—время экзаменовъ, я получилъ нѣсколько двоекъ и, разумѣется, не попалъ на третій курсъ.

Говорятъ, что за одной бѣдой всегда бѣжитъ другая, такъ случилось и со мною. На каникулярное время нанялъ я себѣ за Лѣснымъ,

корпусомъ въ деревнѣ Беклешевкѣ дачу, т. е. просто избу, состоящую изъ одной комнаты съ побѣленнымъ потолкомъ и оклеенную дешевыми обоями. За деревней тянулся рядъ настоящихъ дачъ, въ томъ числѣ дача моего опекуна, у котораго послѣ смерти тетки я выросъ и воспитывался. Я былъ привязанъ къ этому семейству и поселился въ Беклешевкѣ, чтобы жить поближе къ нему.

Черезъ нѣсколько дней по водвореніи моемъ въ деревнѣ, отправляясь утромъ на дачу къ опекуну, увидалъ я на крылечкѣ одного хорошенькаго деревенскаго домика молодую даму. Я былъ отъ природы близорукъ, но очковъ не носилъ, а имѣлъ всегда при себѣ двойной лорнетъ (тогда еще pince nez не были въ модѣ), и такъ какъ домъ съ заинтересовавшей меня особой отстоялъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги, то я воспользовался лорнетомъ, чтобы лучше разсмотрѣть ее. Дама была не дурна собой, мое лорнированіе, повидимому, ей не понравилось, потому что она посмотрѣла на меня какъ-то сердито; я тотчасъ опустилъ лорнетъ и пошелъ дальше.

Прошло дня два, я уже совершенно забылъ объ этомъ случаѣ, какъ вдругъ приходитъ университетскій сторожъ съ запиской отъ инспектора студентовъ, съ требованіемъ явиться къ нему для объясненій. Ничего не подозрѣвая, отправился я на слѣдующее утро въ городъ. Добрѣйшій нашъ инспекторъ А. И. Фицтумъ фонъ-Экстетъ принялъ меня очень любезно, провелъ въ кабинетъ и, притворивъ дверь, спросилъ:

— Что вы тамъ надѣлали, молодой человѣкъ?

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и въ свою очередь спросилъ:—гдѣ? что такое?

— А госпожа Н.

— Что такое, Александръ Ивановичъ? я ничего не понимаю.

— Ну полноте, какъ не понимаете... профессоръ Н. очень оскорбленъ и просилъ взыскать съ васъ за столь неприличный поступокъ.

— Смѣю васъ увѣрить, что ничего за собой не знаю,—возразилъ я съ волненіемъ.

Тогда инспекторъ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Послушайте, что я вамъ скажу: молодому человѣку весьма естественно увлекаться женщинами; но согласитесь, что забраться въ ночное время на балконъ чужаго дома, да еще къ профессору и заглядывать въ окно на его жену воля ваша дерзко и крайне неприлично.

— Да помилуйте, Александръ Ивановичъ,—воскликнулъ я въ отчаяніи,—этого никогда не было! Если я виноватъ, то только въ томъ, что мимоходомъ посмотрѣлъ въ лорнетъ, вовсе не подозрѣвая, что эта дама супруга профессора Н... остальное напраслина, не знаю откуда взятая.

— Можетъ быть, не спорю; но я не имѣю права не вѣрить профессору, а потому арестую васъ на трое сутокъ.

На этомъ разговоръ кончился.

Когда я высидѣлъ назначенный срокъ, инспекторъ позвалъ меня опять къ себѣ и далъ дружескій совѣтъ не горячиться и не затѣвать исторіи съ Н.

— Повѣрьте,—сказалъ онъ,—все успокоится и забудется; а теперь,—прибавилъ онъ,—я попрошу васъ о другомъ, сбрейте усы, а то сохрани Богъ, увидитъ государь или попечитель, достанется и вамъ и мнѣ.

— Какіе же это усы, Александръ Ивановичъ, это одинъ пушокъ, вотъ если я начну бриться, то дѣйствительно выростутъ усы,—возразилъ я.

— Называйте какъ хотите, но и пушокъ студентамъ запрещается; а если не послушаетесь, то опять попадете подъ арестъ,—сказалъ смѣясь почтеннѣйшій Фицтумъ.

Такимъ образомъ окончилась глупая исторія, въ которой я былъ обвиненъ совершенно напрасно [1]).

Вслѣдъ за этой непріятностью натолкнулся я на болѣе крупную, имѣвшую для меня серьезныя послѣдствія.

Въ одинъ праздничный день, въ саду, принадлежащемъ владѣльцу Беклешевки, было публичное гулянье. Садъ былъ обширный, нѣсколько прудовъ соединялись каналами, и для катанья содержались двѣ или три лодки. Въ этотъ вечеръ играла военная музыка (если не ошибаюсь лейбъ-гвардіи Литовскаго полка), гуляющихъ набралось много, а также желающихъ кататься на лодкахъ, такъ что приходилось ждать очереди.

Жена опекуна моего, а съ нею еще двѣ дамы пріѣхавшія изъ города, отправились также на гулянье, и я сопровождалъ ихъ. Подошли къ большому пруду. Дамы мои изъявили желаніе покататься, я живо спустился къ привязанному у берега плоту и, дожидавшись возвращенія одной лодки, тотчасъ ее занялъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, явился на плоту жившій тамъ же на одной изъ дачъ профессоръ Н. Г. Устряловъ и повелительнымъ тономъ объявилъ, что ему нужна лодка.

Я извинился самымъ вѣжливымъ образомъ, говоря, что не могу исполнить его требованія, занявши лодку не для себя, а для дамъ, къ тому же ему знакомыхъ.

— Что-за вздоръ, извольте выходить! развѣ вы не знаете кто я?—сказалъ онъ, возвысивъ голосъ.

— Очень хорошо знаю, что вы профессоръ Н. Г. Устряловъ; но повторяю, не могу уступить лодку,—отвѣчалъ я довольно сдержанно.

— А я вамъ говорю, что мнѣ нужна лодка для моихъ гостей, слышите?

[1]) Носился потомъ слухъ, что въ этомъ случаѣ я послужилъ только ширмой.

Меня взорвало.

— А, когда такъ!—воскликнулъ я,—то докажу вамъ, что гости ваши не поѣдутъ!—и вмѣстѣ съ тѣмъ весломъ оттолкнулся отъ берега.

— Дерзкій мальчишка!—закричалъ въ бѣшенствѣ Устряловъ,—ты мнѣ поплатишься за такое нахальство!

Въ это время мои дамы подошли въ страшномъ испугѣ и объявили, что рѣшительно отказываются отъ катанья. Тогда, подплывъ къ плоту, я вышелъ изъ лодки, а Устряловъ все продолжалъ бранить меня и произносить угрозы. На этотъ разъ жалоба была принесена помощнику попечителя, и меня заключили въ карцеръ на двѣ недѣли.

Выпуская меня послѣ этого изъ-подъ ареста, инспекторъ передалъ мнѣ приказаніе—немедленно выѣхать изъ Беклешевки; отъ себя же добрѣйшій Александръ Ивановичъ посовѣтовалъ вовсе оставить университетъ, доказывая, что, вооруживши противъ себя профессоровъ, мнѣ мало надежды на окончаніе курса.

Совѣтъ этотъ я тутъ же исполнилъ, зашелъ въ правленіе университета, написалъ прошеніе и черезъ недѣлю получилъ увольнительное свидѣтельство, дающее мнѣ право на поступленіе въ другой университетъ. Изъ Беклешевки я, конечно, не выѣхалъ, а черезъ мѣсяцъ отправился въ Харьковъ.

Прошеніе, поданное мною ректору Харьковскаго университета, было принято. Ректоръ, разрѣшая мнѣ посѣщеніе лекцій, объявилъ однако, что я окончательно могу быть зачисленъ только черезъ мѣсяцъ, вѣроятно, по наведеніи обо мнѣ справокъ въ Петербургѣ.

Мѣсяцъ этотъ едва не погубилъ меня. Случилось вотъ что:

Пригласилъ меня на купеческую свадьбу познакомившійся со мною студентъ, родственникъ жениха. Какъ, обыкновенно, водилось на купеческихъ свадьбахъ того времени, угощали усердно и много, въ особенности виномъ. Мнѣ, какъ пріѣхавшему изъ столичнаго университета, не хотѣлось ударить лицомъ въ грязь передъ новыми товарищами и отстать отъ нихъ въ выпивкѣ; но, увы! вмѣсто торжества меня почти безъ сознанія отвезли домой.

Присутствовавшій на свадьбѣ одинъ изъ субъ-инспекторовъ довелъ объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія начальства, вслѣдствіе чего меня потребовали къ помощнику попечителя, князю Ц.

Князь принялъ меня въ халатѣ и не потрудился даже встать съ кресла при моемъ появленіи. Такая безцеремонность, чтобы не сказать невѣжливость, мнѣ не понравилась, а потому, не долго думая, я взялъ стулъ и сѣлъ противъ него. Несомнѣнно, что поступокъ мой былъ дерзкій и не могъ предвѣщать хорошихъ результатовъ; но развѣ семнадцати-лѣтній юноша разсуждаетъ и думаетъ о послѣдствіяхъ. Сильное неудовольствіе выразилось на лицѣ князя, и онъ рѣзко проговорилъ:

— Когда васъ не просятъ садиться, вы должны стоять.

Я упорно продолжалъ сидѣть. Тогда разсерженный князь всталъ и сказалъ:

— Я хотѣлъ съ вами объясниться насчетъ вчерашняго вашего поведенія на свадьбѣ, но теперь нахожу это излишнимъ, вижу, что вы за птица, получите ваши документы въ правленіи и отправляйтесь куда хотите, здѣсь вы приняты не будете.

Я молча поклонился и вышелъ.

Дѣло выходило скверное. Что теперь дѣлать? Куда ѣхать? Пожалуй и въ другомъ мѣстѣ будетъ то же самое. Брошу все,—подумалъ я,—и поступлю въ полкъ.

Но тутъ судьба надо мною сжалилась.

Пріѣхалъ графъ Головкинъ [1]), попечитель Харьковскаго учебнаго округа.

Надо сказать, что съ самаго пріѣзда въ Харьковъ я сошелся и даже подружился съ студентомъ М., по фамиліи онъ былъ итальянецъ, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ и ни на одномъ правильно, впрочемъ добрый малый, готовый на всякія услуги. Мать его жила чѣмъ-то въ родѣ экономки или dame de compagnie у графа Головкина и имѣла на него немалое вліяніе.

Узнавъ о моемъ неблагополучномъ объясненіи съ помощникомъ попечителя, М. взялся переговорить съ матерью, а пока совѣтовалъ обождать и не брать документовъ изъ правленія.

Черезъ нѣсколько дней тревожнаго ожиданія прибѣгаетъ мой пріятель съ радостнымъ извѣстіемъ, что графъ согласился на мой пріемъ въ университетъ, но что мнѣ необходимо къ нему явиться и лично обратиться съ просьбой.

Графъ Головкинъ былъ высокаго роста, маститый старецъ, говорившій плохо по-русски. Онъ вышелъ ко мнѣ въ форменномъ военнаго покроя сюртукѣ министерства народнаго просвѣщенія, и разговоръ велъ стоя.

Изъявивъ сначала сомнѣніе, чтобы я могъ удержаться въ университетѣ, на просьбу мою подвергнуть меня испытанію, однако, согласился, предупредивъ, что за мною будетъ строгій надзоръ и что, при малѣйшемъ проступкѣ, я буду прямо исключенъ.

Инспекторомъ студентовъ былъ въ то время отставной морякъ Тебеньковъ, служившій долго въ бывшей сѣверо-американской компаніи. Хотя суровый на взглядъ, человѣкъ онъ былъ спокойный и не придирчивый, отчаянный картежникъ; онъ постоянно занятъ былъ игрой, и студенты его видѣли рѣдко.

---

[1]) Если не ошибаюсь, онъ былъ посланникомъ въ Китаѣ.

Еще до его назначенія, по случаю какого-то буйнаго кутежа, студентамъ воспрещено было посѣщеніе трактировъ и другихъ публичныхъ мѣстъ, даже театра. Вслѣдствіе ли моего приключенія на свадьбѣ или иныхъ соображеній, въ одно воскресенье послѣ обѣдни инспекторъ собралъ всѣхъ студентовъ къ себѣ и далъ такого рода наставленіе:

— Господа,—сказалъ онъ,—вамъ запретили ходить въ театръ и въ трактиры,—я не нахожу въ этомъ надобности и разрѣшаю ходить куда угодно; но съ условіемъ, чтобы не было безобразія и пьянства. Кто можетъ выпить ведро и не быть пьянымъ, пей на здоровье, а кто отъ одной рюмки теряетъ разсудокъ, тотъ не долженъ и помышлять о винѣ, надѣюсь, господа, что мы ссориться не будемъ

И дѣйствительно, во все продолженіе его инспекторства не произошло не только скандаловъ, но и какихъ-либо безпорядковъ.

Мѣсяцъ спустя послѣ меня пріѣхали изъ Петербурга еще два моихъ товарища, братья Башиловы [1]); съ ними переселились въ Харьковъ и родители ихъ. Посредствомъ этого семейства вошелъ я въ такъ-называемый аристократическій кругъ города; исторія съ помощникомъ попечителя совершенно забылась, лекціи посѣщалъ я усердно, и профессора были мною довольны.

Ученіе шло своимъ чередомъ, а развлеченія—своимъ. Я участвовалъ на студенческихъ литературно-музыкальныхъ вечерахъ у графа Головкина, бывалъ на балахъ у генералъ-губернатора, князя Долгорукова, у извѣстнаго тогда откупщика Кузина и у другихъ; посѣщалъ дворянское собраніе, театръ, маскарады, однимъ словомъ—жилось весело.

Въ 1842 году, императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Харьковъ и университетъ [2]).

Въ первый день своего прибытія въ городъ, государь подъѣхалъ прямо къ собору, около котораго толпился народъ, а впереди всѣхъ стояли студенты. Передъ этимъ только-что прошелъ дождь, и было мокро. Когда подкатила коляска, студенты живо сбросили съ себя шинели и разостлали ихъ до самаго входа въ храмъ; государь остался очень доволенъ такимъ вниманіемъ и благодарилъ молодежь. Эпизодъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на хорошее расположеніе духа императора при посѣщеніи имъ университета на другой день, и ему-то, можетъ быть, я обязанъ, что выходка, которую я себѣ дозволилъ въ это время, не имѣла дурныхъ послѣдствій.

Студенты были собраны въ актовой залѣ; мундиры на всѣхъ были

---

[1]) Родной дядя ихъ былъ извѣстный тогда въ Москвѣ сенаторъ—Александръ Александровичъ Башиловъ.

[2]) Пребываніе его величества въ Харьковѣ подробно описано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1884 года № 224.

съ иголочки, лица веселыя и воодушевленныя. Еще наканунѣ отданъ былъ строгій приказъ остричь короче волосы и побрить бороды, а кто носитъ очки, отнюдь ихъ не надѣвать. Такъ какъ я никогда не видалъ вблизи государя, къ которому съ дѣтства питалъ особенное благоговѣніе, то запрещеніе это привело меня въ отчаяніе; я рѣшился нарушить приказаніе и надѣлъ очки въ тотъ моментъ, когда государь входилъ въ залъ.

Сопровождаемый княземъ Долгоруковымъ и помощникомъ попечителя [1]), императоръ подошелъ сначала къ профессорамъ, которыхъ ему представлялъ ректоръ университета. Между ними стоялъ лекторъ нѣмецкаго языка, Метлернкамфъ, съ солдатскимъ Георгіемъ на груди. Николай Павловичъ обратилъ на него вниманіе и спросилъ, гдѣ онъ получилъ этотъ знакъ отличія? Оказалось, что во время польскаго возстанія онъ служилъ юнкеромъ въ какомъ-то уланскомъ полку [2]).

Отъ профессоровъ государь прошелъ по рядамъ студентовъ; дошедъ до меня, остановился и своимъ звучнымъ голосомъ спросилъ: «Зачѣмъ очки?» Сильно забилось у меня сердце, но я довольно твердо отвѣчалъ: «Безъ очковъ я не имѣлъ бы счастья лицезрѣть ваше императорское величество!» Государь улыбнулся и, не сказавъ ни слова, пошелъ дальше. На флангѣ стояли мои пріятели Башиловы, одинъ одиннадцати, другой десяти вершковъ роста. Государь опять остановился и, обращаясь къ князю Долгорукову, сказалъ: «Вотъ молодцы, рождены быть кирасирами».

Слова эти, однако, не осуществились; младшій, не окончивъ курса, отправился на Кавказъ, гдѣ, при нападеніи черкесовъ, былъ ими изрубленъ, а старшій, хорошій музыкантъ и живописецъ-дилеттантъ, по выходѣ изъ университета, предался художеству. Онъ тоже умеръ.

За мою выходку начальство не преминуло бы засадить въ карцеръ, если бы государь, отъѣзжая, не отдалъ приказанія не подвергать меня никакому взысканію.

Приведу необычайный случай, касающійся Башиловыхъ. Въ Харьковъ пріѣхалъ, для инспектированія гарнизоннаго батальона, командиръ корпуса внутренней стражи, генералъ-отъ-инфантеріи Тришатный. По отводу отъ города назначена ему была квартира въ верхнемъ этажѣ дома купчихи Рыжевой, бель-этажъ котораго занимало семейство Башиловыхъ. На другой день пріѣзда генерала, утромъ, на парадной лѣстницѣ, около входной двери квартиры Башиловыхъ, оказался на

---

[1]) Графъ Головкинъ былъ въ это время за границей.

[2]) Одинъ студентъ, малый веселый и острый, не упустилъ случая обратить этотъ разговоръ въ шутку и увѣрялъ всѣхъ, что Метлернкамфъ отвѣчалъ государю, что получилъ Св. Георгія за храбрость преподаванія нѣмецкаго языка,—причемъ артистически подражалъ ему.

*

площадкѣ ночной стулъ, поставленный по приказанію вновь пріѣхавшаго. Возмущенный такимъ неуваженіемъ и грубымъ пренебреженіемъ приличія, отецъ Башиловыхъ приказалъ тотчасъ убрать вещь, столь не соотвѣтствующую мѣсту.

Узнавъ объ этомъ, генералъ Тришатный прислалъ ординарца съ требованіемъ, чтобы студенты Башиловы немедленно явились къ нему. Старшаго не случилось дома, а потому явился одинъ младшій. Генералъ встрѣтилъ его словами:

— Какъ вы смѣли выбросить на дворъ приготовленный для меня стулъ?

— Ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ почтительно Башиловъ,—распоряженіе сдѣлано не нами съ братомъ, а отцомъ нашимъ, онъ знакомъ съ цѣлымъ городомъ и не могъ допустить подобнаго неприличія у своихъ дверей.

— Молчать! я покажу тебѣ, какъ со мною разговаривать, солдатомъ будешь,—закричалъ раскраснѣвшійся отъ гнѣва генералъ.

— И солдатомъ всегда останусь настолько благовоспитаннымъ, чтобы не дозволить себѣ невѣжества!—отвѣчалъ съ достоинствомъ Башиловъ.

— Вонъ!—крикнулъ генералъ.

Въ это время вошелъ въ комнату почтенный сѣдовласый старикъ, отецъ Башиловыхъ; по его знаку сынъ вышелъ. Боясь за горячность сына, старикъ рѣшился самъ объясниться съ генералъ Тришатнымъ; разговоръ кончился тѣмъ, что генералъ извинился, увѣряя, что онъ не зналъ о томъ, что студенты живутъ не одни, а съ родителями. Странная логика.

На другой день съ разсвѣтомъ генералъ Тришатный выѣхалъ изъ Харькова, а вскорѣ послѣ того его самого постигло несчастіе: онъ былъ лишенъ чиновъ, орденовъ и разжалованъ въ рядовые. Sic transit gloria mundi!

Я былъ уже на послѣднемъ курсѣ, трудился усердно, не пропускалъ репетицій, имѣвшихъ въ то время большое значеніе, познанія мои были на столько тверды, что я могъ надѣяться на себя; но этого было недостаточно.

Въ Харьковскомъ университетѣ въ описываемое время практиковался обычай, по которому всякій студентъ, имѣющій достаточныя средства и желающій достигнуть степени кандидата, поступалъ къ кому-либо изъ профессоровъ въ нахлѣбники или же передъ выпускнымъ экзаменомъ бралъ нѣсколько уроковъ, съ приличнымъ за нихъ вознагражденіемъ. Нахлѣбниковъ принимали по нѣсколько человѣкъ, иногда по десяти и болѣе. Называть по именамъ такихъ торгашей не стану, изъ уваженія къ ихъ званію и наукѣ, служить которой они были призваны. Считаю, однако, долгомъ оговориться и удостовѣрить, что не

всѣ были таковы, были и свѣтлыя, неподкупныя личности, пользовавшіяся общимъ уваженіемъ и любовію студентовъ. По образу жизни и обстановкѣ я слылъ за человѣка достаточнаго, поэтому отъ меня могли потребовать кромѣ познаній кое-чего посущественнѣе, о чемъ стороной данъ былъ даже намекъ. Боялся я и князя Ц., продолжавшаго не благоволить ко мнѣ, что доказывалъ на переводныхъ экзаменахъ; послѣ же отъѣзда попечителя, онъ имѣлъ полную возможность вредить мнѣ. Дѣлать нечего, рѣшился прибѣгнуть къ урокамъ.

Но уроки не принесли ожидаемой пользы. Случилось такъ, что опекунъ мой, хотя и обѣщалъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могъ выслать своевременно деньги, а между тѣмъ начались экзамены, профессора косились на меня и смотрѣли сердито, я же конфузился, сбивался и... кандидатство лопнуло.

Одинъ только профессоръ римскаго права Мицкевичъ, переведенный въ Харьковъ изъ бывшаго Виленскаго университета (братъ поэта), одинъ онъ не покривилъ душой, потому что былъ человѣкъ правды, уроковъ не давалъ и не зналъ лицепріятія. Я усидчиво занимался его предметомъ, всегда успѣшно отвѣчалъ на репетиціяхъ, латинскія цитаты зналъ на славу, а потому, несмотря на неполноту и робость въ отвѣтахъ и на противодѣйствіе помощника попечителя, онъ счелъ справедливымъ поставить мнѣ высокій балъ.

Съ одной стороны досада на неуспѣхъ, а съ другой—негодованіе на профессоровъ возбудили во мнѣ желаніе отмстить имъ, и вотъ что я придумалъ.

Какъ только получены были съ почты деньги, я подалъ въ совѣтъ университета прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что въ виду обезпеченія себѣ успѣха на экзаменахъ, я обратился къ такимъ-то профессорамъ съ просьбой помочь мнѣ уроками: такой-то прочелъ одну лекцію, за что потребовалъ 100 руб., такой-то за три лекціи 150 руб., такой-то за пять лекцій 200 руб. и т. д. Приложивъ при прошеніи деньги, я просилъ о выдачѣ мнѣ квитанцій.

Ректоромъ въ это время былъ вновь избранный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Артемовскій-Гулакъ, человѣкъ честный, но гордый, державшій себя аристократомъ и не жаловавшій своихъ коллегъ.

— Вотъ тебѣ разъ! вотъ такъ штука!—произнесъ онъ, прочтя бумагу и дѣлая на ней помѣтку.

На другой день явился ко мнѣ изъ правленія одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ съ предложеніемъ отъ имени заинтересованныхъ профессоровъ взять прошеніе назадъ, а также деньги, отъ которыхъ они отказываются.

Я не согласился, и куда были употреблены эти деньги—мнѣ неизвѣстно.

Вѣсть объ этомъ казусѣ быстро распространилась по городу, скандалъ вышелъ полный.

Получивъ затѣмъ аттестатъ на дѣйствительнаго студента, я навсегда разстался съ университетомъ.

По окончаніи курса, я избралъ военное поприще и поступилъ въ кавалерію, гдѣ научился подчиняться дисциплинѣ, а впослѣдствіи лѣта и опытъ жизни заставили смотрѣть на вещи иными глазами и хладнокровнѣе относиться къ требованіямъ, хотя не всегда согласнымъ съ моими убѣжденіями.

Прошло болѣе сорока лѣтъ, я уже старикъ; но и понынѣ съ удовольствіемъ, даже съ увлеченіемъ вспоминаю о беззаботномъ и счастливомъ времени студенчества, тѣмъ болѣе, что, имѣя живой и веселый характеръ, всегда пользовался расположеніемъ товарищей.

И гдѣ вы всѣ, дорогіе товарищи? Мало кого удалось мнѣ встрѣтить изъ нихъ въ этотъ долгій періодъ жизни, всѣ разбрелись по матушкѣ Россіи.

Н. Оже-де-Ранкуръ.

ДЕПЕШИ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и наслѣднику цесаревичу

въ 1849 году.

Отъ государя императора государынѣ императрицѣ.

1.

9 мая въ 11 часовъ утра. Варшава.

Получена 10 мая 1 часъ 15 м.

Пруссія отказывается отъ Франкфурта на Майнѣ. Король саксонскій отзываетъ свои войска изъ Голштиніи.

2.

9 мая въ 11 часовъ утра.

Получена 11 мая въ 11 часовъ 15 м. по полуночи.

Все здѣсь благополучно; жду сюда императора австрійскаго 10-го мая нашего стиля.

Великій герцогъ баденскій спасся съ однимъ эскадрономъ изъ Карлсруэ, гдѣ республика подъ начальствомъ Серуве.

3.

9 мая въ 11 час. утра.

Получена 12 мая въ 10 час. по полуночи.

Дѣлалъ смотръ гвардейской казачей бригадѣ, чудо хороша. Все въ порядкѣ, новаго ничего.

4.

9 мая въ 7 час. вечера.

Получена 12 мая въ 12 час. 50 мин. по полудни.

Я здоровъ. Императоръ австрійскій прибылъ въ 2 часа по полудни. Новаго ни откуда ничего. Все здѣсь благополучно.

5.

10 мая въ 9 час. и 30 мин. утра.

Получена 14 мая въ 6 час. 45 мин. пополудни.

Изъ Штутгарда мнѣ доносятъ, что войско рѣшилось единодушно защищаться. Король готовъ съ войскомъ уйти въ Ульмъ, ежели будетъ нужно. Онъ снимаетъ императорскій титулъ, но съ Берлиномъ не сближается.

Мнѣ пишутъ изъ Цюриха, что войска сбираются къ Сересу. Короля и семейство ожидаютъ въ Инспрукъ. Король будетъ, ежели нужно, отступать къ Баваріи. Сообщить великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, что принцъ Фридрихъ въ полной надеждѣ.

6.

11 мая въ 7 часовъ вечера.

Получена 15 мая въ 1 час. 45 мин. по полудни.

Императоръ австрійскій уѣхалъ въ Цеплинъ. Король прусскій не хочетъ, чтобы наслѣдній принцъ теперь ѣхалъ.

Король хочетъ отступить къ Морцгейму къ баденской границѣ. Король уѣзжаетъ въ Киссингенъ.

7.

12 мая въ 2 часа вечера.

Получена 15 мая въ 8 часовъ 10 мин. по полудни.

Я здоровъ, все благополучно, новаго ничего.

Государю наслѣднику и великому князю Константину Николаевичу можно еще остаться въ С.-Петербургѣ доувѣдомленія.

8.

15 мая.

Получена 20 мая въ 9 час. 35 мин. по полуночи.

Я здоровъ, все благополучно, подтверждается, что венгерцы гусары значительно переходятъ; новаго ничего.

9.

16 мая въ 3 часа вечеромъ.

Получена 21 мая въ 11 час. 10 мин. по полудни.

Разрѣшаю Максу ѣхать куда докторъ рѣшитъ. Князю Меншикову дать ему пароходъ «Камчатку» туда отвезти. Не унывать, а предаться волѣ Божіей.

10.

17 мая въ 8 часовъ вечера.

Получена 22 мая въ 2 часа 35 мин. по полудни.

Я здоровъ. Полагаю по увѣдомленію графа Бранденбурга, что принцъ прусскій будетъ завтра сюда.

11.

18 мая въ 11 часовъ утра.

Получена 22 мая въ 2 ч. 35 мин. по полудни.

Я слава Богу здоровъ и благодарю Бога, что Линѣ лучше. Новаго покуда ничего.

12.

18 мая въ 11 часовъ вечера.

Получена 23 мая въ 4 ч. 35 мин. по полудни.

Венгерцы взяли измѣною итальянскаго баталіона замокъ Офенъ.— Фортъ Мереко въ Венеціи взятъ австрійцами. Другихъ новостей нѣтъ.

13.

19 мая въ 6 ч. вечера.

Я здоровъ. Новаго ничего. Все благополучно. Принцъ прусскій еще не пріѣзжалъ.

14.

20 мая въ 3 ч. вечера.

Получена 26 мая въ 6 час. 50 мин. по полудни.

Принцъ прусскій послѣ будетъ. Король прусскій принуждаетъ короля ганноверскаго и короля саксонскаго принять конституцію вновь сдѣланную. Король баварскій отказывается въ томъ. Переговоры съ Даніею начаты и, кажется, есть надежда кончать.

Я здоровъ. Изъ Вѣны ничего.

15.

21 мая въ 3 ч. вечера.

Получена 21 мая въ 5 ч. 45 мин. по полудни.

Раухъ предупреждаетъ, что король струсилъ и сейчасъ велѣлъ войску прусскому отнюдь далѣе не подвигаться и къ флоту нашему не смѣть строиться.

Я здоровъ. Новаго изъ Вѣны ничего.

16.

22 мая въ 2 часа вечера.

Получена 28 мая въ 7 ч. 30 м. по полудни.

Я здоровъ. Изъ Штутгарда доносятъ, что ежедневно ожидаютъ нападенія республиканцевъ. Жители рѣшились защищаться противъ нихъ, и министерство вызываетъ всѣхъ къ собственной оборонѣ. Войско, кажется, готово идти за королемъ.

Изъ Вѣны ничего кромѣ, что Вельденъ смѣненъ Гайнау.

17.

24 мая въ 6 часовъ вечера.

Получена 29 мая, въ 5 ч. 30 м. по полудни.

Крайне огорченъ начальною слабостію, буди воля Божія, цесаревича и цесаревну, прошу всѣхъ беречься и предаться волѣ Божіей.

18.

25 мая въ 1 часъ и 30 м. вечера.

Получена 30 мая въ 6 ч. по полуночи.

Съ нетерпѣніемъ жду извѣстія объ Линѣ. Я здоровъ, новаго ничего.

19.

29 мая въ 1 часъ вечера.

Получена 1 іюня въ 10 ч. 40 м. по полуночи.

Радуюсь лучшему. Все благополучно. Изъ Штутгарда доносятъ, что пѣхота не вѣрна, одна кавалерія и артиллерія за короля.

20.

28 мая въ 4 часа и 30 мин. утра.

Получена 31 мая въ 9 ч. 40 м. по полуночи.

Сейчасъ прибылъ Костя. Онъ здоровъ и все благополучно. Я обнимаю.

21.

1 іюня въ 6 часовъ вечера.

Получена 2 іюня въ 8 ч. 15 м. по полудни.

Костя и я здоровы. Ѣдемъ въ 8 часовъ вечера въ Дуклу къ арміи. Новаго ничего.

22.

1 іюня въ 12 ч. 30 м. утра.

Получена 1 іюня въ 10 ч. 5 м. по полудни.

Наслѣдный принцъ прусскій королемъ посланъ на Рейнъ командовать всѣмъ войскомъ, идущимъ въ Баденъ, а эрцгерцогъ Іоаннъ въ эту же должность назначилъ принца Эмиля Рейнскаго.

За которымъ осталось—неизвѣстно.

23.

8 іюня въ 1 часъ 30 минутъ утра.

Получена 8 іюня въ 12 ч. 45 м. по полудни.

Государь императоръ изволилъ возвратиться благополучно въ Ловичъ и отправиться въ Килишъ. Фельдмаршалъ и великій князь Константинъ Николаевичъ съ главными силами благополучно вступили въ Венгрію 6-го іюня нашего стиля [1]).

24.

9 іюня въ 1 часъ по полудни.

Получена 10 іюня въ 7 ч. 45 м. по полуночи.

Я прибылъ сюда [2]) утромъ въ 2 часа и здоровъ, но крайне огорченъ дурными извѣстіями о Линѣ. Изъ арміи новаго ничего.

25.

10 іюня въ 12 ч. 30 м. утра.

Получена 12 іюня въ 2 ч. 35 м. по полудни.

Армія благополучно заняла Бартфельдъ безъ боя; непріятель отступилъ къ Эперіесу. Костя здоровъ и я тоже.

26.

12 іюня въ 6 ч. и 30 м. вечера.

Получена 13 іюня въ 11 ч. 45 м. по полудни.

Я здоровъ. Армія 10-го іюня заняла безъ боя Демете. Венгерцы отступаютъ и, говорятъ, бросили Эперіесъ. Костя здоровъ.

---

[1]) Депеша безъ подписи.

[2]) Откуда отправлена депеша—не указано.

27.

12 іюня въ 10 часовъ и 30 минутъ вечера.

Получена 14 іюня въ 8 ч. 15 м. по полуночи.

Изъ Вѣны доносятъ, что венгерцы атаковывали австрійцевъ на лѣвомъ берегу Дуная на Ваагѣ, но были отражены. Наша дивизія особенно отличилась. Подробностей еще нѣтъ.

28.

13 іюня въ 7 ч. и 30 м. вечера.

Получена 14 іюня въ 10 ч. 50 м. по полуночи.

Я здоровъ. Изъ арміи, Вѣны и Берлина новаго ничего. Въ Штутгардѣ войскомъ разогнанъ мнимый народный сеймъ фухтелями, и все спокойно.

29.

14 іюня въ 2 часа вечера.

Получена 15 іюня въ 9 ч. 55 м. по полуночи.

Изъ арміи ничего нѣтъ. Я здоровъ.

30.

15 іюня въ 5 часовъ по полудни.

Получена 16 іюня въ 6 ч. 45 м. по полудни.

Эперіесъ взятъ безъ боя. На дорогѣ къ Кашау, было кавалерійское дѣло, гдѣ гусарскій великой княгини Ольги Николаевны полкъ опрокинулъ три венгерскіе батальона.

(Депеша сія не окончена по причинѣ дурной погоды).

31.

Продолженіе депеши отъ 15 іюня въ 5 часовъ вечера.

Получена 16 іюня въ 10 ч. 30 м. по полудни.

На Вагѣ, Вольемутъ и Панютинъ разбили Гергея. Наша дивизія покрылась здѣсь славою. Потеря не велика.

Костя здоровъ.

32.

16 іюня въ 1 часъ по полудни.

Получена 17 іюня въ 7 ч. 5 м. по полудни.

Кашау занятъ безъ боя; венгерцы бѣгутъ; къ намъ перешло до 2.000 и есть—въ числѣ ихъ—и поляки.

Костя здоровъ.

33.

Отъ государя императора государю наслѣднику цесаревичу.

17 іюня въ 1 часъ утра.

Получена 17 іюня въ 11 ч. 5. м. по полудни.

Буди воля Божія. Не роптать, не унывать, новый Ангелъ на небесахъ за васъ молиться будетъ. Обнимаю васъ всѣхъ и плачу съ вами. Береги Марію, примѣры твои утѣшатъ и укрѣпятъ.

34.

17 іюня въ 10 часовъ 30 минутъ утра.

Получена 18 іюня въ 3 ч. по полуночи.

Я—изъ церкви. Молился за Ангела, молился за васъ. Каковъ ты и какова Марія—наслѣдница.

35.

Отъ государя императора государынѣ императрицѣ.

17 іюня въ 12 часовъ утра.

Получена 18 іюня 5 ч. 5 м. по полуночи.

Лидерсъ разбилъ два раза Бема, и взялъ: Кронштадтъ, знамя и 9-ть орудій; непріятель разсѣянъ и бѣжитъ.

Я здоровъ, но крайне грустно. Прошу беречься.

36.

18 іюня въ 3 часа по полудни.

Получена 18 іюня, въ 9 ч. 35 м. по полудни.

Желаю знать нетерпѣливо, здорова ли ты и каковъ Саша и Марія. Я здоровъ. Изъ арміи новаго ничего.

37.

Отъ государя императора государю наслѣднику цесаревичу.

18 іюня въ 5 часовъ по полудни.

Получена 19 іюня, въ 3 часа утра.

Знавши васъ обоихъ, того и ожидалъ; Богъ васъ подкрѣпитъ и утѣшитъ.

Обнимаю всѣхъ.

38.

Отъ государя императора государынѣ императрицѣ.

19 іюня въ 11 часовъ утра.

Получена 19 іюня, въ 7 ч. 45 м. по полудни.

Письма получилъ. Иду въ церковь, а мысленно съ вами въ крѣпости [1]). Не унывать предаться волѣ Божіей. Всѣхъ обнимаю.

---

[1]) Въ Петропавловской крѣпости, гдѣ происходили похороны.

39.

19 іюня, въ 4 часа по полудни.

Получена 20 іюня въ 10 ч. 50 м. по полуночи.

Какова ты и Марія послѣ крѣпости, въ то же время съ вами и я молился за Ангела; крѣпитесь и надѣйтесь на милосердіе Божіе.

40.

19 іюня въ 6 часовъ и 30 мин. вечера.

Получена 20 іюня въ 2 ч. 50 м. по полудни.

Армія наступаетъ на Токай однимъ корпусомъ, другимъ на Миклошъ. Венгерцы нигдѣ не держатся. Костя здоровъ. Я тоже.

Какова ты послѣ города.

О цесаревичѣ и цесаревнѣ здоровьи желаю знать, какъ и о императрицѣ.

41.

20 іюня въ 2 ч. и 30 м. вечера.

Получена 21 іюня въ 10 ч. 15 м. по полуночи.

Благодарю, что ты не была въ крѣпости, удивляюсь силамъ Маріи, дай Богъ ей здоровья.

Австрійцы взяли Раабъ, молодой императоръ участвовалъ храбро въ дѣлѣ.

42.

Отъ государя императора государю наслѣднику цесаревичу.

20 іюня въ 6 ч. и 30 м. вечера.

Получена 21 іюня въ 1 ч. 5 м. по полудни.

Какъ Марія послѣ вчерашняго; удивляюсь ея духу и боюсь за нее; обнимаю васъ.

43.

21 іюня въ 7 ч. вечера.

Получена 22 іюня въ 1 ч. 10 м. по полудни.

Благословляю васъ обоихъ на причастіе, да хранитъ и подкрѣпитъ васъ Господь Богъ!

Обнимаю.

44.

Отъ государя императора государынѣ императрицѣ.

22 іюня въ 1 ч. по полудни.

Получена 23 іюня въ 2 ч. 10 м. по полудни.

Токай взятъ вплавь казаками, которые одни безъ лошадей и голые съ однѣми шашками переплыли сто-саженную ширину и взяли мостъ. 4-й пѣхотный корпусъ пошелъ на Дебречинъ; а 2-й и 3-й—на Мишкольцъ; вездѣ принимаютъ насъ венгерцы радушно.

Дѣлъ другихъ не было. Костя здоровъ и я тоже.

45.

24 іюня въ 4 ч. 30 м. утра.

Получена 24 іюня въ 6 ч. 43 м. по полудни.

Нетерпѣливо ожидаю твоего извѣстія,—здорова ли ты.

46.

Отъ государя императора государю наслѣднику цесаревичу.

24 іюня въ 6 ч. утра.

Получена 24 іюня въ 7 ч. 30 м. по полудни.

Поздравляю васъ съ причастіемъ. Господь Богъ подкрѣпитъ и утѣшитъ васъ.

47.

Отъ государя императора государынѣ императрицѣ.

24 іюня въ 1 ч. 30 м. по полудни.

Получена 25 іюня въ 8 ч. 11 м. по полуночи.

Другой день, что отъ тебя ничего не получаю. Здорова ли ты? Я крайне безпокоюсь.

48.

24 іюня въ 6 ч. въ 30 м. вечера.

Получена 25 іюня въ 11 ч. 40 м. по полуночи.

Я мысленно съ вами былъ за семейнымъ столомъ и всѣхъ обнималъ.

49.

25 іюня въ 11 ч. 30 м. вечера.

Получена 26 іюня въ 3 ч. 45 м. по полудни.

Сейчасъ возвратился изъ Новогеоргіевской крѣпости, душевно тебя обнимаю, а равно дѣтей. Я здоровъ.

50.

26 іюня въ 3 ч. вечера.

Получена 26 іюня въ 8 ч. по полудни.

Душевно благодарю и обнимаю тебя и всѣхъ. Изъ арміи ничего.

51.

27 іюня въ 12 ч. утра.

Получена 27 іюня въ 7 ч. 45 м. по полудни.

Дебречинъ занятъ безъ боя. Венгерцы бѣгутъ. Армія идетъ на Пестъ, не встрѣчая атакованія; кажется, они всѣ у Коморна. Костя здоровъ. Холерою въ арміи уже умерло до 1.500 человѣкъ. Я здоровъ.

52.

26 іюня въ 9 ч. 30 м. вечера.

Получена 27 іюня въ 9 ч. по полуночи.

Я счастливъ, что знаю, что ты и всѣ здоровы.
Поздравляю и обнимаю Саню. Новаго ничего.

53.

26 іюня въ 3 ч. 30 м. вечера.

Получена 26 іюня въ 11 ч. 25 м. по полудни.

Подъ Комарномъ чуть не разбили Шлика, наша артиллерія все спасла.

Мелкіе разсказы М. М. Попова [1].

1.

Докторъ Шпиръ.

Въ Херсонской губерніи жилъ докторъ-медицины, коллежскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Шпиръ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ написалъ сочиненіе, подъ названіемъ: «Мысли и правила сохранять здоровье и возстановлять потерянное безъ медицинскихъ пособій».

Въ этомъ сочиненіи Шпиръ доказываетъ, что, исключая хирургическихъ средствъ, необходимыхъ въ случаѣ раздробленія костей, поврежденія членовъ и теченія крови, всѣ прочія пособія медицины ни къ чему не служатъ.

По мнѣнію Шпира, всякая болѣзнь, рано или поздно, прекращается сама собою. Если иногда больной выздоравливаетъ при медицинскихъ средствахъ, то онъ выздоровѣлъ бы и безъ этихъ средствъ; если иные, не пользовавшіеся у врачей, умираютъ, то они умерли бы и при всѣхъ возможныхъ пособіяхъ медика. Всякій больной, не прибѣгая къ безполезнымъ медицинскимъ средствамъ, долженъ ожидать, что болѣзнь его, если она не ведетъ къ смерти, пройдетъ сама собою.

Поэтому Шпиръ полагаетъ совершенно уничтожить медицинскія академіи, медиковъ и аптеки.

Послѣ того, всѣ правила, по системѣ Шпира, обращены на сохраненіе здоровья людей, которые должны жить такъ, чтобы не быть больными и не имѣть надобности въ пособіяхъ. Главныя правила его:

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1896 г. мартъ.

избѣгать сырыхъ помѣщеній, наблюдать умѣренность въ пищѣ, правильность въ снѣ, особенно же имѣть какъ можно больше движенія.

Шпиръ нисколько не принимаетъ въ разсчетъ, что многочисленнѣйшая часть людей не въ состояніи имѣть удобныхъ для здоровья квартиръ, и что вообще невозможно, чтобы всѣ и всегда были умѣренны и правильны въ жизни. О сохраненіи здоровья людей заботятся и воспитатели, и родители, и начальники, и правительство; но въ томъ-то и сила, что человѣкъ, по природѣ своей, не можетъ быть совершененъ. Сколько бы, по мысли Шпира, ни писали правилъ для жизни, люди будутъ жить по-прежнему, подвергаться болѣзнямъ и встрѣчать надобность въ лѣченіи.

Мысли свои Шпиръ подкрѣпляетъ не учеными доводами, но анекдотами и выписками изъ разныхъ писателей, даже изъ стихотворцевъ и романистовъ, напримѣръ, изъ Вольтера, Пушкина, Гоголя и проч. Все, что было сказано этими писателями остраго и смѣшнаго на счетъ медиковъ, у Шпира все идетъ въ опроверженіе медицины. Какъ видно, онъ много читалъ литературныхъ сочиненій, и плохой медикъ.

Шпиръ еще въ 1832 году представлялъ сочиненіе свое государю императору. Оно было разсматриваемо въ медицинскомъ совѣтѣ, который отозвался, что это «сочиненіе противно ученію всѣхъ временъ въ медицинѣ и не можетъ быть допущено ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ».

Послѣ того, Шпиръ желалъ напечатать свое сочиненіе; сначала цензоръ отказалъ, но, по настоянію Шпира, съ разрѣшенія цензурнаго комитета, книга была напечатана въ Москвѣ. Медицинскій совѣтъ, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ запретилъ книгу и изъялъ ее изъ обращенія. Жалобамъ Шпира на это не было конца. Онъ думаетъ, что медики не даютъ хода его мыслямъ изъ зависти и отъ страха потерять свое значеніе.

2.

Красное яйцо, поднесенное графомъ Канкринымъ императору Николаю I.

На монетномъ дворѣ, при вырѣзкахъ изъ полосоваго золота кругляковъ, изъ которыхъ чеканятъ имперіалы и полуимперіалы, остаются урѣзки. Эти урѣзки, извѣстныя министру финансовъ, не записывались однакожъ ни въ какія отчетныя книги. Такихъ урѣзковъ накопилось столько, что изъ нихъ вычеканено пятнадцать тысячъ полуимперіаловъ.

Графъ Канкринъ вздумалъ сдѣлать государю нечаянный подарокъ и поднести ихъ на пасху 1837 года, въ красномъ яйцѣ. Для этого, по его указаніямъ, въ Технологическомъ институтѣ сдѣлали изъ ольховаго дерева огромное яйцо, въ которое и вложены были пятнадцать тысячъ червонцевъ. Яйцо, разрѣзанное на двое, раскрывалось пополамъ, посредствомъ сдѣланнаго механизма.

Въ первый день Пасхи, яйцо привезли во дворецъ чиновники министерства финансовъ, а въ комнаты государя внесли его, за графомъ Канкринымъ, нѣсколько камеръ-лакеевъ.

— Это что?—спросилъ государь.

— Позвольте, ваше величество,—сказалъ министръ,—прежде похристосоваться.

Государь расцѣловался съ нимъ.

— Теперь, ваше величество, — продолжалъ Канкринъ,—осмѣливаюсь представить красное яичко, отъ вашихъ же богатствъ, и просить васъ дотронуться до этой пружины.

Императоръ дотронулся, яйцо раскрылось, и показался желтокъ—полуимперіалы.

— Что это, что это, сколько тутъ?—спрашивалъ удивленный государь.

Графъ Канкринъ отвѣчалъ, что тутъ пятнадцать тысячъ полуимперіаловъ, и объяснилъ, что они вычеканены изъ урѣзковъ, нигдѣ не показываемыхъ по отчетамъ. Государь не могъ скрыть своего удовольствія и вдругъ сказалъ:

— Урѣзки? экономія?—ну, такъ пополамъ.

Умный министръ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ваше величество, это твоя отъ твоихъ, и только тебѣ одному принадлежитъ.

3.

Графъ Орловъ у императрицы 18-го марта 1849 года.

По пріѣздѣ графа Орлова во дворецъ, камердинеръ императрицы объявилъ ему, что ея величество желаетъ переговорить съ нимъ прежде, нежели онъ отправится съ докладомъ къ государю.

Графъ входитъ къ императрицѣ.

Она сидѣла за пяльцами, занимаясь тамбурною работою. Позади двѣ фрейлины: одна въ креслахъ, другая смотрѣла въ окно, на пло-

щадь. Передъ императрицей сидѣлъ, за небольшимъ столикомъ, статсъ-секретарь Гофманъ и докладывалъ ей бумаги.

— А, графъ,—сказала императрица, замѣтивъ Орлова,—я желала видѣть васъ, чтобы просить, не согласитесь ли вы дѣлать со мною фальшивыя ассигнаціи?

— Ваше величество,—отвѣчалъ Орловъ, указывая на статсъ-секретаря и фрейлинъ,—въ такомъ случаѣ онъ и онѣ лишніе; надобно, чтобъ мы только знали объ этомъ, а гдѣ трое или четверо—такія преступленія тотчасъ откроются.

— Ничего,—возразила императрица, улыбаясь,—онъ и онѣ уже согласны и будутъ помогать намъ. Вотъ въ чемъ дѣло,—продолжала государыня,—кузина моя, принцесса Ангальтъ-Дессауская, смотря на чрезвычайно хорошій порядокъ, который теперь вводится въ Западной Европѣ, хотѣла бы удалиться оттуда и жить у насъ. Но встрѣтилось препятствіе: она боится, что ее не выпустятъ. Нельзя ли, графъ, такъ устроить дѣло: пошлите къ ней паспортъ, назовите ее какъ-нибудь иначе, хоть иностранкой, которая прежде долго жила въ Россіи, выѣхала съ нашимъ паспортомъ и теперь возвращается къ намъ, съ этимъ же паспортомъ.

Графъ Орловъ изъявилъ совершенную готовность исполнить волю ея величества.

Тотчасъ отправленъ былъ, чрезъ посольство наше, паспортъ на другое имя, но принцесса не пріѣхала въ Россію. Дѣла на западѣ въ то время улаживались, а вскорѣ послѣ того и принцесса скончалась.

4.

Черта изъ жизни императора Николая Павловича.

Въ 1853 году, въ исходѣ іюля мѣсяца, императоръ Николай Павловичъ, проѣзжая по Англійской набережной, близъ Николаевскаго моста, встрѣтилъ траурныя дроги, на коихъ везли гробъ. Провожатыхъ за этимъ гробомъ не было, кромѣ шедшаго съ боку больничнаго служителя съ книжкою. Государь императоръ, остановившись вблизи моста, подозвалъ шедшаго при гробѣ служителя и спросилъ его, кого хоронятъ; служитель отвѣчалъ: «чиновника изъ больницы». Тогда государь вышелъ изъ экипажа, снялъ каску, перекрестился и пошелъ за гробомъ. За государемъ собралась толпа народа и слѣдовала за нимъ. Императоръ, проводя похороны чрезъ Николаевскій мостъ, перекре-

стился, надѣлъ каску и, обратясь къ шедшему за нимъ народу, сказалъ: «Ну, теперь прошу васъ, господа, сдѣлать долгъ христіанскій и проводить покойнаго».

5.

Императоръ Николай и актриса Рашель.

Зимою 1853—1854 года въ Петербургѣ была извѣстная трагическая актриса Рашель. Государь былъ столь милостивъ, что отдалъ, для ея представленій, Михайловскій театръ даромъ. Труппой ея, по хозяйственной части, распоряжался братъ ея, Феликсъ. Этотъ честный еврей, сверхъ тройной цѣны за мѣста, положилъ, чтобъ въ каждой ложѣ сидѣло не болѣе шести зрителей, и со всякаго излишняго назначилъ особую плату. Въ петербургской публикѣ, не привыкшей къ такому учету и къ такому наглому сбору денегъ, это производило ропотъ. Разсказывали, что Феликсъ посылалъ въ ложи своего служителя, и лишнихъ выводили, или спорили съ ними и брали съ нихъ деньги; что самъ онъ, участвуя въ представленіяхъ сестры своей, не столько думалъ объ исполненіи своей роли, сколько о числѣ зрителей въ ложахъ, и, даже въ патетическихъ мѣстахъ игры сестры его, смотрѣлъ со сцены, нѣтъ ли въ ложахъ кого лишняго. Слухи о неудовольствіи на это дошли до государя. Недѣли черезъ три по пріѣздѣ Рашели въ Петербургъ, когда Дворъ еще находился въ Гатчинѣ, она приглашена была туда и играла драму Адріеннъ Лекуврёръ. Государь былъ очень доволенъ ею и насказалъ ей, по окончаніи пьесы, много пріятнаго. Рашель, между благодарностями, просила его посѣщать театръ ее въ Петербургѣ. Государь отвѣчалъ: «Хорошо, но я боюсь бывать, у меня семья большая, быть можетъ, иногда случится насъ въ ложѣ больше шести, и я могу быть седьмымъ!» Рашель поняла замѣчаніе, покраснѣла, смѣшалась и сваливала всю вину на своего брата. Дѣйствительно, говорятъ, Рашель добра и не скупа: все происходило отъ Феликса.

6.

Императоръ Николай I и Луи-Наполеонъ (Наполеонъ III).

Принцъ Луи-Наполеонъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ задержанія его въ Булони и бѣгства изъ Гама въ январѣ 1840 года, пред-

полагалъ пріѣхать въ Россію. Объ этомъ жена нашего посланника въ Лондонѣ, княгиня Ливенъ, извѣщала брата своего графа Бенкендорфа. Императоръ Николай призналъ невозможнымъ допускать пріѣздъ къ намъ этого принца: потому ли, что смотрѣлъ на искателя французскаго престола, какъ на политическаго преступника, или изъ опасенія навлечь непріязнь короля Людовика-Филиппа.

Какъ высылка принца изъ Россіи, если-бъ онъ уже прибылъ къ намъ, поставила бы какъ его самаго, такъ и наше правительство въ положеніе, еще болѣе непріятное, то, по высочайшему повелѣнію, тогда же, 13-го января, предписано было: посольствамъ нашимъ не свидѣтельствовать паспортовъ Луи-Наполеона на проѣздъ въ Россію, а пограничнымъ начальствамъ, въ случаѣ пріѣзда его въ наши предѣлы, остановить его, не дозволяя дальнѣйшаго слѣдованія во внутрь имперіи, и побудить его немедленно удалиться изъ Россіи.

Въ исходѣ 1847 года, Луи-Наполеонъ снова желалъ пріѣхать въ Россію, а потомъ, не задолго до избранія его въ президенты французской республики, просилъ купить у него картинную галлерею, доставшуюся ему отъ дѣда его, кардинала Феша. Онъ описывалъ, что многія картины галлереи принадлежатъ кисти знаменитыхъ мастеровъ и высокаго достоинства. О томъ и о другомъ онъ писалъ къ графу Орлову. Ничто не убѣдило! Императоръ Николай оставался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. На оба письма Луи-Наполеона графъ Орловъ отвѣчалъ ему сухо, что и въ дозволеніи пріѣзда къ намъ ему отказывается, и въ картинахъ его нѣтъ надобности.

19-го ноября (1-го декабря) 1852 г. Луи-Наполеонъ объявленъ императоромъ французовъ. Въ первые дни своего царствованія Наполеонъ, на одномъ балѣ, нашелъ случай откровенно разговаривать съ нашимъ посланникомъ графомъ Киселевымъ. Высказавъ уваженіе свое къ русскому государю и къ Россіи, Наполеонъ говорилъ, что онъ избранъ въ императоры семью милліонами голосовъ и чувствуетъ въ самомъ себѣ довольно силъ удержаться на престолѣ, но при всемъ томъ онъ видитъ надобность имѣть могущественнаго союзника; что входить въ дружбу съ Англіею было бы противно и его собственнымъ чувствамъ, и родственнымъ воспоминаніямъ, и духу французскаго народа,—однимъ словомъ, было бы противоестественно; что согласіе съ Австріей и другими державами не поведетъ ни къ чему полезному для Франціи; и что онъ больше всего желалъ бы быть въ дружбѣ съ Россіею. Наполеонъ просилъ Киселева написать объ этомъ государю. Графъ Киселевъ тотчасъ отправилъ въ Петербургъ состоявшаго при посольствѣ нашемъ чиновника Бартенева съ письмомъ, въ которомъ подробно изложилъ слова Наполеона. Отвѣтъ императора Николая былъ, что онъ не желаетъ и слышать объ этой дружбѣ.

По влеченію ли къ русскому императору и народу, или по глубо-

кой разсчетливости политика, Наполеонъ, какъ бы не замѣчая этихъ оскорбленій, все еще стремился къ союзу съ Россіей. Снова Киселевъ писалъ въ Петербургъ, что императоръ французовъ убѣдительно проситъ нашего государя о дружбѣ, и поручилъ ему предупредить, что въ противномъ случаѣ онъ, по необходимости, долженъ будетъ заключить союзъ съ Англіей. Но и послѣ этого отвѣтъ былъ прежній.

Лѣтомъ 1853 года великая княгиня Марія Николаевна находилась за границей. Императоръ Наполеонъ III покойному мужу ея, а слѣдовательно и ей, былъ двоюродный братъ [1]). Ссылаясь на родство, Наполеонъ, самымъ вѣжливымъ письмомъ просилъ ее пріѣхать въ Парижъ. Онъ увѣрялъ, что она будетъ принята имъ и императрицею Евгеніей съ чувствами самыхъ искреннихъ родственниковъ, а жителями Парижа—со всѣми почестями, приличными дочери русскаго императора; писалъ, что къ пріѣзду ея будутъ приготовлены всевозможныя удовольствія, и что Парижъ не заставитъ ее раскаяваться въ этомъ посѣщеніи. Марія Николаевна сама очень желала ѣхать въ Парижъ и испрашивала у отца своего на это позволенія. Но государь приказалъ ей немедленно возвратиться въ Россію.

Между тѣмъ непріязнь между Россіей и Турціей разгоралась. Войска наши заняли Молдавію и Валахію, а потомъ Нахимовъ истребилъ турецкій флотъ при Синопѣ. Англо-французскій флотъ, до того стоявшій въ Дарданеллахъ въ наблюдательномъ положеніи, принялъ послѣднее событіе за оскорбленіе себѣ и вступилъ въ Черное море. Франція и Англія готовились объявить войну Россіи.

И въ это время Наполеонъ, по какому-то странному влеченію къ Россіи, еще разъ хотѣлъ сблизиться съ императоромъ Николаемъ. Онъ написалъ къ нему письмо, отъ 17-го (29-го) января 1854 года, въ которомъ хотя оправдывалъ дѣйствія французовъ и англичанъ, но выразилъ полное уваженіе къ нашему императору, изъявлялъ желаніе предупредить дальнѣйшій разгаръ войны, предлагалъ, для достиженія мира, вывести воюющія силы изъ всѣхъ мѣстъ, куда онѣ призваны, и окончить споръ съ Турціей дипломатическимъ путемъ. Императоръ Николай, въ письмѣ отъ 9-го февраля, выставляя во всемъ виноватыми морскія державы и принявъ напоминаніе о трехъ тысячахъ пушекъ въ Босфорѣ за угрозу, заключилъ письмо свое такимъ образомъ: «На что бы ваше величество ни рѣшились, я не отступлю ни передъ какою угрозою. Довѣряю Богу и моему праву, и Россія, ручаюсь въ томъ, явится въ 1854 году такою же, какъ была въ 1812-мъ. Если при всемъ томъ ваше

---

[1]) Мать Луи-Наполеона (жена бывшаго голландскаго короля Людовика-Бонапарте) и отецъ герцога Лейхтенбергскаго были родные сестра и братъ, дѣти императрицы Жозефины, отъ перваго брака ея съ генераломъ Богарне.

величество, съ меньшимъ равнодушіемъ къ моей чести, возвратитесь чистосердечно къ нашей программѣ, если вы подадите мнѣ отъ сердца вашу руку, какъ я вамъ предлагаю свою въ эти послѣднія минуты, я охотно забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для меня оскорбительнымъ. Тогда, государь, но только тогда намъ можно будетъ вступить въ сужденія и, быть можетъ, согласиться».

Саксонскій посланникъ въ Парижѣ, баронъ Зебахъ, зять нашего канцлера графа Нессельроде и другъ Наполеона, сказывалъ, что онъ былъ у французскаго императора, когда тотъ получилъ отвѣтъ нашего государя. При немъ Наполеонъ чрезвычайно сожалѣлъ, что императоръ Николай столь недружелюбно понялъ письмо его и отвергъ его предложеніе, тогда какъ онъ (Наполеонъ) искренно желалъ мира и сближенія съ нашимъ императоромъ.

Война загорѣлась...

7.

Россія въ 1854 году.

Въ 1854 году къ воюющей противъ насъ Турціи открыто присоединились англичане и французы, которые употребляли всѣ средства возстановить противъ насъ и прочія державы Западной Европы. Болѣе другихъ обязанная намъ Австрія, которой самое бытіе, со временъ великодушнаго императора Павла I-го, нѣсколько разъ было поддержано Россіею, показала менѣе всѣхъ признательности и въ теченіе всего года пребывала въ такомъ положеніи, что безпрерывно надобно было ожидать нападенія и съ ея стороны.

Побѣды наши въ Закавказскомъ краѣ и частные подвиги мужества на другихъ мѣстахъ театра войны оживляли русскихъ. Но война охватила западную и южную границы наши, отъ Колы до Севастополя и Карса. Невозможность имѣть вездѣ, на столь огромномъ протяженіи, большія массы войскъ и преимущества англо-французскаго флота передъ нашимъ были причиною, что непріятельскіе флоты безнаказанно держали въ блокадѣ моря наши, жгли прибрежныя мѣста и грабили нашихъ жителей.

Не пренебрегая никакими средствами, даже самыми постыдными, враги наши старались поколебать и вѣрность подданныхъ нашихъ, въ пограничныхъ областяхъ имперіи. Польскіе выходцы разсылали эмиссаровъ, направляя ихъ преимущественно въ Царство Польское; англичане и

французы старались водворить возмутительные листки и брошюры въ Финляндіи, въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ нашихъ, предполагали провезти оружіе въ Литву и выпускали въ обращеніе русскія фальшивыя деньги.

Вѣра болѣе всего сродняетъ племена.—Православные подданные Турціи, съ самаго начала войны, безъ всякаго нашего вліянія, соединились съ нами душою и сердцемъ, устремили всѣ надежды свои на Россію и подняли оружіе. Пріѣзжавшіе изъ Греціи капитанъ Хрисовери съ тремя другими офицерами отъ имени греческаго народа просили назначить втораго сына россійскаго императора царемъ Греціи. Они сами стремились составить одно цѣлое съ единовѣрною имъ Россіей.

Къ несчастію по этой же причинѣ, католическіе и магометанскіе подданные наши, скрывая непріязненное чувство къ намъ, какъ бы невольно склонялись къ сторонѣ враговъ нашихъ. Крымскіе татары не показывали никакихъ признаковъ невѣрности; но какъ только непріятельскія войска сдѣлали высадку въ Таврідѣ, они тотчасъ, послѣ 70-лѣтняго подданства, подняли знамя бунта во всѣхъ мѣстахъ, занятыхъ непріятелемъ.

На западный край Россіи обращено было преимущественное вниманіе нашего правительства. Удаленіе многихъ лицъ, неблагонадежныхъ и сомнительныхъ, очистило этотъ край; строгій надзоръ мѣстнаго начальства и офицеровъ корпуса жандармовъ, присутствіе огромнаго числа войскъ и недостатокъ у жителей оружія, удерживали ихъ отъ всякихъ покушеній. Но жители, собственно Царства Польскаго, восторженные нынѣшними событіями, надѣялись, что Россія не выдержитъ борьбы, по ихъ мнѣнію неравной, съ европейскими державами, и мечтали о возстановленіи прежней Польши. Но и при такой обстановкѣ дѣлъ, тамъ все было спокойно и не могло быть никакого безпорядка; происходившія событія были столь громадны, что все мелочное пріутихло, присмирѣло, и всѣ ждали развязки войны въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Одно вторженіе огромныхъ непріятельскихъ силъ раскрыло бы тайну сердецъ, и тогда въ Царствѣ Польскомъ, быть можетъ, повторилось бы то, что сбылось въ Крыму. Въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, собственно польскіе патріоты также питали нерасположеніе къ намъ и мало сочувствовали успѣхамъ нашего оружія. Въ Восточномъ вопросѣ, между прочимъ, заключалась борьба православія съ католицизмомъ, и какъ дипломатическій перевѣсъ оставался за послѣднимъ, то это льстило фанатизму католиковъ. При всемъ томъ, въ этихъ губерніяхъ представлялось менѣе опасности, нежели въ Царствѣ Польскомъ, именно потому, что въ нихъ, особенно въ Волынской, Подольской и Кіевской—жители низшихъ сословій почти всѣ русскіе родомъ и

православные по вѣрѣ, вполнѣ преданные нашему правительству. Если въ этихъ губерніяхъ и еще болѣе въ Литвѣ нашлись бы отдѣльныя личности, съ вредными намѣреніями, то они не встрѣтили бы въ общей массѣ ни одобренія, ни поддержки. Все могло ограничиться только тѣмъ, что явятся перебѣжчики или немногіе возмутители, которые въ цѣломъ населеніи края не составили бы значительной противодѣйствующей силы.

Во внутреннихъ губерніяхъ всѣ одушевлены были пламеннымъ чувствомъ любви къ отечеству; повсюду возгорѣлась искренняя преданность къ русскому православному царю, закипѣла русская отвага, и общее одушевленіе объяло всѣ сословія. Оно обнаруживалось въ благочестивомъ усердіи народа при церковныхъ молебствіяхъ о ниспосланіи успѣховъ нашему оружію; — въ живомъ сочувствіи къ извѣстіямъ о побѣдахъ нашихъ;—въ разсказахъ объ этихъ побѣдахъ и во всѣхъ разсужденіяхъ о настоящихъ событіяхъ, въ стихотвореніяхъ, въ которыхъ ненависть къ врагамъ доходила даже до неумѣренности;—въ театрахъ, гдѣ каждая рѣчь о славныхъ подвигахъ войскъ нашихъ приводила зрителей въ восторженное состояніе. Чувства преданности и усердія въ русскихъ такъ были велики, что не только не было никакой надобности возбуждать или поддерживать, но иногда должно было умѣрять ихъ, чтобы они не выходили изъ границъ приличія.

Въ то же время со всѣхъ сторонъ посылались жертвы на алтарь отечества и въ помощь раненымъ воинамъ, сражающимся за общее дѣло. Кромѣ важныхъ приношеній Яковлева, графа Шереметева, князя Юсупова, барона Штиглица и другихъ, кромѣ пожертвованій, сдѣланныхъ дворянствами цѣлыхъ губерній и обывателями городовъ, люди всѣхъ сословій—духовные, служащіе и отставные, купцы и крестьяне, даже нижніе воинскіе чины и женщины—всѣ жертвовали, чѣмъ могли; иной приносилъ послѣднее, скопленное многолѣтнею бережливостію. Такъ, гренадеръ Дворцовой роты, въ Москвѣ, Ткаченко, представилъ 500 руб. сереб.; а служившій нѣкогда въ рядахъ войска, титулярный совѣтникъ Шмаковъ—все, что у него было: серебряныя медали, нѣсколько серебряныхъ монетъ и ложекъ. Нѣкоторые крестьяне присылали деньги, при письмахъ, трогательныхъ простотою выраженій и искренностію усердія.

Не однимъ только имуществомъ русскіе готовы были жертвовать, но и своею жизнію. При рекрутскихъ наборахъ не было прежняго, обыкновеннаго, унынія рекрутъ и плача родственниковъ; при составленіи морскаго ополченія, явилось столько охотниковъ, что должно было многимъ отказывать, и всѣ отправлялись на мѣста войны не столько для дарованныхъ преимуществъ, сколько изъ усердія и русской отваги. Дворянство нѣсколькихъ губерній, въ совѣщаніяхъ своихъ, выражало

готовность на поголовное вооруженіе. Одинъ помѣщикъ Тамбовской губерніи, князь Голицынъ, желалъ вооружиться со всѣми своими крестьянами. Студенты Московскаго университета, а за ними воспитанники и другихъ учебныхъ заведеній, сами вызвались стать въ ряды воиновъ, и трое студентовъ Ришельевскаго лицея уже явили подвиги мужества въ Одессѣ, при сраженіи съ непріятельскимъ флотомъ. Семнадцатилѣтняя дѣвица, дочь отставнаго профессора, Спасская, исполненная чувствъ патріотизма, просила опредѣлить ее въ службу, чтобы и она, наравнѣ съ братьями своими, могла удостоиться счастія пролить кровь свою. Даже недавніе подданные наши, французъ Бурдень и швейцарецъ Излеръ просили дозволенія, изъ находящихся здѣсь французовъ и нѣмцевъ, принявшихъ присягу на подданство Россіи, составить стрѣлковые батальоны, для защиты новаго ихъ отечества. Словомъ, народъ кипѣлъ желаніемъ ополчиться на врага, за вѣру, за царя, за честь и неприкосновенность государства. Старые защитники наши въ отечественную войну, переносясь воспоминаніями къ славному минувшему времени, съ умиленіемъ сознавали, что и нынѣ русскіе преисполнены тѣми же завѣтными чувствами, которыми они пламенѣли въ двѣнадцатомъ году.

Только воля государя императора удерживала общій порывъ народа. Но русскіе, зная его мудрость и 29-тилѣтнее искусство править кормиломъ царства, вполнѣ предались всему, что Господь положитъ на его сердце. Они были совершенно увѣрены, что пути и средства, которые будутъ имъ избраны, непремѣнно приведутъ дѣла къ окончанію самому лучшему, къ событіямъ не менѣе счастливымъ и блистательнымъ, которыми окончилась, быть можетъ, еще болѣе тяжкая борьба императора Александра Благословеннаго съ Наполеономъ I-мъ.

8.

Послѣдніе дни жизни императора Николая.

Въ началѣ февраля 1854 г. турками распространено было въ нашихъ пограничныхъ мѣстахъ литографированное воззваніе на русскомъ языкѣ, въ которомъ было сказано: «Всѣмъ пашамъ и другимъ начальникамъ мусульманскихъ казачьихъ и христіанскихъ войскъ его величества всемогущаго султана приказано: принимать на службу желающихъ жительствовать въ Турціи, всѣхъ бѣглецовъ изъ россійскаго войска казаковъ, поляковъ, татаръ, малороссіянъ, коренныхъ русскихъ

и всякой другой народности». Въ этомъ же воззваніи сказано было: «офицеры бѣжащіе будутъ приняты въ чинахъ, въ которыхъ служили».

Императоръ Николай, прочитавъ это, сказалъ: «жаль, что я не зналъ этого, а то и я перешелъ бы на службу въ Турцію».

Въ то же время при выѣздѣ изъ Петербурга французскаго и англійскаго посланниковъ, государь первому изъ нихъ, Кастельбажаку, пожаловалъ брильянтовые знаки ордена Св. Александра Невскаго, а при прощаніи со вторымъ, лордомъ Сеймуромъ, сказалъ: «можетъ быть, я надѣну трауръ по русскомъ флотѣ, но никогда не буду носить траура по русской чести».

Въ то же время, когда государь былъ нездоровъ (рожей или подагрой въ ногѣ), а отношенія наши съ Англіей и Франціей болѣе и болѣе запутывались, онъ сказалъ своимъ внукамъ: «молитесь за меня Богу, чтобы я долѣе служилъ Россіи». Въ первое послѣ того воскресенье въ церкви Зимняго дворца при каждомъ возглашеніи имени государя, царскіе внуки усердно клали земные поклоны. Этого прежде никогда не было, и императрица съ удивленіемъ смотрѣла на нихъ. По окончаніи обѣдни, она спросила внуковъ, кто научилъ ихъ кланяться въ землю? Они отвѣчали: «Дѣдушка приказалъ намъ молиться за него».

Говоря объ угрозахъ иностранцевъ, государь сказалъ: «что они грозятъ мнѣ? войска у меня подъ ружьемъ милліонъ, прикажу—будетъ два милліона; а если я попрошу русскій народъ, то соберется три милліона».

Въ январѣ 1854 г. графъ Орловъ посланъ былъ въ Вѣну для переговоровъ о томъ, въ какомъ положеніи будутъ оставаться нѣмцы, когда начнутся военныя дѣйствія англичанъ и французовъ противъ Россіи. Императоръ австрійскій, его министры и генералы увѣряли графа Орлова въ преданности ихъ къ нашему государю, въ чувствахъ искреннѣйшей благодарности своей за содѣйствіе подавленію мятежа венгерскаго и насказали много другихъ льстивыхъ словъ. Но все кончилось прибавленіемъ, что правительство Франціи извѣстило ихъ, что если они станутъ на сторону Россіи, то французскія войска тотчасъ займутъ австрійскія провинціи въ сѣверной Италіи. Такимъ образомъ посольство графа Орлова кончилось ничѣмъ.

Между тѣмъ во время бытности графа въ Вѣнѣ, посланникъ нашъ баронъ Мейендорфъ, давалъ обѣдъ для вельможъ австрійскихъ и для посланниковъ разныхъ державъ. Передъ окончаніемъ обѣда, между другими тостами, провозглашенъ былъ тостъ въ честь великобританской королевы. Англійскій посланникъ, поднимая бокалъ, сказалъ: «за здоровье королевы Викторіи, солнца Европы!» Графъ Орловъ выпилъ бокалъ и, опрокинувъ его, далъ замѣтить, что выпилъ до дна. Когда опять налили бокалы, графъ Орловъ сказалъ: «за здоровье императора Ни-

колая I-го Іисуса-Навина Европы!» И англійскій посланникъ послѣ вѣжливости, сдѣланной Орловымъ, долженъ былъ выпить бокалъ до дна же. Долгъ платежемъ красенъ.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ того, когда изъ дѣйствій вѣнскаго кабинета можно было заключить, что нѣмцы примутъ сторону скорѣе враговъ Россіи, нежели нашу, государь, разговаривая съ генералъ-адъютантомъ графомъ Ржевусскимъ, польскимъ уроженцемъ, спросилъ его:

— Кто изъ польскихъ королей, по твоему мнѣнію, былъ самый глупый?

Графъ Ржевусскій, озадаченный этимъ вопросомъ, не зналъ, что́ отвѣтить.

— Я тебѣ скажу,—продолжалъ государь,—что самый глупый польскій король былъ Іоаннъ Собіесскій, потому что онъ освободилъ Вѣну отъ турокъ. А самый глупый изъ русскихъ государей,—прибавилъ его величество,—я, потому что я помогъ австрійцамъ подавить венгерскій мятежъ.

Въ исходѣ марта, контръ-адмиралъ Непиръ, передъ отправленіемъ съ флотомъ въ Балтійское море, былъ на министерскомъ обѣдѣ въ Лондонѣ. Опьянѣвъ къ концу стола, среди общихъ самохвальствъ министровъ и лордовъ, и онъ хвалился, что разгромитъ русскій флотъ, возьметъ Кронштадтъ, будетъ тамъ завтракать, а къ обѣду поспѣетъ въ Петербургъ, чтобы покушать въ Зимнемъ дворцѣ. Когда свѣдѣніе объ этомъ дошло до Петербурга, государь сказалъ: «въ Кронштадтѣ милости прошу Непира, тамъ уже приготовлена для него закуска; а насчетъ обѣда сказать ему, что въ тотъ день меня дома не будетъ».

Въ исходѣ февраля 1854 г. государь, взявъ съ собою адмирала Рикорда, ѣздилъ съ нимъ въ Кронштадтъ, для осмотра крѣпости и всѣхъ военныхъ приготовленій. Между прочимъ, происходила стрѣльба изъ крѣпостныхъ орудій въ цѣль. Для этого поставлена была мишень, построенная такъ прочно, какъ бы то было дѣйствительный корабль. Въ эту мишень сдѣланъ былъ залпъ изъ 260 орудій, и она въ дребезги разлетѣлась. Послѣ этого государь, оборотившись къ западу и сдѣлавъ полупоклонъ, какъ бы видя корабли непріятелей, сказалъ: «теперь господа милости просимъ пожаловать!»

Жители Финляндіи просили вооружить купеческія суда ихъ, чтобы они могли помогать флоту нашему въ отраженіи непріятелей. Въ первыхъ числахъ марта государь ѣздилъ въ Финляндію, какъ для осмотра Свеаборгской крѣпости и другихъ приготовляемыхъ вооруженій, такъ и для поддержанія патріотизма въ жителяхъ. Передъ отправленіемъ туда напечатанъ былъ для государя русскими буквами, съ русскимъ переводомъ, словарикъ финскихъ и чухонскихъ словъ и выраженій, употребительнѣйшихъ въ дорогѣ, напримѣръ: «Готовы ли лошади?» «Ступай!»

«Поѣзжай скорѣе!» «Далеко ли до станціи? Стой!» и тому подобное. Финляндцы и чухонцы были очень довольны, что русскій государь говоритъ на ихъ языкѣ.

Государь былъ чрезвычайно страстный человѣкъ: сколько живо онъ чувствовалъ всякую радость, столько же сильно поражали его непріятности.

Еще въ началѣ 1843 г. смерть управлявшаго дѣлами комитета, 18 августа 1814 г., тайнаго совѣтника Политковскаго, открыла, что этотъ русскій Монте-Кристо, въ продолженіе 16 или 17 лѣтъ, похитилъ изъ инвалиднаго капитала болѣе милліона рублей серебромъ. Открытіе очень непріятное; но потеря еще не такая, чтобъ была невознаградимою. Между тѣмъ она поразила государя, какъ громовой ударъ. Когда военный министръ привелъ предсѣдателя комитета, генералъ-адъютанта Ушакова, государь весь измѣнился, и даже похолодѣли руки. «Возьми мою руку,—сказалъ онъ Ушакову,—чувствуешь ли, какъ холодна она? такъ будетъ холодно къ тебѣ мое сердце!»

Послѣ этого мудрено ли, что государь съ открытіемъ англо-французской кампаніи, чрезмѣру горячо принималъ каждое извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ. Получая донесеніе о побѣдахъ, онъ былъ въ восторгѣ, и въ эти минуты онъ жаловалъ изъ прапорщиковъ въ штабсъ-капитаны (Щеголева), изъ подполковниковъ въ генералъ-маіоры (Огарева и Моллера), а генералъ-лейтенанту (кн. Бебутову) далъ Андреевскую ленту. Но за то, при полученіи вѣстей о неудачахъ или пораженіяхъ нашихъ, особенно въ Крыму, гдѣ заразъ погибало по три и по пяти тысячъ нашихъ, онъ совершенно упадалъ духомъ. Часто видали, что онъ, по вечерамъ, уединясь въ своемъ кабинетѣ, плакалъ, какъ ребенокъ. Скорбь эта была тѣмъ тяжелѣе для него, что онъ, нѣжно любя свое семейство, часто скрывалъ горесть и старался показывать себя спокойнымъ, тогда какъ скорбь грызла его сердце.

При такихъ обстоятельствахъ, не могло не потерпѣть его здоровье. Онъ похудѣлъ, началъ быстро стариться и сѣдѣть. Самъ онъ, какъ надобно думать, чувствовалъ, что не переживетъ этого времени. Часто онъ называлъ себя старикомъ; говорилъ: «жаль, что это случилось не тогда, когда я былъ моложе»; или при представленіи ему какихъ-либо проектовъ:—«это сдѣлаетъ сынъ мой, а я уже старъ, чтобы вводить измѣненія». Есть нѣкоторыя причины думать, что онъ даже предчувствовалъ близость своей смерти. Между прочимъ, недѣли за три передъ кончиною, видѣли его ѣхавшаго въ санкахъ по Дворцовой набережной, отъ Константиновскаго къ Зимнему дворцу. Онъ былъ мраченъ и, зорко устремивъ глаза на Петропавловскій соборъ, не сводилъ ихъ съ этого жилища успокоенія своихъ предковъ. Проходившій народъ останавли-

вался, снималъ шапки и кланялся ему, но онъ ничего не видѣлъ, и было грустно лицо его.

9-го и 10-го февраля 1855 года, въ среду и четвергъ на первой недѣлѣ великаго поста, онъ былъ въ Михайловскомъ манежѣ. Было очень холодно, вѣтрено, и государь продрогъ. Возвратившись во дворецъ, онъ объ этомъ говорилъ своему семейству, и въ тотъ же день почувствовалъ себя нездоровымъ.

Великимъ событіямъ не рѣдко предшествуютъ предзнаменованія. 13-го февраля, въ первое воскресенье великаго поста, было въ Казанскомъ соборѣ проклятіе по обряду православія. Въ продолженіе этого обряда, послѣ проклятій, іеродіаконъ Невской лавры Германъ провозглашалъ вѣчную память покойнымъ царямъ и императорамъ. Вѣроятно отъ частаго повторенія этого возгласа или уже такъ Богу было угодно, іеродіаконъ, приступивъ къ возглашенію живыхъ особъ императорскаго дома смѣшался и, прокричавъ своимъ громовымъ голосомъ: Благочестивѣйшему, самодержавнѣйшему и великому государю нашему Николаю Павловичу, вѣчная па...—онъ опомнился, поправился было, но пѣвчіе, подхвативъ его, уже пѣли всѣмъ хоромъ: «вѣчная память!...» Митрополитъ, стоя на амвонѣ посреди церкви, махалъ обѣими руками, кричалъ: «многая лѣта, многая лѣта...» Пѣвчіе поправились и пропѣли многолѣтіе, но народъ, наполнявшій церковь, уже обратилъ вниманіе на эту несчастную ошибку.

Между тѣмъ болѣзнь государя развивалась. Въ понедѣльникъ вечеромъ (14 февраля) пріѣхалъ изъ Крыма курьеръ, съ непріятнымъ извѣстіемъ, что генералъ Хрулевъ, дѣлавшій рекогносцировку, былъ отбитъ отъ Евпаторіи и потерялъ убитыми и ранеными до 500 человѣкъ. Это извѣстіе еще больше разстроило здоровье государя. Онъ слегъ, поручивъ всѣ государственныя дѣла наслѣднику, и уже болѣе не вставалъ съ постели.

Въ ночь съ четверга на пятницу на второй недѣлѣ поста, съ 17-го на 18-е февраля, болѣзнь дошла до той степени, что лейбъ-медики Мандъ и Енохинъ и докторъ Карелль, пользовавшіе государя, потеряли всякую надежду. У него перестала отдѣляться мокрота, которая душила его, и отъ этого въ легкихъ уже должно было начаться сильнѣйшее воспаленіе. Въ 4 часа утра, 18-го февраля, Карелль рѣшился, осторожнымъ образомъ, напомнить государю объ исполненіи послѣднихъ христіанскихъ обязанностей. Онъ согласился. Призвали оберъ-священника Бажанова. Государь былъ въ полной памяти и имѣлъ еще столько силъ, что самъ сползъ съ кровати и упалъ на колѣна. Въ этомъ положеніи, съ величайшимъ благоговѣніемъ и съ полною покорностію волѣ Провидѣнія, онъ исповѣдался и причастился св. Тайнъ. Послѣ того онъ оставался, часа два, наединѣ съ наслѣдникомъ. Одинъ Богъ былъ свидѣтелемъ

этой государственной тайны. Вѣроятно, царь-отецъ передавалъ науку царствованія тому сыну, передъ которымъ уже открывались новыя обязанности... Потомъ больнаго окружили императрица, всѣ дѣти и ближайшіе сановники. Изъ внуковъ былъ разбуженъ и приведенъ только одинъ старшій сынъ наслѣдника, Николай Александровичъ. Государь благословилъ, начиная съ императрицы, каждаго изъ членовъ своего семейства и трогательно прощался со всѣми. Малюткѣ, великому князю Николаю Александровичу, онъ сказалъ: «Приготовляйся служить Россіи, служить усердно и вѣрно; повинуйся своему отцу и императору, какъ онъ мнѣ служилъ и повиновался, а въ настоящую минуту—учись какъ должно умирать». Вспоминая любимое имъ войско, онъ говорилъ: «Благодарю славную вѣрную гвардію, которая спасла Россію въ 1825 г., равно благодарю храбрые и вѣрные армію и флотъ; молю Бога, чтобъ сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, которыми при мнѣ отличались. Покуда духъ этотъ сохранится, спокойствіе государства и внѣ и внутри, обезпечено, и горе врагамъ его. Я ихъ любилъ какъ дѣтей своихъ, старался какъ могъ улучшить ихъ состояніе: ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, а оттого, что или лучшаго не умѣлъ придумать или не могъ болѣе сдѣлать». Онъ распорядился даже насчетъ похоронъ своихъ и приказалъ, чтобы тѣло его не было выносимо изъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ онъ лежалъ, въ другія комнаты дворца.

Тогда еще медики говорили, что государь не проживетъ болѣе шести или семи часовъ. Они въ немногомъ ошиблись. Въ первомъ часу по полудни того же 18-го февраля онъ началъ кончаться. Его окружало уже полное семейство, въ томъ числѣ и всѣ его внучата. Изъ посторонихъ находился тутъ только гр. Орловъ и с.-петербургскій комендантъ. Больной уже слабо говорилъ, но все еще нѣжно обращался къ императрицѣ, къ дѣтямъ и внукамъ, приказалъ наслѣднику благодарить войско, дворянство и всѣхъ подданныхъ за привязанность къ нему и усердіе. Между прочимъ, въ особое распоряженіе наслѣдника онъ поручилъ графовъ Орлова и Адлерберга и князя Долгорукова (военнаго министра). Плачъ былъ общій. Въ 12 часовъ 20 минутъ по полудни онъ скончался.

Комендантъ, ген.-лейт. баронъ Зальца, вышелъ изъ комнатъ скончавшагося и объявилъ двору о кончинѣ императора.

Въ столицѣ, до самаго послѣдняго дня, почти никто не зналъ о болѣзни государя: не было о ней не только повѣстокъ, даже толковъ въ народѣ. Знали одни придворные и приближенные ко двору; но и они видѣли въ этой болѣзни обыкновенное, нерѣдко со всѣми случающееся, нездоровье. Въ среду на второй недѣлѣ поста, 16-го февраля, въ морозъ и вѣтеръ, великій князь Константинъ Николаевичъ, вмѣстѣ съ супругой

своей, ходилъ пѣшкомъ изъ дворца въ Невскую лавру къ вечернѣ и тамъ усердно молился. Это необычайное путешествіе (отъ дворца до лавры верстъ пять) не обратило однако же большаго вниманія жителей, потому что всѣ знаютъ великаго князя за человѣка богомольнаго. Только утромъ 18-го февраля разосланы были по городу, вдругъ, три бюллетеня, изъ которыхъ въ послѣднемъ уже сказано было, что болѣзнь государя достигла опасной степени. Но и объ этихъ объявленіяхъ знали очень немногіе, какъ вдругъ, во второмъ часу послѣ обѣда, можно сказать неожиданно, разнеслась по всей столицѣ страшная вѣсть о кончинѣ государя.

Всѣ были поражены этой вѣстью, зная крѣпкое тѣлосложеніе императора. Встрѣчая еще недавно его, мужественнаго, молодца въ полномъ смыслѣ этого слова, никто не вѣрилъ, чтобы онъ могъ умереть такъ рано. Всѣ, уже лѣтъ пятнадцать, постоянно боялись за императрицу, слабую, болѣзненную, много разъ едва не умершую. Самъ государь всегда страшился за жизнь ея и съ чрезвычайной нѣжностью заботился о ней... И вотъ—тростинка осталась, а дубъ могучій свалился! Кто могъ ожидать, кто могъ думать, что не онъ ее, а она его похоронитъ.

Онъ бы и прожилъ еще много лѣтъ, да Пальмерстонъ и Наполеонъ III-й его сгубили.

Жители столицы чрезвычайно соболѣзновали о смерти государя. Въ церквахъ во время панихидъ всѣ плакали, многіе навзрыдъ. Еще болѣе сожалѣли о немъ понимавшіе опасное положеніе Россіи и знавшіе царственный духъ и твердую волю покойнаго. Простой народъ, разумѣется, былъ занятъ своими житейскими нуждами, и на улицахъ, по-прежнему, толпились и суетились. Но и между народомъ слышались толки, перемѣшанные съ простодушнымъ ропотомъ: «Зачѣмъ не повѣщали о болѣзни государя? мы помолились бы, и Господь, услышавъ наши теплыя молитвы, сохранилъ бы намъ государя»! Это всего лучше показываетъ чувства православнаго и любящаго своихъ государей народа.

Тѣло императора, по его приказанію, оставалось въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ онъ скончался: на половинѣ великихъ княженъ въ нижнемъ этажѣ дворца, подъ комнатами императрицы. Первые три дня онъ лежалъ на кровати. Послѣ анатомированія, 21-го февраля, его перенесли въ залу, на той же половинѣ (три окна на Неву), и положили въ гробъ. Народу объявили свободный пропускъ. Съ того часа дворцовые подъѣзды были безпрерывно осаждаемы толпами. Люди всѣхъ сословій приступомъ открывали входъ себѣ, жали, давили другъ друга, и нѣсколько человѣкъ были задавлены до смерти. Полицейскіе и жандармы едва могли останавливать этотъ страшный напоръ. Въ общемъ шумѣ часто слышались изъ народа крики: «Что вы, злодѣи, не пускаете, вѣдь мы больше его, батюшку, никогда не увидимъ!»

По завѣщанію покойнаго, старались, сколько можно, сократить церемонію похоронъ и расходы.

Но, впрочемъ, шествіе съ тѣломъ, отъ дворца до крѣпости, все-таки было великолѣпное. 27-го февраля (воскресенье третьей недѣли великаго поста) день былъ солнечный, тихій и хотя морозный, но не больше того, сколько нужно зимнему дню быть прекраснымъ. Тѣло везли черезъ Адмиралтейскую площадь, мимо Конногвардейскаго бульвара, черезъ Благовѣщенскій мостъ, построенный покойнымъ императоромъ и названный, въ память его, Николаевскимъ, потомъ по набережной и 1-й линіи Васильевскаго острова, черезъ Тучковъ мостъ, по Большому проспекту Петербургской стороны до Введенской улицы, по этой улицѣ до крѣпостнаго парка, около парка и, черезъ Іоанновскія ворота, въ крѣпость [1]). Этой дорогой участвовавшіе въ церемоніалѣ сдѣлали, по крайней мѣрѣ, верстъ шесть. Подвигъ тяжелый, особенно для стариковъ и людей слабаго сложенія; но церемонія отъ этого вышла продолжительной и блестящей. На всемъ этомъ длинномъ пространствѣ балконы и окна во многихъ домахъ были завѣшены черною матеріею, съ бѣлыми фестонами; народъ покрывалъ улицы, наполнялъ окна домовъ, крыши и заборы. Вездѣ была тѣснота: кромѣ очень немногихъ, оставшихся для храненія своихъ жилищъ, весь Петербургъ стекся на проводы тѣла усопшаго. Общая горесть удалила всякій безпорядокъ, и новый государь вечеромъ того же дня (27-го февраля), рескриптомъ благодарилъ всѣ сословія столицы за то искреннее участіе, которое они приняли въ царскомъ горѣ.

Въ Петропавловскомъ соборѣ, кромѣ пола ничто не было обито чернымъ сукномъ. Но на стѣнахъ и колоннахъ были сдѣланы изъ бѣлаго глазета фестоны; около гроба стояли 32 большихъ вызолоченныхъ канделябра, а на стѣнахъ повѣшены до 80 такихъ же жирандолей. Во время панихидъ зажигалось до 3.000 свѣчей. Это былъ великолѣпный полутрауръ.

Похороненъ государь 5-го марта въ субботу на четвертой недѣлѣ великаго поста.

---

[1]) Думали нести тѣло кратчайшимъ путемъ, черезъ Неву, противъ Мраморнаго дворца, въ Невскія ворота крѣпости. Для этого подряжали навести Троицкій мостъ; но ледъ былъ чрезвычайно толстъ, и подрядчики не брались окончить работу къ назначенному сроку. Начинали было устраивать широкіе мостки черезъ Неву, отъ Мраморнаго дворца, но колесница и катафалкъ не прошли бы чрезъ Невскія ворота.

БОЛѢЗНЬ И КОНЧИНА

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА[1].

Въ началѣ 1855 года организмъ государя вслѣдствіе непрерывныхъ занятій государственными дѣлами и подъ вліяніемъ неудачъ нашихъ въ Крыму, повидимому, становился непрочнымъ; силы его боролись съ чувствомъ долга, которое руководило имъ всю жизнь. Государь, посвящая семнадцать часовъ въ сутки всѣмъ вопросамъ правленія, не хотѣлъ, даже наканунѣ смерти, незамѣтно подкрадывавшейся къ нему, оставлять безъ личнаго разрѣ-

1) При составленіи настоящей статьи мы имѣли въ виду слѣдующіе источники: 1) Послѣднія минуты въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича.—Статья эта была составлена В. И. Панаевымъ немедленно по кончинѣ императора и появилась одновременно во всѣхъ почти современныхъ газетахъ и журналахъ. См. «Русс. Стар.» 1892 г., т. 76, стр. 491—496. 2) Описаніе хода болѣзни въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Составлено д-ромъ Мандтомъ на нѣмец. яз. появилось въ переводѣ одновременно съ предъидущей. 3) Ночь у гроба въ Бозѣ почившаго блаженныя и вѣчныя памяти государя императора Николая I. Ростиславъ. (Ѳ. М. Толстой).—«Сѣв. Пчела» 1855. № 51. Перепечатана во многихъ современныхъ газетахъ. 4) Кончина государя императора Николая Павловича. «Москвитянинъ». 1855. т. 2 (№ 5). стр. 33—42. 5) Послѣднія минуты и кончина въ Бозѣ почившаго императора незабвеннаго и вѣчныя славы достойнаго, Николая I. М. 1855. 6) Послѣдніе часы жизни императора Николая Перваго. М.—1855. Брошюра эта писана гр. Д. Н. Блудовымъ и переведена на всѣ почти европейскіе языки. 7) Восшествіе на престолъ Александра II, по кончинѣ его августѣйшаго родителя и благодѣтеля Россіи, Николая I. М. 1855. 8) Завѣщаніе и послѣдніе дни жизни императора Николая I. М. 1856. 9) Описаніе погребенія блаженной памяти императора Николая I съ присовокупленіемъ историческаго очерка погребенія царей и императоровъ всероссійскихъ и нѣкоторыхъ дру-

шенія дѣла. Не обращая вниманія на совѣты медиковъ беречь себя, онъ съ улыбкой выслушивалъ ихъ предписанія и продолжалъ дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы бороться съ природой. Часто государь вставалъ ночью, чтобы кончить дѣла, которыя не успѣвалъ разрѣшить въ теченіе дня, такъ какъ онъ внимательно относился ко всѣмъ мелочамъ. Глубокая религіозность и пламенная вѣра въ Бога всегда были отличительной чертой императора. Въ послѣднее время онъ прерывалъ свой сонъ по ночамъ, становился передъ образомъ и пѣлъ псалмы Давида. Голосъ его принималъ такое трогательное выраженіе, что камердинеръ его, Гриммъ, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, говорилъ потомъ, что ему чудилось, будто слышитъ онъ голосъ самого псалмопѣвца.

Въ концѣ января императоръ, не желая отказать графу Клейнмихелю въ просьбѣ быть посаженымъ отцомъ у его дочери, выходившей замужъ за сына генералъ-лейтенанта Пилларъ-фонъ-Пильхау, поѣхалъ на свадьбу; онъ былъ въ конно-гвардейскомъ мундирѣ, въ лосинахъ, одѣлся легко. Камердинеръ Гриммъ, обративъ вниманіе государя на сильный морозъ, совѣтовалъ надѣть другую форму; государь, пройдя на половину императрицы, вернулся, чтобы надѣть шинель; тутъ же онъ замѣтилъ своему камердинеру: «ты правду говоришь... проходя сѣнями по мраморному полу, я уже почувствовалъ, что ногамъ холодно; но теперь некогда передѣваться» [1]).

Двадцать седьмаго января императоръ Николай I почувствовалъ первые признаки гриппа, который тогда свирѣпствовалъ въ Петербургѣ.

гихъ европейскихъ государей. Съ атл. рис. С. 1856. 10) Европа и Россія въ предсмертныя минуты жизни императора Николая I. Пер. съ фран. Маркова. М. 1856. Это—переводъ брошюры: N. de Poggenpohl. «L'Empereur Nicolas I, 3 mars 1855». Bruxelles. 1855. 11) 30-лѣтіе Европы въ царствованіе императора Николая I. Сочин. Р. Зотова. С. 1857 ч. 2 стр. 278—296. 12) Историческіе очерки царствованія императора Николая I. Соч. Р. Зотова. С. 1859, стр. 91—98. 13) Воспоминанія В. И. Панаева. «Рус. Стар.» 1892, т. 76, стр. 480—496. 14) Изъ записокъ стараго преображенца кн. Н. К. Имеретинскаго. 1855. «Рус. Арх.» 1885. кн. 1, стр. 54—66. 15) Ночь съ 17-го на 18-ое февраля 1855 года, разсказъ доктора Мандта. «Рус Арх.» 1884. № 1, стр. 192—198. 16) Изъ преданій объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. «Рус. Арх.» 1892. № 8, стр. 478—481. 17) Ѳ. Н. Устряловъ. Университетскія воспоминанія. «Истор. Вѣст.» 1884, т. 17, стр. 307 и 308 18) Histoire de l'Empereur Nicolas (trente années de règne) par A. Balleydier. Paris 1857. v. 2, p. 318—414. 19) Nicolas I, Empereur de Russie 1796—1825—1855. Recueil d'articles publiés dans les journaux à l'occasion de sa mort. Hombourg. 1855. 20) Bagréef-Speransky. Les dernières heures de S. M. l'Empereur Nicolas. Leipzig. 1855. 21) Titakoff A. Nicolas I, Empereur de Russie, sa vie, sa politique et sa mort. Genève. 1855.).

[1]) Воспоминанія В. И. Панаева «Рус. Стар.» 1892 г., т. 76, стр. 483.

Болѣзнь эта не казалась сначала серьезной; государь смѣялся надъ своимъ нездоровьемъ.

Однако болѣзнь, усилившаяся вслѣдствіе умственнаго напряженія и подъ вліяніемъ печальныхъ извѣстій изъ Крыма, развивалась съ неимовѣрной быстротой.

Четвертаго февраля ночью государь почувствовалъ нѣкоторое стѣсненіе въ груди, въ родѣ одышки. Изслѣдованіе показало сильный упадокъ дѣятельности въ верхней долѣ лѣваго легкаго; нижняя доля праваго легкаго оказалась пораженной гриппомъ, хотя лихорадочнаго состоянія не замѣчалось; пульсъ оставался нормальнымъ. Больной сидѣлъ дома, соблюдая самую строгую діету. Къ вечеру дыханіе лѣваго легкаго сдѣлалось свободнѣе. Государь по-прежнему занимался дѣлами. Въ слѣдующіе два дня болѣзненное состояніе лѣваго легкаго исчезло, гриппный же кашель не прекращался.

Съ наступленіемъ первой недѣли великаго поста, государь началъ говѣть и поститься, несмотря ни на какія предостереженія медиковъ. Седьмаго и восьмаго февраля онъ сидѣлъ дома по настоятельной просьбѣ врачей. Лѣчившій его лейбъ-медикъ Мандтъ просилъ себѣ консультанта; государь назначилъ въ помощь ему Карелля, который послѣднія восемь лѣтъ сопровождалъ его во время путешествій; съ восьмаго февраля онъ принялъ участіе въ лѣченіи императора. Девятаго февраля государь почувствовалъ себя нѣсколько лучше, хотя кашель усилился; утромъ онъ слушалъ обѣдню въ дворцовой церкви, а потомъ отправился въ манежъ Инженернаго замка на смотръ маршевыхъ батальоновъ резервныхъ полковъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго и Егерскаго, которые приготовлялись къ выступленію въ походъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Лейбъ-медики Мандтъ и особенно докторъ Карелль старались отговорить императора отъ этого намѣренія; они убѣждали его не выходить на воздухъ; но онъ, выслушавъ ихъ совѣты, обратился съ вопросомъ:

— Если бы я былъ простой солдатъ, обратили ли бы вы вниманіе на мою болѣзнь?

— Ваше величество, — отвѣчалъ Карелль, — въ вашей арміи нѣтъ ни одного медика, который позволилъ бы солдату выписаться изъ госпиталя въ такомъ положеніи, въ какомъ вы находитесь, и при такомъ морозѣ (23 градуса); мой долгъ требовать, чтобы вы не выходили еще изъ комнаты.

— Ты исполнилъ свой долгъ, — отвѣчалъ государь, — позволь же мнѣ исполнить мой.

Въ часъ пополудни императоръ Николай, не обращая вниманія на уговоры наслѣдника и просьбы прислуги одѣться потеплѣе, выѣхалъ изъ дворца въ легкомъ плащѣ. Послѣ смотра, не возвращаясь домой, онъ заѣхалъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и къ военному ми-

нистру, который, по болѣзни, не выходилъ нѣсколько дней изъ дома. При двадцатиградусномъ морозѣ простуда усилилась, кашель и одышка увеличились. Къ вечеру государь, совершенно больной, легъ заснуть, но провелъ ночь безъ сна. На слѣдующій день, опять не склоняясь на предостереженія медиковъ, онъ отправился на смотръ маршевыхъ батальоновъ гвардейскихъ саперовъ и полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго. Этотъ выѣздъ былъ послѣднимъ.

Теперь припадки болѣзни, съ которой боролась долго могучая натура императора, стали развиваться съ неимовѣрной быстротой; онъ уже не могъ выходить изъ своего кабинета. 11 февраля онъ намѣревался быть у преждеосвященной обѣдни въ дворцовой церкви, но, почувствовавъ ознобъ, не могъ стоять на ногахъ; послѣ убѣжденій докторовъ, онъ одѣтый легъ въ постель, только прикрывшись шинелью. Превозмогая себя, онъ продолжалъ и этотъ день въ постели заниматься дѣлами. Вечеромъ появилась испарина; языкъ былъ не чистъ; оказалась чувствительность печени. Дабы не опечалить подданныхъ, государь запретилъ печатать извѣстія о ходѣ своей болѣзни, что и прежде всегда соблюдалось по его повелѣнію; за нѣсколько дней до кончины онъ вспомнилъ объ этомъ и, обратившись къ цесаревичу, сказалъ: «надѣюсь, что не обезпокоили публики бюллетенями о моемъ нездоровьѣ».

Двѣнадцатаго февраля жаръ и ознобъ увеличились. Государь цѣлый день провелъ въ постели. Къ вечеру однако состояніе больнаго на столько улучшилось, что по ходу болѣзни можно было ожидать перемежающейся лихорадки. Телеграмма о дѣлѣ подъ Евпаторіей сильно подѣйствовала на состояніе его здоровья. Лихорадка увеличилась; языкъ сталъ хуже прежняго. Съ этого дня по убѣдительной просьбѣ медиковъ государь прекратилъ занятія государственными дѣлами, передавъ заботы о нихъ наслѣднику.

Въ слѣдующіе два дня самочувствіе больнаго ухудшилось; ночи онъ проводилъ безпокойно, почти не смыкая глазъ.

Пятнадцатаго февраля государь сталъ съ утра харкать съ кровью; къ вечеру жаловался на подагрическую боль въ большомъ пальцѣ ноги, на слѣдующій день усилилось страданіе въ правомъ легкомъ; государь почувствовалъ въ нижнихъ, заднихъ реберныхъ мышцахъ, съ правой стороны, сильную боль; нижняя доля праваго легкаго оставалась замѣтно пораженной. Голова, съ начала болѣзни, все время была свѣжею: ни круженія, ни боли въ ней не замѣчалось.

Семнадцатаго февраля утромъ послѣ проведенной безпокойной ночи государь немного заснулъ; послѣ пробужденія впалъ въ легкій бредъ. Къ полудню больной почувствовалъ сильное колотье въ лѣвой сторонѣ груди, около сердца. Черезъ два часа этотъ припадокъ прошелъ, но жаръ увеличился; по временамъ являлась наклонность къ бреду. Ме-

дики поспѣшили предупредить наслѣдника объ опасномъ состояніи больнаго.

Пораженный такимъ извѣстіемъ, цесаревичъ счелъ долгомъ не скрывать долѣе отъ своей матери этого обстоятельства. Императрица съ сердцемъ, растерзаннымъ скорбью, рѣшилась предложить своему августѣйшему супругу пріобщиться Святыхъ Таинъ. Государь началъ было говѣть на первой недѣлѣ поста и съ понедѣльника по четвергъ ежедневно посѣщалъ службу, но нѣсколько разъ, жалуясь на слабость, выражалъ сомнѣніе: въ силахъ ли онъ будетъ исполнить этотъ христіанскій долгъ? Несмотря на свою слабость, императоръ ни разу въ продолженіе службы не садился. Теперь императрица собрала послѣднія усилія и съ твердостью подошла къ постели умирающаго, желая уговорить его причаститься. Остановившись у изголовья больнаго, она склонилась къ нему и тихо сказала:

— Другъ мой, ты не могъ окончить начатаго тобою говѣнья и пріобщиться, какъ всегда бывало, Святыхъ Таинъ вмѣстѣ съ нами. Почему бы не исполнить этого теперь? Ты знаешь, что для христіанина нѣтъ лѣкарства лучше, и многіе страждущіе получали облегченіе отъ принятія Святыхъ Таинъ.

— Какъ! въ постели?—возразилъ императоръ;—невозможно. Я радъ и желаю исполнить эту обязанность, но когда буду на ногахъ, когда Богъ дастъ мнѣ облегченіе. Лежа и неодѣтый могу ли приступить къ такому великому дѣлу?

Императрица замолчала... Глаза ея наполнились слезами, она нѣжно обняла своего супруга; страшная борьба происходила въ душѣ ея; она знала все; передъ ней лежалъ нѣжно любимый и безнадежно больной мужъ, дни котораго были сочтены... Припавъ къ его груди, она чувствовала, что это дыханіе, это біеніе сердца скоро прекратится; никакое человѣческое знаніе не въ силахъ бороться съ природой, оставалась лишь одна надежда... на Бога.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, государыня тихо начала читать «Отче нашъ».

— Ты читаешь молитву? Зачѣмъ?

— Молюсь о тебѣ.

— Развѣ я въ опасности?

Императрица не имѣла мужества произнести роковое слово.

— Я молюсь о твоемъ выздоровленіи,—отвѣтила она.

— Надѣясь на это, я хочу, чтобы ты сохранила свое, — отвѣчалъ государь,—ты очень разстроена, ты устала, поди успокойся.

Императрица вышла.

Въ полночь всѣ бывшіе въ Петербургѣ члены царскаго семейства собрались на молитву въ малой дворцовой церкви; одновременно съ

этимъ слухъ объ опасномъ состояніи больнаго распространился въ столицѣ. Казанскій соборъ наполнился молящимися, которые возносили къ Всевышнему мольбы объ исцѣленіи императора.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи съ 17-го на 18-ое число докторъ Мандтъ, осмотрѣвъ больнаго, сдѣлалъ необходимыя указанія и, совершенно еще не считая положенія государя безнадежнымъ, отправился отдохнуть. Его замѣстилъ до трехъ часовъ утра докторъ Карелль. Въ исходѣ третьяго часа, Мандтъ готовился идти на дежурство, какъ въ этотъ моментъ ему была подана записка, наскоро писанная карандашемъ по-французски: «Умоляю васъ, не теряйте времени въ виду усиливающейся опасности. Настаивайте непремѣнно на пріобщеніи Св. Таинъ. Вы не знаете, какую придаютъ у насъ этому важность и какое ужасное впечатлѣніе произвело бы на всѣхъ неисполненіе этого долга. Вы иностранецъ,—и вся отвѣтственность падаетъ на васъ. Вотъ доказательство моей признательности за ваши прошлогоднія заботы. Вамъ говоритъ это дружески преданная вамъ А. Б.» [1]).

Войдя въ первую комнату, докторъ Мандтъ встрѣтился въ великой княгиней Маріей Николаевной, которая не спала всю ночь, пролежавъ на софѣ въ свой комнатѣ не раздѣваясь.

— У васъ, должно быть, все идетъ къ лучшему, такъ какъ я давно не слыхала никакого шума,—сказала она.

Войдя въ спальню, докторъ приблизился къ больному, болѣзненное состояніе котораго оставалось безъ перемѣны съ 12-ти часовъ; Карелль передалъ, что жаръ сталъ немного слабѣе, а дыханіе нѣсколько менѣе слышно, чѣмъ въ полночь; онъ потомъ разсказывалъ, что сознавалъ безнадежное положеніе больнаго; страданія послѣдняго были велики, и императоръ просилъ облегчить ихъ; но было уже поздно. Карелль немедленно отправился на половину наслѣдника. Тотчасъ были написаны бюллетени; они раньше составлялись на нѣмецкомъ языкѣ и теперь только были переведены гр. Адлербергомъ, который предлагалъ, сознавая опасность, издать ихъ еще нѣсколько дней тому назадъ, имѣя въ виду, что внезапное извѣстіе о болѣзни государя можетъ возбудить въ народѣ различные толки. Докторъ Мандтъ остался наединѣ съ больнымъ и въ началѣ четвертаго часа сталъ выслушивать дыханіе. До этого момента надежда на выздоровленіе, хотя и слабая, оставалась въ сознаніи доктора; приложивъ слуховую трубку къ груди больнаго, онъ услыхалъ особый звукъ въ правомъ легкомъ, который сдѣлался для него зловѣщимъ. Теперь не

[1]) См. «Ночь съ 17-го на 18-е февраля 1855 г.» «Русс. Арх.» 1884 г., кн. I, стр. 192—198. Удивляемся, почему ред. «Рус. Арх.» разсказъ этотъ считаетъ новымъ; разговоръ этотъ полностью вошелъ во всѣ современныя брошюры, русскія и иностранныя, въ которыхъ описываются послѣдніе часы императора Николая I. Записка, полученная Мандтомъ, была написана А. Блудовой.

оставалось никакой надежды. Мандтъ едва было не потерялъ сознанія... голова его кружилась... мысли путались. Оправившись немного, онъ приступилъ, сначала издалека, къ рѣшительному объясненію.

— Идучи сюда, я встрѣтился съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, который просилъ меня положить къ стопамъ вашего величества изъявленія его преданности и пожеланіе выздоровѣть,— рѣшился докторъ отклониться отъ истины, чтобы начать разговоръ на обдуманную тему.

— Кто такой?—громко спросилъ императоръ.

— Это Бажановъ, къ которымъ я очень близокъ и почти друженъ.

— Я не зналъ, что вы знакомы съ Бажановымъ. Это честный и вмѣстѣ съ тѣмъ добрый человѣкъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, когда государь что-то обдумывалъ, докторъ продолжалъ:

— Я познакомился съ Бажановымъ въ очень тяжелое для насъ всѣхъ время, у смертнаго одра въ Бозѣ почившей великой княжны Александры Николаевны. Вчера мы вспоминали объ этомъ у государыни императрицы, и изъ оборота, который былъ данъ разговору, мнѣ было нетрудно понять, что ея величеству было бы очень пріятно, если бы она могла вмѣстѣ съ о. Бажановымъ возлѣ вашей постели помолиться объ умершей дочери и вознести къ небу мольбы о вашемъ скоромъ выздоровленіи.

Эти слова произвели на государя такое дѣйствіе, что, казалось, онъ понялъ ихъ значеніе. По выраженію его большихъ неподвижныхъ глазъ, устремленныхъ на доктора, можно было замѣтить, что въ его душѣ происходила страшная борьба; минуту спустя онъ сказалъ:

— Скажите же мнѣ, развѣ я долженъ умереть?

Нѣсколько секундъ докторъ колебался произнести роковое слово; глаза императора пронизывали его...

— Да, ваше величество! сдѣлавъ послѣднее усиліе,— отвѣтилъ Мандтъ.

— Что нашли вы съ вашимъ инструментомъ,— спросилъ императоръ вслѣдъ за этимъ? Каверны?

— Нѣтъ! начало паралича.

Въ лицѣ умирающаго не дрогнулъ ни одинъ мускулъ... Сила воли, несмотря на страшную внутреннюю борьбу, давала выраженію больнаго столько спокойствія, что нельзя было себѣ представить, какъ можетъ человѣкъ, за нѣсколько часовъ до смерти, такъ прямо смотрѣть ей въ лицо. Устремивъ глаза въ потолокъ, императоръ словно мѣрилъ своимъ взглядомъ путь, который предстоитъ перейти душѣ его въ вѣчность; рука его была въ рукѣ Мандта, который выслушивалъ пульсъ, продолжавшій биться по-прежнему.—Взглянувъ на доктора, государь произнесъ:

— Какъ достало у васъ духу высказать мнѣ это такъ рѣшительно?

— Меня побудили къ этому, ваше величество, слѣдующія причины.

Прежде всего и главнымъ образомъ я исполняю данное мною обѣщаніе... Года полтора тому назадъ вы мнѣ однажды сказали: «Я требую, чтобы вы мнѣ сказали правду, если бы настала минута опасности». Къ сожалѣнію, ваше величество, такая минута настала. Во-вторыхъ, я исполняю горестный долгъ по отношенію къ монарху. Вы еще можете располагать нѣсколькими часами жизни, вы находитесь въ полномъ сознаніи и знаете, что нѣтъ никакой надежды. Эти часы, ваше величество, конечно, употребите иначе, чѣмъ какъ употребили бы ихъ, если бы не знали положительно, что̀ васъ ожидаетъ; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется. Наконецъ, я высказалъ вашему величеству правду, потому что люблю васъ и знаю, что вы въ состояніи выслушать ее.

Эти слова, произнесенныя докторомъ почти безъ перерыва, государь выслушалъ до конца совершенно спокойно; протянувъ затѣмъ ему правую руку, онъ произнесъ съ нѣкоторымъ удареніемъ:

— Благодарю васъ!

Повернувшись лицомъ въ другую сторону, онъ что-то обдумывалъ минутъ 6 или 8; потомъ, назвавъ доктора по имени, сказалъ:

— Позовите ко мнѣ моего старшаго сына.

Докторъ вышелъ въ прихожую и распорядился, чтобы его извѣстили, когда прибудетъ цесаревичъ; возвратившись къ больному, онъ подошелъ къ постели умирающаго, который нисколько не измѣнившимся твердымъ голосомъ произнесъ:

— Не забудьте извѣстить остальныхъ моихъ дѣтей и моего сына Константина. Только пощадите императрицу.

— Ваша дочь, великая княгиня Марія Николаевна провела ночь, какъ я самъ видѣлъ, на кожаномъ диванѣ въ передней комнатѣ и находится здѣсь въ настоящую минуту,—отвѣтилъ докторъ.

Когда вошелъ цесаревичъ, государь объявилъ ему о своей близкой кончинѣ и прибавилъ:

— Надѣюсь, что ты ничего не сказалъ и не скажешь матушкѣ... теперь, другъ мой, пошли за моимъ духовникомъ.

Но императрица была подготовлена къ этому. Оберъ-священникъ Бажановъ, которому докторъ Мандтъ раньше сказалъ, что идетъ убѣдить больнаго причаститься, находился уже во дворцѣ; онъ подошелъ къ изголовью умирающаго и началъ читать молитву передъ исповѣдью; государыня вошла за нимъ и помѣстилась рядомъ съ наслѣдникомъ въ ногахъ августѣйшаго супруга; послѣ молитвы государь благословилъ ихъ обоихъ.

Нѣсколько минутъ спустя императоръ остался наединѣ со своимъ духовникомъ; началась исповѣдь, по окончаніи которой, умирающій осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ со словами: «молю Бога, чтобы онъ принялъ меня въ свои объятія». Принятіе Св. Таинъ совершилось въ присутствіи императрицы и наслѣдника. Съ полнымъ сознаніемъ

и вѣрой умирающій повторялъ за священникомъ молитву: «Вѣрую Господи и исповѣдую» съ глубокимъ умиленіемъ и почти спокойнымъ голосомъ. По исполненіи этого священнаго долга, императоръ обратился къ земнымъ дѣламъ, чтобы сдѣлать свои послѣднія распоряженія.

Началось трогательное прощаніе; къ этому времени въ сосѣдней комнатѣ собрались члены августѣйшаго семейства; которыхъ императоръ благословилъ по очереди, сказавъ каждому нѣсколько словъ.

Императрица не могла удержать своихъ рыданій.

— Ты плачешь!..—промолвилъ императоръ.

— Нѣтъ!—отвѣчала она. Видя, что умирающій начинаетъ съ трудомъ владѣть своими мыслями, она предложила ему повторять за собой молитву ангелу-хранителю... Когда она дочитала до словъ: «Да будетъ воля твоя!», государь повторилъ: «Да... пусть будетъ воля твоя, Господи! теперь, во всемъ и всегда...»

Подошелъ къ благословенію наслѣдникъ престола.

— Служи Россіи, — сказалъ ему императоръ, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, — мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе...

— Если уже суждено мнѣ тебя лишиться,—заливаясь слезами, отвѣчалъ цесаревичъ,—то я увѣренъ, что ты и тамъ будешь молиться Ему о Россіи, о насъ всѣхъ, о святой Его помощи понести тяжкое бремя, Имъ на меня возлагаемое.

— Да!.. я всегда молился за Россію и за всѣхъ васъ; буду... буду молиться и тамъ. Вы же,—обратился императоръ ко всѣмъ присутствующимъ,—останьтесь навсегда, какъ было доселѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной.

Всѣхъ маленькихъ внуковъ государь называлъ ласкательными именами, всѣмъ завѣщалъ служить Россіи. Отсутствующихъ членовъ семейства умирающій благословилъ заочно, поднимая при имени каждаго свою исхудалую руку для благословенія.

Когда вошла великая княгиня Елена Павловна, государь обратился къ ней:

Благодарю!.. теперь и мнѣ пришло время... Скажите мой сердечный поклонъ Катѣ, ей и ему [1]).

Въ это время прибылъ курьеръ съ письмомъ изъ Крыма отъ великихъ князей Николая и Михаила. Императоръ спросилъ:

— Здоровы ли они?.. все прочее меня не касается... я весь въ Богѣ.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ:

---

[1]) Великой княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ, бывшей въ замужествѣ за герцогомъ Георгіемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ.

— Боже!.. спаси ихъ.

Простившись со всѣми, государь приказалъ положить около своего гроба образъ Богородицы Одигитріи, который получилъ отъ своей бабки Екатерины Великой при крещеніи; назначилъ самъ въ Зимнемъ дворцѣ залу, гдѣ должны покоиться его останки до перенесенія въ Петропавловскій соборъ; въ послѣднемъ назначилъ мѣсто для своей могилы. Погребеніе просилъ совершить по возможности скромно, безъ пышныхъ убранствъ. Срокъ траура велѣлъ назначить самый короткій.

Приказалъ призвать графа Адлерберга, генералъ-адъютанта Орлова и военнаго министра, князя Долгорукова. Наслѣднику особенно рекомендовалъ графа Адлерберга: «этотъ былъ мнѣ другомъ въ теченіе сорока лѣтъ». На память ему завѣщалъ портфель. Графа Орлова «ты самъ хорошо знаешь, нечего рекомендовать». Указавъ на Долгорукова, сказалъ: «а этотъ еще заслужитъ тебѣ». Первому отдалъ чернильницу со словами: «изъ этой чернильницы мы съ тобой много переписывали», а второму подарилъ свои часы съ замѣчаніемъ: «ты никогда ко мнѣ не опаздывалъ съ докладами» [1]). Всѣхъ благодарилъ за службу; поручилъ наслѣднику отъ его имени поблагодарить другихъ министровъ, гвардію, армію, флотъ и особенно геройскихъ защитниковъ Севастополя. Государь не забылъ и ближайшую прислугу свою—всѣхъ благословилъ и сказалъ каждому нѣсколько ласковыхъ словъ.

Находясь послѣ этого еще при полномъ самообладаніи, императоръ обратился къ доктору съ вопросомъ:

— Потеряю ли я сознаніе или не задохнусь ли?

— Я надѣюсь, что не случится ни того, ни другаго. Все пойдетъ тихо и спокойно.

— Когда вы меня отпустите?..

Докторъ не разслышалъ этого вопроса.

— Я хочу сказать, когда все это кончится?—повторилъ государь.

Въ исходѣ двѣнадцатаго часа умирающій просилъ читать отходную молитву; онъ повторялъ за священникомъ слово за словомъ, потомъ голосъ началъ слабѣть, императоръ знакомъ подозвалъ священника, простился съ нимъ, поцѣловалъ его наперсный крестъ. Не будучи уже въ силахъ шевелить губами, потухающими глазами своими указалъ на императрицу и наслѣдника. Съ этого момента онъ не выпускалъ рукъ своихъ изъ рукъ послѣднихъ. Взоръ сдѣлался мутнымъ, глаза смыкались... только рука умирающаго, постепенно холодѣя, давала еще чувствовать угасающіе признаки жизни. Наконецъ, біеніе сердца прекратилось. Двадцать минутъ перваго императоръ Николай испустилъ послѣдній вздохъ.

---

[1]) «Изъ записокъ стараго преображенца». «Русск. Арх.» 1885, № 1, стр. 57.

Извѣстіе о кончинѣ государя произвело потрясающее впечатлѣніе на жителей столицы и отозвалось по всей Россіи; для всѣхъ оно было неожиданнымъ. Мы сказали выше, что государь запретилъ печатать извѣстія о ходѣ своей болѣзни; первый бюллетень появился въ газетахъ только восемнадцатаго февраля утромъ; вмѣстѣ съ нимъ было разослано на особыхъ листкахъ извѣстіе о серьезномъ положеніи больнаго; на другой день появились въ газетахъ три послѣдніе бюллетеня, уже когда императора не было въ живыхъ; такимъ образомъ смерть государя для всѣхъ была ударомъ совершенно неподготовленнымъ. Повсюду носились траурные листки, унынie и печаль замѣчались на всѣхъ лицахъ. Скончавшійся императоръ въ глазахъ всѣхъ былъ олицетвореніемъ чего-то рыцарскаго, величественнаго, богатырскаго. Густая масса народа толпилась на Дворцовой площади. Имя доктора Мандта стало ненавистнымъ; самъ онъ боялся показаться на улицу, такъ какъ прошелъ слухъ, что народъ собирается убить этого злополучнаго нѣмца. Кучеръ покойнаго государя, выйдя къ толпѣ, едва смогъ ей выяснить, отъ какой болѣзни скончался царь. Несмотря на это, разсказывали, что докторъ приготовлялъ для больнаго лѣкарства своими руками, а не въ дворцовой аптекѣ, принося ихъ съ собою въ карманѣ; болтали, что будто давалъ онъ больному порошки собственнаго изобрѣтенія, отъ которыхъ и умеръ государь. Было наряжено слѣдствіе по этому поводу, которое ничего не доказало. Мандта, однако, поспѣшили въ наемной каретѣ вывезти изъ дворца, гдѣ онъ жилъ; говорятъ, въ тотъ же день онъ выѣхалъ за границу.

Тѣло покойнаго государя послѣ смерти покоилось въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ онъ испустилъ послѣдній вздохъ; оно лежало на походной кровати, въ рубашкѣ, и было покрыто сѣрой заношенной солдатской шинелью почившаго. Государыня не отходила отъ него и не допускала докторовъ бальзамировать усопшаго [1]); затѣмъ въ тотъ же день тѣло было перенесено въ нижнюю залу Зимняго дворца, которая выходила угломъ на Неву и зданіе адмиралтейства; сюда допускали всѣхъ желавшихъ поклониться праху почившаго.

Перенесеніе покойнаго императора изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ было совершено двадцать четвертаго февраля. Когда вынесли гробъ и стали поднимать его на печальную колесницу, толпа, запрудившая всю набережную и Дворцовую площадь, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣна; изъ всей массы этой, какъ изъ одной груди, были слышны рыданія и стоны: «Охъ! Господи помилуй...» [2]).

---

[1]) Изъ преданій объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. «Русск. Арх.» 1872, № 8, стр. 479–481.

[2]) Изъ записокъ стараго преображенца. «Русск. Арх.» 1885 г., № 1, стр. 59.

Въ Петропавловскомъ соборѣ тѣло императора Николая I покоилось до 5-го марта; въ этотъ день въ 11-ть часовъ утра совершилось погребеніе. Когда императрица отдала послѣднее цѣлованіе почившему супругу и съ рыданіемъ еле дошла до кресла, стоявшаго возлѣ гроба, императоръ Александръ II, поклонившись праху незабвеннаго родителя, опустился на колѣна передъ матерью; она благословила его, равно какъ и всѣхъ дѣтей и внучатъ, стоявшихъ у гроба.

Мы не будемъ останавливаться на томъ впечатлѣніи, которое произвела на всю Россію невозвратная утрата обожаемаго государя; скажемъ только, что смерть Николая I отозвалась въ сердцахъ безъ исключенія всѣхъ истинно русскихъ людей; имя «незабвеннаго», данное покойному родителю вступившимъ на прародительскій престолъ его преемникомъ, пронеслось до самыхъ отдаленныхъ уголковъ обширнаго царства, мощнымъ властелиномъ котораго онъ былъ.

Мало того, царствованіе Николая I было важной эпохой и для всей Европы, а потому кончина его произвела весьма глубокое впечатлѣніе на Западѣ. Несмотря на разгаръ войны, не только друзья, но и враги Россіи отдавали должное уваженіе царю, который, можно сказать, умеръ на тронѣ.

Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетахъ говорили о какомъ-то мнимомъ политическомъ завѣщаніи, которое было составлено за нѣсколько лѣтъ передъ кончиною императора. Все это было опровергнуто вскрытіемъ акта, дѣйствительно составленнаго императоромъ и писаннаго собственною его рукою еще въ 1844 году, гдѣ онъ проситъ исполнить все по сей бумагѣ, хотя это завѣщаніе и черновое. Здѣсь ни одного слова нѣтъ о политикѣ не только внѣшней, но даже и внутренней.

Вотъ приблизительное содержаніе этого замѣчательнаго документа:

Завѣщаніе начинается обычными словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...» и далѣе: «Въ 1831 году іюня 21-го, при самомъ развитіи холеры написалъ я наскоро мои послѣднія желанія. Милосердному Богу угодно было не только сохранить тогда жизнь всему нашему семейству, но, по благодати Божіей, оно съ тѣхъ поръ получило значительное приращеніе. Счастливыя сіи событія должны измѣнить отчасти первыя мои намѣренія; почему нужнымъ считаю постановить слѣдующее, какъ изреченіе послѣднихъ моихъ желаній».

Завѣщательный актъ содержитъ 34 статьи.

Статья первая, послѣ подробнаго перечисленія разныхъ недвижимыхъ имѣній, дворцовъ, дачъ, мызъ и деревень, долженствующихъ составлять личную собственность государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, гласитъ: «желаю, однако, чтобы женѣ моей предоставлено было пользоваться покоями ея въ Зимнемъ дворцѣ, на Елагиномъ островѣ и въ новомъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ. Кромѣ того, хотя по праву

наслѣдства Николаевскій (Аничковскій) дворецъ принадлежать долженъ старшему моему сыну, но по жизнь предоставляю пользоваться онымъ женѣ моей, ежели ей сіе угодно.

«Завѣщаю всѣмъ дѣтямъ и внучатамъ моимъ любить и чтить ихъ родительницу и пещись объ ея успокоеніи, предупреждать ея желанія и стараться утѣшать ея старость нѣжною ихъ попечительностію. Никогда и ничего важнаго во всю ихъ жизнь не предпринимать, не спроя предварительно ея совѣта и материнскаго благословенія.

«Младшимъ моимъ сыновьямъ быть до совершеннолѣтія въ полной ея зависимости».

Въ статьяхъ 2, 3, 4 и 6 упоминается, что подаренный ему императоромъ Александромъ I Николаевскій (Аничковъ) дворецъ со всѣми прилегающими къ нему дворами и домами, равно какъ завѣщанное наслѣднику престола императрицей Маріей Ѳеодоровной гатчинское имѣніе, должны принадлежать замѣстившему его императору; послѣднему предназначается также царскосельскій арсеналъ; второму же сыну, Константину, завѣщаются всѣ модели, телескопы, рупоры, медальный кабинетъ и собственная его величества библіотека.

Статьи 5, 7 и 8 говорятъ о распредѣленіи оставленнаго императрицей Маріей Ѳеодоровной капитала между внуками ея: Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ; изъ частей этого капитала должны быть куплены: для великаго князя Константина Николаевича—Стрѣльна, для великаго князя Николая Николаевича—мыза Знаменская, для великаго князя Михаила Николаевича—мыза М. Знаменская. Въ 7-й статьѣ особо говорится о мызѣ, составляющей собственность великаго князя Николая Николаевича, но находящейся въ пожизненномъ владѣніи его матери: «отъ жены моей зависѣть будетъ, когда дачу угодно будетъ представить въ пользу моего сына; я бы желалъ, чтобы сіе послѣдовало тогда, когда вступитъ онъ въ бракъ».

По 8-й статьѣ предоставляетъ своимъ сыновьямъ раздѣлить поровну и по жребію собственную его конюшню.

Въ 9-й статьѣ великому князю Михаилу Павловичу разрѣшается выбрать для себя изъ большой конюшни лошадей по его желанію.

10-я статья распредѣляетъ поровну между дочерьми собственный его величества капиталъ; «но какъ на проценты сего капитала платились многіе пенсіоны, то прошу таковые принять на государственное казначейство или на кабинетъ, какъ императору угодно будетъ»; объ этихъ же капиталахъ постановляется, что они должны навсегда оставаться въ Россіи; великимъ княгинямъ разрѣшается только пользоваться процентами съ этого капитала, часть котораго онѣ могутъ истратить лишь на покупку недвижимой собственности въ Россіи.

Въ статьѣ 12-й говорится: «желаю, чтобы всей моей комнатной при-

слугѣ, вѣрно и усердно мнѣ служившей, обращены были ихъ содержанія въ пенсіоны. Къ сей же прислугѣ причитаю лейбъ-рейдкнехтовъ и кучера моего Якова».

По статьѣ 13-й государь проситъ наслѣдника своего обратить вниманіе на вѣрную и долговременную службу тайнаго совѣтника Блока, пожаловать ему пенсію въ размѣрѣ получаемаго имъ содержанія.

Въ 14-й статьѣ говорится о товарищахъ юныхъ лѣтъ императора: «Съ моего дѣтства два лица были мнѣ друзьями и товарищами; дружба ихъ ко мнѣ никогда не измѣнялась. Генералъ-адъютанта Адлерберга любилъ я, какъ роднаго брата, и надѣюсь по конецъ жизни имѣть въ немъ неизмѣннаго и правдиваго друга. Сестра его, Юлія Ѳедоровна Баракова воспитала трехъ моихъ дочерей, какъ добрая и рачительная родная. Обоимъ имъ прошу назначить въ мою память пенсіоны, сверхъ получаемыхъ, по 15 тысячъ руб. сер. Въ послѣдній разъ благодарю ихъ за братскую любовь».

Въ 15 статьѣ—«прошу императора милостиво призрѣть стариковъ инвалидовъ, у меня жившихъ по разнымъ мѣстамъ. Желаю, чтобы они доживали свой вѣкъ на прежнемъ положеніи, развѣ угодно ему будетъ улучшить ихъ содержаніе».

По статьямъ 16-й и 17-й государь изъявляетъ свое благоволеніе всѣмъ воспитателямъ его дѣтей, завѣщаетъ послѣднимъ любить и уважать ихъ; наслѣднику же престола предоставляется обезпечить ихъ положеніе; благодаритъ духовника своего, отца Музовскаго, и лейбъ-медиковъ: Арендта, Маркуса, Мандта и Рейнгольта, за ихъ труды и попеченія; предписываетъ «душевно благодарить» тѣхъ, которые служили ему, были болѣе или менѣе близки къ нему по своему званію и его довѣренности.

Въ статьяхъ 18—22 перечисляются поименно по пунктамъ всѣ эти лица, изъ которыхъ многія отошли въ вѣчность раньше скончавшагося императора. Въ числѣ другихъ онъ благодаритъ: князя Петра Михайловича Волконскаго, «который, несмотря на преклонныя лѣта съ неизмѣннымъ усердіемъ и преданностью пекся, какъ обо мнѣ, такъ и обо всемъ моемъ семействѣ и о моихъ собственныхъ дѣлахъ»; князя Иларіона Васильевича Васильчикова: «я началъ службу подъ его начальствомъ; онъ былъ мнѣ всегда другомъ, наставникомъ и впослѣдствіи первымъ помощникомъ въ государственныхъ дѣлахъ»; и генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, «какъ за его искреннюю признательность и дружбу, такъ и за геройскіе подвиги, коими онъ возвеличилъ славу нашего оружія и попралъ измѣну».

Въ статьяхъ 23—25-й государь изъявляетъ свое благоволеніе и признательность всѣмъ бывшимъ при немъ генераламъ его свиты и флигель-адъютантамъ; завѣщаетъ имъ съ любовію и преданностью служить его преемнику. Выражая свою благодарность находившимся при немъ

частнымъ лицамъ, обращается къ своимъ любезнымъ войскамъ съ такими словами: «благодарю славную, вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, а равно храбрые и вѣрные армію и флотъ; молю Бога, чтобы сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, коими при мнѣ отличались: покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства и внѣ, и внутри обезпечено, и горе врагамъ его! Я ихъ любилъ, какъ дѣтей своихъ: старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то — не отъ недостатка желанія, но оттого, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать» [1]).

Императоръ (ст. 26) «заклинаетъ дѣтей и внуковъ любить и чтить своего государя отъ всей души, служить ему вѣрно, неутомимо, безропотно, до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, и помнить, что имъ надлежитъ быть примѣромъ другимъ, какъ служить должно вѣрноподданнымъ, изъ которыхъ они первые. «Я увѣренъ (ст. 27), что сынъ, мой императоръ Александръ Николаевичъ, будетъ всегда почтительнымъ, нѣжнымъ сыномъ, какимъ всегда умѣлъ быть съ нами; долгъ этотъ еще священнѣе съ тѣхъ поръ, когда мать его одна. Въ его любви и нѣжной привязанности, также и всѣхъ дѣтей и внучатъ, она должна обрѣсти утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ. Въ обхожденіи съ братьями своими, сынъ мой долженъ умѣть соединять снисходительность къ ихъ молодости съ необходимою твердостью, какъ отецъ семейства, и никогда не терпѣть ни семейныхъ ссоръ, ни чего-либо могущаго быть вреднымъ пользѣ службы, тѣмъ паче государства; а въ подобныхъ случаяхъ, отъ чего Боже насъ сохрани, помнить наистрожайше, что онъ—государь, а прочіе члены семейства—подданные».

Потомъ (ст. 28—30) государь снова обращается къ членамъ своего семейства, близкимъ и дальнимъ родственникамъ своимъ. «Я питалъ къ ней», говоритъ онъ о старшей сестрѣ своей Маріи Павловнѣ, «съ дѣтства особенную привязанность за всегдашнія ея ко мнѣ милости. Позднѣе, ея дружба сдѣлалась для меня еще драгоцѣннѣе, и ни къ кому на свѣтѣ не имѣлъ я толикаго довѣрія. Я чтилъ ее, какъ мать, и ей исповѣдывалъ всю истину изъ глубины моей души. Здѣсь въ послѣдній разъ повторяю ей мою душевную благодарность за отрадныя минуты, которыя проводилъ въ ея бесѣдѣ». Вел. кн. Михаилъ Павловичъ назначался въ этомъ завѣщаніи душеприкащикомъ вмѣстѣ съ гр. Адлербергомъ и кн. Волконскимъ. «Государю и всему семейству моему завѣщаю любить и уважать брата моего и вѣрнаго друга Михаила Павловича; онъ имъ живой примѣръ, какъ имъ брату служить должно. При семъ случаѣ душевно благодарю Михаила Павловича за его братскую любовь и всегдашнія услуги;

---

[1]) Эти знаменательныя слова были объявлены въ приказѣ по гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусамъ 19-го февраля 1855 г.

прошу его не оставлять добрыми совѣтами моихъ дѣтей, которыхъ поручаю его благорасположенію».

«Благодарю (ст. 31) всѣхъ меня любившихъ, всѣхъ мнѣ служившихъ. Прощаю всѣхъ меня ненавидящихъ».

«Прошу всѣхъ (ст. 32), кого могъ неумышленно огорчить, меня простить. Я былъ человѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди подвержены; старался исправиться въ томъ, что за собой худаго зналъ. Въ иномъ успѣвалъ, въ другомъ нѣтъ; прошу искренно меня простить».

«Я умираю (ст. 33) съ благодарнымъ сердцемъ за все благо, которымъ Богу угодно было въ семъ преходящемъ мірѣ меня наградить, съ пламенной любовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой; жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ Онъ его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ, и сподобитъ его утвердить Россію на твердомъ основаніи страха Божія, давъ ей довершить внутреннее ея устройство и отдаля всякую опасность извнѣ. На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки!»

«Прошу (ст. 34) всѣхъ меня любившихъ молиться объ успокоеніи души моей, которую отдаю милосердному Богу, съ твердою надеждой на Его благость и предаваясь съ покорностью Его волѣ. Аминь».

Въ отдѣльной запискѣ, приложенной къ завѣщанію, императоръ дѣлаетъ распоряженіе о нѣкоторыхъ иконахъ, соединенныхъ съ особенными воспоминаніями; назначаетъ членамъ своего семейства, частнымъ лицамъ, а также прислугѣ на память о себѣ подарки изъ принадлежавшихъ ему вещей; «проситъ настоятельно велѣть устроить его похороны какъ можно проще», сократить время траура и выражаетъ желаніе «быть похороненнымъ за батюшкою у стѣны, такъ, чтобы осталось мѣсто для жены подлѣ меня».

Къ этому завѣщательному акту была приложена записка, составленная 3-го марта 1845 года:

«29-го іюля 1844 г. Богу угодно было отозвать къ себѣ любезнѣйшую дочь нашу, Александру. Смиряясь передъ неисповѣдимой волей, мы не ропща сносимъ жестокій сей ударъ. Съ твердымъ упованіемъ, что ежели *такъ* сбылось по волѣ Его, то сбылось *къ лучшему*, и что ей при Создателѣ ея отраднѣе, чѣмъ здѣсь въ суетахъ жизни».

«Молимъ Господа да сохранитъ другихъ намъ милыхъ».

«Назначавшійся 11-ю статьею къ дѣлежу между трехъ моихъ дочерей наличный собственный капиталъ раздѣлить нынѣ дочерямъ моимъ—Маріи и Ольгѣ поровну».

«Вещи, предназначавшіяся дочери моей Александрѣ, оставляю сыну Александру къ распредѣленію по его усмотрѣнію. Медальонъ и печать,

которыя покойная дочь мнѣ подарила на одрѣ смерти,—завѣщаю женѣ моей, а послѣ ея—сыну Александру».

«Портретъ дочери Александры, что у меня на столѣ—госпиталю, строющемуся въ ея память».

Эти завѣщательныя строки могутъ служить самой лучшей характеристикой почившаго, какъ человѣка. Всѣ распоряженія императора, обнаруживавшія чистоту его души, были въ точности исполнены; они словно доказывали, что царь, зарытый въ землѣ, еще живъ и не перестаетъ изливать оттуда свои благодѣянія на Россію, даже за гробомъ для него дорогую.

А. Шидловскій.

Рескриптъ императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя министра финансовъ.

29 іюня 1817 г. С.-Петербургъ.

Дмитрій Александровичъ! Я пользуюсь открывающеюся въ самый день бракосочетанія любезнѣйшаго моего сына, великаго князя Николая Павловича, подпискою, чтобы память сего драгоцѣннаго для моего сердца происшествія увѣковѣчить нѣкоторымъ въ пользу бѣдныхъ дочерей храбрыхъ воиновъ учрежденіемъ. Вслѣдствіе сего, прилагая здѣсь государственными ассигнаціями десять тысячъ рублей, я прошу васъ внести оные въ государственный безсрочный заемъ, на объясненномъ въ манифестѣ и положеніи онаго основаніи, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала ежегодно въ сей же 1-й день іюля раздаваемы были по назначенію великаго князя Николая Павловича въ приданое дочерямъ нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ ему полковъ, одна половина лейбъ-гвардіи Измайловскаго, а другая половина Сѣверскаго конно-егерскаго. Съ удовольствіемъ возобновляю я здѣсь изъявленіе особливаго уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною.

Письмо вел. кн. Михаила Павловича—Ст. Р. Лепарскому.

22 сентября 1816 г.

Станиславъ Романовичъ! Братъ мой, вел. кн. Николай Павловичъ, отъѣзжая въ чужіе края, препоручилъ мнѣ переслать вамъ опись тѣхъ лошадей, которыхъ онъ купилъ лейбъ-гвардіи въ Гусарскомъ полку; числомъ всѣхъ 17; за подпискою самого господина полковаго командира генералъ-маіора Левашова, которую при семъ вамъ и препровождаю. Лошади будутъ отправлены въ скоромъ времени съ ремонтерами вышесказаннаго полка; у нихъ будетъ таковая же опись. Унтеръ-офицеръ вашего полка Василій Регентенко, также по волѣ брата моего, сданъ Лейбъ-Гусарскаго полка командиру 1-го эскадрона г-ну полковнику Акинфіеву, для обученія вновь требуемой посадкѣ на лошади; всѣ казенныя его вещи сданы же по списку г-ну полковнику.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вамъ доброжелательнымъ

Михаилъ.

Получено 23 октября.

О современной политической и внутренней жизни Россіи.

(Записка 1855 г.) [1]).

Горестное событіе совершилось 18-го февраля 1855 года! — Россія лишилась великаго государя, а Европа и міръ—великаго человѣка.

Событіе это совершилось по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія въ то самое время, когда Россія повергнута въ пучину козней и золъ, и когда мощный царь ея всемѣрно заботился объ исторженіи ея изъ этой пучины.

Конечно, опытность императора Николая I, въ дѣлѣ государственнаго кормчаго, пріобрѣтенная имъ слава и непоколебимость его сильной воли могли способствовать къ достиженію главныхъ двухъ цѣлей: «честнаго и выгоднаго мира и водворенія благоустройства внутренняго, основаннаго на поученіяхъ прошедшаго». Но кончина сего великаго властителя прервала ходъ начавшихся событій и, вѣроятно, въ будущемъ измѣнитъ много въ ихъ направленіи и духѣ.

Въ этотъ торжественный часъ у каждаго русскаго невольно, если не въ устахъ, то на сердцѣ возникъ вопросъ: «что-то будетъ?»

По христіанскому православному смиренію, Россія единогласно отвѣчала себѣ: «что Богу угодно».

У всякаго, однако же, русскаго, такъ же невольно, какъ породился вопросъ, зародилась и дума о будущемъ, дума тревожная, но не черная, а освѣщенная восшествіемъ на прародительскій престолъ мужа мудраго, опытнаго и всемѣрно благороднаго. Сладостная эта увѣренность утѣшила сердца; но не остановила всеобщей умственной тревоги. Мысли у

[1]) Записка эта по нѣкоторымъ даннымъ принадлежитъ г. Жеребцову.

каждаго родятся, вытѣсняемыя тягостью настоящихъ обстоятельствъ. Въ подобномъ положеніи, долгъ вѣрноподданнаго, любящаго, преданнаго душою и тѣломъ своему царю—неухищренно изложить предъ нимъ свои убѣжденія въ той надеждѣ, что и малое зерно иногда приноситъ полезный плодъ.

Политическая жизнь каждаго государства проявляется: 1) въ дипломатическихъ его сношеніяхъ съ другими государствами; 2) въ дѣйствіи его внутренняго организма.

Дипломатическія отношенія Россіи въ настоящее время не удовлетворительны, потому что враги занимаютъ землю Русскую: война съ тремя державами и объявлена четвертою; Австрія подписала противъ насъ союзъ съ непріятелями; а прочія европейскія государства едва удерживаются въ колеблющемся нейтралитетѣ. Въ Азіи вліяніе Россіи совершенно ничтожно; Китай взбунтованъ происками Англіи вопреки русскихъ интересовъ, и на ходъ событій въ Небесной имперіи ни русская дипломатія, ни русская сила никакого вліянія не произведутъ. А между тѣмъ торговля наша страждетъ; мануфактуры останавливаются. Сношенія наши съ Бухарою, Хивою и другими внутренними странами Азіи заключаются въ торговыхъ оборотахъ, производимыхъ туземцами тѣхъ странъ, между тѣмъ какъ русскіе желали бы производить эту торговлю сами; но за неимѣніемъ присущаго, а не бумажнаго покровительства своего правительства, сдѣлать этого не могутъ. Одна Персія теперь находится временно въ хорошихъ отношеніяхъ съ Россіею, но и эти отношенія важны только по военному времени. Для мирнаго же они не достаточны, ибо торговыя сношенія наши съ Персіею установлены въ выгоду ея, а не нашу. Сношенія наши съ Америкою, хотя дипломатически и дружественны, но въ сущности холодны и для насъ безполезны. Странно, что сорокалѣтнее управленіе русскою дипломатіею человѣкомъ знаменитаго ума привело отношенія Россіи къ другимъ государствамъ въ столь невыгодное положеніе; странно, что въ теченіе сорока лѣтъ дипломатія, поддерживаемая постоянно милліонами штыковъ и въ рукахъ умнаго человѣка пришла къ такому жалкому результату. Но въ общихъ міровыхъ событіяхъ ничто не дѣлается случайно; они текутъ по общимъ законамъ высшей міровой логики, правила которой извлекаются изъ явленій дѣйствительныхъ, внесенныхъ въ исторію царствъ, народовъ и человѣчества; слѣдовательно причину столь неудачной дипломатіи надлежитъ искать въ невѣрномъ приложеніи правилъ міровой логики къ текущимъ событіямъ. Въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ главныя основанія нашей внѣшней политики были слѣдующія:

1. Тѣсный, тройственный союзъ между Россіею, Пруссіею и Австріею.

2. Удаленіе отъ союза съ Франціею.

3. Благоговѣніе къ Англіи.

4. Холодныя и ничтожныя сношенія съ Америкою.

5. По азіатской политикѣ, постоянное опасеніе коснуться англійскихъ интересовъ, дабы не разсердить британскаго льва.

Тройственный союзъ распался на первомъ политическомъ ухабѣ, потому что Австрія не свойственно была включена въ него. Интересы Австріи діаметрально противоположны прусскимъ, и эти двѣ державы не воевали между собою при первомъ столкновеніи сихъ интересовъ въ 1848 — 1849 годахъ, потому что русская сила сжимала ихъ вмѣстѣ. Австрійскіе интересы еще болѣе противоположны русскимъ. Дунай, Черное море и Дарданеллы столько же нужны для Австріи, какъ и для Россіи; слѣдовательно соперничество естественно. Затѣмъ главная цѣль Австріи о б а в с т р и ч и т ь всѣ славянскія племена, ей подвѣдомственныя и составляющія большую часть ея подданныхъ; тогда какъ главная цѣль Россіи—поддержаніе славянской народности, дабы постоянно имѣть сочувствіе своихъ соплеменниковъ, а въ случаѣ надобности и содѣйствіе ихъ. Въ этомъ отношеніи никогда и ничего не можетъ быть общаго между Россіею и Австріею. Союзъ съ Пруссіею, хотя и ближайшимъ сосѣдомъ Россіи,—естественъ, ибо спорныхъ интересовъ нѣтъ. Союзъ этотъ былъ бы весьма тѣсенъ, если бы Россія въ своихъ сношеніяхъ съ Пруссіею не вмѣшивала постоянно требованія въ духѣ интересовъ австрійскихъ. Это направленіе нашей политики отвратило отъ насъ расположеніе прусской націи, не привлекши къ намъ и правительства австрійскаго.

Удаленіе отъ союза съ Франціею столько же неправильно, какъ и благоговѣніе къ Англіи. Всѣ интересы Франціи нисколько не противны интересамъ Россіи, ибо отдаленнѣйшая цѣль политики французской есть уничтоженіе корсарнаго владычества англичанъ на моряхъ и полнаго морскаго обладанія Средиземнымъ моремъ.

Владычество англичанъ тягостно Россіи еще болѣе, чѣмъ Франціи, ибо оно удерживало всякое развитіе нашей торговли на Черномъ морѣ и на всемъ Востокѣ. На Балтійскомъ же морѣ мы совершенно были имъ порабощены. По милости этого владычества, какъ слѣдствіе существованія естественныхъ условій для нашего военнаго и торговаго мореплаванія, мы не въ правѣ были дѣйствительно заступаться за Грецію во время разбойническаго нападенія англійской эскадры на Пирей, по дѣлу жида Пачифико. Самое благоговѣніе и страхъ къ Англіи, господствовавшіе надъ нашею политикою, были слѣдствіемъ этого владычества и недосягаемости Англіи сухопутными силами по ея островскому положенію. Однимъ словомъ, диктаторство Альбіона было вообще несчастіе и неисходное стѣсненіе.

При союзѣ съ Франціею: во 1-хъ, представлялась возможность уничтожить это тягостное диктаторство Англіи. Во-2-хъ, предоставляя ей владычество на Средиземномъ морѣ, удержать за собою Дарданеллы, слѣдовательно быть всегда въ готовности явиться съ флотомъ на помощь угрожаемой національности, а въ случаѣ какихъ-либо завоевательныхъ или другихъ стѣснительныхъ дѣйствій Франціи, на нее всегда можно напасть сухопутно и въ союзѣ съ Пруссіею наказать за дерзость

Отдаленіе наше отъ союза съ Франціею имѣло главнѣйшею причиною различіе въ политическомъ устройствѣ двухъ государствъ; но развѣ Англія менѣе либеральна бывшей Франціи? Къ тому же Англія производитъ свою пропаганду на дѣлѣ посредствомъ флотовъ, какъ-то: въ Сициліи — покровительствуя Мадзини, Кошутовъ, Ледрю-Роленовъ и другихъ; Франція же въ самую демократическую эпоху свою пропагандировала одною болтовнею, противъ которой благоустроенному государству всегда есть средство оградиться, а между тѣмъ усмиряла Римъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Англія опаснѣе Франціи. Выгоды же союза съ послѣднею неисчислимы.

Отдаленіе наше отъ Америки имѣло тоже основаніемъ: различіе въ образѣ правленія, тогда какъ дипломатическій союзъ между государствами можетъ быть весьма тѣсный, нисколько не производя вліянія на обоюдное внутреннее устройство государствъ.

Вся азіатская политика была постоянно слаба и недостойна нашего великаго государства, а потому и успѣхи наши такъ ничтожны на Востокѣ; однакожъ влеченіе Россіи на Востокъ столь естественно, что, силою обстоятельствъ и несмотря на противодѣйствіе нашихъ дипломатовъ, граница русская отодвинулась отъ вершины Яблонова хребта до Амура, отъ Оренбурга—до форта Перовскаго.

Несмотря на все изложенное, иностранные журналы другъ передъ другомъ, подъ личиною критики, кадили нашимъ дипломатамъ, приписывая имъ и дальновидность, и скрытность путей, и тайное распространеніе владычества, и вліяніе, тогда какъ «всѣ» были увѣрены, что дипломатическое вліяніе Россіи съ Вѣнскаго конгресса уменьшилось. Доказательствомъ этому можетъ служить безуспѣшность нашихъ дѣйствій въ военныхъ событіяхъ, совершавшихся въ противность поддерживаемаго нами принципа. Тщетно мы протестовали въ пользу Дона-Карлоса и Дона-Мигуеля. Въ Испаніи посадили на престолъ Донну-Изабеллу; а въ Португаліи — Маріо-де-Глоріа. Не менѣе безплоденъ былъ протестъ нашъ касательно отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи—послѣ шестинедѣльнаго замедленія отъ короны родственнаго дома нашего государя отрѣзали лучшее звено. Наконецъ, самый протестъ противъ орлеанскаго дома послужилъ къ сближенію Англіи съ Франціею и былъ только родителемъ знаменитаго дружескаго

сношенія. Послѣ всего этого не ясно ли, что дипломатія наша въ теченіе сорока лѣтъ невѣрно прилагала правила міровой логики къ событіямъ. Между тѣмъ изученіе исторіи послѣднихъ шести лѣтъ указываетъ Россіи дипломатическій путь. Россія не Европа, но она и не Азія, а отдѣльная часть свѣта, имѣющая свое міровое вліяніе. По величію и прочности своей народности ей надлежитъ устроить Европу, согласно потребностямъ человѣчества, нисколько не опасаясь за свою самостоятельность. На основаніи всѣхъ сихъ соображеній, Россіи надлежитъ имѣть въ виду:

1. Союзъ съ Пруссіею.

2. Союзъ съ Франціею.

3. Союзъ съ Американскими Штатами.

Для достиженія сихъ союзовъ ей предлежитъ озаботиться:

a) Объ уничтоженіи политическаго вліянія Англіи—посредствомъ Франціи.

b) Объ уничтоженіи Австріи.

c) Объ учрежденіи изъ остальныхъ частей Австріи и Турціи средней величины княжествъ германскихъ и славянскихъ, предоставивъ покровительство германскихъ—Пруссіи, а славянскихъ—Россіи.

e) Занятіемъ Дарданеллъ при уступкѣ Средиземнаго моря, а можетъ быть и Ломбардіи—Франціи.

f) О широкомъ развитіи политическаго вліянія на Востокѣ посредствомъ поощренія нашей торговли въ этомъ направленіи.

Достигнувъ всего этого, Россія будетъ въ настоящемъ своемъ величіи по внѣшнему вліянію.

Безъ сомнѣнія, невозможно раскроить Европу и міръ по желанію и въ данный моментъ, но, составивъ себѣ общій планъ дѣйствій и опредѣливъ цѣль, надлежитъ отчетливо подвигаться шагъ за шагомъ къ той цѣли, и государство, столь могущественное, какъ Россія, дѣйствуя систематически и въ одномъ данномъ направленіи, непремѣнно въ нѣсколько лѣтъ достигнетъ желаемаго. Затѣмъ недостойно вмѣшиваться въ мелкія политическія и дипломатическія дрязги между европейскими государствами, какъ внѣшними, такъ и внутренними.

Вотъ все, что можно сказать въ общихъ чертахъ о дипломатическихъ отношеніяхъ Россіи къ другимъ государствамъ; бо́льшія подробности могутъ только затмить ясность общаго взгляда.

Обратимся къ разсмотрѣнію дѣйствій внутренняго организма нашего отечества, въ настоящее время.

Организмъ государственный заключается въ его законахъ и обычаяхъ; дѣйствія же этого организма проявляются въ приложеніи законовъ и обычаевъ къ народной жизни. Законы суть: духовные и свѣт-

скіе. Свѣтскіе законы суть трехъ родовъ: органическіе, судебные и правительственные, или административные.

О духовныхъ законахъ и вліяніи религіи на обычаи, нравы и вообще на направленіе народной жизни здѣсь говорить не удобно, ибо оно потребовало бы объясненій обширныхъ, несовмѣстныхъ съ предѣлами настоящей записки, а потому ограничимся разсмотрѣніемъ однихъ свѣтскихъ законовъ и ихъ вліянія на жизнь народную.

Органическіе законы служатъ основаніемъ устройства правительства и народа; судебные законы суть орудія, служащія къ удержанію народа въ правдѣ и порядкѣ. Правительственные законы суть указанія на способъ исполненія и поддержаніе органическихъ законовъ. Все, что не опредѣлено законами въ жизни народной, направляется обычаями, которые, сами бывъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ законовъ, въ свою очередь производятъ вліяніе и на законъ, ибо вызываютъ потребность въ отмѣненіи существующихъ законовъ или измѣненіи и прибавленія оныхъ. Изъ сихъ краткихъ опредѣленій видно однакожъ, какъ тѣсно связаны между собою всѣ составы государственнаго организма, причемъ усматривается, что чѣмъ отчетливѣе каждый законъ соображенъ съ устройствомъ общаго организма, тѣмъ болѣе онъ служитъ для него связью, и чѣмъ несвойственнѣе съ нимъ какой-либо частный законъ, тѣмъ болѣе онъ разъединяетъ эту общую связь. Слѣдовательно, всякій не зрѣло обдуманный законъ потрясаетъ общій организмъ, а большое число таковыхъ можетъ имѣть послѣдствіемъ окончательное разрушеніе общаго состава государственнаго.

Неотчетливое изданіе законовъ еще болѣе приноситъ вреда въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ, ибо законъ (а въ особенности органическій или судебный), имѣя вліяніе на обычай и жизнь народа, слагаетъ ихъ, такъ сказать, въ будущемъ сообразно съ направленіемъ, даннымъ симъ закономъ, т. е. всякій законъ имѣетъ вліяніе на жизнь не только настоящихъ, но и грядущихъ поколѣній.

Истину эту надлежитъ пояснить примѣромъ. Стоитъ издать законъ о наслѣдствѣ по первородству и недѣлимости имуществъ довольно значительной мѣры, и черезъ 50-тъ лѣтъ государство будетъ чисто аристократическое; съ другой стороны, издавъ законъ, разрѣшающій владѣніе всякаго имущества каждому гражданину и безконечную дѣлимость имѣній, черезъ 50-тъ лѣтъ образуется государство чисто демократическое.

Независимо отъ зрѣлости соглашенія всякаго закона съ общимъ духомъ и правленіемъ государственнымъ, онъ долженъ быть современемъ, такъ сказать, вызванъ дѣйствительными нуждами и нелицепріятенъ, удобенъ и благъ для большаго числа.

Въ государствѣ самодержавномъ законъ есть слово царево. Благости такого устройства никто не уразумѣетъ кромѣ истиннаго русскаго

человѣка; а всякій русскій убѣжденіе въ этой благости и мудрости всосалъ съ молокомъ матери. Царь русскій по своему положенію стоитъ внѣ всѣхъ столкновеній общественныхъ, слѣдовательно, онъ самый нелицемѣрный законодатель; по личному же интересу онъ дорожитъ благомъ своего народа, а потому всегда руководимъ желаніемъ общаго добра. Лучшихъ доказательствъ въ благости закона желать нельзя, и всѣ велемудрствованія Запада не привели ни къ чему болѣе основательному. Но обсужденіе закона съ общимъ духомъ организма государственнаго, сличеніе съ существующими подобными узаконеніями, подробный разборъ его удобоприлагаемости и тому подобное—суть работы мелочныя, недостойныя труда царскаго. Царь долженъ только требовать, чтобы безъ сего предварительнаго труда, исполненнаго людьми, имъ на то предназначенными и состоящими внѣ администраціи (какъ-то: Государственный Совѣтъ и первый департаментъ Правительствующаго Сената), никто изъ правителей не дерзалъ подносить ему закона на утвержденіе, и строго взыскивать за противное. Къ несчастію, по многосложности занятій государя русскаго, нѣкоторые изъ первыхъ дѣятелей правительства исторгали высочайшее повелѣніе, каждый по своей части, безъ общаго обсужденія людьми, на это предназначенными, и тѣмъ самымъ они обманывали довѣренность своего благодѣтеля и вводили въ государственный организмъ разнородность. При томъ, каждый изъ нихъ заботился объ огражденіи своей части отъ общаго надзора и контроля, уединяя ее отъ другихъ частей правленія и стараясь скрыть свое самоуправство отъ глазъ государя, не мѣшая другимъ дѣлать то же. Отъ этого мало-по-малу въ высшемъ правленіи водворился духъ совершеннаго пренебреженія къ закону, и каждый правитель могъ смѣло отступать отъ существующихъ постановленій. Злоупотребленіе доходило до того, что нѣкоторые министры даже оскорблялись ссылками на законъ, если ссылки эти указывали на незаконность ихъ намѣреній, или стѣсняли ихъ самовластіе. Въ важныхъ случаяхъ, по подобнымъ обстоятельствамъ, они прикрывались секретными (сепаратными) высочайшими повелѣніями. Безпорядокъ этотъ мало-по-малу спускался по всѣмъ степенямъ правленія и, наконецъ, проникъ во всѣ слои. Нынѣ каждый увѣренъ въ мертвенности буквы закона и въ дѣйствительности только воли и покровительства сильныхъ. Убѣжденіе это такъ обще и такъ глубоко, что преслѣдовать его дѣйствіе рѣшительно невозможно, ибо и самыя орудія преслѣдованія преисполнены будутъ того же духа, и дѣйствія ихъ будутъ въ томъ же направленіи. Даже царь русскій, несмотря на полное свое могущество, не достигнетъ цѣли этимъ путемъ, ибо истощится въ безплодныхъ трудахъ и дойдетъ до отчаяннаго убѣжденія въ невозможности исправленія, относя эту невозможность къ безнравственности своего народа или нѣкоторыхъ въ немъ сословій и состояній. Подобное убѣ-

жденіе породитъ въ немъ начало презрѣнія къ своимъ подданнымъ и можетъ разъединить Богомъ благословенный союзъ духовный между царемъ и его народомъ. Оставить безъ излѣченія сію странную язву, подгрызающую весь организмъ—невозможно, ибо неподвижности въ проявленіяхъ народной жизни быть не можетъ; вкравшаяся тайно система должна или распространяться, или ослабѣвать. При дальнѣйшемъ ея распространеніи, Россія на бумагѣ будетъ государствомъ благоустроеннымъ, а въ сущности наполнится визирями, пашами и кадіями; слѣдовательно, необходимо исправленіе хотя постепенное, но коренное. Единственный къ тому путь... (но дерзнуть ли вымолвить истину!) заключается въ выраженіи уваженія къ законамъ и въ строгомъ наблюденіи за исполненіемъ его со стороны ближайшихъ къ царю и высшихъ правителей. Слово царское есть законъ. Во власти царя измѣнить все; но доколѣ не измѣнитъ существующаго, да служитъ «слово» руководствомъ непремѣннымъ ему и подданнымъ. Нѣсколько актовъ, совершенныхъ въ этомъ направленіи, уже отзовутся во всей Россіи, и благодатный духъ законности быстро проникнетъ по всѣмъ слоямъ правленія. Царь возрадуется всякому дѣлу, а Россія благословитъ своего мудраго и благодатнаго монарха.

Отъ послабленія духа законности самыя дѣйствія организма государственнаго сдѣлались неудовлетворительными; дурное приложеніе закона опорочило самые обычаи народные; повсюду вкралось стяжаніе личныхъ выгодъ и корысти. При непрочности законами предоставленныхъ правъ защиты отъ несправедливости власти или гоненія отъ сильнаго, каждый старается пріобрѣсть способы къ такой защитѣ, а способы сіи заключаются или въ собственной политической силѣ, или въ деньгахъ.

Въ этихъ видахъ всякій служащій всемѣрно заботится о пріобрѣтеніи себѣ сначала сильнаго покровителя—и для этого служитъ лицу, а не дѣлу, съ постояннымъ страхомъ утратить благорасположеніе своего заступника и забывая всѣ понятія о чистой любви къ пользѣ отечества и дѣлу, ему ввѣренному. Поэтому все дѣлается неоткровенно, съ двоякою цѣлью: 1) удовлетворенія личнымъ потребностямъ и 2) приданія благовидности бумажной.

Подвизаясь по столь скользкому пути, каждый втайнѣ заботится о пріуготовленіи себѣ мягкаго ложа въ случаѣ паденія—полученіемъ покойнаго и выгоднаго мѣста по службѣ или приготовленіемъ обезпеченнаго состоянія. Приготовленіе мѣста выражается заботливостью о созданіи таковыхъ по всѣмъ отраслямъ правленія; причемъ всѣ другъ другу помогаютъ. Состояніе составлялось частью истощеніемъ казны, частью изъ внѣшнихъ источниковъ народныхъ; изъ казны—посредствомъ несоразмѣрныхъ окладовъ, денежныхъ наградъ и разнообразныхъ пособій.

Все это исторгалось у государя постепенно, ухищреніемъ и ловкостью; наконецъ, исторгнутыми примѣрами все это водворялось въ служебный обычай и входило въ разсчеты и виды служащихъ. Слѣдствіемъ подобнаго направленія служебной дѣятельности самые нравы измѣнились. Въ началѣ столѣтія всякій служащій дворянинъ совѣстился сознаться, что получаетъ жалованье за службу, признавая службу исполненіемъ обязанности своего званія (noblesse oblige).

Полковой командиръ (прежде) не скрывалъ получаемый имъ доходъ, увѣряя, что употребляетъ всѣ избытки на улучшеніе ввѣренной ему части; явно же заподозрѣнные взяточники были презираемы вообще, а въ порядочномъ обществѣ въ особенности. Нынѣ же каждый хвалится полученіемъ огромнаго содержанія, и служащіе другъ передъ другомъ мѣряются не достоинствомъ, а числомъ тысячъ, получаемыхъ каждымъ: жалованьемъ ли, разною ли экономіею при хозяйственныхъ распоряженіяхъ по ввѣреннымъ имъ частямъ или командамъ, словомъ—всякое пріобрѣтеніе поощряется общественнымъ мнѣніемъ, даже низкое взяточничество не карается всеобщимъ презрѣніемъ. При столь страшной порочности служебныхъ нравовъ,—что остается дѣлать мудрому государю? Преслѣдовать порочныхъ? — нельзя; ибо малая часть только непричастна пороку, слѣдовательно,—преслѣдованіе будетъ почти безплодно. Замѣнить ли порочныхъ честными слугами?—невозможно; ибо, гдѣ найти столько честныхъ? А общій духъ скоро вовлечетъ и большую часть изъ нихъ. Слѣдовательно, остается только заботиться объ измѣненіи духа. Сдѣлать же это возможно государю лишь присовокупленіемъ къ уваженію закона бережливости государственной казны. Для сей цѣли надлежитъ:

1) Воспретить всякій непосредственный докладъ со стороны министровъ о разрѣшеніи какого-либо сверхъ-смѣтнаго расхода, обращая эти представленія на предварительное обсужденіе предназначенныхъ лицъ, находящихся внѣ административной дѣятельности, дабы лица сіи не были вынуждаемы къ слабости и снисхожденію по собственнымъ потребностямъ въ томъ же и для своей части.

2) Удержаться въ назначеніи окладовъ, превышающихъ мѣру, закономъ установленную. Важною, побудительною причиною къ распространенію корысти въ служебномъ мірѣ является страшная и непомѣрная роскошь, вкравшаяся въ образъ жизни всѣхъ высшихъ и среднихъ сословій общества. Роскошь эта есть также одна изъ язвъ Россіи, требующая кореннаго исцѣленія, и эта язва легко исцѣлима. Государю русскому стоитъ только выразить желаніе простоты и нерасположеніе къ излишней роскоши, какъ сіе немедленно будетъ принято царедворцами и высшимъ дворянствомъ, а отъ нихъ проникнетъ скоро и ниже.

Итакъ въ волѣ всемилостивѣйшаго государя нашего исцѣлить корен-

нымъ образомъ всѣ политическія и внутреннія болѣзни нашего прекраснаго отечества.

Уваженіе къ закону, бережливость казны и умаленіе роскоши — суть главнѣйшіе къ тому пути. Безъ сомнѣнія, въ обширномъ управленіи государственномъ много и другихъ частей, устройство которыхъ, согласно съ главнымъ направленіемъ правительства, послужитъ вспомогательными надежными средствами къ достиженію благоустройства, но въ общемъ обзорѣ неумѣстно говорить о подробностяхъ. Цѣль настоящей записки есть откровенное изложеніе убѣжденій человѣка, прожившаго около половины столѣтія, изъ коего бо́льшую половину провелъ на службѣ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія и наблюдалъ ходъ событій.

Благоговѣя предъ великой памятью въ Бозѣ почившаго государя Николая Павловича и признавая въ немъ одного изъ колоссовъ отечественной исторіи, нельзя не смотрѣть съ грустью на нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему дѣятелей, которые съ ловкостью и ухищреніями пользовались возвышенностью духа своего благодѣтеля и извлекали личныя выгоды въ ущербъ общественнаго порядка. Чѣмъ выше человѣкъ стоитъ по нравственной чистотѣ своей, тѣмъ менѣе подозрѣваетъ онъ порочности въ окружающихъ его. Благороднѣйшій изъ рыцарей XIX-го столѣтія, по чистотѣ естества своего, не могъ иногда не быть обманутымъ; а потому самое недостиженіе имъ той степени благоустройства въ Россіи, котораго онъ желалъ, есть послѣдствіе его нравственнаго величія, отражающагося во всѣхъ актахъ, лично отъ него истекшихъ.

Прости, великая тѣнь, дерзость ничтожнаго человѣка, который, благоговѣя предъ священною и великою памятью твоею, осмѣлился порицать дѣйствія недостойныхъ исполнителей благороднѣйшей твоей воли!

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

ХУДОЖНИКА-ЖИВОПИСЦА.

I.

Мое дѣтство.—Отъѣздъ въ Москву.—Дядя мой П. М. Меликовъ.—Няня Агаѳья.—Склонность къ рисованію.—П. А. Мещериновъ.—М. Ю. Лермонтовъ.

Я родился 4-го мая 1818 года и, по желанію бабушки, получилъ имя Моисея. Бабушка, очень набожная, желала, чтобы я былъ священникомъ, но судьба распорядилась иначе. Я былъ первенцемъ, и со мною пришло оживленіе въ домъ. Отецъ мой, армянинъ, Егоръ Моисеевичъ, съ братомъ своимъ, Павломъ, родились въ Астрахани отъ бѣдныхъ родителей, которыхъ лишились въ самомъ раннемъ возрастѣ. Отецъ мой избралъ гражданскую службу, а дядя поступилъ въ лейбъ-гвардіи Кирасирскій его величества полкъ корнетомъ. Матушка моя происходила изъ почетной армянской фамиліи Вартановыхъ. Мать ея, а моя бабушка, славилась большимъ достаткомъ и замѣчательной красотой, унаслѣдованной и моею матерью, которая сохранила послѣднюю до глубокой старости.

Когда дядя мой, Павелъ Моисеевичъ Меликовъ, въ двадцатыхъ годахъ въ чинѣ полковника былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Баку, то и родители мои переселились туда же изъ Астрахани. Въ то время Баку былъ еще незначительнымъ портомъ Каспійскаго моря, населеннымъ по преимуществу армянами и другими азіатскими племенами, занимавшимися мелкой торговлей и отличавшимися необузданными нравами, плутовствомъ и бродяжничествомъ.

Дѣтство мое проходило безмятежно въ кругу моихъ сверстниковъ, большей частью въ уличной жизни. Дѣтскія забавы состояли преиму-

щественно въ физическихъ упражненіяхъ, гдѣ я не хотѣлъ уступать болѣе взрослымъ. Я былъ избалованнымъ, своенравнымъ, непослушнымъ ребенкомъ и неохотно ходилъ учиться грамотѣ къ своему учителю персіянину, варварски наказывавшему своихъ учениковъ, въ томъ числѣ и меня. За незнаніе уроковъ этотъ педагогъ билъ насъ, напримѣръ, линейкою по оконечности пальцевъ, а болѣе виновныхъ наказывалъ палками по пятамъ.

Въ домашнемъ быту только бабушка, да еще кроткая моя сестрица Устинья, моложе меня на годъ, были въ состояніи умѣрять мое упрямство и своеволіе.

Мнѣ минуло 8 лѣтъ. Я впервые узналъ, что мнѣ предстоитъ разставаться съ моими родителями и ѣхать въ Москву къ дядѣ Павлу Моисеевичу, уже генералъ-маіору, который, будучи одинокъ и зная стѣсненное положеніе родителей моихъ, пожелалъ заняться моимъ воспитаніемъ. Впослѣдствіи онъ же вызвалъ братьевъ моихъ, Каспара и Амбросія, чтобы имъ дать воспитаніе, но они, не выдержавъ перемѣны климата, вскорѣ умерли.

Слухъ объ отъѣздѣ сильно встревожилъ меня: я не забылъ еще строгаго лица дядюшки и понималъ, что наступаетъ конецъ моему своеволію. Кромѣ того, мнѣ грустно было разстаться съ тѣми нѣжнѣйшими привязанностями въ кругу родной семьи и тѣми особенностями природы, которыя съ дѣтства остаются неизгладимыми въ памяти человѣка на всю жизнь. Помню я приготовленія къ отъѣзду и какъ долго старались скрыть его отъ меня. Но въ одинъ вечеръ, когда за ужиномъ мать, подчуя меня моимъ любимымъ кушаньемъ, со слезами сказала мнѣ, что я послѣдній разъ вкушаю приготовленное ею блюдо, что завтра, съ восходомъ солнца, мнѣ съ отцомъ предстоитъ дальнее путешествіе, я вырвался изъ объятій матери, убѣжалъ въ баню, близъ нашего дома, и заперся на всю ночь, не отворяя дверей и не поддаваясь на просьбы и обѣщанія отложить нашъ отъѣздъ. Вотъ первая кручина, при томъ единственная изъ воспоминаній ранняго дѣтства.

Не помню, сколько времени продолжался мой произвольный арестъ въ банѣ, и какъ выѣхали мы изъ роднаго дома... Я пришелъ окончательно въ себя только въ арбѣ, покрытой кибиткою. Мы ѣхали по пескамъ. Отецъ долго утѣшалъ меня съ его ангельской кротостью и любовью. Чѣмъ дальше мы отъѣзжали отъ дома, тѣмъ болѣе росло во мнѣ сознаніе, что нѣтъ возврата. Вмѣстѣ съ тѣмъ новыя мѣста открывались моимъ глазамъ и воображенію. Я увидѣлъ столько величественныхъ красотъ природы и столько любопытнаго. Все это усыпляло постепенно мое горе... По дорогѣ встрѣчались и новые люди, съ которыми я не могъ разговаривать, такъ какъ зналъ только свой природный армянскій языкъ и языкъ персидскій, а по-русски умѣлъ лишь спросить на

постоялыхъ дворахъ щей да каши. За рубежомъ родной страны все казалось мнѣ чуждымъ... По пути отецъ останавливался въ Кизлярѣ для отдыха и пожелалъ быть въ банѣ. Послѣ мытья, чтобы освѣжиться, мы неосторжно поѣли тамошнихъ дынь, которыя славятся своимъ особеннымъ вкусомъ, но вредны для здоровья, и я получилъ злокачественную кизлярскую лихорадку. Сначала пароксизмы были рѣдки, но когда мы пріѣхали въ Москву къ дядюшкѣ, то они начали учащаться, потребовали тщательнаго ухода и врачебной помощи. Впослѣдствіи, благодаря лѣченію знаменитыхъ московскихъ врачей Аренда и Гильдебрандта, лихорадка прошла, но результатомъ ея было то, что при хорошихъ сравнительно способностяхъ я умственно развивался медленно; за то чувствительность и воображеніе росли непомѣрно.

Москва, Москва! родимый сердцу, высокочтимый мною по воспоминаніямъ городъ, гдѣ кончилъ жизнь блаженной памяти вѣрный слуга царю и отечеству, герой Бородинскій, дядя мой, Павелъ Моисеевичъ Меликовъ.

Москва издревле умѣла оцѣнивать и чтить защитниковъ своихъ на полѣ брани, и не было въ то время ни одного москвича, который не указалъ бы мѣста жительства генерала Павла Моисеевича Меликова, не исключая уличнаго мальчика, который, проходя мимо его квартиры, не снималъ бы шапку. Въ старину учили дѣтей уважать заслуги отечеству.

Квартира дяди находилась на Мясницкой, въ Армянскомъ переулкѣ близъ Армянской церкви и Лазаревскаго института, котораго онъ былъ попечителемъ. У Красныхъ воротъ жили друзья его, семейство Мещериновыхъ. Не въ дальнемъ разстояніи, жило семейство Багдадовыхъ, тоже извѣстное между армянами. По сосѣдству съ Мещериновыми жила родственница ихъ по женской линіи, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, урожденная Столыпина, бабушка знаменитаго поэта Лермонтова. Всѣ эти лица были друзьями дядюшки, часто между собою видѣлись, и Павелъ Моисеевичъ, занявшись моимъ воспитаніемъ и чувствуя недостатокъ женскаго материнскаго вліянія, ввелъ меня въ семейный кругъ неизмѣнныхъ друзей своихъ—Мещериновыхъ.

Но прежде чѣмъ продолжать мои воспоминанія, я хочу сказать нѣсколько словъ о дядѣ моемъ—Павлѣ Моисеевичѣ—человѣкѣ во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ.

Вотъ краткая его біографія.

Въ 1796 году восемнадцати лѣтъ Меликовъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. При производствѣ въ корнеты онъ былъ переведенъ въ Софійскій карабинерный, а затѣмъ—въ лейбъ-гвардіи Кирасирскій его величества полкъ. Продолжая въ этомъ полку службу до 1823 года, состоя нѣкоторое время комендантомъ въ крѣ-

пости Баку, въ чинѣ полковника, за ранами онъ былъ уволенъ съ состояніемъ по кавалеріи. Въ 1824 году по высочайшему повелѣнію зачисленъ въ Кирасирскій полкъ сверхъ комплекта, а въ 1829 году за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ сраженіи подъ Фридландомъ онъ былъ сильно контуженъ въ правую ногу; подъ Бородинымъ въ 1812 году онъ лишился правой руки, оторванной ядромъ. Близко знавшимъ Павла Моисеевича было извѣстно, что онъ пользовался уваженіемъ знаменитыхъ вождей, подъ начальствомъ которыхъ служилъ, а также государя Александра Благословеннаго и императора Николая. Вотъ что̀ писалъ послѣ его смерти очевидецъ, близко его знавшій, о мирныхъ заслугахъ Павла Моисеевича: «Принесши въ жертву отечеству свои силы и здоровье, Меликовъ былъ назначенъ комендантомъ въ Баку. Но какъ въ сраженіяхъ сердце его было недоступно страху, такъ на поприщѣ мирной дѣятельности оно не посягало на корысть или даже на малѣйшую неправоту. Тамъ онъ потерялъ правую руку свою, защищая престолъ и отечество, здѣсь оставшаяся рука его не только никогда не касалась чужой собственности, но столько же отверста была для благотворительности, сколько сердце его—для христіанской любви къ ближнему».

Въ бытность его въ Баку—турки, татары, армяне, персіяне, русскіе и другія племена прямо шли къ нему на судъ въ своихъ спорахъ, и на приговоръ его не было апелляцій.

Живя въ Москвѣ, пользуясь своими связями и большимъ пенсіономъ, генералъ Меликовъ оказывалъ широкую благотворительность. Будучи одинокъ, онъ, въ сущности, имѣлъ огромную семью: членомъ его семьи былъ для него всякій честный человѣкъ и по преимуществу всѣ его земляки, не говоря уже о бѣдныхъ родственникахъ, для которыхъ онъ часто бывалъ вторымъ отцомъ.

Необходимо замѣтить, что, благодаря Павлу Моисеевичу Меликову, учрежденъ въ Москвѣ Касперовскій домъ для пріюта бѣдныхъ армянъ, по нынѣ существующій съ капиталомъ, значительно возросшимъ въ теченіе 50 лѣтъ. Кромѣ того, генералъ Меликовъ носилъ званіе первенствующаго члена въ «Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ», гдѣ самъ занимался по цѣлымъ часамъ съ дѣтьми...

Скончался онъ въ 1848 году въ Москвѣ, оплакиваемый всѣми, и похороненъ на Армянскомъ кладбищѣ рядомъ съ почетнымъ гражданиномъ Касперовымъ.

Въ домѣ дяди моего встрѣчалъ я много знаменитостей того времени, въ числѣ которыхъ постояннымъ посѣтителемъ бывалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, который называлъ дядю своимъ другомъ.

Отецъ, какъ я сказалъ, привезъ меня больнаго къ дядѣ; затѣмъ онъ

вернулся обратно въ Баку, чтобы переселить семью свою въ Астрахань, и вскорѣ умеръ, а я остался вполнѣ на попеченіи дяди.

Дядя мой по наружности казался мнѣ столь суровымъ, что, живя у него, я сдѣлался скрытнымъ даже дикимъ, не будучи въ состояніи угадать въ его обращеніи со мною желаніе наставить меня всему доброму и нравственному... Но за то во время болѣзни при мнѣ находилась няня Агаѳья—простая и очень добрая русская женщина, съ которой я скоро сталъ совсѣмъ откровеннымъ по той простой причинѣ, что женщина понимаетъ потребности дѣтской натуры и снисходительнѣе мужчины смотритъ на больнаго и раздражительнаго ребенка. Понятно, что я привязался къ Агаѳьѣ всѣмъ сердцемъ и самъ не замѣтилъ, какъ скоро научился говорить по-русски.

Ея простая рѣчь сдѣлалась для меня потребностью, когда въ часы недуга и безсонницы она разсказывала мнѣ сказки, дѣйствуя тѣмъ на мое и безъ того пылкое воображеніе.—Какъ только сталъ я поправляться—первой моей забавой было брать украдкой многочисленные кресты моего дядюшки и дѣлать изъ воска слѣпки, которые я подкрашивалъ. Хотя меня посѣщали знаменитости, Арендъ и Гильдебрантъ, но постояннымъ врачемъ, меня пользовавшимъ, былъ нѣкто Томаиди (грекъ), наружность котораго была столь оригинальна, что у меня появилось сильное желаніе нарисовать его портретъ, но такъ, чтобы Томаиди этого не замѣтилъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, портретъ врача настолько удался мнѣ, что няня сейчасъ же узнала послѣдняго, а это послужило мнѣ поощреніемъ и дало охоту рисовать съ натуры. Свои занятія рисованьемъ я производилъ скрытно отъ всѣхъ, кромѣ няни, которая была моей тайной повѣренной. Мнѣ хотѣлось добиться хорошихъ результатовъ безъ чужаго руководства, и я продолжалъ занятія вопреки запрещенію дядюшки, который боялся, что неумѣренное сидѣнье за бумагой повредитъ мнѣ во время болѣзни. Съ той поры, когда по выздоровленіи я былъ введенъ въ домъ друга моего дяди Петра Аѳанасьевича Мещеринова, я увидѣлъ въ первый разъ настоящія картины; мнѣ казалось, что не существуетъ другаго міра, который рисовало мнѣ по этимъ картинамъ пылкое молодое воображеніе.

Петръ Аѳанасьевичъ Мещериновъ былъ сослуживцемъ дяди по л.-гв. Кирасирскому полку. По выходѣ въ отставку въ чинѣ подполковника, онъ женился въ Симбирскѣ на помѣщицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, урожденной Собакиной, и для воспитанія дѣтей своихъ переѣхалъ на жительство въ Москву.

Почти одновременно бабушка великаго поэта Лермонтова Е. Л. Арсеньева, о которой я уже упоминалъ, тоже переселилась въ Москву, съ цѣлью дать воспитаніе знаменитому своему внуку. Мещериновы и Арсеньевы жили почти однимъ домомъ.

Елизавета Петровна Мещеринова, образованнѣйшая женщина того времени, имѣя дѣтей въ соотвѣтственномъ возрастѣ съ Мишей Лермонтовымъ—Володю, Аѳанасія и Петра, съ горячностью приняла участіе въ столь важномъ дѣлѣ, какъ ихъ воспитаніе, и по взаимному согласію съ Е. А. Арсеньевой рѣшили отдать ихъ въ Московскій университетскій пансіонъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что Володя (старшій) Мещериновъ и Миша Лермонтовъ вмѣстѣ поступили въ 4-ый классъ пансіона.

Невольно приходитъ мнѣ на умъ параллель между вышеупомянутыми замѣчательными женщинами, которыхъ я близко зналъ, и въ обществѣ которыхъ, подъ ихъ вліяніемъ выросъ поэтъ Лермонтовъ. Е. А. Арсеньева была женщина деспотическаго, непреклоннаго характера, привыкшая повелѣвать; она отличалась замѣчательной красотой, происходила изъ стариннаго дворянскаго рода и представляла изъ себя типичную личность помѣщицы стараго закала, любившей при томъ высказывать всякому въ лицо правду, хотя бы самую горькую. Е. П. Мещеринова, будучи столь же типичной личностью, въ противоположность Арсеньевой, выдѣлялась своею доступностью, снисходительностью и деликатностью души.

Не могу забыть, какъ, прощаясь съ нами послѣ ужина, она крестила и меня вмѣстѣ съ своими дѣтьми, какъ старалась внушить мнѣ тотъ огонь христіанской любви и добра, которымъ горѣла святая душа ея.

Помню, что, когда впервые встрѣтился я съ Мишей Лермонтовымъ, его занимала лѣпка изъ краснаго воска: онъ вылѣпилъ, напримѣръ, охотника съ собакой и сцены сраженій. Кромѣ того маленькій, Лермонтовъ составилъ театръ изъ маріонетокъ, въ которомъ принималъ участіе и я съ Мещериновыми; піесы для этихъ представленій сочинялъ самъ Лермонтовъ. Въ дѣтствѣ наружность его невольно обращала на себя вниманіе: преземистый, маленькій ростомъ, съ большой головой и блѣднымъ лицомъ, онъ обладалъ большими карими глазами, сила обаянія которыхъ до сихъ поръ остается для меня загадкой. Глаза эти съ умными, черными рѣсницами, дѣлавшими ихъ еще глубже, производили чарующее впечатлѣніе на того, кто бывалъ симпатиченъ Лермонтову. Во время вспышекъ гнѣва, они бывали ужасны. Я никогда не въ состояніи былъ бы написать портрета Лермонтова при видѣ неправильностей въ очертаніи его лица, и, по моему мнѣнію, одинъ только К. П. Брюловъ совладалъ бы съ такой задачей, такъ какъ онъ писалъ не портреты, а взгляды (по его выраженію, вставить огонь глазъ).

Въ личныхъ воспоминаніяхъ моихъ, маленькій Миша Лермонтовъ рисуется не иначе, какъ съ нагайкой въ рукѣ, властнымъ руководителемъ нашихъ забавъ, болѣзненно-самолюбивымъ, экзальтированнымъ ребенкомъ.

Помню характерную черту Лермонтова: онъ былъ ужасно прожор-

ливъ и ѣлъ все, что подавалось. Это вызывало насмѣшки и шутки окружающихъ, особенно барышенъ, къ которымъ Лермонтовъ вообще былъ не равнодушенъ. Однажды нарочно испекли ему пирогъ съ опилками; онъ не разбирая началъ его ѣсть, а потомъ страшно разсердился на эту злую шутку. Уѣхавъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, я долго не встрѣчался съ Лермонтовымъ, который изъ участника моихъ игръ, своенравнаго шалуна—Миши, успѣлъ сдѣлаться знаменитымъ поэтомъ, прославленнымъ сыномъ отечества.

Во время послѣдняго пребыванія въ С.-Петербургѣ мнѣ суждено было еще разъ съ нимъ неожиданно встрѣтиться въ Царскосельскомъ саду. Я былъ тогда въ Академіи художествъ своекошнымъ пансіонеромъ и во время лѣтнихъ каникулъ имѣлъ обыкновеніе устраивать себѣ пріятныя прогулки по окрестностямъ Петербурга, а иногда ѣздить въ ближніе города и села неразлучно съ портфелемъ. Меня особенно влекло рисованіе съ натуры, наиболѣе этюды деревьевъ. Поэтому Царскосельскій садъ, замѣчательный по красотѣ и грандіозности, привлекалъ меня къ себѣ съ карандашемъ въ рукѣ.

Живо помню, какъ, отдохнувъ въ одной изъ бесѣдокъ сада и отыскивая новую точку для наброска, я вышелъ изъ бесѣдки и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Лермонтовымъ, послѣ 10-ти-лѣтней разлуки. Онъ былъ одѣтъ въ гусарскую форму. Въ наружности его я нашелъ значительную перемѣну. Я видѣлъ уже передъ собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвѣтѣ лѣтъ, съ пламенными, но грустными по выраженію глазами, смотрящими на меня привѣтливо съ душевной теплотой. Казалось мнѣ въ тотъ мигъ, что иронія, скользившая въ прежнее время на губахъ поэта, исчезла. Михаилъ Юрьевичъ сейчасъ же узналъ меня, обмѣнялся со мною нѣсколькими вопросами, бѣгло разсмотрѣлъ мои рисунки, съ особенной торопливостью пожалъ мнѣ руку и сказалъ послѣднее прости... Замѣтно было, что онъ спѣшилъ куда-то, какъ спѣшилъ всегда, во всю свою короткую жизнь. Болѣе мы съ нимъ не видѣлись...

II.

Въ пансіонѣ Боргарта.—Въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, въ Артиллерійскомъ училищѣ и Академіи художествъ.—Ѳ. А. Бруни.—К. П. Брюловъ.

Въ Москвѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми Мещериновыхъ, какъ только я сталъ поправляться, меня отдали въ извѣстнѣйшій пансіонъ Боргарта, гдѣ я

оставался недолго, такъ какъ прежняя болѣзнь моя вернулась съ новой силой. Платилъ за меня дядя 1.000 р. ассигнаціями въ годъ.

То, что пришлось мнѣ пережить въ этомъ пансіонѣ, я затруднился бы описать во всѣхъ подробностяхъ.

Товарищи мои (насъ было шестеро), почти одного со мною возраста, были благовоспитанные, достаточно подготовленные по иностраннымъ языкамъ. Дѣти богатыхъ знатныхъ родителей, они безконечно рознились отъ меня, дикаря по натурѣ, не говорящаго при томъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ.

Понятно, что, отличаясь отъ всѣхъ ихъ по развитію, я сначала подвергался нападкамъ своихъ товарищей; но потомъ мы сдружились дотого, что я скоро нашелъ въ нихъ какъ бы старшихъ братьевъ.

Воспитатель нашъ, Николай Ивановичъ Боргартъ, профессоръ Лейпцигскаго университета, человѣкъ съ большими познаніями, весь преданъ былъ дѣлу воспитанія. Зналъ хорошо каждаго изъ насъ и воспитывалъ по нашимъ склонностямъ. Супруга его была талантливой ученицей знаменитаго Фильда и давала въ пансіонѣ уроки музыки. Преподавателемъ французскаго языка и ариѳметикѣ былъ m-r Firmin, учителемъ рисованія — Александръ Степановичъ Солоницкій (преподаватель университетскаго пансіона), а нѣмецкаго языка и другихъ предметовъ—самъ Боргартъ. Строго соблюдалось, чтобъ мы говорили одинъ день по-русски, другой по-французски и третій по-нѣмецки.

Ученье мое пошло очень успѣшно: по крайней мѣрѣ я не отставалъ отъ своихъ товарищей, а въ рисованіи и чистописаніи даже особенно отличался. Ариѳметика мнѣ не далась; я былъ слабъ и получалъ послѣднюю отмѣтку. Учитель ариѳметики, m-r Firmin, постоянно недовольный мною, погрозилъ мнѣ однажды пальцемъ и хотѣлъ взять за ухо. Товарищи начали смѣяться, и мое самолюбіе было столько уязвлено, что я аспидной доской, на которой рѣшалъ задачу, ударилъ своего учителя по головѣ. Этотъ поступокъ дикой строптивости имѣлъ впослѣдствіи большое вліяніе на мой характеръ. Воспитатель мой Боргартъ понялъ, что нужно принять крайнія мѣры, чтобы обуздать мой нравъ, и придумалъ наказаніе, которое подѣйствовало на мою чрезмѣрную впечатлительность и воображеніе. Я былъ запертъ въ темный небольшой чуланъ, гдѣ стояла только деревянная скамья, а въ углу висѣлъ скелетъ такъ, что при тусклomъ свѣтѣ онъ мнѣ казался привидѣніемъ, укоряющимъ меня за мой проступокъ, а при движеніяхъ я поневолѣ къ нему прикасался. Пища моя состояла изъ хлѣба и воды, а когда меня выпустили, наконецъ, изъ чулана, то помѣстили въ особой комнатѣ, запретивъ другимъ товарищамъ имѣть со мною сообщеніе. Во время ареста въ чуланѣ, продолжавшагося довольно долго, — жена Боргарта приходила ко мнѣ ангеломъ-миротворцемъ, пробуждая чувство угрызенія совѣсти такими увѣща-

ніями, которыя не забываются. Будучи выпущенъ изъ чулана подъ бременемъ новыхъ ощущеній, въ одинъ вечеръ я заснулъ отъ утомленія надъ задачей, и тетрадь моя отъ нагорѣвшей свѣчки объялась пламенемъ, охвативъ огнемъ и меня.

Въ это самое мгновеніе судьбѣ угодно было, чтобъ явился мой ангелъ-хранитель въ лицѣ г-жи Боргартъ, которая имѣла на столько присутствія духа, что сама загасила огонь и затѣмъ скрыла отъ всѣхъ готовившуюся катастрофу.

Послѣднее обстоятельство имѣло потрясающее дѣйствіе на мое существо: женское снисходительное участіе и материнское состраданіе сильнѣе суроваго наказанія подѣйствовали на мою душу!... Я останавливаюсь на этомъ событіи моего дѣтства, потому что съ того времени совершенно измѣнилось мое нравственное направленіе, впослѣдствіи выработанное моими высокочтимыми наставниками.

Буйство мое замѣнилось смиреніемъ, нѣкоторою застѣнчивостью, даже робостью. Я впервые началъ постигать превосходство другихъ надо мною. Скоро мнѣ стало замѣтно, что наставникъ мой, психологъ и педагогъ, зорко слѣдившій за мною, перемѣнился ко мнѣ, такъ какъ видѣлъ, что я не служилъ дурнымъ примѣромъ для его сына Іосифа, съ которымъ былъ друженъ. Послѣ того, я часто бывалъ наказываемъ за проступки, но совершенно иначе: меня запирали въ кабинетъ моего наставника, гдѣ я долженъ былъ рѣшать ненавистныя мнѣ ариѳметическія задачи. Это наказаніе имѣло большое вліяніе на мое художественное развитіе. Кабинетъ ученаго Боргарта являлся замѣчательнымъ по богатству собраніемъ, какъ по части науки, такъ и по части изящныхъ искусствъ. Тутъ были картины, скульптура, чудные эстампы и книги, переполненныя гравюрами, которыя не запрещено было мнѣ разсматривать. Любопытство мое возбуждалось въ высшей степени. Я началъ жить новою жизнью и дотого заинтересовался картинами, что для меня становился желательнымъ день, который я проводилъ въ этомъ кабинетѣ. Чудная музыка г-жи Боргартъ уносила меня въ міръ фантазіи, и, когда товарищи мои брали уроки музыки, я садился недалеко отъ нихъ рисовать или углублялся въ чтеніе книгъ по выбору воспитателя.

Быстрое мое развитіе должно было пріостановиться, такъ какъ умственный трудъ оказался мнѣ не подъ силу, благодаря скрытой во мнѣ болѣзни, и дядюшка взялъ меня изъ пансіона.

У него-то началось серіозное мое лѣченье. Попеченіями дяди и искусствомъ многихъ врачей, но главнымъ образомъ Гильдебрандта, послѣ продолжительной болѣзни я былъ поставленъ на ноги. Затѣмъ я поступилъ въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ приходящимъ воспитанникомъ съ цѣлью изучить свой природный языкъ. Въ институтѣ товарищами моими были: султанъ-шахъ Эминъ (извѣстный впослѣдствіи

ученый и писатель армянскій), князь Абамеликъ, Иванъ Давидовичъ Деляновъ (нынѣ графъ и министръ народнаго просвѣщенія) и многія другія высокопоставленныя личности.

Въ институтѣ занятія мои шли медленнѣе, чѣмъ въ пансіонѣ Боргарта. Бо́льшую часть времени проводилъ я въ домѣ Мещериновыхъ и близкихъ родственниковъ ихъ—Столыпиныхъ. Помню, какъ труднѣйшія пьесы Бетховена и Моцарта разыгрывались талантливымъ Аѳанасіемъ Мещериновымъ—пока я читалъ все, чѣмъ богата была литература того времени. Да, по истинѣ, это было больное время моихъ отроческихъ лѣтъ!...

Но прошли годы моего элементарнаго образованія. Дядюшка думалъ устроить мнѣ военную карьеру и счелъ за лучшее опредѣлить меня въ Артиллерійское училище. Надо было приготовиться по математикѣ; я поступилъ для этого полнымъ пансіонеромъ къ капитану Николаю Ивановичу Цылову, жившему въ самомъ зданіи Артиллерійскаго училища въ Петербургѣ, а черезъ годъ успѣшно выдержалъ вступительный экзаменъ, приложивъ все стараніе, чтобъ оправдать надежды дядюшки, но къ удивленію моего приготовителя, знавшаго мои слабыя способности къ математическимъ наукамъ. Когда же пришлось сидѣть и слѣдить за курсомъ, я началъ отставать отъ товарищей. Между тѣмъ мои успѣхи въ рисованіи стали на столько замѣтны, что рисунки орудій дѣлались мною для всего класса; за что меня товарищи скоро полюбили. Къ фронту же я оказался неспособнымъ. Начальство относилось ко мнѣ очень снисходительно: это были люди съ высокимъ образованіемъ и очень доброжелательные. Въ лагеряхъ, напримѣръ, мнѣ отвели даже особую палатку и назвали ее «академическою мастерскою»; освобождали меня отъ фронтоваго ученья—за приготовленіе рисунковъ орудій. Между тѣмъ наступало время экзаменовъ, и я былъ совсѣмъ обезкураженъ—зная, что не могу выдержать испытанія изъ математики, чѣмъ огорчу дядю. И тутъ начальство пришло ко мнѣ на помощь. Когда дядя мой пріѣхалъ въ Петербургъ и отправился къ начальнику училища, генералу Кованько, и къ командиру батареи полковнику Мессершмиту, то они, въ одинъ голосъ, такъ сказали обо мнѣ: «Вашъ племянникъ—славный малый, нашъ любезный артистъ, но не артиллеристъ». Затѣмъ дядя мой спрашивалъ совѣта у преподавателя рисованія училища—Теребенева, который отозвался о моихъ успѣхахъ по его предмету съ большой похвалою. Начальство училища на столько благоволило ко мнѣ, что само хлопотало о переводѣ моемъ въ Академію художествъ. Дядя не упрекалъ меня, обѣщалъ оказывать помощь, но въ то же время былъ, видимо, опечаленъ моей неудачей. Впрочемъ, самъ труженикъ на царской службѣ, онъ умѣлъ оцѣнить всякій честный трудъ!...

Я поступилъ въ Академію художествъ въ 1837—1838 гг.

Переходъ къ новой обстановкѣ, къ новымъ чуждымъ мнѣ нравамъ былъ для меня очень чувствительнымъ. Изъ среды товарищей высшихъ слоевъ общества, какъ-то Шереметева (зятя М. Н. Муравьева), Багратіона, Ермолова, Бакунина, Шан-гирея, Константинова и прочихъ выдающихся личностей, съ которыми я сблизился въ Артиллерійскомъ училищѣ и которыми былъ любимъ, я попалъ въ среду людей талантливыхъ, но нравственно распущенныхъ. Я въ то же время сразу почувствовалъ, что отсталъ отъ нихъ въ механизмѣ искусства и въ техникѣ. Мнѣ хотѣлось творить въ то время, какъ кисть не была еще мнѣ послушна. Я не въ состояніи описать то чувство, которое испыталъ я, увидѣвши впервые натурный классъ, гдѣ стояли живые этюды, исполняемые малолѣтними воспитанниками! Я понялъ, что мнѣ надо трудиться «съ утра до вечера, съ вечера до утра», какъ говаривалъ мой великій учитель Карлъ Павловичъ Брюловъ.

При поступленіи въ Академію я попалъ подъ руководство Ѳедора Антоновича Бруни, но это продолжалось не долго, потому что вскорѣ онъ уѣхалъ въ Италію для окончанія своего замѣчательнаго произведенія «Мѣдный змѣй». Въ то время пріѣхалъ изъ Италіи К. П. Брюловъ. Его вѣковое произведеніе «Послѣдній день Помпеи» находилось въ стѣнахъ Академіи. Я пожелалъ поступить къ Карлу Павловичу въ ученики.

Это исполнилось не вдругъ, такъ какъ надо было обратить на себя его вниманіе. Брюловъ говорилъ нерѣдко, что въ число своихъ учениковъ онъ можетъ включить лишь того, кто понимаетъ его, талантливъ и кому онъ можетъ быть поэтому полезенъ. И вотъ я употребилъ всѣ усилія, чтобы обратить на себя вниманіе своего профессора. Въ концѣ концовъ, мнѣ суждено было добиться того, къ чему я такъ стремился. К. П. Брюловъ требовалъ отъ своихъ учениковъ прежде всего, чтобы они были вѣрны природѣ—другими словами, чтобъ они списывали съ натуры разумно и правдиво, не впадая въ манерность. Онъ былъ горячій сѣятель правды въ искусствѣ; до него же слѣпое изученіе антиковъ вовлекало художниковъ въ крайность. Брюловъ первый изъ нашихъ художниковъ искалъ естественности и правды, часто говоря своимъ ученикамъ: «правда во всемъ имѣетъ свой особенный запахъ». То, что онъ проповѣдовалъ, всецѣло проявляется въ его собственныхъ произведеніяхъ, большихъ и малыхъ. Брюловъ же говорилъ, что къ холсту нужно подходить совершенно готовымъ, т. е. чтобы то, что творчески создалось въ головѣ, правдиво и жизненно вылилось бы на холстъ. Мы, ученики К. П., понимали слова его въ томъ смыслѣ, что нужно владѣть и механизмомъ искусства и изучать великихъ мастеровъ.

Сколько новыхъ дарованій было замѣчено и выдвинуто въ ту эпоху геніемъ Брюлова! Однажды, проходя античную галлерею, онъ замѣтилъ мальчика, который изъ слоновой кости, размѣромъ меньше вершка, ис-

полнялъ группу Лаокона: это былъ иностранецъ Шеръ. Брюловъ принялъ въ немъ участіе, настоялъ въ совѣтѣ Академіи на томъ, чтобы ему дали степень художника. Впослѣдствіи Шеръ сдѣлался извѣстнымъ скульпторомъ.

Я бывалъ свидѣтелемъ того зрѣлища, когда Брюлловъ обходилъ годичныя академическія выставки, на которыхъ появлялись картины извѣстныхъ художниковъ нашихъ и иностранныхъ. Громаднѣйшая толпа слѣдовала за нимъ, чтобы уловить каждое его слово—и это слово было приговоромъ для картинъ экспонента. Ни одно самое незначащее произведеніе не было имъ оставлено на выставкахъ безъ вниманія; никогда не пропускалъ онъ отмѣтить то, что хорошо и правдиво. За то былъ неумолимъ, когда видѣлъ совершенную бездарность. Брюловъ признавался намъ, своимъ ученикамъ, что непрерывно учится самъ, глядя на чужія картины, подобно великому Пуссену, который, когда его спросили, какъ онъ достигъ такого совершенства,—отвѣтилъ: «Я никогда никѣмъ и ничѣмъ не пренебрегалъ».

Тотъ истинный художникъ и поэтъ, кто чуждъ зависти и умѣетъ замѣчать и оцѣнивать достоинство другихъ. У Брюлова же вполнѣ была развита эта благородная черта. Здѣсь въ бѣглыхъ замѣткахъ я хочу попытаться набросить все, что я помню о Брюловѣ, который, обративъ, наконецъ, свое вниманіе на мой рисунокъ въ натурномъ классѣ, сдѣлалъ меня своимъ ученикомъ. Теперь неизмѣнно, когда берусь за кисть, возстаетъ предо мною самъ великій мастеръ—Карлъ Павловичъ.

Существуетъ упрекъ, будто бы Брюловъ не оканчивалъ своихъ произведеній. За то тѣ, которыя онъ самъ находилъ оконченными, остаются безсмертными. Я помню, что когда было окончено имъ знаменитое «Распятіе» въ колоссальномъ размѣрѣ для лютеранской церкви въ Петербургѣ, Брюловъ поставилъ образъ въ античной академической залѣ и пригласилъ всѣхъ профессоровъ и даже учениковъ своихъ на эту выставку. Это было торжество для искусства. Брюловъ попросилъ маститаго профессора Алексѣя Егоровича Егорова что-нибудь замѣтить относительно картины. Егоровъ отвѣчалъ ему по-италіански. «Дорогой маэстро Карлъ! Намъ ли тебѣ замѣчать, когда каждый ударъ твоей кисти есть хвала Богу!..»

Никто не былъ бы въ состояніи сдѣлать болѣе мѣткую оцѣнку! Несомнѣнно, что «Распятіе» останется вѣковымъ студіемъ для послѣдующихъ поколѣній. Для картины избранъ моментъ: «совершилось». Торсъ Спасителя написанъ такъ, что каждая жила, каждый нервъ въ напряженіи и выражаетъ послѣдній вздохъ. Выраженіе лика Спасителя усиливаетъ и дополняетъ общее впечатлѣніе.

Не помню, кто-то изъ нашихъ писателей выразился. «Вся картина есть одинъ печальный аккордъ!»

Трудно передать, что̀ чувствуешь, когда видишь эту картину при хорошемъ освѣщеніи во время богослуженія при звукахъ органа...

Карлъ Павловичъ часто говаривалъ намъ, чтобы въ живописи не видно было красокъ. Эти слова оправдываются вполнѣ на портретѣ Павла Васильевича Кукольника, написанномъ à la prima, хотя не доконченномъ. Всякое живописное произведеніе есть изображеніе одного момента: въ этомъ смыслѣ вѣрно выраженіе, что Брюловъ писалъ не портреты, а взгляды. Творческая сила Карла Павловича выражалась не въ одной живописи, а во всемъ, чего онъ касался. Мнѣ кажется, если бы Брюловъ взялся за перо, то равно былъ бы великъ потому, что во всемъ искалъ жизненности и правды.

Не исчислить мнѣ всего, что я видѣлъ достойнаго и замѣчательнаго въ мастерской моего учителя, съ тѣхъ поръ, какъ онъ обратилъ свое вниманіе на мои занятія. Было бы безполезной попыткой перечислять всѣхъ знаменитостей, которыхъ я встрѣчалъ въ его мастерской. Портреты Жуковскаго, Крылова, Нестора Васильевича Кукольника, Струговщикова готовились на моихъ глазахъ.

Особенно памятенъ мнѣ Крыловъ, нетерпѣливый во время сеансовъ, съ которымъ Брюловъ постоянно разговаривалъ. Я видѣлъ въ мастерской женскіе портреты Шишмаревыхъ, Меллеръ-Закомельской, дивный портретъ ея высочества великой княжны Александры Николаевны. Все, что вращалось новаго около свѣтила искусствъ изъ міра художественнаго и литературнаго, люди съ дарованіями находили въ Карлѣ Павловичѣ поддержку и часто выдвигались имъ. Въ числѣ ихъ былъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, который начиналъ заниматься живописью и которому Брюловъ помогъ вырваться изъ крѣпостнаго состоянія, давъ ему званіе свободнаго художника.

Брюловымъ же были выдвинуты — Макрицкій писатель, художникъ, Борисполецъ, оставившій военную службу въ чинѣ полковника и подъ руководствомъ Карла Павловича получившій званіе академика; Ѳедотовъ, гвардіи капитанъ, Моллеръ, сынъ морскаго министра, Зарянко и многіе другіе впослѣдствіи прославившіеся русскіе художники. Изъ работъ Карла Павловича я хорошо помню замѣчательный картонъ, сдѣланный карандашемъ въ три тона, служащій плащаницею для Почтамтской церкви. Фигура Спасителя въ гробу въ перспективѣ лицомъ къ зрителю полуосвѣщена, у самыхъ ногъ свѣтлый ангелъ съ преклоненной головой, рельефно выдвинутый. Ракурсъ фигуры Спасителя изумительно исполненъ и можетъ назваться чудомъ искусства.

Прежде чѣмъ приступить къ холсту, Брюловъ обыкновенно долго и до самыхъ мельчайшихъ подробностей обдумывалъ то, что представлялось пламенному его воображенію; дѣлалъ многочисленные наброски

и тогда только приступалъ къ исполненію, когда картина представлялась ему мысленно вполнѣ оконченной и вставленной даже въ раму.

Хотя технику и самый механизмъ исполненія Брюловъ велъ быстро, но въ то же время фантазія опережала его первую мысль, и онъ крѣпко утомлялся.

— Картина должна быть такъ окончена,—говаривалъ онъ своимъ ученикамъ,—чтобы, закрывъ цѣлую картину, по характеру оконечностей рукъ и ногъ можно было судить о содержаніи цѣлаго.

При работахъ Брюловъ ограничивался малымъ числомъ красокъ, но въ ихъ гармоническомъ сочетаніи чистота и прозрачность чаровали глазъ. Поэтому тайна въ картинѣ Брюлова заключается въ добросовѣстномъ изученіи рисунка свѣтотѣни и воздушной перспективы.

Помню, какъ страстно желалъ я попасть въ мастерскую Карла Павловича, чтобы увидѣть моего великаго учителя роботающаго кистью или карандашемъ. Это было доступно только тѣмъ немногимъ, въ комъ замѣчалъ онъ несомнѣнный талантъ. Этого я достигъ тогда только, когда Карлъ Павловичъ первый разъ поправилъ мой натурный рисунокъ.

Однажды я имѣлъ смѣлость показать ему этюдъ водопада Иматры съ натуры, былъ самъ въ восторгѣ отъ своей работы и ждалъ похвалы, но, увы, не получилъ ея.

— Что это вамъ вздумалось, вмѣсто воды, какъ цырюльникъ, на мылить всю картину,—спросилъ меня Брюловъ.

Онъ былъ неумолимъ къ бездарностямъ, которые считали себя великими художниками.

Когда Карлъ Павловичъ, по заказу государя императора, писалъ осаду Пскова, то для наглядности было приказано въ Красномъ Селѣ устроить ему практическое ученье съ примѣрнымъ взрывомъ укрѣпленія. Такимъ удобнымъ случаемъ воспользовался одинъ изъ самозванцевъ-художниковъ гувернеръ Академіи художествъ нѣкто Б..., занимавшійся живописью и жившій въ Красномъ Селѣ на дачѣ. Онъ пригласилъ Карла Павловича и сопровождавшихъ его на ученьи генераловъ къ себѣ на званый обѣдъ. Дѣйствительно, пировали пышно и весело. Но это не удовлетворило тщеславія мечтателя-художника. Послѣ обѣда онъ пригласилъ все общество посѣтить его мастерскую. На мольбертѣ стояла копія работы хозяина съ прославленной картины Моллера «Поцѣлуй», а передъ нею и самый оригиналъ. Брюловъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ мастерскую и, остановившись на копіи, громко сказалъ:

— Это копія маляра съ Моллера.

Смѣхъ всего общества покрылъ его слова.

Брюловъ былъ сострадателенъ къ своему собрату-художнику и никогда не отказывалъ подать помощь или совѣтомъ, или подаркомъ своей

картины въ пользу нуждающагося, но на деньги онъ былъ скупъ дотого, что самъ себѣ отказывалъ во многомъ, даже необходимомъ.

Въ этотъ золотой вѣкъ развитія у насъ искусства, досужіе Карла Павловича рисунки цѣнились на вѣсъ золота, и нельзя исчислить того количества акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ, которые переходили изъ рукъ въ руки и приносили ему несмѣтныя деньги.

Размолвка съ женой съ первыхъ дней ихъ супружества и расторженіе брака стоили Карлу Павловичу Брюлову громаднѣйшихъ суммъ.

Мнѣ смутно представляется это время: мы тогда рѣдко видѣли въ Академіи нашего знаменитаго профессора, и въ не столь свѣтломъ настроеніи духа, какимъ мы его привыкли видѣть. Будучи въ Академіи, я много занимался живописью, копировалъ въ Эрмитажѣ, а дома писалъ съ натуры.

Однажды Брюловъ приказалъ мнѣ показать то, что я дѣлаю. Его можно было видѣть только въ отдѣльной большой мастерской (въ портикѣ, находящемся въ академическомъ саду), гдѣ онъ писалъ тогда «Осаду Пскова».

Въ это время К. П. никого не пускалъ къ себѣ, не желая, чтобы видѣли начало его работы, но я былъ допущенъ. Невольно прежде всего я бросилъ любопытный глазъ на огромный холстъ «Осады Пскова», но Брюловъ, замѣтивъ это, взялъ меня за плечи и круто повернулъ отъ картины, отводя меня въ сторону. Я представилъ мой этюдъ съ натуры—голову старика, державшаго хартію въ рукѣ.

— Ну покажите!—сказалъ К. П.—самъ освѣтилъ этюдъ, долго и внимательно разсматривая его. Это былъ для меня рѣшительный моментъ въ моемъ стремленіи заявить себя предъ профессоромъ. Брюловъ одобрительно пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Все хорошо! молодецъ! Только волосы жестки. Постарайтесь и поправьте. Волосы не выписываютъ, а расчесываютъ, и затѣмъ опять покажите мнѣ!

Хотя я и былъ одобренъ, но волосы были для меня камнемъ преткновенья. Я долго всматривался въ работы извѣстныхъ мастеровъ, понималъ, что̀ требовалось отъ меня Брюловымъ, и не имѣлъ смѣлости мастера, чтобы закончить работу. Наконецъ, пригласивъ натурщика, я взялъ широкую кисть и рѣшительными двумя-тремя ударами ея передѣлалъ этюдъ. Когда я принесъ его К. П. въ мастерскую, онъ толкнулъ меня (признакъ его удовольствія) и сказалъ:

— Молодецъ! Хорошо! Вотъ оно и заговорило... Несите на выставку.

Выставка показала мнѣ, что дѣйствительно этюдъ мой заслуживалъ похвалы, такъ какъ онъ обратилъ на себя вниманіе публики и наиболѣе товарищей. За этюдъ я получилъ въ награду—серебряную медаль пер-

ваго достоинства и степень свободнаго художника. Картина была куплена у меня съ выставки за 200 руб. (цѣна въ тѣ времена большая) въ картинную галлерею Прянишникова, гдѣ и теперь, вѣроятно, находится.

Получивъ знаки свободнаго художника, я поѣхалъ въ Москву къ другу моему и воспитателю Павлу Моисеевичу Меликову, который, видя, что попеченія его обо мнѣ оправдываются, пожелалъ снабдить меня новыми средствами для усовершенствованія. Время, проведенное въ Москвѣ, было для меня однимъ днемъ веселья и радостей. Не будучи приверженъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ, я имѣлъ затаенное желаніе написать портретъ благодѣтеля нашей семьи—моего дяди—испросивъ на это съ трепетомъ сердца его согласія.

Дядя, всегда съ любовью снисходительный ко мнѣ и понимая мои чувства, не отказалъ мнѣ въ этомъ и терпѣливо позировалъ. Трудно передать, съ какимъ увлеченіемъ принялся я за эту работу! Въ продолженіе мѣсяца я совершенно окончилъ портретъ, обратившій на себя вниманіе всѣхъ друзей нашихъ и вызвавшій заказы многихъ постороннихъ.

По возвращеніи въ Академію, я показалъ портретъ дяди своему профессору. Это было въ присутствіи художниковъ и академиковъ.

— Что скажите, господа академики,—спрашивалъ Брюловъ,—каковъ портретъ?! Какова лѣпка?!

Могъ ли я ожидать такого же вторичнаго отзыва того, каждое замѣчаніе котораго мы считали для себя приговоромъ.

Съ этой минуты я часто бывалъ удостоиваемъ особеннаго вниманія Карла Павловича.

Одно время, живя въ Петербургѣ для пріобрѣтенія независимыхъ средствъ жизни, я исполнялъ много частныхъ заказовъ и занимался въ почетныхъ домахъ уроками рисованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ помнилъ, что все это лишь отвлекаетъ меня отъ серьезныхъ занятій. Мнѣ хотѣлось участвовать въ конкурсѣ для того, чтобы осуществить мои мечты и получить право пансіонера отъ казны на заграничное путешествіе.

Ежемѣсячно намъ, ученикамъ Академіи, задавались различныя темы для развитія въ сочиненіи картинъ. Для конкурса же въ то время задавался одинъ и тотъ же сюжетъ собственно для академической программы.

Зная мое ревностное желаніе исполнить программу, Брюловъ былъ столь внимателенъ, что предложилъ мнѣ особый сюжетъ, какъ онъ самъ сказалъ, «нѣчто новое»—Сикстъ V во время дѣтства, когда ворожея предсказываетъ ему его будущность. Я, незнакомый съ типами и особенностями края, не могъ осилить этой задачи. Когда К. П. обходилъ студіи учениковъ, писавшихъ программы, то мнѣ стало ясно, на сколько

я не удовлетворилъ ожиданій моего профессора. Я на столько былъ обезкураженъ, что первый разъ бросилъ неоконченнымъ свой трудъ, а затѣмъ вскорѣ оставилъ самую Академію.

Прощаясь со мною, Брюловъ былъ видимо тронутъ, пожелалъ мнѣ всего хорошаго, перекрестилъ и сказалъ:

— Господь съ вами! Идите своей дорогой!

Незабыть мнѣ этого прощанія!

Какъ теперь вижу Карла Павловича, маленькаго роста, полнаго, съ широкой грудью. Общее очертаніе головы напоминало антику съ вьющимися волосами, свѣтлорусыми. Изсиня сѣрые глаза, постоянно обращенные вверхъ, выражали вдохновеніе. Былъ простъ и естественъ въ обращеніи, владѣлъ силою слова, остроуміемъ и сарказмомъ. Часто бывалъ нетрезвый и въ подобномъ состояніи любилъ проповѣдовать; и при его начитанности рѣчь была увлекательна. Будучи занятъ серьезной работой (постоянно въ сѣрой курткѣ), онъ уходилъ въ нее весь, даже забывалъ ѣсть. Часто посѣщая мастерскую Брюлова, я удивлялся тому безпорядку, который въ ней царствовалъ. Въ числѣ вещей, привезенныхъ изъ Италіи, Испаніи, Турціи, находились очень цѣнныя, но на всемъ лежала пыль, и все было разбросано. Все было предоставлено усмотрѣнію и вкусу любимаго слуги, простяка-малоросса Лукьяна.

Лукьянъ былъ очень оригиналенъ; говорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, имѣлъ типичную физіономію. Будучи преданъ Брюлову, онъ все ему устраивалъ и всѣмъ завѣдывалъ въ домѣ. Участь тѣхъ, которые хотѣли видѣться съ Карломъ Павловичемъ, зависѣла отъ согласія того же Лукьяна. Чтобы не пускать любопытныхъ посѣтителей въ мастерскую, своего барина во время его занятій, Лукьянъ выдумывалъ разные предлоги.

Самъ Брюловъ не всѣмъ, а только нѣкоторымъ ученикамъ разрѣшалъ присутствовать при своихъ работахъ. Среди болѣе любимыхъ учениковъ Брюлова существовалъ порядокъ, въ силу котораго они (въ томъ числѣ и я) поочередно ходили къ Карлу Павловичу по вечерамъ на квартиру читать ему вслухъ. Любимымъ чтеніемъ Карла Павловича былъ огромный томъ французской революціи и дѣяній Наполеона. Пока читали ему, Карлъ Павловичъ чертилъ что-либо карандашемъ на бумагѣ. Однажды онъ заставилъ меня читать ему до двухъ часовъ ночи, пока не замѣтилъ, что я утомился. Во время этого же чтенія онъ неожиданно поднялъ вѣки моего глаза. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, Карлъ Павловичъ отвѣтилъ: «хочу замѣтить движеніе зрачка во время чтенія».

Въ одинъ изъ подобныхъ вечеровъ Карлъ Павловичъ разсказалъ мнѣ, что отецъ его былъ извѣстный живописецъ—плафонный. Онъ запрещалъ сыну браться за кисть, пока самъ ему про это не скажетъ.

*

Когда же отецъ убѣдился, что Карлъ Павловичъ достаточно силенъ въ рисункѣ, то позволилъ ему скопировать извѣстную голову старика «Веласкеза», и нынѣ находящуюся въ Строгановской картиной галлереѣ. Когда Карлъ Павловичъ постарался сдѣлать тщательно эту копію, отецъ его похвалилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на недостатки послѣдней.—«Если ты поправишь ихъ, то будешь молодецъ»,—добавилъ онъ. Карлъ Павловичъ сдѣлалъ вторую копію, болѣе тщательную, которая вновь подверглась строгой критикѣ его отца. Такимъ образомъ послѣдній заставилъ сына скопировать голову старика 12 разъ, пока тотъ совершенно не усвоилъ себѣ способъ и замѣчательную технику мастера Веласкеза.

Вспоминаю еще одинъ эпизодъ изъ жизни Карла Павловича Брюлова. Императоръ Николай Павловичъ, приказавъ написать профессорамъ Академіи образа для Измайловскаго собора, остался недоволенъ работами Ѳедора Антоновича Бруни и Алексѣя Егоровича Егорова, почему велѣлъ Брюлову ихъ переписать. Брюловъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе по отношенію къ товарищамъ. Ваше величество!—сказалъ Брюловъ,—если позволите мнѣ высказать мое мнѣніе, то я нахожу приличнымъ списать образъ «Евангелиста Іоанна» съ Доминикина, этого великаго мастера.

Образъ, сдѣланный Брюловымъ, остался въ Академіи, а копія съ него, исполненная ученикомъ его, Михайловымъ, помѣщена въ Измайловскомъ соборѣ. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что Михайловъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ Карла Павловича и даже жилъ у него на квартирѣ. Происходя изъ простаго званія и будучи горькимъ пьяницей, Михайловъ самъ никогда ничего самостоятельнаго не писалъ, а только копировалъ.

Когда послѣ созданія картины «Разрушеніе Помпеи» Брюловъ ѣхалъ изъ Рима, чтобы вступить профессоромъ въ Академію, то заѣхалъ къ бывшему своему товарищу Добровольскому (директору московской школы рисованія). Остановившись у него запросто и увидѣвъ его жену—не красавицу, но съ прекраснымъ выраженіемъ русскаго лица, К. П. увлекся ею и сдѣлалъ съ нея неоконченный набросокъ въ черной шали, написавъ лишь голову.

Я видѣлъ въ семьѣ Добровольскаго эту голову, въ которой поражаетъ стекловидность, прозрачность глазъ. По мнѣнію самого К. П., это одна изъ лучшихъ его вещей.

Александру Ѳедоровичу и засталъ его въ студіи въ отдѣльномъ отъ родителей помѣщеніи. То, что представилось моимъ глазамъ, меня совершенно увлекло, а нѣсколько начатыхъ художественныхъ работъ, прекрасно обставленныхъ, безпредѣльно восхитили меня. Я зналъ, что Брюловъ, взглянувъ на одинъ большой этюдъ Эйхена, сказалъ: «До этой степени доходятъ, но на этомъ и останавливаются!» Я былъ принятъ хозяиномъ студіи по-пріятельски и сразу такъ полюбилъ молодаго артиста, что потомъ мы не разлучались до конца его жизни. Насъ связывала одинаковость воспитанія. Кромѣ того меня увлекало сознаніе, что я вижу предъ собою будущаго великаго художника съ утонченнымъ и изящнымъ вкусомъ. Эйхены жили противъ Румянцевской площади на Васильевскомъ островѣ въ 1-й линіи въ томъ домѣ, гдѣ жилъ безсмертный баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, гдѣ я часто проходя видѣлъ послѣдняго у окна нижняго этажа, сидящаго съ раскрытымъ воротомъ. Прошло полвѣка со времени моей первой встрѣчи съ А. Ѳ., а впечатлѣніе этой встрѣчи такъ сильно, что и теперь я помню мельчайшія подробности того времени. А. Ѳ. направленъ былъ такъ, что малѣйшая его прихоть исполнялась мгновенно и безпрепятственно. Родители его были противъ артистической карьеры сына; но, видя его нѣжное сложеніе и полную неспособность къ военной службѣ, при особенностяхъ его умственнаго развитія, они должны были уступить, хотя и не охотно. По взглядамъ и кичливости того времени они совсѣмъ не понимали самостоятельнаго умственнаго труда.

Съ минуты знакомства моего съ Эйхеномъ открылся для меня новый міръ. Я сталъ проводить счастливѣйшіе дни въ той храминѣ, куда мы съ А. Ѳ. уединялись, чтобы обмѣниваться нашими мыслями и идеалами.

Богато одаренный природой, Эйхенъ на конкурсахъ изумлялъ своихъ товарищей неудержимой фантазіей, и его эскизы на заданную тему всегда были первыми. Къ несчастію, послѣ усиленныхъ трудовъ, онъ любилъ увлекаться неумѣренными удовольствіями, вредно отзывавшимися на его слабомъ организмѣ. Недобрые товарищи, отъ сообщества которыхъ онъ не могъ отказываться, завидовали ему и губили его. Онъ сталъ чахнуть. Я предвидѣлъ печальныя послѣдствія отъ такой жизни; пытался отвлекать друга отъ кутежей, но это не всегда удавалось. Родители, зная нашу дружбу и то братское искреннее вліяніе, которое я оказывалъ порой на ихъ сына, старались со мною сблизиться и сдѣлали меня какъ бы членомъ своей семьи.

Всякій праздникъ, если я не приходилъ, они освѣдомлялись обо мнѣ и, въ свою очередь, въ благодарность за сына, оберегали меня отъ дурнаго общества.

Семья Эйхеновъ славилась гостепріимствомъ и пользовалась лю-

бовью и почетомъ. Лѣто они проводили на своей дачѣ въ Ораніенбаумѣ, а мы съ А. Ѳ., какъ неразлучные, оставались дома для своихъ занятій въ Академіи; въ свободное же время рисовали въ окрестностяхъ Петербурга съ натуры. Мы были безмѣрно счастливы; я чувствовалъ, что подвигаюсь впередъ въ искусствѣ подъ вліяніемъ столь дароватаго товарища. Но это счастье длилось недолго. А. Ѳ. предстояло писать программу на золотую медаль. Тутъ-то злой недугъ охватилъ его. Онъ началъ терять чрезмѣрную пылкость фантазіи и энергію. Мнѣ жаль было друга. Большіе свѣтлоголубые глаза его стали меркнуть, тѣло слабѣть, а духомъ онъ все возносился за предѣлы видимаго міра.

Было одно существо въ домѣ, которое понимало и цѣнило его. И все, что онъ производилъ въ послѣднее время, посвящалось ей. Кромѣ меня, умирающій никого не допускалъ изъ постороннихъ. Я же былъ ему необходимъ, такъ какъ мнѣ онъ повѣрялъ свои задушевныя мысли и чувства. Въ послѣднее время онъ даже не посѣщалъ своего обожаемаго профессора, а ранѣе Брюловъ посылалъ и за нимъ въ числѣ любимыхъ учениковъ, для вечернихъ чтеній въ своей квартирѣ. Я былъ неотлучно при А. Ѳ. Однажды, съ восходомъ солнца, онъ безъ страданій на вѣки закрылъ глаза. Послѣднее слово его было «Надежда»—имя той особы, которую онъ любилъ и которая соединила его съ вѣчностью.

Самая оконченная изъ работъ Эйхена «Св. Іеронимъ», за которую онъ получилъ серебряную медаль перваго достоинства, находится въ ихъ семействѣ. Старикъ Эйхенъ скончался чрезъ годъ послѣ сына; мать съ дочерьми выѣхали въ Финляндію въ свое имѣніе Кангасъ-Лахте. Долго еще для нихъ я оканчивалъ начатыя работы Александра Ѳедоровича.

Въ началѣ 1847 года адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ просилъ Ивана Константиновича Айвазовскаго найти художника для съемки береговыхъ видовъ при составленіи новаго изданія морскихъ картъ. Айвазовскій предложилъ мнѣ это мѣсто, которое я принялъ съ восторгомъ.

Опись Мраморнаго моря была предпринята съ научною цѣлью. Она должна была производиться на турецкомъ бригѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и турецкіе офицеры могли пріобрѣсти знанія по части гидрографіи и частію астрономіи. Потребовалось немедленное мое отправленіе въ г. Николаевъ (Херсонской губерніи), гдѣ было мѣстопребываніе Михаила Петровича Лазарева—начальника всѣхъ портовъ черноморскаго флота. Явившись къ нему, я вручилъ утвержденное генералъ-адмираломъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ мое прошеніе на службу и оставался въ г. Николаевѣ только нѣсколько дней, такъ какъ уже состоялось распоряженіе корвету «Калипсо», стоящему на Одесскомъ рейдѣ подъ начальствомъ капитана Будкевича, доставить меня къ мѣсту назначенія въ Константинополь, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гидро-

графами къ начальнику описи, капитану Михаилу Павловичу Манганари, командующему шхуной «Забіяка». Въ Одессѣ мнѣ привелось ждать довольно долго по случаю непопутнаго вѣтра, почему я и успѣлъ познакомиться основательно съ городомъ и запастись хорошими художественными матеріалами на дорогу. Въ концѣ сентября я въ первый разъ вступилъ на палубу военнаго судна и тотчасъ же замѣтилъ, что на меня смотрятъ не какъ на пассажира, а какъ на служащаго. Мнѣ, какъ и офицерамъ, бывшимъ на корветѣ, производилось двойное заграничное содержаніе съ добавленіемъ столовыхъ и проч.

Общество наше состояло, кромѣ командира судна, капитана Буткевича и доктора Таубе, изъ штурманскихъ офицеровъ, опытныхъ гидрографовъ, назначенныхъ для описи и причисленныхъ къ нимъ флотскихъ офицеровъ. Каждому изъ насъ была дана каюта, а во время обѣдовъ и ужиновъ мы всѣ, кромѣ командира, сходились вмѣстѣ. Я не разлучался съ моей портфелью, куда вносилъ свои наброски и успѣлъ начертить всю нашу каютъ-компанію, какъ вдругъ на другое утро, когда корветъ нашъ при ясномъ небѣ шелъ на всѣхъ парусахъ, послѣдовало грозное приказаніе капитана всему экипажу строиться на палубѣ, что̀ и было исполнено въ ту же минуту. Глазамъ моимъ представилась самая мрачная картина, какой во всю жизнь мнѣ не приходилось видѣть.

Старшій лейтенантъ Авиновъ скомандовалъ матросамъ строиться въ двѣ шеренги, а въ средину былъ введенъ молодой матросикъ, обнаженный по поясъ. Спереди и сзади него стали два матроса со штыками по морскому уставу, и тотъ же лейтенантъ Авиновъ прочиталъ конфирмацію. Каждому матросу затѣмъ были даны по командѣ шпицрутены и съ барабаннымъ боемъ, заглушающимъ стоны, началось варварское истязаніе. При концѣ шеренги стоялъ докторъ, наблюдая за пульсомъ наказуемаго. Всѣ мы, остальные, обязательно должны были присутствовать при раздирающей душу сценѣ. Непривычный къ подобнымъ явленіямъ, я не въ состояніи былъ дать отчета моимъ ощущеніямъ. Помню только тотъ моментъ, когда докторъ далъ знакъ прекратить эту жесточайшую пытку надъ бездыханнымъ тѣломъ, и всѣ безмолвно разошлись по своимъ мѣстамъ.

Въ послѣдующее плаваніе на турецкомъ бригѣ, на которомъ производилась опись Мраморнаго моря, я видѣлъ разныя жестокія наказанія, но ни одно изъ нихъ не могло, хотя приблизительно, сравниться по ужасу съ вышеописаннымъ.

Къ вечеру того же дня небо покрылось густыми облаками; вѣтеръ началъ свѣжѣть. Я не выходилъ изъ своей каюты: меня начало клонить ко сну. На палубѣ при уборкѣ парусовъ происходило большое движеніе. Съ тѣхъ поръ я уже не могу ничего ясно припомнить. Всѣ моряки

работали цѣлую ночь, я это слышалъ, потому что не могъ спать. Колыханіе корвета дѣлалось все ощутительнѣе, и я началъ чувствовать особаго рода безпокойство и муку, похожую на головной угаръ. Было желаніе стать на ноги, но головы я не могъ приподнять, и мнѣ казалось, что всѣ предметы движутся и кружатся со мною вмѣстѣ. При тускломъ свѣтѣ я различалъ только одного штурмана съ картой и компасомъ, для опредѣленія направленія судна, но я не рѣшался просить помощи, чтобы не показаться трусливымъ. Суматоха все болѣе увеличивалась; штормъ былъ наисильнѣйшій. Но нашъ великанъ-корветъ «Калипсо» когда-то боролся съ океанскими волнами. Качка не уменьшалась и обратилась въ килевую, которая переносится еще труднѣе. Такъ продолжалось всю ночь. Когда начало разсвѣтать, я услышалъ команду «на гротъ-мачту» и затѣмъ возгласъ «берегъ». При этомъ словѣ я точно какъ бы отрезвился и могъ встать на ноги. Тутъ командиръ вспомнилъ обо мнѣ: «что-то дѣлаетъ молодой художникъ? Подайте его сюда на палубу! Онъ не видалъ еще морской волны». Меня схватили, привязали къ мачтѣ, потому что я не могъ удержаться на ногахъ, и моимъ глазамъ представилась картина, какую только я могъ нарисовать себѣ въ моемъ воображеніи. Я видѣлъ разъяренную стихію въ ея величественной красотѣ. Мнѣ представлялось, что весь нашъ экипажъ съ одной громаднѣйшей вершины волны бросается въ морскую пучину и снова подымается на еще бо́льшую высоту разъяренныхъ волнъ и въ схваткѣ этой остается непобѣдимымъ. Особое чувство страха овладѣвало мною и между тѣмъ, какъ ни жутко было мнѣ погружаться въ холодную волну, я не въ состояніи былъ отвести глазъ отъ этой картины. Откуда пришла ко мнѣ бодрость со словомъ «берегъ!» Не есть ли это примѣръ могущества духа надъ тѣломъ, не испыталъ ли то же самое каждый изъ насъ въ борьбѣ съ житейскимъ моремъ?! Вотъ тѣ мысли, которыя посѣтили меня первый разъ въ жизни. Вѣтеръ между тѣмъ замѣтно началъ утихать, выглянуло солнце, осушило и отогрѣло насъ. Я уже не сходилъ съ палубы, чтобы видѣть работу молодцовъ-матросовъ, съ неимовѣрной быстротой исполнявшихъ команду самого капитана. Разбушевавшееся море стало утихать въ особенности, когда мы входили въ проливъ Босфора и, наконецъ, въ тихія воды Буюкъ-Дере. Желанный край, о которомъ я мечталъ съ юношескихъ лѣтъ!...

Вся команда принялась за обычную очистку судна и стала охорашиваться; начались приготовленія для спуска якоря. Мы увидали это предмѣстье Константинополя въ самый картинный моментъ, при закатѣ солнца, сначала въ туманѣ и, приблизясь, стали на рейдѣ. Глазамъ моимъ представились загородные дворцы, позлащенные солнцемъ, гдѣ всѣ европейскіе посланники проводятъ лѣто въ роскошной зелени садовъ и благоуханныхъ кипарисовъ.

ками я занимался своимъ собственнымъ альбомомъ, внося туда наброски всего того, что находилъ замѣчательнымъ съ натуры.

Мы познакомились и подружились съ турками, славными ребятами, но до такой степени неразвитыми и неподготовленными, что не мыслимо было, чтобъ они могли слѣдить за описью и астрономическими наблюденіями, при всѣхъ стараніяхъ нашихъ гидрографовъ научить ихъ. Капитанъ брига былъ, можно сказать, отважный морякъ, во время штормовъ работалъ неутомимо одинъ за всѣхъ, за то, въ свободное время, любилъ предаваться кейфу. По назначенію и выбору нашего описателя, онъ обязанъ былъ во всякое время сняться или бросить якорь. Онъ это безпрекословно исполнялъ, дружелюбно относясь къ намъ во все время плаванія. Жизнь на судахъ удивительно какъ сближаетъ людей! Вскорости мы всѣ стали говорить по-турецки. Одинъ изъ нашихъ гидрографовъ—. Родіоновъ, въ два года такъ изучилъ турецкій языкъ, что могъ свободно читать коранъ и писать по-турецки. Онъ пользовался поэтому высокимъ авторитетомъ ученаго между турками. Меня же они называли (ресимжи-баши). Рисунки мои плѣняли ихъ, и они выражались (чокъ марафетъ), т. е. много искусства. Впрочемъ, это слово примѣняется у турокъ ко всякому новому изобрѣтенію и ко всѣмъ искусствамъ вообще. Морской воздухъ, чудесная природа, красивыя мѣстности, въ которыхъ мы останавливались, дѣйствовали на меня обаятельно. Въ началѣ плаванія въ Мраморномъ морѣ мы еще не посѣщали замѣчательныхъ портовъ, а останавливались только въ мѣстечкахъ, но такихъ живописныхъ, что никогда нельзя забыть ихъ. Различные типы поселянъ турокъ, грековъ, армянъ и множество другихъ племенъ такъ и просились на картину, въ особенности прелестны дѣти до 10-ти-лѣтнаго возраста. Глухіе сады и рощи заманивали насъ подъ свою тѣнь. Въ исходѣ сентября мы еще застали жаркое время и сочные плоды, но что особенно—это чистый, ароматичный воздухъ и безоблачное голубое небо въ прибрежьяхъ моря, въ противоположность нашему сѣверу, навѣвающему тоску и уныніе. Мы свободно входили въ турецкіе дома, потому что имѣли при себѣ фирманъ отъ султана, т. е. разрѣшеніе, и были принимаемы тамъ радушно.

Сколько разъ жители деревень были недовольны тѣмъ, что съ нихъ рисуютъ, но когда видѣли фирманъ, то выпрашивали себѣ эти рисунки. Особенно восхищали меня въ то время въ деревняхъ чистота и простота нравовъ и плѣнительная любовь къ природѣ, которая теперь выводится. При томъ въ наше благодатное время турки какъ-то особенно благоволили къ намъ, обыкновенно называя насъ добрыми москвичами.

Работы по описи продолжались до половины ноября мѣсяца, когда начались дождливые, ненастные дни, и мы поневолѣ должны были возвратиться на свою шхуну, гдѣ многіе изъ описателей оставались зимою.

Мнѣ же разрѣшено было поселиться въ городѣ. Квартира директора почтамта г. Фродинга находилась на главной Перской улицѣ, недалеко отъ дворца русскаго посольства.

Мнѣ было дано отдѣльное помѣщеніе въ домѣ г. Фродинга, очень свѣтлое, въ верхнемъ этажѣ, гдѣ я могъ заниматься живописью и куда приходилъ ко мнѣ 9-ти-лѣтній сынъ Фродинга—Ваня, съ своимъ гувернеромъ, французомъ, для уроковъ рисованія. Ваня росъ безъ матери, съ 5-ти-лѣтняго возраста къ нему приставлена была бонна-гречанка. Гувернеръ М-г Gunin занимался его воспитаніемъ, и мальчикъ по своимъ способностямъ подавалъ большія надежды. Время я проводилъ довольно разнообразно, посѣщая нѣкоторые семейные дома армянъ. Надобно замѣтить, что тогда армяне были въ Константинополѣ въ большомъ почетѣ. Они люди съ состояніемъ, имѣютъ банкирскія конторы, живутъ довольно скромно, дѣтей воспитываютъ въ Парижѣ, знаютъ европейскіе языки. Армянскія женщины одѣваются очень изысканно, замѣчательно красивы и граціозны. Гречанки не менѣе славятся красотою, но малы ростомъ. Я сдѣлалъ нѣсколько акварельныхъ портретовъ по заказу, но потомъ отказывался, чтобъ больше имѣть времени для обозрѣнія Константинополя и его окрестностей, для чего не жалѣлъ денегъ. Прогулки эти совершались болѣе верхомъ на лошади въ сопровожденіи гувернера. М-г Gunin былъ очень веселый и пріятный собесѣдникъ. Я глубоко почувствовалъ свой недостатокъ историческихъ свѣдѣній для того, чтобъ сознательно оцѣнить каждое достопримѣчательное мѣсто вѣчнаго города, расположеннаго на холмахъ, и увлекался только его живописностью. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи едва-ли существуетъ въ мірѣ что-либо роскошнѣе и картиннѣе. При томъ безконечное смѣшеніе различныхъ національностей и замѣчательные ихъ типы приковываютъ вниманіе наблюдателя. Къ величайшему моему удовольствію я познакомился съ архитекторомъ Фасатти, которому при посредствѣ русскаго правительства были предоставлены занятія по реставрированію Софійской мечети. Я имѣлъ благодаря ему свободный входъ въ эту древнюю святыню. По истинѣ Фасатти оказалъ величайшую заслугу изобрѣтеніемъ особаго цемента, которымъ замаскировалъ всю мозаику временъ христіанства для сохраненія ея на вѣчныя времена, а также роскошнымъ изданіемъ рисунковъ нынѣ Софійской мечети. Кромѣ того я встрѣчался съ высокоталантливымъ живописцемъ Прематци и многими учеными иностранцами-туристами въ домѣ г. Фродинга. Онъ былъ извѣстенъ какъ старожилъ въ Константинополѣ, славился хлѣбосольствомъ и былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Къ счастью, уроки рисованія маленькаго Вани шли успѣшно въ то время, хотя мальчикъ росъ безъ матери, но обнаруживалъ хорошія способности.

Заслуживъ вниманіе почтеннаго старика Фродинга, я чрезъ него

имѣлъ доступъ во многіе турецкіе дома, что дало мнѣ возможность видѣть обрядности турокъ.

При безпрерывно новыхъ впечатлѣніяхъ я не замѣчалъ, какъ проходило время и какъ насталъ 1848 годъ. Зима была сравнительно совсѣмъ не суровая: большею частью дожди и холодные вѣтры; температура не свыше 10 градусовъ. Печей въ жилыхъ домахъ я вовсе не видалъ; мою комнату обогрѣвалъ мангалъ въ родѣ жаровни, который помѣщался посреди ея, гдѣ постоянно тлѣли угли. Это было бы не выносимо для непривычнаго, ежели бы въ каждомъ домѣ не были устроены вентиляторы. Нечистота и зловоніе мрачныхъ улицъ Константинополя, часто не мощеныхъ, приводятъ въ отчаяніе пѣшехода. Всякій, вышедшій изъ дома безъ фонаря и провожатаго турка, рискуетъ быть укушеннымъ собаками. Съ наступленіемъ утра, эти собаки сами удаляются въ поле и тогда уже не вредятъ никому. Турокъ-ремесленникъ необыкновенно честенъ и исполняетъ свою работу съ удивительною добросовѣстностью. Хотя турокъ эгоистъ, но въ простомъ народѣ вообще, въ нижнемъ сословіи въ то время по воспоминаніямъ я замѣчалъ рѣдкія добродѣтели: вѣрность своему слову и неиспорченность нравовъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ на столько потеплѣло, что показались бутоны шиповника и другихъ цвѣтовъ, красиво вьющихся около кипарисовъ, и въ мартѣ я снова началъ свои прогулки по окрестностямъ. Чтобъ составить себѣ малѣйшее понятіе о нихъ, нужно отправиться на каикѣ въ противуположную сторону Босфора—Скутари, подняться на высокую гору Кускунжукъ и оттуда обозрѣть Константинополь со всѣми его окрестностями; или же побывать на близъ лежащихъ Принцевыхъ островахъ. На рейдѣ уже появился турецкій бригъ, и намъ предстояло готовиться въ путь, чтобъ составить перечень всѣхъ мѣстъ, посѣщенныхъ нами въ это плаваніе, нужно было открыть карту Мраморнаго моря и прослѣдить за всѣми движеніями брига.

Мы испытывали въ это время невыносимыя жары и во избѣжаніе заразы принуждены были спасаться въ тѣнистыхъ и прохладныхъ мѣстностяхъ по берегамъ моря. Однажды по случаю страшнаго бора, продолжавшагося двѣ недѣли, я былъ уволенъ на берегъ и проживалъ въ греческой деревнѣ; прибывъ же въ портъ Гюмлекъ, составилась компанія офицеровъ, задумавшая отправиться верхомъ въ Бруссу, отстоящую отъ Гюмлека въ 40 верстахъ; я присоединился къ нимъ. По дорогѣ насъ застигла въ горахъ страшная буря, и мы скоро растеряли другъ друга. Когда я очутился одинъ посреди горъ и ущелій, при раскатахъ грома и подъ проливнымъ дождемъ, то началъ терять присутствіе духа и довѣрился коню. Неумолкаемые оглушающіе раскаты грома между горами и крупный градъ заставили коня стремительнѣе вѣтра понести меня. Израненный градомъ и измокшій до костей (я былъ въ

шелковомъ пиджакѣ и соломенной шляпѣ), я чувствовалъ себя прилипшимъ къ коню, но не знаю, какой силой могъ удержаться на немъ. Едва дыша и изнемогая, почти безъ сознанія, я промчался десять верстъ. Но каково было мое удивленіе, когда я очутился у порога гостиницы въ предмѣстьи Бруссы, куда привычная лошадь по инстинкту меня примчала.

Первымъ моимъ движеніемъ, также инстинктивнымъ, когда вошелъ я въ гостиницу, было схватить стаканъ и съ жадностью выпить зеленой полынной водки. Затѣмъ прислуга раздѣла, перемѣнила бѣлье и положила меня въ мягкую чистую постель; меня обуялъ благодатный сонъ. Проспавъ ровно цѣлыя сутки, я самъ проснулся и, самому трудно вѣрится, почувствовалъ себя на столько бодрымъ, что захотѣлъ подкрѣпиться пищей и пуститься странствовать по городу.

Я находился въ Бруссѣ—древней столицѣ Турціи! То, что представилось глазамъ моимъ, было совершенно ново и превзошло ожиданія. Громаднѣйшій городъ амфитеатромъ живописно раскинулся у подошвы Олимпа, вершина котораго, застилаемая облаками, едва была примѣтна. Весь городъ стлался по холмамъ, украшенныхъ ярко-зелеными садами и пестрѣющими цвѣтами, а на этомъ фонѣ рисовались полуразрушенныя башни—остатки древнихъ укрѣпленій; безчисленное множество мечетей съ легкими и стройными минаретами, съ густо сбившимися домами, довершало очарованіе. Долго не могъ отвести я глазъ отъ этой картины.

Древнія цистерны (водохранилища), фонтаны во вкусѣ мавританскомъ, мусульманскія кладбища подъ тѣнью кипарисовъ,—все это живетъ въ моей памяти, даже въ настоящую минуту пробуждаетъ восторгъ.

Мнѣ было бы трудно прослѣдить всѣ рейсы въ продолженіе лѣта. Предо мной промелькнули островъ Арапларъ съ древнимъ монастыремъ св. Георгія, Родосто, островъ Антигона, извѣстный по историческимъ событіямъ, портъ Артаки, замѣчательный по мѣстоположенію. Сверхъ того мы останавливались въ мѣстечкахъ: Урутья, Галлиполи, Армутлы, Эрмени-Кіой, армянская деревня, гдѣ я познакомился съ обычаями моихъ соотечественниковъ—армянъ, съ ихъ занятіями шелководствомъ (тогда еще не существовало усовершенствованнаго способа размотки шелка), съ свадебными обрядами ихъ и разными ремеслами ихъ еще въ первобытномъ состояніи. Мнѣ легко было бы составить альбомъ, полный рисунковъ всего, что производило на меня впечатлѣніе, но я могъ рисовать съ натуры только урывками. Описатель М. П. Манганари торопилъ меня съ тѣми видами, которые необходимы были для лоціи. Они дѣлались во время самаго плаванія брига на всѣхъ парусахъ, тѣмъ не менѣе требовалась точность въ общихъ очертаніяхъ. Въ послѣднее наше плаваніе чрезъ Дарданеллы въ Архи-

пелагъ—грозныя укрѣпленія и многія новыя замѣчательныя мѣста мелькали предъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ, оставляя только смутное воспоминаніе. Видно было, что дѣлались послѣдніе промѣры и опредѣленія мѣстъ. Опись была окончена, и мы, по предписанію, должны были возвратиться въ Константинополь.

По прибытіи въ Константинополь, къ большому нашему сожалѣнію мы должны были готовиться къ возвращенію въ г. Николаевъ, чтобы сдать свою работу начальнику Гидрографическаго депо, адмиралу Кумани.

Благополучно прибывъ въ Севастополь, мы обязаны были выдержать двухнедѣльный карантинъ. Въ эту эпоху, т. е. въ 1849 году, Севастополь все болѣе и болѣе украшался зданіями. Это любимое созданіе знаменитаго командира черноморскихъ портовъ М. П. Лазарева росло съ каждымъ днемъ и укрѣплялось.

Къ концу октября мы достигли до желанной цѣли нашего заграничнаго путешествія, прибыли въ г. Николаевъ, гдѣ ожидали отчета въ своихъ трудахъ. Описатель капитанъ М. П. Манганари представилъ занятія каждаго изъ насъ отдѣльно, и мы были вознаграждены вниманіемъ высокопросвѣщеннаго всѣми, уважаемаго маститаго нашего начальника М. П. Лазарева. Онъ не замедлилъ заявить о нашихъ трудахъ генералъ-адмиралу, который въ непродолжительномъ времени посѣтилъ г. Николаевъ. Началось приведеніе къ концу сего ученаго труда и приготовленіе моихъ рисунковъ начисто—для гравированія на стали.

Я пользовался особеннымъ благоволеніемъ Михаила Петровича Лазарева и семейства его, занимаясь въ домѣ преподаваніемъ уроковъ рисованія его дѣтямъ.

Въ Гидрографическомъ депо подъ моимъ наблюденіемъ открыта была школа для приготовленія литографовъ и граверовъ.

Для этого мнѣ предоставлялись всевозможныя средства. Въ то же время я имѣлъ занятія въ Гардемаринской школѣ, въ Штурманскомъ училищѣ и занятія по адмиралтейству.

Это была счастливѣйшая эпоха въ моей жизни, въ теченіе которой я сознавалъ, что дѣятельность моя приноситъ пользу обществу, но счастіе это не долго длилось.

Въ 1852 г. здоровье великаго дѣятеля и устроителя черноморскаго флота адмирала Лазарева дотого пошатнулось, что и за границею не могли его спасти отъ тяжкой болѣзни. Насталъ для всѣхъ насъ день ужасной незамѣнимой потери, когда весь флотъ собрался, чтобы предать его останки той землѣ, гдѣ онъ оставилъ послѣ себя несокрушимый вѣковѣчный памятникъ!..

Управленіемъ черноморскаго флота временно занимался адмиралъ Синицынъ, заслуженный морякъ.

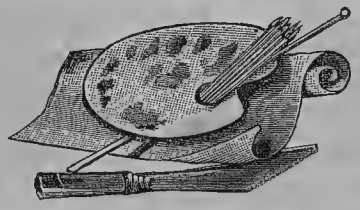
Съ наступленіемъ 1853 г. пре[illegible]алась мирная спокойная жизнь. Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, тогда начальникъ штаба, еще нѣкоторое время посѣщалъ наши занятія въ депо, но военныя дѣйствія должны были начаться и нарушить нашъ покой.

Время, проведенное мною на службѣ въ качествѣ морскаго живописца съ 1848 по 1853 г. въ г. Николаевѣ, было достославнымъ въ лѣтописяхъ черноморскаго флота. М. П. Лазаревъ, наваринскій герой, во время управленія флотомъ приготовилъ новыхъ героевъ, достойнѣйшихъ своихъ сподвижниковъ, адмираловъ—Нахимова, Корнилова, Истомина, Шестакова и другихъ, которые обезсмертили себя и Россію при защитѣ Севастополя.

Когда я вернулся съ описи Мраморнаго моря, В. А. Корниловъ занималъ мѣсто начальника штаба при М. П. Лазаревѣ и былъ правой рукой во всѣхъ его предначертаніяхъ. Онъ постоянно наблюдалъ за всѣми работами, производимыми въ Гидрографическомъ депо, въ адмиралтействѣ и во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ того времени. Я пользовался въ особенности милостивымъ вниманіемъ главнаго начальника и супруги его, Екатерины Тимоѳеевны, которая имѣла рѣдкій даръ соединять общество въ г. Николаевѣ, и по добродушію своему съ цѣлью благотворительною она устраивала, любительскіе спектакли и живыя картины, поручая мнѣ устройство и завѣдываніе маленькимъ театромъ и снабжая меня обильными средствами.

Жилось тогда въ Николаевѣ такъ счастливо и безмятежно, что всѣ благословляли свою судьбу—пока жизнь города не омрачилась кончиной М. П. Лазарева и не начались событія 1853 года.

М. Меликовъ.



Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1896 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Автобіографическая записка государственнаго секретаря Василія Романовича Марченки. 1782—1838. II—III. Сообщ. проф. В. А. Бильбасовъ . . .	стр. 3—20, 291—317
II.	Клочки воспоминаній. I—II. А. Стаховича,	стр. 39—56, 347—368
III.	На рубежѣ двухъ эпохъ. (Изъ личныхъ воспоминаній). Гл. IX—XII. М. Л. Песковскаго.	57—78
IV.	Изъ воспоминаній о послѣднемъ офицерѣ арміи Наполеона I (къ портрету Н. А. Савена) К. Военскаго.	109—114
V.	Записки Михаила Чайковскаго. Переводъ съ польскаго В. В. Тимощукъ. IX—XI,	стр. 155—181, 391—405
VI.	Императоръ Николай въ 1828—1829 гг. (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа). I.—1828 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ .	471—510
VII.	Въ двухъ университетахъ. (Воспоминанія 1837—1843 гг.). Н. Ф. Оже-де-Ранкуръ.	571—582
VIII.	О современной политической и внутренней жизни Россіи. (Записка 1855 г.). . . .	633—642
IX.	Замѣтки и воспоминанія художника-живописца М. Е. Меликова	643—674

Портреты.

I. Портретъ Н. А. Савена. Грав. К. Адтъ.
(При 4-й книгѣ).

II. Портретъ графа В. А. Перовскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 5-й книгѣ).

III. Портретъ императора Николая I (гравюра 1836 г.).
(При 6-й книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	стран.
I. Пребываніе Петра Великаго въ Австрійскихъ Нидерландахъ въ 1717 году	21—29
II. Письма А. С. Шишкова графу Д. И. Хвостову .	33—38
III. Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Гл. IV—V. Барона Н. В. Дризена, ... стр. 79—96,	369—390
IV. Архимандритъ Петръ Каменскій, начальникъ десятой Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ. Гл. XII—XIII. Апол. Можаровскаго.	97—108
V. Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка. Гл. XII—XIII.	115—153
VI. Письмо бурмистра своимъ помѣщикамъ. Сообщ. кн. А. Н. Голицынъ.	154
VII. Козловскій однодворецъ П. М. Захарьинъ. Сообщ. Анд. Никольскій	183—190
VIII. Изъ бумагъ В. Г. Теплякова. Сообщ. А. Ѳ. Шидловскій	191—212
IX. Тридцать пятая годовщина дня освобожденія крестьянъ	213—216
X. Князь В. А. Черкаскій и гражданское управленіе въ Болгаріи. 1877—1878 гг. Гл. XVI. Д. Г. Анучина.	225—266
XI. Россія и Англія въ Турціи въ 1876—1877 гг. (страница изъ современной исторіи). Гл. I . .	267—287
XII. Истина и благодарность. (Голосъ «Современника» въ защиту кн. Кутузова). Гавр. Ермолаева.	288—290
XIII. Письмо композитора, Алексѣя Львова, къ г. Петерсу	318

стран.

XIV. Письма графа А. А. Аракчеева барону Б. Б. Кампенгаузену и Ѳ. Е. Бухмейеру (1816—1823 гг.). 319—346
XV. Письмо А. И. Чернышева графу А. А. Аракчеву. 406—408
XVI. Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ. Гл. I—VIII. П. Л. Юдина, стр. 409—429, 521—551
XVII. Два письма Н. Ушакова Д. Н. Бантышъ-Каменскому 430
XVIII. Московскій купецъ конца XVII вѣка, по отзывамъ иностранца-современника. (Историко-библіографическая замѣтка). Акад. Ив. Янжула. 431—441
XIX. Нѣсколько словъ въ память императора Николая I-го. Н. Д. . . . . 449—470
XX. Собственноручныя письма императора Николая I-го. I—V . . . . . 511—520
XXI. Графъ Толь—императору Николаю I-му. 29 мая 1831 года. 552
XXII. Къ исторіи царствованія императора Николая I-го. (Письма и замѣтки). 1—20. . . . . 553—570
XXIII. Депеши императора Николая I-го императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и наслѣднику цесаревичу въ 1849 году. 1—53. . . . . 583—596
XXIV. Мелкіе разсказы М. М. Попова. 1—8. . . . 597—614
XXV. Болѣзнь и кончина императора Николая Павловича. А. Ѳ. Шидловскаго . . . . . 615—631
XXVI. Рескриптъ императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя министра финансовъ 29 іюня 1817 г.—Письмо великаго князя Михаила Павловича Ст. Ром. Лепарскому 22 сентября 1816 г. . . . 632

Исторія русской литературы.

стран.

I. Потребности Россіи, высказанныя неизвѣстнымъ поэтомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія . . . 30
II. Бостонъ. Стихотв. . . . . 31—32
III. Стихотвореніе «ура!», написанное по поводу Восточной войны 1853—1856 гг. Кн. Дм. Долгорукова. 182

Библіографическіе указатели.

стран.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ концѣ 1895 года и въ началѣ 1896 года . . . . . стр. 217—224, 442—447, 675—680

Библіографическій листокъ.

1. Михаилъ Ивановичъ Семевскій, основатель историческаго журнала «Русская Старина», его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 гг. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ М. И. Семевскаго и факсимиле его письма. Біографическій очеркъ, составленный В. В. Тимощукъ, съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. К. Шильдера. Спб. 1896 г. (на оберткѣ апрѣльской книги).
2. Акты домашняго архива гг. Змеовыхъ. Изъ «Чтеній въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ». Съ предисловіемъ А. И. Миловидова (тамъ же).
3. Н. Н. Филипповъ. Нѣсколько историческихъ замѣчаній о чешскомъ военномъ искусствѣ и о главнѣйшихъ его дѣятеляхъ. Спб. 1896 г. (тамъ же).
4. Цареградская патріархія и православіе въ Европейской Турціи. Сочиненіе Костадина, переводъ съ сербскаго и предисловіе Дм. Ничольскаго. Спб. 1896 г. Н. К-ш-а (на оберткѣ майской книги).
5. Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловскимъ. Спб. 1896 г. Н. К-ш-а (тамъ же).
6. Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть первая (Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія). Изданіе коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва. 1894 г. (на оберткѣ іюньской книги).
7. То же. Часть вторая (Германія и Италія). Москва. 1896 г. Н. К-ш-а (тамъ же).
8. Письма А. С. Стурдзы къ Иннокентію, архіепископу херсонскому и таврическому. Одесса. 1894 г. Н. К-ш-а (тамъ же).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

и Лигницъ и остановясь въ Вѣнѣ инкогнито, отдалъ себя въ покровительство цесарское. Вслѣдствіе сего для отысканія его посланъ 20-го декабря изъ Амстердама въ Вѣну бывшій при цесарскомъ дворѣ резидентъ Аврамъ Веселовскій съ государевою къ цесарю, отъ того же числа писанною, грамотою о выдачѣ его, цесаревича, Веселовскому. Въ началѣ марта вслѣдъ за посланнымъ въ Вѣну Веселовскимъ отправленъ туда же гвардіи капитанъ Александръ Румянцевъ, который, пріѣхавъ туда 19-го марта, узналъ, что цесаревичъ Алексѣй Петровичъ изъ Вѣны отправленъ уже тайно въ Тироль, въ крѣпость Еренсбургскую, а оттуда перевезенъ въ Неаполь".

Первая часть работы Н. Н. Бантыша-Каменскаго печаталась, по дополненному послѣ 1800 года авторомъ списку, подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, С. А. Бѣлокурова, которымъ сдѣланы напечатанныя въ концѣ книги „Дополненія".

То же. Часть вторая. (Германія и Италія). Москва. 1896.

Вторая часть „Сокращеннаго извѣстія о взаимныхъ между россійскими монархами и европейскими державами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ" заключаетъ въ себѣ обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи съ теперешнею Германскою имперіею, Италіею и римскими папами съ древнѣйшихъ временъ до 1762 г., т. е. переписку: а) съ имперскимъ собраніемъ или сеймомъ, б) съ имперскими курфирстами, в) съ герцогами, князьями, графами и прочими имперскими чинами, а также переписку съ имперскими и другими вольными городами и итальянскими владѣтелями.

Наборъ этой второй части труда Н. Н. Бантыша-Каменскаго производился съ бѣловаго списка, а корректура держалась по обоимъ спискамъ, такъ какъ въ бѣловомъ экземплярѣ попадались описки, которыя могли быть исправлены правильнымъ чтеніемъ чернового. Печаталась вторая часть, какъ и первая, подъ наблюденіемъ С. А. Бѣлокурова, которымъ присоединены различныя дополнительныя свѣдѣнія за вторую половину XVIII вѣка.

Обѣ книги, по внѣшности, изданы прекрасно: на хорошей бумагѣ, четкимъ но вѣйшимъ (медіовальнымъ) шрифтомъ.

Н. К-ш-ъ.

Письма А. С. Стурдзы къ Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому. Одесса. 1894.

Тайный совѣтникъ Александръ Скарлатовичъ Стурдза, авторъ многихъ духовно-нравственныхъ сочиненій [1]), по оставленіи государственной службы, поселившись въ Одессѣ, всецѣло отдался дѣятельности литературной и благотворительной. Къ этому времени относятся его переводы на французскій языкъ проповѣдей митрополита Филарета и архіепископа Иннокентія, рядъ брошюръ и его извѣстныя воспоминанія, изъ которыхъ напечатаны отрывки. „Другимъ предметомъ занятій его, — говоритъ въ предисловіи къ этимъ письмамъ г. Барсовъ,—были благотворительныя учрежденія Одессы, изъ которыхъ нѣкоторыя ему обязаны своимъ возникновеніемъ".

Письма А. С. Стурдзы извлечены изъ собранія бумагъ архіепископа Иннокентія, принесенныхъ въ даръ Императорской публичной библіотекѣ Н. Х. Палаузовымъ, и содержатъ въ себѣ немало подробностей для біографіи знаменитаго іерарха и проповѣдника.

Что касается самаго изданія, то оно не можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ какъ попадается немало опечатокъ, правда, присущихъ многимъ не только провинціальнымъ (письма печатаны въ Одессѣ), но и столичнымъ изданіямъ; напримѣръ, встрѣчающіяся греческія фразы на стр. 13, 29, 41, 53 напечатаны съ грамматическими ошибками (или совсѣмъ безъ удареній, и съ неправильно поставленными удареніями и придыханіями). На 47-ой страницѣ, въ концѣ 31-го письма говорится: „Скоро буду имѣть честь представить вамъ годовой отчетъ нашъ за 1892 годъ"; тогда какъ извѣстно, что Стурдза умеръ въ 1854 году. Ни одна изъ опечатокъ не оговорена.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Его „Письма о должностяхъ священнаго сана" пользовались въ свое время немалымъ успѣхомъ и выдержали нѣсколько изданій.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

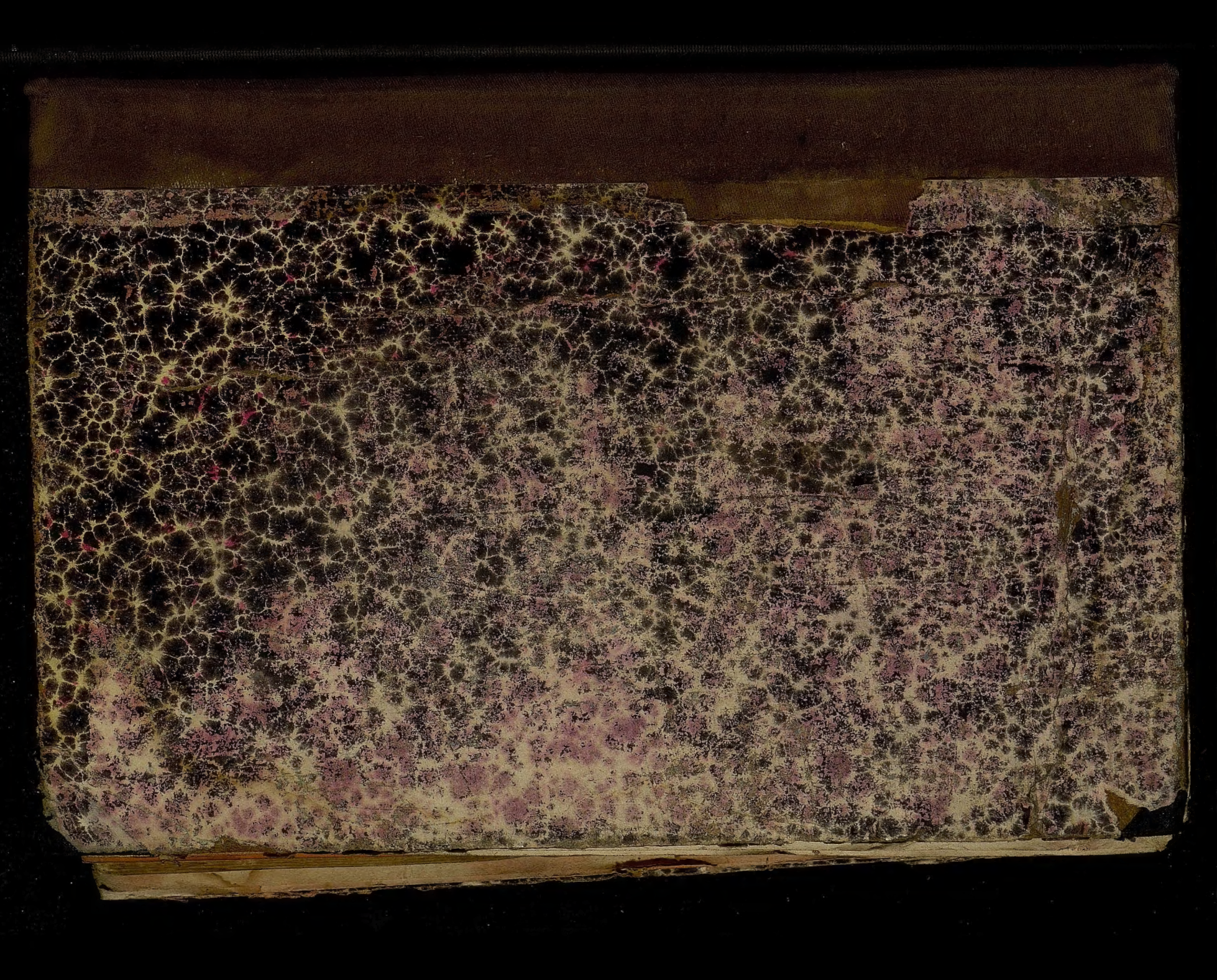
Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (бывшій Мельё и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Кота), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

☞ Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (*35 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (*24 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (*1 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (*13 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (*45 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., 12 книгъ (*206 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., 12 книгъ (*144 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (*25 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1895 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.